

Юстин Юлианович
Джанелидзе

ДНЕВНИКИ

(22.06.1941 – 14.01.1950)

Санкт-Петербург
2015

Ю.Ю. Джанелидзе

ДНЕВНИКИ

(22.06.1941 г. – 14.01.1950 г.)

Санкт-Петербург, 2015

УДК 616-089(47+57)(093.3)

ББК 54.5 г

Д40

Ю.Ю. Джанелидзе.

Дневники (22.06.1941–14. 01. 1950)

— СПб.: Издательство ООО «РА Русский Ювелир», 2015. — 704 с.: ил.

ISBN 978-5-904772-12-3

Редакционная коллегия:

В.Ф. Озеров — доктор медицинских наук, профессор, заслуженный врач РФ, Ученый секретарь ГБУ «Санкт-Петербургский научно-исследовательский институт скорой помощи имени И.И. Джанелидзе», профессор кафедры Военно-морской хирургии Военно-медицинской академии им. С.М. Кирова

И.Н. Ершова, доктор медицинских наук, ведущий научный сотрудник Санкт-Петербургского НИИ Скорой помощи им. И.И. Джанелидзе

В.А. Негрей — кандидат медицинских наук, научный сотрудник ГБУ «Санкт-Петербургский научно-исследовательский институт скорой помощи имени И.И. Джанелидзе»

В.А. Гуд — врач, член Союза писателей России

Научный редактор И. А. Вознюк — заместитель директора по научной работе Санкт-Петербургского НИИ Скорой помощи им. И.И. Джанелидзе, профессор кафедры нервных болезней Военно-медицинской академии им. С.М. Кирова

© М.Г. Джанелидзе, 2015

© ГБУ «Санкт-Петербургский научно-исследовательский институт скорой помощи имени И.И. Джанелидзе», 2015

ВСТУПЛЕНИЕ

Воспитание и формирование врача, глубоко профессионального, духовно богатого, с высокими нравственными принципами, требует от высшей школы постоянного развития, повышения качества преподавания и бережного отношения к традициям.

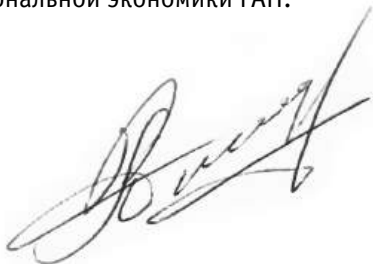
Выполнение этой важнейшей и ответственной задачи — трудный и длительный процесс, в котором постоянно совершенствуется научный и учебный опыт, практика педагога и ученика. Наибольшую ценность в успешном воспитании имеют не только глубокое знание предмета, методы обучения, материальная база, а так же настойчивость и личный опыт педагога, способного щедро делиться с учениками и коллегами любовью и трепетным отношением к профессиональным идеалам, своей преданностью медицинской науке.

Таким помнят современники высококвалифицированного клинициста-хирурга широкого профиля И. И. Джанелидзе, который не уставал повторять известное правило древних «Кто хорошо диагностирует, тот хорошо лечит». Он требовал полного изучения жалоб больного и анамнеза заболевания, тщательного и подробного физикального обследования, и только потом рекомендовал дополнительные лабораторные и другие специальные исследования для подтверждения и уточнения диагноза, знакомился с историей болезни.

Деятельность И. И. Джанелидзе была весьма разнообразной и продуктивной. По естественному ходу событий многое новое, сделанное им за годы активной деятельности, оказалось теперь уже превзойденным, но его вклад в науку и отечественную хирургию трудно переоценить. Многие его мысли и поиски в науке и практике, возможно, не получили своего окончательного развития, но они позволяют новым поколениям хирургов дальше развивать науку и хирургическую практику. Современная медицина более всего доказывает совершенствование и активное развитие экстренной и плановой хирургии. Их высокую востребованность предвидел И. И. Джанелидзе — один из величайших хирургов нашей страны, Герой Социалистического Труда, действительный член Академии медицинских наук СССР, лауреат Сталинской премии, профессор, заслуженный деятель науки РСФСР, главный хирург Военно-Морского флота Советского Союза.

Одним из самых искренних трудов Иустина Ивлиановича являются его военные дневники, сохранившие многие детали профессиональной деятельности, личной жизни, философских рассуждений и размышлений о государственных проблемах.

Дневники И. И. Джанелидзе переданы в музей ГБУ «Санкт-Петербургский НИИ скорой помощи им. И. И. Джанелидзе», издаются в открытой печати в год 70-летия окончания Великой Отечественной войны по решению внука автора Михаила Георгиевича Джанелидзе — кандидата экономических наук, старшего научного сотрудника Института проблем региональной экономики РАН.

*Директор ГБУ «Санкт-Петербургский научно-исследовательский институт скорой помощи имени И.И. Джанелидзе»,
Лауреат государственной премии,
Заслуженный врач РФ, д.м.н., профессор*
В.Е. Парфенов

ИУСТИН ИВЛИАНОВИЧ ДЖАНЕЛИДЗЕ **(1883-1950 гг.)**

Иустин (Юстин) Ивлианович (Юлианович) Джанелидзе родился 2 августа 1883 года в селе Самтредиа Кутаисской губернии в крестьянской семье. В 1903 году окончил классическую гимназию в Кутаиси и поступил в Харьковский университет, который в то время занимал одно из первых в России мест по постановке медицинского образования. Впоследствии он писал: «Меня с первого курса увлекла анатомия, целыми днями я препарировал трупы. Не знаю почему, но в это время появилась уверенность, что я буду заниматься хирургией».

К концу февраля 1905 года из-за революционных выступлений студентов университет был закрыт. В своих воспоминаниях И.И. Джанелидзе писал: «Мне, как это сделали те из многих товарищей, которые в это время еще не успели попасть в тюрьму, надо было срочно покинуть Харьков». И.И. Джанелидзе уехал в Швейцарию и поступил на медицинский факультет Женевского университета, который блестяще закончил в 1909 году, написав научную работу на французском языке «О злокачественных опухолях и специально о тератомах яичка».

В 1910 г. возвратился в Россию и сдал экзамены в Московском университете, получив звание лекаря с отличием. Переехав в Петербург в 1911 г., прослушал курсы для усовершенствования врачей при Еленинском институте (ныне СПб МАПО), сдал экзамены на степень доктора медицины в Военно-Медицинской Академии и получил право на работу по специальности в России.

С 1911 по 1914 гг. работал в госпитальной хирургической клинике профессора А.А. Кадыяна Женского медицинского института (ныне Медицинский университет им. акад. И.П. Павлова): в течение 2-х лет в качестве экстерна, а затем штатного ординатора. Будучи еще совсем молодым хирургом, 11 сентября 1911 г. одним из первых в России оперировал больного по поводу проникающего ранения сердца. В 1912 г. избран ассистентом госпитальной хирургической клиники Женского медицинского института. В конце октября 1913 г. впервые в мире успешно зашил рану восходящего отдела аорты. Вопросы ранения сердца и крупных сосудов в дальнейшем находились в центре внимания научных исследований И.И. Джанелидзе. В 1927 г., обобщая данные литературы и собственные наблюдения, опубликовал монографию «Раны сердца и их хирургическое лечение».

С началом первой мировой войны в августе 1914 г. И.И. Джанелидзе был призван на военную службу и работал в должности младшего, а затем старшего врача военно-санитарного поезда до мая 1918 г.

Возвратившись с фронта, Иустин Ивлианович уже в октябре 1918 г. был назначен ассистентом пропедевтической клиники в Женском медицинском институте, а с 16 июня 1919 г. судьба до конца жизни связала его с Центральным госпиталем скорой помощи, на базе которого был образован Научно-практический институт скорой помощи, ныне Санкт-Петербургский научно-исследовательский институт скорой помощи им. И.И. Джанелидзе.

В 1921 г. И.И. Джанелидзе избран и утвержден профессором пропедевтической хирургической клиники Женского медицинского института, которую возглавлял до 1927 г. На кафедру для чтения лекций был приглашен профессор Н.А. Вельяминов, с которым он работал в течение 2-х лет.

О профессоре Н.А. Вельяминове Иустин Ивлианович сохранил благодарную память, так же как и о профессоре А.А. Кадыяне, которого считал своим первым учителем, под руководством которого он сформировался как клиницист и хирург.

И.И. Джанелидзе большое внимание уделял вопросам организации оказания скорой медицинской помощи. В 1925 г. Ленинградским городским отделом здравоохранения он был командирован в Латвию и Швецию для ознакомления с постановкой больничного дела, а в 1926 г. направлен во Францию и Германию для изучения постановки медицинского образования и стационарной медицинской помощи.

В 1927 г. Иустин Ивлианович избран профессором госпитальной хирургической клиники I Ленинградского медицинского института, которой успешно руководил до 1950 г. В этот же период продолжал работать в больнице им. Е.П. Первухина, где с 1922 г. состоял в должности главного врача и заведующего хирургическим отделением.

Выдающийся ученый, талантливый клиницист, блестящий хирург и прекрасный организатор здравоохранения И.И. Джанелидзе придавал огромное значение развитию скорой медицинской помощи. Он внес большой вклад в развитие торакальной хирургии, лечение ожоговой болезни, травматологии, различных разделов военной медицины. Но вопросы оказания скорой медицинской помощи были для него наиболее близкими. Иустин Ивлианович постоянно заботился о совершенствовании оказания скорой помощи и повышении квалификации врачей, работающих в стационарах и на догоспитальном этапе.

И.И. Джанелидзе большое значение придавал детальному обследованию больного, щадящей технике выполнения операций, правильному и четкому написанию истории болезни. Считал, что история болезни — «это научный труд, определяющий культуру врача». Он был требователен к себе и окружающим, всегда подтянут, гладко выбрит, элегантно одет. В работе требовал строгой дисциплины, а в кругу друзей был непринужден и весел.

Иустин Ивлианович был очень доступным человеком. При поступлении тяжелого больного с неясным диагнозом его можно было вызвать для консультации в любое время суток, и он неизменно оказывал помощь в диагностике заболевания, лично участвовал в выполнении сложных операций.

Операции выполнялись в его любимой операционной — небольшой, но очень уютной, с огромными окнами, выходящими в сквер Каменноостровского проспекта. Оперировал И.И. Джанелидзе молча, спокойно, сосредоточенно, никогда не торопился. Все его действия были последовательны, логичны, красивы. Присутствующие на операциях сотрудники восхищались его бережным отношением к тканям и филигранностью работы.

Клинические разборы Иустина Ивлиановича были глубоки и интересны, обогащали знания студентов и врачей. Он был прекрасным клиницистом, редко ошибался в диагнозе, а если это порой случалось, то признавал ошибки и детально разбирался в их причинах. И.И. Джанелидзе учил врачей полноценному сбору анамнеза, правильному исследованию объективных данных, требовал полного посистемного осмотра больного. В течение всей жизни учил чуткому, бережному отношению к больному, соблюдению деонтологии, передавал им свой опыт и понятие о врачебном долге.

И.И. Джанелидзе очень серьезно относился к педагогической деятельности: во время его лекций аудитории были переполнены, лекции слушались с большим интересом и в полной тишине. В своих выступлениях он знакомил слушателей с историей вопроса, подчеркивал роль русских ученых и хирургов, их приоритет в изучении различных разделов хирургии.

Организаторская, лечебная, педагогическая деятельность И.И. Джанелидзе прекрасно сочеталась с большой научной работой. Его научные труды излагались с художественным мастерством, всесторонне освещали изучаемую проблему, все наблюдения были тщательно выверены, выводы были краткими, убедительными и имели практическую направленность.

Приходится еще и еще раз удивляться не только блестящим успехам И.И. Джанелидзе как хирурга, но также многогранностью его научных исследований и познаний во всех сферах хирургической деятельности: хирургии сердца и крупных сосудов, легких, органов брюшной полости. Он уделял внимание различным вопросам травматологии, предложил свой способ лечения вывихов суставов с применением щадящей техники — вытяжения мышц с минимальным травмированием мягких тканей, способы лечения переломов, ложных суставов, повреждений кисти, воспалительных заболеваний пальцев. Но больше всего его волновали вопросы оказания скорой помощи. Будучи заместителем директора института скорой помощи по научной работе в течение 18 лет (1932-1950 гг.), И.И. Джанелидзе вложил в развитие института свою любовь и энергию и считал институт скорой помощи своим любимым детищем.

На первом заседании Ученого совета, состоявшемся 10 апреля 1932 года, была определена структура института. Образованы 2 отделения: неотложной хирургии и неотложной терапии, что позволило учреждению приступать к оказанию круглосуточной медицинской помощи. Было также организовано отделение социальной патологии с учебным музеем и библиотекой. Помимо трех основных отделений И.И. Джанелидзе предложил создать в ближайшем будущем базовые отделения: стоматологическое, офтальмологическое, оториноларингологическое и психиатрическое. Ответственными за проведение научных исследований в них были назначены: по хирургическому отделению — профессор И.И. Джанелидзе, терапевтическому — профессор М.В. Черноруцкий, оториноларингологическому — доцент Сахаров, стоматологическому — профессор А.А. Лимберг, офтальмологическому — доктор Г.А. Барсук, психиатрическому — доктор Б.Е. Максимов.

Одновременно началась работа по формированию архива историй болезней. В первые годы в институте не было собственной прозекутуры. Эту работу выполнял выдающийся отечественный патологоанатом профессор В.Г. Шор, возглавляющий кафедру патологической анатомии I Ленинградского медицинского института.

По инициативе И.И. Джанелидзе в институте были введены утренние конференции. Позже такие конференции стали проводить во всех клиниках и больницах. В штат дежурной бригады были введены должности дежурного лаборанта и рентген-техника, а несколько позже (в 1940 году) — наркотизатора со средним медицинским образованием.

Руководство института уделяло большое внимание тесному взаимодействию учреждения с городской станцией скорой помощи. Директор института М.А. Мессель, будучи одновременно главным врачом станции скорой помощи Ленинграда, еще в 1932 году подчеркивал важность более раннего оказания медицинской помощи больным и пострадавшим. Этот показатель, определенный позднее как фактор времени, до сих пор имеет важное практическое значение.

Работа, проводимая отделением социальной патологии и профилактики, преобразованном впоследствии в научно-методический отдел института, на протяжении всей истории учреждения способствовала тесному и согласованному взаимодействию со службой скорой помощи города.

В 1934 году были опубликованы первые данные о лечебной работе института, в том числе по результатам лечения больных с острым аппендицитом. Летальность при остром аппендиците в институте в 1934 году составляла 1,24%, а в 10 крупнейших больницах города (на 4215 больных) в этот период была равна 3,2%. Лучшие результаты, полученные в институте, в значительной мере объяснялись большей концентрацией больных, особым вниманием к этому заболеванию, детальной разработкой диагностических и хирургических подходов.

На основе глубокого изучения проблемы по распознаванию и лечению острого аппендицита, организационного и методического сопровождения этого заболевания, по инициативе И.И. Джанелидзе в 1934 году была проведена городская научная конференция «Острый аппендицит и его лечение». Основные доклады на конференции были сделаны сотрудниками института.

Под руководством профессора И.И. Джанелидзе впервые была обоснована тактика срочной операции при остром аппендиците независимо от сроков воспаления червеобразного отростка. Этот принцип получил признание большинства хирургов.

В 1935 году И.И. Джанелидзе в качестве председателя Советской делегации участвовал в работе Международного съезда хирургов в Каире и в этом же году был единогласно избран хирургами Ленинграда председателем хирургического общества Пирогова. На эту почетную должность он избирался повторно 5 раз (в 1938, 1940, 1945 и 1948 годах), что свидетельствовало о величайшем уважении, признании его заслуг и авторитета.

Иустин Ивлианович Джанелидзе был хранителем лучших традиций хирургического общества Пирогова и сыграл в его деятельности важную роль, не уступающую роли С.П. Федорова, В.А. Оппеля и И.И. Грекова. «Это был один из самых ярких членов общества за все время его существования», — писал о нем профессор А.М. Заблудовский.

Постановлением президиума ВЦИК от 20 марта 1936 года И.И. Джанелидзе было присвоено звание Заслуженного деятеля науки.

В 1937 г. в Ленинграде была создана первая Всесоюзная конференция по организации и оказанию скорой помощи. На этой конференции И.И. Джанелидзе выступил с докладом «Значение раннего распознавания и ранней госпитализации при острых заболеваниях органов брюшной полости». Внедрение принятых на конференции решений способствовало улучшению результатов лечения больных с такими заболеваниями.

Иустин Ивлианович совместно с В.М. Красносельским и И.М. Рокхинд в 1937 г. опубликовал работу «О диагностике острых заболеваний органов брюшной полости в условиях внебольничной сети», в которой был представлен анализ результатов лечения в институте 10271 больного за 4 года (1932-1934 гг.). Авторы пришли к выводу о необходимости повышения уровня знаний населения о неотложных заболеваниях, повышения квалификации врачей внебольничной сети, преемственности лечения на догоспитальном и госпитальном этапах.

С целью улучшения результатов лечения больных с неотложными заболеваниями органов брюшной полости в 1937 г. по инициативе И.И. Джанелидзе при Ленинградском городском отделе здравоохранения был создан Совет по неотложной хирургии, как консультационный орган для объединения организационной и методической работы. Были разработаны стандартные истории болезни. Стационары, работающие по скорой помощи, усилены дополнительными штатами. Совет взял на себя контрольно-обследовательские функции и на ряде выездных заседаний заслушивал доклады заведующих хирургическими отделениями больниц города. Совет по неотложной хирургии способствовал улучшению результатов лечения больных с острыми хирургическими заболеваниями органов брюшной полости, повышению грамотности населения в этой патологии. Последнее заседание Совета по неотложной хирургии в довоенные годы состоялось 29 мая 1941 г., и работа его возобновилась лишь после окончания Великой Отечественной войны.

В 1938 г. была проведена городская научно-практическая конференция по острой кишечной непроходимости, на которой была глубоко проанализирована, выработана и рекомендована к практическому применению лечебная тактика комплексного лечения острой кишечной непроходимости. Принятые на конференции решения о необходимости раннего распознавания заболевания, ранней госпитализации и, при необходимости, ранней операции привели к снижению летальности при этом заболевании. Конференции по острому аппендициту (1934 г.) и по острой кишечной непроходимости (1938 г.), организованные по инициативе и при непосредственном участии И.И. Джанелидзе, по числу участников и важности принятых решений соответствовали уровню Всесоюзных съездов. Изданные материалы конференций служат настольной книгой для многих поколений хирургов.

Возглавляя научную работу учреждения, И.И. Джанелидзе активно привлекал к ней не только сотрудников института, но и известных в городе и в стране профессоров Г.Ф. Ланга, И.С. Бабчина, М.Д. Тушинского, В.А. Шаак, М.В. Черноуцко, А.Я. Цигельника.

1939 год был очень богат событиями, имеющими непосредственное отношение к незаурядной личности И.И. Джанелидзе. Иустин Ивлианович был назначен Главным хирургом Военно-Морского флота в звании дивизионного врача, избран депутатом Ленинградского городского Совета депутатов трудящихся и членом комиссии по здравоохранению городского Совета, организовал первую в Ленинграде городскую конференцию медицинских сестер. В этом же году коллектив института приступил к разработке вопросов военно-полевой хирургии по теме «Огнестрельные ранения легких».

29 апреля 1939 г. по инициативе и под руководством И.И. Джанелидзе было проведено совещание по лечению ожогов, в работе которого участвовали выдающиеся ученые страны: А.А. Заварзин, И.Р. Петров, В.Г. Шор, О.С. Гордокс. Были намечены пути изучения патогенеза, диагностики и лечения ожогов и ожогового шока. Отмечена необходимость концентрации больных с ожогами в одном лечебном учреждении, т.е. создание ожогового центра. Так было положено начало специализированному лечению ожогов в стране. В короткие сроки в институте была разработана

методика комплексного лечения ожогов: первичная хирургическая обработка, закрытый способ лечения, усиленное белковое питание пострадавших, ранняя пересадка кожи и т.д.

В 40-е годы И.И. Джанелидзе вновь возвращается к работам, начатым десятилетие назад, — хирургическому лечению поврежденных кисти и сухожилий. По этому важному разделу хирургии им было опубликовано 15 научных работ. В 1940 году он планирует издание книги «Хирургия кисти». Этот замысел не был осуществлен, но в последующие годы И.И. Джанелидзе вновь возвращался к данному вопросу, интересовался постановкой дела по лечению раненых в кисть в специализированном госпитале и считал целесообразным создание центра хирургии кисти.

Весной 1940 г. по инициативе И.И. Джанелидзе проведена первая общегородская конференция медицинских сестер, на которой был поставлен вопрос о необходимости повышения квалификации переподготовки среднего медицинского персонала.

В период советско-финляндской войны И.И. Джанелидзе был консультантом госпиталей Ленинграда. Он проводил большую лечебную и организационную работу по созданию единых методов лечения ранений различной локализации, а также ожогов и отморожений. За успешную работу И.И. Джанелидзе был награжден орденом Ленина. Директор института А.Р. Грушкин, хирург Д.А. Лемберг, медицинские сестры О.И. Трейман, Е.М. Медианц, С.М. Витушкина награждены знаком «Отличнику здравоохранения».

В первые месяцы Великой Отечественной войны И.И. Джанелидзе находился в Ленинграде. 3 декабря 1941 года он был вынужден расстаться с Институтом скорой помощи. По распоряжению Наркомата Военно-Морского флота он был отозван из блокированного города и направлен в Вологду, а затем в Киров, куда впоследствии была эвакуирована Военно-Морская медицинская академия. Он выезжал на действующие флоты, оперировал, оказывал консультативную помощь хирургам, организовывал подготовку хирургических кадров для ВМФ. В это же время он продолжал и свою научную работу: совместно с М.Г. Каменчик опубликовал статью «Тысяча случаев оперативного лечения ран сердца», «Ожоги и их лечение» (1941 г.), провел сотую операцию по удалению инородных тел легкого. За образцовое выполнение заданий командования Иустин Ивлианович был награжден орденом Красного Знамени. В январе 1943 года принял руководство кафедрой госпитальной хирургии Военно-Морской медицинской академии, в мае этого же года ему было присвоено воинское звание генерал-лейтенанта медицинской службы.

7 августа 1944 года Иустин Ивлианович вернулся в Ленинград. В ноябре 1944 года он был утвержден Действительным членом первого созыва Академии медицинских наук СССР. В марте 1945 года Указом Президиума Верховного Совета СССР за выдающиеся заслуги в деле развития советской хирургии и улучшения постановки хирургической помощи в лечебных и учебных заведениях, на действующих флотах и флотилиях в период Великой Отечественной войны Главному хирургу Военно-Морского флота генерал-лейтенанту медицинской службы, действительному члену Академии медицинских наук, Заслуженному деятелю науки профессору И.И. Джанелидзе присвоено звание Героя Социалистического труда.

По инициативе И.И. Джанелидзе в 1946 году в институте скорой помощи открыто специализированное ожоговое отделение на 55 коек, тогда же, при его участии возобновил работу Совет по неотложной хирургии.

В послевоенные годы Иустин Ивлианович продолжил активную работу в качестве редактора ряда отделов в «Энциклопедическом словаре военной медицины» и многотомного труда «Опыт советской медицины в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.». В мае 1946 г. он посетил Германию с целью осмотра хирургических отделений, в ноябре был командирован в США для изучения постановки лечебного дела. В этом же году он был избран председателем юбилейного XXV Всесоюзного съезда хирургов, несколько позже — членом французской Академии хирургии и Международного общества хирургов (в 1947 г.).

После смерти Н.Н. Бурденко И.И. Джанелидзе занял пост председателя правления Всесоюзной ассоциации хирургов.

В эти годы И.И. Джанелидзе вновь возвращается к проблеме хирургии органов грудной клетки. В план научных работ института была включена тема по лечению незаращения Боталова протока. На эту тему была защищена диссертация доктором К.Я. Кенигсбергом (1947 г.). И.И. Джанелидзе не только консультировал, но и сам проводил подобные операции.

Обобщая свой материал и личные наблюдения по лечению больных с огнестрельными ранениями груди, И.И. Джанелидзе в 1948 г. издал небольшую, но прекрасно написанную и иллюстрированную многочисленными рисунками монографию «Бронхиальные свищи огнестрельного происхождения», за которую в 1950 г. ему была присвоена Сталинская премия I степени.

В послевоенные годы И.И. Джанелидзе уделял большое внимание развитию анестезиологии и считал целесообразным выделение ее в отдельную дисциплину с созданием кадров научных работников, специалистов-анестезиологов. В 1949 г. он отредактировал переведенную с французского языка монографию Мейер Мея «Современное обезболивание в хирургии».

В 1949 году в институте, наряду с разработкой научных тем по кишечной непроходимости, ущемленным грыжам, прободным язвам желудка, ожогам, начались исследования по хирургическому лечению грудной жабы методом загрудинной анестезии аортальных сплетений.

В середине октября 1949 года И.И. Джанелидзе заболел и 14 января 1950 года в 23 часа скончался.

Ушел из жизни человек энциклопедических знаний, великолепный хирург и педагог, гениальный ученый, талантливый организатор здравоохранения.

Похоронен И.И. Джанелидзе 17 января 1950 г. на Литераторских мостках Волкова кладбища.

Приказом Министра здравоохранения СССР № 1052 от 27 декабря 1950 года Ленинградскому научно-исследовательскому институту скорой помощи присвоено имя И.И. Джанелидзе.

Сотрудники института ежегодно 14 января посещают могилу И.И. Джанелидзе и возлагают к подножию памятника живые цветы.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Ю. Ю. Джанелидзе начал вести дневник со дня объявления войны 1941 года. Очевидно, что дневники писались Юстином Юлиановичем не для печати — это записи для себя выдающегося хирурга и человека, день за днем доверявшего бумаге свои наблюдения, переживания и размышления.

Воспоминания очевидцев имеют особое качество — они позволяют лучше прочувствовать атмосферу той или иной эпохи, воочию увидеть эпизоды, случайно или умышленно оставленные «за кадром» историками, а также понять и осмыслить отношения между людьми.

Вместе с тем ценность исторического свидетельства определяется не только значимостью описываемых событий и масштабом личности автора, но прежде всего аутентичностью документа. Именно поэтому было принято решение публиковать дневник целиком, не сокращая его. Команда, работавшая над дневником, постаралась максимально сохранить исходный текст — дневник выходит практически без купюр. Этим объясняется наличие местами некоторых повторов, иногда дотошность описаний и кое-где спорные, субъективные, эмоциональные характеристики тех или иных людей и событий.

Публикация дневника в такой редакции, как мне кажется, представляет интерес — масштаб личности Ю. Ю. Джанелидзе, его активное участие в происходящем и откровенность, неофициальность жанра позволяют не только передать атмосферу времени, но и ввести в оборот новую информацию.

Так получилось, что я не застал своего деда Юстина Юлиановича Джанелидзе в живых — он скончался за десять лет до моего рождения. Мой отец, Георгий Юстинович Джанелидзе был единственным сыном Юстина Юлиановича и Нины Юльевны. Он занимался теоретической механикой и, несмотря на то что скончался в возрасте 47 лет, успел стать известным ученым, профессором, заведующим кафедрой и деканом факультета Политехнического института.

Вера Григорьевна, жена Георгия Юстиновича, моя мать, была врачом-рентгенологом. Она приложила много усилий к сохранению библиотеки, архива и памяти Ю. Ю. Джанелидзе. После смерти Юстина Юлиановича во многом ее стараниями было издано 5-томное собрание его сочинений. В. Г. Джанелидзе предпринимала попытки выпустить дневник еще в советский период — в 70-е годы прошлого века. Тогда это оказалось невозможным из-за некоторых резких характеристик известных лиц, содержащихся в дневнике.

Вера Григорьевна сумела сохранить и передать традиции семьи, атмосферу дома Джанелидзе. Обладая великолепной памятью, она много рассказывала мне о Юстине Юлиановиче — многие люди, упомянутые в дневнике, были и ее друзьями. Публикация очень обрадовала бы маму, и для меня лично выход дневника в свет — дань и ее памяти.

В мире всегда останутся неизменными извечные константы человеческой природы, определяющие категории Добра и Зла, Правды и Лжи, Мира и Войны, Счастья и Страдания, а также «ледяные» и «теплые» течения «подводных» внутрикорпоративных отношений, неизбежно существующие внутри каждой профессии, каждой области профессиональных человеческих отношений.

Медицина в этом смысле — особая сфера человеческих отношений, она находится на стыках науки и искусства, поэзии и прозы, творчества и ремесла. В хирургии же особенно близка и тонка грань между жизнью и смертью. Может быть, поэтому человеческие пороки и добродетели в этой сфере видятся так впечатляюще и контрастно.

Имена Ю. Ю. Джанелидзе и Института скорой помощи неразрывно связаны. Это издание стало возможным благодаря помощи Института скорой помощи и усилиям многих его сотрудников. Именно они вместе с командой издательства подготовили к публикации текст и справочный аппарат дневника. Я искренне благодарен им и с огромным сожалением не перечисляю здесь из-за опасений, связанных с медицинской корпоративной этикой, — чтобы не связывать их имена с возможно спорными субъективными характеристиками, содержащимися в некоторых местах дневника.

Достоинства и качество издания — их заслуга, возможные недостатки и недочеты — моя вина.

Михаил Георгиевич Джанелидзе

ДНЕВНИК

№ 1

Начат 22 июня 1941 г.

Окончен 3 мая 1942 г.

Ю. Джанелидзе

1941 год

22.VI. Около 12 часов дня услышали по радио, что немцы объявили нам войну.

В 2 ч. дня собрались в институте у проф. Озерецкого, обсуждали вопрос о мероприятиях на случай развертывания военных действий:

в клинике установлено усиленное дежурство врачей и заведующих.

1 ч. 45 м. ночи. Первая воздушная тревога. Омерзительно гудит сирена. По радио диктор тревожно многократно повторяет: «Воздушная тревога, воздушная тревога». Дядя и тетя спустились с 5-го этажа к нам.

2 ч. 20 м. Состояние воздушной тревоги продолжается. Сижу, подготавливаю номер «Вестника хирургии».

2 ч. 25 м. Отбой воздушной тревоги.

23.VI. Ночь прошла совершенно спокойно. Рано утром звонил проф. В.М. Васюточкин, хотел приехать посоветоваться по ряду вопросов. Проф. Б.В. Пунин спросил, не будет ли каких-либо распоряжений.

На улицах обычная жизнь. У некоторых противогазы, большинство без. Институт скорой помощи разгрузил всех больных; много больных разгрузила клиника.

Созвал совещание, в котором приняли участие Шаак, Шапиро и Дембо. Распределяли оперативные койки.

Состоялось заседание Совета профессоров. Защита диссертации по сыпному тифу. Прошел на место доцента по физиотерапии Магазанник. Утвердили ассистентов. Только вступительное слово директо-

ра Озерецкого и мое ответное слово напоминают о войне. О войне же напоминают приходящие прощаться врачи, которые направляются на призывные участки.

24.VI. Во дворе больницы Эрисмана появились аэростаты. На образцовый порядок жаловаться не приходится. Война чувствуется больше, чем в предыдущие дни.

Утром был в Морской академии. *Отменили государственные экзамены.* К.-адмирал Самойлов приказал их отменить, а Андреев¹ — продолжать. Окна залепили полосками бумаги. Уверяют, что это предохраняет от растрескивания стекол во время бомбардировки.

Получил телеграмму от Бурденко: «Пленум отменяется, прошу оповестить всех ленинградцев». Хорошо, что выучился извещать!

25.VI. Прекрасное солнечное утро. 9 ч. 30 м. завывала сирена.

10 ч. 15 м. Отбой воздушной тревоги.

В 4 часа дня проведенный быстрыми темпами 45-й выпуск 1 ЛМИ. Выпустили 555 врачей. Понятно, что, учитывая обстановку, неуспевающих не было. Говорились подбадривающие, трафаретные речи. *Доктору Э.Н. Степановой предложено быть директором «Скорой».* Вечером исправляю статьи для Вестника.

Взяли Б.Г. Стучинского — назначен в МСБ в Мончегорск. Сегодня поздно вече-

¹ Андреев Ф.Ф. — начальник Медико-санитарного управления ВМФ.

ром вызвали Будзинскую и Филиппову (врачи ИСП)² — хотя они и имеют броню.

26.VI. Направление врачей продолжается.

27.VI. С утра, в продолжение нескольких часов, был в порту. Приспособлен теплоход «Вячеслав Молотов» под госпитальное судно. Это сравнительно легко сделать, не производя даже больших разрушений. Конечно, планировать это можно было бы значительно раньше.

Был в Академии. Остальную часть дня провел дома.

10 ч. 50 м. выехал в Москву, по вызову Андреева. Оставил дома больного Жоржика³.

28.VI. «Скорый поезд» плелся 21 час и пришел в Москву около 20 часов. К моему большому удивлению, меня на вокзале ждали Борис Александрович Петров и его жена Татьяна Сергеевна. Они сообщили мне, что звонили ко мне в Ленинград и узнали, что я приезжаю. Поводом их визита послужило следующее обстоятельство. Его призвали и назначили хирургом в ППГ. Он совершенно правильно полагает, что его можно послать на большую работу и просил меня, чтобы я взял к себе во флот⁴. Я ему обещал это сделать, хотя, по правде, и не знал, как за дело взяться. Он же мне сообщил, что его примеру хотел бы последовать Дмитрий Алексеевич Арапов. Вечер провел дома. За ужином в ресторане «Москва» встретился с проф. Куприяновым. На вопрос одного из хирургов, что еще Бурденко надо и почему он

продолжает фокусничать, — тот ответил: «Хочет получить Героя Социалистического Труда». Ну, тогда непонятно!

29.VI. День провел в Управлении за бестолковыми делами. Из потраченных девяти часов — ½ часа были продуктивными. Одно лишь сделал хорошее дело.

Б.А. Петров назначен главным хирургом Черноморского флота и Д.А. Арапов — Северного флота. В лице обоих этих хирургов наш флот получил прекрасных работников, столь нужных нам, в особенности в военное время.

Если ничего не помешает, то нарком должен подписать их назначение. Завтра утром они должны ко мне зайти. Вечер провел дома, и работалось плохо. В общем, провел еще один «беспредметный день».

30.VI. В 9 часов утра ко мне пришли вновь испеченные хирурги флотов Черного и Северного — Петров и Арапов. Я с ними согласовал все установки. Оба оставляют прекрасное впечатление. Просидел с ними около трех часов.

Поехал в Управление около 12 часов и просидел там до 5 часов.

Был в Наркомате НКЗ у «главного редактора» Сергиева, который несколько месяцев не удосужился назначить мне заместителя редактора и секретаря. Он мне сказал, что это давно сделано и назначены даже два зама проф. Гирголав и проф. Заблудовский, отв. секретарем назначен Красносельский.

Был в Медгизе. Бройдо удовлетворил мою просьбу — смешно, но факт, соредакторам разрешено подписаться на журнал «Вестник хирургии им. Грекова».

² ИСП — Институт скорой помощи.

³ Жоржик — сын Ю.Ю. (И.И.) Джанелидзе.

⁴ Ю.Ю. (И.И.) Джанелидзе был главным хирургом ВМФ.

10 ч. вечера. Только что сообщили, что Наркомат текстильной промышленности переезжает в Иваново.

С каждым днем внешний вид города все больше и больше напоминает о войне. Около зданий укладывают мешки с песком. Число объявлений на стенах нарастает; все больше и больше народу толпится вокруг этих объявлений. Говорят о предстоящей эвакуации детей. Мера правильная, и ее следует осуществлять своевременно, нечего подвергать детей ненужной психической травме.

Говорят, что нужно сдавать радиоприемники, а с завтрашнего дня выключат телефоны. Неудобно, но ничего не поделаешь — на то и жестокая война.

12 ч. ночи. Сажу у лампы, которая в целях затемнения завернута в черную клеенку, и только с одной стороны она туго освещает мою комнату.

2 часа ночи — «Воздушная тревога, воздушная тревога, угроза с воздуха!!». Как-то неубедительно звучат слова диктора. Да и подсознательно подсчитываешь, что надо мной еще 5 этажей (я живу в гостинице «Москва» в 6-м этаже), авось не все пробьет. Я ложусь, но через некоторое время в дверь стучат. Я приоткрываю дверь, вижу молодую девушку с противогазом и красным крестом на левой руке. «Идите в убежище вниз», — говорит она. Я подчиняюсь, иду вниз. Это тем легче сделать, что подают лифт, который прямо ведет в подвал, т. е. в «убежище». В лифте со мною двое ребят, одного из них, завернутого в одеяло, держит на руках отец, другого перепуганная мать. Дети полуспят, и трудно уловить их реакцию на происходящее. Внизу нас встре-

чают блюстители порядка. У них на руках красные кресты, на боку противогаз. Я бы сказал, зная нашу способность устраивать сутолоку, что прядок образцовый. В довольно обширном помещении около 300 человек. Широко представлено «молодое поколение». Детишки скоро освоились с новым положением: быстро появились лошадки и возницы, и подвал скоро огласился веселым детским криком. Взрослые имеют скучающий вид. Получается впечатление, что эти «взрослые» еще не верят в серьезность происходящего и поэтому внешне спокойны. Встретил в подземелье проф. Энтина (стоматолог из ВМА). Он имеет гордый вид: спасает отечество, «третью ночь не спит», правит гранки своего учебника!

3 часа ночи — отбой, иду спать.

1.VII. В 6 часов утра слушаю сообщение информбюро. Узнаю о создании Комитета Государственной обороны (Сталин, Молотов, Ворошилов, Маленков и Берия). Сводка малоутешительна. Почти всюду немцы имеют численный перевес.

С 12 ч. дня работаю в Управлении. Разным чиновникам (Сульковару, Пидтте, Комиссарову и др.) исправляю их труды или диктую наскоро новые инструкции. Виделся с начальником.

Выясняется к 4-м часам, что поезд пойдет в 10 ч. вечера, но для меня не только нет мягкого места, не только нет сидячего места в мягком вагоне, но даже нет плацкартного места в жестком. Обещают жесткое место в общем вагоне. Соглашаюсь. В то же время делаю попытку полететь на военном самолете. «Сегодня нет, завтра возможно». Лучше решаю ехать сегодня. Перед самым уходом из

Управления Комиссаров предлагает в проводники какого-то своего помощника, который «все может и мне поможет». Еду на городскую станцию к военному коменданту. Мои отличия, по-видимому, на него оказывают влияние, и он пишет кому-то записку на вокзал, чтобы мне обеспечили сидячее место в спальном вагоне. Меня сопровождает парень (Абраменко), «который все может». На вокзале я ему даю 30 р., и он исчезает. Через некоторое время он возвращается с билетом в спальном вагоне — лежащее место. Он мне заявляет, что дал кому-то 30 р. На билете написана доплата 2 р. 50 к. Я делаю вид, что не понимаю, кто взял деньги и в благодарность даю ему еще 10 р. Но поезд идет не в 10 ч., а в 2 ч. 20 м. ночи! Сидеть на вокзале 8 часов невесело. Сдаю вещи на хранение и решаю ехать к С.С. Юдину. Застаю его слушающим радиопередачу из Лондона. Сообщает мало утешительного. Счастливый, талантливый эгоцентрик. Ежедневно почти делает тотальную резекцию желудка по поводу рака *cardial*. К этому присоединилось новое увлечение. Решил, что применение сульфамида производит чудо в ранах. Мобилизует общественное мнение, мобилизовал 8 научных институтов! Верит, что в этом спасение армии — родимые! После чаю повез меня на своей малолитражке в имение Захарьино (в настоящее время там помещается туберкулезная санатория). Замечательный уголок. На обратном пути заехали на ст. Химки (речной вокзал). Изумительное по красоте учреждение.

Посидел у Юдиных до 12 ч. и пешком побрел на вокзал. Москва затемнена

идеально — зги не видать! На вокзале достал место в международный вагон — первой категории.

Еду в идеальных условиях. Не в последний ли раз в своей жизни я путешествую с таким удобством?

2.VII. Мирный пейзаж, жаркий летний день. Цветами покрытые и разукрашенные луга, а там кромешный ад, и трудно представить, как и когда все это закончится.

3.VII. В клинике усиленными темпами приспособляют операционные.

4.VII. *Немцы перешли Западную Двину.* Обещали бронировать Усольцеву.

5.VII. Приехал бригаврач Андреев. Осматривал раненых в Морском госпитале.

Был в ВММА; роздал задание по инструкциям.

6.VII. Немцы подошли к Острову. В Горздраве с нас потребовали врачей для комплектования мест начальников эвакуационных госпиталей. Отдал Звягина. Бригаврач Розанов привез инструкции из Москвы.

7.VII. В 9^{1/2} ч. утра состоялось экстренное заседание Совета профессоров. И. о. директора проф. Озерецкий сообщил, что *необходимо упаковать микроскопы и наиболее ценные инструменты.* Он сообщил, что назначен новый директор проф. И.Д. Страшун. Было заседание редакционной коллегии в НИИСП. Масса безграмотных работ.

8.VII. Целый день провел в порту с бригаврачом Андреевым. Осматривали судно «Андрей Жданов», которое по плану 1932 г. приспособляется под госпитальное судно.

9.VII. Вечером состоялось заседание хирургического общества Пирогова,

на котором председатель С.С. Гирголав сообщил, что возобновляются регулярные заседания общества.

10.VII. Пишу брошюру «Ожоги» для врачей.

11.VII. Окончил брошюру и сдал ее в Медгиз; уверяют, что книга будет через три дня. Не верится, мы не привыкли к таким темпам.

Поступили первые раненые после бомбардировки в Луге и на ст. Дно. Один раз за день была воздушная тревога.

Готовлю доклад для Андреева о поездке на Север. Стоят неимоверно жаркие, необычные для Ленинграда дни.

6 ч. 30 м. Заседание в Горздраве у Соминского. Присутствуют Шаак, я, Мессель, Эпштейн, Козловский. Тошно слушать!

12.VII. В сводках появились Псковское и Витебское направление. Душный жаркий день.

12 ч. 40 м. Воздушная тревога — 1 ч. 20 м. отбой воздушной тревоги.

В 3 часа дня радио оповестило о заключении соглашения между нашим Союзом и Англией. В 6 ч. 5 м. воздушная тревога.

14.VII. Вместе с нач. мед. С. упр. ВМФ и проф. Пуниным провел день в Петергофском госпитале и Ижорском.

15.VII. Разработал план в случае поступления большого числа раненых в клинику.

16.VII. Предполагается введение карточек. Перед магазинами огромные очереди — население начало раскупать все.

17.VII. Очередь перед магазинами увеличивается, количество товаров, оборот, почти дошло до нуля.

Был в ВММА, виделся с начальником Академии. Работается плохо. В сводках появилось Смоленское направление.

Летят все основы военно-полевой хирургии. Эвакуируем раненых не по состоянию их здоровья, а считаясь с обстановкой. Даже переломы бедер не задерживаем — кладем в гипс и дальше!

18.VII. Среди окружающих наблюдается большее спокойствие, что можно объяснить слухами, что на фронте положение улучшилось.

Начал оперировать. Только что Мессель сообщил, что мы взяли обратно Остров, было бы неплохо!

19.VII. Сижу дома. Работаю плохо. *18 ч. 30 м.* — воздушная тревога.

23 ч. Пришел Жорж после экзаменов, сообщил массу новостей.

Узнал сегодня, что вместо Бройдо директором Медгиза назначен какой-то Киселев.

20.VII. 10 ч. утра началось непродолжительной воздушной тревогой. В сводке ничего существенного. И.В. Сталин назначен народным комиссаром обороны, а Тимошенко его заместителем. За день три воздушные тревоги.

Правлю корректуру брошюры «Ожоги и их лечение».

12 ч. 20 м. Воздушная тревога.

21.VII. Начал вести занятия со студентами.

22.VII. *Хоронили профессора Генриха Ивановича Турнера,* который умер позавчера на 83-м году жизни. Объявлено о бомбардировке Москвы и о двукратной попытке бомбардировки Ленинграда.

23.VII. 150 самолетов устроили налет на Москву.

9 ч. 30 м. День начинается с воздушной тревоги.

11 ч. Повторная воздушная тревога. Заседание Совета по поводу возобновления занятий.

24.VII. Целый день лежу — болен гриппом.

С утра 3 воздушные тревоги.

26.VII. Оперировал. Начинает поступать значительное количество раненых; много тяжелых.

29.VII. Вместе с Ахутиным, Гирголавым, Куприяновым ездил на Кировский завод, где доктор Шостак демонстрировал сконструированную им стерилизационную установку.

30.VII. Утро начинается с воздушной тревоги. За день было еще две тревоги. Впервые новый и. о. директора Страшун посетил клинику. Он мало понимает и знает больничную жизнь.

31.VII. Заседание Совета профессоров по поводу начала занятий. Приехало много студентов. На V курсе их около 550. Так же много и на других курсах. Страшун произнес речь, в которой указал, что Медицинскому институту об эвакуации думать не приходится, а следует думать о лечении раненых. Вечером ко мне пришел профессор Лисицын, который дал отчет о своей деятельности в качестве хирурга обороны. Я не знаю, кто его назначил. Во всяком случае, он проявляет много доброй воли и желает работать.

1.VIII. Был в Военно-Морской Медицинской академии, где роздал профессорам материалы для составления инструкции для среднего медперсонала.

Обсуждал инструкции для врачей. *Вместе с профессорами Мельниковым, Лисицыным, Пуниным решили собирать*

ся систематически раз в неделю и координировать всю работу.

2.VIII. Константин Николаевич Рабинович лежит у меня. Тяжело болен; очень беспокоюсь за его судьбу. Вышла моя книга «Ожоги и их лечение».

3.VIII. Воскресенье. Сижу дома, готовлю лекцию. Пунина вызвали в Москву, предложив ему согласовать документы со мною. Он был у меня, принес инструкцию по транспортной имобилизации.

4.VIII. Целый день хлопочу в Горздраве и Горвоенкомате по бронированию доцента Усольцевой. Полковой комиссар, горвоенком Расторгуев разрешил ее бронировать.

5.VIII. *Веду занятия со студентами.* Слушателей много. *Вечером собрались у меня Мельников, Лисицын, Вайль.* Пунин не приехал, говорят, он в Шлиссельбурге.

6.VIII. Пунин не пришел, по его уверенности, так как перепутал день.

7.VIII. Был в Смольном у Верховского (Давид Наумович). Там собрались начальник Медико-санитарного управления Андреев, начальник Санитарного отдела КБФ Брауберг, профессора Мельников, Пунин и Вайль.

9.VIII. Обрабатываю инструкцию. Неблагодарная и тяжелая задача.

10.VIII. Вечером пришел профессор К.М. Быков, который горько жаловался, что в связи с эвакуацией Академии у него расстраивается вся работа. В особенности не хотелось бы бросить ВИЭМ. При этом он прибавил, что беседовал с замнаркома Игнатьевым, но не получил от него определенного ответа. Он просил меня вмешаться в это дело

и пойти разговаривать с Игнатьевым, но возможно, что съезжу к Исакову.

11.VIII. Утром был на консультации в Военно-Морском госпитале в продолжение двух часов, осматривал тяжелораненых. В 12 ч. приехал к начальнику Академии и договорился с ним, что поеду по этому вопросу к адмиралу Исакову. Договорился с адмиралом, и в 6 ч. дня он меня принял.

«Вам известно, — спросил я, — что ВММА эвакуируется?» Сначала он сказал, что это отменено, но после проверки у Татаринова оказалось, что старое решение об эвакуации Академии остается в силе. Тогда он решил по прямому проводу поговорить с Москвой.

Через час Исаков мне позвонил и сказал, что приказ отменен, о чем дано знать начальнику Академии.

12.VIII. У меня собрались хирурги Мельников, Пунин, Лисицын и бактериолог Пономарев. Выработали инструкцию относительно столбняка и газовой инфекции.

Заслушали Лисицына о госпитальной лазаретной сети береговой охраны.

Вчера стало известно решение правительства эвакуировать всех женщин с маленькими детьми. Мера разумная, если бы только мы ее провели толково!

На этом деле мы уже потеряли одного хорошего врача Александрову и, возможно, потеряю трех лучших операционных сестер.

Сестры остались.

14.VIII. Был в ВММА, где обсуждался вопрос об единых методах лечения ран и переломов. Председательствовал Мельников. Праздное времяпровождение!

Сообщили, что мы несколько дней назад оставили Смоленск.

Ленинград и его жители пока мало ощущают, что творится кругом.

18.VIII. Оставили Николаев и Кривой Рог. В городе перед окнами магазинов устраивают щиты из досок и песку. Очереди увеличиваются.

Эвакуируются санитарка Лена, врач Остапенко.

19.VIII. Был у меня Куприянов, который в качестве главного хирурга фронта согласовал со мной некоторые вопросы эвакуации. Вечером ко мне приходили профессора Мельников и Куприянов по тем же вопросам.

Оставили Кингиссепп.

21.VIII. Экстренно вызвали к директору Института на 10¹/₂ часов утра. Я предположил, что такая спешка могла бы быть связана с эвакуацией института. Оказалось, что звали по поводу обращения тов. Ворошилова. Были Озерецкий, Ланг, Черноруцкий, Заварзин.

В 4 часа дня собрались у меня в клинике проф. Куприянов, Мельников, Филатов и Блинов по вопросу о переливании крови.

22.VIII. Оставили Гомель.

Приходил начальник ВММА. Несколько профессоров Академии, желающих уехать, нашли ход к Верховскому. Последний приехал к Васюточкину и уговорил его, что следует Академии уехать. Иванов обратился с запросом к Исакову, и последний прислал приказ об эвакуации.

Приходил Мессель по поводу некоторых вопросов относительно работы «Скорой помощи».

Звонил Розанов, сказал, что получил письмо от Андреева, который пишет, что против дислокации Ю.Ю. он не возражает.

23.VIII. Утром сообщили, что после настойчивых просьб некоторых профессоров медвузов горком партии постановил предложить желающим выехать в Свердловск как группе усиления; при этом наш институт остается на месте и продолжает свою работу. Из наших профессоров согласились выехать только Цигельник и Заблудовский, остальные решили остаться при своем институте.

В 4 часа дня был на заседании НИИСП, где заседала хирургическая секция ученого совета. *Приняли образцы инструментов для корабельного набора.* Позже стало известно, что несколько человек не едут (Цигельник и Заблудовский).

24.VIII. 10 часов вечера. Объявлено о запрещении ходить в городе и пригородах позже 10 часов вечера и о продаже водки до 8 часов вечера.

25.VIII. Утро до двух часов провел в Военно-Морском госпитале. Был в ВММА.

26.VIII. *У меня собрались профессора Мельников, Пунин и Лисицын.*

27.VIII. Я, Мельников и Вайль ходили в Смольный к Верховскому.

29.VIII. Благодаря закрытию окон магазинов город мало-помалу принимает вид осажденного.

Оставили Днепрпетровск.

30.VIII. Очереди перед магазинами удлиняются.

1.IX. *Закрылись коммерческие магазины.* Был в Морском госпитале — консультировал раненого доктора Габузова.

2.IX. Был проф. Мельников. Пунин не мог подъехать, привезли раненых. На улицах устанавливают орудия. 1 ч. 15 м. Воздушная тревога. 2 ч. 5 м. Отбой.

3.IX. Вчера выпустили студентов (мужчин) врачами: они пробыли на 5 курсе 1 м. и 2 дня.

Утро повел в Морском госпитале. Врач Габузов чуть лучше; может остаться в живых.

Официально оставили Таллин; на самом деле это, кажется, случилось 27 августа.

5.IX. Приехали Н.Н. Бурденко и А.М. Геселевич, который и говорил со мной по телефону. Собираются обратно послезавтра рано утром — на машине.

6.IX. Был проф. Геселевич. По телефону со мной говорил Бурденко через Куприянова. Призвали М.Г. Каменчик, которую удалось отстоять.

Передают, что немцы вчера выпустили три артиллерийских снаряда по городу; есть раненые.

7.IX. Ездил в райвоенкомат по поводу операционной сестры Тихомировой, которую, несмотря на броню, призвали. Удалось отстоять. Оттуда я проехал к Соминоскому, чтобы договориться с ним относительно брони врачей.

Побывал на Старо-Невском и Харьковской улице, где сегодня ночью немцы бросили бомбы. На Харьковской ул. бомба попала в 3-этажный дом. Попала она, по-видимому, косо, так как крыша дома уцелела; относительно уцелел и первый этаж. Остальные этажи в полном смысле слова вырвало с потолками, с железными балками, которые торчат в воздухе, со стенами. Все окна разбиты, рамы вырваны, вся улица усеяна обломками мелко битого стекла. На Старо-Невском бомба попала в пятиэтажный дом. Вырвало и разворотило три верхних этажа. Вчера

во всем городе было 28 очагов поражения и 236 раненых.

Идешь по улице, усеянной мелким битым стеклом. Все окна выломаны, рамы вырваны не только в прилежащих, но и в отдаленных домах. До чего наивным кажется оклеивание стекол полосками бумаги, когда даже целые рамы вылетают так!! По-видимому, немцы целились в Московский вокзал — приблизительно не дотянули на $1-1\frac{1}{2}$ километра.

8.IX. После лекции инженер Давидсон просил поехать с ним в банк хлопотать о деньгах для окончания ремонта акушерской клиники. Нам срочно нужно здание для раненых.

В 7 часов вечера — воздушная тревога. Я на машине возвратился через Кировский мост. Видны бесчисленные облачка разрывов наших зениток. Скоро выяснилось, что немцы бросали зажигательные бомбы. На одном из объектов начался большой пожар. Говорят, что горит химический завод.

10 ч. 35 м. вечера. Началась воздушная тревога, которая длилась до 12 ч. 40 м. Слышны выстрелы зенитной артиллерии; слышен гул, по-видимому, разрыв бомбы.

9.IX. Оказалось, что бомба разорвалась на ул. Блохина. Были жертвы. Несколько раненных стеклом были доставлены к нам в клинику. Одного мальчика пришлось оперировать по поводу повреждения печени (погиб). Был доставлен и один труп. Несколько поврежденных глаз осколками стекла.

Бомбы были брошены в Литейный мост (только одна дыра) и еще на несколько домов. Как мне сообщил Гирголав, за день было 12 убито и 276 ранено.

День начался с воздушной тревоги, рано утром. За день 9 раз объявлялась тревога; не успевала закончиться одна, как начиналась новая. Тревоги были почти все очень продолжительны; последняя началась в 9 ч. 15 м. и продолжалась 2 ч. 15 м. Все время гремят зенитки. Не знаю, насколько велик вред, который они причиняют врагу. Во время всех тревог не прерывал работы.

Во время вечерней тревоги вся наша семья собралась и просидела в коридоре.

В 12 ч. 10 м. позвонил Гирголав и сообщил, что бомба попала в соседний с его домом дом. Он был на дворе, и его как вихрем подбросило. Ольга Владимировна была на крыше. Выбило у них все стекла в квартире.

Предполагают открыть неоконченную акушерскую клинику под раненых. Вечером просил заведующего Горздравотделом, чтобы отложили открытие на 3–5 дней. Не знаю, хватит ли у них разума!

10.IX. Ночь прошла спокойно. Утро началось с тревог. Перестали выдавать белый хлеб, который выдают только детям. Звонила Э.Н. Степанова — в «Скорой»⁵ решили раненых перевести вниз — во второй этаж, а канцелярии вверх. Ночью пришлось с 6-го этажа перетаскивать бойцов вниз.

Тревога кончилась в 10 ч. 20 м. утра и вновь началась в 10 ч. 35 м. Таким образом, свободный промежуток всего 15 м. Немцы, по-видимому, решили изматывать нас! Сегодня, по всей вероятности,

⁵ Институт скорой помощи.

повторится вчерашняя тактика — тревога целый день! Так и случилось: целый день тревога следовала за тревогой; бывали свободные промежутки в 15–20 м., редко больше.

Утром был в Морском госпитале. Доктору Габузову лучше. Много вероятия, что он останется с ногой. Днем оперировал в «Скорой». Вернулся рано и отправился с Ниной⁶ *покупать матрацы*. Купили 6 больших матрацев, которыми предполагали закрыть окна, чтобы спастись от осколков. Вечером занялись перестановкой мебели, чтобы отодвинуться от окон и обеспечить свободное открытие окон. Это заняло довольно много времени. Далеко не все было закончено, мебель была разбросана, на полу валялась масса книг.

Казалось странным, что немцы не появились в излюбленные свои 9¹/₂ часов вечера. Но ждать пришлось недолго. В 10¹/₂ ч. вечера загудела сирена. Нина в это время находилась в кабинете. Вдруг, одновременно с гудком сирены, раздался взрыв. Нина вскрикнула, и что-то грохнуло. Зазвенели разбитые стекла. Было ясно, что где-то недалеко разорвалась бомба. Взрыв застал Нину у самого окна, когда она собиралась его открыть. Большинство окон у нас оказалось открытыми и не пострадали. Лопнуло только одно внутреннее стекло в кабинете. 2 ч. 10 м. продолжалась тревога. Второй разрыв, также большой, но все же менее интенсивный, последовал немногим позже.

Через 10 минут снова тревога, но не больше 20 м. Никаких разрывов.

11.IX. Поступило в больницу за ночь 38 раненых; многие из них очень тяжелые; несколько человек умерло. Большинство ранено осколками стекла в лицо, шею, руки.

После трех часов помогал Иванову в акушерской клинике. Он один, а раненых у него 160 человек. Многого еще не хватает.

На улицах не узнать походки ленинградцев: многие спешат, большинство бежит. За день было 12 тревог, и никто не уверен, что добежит до дому до следующей тревоги.

Вечер. Ждем с некоторым волнением вечерней порции бомбардировки. 9 ч. 30 м. — 10 — 10 ч. 30 м. немцы все еще выжидают.

В 10 ч. 55 м. загудела сирена. Аккуратно, по-немецки, как и в предыдущие дни, ровно 2 часа длилась тревога. Слышны выстрелы зениток; почти не слышно разрывов бомб, по крайней мере на нашей стороне. Говорят, что со стороны Васильевского острова видно обширное зарево пожара.

12.IX. Говорят, что ночью сильно бомбардировали район Кировского завода и порта. В этих же местах происходили пожары. Много разрушенных домов, много жертв.

Вел занятия со студентами; их осталось мало. Хотя и стараешься делать все возможное, но нет ни настроения, ни пыла. Неудивительно, что и молодежи не до разборов больных.

В час дня пошел на заседание комиссии по выпуску и распределению женщин врачей (мужчин выпустили раньше). Председательствует Страшун, от Горздравотдела присутствует заведующий сектором кадров Кораблев.

⁶ Жена Ю.Ю. Джанелидзе.

Круглых отличников оставляют на оперативных койках нашей больницы. Их всего 11 человек. По отношению к ним соблюдается справедливость. При распределении остальных много случайно. Тех, у которых много «посредственностей», направляют в поликлиники.

По сути дела, на этом и прекращаются занятия на 5 курсе. В сумме эти слушатели пробыли на 5-м курсе 1 месяц и 12 дней. Знает большинство из выпускников очень мало.

Неимоверно темная ночь — ровно ничего не видно. Тем не менее в 9 ч. 40 м. началась тревога и закончилась в 10 ч. 15 м. Маловероятно, чтобы она сегодня повторилась.

13.IX. Идет небольшой дождь. Эту погоду считаешь для современных условий прекрасной. Целый день облачно — туман. Около 7 ч. вечера непродолжительная тревога.

В 11 часов утра пришел на занятия со студентами, но их пришло всего 3 человека. Я отказался вести занятие. В час 20 минут читал лекцию «Ретенционная желтуха — камень ductus choledochus». *Возможно, что это последняя лекция на этом курсе.*

Уверяют, что несколько артиллерийских снарядов упало в различных частях города и разрушило несколько зданий.

Оставили Чернигов. *Объявлено об экономии электроэнергии и о запрещении пользоваться бытовой электроэнергией.*

23 часа. Э.Н. Степанова сказала, что передают, что стреляет артиллерия; попали в Дом пионеров и в площадь Труда.

14.IX. Воскресенье. Сижу дома; привожу в порядок книги, переставляю мебель, кровати, шкафы, прячем снятые вторые рамы. Одним словом, готовим все что полагается в ожидании вечернего налета и бомбардировки. Нельзя сказать, чтобы жилось весело. *Город, по-видимому, со всех сторон окружен, и линия фронта ходит где-то на расстоянии 40–50 километров.*

Вечером все собираемся в столовой, экономим электроэнергию, да и с затемнением в этой комнате надежнее.

21 ч. 40 м. — воздушная тревога. Вечерняя — обычно связанная с бомбардировкой. Все переходим в переднюю. Это наше «бомбоубежище». По крайней мере, мы его считаем таковым. Лучшего у нас нет. Сегодня с утра и до вечера были многократные тревоги. Говорят, что видели даже воздушный бой! После такой разведки за день следует ожидать соответствующих результатов ночью. Вот сидим и ждем. Но против всяких ожиданий в 22 ч. 15 м отбой. Но все ли для сегодняшнего дня, или будет ночной экстренный выпуск — как это было прошлой ночью? В 2 ч. ночи была тревога. Благо мы ее проспали.

15.IX. Видел Куприянова. Состоялось частное совещание у директора. Присутствуют кроме директора Куприянов, я, Заварзин, Иванов, Озерецкий. Обсуждали дальнейшую тактику в отношении к институту. *Фактически пятый курс перестал существовать.* 4-й курс работает, начал работать возвращенный 3-й курс. Первый и второй курсы, наученные горьким опытом, приходят на занятия в ничтожном количестве. Между тем нужда в рабочих руках велика, и, казалось бы,

более правильно, принимая во внимание остроту момента, временно прервать занятия и использовать слушателей на госпитальной работе. Вопрос не получил никакого решения.

16.IX. Утром на площади Льва Толстого вижу много народу с тюками, чемоданами, сундуками. Это, по-видимому, беженцы из пригородных районов. Начали вселять в квартиры беженцев.

Целый день осматривал или сам оперировал. Не хватает врачебных рук. Целый день шла стрельба. Вечером приняли раненых с завода Жданова. Говорят, что немцы прорвались в Лигово. Идет дождь, по-видимому, ночной бомбардировки не будет.

17.IX. Ночь прошла совершенно спокойно. Утром, в полусне, многократно то слышишь начало воздушной тревоги, то бешеную стрельбу зениток, то вялый отбой.

Солнечное утро. Многократно — воздушная тревога; были над городом воздушные бои. Утром был в Морском госпитале, смотрел тяжелых больных. Доктор Габузов в хорошем состоянии. Видел раненых, размещенных в бомбоубежище. Оно переделано из подвального помещения. Ужасный воздух, почти никакой вентиляции. Был у начальника ВММА. Он получил приказ от 16.09.41, которым ему предлагается выехать к месту нового расположения Академии. Во дворе суматоха, ящики, кули, грузовые и легковые автомобили, крики уходящих и остающихся. Путь им предстоит небезопасный! Попрощался с начальником, который сильно опечален и жалуется на своих подчиненных.

Вечер, спокойно. Но вдруг в 23 ч. 15 м. воздушная тревога, которая длилась всего 20 мин. Кажется, помешал начинающийся дождь.

18.IX. С утра я в клинике. Назначен ряд операций. В 12 ч. дня, когда я начал оперировать в верхней операционной, началась орудийная стрельба. Снаряды разрывались где-то совсем близко. За несколько часов было выпущено около 60 снарядов; есть убитые и раненые. Снаряды попали в больницу 25-го Октября, в Сенат и разные другие точки. *Дальше придется оперировать в защищенной операционной — внизу.*

Приходил проф. Лисицын, совещался по поводу дислокации госпиталя ВММА. Затем приходили проф. Френкель и начальник Морского госпиталя. Совещались по поводу дислокации госпиталя. Я договорился с проф. Страшном об уступке им нашего анатомического корпуса, что через Верховского и было оформлено. Не было ни одной воздушной тревоги.

19.IX. Кошмарный день. Солнечное утро, что обещает мало радостного. Мне нужно было идти с утра оперировать в «Скорую» (диффузную гематому подкрыльцовой артерии), но в 9¹/₂ часов утра раздалась тревога. Жоржик пытался было уйти, но мы его уговорили не ходить, пока продолжается тревога. Тревога продолжалась довольно долго. Однако это не вызывало никакого беспокойства, поскольку из прошлого было известно, что немцы днем не бомбят. Между разрывами от зениток доносился гул, но мы не могли решить, от разрыва ли бомб этот шум.

Вдруг мне позвонили из клиники, куда меня срочно просили прийти, ввиду того что поступает масса раненых в результате бомбардировки. Около 11 утра я пришел в клинику. У дверей стояли несколько санитарных машин. В вестибюле клиники толпилась масса народу. Это были родные доставленных раненых. Вся приемная в полном смысле слова была заполнена ранеными. Они лежали на кушетках, на носилках. Однако поступление раненых все продолжалось. Места больше в приемной не оставалось. Тогда было решено — часть поступающих перенести вверх в зал перед аудиторией и в аудиторию. В дальнейшем было решено всех раненых перенести вверх, что оказалось значительно удобнее. По мере того как в зале перед аудиторией начали устанавливать кровати, раненых перенесли в аудиторию, где все было заставлено носилками. Стоны раненых, большинство которых находилось в состоянии шока, беспорядочное движение малоопытного персонала, постоянный подвоз раненых создали тяжелую и незабываемую картину.

Было организовано массовое введение морфия, больных накрывали одеялами, и у обескровленных приподнимали ножной конец носилок.

Через некоторое время стоны большинства раненых стали утихать. Но некоторые из них, несмотря на введение морфия, продолжали стонать и кричать.

Взрослые лежали вперемежку с детьми, матери со своими детьми, мужчины с женщинами. Только после этой предварительной работы оказалось возможным приступить к хирургической работе. Ра-

нения были ужасны; в большинстве случаев множественные, нанесенные осколками бомб или осколками битого стекла. У одной девочки 18 лет лицо и шея были изрезаны таким количеством осколков, что сосчитать число ран было невозможно. Раковина правого уха была рассечена пополам, из порезанной наружной яремной вены она потеряла много крови. Я тщательно зашил все, что можно было зашить, и довольно долго отмывал не то песок, не то грязь. После тщательного отмывания оставались поверхностные экскориазии. Одновременно с этим осколком стекла оказался поврежденным глаз, и ее перевели в глазную клинику.

Обширные рваные раны конечностей, причем у некоторых наряду с открытыми оскольчатыми повреждениями костей оказывались вырванные мышцы, разорваны сосуды, вскрыты суставы. Много было и открытых пневмотораксов. В одном случае при этом рана располагается в правой надключичной области, и было странно слышать, как хлюпает и присвистывает с купола плевры. Комбинированные ранения легкого и печени, много раненых в ягодичную область. Мне пришлось делать у двух больных лапаротомию, причем входное отверстие располагалось в левой ягодичной области. В одном случае у женщины лет 30 осколок пробил в двух местах fl. Sigmoidae; наряду с этим у нее имелись множественные ранения груди и руки. Лапаротомия была проста и легка; кишка оказалась пробитой в двух местах. Я зашил отверстия. Большая через несколько часов погибла — вдруг — конечно, не от повреждений кишечника.

Мальчик 17 лет был прооперирован мной *поздно*, приблизительно через 12 часов после ранения. Раньше не дошла до него очередь. Входное осколочное располагалось в левой ягодичной области. Я нашел 2 отверстия в сигмовидной кишке и 4 отверстия в тонкой. Отверстия в толстой были ушиты, а тонкая кишка резецирована на протяжении 20 см вместе с перфорационными отверстиями. В брюшной полости было довольно много жидкого кала, кровянистого гнойного экссудата, и тонкие кишки покрыты фибринозными налетами. Брюшная стенка зашита в один ряд — все вместе с кожей. Выздоровление.

В остальных случаях приходилось расширять раны, останавливать кровотечения и шинировать.

Я ушел домой только в 12^{1/2} ч. ночи.

В общем, за этот день мы приняли 66 раненых, из них гражданских 56. Мы потеряли в первые сутки 10 человек.

В этот же день Институт скорой принял 75 человек и потерял в первые сутки 15 человек.

В этот день бомбардировали несколько раз. Во время операции, которую я делал в первом этаже, около 17 часов при падении бомбы на Пушкинской в операционной содрогнулся пол.

20.IX. Почти целый день до 10 ч. вечера работал в клинике. Доканчивал работу предыдущего дня.

С утра дождь — значит, прекрасная погода — бомбардировки не будет. Так пришлось переоценивать ценности: солнечный день считать плохим, а дождливый день — прекрасным. Вечером звезды — тревога в 20 часов.

21.IX. Воскресенье. Рад выходному дню. С утра солнечно — значит, тревоги. Первая — в 8 утра — длилась всего 15 м. Вторая в 11 ч. — длилась 40 м. Третья в 16 ч. 20 м. — длилась 15 м.

Повесили на окна матрацы — профилактика против осколков — трудно сказать, реальная или мифическая!

17 ч. 20 м. тревога до 18 часов.

18 ч. 20 м. тревога до 19 ч. 5 м.

20 ч. 45 м. тревога до 21 ч. 40 м.

22.IX. Сегодня начинается четвертый месяц войны. Оставили Киев. 7 ч. воздушная тревога до 7 ч. 30 м. Облачный день, временами казалось, что вот-вот пойдет дождь. Позже небо целиком заволокло тучами. В 14 ч. 45 м. воздушная тревога, которая продолжалась около 1^{1/2} часов. За это время было сброшено около 18 бомб; одна из них попала в Гостинный двор, много жертв. Вторая тревога позже. Вечер был спокоен.

Приходил проф. Мельников.

23.IX. С утра две воздушные тревоги. Солнечный день. По остроумному выражению проф. Гаршина, сегодня «летальный день». Целый день непрерывные воздушные тревоги. Бомбардировки в городе не было.

На улице масса народу. Получается впечатление, что на Петроградской стороне вдвое больше жителей, чем раньше. На улице появились какие-то древние старцы, которых я никогда раньше не видел, по-видимому, из пригородов.

Начали закрывать окна в первом этаже в клинике.

24.IX. Довольно низкая облачность. С утра в Военном госпитале (Морском), расположившемся в нашем студенческом

общежитии. Большой штат, много врачей, знающих мало.

Утром, около 9¹/₂ ч., самолет снизился до 300 метров и бросил в нашу больницу⁷ бомбу. По словам военного инженера, она весит 500 кг, имеет в диаметре 1 м. 40 см. Бомба упала впереди главного здания поликлиники, между фонтаном и зданием поликлиники, и ушла в землю на глубину 6 метров. Специальная команда приступила к откапыванию; работали целый день. Говорят, что откапают завтра. Улица Льва Толстого и часть больницы были оцеплены. Всех моих больных из клиники перевели, так как не исключена возможность, что бомба медленно действует и взорвется позже.

25.IX. Персоналу не разрешают оставаться в клинике. Второй день подкапываются под бомбу, но никак до нее докопаться не могут. Говорят, что она попала в плавуну и легко погружается все глубже и глубже. Улица и часть здания оцеплены.

Вечером были две короткие воздушные тревоги и в 3 часа ночи еще одна.

26.IX. Дело с бомбой остается в том же положении.

Утром был в Ленинградском Морском госпитале, который помещается в нашем анатомическом корпусе. Грязно. Никакого порядка.

27.IX. Вчера за целый день и вечер не было ни одной воздушной тревоги. Но зато они отвели душу сегодня. Тревоги начались рано утром. Около двух часов дня начали бросать осколочные бомбы. На территорию ВМА упало 11 бомб по 50 кг каждая; две из них не разорвались.

Упала бомба у Финского переулка, повлекшая много жертв. Бросали бомбы и в других частях города.

Вечером приходил проф. Лисицын. Ему пришла странная идея созвать конференцию врачей морских госпиталей. По-видимому, давно не разговаривали!

Жоржик с завтрашнего дня переходит на казарменное положение.

История с нашей больничной бомбой все в том же положении.

28.IX. Жорж переехал в Академию.

Ясный солнечный день. Утром ни одной тревоги.

Узнал, что Гирголав готовится к отъезду.

В 2 часа дня приходили зам. нач. Санотдела КБФ Вячеслав Димитриевич Васильев и начальник Санчасти морской обороны Крупин Анатолий Семенович.

От 20 до 21 ч. воздушная тревога. Жорж передал, что у них бомбили — очень близко.

24 часа. Только что прощались Ольга Владимировна и Семен Семенович⁸, они улетают завтра утром.

29.IX. Выяснилось, что во время часовой воздушной тревоги бомбардировали 8 районов. Были жертвы.

Вечером у меня были проф. Мельников и Пунин, Лисицын не пришел. *Я предложил разделить все койки морских госпиталей между этими тремя хирургами, чтобы они вели там систематическую работу.* Несколько раз была воздушная тревога; без особого шума.

30.IX. С утра поехал вместе с проф. Пуниным в б. Таллинский госпиталь (ныне № 2). Помещение сносное, для госпиталя

⁷ 1 ЛМИ им. акад. И.П. Павлова.

⁸ Супруги Гирголав.

мало приспособленное. *Начальник Федор Иванович Синенко*, хирург Яновский. Из 35 врачей только 10 могут называться хирургами; из них только один настоящий.

Был у Верховского. 19 ч. 30 м. — 21 ч. воздушная тревога.

Нашу бомбу все тянут, но еще вытянуть не могут.

1.Х. С утра был в Сводном госпитале вместе с проф. Мельниковым. Много недочетов.

В 18 ч. 30 м. вытащили наконец нашу бомбу. Говорят, что она имеет в длину 1 м. 80 см и в ширину 80 см; весит 1000 кг. Едва ли бомба таких размеров предназначалась для больницы. Я видел бомбу в момент, когда ее вытащили: она окрашена в голубой цвет.

Вечером вечерняя воздушная тревога, которая началась в 19 ч. 40 м. и продолжалась 2 ч. 45 м.

2.Х. За вчерашний день по городу было выпущено 107 артиллерийских снарядов; много зажигательных бомб и фугасных. Сгорела операционная Ц.С. Коган.

Утром приехал начальник ВММА и *принес уведомление, что мне необходимо выехать в Москву в длительную командировку*. Был в ВМА, просил отпустить сына на 3 дня домой; был очень любезен и разрешил. Следовало бы выехать 4-го, но за этот срок очень трудно было устроить свои дела; вечером я просил разрешения отложить отъезд на 1–2 дня. Мне разрешили выехать 6-го. Все это обещает мало радости!

Налетов не было.

3.Х. С утра пришлось быть по различным делам, связанным с отъездом. Был

у начальника ВМА, который разрешил Жоржу жить дома. Был у нотариуса и написал доверенности на имя Жоржика и Оси⁹.

Вечером был налет, продолжавшийся 3 ч. 3 м. Бросали бомбы в разных частях города. *Тревога продолжалась всю ночь почти без перерыва*. Бомбардировали преимущественно Выборгскую сторону и Охту, хотя много бомб было сброшено и в других частях города.

4.Х. Простился с клиникой, с Институтом скорой, со всем, что сделал за 30 лет своей деятельности. Печальный и тяжелый день! Как назло, удивительный день. В полном смысле слова золотая осень.

Вечером очередная бомбардировка, которая длилась с незначительными перерывами до утра.

Было сброшено значительное число бомб, некоторые из них повредили лечебные учреждения (Институт уха, горла и носа).

5.Х. Готовимся к отъезду.

Были у меня проф. А.В. Смирнов и Пунин, Быков, Пономарев, Тушинский и зав. Горздравотделом Никитский. Масса разнообразных поручений.

Днем непродолжительная бомбардировка — самолет обстреливал улицу из пулемета.

Вечером спокойно. Начиная с часу ночи, были непрерывные тревоги. По-видимому, шла бомбардировка, но не в нашем районе.

6.Х. Сидим и ждем свою судьбу. Ничего не известно относительно отправки. Звонил Заварзин, который все еще не уехал.

⁹ Родственник Ю.Ю. Джанелидзе по линии жены.

С вечера были две тревоги, но не слышно, чтобы бомбардировали нашу сторону.

Говорят, что на фронте дела лучше. Был в «Скорой»¹⁰, в клинике¹¹, у Месселя¹² и председателя районного совета.

7.X. Все ждали отъезда. Брожу без дела, был в клинике и «Скорой». Утром приходили проф. Френкель, доктора Дундук и Филин, просили помочь подыскать им помещение для госпиталя.

Прекрасный вечер. В 19 ч. 25 м. началась воздушная тревога, которая продолжалась 6 ч. 10 м., т. е. до 1 ч. 25 м. Самая продолжительная из всех тревог. Пошел дождь, который, по-видимому, и заставил прекратить налет.

Небольшой налет был повторен около 5 ч. утра.

8.X. Вчера, оказывается, бросали преимущественно зажигательные бомбы; больших пожаров не было.

С утра и целый день шел дождь. Днем и вечером налетов не было.

Ждем отправки.

9.X. В 6 часов утра налет. Несколько раз в течение дня воздушные тревоги.

С утра до 16¹/₂ ч. был в Выборгском госпитале. Радостного мало. Со мной был проф. Лисицын, который назначен туда консультантом. В 17 ч. у меня было заседание вместе с проф. Пуниным и Лисицыным; Мельников не пришел.

В 19 ч. 20 м. началась воздушная тревога и с десятиминутным перерывом продолжалась до 1 ч. 20 м., т. е. в продолжение 6 часов.

Оставили Орел.

10.X. Ночь прошла совершенно спокойно. Днем несколько раз тревоги. Подал рапорт в институт о зачислении на работу. Вечером ассистировал Хлопониной при ранении живота.

Точно в 19 ч. 20 м., с немецкой акуратностью, началась тревога. Во время тревоги возвращался домой — чертовски красиво! До двух ночи с небольшими перерывами воздушные тревоги.

11.X. Остальная часть ночи прошла спокойно. Становится холодно. *Заморозки.* Вчера показались первые пушинки снега.

Утром позвонил Иван Германович Мадер, начальник учебного отдела ВМА, и передал мне, что *из Москвы за подписью генерала Хрулева получен приказ о моем отъезде в Москву.* Окончательный ответ о дне моего отъезда дадут сегодня вечером между 21 и 22 часами.

Новая фаза ожидания. Был в «Скорой», в клинике у директора института (Илья Давидович Страшун) и зам. директора Николая Ивановича Озерецкого.

21 ч. 45 м. Только что звонил Мадер; сказал, что завтра отправки не будет.

22 ч. 55 м. — 23 ч. 40 м. воздушная тревога.

12.X. Холодно. Кратковременная дневная тревога. Ждем отправки. Заделываем окна. Врач Габузов лежит у меня в клинике; в хорошем состоянии — нога в гипсе.

Днем две кратковременные воздушные тревоги. Вечером спокойно. Мадер позвонил и сказал, что мы завтра не уезжаем, возможно, 14-го или 15-го.

¹⁰ Институт скорой помощи

¹¹ Клиника госпитальной хирургии 1 ЛМИ им. акад. И.П. Павлова.

¹² Городская станция скорой медицинской помощи.

А.И. Иванов¹³ сказал, что получил письмо от Андреева, что меня необходимо командировать в Москву.

Линия фронта, по-видимому, проходит между Поповкой и Колпино, у Пушкина, села Урицкого, Лигово. При этом Ораниенбаум и Петергоф наши.

13.X. С утра был в клинике; перекладывал оперированное мной аппаратом Saresi бедро. Не знаю, не последнее ли это вмешательство в любимой моей клинике? Был в «Скорой», а затем на заседании в ВММА. Три доклада (Пунин, Лисицын и Хайцис) были посвящены вопросу о работе, проделанной Академией на фронте и в тылу. Выступал и в прениях. Иванов мне передал телеграмму Андреева «Договоритесь начальником академии Кирова вашем отъезде Москву согласовано главсанупром».

В 19 ч. часовая воздушная тревога, во время которой было сброшено много фугасных бомб. Одна из бомб упала на ул. Скороходова, и 35 зажигательных бомб упало в ВММА.

В 23 ч. 50 м. вторичная тревога продолжительностью 1 ч. 40 м.; по-видимому, снова шла бомбардировка.

Около 18 ч. пошел снег.

Оставили Брянск и Вязьму.

14.X. С утра прохладно. Иду в «Скорую», сдаю последние рукописи доктору Красносельскому. Последний раз прощаюсь с друзьями и товарищами, с которыми я проработал столько лет. Операционная сестра (Ольга Ивановна Трейман) плачет.

С 11 до 4 часов дня в Сводном Военно-Морском госпитале (начальник Петр Алек-

сандрович Дундук). Побывал в клинике и в 6 часов дня попрощался со всеми.

Плохая нелетная погода, поэтому немцы нас не тревожат ни днем, ни ночью. *Оставили Мариуполь.*

Вечер, печальный вечер. Не могу оторвать глаз от Жоржика, скоро ли мы снова его увидим? Куда и на сколько времени мы уходим? Что мы найдем из своего прошлого? Лучше не думать!

15.X. Нина спала только $\frac{1}{2}$ часа; массу времени уходит на укладывание. Просыпаемся и встаем в 6 часов. В 6 ч. 30 м. просыпается Жоржик, и мы с ним прощаемся в 7 утра; он уходит на работу. Трудно, прямо невозможно в таких условиях прощаться. Легкий завтрак. В 8 ч. 10 м. за нами приезжает Павленко; он любезен, сам перетаскивает наши вещи в санитарную машину, в которой хотя и неудобно сидеть, но куда легко помещается наш довольно значительный багаж. Ночью выпал снег, который местами покрыл землю. Мороз. Едем как по лагерю; всюду попадают войска, встречаются саперные части с лопатами, шныряют грузовики. В 8 ч. 30 м. мы уже на Комендантском аэродроме. Поставили у дороги машину. Пошли справляться. Окрестности домика, в котором мы должны были навести справку, не предвещали ничего утешительного. Грязь и беспорядок превосходили все, что можно было себе представить. В комнате около 80 кв. м сидели, стояли около 250–300 человек. От табачного дыма резало глаза и трудно было дышать. Окурки, обрывки бумаги, какие-то финские прокламации заполняли весь пол. Это были преимущественно технический персонал и рабочие

¹³ Начальник ВММА.

различных заводов, которых перебрасывали воздушным путем на Восток. Никто не мог нам сказать, поедет ли мы вообще сегодня, а если да, то когда. Мы пошли обратно в машину. Не раз возвращались в этот «очаровательный уютный чистый домик». Мало-помалу остываем, меняем место то в домике, то в машине. Все это мало помогает. На бедной Нине лица нет. Она физически и морально устала, истощена, дремлет в машине. Около 16¹/₂ ч. выясняется, что одна машина уходит в Москву, и она по особой протекции соглашается взять Павленко, но летчик согласен это сделать, если ему удастся оторваться от земли. Слишком перегружена машина. Сидим в машине в ожидании отлета Павленко. В 17 ч. машины красиво снимаются, их сопровождают 9 истребителей. Все было бы красиво, даже очень интересно, если бы мы так не измучились за день и так бы не продрогли. Мечтаем о возвращении домой, где мы рассчитываем найти тепло. Но еще в 17 ч. 30 м. нам, отправляющимся в Москву, приказано не расходиться. Возможно, что нас еще отправят. Никакого желания. Скорей бы домой! Никто, конечно, нас не отправил. Наконец мы дома. Какое счастье, тепло и уютно. После обеда мы проспали до 24 часов. Как мы устали! Неужели все это нельзя было бы устроить по-человечески? Зачем изматывать людей? Когда мы выучимся хоть элементарному порядку?

Завтра у нас дома будет дежурить машина «Скорой», и я буду звонить на аэродром, как только выяснится, что есть возможность лететь. Опять не было налетов ни днем, ни вечером, по-видимому, пого-

да для немцев нелетная. Что день грядущий нам готовит?

Снова перезваниваемся по телефону со знакомыми. Нас жалеют. Плохо, когда тебя жалеют!

16.X. Просыпаемся в 7 ч. 45 м. В 8 часов приходит Ося и сообщает тревожную сводку, что враг прорвал фронт и появилась непосредственная опасность Москве. Прослушал передовую газеты «Правда», в которой звучат те же мотивы. Пришла машина, которая должна меня доставить на аэродром. При создавшейся обстановке — непосредственной угрозе Москве — едва ли рационально туда лететь. И решаю отложить отъезд на несколько дней. Заведующий отправкой Альба говорит, что меня могут отправить, как только выяснится обстановка. Я запрашиваю Мадера, который согласен, что поездку нужно отложить на несколько дней.

Говорил с помощником Альбы — Ушинским, который говорит, что меня отправят, как только обстановка это позволит.

12 ч. 30 м. говорил с директором 1 ЛМИ Страшунном, который говорит, что при создавшейся обстановке следует выждать, тем более что на телеграмму-молнию, отправленную наркому Митереву, ответа не получено. Телеграмма была составлена приблизительно так: «Молнируйте, куда направить профессоров Джанелидзе, Ланга и Заварзина. Отъезд предписан».

Был в «Скорой» и в клинике. Виделся с директором института Страшунном, который полагает, что следует выждать; того же мнения придерживается Озерецкий. Была одна дневная, непродолжительная, тревога и часовая — вечером;

бросали преимущественно зажигательные бомбы. Сгорели американские горы и стеклянный зал Нардома. Три фугасные бомбы. Вчера на аэродроме встретил Еланского, который прилетел из Тихвина.

17.X. 0 ч. 30 м. — воздушная тревога. Сидим в столовой. В один момент свист домовой сирены принимаем за свист бомбы. 1 ч. 30 м. — отбой. 1 ч. 40 м. воздушная тревога — 2 ч. 40 м. конец. Был большой пожар: сгорели американские горы, были пожары и в других местах.

С утра в клинике и в акушерской клинике. Приходил начальник ВММА А.И. Иванов и рассказал, что вчера по соседству от Академии в Введенский канал попали две фугасные бомбы — вылетели все стекла. Рассказал, что во время массового забрасывания зажигательных бомб был ранен 21 человек; один слушатель задохся в дыму. Собирается сделать попытку вывезти Академию.

Вечером дома сообщили, что звонил Мадер, который сказал, что он созвонился со Смольным, что мне следует вылететь завтра. Я лично переговорил с Мадером и с Петровым, указав им, что бессмысленно мне ехать в данный момент в Москву, когда обстановка там неясна. Петров (представитель горисполкома) выразил сожаление, что 15-го вышло так не хорошо. По-видимому, моей срочной отправкой он старается загладить свою вину, но он легко соглашается, что при данной обстановке следует подождать.

Вечером очередная порция воздушных тревог, к которым мы уже в достаточной степени привыкли. Звонил заведующему Горздравотделом, говорит, что оформил приказ насчет доктора Степановой.

Был Анатолий Николаевич Хрусталева, который поступает к нам в институт.

18.X. С утра в «Скорой»: осматривал мастерские, устроенные Зеленским, — прекрасно.

Оставили Одессу.

Зачислили временно ассистентом Хрусталева.

19.X. Воскресенье. Сажу дома. Мало радостных вестей из Москвы. Читаю отдельные листы сигнального экземпляра Лежара, которого, как это ни странно, собираются издавать.

Вчера целый день не было налетов, что отчасти объясняется метеорологическими условиями, но в значительной степени тем, что значительная часть немецких сил оттянута к Москве. В 22 часа звонил Страшун и сообщил, что в 20 часов получил правительственную телеграмму, посланную в 18 часов и подписанную зам. наркома Миловидовым: «Профессоров Джанелидзе, Ланга и Заварзина направить Казань». Это ответ на нашу телеграмму, и пока он не может влиять на наше решение. За сутки не было ни одной воздушной бомбардировки.

20.X. Серый день. С утра в «Скорой», затем в клинике.

Приходил флагманский врач Полянский, который сообщил много интересного. Под вечер все небо затянуло тучами. В 16 ч. 55 м. воздушная тревога; мне час с лишним пришлось сидеть в бомбоубежище Мраморного дворца. Вечером туман, что, по-видимому, помешало дальнейшим налетам. Днем приходил Ланг.

Немцы у Можайска и Малоярославца.

21.X. Дождь. Серый, туманный, значит, хороший день. С утра отправился для осмотра госпитального судна «Андрей Жданов». На нем 180 раненых. Чрезвычайно низкая квалификация врачей.

Целый день не было налетов. По-видимому, чтобы покрыть этот дефект, в 23 ч. 18 м. начался артиллерийский обстрел. Стреляют с интервалами в 7–10 м. Гул настолько резкий, что кажется, что снаряды падают недалеко от дома. Стреляли целый час.

К существующим направлениям приоседилось Таганрогское.

Я предложил проф. Френкелю (Георгий Леонтьевич), который исполняет в Ленинграде обязанности начальника Санитарного отдела КБФ, организовать отделение для поврежденных нервов. К этому меня привело большое число повреждений нервов, о которых никто не думает, а если и находят, то их никто и никак не лечит.

22.X. Оказалось, что немцы вели артиллерийский огонь из дальнбойных орудий по Выборгской стороне. С утра был в клинике Шаака, где Елизавета Семеновна оперировала раненого с аневризмой подключичной артерии. Больной погиб через час после операции. Приходил проф. Заварзин, который говорил насчет своего отъезда.

23.X. С утра и до позднего вечера провел в бывшем Петергофском госпитале, который сейчас располагается на 14-й линии В.О. (д. № 77). Начальник госпиталя Клепиков, главный хирург Кальмановский. Тяжелых раненых много. Квалификация врачей низкая.

Целый день и вечер не было налета. День серый, часто моросит дождь. *Оставили Таганрог.*

24.X. Целый день в клинике. Приходил проф. Триумфов, с которым вел переговоры относительно организации отделения поражения периферической нервной системы.

Объявлено о переезде нашего правительства в Самару (Куйбышев). Комитет обороны остался в Москве. Целый день и вечер не было налетов.

25.X. День провел в «Скорой»; оперировал. Налетов не было.

26.X. Воскресенье. Собрание флагманских врачей, на которое я не пошел. Налетов не было.

27.X. Серый, дождливый день. С утра в клинике. В 3 часа поехали в ГИДУВ на конференцию, где Н.Н. Петров делал доклад «о пихтовом бальзаме», Н.Н. Самарин о «стрептоциде», Ц.С. Коган об окислителях при лечении ран и др. Доклады представляли мало интересного. Налетов не было. Артиллерийский снаряд попал на Васильевский остров.

28.X. С утра в клинике, затем в «Скорой». Идет снег. Под вечер вьюга, метель, снег.

В 19 ч. налет, по-видимому, где-то бросили фугасную бомбу. Видно зарево пожара.

29.X. Пошел снег. С утра в госпитале у Дундука вместе с проф. Мельниковым. Госпиталь не узнать, стал чище, порядок. В 16 часов в клинике было заседание с проф. Мельниковым, Пуниным и Лисицыным. Обменивались мнениями о состоянии морских госпиталей. Было сделано предложение: госпитальное судно «Андрей Жданов» использовать для батальона выздоравливающих. На этой неделе я должен буду навестить

Таллинский госпиталь. Идет подготовка к организации отделения периферической нервной системы. Я предложил организовать отделение для повреждения кисти и повреждения суставов, для суставов в Рижском госпитале.

Был у меня И.П. Виноградов, который вел переговоры относительно возобновления заседаний Хирургического общества Пирогова. Я предложил временным представителем пригласить Н.Н. Петрова.

Вечером налет, продолжавшийся около часа, по-видимому, были сброшены фугасные бомбы. Днем артиллерия противника обстреливала район Сенной площади и Исаакиевского собора.

22 ч. 50 м. Воздушная тревога. 23 ч. 50 м. — отбой. Было сброшено много фугасных бомб, преимущественно на Выборгской стороне.

30.X. Меня разбудили в 4 часа. Вызывал доктор Маскин, который живет в нашем доме. Я его застал в тяжком состоянии. Сидит, мечется и кричит от болей, глаза выпячены. Живот как доска. Я его давно знаю как язвенного больного. Перфорация желудка никакого сомнения не вызывает. Я его сразу перебросил в «Скорую» и в 5 часов утра прооперировал. Боли настолько тяжелые, что он не может лежать на носилках. Его несли на руках и посадили в санитарную машину. Но вот чего мне никогда не приходилось раньше делать — это начинать наркоз в сидячем положении, так как он не может лежать на операционном столе. Только после наступления рауша мы его положили. Нашел перфорированную язву 12-п. кишки, которую

зашил без... <нрзб.> День в клинике «Скорой».

Оставили Харьков. Налета не было.

31.X. Утром приходил ученый секретарь УСМСУ Павел Митрофанович Розанов. Ввиду оторванности Медико-санитарного управления Розанов остался без руководства и фактически без дела. В Академии он не пользуется любовью, ему делать нечего. Он предлагает созвать заседание ученого совета, 16 членов которого находятся в Ленинграде. Я ему изложил проводимую мной в Морском госпитале работу. Предложил ему взять на себя инициативу и объединить работу Санотдела КБФ и Академии. Не знаю, что из этого выйдет. Днем в клинике и в «Скорой».

Целый день идет снег. 23 ч. 5 м. — воздушная тревога — отбой 23 ч. 52 м.

1.XI. С утра в Таллинском госпитале (В.О., 19 линия) вместе с проф. Пуниным. Виделся там с проф. Триумфовым, вел переговоры относительно организации нервного отделения. В госпитале нет ни одного толкового, знающего хирурга. Чистота оставляет желать лучшего. Вместе с начальником госпиталя № 3 тов. Дундук ездил к председателю райсовета (Иван Федорович Иванов) просить об отводе помещения для персонала госпиталя. Он, вместе с секретарем райкома, обещал.

В 18 ч. 30 м. воздушная тревога до 20 часов.

2.XI. 0 ч. 7 м. воздушная тревога — 0 ч. 42 м. — отбой. 14 ч. 5 м. — воздушная тревога — 14 ч. 32 м. — отбой. 20 ч. 30 м. до 24 часов артиллерийская стрельба, которая слышна, как никогда раньше.

3.XI. Говорят, что за вчерашний день выпущено по городу около 200 снарядов. Часть снарядов попала на ул. Блохина и в район зоосада. Были раненые; некоторые из них были доставлены в «Скорую помощь». День провел в клинике и в «Скорой».

18 ч. 30 м. налет, который продолжался около $\frac{1}{2}$ часа; после 2-минутного перерыва был второй короткий налет. Стрельбы не слышно. По-видимому, бросали зажигательные бомбы.

Вечером звонил проф. Блинов, который сказал, что предлагает ряд сокращений по редакции Вестника.

Вчера получил письмо из Свердловска от проф. Лидского, который предлагает печатание и издание Вестника перенести в Свердловск, где для этого есть возможность.

4.XI. С утра был в Выборгском госпитале. Стало намного лучше, достаточно чисто, но грязи все же хватает. Истории болезни пишут плохо. Никакой логики. Консультанты терапевты и невропатологи ограничиваются халтурной записью.

В 15 ч. 30 м. поехал на заседание в ВММА, которое созвал ученый секретарь Розанов. Были начальник Академии А.И. Иванов, Розанов и я. Баудер (начальник Санотдела КБФ) не явился. Я изложил свои соображения по поводу работы президиума ученого совета.

Как выяснилось, во время вчерашнего налета довольно сильно пострадала ВМА им. Кирова. Несколькими бомбами (около 5 фугасных бомб) убило 15 слушателей, разрушило часть психиатрической клиники, выбило стекла во многих клиниках, аудиториях и в опе-

рационных. За день два налета. Вечерний налет начался в 18 ч. 50 м. — отбой 19 ч. 40 м.

20 ч. 45 м. — только что разорвалась где-то недалеко бомба, и тотчас же был дан сигнал воздушной тревоги. 21 ч. 20 м. — отбой. 21 ч. 32 м. — воздушная тревога. 23 ч. 55 м. — отбой.

5.XI. С утра частый артиллерийский обстрел города, преимущественно Васильевского острова. Вчера в Выборгском госпитале видел больного с очень большой аневризмой левой бедренной артерии в верхней части. Ввиду того что доктор Одес (Лев Александрович) (начальник — Андрей Макарович Амосов) очень волновался, то я решил поехать ему ассистировать. За мной заехал проф. Лисицын, и мы вдвоем ему ассистировали. На основании ряда данных я поставил распознавание, что имеется аневризма *art. profundae femoris*; так и оказалось. Хирург оперировал грубо и случайно перерезал *art. femoralis*, которую пришлось перевязывать. Днем был в «Скорой», а в 4 часа пошел осматривать госпиталь на ул. Мира, куда меня позвала Усольцева. Картина обычная. Молодые врачи, малоопытные или совсем неопытные, предоставлены самим себе. Один хирург (Горелик), который именуется полостником, в одинаковой степени невежествен во всех частях тела. Я окончил консультацию; в ожидании машины мы сидели в первом этаже, когда раздался взрыв фугасной бомбы. Дом задрожал, содрогнулся; было 19 ч. 30 м. Как выяснилось впоследствии, бомба упала на ул. Скороходова.

Я поехал домой; у подъезда нашего дома мне сообщили, что только что в дом напротив упала фугасная бомба. Пахло дымом. В темноте я видел зияющие в окнах щели.

В этот налет в городе фугасные бомбы были разбросаны в различных частях города. Налет продолжался до 21 часа.

23 ч. 35 м. — воздушная тревога. Нервно, быстро-быстро стучит хронометр. 0 ч. 15 м. — отбой воздушной тревоги.

6.XI. 1 ч. 45 м. — воздушная тревога — 2 ч. 15 м. — отбой.

С утра в клинике. В 15 часов заседание Совета профессоров, на котором директор, проф. Страшун, произнес хорошую, культурную речь.

В 18 ч. 30 м. налет; с небольшим перерывом опять налет продолжительностью в 20 м.

В 20 часов передавалась из Москвы речь т. Сталина. Во время речи немцы устроили непродолжительный налет, во время которого передача речи т. Сталина продолжалась. Подписал заявление доктора Рупеко об отчислении от должности.

Как рассказал Жорж, вчера в Академию им. Кирова кроме фугасных попало несколько артиллерийских снарядов.

Получил письмо от доц. Арьева. Звонил доктор Одес. Оперированный больной чувствует себя удовлетворительно, нога теплая.

7.XI. В 8 часов сквозь сон слышу, как куда-то недалеко упал тяжелый артиллерийский снаряд.

Серый день, холодно, барометр резко упал. Оказывается, что вчера вечером, за время кратковременного налета, против-

ник набросал много фугасных бомб почти во всех районах. Одна из бомб попала в глазную лечебницу на ул. Моховую, к счастью, она не взорвалась. Есть много раненых и убитых.

Как это ни кажется странным, сегодня позвонил доктор Моисей Абрамович Лахман. Он просил меня быть консультантом госпиталя, где он состоит начальником. Он мне сказал, что неделю думал, раньше чем решил позвонить мне; он знает, до чего я занят, но просит меня хотя бы два раза в месяц приезжать к нему. Я не счел возможным отказываться, так как знаю, до чего необходимы консультанты в наших госпиталях.

Состоялся радиомитинг под председательством Попкова. *Передавали речь, которую произнес тов. Сталин на параде на Красной площади 07.11.1941 г.*

Целый день идет артиллерийская стрельба по городу. Идет мокрый снег, что, по-видимому, мешает налетам.

Следует приступить к составлению отчетов как по клинике, так и по госпиталям.

8.XI. С утра до вечера провел в Л. М. госпитале¹⁴ у проф. Пунина. Там очень неплохие врачи, но очень вялое руководство. Я им подробно изложил план отчета, составленного по госпиталю за 4 месяца войны. Целый день интенсивный артиллерийский огонь, как с нашей стороны, так и со стороны противника.

9.XI. С утра мокро; тает. Большинство трамваев не ходит по просп. К. Либкнехта или из-за того, что где-то разрушен путь, или где-то лежат неразорвавшиеся бомбы.

¹⁴ Ленинградском Морском.

Утром передал в клинику план для составления отчета за 4 месяца.

Провел часа $1\frac{1}{2}$ в хирургическом отделении № 7 (у С.П. Иванова). Печальное зрелище. Молодые врачи предоставлены сами себе, никто ими не руководит. Истории болезни пишут черт знает как. Остеомиелит дистальной фаланги первого пальца замуровывают в глухой гипс; на рентгенограмме разрушенная фаланга. Аневризму art. pedonei открывают через месяц.

Был в «Скорой»; после тревоги начался обстрел города. Я вышел с врачами Степановой и Каменчик около 5 часов. Мне казалось, что стреляют наши; прямо под носом рвались снаряды. В 17 ч. 30 м. я пришел домой, вдруг по радио — артиллерийская тревога. Объявили, что идет обстрел нашего района, предлагали уйти в бомбоубежище и щели. Обстрел продолжался до 18 ч. Нина пешком шла домой с Невского во время обстрела, Жорж частью ехал на трамвае со службы, частью шел.

Оказалось, что во время кратковременного налета во многих местах были сброшены фугасные бомбы. Артиллерийскими снарядами на проспекте Горького было ранено несколько человек. Двое раненых были оттуда доставлены в «Скорую»; один из них умер.

10.XI. С утра морозно. На просп. К. Либкнехта не ходит большинство трамваев. В 11 ч. начал оперировать в операционной наверху. Кровавое вправление плохо стоящих отломков бедра с аппаратом Soresi. Присутствуют директор Института проф. И.Д. Страшун с женой — поэтессой Верой Михайловной Инбер, врачи

из Морского госпиталя № 3 с начальником госпиталя (Дундук и хирург Ишханов). Около 13 часов начался налет, который продолжался 2 ч. 15 м., было сброшено несколько фугасных бомб.

Начальнику госпиталя № 3 дал указание составить отчет.

Вечером налета не было.

11.XI. 1 ч. 5 м. воздушная тревога — 1 ч. 45 м. — отбой воздушной тревоги. У нас ничего не было слышно. Оказалось, что спокойно было и в других районах.

Холодно — 5–6°. Были у меня нач. Санотдела КБФ — Баудер и его помощник Васильев. Я с ним обсудил все вопросы, связанные с постановкой работы в морских госпиталях.

В «Скорой» нет новых больных и раненых.

Жорж сообщает, что предполагается его отлет в ближайшие дни.

Был проф. Владимир Ильич Йоффе, который назначен консультантом бактериологии при Сан. отд. КБФ. Я с ним обсудил возможность организации научной работы в госпитале.

Вчера, по словам Рамша, была 250-я воздушная тревога. Своеобразная юбилейная дата.

12.XI. С утра оперировал в «Скорой», а затем в клинике. Подготавливаем отчет за 4 месяца войны. За день было пять воздушных тревог, одна продолжительностью в $1\frac{1}{2}$ часа. Зинаида Васильевна и Елена Васильевна жалуются на чрезвычайно тяжелые условия работы в клинике.

13.XI. 1 ч. 15 м. слышна артиллерийская стрельба. 1 ч. 50 м. — воздушная тревога. 2 ч. 10 м. — отбой.

С утра поехали в госпиталь ВММА (В.О., 4-я линия).

Начальник госпиталя Плотников, главный врач Петров. Госпиталь развернут в школе и, естественно, не приходится рассчитывать ни на удобства, ни на целесообразность распределения. Но даже при этих обстоятельствах можно было бы обойтись без большой паутины у дверей начальника госпиталя.

Я направился на кафедру общей хирургии, которой руководит Давыдов, ученик И.И. Грекова. Лучше не оставлять никаких учеников, чем оставлять такого!

Чистота в ящиках стола в комнате дежурного врача оставляет желать лучшего. Затем я попал в перевязочную, которая в этот момент играла роль учебной комнаты и в которой некий Смирнов (Михаил Иванович), носящий громкое название заместителя директора, вел занятия со слушателями. Ни преподаватель, ни слушатели не только не имели мало-мальски опрятного вида, необходимого в клинике, но и имели вид сброды. Преподаватель довольно развязно говорил глупости, причем было видно, что понятие необходимости предварительной подготовки у него совершенно отсутствует. Я посидел около 15 минут и удалился вместе с Давыдовым, который на мое замечание, почему слушателям говорят глупости, объяснил, что Смирнов волновался в моем присутствии.

Истории болезни пишут кто как хочет; не только нельзя искать логики в их действиях, но самые элементарные понятия не только о военно-полевой, но и какой бы-то ни было хирургии отсутствуют. Понятие о размерах, необходимых для

фиксации суставов, нелепы (при повреждении пятки у места прикрепления Ахиллова сухожилия) (муж докторши) повязка окончена на середине голени. При повреждении плечевого сустава плечо фиксировано в приведенном положении. Повреждение п. ulnaris u radialis нераспознанными лежат по 1¹/₂ месяца. В случаях, где повреждения п. radialis установлено, больной лежит со скрученной кистью. Понятие о глухом гипсе не существует.

С невеселыми мыслями я уходил из этой, с позволения сказать, клиники. Молодые бедные врачи находятся под руководством таких руководителей! Было за день три воздушные тревоги, одна продолжалась 1³/₄ ч. Были сброшены фугасные бомбы во многих местах — на Крестовском и на Петровском островах, на пр. 25-го Октября, на Желябова; много бомб замедленного действия, некоторые из них взрывались через 30 и 40 мин.

23 ч. — воздушная тревога; 23 ч. 25 м. — дрогнул пол; по-видимому, где-то недалеко в нашем районе упала бомба. Сидим в столовой. Стоит грохот от наших зениток.

14.XI. 0 ч. 15 м. — отбой воздушной тревоги; 2 ч. — воздушная тревога. Через несколько минут с верхних этажей быстро спускаются жильцы дома, 2 ч. 10 м. — отбой. Жестокий налет начался в 5 ч. 40 м. и длился час. Я этот налет проспал.

В 10 ч. 30 м. я отправился в клинику; по дороге меня захватила воздушная тревога. Противовоздушная артиллерия открыла жесточайший огонь; на небе появились облака от разрывов. До клиники дошел вполне благополучно, но едва ли

стоит бродить по улице во время такого жестокого налета. Радио надрывалось и предупреждало, что налет, и совет: не оставаться на улице, а укрываться.

В 11 ч. пришел проф. А.В. Мельников, который просил не возлагать на него обязанностей по клинике общей хирургии; он уверял меня, что очень устал и у него нет никакой энергии.

В 11 ч. 30 м. начали поступать жертвы утреннего налета, преимущественно из Новой Деревни. Мы приняли 19 тяжелораненых, из которых немедленно или в ближайшие часы умерло трое. У одной молодой женщины вся передняя брюшная стенка в верхней половине оказалась вырванной; уцелели только две полоски париетальной брюшины. Выпали весь желудок, поперечная ободочная кишка и около 1 метра тонкой кишки. (Оперировал Хрусталеv — я ассистировал. Оперирует средне.) Левая доля печени оказалась разорванной; залатали сальником и тампоном. Ввиду того что брюшную стенку стянуть не представлялось возможным, то заложили тампоны, впереди которых протянули швы. Я зашил открытый пневмоторакс у мальчика 14 л. Ассистировал Зинаиде Васильевне на лапаротомии. Входное отверстие в левой ягодичной области; ранение сигмовидной кишки в трех местах. Ужасающее ранение левого бедра. Вырванными оказались внутренние верхняя и задняя поверхность бедра. Ампутация. Ампутировали голень у тяжелоанемизированного, у которого вырваны мягкие ткани левого плеча. Ужасные ранения.

Вечером опять тревога задержала меня в клинике, и я мог вернуться домой только в 9 часов вечера.

Опять была тревога. Последняя ли за сегодняшний день. Едва ли!

15.XI. 0 ч. 18 м. — воздушная тревога. 0 ч. 40 м. — отбой. Днем было две тревоги, одна из них вечером продолжалась около двух часов. Во многих районах набросали много фугасных; Мессель сказал, что много жертв. Утром обходил клинику у Рупеко, оперировал в «Скорой».

Говорят, что большая бомба упала во дворе больницы Эрисмана, около покойницкой; не разорвалась.

Вопрос об отъезде Жоржика то отпал, то снова ставится.

16.XI. 10 ч. 45 м. — воздушная тревога, не особенно длительная и шумная. 12 ч. 40 м. — воздушная тревога.

12 ч. 55 м. — отбой.

13 ч. 5 м. — воздушная тревога. 13 ч. 32 м. — отбой.

19 ч. 20 м. — воздушная тревога. 20 ч. — отбой.

Вчера Ланг прислал письмо, просил сделать 22.XI доклад на конференции, устраиваемой Сан. частью Ленинградского фронта. Тема «Ожоги и их лечение». Сижу — просматриваю последнюю литературу.

20 ч. 30 м. — воздушная тревога. 22 ч. 20 м. — отбой.

Вечером сообщили о большом налете на Москву (14.11) и из Лондона о торпедировании авианосца Arc Royal.

17.XI. 9 ч. 50 м. — воздушная тревога. Не могу идти на операцию, должен переждать дома. 10 ч. — отбой.

Днем в первый раз оперировал в операционной Нервной клиники: сделал резекцию желудка по поводу рака. Пришлось отказываться от оперирования в верхней

операционной, в которой позавчера осколком снаряда пробило стекло на крыше.

Первый налет, начало которого мы проспали, окончился в 20 ч. 15 м., 20 ч. 20 м. — воздушная тревога. Грохочут зенитки. 21 ч. 35 м. — отбой. 5 налетов за день!! Жорж опять говорит об отлете, срок которого неясен.

18.XI. 0 ч. 30 м. — воздушная тревога. 1 ч. 50 м. — отбой. С утра был в Таллинском госпитале. Стало намного лучше, но еще масса плохо обследованных больных.

Жоржу предложено лететь. Говорил с Мадером, просил отправить его со старшими. Он мне ответил, что это невозможно.

18 ч. 30 м. — воздушная тревога. 18 ч. 50 м. — отбой.

Несколько дней тому назад погибло госпитальное судно «А. Ж.»¹⁵, подорвавшись на mine; погиб только один человек. 19 ч. 10 м. — воздушная тревога. 19 ч. 50 м. — отбой.

20 ч. 5 м. Снова говорил с Мадером и просил его отправить Жоржа вместе с Юрьевым. На этот раз он был намного сговорчивее и сразу обещал, что он согласен и отправит Жоржа хорошо. Это значит, что он полетит до железнодорожной станции Хвойная. Как оказалось позже, он был отправлен в сторону Новой Ладоги.

20 ч. 25 м. — воздушная тревога — 20 ч. 45 м. — отбой.

Как ни тяжело нам расставаться с сыном, но при создавшейся обстановке отъезд его нужно считать счастьем. Число пострадавших после бомбардировок

растет, а в особенности достается Выборгской стороне и их Академии, где он работает и часто дежурит и где уже не осталось ни одного целого стекла. Мы также счастливы (как все условно) при мысли, что ему не придется идти пешком 150 километров зимой, в мороз, а удастся лететь. Хочется верить, что этому ничего не помешает.

19.XI. 9 ч. 45 м. — раньше загрохотали зенитки, чем успели подать сигнал воздушной тревоги. 10 ч. 20 м. — отбой. Холодно — 12°. Целый день в «Скорой». Слушал доклад доктора Е.К. Реймерс «О лечении инфицированного гематракса» и разбор истории болезни больных, погибших после ранений в грудь (д-р Каменчик).

Серый день. Бесконечные очереди перед магазинами.

18 ч. 30 м. — воздушная тревога. 19 ч. — отбой.

19 ч. 5 м. — воздушная тревога. 20 ч. 5 м. — отбой.

20 ч. 10 м. — воздушная тревога. 21 ч. 5 м. — отбой.

В 20 ч. позвонили Жоржу, что он летит завтра; он должен прибыть в канцелярию в 6 часов (утра).

21 ч. 10 м. — воздушная тревога. 22 ч. 20 м. — отбой.

Укладываем вещи Жоржика и готовим его к отлету.

20.XI. Встали в 4 ч. 15 м. Я спал час. Нина совсем не спала, все укладывала. В 5 ч. 15 м. Жорж уехал.

Мы выехали на машине «Скорой». Темно, зги не видать, шоферу очень трудно править. Мы заехали за Михаилом Алексеевичем Юрьевым, товарищем Жоржа.

¹⁵ «Андрей Жданов».

Ну и тяпа! Пока Жорж и Юрьев зашли к себе на кафедру, чтобы забрать с собой некоторые необходимые документы, я разговорился с шофершей. Она мне сказала, что на базаре молоко продавалось вчера по 45 р. за литр, а буханка хлеба по 120 рублей!! В 6 ч. 10 м. мы были в штабе Академии. В конференц-зале я увидел невеселую картину — массу народу с чемоданами, с кулками. Среди других Володя Шор с женой и дочкой, которой 7 месяцев. На мой вопрос, как они добрались до Академии, Володя мне рассказал, что жена тащила сани, на которых были чемоданы, а он нес девочку.

Отправка из Академии была поручена некоему Любарскому, очень юркому типу, но довольно симпатичному. Командиром улетающей группы был назначен некий майор Демидов. По кретинизму он разве мог бы сравниться с адъютантом начальника ВММА Толмачевым. К нам в машину сел Любарский, и мы поехали на аэродром на правом берегу Невы, в Н. Саратовской колонии, расположенный около 12–14 км от Академии. После часа пути мы приехали на поле, покрытое снегом, у опушки леса. Поле этого называется аэродромом. Это, по-видимому, деревушка, в которой всего несколько домиков; один из них занят начальником аэродрома. Комната, в которой мы очутились, имела не больше 8–10 кв метров. Она была заполнена военными, среди которых было много моряков. Большинство из них перебрасывалось на фронт. Начальником аэродрома оказался некий Цейтлин, тип нахальный arrogantный¹⁶.

¹⁶ Притязательный, надменный, напыщенный (устар. от франц. *arrogant*).

На вопрос Любарского, когда можно рассчитывать на отлет, он заявил, что вообще ничего насчет отправляемых из Академии ему не известно, что никаких списков у него нет, что вообще он ничего не знает и знать не хочет. После разговоров он немного смиловился и заявил, что отправит, что будет в его возможности.

Среди отправляющихся я увидел группу профессоров и доцентов ВММА. Среди них были бывший заведующий Горздравотделом Лев Абрамович Эмдин, проф. Александр Леонидович Мясников, Виктор Александрович Морев, Соломон Самуилович Вайль, Козинский, Михсибсан — всего 8 человек. Вайль прихватил с собой и своего сына. Официально они вызывались в Медико-санитарный отдел к Андрееву в Ульяновск. Неофициально они попросту утекали и говорили, что имеют поручение ходатайствовать о дислокации ВММА. Они меня очень просили оказать Иванову содействие в этом направлении.

Не получив утешительных известий о возможности отлета, мы пошли осматривать место, где были собраны отъезжающие; их было много, пожалуй, около 300–400. Они ютились в полуразрушенном сарае, что-то вроде бывшей конюшни. Ни окон, ни дверей, озябшие взрослые и дети устраивали костры в разных углах этого своеобразного пристанища и грелись. Кругом навоз, остатки каких-то разрушенных зданий. Трудно себе представить более демонстративную и печальную картину, доказывающую наше неумение организовывать что-либо уютно, умело и толково. Забота о людях так легко превращается в беззаботность о людях.

Грязь, окурки, мерзость запустения. Люди сидели на своих чемоданах, кульках, бродили из угла в угол, выходили и мерзли на улице. Наконец мы забрели в казарму, где живут красноармейцы, несущие караульную службу. По грязи это помещение не уступало сараю. Посередине стояла буржуйка, которая топилась. Там было тепло, но оттуда нас попросили уйти; нас скопилось слишком много, и хозяевам негде было даже повернуться.

Мы опять пошли мерзнуть на улицу. Через некоторое время начальник караулки нас пригласил к себе, мы несколько раз ходили «греться». Здесь даже кто-то пытался играть на балалайке: всюду жизнь.

Время шло, довольно низкие тучи покрывали небо. Шел снег. Ни один из самолетов не прилетал. Отлет становился маловероятным.

Около комендантской оказался лазарет на 12 коек для местного гарнизона. Там оказались очень приятные молодые врачи, часть из них мои ученики. Они очень любезно нас приютили, дали возможность согреться.

Погода становилась все менее и менее летной. Было очевидно, что никакого полета не будет. Нам заявили, что если до 14–15 часов самолеты не прилетят, то полет не состоится.

Мы сидели в лазарете — Эмдин, Мясников и Морев и обсуждали дальнейшую тактику. Для Жоржика мне гарантировали теплый ночлег, а потому я решил его оставить вместе с профессорами, так как снова добираться завтра до аэродрома, встать в 4 часа, снова искать машину было бы значительно труднее. Я вел вме-

сте с этим переговоры, чтобы Жоржика и Юрьева направили прямо на ст. Хвойную, а не на Новую Ладугу, откуда неизвестно каким путем нужно было бы двигаться дальше. Мне крепко обещали, хотелось бы верить, что это сделают, я был бы намного спокойнее.

Наконец в 15 часов я расстался со своим дорогим сыном. Трудно при современных условиях даже приблизительно представить, когда я его увижу и суждено ли вообще его мне увидеть.

Он стоит передо мной в своей папаше из кенгуру, которая ему очень идет. Высокий, красивый. Мы с ним крепко целуемся. Я уезжаю. Прихватил с собой на машине Володю Шора, который держит на руках семимесячную дочку и его жену. Сегодня ночью эти несчастные опять должны будут встать в 4 часа и на руках нести свою дочурку впотьмах, пешком тащиться в штаб Академии, откуда в 7 ч. 20 м. их снова направят на аэродром. Но сегодня они будут все же счастливее, у них не будет груза; чемоданы они оставили на аэродроме.

А мы будем ждать известий, удастся ли завтра Жоржику уехать и по какому маршруту.

День оказался настолько нелетным, что даже немцы не устроили ни одного налета!

Американский конгресс 15 ноября изменил закон о нейтралитете. 16 ноября в Сан-Франциско прибыл специальный японский посол Курусу для ведения переговоров с США. Вот-вот пламя войны охватит весь мир.

21.XI. Сижу дома. Должен завтра на какой-то конференции делать доклад об

«Ожогах и их лечении». Не мог отказать Лангу. Но настроение у меня малоприветное для какого бы то ни было доклада.

Серый день. Сравнительно тепло, около $-3-4^{\circ}$. Не знаю, удастся ли Жоржу улететь сегодня. Об этом до вечера ничего не смогу узнать.

С 10 ч. 30 м. не работает радио. В 13 ч. 5 м. погас свет. В 16 ч. 40 м. — дали свет.

В 16 ч. 45 м., только что говорил с Мадером и Любарским. Последний сообщил, что Жорж со своими товарищами (Юрьев, Кудрявцев и др.) улетели на Н. Ладогу в 11 ч. 45 м. Это, конечно, хуже, чем полет на ст. Хвойная, но мне остается надеяться, что их не заставят идти дальше пешком! Теперь остается терпеливо ждать от Жоржа известий.

В 18 часов — воздушная тревога. В 18 ч. 15 м. — отбой.

В 18 ч. 30 м. — воздушная тревога. 20 ч. 45 м. — отбой.

20 ч. 50 м. — воздушная тревога. Конца я не дождался.

22.XI. Серый день. Низкая облачность и туман. Идет снег. Вместе с Тушинским и Шааком поехали в Красноармейский госпиталь на конференцию, устраиваемую Ленфронтом. Организация казенная, нашенская! Холодно в зале. Света нет, даже кнопок не приготовили. Созванные по приказу врачи отбывают номер. Мы также отбываем номер. Главный терапевт Ленфронта (Гельштейн) в продолжение 30 м. мелет всякую чушь об организации терапевтической помощи на фронте; говорит о каких-то квалифицированных терапевтах, о какой-то терапии военного времени. Целый час Ланг говорил об этиологии и патогенезе травматического

шока. Аккуратно приготовленный, разграфленный, разложенный по полкам реферат. Говорили Куприянов и Тушинский о ранениях груди. Лучше всех, пожалуй, говорил Куприянов. Отбывал и жевал 40 м. и я об ожогах — не до того!

Как обыкновенно, что-то бесконечное по поводу отможений нес Оскар Левин, сознаюсь, не слушал! Продрог. Куприянов среди многих печальных вещей сообщил одну особенно печальную, что ранен А.Л. Стуккей, самый талантливый из моих учеников. Он ранен где-то около Званки, ранен в живот (16.11) с повреждением толстой кишки; оперировал Вишневецкий; дальнейшая судьба неизвестна.

Навестил в госпитале доктора П.А. Маскина, этого идиота, который на 7-й день после операции, которая протекла прекрасно, вдруг вздумал переезжать в Красноармейский госпиталь. Там он схватил двустороннюю пневмонию; сейчас ему лучше.

Куприянов просил меня 3 декабря сделать доклад на конференции фронта о ранениях груди. Я категорически отказался. Не до того, и никому это не нужно!!

Сегодня налетов не было, но зато шла интенсивная артиллерийская стрельба по городу.

23.XI. Серый день 3° . По-видимому, пока нелетный день, принимая во внимание, что нет налетов, но зато интенсивная артиллерийская стрельба по городу.

Был у меня проф. Френкель, который просил переговорить относительно него с командующим КБФ вице-адмиралом Трибуцем. Приходил проф. Рубашев, который спрашивал, не могу ли я ему

помочь эвакуироваться. К сожалению, я ничего не могу сделать.

Говорил с главным врачом ВВС КБФ — Исаевым. Он мне сказал, что относительно меня имеется распоряжение командующего КБФ о моей переброске. Я просил, чтобы нас перебросили прямо в Вологду. Он обещал, что это будет сделано, и просил ему снова позвонить и указать срок.

В предположении, что мы решили улететь на этой неделе, написали письмо Жоржику. Было предположено, что сборный пункт Вологда. При таком положении вещей, возможно, что мы с ним смогли бы еще встретиться. Я ему указал в письме, чтобы он телеграфировал в Вологду, в Киров — Морской госпиталь и в Ульяновск в Медико-санит. управление ВМФ — Андрееву. Письмо я сам отвез Владимиру Владимировичу Оппелю и просил его же сообщить о том же устно. Оппель мне передал, то вчера артиллерийскими снарядами были произведены разрушения против них; было много убитых. Налетов за целый день не было.

24.XI. С утра до вечера, вот уже несколько дней, не дают света. Это, конечно, сразу породило ряд затруднений: трудно и даже невозможно работать в операционных, не работают парикмахерские и мн. др. Это особенно тяжело, так как все окна заколочены, нельзя пользоваться и скудным дневным ноябрьским светом.

С утра в клинике. Показывают несколько тяжелых больных; часть из них назначены на послезавтра.

В 14 ч. началась воздушная тревога, которая закончилась в 16 ч. 30 м.

В это время происходило заседание Совета профессоров. Заседание шло в

бомбоубежище. Вначале было человек 26, а затем 30. Защищали диссертацию две докторши, одна по поводу кожных изменений при ревматизме, а другая по поводу биохимических изменений при душевных заболеваниях. История с диссертацией на степень кандидата медицинских наук доктора Бориса Яковлевича Шапиро.

Переговоры с директором Института проф. И.Д. Страшуном и Озерецким о вывозе нашего института.

Было сброшено несколько бомб, одна из них упала на дом, где живет проф. Мельников.

В 14 ч. в клинику был доставлен рабочий с завода № . с разорванной брюшной стенкой и выпавшими кишками.

25.XI. С утра я поехал в Адмиралтейство к главному врачу ВВС Исаеву. Его внешний вид не произвел на меня радостного и ободряющего впечатления. Значительно более толковое впечатление произвел его помощник Комаровский Павел Владимирович. Для выяснения некоторых интересующих меня вопросов позвали какого-то летчика, который пришел с 2-верстной картой. Интересующая меня трасса, по которой должен маршировать мой Жоржик, произвела на меня тяжелое впечатление: не только нет дорог, но не отмечены даже тропы. Нам обещан отъезд в Вологду в пятницу 28-го; мы очень бы хотели выехать именно в этот день, так как есть надежда перехватить Жоржика в Вологде.

Был в «Скорой» и видел омерзительную операцию, произведенную Красносельским. Был в госпитале № 3, где консультировал несколько больных.

За день несколько продолжительных тревог; где-то бросали бомбы. Вечером спокойно.

26.XI. С утра нет света; Из-за этого пришлось со значительным опозданием делать операцию.

В 13 часов дня меня и директора института принял председатель исполкома Петр Сергеевич Попков. Ходим мы преимущественно по вопросу о возможности эвакуации 1 ЛМИ. Насколько можно было догадаться из слов П.С., этот вопрос вообще пока не ставился. Мы ему объяснили положение, и он согласился, что это сделать необходимо. На вопрос о том, следует ли нам готовить институт в этом направлении, он ответил положительно. Второй вопрос касался карточек для медперсонала. Он сказал, что вчера решили, что всем врачам, сестрам и санитаркам всех больниц будут выданы на декабрь карточки первой категории. Третий вопрос о добавочном питании профессуры 1 ЛМИ, которая явно недоедает. Так, проф. Г.В. Шор потерял 27 килограммов.

Днем попал в воздушную тревогу, которая длилась от 13 ч. до 16 ч. Все это время я вместе с профессором Страшуном просидел в бомбоубежище Смольного. Хорошо устроенное бомбоубежище. Около 17 ч. 30 м. — опять воздушная тревога, которая была, по-видимому, объявлена в связи с артиллерийским обстрелом города.

Весь вечер нет света. Лучше, по-видимому, позже, чем никогда; дали свет в 0 ч. 15 м.

27.XI. Очереди стали сплошными; они тянутся длинной, почти сплошной полосой от ул. Введенской до площади Льва Толстого.

Утром заглянул в «Скорую», где получил командировочное удостоверение. Когда подошел к клинике, то оказалось, что ворота закрыты; меня все же пропустили. На мой вопрос, что же случилось, сторож мне ответил: «Пятнадцать сторожей заболели, слегли, истощились». Тяжелые дни! В клинике ассистировал З.В. Оглоблиный на артериовенозной аневризме бедра. По окончании операции меня позвали в «Скорую», куда, оказывается, была доставлена проф. бактериологии Казарновская. В 10 ч. утра она шла по просп. Майорова, и в нее попал снаряд. Она получила осложненный перелом в верхней трети правого бедра, с огромными входными и выходными отверстиями, рану правой голени, рану левой голени, сквозную рану в нижней $\frac{1}{3}$ правого предплечья и кисти, сквозную рану левой подмышечной области. Я ее начал обрабатывать через 5 часов, и обработка продолжалась $2\frac{1}{2}$ часа. Оригинально было то, что нервы даже при тяжелейшем поражении мягких тканей и костяка уцелели. Так, уцелел n. *ichiadius*, уцелели n. *ulnaris* и *medianus*, хотя art. и ven. *ulnaris* перерваны. Раны были засыпаны стрептоцидом.

Во время операции упали две бомбы против дома № 98 на мостовой и другая против нашего дома № 100. Первая бомба разорвалась с чрезвычайным треском. Операционная, в которой я оперировал, покачнулась: казалось, что обрушится здание и все полетит. К счастью, ничего страшного не случилось, вылетело только несколько стекол.

Вторая бомба взорвалась позже, приблизительно часа через $1\frac{1}{2}$. Воздушная

тревога с небольшими перерывами продолжалась с 12 ч. до 18 часов.

28.XI. Утром за мной заехал Мессель. Мы с ним пошли посмотреть результаты разрушений от вчерашних бомбардировок просп. Карла Либкнехта. Разрушения оказались ужасными. На месте разрыва бомбы против дома № 98 имеется огромная яма, которая разворотила трамвайные пути. Вторая яма расположена против института «Скорой», а третья яма против дома № 106, в котором живет проф. Скробанский. В домах, расположенных в стороне дома Розенштейна, выбиты огромное число окон; много окон выбито и в доме № 98.

С 11^{1/2} до 16^{1/2} воздушная тревога, с утра комбинированная с артиллерийским обстрелом.

Попрощался с директором, получил ряд заданий для НКЗ.

Вечером снова укладываемся и собираемся в путь; который раз!

29.XI. С утра сажу дома, чтобы уложить последние вещи.

Звонил Нюрин, который передал, что Дом санитарной культуры решил переиздать мою брошюру «Остановка кровотечения» в количестве 6 тысяч экземпляров. Я просил изменить в ней всего несколько фраз. Из Медгиза прислали только что вышедшую частную хирургию, Т. I (Гирголав, Левит и Шаак), где помещена глава «Сердце, околосердечная сумка» — «Средостение».

Звонил начальник Санитарного отдела Баудер, который сообщил, что от *Андрева* получена шифровка, что мне *надлежит следовать в Ульяновск*.

Был у меня Дундук, начальник Морского госпиталя № 3; он просил, что если будут дислоцировать госпиталя, чтобы про него не забыли.

В 11 ч. 15 м. — тревога до 11 ч. 40 м. Затем снова тревога с 12 ч. до 14 ч. 20 м. Звонил Ланг, который сказал, что из-за плохой погоды его полет завтра отменяется.

Звонил главный врач ВВС — Исаев, который сообщил, что на каждого человека мы можем забрать 100 килограммов багажа. Это даст мне возможность забрать хоть немного книг.

К счастью, целый день дают свет. Проф. Казарновская чувствует себя хорошо; удивительно, что она даже не лихорадит. Повинны ли в этом тщательная обработка, стрептоцид или оба вместе?

Звонил проф. Френкель, говорит, что Трибуц согласен на его перевод, но помешал комиссар Корнилов. Просит переговорить на его счет с Андреевым.

Был у меня проф. Бабчин, показывал мне палец с паронихией. Послал к доктору Степановой для операции. У ряда врачей (Корец, Татеозов, Хлопонина) наблюдаются воспалительные процессы на руках. Результат *недостаточного* питания!

Думаю, что из-за погоды мы не полетим и завтра.

30.XI. Воскресенье. Встали поздно. В 13 часов позвонил Исаеву; он сначала сказал, что мы летим сегодня, но с уверенностью скажет после переговоров с полковником Преображенским. После переговоров он мне сообщил, что мы полетим послезавтра утром (2.XII). По его уверению, мы полетим на боевом самолете до какой-то ближайшей точки; оттуда мы полетим обычным самолетом.

С 12 до 14 воздушная тревога. 14 ч. 50 м. — бухает тяжелая артиллерия. 15 часов — воздушная тревога — 16 ч. 30 м. — отбой.

Был инженер Михаил Генрихович Давидсон; совещался насчет своей дальнейшей судьбы ввиду предполагаемой ликвидации ОКСа. Я ему посоветовал согласиться на предлагаемое ему место главного инженера нашего института.

17 ч. артиллерийский обстрел города продолжается.

17 ч. 35 м. — воздушная тревога — 19 ч. 50 м. — отбой.

Артиллерийские снаряды падали на набережную, против Мичуринской ул.

В 18 ч. звонил Г.Ф. Ланг, который мне сообщил, что ему предписано завтра в 10 ч. быть на аэродроме. Он направляется на ст. Хвойная, чтобы оттуда пробраться в Вологду и дальше.

21 ч. воздушная тревога — 23 ч. 30 м. — отбой.

В сумме воздушная тревога продолжалась за сегодняшний день 7 ч. 15 м.

Кажется, первое радостное сообщение: мы выбили немцев из Ростова, который они с налету захватили несколько дней тому назад.

1.XII. Ося говорит, что от 9 ч. 15 м. до 10 ч. была воздушная тревога; мы ее проспали.

В 11 ч. 30 м. говорил с Исаевым относительно полета. Говорит, что мы летим завтра. Окончательный ответ даст сегодня в 16 часов. Надоело ждать!

Погода серая. Слышны редкие разрывы артиллерийских снарядов.

14 ч. 50 м. — воздушная тревога. 15 ч. 7 м. — отбой.

Вместе с воздушной тревогой дают свет. Пожалуй, скоро будешь радоваться воздушной тревоге, чтобы иметь свет!

16 ч. 5 м. — воздушная тревога. 16 ч. 14 м. отбой.

16 ч. 40 м. — говорил с Исаевым; уверяет, что летим завтра, час неизвестен.

Мессель говорит, что сегодня в городе много поражений от артиллерийского огня.

17 ч. 45 м. — воздушная тревога. 19 ч. — отбой.

Вечером доктор Шапиро сообщил мне, что проф. Ланг, который сегодня должен был улететь, провел на аэродроме целый день, очень устал и вернулся домой. Представляю себе, в каком он настроении. Как оказалось, им предложили приехать к 10 часам. Они приехали вовремя, но к этому моменту самолет, которым они должны были лететь, уже улетел. Затем они начали ждать. Георгию Федоровичу стало дурно, и они уехали домой. Теперь они решили ехать в том случае, если переедет институт; один больше ехать не хочет.

21 ч. 15 м. — воздушная тревога. 22 ч. 50 м. — отбой.

Звонил Исаеву; он мне не мог сказать ничего определенного, сказал, что полковник улетел. Окончательно скажет завтра утром. *Непохоже, чтобы мы улетели завтра.*

2.XII. Звонил Исаеву в 9 ч. 15 м. Лепечет что-то невразумительное. Говорит, что где-то туман над озером, что полковник отдыхает, что раньше 14 ч. лететь нельзя, а позже 16 ч. не выпустят. Все эти слова, по-моему, следует расшифровать так — мы завтра не летим. По-видимому,

действительно нелетный день, поскольку сегодня еще не было до 14 ч. 30 м. ни одной тревоги.

14 ч. 40 м. — воздушная тревога. 16 ч. 50 м. — отбой.

15 ч. 45 м. — одна за другой бросили три бомбы, которые вызвали у нас в столовой, в которой мы сидим, довольно резко ощутимое колебание.

15 ч. 30 м. — звонил Исаеву, говорит, что сегодня нелетный день, и на завтра метеосводка неблагоприятная.

16 ч. 15 м. — только что звонил Розанов, говорит, что он тоже в ближайшие дни собирается в Ульяновск по линии КБФ. Возможно, что мы полетим вместе. Был в «Скорой»; написал отзывы своим врачам (Степановой, Каменчик, Лемберг и Будзинской). Навестил Казарновскую, которая себя чувствует хорошо и у которой нормальная температура. (Месяца через три она умерла — не перенесла недоедания и тяжелой травмы.)

Был у директора института Страшуна, который сообщил мне, что от Миловидова (зам. НКЗ) получена телеграмма, где он спрашивает мотивы дислокации института, для которого первоначально предполагался Свердловск. По-видимому, Миловидов не принимает во внимание жилищных условий в Свердловске. Мне предложено по этому поводу говорить с НКЗ.

Вечером в 21 ч. 30 м. позвонил Исаеву. Он мне сказал, что намерен нас завтра отправить. Со мной беседовал штурман флагманского корабля капитан Троцко. Он мне предложил, что в 8 ч. 30 м. мы должны быть в Адмиралтействе. Оттуда мы поедем на аэродром в Угловку. Если завтра будет летная погода, мы полетим

завтра же, если же нет, то мы останемся на аэродроме и, по-видимому, пока не улетим.

Вечером налетов не было.

На этом я заканчиваю, надеюсь, временно, ленинградский период этой войны.

3.XII. Мы встали в 6 ч. 30 м. Собрались. В 7 ч. 30 м. пришла машина из «Скорой». Мессель был настолько внимателен, что прислал санитаря, который снес наши вещи. Но раньше, чем выехать, я в 8 ч. позвонил Исаеву. По телефону было слышно, что он не совсем понимает, что я ему сообщил. Я ему сказал, что мы выезжаем, на что он спросил «Зачем?». Я сказал: «Как зачем? Вы же нам вчера предложили приехать». «Ах да, — ответил он, — приезжайте». Вступление к сегодняшнему дню обещало мало утешительного. Точно в 8 ч. 30 м. мы были в Адмиралтействе. Поднялись, с позволения сказать, к главному врачу ВВС. «Мне звонил полковник, что сегодня полетов не будет». «Так почему вы мне этого не сообщили?» — спросил я. В дальнейшем выяснилось, что он вообще мелет какую-то чушь. Сначала я с ним говорил вежливо, а затем поставил все точки «над» и назвал вещи своими именами. Я сказал, что, по-видимому, он нарочно и сознательно водил меня за нос. Я попросил, чтобы меня соединили с командующим ВВС, которому я решил доложить всю безобразную историю с этим пьяницей врачом Исаевым. Через некоторое время я попал к генерал-майору Самохину, командующему ВВС. Я к нему пошел вместе с врачом Исаевым. В его присутствии я изложил командующему всю историю. По-видимому, он сам хорошо знает цену своему врачу.

Он недолго распространялся, а спросил, как исправить ошибку. Он куда-то позвонил, после чего сказал, что если мы подоспеем на аэродром, то полетим на ТБЗ (тяжелый бомбардировщик). Он написал записку, чтобы меня отправили. Мне оставалось только его поблагодарить. Мы только не знали, как попасть на аэродром. Исаев спустился с нами вниз, где я встретил доктора Розанова. Я ему в присутствии Исаева сказал, что я никогда не видел такого пьяного притона. Исаев вызвал какого-то шофера, который объяснил нашей шоферше, как и куда ехать.

Мы поехали. В одном месте шоферша усомнилась, правильно ли мы едем. Было нам указано, что мы должны ехать на Смольнинский аэродром. Наконец мы подъехали к воротам какого-то аэродрома. Мы спросили, как нам проехать на Смольнинский аэродром. Нам сказали, что нам необходимо возвращаться назад. Но так как стояло много военных летчиков, то я спросил, где я мог бы найти Крылова, к которому у меня была записка от Самохина. Оказалось, что он стоит тут же. Аэродром этот назывался Приютино. Таким образом, оказалось, что мы совершенно случайно попали именно туда, куда нам и нужно было. Перед зданием я увидел дивизионного комиссара Пурника. Я с ним встретился осенью 1940 г. в Эстонии. Мы с ним ехали из Таллина в Ригу. Впечатление он производит малосимпатичное. Однако в данном случае он нам оказал как бы протекцию и сказал, что мы полетим на ТБЗ, который уже стоит на аэродроме. К сожалению, оказалось, что самолет летит только до Богослово. Аэродром этот расположен в 40 километрах западнее ст. Пестово.

У самого самолета я встретил летчика, который мне сказал, что я ему вылечил ногу и он с удовольствием мне поможет устроиться и перенести наши вещи.

Нас должен был везти знаменитый воздушный корабль Н-171, тот самый, на котором Черевичный летал на Северный полюс. Скорость хода этого самолета 180 километров в час. Как современный бомбардировщик он не годится, он слишком тихоходен (180 километров в час). Поэтому он преимущественно перевозит бомбы, грузы и пассажиров. Он снабжен восемью пулеметами. На нем, конечно, ничего не приспособлено для пассажиров. Их сажают в разных закоулках, под палками, креплениями; они должны сидеть на своих чемоданах и узлах. Невозможно приподнять голову, ни выпрямиться. Эту же участь должны были разделить и мы с другими пассажирами. Нина примостилась между какими-то стойками, а я напротив.

Хотя мы приехали в 11 ч., но вылетали только в 13 ч. 30 м. Ужасный гул пропеллеров наряду со значительной болтанкой скоро дали себя знать. Нина смертельно побледнела, ей было настолько плохо, что временами она почти теряла сознание. Я себя чувствовал тоже неважно, но все же это было для меня выносимо. Через 45 минут мы опустились на аэродроме Новой Ладogi. Этим перерывом все были очень огорчены, однако командир корабля заявил, что уже поздно и дальше сегодня он лететь не может. Самолет сел на обширнейшем поле; ветер дует с ужающей силой. Через некоторое время подошла одна легковая машина, которая забрала семью какого-то начальника.

Затем в продолжение двух часов не пришла ни одна машина. Все возмущались, бранились, дети и взрослые коченели на самолете, который стоял в открытом поле, и которого безжалостно продувало насквозь. Наконец командир корабля кого-то послал за машиной. Пришла открытая $1\frac{1}{2}$ -тонка, на которую нагрузили детей и взрослых; взгромоздились и мы. Уже стемнело; полная луна поднялась и изумительно красиво освещала обширное поле. Но нам было не до красоты; мы совершенно ооченели от холода; ветер все срывает. К счастью, дома, куда нас должны были доставить, отстояли всего на расстоянии двух километров. Дорогой я мимоходом подметил одно здание с выбитыми стеклами и развороченными стенами, по-видимому, следы бомбардировки, и видел деревянный мост через Волхов. С ужасом я думал о предстоящей, с позволения сказать, ночевке. Я представил себе, как около 40 приезжих ввалятся в общую комнату, накуренную и грязную, и где, в лучшем случае, придется устраиваться до утра на стульях. Но мои предположения не оправдались. Как только мы сползли с машины, к нам подошел какой-то военный, который мне сказал «Тов. дивврач, пойдёмте со мной на медпункт». Сразу стало как-то легче. Через несколько минут мы в теплой чистой комнате. Самое важное, что в комнате было тепло; навстречу к нам вышла директорша (Сапогина Валентина Андреевна), которая назвалась моей ученицей. Мы спросили, можем ли мы у них переночевать. Она мне сказала, что не только можем переночевать, но если мы хотим, то даже можем взять ванну. Наша фан-

тазия, конечно, не шла так далеко. Мы сидели, блаженствовали в тепле. Некоторое время спустя пришел начальник санслужбы 706 авиабазы ВВС КБФ — *Попов Григорий Борисович*; он также оказался моим учеником. Он нам заявил, что в наше распоряжение будет предоставлена его комната, где будут поставлены две кровати. Скоро нас отвели в квартиру, состоящую из двух комнат и кухни; к тому же в ней имелась чистая уборная. Легко себе представить, до чего мы были счастливы. Через некоторое время нам принесли целую кастрюлю с мясом и картошкой. Тут мы на деле могли убедиться, сколько нам не хватало в Ленинграде. Мало-помалу, приговаривая, чтобы это нам не повредило, мы съели все, что нам принесли. Мы прекрасно выпались.

4.XII. Нас разбудили в 6 ч. 30 м. Нам дали опять целую кастрюлю с мясом; и на сей раз в ней ничего не осталось. Затем подали закрытую машину, и доктор лично нас отвез на аэродром.

Перелет продолжался ровно $1\frac{1}{2}$ часа (9 ч. — $10\frac{1}{2}$). Качало здорово. Нина себя чувствовала нехорошо; я улегся прямо на пол, в проходе, больше лечь было негде. Не без удовольствия мы ощутили толчки, которые указывали на то, что самолет пошел на посадку на аэродром в *Богослово* (40 километров западнее — Пестово).

Солнцем залитое огромное поле; ясное прозрачное небо. Из самолета быстро разгружают наши вещи, и начинается погрузка 50 килограммовых фугасных бомб.

О командире самолета Аншютерове и обо всех летчиках у нас сохранилось самое лучшее воспоминание. Выдержанные, воспитанные, внимательные; занятые своим

трудным делом ведения своего воздушного корабля, они все время заботятся о пассажирах. 4-го узнали, что, когда мы пролетали над Ладожским озером, в $1\frac{1}{2}$ километрах от нас происходил бой между 14 месершмиттами и нашими истребителями.

Через командира корабля я послал известие в Ленинград, что мы перелетели благополучно.

Открытая грузовая машина нас доставила в двух километрах в деревню Богослово. Деревня производит более чем жалкое впечатление. Хорошая столовая для начсостава. Письмо, данное дивизионным комиссаром Пурником, оказало действие. Нас пригласили в специальное помещение, над которым красовалась надпись «Салон». Нас там накормили исключительно хорошо, вплоть до холодца из поросенка; вдобавок нам выдали две пары теплых рукавиц, что так необходимо при нашем дальнейшем продвижении.

В 16 часов мы выехали в Пестово на автобусе. Машина принадлежала интенданту 1-го ранга *Алексею Алексеевичу Кирилловскому*, начальнику тыла ВВС-КБФ.

Доехали без всяких приключений. Было поздно, и мы не знали, куда отправиться ночевать. В Богослово врачи нас предупредили, что в Пестово имеется 17 случаев сыпного тифа, и поэтому не рекомендовали ночевать в госпиталях: Нина вспомнила, что в Пестово может быть «Дом крестьянина». Таковой действительно оказался. Нас направили в милицию, откуда нам дали сопровождающего. Нам сказали, что могут очистить комнату на двоих, но предварительно мы должны пройти санобработку. Я им сказал, что я врач и уверяю их, что вшей

на мне нет. Однако диспетчер мне заявил, что он имеет приказ, и иначе поступить он не может. Если будет дано разрешение в исполкоме, то тогда он разрешит; получить разрешение «на не мыться» не составило большого труда.

Мы поселились в комнате, имеющей около 15 кв. м. В ней было тепло; постели были с достаточно чистым бельем; раздавил я всего одного клопа за ночь — право, для Пестово не много! Нас даже накормили вполне прилично. Уборные зато представляли настолько жуткое и гнусное зрелище, что только оставалось пожалеть, что не страдаешь непродоходимостью кишечника!

5.XII. С утра я отправился на вокзал, чтобы выяснить возможности переезда поездом. Ничего путного я не узнал, но выяснил, что в крайнем случае можно уехать на Ярославль санитарным поездом, хотя последние и бомбят. Выходя из станционного здания, я натолкнулся на врача, который привлек мое внимание тем, что козырек его фуражки переломан надвое. Он подошел ко мне, назвал мою фамилию, сказал, что он хирург, услышал, что я приехал, вчера искал, но найти не мог. Предложил переехать к нему. Звали этого человека оригинально: *Филдельфин* Петр Александрович, 42 лет. Как впоследствии выяснилось, он в продолжение 15 лет работает в Пестовской межрайонной больнице. Семью свою из-за бомбардировок отправил под Череповец, откуда он сам родом.

Судя по записям в операционном журнале, он оперирует больных с аппендицитами, грыжами и т. п. К сожалению, он пьет, как об этом сам мне рассказал,

да и рассказывать не стоило, и без того это было очевидно. В довольно удобной квартире (Вокзальная, № 12) хаос настолько бросался в глаза, что было видно, что хозяину до квартиры и до порядка в ней нет никакого дела. На полках частью лежали, частью валялись книги — хирургические (Бир, Браун, Кюммель), гинекологические (Губарев), попадались даже патофизиологические. Но по беспорядку, в котором все это находилось, было очевидно, что он в эти книги давным-давно не заглядывает, а если кое-когда и заглядывает с пьяных глаз, то едва ли что в них понимает.

Филадельфин был очень любезен и предупредителен, перевез нас к себе, организовал через госпиталь наше питание. Одним словом, все, что было в его возможностях, он делал, к сожалению, возможности его были очень ограничены.

Он является *единственным хирургом* на 1500 хирургических больных, среди которых очень много чрезвычайно тяжелых с повреждениями черепа и мозга, много открытых пневмотораксов, с ранениями мочевых органов, не говоря о бесчисленных тяжелых переломах и повреждениях суставов.

Больница, в которой лежат больные, поражает убожеством оборудования и беспорядком.

Среди его помощников нет ни одного хирурга. Я видел одну врачиху, которая величала себя окулистом, но которая ровно ничего не понимает; в полном смысле слова ничего. Печально думать, что наши раненые попадают в такие ужасные условия. Она, например, показала раненого, у которого сделана *sektia*

alta и на котором она умудрилась наложить клеенку, чтобы больной получал компресс из мочи.

Два раза я консультировал с десятком раненых. Грустное осталось у меня впечатление. Сравнительно легко объяснимые ранения представляли для этих, с позволения сказать, врачей чрезвычайные затруднения.

Я видел одного раненого с гемолитическим шоком, после переливания 0 группы. По моему совету Филадельфин сделал блокаду. *Несмотря на это, раненый погиб.*

6.XII. Живем у Филадельфина. Днем достаточно тепло. Однако ночью выдувает все тепло, и утром пренеприятно вылезать из кровати. Обед и ужин нам приносят из госпиталя.

Приходил доктор Берковский, который спрашивал насчет своего сына, слушателя первого курса ВММА.

Днем консультировал нескольких раненых в госпитале. Ожидаем, что завтра уедем вместе с Кирилловским, который направляется на своей машине в Вологду.

7.XII. Из госпиталя нас снабдили не только провизией, но и теплыми ватниками, которые в дороге оказали нам неоценимую услугу.

В 12 ч. 40 м. к нашему дому подошел драндулет, который впоследствии вполне заслужил титул «Антилопы-Гну». В автобусе кроме Кирилловского сидело 8 молодцов, большинство из них летчики морской авиации, один корреспондент «Красного флота» (Мижув). Все они оказали нам в пути неоценимые услуги. Поехали мы на Устюжну, до которой всего 51 км. Через 2 часа мы были в тихом

красивом городке, в котором, говорят, Гоголь писал «Ревизора». В городе прекрасный собор (XIII столетия) с золотыми куполами, довольно много каменных 2-этажных зданий. Мы остановились перед столовой, где собирались выпить чаю. Выходя из машины, один из летчиков заметил, что одно из задних колес пузырится, и маловероятно, чтобы оно долго протянуло. Оказалось, что у шофера запасного колеса нет. Поврежденное колесо не заставило себя долго ждать и к нашему возвращению из столовой успело лопнуть.

Япония объявила войну Америке и начала военные действия против Англии. По-видимому, нам также придется воевать с Японией.

Ночевка в Устюжне стала необходимой. Я отправился в близлежащий эвакогоспиталь и попросил приюта. Там оказались врачи, которые очень любезно согласились нас устроить. Не меньше любезности проявила комиссар госпиталя. Мне дали лошадь и розвальни, и я поехал за нашими вещами. Нам отвели кабинет начальника и комиссара. Это была огромная комната в бывшем сельскохозяйственном техникуме; огромная кафельная печь занимала почти четверть комнаты; комната была теплой, кровати дрянные.

Начальником госпиталя оказался доктор Борок, бывший аспирант нашей нервной клиники. Пустой, хвастливый человек, который долго распространялся об улучшениях, которые он произвел в госпитале. Я мимоходом осмотрел несколько палат, жалких, битком набитых и прокуренных.

8.XII. Ночью из Пестово подвезли запасные колеса, которые не мешало взять

с собой, когда выехали. Мы отправились из Устюжны в 8 ч. 30 м. Дорога была вполне удовлетворительной, и мы без всяких приключений приехали в Череповец около 14 часов. Мы видели только несколько улиц, несколько каменных домов и довольно много деревянных. Кирилловский не пожелал остановиться в Череповце и начал искать пути въезда на ст. Шексна. Эта задача оказалась почти невыполнимой. Каждый давал новое направление и указание, в каком направлении выехать. Мы перепробовали довольно много из этих путей, но каждый раз при проверке оказывалось, что мы находимся на неправильном пути. На эти изыскания пропало у нас около двух часов, и когда в конце концов мы оказались на правильной дороге, мы смогли проехать только 30 километров, в то время как до ст. Шексна было около 40. Ввиду невозможности доехать до намеченной цели, было решено остановиться в первой попавшейся деревушке. Таковой оказалась деревня Красное. Нас легко впустила к себе женщина лет 40, мать четверых детей; муж ее, депутат облсовета, в армии. Нас поместили в довольно чистой комнате, дали нам молоко, яйца, и даже мы могли кое-как спать.

9.XII. Мы доехали до ст. Шексна относительно хорошо; дорога здесь проходима с трудом; в конце концов мы посадили девочку лет 13 к себе в машину, и не будь этой чичероне, то блуждали бы мы еще долго.

Ст. Шексна расположена на горе, в удивительно красивой местности. Летом, должно быть, здесь прекрасно. Нам лично здесь делать было нечего. Бродили вокруг машины, что было довольно холодно

и нудно. Кирилловский заказал какой-то своей подвластной части бензин, который прибыл на трехтонной машине. До главной магистрали следовало проехать *14 километров*. Но именно этот участок представлялся чрезвычайно трудным. Дорогу занесло глубоким снегом. Чтобы нам помочь, вторая машина, 3-тонка, решила нас сопровождать и быть нашим чичероне. Скоро выяснилось, что идущая впереди машина имеет большую склонность зарываться в снег, в канавы. Не меньше прыти в этом отношении проявляла и наша убогая машина. Нужно отдать справедливость сопровождавшим нас спутникам. Каждый раз, я бы сказал, десятки раз они выскакивали из машины, подкладывали под колеса доски, кирпичи; устраивали из бревен рычаги... В конце концов, при этих мучительных топтаниях мы смогли проехать около 10 километров. Около 16¹/₂ часов стало темнеть, и мы принуждены были остановиться, так как перегорел приводной ремень.

Наш шофер, которого фамилия была Милосердов, был действительно достоин милосердия. Совершенно не знающий своего дела, он по всякому поводу достаивался со стороны Кирилловского различных эпитетов, начиная от «японского бога» и «японского городского», эпитеты, значение которых для нас так-таки остались неясными, до болвана, которого он действительно заслужил. «Держи право, держи лево, подавай газу» — все время сыпались на голову бедного Милосердова; но это не мешало ему попадать все в новые ямы и канавы, откуда не так-то легко было вытаскивать нашу Антилопу-Гну.

Попытка прицепиться к трактору не увенчалась успехом. Мы должны были снова искать ночлег. Нам его нашли очень легко. Нашими хозяевами оказались старик лет 70, бывший портной, который долго жил в Ленинграде. Город наложил на него свой отпечаток: он вежлив, очень приветлив, неплохо разбирается в обстановке. Хозяйкой оказалась его дочь-беженка из Нового Петергофа, у которой была белокурая дочка Нинка. Они нас приняли удивительно радушно; дали нам яиц, молока, картошки. Она нам даже уступила свою кровать, постлала чистое белье. Если на ее кровати было жестко спать, то к иному они не привыкли. За ночевки с нас брали немного — от 30 до 40 рублей; причем все говорили, что денег им не нужно, но в конце концов брали.

Деревня, в которой мы заночевали, называлась Самсоница. Старик мне показал, как они моются в русской печи. Я редко видел более примитивный и мало удобный способ. Печально, что в этих районах еще не доросли не только до душа и ванны, но и до бани.

Мы мило распрощались с нашими очаровательными хозяевами и решили рано утром тронуться в путь.

Наши войска (09.XII) взяли Тихвин.

10.XII. Сопровождающую нас машину как совершенно бесполезную мы с вечера отпустили обратно. Мы тронулись в путь в 9 часов. Нам оставалось пройти до главной магистрали всего около 4 километров. На прохождение 1/2 километра мы затратили больше 1 1/2 часов. Наконец около 13 часов наш начальник Кирилловский признал все дальнейшие наши попытки совершенно бесцельными

ввиду полной непроходимости дороги и усталости товарищей, которые действительно совершенно измотались. Он решил заночевать в деревне и попросить из Шексны на помощь трактор, без которого пробиться дальше было бы невозможно.

В это время подошла машина, 3-тонка, которая пробивалась в том же направлении, куда должны были идти и мы. На этой машине был прекрасный шофер и хорошая команда. Я предложил присоединиться к этой команде и соединенными усилиями идти к главному тракту. Со мной согласились, и мы тронулись в путь. Без чрезвычайных приключений мы к 15 часам вышли на главную магистраль. Было очевидно, что из-за позднего времени мы до Вологды не дойдем, но решили идти по главному тракту, сколько позволит время. Дорога оказалась широкой, расчищенной, и мы проехали 27 километров. Около 16 часов стало быстро темнеть, появился туман; видимость резко ухудшилась. Мы решили заночевать в какой-либо из близлежащих деревень. Однако Милосердов не дремал и при въезде в небольшую деревушку Мисучино, желая объехать какую-то машину, с полного размаху свалился правой стороной в глубокую канаву. Машина мигом легла на правый бок. Все в ней в один миг пошло вверх дном. Пассажиры скатились на правую сторону, покатились и Нина, свалившись на Мижуева; вытащить ее оказалось почти невозможно. Наконец открыли дверь слева и кое-как вылезли. Оказалось, что никаких повреждений ни у кого, и даже машина осталась целой, только она безнадежно лежала на боку. Нечего было думать о том, что

мы ее поднимем собственными силами. Единственная надежда была в тракторе. В это время к нам на лыжах подкатила группа лыжников, учеников, которые приняли участие в нашей беде. Они нам сообщили, что недалеко от нас работает трактор, который очищает дорогу от снега. Наши отправились для переговоров. Приблизительно через час с одного размаху трактор вытянул нашу Антилопу-Гну и поставил ее на колеса.

Заночевали в деревне. Мы попали к директору школы. Малообразованный, очень нелюбезный, совершенно невоспитанный, он, безусловно, проигрывал в сравнении со всеми предыдущими нашими хозяевами. Жена его, женщина 26 лет, имеет четырех детей и во всех отношениях под стать своему супругу. Только одна бабушка в этой семье оставила приятное впечатление.

11.XII. Выехали в 9 ч. и без особых приключений в 13 ч. 30 м. приехали в Вологду. Мы поехали к генерал-майору Лебедеву (Анатолий Николаевич), которого я знал и раньше. Он меня принял исключительно любезно и на мою просьбу помочь мне где-либо устроиться позвонил доктору Сиверсу и сказал, что для нас приготовлено помещение в эвакогоспитале № 442. Это одно из отделений ленинградского Красноармейского госпиталя, который сюда эвакуировался в августе. Лебедев мне дал свою машину, и мы, перегрузив на нее весь наш багаж, поехали. Раньше чем поехать в госпиталь, я поехал на главный почтамт, где я рассчитывал получить письмо от Жоржика. Действительно, мы здесь получили первое от него письмо, где он извещал, что его

путешествие прошло благополучно, что ему ни одного километра не пришлось идти пешком. 450 километров они поехали на машинах. 29.XI. на санпоезде они уехали к месту своего назначения в Самарканд.

Мы были счастливы. Нас поселили в отдельной комнате, теплой, светлой и уютной. После свиарников, которые мы видели в предыдущие дни, все нам кажется чистым и уютным.

Приходили начальник госпиталя, комиссар, проф. Куслик; вечером пришел доктор Сиверс. Все к нам относятся исключительно внимательно. Чтобы не нужно нам было никуда ходить, нас превратили в больных и зачислили на довольствие. Кормят прекрасно.

Встретились здесь с частью профессоров ВММА; в частности, здесь находятся Балон с женой и сыном, В.М. Иванов и др. На переезд и переход от Ленинграда до Вологды они потратили 14 дней. На льду Ладожского озера они шли до середины голени в воде. Затем они частью ехали на случайных грузовиках.

Здесь же мы узнали, что ВММА направилась в Киров; туда же уехал и начальник Академии, который меня поджидал здесь, но не дождался. По-видимому, Киров послужит только сборным пунктом.

Горячий душ окончательно вернул нас в число счастливых людей.

12.XII. Живем в госпитале, отдыхаем. Ходил на почту, отправил молнию Жоржу, Осе и все данные в Ленинграде письма; отправил деньги по поручению Марии Григорьевны.

Вечером приходил проф. Куслик, дал представление о госпиталях, расположенных в городе, и просил с ним их посмотреть.

Вечером был у генерал-майора Лебедева. Обменявшись с ним мнениями, мы оба пришли к заключению, что мне фактически в Ульяновске делать нечего. Я ему сказал, что мне казалось бы целесообразным обосноваться в Кирове, где имеется морской госпиталь. Он мне обещал, что сегодня же позвонит по прямому проводу зам. наркома Галлеру в Москву и предложит его вниманию высказанные мной соображения.

Вечером я узнал от врача Денисова, что предполагается эвакуация раненых из Ленинграда по льду Ладожского озера. Детальнее об этом плане говорил мне проф. Куслик (Михаил Исаакович). Тогда мне пришла идея двинуть тем же путем и раненых моряков. Одновременно с этим я решил, что было бы правильно в Вологде, на путях скрещения Северной дороги с дорогой Ленинград — Киров, организовать госпиталь. В Ленинграде имеется избыток морских госпиталей, и полагал бы правильным при первой возможности перебросить часть этих госпиталей в тыл.

13.XII. Утром за мной приехал проф. Куслик. Мы с ним поехали в одно из хирургических отделений, расположенных в железнодорожной поликлинике.

Здание прекрасное. Неприятно бросается в глаза большое число искусственных пальм. Раненые размещены просторно. Отделение производит приятное впечатление. Начальники отделений грамотные хирурги, в частности Русанов, Манасевич Александр Юрьевич, зав. отд. поврежденных органов грудной полости Тюриков. Мне показывали и консультировали командира с ранением коленного

сустава (директор ленинградской фабрики «Светоч», дивкомиссар Куракин). Проф. Куслик ему сделал широкую резекцию коленного сустава, убрал больше 8 см раздробленного бедра. Однако раненый продолжал лихорадить. Общее состояние больного мне показалось тяжким, и я посоветовал ампутировать ногу. Куслику этого очень не хотелось. Он не находил в местных изменениях достаточных к тому оснований. В конце концов он ногу ампутировал. *Вся бедренная вена оказалась набитой тромбом, по-видимому, септическим.* Температура, конечно, объясняется именно этим тромбом, и операция была показана. 17.IX. больному лучше, $t^{\circ}37,3$. 21.09 я посетил больного; он на пути к выздоровлению.

Когда я вернулся домой, Нина мне сообщила, что Лебедев присылал сказать, что он беседовал с НКВМФ, и тот предложил мне обосноваться в Кирове. Я отправился к Лебедеву, который связался с Кузнецовым и сказал ему, что я предлагаю развернуть госпиталь в Вологде.

Меня соединили с адмиралом Кузнецовым. Я ему изложил свои соображения относительно необходимости развертывания госпиталя в Вологде, относительно того, чтобы мне обосноваться в Кирове, что мне в Ульяновске делать нечего. Он был очень любезен, сказал, что он очень рад, что я беру это дело в свои руки, и сказал, что ввиду невозможности для меня снестись непосредственно с Андреевым он даст указания на этот счет сам.

Насчет развертывания Академии он указал, что предполагается Баку; он спросил мое мнение. Я ответил, что там хорошая база мединститута.

Лебедев согласился со мной направить врача Денисова в Ленинград к Баудеру для выяснения ряда вопросов, связанных с эвакуацией раненых. Вечером приходил ассистент Тушинского Рабинович. Он мне между прочим сказал, что в *Молочном*, в 16 км отсюда, работает Г.Д. Хундадзе. Постараюсь завтра его вызвать. Он же мне сказал, что проезжал проф. Заблудовский, который узнал, что здесь лежит тяжело раненный его бывший ассистент Айзман, но к нему не пошел, что последнего очень огорчило. Бывают же с-чи!!

14.XII. В 10 ч. поехал к генерал-майору Лебедеву, с которым вчера условились — сегодня с утра поехать в обком к какому-то Комарову, чтобы хлопотать по поводу здания для Морского госпиталя. Однако оказалось, Лебедев забыл, что сегодня воскресенье и на работе в обкоме никого нет. Я, возвращаясь домой, завернул на базар, где мог купить только 10 луковиц, чтобы отослать своим; больше там ничего нельзя купить. Заехал на толкучку. Красноармейцы, бабы, граждане разных профессий торговали валенками новыми и старыми, брюками, пальто, один даже продавал часы. Это все, чем торговали.

Днем смотрел отделение 442 госпиталя, расположенное в акушерской школе. Начальник хир. отд. Гусаров (прежний начальник Романов), 140 коек. Довольно чистое отделение, в котором в момент осмотра лежали преимущественно легкораненые. Раненые лежат довольно просторно.

Вечером ко мне заходил доктор Романов, который спросил, что я у него нашел нехорошего. Я ему чистосердечно сказал, что ничего плохого у него не обнаружил.

Вечером были в театре вместе с проф. Кусликом и его женой. Шла пьеса «Женитьба Фигаро»; играют вполне хорошо.

15.XII. С утра ездил к начальнику РЭП'а № 95, военврачу 1-го ранга Семену Григорьевичу Сиверсу, чтобы познакомиться с планом эвакуации раненых по грунту. Этим несчастным придется автотранспортом проделать 450 километров. Со взятием Тихвина возможно, что длина этой труппы сократится.

Утром приехал Г.Р. Хундадзе, который состоит начальником хир. отделения в Молочном, в 17 километрах от Вологды.

Вечером был на гарнизонном заседании, где председательствовал. Были заслушаны два доклада, один Александра Федоровича Вербова «Лечение инфицированных ран». Это была скорее расплывчатая лекция, чем доклад. Второй доклад доктора Слупского «Об иссечении гранулирующих ран и наложении вторичного шва». 65 наблюдений, из которых в 55 случаях было получено первичное натяжение.

Утром приехал И.М. Рохкинд, который состоит инспектором РЭП'а. Вечером сидел у меня и через врача Денисова отправил письмо своим. Денисов не улетел из-за погоды. Ему приказано вернуться через 5 дней. Будем ждать его возвращения здесь.

16.XII. Денисов и сегодня не улетел из-за нелетной погоды. С утра вместе с начальником РЭП'а Сиверсом и доктором Рохкиндром осматривал эвакуационники. Встретил много знакомых врачей: Орнатскую, Жемкову, Корди, Иванковича... Начальником госпиталя состоит военврач II ранга Лившиц. Осматривали ВСП¹⁷,

только что пришедший с фронта, со станции Ефимовская. Поезд подвергся бомбардировке. На поезде значительное число санитарок, чего совершенно не было во время Первой мировой войны. На 30 вагонов 1 кригеровский вагон. Много теплушек. Большинство теплушек к концу рейса в ужасно антисанитарном состоянии. Теплушки снабжены подкладными суднами и утками. Осматривал несколько отделений эвакуопункта. 1-м отделением заведует Н.В. Орнатская. Отделение развернуто в бывшем родильном доме; содержится очень чисто. В момент нашего посещения было всего несколько больных. Один раненый из-под поезда, с повреждениями ноги. Такое же отрадное впечатление производит отделение, которым руководит врач Корди. Отделение расположено в железнодорожном техникуме. Здесь идет огромная, напряженная работа. Корди производит прекрасное впечатление; она вся горит во время работы. В отделении чисто.

Утром нам сообщили, что наши взяли Клин; за Клином им придется покинуть и Калинин.

17.XII. С утра в продолжение трех часов осматривал госпиталь на Клубной ул., д. № 7 (где мы сами жили); отделение Красноармейского госпиталя № 442. Начальник Гуревич, нач. хир. отд. Исаев. Отделение имеет 140 коек. В данный момент почти нет тяжелых больных, всего 2–3 человека; довольно много свободных мест. Чистое, опрятное отделение. Слишком много перевязывают; не имеют представления о глухом гипсе. Дал несколько указаний по различным вопросам.

¹⁷ Временный санитарный поезд.

В 14 часов ездил с генерал-майором Лебедевым осматривать здание для Морского госпиталя. Вместе с нами ездил доцент Добровольский (оказывается, занимается физкультурой) из РЭП'а. Видели 2 здания относительно пригодные для развертывания госпиталя на 150 коек.

В 15 ч. ездил с генерал-майором в обком к председателю Комитета обороны 1-му секретарю *Николаю Андреевичу Комарову*, который сказал, что своей властью он не может разрешить занять здание для госпиталя; требуется разрешение Генштаба.

Сегодня объявлено о взятии Калинина. Логически следует ожидать в ближайшее время боев за снятие осады с Ленинграда. Денисов сегодня вылетел в Ленинград.

Приходил брат бригаврача Ф.Ф. Андреева, ассистент факультетской терапевтической клиники ВММА. Во всех отношениях похож на своего старшего брата.

18.XII. С утра приехал Г.Р. Хундадзе, и мы с ним поехали в Молочное, расположенное в 17 километрах от Вологды. Серый, относительно не особенно холодный день; всего 13°. госпиталь на 1000 коек; фактически развернуто 1070. Хирургических отделений 5, терапевтических 1, инфекционных 1. Начальник ЭГ 2309 в/вр. II ранга Бурминов Борис Иванович; помощник нач. госпиталя по мед. части в/вр. II ранга Ненилин Ф.С. (ученик А.В. Вишневого).

Начальник I хир. отд. в/вр. II ранга Сперанский М.В.

Начальник II хир. отд. в/вр. III ранга Котлер А.А.

Начальник III хир. отд. в/вр. III ранга Архипов А.П.

Начальник IV хир. отд. в/вр. III ранга Хундадзе Г.Р.

Начальник V хир. отд. в/вр. II ранга Минин М.Т.

Госпиталь расположен в сельскохозяйственном институте. В главном здании расположено I и III отделения.

Я начал осмотр с 1-го отделения; правильнее говоря, мне так предложил начальник госпиталя. Осмотр я начал с перевязочной. Обширная комната, теплая, в которой стоят 5 столов. Плохое освещение. Сестра стоит у инструментального стола в маске, закрывающей нос и рот и в стерильном халате; большинство присутствующих врачей, сестер и санитарок не только без масок, но и без колпаков.

Большинство больных, даже тяжелых, лежат на столах голыми. Лицо, шея, грудь, спина и другие части тела на большем или меньшем протяжении вымазаны бриллиантовой зеленью. Первый больной, который приковывает мое внимание, красноармеец с касательным ранением у нижнего края большой грудной мышцы слева. Приподнять руку он не может. Никто, конечно, не думает о правильном положении.

Начальник отделения (Сперанский) сразу обнаруживает себя как совершенно невежественный врач, да к тому же нахал. Тяжкие больные, с повреждением тазобедренного или коленного суставов, высоко лихорадящие не фиксированы или фиксированы совершенно недостаточно. На все вопросы, почему это так, он начинает разглагольствовать, что это он имел в проекте, он это предполагает делать, об этом он думает, но пока не сделано. Я обратился с вопросом

к в/вр. Нинелину — хирургу, помощнику начальника госпиталя по мед. части, который фактически отвечает за постановку медицинского дела. Начальник госпиталя и его помощник мне объясняют, что им очень трудно со Сперанским, что он непослушный, все отделение от него стонет. Я заметил, что лично полагаю, что и начальник, и его помощник обладают достаточной властью, чтобы такого невежественного врача привести в порядок.

Я не читал истории болезни в этом отделении, заранее зная, что ничего радостного я там не найду. Тем не менее я поинтересовался операционным журналом. Безграмотность лютая, вплоть до «нетевидного» пучка дополняет характеристику этого грамотного врача.

Он настолько груб и невоспитан, что был момент, когда я хотел прекратить обход в его отделении, но начальник госпиталя и его помощник уговорили меня продолжать обход.

Во втором отделении работает в/вр. II ранга Архипов, призванный из запаса; он небрит, небрежен. Сказал мне, что работает у Миротворцева. Он также не блещет опытом и знанием, но он, по-видимому, внимателен и прилагает много усилий при выполнении своих обязанностей. В обоих этих отделениях руководители не соответствуют своему назначению. Плохо то, что ими фактически никто не руководит.

В отделении Г.Р. Хундадзе, размещенном в довольно скверном бревенчатом бараке, имеются менее тяжелые больные: переломы плеча, предплечья, лопатки. На многих из них лежат хорошие

гипсовые глухие повязки. В 14 палатах нет электрического освещения. По-видимому, Г.Р. Хундадзе наиболее из них знающий хирург, включая и Нинелина, между тем ему поручают более легких раненых.

Возможно, что после моего посещения произойдет более правильное перемещение сил.

Я вернулся домой в 19 часов вместе с доктором Рохкиндом, который ездил со мной.

В 20 ч. 30 м. меня вызвали в отделение 4, 2-й эт., к в/вр. Тюрикову, заведующему отделением с повреждениями грудной клетки. Они звали к тяжелому раненому 34 лет. Он был ранен 13 дней назад осколком снаряда. Небольшая, немногим меньше 1 см рана, располагалась почти тотчас под *Ingulum sterni*, по средней линии. В момент поступления слева, у переходной складки плевры на рентгенограмме приблизительно на высоте 2-го и 3-го ребер была обнаружена тень, которая позавчера быстро и резко выросла. Вся левая плевра оказалась заполненной жидкостью, сердечная тень расширена и неподвижна. Инеродное тело располагалось глубоко, на высоте приблизительно 4 гр. позвонка.

Я застал тяжелого больного, с учащенным до 36 $\dot{\text{}}$ дыханием, с пульсом в 120 $\dot{\text{}}$, аритмичным и слабого наполнения; тоны сердца совершенно не прослушивались. Вся левая плевра была заполнена жидкостью.

Бросались в глаза переполненные, напряженные и совершенно неподвижные наружные яремные вены. На обоих плечах переполненные *V. cephalicae*, причем в области клапанов образовались

вздутия, узлы, по-видимому, от чрезмерного застоя. При двукратной пункции, произведенной до моего прихода Тюриковым, по его мнению, из перикарда была получена алая кровь.

Я произвел пункцию левой плевры и получил мутную, гемолизированную кровь. Легко удалось отсосать 300 куб. см жидкости из плевры.

Картина сдавления сердца была налицо. Однако нелегко было решить вопрос, сдавлено ли сердце снаружи через перикард или имеется сдавление жидкостью, скопившейся внутри сердечной сорочки. На основании местоположения наружной раны, инородного тела оставалось допустить, что имеется ранение какого-то крупного сосуда, расположенного в переднем средостении; кроме того, по-видимому, была ранена переходная складка левой плевры, через которую кровь заполнила левую плевральную полость.

Хотя нельзя было рассчитывать на что-то особенно приятное, другого выхода, кроме операции, не оставалось.

Я предложил Тюрикову свою помощь. Он начал операцию переднюю верхнюю медиастинотомию под местной анестезией. По моему предложению он сначала просверлил крупной фрезой грудину. Когда он дошел до средостения, вмиг хлынула фонтаном струя темной венозной крови на высоту 10–12 см. Я быстро затампонировал отверстие, кровотечение остановилось. Но из этого небольшого отверстия нечего было рассчитывать на остановку кровотечения, по-видимому, из раненой крупной вены. Я посоветовал оператору долотом снести

верхнюю часть грудины. Во время выполнения этого акта операции раненый перестал дышать. Начатое переливание крови из-за полной безнадежности состояния раненого было прекращено.

Хорошая операционная сестра; хорошие условия оперирования. Никуда не годное освещение.

На вскрытии было найдено: (21.12.). Все переднее средостение пропитано кровью. Огромные сгустки крови сдавливали перикард. Ранение дуги аорты. Инородное тело в полости (в просвете аорты). Около 200 куб. см крови в перикардии, скорее кровь, смешанная с экссудатом (сообщение доктора Тюрикова). Переходная складка левой плевры была ранена; отсюда кровь затекала в левую плевру.

Еще в 1897 г. Perthes собрал в литературе 12 случаев ранения аорты огнестрельным или холодным оружием, где, несмотря на проникающее или сквозное оружие, смерть тем не менее немедленно не наступала.

Вышеописанное наблюдение должно быть отнесено в эту же категорию. От инфекции или от движений (в частности, при рентгеновском исследовании) наступило вторичное кровотечение.

19.XII. Сижу дома. Читаю «Замок Броуди» Кронина.

20.XII. Меня вызвал к себе начальник РЭП'а Сиверс. За мной заехал Куслик. В присутствии начальника госпиталя Молочное я изложил свои впечатления от посещения их госпиталя. Еще вчера, после доклада доктора Рокхинда, было принято решение перевести доктора Сперанского в Грязевицы. Едва ли там будет работать лучше.

21.XII. Вместе с доктором Кобосилко, который сегодня летит в Ленинград, отправили письма.

Утром вместе с проф. Кусликом и Рохиндом осматривали нейрохирургическое отделение. Начальник Трухалев, помощник Сальман; у них 140 коек, занятых ранеными с повреждением мозга, абсцессами, выпадением, менингитами; особенно много полных повреждений спинного мозга. Во избежание пролежней они больных часто кладут на живот. Два раза видели, один раз полное, один раз частичное омертвление и отделение penis'a. Несколько раз отмечали образование свища между мочевым пузырем и прямой кишкой.

По-моему, они не знают, как следует фиксировать конечность при повреждениях n. radialis.

Когда мы закончили осмотр нейрохирургического отделения, доктор Русанов попросил меня посмотреть у него одного раненого 49 л., у которого они ампутировали левое бедро по поводу тяжелого повреждения левого коленного сустава.

Исхудавший, совершенно изможденный раненый, которому на вид 55–60. Ампутированная культя левого бедра; на 5–6 см выстоит кость. Русанов мне сказал, что из просвета сосуда, по-видимому, вены, он вчера получил гной. Я осмотрел и ощупал внимательно культю; только по ходу n. ischiadicі я мог выдавить немного гною. Но это не объясняло септической температуры в пределах 38,5–39°. Я спросил Русанова, нет ли у больного соор'а. Он мне ответил, что нет. Однако при осмотре оказалось, что все твердое небо выстлано грибком.

На вопрос, нет ли процесса в плевре, мне ответили, что справа имеется притупление от шварт (смотрел Георгий Васильевич Сиротинин, была сделана и рентгенограмма). Я исследовал больного; под углом правой лопатки нашел сплошное притупление. Произвел пункцию и к великому изумлению и конфузу хирургов получил полный шприц густого гною. Хирурги очень меня благодарили и решили произвести резекцию ребра.

В нейрохирургическом отделении мне показали больного с артериовенозной аневризмой левой подключичной артерии. Я вместе с ними разобрал больного, объяснил им план операции. Решили оперировать 25.XII; я буду ассистировать.

Взяли Волоколамск. Радостные известия с Ленинградского фронта — взяли станцию П. (по-видимому, Поповку) и ст. Войбокало. Еще немного, и Северная дорога через Мгу будет освобождена!

22.XII. Сегодня истекло 6 месяцев с момента начала войны. Едва ли немцы в восторге от достигнутых ими результатов. Иначе Гитлер не сменил бы командующего генерала Браухича. С утра сообщили, что наши части взяли ст. Будогощ и Грузино, т. е. части, оперировавшие против Тихвина, вернулись к исходному на р. Волхове положению.

С утра вместе с проф. Кусликом и доктором Рохиндом осматривали эвакогоспиталь, расположенный в педагогическом институте. Старое, давно не ремонтировавшееся здание. Широкая, удобная лестница, темные уютные коридоры, высокие большие палаты с сырыми во многих местах стенами. 1000 коек, без специальных

уклонов; преобладают раненые с повреждениями конечностей.

Квалификация врачебного состава не удовлетворяет предъявляемым им требованиям. Из 7 начальников отделений всего 2 хирурга и то не особенно высокой квалификации. Сюда должен быть отнесен и начальник госпиталя.

Много врачей одето неряшливо, небритые; сестры и санитары с распушенными волосами. При этом резким контрастом бросается в глаза, что в перевязочных у инструментального стола стоят сестры в масках и стерильных халатах. Это вообще вологодский стиль. И странно, что эта несуразность никому не бросается в глаза.

Тяжелых больных относительно немного. Показывали для консультации молодого учителя, которому несколько недель назад резецировали левый коленный сустав. Больной, несмотря на это, продолжает высоко лихорадить, красная кровь прогрессивно ухудшается. Никаких надежд на спасение конечности. Решили ампутировать.

Довольно много раненых с повреждением кисти. Никто ими не интересуется. На них смотрят как на раненых «проходящих», приготовленных для эвакуации.

Всего несколько дней назад к ним прислали доктора Слупского, который назначен главным хирургом. Я ему рекомендовал выделить палату для раненых в кисть и выделить врача, который бы заинтересовался этими повреждениями, а не поручать их фтизиатру, который в этом деле ничего не понимает и понимать не будет, равно как и стоматолог.

Показывали тяжело текущий (на 7-й день после ранения) столбняк, который,

несмотря на тризм, не был распознан молодой докторшей (окончила 2 года назад архангельский мед.институт).

Вечером пришел проф. Всеволод Семенович Галкин, в/вр. 1-го ранга. Он приехал вчера. Вылетел из Л-да 17-го числа. По его данным, состояние Ленинграда в момент его отлета 17-го, т. е. две недели спустя после нашего отлета, представляется в следующем виде:

Начиная с 5-го числа, бывают воздушные тревоги, но бомбардировок с воздуха не было. Напротив, ежедневно, начиная с 16 часов, идет артиллерийский обстрел, преимущественно в районе Дворца Труда и Васильевского острова. Трамваи не ходят. Сугробы снега заполнили улицы. Последние полны народу, который движется на службу и обратно. Свет дают только несколько часов в сутки. Во многих домах с центральным отоплением спустили воду, и квартиры не отапливаются. Вода на верхние этажи не поднимается. Нередко на улицах падают голодные. Число смертных случаев резко возросло. Покойников подносят к прозектурам больниц и оставляют. Некоторых покойников привозят прямо на кладбище. Во избежание этого у кладбищ стоят пикеты милиции. Чтобы обойти это затруднение, покойников не довозят до кладбища и бросают.

Норму хлеба не увеличили. Готовится он из смеси дурынды, картона (целлюлозы), отрубей и муки. Положение населения воистину ужасно, и оно действительно нуждается в неотложной помощи!

Галкин завтра летит в Ярославль, а оттуда должен проехать в Иваново, где хотят разместить ВММА. По-видимому, начальник Академии и часть профессуры

желает, чтобы Академия осталась в Перове. Едва ли это разумно, так как никакой базы там нет.

Вид у Галкина ужасный; он потерял один пуд, несмотря на то что он с удовольствием ест кошек. Он уверяет, что из них можно готовить хорошие котлеты. На концах пальцев у него многочисленные трещины как проявление авитаминоза.

23.XII. Галкин улетел в Ярославль. Юрков и Кобосилко в Ленинград не улетели¹⁸. Днем вместе с проф. Кусликом и д-ром Рохкиндом должны были уехать в Сокол для осмотра госпиталей. Однако этого сделать не удалось.

Вечером пришел Русанов и от имени командования просил, чтобы я им прочитал доклад и дал установку для ампутации конечностей. Я от доклада отказался, так как вполне согласен с Клавеленом, что «ампутация нетрудна, но показания к ней часто весьма тонки».

Но согласился на имеющихся больных обменяться с ними мнением. Такое совещание назначили на 25-е.

21.XII. Гитлер сместил главнокомандующего германской армией генерал-фельдмаршала фон Браухича. Мотивы, которые приводит Гитлер в оправдание этого акта, делают честь нашей армии. Приходится «иметь дело с опаснейшим противником всех времен» — говорится в приказе Гитлера. Если это так, то о чем они раньше думали!! Один из командиров по этому поводу заметил: «Если генерал-фельдмаршал с нами не справился, то едва ли это удастся ефрейтору».

Понятно, что немцы легко не сдадутся, *но это начало конца Германии.*

24.XII. С утра осматривали город, Кремль, построенный Иоанном Грозным. Был у д-ра Мурина, который обещал нас устроить в санитарном поезде на 27-е число. Был у Сиверса и ген.-майора Лебедева. Он послал шифрованную телеграмму Трибуцу о переводе Выборгского госпиталя в Вологду. Встретил в РЭП'е д-ра Левина, ассистента Шаака, которого на самолете отправили из Л-да с 70-л. отцом и дочерью.

Наконец Кобосилко и Юрков улетели; мы с ними послали письма в Ленинград. Прекрасный, солнечный день. Приезжал Хундадзе.

25.XII. С утра пришел Русанов; осматривал одного раненого вместе с Исаковым в 7-м отделении с начинающимся столбняком. Затем поехали в отделение 442 госпиталя, расположенное в железнодорожной поликлинике, где должны были обсуждать вопрос «о показаниях к ампутации». Собрались начальник госпиталя Гуревич, комиссар Вайнерович, начальник лечебного отдела РЭП'а — бригаврач Алешков, проф. Куслик и д-р Рохкинд, Русанов, Тюриков, Трухалев, Исаков, Орнатская, Жемкова; всего 25 врачей.

Русанов и Манасевич докладывали о больных или вызывающих у них сомнения, а Тюриков докладывал о раненом, который был оперирован сегодня ночью и к утру умер. После обмена мнений в продолжение двух часов, обследования раненых пришли к заключению, что необходимо оперировать трех раненых (ампутация бедер), из которых одному срочно сегодня же. В общем, пришли

¹⁸ Они проверили, что в декабре за 5 лет было по 5 летних дней. Вот они и «висят на погоде», как они говорят.

к заключению, что они будут ампутировать шире, чем это делали до сих пор.

Был у генерал-майора Лебедева, который никак не может мне напечатать приказ наркома. Через какого-то генерал-майора послал привет Э.Н. Степановой. Заглянул проф. Николай Иванович Красногорский. Он приехал несколько дней назад с женой Людмилой Ивановной. В патетических выражениях он рассказал о незавидном положении Ленинграда. Профессор Д.Г. Рохлин передал мне просьбу начальника РЭП'а согласиться быть консультантом РЭП'а, я дал согласие; придется приезжать один раз в два месяца. Он просил принять участие в редакционной коллегии «Бюллетеней РЭП'а № 95», я дал согласие. Он передал телеграмму из Архангельска с просьбой приехать в Архангельск и сделать доклад в хирургическом обществе. Я отказался.

26.XII. Был у начальника РЭП'а № 95 д-ра Сиверса, который пригласил меня посмотреть некоторые из присланных из Америки вещей. Видел прекрасно упакованные противогангренозную сыворотку, хлороформ в огромной темной упаковке, сульфидин и т. д. Присланы теплые вещи и, по-видимому, рентгеновские аппараты. Наряду с этим есть и частные посылки, напр. ношенные детские вещи.

Был у генерал-майора Лебедева, получил командировочное удостоверение в Киров. В 15 ч. 30´ он говорил с народным комиссаром ВМФ по прямому проводу. Последний подтвердил, что ВММА будет направлена в Киров.

Мы провели в Вологде 16 дней. Я составил себе ясное представление и о контингенте раненых, и о врачебных силах. Кон-

сультировал, и мне кажется, что в некоторой степени принес посильную помощь.

Нина и я значительно отдохнули, окрепли после Ленинградской голодовки и беспокойной жизни.

Через генерал-майора Москаленко (начальника тыла), который направляется в Ленинград, передал привет своим товарищам.

Вечером пришли Г.В. Сиротинин и уролог Шер, спрашивали мое мнение относительно дивизионного комиссара Рыбника, у которого гематогенный туберкулез легких, простаты и придатка яйца с правой стороны. По-видимому, Шер не прочь был бы произвести правостороннюю кастрацию. Я посоветовал при столь распространенном процессе не трогать больного.

Приехал прощаться И.М. Рохкинд. Он хотел бы дожидаться приезда жены и затем уйти из РЭП'а куда-либо на хирургическую работу.

27.XII. Был в РЭП'е, получил документы. Встретился с Анатолием Григорьевичем Давыдовым, который только что встал после декомпенсации сердца. Вид у него отчаянный, легкая желтуха, мешки под глазами.

Был у генерал-майора Лебедева, который нас снабдил в дорогу продуктами, что в дороге оказалось чрезвычайно кстати.

В 16 часов пришла госпитальная машина и доставила нас на военно-санитарный поезд № 112. Начальник поезда в/вр. II ранга Рывкин; говорит, что он окончил в 1928 г. 1 ЛМИ, и он меня знает. На нас двоих было оставлено четырехместное купе, в котором мы чрезвычайно удобно разместились. Мы легко мирились с рядом неудобств, связанных

с желудочно-кишечным трактом соседей. В такой момент не приходилось быть особенно требовательным.

Мы приехали на поезд в 17 часов. С нами прощаться пришли проф. Рохлин и Куслик с женой. Стояли на путях всю ночь.

28.XII. Выехали в 9 ч. Целый день плетемся со средней скоростью — 20 километров в час. Больше стоим, чем едем.

29.XII. Ползем; по всем расчетам должны были бы сегодня приехать в Киров. Быстрота движения остается прежней. Комендант ст. Котельнич сказал нам, что путь свободен и мы, безусловно, будем сегодня в Кирове. На самом деле он плохо знает начальников следующих станций, которые нас не принимают часами; мы выстаиваем на разъездах.

30.XII. Приехали в Киров в 15 ч. 30'. Тридцатиградусный мороз. Нас встретил представитель МЭП'а, врач, который сказал, что машина из Морского госпиталя приедет за нами. Наши вещи перенесли в медпункт, и скоро на машине Морского госпиталя мы очутились в этом учреждении. Под госпиталь отведено, по-видимому, одно из лучших зданий города, гостиница, построенная в 1937 г.

Парадная часть «Смирно», часовой входа и т. п., поставлены образцово! Нам отвели в 4-м этаже 2 смежные комнаты, в которых стоят 6 кроватей, каждая комната приблизительно в 15 кв. метров, умывальник в одной из них. Палаты, временно предоставленные для нас. При общей жилищной нужде это слишком роскошно; нам столько не нужно, для нас вполне довольно и одной комнаты. Внимательны, кормят превосходно. Одним словом, идеальный пансион.

Через несколько минут после нашего приезда пришел начальник Академии А.И. Иванов. Он бегло рассказал мне о перипетиях переезда Академии из Ленинграда в Вологду, а затем в Киров. По его словам, при тех трудностях, с которыми пришлось иметь дело, все было устроено и организовано прекрасно. Своей профессурой он очень недоволен, все чего-то хотят, много шкурников, неискренних людей. Основным вопросом, который беспокоит всех, остается вопрос о том, где будет Академия. Когда я уезжал из Вологды, при мне ген.-майор Лебедев звонил наркому Кузнецову, и он будто бы ответил, что Академия будет в Иваново. Начальник Академии говорит, что этот вопрос еще окончательно не решен, что Косыгин (зам. предсовнаркома) сказал, что он может быть пересмотрен. Профессура, которая скопилась в Кирове, явно хочет остаться здесь. Считаюсь с очень тяжелыми условиями переезда, за Киров стоит и сам начальник. Через некоторое время у меня мало-помалу скопились проф. Мельников, Быков, пришли профессор И.Н. Шапиро и А.Я. Цигельник. *Шапиро по какой-то странной иронии судьбы является в Кирове и области главным хирургом.* В военной форме — в/вр. I ранга. Выглядит плохо, серо-землистый цвет лица. Сильно исхудал Цигельник, я его таким никогда не видел. Зачем, в сущности, пришел «главный хирург»? Ясно — рекогносцировка! Что я намерен делать, нет ли у меня тайных желаний покуситься на его высокое положение и пост! Я ему заявляю, что я никуда сам лезть не намерен, никому своих услуг не предлагаю, если я кому-либо нужен, если я могу в какой бы то ни было роли

полезен, то я готов это сделать. Не знаю, насколько моя позиция устраивает «главного хирурга»! Во всяком случае, он мне предлагает председательствовать в одном из следующих заседаний, на котором будет разбираться вопрос о ранениях грудной клетки, докладчиком будет Кузнецова София Михайловна. Я дал согласие.

В чем будет заключаться в остальном моя работа, пока, конечно, не знаю. Ясно одно, что искреннее его желание, чтобы вся Академия с ее профессорами, в особенности хирургами, а вместе с ними и я, поскорее бы убиралась к черту. «Главному хирургу» без нас будет спокойнее. Начальник Академии меня предупредил, что Шапиро мешает оставлению Академии в Кирове; я этому вполне верю. Я сказал Шапиро, что он, как главный хирург, должен быть рад, что в его распоряжении будет находиться огромное число квалифицированных сил Академии.

После ухода начальника профессора Быков и Мельников жаловались на то, что у академического начальства нет мозгов. Быков даже сказал, что ему кто-то предложил написать адмиралу Галлеру, чтобы начальника убрали; он от этого отказался. Насколько я могу разобраться, большинство профессоров против Иванова. Эту часть своей программы, может быть, им и удастся выполнить, но передерутся, когда захотят на его место посадить другого.

31.XII. Был у начальника госпиталя, которого просил вместо двух комнат дать нам одну. При жилищном кризисе, который наблюдается здесь, нет никакой необходимости иметь 2 комнаты. Он мне заявил, что пока я буду жить в этих комнатах. В 12 часов пришел проф. Шапиро, который

повел меня к заведующему облздравом Слезину (Сергей Константинович), при котором «главный хирург» состоит. Там же я застал и начальника МЭП'а *Феодосия Александровича Филиппова*. Я поднял вопрос о размещении ВМА в Кирове; указал на то, насколько власти должны быть заинтересованы в сохранении Академии в Кирове. Таким образом, они получают в подкрепление себе большое число квалифицированных работников. Естественно, что им кое-чем придется и пожертвовать, потесниться. Они должны были признать правильность этих соображений. Было решено еще раз переговорить с профессорско-преподавательским составом и подсчитать нужды Академии. Я предложил начальнику Академии созвать совещание верхушки, на что он согласился. Это совещание мало-помалу превратилось в совет Академии, который и состоялся в 15 часов в наших двух маленьких смежных комнатах! Присутствовали начальник Академии, профессора: Васюточкин, Быков, Мельников, Балон, Триумфов, Лисицын, Кацнельсон, Долго-Сабуров, Иоффе, Зедгендзе и др. Все единодушно высказались за то, что хотя с трудом и большими недостатками, но они берутся обеспечить преподавание. После Васюточкина говорил я; я указал на плюсы и минусы оставления Академии в Кирове. К этому я прибавил, что с момента открытия дороги из Ленинграда можно будет получить самые необходимые предметы для преподавания. После этого начальник вместе со мной пошли в облисполком, откуда он говорил по телефону с корпусным комиссаром Игнатьевым. Говорил с ним и я. Я ему указал на плюсы оставления Академии в Кирове.

Он мне сказал, что доложит мои соображения народному комиссару. Относительно моего местопребывания он сказал, что он также, со своей стороны, считает, что лучше всего мне находиться в Кирове.

Был сегодня у нас Эмдин, который нам передал письмо от Жоржика.

Великой радостью последнего дня этого года было сообщение Информбюро о взятии нашими войсками Керчи и Феодосии.

В 23 ч. 45' М.И. Калинин произнес краткую речь, поздравил с Новым годом и дал краткий обзор результатов военных действий.

Мы вдвоем с Ниной сидим в своей комнате и печально, без Жоржика, встретили 1942-й год.

1.I. 1942. Получил телеграмму от Жоржа из Актюбинска: «Вполне благополучно. Жорж». Около -40° . В магазине встретил случайно нашу лаборантку Софию Антоновну Щуко. *Объявлено о взятии нашими войсками Калуги и ст. Кириши.*

Прилетел ген.-майор Лебедев; он, по его словам, не понимает, почему еще разговаривают о размещении ВММА, в то время как имеется правительственное постановление об ее направлении в Иваново. Он стоит за Иваново; об этом мечтает и начальник госпиталя, у которого тогда освободится госпиталь.

2.I. Вчера получил следующую телеграмму: «Связи передислокацией хозяйства Иваново прошу приезда длительный срок Вологду для работы главным хирургом РЭП 95. Сиверс».

Я им обещал быть консультантом, чтобы бывать в Вологде один раз в 2 месяца, но не больше!

С утра приступил к ознакомлению с Морским госпиталем в Кирове.

Начальник в/вр. I р. Федор Александрович Ерофеев.

Главный хирург проф. Алексей Георгиевич Соловьев.

Хирурги: Яков Моисеевич Яновский, в/вр. Дитман, отоларинголог — Вульфсон Соломон Исаакович, офтальмолог Сабуров Григорий Яковлевич. Всего хирургов 8, настоящих — 5.

Штатных коек 600. 2.I развернуто 150 коек.

Я случайно попал в операционную, где в этот момент ассистент пропедевтической хирургической клиники ВММА Смирнов оперировал больного с грыжей.

Под операционную взята большая комната, стены которой окрашены маслом. Пол паркетный, линолеум идет, но еще не прибыл. Освещение совершенно недостаточное, пользуются боковым рефлектором; лампы бестеневые еще в пути. Теплой воды в операционной нет, моются холодной. Чтобы поливать теплую воду из кувшинов, не догадались.

Как я выяснил после операции, *оперировали раненого с незажившей раной*¹⁹ на правом плече и небольшой левосторонней паховой грыжей. Кожа смазана концентрированным йодом и выглядит как кожа негра. Употребляют 1/2% новокаин. Сразу анестезируют все слои, через кожу.

На поиски грыжевого мешка хирург потратил много времени. Резкие боли, испытываемые больным, хирург подавлял не введением анестезирующего вещества, а уговорами. Когда больной этому виду

¹⁹ Даже не обследовали белую кровь.

обезболивания не поддавался и начинал дергать ногами, сгибать их в коленных суставах, на помощь приходила операционная сестра, которая, перегнувшись через стол и придавив ноги, начинала уговаривать больного, что все скоро кончится.

Сестра говорит без умолку, при этом императивно. Напр., она кричит: «Жду соли», «Дать бикс». В унисон ей не отстает и хирург. Он не просто, напр., требует Кохер или Пеан, а ему нужно еще и уточнение: «Дайте мне Кохер 1, Пеан 2, Пеан 3». Одним словом, от болтовни тошнит. Шейка грыжевого мешка выделена плохо. Грыжевой мешок с внутренней стороны не анестезирован, резкие боли, вызванные прошиванием грыжевого мешка, не вызывают даже реакции со стороны хирурга. Рана протирается, а не высушивается. Инструменты бросают с полного размаха в тазы, лежащие на полу.

Операционная сестра одета безукоризненно, чего нельзя сказать про ее помощниц. Асептику соблюдает в полной мере. Слушатель 4-го курса ассистировал прекрасно. После окончания операции я отослал всех сестер, кроме старшей, оставил всех присутствующих врачей и разобрал перед ними весь ход операции, всю работу в операционной, указав на положительные и отрицательные их стороны.

После этого я перешел к обходу отделений, начав с 1-го отделения, которым заведует главный хирург госпиталя А.Г. Соловьев. Ему 56 лет; высокого роста, выглядит он значительно старше своих лет. Он был ассистентом у Соловова. По-видимому, практический врач; имеет звание д-ра мед. наук. Производит впечатление теоретически мало подготов-

ленного человека, который рвется поскорее к операции. Звание главного хирурга, т. е. человека, который руководит всем учреждением, задает тон, к нему совершенно не подходит. Его влияние не только не распространяется на все отделения, но совершенно не чувствуется даже в его отделении. Получается впечатление при чтении историй болезни, что он сам по себе, больные сами по себе, и врачи, сестры сами по себе. Насколько явствует из его же слов, он не заглядывает даже на отделение Яновского, находя это неудобным, так как Яновский взрослый.

Такое отношение руководителя, конечно, не могло не отразиться соответствующим образом и на ведение отделения. Не блещет чистотой само отделение, хотя персоналу более чем достаточно. В шкафах перевязочной я нашел все — вплоть до яйца.

Понятия о необходимости фиксации при повреждениях мягких тканей не существует. Если они и слышали о глухой гипсовой повязке, то в жизни они ее не применяют. Поражает несовместимость резко выраженной тенденции к оперированию, с одной стороны, и резко консервативное отношение ко многим раненым, безусловно требующим операции. Проф. Мельников рассказал мне, что когда тот приехал, то застал четырех больных с переломами бедер и артритами в тягчайшем септическом состоянии. Несмотря на это, главный хирург считал их умирающими, но не считал необходимым предлагать им ампутацию. Мельников ампутировал бедра всем четверем. Некоторых из них я застал еще в тяжелом состоянии, но, по всей вероятности, поправятся.

Я среди раненых нашел одного, который имел правостороннюю эмпиему с притуплением почти всей половины грудной клетки. Он лежит больше 1½ месяцев. Однако все ограничивается повторными пункциями, причем иногда заразно откачивают до 900 куб. см слизистого гноя. Я попросил сделать резекцию ребер.

У раненого, которого мне показали с огнестрельным ранением ключицы, я нашел артериовенозную аневризму подключичной артерии, о которой никто не подозревал. Я рекомендовал приступить к развитию коллатералей, связывая для этой цели руки кзади.

3.I. Продолжаю обход первого отделения. Картина та же.

Вчера вечером были в театре. Это наш Ленинградский драматический театр. Ставили пьесу под названием «Расплата». Хорошее здание. Хорошая игра.

Вечером пришли профессора Мельников, Теплиц, Шаверин и Нечаев и попросили посмотреть их товарища Акимова, ассистента терапевтической клиники, у которого, по их мнению, непроходимость тонкого кишечника. Я пошел с ними и вполне согласился с их диагнозом. По нашему общему мнению, дело шло о спаечной непроходимости в илео-цекальном углу. Поздно вечером его оперировал проф. Теплиц, ассистировали проф. Соловьев и Карташевский.

Операционная сестра больше не разговаривает!!

4.I. Воскресенье. Сiju дома. Утром видел Мельникова; он мне сказал, что, по имеющимся у него сведениям, НВМФ и НКЗ решили оставить Академию в Кирове.

Начальник Академии не показывается и ничего не сообщает мне об этом. По-видимому, боится, чтобы кто-нибудь не сказал, что я ему в этом деле помогал, и чтобы сие обстоятельство не ущемило его престижа!

В 14 часов приходил Эмдин и главный врач госпиталя ВЦСПС по повреждениям и заболеваниям органов грудной клетки *Сергей Васильевич Беляев*. Они мне предложили встать во главе госпиталя по повреждениям грудной клетки на 1000 коек. Я дал согласие.

5.I. С утра я на обходе в Морском госпитале. Я зашел в операционную. Нач. ЛОР Вульфсон; насколько могу понять его намерения, желает удалить обезображивающий рубец на правой щеке, стягивающий и суживающий правую ноздрю и выворачивающий верхнюю губу. Операция идет под местной анестезией; несмотря на повторные инъекции в рубец новокаина, раненый ревет. Только урывками, наскоками хирург хватает и срезает куски рубца, но продолжать операцию он не может. Как выяснилось после операции, больному *ни разу не был введен морфий*. Я довольно долго, пожалуй, слишком долго терпел это безобразие. Наконец я шепнул ассистирующему, что операцию следует прекратить, и я дам эфирный наркоз, что я и сделал. Сначала я хотел ограничить свою роль ролью наркотизатора, но когда я увидел, что сей, с позволения сказать, хирург делает, я начал показывать, что сначала следует освободить правую ноздрю; затем высвободить верхнюю губу. Я вставил в правую ноздрю толстый дренаж. Обшили, и вышло хорошо. Затем я спросил, что он имел намерение дальше делать. Он имел

намерение сразу пересадить приготовленный конец филатовского лоскута. Именно тот конец, на котором обильно растут волосы. Никакого представления о способе *Blair'a*. Я выкроил лоскут по *Blair'у* на плече, и на этом операцию закончили. К концу операции выяснилось, что больной к тому же наелся, и *его начало рвать*.

По окончании операции я разобрал ее ход перед врачами.

Приходил Грушкин, который, по видимому, уверовал в то, что он что-то знает по хирургии.

После обеда вместе с Эмдиным я осматривал госпиталь, где сконцентрировано до 900 раненых в грудь. Этот госпиталь эвакуирован из Пушкино. Сносное помещение. Научным руководителем является София Михайловна Кузнецова. Опытный фтизиатр, занимающийся со времени финской кампании ранениями в грудь. Врачи производят неплохое впечатление, хотя и знают мало.

Вечером заходил начальник Академии, а в 23 ч. вместе с ним и проф. Васюточкинским мы ходили в облисполком просить, чтобы они уступили для Академии медтехнику; кажется, удастся.

6.I. Вместе с начальником МЭП'а Феодосием Александровичем Филипповым и Марией Генриховной Скундиной поехал осматривать эвакогоспиталь № 1018. Хирургом госпиталя состоит хирург города Кирова *Герман Ефимович Александров*. Лет 50, высокого роста, скромный, молчаливый; я бы сказал, слишком скромный. Прекрасное школьное здание. Госпиталь содержится в порядке и чистоте. Врачи знают очень мало, к сожалению, слиш-

ком мало. Перевязывают без всяких показаний и надобности. В перевязочной полная анархия, каждый одет как хочет, и делает что ему заблагорассудится.

По окончании обхода Александров мне сказал, что за два часа моего обхода он получил больше, чем за предыдущие пять месяцев. Чрезвычайно остались довольны как Филиппов, так и Скундина; последняя выпросила разрешение сопровождать меня и в дальнейшем.

Вечером пришел Яновский, который просил меня посмотреть жену 1-го секретаря обкома Владимира Васильевича Лукьянова, у которой, по его словам, острый аппендицит. Исследовав больную, я вполне с диагнозом согласился и предложил больной операцию. Вначале она от операции категорически отказалась. Но после настойчивых уговоров согласилась. Оперировал Яновский, я ассистировал. Большие спайки, пришлось удалять отросток ретроградно.

Вечером смотрел зампреда истаполкома Рявкина; болен 2 года, с явлениями непроходимости пищевода. Раньше его смотрели Петров, Спасокукоцкий, Савиных, Мельников. Некоторых смущает слишком большая продолжительность заболевания. По-моему, типичный рак пищевода.

7.I. Утром пришел Грушкин, который хочет претендовать на место ассистента в хирургической клинике ВММА. Я ему указал, что по своим познаниям он занимать место ассистента не может; ежели же ему угодно занять место ординатора, то я ему помогу. Видно, насколько ему не нравится моя оценка его знаний.

Осматривал отделение Яновского. Чисто. Тяжелых раненых мало. Осматривал

отделение оториноларингологии. Начальник отделения Вульфсон. Старается заниматься пластической хирургией лица, пластикой носа, в которой он равно ничего не понимает.

Вечером приходили Быков и Мельников. Прибежал Бахин, который просил проконсультировать больного с пулей, расположенной глубоко у основания черепа. Мы с Мельниковым посмотрели больного, но не нашли никаких оснований для того, чтобы в данный момент вмешаться.

Вечером виделся с Лукьяновым и говорил с ним о том, что Академии не дают медтехникум. На завтра по этому поводу у него назначено заседание.

Получили от Жоржа телеграмму от 14.XII: *«Благополучно от вас известий нет».*

Сегодня улетел генерал-майор Лебедев. С ним я отправил письмо Сиверсу и послал посылку Осе.

8.I. Послеоперационное течение у жены Лукьянова протекает нормально. Утром смотрел, как Мельников оперировал опухоль брюшной стенки, расположенную под пупком. Оперирует средне; много и совершенно ненужно болтает. В 11ч.30´ состоялось заседание у Лукьянова по вопросу о размещении Академии. Все члены комиссии не хотят отдавать Академии медтехникум, «За» — один начальник Академии Иванов. Заведующий облздравом Слезин что-то бормочет невнятное; особенно озлобленно защищает местные интересы зам. председателя Лидия Ивановна Петухова. Ее, по-видимому, накачали в госпитале, который расположен в медтехникуме; она говорит о том, что в госпитале много раненых на вытяжении,

которых нельзя перевозить, что не следует разрушать лучший госпиталь.

Я говорю, что пусть лучше мне предоставят решить вопрос о том, кого можно перевозить, а кого нельзя. Филиппов предлагает не решать этого вопроса окончательно сейчас, а назначить комиссию, куда следует ввести и меня. В комиссию входят: я, нач. Академии Иванов, проф. Васюточкин, Филиппов, Слезин и нач. Морского госпиталя Ерофеев.

Едем сначала посмотреть хваленый образцовый госпиталь (начальник — Нейштадт), и обнаруживаю в нем грязь, которая приводит в смущение зав. облздравотделом Слезина; смущен и Филиппов. Затем осматриваем Тургеневскую школу: старое, хламное здание. После этого осмотра *вся комиссия единогласно постановляет, что медтехникум следует отдать Академии.* В этом смысле должны сделать сегодня доклад Слезин и Филиппов и должно состояться постановление исполкома.

Отправил телеграмму Жоржику.

9.I. Вместе с Филипповым и Скундиной осматривали госпиталь № 3444; он эвакуирован из Сталино. Нач. хир. отд. Очкур Иван Павлович — ортопед. Производит толковое впечатление. Но он слишком консервативен. Чрезвычайно ограниченно применяет переливание крови, общее обезболивание. Больные с параличом п. *radialis* также сплошь и рядом *не диагностируются* и фиксированы неправильно.

Вечером председательствовал на заседании, на котором были заслушаны два доклада:

Пономарев А.В. Иммунобиологические наблюдения при серопротектике и серотерапии газовой инфекции (45').

Мельников А.В. О клинике газовой инфекции.

Подписано постановление облисполкома о передаче медтехникума Академии.

10.I. С утра осматривал в Морском госпитале отделение Дитмана. В отделении работает Смирнов; он так же туп в обследовании больных, как в преподавании.

Заходил Эмдин, который *недоволен* тем, что я в госпитале его любимца Нейштадта обнаружил грязь и высказал отрицательное мнение о состоянии госпиталя вообще. Я ему объяснил, что последнего я не делал, а первое был обязан сделать. Внешне он с этим мнением согласился.

Вечером в Драматическом театре смотрели «Дворянское гнездо».

11.I. *Воскресенье. Начал изучение операционных журналов э/г Кирова.* Приходил проф. Френкель, фанфаронил насчет спасения отечества его способами. Его болтологию охладил довольно сильным ледяным душем.

12.I. Закончил обход отделения Дитмана. Вечером было назначено заседание у начальника госпиталя, на которое кроме начальника, главного врача и комиссара были созваны я, проф. Соловьев и Яновский. Я изложил выводы, к которым я пришел на основании обследования госпиталя. Я указал, что, несмотря на наличие главного хирурга, совершенно не чувствуется единое руководство, что истории болезни совершенно не отражают состояния раненых, не отмечаются существенные изменения, плохо ведется операционный журнал. Я предложил назначить официально Яновского заместителем главного хирурга, и чтобы за всю постановку лечебного дела <ответствен-

ность> несли они оба. В результате обмена мнений последовал приказ по Кировскому Морскому госпиталю за № 71, который и намечал ряд мероприятий по улучшению замеченных недостатков.

13.I. Вместе с проф. Мельниковым и доц. Скундиной осматривали госп. № 3155, он расположен в бывшем родильном отделении. Хорошее здание, плохо устроенный пропускник, слишком перегружены палаты. Много раненых с повреждениями конечностей. Нач. одного из отделений является травматолог Ошерович (из Ленингр. травматологического института). Повязки лежат хорошо. Много раненых с повреждениями кишечника, с каловыми свищами. Я указал, как их следует лечить. Рекомендовали одному септическому больному экзартикулировать левое бедро. Несколько больных с дерматогенными контрактурами. Рекомендовали этапное выпрямление. В общем, госпиталь производит хорошее впечатление. Нет рентгена, постоянный консультант проф. Нисневич.

Зашел Эмдин, который начал меня уверять, что ему хочется до зарезу в Ленинград. Вся эта св. компания сначала рвалась оттуда, а сейчас изображает из себя героев и уверяет, что хочет обратно.

14.I. С врачами Морского госпиталя разобрал больную с раком грудной железы; затем разобрал их операционный журнал и просил его переписать.

В 17 часов собралась у меня депутатская группа: Эмдин, Борщевская, Лисицын, Бахон, Триумфов (Александр Викторович).

15.I. Только что перенес с виду легкую форму гриппа. Но, как и после тяжелой формы, осталась жесточайшая адинамия.

Утром вместе с проф. Мельниковым, Скундиной и начальником ЛЕЧЕБНОГО отдела МЭП'а (Андрей Павлович) Орловым осматривали э/г № 3156. Госпиталь расположен в областной больнице. По сообщению Скундиной, в больнице постоянно работает хирург Василевский, очень эрудированный врач. В настоящее время он болен.

В госпитале развернута 701 хирургическая койка. Уже у входа видно, что хозяйственная часть госпиталя если и существует, то о госпитале заботится мало. Входная дверь не только покрыта толстым слоем снега, но с боков вмерзли бочки. Коридор завален свернутыми кроватями. Окна грязные. В швейцарской, у телефона, вся стена исписана номерами телефонов.

Начальником II-го хир. отд. на 150 коек является врач Трапезников — микрорепедиатр. Небритый, неряшливо одетый, по-видимому, пьющий врач.

Начальником I-го хир. отделения является Бутолин — гинеколог. Небритый, не только неряшливо, но грязно одетый человек.

Начальником-консультантом одного из отделений является Максим Григорьевич Рамм (Москва). Последний занимается преимущественно черепно-мозговой травмой.

В одном из отделений в качестве консультантов — проф. Лисицын и его помощник Борчхадзе.

Среди других работников большинство микрорепедиатры, невропатологи.

Состав больных исключительно тяжелый. Много повреждений суставов, переломы бедра, голени, остеомиелиты. Раз-

ве удивительно, что у неприятных, я бы сказал, грязных врачей в ящиках столов, шкафов совершенно недопустимая грязь не только в палатах, но и в перевязочных. Работа в перевязочной также идет хаотически. Даже у старого врача хирурга Борчхадзе понятия о размерах повязок при поражении суставов отсутствуют. При остеомиелите пяточной кости повязка захватывает стопу и голень до середины. Тяжкий септический больной с поражением тазобедренного сустава, с поражением вертлужной впадины ждет, по-видимому, своей смерти без экзартикуляции (посоветовали экзартикуляцию бедра).

В перевязочной подается одна щетка, по-видимому, на день, и с ней моются все хирурги, и все вполне довольны.

Повреждение n. ulnaris лежит без диагноза. Дермато- и миогенная контрактура голени ненужным образом выводит бойца из строя. 2 месяца держат бойца, который уверяет, что случайно выпил соляную кислоту. Однако он все прекрасно глотает, как жидкую, так и твердую пищу; на рентгенограмме никаких данных ни за поражение пищевода, ни за поражение желудка, а мнимого больного держат два месяца.

Неотрадное впечатление производят все отделения. Исключение представляется прекрасно устроенная операционная.

Вечером заходили врач Орлов и Скундина. Орлов просил, чтобы я просмотрел составленный им отчет.

От Жоржика получили первое письмо из Самарканда.

16.I. Утром оперировал впервые в Морском госпитале. 1-й больной — пластика губы. 2-й больной — врач со свищом

заднего прохода, сделал Judd-Robles. Осматривал нескольких больных.

17.I. Утро вместе со Скундиной и Орловым провел в э/г 4017 ВЦСПС для раненых в грудную клетку. Мне показали около 10 раненых с инородными телами легких, перикарда и сердца. Несколько больных назначены на операцию.

Послали телеграмму «срочную» Жоржу.

Подписался на «Хирургию», «Медработника» и «Советскую медицину». Скундина сообщила мне, что операционные журналы поступают ко мне с большим опозданием, так как хирурги, узнав о том, что я их собираюсь читать, подчищают их, исправляют.

Получил письмо от Евгении Владимировны Благовещенской, писаное 14.XII. 1941. Невеселые вещи сообщает она и о своей жизни, и о моей клинике.

18.I. Воскресенье. Сижу дома. Изучаю операционные журналы эвакогоспиталей.

19.I. Осматривал несколько больных в Морском госпитале.

Получил для отзыва сборник работ Санотдела Уральского военного округа.

Приходил Мельников — обменялись мнением по поводу необходимости написания кратких справочников, в частности по лечению *хронического остеомиелита*.

20.I. С утра вместе с проф. Мельниковым, Лисицыным, Скундиной и Орловым в э/г № 3591 (б. кадровый Сестрорецкий). Начальник г-ля Пилотников.

Госпиталь должен иметь 600 коек, развернуто только 281 (хирургических коек); остальные не развернуты из-за отсутствия помещений. Госпиталь развернут в хорошем школьном здании. Ряд легко устранимых недостатков. Напр., гигиени-

ческие ванны (4 ванны — во всех одновременно моются), и одновременно трое сидячих больных берут ручные ванны. Прекрасные кровати, чисто. Легкие раненые. Неправильно наложенные шины при параличах п. *radialis*, как правило, неправильное положение кистей при его повреждениях. Немощное отношение к раненому, страдающему явлениями авитаминоза, с синюшными, стекловидными, атоничными грануляциями.

Дома застал только что вернувшегося из Свердловска проф. Шапиро и приехавшего из Иваново проф. Галкина. Уговорились встретиться в 6 часов вечера с проф. Галкиным и в 20 ч. 30' с проф. Шапиро.

В точно назначенный час явился Галкин. Рассказывает, что в Иваново для ВММА все устраивалось идеально; получил дом под общежитие в 30 000 кв. м и прекрасные теоретические кафедры; небольшие клиники, которые легко восполнить госпиталями. В смысле еды все обстоит прекрасно. Плохо, по-видимому, только то, что Академия не пожелала туда поехать. Уверял, что профессора Академии на него косятся якобы из-за того, что он хотел Академию затащить в Иваново. Просидел около двух часов, рассказывает прекрасно; боюсь, что из всего того, что он говорит, можно верить не более чем на 5%. Размах тем, которых он касался, был довольно обширен: Опель, Федоров, Мыш, Ал. Толстой, Горький, жена сына Горького и т. п.

В 20 ч. 30' явился проф. Шапиро. В кратких словах он мне сообщил, как победоносно он выступал с докладом на съезде хирургов в Свердловске. Он мне указал на статью в «Медработнике»

(С.И. Миловидова), которая трактует о раздорах между начэваками и заведующими облздравицами. Что победа явно клонится в сторону НКЗ. Из этого тонкого отрядного движения я должен был сделать вывод, что мое посещение вместе с начэваком Филипповым госпиталей, где начальником является зав. облздравом Слезин и его «главный хирург» Шапиро, неудобно и нежелательно. Этому бедному «главному хирургу» его ставленники сообщили, что я бываю в подведомственных ему учреждениях и обращаю внимание на то, что плохо.

Я ему сказал, что профессора Академии высказывают мнение, с чем я вполне согласен, что необходимо основать медицинское общество. Это ему пришлось не по нутру, он начал что-то лепетать, что военное время и прочее... неудобно, выходит за рамки приказов. Я остался при своем.

Поручение ко мне, чтобы я взял в свои руки ведение методического бюро.

21.I. Утром я отправился в госпиталь ВЦСПС, где должен был ассистировать на двух больных: у одного по поводу хронической эмпиемы. Машины не оказалось, и мне пришлось идти пешком. Минут через 10 меня остановил проходящий красноармеец и предупредил меня, что я отморозил себе нос. К счастью, это оказалось отморожением только 1-й степени. 2 раза меня подвергли лечению УКВ; может быть, это и помогло при ограничении поражения.

Показали раненого с газовой гангренной, которая развилась *через 3 недели* после ранения. До перевязки ничего не было. Я рекомендовал ампутацию бедра, которая тут же и была произведена.

Вечером я получил приглашение на торжественное заседание, которое состоялось в театре. 1-й секретарь обкома и горкома Владимир Васильевич Лукьянов сделал доклад. После доклада состоялся спектакль «Кремлевские куранты».

22.I. В 11 ч. 30' вел занятия с группой слушателей 4-го курса по методике исследования больного. Кроме слушателей и большого количества врачей присутствовали профессора Мельников, Нисневич (Либер Михайлович) и Давыдов.

Днем ко мне зашел начальник эвакогоспиталей облздравицы Слезин (Сергей Константинович), который совещался по поводу организации бюро консультантов при облздравицком отделе.

23.I. Утром *оперировал раненого Герцига — 21 г. — начальника разведки.* Ранен 5-й раз. 4 месяца назад осколок снаряда попал с левой стороны чуть ниже и справа сустава нижней челюсти; прошел слева направо, по-видимому, через левую гайморовую полость, кости носа, раздробил скуловую кость с правой стороны, перебил processus coronoïdes нижней челюсти и застрял в fossa pterygopalatina.

Может раскрыть рот не больше 2½–3 см; боковые движения нижней челюсти затруднены; зрение на правом глазу потеряно, на левом 0,8. Многочисленными рентгенограммами удалось точно локализовать инородное тело. Я решил идти не снаружи, так как при этом не удалось бы избежать пересечения нескольких ветвей лицевого нерва и пришлось бы поперечно пересечь m. Masseter и, может быть, даже сбить proc. coronoïdes. Поэтому я решил оперировать через верхнюю челюсть

и гайморовую полость. Ассистируют отиатр Вульфсон и окулист Сибуров. Анестезия местная ¼% нов. — 500 куб. см. Разрез над альвеолярным краем верхней челюсти. Трепанация передней стенки гайморовой полости; при трепанации наружного края значительное кровотечение, остановленное тампонадой. (В общем, кровотечение было настолько незначительным, что не пришлось переливать кровь, хотя для этого все было готово.) В этот момент *погас свет*. Стало очень трудно оперировать. Я ввел иглу по направлению к инородному телу. Раньше чем трепанировать задненаружную стенку гайморовой полости, я снова хотел проверить правильность направления иглы на рентгене. Отсутствие света лишало этой возможности. Я попросил запросить электростанцию насчет перспектив. Оттуда ответили, что *нет топлива*, и когда будет свет, неизвестно. Однако скоро дали свет. Раненый с вколотой иглой был переведен в рентгеновский кабинет, где как рентгеноскопически, так и рентгенографически было доказано, что конец иглы упирается в инородное тело. Я растрепанировал задненаружную стенку Гайморовой полости и с большим трудом удалил осколок размерами... Д-р Вульфсон устроил соединение между гайморовой полостью и нижним носовым ходом; в Г. полость введен тампон, который и вывели через правую ноздрю. Швы на рану слизистой.

Вечером было заседание в облздраве (Шапиро, я, Скундина, Нисневич), составили список лиц, которые должны участвовать в совете при облздравотделе. Совет состоит из 22 членов, большинство профессора ВММА.

24.I. С утра вместе с «главным хирургом» Шапиро, проф. Мельниковым, сегодня приехавшей В.В. Гориневской и Скундиной осматривал э/г №* , начальник госпиталя Зацепин, главный хирург Жилин (Николай Прокофьевич). Госпиталь расположен в школьном хорошем здании; имеет несколько корпусов; корпус, который мы посетили, имеет 300 хир. коек.

У врача Толстых нашли «оригинальную» систему ведения больных. Она не смотрит больных по 5–6 дней; за эти дни температура записывается подряд, а сбоку она чохом пишет о состоянии больных. Оформление операционного журнала плохое. При повреждениях кисти, как правило, неправильное положение конечности. Отношение к инородным телам исключительно консервативное. Поэтому, даже при совершенно поверхностном расположении инородного тела, например под кожей на тыльной поверхности кисти – инородные тела не удаляются, раны гноятся, и больные лежат по несколько месяцев. При повреждениях талокрурального сустава гипсовую повязку накладывают до середины голени. При параличах локтевого нерва повязки кладутся неправильно.

По окончании обхода нескольких палат я собрал врачей и указал на их ошибки.

Вечером в госпитале народный комиссар просвещения Владимир Петрович Потемкин сделал прекрасный доклад об истории дипломатии.

25.I. Воскресенье. Сижу дома, читаю.

26.I. Утром ассистировал на операциях в Морском госпитале. От Жоржика получил телеграмму, что у дяди и у него все в порядке.

27.I. Получил телеграмму от проф. Левита от 7/I; поздравляет с Новым годом. С утра смотрел нескольких больных в Морском госпитале. У Герцига нормальная температура и хорошее самочувствие. Академия направила в Ленинград трех лиц: проф. Балона, Яковлева и Комиссарова, чтобы привезти необходимые для занятия вещи. Балон обещал, что заедет ко мне и возьмет письмо и посылку. Написал большое письмо Эмилии Никифоровне и Осе, где просил прислать книги. Днем случайно узнал, что они уехали, не предупредив меня, и не взяли письма. Я с трудом добрался до вокзала и успел всучить им письма и посылку ровно за минуту до отхода поезда. Всякие бывают мерзавцы.

Вечером состоялось заседание у Слезина по поводу организации Совета при облздраве. *Я избран председателем*, Шапиро зам., проф. Нисневич — секретарем, проф. Мельников, Цигельник членами президиума.

Вечером пришли ко мне проф. Мельников и приехавший с ТОФ'а главный хирург *Василий Алексеевич Суворов*. Оставляет неважное впечатление. Самое главное — далеко не умен.

28.I. Утром ассистировал Соловьеву на свище тонкой кишки, который остался после огнестрельного ранения кишечника. Операция прошла вполне хорошо.

29.I. Вел занятия со слушателями 4-го курса.

Днем мне сообщили, что вчера оперированному больному стало плохо. Я пошел сразу его смотреть. Картина тяжелого септического перитонита. Вечером больной умер. На вскрытии перитонит и двухсторонняя пневмония.

Вечером приходили проф. Гориневская и Скундина. Среди других известий Гориневская сообщила, что умер Яков Осипович Гальперн. Страна потеряла литературно образованного хирурга, лучшего редактора хирургического журнала.

30.I. Утром ассистировал в госпитале ВЦСПС.

31.I. Собрались ехать в Москву. С утра ассистировал Вульфсону на пластике уха. В 19 ч. 30' поехали на вокзал и просидели там до 23 часов. Ввиду того что имелись только сидячие места, мы решили поездку отложить.

1.II. В 11 ч. 30' вдруг прибежали сообщить, что следует немедленно ехать. Выехали в 12 ч. Поехали начальник Академии Иванов, профессор Мельников, Вайль, Лисицын, я. Вдвоем едем с Ивановым в международном, в купе 1-й категории. В вагоне-ресторане невообразимое свинство и грязь; гороховый суп, какие-то блины несъедобные.

2.II. Идем хорошо; *утром поймал вошь, платяную, но голодную! Пришло в голову перевести Жоржика из Кировской академии в Морскую. Не знаю, что из этого выйдет!*

3.II. По расписанию мы должны были прибыть вчера в 21 ч. На самом деле мы прибыли в 7 ч. В дороге 3 раза проверяли документы. В метро сразу бросаются в глаза двойные железные, герметически закрывающиеся двери, предназначенные, по-видимому, против газов.

В гостинице «Москва» бросается в глаза большое число красноармейцев. Убрано почтовое отделение и сберегательная касса. В остальном остался старый стиль: «Мест нет и сегодня не будет». Пошли

в Наркомат, по дороге зашли в гостиницу «National», где получили номера. Я живу вдвоем с А.И. Ивановым.

В Санитарном управлении встретили старых знакомых Кудякова, Тилтте. Ма-лахова, Ремизова и Комиссарова. В 11 ч. 30' меня принял НКВМФ адмирал Кузнецов. Он меня спросил, как разместилась Академия. Я сказал, что не блестяще, но терпимо для настоящего времени. «Мне сказали, что вы стоите за Киров, поэтому я дал согласие на оставление Академии в Кирове». Я ему указал, что, принимая во внимание усталость профессорско-преподавательского персонала (около 10% больных) и учитывая, что не может быть особенно хорошо нигде, я и решил, что Академию следует оставить в Кирове. Он с моими доводами согласился. «Почему вы не соглашались на вывод Академии из Ленинграда раньше?» Я ему изложил свои соображения, которые он также нашел правильными. Он меня упрекнул в том, что, будучи главным хирургом ВМФ, я все свое внимание уделяю почти исключительно Балтийскому флоту, забывая про другие флота. Народный комиссар забывает, что прежде всего и главным образом я профессор 1 ЛМИ и только после этого я главный хирург флота. Он обещал нас принять после сбора хирургов. Я просил его принять и начальника Академии, на что он согласился.

В 17 часов я с А.И. Ивановым был у наркома здравоохранения *Георгия Андреевича Митерева*. Он нас встретил весьма радушно. Однако его сообщение относительно Ленинграда может вызвать только сплошное горе. В связи с прекращением подачи воды и света положе-

ние в городе чрезвычайно ухудшилось. В больницах и клиниках температура спустилась ниже нуля; во многих местах поставили буржуйки. В учреждениях замерзли трубы; отсутствие подачи воды приводит к резкому загрязнению, и он боится, что весной и летом вспыхнет холера. Он сказал, что ему звонил Попков, который сообщил о чрезвычайно тяжелом положении. *60% медицинского персонала слегло*. Число ежедневно умирающих настолько велико, что не успевают хоронить. Недоедание распространилось и на армию, а потому об активных действиях с ее стороны думать не приходится.

Почти повсюду в стране вспыхивает эпидемия сыпного тифа, с которым из-за отсутствия мыла, дров и перенаселенности бороться чрезвычайно трудно. Особенно широкие размеры принял сыпной тиф в Средней Азии — в Ташкенте; туда брошены Колесников и Шабанов.

В 19 ч. мы посетили начальника Санитарного управления Красной Армии див-врача *Ефима Ивановича Смирнова*. Он исключительно радушно меня принял; сказал, что я недисциплинирован, что не хотел выезжать из Ленинграда. Говорил он это очень добродушно. Он подтвердил мрачные сведения о состоянии Ленинграда. Однако единственным радостным было сообщение, что, *по расчетам наших стратегов, дорогу на Ленинград должны открыть около 15/II*; что армия Мерецкова продвигается удовлетворительно (это же сказал и Митерев). Он жаловался на ужасное состояние наших дорог; невозможно перевезти больных; места в Сибири и на Волге пустуют,

а в ближайшем тылу все переполнено. Между тем ежедневно приходится вывозить около 30 000 раненых. С ужасом он смотрит на надвигающуюся эпидемию сыпного тифа, с которым бороться нечем.

Я просил его разрешения перевести в Военно-Морскую академию Жоржика, на что он сразу дал согласие. Однако добавил, что он осенью вернет Академию обратно в Ленинград. Тогда я ему сказал, что я подумаю, и как только решу этот вопрос, то сообщу ему; он мне сказал, что сделает это в любой момент.

Встретил у него Ходоркова, который был очень любезен.

Приехал Борис Александрович Петров (прилетел), который сообщил мне, что 31/XII у С.С. Юдина случился инфаркт миокарда, и с тех пор лежит.

4.II. Диктую доклад главному хирургу ТОФ'а Суворову. Вечером А.И. Иванов общается, что ряд профессоров Академии (Пунин, Лисицын, Никитин) и я представлены к правительственной награде. Сообщил ряд пикантных деталей — относительно отношения к этому вопросу со стороны МСУ ВМФ.

5.II. Утром случайно в парикмахерской встретил Кафтанова. Он мне сообщил, что на медицинскую Сталинскую премию выдвигается Вишневецкий и книжка Еланского по военно-полевой хирургии.

Всяко бывает! Сижу дома, пишу доклад.

6.II. В 10 ч. 15' открылся сбор. После вступительного слова Кудинова мы заслушали доклады Пунина, Петрова и Никитина.

В 14 ч. мы пошли обедать. Наряду с другими товарищами я попросил и съел

кусоч балычка. В 15 ч. 15', когда я дошел до Арбатской площади, *вдруг* в предсердечной области и у свободного края ребер с левой стороны появились довольно сильные боли. Боли как бы пронизывали всю грудь насквозь и были также сильны в левой лопатке. Боли хотя и были сильны, но не мешали мне идти дальше, и минут через 10 мы, продолжая довольно быстро двигаться, дошли до зала заседаний. В этот момент у меня боли совершенно прекратились, и я не только свободно мог принимать участие в заседании, но и выступил в прениях и говорил 25'.

По окончании заседания я поужинал и вместе с А.И. Ивановым пошел к зам. наркома ВМФ Малышеву, где я беседовал с ним около 45'. Он произвел на меня значительно лучшее впечатление, чем его предшественник Игнатъев.

Мы вышли из здания, направляясь домой. Так же беспричинно на том же месте появились такого же характера боли. Однако боли мне не мешали идти. Я шел настолько быстро, что идущий с нами проф. Пунин сказал мне, что ему трудно меня догнать. Хотя я и шел достаточно быстро — боли продолжались с довольно большой интенсивностью. Я дошел до гостиницы; лифт не работал, и я сам добрался до своего номера во втором этаже. Прилег, боли продолжались с той же интенсивностью и на том же месте. Только около 1½ ч. боли как будто начали уменьшаться, и я мог относительно спокойно лежать. В это время я допускал возможность отравления балыком; я вспомнил первое свое отравление шамайей²⁰.

²⁰ Шемай — рыба из семейства карповых (устар.).

Однако местоположение болей, позади грудины, отсутствие рвоты и поноса как будто бы говорили против этого. В 3 ч. снова боли начали нарастать. Боли были давящего характера; интенсивность их к 4 ч. 20' настолько возросла, что я уже стонал, кусая себе пальцы. Невыносимые боли заставили меня разбудить Алексея Ивановича. К этому моменту моя мысль относительно локализации и характера болей пошла по иному пути. Принимая во внимание, что и дед мой со стороны матери (на которого я похож), и мой дядя (с той же стороны) внезапно умирали от сердца; принимая во внимание, что у меня в продолжение многих лет наблюдается тахикардия, ничем не объяснимая, учитывая, что иногда мне бывает дурно, я при наличии наблюдавшихся явлений пришел к заключению, что дело идет об *инфаркте миокарда*. Однако боли ни разу не отдавали в руку, не было ощущения страха смерти, и пульс все время оставался правильным и хорошего наполнения.

Боли приняла настолько интенсивный характер, что я просил собравшихся товарищей как-нибудь вывести меня из припадка. Около меня собрались А.И. Иванов и профессора Мельников, Лисицын и Вайль. Последний звонил по всем инстанциям, но ни до кого не могли дозвониться. Наконец через проф. Давыдовского дозвонились до Кремлевской б-цы, откуда обещали прислать врача.

Тем временем жестокие боли продолжались; мне было дурно, я весь был покрыт холодным потом; не то тошнило, не то не тошнило, я не находил себе места. Наконец в 6 ч. 30' наступила двукратная рвота. Вырвало сначала кашу и ужин.

Боли позади грудины сразу исчезли; оставались еще боли в спине, но перемена была настолько быстрой и разительной, что я должен был от диагноза инфаркта миокарда отказаться. Это, конечно, мне доставило большое удовольствие. Но мои товарищи все еще продолжали думать о сердце.

Пришла старая почтенная седая докторша с чемоданом. Она выслушала мой рассказ. Выслушала сердце, нашла, что тоны чистые, даже сравнительно мало приглушенные. Предложила мне переехать к ним в Кремлевскую б-цу. Я отказался, находя это ненужным. Промывать желудок уже не стоило. К тому же в 7 ч. 30' меня вырвало еще два раза очень обильно, весь остаток обеда. *Исчезли и те боли, которые оставались где-то в спине.* Докторша ввела мне в левое плечо камфору с пантопоном. О боже, как она вводила, прямо в кожу; это продолжалось несколько минут. Ее крашенные грязные ногти дали о себе знать в ближайшие дни, когда опухло не только плечо, но и лимфатический узел в надключичной области!

Пантопон не подействовал, я не сплю.

7.II. Осталась настолько большая слабость, что я не могу поднять ни руки ни ноги, с трудом шевелю ногами. Конечно, не может быть речи о том, что бы я делал доклад. Со мной в качестве караула сидит очаровательный Сережа Пинкевич. Он бесконечно мил, внимателен. Но ему не одолеть ужасающей адинамии. В 15 ч. вырвало стакан выпитого чаю. Боли, небольшие, остающиеся еще где-то в подреберье, безусловно, связаны с пищеводом; стоит мне только глотнуть воду, как

боли стихают. Осталось ощущение, что меня всего избили. Целый день лежу.

8.II. Адинамия продолжается. Лежу целый день. Мой доклад отложен на завтра.

9.II. В 11 ч. за мной пришла машина. Передвигаюсь с трудом, но еду. В 11 ч. 30' начал доклад; простоял на кафедре минут 15, чувствую, что мне плохо; объявляется перерыв. Минут через 20' заседание возобновляется, но я докладываю сидя. Трудно, конечно, чтобы при таких условиях мой доклад был бы интересным. Замысел и содержание доклада «Задачи хирургов флотов» были интересны. После моего доклада почти не было прений. Я отбыл свой номер в чрезвычайно трудных для себя условиях. По окончании доклада я сразу уехал домой и слег. Адинамия продолжается.

10.II. В 15 часов нас принял НК ВМФ адмирал Кузнецов. На приеме были: Кудинов, я, Иванов, профессора Мельников, Пунин, Лисицын, врачи Никитин, Петров, Суворов, Пиэтте.

Доклад начал Кудинов; кратко изложил цели сбора хирургов. Затем нарком предоставил слово мне, и я вкратце говорил о «задачах хирургов флотов». Со своей стороны, в подходящих местах я просил высказываться главного хирурга Петрова, главного хирурга КБФ Пунина, главного хирурга ТОФ'а Суворова. На прощание нарком опять упрекнул меня, что я предпочтительно занимаюсь Балтикой. Я объяснил ему, что это происходит оттого, что я прежде всего профессор 1 ЛМИ. На это нарком ответил, что он меня знает и не хочет иначе знать, как главным хирургом флота. Я на это ему ответил, что это негосударственная точка зрения, что меня прежде всего следует утилизировать как

профессора. «Тогда придется говорить языком приказа». Улыбаясь, я ему ответил, что в таком случае я совсем уйду из флота. «Как же вы это сделаете?» — спросил нарком. «Я пойду на комиссию, и по состоянию здоровья меня отпустят», — ответил я. Улыбаясь, нарком ответил, что Медико-санитарное управление меня отпустит, когда будет возможно.

По докладу начальника Академии он вынес решение подчинить Академию Медико-санитарному управлению.

Вечером, когда я брал ванну, на обеих голених я обнаружил петехиальную сыпь, особенно резко выраженную на правой голени. Это еще более подтверждало, что у меня все случилось в результате отравления.

11.II. После обеда поехал к Юдину. Застал его в постели. Я у него провел около 4 часов. У меня осталось впечатление, что этот талантливейший хирург находится на грани сумасшествия. Трудно даже описать все бредни, которые он мне излагал.

12.II. Я настолько чувствую себя плохо, что решил изменить план и поехал домой вместе с остальными товарищами.

Приехали 14-го вечером в Киров. Почти полностью голодал в дороге в течение двух дней.

15-20.II. Много лежу, ничего не болит, но чувствую слабость. 20 начал выходить в госпиталь и 21-го даже сделал разрез.

Остается еще тахикардия в пределах 90–120'; пульс правильный.

23.II. Я попросил профессора Мясникова меня посмотреть. Размеры сердца оказались не увеличенными, тоны четкими и ясными; намек на раздвоение первого тона. Он согласен с моим толкованием,

что дело шло об отравлении. Но ввиду того что остается тахикардия 96–104', то он считает, что мне следовало бы брать теобромин, еще отлеживаться и не брать полной нагрузки.

25.II. Состоялось заседание хирургической секции при облздравотделе; председательствовал Мельников; присутствовали Шапиро, Зедгенидзе, Нисневич и др.

Представитель Аптечного управления Бочаров доложил, что эфира и хлороформа нет и не будет в ближайшие 4–6 месяцев. Шапиро с развязностью клоуна сообщил, что в его царстве все в полном порядке. Я выступил очень резко, указав, что дело обстоит далеко не так.

26.II. Познакомился утром с каким-то Шубниковым, представителем Аптечного управления. Узнав от него, что у них имеются неограниченные ресурсы спирта, мне пришла мысль с помощью наших химиков организовать в Кирове производство эфира. В этот же вечер было созвано совещание под председательством начальника Академии А.И. Иванова в присутствии военкома Шакотько и Погодина. Были Бочаров, Шубников, я и наши химики Иоффе и Птицин. Образована комиссия для проработки всех деталей.

27.II. Меня пригласили на заседание МЭП № 22. Председательствовал Филиппов, присутствовали Слезин, проф. Шапиро, Цигельник, Рутенбург, Скундина, Нейштадт и др. Разбирался акт обследования госпиталей в Кирове и области. Говорили о недостатках лечения, о качестве лечения...

Когда мне предоставили слово, я перечислил причины плохих результатов лечения и среди причин указал на отсутствие

руководящего хирурга. Я указал, что цену проф. Шапиро как уролога, но что он в хирургии ничего не знает и едва ли может занимать должность главного хирурга. По-видимому, это чувствует и сам Шапиро, который до моего отъезда в Москву через проф. Зедгенидзе запросил меня, может ли он остаться главным хирургом. Я ответил, что нет. Затем он меня спросил лично. Я повторил свое мнение. Когда я вернулся из Москвы, проф. Шапиро был у меня и сказал, что он утвержден НКЗ главным хирургом. О том, что он обещал уйти, он уже не говорил.

Я считаю своим долгом заявить, что *проф. Шапиро главным хирургом быть не может.*

После моего выступления слово попросил проф. Шапиро: «Может быть, многое из того, что сказал проф. Джанелидзе, и правильно, но я нахожу, что здесь не время и не место обсуждать этот вопрос».

Комиссар МЭП'а и начальник заявили, что хотя проф. Шапиро непосредственно им и не подчинен, но они полагают, что в данном собрании этот вопрос можно ставить, и, кроме того, они поставят этот вопрос и в соответствующих инстанциях.

28.II. Был у меня Вайль, который сказал, что Слезин считает, что Шапиро является его заместителем по медицинской части. Тем лучше для них.

Чувствую себя сносно, не больше. Пульс 100–112'.

Вечером заходили Мельников и Мясников. Последний сообщил, что на заседании терапевтической секции проф. Шапиро заявил, что после моего вчерашнего выступления он не может оставаться и в ближайшие два дня уходит. Что-то

плохо верится, чтобы у проф. Шапиро заговорила совесть, которой у него нет!

1.III. Гулял 1½. Бродил по склонам Крутогорска, поднимался по значительному уклону. После прогулки начались перебои, выпадение одного удара через каждые 30–40 ударов. Ощущение слабости. Лежал почти весь вечер. К вечеру перебои исчезли.

Приходил проф. Теплиц. Говорит, что слышал, якобы Шапиро подал заявление об отставке.

2.III. С утра самочувствие лучше. Перебоев нет. Пульс 88–92'. Вечером 104–108'.

Вечером состоялось заседание комиссии по производству эфира. Шубников доложил, что производство наверняка можно наладить на заводе «Искожи».

Был Вайль, который сказал, что Шапиро подал в отставку.

3.III. Был Слезин, который сказал, что Шапиро подал в отставку, и просит рекомендовать хирурга. Я рекомендовал ему проф. Лисицына, указав ему на необходимость получить на это разрешение начальника Академии.

Первый день как себя чувствую явно лучше.

4.III. Улучшение продолжается. Пульс — 98–108'.

Вечером состоялось заседание хир. секции при облздравотделе. Шапиро ушел. Вместо него главным хирургом по моему предложению назначен проф. Лисицын. На заседании был проф. Шапиро, который со мной внешне любезен, что этому типу остается делать!

Поздно вечером при обсуждении вопроса, кого послать консультантом в госпиталь к Нейштадту, проф. Лисицын

предложил направить туда проф. Мельникова. Вот будет писк.

Пульс вечером 112'. Перебоев нет.

5.III. Оперировал двух больных (остеомиелит плеча и голени).

6.III. Состоялось заседание врачей эвакогоспиталей. Оно было очень многочисленным. Я демонстрировал больного, которому я удалил осколок из крылонебной ямки. Составил и президиум обоих заседаний: я председатель, проф. Мельников и Лисицын заместители. Нисневич и Скундина — секретари. Кроме того, в президиум входят начальник Академии Иванов, военком Погодин, начальник МЭП'а Филиппов. Лисицын впервые выступил в качестве главного хирурга — счастлив, сияет!!

Оперировал с кистозным зубом.

Состояние мое удовлетворительное.

Вечером ко мне пришли Эмдин и Кечкер.

7.III. Вместе с Лисицыным и Скундиной были у Филиппова. Филиппов обещал нам передать медтехникум при условии, что ему передадут другое здание. Чувствую себя удовлетворительно.

8.III. Чувствую себя удовлетворительно.

9.III. Оперировал одного больного около трех часов. Чувствую себя хорошо. П. — 88–96'.

Получил анонимку, сфабрикованную б. «главным хирургом» и его компанией. Жалкие люди. Такие же анонимки рассылаются другим профессорам. Моя анонимка перешла военкому МСУ ВМФ Шакотько, он же собирает и анонимки, полученные другими для соответствующего расследования.

10.III. Приходили Кузнецова и Беляев.

11.III. Отправили Осе посылку. Получил письмо от Мавры.

14.III. Работаю много. Самочувствие хорошее. П. — 80–96'. Читал лекцию врачам об ожогах и их лечении. Состоялась в госпитале патологоанатомическая и клиническая конференция, которая прошла хорошо. Были приглашены врачи из э/г 1356, откуда были переведены многие из тех раненых, которые погибли и подверглись разбору на конференции.

15.III. Приходил проф. Васюточкин. Он мне передал, что начальство э/г № 1356 находит, что конференция была проведена «жандармскими методами». По-видимому, факты упрямая вещь. Им не нравится, что мы сказали правду и не могли одобрить во многих случаях их образа действия.

16.III. Оперировал раненого по поводу острого серозного перикардита. Вечером приходил проф. Васюточкин и говорил всякие кляузные вещи про своих начальников.

17.III. Вечером беседовал с военкомом Шакотько (Николай Осипович). Он мне рассказал очень много интересного, но не делающего чести многим профессорам. Віков <так в оригинале> и Васюточкин, по видимому, произвели на него особенно неблагоприятное впечатление.

18.III. Передал военкому для Москвы рукопись Петрова «Глухая гипсовая повязка» и стенограмму моего доклада в Москве.

Осматривал Рабфак, где разместились часть теоретических кафедр ВММА. Помещение достаточное и от-

носительно чистое. Побывал на лекциях Пономарева и Каценельсона. Видел практические занятия по патофизиологии — нерадостное зрелище.

Приходил Эмдин. Возымел бредовые идеи — желает стать санитарным диктатором Ленинграда. Он не может себе объяснить, почему нет света, почему не работает водопровод, почему не убирают трупы. По-видимому, он полагает, что его появление в Ленинграде принесет и тепло и свет. Покойников вообще не будет, а те, которые случайно еще появятся, будут хоронить сами себя. Сей диктатор, по-видимому, не может понять, что зенит его славы уже позади.

21.III. Получил записку от Грушкина, где он жалуется, что его собираются отправить в район. Вечером пришел Грушкин. Уверял, что он, конечно, герой — готов даже в район, но жена не пускает.

22.III. Самочувствие хорошее. П. — 80–84'.

Отослали посылку Осе, письма Степановой, Шааку, Месселю через д-ра Берического.

Получили письма из Ленинграда. Нерадостны они.

23.III. Получили письмо от Жоржика. Прислал карточку, на которой он снят с девичей; как явствует из довольно сумбурного и туманно написанного письма, он собирается жениться. Трудно из письма даже понять, кто эта особа, которая характеризуется как очаровательная, умная, способная и хозяйственная.

Читал лекцию для врачей — «Огнестрельные ранения груди».

24.III. Из следующего письма мы узнали, что будущая жена Жоржика дочь

профессора Семенова, которого уже нет в живых, что ей 22 года, она медичка 5-го курса и оканчивает в июле.

25.III. Читал лекцию для слушателей III курса ВММА «Вывихи и их лечение». Попросили прочесть лекции по переломам. Согласился.

26.III. Вечером я председательствовал на первом пленуме ученого совета при облздравотделе. Первый доклад сделал Мельников о работе хирургической секции. Это был простой перечень тем, которыми занималась хирургическая секция. Тогда я постарался немного расширить вопрос и спросил главного хирурга проф. Лисицына, как обстоит дело с качеством работы в эвакогоспиталях. Из его ответа явствовало, что дело обстоит плохо. Этот ответ задел начальника МЭП'а Филиппова, который в пространном ответе указал, что, мол, у них раньше было не так уж плохо. Академия им мало помогает. Что улучшения в работе не видно. Тогда в резюме председателя я дал волю своему темпераменту и указал, что Академия встретила прием, который никак нельзя было назвать ласковым. Что имеются прохвосты и мерзавцы, которые воображают, что мы живем не в Кирове, а в Крутогорске времен Николая 1-го, что они рассылают анонимные пасквили, настраивают против работников Академии. Пора этих мерзавцев изгнать отовсюду, чтобы они не мешали работать.

Во время перерыва, после такой речи, Шапиро исчез.

27.III. Заседание общества врачей э/г, на котором были заслушаны доклады Скундиной (прения), Карташевского и Золотаревского. Заседание прошло очень интересно.

28.III. Проездом в Калинин был у нас Магазанник. Вечером в Морском госпитале конференция врачей. Доклад о глухой гипсовой повязке сделал хорошо Дитман.

Следует поставить вопрос об изучении глухой гипсовой повязки широко. Влияние на флору. С химиками договориться об уничтожении скверного запаха.

29.III. С утра приходил Эмдин. Затем заходил Мельников с будущим своим помощником Дейнека. После этого приходили и сидели долго Орлов и Скундина. Они обвиняют Академию и ее представителей во всех смертных грехах, в которых последние совершенно виновны.

30.III. Приходили нач. Ак. Иванов, военком Погодин и доцент Житнюк относительно ускорения разгрузки медтехникума. Уехал в Москву начальник МЭП'а Феодосий Александрович Филиппов, который играл в деле препятствия размещения Академии более чем некрасивую роль.

Состоялось у начальника госпиталя организационное заседание по моему предложению составить научный отчет о шестимесячной работе Кировского Морского госпиталя.

Получил письмо от Усольцевой, которая просит меня вернуться в институт, хотя бы временно.

5.IV. Пришел Погодин и принес телеграмму от Андреева, Шакотько и Кудинова, которые меня поздравляют с получением ордена Красного Знамени; вечером получил поздравление от Ходоркова. *Получили письма из Ленинграда.*

6.IV. Послал письмо Стучинскому.

10.IV. Заседание врачей э/г (я председательствовал). Доклады — *Рохлина и Гориневской*.

Я предложил С.М. Кузнецовой (Софья Михайловна) написать монографию «*Инородные тела легкого и плевры*. Клиника. Рентгенодиагностика. Лечение».

План. Предисловие. Исторический обзор. Частота. Первичные и вторичные снаряды. Местоположение. Патологоанатомические изменения. Классификация. Клиника. Лечение. Консервативное. Оперативное. Показания и противопоказания. Показания относительные и абсолютные. Подготовка больных к операции. Предварительный пневмоторакс. Группы крови. Кровь. Кровоточивость. Свертываемость. РОЭ. Моча.

Общая оперативная техника.

1. Без наличия свободной плевральной полости.

2. При свободной плевральной полости.

Локализация инородных тел.

Инфицированные. Неинфицированные.

Межреберный разрез. Резекция ребер.

Самочувствие хорошее. П. — 84–88'.

12.IV. У меня состоялось организационное заседание по изданию медицинского органа в г. Кирове. Приняли участие Мельников, Лисицын, Галкин, Зедгенидзе. Решили издание назвать «*Известия эвакогоспиталей г. Кирова и области*».

14.IV. Из «Правды» узнал о присуждении Сталинской премии среди других Аничкову, Н.Н. Петрову, Спасокукоцкому, Юдину и Вишневскому.

Послал приветствие Юдину.

Получил поздравительную телеграмму из Ленинграда за подписью «Эрис-

мановцы». Подождем расшифровки, что кроется под этим.

17.IV. Вернулся и пришел ко мне начальник Академии, который сообщил мне о результатах своей поездки в Москву. Привез мне экземпляр книги Юрина-Петрова. Ничего нового я не вынес из его сообщения.

18.IV. Получил письмо от хирурга Северного моря Арапова.

19.IV. Приходил Эмдин на совещание. Роль, отведенная ему в Академии, его не устраивает. Он вызван в Москву к Митереву. Он полагает, что ему предложат или поехать в Ленинград, куда он, по его словам, сильно стремится, «по-видимому, спасти осажденный город», или ему могут предложить наркоматы здравоохранения в Татарской республике или в Узбекистане, что он не желает. Наконец, он просто желает занять пост начальника эвакогоспиталей при облздравотделе в г. Кирове.

20.IV. Получил телеграмму от Шаака, посланную вчера из Орехово-Зуево: «Следует эшелон мединститута составе первых курсов тринадцати профессоров четыре клинициста пиши Пятигорск востребование».

21.IV. Через Колесникова (Гордина) послали посылку Осе и письма Зинаиде Васильевне, Эмилии Никифоровне, Елизавете Семеновне, Осе и Марии Григорьевне. (Колесников уехал 22-го.)

26.IV. Пишу доклад «Опыт изучения данных операционных журналов э/госпиталей г. Кирова». Вчера получил письма от 6-го апреля от Дагмары Антоновны и Марии Григорьевны, а позавчера от Зинаиды Васильевны и Елены Васильевны. Получил сегодня поздравительную

телеграмму от Месселя, посланную 9-го апреля. Получил телеграмму от Страшуна.

27.IV. Приходил Заринский, который сообщил мне, что, возвращаясь из Тифлиса, на ст. Тихорецкая встретил эшелон 1 ЛМИ, видел Чирковского, Шаака; они просили его передать мне привет. Говорит, что все выглядят очень плохо.

28.IV. Проф. Зедгенидзе сообщил, что якобы б. директор 1 ЛМИ Кечкер снова назначен директором 1-го ЛМИ в Пятигорске. Всяко бывает.

29.IV. Прочел последнюю лекцию слушателям 3-го курса ВММА.

2.V. Собираюсь в Москву на Госпитальный совет э/г. при НКЗ. Поехали на вокзал с проф. Лисицыным; поезд опаздывает на 24 часа.

3.V. Снова поехали на вокзал. Сначала нам сказали, что поезд придет в 9, затем в 2 ч. ночи. Вернулись домой, попытаемся сегодня снова уехать.

Послали письмо с проф. Триумфовым Эмилии Никифоровне, где я просил привезти инструмент Soresi.

Ю.Ю. Джанелидзе. Брюссель, 1905 г.

Ю.Ю. Джанелидзе. Брюссель, 1905 г.

Ю.Ю. Джанелидзе. 1907 г.

Ю.Ю. Джанелидзе за препаровкой трупов в анатомическом театре. Женева, 1906 г.

Июнь 1910 г., г. Николаев

7 сентября 1914 г.

На фронте

*Январь 1915 г. Белосток.
Слева — Ю.Ю. Джанелидзе*

*1916 г. На фронте,
у санитарного поезда №141*

ДНЕВНИК

№ 2

**Начат 25 мая 1942 г.
Окончен 6 ноября 1942 г.**

25.V.1942. Лето обещает быть если не решающим, то переломным в ходе войны. Я решил инспектировать Черное, Каспийское моря, после этого Северное море. При малейшей возможности посетить Балтику. Теоретически кажется, что ТОФ, по крайней мере этим летом, не будет втянут в военные действия, и можно выждать до будущего года.

Я договорился с начальником МСУ Андреевым, что я бы хотел захватить с собой проф. рентгенологии Зедгенидзе, на что он дал согласие.

Конец мая и первые дни июня ушли на поиски билета из Кирова в Москву. Когда эта возможность оказалась трудноосуществимой, то решили выехать в Москву через Горький.

2.VI. Выехали в мягком вагоне в 18 ч. 45 м. вместе с проф. Зедгенидзе; случайным попутчиком оказался проф. эпидемиологии Андрей Яковлевич Алымов. Мы приехали в Горький 3.VI в 11 ч. 10', точно по расписанию; прямо не верится, что это у нас возможно. Около двух часов ушло на доставание билетов.

Я посмотрел город, который поражает красотой своего местоположения при слиянии Оки с Волгой. Послал Нине телеграмму. В 16 ч. 30' в международном вагоне мы выехали в Москву, куда прибыли 4.VI в 10 ч. Нас, конечно, никто не встретил; нельзя было дозвониться ни до МСУ, ни до Морского госпиталя. На вокзале ни одной машины, а с нашим багажом на метро не поедешь. К счастью, выручил Институт Склифосовского, который прислал машину.

Все остальное стандартно, в Москве комнат нет, никто не бронировал, но

обещают после обеда. На всякий случай идем в «Националь», там даже не обещают. Регистрация в комендатуре (1-я Мещанская, д. № 5), обратно в гостиницу «Москва». Комнат нет. Идем в «Националь», странно, но нам дают одну комнату на двоих.

Отправляемся в МСУ. Одна грусть и печаль. Видимся с начальником МСУ и бригадным комиссаром Демидовым. Ничего не ясно, ни когда едем, ни каким маршрутом. Ясно одно: Кудинов с нами не едет, а поедет бригадный комиссар, Файншмидт, снабженец и эпидемиолог Соколов.

Поговорили с начальником насчет главного эпидемиолога проф. Иоффе, кандидатура которого оказалась совершенно неприемлемой для профессоров ВММА. Профессора Алисов, Алымов, Пономарев и Морев убедительно просили, чтобы Иоффе не был назначен. Начальник не дал определенного ответа, но ясно, что Иоффе назначен не будет.

Вечером у меня был Иоффе, и я объяснил ему, что при создавшемся положении он не должен стремиться занять пост главного эпидемиолога ВМФ, поскольку он находится в конфликте со всей профилактической группой профессоров ВММА. Он, конечно, не может согласиться с такой постановкой вопроса. Он признает недопустимость своего поведения на конференции в Кирове, говорит, что ему этого долго не простят, но сделать с собой ничего не мог. Он ощущает всю безвыходность своего положения, тем более что Андреев ему сказал, что ему придется вернуться обратно на Балтику.

По-видимому, Иоффе ожидал, что я за него буду драться, на что у меня нет никакой охоты.

5.VI. С утра мы были в МСУ, часа четыре ждали начальника, не дождались. Отправились в НКЗ СССР, и я поздравил Митерева, Колесникова, Руфанова, Шабанова; Карапетяна не застал.

Вечером начальство не пожелало нас видеть. Сижу за исправлением каких-то безграмотных работ, которые не поддаются никакому исправлению.

В 22 ч. воздушная тревога; ровно шесть месяцев я не слышал этих приятных звуков. Но за тревогой не последовало никаких дальнейших шумов, и мы даже не слышали, когда был дан отбой.

Днем я был у замнаркома по медицинской промышленности (Натрадзе *Александр Григорьевич*, телефон К-3-39-79) по делу Шаплыгина. По моему мнению, последний единственный человек в стране, знающий хирургический инструментарий. Я считаю, что он должен сидеть в Управлении (начальник Боцин Михаил Гаврилович, т. Г-6-76-48), чему препятствуют местные силы, не желающие допускать сильного конкурента. Натрадзе мне обещал его устроить, во всяком случае, не отсылать на Тагильский завод. Все эти данные я и сообщил Шаплыгину.

6.VI. С утра я позвонил «ученому» секретарю начальника Захарию Павловичу Фирсову; я просил, чтобы начальник нас принял. Мы сидели и ждали его звонка до 13 ч. 30'. Не дождавшись, я решил непосредственно позвонить Андрееву; тот, как ни в чем не бывало, ответил, что мы можем сейчас приехать. На мой вопрос, докладывал ли ему Фирсов, Андреев

сказал, что нет и что в настоящее время его нет, по-видимому, он ушел обедать. Перед выходом я позвонил секретарю начальника Абраменко, прося его заготовить для нас пропуска; он обещал и сказал, что сейчас к гостинице «Националь» он посылает машину 07-06. Мы с Георгием Аркадьевичем спустились вниз, прождали полчаса, но никакая машина не появлялась. Я снова позвонил к Абраменко; он мне ответил, что в машине не оказалось бензина. Я сказал Абраменко, что я думаю про его деяния.

Когда я приехал в МСУ, то после соответствующего доклада вышел вместе с Георгием Аркадьевичем к начальнику; там находились комиссар Демидов, секретарь Жукова и снабженец Циолкович. В присутствии всех этих лиц я сказал начальнику, что он кого-то долго и настойчиво учил, что необходимо уважать друг друга. Вот главный хирург на основании этих принципов и просит к себе хоть капли уважения. Я ему перечислил по пунктам, в чем это «уважение» проявилось; указал ему, что когда в феврале меня, тяжело больного, должны были отправить на вокзал, то МСУ даже не нашло возможным дать мне машину и я обратился к начальнику Санитарного управления Смирнову, который немедленно мне и прислал машину. Перечислил ему довольно много примеров уважения и внимания к главному хирургу.

Ф.Ф. долго извинялся, уверял, что он меня уважает, даже очень, что у него не налажен аппарат. При таком отношении к делу мудро было бы, если бы аппарат был бы налажен!

Комиссар сказал нам, что предполагается наш отъезд 10-го. Таким образом, мы должны сидеть здесь, совершенно без дела, целых шесть дней. Перед отъездом в Киров меня просили, чтобы я спешил обратно, я, наивный, и спешил.

Горько и обидно видеть, что все эти безобразия творятся во время жесточайшей войны!

Затем я начал читать начальнику вопросы, которые я хотел бы выяснить во время нашей командировки. Но так как я увидел, что эти вопросы его не интересуют, то я и перестал читать. Через проф. Иоффе отправил письмо Зинаиде Васильевне. Фирсов вечером принес материалы для моего выступления в радиоцентре, где я должен обратиться с воззванием к врачам Великобритании и Америки. Материалы мне не пригодились.

7.VI. Воскресенье. Сажу дома и пишу воззвание. Вечером Ф.Ф. прислал машину, и мы поехали на новую квартиру (Дружинниковская ул., д. № 11. кв. 15). Снаружи плохой дом. Квартира хороша. Оказалось, что это бывшая квартира бывшего завнаркома Игнатъева (Сергей Парфенович). Вскоре в столовую вошел и сам Игнатъев. Я с ним знаком давно. Мы разговорились. Он жаловался, что у него болит голова. Только минут через 15 появился Ф.Ф.

Рассуждения о Керченской операции, о Кавказе, о Севастополе, о Харьковском направлении.

Послал письмо Жоржу, телеграмму Нине.

8.VI. С утра мы в Управлении. Я показал Ф.Ф. текст предполагаемого моего выступления; он его одобрил. Дальше

я ездил к редактору «Красного Флота», с которым нужно было его согласовать, что я и сделал.

Из Ленинграда прилетели проф. Триумфов и Мясников. Я их устроил в гостинице «Националь».

9.VI. Утром пришли Триумфов и Мясников. Рассказали очень много интересного про наших товарищей.

В институте «Скорой» больны и еще лежат Демидова, Пчелина, Реймерс. Почти всю тяжесть на себе вынесла Е.Н. Степанова, единственный врач, которая не болела. В клинике тяжело больна Бехтерева, сильно сдала Зинаида Васильевна.

Днем были в МСУ, исправлял работы для журнала.

Вечером выступал в радиоцентре.

10.VI. С утра были в Институте Склифосовского, затем отправились в Дом ученых в книжный отдел, где я выписал War Medecine, историю медицины Castigliano, ист. медицины Garlison'a, журнал по географии. Стоимость этих книг уплатил. Несколько часов провели в МСУ в ожидании начальника. По возвращении он нам сказал, что его вызывал армейский комиссар Рогов, который указал ему, что, в общем, с врачами дело обстоит хорошо, но что на СФ мало хирургов. Еще три дня назад я договорился с Андреевым, что туда перебрасываем трех хирургов: Хайциса, Яуре и Павлова.

11.VI. Прекрасный прохладный день. Наконец готовимся к отъезду. Днем побывали в Морском госпитале. Осматривали хирургическое отделение, расположенное в 2-этажном деревянном флигеле. Здание совершенно не при-

способлено для хирургического отделения. Однако устроена сносная операционная. Заведует отделением профессор Алексей Георгиевич Соловьев. Я его знаю по кировскому Морскому госпиталю. Хорошо оперирует на органах брюшной полости, значительно хуже знает хирургию конечностей. У меня выработалось твердое убеждение, что его интересует само оперативное вмешательство. Ни вопросы дооперационной подготовки, ни послеоперационное ведение больного его не занимают. Он никуда не годный администратор.

Выезжаем из Москвы в 17 ч. 30' в международном вагоне, первая категория; едем с большими удобствами. Со мной в купе Георгий Аркадьевич, в соседнем купе бригадный комиссар Демидов; в мягком Соколов и Файншмидт.

12.VI. Не жарко. Обычные грязные станции, на которых ничего не продают. Идем без опоздания — странно, но факт! На некоторых станциях продают молоко — 20 р. литр. Куры — 200 р., маленький кружочек масла — 10 р.

Ст. Поварино Ю.-Вос. д. в 19 ч. На агитпункте сообщили о заключении договора между СССР и Англией об образовании второго фронта в 1942 г. Давно пора!!

13.VI. 9.10' пришли в Сталинград, с опозданием на час. Я здесь в первый раз. Большой город с отвратительными пригородами. Красива широко разлившаяся Волга. В местной газете прочитал договор между Великобританией и нашим Союзом. Все было бы хорошо, если бы последние годы не приучили нас к тому, чего на самом деле стоят международные договоры. Принимая во внима-

ние, что там все время говорится о том, что этот договор касается европейских дел, нужно полагать, что пока нас не принуждают воевать с Японией.

Послал Нине телеграмму, что едем хорошо.

Сталинград — Тихорецкая — на станциях масса мошкеры, которая в полном смысле слова облепляет; люди ходят с веточками и постоянно обмахиваются.

14.VI. 5 ч. утра. Ст. Тихорецкая. Чудесный день. Мирно-тихо. По словам проф. Френкеля, здесь чуть ли не ежедневно бомбят. Брехунов не мешало бы и бить! Всего несколько выбитых стекол и в остальном никаких следов разрушения.

Послал Нине открытку, телеграмму не приняли — рано.

В 10 ч. приехали в Армавир, где нам пришлось расстаться с нашим прекрасным международным вагоном. Здесь пересадка на Туапсе. Я многократно переезжал через этот богатейший город, центр хлебной торговли, расположенный на Кубани. Сегодня мы в ожидании поезда должны здесь сидеть в продолжение 12 часов. Жарко — очень душно. От нечего делать отправились в город. Прямые, правильно расположенные улицы. Кое-где даже посажены деревья. Но что придает особый колорит городу, это то, что в полном смысле слова все население — от мала до велика — лужают семечки.

Результаты этой усиленной работы видны всюду. Все улицы, подворотни, сады, входы в общественные здания загажены шелухой. Мы отправились на базар — жарко! Он производит впечатление. Идет преимущественно меновая

торговля всякой рухлядью, железным ломом, гайками, ключами, болванками, ношеной и дрянной обувью. Почта содержится в грязном состоянии, хотя и прекрасное здание.

Наконец решили посмотреть попавшийся по дороге госпиталь № 1617, начальник госпиталя Ковтун и главный хирург Николай Константинович Лордкипанидзе. Очень хорошее здание, хорошая операционная и перевязочные. Тяжелых раненых мало, около 90% раненых гуляет по грязному двору, часть в подштанниках и в халатах, как нам передали наши товарищи врачи, гуляют с девицами в городском парке. Но и этот «главный хирург», по-видимому, мало понимает в хирургии конечностей.

Вот явно септический больной, с бледным лицом, запавшими румяными щеками, раненый в полном смысле слова плавает в гною; чрезвычайный перелом с совершенно безнадежным стоянием отломков. Кроме немедленной ампутации ни о чем не приходится думать. Посоветовал ампутацию — говорит, что сделает. Вот другой раненый, неделями лихорадит до 40°. Диагноз тромбофлебит. Я попросил показать мне ногу. Весь коленный сустав заполнен гноем (эмпиема). Рекомендовал пункцию и промывание сустава; если ничего не выйдет, то широкую артротомию с постоянной фиксацией. О последней имеют очень смутное представление.

Как и следовало ожидать, в столах и за диваном жуткая грязь.

Нет пленок, нет рентгеновской бумаги. Легко себе представить, что из этого выходит!

Крашенные докторши, сестры, крашенные ногти... никакого уюта. Жалко раненых!! Госпиталь на 700 коек. Дежурной крови нет. Операционный журнал содержится в удовлетворительном состоянии.

Железнодорожная станция не нарушает стилия города. Буфет закрыт и на дверях красуется следующая надпись: «Объявление. Виду таво что нету вады — ресторан закрыт». В последний раз бомбили город в октябре 1941 г. Было разрушено 52 здания, убито и ранено около 100. В настоящее время раз в неделю прилетают разведчики, но не бомбят.

Послал Нине срочную телеграмму.

Несколько часов провели в прекрасном городском саду и в 22 ч. 30' в мягком вагоне вечером в Туапсе.

Прекрасная, теплая, настоящая южная ночь.

15.VI. Проснулся рано утром. Мы приближаемся к морю. Поезд вьется параллельно речке Туапсинка. Свежая зелень покрывает горы. Невысокие холмы преграждают вид к морю. Но вот наконец среди двух вершин блеснула полоса Черного моря! Какая прелесть, как давно я его не видал.

На вокзале, конечно, нас никто не встретил, несмотря на то что мы вчера из Армавира послали срочную телеграмму. Случайная машина нас доставила в Санотдел. Нас приняли очень любезно заместитель Зотова, бригаврач Михаил Евдокимович Азадский и бригадный комиссар Ефименко. Разговорились. Много печального, я бы сказал, ужасного, рассказывал Ефименко. Во-первых, про

Керченскую трагедию. У нас там было три армии: 44, 47, 54. Ввиду того что они предполагали перейти в наступление, то никаких укреплений они и не сооружали. За два дня до наступления немцев на наш аэродром сел хорватский офицер, который сказал, что он наш, и сообщил весь план немецкого наступления, место и время. Наши не поверили. Между тем немцы прорвали ничем не укрепленную нашу линию обороны, бросили 100 танков у южного берега Керченского полуострова, обошли с тыла 44 армию. Началась паника. 47 армия, гвардейская, желая помочь 44, бросилась на помощь, но была смята 100-тысячной толпой бегущей 44 армии. Образовалась каша. Насколько можно судить, наши потери ужасны. Осталось в плену у неприятеля 24 армейских госпиталя! Трудно себе представить большой позор! Комиссар уверял, что во всем виноваты нацмены, кацо, иначе говоря, грузины и азербайджанцы. Едва ли, однако все три армии состояли из грузин. За чем же смотрело если не командование, то политчасть, во главе которого стоял Мехлис?

Не многим более утешительные сообщения о положении Севастополя, осажденного со всех сторон, кроме моря. Однако абсолютное превосходство немцев в воздухе делает и этот путь почти недоступным. Немцы уже потопили *все наши теплоходы*, последними погибли «Абхазия» и «Грузия». Детали о гибели «Сванетии» душу раздирающие. Врач Итин, которому предложили покинуть тонущее судно, заявил, что его место с ранеными, и затонул вместе с ними. Жизнь в Севастополе фактически за-

мерла. Немецкие самолеты спускаются до высоты крыш и расстреливают отдельных пешеходов, не говоря об одиночных автомашинах. В день сбрасывают немцы тысячи бомб, и все участки города простреливаются тяжелой артиллерией — даже *24-дюймовыми снарядами*. Наши держатся только потому, что глубоко зарылись в землю. Но надолго ли хватит героизма, даже сверхчеловеческого, при таком неравенстве в техническом оснащении?

Третья неприятность, которая меня ожидала, — это был хирург ЧФ Петров. Естественно было вызвать его из Сочи и вместе с ним начать осмотр лечебных учреждений, которыми он руководит в продолжение одного года. Но на мое предложение бригадный комиссар Ефименко заявил, что Петров болен, что, как он говорит, у него обострения язвы желудка, что он лежит в Хосте с грелкой на животе. При этом он рассказал, что Военный совет Севастополя постановил перебросить его в Севастополь, ввиду чрезвычайной большой работы и напряженности в настроении хирургов, которые бы желали в этот критический момент видеть старшего хирурга. Однако Петров, сославшись на обострение болезни, отказался выехать в Севастополь. Это произвело очень нехорошее впечатление, и его начали обвинять в трусости и симуляции. Вообще, по мнению комиссара, авторитет Петрова, который склонен больше писать, чем разъезжать по лечебным учреждениям и руководить, стал заметно падать. Одновременно выяснилось, что он отказался выехать в Тбилиси. Это уже заставляло насторожиться. Если он

не поехал в Севастопольский ад, то что ему мешало поехать в Тбилиси? Я и Георгий Аркадьевич при создавшейся обстановке были рады, что жена Петрова Татьяна Сергеевна не поехала с нами. Бригкомиссар Демидов послал телеграмму Андрееву, чтобы от посылки жены Петрова воздержались.

Когда мы приехали под вечер в госпиталь «Магри», то я начал интересоваться деятельностью Петрова. Военком госпиталя Уральский мне сказал, что Петров бывал часто, занимался с врачами, знал всех тяжелых раненых; то же подтвердил и начальник госпиталя Матвеев.

16.VI. Совершенно аналогичное явление сделал мне и хирург Белинский (из филиала госпиталя). Из всего вышесказанного вытекало, во-первых, что в Санотделе имеется к Петрову отрицательное отношение, да и с самим Петровым не все обстоит благополучно. Со слов Татьяны Сергеевны я знал, что с Борисом Александровичем бывали периоды психической депрессии, которые продолжаются 2–3 месяца. В это время он теряет способность работать. Из последних писем Б.А. Татьяна Сергеевна сделала вывод, что он очень подавлен, и очень беспокоилась, не является ли эта подавленность повторением старого. Мне трудно пока сделать какой бы то ни было вывод до свидания с Петровым.

Санотдел отстоит от Туапсе на 9 км. Мы добрались туда на машине по прекрасной гудронированной дороге, которая вьется змейкой вверх-вниз, с одной горы на другую. Прекрасные виды на море. Санотдел занимает чей-то хороший особняк в два этажа. Было решено,

что мы будем жить в госпитале «Магри». Госпиталь расположен в 30 километрах от Туапсе. Мы приехали туда в 17 часов по прекрасной дороге Туапсе — Сочи. Госпиталь занимает несколько корпусов, в которых раньше размещался детский санаторий для кожного туберкулеза. Санаторий расположен в обширном парке с видом на море. Площадка роз, от которых не оторвать глаз. Нас втроем поместили в очаровательном деревянном особняке. Ухаживают за нами, как за начальством высшего ранга. На наших столах букеты роз, сорванных в собственном саду. Живем прекрасно.

16.VI. В 9 часов утра уезжаем в филиал, расположенный в двух километрах от Туапсе в т. н. школе № 8. Там мы провели почти целый день, обследуя работу хирургического отделения (см. отчет).

Послал телеграмму Нине.

17.VI. Целый день мы провели в обследовании хирургического отделения в госпитале «Магри» (см. отчет) и в консультации больных.

Вечером долго сидели на берегу прекрасного Черного моря и слушали рассказ в/вр. 2 р. *Павла Филипповича Дус*, б. нач. сан. службы санитарного транспорта «Чехов», а ныне главврача госпиталя «Магри». Он рассказал трагическую историю, как в ночь с 13-го на 14-е апреля в Керченском проливе сантранспорт «Чехов» наскочил на сброшенную немцами мину и взорвался.

Наши потери в транспортном флоте за зиму и лето чрезвычайно тяжелы. 7.XI была утоплена у Ялты «Армения». 10.VI — «Абхазия» и 13.VI — «Грузия». Таким образом, из четырех наших боль-

ших теплоходов остается только один «Крым»; была потоплена и «Сванетия».

18.VI. Вчера я назначил ряд раненых на операцию. Среди них следует упомянуть о Борунове (сержант) 25 лет, который лежит в госпитале в продолжение 5 недель. Многократно около его постели собирались врачи, подписывали *ex consilio*. Мне не стоило большого труда поставить распознавание верхнего паранефрита слева, что на самом деле и подтвердилось на операции, произведенной мной сегодня. Я оперировал краснофлотца Бемцова, 22 л. № ист. 949 с язвой на верхне-внутренней поверхности левой голени после раны, полученной в феврале 1942 г. Я иссек язву и сделал пересадку по Тиршу. Наконец, я оперировал больного, которого д-р Кечек оперировал по поводу закр. перелома костей предплечья, и 12-л. девочку Лиду, раненную во время бомбардировки в Керчи. У нее убиты отец, мать и сестра; она осталась сиротой, на попечении госпиталя. Тягчайший остеомиелит верхнего конца левой б.берцовой кости с поражением коленного сустава. Я произвел секвестротомию, и полученную полость тампонировал по ОРПУ, с большой гипсовой повязкой. Наконец, я оперировал Сверчевского, 31 г. (перелом обеих костей предп.), см. отчет. За мою сегодняшнюю работу врачи преподнесли мне огромный букет роз — масса чайных.

После обеда был занят составлением отчета по госпиталю «Магри».

Сегодня немецкие разведчики навестили нас 2 раза, в 7 часов утра и в 18 часов. Утром их обстреливали из пуле-

метов, а в 18 часов из зениток около 3–5 минут. Бомбардировки не было.

Два раза я прочитал наше соглашение с Америкой, но ничего не понял. Я, кажется, никогда в жизни не читал документа столь нарочито туманно написанного. Истинный смысл документа, подписанного с Дядей Сэмом, станет понятным лишь через несколько лет.

Имел разговор с нач. мед терапевтического отделения — А.А. Фирдманом; я уже с ним встречался в Очакове. Такого беспримерного нахала, кажется, я еще ни разу в жизни не встречал.

Мы решили завтра выехать в Новороссийск вместе с возвратившимся из Поти нач. Санотдела Ч.Ф. Алексеем Михайловичем Зотовым.

19.VI. Мы встали в 5 часов и выехали в 7 ч. Едем мы на открытом автобусе, прикрытом сверху. Старая, грузная машина, с американским двигателем «Геркулес». Мощность мотора чувствуется, когда наша машина взбирается через многочисленные перевалы. Самый высокий из них носит название Пшадский. Машину вдет прекрасный шофер Турбай, уроженец Новороссийска. Ночью шел ливень. Мы были рады, что в пути не будет пыли. Нас поехало шесть человек: я, Георгий Аркадьевич, Демидов, Зотов, Соколов и Файншмидт.

Дорога вьется все время змейкой, идет лесом, невысокий дубняк; от красоты Черного моря не оторвать глаз. День прохладный, и это делает путешествие особенно приятным. Десятки раз в пути проверяют документы. У мостов устроены деревянные шлагбаумы, чтобы машина не могла их проскочить.

Мы направляемся в Фальшивый Геленджик, который лежит в 45 километрах от Новороссийска, по главной магистрали; кроме того, еще необходимо отъехать от главной магистрали 7 километров. Наконец мы добираемся до б. Новороссийского госпиталя, ныне носящего № 43.

На дорогу мы потратили ровно 8 часов и были на месте в 15 ч. 30'. Госпиталь расположен в прекрасном парке, у самого берега моря. Около 10 корпусов, часть деревянных, часть каменных; большинство зданий одноэтажных. Одно небольшое здание — административный корпус. В нем несколько новых рам. На днях наши пристреливали берег в ожидании возможной попытки десанта со стороны неприятеля, и большой снаряд угодил и разорвался у стены этого корпуса. Выбило стекла; к счастью, жертв не было.

Нас разместили идеально. Душ после дороги. Странно, совсем не как у нас, полотенца, простыни, мочалка, мыло.

Обед. После обеда, хотя и усталые, сразу приступаем к обследованию хирургического отделения, расположенного в 2-этажном корпусе.

Б. Новороссийский Морской госпиталь, ныне госпиталь № 43.

Начальник госпиталя в/вр. 1 ранга Либерман.

Начальник хир. отделения Николай Аристанович Алфеев (54 г.).

Это базовый госпиталь, и одновременно выполняет функции эвакогоспиталя. Штатных 200 коек. Из них:

Хирургических — 100 — часть глазных.

Терапевт. — 40.

Кожных — 40.

Нервных — 20.

Интенсивная бомбардировка Новороссийска в момент Керченской операции заставила разделить госпиталь, часть которого была оставлена в Новороссийске, часть перенесена в Фальшивый Геленджик. Здесь расположено 170 коек:

Хирургических — 90.

Терапевт. — 35.

Кожн.-венер. — 30.

Нервных — 20.

На сегодняшней день здесь *<нрзб.>* лежит хирургических больных и раненых. Тяжелых почти нет. Но все же попадают раненые, которые лежат месяцами. Вот, напр., раненый, у которого на задней поверхности правой голени довольно чистая гранулирующая поверхность размерами 12x8 см. У него довольно жестокие боли. Мне говорят, что ему предлагали пересадку кожи, но это, по-видимому, делалось довольно прохладно, и, говорят, больной не соглашался. Когда я ему предложил, то он сразу согласился.

Кто же обслуживает отделение?

Начальником двух хир. отд. Фальшивого Геленджика и Новороссийска считается Н.А. Алфеев. Это старый хирург. Он в продолжение 5 лет работает в Новороссийской б-це водников. Он несколько раз приезжал ко мне в клинику. Очень приятен, мягок. Что он знает как клиницист, я не знаю, не знаю его и с других точек зрения. Но то, что я увидел в Новороссийском госпитале, сразу показывает, что как руководитель

и начальник он никуда не годится. Начальник госпиталя мне жаловался, что он до минимума свел свою хирургическую деятельность, никого и ничему не учит, никакого внимания не обращает на административную сторону дела. Многократно он с ним беседовал, просил его изменить стиль работы. Но из этого ничего пока не вышло. Поговорил с ним и я. Указал ему, что на него имеются такие-то жалобы, и сказал ему, что если я стараюсь поднять авторитет ведущего хирурга, то просил бы его немедленно устранить все указанные недостатки. Обещал, но трудно поверить, чтобы одним разговором можно было бы изменить всю конституцию человека.

Вот другие представители «хирургического мира».

Врач *Зильберштейн*. Работа в клинике Наливкина в Одессе, одновременно была заведующим райздравом. Последняя специальность, как не требующая никаких знаний и очень часто, к сожалению, и ума, то эта специальность больше всего, по-видимому, соответствовала ее природным данным, а работа в клинике была подсобным заработком. Трудно искать в такой башке хирургической мысли и знаний. Трудно искать логики в суждениях, в записях.

Второй ведущий врач хирургического отделения Хорошина Анна Григорьевна — окулист, с 20-летним стажем. Когда она говорит о больных по своей специальности, то видно, что она прекрасно знает свое дело. Но стоит ей перейти к демонстрации хирургических больных, как она сразу превращается в немощное существо. Она, напр., по-

казывает больного с тромбофлебитом. Сразу бросается в глаза ненормальная локализация болей в области икроножных мышц. Стоит только чуть взглянуть, как удается легко доказать легкие петехии, а жестоко разрыхленные десны не оставляют сомнения в том, что перед нами цинготный больной.

Едва ли многим больше пользы приносит хирургическим больным в/вр. 3 ранга Брадский Лазарь Израилевич, отоляринголог 16-л. стаж, шустрый, юркий, болтающий без умолку; молчит только когда должен говорить относительно хирургических больных.

Из 90 хирургических коек занято только 22. Больные размещены в прекрасном двухэтажном корпусе. Масса света, воздуха. Я посмотрел всех больных, но подробно консультировал 7 человек: панариции пальцев кисти, переломы ключицы, остеомиелит нижней челюсти и инородное тело на шее, с нагноением.

Трудно мне даже кого бы то ни было упрекнуть в незнании. По хирургии они почти ничего не знают. Одновременно с этим следует отметить, что раненые не жалуются и благодарят медицинский персонал.

20.VI. В 9 часов мы выехали в Новороссийск, до которого от фальшивого Геленджика 52 километра¹. Не доезжая 9 километров до Новороссийска, мы остановились на так называемом командном пункте. Мы ждали довольно долго, пока нас принял зам. командующего, начальник штаба Ч.Ф., контр-адмирал Елисеев,

¹ В поселке Кабардинка посмотрели склад, расположенный в прекрасном особняке.

лет 45, измученный и не особенно приветливый. Бригадный комиссар Демидов изложил ему, кто мы такие и какова цель нашего визита. «Мы обследуем лечебные учреждения МСУ, чтобы прийти на помощь бойцам. Вот я бы и хотел, — сказал бригадкомиссар, — чтобы познакомили нас с перспективой плана эвакуации раненых из Севастополя». Елисева как бы передернуло, и он резко ответил: «Если бы кто мог бы этот план мне сказать, то я ему дал бы четырехмесячную свою зарплату. О каком плане может на сегодняшний день пойти речь, — продолжил он. — Наши транспортные суда, можно сказать, не ходят, а ходили. Потоплена „Абхазия“, „Армения“, „Грузия“, на обратном рейсе вместе с ранеными потоплен „Белосток“. Ввиду того что не осталось транспортных судов, нам приходится перевозить раненых на военных кораблях. Однако после того как немцы заняли братское кладбище, Голландию, Мекензиевы горы, Северная бухта недоступна для стоянки наших судов, так как она вся простреливается. Поэтому мы должны пользоваться Камышовой бухтой, куда большие суда входить не могут. Но если раньше немцы охотились за большими судами, то сейчас они не гнушаются посылать бомбардировочную авиацию даже за канонерскими лодками. Таким образом, нам остается пользоваться только подводными лодками. Но на подводных лодках тяжелораненых не перевезешь, и возможно только взять несколько человек легкораненых. Между тем на сегодняшний день в Севастополе скопилось 12 000 раненых. Они уже не помещаются в подземных

госпиталях. Многого не хватает, не хватает и врачей». Поэтому Елисеев просил направить туда партию хирургов, которую он доставит в Севастополь любыми путями. Зотов обещал.

Нам обещали 20 самолетов «Дуглас» из Москвы, но их пока нет. Положение Севастополя исключительно тяжелое. Особенно трудным среди других оказался вопрос питания, и не только армии, но и гражданского населения. Города фактически не существует; он или разрушен бомбардировочной авиацией, или сожжен. Горящие дома некому тушить, да и нечем из-за отсутствия воды.

При обрисовке столь ужасной картины контр-адмирал не ставил определенного прогноза; он предоставлял его сделать нам. К большому сожалению, поставить предсказание в данном случае нетрудно. Крепость, лишенная всякого подвоза и вывоза, уничтожаемая не только тяжелой артиллерией, но безнаказанно расстреливаемая тысячами бомб с воздуха, едва ли может держаться бесконечно. Следует вообще удивляться героизму защитников этой крепости. Да сам по себе разрушенный Севастополь, порты которого нам недоступны, едва ли представляет большую ценность. Но если наше командование все же любой ценой удерживает крепость, то, по-видимому, для того, чтобы изматывать немцев и помешать им осуществить дальнейший план этого лета. Наступление на Египет и Кавказ — вот, по-видимому, та ставка, на которой немцы хотят отыграться этим летом. На этом фоне взятие Севастополя и форсирование Суэцкого канала, по их мнению,

должно было бы заставить колеблющуюся Турцию присоединиться к державам оси. С этой точки зрения каждый день, который славные защитники Севастополя удерживают крепость, приобретает исключительно важное значение.

На этом ужасном фоне положения Севастополя — второй вопрос. Вопрос о росте венерических болезней на флоте, поставленный бригадным комиссаром перед контр-адмиралом, кажется мелким. В этом деле, правда, масса нерешенных вопросов и темных пятен (вопрос о сульфидине, спекуляция с ним, фальсификация сульфидина, преднамеренное заражение сифилисом).

Побывали мы и у корпусного комиссара, члена Военного совета — Азарова. Ничего нового к тому, что нам сообщил начальник штаба, он не добавил. Он просил только просмотреть и лечебные учреждения Азовской флотилии ввиду возможности боев на Таманском полуострове.

Затем мы поехали в Новороссийск. В последний раз я, кажется, здесь был в 1904 году. Город остался таким же грязным и пыльным. Видны незначительные следы разрушения от бомбардировки.

Б. больница водников состоит из нескольких прекрасных корпусов, отстроенных всего пять лет назад. Стоят эти корпуса на совершенно голом месте. На мой вопрос, почему нет ни одного деревца, мне ответили, что в этом месте дует ужасающей силы норд-ост и ничего не растет. Но о чем же думали те идиоты, которые выбирали место для больницы? В городе имеются участки с прекрасной растительностью!

Прекрасно построенный хирургический корпус с хорошим операционным блоком почти пустует; в нем стараются не держать больных и раненых. В день нашего посещения там находилось всего 17 больных и раненых.

Несколько раненых челюстных. Неостриженные головы, несмотря на удрушающую жару. В ротовую полость им засовывают тампоны из хлорамина и мазью Вишневского, по-видимому, не шибко грамотный врач-стоматолог. Я бы хотел, чтобы он хотя бы на час вставил бы себе в рот тампон с мазью Вишневского. Этого было бы достаточно, чтобы он больше этого не делал.

Мне показывают пострадавшего, который попал под машину. Третий день он без сознания. Явление правосторонней моноплегии верхней конечности. Ритуал выполнен, невропатолог позван, в историю болезни записано, что больной без сознания и имеется правосторонняя моноплегия верхней конечности. Никакого более глубокого анализа, никакого терапевтического вывода. Доволен хирург, который показал больного «специалисту», и дальше думать о больном не нужно. Доволен и специалист-невропатолог! При постукивании слева в височной области больной резко реагирует. Кстати, на больном копна волос, поверх которых лежит жалкий мешок со льдом. Видя ограниченную резкую болезненность и ограниченную правостороннюю моноплегию, я поставил распознавание возможного вдавления кости или кровоизлияния в области центра правой верхней конечности, и попросил произвести под местным

обезболиванием трепанацию. Оперировал Бодров, хирург с 18-летним стажем, часть которого он, по его словам, проработал в качестве нейрохирурга. По моей просьбе ассистировал Алфеев.

Вдавления кости не нашли (рентгеновского исследования произвести было невозможно. Рентген есть, но свернут). В образованную щель выпирает непальсирующий мозг. Сделан крестообразный надрез *durae matris*. Мозг запальсировал. По-видимому, кровоизлияние в глубоких частях мозга. На этом пришлось закончить операцию, которую следует рассматривать в лучшем случае как декомпрессионную трепанацию.

Бодров оперирует исключительно грубо. Да и знания его по хирургии чрезвычайно ограничены. Вот он мне показывает раненого, у которого входное пулевое ранение по ходу правой локтевой артерии, выходное отверстие со стороны лучевой кости. Ограниченная, явно пульсирующая гематома. Но врачу не приходит в голову возможность ранения локтевой артерии. Когда я показываю явную пульсацию и спрашиваю, что нужно сделать, то Бодров становится сразу чрезвычайно активным, предлагает сделать разрез, что-то вылущить, что-то перевязать. Между тем раны совершенно чисты и никаких показаний для оперативного вмешательства не имеется.

После обеда, которым нас угостили в госпитале, мы выехали в Геленджик. Под вечер мы приехали в Геленджик в базовый лазарет № 52. Лазарет имеет 50 штатных коек, развернут на 100 коек — хирург. 50 (лежат 32 больных и раненых).

Я просмотрел всех больных и консультировал 1) остеомиелит дистальной фаланги пальца, 2) остеомиелит б. булг. правой плечевой кости, 3) остеомиелит б. берцовой кости, 4) трофическую язву правого бедра (после огнестр. р.), 5) перелом основной фаланги среднего пальца и тендовагинит, 6) перелом бедра, 7) многократно рецидивирующий инфильтрат правой подвздошной области; больной дважды оперирован; раз произведен разрез аппендикулярного абсцесса, один раз вскрыт *per. rectum*.

Начальник лазарета *Каценельсон*. Говорят, прекрасный руководитель учреждения. Начальник хирургического отделения Ахундов — гинеколог-туберкулезист, от которого трудно требовать, чтобы он знал остеомиелит.

Женщина-врач, которая мне показывала больных с остеомиелитом дистальной фаланги пальца большеберцовой кости, хотя и оперировала этих больных, но совершенно никакого представления об остеомиелите не имеет. Нечего удивляться, что ей не удалось «умилостивить» остеомиелит, и больной с пальцем больше месяца лежит в лазарете.

Лазарет расположен в б. доме отдыха НКВД, в полном смысле слова в райском уголке. Розы, розы, цветы и цветы!!

Поздно вечером мы вернулись в Фальшивый Геленджик. Нас ожидал горячий душ и прекрасный ужин. Мы за день здорово устали и свалились спать как убитые.

21.VI. Мы выехали из фальшивого Геленджика в 9 ч. 10' и приехали в Мари в 17 ч. 30'. Вся дорога — это сплошной фруктовый сад (226 километров от

Новороссийска до Магри): чернослив, яблоки, груши, орехи, черешня и т. п. На многих садах видны следы отсутствия ухода. Работают преимущественно женщины, старики и дети, и им, конечно, не совладать с огромнейшими фруктовыми садами. Осенью прошлого года яблоки собирать было некому, и масса пропала.

Мы несколько устали, что не дождались даже душа, и в 22 ч. 30' пошли спать.

Из Туапсе послал срочную телеграмму Нине, в которой указал, что выезжаем дальше 23-го.

22.VI. Годовщина тяжелой войны. Утро начинается с нерадостных сообщений. На Севастопольском фронте — немцам удалось вклиниться в наше расположение. На Ливийском фронте — немцы взяли Тобрук.

Сию, готовлю доклад для совещания с врачами, которое должно состояться сегодня в 17 часов, и готовлю материалы относительно всего виденного за эти дни. Сию под огромной ветвистой черешней, через деревья просвечивают синие дали Черного моря. Жарко, но мне под моим убежищем даже прохладно.

В 16 часов из 8-й школы Зотов просит приехать, была автомобильная катастрофа, погибло трое. Остался в живых, но разбился бригадный комиссар Ефименко. Выезжаем втроем с бригадным комиссаром и Георгием Аркадиевичем. В 17 ч. 30' обследую Ефименко в 8-й школе. На полном лету выпал из машины. Множественные поверхностные раны на разных частях тела. Легкое сотрясение мозга. Травматическая

отслойка кожи в области synchodrosis sacro-iliaca шириной с ладонь.

В 19 часов началось заседание с врачами, которое продолжалось до 23 часов.

На обратной дороге из Туапсе нам показали место катастрофы, и выяснились следующие обстоятельства, ее сопровождающие. На МІ из Сочи ехали в Туапсе бригадный комиссар Ефименко, заместитель начальника Сочинского госпиталя в/вр. Полонский, шофер и одна женщина. На 9-м километре, там, где расположен медико-санитарный отдел, машина свернула с главной магистрали и начала подниматься в гору. За рулем сидел в/вр. Полонский (имеет права шофера 3-го разряда). Навстречу показалась санитарная машина. Боясь, что он с ней не сумеет разойтись, врач-шофер дал задний ход, чтобы спуститься до главной магистрали, что ему и удалось. Но, дойдя до намеченной цели, машина продолжала катиться в пропасть, куда и упала на глубину 50 метров, смяв в дороге молодые деревья, которые ее не могли остановить. Приблизительно на середине пути дверь раскрылась, и комиссар выпал. Остальные трое были найдены убитыми на месте.

Наряду с этим чудесным спасением комиссара должен отметить два других. 13-го июня на теплоходе «Грузия», который был потоплен немцами в Севастополе, среди немногих спасшихся были врач Злой и операционная сестра Красовитская. 18-го они были посажены на транспорт «Белосток» и направлены в Туапсе. По дороге транспорт был торпедирован подводной лодкой. Погибло

большое число людей. Среди немногих спасшихся были врач Злой и сестра Кра-совитская. Врач с минимальными царапинами, сестра со значительной раной мягких тканей головы.

23.VI. Утром консультировал группу больных и раненых. Среди них заслуживает внимания следующая история болезни.

Рудиков Ф.М. 34 л. Поступил 21/VI. 1942 в госпиталь «Магри». Ранен 17.XII.41 г. по 29.XII в Севастополе. С 1 янв. 42 г. по 26 фев. 42 г. лежал в Краснодаре. С 26/II по 12/III 42 г. в полуэкипаже в Новороссийске. С 17/III. 42 г. по 12/IV 42 г. в полуэкипаже в Туапсе. С 18.IV по 3.VI. в Кабардинке, в команде выздоравливающих. С 3.VI. по настоящее время в Туапсинском полуэкипаже, где прошел ТВВК и направлен на испытание.

Резкая болезненность по ходу седалищного нерва и т. д.

Неврологический диагноз: Neuralgia n.uschiadici ivritaira post traumatica dextra.

23.VI. Консультация проф. Джанелидзе.

Правая подколенная ямка чуть больше выпуклая, чем слева; кожа на этом месте синюшна. Небольшой рубец от осколка. Приблизительно на суставной линии и по ходу n.peronei прощупывается инородное тело, давление на которое вызывает резкую боль. Доказано рентгенологически.

Вывод: больной подлежит оперативному лечению, которое он, кстати, усиленно просит. По словам больного, его не оперировали, так как у него аневризма.

Никакой аневризмы у него нет, а между тем из-за пустяковой операции большой проваландался по госпиталям и полуэкипажам почти 6 месяцев!

Решено выехать завтра в 6 ч. в Сочи, куда я и забрал раненого, так как не уверен, что его по-человечески прооперируют в «Маграх».

24.VI. Выехали в 6 ч. 35'. Дорога сплошной фруктовый сад. Она также вьется змейкой, почти все время по берегу моря. Не оторвать глаз от чарующей картины. С нами поехал Зотов.

Пасмурный день, даже иногда накрапывает дождик, поэтому ехать приятно. Не жарко.

Приехали в Сочи в 12 ч. и прямо подъехали к почте, где я получил две телеграммы от Нины. В одной она извещает меня, что Жорж женился, здоров и живет хорошо. Нового ничего не было в этом известии, однако только в данный момент это стало для меня совершившимся фактом.

Морской госпиталь расположен в прекрасном санатории НКВ. Большой сад, печальные стройные кипарисы, масса зелени, цветов, несколько хороших корпусов и изумительный вид на море. Нас разместили хорошо; я живу с Г.А. в одной комнате. Мы здорово устали от тряской дороги. После обеда выспались, а вечером нас позвали в театр. Насколько пьеса «Тот, кого искали» была омерзительна, настолько поражает театр своим местоположением, размерами, красотой, добротностью и изяществом.

25.VI. Вместе с главным хирургом Севастопольского Морского госпиталя

Евгением Васильевичем Смирновым я в продолжение всего дня обходил отделения. Обследовал всех раненых поголовно. Вечером изучал операционный журнал.

26.VI. Продолжаю обход отделений. Кроме хирургических осмотрел офтальмологическое, отиатрическое и терапевтическое отделения. С утра оперировал раненого, который с декабря бродит из одного лечебного учреждения в другое. Незаживающая язва на верхней трети правого бедра. Я иссек язву 4х4 см, окружающие рубцы. Получился дефект около 10х10 см. Я произвел пересадку по Тиршу.

С точки зрения дисциплины госпиталь представляет собой разложившееся учреждение.

Пьянствует весь политаппарат во главе с комиссаром Медведевым. Этот тип, к сожалению, награжден орденом Ленина². Он допился до того, что свой орден он отдал какой-то девчонке, своей любовнице, и после его возвращали ему через НКВД. Под стать, по-видимому, и остальной начальствующий состав. Раненые, видя такие примеры, подражают им с удовольствием. Ночью недоиссчитывают 5–6–8 больных. Один из них был обнаружен на квартире у старшей сестры. Другая сестра, которая была уволена, устроила у себя притон, куда ходят раненые. Двое пьяных раненых избили раненых, находившихся в палатах. В одной палате раненый послал нашего бригадного комиссара *к е. м...*

Комиссар решил отдать его под суд. Не знаю, что из этого выйдет. В городе продают водку, которую поставщики за соответствующую мзду доставляют прямо в очаровательный парк госпиталя.

Санитарки. Очереди. Тельняшки.

27.VI. С утра смотрели прекрасно организованный кабинет лечебной физкультуры, руководитель в/вр. Китаев, и *хорошо организованный пункт переливания крови*, руководитель — в/вр. 2 р. Бувевский.

В 17 часов состоялось заседание с врачами, административно-хозяйственным персоналом и политчастью госпиталя. Докладывал я (см. докл.), Георгий Аркадьевич и бригадный комиссар. Г.А. говорил о недостатках в работе рентгеновского кабинета, которых оказалось довольно много. Комиссар преподнес собравшимся концентрированный ассортимент их деяний, куда входили пьянство начальствующего состава, политсостава, разврат, многие не довольствуются одной любовницей, а многие имеют по 2 и по 3. Больные пьянствуют, водку поднимают на второй этаж связанными простынями; многие больные ночью отсутствуют. Сиделки и сестры сожительствуют с больными. Говорил умно и сдержанно. В прениях признавали, что указанные факты верны, и обещались исправить. Я указал на не совсем тактичный поступок Мальцева. Вечером ко мне подошел офтальмолог, который мне сказал, что Мальцев очень приличный человек, и он не повинен в распространении слухов о том, что комиссия зверствует.

Решено выехать в Ялту в 10 ч.

² Демидов в Москве сообщил, что Медведева сняли, разжаловали и направили на работу в роту.

28.VI. Выехали из Сочи в 10 ч. 30'. По дороге завернули на гору Б. Ахун. Туда ведет гудронированная, прекрасно, с большим художественным вкусом устроенная дорога, которая вьется на горку змейкой. Высота горы, по-видимому, не превышает 800–900 метров. На вершине горы стоит пятиэтажная башня из белого камня, откуда открывается чудесный вид на море, на часть большого хребта и на предгорье. Вид исключительно красивый. Когда-то на горе был ресторан, небольшой зверинец. В настоящее время об этом помнят только старожилы, ничего этого не осталось, сохранились только здания.

По дороге в Хосту мы заехали в Самшитовый заповедник, который оставляет очень большое впечатление. Наконец мы направились в санаторию ВМФ в Хосту, где нас ждали. Санатория расположена в исключительно богатой санатории, когда-то принадлежавшей ЭПРОН'у, а ныне ВМФ. С начальником санатория в/вр. 1 р. Барановым я оказался знакомым, я у него ночевал в Ялте в 1940 г.

Нас прекрасно накормили. После этого мы решили осмотреть больных. Хирург Старков, по-видимому, когда-то был хирургом, а может быть, никогда им и не был. Среди показанных мне больных заслуживают внимания следующие:

Башмаков С. Ф., 24 л. Ранен 16 янв. 1942 г. под Севастополем. Лежал в Сочи с 21.I по 27.II, в Гаграх с 27.II по 18.V; опять в Сочи с 18 мая по 17.VI, в Хосте с 17.VI по 28.VI. У него легко прощупываемая, по-видимому, под апоневрозом левого бедра ружейная пуля, видимая и на рентгенограмме. Таким образом,

из-за поверхностно расположенного инородного тела, которое вызывает ограниченную припухлость, мы гоняем раненого из лечебного заведения в лечебное заведение в продолжение *5 месяцев*, вместо того чтобы покончить дело в 15–20 дней!!

Мельник, 33 л. Ранен 6.II.42 г. под Севастополем, лежал в МСБ, во флотском экипаже 19.V в Туапсе, затем в Сочи в э/г. № 40. Лечился кварцем и перевязками. Переведен в Хосту 12.VI. На задней внутренней поверхности верхней 1/3 левой голени имеется звездчатый плотный рубец, сросшийся с подлежащими тканями, а в середине язва с оmozолелыми краями 1x2 см. Сгибание и разгибание сустава резко ограничено. Я рекомендовал язву иссечь и произвести пересадку кожи.

Я видел еще двух больных, одного с невритом *n.ischiadei*, а другого *n. communis*.

Мы выехали поздно, в 20 ч. 10', так как бригадный комиссар в продолжение нескольких часов разбирает какие-то кляузные дела — между начальником и комиссаром. Позже в Гаграх нам сказали, что раньше они были неразлучными друзьями, а после не поделили какую-то бабу.

Ехали мы ночью, пользуясь то луной, то фарами, и в 22 ч. 30' приехали в Новые Гагры в Дом отдыха КБФ. Старые Гагры мы видели только в силуэте, так как по всему побережью затемнение.

Нам приготовили прекрасный ужин, разместили нас вместе, спали мы под роттердамскими одеялами и после хорошего завтрака выехали в Очамчыры.

29.VI. *Отправил Нине из Гагр открытку.*

Едем по сплошному саду, масса цитрусовых, целыми аллеями печальные кипарисы, достигающие в Н.Афоне особенно исполинских размеров. Дорога в прекрасном состоянии. В Н.Афоне устроили привал. Наши товарищи отправились к чудесному морю, не выдержал и я, и также выкупался.

К *Очамчирам* мы подъехали к 18 часам. Небольшой домик, стоящий у самого моря. Загаженный, находящийся в полном смысле слова в свинском состоянии двор. Начальник госпиталя Печников, горький, убежденный пьяница. Две докторши, одна окончила Одесский медвуз в 1940 г., Матусинская, другая — лет пять назад, Циганкова. Оформление истории болезни не нарушает общего стиля. Лазарет рассчитан на 50 коек. Открыт на 25, лежит 12 больных, из них один раненый. Ругали мы начальника за грязь, но это мало на него действовало. Штат 23 человека.

Место сугубо малярийное. В бочках разведена гамбузия. На окне сетка. Но странным образом за весь вечер не было ни одного комара.

В Сухуми, где мы не задерживались, от Нины получил открытку. *Отправил срочные телеграммы Нине, Васе, Жоржику.*

30.VI. Выехали в 7 ч. Дорога значительно хуже; растительность беднее. Плохо устроенные домики, часто крытые соломой. Редко попадаются чайные плантации.

В 9 ч. подъехали к железнодорожному мосту через р. Ингур. Первый раз вижу, чтобы одновременно по железно-

дорожному полотну пропускали поезда и автомобили. С утра облачно, несмотря на это, душно, жарко, в особенности после 12 ч.

С утра ничего не ели, проголодались. Приехали в Зугдиды; отправились в гостиницу «Адиши», б. «Интурист», где нас прекрасно накормили, но и дерут неплохо!

Идем через Колхидскую низменность; дорога плоха, чрезвычайно трясет.

В 14 ч. 30' приехали в Морской госпиталь «Поти».

Нельзя сказать, чтобы нас встретили продуманно, любезно, хотя и ждали нашего приезда. *Начальник госпиталя Баженов.* Б-н первоклассный. На вопрос, где нам разместиться, ответил: «Устроим как-нибудь». На вопрос бригадистра, есть ли в городе гостиница, ответил: «Есть, но переполнена». Прибавил, что есть Дом колхозника. Тогда я предложил выселить из кабинета начальника и поставить там кровати. Он дал на это согласие, хоть, по-видимому, в душе это ему не понравилось. В конце концов нас устроили в хирургическом отделении. У меня с Г.А. кабинет на двоих, то же у бригадистра с Зотовым. Остальные наши спутники разместились в большой палате. Внимания к нам никакого. Вечером вздумали кормить селедкой. К счастью, я не ел. Файншмидт попробовал, заболел гастроэнтеритом, лежал весь день 1-го.

С вечера начал изучать операционный журнал. Но так как сильно устали за день, то и легли спать в 22 ч.

1.VII. Встали рано. С утра разобрал с врачами операционный журнал.

Он содержится в относительном порядке. Но та же помесь неправильного русского с еще более неправильным латинским языком. Точки и запятые не в почете. Поражает и бросается в глаза большое число обострившихся аппендицитов. Сразу я даже не понял. После мало-помалу я расшифровал, в чем дело. Я понял, что они ночью не оперируют острые аппендициты, а чтобы из этого «ничего не вышло», они на второй, третий день оперируют под диагнозом подострого аппендицита.

Совершенно отсутствует пересадка кожи по Девису, Тиршу; за год не сделали ни одной такой операции. Остеомиелиты, которых сделано вообще немного, — все сделаны по типу «вычистить», «выскоблить».

Больные с хроническим аппендицитом оперируются без достаточного обследования. В день нашего приезда, наутро, выяснилось, что на первое июля был назначен больной с хроническим аппендицитом. Я попросил историю болезни. Оказалось, что даже не исследована моча. Я попросил операцию отложить.

Кадры. Нач. отделения в/вр. 2 р. Сарафьян, окончил медвуз в 1926 г. в Баку; все время работал в клинике Франкенберга. Живой, темпераментный, с провинциальными замашками, он обладает некоторыми знаниями. Но они чисто практического характера³ и не отличаются особенной глубиной. На все он отвечает, что по данному вопросу имеются различные мнения. Это, напр., относится и к остеомиелиту, и к вопро-

су об аппендиците. Без достаточных оснований любит разрез Леннандера. Вертляв, худ, страдал когда-то туберкулезным перитонитом. Даже в перевязочной не расстается с револьвером, который у него торчит из постоянно незавязанного халата. Вторым хирургом является Клямурис, который где-то работал на Украине самостоятельным хирургом. По-видимому, практически кое-что знает; хирургический стаж 14 лет. Наркоз дает омерзительно.

Третий врач — офтальмолог Ярвицева, которая в значительной степени овладела хирургическими приемами, оперирует даже аппендициты; хорошо кладет гипсовые повязки. Ассистирует хорошо.

Почти целый день до обеда ушел на осмотр больных и раненых (73 человека); тяжелых среди них мало. Однако несколько раненых, которые в продолжение 5–6 месяцев бродят из одного лечебного учреждения в другое. Один из них имеет свищ на передней поверхности грудной клетки. Его мне показали как хондрит. На самом деле у него инородное тело. Второй раненый с незаживающей язвенной поверхностью на голени; третий — с остеомиелитом плеча. Я решил последних двух раненых оперировать второго числа.

После обеда с Демидовым и Зотовым поехали на линкор «Парижская Коммуна». Я на нем уже был прежде два раза. Теперь он стоит у стенки наряду с другими военными кораблями и судами торгового флота. Когда мы пришли, краснофлотцы занимались священнодействием — они драили палубу корабля. На корабле действительно завид-

³ В Баку Франкенберг подтвердил, что Сарафьян — практик, и никогда ничего не читает.

но чисто. Если бы в других наших частях было бы так чисто! Командир корабля, капитан 1-го ранга Зиновьев производит приятное впечатление. Жалуются, что у него стали сходить с ума. Напряженная вахта, длящаяся в продолжение года, бесконечные воздушные тревоги. На Черноморском флоте нет ни одного психиатра. Решили запросить ВММА.

С начальником санслужбы, в/вр. 2 ранга Кольченко, я встечался и раньше. Мягкий, воспитанный, он числится хирургом. На линкоре он сделал несколько острых аппендицитов и грыж. С охотой он иссекает раны, делает первичную обработку ран. На пальцах он не стесняется резецировать фаланги и, по его словам, получает хорошие результаты. Он мне демонстрировал одного краснофлотца, которому он резецировал дистальную часть второй фаланги; результат хороший.

Приходится не только мириться, но до некоторой степени поощрять даже грыжесечения на кораблях, чтобы не произошло полной деградации хирурга и совершенно не заглохла хирургическая подготовка. Однако я протестовал против того, что они готовят больных к операции, не исследуют не только кровь, но и мочу, будучи крепко уверены в могучей крепости организма своих краснофлотцев. Все мои уверения в необходимости такого исследования производили мало впечатления на толстопузого врача Чернышева.

Мы поужинали на корабле.

Вечером я смотрел, как оперировали в госпитале больного с тяжелым панарицием, и даже принимал участие

в операции. Никакого представления о разрезах ни на кисти, ни на предплечье не имеют ни нач. отделения, ни его помощники.

2.VII. Проснулся очень рано, в 4½ часа. Мухи не дают покою. Со вчерашнего вечера льет дождь. Это очень приятно, так как нет мучительной жары и духоты, от которой не знаешь куда деваться, но тем злее кусаются мухи.

Нерадостные вести идут с фронта. Немцы яростно наступают по всему фронту; тут и Тульское, и Курское, и Харьковское направления. Судя по данным Информбюро, шли большие бои и на берегах Волхова, неблагоприятные для нас. Особенно тяжело приходится защитникам Севастополя. Не знаю, чем еще дерутся эти действительные герои. Второй раз Севастополь показывает миру изумительную картину. При данной обстановке, по-видимому, решено драться до последнего человека, чтобы не дать немцам возможности освободить свою армию, ведущую наступление на Севастополь!

Я решил завтра утром выехать на машине через Самтреди в Кутаиси, повидать брата с семьей. Легковой машины нет, обещали санитарную. Поезда ходят через день (Поти — Тбилиси), и притом в неудобное время. Я предполагаю провести в Кутаиси 3 и 4-е число; ночью 4-го выехать в Батуми, чтобы присоединиться к остальным членам комиссии, которые прямо завтра выезжают в Батуми на машине.

С утра оперировал трех больных и раненых.

Пестунов А., № ист. б. 1831. Язва левой голени. Ранен 10.1.1942.

Сделал иссечение и пересадку кожи.

Цедилин А.Д. Острый флегмонозный аппендицит. Показывал Сарафьяну расширение по Гаррингтону.

Корниенко И.Л. Остеомиелит нижнего конца бедра. Мышечная пластика.

Во время операции и наркоза рвало первого и третьего раненых обильным количеством пищевых масс. Больных, несмотря на то что они были подготовлены к операции, накормили основательно.

Вечером в доме моряков было заседание с врачами Потийской базы. Присутствовали 86 человек. Делали доклады Соколов «о санитарном состоянии Потийской базы», я, Зедгенидзе, Зотов и бригадный комиссар.

3.VII. Встали рано. Вместо обещанного ГАЗа мне дали 1½-тонный грузовик. Я сидел в кабинке с шофером. Выехали в 7 ч. 20'. Колхидская низменность неинтересна. Начиная с Бандзи и дальше, идут сплошные селения. Это бесконечный ряд сплошных садов. Много женщин в трауре. Попадают с ампутированными нижними и верхними конечностями.

Приехал в Самтреди в 12 часов, навещал сестру матери Христину; ей 76 лет, совершенно согнулась грудная часть позвоночника. Видел дочь Алико; не видал Гиго. Живут очень бедно, но следов голода не видно. Разыскал Цугру, который и поехал со мной в Кутаиси, до которого из Самтреди 33 километра.

Дорога через Копийнары относительно в хорошем состоянии.

Приехали в 15 ч. 30 м. Заехали к Месхи (ул. Акакия Церетели, д. № 8), затем

поехали домой к Васе. Состарился, так же несчастен со своим заболеванием. Но интеллектуальные способности не затронуты. Мавра немного толста. Следов голодания никаких ни на ком. Жена Цугры красотой не блещет. В общем, живут вегетативной жизнью. Боятся, что на них распространится война.

4.VI. С утра бродил по родному городу. Многие улицы асфальтированы; электрическое освещение, водопровод, новый мост через Рион. На базаре можно достать все, но цены аховые: курица 150 р., огурец — 3 р., небольшие груши по 1 р. 20 к. штука.

Был в э/г., где работает А.И. Месхи, он расположен в б. окружном суде. Впечатление среднее.

Обедал у Аппол. Исааковича, у которого две дочери. Старшей, Ляле, 17 л., окончила десятилетку, собирается в медицинский институт; маленькой, исключительно красивой и очаровательной Нугеши — 3½ г. Вечером заглянул к С.М. Дадунашвили и его жене. Очень сильно состарились, он сначала даже меня не узнал.

Вечером в 2 ч. ночи в международном вагоне выехал в Батуми — Махинджаури, куда прибыл в 8 ч.

5.VII. На вокзале меня встретили Зедгенидзе, Зотов, Соколов, Файншмидт, Зарубин и Акулов.

Осматривал раненых. С диагностикой поражения периферической нервной системы не особенно густо. Хирург Акулов Сергей Александрович — старомоден, по-видимому, из фельдшеров, хотя и уверяет, что окончил Одесский университет; работал

у Часовникова. Знает не много, хотя и делает грыжи, аппендициты.

Приятное впечатление производит начальник госпиталя в/вр. 1 ранга Алексей Александрович Зарубин. Остальные врачи оставляют серое впечатление. Одному раненому с остеомиелитом верхнего конца плеча я предложил операцию, которую собирался делать 6-го утром. Однако раненый отказался.

После обеда начальник артиллерии, генерал-майор *Рижи*, один из защитников Севастополя, с картой в руках изложил нам различные этапы наступления немцев и защиты. Ясно было давно, что крепость, лишённую подвоза и вывоза, мы бесконечно защищать не могли, каково бы ни было геройство защищавших. Однако упорная защита Севастополя надолго приковала значительные силы немцев и облегчала наше положение на других фронтах. Тем тяжелее положение защищающих крепость, которые знают свою обречённость.

В ночь с 30-го на 1-е Рижи покинул Севастополь. Сдача крепости, по видимому, была решена, да и защищать ее дальше было невозможно. По словам ген.-майора, мы раненых вывезли на «Дугласах». На «Дугласе» же улетел и командный состав. Он сам должен был в Камышовой бухте сесть на подводную лодку, но это оказалось невозможным; ожидать вторую подводную лодку не приходилось. Тогда он со многими другими решил сесть на шхуну с мотором. Зная, что немцы подкарауливают их на кратчайших расстояниях, они решили направить шхуну к берегам Турции, к Синопу. Шли 4 дня. Около Синопа их

также караулил гидросамолет-торпедоносец. Но торпеду для паршивой шхуны летчик пожалел. Бреющим полетом, спускаясь до 20 метров высоты, он строчил несчастную шхуну и ее спутников. «Скоро появилось несколько других самолетов. Когда они решили, что со шхуной покончено, то они отстали. Было убито несколько человек на шхуне и несколько человек ранено, среди них и сам ген.-майор, легко в мягкие части. Они пристали к Батуми. В последующие дни к Батуми подошло еще около 2–3 десятков раненых, которые приплывали кто на чем мог.

Из отдельных рассказов и намеков видно, что при оставлении Севастополя не обошлось без *Дюнкерка*, точные размеры которого пока точно определить, конечно, не удастся.

6.VII. С утра поехали в Батуми, где я получил письмо от Нины. Послал ей срочную телеграмму.

Прекрасный, чистенький город, в котором мало чувствуется война, если не считать, что в магазинах ничего нет. Поехали в Чакву на чайную фабрику, где нас приняли очень любезно, к тому же нас напоили прекрасным чаем, да еще снабдили в дорогу некоторым количеством.

Вечером. В 10 ч. 25' в международном вагоне выехали в Тбилиси.

7.VII. Не сплю с 6 часов утра, со ст. Шорапаки люблюсь дорогой, окружающими селами. Всюду мало чувствуется темповойны. Все выглядит слишком мирно. Даже воинские части попадают редко.

На ст. Гори случайно встречаюсь с проф. А.П. Цулукидзе, который экстренно

из Боржоми вызван в Баку. До Тифлиса едем вместе. Расспрашиваю, рассказывает много интересного, сообщает некоторые данные и про наш Морской госпиталь.

В 13 ч. 30' мы наконец в Тбилиси. Нас никто не встречает. Случайно попадается Давид Георгиевич Иоселиани. Потолстел, выглядит прекрасно. Скоро они берутся за организацию нашего переезда. Оказывается, наша телеграмма была своевременно получена. Тем более удивляет, что нас никто не встречает. Но вот появляются зам. начальника, с ним военный комиссар. Вскоре прибывают народный комиссар здравоохранения Семен Николаевич Мачавариани, два его заместителя Баркалая и Франгулян. Отсутствие начальника госпиталя объясняется очень скоро. В ночь с 6-го на 7-е, около часу ночи, начальник госпиталя Илья Виссарионович Пагава и военный комиссар собирались домой. Когда им сторож открыл ворота, то в это время в ворота ворвался кто-то. Было совершенно темно из-за затемнения. Начальник Пагава погнался за ворвавшимся, который побежал во двор. Пагава несколько раз кричал ему, чтобы тот остановился. Наконец он его нагнал, схватил. Началась борьба. У начальника в руках был револьвер со взведенным курком. Во время борьбы раздался случайный выстрел, и ворвавшийся, оказавшийся больным, без разрешения ушедшим из госпиталя, оказался раненым в мягкие ткани груди и плеча. На носилках его перенесли в госпиталь, и ему была оказана первая помощь. Начальник госпиталя чрезвычайно тяже-

ло переживал происшедшее. Кто-то даже заговорил об его отстранении от должности (временно). От пережитого он слег в постель. Мы много слышали странного и чрезвычайного про этот, с позволения сказать, госпиталь, но происшедшее не укладывалось ни в какие рамки. Среди раненых и больных началось волнение: «Вместо того чтобы лечить, они здесь стреляют в раненых». При существующей обстановке, среди разложившихся бойцов, легко было пользоваться такими фразами. Об отношениях между русскими и грузинами. Противогрузинская пропаганда.

Нам предоставили машину народного комиссара, и весь кортеж двинулся в путь. Кортеж был внушительный. Наконец мы приехали. Кирпичное большое здание благородных девиц, под горой Давида. Во дворе зело пахнет мочой. Нас устроили хорошо; я в одной комнате с Георгием Аркадиевичем. Накормили чисто по-грузински — тут были и безукоризненная еда, и изумительное красное вино.

После обеда пришла Тамара Микеладзе в военной форме; она врач Меп'а, работает в контрольной комиссии. Хирургией не занимается целый год. Так же красива и очаровательна, но все же начинает заметно вянуть.

Выспался хорошо. Вечером опять пришел главный хирург эвакогоспиталей Константин Парнетзович Вепхвадзе. Мы решили поехать навестить Пагаву, который лежит дома. Поехали я, Демидов, Г.Арк., Вепхвадзе, зам. начальника и военком. Прекрасная квартира. Нас встретила его жена, благообразная

брюнетка лет 45. Хозяина мы застали в постели. Ему около 40–45 лет. Большая, чуть окрашенная сединой борода. Полная копия Отто Юльевича Шмидта. Редко можно встретить более разительное сходство. Он лежит, уверяет, что расстроился. Прекрасный пульс. Я ему дружески предложил встать, одеться и выздороветь, что он тут же и сделал. Мы у него застали проф. Цулукидзе и Иоселиани, с которыми мы обменивались мнением по различным хирургическим вопросам.

Не обошлось, конечно, без ужина. В ожидании я попросил хозяина, чтобы он нам сам рассказал, как все произошло. Он почти в точности воспроизвел вышеприведенный рассказ. Когда сидели за ужином и Алико Цулукидзе в качестве тамады произносил очередной тост, раздался телефонный звонок, на который отозвался хозяин. Он долго не возвращался. Наконец туда же направилась жена. Несколько мгновений спустя она вернулась, но ее нельзя было узнать. Мертвенно-бледная, она прошла к себе в комнату. Вскоре выяснилось, что звонили из НКВД, откуда хозяину сообщили, что на площади Берия найден раненый из револьвера в живот его младший сын. Понятно, что ужин сразу прекратился, и мы все пошли в «Скорую помощь», куда был доставлен раненый. Мы его застали в перевязочной, и около него стояло без всякого дела два десятка людей. Я их попросил удалиться. 17-летний парень гигантского сложения, боксер. Совершенно пьян и мычит, как животное. Приблизительно на высоте пупка справа входное отверстие, по

передней подмышечной. Рентгенологически почти на такой же высоте слева имеется пуля в мягких тканях передней брюшной стенки. Ригидность брюшной стенки. Проникающий характер ранения не оставляет сомнения. Дежурство в эту ночь несла клиника проф. Ефрема Парнеозовича Закарая. Скоро явился и он. Говорить о какой бы то ни было организации скорой помощи в клинике не приходится, обратное утверждение было бы более соответствующим действительности.

Наконец операционная готова. Раненый продолжает бессвязно мычать. Мне предлагают оперировать — я не стал отказываться. В операционной собралась масса народу: народный комиссар здравоохранения Семен Николаевич Мачавариани, его заместитель Баркалая, профессора Александр Петрович Цулукидзе, Давид Георгиевич Иоселиани, Георгий Леванович Хочинов, главный хирург эвакогоспиталей г. Тбилиси Константин Парнеозович Вепхвадзе, ассистируют мне проф. Закарая и его доцент Отхмезури; масса других врачей, одетых самым причудливым образом. Рот одного из профессоров перетянут куском бинта, изображающим собой маску; колпаки на голове, ввиду их отсутствия, отсутствуют, как правило. Хлорэтил и эфир наркотизаторша льет без зазрения совести.

Делаю срединную лапаротомию. В брюшной полости мало крови; полное отсутствие каловых масс; два предыдущих дня раненый ничего не ел, так как у него был энтерит. В двух местах на тонкой кишке были найдены входные

и выходные отверстия. Слизистая на этих местах выпячена, ничего не выделяется из пустого кишечника. На верхнем (проксимальном) участке пораженной кишечной петли одновременно пулей ранена и брыжейка. На этом участке я сделал резекцию кишки на протяжении 10–12 см. Соединение конец в конец. На дистальном участке я ограничился клиновидной резекцией. Ревизия остальных органов, предпринятая тотчас после вскрытия брюшной полости, других поражений не обнаружила. Брюшная полость была зашита наглухо; кожа у входного отверстия иссечена.

Домой вернулся в 4 ч. 30' и спал всего 2 часа.

8.VII. С утра вместе с ведущим хирургом Иваном Трофимовичем Бурдженадзе делал обход одного из многочисленных отделений. Врачи, в особенности начальник отделения Юлия Николаевна, производят приятное впечатление (см. отчет).

В 15 ч. уехал в клинику посмотреть оперированного. Он вполне в хорошем состоянии. На обратном пути меня и Георгия Аркадьевича пригласили врачи клиники Иоселиани. Угостили прекрасными абрикосами, белой черешней и распили две бутылки шампанского.

Вечером вместе с начальником госпиталя Пагава, профессорами Мирхадзе, Иоселиани, Эрстовым поднялись в Цхноты к Владимиру Немсадзе; там я нашел тетю Матрену Михайловну, дочурку Нателу, Олю. Поездка, в общем, была неудачна. Возвращались ночью на ЗИЛе Эрстова по опаснейшей дороге.

Днем еще вместе с Иоселиани и Зедгенидзе я заехал к проф. Г.М. Мухадзе

в Институт переливания крови. Очень сильно постарел, согнулся, исхудал, ходит с палочкой. Одним словом, глубокий старичок. Заглянул к нему и на квартиру. Прекрасная квартира. Жена Мухадзе, хотя вся поседела, но бодрa и сохранилась хорошо.

Приходил Бондо Чиковани. Выглядит хорошо, хотя и существенно поседел. По отзывам всех, из него выработался прекрасный нейрохирург, у него от Немчинской уже двое детей.

9.VII. Всю ночь шел дождь. К счастью, мы не чувствуем знойного Тбилиси. Прохладно. С утра обход с врачами. Начальника госпиталя собираются снять. Говорят, что кроме происшествия, имевшего место в ночь с 6 на 7-е, за ним водятся еще какие то грехи.

Отделение, просмотренное сегодня, оставляет неприятное впечатление. Масса раненых с остеомиелитами, нефиксированные поражения суставов.

На 11-е число назначил несколько операций.

Вечером пошел к Григорию Иосифовичу Ломинадзе (Тбилиси, 22-й Ленинский пер., д. № 2^a), где застал Аграфену Никифоровну. Я ее не видел 32 года, и до чего же она состарилась. У нее 4 детей — 2 инженера, 1 мальчик в 10-м классе и дочь врач.

Вскоре туда вызвали Шалико, который пришел с женой. От Гриши мы отправились к Шалико (2-й Ленинский пер., д. № 1^a). Исключительно хорошая квартира. Поздно вечером вернулся домой.

10.VII. Утром осматривали Бальнеологический институт и брали серную ванну. Изумительное здание, но кому оно нужно.

Все утро делал обход с врачами, пришедшими из других клиник.

Все та же безрадостная картина. Бесконечное число остеомиелитов и бесчисленное число нефиксированных суставов!!

Поехали к оперированному Тагава; он в прекрасном состоянии. После обследования больного мне в клинике Закарая закатали шикарный обед; присутствовали проф. Алидов и Анико Лард-кипанидзе. Оттуда я поехал на обед к Шалико, где был устроен прекрасный обед. Был Гапоча с сыном 17 л., которого я вижу в первый раз.

Относительно рано вернулись домой.

11.VII. С утра и до 4 часов оперировал (1 пересадка кожи и трое раненых с остеомиелитами); присутствовало масса врачей из разных клиник.

По окончании операции поехал обедать к проф. Иоселиани, где был устроен прекрасный обед; масса народу — проф. Цулукидзе с женой, Закарая, Хечинашвили с женой, народный комиссар здравоохранения, его заместитель Баркалая, Назаров, наш бригадный комиссар и масса других.

Я уехал с обеда в 18 ч. 30', чтобы успеть до выступления хотя бы немного поспать, что на несколько минут мне и удалось.

В 20 часов в анатомической аудитории, где собралось больше 200 врачей, состоялось мое собеседование. Я говорил по вопросу о незаживающих язвах, об остеомиелите и об артериовенозных аневризмах. Выступали Цулукидзе, Антелава, Закарая, Хечинов, Гигалов и др. Председательствовал сначала нарком здрав.,

затем Иоселиани, Цхакания. Долго из-за аплодисментов не давали говорить.

По окончании заседания поехали в Лечебный комбинат, где собралось около 20 профессоров. Прекрасный грузинский ужин с соответствующим количеством питья. Вернулись домой поздно ночью.

Пора уезжать, а то не выберешься из этих обедов и ужинов.

12.VII. Встал в 7 ч. 30', так как народный комиссар с компанией обещались приехать ровно в 9 часов, чтобы выехать за город. Я был настолько наивен, что встал рано. Но их не было еще и в 13 часов. Приехал Иосиф Антонович Асланишвили со своим фотографом. Пришла Лена с Лялей, которые просидели у меня до 14 часов. Они попросили меня пойти с ними в фотографию, чтобы сняться, что мы и сделали. Несколько снимков сделал и Иван Иванович, фотограф Асланишвили. Снимки эти оказались прекрасными.

Наконец в 14 часов выехали на двух машинах, одна ЗИС наркома и одна санитарная машина. Ехали около 1½ часов по Военно-Грузинской дороге, пока наконец не доехали до места — слияния Белой Арагвы с Черной Арагвой, около селения Джинвали. Переехали мост через Арагву и поднялись вверх по левому берегу Хевсурской (Черной) Арагвы. Устроили привал у развалин какого-то здания, говорят, бывшей церкви. Нам показали остатки склепов с остатками человеческого скелета, бедра, голени, предплечья. Налицо — нарком здравоохранения, его зам. Баркалая, проф. Иоселиани, Закарая, главный хлопотун и устроитель этой поездки проф. Михаил

Отарович Занбукели, профессор физиотерапии и директор института; налицо главный хирург эвакогоспиталей Осидзе и мн. других; в общем, было больше 20 человек. Нас встретил местный врач Шонидзе. Занбукели здесь свой человек. К привезенной провизии, тут же доставленной в трех бочонках, присоединилась местная провизия.

Бочонки были погружены в лечебные воды Арагвы. Раскинули на лужайку скатерти и прекрасно пообедали.

Не оторвать глаз от бурной реки и от суровых и зеленых гор.

На обратной дороге нас застал ливень. Вернулись домой около десяти часов вечера.

13.VI. С утра и до 15 часов оперировал. Сделал одну струмэктомию по поводу узловатого зоба, одну пластическую операцию — иссекал рубцы на лбу, одну хроническую эмпиему и ассистировал Бурджанадзе на двух остеомиелитах.

Обедали я и Георгий Аркадьевич у Дарьи Ивановны Бережани (ул. Эристави, д. № 6). Обед был накрыт в тенистом саду, были нарком здравоохранения, Баркалая, Гиголов, С. Хундадзе, Назаров и мн. других.

В часов 9 я пошел ужинать к Лене, где собрались Г. Ломинадзе, Гигоча с женой, которую вижу в первый раз; особенно симпатичного впечатления она на меня не произвела; 17-летний их сын производит неопределенное впечатление. Шалико с женой очень приятны, прекрасно читает стихи 7-летний мальчик Лены Зураби. Из Лены получилась исключительно практичная женщина. На деньги, которые она скопила на службе,

купила себе комнату в Тбилиси, обставила ее очень хорошо.

14.VII. С утра делал обход в тяжелом отделении госпиталя, где из 52 — 25 нуждаются в немедленной операции по поводу остеомиелита.

На прощание все врачи госпиталя с нами снялись. Асланишвили мне принес прекрасные снимки, сделанные 12-го числа. Особенно хорош мой портрет.

История со счетом, поданным хозяйством госпиталя относительно нашего питания. Ну и гуси!!

В 14 ч. 25 м. мы выехали в Баку. Нас провожало много народу, между проф. Иоселиани с женой Тамара Микеладзе. По дороге на вокзал меня поджидал Мухадзе, с которым мне и удалось попрощаться.

Перед отъездом мы отправились с официальным визитом к народному комиссару здравоохранения Мачавариани и его заму Баркалая. Они были исключительно любезны. Оставшись со мной наедине, нарком сказал мне, что он договорился с первым секретарем Чарквиани о моем переходе к ним на работу. Я ответил, что об этом не может быть и речи вообще и в частности в настоящий момент, когда идет война.

Успел я заехать и к сыну Пагава, который в прекрасном состоянии. Я разрешил ему встать. Пока рана обещает течь первичным натяжением.

Едем в международном вагоне, в котором масса свободных мест. Ужасно жарко, душно.

15.VII. В 9 ч. 30' прибыли в Баку. Достать носильщика невозможно. Нас встречают нач. Санотдела Каспийской

флотилии в/вр. 1 ранга Николаев Иван Сергеевич и комиссар.

На почте получил телеграмму от Жоржика. От Нины ничего не получил ни в Тбилиси, ни в Баку. *Послал срочную Нине.* На вокзале с нас потребовали санобработку, без которой не хотели выпускать в город. На телеграфе для отправки телеграммы требуют удостоверение личности. Неимоверно жарко. Город почти целиком асфальтирован. Масса новых, прекрасных зданий. Нас повезли в Морской госпиталь № 2470, расположенный на окраине города, в нагорной части, во вновь построенной прекрасной акушерско-гинекологической клинике. Госпиталь рассчитан на 360 мест; в настоящее время в нем помещается 278 раненых. Начальник госпиталя Сергей Васильевич Щербин, в/вр. 1 ранга. Ведущим хирургом является доцент Гаджи Касимов Султан Мурад из клиники Топчибашева. Высокий, худой, похожий на терщика в бане, он мало к себе располагает. При ближайшем знакомстве оказывается, что он не только не умен, а просто глуп, мало культурен и почти ничего не понимает в хирургии. Его здесь величают профессором, и, говорят, обижается, когда ему не преподносят этого титула. Хотелось бы верить, что в других случаях это звание находит лучшее применение!

Мы вымылись, выспались, пообедали, и сразу я приступил к обходу отделения. Все та же печальная картина — беспризорных остеомиелитов верхней и нижней конечности. Никакого понимания фиксации конечности; полное отсутствие гипсовой повязки после секвестротомии. Ко-

роткая гипсовая повязка, не достигающая цели. Окна в гипсовых повязках.

За 4½ месяца (1.III по 18.VII.1942) было произведено всего 124 операции, т. е. в день меньше одной операции; было сделано всего 28 секвестротомий. А между тем все отделения завалены ранеными с остеомиелитами, которые с большой пользой для дела могли бы быть оперированы много месяцев тому назад.

Я отобрал несколько раненых и решил устроить демонстрационный операционный день.

Нам нанесли визит зам. наркома здравоохранения Иосиф Исаевич Фель, профессор Топчибашев и один профессор терапевт⁴. Они были очень любезны и обещали, что нам устроят полет до Ташкента.

16.VII. Опирирую с раннего утра, ассистируют Касумов и его помощники. Произвел 4 операции: фалангизацию 1-й пястной кости, секвестротомию б/берцовой кости 2, секвестротомия бедра.

После обеда снова к нам приехали 2 зам. наркома здравоохранения Фель и Валериан Степанович Нарчимашвили, проф. Топчибашев и Тарнаградский. Они сообщили нам, что всякие полеты отменены, все самолеты с интересующей нас линии сняты. Они гарантировали нам билеты на пароход в Красноводск и просили, чтобы я осмотрел несколько госпиталей НКЗ.

Вечером я продолжал обход госпиталя и закончил его поздно вечером.

Живу я с Георгием Аркадьевичем в материальной комнате операционного

⁴ Вульф Вениаминович Тарнаградский.

блока. Комната в сравнении с другими прохладна, стоят хорошие кровати. Мы завтракаем и ужинаем у себя и находимся под покровительством операционных сестер. В комнате стоит большой ледник, где в одной половине хранится дежурная кровь, а в другой боржом и вода для нас.

Жара и духота в городе невероятная. Говорят, что на солнце 70°C.

17.VII. Утром оперировал раненого с аневризмой левой подкрыльцовой артерии. В госпитале нет никаких инструментов для сосудистого шва. Иглы, шелк и иглодержатель мне принес проф. Франкенберг, который был у меня вчера. Он горько жаловался на свою судьбу; говорил, что на него пишут массу доносов, в особенности после того как он был награжден. Очень просил меня, чтобы я в Москве хлопотал перед Руфановым, чтобы его куда-либо перевели. Я ему посоветовал, чтобы он перестал нервничать и что в настоящее время не время куда бы то ни было переходить.

Ввиду отсутствия Нерфферовских зажимов я должен был прервать ток в вене и артерии полосками тонкого резинового бинта. На подкрыльцовой артерии я нашел аневризматический мешок 4х3х3 см. Я вскрыл мешок продольно. В стенке сосуда я нашел дефект 3х3 мм, который и зашил несколькими швами. Я убрал излишек стенок аневризматического мешка и на остаток наложил матрацные швы. Операция сошла очень хорошо, хотя ассистировали паршиво.

В 12 часов я поехал с замнаркомаами здравоохранения Фель, Нарчимайшвили, профессорами Топчибашевым, Тарнаградским осматривать некоторые го-

спиталья. Я осмотрел госпиталь, в котором консультантом является Мир Касумов. Никогда я не был высокого мнения об этом хирурге. Посмотрев его отделение, мне оставалось только утвердиться в своем мнении. Картина все та же, что и в других госпиталях: длительно гноящиеся остеомиелиты без активного вмешательства; 6–7 месяцев незаживающие язвы, по поводу которых никто и не думает производить пересадку кожи; хроническая эмпиема после огнестрельного ранения трактуется как туберкулез, и раненый продолжает гноиться; жуткая стопа, представляющая собой кашу из костных отростков, не ампутируется.

Второй осмотренный госпиталь, расположенный в прекрасных школьных зданиях, предназначен специально для раненных в грудь. Консультант Эфендиев; как он сам, так и его помощники производят прекрасное впечатление. Хозяйственная часть и здесь, как и во всех других местах, оставляет желать много лучшего. Третий госпиталь расположен в прекраснейшем здании консерватории. Профиль госпиталя — поражение центральной и периферической нервной системы. Консультант проф. Тончибашев (Мустафа Бек).

После осмотра Фель показывал нам город. Осматривали прекрасный приморский бульвар, часть, отвоеванную у моря, где торчат тысячи вышек. Масса прекрасных зданий как старой, так и новой постройки. Почти все улицы асфальтированы и почти все здания покрыты плоскими крышами. Казалось бы, по всем показателям вполне европейский, но какой это на самом деле жут-

кий город. Неимоверно душно, дым не поднимается в небо, а низко стелется над городом; дома имеют серый, желтый пепельный вид.

В 20 часов за нами приехали зам. наркома Фель и Нарчимайшвили, и вся наша компания (я, Г.Ар., комиссар, Соколов и Файншмидт) были приглашены на ужин в гостиницу «Интурист». На ужине были профессор Мир Касимов, Топчибашев, Тарнаградский, Гуссейн Алиев, Мамедов и доц. Эфендиев. Среди молодого поколения наилучшее впечатление оставляет Эфендиев. Он выделяется среди других своими научными работами; он считается основателем переливания крови в Азербайджане. Остальная молодежь производит впечатление малокультурных, больше выдвигающихся не столько своими знаниями, сколько национальными и другими признаками. Очень приятное впечатление оставляет зам. наркома здравоохранения Наркомайшвили; по-видимому, бывший рабочий, не особенно умный, он подкупает своей искренностью и простотой. Второй зам. наркома здравоохранения, тип Кечкера-Лахмана, по-видимому, гешефтмахер большой руки, дельный человек.

Обычный ужин с речами, водкой и вином. Мы разошлись в 23 часа, так как после 24 часов требуются особые пропуска.

Наступление немцев на Воронеж — Миллерово расстроило нормальное движение московских поездов. Еще когда мы были в Тбилиси, московские поезда не приходили по несколько дней подряд, а также не уходили нормальным рейсом. Другой раз они приходили, но оставались в пути по 9–11 дней. При

таком положении вещей для нас стало ясно, что нам не вернуться тем путем, каким мы попали на Кавказ. Поэтому приходилось выбирать новые пути. Их было немного. Поэтому, в первых, нам пришлось отказаться от поездки в Кисловодск. Дальше приходилось выбирать дорогу Баку — Астрахань или Баку — Красноводск. Ввиду того что мне хотелось навестить Жоржика, для меня оставался только один путь: Баку — Красноводск — Самарканд — Ташкент — Москва. Скоро и все другие товарищи пришли к заключению, что этот путь единственно приемлемый и для них.

Дорога предстояла длинная, неимоверно жаркая, безводная и пыльная. Выбора не было. Нам взяли билеты на теплоход Баку — Красноводск.

Приехала жена Зеликова-Шарутина. Она рассказала много жуткого, разывшегося в последние дни в Севастополе. Муж ее, по ее словам, погиб. Но у меня нет уверенности, что это так. Погибли почти все врачи, за исключением Кравченко, который ушел на подводной лодке; погиб Иванов.

18.VII. Мы должны были уехать сегодня вечером. Однако уже с утра стало известно, что пароход из Красноводска не прибыл и сегодня теплохода не будет.

С утра осмотрели Базовый морской госпиталь в Баку. Он расположен в школьном здании. Всего 43 больных и раненых. Ведущий хирург Давидович оставляет прекрасное впечатление, да и другие хирурги, которых, кстати сказать, много (некоторые прикомандированы из флотилии), вполне на должной

высоте. Контингент больных — грыжи, аппендициты, геморрой и гидроцеле; нетяжелораненые. Масса свободных мест. Производит странное впечатление, что в госпитале 2470 (нач. Щербина), где работают почти исключительно гинекологи, масса тяжелораненых моряков, а в Базовом госпитале, где масса пустых мест, — хирурги ходят без дела!

Нам показали образцово оборудованное газобезопасное убежище. Пока это был единственный госпиталь, где я видел настолько прекрасно оборудованное бомбоубежище. Начальником госпиталя состоит полковой комиссар Петров.

В 12 часов за мной заехал зам. наркома Фель, и мы поехали в Дом интеллигенции, где я обещал провести собеседование с врачами эвакогоспиталей. Собралось около 200–300 врачей; почти все профессора Мединститута и Института усовершенствования налицо. Я докладывал 50' — говорил о длительно незаживающих язвах, об остеомиелитах и повреждениях сосудов.

Председательствует Топчибашев. Долго не дают говорить, как это было и в Тбилиси, — уж здорово здесь привыкли к аплодисментам.

Масса выступавших — профессора, врачи. Круг вопросов расширился. Особенно бакинцы хвалят свой нафталан, который они применяют как при лечении мягких тканей, так и при остеомиелитах, где они, по мнению Топчибашева, делают «ободдряющие результаты». По окончании опять бесконечные аплодисменты.

Вечером в 18 часов вместе с бригадным комиссаром Демидовым осматривали Бакинское морское фельдшерское

училище. Начальство этого учреждения очень просило их посетить. Прекрасное здание, б. общежитие слушателей пединститута. Обучается 800 человек. В декабре должен состояться первый выпуск. Начальник в/вр. I ранга Фраткин; похож на Лахмана. Говорят, что он — дельный и знающий администратор. Прекрасные небольшие лаборатории по фармакологии, микробиологии, физиологии и др. Среди преподавателей много женщин. Принимали раньше только по окончании десятилетки, сейчас принимают и с 7–8-летним образованием.

Начальник и его заместитель просили меня, чтобы я поговорил с преподавательским составом о профиле, необходимом для морского фельдшера. Я провел эту беседу; указал на необходимость практического уклона, принимая во внимание военное время и краткие сроки обучения.

Днем, после моего доклада в Доме интеллигенции, ко мне подошла д-р Шарутина. Мне казалось, что я встречу убитую горем женщину, у которой при трагических обстоятельствах в Севастополе погиб муж. На самом деле я увидел во весь рот улыбающуюся женщину, у которой нельзя было подметить и тени печали. Это меня поразило. Она была в шелковом светлом платье. При этой обстановке как-то я не мог ей выразить соболезнования по поводу постигшего ее несчастья. То, что она мне рассказала по поводу обстоятельств, при которых погиб Зеликов, как-то маловразумительно. По ее словам, дело происходило таким образом. Когда наконец послед-

ние остатки защитников были загнаны на какую-то косу, то туда же был доставлен и Зеликов; его тащили две девушки. В это время у него была температура 41°. Как объяснила Шарутина, у него был остеомиелит, который по временам давал обострение. На косе он пришел в себя, якобы спросил, эвакуировали ли все госпиталя. Ему ответили, что нет. «Тогда я остаюсь», — ответил он. И он был оставлен. Много неясных вопросов возникает при расшифровке этого рассказа, и я совершенно не уверен, что Зеликов действительно погиб.

Много трагичного произошло в последние моменты оставления Севастополя. Так, напр., заведующий аптекой застрелил двух своих и сам отравился. Часть красноармейцев, по словам Демидова, перестреляли комиссаров, а затем друг друга.

Вечером укладываемся и готовимся к отъезду, точный час которого неизвестен, не то 12, не то 14, не то позже.

19.VII. В 6 ч. 45' раздается стук в дверь. Начальник госпиталя Щербин сообщил, что он звонил в порт, и ему сказали, что теплоход уходит со спецрейсом в 8 часов, т. е. через час. Хорошо, что с вечера мы все уложили и были совершенно готовы к отъезду. Мы не успели даже позавтракать и понеслись в порт. Там нам сначала заявили, что мы уходим через 1½ часа, а затем выяснилось, что мы можем уходить и приехать в 12 часов. Нам разрешили уложить вещи в каюты, после чего мы уехали обратно в госпиталь, где и позавтракали.

К 12 часам мы вернулись и двинулись ко второй пристани на 26-м километре, где приняли около 2000 человек, пре-

имущественно мужчин. Это были или эвакуированные из занятых немцам местностей, или призванные. Теплоход переполнили сверх всякой меры. В полном смысле слова яблоку негде было упасть. Ужасно грязный народ. Из окна видны бесчисленные трубы и цистерны для нефти. Жарко и душно. Ведь работа здесь — это чистая каторга.

Отошли в 19 часов. На море небольшая волна, покачивает слегка. Отправил срочные Нине и Жоржику.

В 21 час я залег спать.

20.VII. Проснулся в 6 ч. Довольно сильно качает; боковая качка. Удивительно красивое море, огромные волны с белыми гребешками. Суровая картина! Море голубо-зеленое. Оказывается, ночью укачало массу народу. Вся наша компания осталась невредимой. Наконец в 12 часов, после 17 часов, мы пристали к Красноводску. Наряду со многими красивыми местами я видел много пакостного. Но ничего, хотя бы в малой степени напоминающего Красноводск, я никогда в жизни не видел и едва ли увижу. Залив, у которого расположен, с позволения сказать, город, окруженный невысокими, совершенно голыми скалами. Ветер сдувает песок, который носится тучами над городом. Воды в городе нет, ее привозят из Баку. Строили водопровод, но не довели на 30 километров, помешала война. Во всем городе мне удалось увидеть два дерева.

К сожалению, поезд сегодня не уходит, и нам приходится искать ночлег. Встретивший нас здесь врач амбулатории предлагает нам переночевать в амбулаторном физиотерапевт. кабинете.

Эта перспектива нам не особенно улыбается, и, узнав, что наш теплоход «Туркменистан» сегодня не уходит, мы решаем просить разрешения остаться на пароходе, что нам и разрешают. Это для нас идеальное решение вопроса, так как в городе пекло 70°, невозможно дышать из-за пыли и угольной гари.

Боже мой, до какой степени мы не умеем ничего организовывать. На нашем теплоходе тысячи беженцев и эвакуированных; когда теплоход подошел к пристани, не догадались вовремя поставить сходни. Начали прыгать через перила, выбрасывать вещи.

Еще более позорное зрелище представляет собой табор несчастных беженцев. Взрослые и дети, почти исключительно женщины, валяются целый день со своими тюками на железнодорожных путях. Страшно смотреть, какой бурдой их кормят!

Вечером пошли к коменданту для бронирования билетов. Сплошная мура; в конце концов обещали, не знаю, что выйдет.

Прошлись по городу. Широкие асфальтированные улицы длиной около $\frac{1}{2}$, $\frac{3}{4}$, 1 км, которые в одну или в другую сторону упираются в горы. В городе несколько садов. Музей им. 26 комиссаров, несколько школ. Говорят, около 40 000 жителей. Песок залепляет глаза, хрустит между зубами.

Послал Нине и Жоржику срочные телеграммы, что двадцать третьего буду в Самарканде.

Поезд, который уходит 21-го в 22.20, приходит в Самарканд 23-го в 19 часов и в Ташкент 24-го в 6 часов утра.

Как сообщали беженцы из Ростова, немцы с 5-го числа ведут усиленную бомбардировку Ростова и разрушают его по отдельным районам. В этом сообщении нет ничего невероятного. Не имея возможности прорваться у Воронежа, они попытаются нанести удар по участку Ростов — Миллерово.

21.VII. Душно и жарко. До 14 часов прожили на пароходе. Затем переехали на вокзал, где устроились табором. Вечером в 22 ч. 14' выехали в Самарканд — Ташкент. Прекрасный мягкий вагон, вполне заменяет международный.

22.VII. Идем по голой степи; верблюды, ослики, редкие жители, безжизненное поле, кое-где оживляемое небольшими участками зелени, конечно, только там, где вода. Неимоверно душно, днем нечем дышать.

Ст. Ашхабад — только что отстроенное прекрасное здание.

23.VII. Опять душный, чрезвычайно жаркий день, но, в отличие от вчерашнего дня, идем среди сплошного песка, который очень напоминает пески Сахары. Во избежание заносов дорогу ограживают камышовым частоколом.

В степи испортился паровоз еще вчера, поэтому мы опаздываем на 4 часа и вместо 9 часов прибываем в 23 часа; по местному уже час ночи.

На вокзале меня встречают Жорж и Вера. Вижу проф. Неменова, который направляется в Москву.

24.VII. День обещает опять быть чрезвычайно жарким. С утра пошел с Жоржем в Академию им. Кирова; побывал у начальника Академии дивврача Маслова, которого вижу в первый раз.

Он исключительно любезен. Просит посмотреть проф. Николая Ивановича Рагоза (инфекциониста), у которого предполагается опухоль. Я, конечно, даю согласие. Ввиду предполагаемого назначения на кафедру физики начальником некоего Титова и недостачи ассистентских мест я спрашиваю начальника о судьбе Жоржа. Он мне говорит, что о том, чтобы для него не было места, не может быть и речи. Затем я побывал у бывшего начальника Дмитрия Николаевича Лукашевича, который также исключительно любезен. Я его также спрашиваю о судьбе Жоржа. Он его характеризует как блестящего работника и заверяет меня, что не может быть речи, чтобы его куда-либо откомандировали, что он останется на кафедре физики. В настоящее время Жорж председатель приемной комиссии, начальник ПВХО. Лукашевич любезно обещал забронировать для меня билет и предоставить для меня на вокзал (до которого 7 км) машину, что здесь является проблемой. Побывал у гарнизонного коменданта и послал Нине срочную телеграмму. Правда, телеграммы здесь доставляются не лучше, чем в других частях нашего Союза. При этом перевирают не только фамилию (моя превратилась в Джанелдья), но и многое другое.

Днем настолько жарко, что ни о какой работе не приходится думать. Когда лежишь, то вся подушка промокает от пота. Вечером пошли с Жоржем и Верой к академику Н.Н. Аничкову. Живет в жалких, но все же сносных условиях. Заметно похудел; жена Вера Алексеевна толста, глупа, болтлива. Видно, что

он вообще начинает сдавать. По дороге встретили Сергея Тимофеевича Павлова с женой. Он заметно похудел, жена еще достаточно толста. Слышал, и это подтвердил Н.Н. Аничков, что Феликс Соколонович Гросман повесился. Точная причина самоубийства неизвестна, говорят, что он зарабатывал только 600 р., а этой суммой здесь, конечно, семью не прокормить.

Город-сад, с длинными, неимоверно пыльными улицами, огромными чинарами и тополями, под которыми по арычкам течет мутная вода. Всюду за глиняными, мазаными заборами видны фруктовые сады.

Если этот город целиком асфальтировать, добавочно его поливать и в квартирах устроить микроклимат, то разве что тогда стоило бы в нем жить. При настоящих условиях пусть лучше в нем живут узбеки, которые в достаточной мере свыклись со своей бывшей столицей.

Нерадостные вести приходят с фронта. По-видимому, нам удалось сдержать натиск на Воронеж, но зато они через Новочеркасск наносят фланговый удар на Ростов. Трудно, конечно, не имея никаких данных, предвидеть, какова будет наша тактика. Но принимая во внимание, что железнодорожная магистраль на Воронеж потеряна, то едва ли мы будем во что бы то ни стало отстаивать Ростов и сразу отойдем на левый берег Дона, где будем обороняться.

25.VII. С утра прислали машину, и поехал в Республиканскую б-цу, до которой 5 километров. Никто не знает, куда мне следует явиться. Наконец удается

выяснить, что мне следует идти в клинику Аринкина. Там собрались Аринкин, Тальман, Рагоза. Кто-то из ассистентов докладывает историю болезни. Клиническая картина и обследования больного не оставляют сомнения в том, что у Рагоза рак малой кривизны, с метастазами в мезентериальные железы. Туберкулез мезентериальных желез маловероятен (у больного фиброзный туберкулезный процесс в легких). И в том и в другом случае об операции думать не приходится. Я о своих выводах сообщил начальнику Академии и Лукашевичу. Они меня заверили снова насчет положения Жоржика. Я случайно встретил проф. Валькера; он похудел, но в общем выглядит хорошо. Вместе с Жоржем, Верой и Валькером поехали смотреть могилу Тамерлана и ряд других, исключительных по красоте мечетей, относящихся к 1370–1405 гг.

Неимоверно жарко. Трудно ходить по улице. Осматривал помещение, в котором помещается кафедра физики Академии им. Кирова. До вечера просидел дома, так как из-за жары выходить никуда нельзя. Трудно попасть в поезд, но в конце концов это удастся. На вокзал меня провожают Жорж и Вера. Им горько, что я уезжаю, не менее тяжело мне с ними расставаться.

Относительно прохладная ночь, и в 11 ч., всего с опозданием на каких-нибудь два часа, я 26.VII попадаю в Ташкент.

26.VII. На вокзале с санитарной машиной меня встречают Георгий Аркадиевич и Демидов. Оказывается, что Соколов и Файншмидт уже уехали, а мы должны выехать 27, так как поезда ходят только через день. Живем в гар-

низонном госпитале, который основан 75 лет назад. Он занимает 16 гектаров земли и построен по принципу павильонной системы. Неимоверно жарко, но душ спасает, хотя и ненадолго.

Целый день сижу дома из-за жары. Демидов обещал начальнику санитарного округа Павловскому (Константину Никаноровичу), что я проведу собеседование с врачами, на что я дал согласие.

27.VII. С утра по просьбе начальника хир. (Сазонов) отделения и начальника гарнизонного госпиталя (в/вр. I р. Поливник Леонид Петрович) обхожу хирургическое отделение и консультирую нескольких больных. Начальник хир. отделения только относительно грамотен, но не больше.

В 11 ч. в клубе собрались руководящие хирурги эвакогоспиталей, главный хирург эвакогоспиталей проф. Яков Мойсеевич *Брускин*, проф. Астров, Павел Осипович Эмдин и др. Председательствует Павловский. Тип убежденного и закоренелого пьяницы. Я говорил по вопросу об инородных телах, остеомиелитах и длительно не заживающих ранах и язвах. Были прения. Все признавали правильность высказанных мной соображений, уверяли, что мое выступление послужит толчком к усилению борьбы за ускоренное возвращение бойцов в строй. Блажен, кто верует!

Меня попросили поехать на дачу посмотреть Председателя Верховного Совета Узбекской Республики Ахунд Бабаева, который был оперирован в начале июня проф. Савиным по поводу рака желудка, переходившего на пищевод. Было проведено тотальное удаление же-

лудка. Операция проводилась 6½ часов под местной анестезией. Ему 64 года. Совершенно простой. Не знаю, чем он был раньше, не то пастухом, не то чем иным. Умные, живые глаза. Высокого роста, ходит в теплом халате. Дом расположен в чудесном саду — в 11 га, сплошной виноградник и яблони. Яблони настолько нагружены плодами, что отламываются ветви. Чудесные персики. Через двор протекает арык значительных размеров, шириной и глубиной в метр.

Над арыком переброшена беседка, в которой нам устроили исключительный ужин. При нас зарезали огромного барана. В приготовлении туши и в дальнейших указаниях по приготовлению различных кушаний хозяин принимал активнейшее участие. Говорят, что он умеет готовить до 35 местных блюд. По словам нас сопровождавших, он пользуется исключительной популярностью среди населения, его все зовут ота, что значит — отец. Мою фамилию он переделал в Джан-Али. Для любителей был исключительный коньяк, вина и чудесное пиво. Начальник санитарного отдела САВО (Среднеазиатского в. округа) Павловский напился. Видно, высокое положение не всегда учит умению себя пристойно вести.

Вечером мы вернулись к себе. Несмотря на то что нам дважды были бронированы билеты в международном вагоне, билетов не оказалось, и нам пришлось ехать в мягком.

В Ташкенте я встретился с доц. Еленой Кирилловной Никифоровой; резко исхудала. Говорит, что муж болен вот уже 5 месяцев — эндартериит, омертвевает пальцы на ногах. Жалуется, что совер-

шенно не хватает денег. Сама имеет только одно место, и большего ввиду обилия специалистов получить не может. Неделями не может купить дочке мяса.

В 22 ч. 30' выехали из Ташкента.

28, 29, 30, 31.VII. Тяжела дорога через Среднюю Азию. Песок, степь, грязь. Верблюды, ишаки. Жалкие мазанки с плоскими крышами. Духота, пыль, невообразимая грязь в вагоне. Преимущественно меновая торговля на вокзалах: яйцо — 8–10 р., цыпленок — 200 р. В обмен идут чай, мыло, рубахи, чулки. Есть спецы, которые, по-видимому, не впервые в этих краях и всего этого запасли в достаточном количестве.

31.VII. — Мы в Куйбышеве. Грязь, всюду грязь. С Актюбинска, в особенности с Оренбурга, стало легче. Появилась зелень на полях, хлеба, огороды. С Куйбышева дышится легче, прохладнее; ночью даже приходится натягивать одеяло. Идем по маршруту Куйбышев — Сызрань, Рузйика — Рязань — Москва.

1.VIII. — Уже опаздываем на 18 ч. Не идем, а ползем. Теоретически завтра должны быть в Москве.

30.VII. из Актюбинска послал срочные телеграммы Нине и Жоржику.

2.VIII. Мне исполнилось сегодня 59 л. В тяжкий период существования страны я начинаю 6-й десяток своей жизни. Поздно для тех бурь, которые еще придется перенести нашей стране!!

Мы приехали на Казанский вокзал в 10 ч. 30', с опозданием на 19 часов. Мы настолько грязны, что полагаем, что нас не впустят ни в одну гостиницу. Мы еще вчера решили, что поедем в Центральный Морской госпиталь.

Мы звоним в госпиталь, откуда нам присылают 1½-тонку, и мы направились в госпиталь. С вокзала послал срочные телеграммы Нине и Жоржу.

Горячий душ вернул нас в нормальное состояние. Мне с Георгием Аркадиевичем отвели чистую, только что отремонтированную палату. Целый вечер отдыхаем. Чувствуем себя достаточно усталыми после двухмесячного путешествия.

3.VIII. С утра отправляемся в МСУ. В ожидании приема начальством сидим час в передней начальника, пока мы не напоминаем, что ждем приема.

На приеме выясняется, что доклад состоится завтра вечером у начальника дома. Нам разрешено взять билеты на послезавтра.

Поговорили насчет Петрова. Андреев предлагает перевести его на Балтику, так как там Пуниным недовольны. Пунин вернулся в Киров; кроме того, предполагается в Америку послать трех морских врачей; одним из них намечен Пунин. На Балтике предполагается выровнять все те несправедливости, которые были приняты на ЧФ по отношению к Петрову.

В общем, мы высидели в Управлении 5 часов без всякого толку. Андреев, между прочим, показал нам телеграмму следующего содержания: «Решением партийных и следственных органов оправдан. Дело прекращено. Пагава». Здорово сделано. Обвели вокруг пальца нашего Фи!!

Вечером на несколько минут вместе с Татьяной Сергеевной заехал ко мне Сергей Сергеевич Юдин в военной форме — бригаврача. Переговорили насчет

Петрова. Он полагает, что в голодный Ленинград его с язвой желудка посылать не стоит и лучше хлопотать о его демобилизации. Думаю, что Петров от нас уйдет в армию; он будет прав. Не умеют у нас с людьми обращаться!!

Вчера мы читали приказ № 227 от 27/VII 1942 г. Ужас берет при его чтении. Без должного сопротивления и без разрешения командования наши войска оставили Ростов и Новочеркасск. Мы уже потеряли 70 миллионов населения, 800 миллионов пудов хлеба в год, 10 миллионов пудов железа. В приказе намечается ряд экстраординарных мероприятий, чтобы приостановить дальнейшее продвижение врага.

Наши «союзники» все еще «ставят вопрос» о втором фронте, а мы истекаем кровью!! Надолго ли у нас ее хватит?

4.VIII. Утром осматривал хирургическое отделение Центрального Морского госпиталя. Чисто, достаточно уютно. Единичные раненые и то нетяжелые; остальные койки заняты геморроем, грыжами, аппендицитами, водянкой яичка. За 1½ месяца Соловьев сделал 47 операций. Все раны зажили первичным натяжением. Из редких осложнений следует отметить двухсторонний парапроктит после операции геморроя.

Поехал к Юдину поговорить насчет Петрова. Решили, что посылать его в Ленинград не стоит⁵.

Вечером в госпиталь приехали начальник МСУ Андреев, его помощник Кудинов и бригакомиссар Демидов.

⁵ Днем в НКЗ состоялось заседание президиума ассоциации: были Гирголав, Левит, Руфанов, я, Лебеденко и один из секретарей.

Я в продолжение двух часов делал устный доклад о командировке.

После отъезда Андреева и Кудинова я сделал предложение Демидову, чтобы Петрова как больного устроить нач. хир. отд. в Московском госпитале. Он с этим согласился. Но это снижает положение Петрова, а потому я запросил мнение Юдина. Он мне ответил, что всецело со мной согласен и берет на себя решение этого вопроса.

5.VIII. Утром заехали в отдел международной книги, где удалось получить несколько английских и американских книг, изданных в 1941 и 1942 году.

Побывали у Андреева. Насчет Петрова он сказал, что следует вызвать его в Москву и лично с ним договориться. Куда денем Соловьева, которого не за что обижать, пока неясно.

Пришел Леон Абгарович Орбели; он сильно постарел и осунулся; с ним его помощник Бресткин. Организуется какая-то комиссия по санитарной части при Академии наук, куда меня и всовывают. К сожалению, бесчисленные комиссии не улучшают дела!!

Нам прекрасно жилось в госпитале. Выехали в 15 ч. 55' в международном вагоне с Георгием Аркадиевичем. Едем с большими удобствами. Прохладно, часто идет дождь. Когда вспоминаешь путь от Красноводска до Оренбурга, то понимаешь, какое наслаждение видеть зеленющие поля, а не выжженную степь.

В час ночи подъезжаем к Кирову и радуемся, что нет затемнения.

6.VII. Бесконечно рад, что наконец я дома. Мы проехали 12 000 километров по железной дороге, 1200 километров

на машине и 340 км по Каспийскому морю.

Масса новостей в Академии, но на фоне происходящих на фронте событий все это выглядит мелко и мало привлекает мое внимание.

7–8, 9.VIII. Читаю, преимущественно американские книги, в которых очень много интересных данных.

А.И. Иванов уехал в Москву перестраивать свой академический аппарат.

10.VIII. Отправил через некоего Верховского, который приезжал просить об устройстве его сына в Академию, письма Зинаиде Васильевне, Эмилиии Никифоровне, Елизавете Семеновне, где я писал, что приблизительно в середине сентября рассчитываю быть в Ленинграде.

Через доктора Габузова, который сегодня через Москву направляется в Баку и собирается проехать через Самарканд, *отправили посылку Жоржу* (сахар, шоколад, ботинки).

Пришла телеграмма от Жоржика, что «выдержали» первый госэкзамен на отлично.

Пишу отчет о командировке на Черное и Каспийское моря. Был в госпитале № 4017.

11.VIII. Приходит масса народу, *среди них Погодин*; сильно мешают работать.

Консультировал 15 раненых с инородными телами в госпитале № 4017.

Немцы дерутся у Краснодара и Майкопа; трудно понять, как они так быстро туда прорвались. По-видимому, нам придется отступить от Новороссийска, Геленджика и Туапсе.

12.VIII. Послал письмо Евгении Владимировне Благовещенской, уговаривал ее приехать в Киров. Начальник ВМА обещает ее устроить. Послал письмо начальнику Морского госпиталя № 3 Дундуку.

13.VIII. Консультировал в госпитале 4017 — 26 раненых.

14.VIII. Ездил с Кузнецовой и Белявым в Боровицу, которая расположена в 18 километрах от Кирова. Там, в б. Доме отдыха ВЦСПС, устроено отделение на 400 коек для раненных в грудь. Изумительно красивое место на берегу р. Вятки, сосновый и еловый бор. Вернулись поздно вечером.

15.VIII. Оперировал больного Варшавского в Морском госпитале в присутствии проф. Мельникова, Лисицына и Пунина. Перелом бедра десятилетней давности. Оперировал с аппаратом Saresi.

16.VIII. Тяжелое, тягчайшее время переживает наша Родина. Немцы официально дошли до Минеральных Вод. Мы оставили Майкоп, взорвали все нефтяные промыслы. Бои идут у Краснодара и северо-восточнее Клетской. Бои у Черкесска и возможное продвижение немцев на Теберду может дать им возможность выйти прямо к Сухуми. Это заставило бы нас сразу отойти от Новороссийска, Геленджика, Туапсе, Сочи, Сухуми (если уже не отошли). Если бы им удалось получить аэродромы в Сухуми, то это сделало бы стоянки нашего флота в Поти и Батуми совершенно невыносимыми.

Аналогичная ситуация может создаваться, если немцам удастся дорваться до Орджоникидзе. При их нахальстве не

исключена возможность, что они через Военно-Грузинскую дорогу попытаются прорваться прямо в Тбилиси, чтобы этим путем сразу разрезать Грузию пополам и быстрее дорваться до Баку и нефти. Конечно, при нормальных соотношениях сил вся эта фантазия была бы невысказанной, но когда ежедневно в сводках читаем про бои «с превосходящими силами противника», когда знаешь об их явном техническом и организационном превосходстве, то фантазия может превратиться в действительность!

17.VIII. В 11 ч. 15' вместо 10 ч. в Саду им. Халтурина открывается 1-я областная конференция в/ч Кировской области. Здание летнего театра не привлекает ни красотой, ни уютом. Открывает заседание Зацепин, заведующий облздравотделом. Точно смотреть на его тупую четырехугольную идиотскую рожу. Трудно было от него, конечно, ожидать вдохновенную ободряющую речь. Да он и не пытался это делать. Прочитал казенные фразы казенной душой. Конфуз получился при выборе президиума. «Кто имеет слово по поводу избрания президиума?» — провозгласил председатель. Никто не откликнулся. Не помогло и повторение вопроса. Тогда председатель должен был себя выдать с головой и беспомощно начал вопрошать, где тов. Кураев. Такого не оказалось в зале. «Николай Павлович», — лепетал председатель... Не помогло. Наконец Кураев, фигура вполне могущая составить пару с Зацепиным, нашелся.

«Имеется соображение, — начал Кураев, — предложить в президиум следующих лиц». Было перечислено

27 человек. Каждой твари по паре! В президиум среди других попал начальник Академии Иванов, я, Лисицын и др. Но Мельникова не избрали. Как после меня уверял Лисицын, фамилия Мельникова была вычеркнута из списка Зацепиным. Так ли это? Не приложил ли к этому делу свою «чистую» лапу сам Лисицын? Когда президиум расселся и наступила тишина, я поднялся и попросил слово и, обращаясь к собравшимся, сказал: «Предлагаю ввести в президиум профессора А.В. Мельникова». Раздались аплодисменты всего зала. Председатель до того растерялся, что даже не поставил вопрос на голосование, сразу пригласил «вычеркнутого Мельникова» в президиум. Оказалось, что Мельникову, хотя он был докладчиком по одному из основных вопросов «Лечение остеомиелитов», не были даже посланы билет и программа.

Можно не любить Мельникова, да его, по правде сказать, трудно и любить, ибо нелегко переваривать его преувеличения, но скинуть его со счетов русских хирургов невозможно. Это, бесспорно, способный человек.

Слезин, который вместо часу говорил 1 ч. 45', сделал, в общем, хороший доклад о работе эвакогоспиталей. Значительно хуже, истерично говорил проф. Лисицын.

На вечернем заседании выступление главных хирургов — гг. Советска, Слободского, Малмыжа и прочих великих городов Кировской области были жалкими и ничтожными. Особенные глупости говорил почтенный старец, главный хирург г. Советска доктор Алексан-

дров. Он ввел новый термин «активная обработка ран», куда вошло 250 с лишком «чистки свищей при остеомиелитах». Ввиду того что на конференцию не прибыл главный хирург г. Малмыжа доктор Грушкин, вместо него выступала какая-то совершенно наглая девчонка со стажем от 0 до году. Она уверяла, что среди других чудес, которые они творят в городе Малмыже, они три раза занимались пластикой сухожилия. Все бывает.

В эти дни и в особенности в это время наши армии откатывались на восток и на юг. Немцы подошли к Минеральным Водам и забрали Майкоп. Один источник нефти, хотя и небогатый, оказался у них в руках. Они тянутся к Грозному и Баку. Настроение было убийственное.

Я сидел с начальником Управления на самодеятельности, которая нисколько не гармонировала с нашим настроением. Я вернулся домой. Нина мне сообщила, что передавали, что Черчилль и Гарриман были в Москве и вели переговоры с тов. Сталиным.

Это чрезвычайно важное событие резко подняло мое настроение. Не знаю, не надуют ли эти бестии на сей раз, но мне кажется, что тов. Сталин хорошо знает об истинном отношении этого «старого боевого коня», и много вероятно, что вопросы были поставлены ребром. Нам, кажется, дальше идти некуда. Лишение бензина и нефти может привести нашу страну к катастрофе. Это понимают даже шоферы! Поэтому если англичане или американцы действительно хотят открыть второй фронт, то это следует сделать незамедлительно.

18.VIII. С утра заседание конференции открылось в зале им. Герцена. Я председательствовал почти целый день и неплохо. Стояли важные вопросы о вторичном кровотоке, хроническом остеомиелите и лечении переломов бедра.

В общем, день прошел хорошо.

Вечером у нас были начальник РЭП-95 (Вологда) Семен Григорьевич Сиверс (бриг. врач) и проф. Дмитрий Герасимович Рохлин.

19.VIII. Утром прекрасный доклад сделал Рохлин. Доклад проф. Нисневича об инородных телах был малоинтересен. После его доклада я показал раненого Зигфранова с «мигрирующей ружейной пулей в легочной ткани». Я ему удалил пулю. Этот канал пьянствует в госпитале. По сути дела, его следовало бы выписать. Но он уверяет, что его не выпишут, что бы он ни сделал, так как «он нужен науке». Демонстрация имела большой успех.

Четкий доклад сделала Кузнецова о лечении раненных в грудную клетку. О лечении эмпием докладывал Симментшейн.

Скундина повторила весь свой доклад по переливанию крови. После докладов по оториноларингологии я показывал больного с ринопластикой. Говорил о способе Blair'a.

Когда я вечером вернулся домой, то со мной пошел начальник МЭПа Гамбург, который вел со мной переговоры относительно устройства госпиталя для англичан. По-видимому, они где-либо должны появиться, иначе не стоило устраивать для их раненных госпиталя.

Дома Нина сообщила радостную весть, что англичане высадились на юге Франции. Это обстоятельство меня

очень приободрило. Как впоследствии оказалось, дело шло о рейде англичан на Диепп, где они даже по официальным данным потеряли 95 самолетов и после 9-часового пребывания на берегу ушли. Конечно, не по доброй воле.

20.VIII. Утром сидел дома: закончил для Юдина работу «Миграция ружейной пули в легочной ткани». На вечернем заседании я выступал по поводу доклада Мясникова. В общем, я выступал на конференции восемь раз. По просьбе Слезина и Зацепина при закрытии конференции я сделал резюме всей проделанной работы. Говорил час.

21.VIII. Оперировал с утра для врачей, участников конференции: зоб, грыжи, пересадка кожи.

22.VIII. Оперировал в э/г. 4017 с утра до позднего вечера; вернулся домой в 7 часов вечера. Из 5 раненых — 4 с инородными телами грудной полости, один с ущемленной диафрагмальной грыжей. Большой через 36 часов умер.

23.VIII. Сажу дома. Пишу отчет для МСУ.

24.VIII. Оперировал в э/г. 4017. 4 раненных. Одна операция — удаление инородного тела из легочной ткани у корня легкого — продолжалась 2 ч. 20'. Изрезал себе пальцы об ребра между позвоночником и лопаткой.

С утра собирался быть в ВММА и около 12 ч. дня начать операции в Морском госпитале. Но около 10 ч. пришел проф. Мельников и сообщил, что мы должны лететь в Москву на пленум Ученого медицинского совета при начальнике Главного военно-санитарного управления Красной Армии.

К 14 часам мы были готовы. В 14 ч. 15' мы были на аэродроме вместе с генерал-лейтенантом Воробьевым, зам. наркома ВМФ. Мы сразу вылетели на очень комфортабельном «Дугласе»; кроме меня полетели проф. Мельников, Мясников и Лисицын. От Кирова до Ярославля мы летели 2 ч. 45'. Изумительно красивая картина — бесконечные поля, хлеба, луга, лес, извилистые реки. Летели на небольшой высоте 200–400–900 метров. Летели совершенно спокойно. Только один раз попали в какую-то яму, и здорово трягнуло. В Ярославле сели совершенно спокойно. Воробьев остался с ген.-майором Лебедевым в Ярославле и приказал командиру корабля, чтобы тот отвез нас в Москву и вернулся за ним.

Мы поднялись в воздух в 6 ч. и опустились в аэропорту в 7 ч. 15'. Летели на высоте 200 метров, изумительно спокойно. Можно было подумать, что едем на шикарном быстроходном «Линкольне». Затем все пошло по-московски. Приехали в гостиницу «Националь». Несмотря на всю добрую волю администраторши, она нам комнату не могла найти. Я позвонил Гирголаву; он мне сообщил, что для меня имеется комната в гостинице «Москва», но ее нужно получить через коменданта.

Синенко (начальник госпиталя) нам прислал грузовик, и мы поехали к коменданту, у которого зарегистрировались, но никакой комнаты в гост. «Москва», конечно, не оказалось. Мы поехали в ЦДК, где я с Мельниковым получили номер, который по иронии именовался «люкс».

26.VIII. С утра мы поехали в МСУ, где просидели почти до обеда. Сидели у

Андреева я, Мельников, Лисицын и Мясников. Между прочим, Андреев спросил Лисицына: «Говорил ли с Вами начальник Академии?» Лисицын ответил, что не говорил. Андреев выразил удивление. Он сказал Лисицыну, что он «назначается на Балтийский флот хирургом и хотел бы знать на этот счет его мнение». Лисицын ответил, что он готов, но он хотел бы выяснить некоторые вопросы. Во-первых, чтобы его семью не выбрасывали, когда он уедет; во-вторых, он хотел бы, чтобы мобилизовали его дочь, которая работает у Мельникова. Самое же главное, он хотел бы упрочить свое положение в Академии.

В настоящее время он исполняет обязанности профессора клиники госпитальной хирургии, и он хотел бы знать, каковы его шансы. Видя, что это не встречает ни с чьей стороны восторженной поддержки, он разволновался, у него появились слезы на глазах, и он сказал, что из него делают затычку. Когда нужно назначить его на должность главного хирурга, его признают хирургом, когда нужно послать его на Балтику, его признают хирургом, а когда нужно назначить на хирургическую кафедру, то он не хирург. И прежде, когда я говорил с Юстином Юлиановичем по поводу третьего курса, то он не соглашался. Поскольку было названо мое имя, то я счел необходимым вмешаться. Я сказал, что я и в настоящее время повторяю, что проф. Лисицын теоретической хирургии не знает и он достаточно немолод, чтобы он успел ее выучить. Что касается госпитальной хирургии, то я полагаю объявить на нее конкурс. При этом я

добавил, что, насколько мне передавали, на эту кафедру претендует Н.Н. Петров, и если это так, то каждому понятно, что он ее получит. Лисицын на эти доводы возразил, что «он прекрасно все понимает, что как проводится конкурс, он знает, когда хотят, то обходятся и без конкурса». На этом разговор оборвался, и впоследствии Андреев мне сказал, что поскольку Лисицын не возражает, то он его назначит на Балтику.

В 18 часов мы были в Лефортово. Много хирургов фронтов, армии, и невольно спрашиваешь себя, время ли им сейчас быть здесь. Я лично полагаю, что нет. Среди хирургов Бурденко, Левит, Юдин, Шамов, Куприянов, Еланский, Аничков, Савицкий и мн. др.

Доклад Е.И. Смирнова продолжался 2 часа⁶. Он был составлен в очень оптимистических выражениях. Он считает, что наша армия в скором времени перейдет в наступление, и, естественно, что у нас будет много раненых.

Второй доклад Бурденко «Ранения периферической нервной системы». На кафедре появился Бурденко. Ему очень много аплодировали. Когда аплодисменты стихли, то Бурденко начал с трудом говорить. Но это было по крайней мере не больше трех минут, кто-то сказал, что за Бурденко его доклад будет читать какой-то из его учеников. Какой-то пономарь что-то болтал час. Мало кто что-либо понял.

27.VIII. Потерянный день!! Целый день молили по поводу шока, ничего нового, ничего дельного, ничего путного.

Единственное новое, сообщенное одним из докладчиков, заключалось в общении, что шоковые больные не любят спирта, они если и берут его в рот, то выплевывают.

Мы не пошли на вечернее заседание, на котором дебатировался вопрос о повреждении периферической нервной системы. Мы предпочли посмотреть в кино приезд Черчилля в Москву. Очень интересно. Не скажешь, какую гадость они собираются нам устроить.

28.VIII. Утреннее заседание началось с прений по периферической нервной системе. Хорошо и умно выступали Дойников и Давиденков.

Доклады по повреждению кисти были основательны, но касались преимущественно костяка и суставов; почти никто не говорил о повреждении мягких тканей. Я выступил по этому поводу. Прекрасный доклад сделал Куприянов «О влиянии нарушения общего питания на течение ранений».

Вечером я делал доклад в МСУ; присутствовало около 40 человек. Я говорил об обследовании лечебных учреждений Черноморского флота Каспийской флотилии.

29.VIII. Продолжаются прения по докладам о нарушении питания.

30.VIII. Мы приехали к 12 часам. Были зачитаны резолюции по всем разделам — шок, периф. нервная система, кисть, нарушение питания.

Заключительное слово С.С. Гирголава было бледным. Умно говорили главный терапевт Вовси и сам Смирнов.

⁶ Итоги годовой работы и дальнейшие задачи санитарной службы Красной Армии в Великую Отечественную войну.

Окончили заседание около 16 часов. Смирнов пригласил хирургическую верхушку на обед в Архангельское. Поехали на двух машинах. Приглашенными оказались: академики Аничков и Орбели, Гирголав, Анутин, Куприянов, Левит, Вишневецкий (сын), Шевкуненко и я.

Прекрасный обед сопровождался живым обменом мнений. Все в один голос ругали Лисицына. Вернулись домой в 21 ч.

31.VIII. Утро прошло бесплодно. Выехали в Киров в 15 ч. 50'. Я еду в купе вместе с бригадным комиссаром Демидовым, в другом купе — Андреев с женой и Циолкович.

1.IX. Прекрасный день. Нежные осенние краски. В час 30' прибываем в Киров. Начальник Академии и комиссар встречают начальство.

2.IX. Отдыхаю. Начальство приступило к ревизии.

3.IX. Печатаю и заканчиваю отчет по поездке на Кавказ.

4.IX. Оперирую целый день в госпитале 4017.

5.IX. Оперировал в Морском госпитале в присутствии Андреева, Мельникова, Пиетта, Фирсова, Сульповара.

6.IX. Утром оперировал в госпитале 4017.

Вечером в ВММА для профессорско-преподавательского состава был устроен ужин. Я ехал на ужин вместе с Андреевым и Демидовым.

Андреев спросил меня, не соглашусь ли я взять госпитальную хирургическую клинику? Я ответил, что только временно, пока не наладится жизнь в моей клинике.

На ужине присутствовало около 60 человек. Первую речь произнес Демидов, говорил о непорядках, которые обнаружены в Академии, об отсутствии тесного контакта между командованием и профессурой, о плохой политработе и призывал к дружной работе. Следующим говорил Быков, он, конечно, не коснулся наболевших вопросов, что-то нес по поводу исторического прошлого русского народа, об Академии ни слова!! Затем говорил я. Говорил об язвах, которые разъедают Академию.

Пили за здоровье и Андреева, и начальника Академии, и комиссара. Вдруг встает Галкин, пьет за мое здоровье и провозглашает, что я все время являюсь для Академии ангелом-хранителем. Так как в настоящее время имеется свободная кафедра госпитальной хирургической клиники, то он считает естественным, чтобы ее мне предложили, чтобы тут же меня избирали. Со всех сторон раздаются аплодисменты. Я встал и сказал, что я никому не обещал, что согласен взять госпитальную клинику. Всегда, когда Академии нужна была моя помощь, я всегда на это шел. Согласен взять руководство госпитальной клиникой, но временно. На этом я просил снять с очереди этот вопрос. Как полагается, чем дальше подвигался ужин, тем меньше слушали ораторов. Ужин окончился в 21 ч.

После ужина у меня собрались пить чай — Андреев с женой, Демидов, начальник Академии Иванов. История с пирожками. Сидели до 2 часов ночи.

7.IX. С утра оперировал в госпитале 4017. Среди других раненых я оперировал одного раненого, у которого пуля попала в *fassa supraspinata* слева, прошла через все тело и засела впереди подвздошно-крестцового сочленения слева. Я решил идти чрезбрюшинно из-за очень глубокого положения пули. Нащупать пулю удалось сравнительно легко. Она лежала впереди сустава и позади сосудов. Долго я старался высвободить ее, все время велика опасность ранения сосудов. Чтобы улучшить доступ, я добавил поперечный разрез брюшной стенки. После этого мне удалось осторожно подойти сзади и снаружи сделать надрез и вытащить пулю без всякого повреждения сосудов. Из ложа пули вылилась мутная жижица в небольшом количестве. Я тщательно зашил брюшину сзади и наглухо зашил брюшную полость.

Вечером было заседание ВММА начальства с профессорско-преподавательским составом. Говорили Демидов, Блаунштейн, Фирсов, я и Андреев. Все мы говорили нудно и, по-моему, неудачно.

8.IX. День прошел бестолково и бесполезно. Вечером состоялось заседание для выработки программы и срока созыва следующего созыва. Председателем оргкомитета назначен я, моим замом Мельников — секретари Галкин и Фирсов.

После этого у меня собрались профессор Вайль, Мясников, Мельников, Пономарев, Зедгенидзе. Обсуждаем вопрос об монографии по остеомиелиту. Не знаю, что из этого выйдет, уж слишком разномастная публика.

9.IX. С утра поехал в госпиталь 4017. Все оперированные в хорошем состоянии, за исключением раненого, у которого я удалил пулю (7.IX.) из малого таза. Налицо явление двухсторонней пневмонии и раздражения брюшины. Больной с колоссальным трудом дает промыть желудок. Во время резкого натуживания в верхней части разошлись швы и произошла эвентрация. При этом из брюшной полости вылилось немного кровянистой мутной жижицы. Я взял больного в операционную, выправил кишки, положил тампон и швы. По-моему, больной погибает. Может быть, было бы правильнее идти вообще внебрюшинно, или после того как я обнаружил в ложе пули мутную жидкость, то тампонировать тем или иным путем.

В 13 часов — Андреев, Демидов, Иванов, я, Мясников, Сульповар и Пиетте слушали сообщение Галкина о состоянии конкурсных дел на кафедрах хирургии и терапии. Из многих подавших на конкурс решили выбирать на кафедру общей хирургии — Самарина. Если окажется невозможным его взять, то продолжить конкурс. На терапию на 3-й курс — Молчанова, на госпитальную — Щукарева.

В 15 часов я, Демидов, Мясников и Зедгенидзе вечером на Котлас. Оттуда по Северной Двине мы должны спуститься до Архангельска. Дальнейший маршрут Мурманск — Полярное — Архангельск — Москва; мечта Москва — Ленинград.

Прекрасный осенний день. Масса золотых и красных листьев в лесу. В вагоне никакого освещения.

10.IX. 7 ч. 40' прибыли в Котлас. Несколько жалких, грязных улиц. Сидим на

речном вокзале. Дождь. На вокзале — тяжелый воздух. Должны сидеть до 22 часов, когда должен отойти пароход. Справа и слева от пристани прекрасный, чистый сад. Теплый, даже жаркий день. После обеда греет солнце. С удовольствием греюсь и загораю на солнце. Надпись «Контора связи» не дает возможности отправить телеграмму. Контора целый день безнадежно закрыта. На почте нет телеграфных бланков, вместо них дают обрезки использованной бумаги. Парикмахерская полна девочками 14–18 лет, ученицами. Входящих громко спрашивают, кто желает бриться у учениц; находится довольно много храбрецов. Меня бреет девочка лет 18, которая вчера еще, наверное, числилась в ученицах. Делает она это хорошо, серьезно, и слушает все мои указания; даже применяет горячий компресс на лицо. Одним словом, все как у людей!

Послал Нине срочную телеграмму.

Пароходы носят название поэтов. Тут и «Гоголь», и «Пушкин», и даже «В. Гюго». Наш «Добролюбов» прибыл в 17 часов, и мы получили разрешение сразу на него забраться. У меня с Георгием Аркадиевичем прекрасная, чистая каюта. Пароход, в отличие от едущих на нем, производит чистое впечатление.

11.IX. Прекрасно выпались. Чудесный солнечный, достаточно теплый день. Северная Двина и по всему виду, и по ширине напоминает Волгу. Невысокие леса по берегам, масса деревень с большими церквями, на которых сохранились кресты. Огромные запасы дров, берега сплошь усеяны пльвунами.

Наш теплоход удивительно нежно плывет по реке; почти не ощущается

движение. Из окна постоянно меняющаяся панорама. Удобно сидеть, читать и писать. Читаю «Военно-полевую хирургию» Куприянова и Банайтиса. Скучная, неяркая книга!! На мой вопрос, почему все пароходы на Северной Двине колесные, а не винтовые, капитан мне объяснил, что Северная Двина мелководна и по ней могут плавать только плоскодонки. Сегодня, например, у нашего теплохода, на котором 60 тонн груза и 300 пассажиров, осадка 1 м 10 см, и больше нельзя, даже местами только 80 см. Названия пристаней сняты, все заменены номерами. Так, напр., Котлас — № 2942.

15 ч. Подошли к пристани Верхняя Тойма. Много груза, много пассажиров. Розовые, румяные лица; отечных и худых не видно.

18 ч. Часами сижу на верхней палубе. Не оторвать глаз от беспредельной дали, красивых, нежных красок. Много деревень. Довольно оживленное движение судов вниз и вверх. Берега реки сплошь усеяны бревнами — сколько дров. Хотя бы немного Ленинграду!

12.IX. Всю ночь барабанил дождь. Серое, свинцовое небо. Река стала значительно шире и, по-видимому, глубже. Несмотря на значительную ширину, местами для судов имеются только незначительной ширины проходы, отмеченные вехами. Ветер с моря, что сильно мешает движению корабля. На восточном берегу, достигая местами высоты 30–40 метров, тянутся красивые залежи алебаstra. Берега усеяны бесчисленным количеством бревен.

15 ч. 30' — ливень. Уже второй день ничего не знаем с фронта. Последнее,

что мы слышали 10.IX., сидя на пристани Котлас, это было сообщение, что немцы ворвались в Новороссийск.

Масса отмелей. Глубокая часть реки относит то к правому, то к левому берегу реки, ввиду чего пароход все время идет зигзагами.

Довольно часто попадаются деревни, состоящие из 20–30 двухэтажных домов; все они расположены кучками. Вокруг дома 1–2 дерева, не видно огорода.

Вчера вечером на пароходе подтапливали. Топят и сегодня. Говорят, что мы ночью 2 часа сидели на мели. Часть пассажиров разбудили и перевели на другую часть корабля.

14 часов. Выглянуло солнце. Сижу в салоне на носу корабля, любуюсь бесконечно меняющейся красивой панорамой. Прошли пристань Сия, от Котласа 453 километра, до Архангельска 178 км. Мы шли со скоростью 13 км в час. Если будем и дальше так идти, то в Архангельск должны прийти ночью; но ночью Архангельск не принимает, будем завтра утром.

13.IX. В 8 ч. утра наш пароход пришвартовался к архангельской пристани. Нас встречают Арапов, начальник госпиталя — Шпикин Анатолий Алексеевич, военком, начальник Санотдела — Любарский и Файншмидт. Всю ночь шел дождь. Серое свинцовое небо. Широкая река с мутно-грязной водой. Плоты, плоты, бревна, бревна, всюду такое количество леса, равного которому никогда и нигде не видал. Видны отдельные острова с лесопильными заводами. Справа от пристани видны стены сгоревшего Лесотехнического институ-

та (АЛТИ), от которого остались только стены. Говорят, что 24.VIII в него попали фугасная и зажигательная бомбы.

Едем по единой главной улице города. Массы деревянных одноэтажных домов, редко каменные здания.

Послал Нине срочную телеграмму.

Переезжаем через длинный деревянный мост, едем на остров с оригинальным названием — Соломбала.

Чистенький госпиталь. После чая вместе с главным врачом госпиталя Яковом Савельевичем Кменицким и Араповым изучаю операционный журнал.

После обеда с бригадным комиссаром поехали к командующему Архангельской флотилией вице-адмиралу Степанову, у которого просидели больше двух часов.

14.IX. С утра вместе с Араповым, бригадным комиссаром, Георгием Аркадиевичем, Мясниковым и врачами госпиталя осматриваем больных хирургического отделения. Кадры оставляют желать лучшего. Окончательную характеристику врачей дам после.

Вечером присутствовал на операции по поводу острого аппендицита, оперировала Арапова.

В 21 ч. Арапов заявил, что мы летим завтра утром. Нужно встать в 5 ч. утра, выехать на катере, чтобы попасть к 8 часам на аэродром.

Предполагаемый план: после прилета в Ваенгу:

15-го осмотр английского лазарета и нашего лазарета в Грязном. Вечером переход в Тюва губа, и там ночуем.

16-го утром переходим в Полярное, а вечером на Рыбачий.

17-го днем в Рыбачьем, вечером уходим обратно в Полярное. Живем в Доме отдыха и ждем отлета.

Мы переживаем отчаянный момент. 11-го оставили Новороссийск. У Сталинграда тяжчайшие бои. Союзники разговаривают, но больше ничего не делают. Англичане уже выиграли большое сражение в тот момент, когда столкнули друг с другом два ненавистных им режима!!

15.IX. Проснулся в 4 ч. утра; читал до 4^{1/2}, когда разбудил своих товарищей. Поехали на пристань и в 5 ч. 30' сели на катер Ш-5. Дивное утро; радуга. Изумительные краски. Местами С. Двина имеет ширину до трех километров и производит грандиозное впечатление. Город окутан дымкой и производит значительно лучшее впечатление, чем он есть на самом деле. Первые заморозки, деревянные помосты покрыты льдом.

В 7 ч. 30' мы подошли к острову Ягодник, который лежит в 37 километрах к югу от Архангельска. Трудно сказать, почему остров носит столь образное название, в то время как известно, что на нем не растет ни одной ягодки. С правой стороны мы оставляем огромный Архбумстрой, построенный руками заключенных. Этот комбинат перерабатывает в год 15 миллионов кубометров древесины. В настоящее время вместо бумаги комбинат выделяет клетчатку для пороха, спирт, канифоль и другие продукты, получаемые из дерева.

Огромный аэродром с ровной поверхностью, покрытый зеленой травой. Масса

военных и гражданских самолетов. Среди них нам показали три «Дугласа» и сказали, что один из них нас отвезет в Ваенгу. Мы в восторге, так как «Дугласы» среди всех современных самолетов являются одними из наиболее комфортабельных. Бродим, ожидаем «гарантии» в пути. Затем один из «Дугласов» улетает в Казань, другой должен лететь в Москву; остается последняя надежда наша — третий «Дуглас». Появляется комиссар автобазы, некий Труфанов. Он со мной здоровается, как со старым знакомым. Оказывается, что я его когда-то консультировал в клинике Ланга, он работник Ленинградского Совета. Между прочим, он сообщает, что во время бомбардировки был убит Решкин, заместитель Попкова.

Идут какие-то переговоры, кто-то желает, чтобы самолет шел на Ваенгу, но другой не желает. Переговоры продолжатся до 10 часов утра, когда окончательно выясняется, что «Дуглас» сегодня в Ваенгу не пойдет. Катеру, который нас привез, мы приказали ждать нас, пока мы не поднимемся в воздух. Капитан, увидя, что мы «поднялись в воздух», т. е. увидя уходящий в Казань «Дуглас», взял да и уехал обратно в Архангельск. Итак, мы без самолета и без катера! По видимому, руководителям сего образцово налаженного учреждения стало неловко, и они нам дали поесть — кашу с кусками мяса и чай.

Кажется, все было договорено: и час, когда вылетаем, и погода выдалась прекрасная, но... как всегда, у нас неразбериха, которая в последний момент что-то должна перепутать. Вспомнился мне аэродром в Ленинграде 13 октября

1941... Тот же стиль, та же грязь, те же порядки. Кажется, достаточно пролили крови, но выучились пока мало!

Я настолько был уверен, что сегодня летим, что послал Нине срочную телеграмму, что сегодня вылетаем дальше. По-видимому, при наших порядках этого делать нельзя!

Арапов, который производит чарующее впечатление, рассказал довольно много печального про сына Юдина. Он пьет, в пьяном виде растерял секретную почту, его посадили в тюрьму и собирались отдать под суд. Арапов его выручил. После он его устроил на аэродром, где он обучается летному делу; сам уже летает. Он пришел к нам на аэродром. Упитан, одет, как мастеровой. Было бы хорошо, если бы из него хоть вышел летчик.

В 11 часов мы выехали обратно на их катере. День холодный, довольно большая волна на Двине сильно заливаает, и мы здорово продрогли и вымокли. Приехали домой в 13 часов. Прекрасный вечер. Арапов сказал, что в такой вечер могут прилететь немцы.

20 ч. 45' — *воздушная тревога*, гудят сирены кораблей, заводов, довольно неубедительно диктор по радио возвещает о воздушной тревоге.

Каждый вечер на $1\frac{1}{2}$ –2 часа тухнет электричество. Говорят, что это зависит от нехватки дров. И это при условии, что ежегодно С. Двина уносит из Архангельска десятки тысяч бревен; этих уносимых рекой бревен настолько много, что шведы и норвежцы создали целые заводы, которые перерабатывают бревна бесплатно, вылавливаемые в море. Если бы я сам не слышал многократно, что это

факты, то можно было бы подумать, что это поклеп на нашу страну или анекдот, к сожалению, — это факт.

16.IX. Проснулся рано, читаю «Крымскую войну» Тарле, книга написана настолько хорошо, что невозможно оторваться.

В 9 часов назначена операция и несколько гипсовых повязок, чтобы исправить плохо стоящие переломы. Сделал пересадку кожи по поводу длительно не заживающей язвы. От исправления плохо стоящих переломов должен был отказаться из-за отсутствия хорошего гипса.

Мы не уехали, потому что пришлось бы ехать с пересадкой, но на это мы не согласились. Обещают билеты на завтра. Вечером в Здании флота было собрание врачей Беломорской флотилии, на котором о вынесенных нами впечатлениях делали доклады — Кранцберг (идиот!!), Малахов, Мясников, Зедгенидзе, я и Демидов.

17.IX. Утреннее сообщение — малоутешительно, я бы сказал, катастрофично. Немцы ворвались в северо-восточную часть Сталинграда. Обычно такие сообщения предшествуют оповещению о сдаче города. Кроме гибели огромных ценностей, после взятия города у немцев освободятся огромные силы, часть этих войск ринется на Кавказ, а другая попытается подняться вверх по Волге и обойти Москву с востока.

Наконец у нас билеты на руках. Мы сегодня выезжаем и, как написано на билетах, в мягком вагоне. Мы утешаем себя мыслью, что в крайнем случае поедем в купированном жестком вагоне. Нас девять человек.

В 14 ч. 30' садимся на катер, переезжаем широкую Двину, на что уходит 40'. Мы у паршивого архангельского вокзала, вместо мягкого вагона — жесткий, открытый. Мы утешаем себя мыслью, что в Обозерске пересядем в мягкий вагон. Через 4 часа мы в Обозерске. Начальник станции нам обещает, что всегда бывает 8–10 свободных мест в мягком вагоне. Однако когда в 21 ч. 15' подошел поезд, в нем не оказалось ни одного свободного места в мягком вагоне. С грехом пополам устроились на наших жестких местах. Проводник сжалился над нами и дал матрацы без простыней.

Послал Нине срочную телеграмму.

18.IX. Идем целый день по тундре, болотам. Местами видны заключенные на различных работах. На ст. Сумпосад узнали, что бои идут на улицах Сталинграда.

Вечером, к счастью, перебрались в мягкий вагон и вздохнули свободно.

19.IX. Выспался прекрасно. За Полярным кругом выпал первый снег. На многих станциях следы налетов, разрушенные здания, сгоревшие дотла дома, ямы от бомб. Около Кандалакши горы покрыты сплошным снегом. В Кандалакше справлялся насчет Парго. Из ГАПА ответили, что таковая не работает.

Замечательная раскраска леса: зеленый, желтый и красные цвета. Красивая река Нива.

С идущего из Мурманска поезда сообщили, что позавчера немцы жестоко бомбардировали Мурманск; были убитые среди поездной бригады. В вагоне собачий холод.

В 18 ч. 40' приехали в Мурманск. Нас ждали. Поехали на почту, послал Нине срочную.

Город ужасающе разрушен бомбардировками и пожарами. Говорят, по степени разрушения занимает первое место среди всех городов Европы. Бомбят почти каждый день. Неизвестно, прилетят ли сегодня?

После ужина вместе с Араповым и Георгием Аркадиевичем пошли спать на квартиру Толкачева.

Квартира без окон, забитых кое-как фанерой. Берем ванну. Прекрасно. Под утро собачий холод.

20.IX. Ночь прошла совершенно спокойно. Выпал снег. После завтрака поехали осматривать госпиталь в Грязном. Картина одна и та же. Попросил переписать операционный журнал, я не видел ничего более безграмотного. Я просил журнал переслать как образец в МСУ.

Вечером, после обеда, переехали в Ваенгу; живем в квартире начсанотдела Толкачева.

21.IX. Ночь прошла спокойно. Серый, холодный день.

Мурманск производит ужасающее впечатление. Фактически $\frac{3}{4}$ города исчезло. За 3 часа сгорело 475 домов, от которых торчат только голые трубы.

В Санотделе организация, чтобы не сказать больше, оставляет желать лучшего. Бестолочь, суета!!

В 10 ч. 10' выходим на паршивом корабле из Ваенги в Полярное. Федор Иванович сообщил мне, что по Северному пути по направлению к Архангельску и Мурманску идут корабли нашего ТОФ'а. Немцы это знают и караулят на острове

Диксон и на Новой Земле.

Переброска нашего Тихоокеанского флота еще больше убеждает меня в том, что мы с Японией драться не будем.

Едва ли когда-либо у их союзников немцев будет более напряженное положение, чем в эти дни, в боях за Сталинград. И если тем не менее сейчас японцы их не поддерживают, то едва ли впоследствии они за немцев захотят таскать каштаны из огня.

В 11 ч. 30' прибыли в Полярное. В пути небольшая качка. Холодно, идет дождь. Суровые скалы, серое небо. Госпиталь расположен в бывших казармах, и требовать особого уюта не приходится.

В 13 часов нас (Демидова, Кудинова, меня и комиссара Санотдела) принял командующий Северным флотом вице-адмирал Головкин. Он производит исключительно приятное впечатление простого, культурного человека. Он пригласил нас обедать.

В 15 часов в присутствии Кудинова, Демидова, Арапова, врачей и слушателей КУМС'а я начал обход госпиталя.

Дежурный врач, молодой *стоматолог*, малограмотный, у которого спирт хранится в ящике под замком. Едва ли такой юнец справится со своей работой в момент действительной нужды. Везде достаточно грязно, паутина.

Больные с повреждениями глаз лежат попеременно с заболеваниями ушей и огнестрельными ранениями конечностей. Гипсовая повязка при повреждении в области лучезапястного сустава лежит в максимальной флексии. О повреждениях нервов не думают.

В 17 часов вместо Яуре (Георгий Георгиевич) вел разбор больных и раненых со слушателями КУМС'а (Курсы усовершенствования медицинского состава).

Знают мало. Во время занятий на мой вопрос, почему оперируют «больных» со здоровым червеобразным отростком, начальник КУМС'а Павленко мне ответил, что тут принимались в соображение цели преподавания. Я разъяснил этому, по-видимому, недалёковидному человеку, что таких целей не знаю и знать не желаю! Молодежь следует воспитывать клинически, технически и морально. При установках Павленко едва ли придется говорить о морали!!

22.IX. Ночь прошла спокойно. Спал в комнате хирурга флота Арапова.

В 10 ч. утра начал обход отделения. Мало радостного можно видеть в отделении. Врачи жутко безграмотны. Например, при закрытом переломе предплечья больного держат без вправления три дня. Никакого представления не имеют ни о вытяжении, ни о противовытяжении, об иннервации кисти. О функциях *p. ulnaris* на кисти не знает не только врач (кстати, терапевт), но и начальник КУМС'а Павленко. При артрите коленного сустава не фиксирована правильно нога, гипс кончается ниже коленного сустава, и это в отделении Яуре. Последний производит впечатление мямли. По моему глубокому убеждению, он не только не годится заместителем хирурга флота, но едва ли пригоден на должность старшего хирурга госпиталя. Дай бог, чтобы он мог тянуть должность начмеда. Истории болезни в обычном стиле.

Разнообразный и достаточно богатый материал остается совершенно не

разобраным. Диагнозы нередко неправильны.

Осматривали подземный госпиталь, устроенный под скалой. Высота скалы 30 метров над госпиталем. Большой зал 120 кв. метров и остальные службы 80 кв. метров. Госпиталь рассчитан на 300 коек, устроенных в 2 яруса. Защита раненых абсолютная, какие бы ни бросали бомбы.

После обеда обход продолжался. В 17 часов обследовали Санотдел подплава — врачи Гусинский и Лапшинский. Санотдел, лазарет и амбулатория в прекрасном состоянии, чисто, уютно.

Следовало бы обоим врачей предстать к награде.

Осматривал подводную лодку «Малютку», командир Герой Советского Союза Старков. «Малютка» потопила две подводные лодки и десять транспортов!!

Две воздушные тревоги в 13 и 16 часов; не бомбили.

Ужинали у командующего подводными лодками. После ужина отправились в Дом флота, где смотрели несколько глупых английских кинокартин. Дом устроен культурно, чисто.

23.IX. С утра поехали в Тува Губа, где осматривали госпиталь N. Начальник госпиталя в/вр. 1 р. Быстров (Николай Иванович), начальник хир. отделения Дубченко. Этот Мурманский госпиталь в настоящее время находится почти в консервации. Он лежит не на путях следования раненых. Прием и эвакуация раненых затруднена.

В настоящее время там <нрзб.> лежит легкораненых. Но и среди этого

числа мы нашли трех раненых, которых давным-давно можно было бы вылечить: остеомиелит patellae, медленно заживающие раневые поверхности. С другой стороны, встретили раненого, которого собирались направить в часть, с гранулирующей поверхностью предплечья, расположенной среди рубцов. Мы предложили раненого оставить и долечить.

В настоящее время здание Мурманского госпиталя в Мурманске ремонтируется, и туда должен быть направлен немедленно госпиталь, как только воздушная бомбардировка сделает это возможным.

Пообедали в госпитале. Ливень, чертовски промокли и на катере в 16 часов вернулись в Полярное.

В 17 часов собрали врачей, обучающихся на КУМС'е; их набралось около 18 человек. Напрасно председательствовавший Кудинов старался выудить у них, что им не хватает, какие изменения следовало бы внести в курсы. Только после долгих уговариваний мало-помалу выявилась неприглядная картина. Первое, о чем заговорили врачи, это о бытовых условиях: их поместили в неотапливаемое помещение, где они мерзнут и где ни о каких занятиях не может быть речи. Нет ни клочка бумаги, на которой они могли бы писать и конспектировать. Совершенно отсутствуют учебники и атласы по анатомии. Целый месяц им читают лекции по всяким чертовщинам, но еще ни одной лекции не было прочитано по военно-полевой хирургии.

Павленко пробовал было заговорить о ненормальном состоянии начальника

курсов в госпитале. По его затаенной мечте он должен быть главным хирургом госпиталя и распоряжаться всем материалом.

Я отчитал как начальника Санотдела Толкачева, так и начальника курсов Павленко за непонимание значения КУМС'ов, за совершенно недопустимое и невнимательное отношение к нуждам и бытовым условиям курсантов.

Я сделал предложение, что КУМС должен считаться филиалом КУМС'а ВММА и руководиться в значительной степени Академией, пополняться преподавательским составом из Академии. Следует обязать Академию снабжать выпускаемой литературой в первую голову КУМС.

По окончании заседания я вызвал начальника Павленко и разъяснил ему, чтобы он понял, что его дутой славе «великого хирурга» пришел конец. Как я лично мог убедиться, он имеет ничтожные познания, что во всех своих деяниях он безоговорочно должен подчиняться хирургу флота. Он обязан немедленно взять палату и там показать образцовую работу. Пора ему перестать снабжать безграмотных корреспондентов материалом, который, к нашему стыду, появляется в газетах. Если на все это он не согласен, то мы найдем ему место в другом месте. При этих разговорах присутствовали Кудинов, Толкачев, Арапов, начальник госпиталя и другие.

В 19 часов 30' собрали врачей ВМГ Полярного и Мурманского госпиталя, чтобы поделиться с ними о вынесенных нами впечатлениях. Докладывали Мясников, Зедгенидзе, я, Демидов и Кудинов. Пред-

седательствовал Толкачев. Нерадостны были наши выводы (см. отчет).

Наши выводы, по-видимому, были настолько нерадостные, что после заседания Толкачев сказал, что он сам поселится в госпитале дней на 20, чтобы привести его в порядок. Арапов сказал мне, что он не поедет в Архангельск, пока не приведет в порядок госпиталь в Полярном. Вечером я с ним обсуждал расстановку хирургических сил.

24.IX. Ночь прошла совершенно спокойно.

Отправил телеграмму Нине и в гостиницу «Националь».

Часть нашей комиссии ушла в Ваенгу обследовать Санотдел. Они, возможно, вернуться завтра утром. Днем мы должны сделать доклад в Военном совете, а вечером, в 0.30', предполагаем выехать в Москву, куда должны прибыть 29-го.

Сталинград отбивается, но надолго ли. Немцы, невзирая на жертвы, стремятся его взять. А наши «союзники», как вчера передавали, предлагают нам открыть второй фронт против японцев. Это им, конечно, будет стоить недорого. Надеюсь, у нас хватит разума не следовать их пожеланиям!

Война начинает принимать хронический характер. Силы противников уравновесились, принимая во внимание, что силы наших союзников пока остаются для нас неощутимыми.

С утра и после обеда обход раненых с врачами. Много тяжелых. Поражает малая осведомленность даже по элементарным вопросам. Так, двум раненым с кровохарканием разрешают ходить.

После обеда осматривал пункт переливания крови, начальник в/вр. 3 ранга

Фомочкин (Сергей Николаевич). Несколько чистых, бедно обставленных комнат.

25.IX. Серый день. Утром вернулись из Ваенги Кудинов и Деминов.

В 12 ч. 30' пошли в Военный совет СФ. Нас приняли командующий Головки и член Военного совета Николаев. Были Кудинов, я, Демидов, Толкачев и Арапов. Первым докладывал я, за мной Демидов и Кудинов. Несмотря на смягченные тона, картина для Санитарного отдела СФ получилась довольно грустная. Нельзя скрыть было и антисанитарное состояние госпиталя в Полярном, и безобразное ведение истории болезни и операционного журнала. Бездушное отношение к врачам КУМС'а, недооценка роли КУМС'а.

О главном хирурге СФ у меня сложилось впечатление, что это лодырь, который не желает учить. Свои дела он устраивает прекрасно. Личное знакомство с командующим дает ему возможность оказывать влияние закулисно на все дела Санотдела. С врачами он старается поддерживать дружеские отношения, не желает иметь плохих отношений ни с кем, а что в госпитале грязно — это его мало беспокоит.

Командующий нас пригласил обедать. После обеда мы выехали на катере в Ваенгу. Здесь я осмотрел лазарет на 60 коек. Лазарет чистенький, но хирург убежденный пьяница.

На машине выехали из Ваенги в Мурманск, где поужинали в 0.45', выехали в Москву.

26.IX. Ночь прошла спокойно. Еду с Георгием Аркадьевичем в очень хоро-

шем двухместном купе. В 9 часов утра проехали Кандалакшу. Изумительный, солнечный день. В полном смысле слова золотая осень. Целые леса окрашены в золотой, переходящий в красный оттенок, цвет. Многочисленные озера дополняют эту изумительно красивую природу. Немного топят, к сожалению, в вагоне нет никакого освещения.

Еще вчера зародилась идея отправиться в командировку в Америку вместе с Кудиновым, Демидовым и Зедгендзе. Пока только мечта, но чем черт не шутит!

14 часов. Стоим на небольшой станции. Станция исковеркана. У полотна огромные воронки от авиабомб; во всех окружающих станцию домах, а их около двух десятков, выбиты окна.

Жалкое подобие базара — одна скамейка, на ней стоит несколько бутылок молока, которое обменивают на хлеб.

27.IX. Заморозки. Не идем, а ползем. Поезд больше стоит, чем идет. Прошли Кемь, около 2 часов ночи должны быть в Обозерске.

Ничтожность бомбардировок во время нашего пребывания на Севере, по моему, следует объяснить тем, что немцы были в это время заняты против наших караванов судов, которые направлялись в Архангельск. Своими самолетами и подводными лодками они дошли до Новой Земли и до острова Диксон.

С обеих сторон от железной дороги много остатков разрушенных и оставленных концентрационных лагерей.

28.IX. Ночью прошли Обозерск. Наконец вышли на двойную колею Архангельск — Москва. Идем прекрасно.

Появились настоящие станции; солидные постройки. Много болот. Серое — свинцовое небо. Ст. Вогежа. Солнечный день. Яйца предлагают в обмен на спички, сахар, мыло, чай. 4 яйца за пачку чаю.

В 17 ч. 10' пришли в Вологду. Отправились в РЭП № 95 (Наб. Свободы, д. 14). Начальник РЭП'а Семен Григорьевич Сиверс нас принял исключительно любезно. От него позвонили Жоржу Хундадзе и просили приехать на вокзал. На вокзал нас проводил Сиверс, который рассказал много интересного и печального по поводу Сталинградского фронта. На вокзале собрались Жорж Хундадзе, Илья Рохкинд, проф. Рохлин и сюрпризом Анастасия Евгеньевна, которую я не видел много лет. Она пополнела и выглядит прекрасно. Я ей пообещал похлопотать за нее, чтобы ее перевели в Вологду. Сиверс был настолько любезен, что снабдил нас в дорогу, без просьбы с нашей стороны, кое-каким провиантом.

Вагон не освещается; засыпать приходится рано.

29.IX. Прекрасный, солнечный, теплый осенний день; настоящее бабье лето. Приехали в Москву точно по расписанию в 15 ч. 50'. К счастью, нам бронировали номер в гостинице «Националь».

Вчера из Вологды послал Нине телеграмму.

30.IX. С утра были в МСУ у начальника. Делали ему краткое сообщение о результатах поездки. Он все так же самовлюблен и ничего не слушает. Заявил, что «назначение Петрова моим заме-

стителем было бы жирно. Он не доктор медицинских наук, и он не может, напр., послать Петрова обследовать КБФ, где хирургом профессор. Он бы, например, считал бы возможным выдвинуть кандидатуру Мельникова, который слишком засиделся в Академии».

По поводу моей персональной ставки и кормления Нины он ровно ничего не сделал. Я говорил с Демидовым и сказал ему, что про всю эту историю напишу Кузнецову. Он меня очень просил, чтобы я подождал до 2-го числа, что он сам берется поругаться с Андреевым и все устроит. Я ему сказал, что более невнимательного и безобразного отношения к себе я и представить не мог.

Вечером слушали доклад Е. Ярославского. Доклад был сделан в оптимистических тонах, уверен в нашей победе. В частности, относительно боев у Синявино он заявил, что «для освобождения дороги в Ленинград осталось всего 4 километра. Несмотря на исключительные укрепления, он уверен, что мы путь освободим». Международное наше положение, по его мнению, неплохое. Относительно второго фронта он, конечно, не мог сказать ничего определенного. Из его слов вытекало, как в нашей стране нарастает раздражение против наших «союзников».

Андреев меня пригласил для разговоров на 2 часа дня. Был, но разговор не состоялся. Мысли начальника улетели в другую сторону. Он сказал, что мы летим 3-го или 4-го в Ленинград.

1.X. Нездоровится. Насморк, болит голова. Около 2 часов дня к нам зашел Демидов. Ему нужна была справка для

своего доклада. В 14 часов, чуть прихрамывая, ввалился Андреев. Был зело сконфужен, увидя, что у нас сидит Демидов. Разговор не клеился. Демидов ушел. После этого Андреев полез в портфель и достал приказ, подписанный наркомом Кузнецовым. На основании приказа мне присваивается персональный оклад в 3300 рублей в месяц. Мотивировка проста, что я получаю меньше, чем профессора Академии, что я один из ведущих хирургов и что главный хирург Армии получает столько же. Кроме того, Андреев мне сказал, что, если я возьму кафедру в Академии, мне будут платить еще 50%. Не захотелось начальнику, чтобы я насчет его безобразного поступка написал наркому. Демидов мне сказал, что Андреев фокусничал, так как он не хочет получать меньше, чем я. Андреев мне предложил поехать с ним, чтобы поговорить вдвоем.

Когда мы приехали в Управление, то 1½ часа просидели относительно программы будущего пленума. Пока ерунда, авось что-либо удастся наладить.

2.Х. Был в Медгизе у Киселева. Заплатили мне 829 р. за переиздание ожогов. Получил письма в ленинградский Медгиз, который собирается издавать Лежара.

В Трудах первого пленума Госпитального совета появился мой доклад. Был в «Международной книге», заплатил последний долг 487 руб.

Вечером Демидов рассказал мне, что Андреев во время его отсутствия подал в ВКВШ заявление, чтобы Фирсову присудили звание доктора медицинских наук без защиты диссертации. Ну и дела, достойные начальника!

Днем с Георгием Аркадиевичем зашли в Санитарное управление Красной Армии. Собрались Смирнов, Бурденко, Гирголав, Левит и мы. Было смешно и забавно!!

3.Х. В 10 ч. утра собрались в кабинете начальника. Было около 40 человек из Управления. Делали отчетный доклад я, Г.Ар., Мясников и Демидов. Заключительное слово сказал начальник.

Заходил на несколько минут в Институт Склифосовского.

Вечером пришли Гирголав и Левит. Поздно вечером выяснилось, что завтра не летим.

4.Х. В 8 часов утра пришел Семен Семенович. Мы ему сообщили, что не летим. Позавтракали с ним, а затем поехали в библиотеку НКЗ, где и провели целый день.

В 21 ч. выяснилось, что летим завтра в 9 ч. и должны быть на аэродроме ровно в 8½ ч.

Послал срочные телеграммы Нине и Эмилии Никифоровне.

5.Х. Встали рано. Едем на аэродром Захарькино. Прекрасный день. Знакомый командир «Дугласа» майор Пономаренко. Поднимаемся в 9 ч. 45' и через 1 ч. 45' спускаемся на аэродром Богослово. Летели мы очень низко, 100–150 метров. Видимость прекрасная. Посадку на аэродроме Богослово командир корабля объяснил необходимостью получить истребители для прикрытия. Этот аэродром мне хорошо знаком. Я сюда прилетал 4/XII 1941. Холодно. Через некоторое время подходит MI, и мы едем на базу. Мне знаком и домик, и «Салон». Приблизительно через час

нас кормят вполне удовлетворительно. С часу на час ожидаем «прикрытие». На посланные в Ленинград запросы генерал-майору Самохину никакого ответа. Бродим без дела — скучно. Под вечер ищем ночлег и находим в местном лазарете, где нам дают комнату, довольно чистую, на 6 человек. вполне сносные кровати. Наступающий вечер не разъясняет наше положение. Без распоряжения начальника командир корабля лететь не может. Ожидаем лучшего завтра утром.

6.X. Выспались хорошо. Дождь. Видимость плохая. Самолетов нет. Надежд на вылет никаких. Около 10 часов стало светать. Пришел ответ из Ленинграда — командиру ждать! Мы полагали, что кто-то о нас думает. Стало как будто легче на душе. Ждем дальше. Позавтракали, пообедали. Дело идет к вечеру, и опять, по-видимому, не полетим. Отправились с Семен Семеновичем бриться. И вот когда парикмахерша взяла кисточку, чтобы начать его брить, прибежал летчик и заявил, что летим немедленно! Бросили бритве. Поехали на аэродром. Поднялись в воздух в 16 ч. 30'. В момент, когда поднимались в воздух, начался ливень. Самолет пошел без всякого прикрытия, по-видимому, прикрытием должен был служить дождь. Идем так низко, что почти касаемся верхушек деревьев, часто на высоте 30 метров. Туман, молоко, почти ничего не видно. Ровно через час садимся на аэродроме в Новой Ладоге. Масса луж. Здесь, безусловно, нам должны дать для прикрытия самолеты. Рассчитывать на это сегодня не приходится. Нужно опять ночевать. Через не-

которое время возвращается командир корабля и заявляет, что получил распоряжение — с «Дугласом» летать не разрешают. Он предлагает отправиться к командующему Ладужской флотилией, а может быть, переговорить с Трибуцем.

Едем с С.С. в Штаб. Все исключительно любезны (начальник Штаба капитан I ранга — Кудрявцев). Соединяют с Трибуцем, его нет, налетаю на начальника штаба вице-адмирала Юрия Федоровича Раль, которого знаю хорошо. После разговоров с Самориным выясняется, что на «Дуглас» рассчитывать не приходится. Он отдает распоряжение, чтобы нам организовали переезд через Ладужское озеро. Явились врачи, в частности Иван Николаевич Томилин, который жалеет, что я не остаюсь у них на несколько дней. Нас накормили ужином. Приготовили нам катер. Иван Николаевич посадил меня на кабриолетку и подвез меня к катеру. От Новой Ладоги по каналу до Леднево, откуда на транспорте нужно переехать в Осиновец, 60 километров.

Было отдано распоряжение, чтобы в Леднево нас ждала санитарная машина и транспорт. Наш катер делает в час 12 километров. 12 человек сидим в маленькой каютке. Чертовски хочется спать. То один, то другой, то все вместе клюем носом.

Вышли в 21 ч. 10' и пришли в Леднево в 2 ч. 20'. Темно. Перетаскиваем вещи. Идем до санитарной машины. Большая колымага. Боже, какая ужасная дорога — 5 километров! Такой еще ни разу не видал. Через 20' мы у длинного, длинного пирса (пристань), на конце

которого стоит дрянной пароходишка «Ханси». Ночь. Почти никакого освещения. Капитан ожидает нас и нервничает. Ему до рассвета хочется попасть в Осиновец. Звездное ясное небо. От машины до парохода больше 1½ километров. На перетаскивание вещей уходит массу времени. Наконец в 4½ часа отчаливаем. Ветер 5–6 баллов. Обещают качку. На самом деле качает мало, но спать хочется дьявольски. В 6 ч. 10′ причаливаем к пирсу в Осиновце. Достаточно светло. Нас в пути сопровождает врач Заборский, мой ученик, который о нас заботится. Бегаёт, старается достать нам машину, которую обещал Раль. Говорят, что она вышла в 5 часов.

7.X. 9 часов ждем машины. В 16 ч. пришла машина. Оказалось, что из двух машин одна испортилась. Дорога Осиновец — Ленинград в прекрасном состоянии. Солнечный день. Не холодно. В пригородах пусто. Город чист, но пуст! На Советском проспекте единичные прохожие. Я прошу шофера поехать через Невский. Здесь народу, конечно, больше, но так же пусто. На Аничковском мосту пустыми стоят постаменты из-под прекрасных лошадей барона Клодта. Все покрашено, прибрано; почти не видно следов разрушения. Зарегистрировались у коменданта и поехали домой.

У Оси отеки лица. Сущий дистрофик с поллакиурией и с соответствующей психикой. Все о еде, вокруг еды. От тети остался кулачок, серо-бледное, отечное лицо. Разговоры, пожалуй, менее специфичны. У нас в квартире чисто, уютно. Внешне, кажется, все на месте. Позво-

нил Эмилии Никифоровне, и через некоторое время ввалились ко мне Эмилия Никифоровна, Дагмара, Малютка, Софья Брониславовна, Екатерина Александровна, Екатерина Константиновна и Полина Николаевна. Наиболее дистрофичный вид у Полины Николаевны — бледна, чуть отечна. Остальные выглядят сносно; чуть отечны веки у Э.Н.

Простудился, болит горло. Сижу дома, решаюсь завтра начать обход клиники и знакомых. Ира выглядит хорошо; никаких следов дистрофии. В квартире холодно, особенно когда нездоровится. Лег в 11 ч. 30′. Вдруг меня будит Ира и говорит, что меня вызывает к телефону начальник штаба КБФ. Он мне заявляет, что «по распоряжению народного комиссара я должен срочно выехать в Москву, где должен быть 8-го вечером. За вами придет машина». Остается только сказать: «Есть машина». Иду спать.

8.X. Просыпаюсь в 8½. Сижу дома. Начинаю соображать, что должно было случиться что-либо чрезвычайное, если меня требуют так срочно. Звоню Зинаиде Васильевне, если они хотят на меня взглянуть, то пусть приходят ко мне она, Хлопонина и Усольцева. Приходит Константин Николаевич. У него хороший вид. Как он сам говорит, недостатка он ни в чем не испытывает; ехать никуда не хочет. Я с ним согласен.

Звоню в штаб. Выясняю свою дальнейшую судьбу. Мне отвечают, что «Дуглас» в ремонте, ищут для меня самолет, как только найдут, сообщат. Приходят Зинаида Васильевна, Усольцева и Хлопонина. Лучше всех выглядит Хлопонина, второе место занимает Зинаида

Васильевна, в скелет превратилась Усольцева. Я бы сказал, что настроение у всех достаточно бодрое. Сидим, кратко обмениваемся по разным вопросам. Разве можно наговориться за час-другой, когда не виделись 10 месяцев, да еще каких! Усольцева говорит, что ей настойчиво предлагают, чтобы она подала на звание профессора. Я говорю, что пока ей рано быть профессором. Но Зинаида Васильевна и Хлопонина уверяют, что на это следует согласиться, поскольку кругом многие, менее достойные, получают. Я не протестую. Она по своим научным работам и по своей работоспособности, безусловно, достойнее многих других.

Приходит Гефтер, с которой мы только успеваем обменяться несколькими фразами. Она бледна, чуть отечна. Она говорит, что часто она вспоминала обо мне и сожалела, что меня нет в институте. Я прошу ее передать директору, что, какие бы ни ходили слухи, — я был, остаюсь и буду профессором 1 ЛМИ.

Приходит Георгий Аркадьевич, которому успеваю только сообщить, что я уезжаю. Машина уже ждет. Мы прощаемся на улице, и я опять собираюсь в путь!

В час дня мы подъехали к аэродрому в Угловке. Наилучший из всех виденных мной до сих пор, за исключением московского Центрального. Начальник КП мне говорит, что я полечу на ДБ-3 (дальний бомбардировщик), что он готов к полету, но ждем второго врача, который должен лететь со мной. Выясняется, что этот второй — Зедгенидзе. Я говорю начальнику, что последний ничего не знает о необходимости его

отлета, что он уехал в город и его едва ли найдут. Начинаются длительные переговоры, из которых выясняется, что его не могут найти.

Одновременно с этим сообщают, что мы, безусловно, должны сесть на аэродроме в Богослово — на кой черт, этого никто не знает. Я спрашиваю командира корабля, может ли он лететь прямо в Москву. Он утверждает, что, безусловно, может; он говорит, что если его заставят сесть на аэродроме в Богослово, то мы сегодня в Москву, безусловно, не попадем. Начинаются новые длительные переговоры, из которых выясняется, что нам можно не садиться на аэродроме в Богослово. Продолжаем ждать Георгия Аркадьевича, обидно без него ехать. Я спрашиваю командира корабля (капитана Дроздова, штурман — Котов) крайний, возможный срок отлета. Он мне говорит, что если мы взлетим позже 15 часов, то Москва не примет. Я настаиваю на необходимости быть сегодня в Москве, так как необходимо выполнить приказ наркома. Решаем ждать до 14½ часов, чтобы после улететь. Наши ожидания оказываются напрасными.

Перед полетом на голову мне надевают шлем, а сверху на пальто какой-то резиновый жилет. На мой вопрос, что это за сооружение, мне командир корабля объясняет, что это автоматический надувающийся пояс на случай падения в воду. Оно, конечно, приятно иметь сие приспособление, но падать зимой в Ладожское озеро не очень бы хотелось, вода-то больно холодна!

Наш ДБ — одна из тех машин, кото-

рая бомбила Берлин, на ней много заделанных пробоин. Меня усаживают тотчас позади штурмана. Последний мне рекомендует во время взлета и посадки держаться за колесо, расположенное справа. Глаза разбегаются от обилия приборов, тут и часы, и альтиметр, и спидометр. Штурман в какой-то своеобразный пистолет закладывает большой патрон, напоминающий патрон охотничьего ружья, но очень больших размеров — длиной около 12 см и диаметром около 3 см.

Наконец в 14 ч. 40' взлетаем, с одной и другой стороны взлетают с аэродрома Приютино наши «ангелы-хранители», 4 «ястребка». Летим со средней скоростью 275 километров в час. Высота 50–200, редко — 300 метров. Выданная перед полетом метеосводка вполне себя оправдала. На всем пути дождь. Холодно, хотя и не очень.

Вот проносимся над Ладожским озером; летим очень низко, почти над самой водой — 50 метров. Не раз штурман открывал окно, приподнимался и озирался во все стороны, по-видимому, ищет в воздухе немцев. Но никого нет. Оригинальное впечатление производят охраняющие нас истребители. Нет впечатления, что они летят-двигаются; кажется, что они неподвижно висят в воздухе. Только иногда их забирает задор, и тогда они проносятся под и над нашим самолетом. Вот пролетели над Ладогой; окончилась зона первых охранителей. Мы должны по уговору сделать два круга над аэродромом Виста, и тогда в воздух поднимутся 4 новых хранителя. Так и сделали. Сначала казалось, что

никто не появится. Но я не заметил, как 4 новых «ястребка» оказались вокруг нашего самолета. Все это настолько увлекает, что не обращаешь внимания ни на холод, ни на шум и на дождь. Около Тихвина «ястребки» нас бросили, как мне впоследствии сказал командир, испугались плохой погоды. Все время льет дождь. Штурман поворачивается ко мне и передает записку: «Осталось лететь еще полчаса». Несмотря на плохую погоду, совершенно не качает. Несмотря на запрет, штурман и командир решают сесть на Центральный аэродром.

Весь перелет продолжался 2 ч. 40'.

На звонок в МСУ мне ответили, что машина за мной ушла на аэродром Момино, где должен был сесть самолет, а других машин нет. Командир корабля и штурман понесли мои вещи (правда, по дороге попросили сульфидинчику!!), и мы поехали по метро. Они донесли мои вещи до гостиницы. В гостинице «Националь» для меня оказался забронирован номер. Вечером пришел Ф.И. Демидов и подробно изложил причину моего вызова. Во время бомбардировки в Туапсе был тяжело ранен начальник штаба адмирал Иван Степанович Исаков. Петров ему ампутировал бедро. Состояние тяжелое. Завтра в 9 часов утра назначен полет. Летят Андреев, я, Мясников, Циолкович и адъютант начальника.

9.X. Встаю рано. Едем к Андрееву, где нас накормили завтраком. В 8 ч. 15 мы уже были на Центральном аэродроме. Летим на машине наркома с той командой, которая возит его самого. Моторы заведены, наши вещи уложены. В 9 ч. 10' приносят метеосводку, после которой

нам заявляют, что лететь совершенно невозможно. Сначала полет откладывается до 2 часов, а потом и на завтра.

Сижу дома, читаю.

Эта поездка срывает окончательно мою поездку в Ленинград, так как необходимо готовить доклады к пленуму.

10.X. Все необходимо начинать сначала. Встаю в 6½ ч. В 7 ч. 15' за нами пришла машина, которая и доставила нас на квартиру начальника, где нас снова кормят завтраком. Если это долго так будет продолжаться, начальнику придется открыть пансион для кормления отъезжающих. В 8½ ч. мы снова на аэродроме, где нам сообщают, что метеосводка благоприятна и мы сегодня летим. Но вместо назначенных 9 часов летим в 10. Летят Андреев, я, Мясников, Циолкович и секретарь начальника Гусев.

Почти в момент самого отлета приходит Мясников и говорит, что только что прочитал в «Правде» об отмене института комиссаров. Скоро принесли газету «Правда», и мы лично могли убедиться, что это факт.

Ведет наш «Дуглас» полковник Лоб. Направление Куйбышев — Гурьев — Баку — Тбилиси — Сухуми. Мы три раза пересекли Волгу. Сверху люблюсь Жигулевскими горами, которые вижу впервые. Временами облачно, но погода, в общем, хороша, и в 14 ч. 30' садимся на аэродроме Куйбышева, где мы должны забрать жену Исакова. Огромный аэродром, далеко от города. Много десятков самолетов, начиная от «Дугласов», ПР5, бомбардировщиков и истребителей. Нас ждут несколько шикарных машин, в одной из которых сидит жена Исако-

ва (Ольга Васильевна). Женщина лет 44–45. Когда-то, по-видимому, была красива. Постигшее ее горе не заставило ее забыть густо намазать себе губы. В шубе из цигейки, в шикарных импортных туфлях. Держится сдержанно, с достоинством. Впервые вижу знаменитого контр-адмирала Фотия Крылова, б. начальника ЭПРОН'а, который выглядит плохо, лечится здесь от диабета.

Полчаса спустя мы, заправившись бензином, снова в воздухе. Командир дорожит каждой минутой, так как стремится до вечера долететь до Гурьева, расположенного у места впадения Урала в Каспийское море. Лететь необходимо 3 часа, и позже 17 часов садиться на аэродроме трудно.

Идем прекрасно, невысоко. Со мной сидит жена Исакова, я не могу сказать, симпатична она или нет, добра или зла. Она мне говорит, что Иван Степанович будет очень рад моему приезду, так как он меня очень уважает и очень много обо мне говорит. 22 года назад она приехала в Баку, где впервые встретила с Исаковым и вышла за него замуж. Детей у них нет.

В 17 ч. 20', когда почти темно, мы садимся на аэродроме в Гурьеве, еще без сигнальных фонарей и сигналов. Следующий самолет, прилетевший почти тотчас за нами, садится при искусственном освещении.

Посланная нами разведка доносит, что в городе имеется госпиталь, но добраться до него невозможно, не на чем доехать. Единственная 1½-тонка занята перевозкой раненых. К сожалению, мы забыли захватить с собой воду, а пить воду в Гурьеве не рекомендуется,

так как в городе холера. Наконец обнаруживается, что на аэродроме имеется домик, в котором можно выпить чаю. Это было достаточно грязно, но чаю напились. Затем отправились на самолет и спали сидя на своих креслах. Спали относительно неплохо. Не холодно. Сплю с перерывами, но, в общем, сносно.

Просыпаюсь в 5 часов утра от шума моторов, которые подъехали, чтобы снабдить нас горючим. Оказывается, что на наше путешествие от Москвы до Сухуми и обратно требует 5 тонн бензина.

11.X. Моемся у самолета. Прекрасный, теплый, солнечный день. В 6 ч. 40' поднимаемся в воздух. Идем прямо, без посадки, до Баку.

Над Каспием местами облака. Идем на высоте 600 метров.

По исчезновении облаков появляется зеркальная гладь моря.

В 10 ч. 35' мы опустились на огромном аэродроме, в 40 километрах от Баку, в местности, которая носит название Бина.

Жарко. Прекрасный аэропорт. Андреев позвонил корпусному комиссару Игнатьеву, который приехал через 40'. От него мы узнали, что состояние раненого остается тяжелым.

Вчера 100 немецких самолетов бомбардировали Грозный, который горит.

Перед самым отлетом к нам приехал командующий Тюленев с целой свитой.

В 12 ч. 20' поднялись в воздух и в 14 ч. 30' мы опустились на обширном аэродроме в Тбилиси. Прекрасный аэропорт.

Послал срочные телеграммы Нине, Жоржику и Эмили Никифоровне. Послал несколько открыток. Удалось свя-

заться по телефону с женой Мухадзе.

В 15 часов с минутами мы снова поднялись в воздух. Проносимся над Курой, городом, Сурамским перевалом, идем по долинам рек и речушек. Красива Грузия сверху! Пролетаем над родным Кутаиси, делаем два круга над аэродромом, и в воздух поднимаются «ястребки», которые нас сопровождают до Сухуми. Показалось чудесное Черное море.

В 17 часов 10' мы садимся на аэродроме в Сухуми, в 20 километрах от города. Нас ждет бригаврач Азадский с двумя машинами ЗИС, на которых мы доезжаем до порта. Азадский сообщает мало утешительного относительно Исакова. Нас ждут с нетерпением. Но положение раненого почти безнадежное.

Темно, мы садимся в торпедный катер, который развивает бешеную скорость. Совершенно темно. Мы несемся по спокойному морю. Наша команда время от времени стреляет, подает сигналы цветными ракетами. 120 километров морского пути мы прошли за 1 ч. 40'.

В воздухе реют самолеты, по-видимому, наши прожектора рыщут по небу. Прямо сказка.

Капитан торпедного катера мне шепчет, что сделали последнюю инъекцию, дело безнадежное.

На пристани совершенно затемненного Сочи нас ожидает Зотов.

На машине едем в госпиталь. Оказывается, что сюда переведен госпиталь из Магри, а Сочинский ушел в Тбилиси.

С начальником госпиталя Матвеевым я знаком по предыдущему приезду.

Мне отвели чудесную отдельную комнату с восхитительным видом на море.

На вопрос жены Исакова адютанту Петрову, застанет ли она мужа живым, последний отвечает — не знаю.

Быстро моемся. Узнаем кое-какие детали. 4 октября командующий фронтом Тюленев, адмирал Исаков, командующий ВВС, Каганович и другие ехали в Туапсе. Около последнего города пять немецких бомбардировщиков выследили машины и начали их бомбить. Командиры бросили машины, поднялись на пригорок и начали выжидать. Одной из разорвавшихся бомб был тяжело ранен Исаков и поцарапано предплечье у Кагановича.

В продолжение нескольких часов раненого не могли вывезти, так как бомбардировка продолжалась. Когда его вывезли, то он был доставлен в один из армейских госпиталей, где он был обработан.

6-го утром в тяжком состоянии, с явлениями газовой инфекции он был доставлен в Сочинский госпиталь, где Петров ему ампутировал левое бедро в верхней трети, с предварительной перевязкой сосудов почти над пупартовой связкой. В момент операции пульс у раненого доходил до 170 ударов в минуту, и хирурги не были уверены, что удастся его снять живым со стола.

С этого момента началась борьба за жизнь. Переливание крови, бесконечные сердечные средства, подкожное введение соли, внутривенное — глюкозы дополняли друг друга. Наконец в ночь с 10-го на 11-е вспыхнула сывороточная болезнь: опухло лицо, руки, появился уртикарий, состояние раненого казалось безнадежным. Хирург

Белинский считал даже бесполезным пойти к раненому, который в продолжение нескольких часов лежит без пульса. Ожидали с часу на час нашего приезда и все высчитывали, подоспеем ли мы и застанем ли мы его живым. По совести говоря, начиная с Баку, я также стал сомневаться в целесообразности нашего путешествия. Мне казалось, что в лучшем случае мы застанем умирающего, в худшем — покойника.

Обследование больного показало, что если он еще и числится живым, то мало его отделяет и от смерти. Он весь опух, пульс около 150, плохого наполнения. Резко настроен против каких бы то ни было инъекций.

Я пришел к заключению, что скорее больной со своим протестом ближе стоит к истине, чем лечившие его врачи. С малейшим падением кровяного давления они боролись новыми порциями перелитой крови, их даже не остановила сывороточная болезнь. Слишком велика была ответственность, которая навалилась на них, и их старания соответствовали их ответственности.

Я обещал адмиралу и дал честное слово, что я ему больше не сделаю ни одного укола. Он посмотрел на меня скептически и, конечно, мне не поверил. Но я на самом деле говорил правду. Я решил: при переполнении организма белковыми шлаками, при насыщении всякими сердечными — от всего отказаться и перейти на алкоголь. Я предложил, со мной никто не спорил, да и спорить особенно было некому. Согласились со мной и Мясников, и Андреев, и Петров.

Избрали мы коньяк, которым и должна была спаивать его жена. Все остальное какое бы то ни было лекарственное лечение было отменено. Риск такой оригинальной «пьяной терапии» был велик, но из комбинированного состояния шока и сывороточной болезни я не видел другого исхода.

Мы разошлись довольно поздно. Мне казалось, что если он протянет ночь, то есть хоть капля надежды, что он вытянет.

Мне спалось плохо. Я предполагал, что под утро ему будет особенно плохо. В 1 ч. 30' я встал, накинул халат и в ночных туфлях пробрался к больному. Я не щупал у больного пульс, я не произнес ни слова, не говорил с женой. Я в продолжение 40' сидел и следил за поведением больного. Он стонал, но продолжал спать, не разбрасывался. Можно даже было сказать, что он скорее спокоен. Не было ясного предсмертного разбрасывания в постели, после которого остается вообще мало надежды на спасение.

12.X. Наметилось некоторое улучшение. Чуть меньше отечно лицо. Чуть лучше пульс. Окружность раны в порядке.

13.X. Состояние резко улучшилось. Больного продолжают все время спаивать коньяком. Спит много. На правом бедре по всей наружной поверхности многочисленные пустулы, резко болезненные. Я срезал эпидермис, анестезировал кокаином, изобретал по Беттмену.

14.X. Состояние резко улучшилось, хотя мы все еще продолжаем посылать сдержанные бюллетени. П. 108, прекрасного наполнения. Более активен. Начали

заниматься дыхательной гимнастикой. Почти целый день лежит на спине.

Андреев делал обход отделений. В свите — я, Мясников, Петров.

Андреев мне сказал, что в городе всем известно, что в госпитале лежит раненый адмирал Исаков. Если эти сведения проникнут к нашим врагам, то нет никакого сомнения в том, что нас разбомбят с воздуха, где они господствуют. Поэтому он предлагает выметаться отсюда, пока не поздно. День и час отъезда следует держать в абсолютном секрете. Труден и небезопасен переход Сухуми — Сочи. На машине везти адмирала нельзя, а по морю открыто — днем опасно. Могут бомбить, да и подлодки немцев шныряют. Зотов направлен в Сухуми для организации перехода Сочи — Сухуми.

Договорился с Зотовым и Андреевым об оставлении Петрова хирургом ЧФ. Работы здесь очень много, а предстоит еще больше. Петров с работой совершенно справляется. Свинское отношение, которое к нему проявлялось со стороны Санотдела, сменилось вполне благожелательным. Он представлен к награде. Да и самому Петрову едва ли есть смысл в данный момент уходить с ЧФ. Если бы даже ему и удалось бы осуществить свое желание перейти в армию, то едва ли это ему много даст. Там он будет новым человеком.

Петров с этими доводами согласился, и решено его оставить на прежнем месте, а проф. Смирнова перевести на Каспийскую флотилию.

Петров рассказал мне очень интересные вещи относительно телеграммы, которую Исаков послал тов. Сталину, и ответ последнего.

После обеда приезжал навестить адмирала дивизионный комиссар, член Военного совета ЧФ — Кулаков. Я с ним был знаком раньше. Среди прочих вещей я ему сообщил о безобразном отношении к Петрову, но ЧФ уверяет, что он и командующий об этом ничего не знают. По моей просьбе он переговорил с Петровым, который, надеюсь, остался доволен. Вечером у большого t° поднялась до $38,4^{\circ}$.

15.X. С утра t° — $37,4$. Состояние хорошее. П. — 104. Решено сегодня уехать. Все приготовлено к отъезду. Должны уйти в 23 ч. на катере. Андреев устроил небольшое совещание с врачами, ругал их за грязь. Боюсь, что это мало подействует. Во время заседания в 15 ч. к больному вызвали Петрова. T° поднялась до $39,4^{\circ}$. Я открыл повязку на правом бедре. Между остатками пустил небольшая краснота. Кварц $5'$ — на 70 см. Повязка с цинковой пастой. Общее состояние хорошее. Но мы сомневаемся, уедем ли сегодня.

К обеду приехали навестить адмирала генерал-лейтенант Петров (герой Севастополя) и начальник Штаба Кавказской армии г.-лейтенант Бодин.

Оба, в особенности Петров, производят прекрасное впечатление. Бодин меня благодарил, сказал, что ему сообщили, что мой приезд был решающим.

После обеда мы их проводили на пристань. Они уехали в Туапсе. Бодин дал краткий, очень благоприятный для нас обзор состояния дел на фронте.

Решили все же сегодня уезжать. Адмирал с этим решением согласен.

Вчера в 15 ч. $30'$ поехали в Хосту к Доронину обедать. Когда поравнялись с санаторием Наркомтяжпрома, вдруг начались выстрелы и пулеметные очереди. Андреев скомандовал: вон из машины и залечь в кусты. Мы покорно это выполнили. Два немецких бомбардировщика сбросили бомбы над танкером «Стахановец» и строчили из пулемета по дороге. Отлежав на животиках минут $10-15$, мы встали, усаелись в машину и без помехи съездили в Хосту, где нас угостили исключительным обедом.

Сегодня я беседовал с Исаковым. Насколько я мог понять, его отношения с адмиралом оставляют желать лучшего. Наш отъезд назначен на 23 часа. Мало кто об этом знает. В 23 ч. $35'$ мы уже были на пристани. Адмирала хорошо укутали. Едем мы на большом комфортабельном тральщике. Адмирала устроили в одной из рубок. Меня устроили в прекрасной, довольно чистой каюте капитана. Полная, кромешная тьма. Нас должны сопровождать два морских охотника. Наш тральщик делает 16 узлов в час. Отошли в 0 ч. $20'$. Охотники скоро начали отставать. На запрос капитана тральщика, что делать, Андреев вполне правильно ответил, что охотников следует бросить и идти полным ходом. Я спал очень плохо, хотя спать было чрезвычайно удобно. В 5 часов меня разбудили. Адъютанту Андреева показалось, что мы подходим к Сухуми. Я тоже с палубы видел очертания берега. Однако скоро капитан сообразил, что он идет неправильно. Дал быстрый ход назад. В это время зажгли маяк, и по его указаниям не стоило труда пристать к берегу, тем более стало уже светать.

16.X. Мы пришвартовались в 6 ч. Как выяснилось, адмирал всю ночь очень мучился. Эта ночь, сказала Ольга Васильевна, стоит 10 лет жизни. Нас встретило довольно значительное скопление чинов, налицо: Кулаков, нач. штаба контр-адмирал Елисеев и много других; среди них я вижу и Инисаридзе, который состоит хирургом 46-й Армии. Он мне горько жалуется на бестолковую работу, которую ему приходится вести. С трудом адмирала перенесли на санитарную машину. Мы поехали на вокзал. Дорога местами очень плоха. Накрапывает дождь. Адмирала долго не видно. Оказалось, что ему стало невозможно ехать на машине, и он попросил, чтобы его сняли с санитарной машины, и часть пути его несли на руках до вагона, отошли в 7 ч. 50'.

Салон-вагон очень удобный. Носилки внесли через окно. Адмирал горько жалуется на боли. Несколько раз по его приказанию останавливали поезд. Но когда его отвлекали и занимали разговорами, то ехал совершенно спокойно.

Наконец к 21 ч. подошли к Тбилиси. Нас встретили Пагави, Кравченко, Функовский и др. Санитарная машина, на которой везли адмирала, оказалась очень неудобной. Он, и в особенности она, на это очень жаловались.

Устроили нас сносно. В соседней от помещения адмирала комнате устроили ужин, который затянулся до 2 часов ночи. Речи, речи, речи... Можно подумать, что все герои и война уже окончилась!!

17.X. Адмирал ночь спал хорошо, без морфия. П. 100–104, t° — 36,7. Какое

счастье, что мы его доставили в полном порядке. Если бы что случилось, то нас бы обвиняли в том, что мы его взялись транспортировать при наличии t° в 39,4, а если бы оставили на месте и его бы разбомбили, то упрекали бы за то, что не вывезли вовремя.

Вечером были в театре, слушали «Кармен» в прекрасной постановке. Прекрасно пела Кармен — Давыдова.

18.X. Дождь. Циклон. Адмирал страдал всю ночь, не спал. Жалуется на резкие боли.

Приходили к нему генерал армии Тюленев и командир ВВС Вершинин.

Послал срочные Нине и Жоржику.

Пришла Лена, очень рада моему приезду. Вечер провел у Володи Немсадзе.

19.X. Утром, когда я еще лежал, пришел Тигоча. Постигшее его горе сразу превратило его в старца. Плачет. Я просил его ко мне приходить, чтобы в разговоре хотя бы немного облегчить его страдания.

Вчера я резко сократил коньяк адмиралу, так как гемоглобин продолжает падать и дошел до 45%.

Погода улучшилась. Солнце. Адмирал спал ночь. T° — N. Гемоглобин упал до 38%, и красные кл. кр. спустились ниже 2 миллионов. Решили перелить кровь. Переливали 1-ю группу. Когда переливание подошло к концу (450 к.), вдруг начался жесточайший озноб, губы посинели... В конце концов он вышел из этого состояния.

Вечером был в театре. Прекрасно пела Давыдова.

20.X. T° у больного 39,4°. Состояние хорошее. Поднялись в Цхнети, осматривали дом отдыха для летчиков. Обедали

на даче у Баркалая, были НКЗ Мачавариани, проф. Цулукидзе, Иоселиани, Андреев, я и Петров. Вечером поехали к Цулукидзе.

21.X. Состояние раненого очень хорошее. Т° спускает.

Вечером обедал вместе с Андреевым у Шалико.

Был в медицинской библиотеке НКЗ. Потрясающая бедность. Ровно ничего путного найти не удалось.

22.X. Вечером уехали в Очамчири Андреев, Мясников и Петров.

23.X. С утра сижу, работаю дома. Адмирал плохо спал, но состояние его хорошее.

Вечером обедал у Шалико, где встретился со своими. Ходил на почту, но не получил известий ни от Нины, ни от Жоржика.

Послал Нине телеграмму-молнию, на что потребовалось специальное разрешение. Заказал фотографии. Обедал у Шалико.

24.X. У адмирала 49% гем. и 2 800 000 кр. кл. кр. Состояние хорошее. Был в больнице Арамянца у проф. Цулукидзе, где смотрел больного с артериовенозной аневризмой, которого буду оперировать на будущей неделе.

Состояние адмирала хорошее, все еще жалуется на сильные боли.

С утра поднялся на машине на гору Давида. Вид оттуда изумительный. Прекрасно была видна горная цепь Среднего Кавказского хребта и Казбек. Первый раз видел изумительный парк им. Сталина, раскинутый на горе.

Вечером проф. Цулукидзе пригласил меня в театр им. Мардонанишвили, где

видел пьесу Гостуа «Царь Ираклий 2-й». Как сама пьеса, так и игра всех артистов оставляет чрезвычайно большое впечатление.

26.X. Состояние адмирала настолько хорошее, что я решил только через день передавать бюллетени. С утра пришел к адмиралу зам. н. з. Франгулян; я с ним говорил о недостатках в снабжении. Ко мне пришел проф. Георгий Аверианович Цкиманаури (ул. Тогбашвили, № 13, т. 3-36-52), который отрекомендовался учеником проф. Беритова и проф. фармакологии.

Он взялся за решение проблемы шока и принес мне свою работу и рецензию. Оригинально в работе то, что он получает шок сдавливанием аорты над местом деления на art. *hilaca communis*. Чтобы дойти до аорты, он делает небольшую лапаротомию; сдавливает аорту в продолжение 5–15. Производит впечатление глупого и малоэрудированного человека.

Приходил проф. Г. М. Мухадзе, просидел у меня около часу. Часто дремлет, очень состарился, исхудал, согнулся.

Адмирал целый день провел благополучно. Вдруг, без всякой видимой причины, поднимаются жестокие боли, он стонет, вскрикивает, ворочается, и так длится часами.

27.X. Утром поехал в 1-ю Городскую больницу, в клинику проф. Цулукидзе, где должен был оперировать инженера с артериовенозной аневризмой левых подключичных сосудов.

Сначала я разобрал перед большим числом врачей ход предполагаемой операции и возможные варианты. Затем

я оперировал больного под общим обезболиванием, ассистировали проф. Цулукидзе и одна из его ассистенток. Сделал разрез по Sencert'у. Сначала пересек большую грудинную мышцу, затем малую, отслоил мышцы до места их прикрепления. Затем перешел к горизонтальной части разреза над ключицей. Грудинный конец ключицы я не вычленил в суставе, а перепилил ключицу в 2 см от грудинного конца и в наружной трети. Вена достигала в диаметре до 2–3 см. Почти на уровне ключицы, в 3-й наружной части подключичных сосудов было найдено сообщение, канал, свищ между артерией и веной. Канал имел в длину около 3 мм, таков же был приблизительно его диаметр. После тщательной препаровки и выключения сосудов Гефнеровскими зажимами, на канал были наложены две лигатуры, одна ближе к артерии, другая ближе к вене. Канал был перерезан между этими лигатурами. Лигатура со стороны вены удержалась, со стороны артерии сорвалась. Обнажился в стенке артерии дефект, приблизительно 3х3 мм. Наложены одиночные сосудистые швы (5 швов); из-за того что в одном месте еще имеется кровотечение, добавлен один шов, которым и удалось окончательно закрыть дефект в стенке артерии. Подведены два тампона. Просвет артерии удалось сохранить вполне, биения артерии и наполнение видны на всем обнаженном протяжении. Лоскут тщательно пришит обратно.

Пригласили завтракать в клинику Асланишвили, завтрак, которого бы хватило и на обед, и на ужин. Он мне преподнес партитуру оперы «Абессалом и Этери» Палиашвили и фотографию па-

мятника Руставели. Мы поехали к наркому здравоохранения Масавариани и вместе с ним под вечер поехали обедать к доктору Шотадзе, где я смотрел его большую дочку с искривлением в коленном суставе, оставшемся после множественного остеомиелита.

Вместе с Мухадзе поехал к нему в клинику на заседание хирургической секции, где мне предложили председательствовать. Показывали больных после вторичных кровотечений и аневризмы бедренной артерии. Пришлось в резюме давать принципиальные установки.

28.X. С утра пошел смотреть больных в госпитале 2454. Одна грусть и печаль. Тот же беспорядок в перевязочной, который я видел при первом посещении, то же неумение разбираться в элементарных хирургических вопросах. Красноармеец, раненный 16.VIII.1941, с тех пор переходит из одного госпиталя в другой (Алляев Шарап, 22 лет), его иногда возвращают в часть. У него аневризма правой бедренной артерии в нижней $\frac{1}{3}$. Он лежит в госпитале с 1 сентября, в продолжение двух месяцев его не только никто не подумал оперировать, но никто даже не посмотрел проходимость периферических сосудов.

Так называемый главный хирург госпиталя Бурджанадзе еще не дорос до этого звания. Его придется перевести на должность начальника отделения и назначить ведущего хирурга. У него нет ни достаточных знаний, никакого административного опыта, он не пользуется никаким авторитетом.

Вечером был приглашен на обед к народному комиссару здравоохранения.

Туда же были приглашены Мухадзе, Цулукидзе, Иоселиани. Среди других вопросов обсуждался вопрос о непригодности главного хирурга э/г. проф. Вепхадзе. Я предложил на эту должность проф. Цулукидзе, при одном непременном условии, что ему будет назначен для всякой канцелярской работы помощник. На эту должность проф. Иоселиани выдвинул доц. Асланишвили. Я лично искренне поддержал эту кандидатуру, так как считаю ее исключительно удачной.

Цулукидзе согласился занять пост главного хирурга. Вечером же после обеда у народного комиссара отправились к проф. Мухадзе, где просидели оставшуюся часть вечера.

Днем вместе с проф. Иоселиани был у Председателя Верховного Совета Георгия Федоровича Стуруа. Обсуждали вопросы о недостатках медицинского снабжения, о награждении проф. Мухадзе.

29.X. Днем с утра сидел дома. Приходил проф. Цулукидзе, и обсуждали вопросы, связанные с его новым назначением.

Вечером приходила Тамара Микеладзе, которой я передал для ее мужа Мамтавришвили предложение занять место ведущего хирурга в госпитале 2454.

Вечером был приглашен на обед к проф. Цхакая.

30.X. Состояние оперированного мной больного хорошее. Состояние адмирала также хорошее. Гемоглобин 56%, число кр. кл. кр. перевалило за 3 миллиона.

С утра по его личному приглашению был в клинике Иоселиани; оттуда зашли к заместителю НКЗ Ною Константиновичу Баркалая обсуждать некоторые вопросы, связанные с подачей хирургической помощи в э/г.

Вечером был приглашен на обед к проф. Закарая.

31.X.1942. С утра и до вечера провел в госпитале № 40, разбирал с врачами больных.

Вечером обедал у Тондо Чиковани. Скучно.

1.XI. Стаканчик коньяку вызвал у адмирала картину резчайшего опьянения с резким расширением сосудов лица и шеи.

Вечером обедал у Дарьи Ивановны Бережиани, а днем у проф. Гокиелова.

2.XI. Состояние адмирала хорошее с утра; вечером вдруг поднял температуру до 39,5°.

Вечером я пригласил к себе Михаила Ивановича Цхакая и стал с ним договариваться относительно того, чтобы он согласился быть ведущим хирургом в госпитале 2454. Он почти дал свое согласие.

Днем оперировал в Тбилисском военном госпитале № 367. Назимов Алексей Васильевич, 23 лет, младший политрук. Ранен 14.VIII.42 из револьвера немецкой системы в левое бедро. Я поставил распознавание артериовенозной аневризмы *art.et venae profundae femoris*, которое подтвердилось. Перевязал соуды.

Начальник госпиталя бригаврач Хелидзе. Н-к хирургического отделения в/вр. 1 ранга Кукуджанов.

Жуткая история болезни.

Вернулись Андреев, Петров, Мясников, Циолкович и проф. Триумфов, который на охоте сломал себе пяточную кость.

Вечером пришел народный комиссар здравоохранения, который просил меня поехать на ст. Казбек посмотреть раненных во время бомбардировки Орджоникидзе члена Военного совета Саджая и начальника Штаба фронта Бодина. Я, конечно, дал согласие.

3.XI. Спал плохо. Проснулся в 5 часов. Выехали вместе с проф. Мухадзе в 9 ч. 20. Идет дождь. Военно-Грузинская дорога в удовлетворительном состоянии. Поражает четкость работы регулировщиков, которые, сигнализируя, никогда не забывают отдать честь. Ровно через четыре часа мы были на ст. Андезит, которая отстоит от Коби на 8 километров. На Крестовом перевале лежит снег толщиной в 10–15 см. На пути снег растаял, грязно, скользко.

Приблизительно в 200 сажнях от железного моста, переброшенного через Терек, имеется двухэтажное здание, когда-то бывшая канцелярия управления разработок андезита; затем здесь помещалось общежитие служащих этих же разработок. Впоследствии здание отвели под больницу. В данный момент там помещается ППГ № 573.

Въезжаем в ворота. В первом и во втором этаже балкона бросается в глаза масса ходячих раненых, часть в шинелях, часть в рубашках, часть в повязках, другая — без видимых перевязок. Потрясающая грязь, окурки на балконах. Навстречу к нам выходит зам.

наркома здравоохранения Франгулян. Землистый цвет лица, оброс бородой. За ним видим профессора Эристова, Кукуджанова, начальника Санотдела фронта Соколова, моего бывшего ученика, окончившего наш институт в 1930 г.

Мы посмотрели члена Военного совета Саджая, который был ранен 1.XI авиабомбой вместе с начальником Генштаба Закавказья Бодиним.

Множественные раны, правая рука ампутирована. После первичной обработки в Орджоникидзе, в горбольнице (хирург Гостоев), рана на правой руке после ампутации была зашита двумя рядами швов, отдельно на мышцы, отдельно на кожу. Жестокая газовая инфекция, рана была расшита проф. Эристовым. С утра лежит без пульса. Состояние безнадежное, тягчайшая токсемия, делать нечего. В этом смысле мы и дали свое заключение. Положение настолько безнадежное, что мы отказались даже переливать кровь.

В 14 часов мы выехали обратно. На перевале туман, видно плохо. Скользко. Однако доехали без каких-либо приключений. Начиная с Мцхет — совершенно темно.

В 6 ч. 15' мы приехали в Михайловскую больницу, где должно было состояться заседание Хирургического общества.

В общем, знают врачи мало. На заседание выходят малоподготовленными. Делают операции, которые логически обосновать невозможно. Докладчик Комихидзе («Глухая гипсовая повязка») больше говорит общими фразами, чем обосновывает свои выводы

на фактическом материале. Я председательствовал. С заседания поехали к Председателю Совета Н. Комиссаров Хоштария, которому доложили о состоянии Саджая.

4.XI. С утра у адмирала T° — 38,5, которая вскоре дошла до 39,6. Озноб, тяжелое состояние. Я беспокоюсь, чтобы не начался сепсис. Проф. Алымов сам посмотрел толстую каплю, плазмодий не нашел. Больному начали давать стрептоцид. Вечером состояние хорошее. На губах герпес. T° — 36,6°.

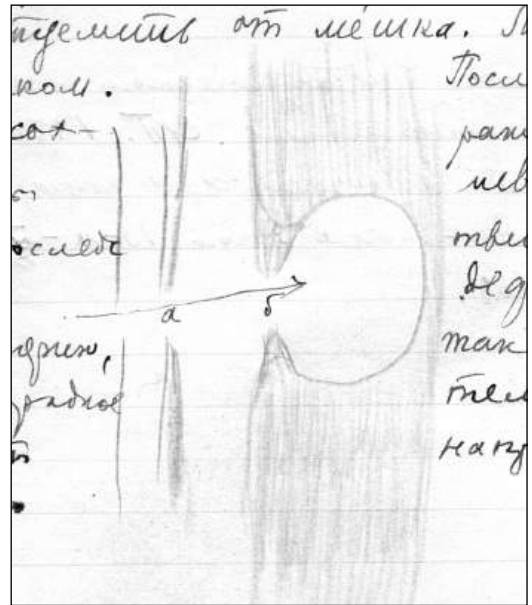
В ту же ночь Саджая погиб.

Приходил проф. Александр Феликсович Гаврилов, который рассказал много печальных данных относительно голодовки в Ленинграде и своей эвакуации в Кисловодск.

5.XI. Состояние адмирала неустойчивое, хотя температура снизилась, но остается значительная слабость. Герпес покрыл верхнюю и нижнюю губы.

В 11 часов оперировал в госпитале № 40 у Кравченко. Краснофлотец Ефименко Остап Павлович, 34 лет. Артериовенозная аневризма в средней трети правого бедра. Местоположение аневризмы удалось обнаружить легко. Мешок размерами с крупный грецкий орех вскрыт. Мешок врастает в *m.sartorius*, который трудно отделить от мешка. Мышца поперечно рассечена над мешком. После разъединения сосудов сделана попытка сохранить проходимость артерии и наложены швы на дефект — «а», но ввиду того что впоследствии оказалось необходимо зашить и дефект — «б», решено перевязать как артерию, так и вену. Нужно полагать, что

инородное тело прошло в указанном стрелкой направлении. Рана зашита наглухо.

Андреев, Мясников и Циолкович уехали в Баку.

6.XI. У адмирала высокая температура, по временам бредит.

С утра осматривал госпиталь № 2454. Я редко видел такой свинарник. Наговорил начальнику госпиталя и главврачу мало приятного.

Вечером у адмирала T° — 38,8, бредит. Ольга Васильевна недовольна, что Мясников уехал.

Вызвал Яков Абрамовича Марковского из госпиталя № 40. Он находит катаральную пневмонию с наклоном к распространению, расширение сердца, глухие тоны. Прописал банки круговые, горчичники, вдыхание кислорода и камфору.

Вылетели в Москву Рутковский и начштаба ЧФ Елисеев.

ЛИТЕРАТУРА

17.X.1942

Горбенко. Асептика и антисептика в повседневной хирургической работе. Хирургия. 1942. № 3–4.

Бакрадзе. Д. и Берзенов Н. Тифлис в историческом и этнографическом отношении. СПб. 1870. *Очень интересная и поучительная книга.*

Бардзиашвили Н. Разорение Тбилиси Ага-Магомет Ханом 13.IX.1795 г. *Тифлис. 1934.*

18.VI. 1942.

БЫТ ВРАЧЕЙ

Встают — 6.30'

На зарядку — 7.30' до 8.

Завтрак 8 — 8.30'

Пятиминутка — собираются: нач. госп., комиссар, начхоз, нач.продуктов., нач. канцел., нач.отд., ординаторы, методисты, комендант, командиры.

отд. «Рапорт деж.врача.

Рапорт командира, светомаскировки, посты

Рапорт нач. отд. 1–2'.

8 ч. 30 — до 9 ч. редко кончается.

Обход 9.15', 9 ч. 30' (Человек 30 раненых.) Кладутся гипсовые повязки.

Кончают в 12 ч. 30'.

Оперируют 2 дня в неделю (9 — до 5, даже до 7).

Командирская учеба — младший политрук о международн. положении
1 раз в неделю.

1 р. в неделю по токсикологии.

1 р. лечебная физкультура — (физиолога называли физкультурником).

«Нечего и негде читать».

В ординаторской проходной двор.

«Порватые мягкие ткани бедра».

Рядом разорвавшейся фугасной бомбы —

«Фирдман — Александр Александрович.

№2. Начат 25 мая 1942 г. Окончен 6 ноября 1942 г.

20.11.1942.
НА АВТОМОБИЛЕ ПРОЕХАЛИ

15 по 23 — 603 км.

23 по 30 — 444.
1047 км.

Поти — Кутаиси — 120

До Батуми: 1167 км.

Взял из дому 9.IX. 1942 перед поездкой на Север и Ленинград 1900 р. и на 3000 аккредитив.

Получил в Москве за «Ожоги» 800 р.

Заплатил «Международной книге» — 500 р.

ПРОВЕДЕННЫХ ДНЕЙ

2–3–4 — поезде.

4–11 — Москве.

11–15 — поезде.

15–19 — Магри.

19 — автомобиле.

19 ночью Фальшивый Геленджик.

20 — авто — Новороссийск — Геленджик.

20 — ночью — Фальш. Геленджик.

21 — авто.

22 — Магри.

23 — авто.

23–28 — Сочи.

28 — авто.

28 — ночью спали в Гаграх.

29 — авто.

29 — ночью спали Очамчиры.

30 — автомобиле — Очамчиры — Поты.

1–3 — Поты.

3 — авто Поты — Кутаиси.

4 — Кутаиси.

4–5 — Кутаиси — Батуми

5–6 — Махинджаури.

6–7 — Тбилиси — поезд.

ДНЕВНИК

№ 3

**Начат 7 ноября 1942 г.
Окончен 10 мая 1943 г.**

7.XI.1942. Состояние адмирала хуже. Марковский находит, что в левом легком лучше, лучше и в правом. Однако общее состояние хуже. Т° держится на высоких цифрах 37,8–38,6°. П. 136. Кровь еще остается хорошей. По-видимому, все же дело идет о септическом очаге в легком. Учащение пульса опередило и в данном случае все другие признаки, говорящие об ухудшении общего состояния. Однако состояние чуть лучше, чем вчера.

Прилетел Мясников. На консилиуме вечером ничего не прибавилось нового. Даем сульфидин, хотя больного от него тошнит и рвет.

Тов. Сталин вчера вечером произнес речь, в которой он дал четкий анализ как нашего, так и международного положения.

Все ждем, что завтрашний день должен явиться решающим в дальнейшей судьбе адмирала.

8.XI. Адмирал ночь спал хорошо, мало жаловался на боли в культе. Общее состояние нехорошее. Температура с утра 38°, П. 136. Жалуетесь на слабость.

Готовлю все для пункции правой плевры. Но беда заключается в том, что сначала надо подготовить Ольгу Васильевну, затем адмирала. Все это очень трудно.

Сегодня впервые после продолжающегося улучшения состава крови намечилось ухудшение.

	Нб	кр.кр.ш.	эозиноф.	Колич. лейкоцитов
6.XI.	53%	3.44	2%	4.8
8.XI.	52%	—	3.31	3.4

в особенности уменьшились белые кровяные шарики.

Если в начале нас, и в частности меня, Ольга Васильевна и адмирал называли спасителем, то сейчас она говорит о том, что мы плаваем, что что-то неясно. Всяким простым мероприятиям она оказывает сопротивление. Даже прокол плевры вызывает протесты.

Сегодня впервые с утра адмирал говорит, что ему совершенно не хочется есть. Как это ни печально, но все больше и больше вырисовывается картина сепсиса. Решили просветить дома легкие. По-моему, это бесполезное занятие, поскольку при положительных данных все равно следует колоть, об этом же приходится думать и при отрицательных результатах.

На снимке обезызвленные очаги (туберкулезные); в правом легком очаги, но неясно — не то рассеянный туберкулез, не то септические очажки, скорее последние.

14 ч. 15 м. Т° 39,2°. Бредит, состояние плохое; ничего не ест.

Оперировал в госпитале 2454; на незаживающую язву голени сделал пересадку кожи по Тиршу. В операционной тот же беспорядок, что и раньше.

Проклятый день. Сегодня получил от Нины следующую телеграмму: «Сегодня сломала шейку бедра, перелом вколоченный, вблизи анатомической шейки, не беспокойся, состояние хорошее, что советуюсь». И в такой момент меня нет дома и никого из близких! Даже и при этих обстоятельствах я не могу просить, чтобы меня отпустили домой. Нельзя уходить с поста в самый тяжкий момент. Послал Нине телеграмму, как поступить. Надеюсь, что мои товарищи догадаются взять сестру, кото-

рая будет ухаживать за Ниной. Во всяком случае, в этом направлении пошлю телеграмму. Больше всех рассчитываю на распорядительность и внимание со стороны Георгия Аркадьевича.

Приехал Иван Степанович Франгулян — этот ворон, который, по-видимому, появляется в ожидании плохих дел. Он передал просьбу Чарквиани, не нужна ли нам какая-либо помощь, в частности со стороны местных профессоров. Я понял намек и сказал, что, пожалуйста, сколько угодно, к терапевтам я просил добавить туберкулезника. Вечером состоялся консилиум из <нрзб.> человек. Как все консилиумы, и этот ничего не принес для больного ни в смысле диагностическом, ни в смысле лечебном. Решили, как это и предполагали мы сами сделать — сульфидин вечером отменить и завтра перелить кровь.

Вечером были вместе с Борисом Александровичем у Мухадзе. Было очень мило и хорошо, если бы на душе было бы спокойнее.

Вечером, когда мы вернулись, мне сказали, что адмирал очень хочет меня видеть. Я зашел к нему. Слаб, бредит, несет всякую чушь. Я попросил его уснуть, что он и сделал.

9.XI. Против всяких ожиданий у адмирала температура 37,2–38,4, П. 108–126. Общее состояние значительно лучше. Состав крови продолжает ухудшаться. Перевязку перенес хорошо. Рана более вялая, но совершенно чисто.

Ввиду наметившегося улучшения и какой-то стабилизации организма решили выждать с переливанием крови. 11 часов — спит спокойно.

Послал Нине телеграмму, чтобы пригласили методиста по лечебной физкультуре.

Вместе с Петровым, по приглашению Г.М. Мухадзе, были в заведываемом, вновь построенном Институте переливания крови. Хорошее 2-этажное здание. Но весь институт пронизывает какое-то «простецкое впечатление». Понятия о масках в операционной имеют для них скорее формальное значение, чем реальное.

Грузтаг официально сообщил, что американские войска высадились в Северной Африке во многих точках, и в частности в Алжире. За этим, по-видимому, следует полагать, что правительство Петена лишится Африки, а армии Роммеля будет преграждено отступление. Трудно, конечно, предвидеть дальнейшее развертывание событий, но сегодняшний день следует считать поворотным в исходе этой ужасной войны.

Конечно, никто в последний момент не вспомнит о заслугах нашей страны. Но не будь славных защитников Сталинграда, то мало вероятно, чтобы оказалось возможным думать о втором фронте!

10.XI. Приехали Андреев, Трофимов и Циалкович. Доложили Андрееву о всех изменениях, которые произошли в здоровье адмирала за время его отсутствия. Дискуссия, руководимая Ф.Ф., заняла больше часу. Как в смысле диагностики, так и терапии стоим так же, что и раньше: или сепсис, или туберкулез.

Утром и целый день общее состояние хорошее, П. 96–100–108, прекрасного

наполнения, $T^{\circ}37,6-39,6^{\circ}$. Бредит. Целый день ел хорошо. Меня позвал к себе генерал Армии Иван Владимирович Тюленев по поводу хронического бурсита olecrani. Хочет оперироваться, но нет времени. Шикарная квартира бывшего немецкого консула.

Вечером с Петровым обедали у Комахидзе, б. НКЗ Аджаристана; был Мухадзе.

Приехавший Трофимов рассказал мне, что больной с артериальной аневризмой, которого я оперировал в Баку, погиб на 5-й день от абсцесса легкого и плеврита.

Был в госпитале № 40. Нагноился больной с артериовенозной аневризмой бедра. Нога в хорошем состоянии, теплая. Рану целиком пришлось раскрыть.

Американцы и англичане продолжают высаживаться в Северной Африке; англичане продолжают громить армию Роммеля.

Послал заказное письмо Нине.

Относительно нашего отъезда все темно и совершенно не ясно. Как бы хотелось бы быть дома, что делает одна моя бедная Нинуля с переломанной ногой?

Сегодня Андреев послал шифrogramму начальнику Академии, прося сообщить состояние здоровья Нины и организовать уход.

Что нам готовит завтра адмирал, сказать невозможно!

11.XI. Сегодня истек месяц с тех пор, как мы впервые приехали к адмиралу. Состояние общее остается хорошим, пульс — 104, вполне удовлетворительного наполнения, но температура $38,6^{\circ}$. Все нерешенной остается также про-

блема — сепсис или туберкулез. Ест много и даже с аппетитом. Эозинофилов 4%, РОЭ — 60. Появляется предположение — не тиф ли?

Я в плену, уехать никуда не могу, да и здесь активно делать нечего!

Был в железнодорожной больнице в нервной клинике по приглашению НКЗ по поводу больного после огнестрельного ранения черепа.

Высадка американских и английских войск в Африке продолжается. Адмирал Дарлан и главнокомандующий армией Виши Жюнен сдались в плен американцам. Вот это здорово.

Получил телеграмму от Нины: «Дорогой мой, не беспокойся, лежу мешками песком — самочувствие хорошее, уход прекрасный, жду нетерпением приезда».

18 часов адмирал бредит. T° — $39,1$.

23 часа. Сильно бредит. Только что от адмирала пришел Петров, говорит, что status thyphosus.

12.XI. Это был один из самых тяжелых дней как для адмирала, так и для нас. Позавчера Ф.Ф., поддержанный Мясниковым, исходя из предположения, что у адмирала сепсис, решили давать ему стрептоцид. Все мои уговоры не помогли. Я говорил, что он очень плохо переносит сульфамидные препараты, что при даче сульфидина в первый раз он чуть не умер. Уже одиннадцатого числа на коже появилась сыпь, которую Мясников вполне правильно толковал как стрептоцидную. Но одиннадцатого числа, когда адмиралу дали 6,0 стрептоцида, температура не только не имела наклона к падению, но,

наоборот, достигла 39,6°. Ночь с 11-го на 12-е была ужасна, бред достиг максимальных степеней.

В 2 ч. ночи прибежали будить, что больной старается встать. Петров побежал, и казалось, что положение ужасно. Кое-как дотянули до утра. Но утро готовило нам сюрприз в максимальной степени.

С утра проливной пот, лицо бледное, через каждые полчаса приходится менять белье. Прямо плавает в луже пота; матрацы, которые меняют, промокают. Около 10 часов. Я приподнимаю ножной конец кровати. Под кожу кофеин. Впечатление, что он выходит мало-помалу из этого состояния. Но вид умирающего, мертвенно-бледный, мокрый, дремлет с открытыми белками.

При этой картине Ф.Ф. уже не настаивал на повторной даче стрептоцида. Так возились мы до вечера, и ни у кого не было надежды, что он вытянет. Но к вечеру он стал становиться более теплым, лицо стало более розовым, но вид ужасен.

Установили дежурство. До 12 часов дежурил я. Ни на одну секунду он не успокаивался, все кричит, бредит. Т° 39,3°. В 21 ч. дал 2 порошка пантопона, но это не оказало никакого влияния. В 23 часа добавил бромурал, но и это не намного улучшило дело. Всю остальную часть ночи состояние было не намного лучше.

12.XI. К общему удивлению, состояние адмирала с утра лучше. Цвет лица розовый, ест, и много. В полном сознании. Т° 37,0–37,4–39,0.

Приходил главный хирург Закфронта Александр Иванович Арютюнов —

справлялся насчет здоровья. Мы его пригласили на состоявшийся еще один бесполезный консилиум с участием Андреева, меня, Мясникова, Марковского, проф. Георгия Владимировича Местиашвили (фтизиатр), Петрова. Боже мой, до чего бесполезный народ терапевты, в особенности наш. Они боятся сказать какое-либо четкое мнение. Туберкулез или сепсис. Чтобы не ошибиться, на первом плане туберкулез, но... и вдруг еще сепсис. Я лично полагаю и говорю громко, что это обострение туберкулеза.

Утром получил телеграмму от Георгия Аркадьевича. Я был очень огорчен, так как я полагал, что он давно в Кирове, и считал, что он поможет Нине, между тем оказалось, что он еще в Москве. «Сообщите телеграфно ожидать ехать Киров отправлено письмо Громы Тбилиси Националь комната 221. Зедгенидзе». Я послал телеграмму, чтобы не ждал.

Сегодня пришла вторая телеграмма от начальника Академии, в ответ на шифрограмму Андреева. «Передайте Тбилиси-Исакову-Джанелидзе. Лечение ведут Мельников-Пунин, состояние хорошее, организации ухода не беспокойтесь».

Сегодня отправил телеграммы: Нине, Жоржу, Зедгенидзе, Степановой. Написал письмо Нине; отправляю завтра вместе с Трофимовым (Алексей Михайлович). Собирается завтра уехать и Триумфов.

Утром приходил Гигоча, сообщил, что его сына выпустили на поруки. Преобразился, стал снова похож на себя.

14.XI. Состояние, в общем, лучше, хотя с утра Т° 38,3 и пульс 120. Спал лучше. Приучаем лежать при открытых

окнах. Ест хорошо. Утром Ольга Васильевна начала проявлять великокняжеские тенденции; недовольна, что Мясников сегодня посмотрел больного. Достаточно того, что вчера его мучили. Я ее отчитал, но это едва ли доходит до ее нутра. перевязка, рана совершенно чиста. Состав крови улучшается.

Вместе с Андреевым, Мясниковым и Уполковичем поехали на гору Св. Давида. Туман, видимость ограниченная, но все же Тбилиси сверху прекрасен.

Сегодня уехали проф. Триумфов и Трофимов; послал письмо Нине и небольшую посылку. Из Москвы прилетел Громов; привез лекарства для адмирала. Говорит, что в Москве -11° , холодно. Большие холода по всей трассе; он одет во все меховое, в унты, но и то холодно лететь. Они ночевали в Куйбышеве и в Баку.

Громов сообщил, что на банкете 7 ноября тов. Кузнецов сказал, что тов. Сталин справлялся о состоянии здоровья Исакова. Кузнецов ему сказал будто бы, что для его спасения делается все. Хорошо ему обещать!! А между тем сегодня вечером у адмирала $T^{\circ} 40,2^{\circ}$. Странно при этом, что он не бредит, попросил меня прочитать ряд информации, рассуждает вполне здраво. Пульс вполне удовлетворительного наполнения.

15.XI. Ночью адмирал сильно потел; пришлось его переодевать три раза. С утра $T^{\circ} 38,3$. Серый цвет лица. Первый раз спал ночь хорошо, без наркотических препаратов. Принимая во внимание, что все больше и больше склоняются к мысли, что у адмирала туберкулез, то я полагаю, что было бы правильнее, чтобы мы,

хирурги, отодвинулись на второй план и предоставили лечение фтизиатру. Можно было бы мало-помалу высвободить и Мясникова. Со всеми моими соображениями согласился Андреев. Поэтому мы пригласили проф. Местиашвили и вели с ним переговоры в этом смысле. Но после сегодняшнего обследования больного у Местиашвили снова возникли сомнения. Он полагает, что одним туберкулезом нельзя объяснить всю картину. Поэтому он с проф. Мясниковым ездили к проф. Назаришвили (рентгенологу). Последний не дал окончательного ответа; туберкулеза он не отрицает, но не исключает и катаральную пневмонию. Для окончательного решения вопроса он предлагает сделать еще один снимок на сверхчувствительной пленке.

Консультировал нескольких больных в э/г № 2454.

13 ч. 40 м. Только что пришла Ольга Васильевна, говорит, что температура $39,1^{\circ}$, в отчаянии, говорит, что больной такой температуры не выдержит, с чем нельзя не согласиться.

Адмирал явно тает на глазах. Исхудал, после обеда отказывается есть. Вечером температура $40,1^{\circ}$. Вечером я дежурил от 22 до 24 часов. Все время стонет, ни минуты не знает покоя, переворачивается, обтирает себе лицо, шею, разбрасывается, но не потеет.

16.XI. Пришел Местиашвили; он смотрел больного вместе с проф. Мясниковым. Местиашвили снова сомневается вместе с Мясниковым. Но после всех утренних визитов мы с Петровым зашли к адмиралу; выглядит хорошо, в полном сознании. Чрезвычайно остроумно рас-

сказывает, как сестра ему ставила термометр и держала его столько времени, сколько продолжались два действия «Кармен», на часы не смотрела. Затем он нас спросил: «Неужели вы и по сей день сообщаете в Москву только, что состояние Исакова удовлетворительное, даже после того, что у меня имеются явления в легких?» Мы ему ответили что-то, что есть на самом деле. Не скажешь, в чем именно выражается улучшение, но кажется, что, несмотря на очень высокую температуру, в общем состоянии организма заметно минимальное улучшение. За это же говорит состав крови. Нб — 49%, З с лишним миллиона красных кровяных шариков, 4% эозинофилов и 40% лимфоцитов.

Но сколько раз он после луча надежды заставлял нас разочаровываться. Поэтому приходится быть очень сдержанным в радости.

Днем было заседание с врачами госпиталя 2454 под председательством Андреева по поводу прихода проф. Цхакия. Выступали Петров, Мясников, Цхакия. Долго говорил Андреев. Я предпочел воздержаться, благо вызвали к адмиралу. Приехал Каганович. Он на меня произвел плохое впечатление. Говорит свысока, как разжиревший, надменный барин. Требуется, что коли у адмирала туберкулез, то его необходимо немедленно перебросить в Абастуман. Я разъяснил ему, что этого сделать совершенно невозможно. По его лицу я видел, что он остался не удовлетворен моими объяснениями. Я не уверен, что после его прилета в Москву к нам не пришлют дюжину врачей!!

Из исследований, до сих пор нами не произведенных из-за того, что каждый укол вызывает протесты со стороны адмирала, мы не делали посева крови. Но сегодня мы исправили и этот дефект. Мы вызвали Николая Петровича Палиашвили. Мы ему показали гемограммы, он сказал, что это не похоже на сепсис, что кровь будет стерильной, но все же взял кровь на посев. Я лично полагал и полагаю, что последнее повышение температуры зависит исключительно от туберкулеза в легких.

Получил несколько телеграмм от Нины и от Жоржа. История с перепутанной телеграммой. Вчера в телеграмме я просил Нину послать в Москву мою теплую шапку и жилет.

17.XI. Дежурил у адмирала вчера вечером от 22 до 24 часов. Ведет себя как в прошлую ночь. Все время стонет, вертится, в полном смысле слова не находит себе покоя.

С утра 38,9°. Общее состояние значительно хуже. Обычно по утрам, даже после тяжелой ночи, он бывал более бодр. Сегодня даже не предъявляет жалоб. Решено, чтобы проф. Назаришвили сделал еще раз снимок на чувствительной пленке. Но даже от блестящего снимка едва ли будет какой-либо толк для адмирала. Я полагаю, что его дни сочтены. Он должен погибнуть в ближайшие дни. Если я вчера еще мог успокаивать Ольгу Васильевну, то сегодня на это не хватает слов.

Пока рентгенолог и бактериолог дадут свое окончательное заключение, мне хочется записать мотивированное заключение, почему мне кажется, что

вся клиническая картина соответствует острой вспышке туберкулеза.

12 часов.

1. В анамнезе у больного туберкулез с многократными вспышками.

2. Старые туберкулезные очаги в легких, доказываемые рентгенологически.

3. Для сепсиса нет исходных точек. Рана совершенно чиста. Допустить какой-либо септический тромб в подвздошной вене нет никаких данных: ни болезненности, ни отеков (вокруг ложи культи, половых органов).

4. Язык все время остается влажным.

5. Нет сыпи.

6. До сегодняшнего дня хорошо ел.

7. *Красная кровь сохраняет хороший состав, все время эозинофилы.*

8. Если бы в легких были бы септические очаги, то где-либо плевра должна была бы реагировать, чего нет.

9. Заболевание, правильнее, осложнение, началось бурно, как воспаление легких, что, по-видимому, соответствовало моменту острой туберкулезной вспышки.

Назаришвили говорит, что снимки вышли хорошие, но на них ничего нет, чтобы объясняло тяжелую клиническую картину. Что же дальше?! Подождем кровь!

13 часов. Сидел у адмирала. Говорит совершенно нормально. Он уверяет, что немцы подбросят в Тунис и Бизерту самые опытные в боях войска, которые должны будут нанести поражение американским войскам, что они и сделают. На конечный результат это не ока-

жет влияния. После заключения мира у нас будет период анархии в армии, начнется пьянство, падет дисциплина. Обо всем этом следует подумать сейчас же.

Вопрос о диагнозе становится мучительным. Если нет туберкулеза, то это нам развязывает руки в смысле переливания крови, к чему следует приступить немедленно ввиду резкого ослабления сил больного. Но диагноза нет!!

Вечером состоялось заседание Хирургического общества, председательствовал проф. Закария.

Состояние адмирала плохое.

18.XI. Спал плохо. Состояние не хуже вчерашнего. Пальцы дрожат меньше. T° утром $38,8^{\circ}$, на одну десятую меньше, чем вчера, но если посмотреть на кривую, то получается впечатление, что T° имеет тенденцию к снижению; может быть, это зависит от ослабления больного. Пульс 126.

Состоялся еще один бесполезный консилиум. Присутствовали Андреев, Мясников, Местиашвили, Назаришвили (Георгий Петрович), Микеладзе (рентгенолог — Давид Алексеевич), Петров, я, Миневиц (рентгенолог), Рубецкая.

Трехчасовые разговоры не привели к определенным результатам. Рентгенологи в конце концов признали, что у больного имеется старый туберкулез. На одном снимке от 11.XI. видны следы обострения, на другом от 17-го следов обострения нет. Поэтому решено снова произвести снимок. Фтизиатры считают, что одним обострившимся туберкулезом нельзя объяснять всю клини-

ческую картину. Мясников считал, что у больного сепсис; туберкулез практического значения не имеет. Андреев высказывается и за туберкулез, и за септическое состояние одновременно. Петров думает, что это сепсис.

Я доказывал, что это не сепсис, а, по-видимому, обострение туберкулеза легких. Мы задали вопрос туберкулезникам, допустимо ли перелить кровь? Они предложили выждать до завтрашнего дня. За это высказались я, Андреев, Мясников. Петров предлагает перелить кровь сегодня. Решили сегодня ограничиться введением внутривенно 50–40% глюкозы. Во исполнение того решения Петров попытался ввести глюкозу, но не попал в вену. Он резко стонал, ругался. Через минут десять прибежали сказать, что ему плохо, он потеет. Я пришел, он весь был покрыт потом, но пульс оставался удовлетворительным. Я был искренне рад, что на сей раз не попали в вену.

Вечер я провел у Володи Немсадзе.

Когда я вернулся домой, Петров мне рассказал, что он хочет меня обрадовать, что у адмирала вечером температура снизилась до 38,3°, он потеет. Вместе с Мясниковым они допускают, что разрешается катаральная пневмония.

Получил телеграмму от Георгия Аркадьевича и от врачей «Скорой».

Исходя из предположения, что наконец найдена разгадка, что наконец мы имеем правильное решение, мы начали строить планы насчет нашего избавления от плена и отъезда. С этими радужными надеждами мы легли спать.

19.XI. Утро опять нас разочаровало. Общее состояние плохое. Т° с утра 38,7°, а вечером 39,6°. Больной имеет тифозный вид, часто бредит, но если проследить ряд дней, то нет впечатления, что состояние резко ухудшается. Я настолько сомневаюсь в возможности брюшного тифа, что попросил у Володи работы по брюшному тифу.

В присутствии большого числа профессоров (Иоселиани, Цханая, Пипиа, Вепхвадзе, Андреева) и большого числа врачей (Кукуджанов, Осидзе и др.) оперировал в госпитале 2454 (ул. Читадзе, № 6) раненого с артериовенозной аневризмой правой подключичной артерии и вены. Разрез по Sincert'у, ключица перепилена в двух местах.

Краснофлотец Серебренников Геннадий Иванович — 19 л. Ранен 22.VIII. 1942 г. Я нашел почти тотчас под ключицей мешок на вене размерами в грецкий орех. На этом месте ясное жужжание. На центральный и периферический концы сосудов наложены Гефнеровские зажимы. После тщательного выделения мешка последний вскрыт. Разрез в стенке вены расширен. В стенке вены, припаянной к артерии, найден свищ продольно-овальной формы 3x3 мм с гладкими краями. На дефект в стенке артерии наложено около 8 одиночных шелковых швов. После этого с центрального конца подключичной артерии снят жом и швы испытаны под давлением. Оказалось, что закрытие дефекта надежное. Снят жом с периферического конца артерии. Прходимость артерии полная. Разрез в стенке вены зашит одиночными шелковыми

швами. Подведен тампон, выведенный из отдельного разреза. Мягкая повязка.

20.XI. Температура регулярно идет на снижение, хотя и очень медленно. Сегодня ожидают прилета из Москвы фтизиатра Эйнес. Его рекомендовал Ольге Васильевне ее духовник врач Кагановский. Этот самый врач, которого в день приезда в Сочи она просила не пускать к адмиралу.

Эйнес Владимир Львович прилетел после обеда. Вид приличный, по-видимому, свое дело знает. Боязлив. По-видимому, медлителен. Десять раз спрашивает одно и то же. Часами изучает историю болезни. К вечеру восторги Ольги Васильевны начали таять. Новый профессор ему не понравился.

21.XI. Температура регулярно идет на снижение. Пульс 104–108 вполне удовлетворительного наполнения. Самочувствие вполне удовлетворительное. Мне все равно, пусть выздоравливает без диагноза.

21.XI. Консилиум в составе Андреева, меня, Мясникова и Эйнеса. После долгих обсуждений пришел к заключению, что у больного обострения туберкулеза нет. Возможно, что была вспышка септического процесса, исходящего из глубоких вен. Я не могу отрицать, что эта вспышка соответствует катаральной пневмонии, которая затянулась и теперь разрешается.

Выставил нахала Кагановского: «Приятные разговоры» Ольги Васильевны.

Вечером приходил Яша Дворковский; я с ним когда-то кончал гимназию. Ему сейчас 58 л., на вид кахектический старец.

Петрову написала Татьяна Сергеевна, что в Медгизе потребовали из сборника Юдина изъять статью Шаака. Будет история и с хирургией, там также потребуют вырезать его статьи. Завтра улетает Циолкович (Лев Яковлевич), отправил с ним посылку для Нины, яблоки, лимоны, мандарины, шоколад, больше письмо.

Вечерняя T° у адмирала снизилась до $38,2^{\circ}$.

22.XI. День кажется особенно радостным. У адмирала за целый день T° не повышалась выше $37,8^{\circ}$.

Днем вместе с Андреевым, Мясниковым и проф. Эйнисом поднялись на гору Давида. Чудесный вид. Вечером вместе с Андреевым должен был обедать у Кукуджанова. Но около 14 часов дня у Андреева начался приступ малярии, из-за которого он должен был остаться дома. У Кукуджанова я обедал вместе с Иоселиани. Очень приятная и милая семья.

23.XI. От Нины получил две телеграммы, вчера телеграмму от Жоржика. Послал телеграммы Нине, Осе. Утром в госпитале № 40 смотрел, как оперирует Петров. Очень хорошо, четко и спокойно. Вечером вместе с Андреевым обедал у Георгия Петровича Назаришвили. Среди присутствующих был Шалва Исакович Нацубидзе, автор перевода Шота Руставели. Он считается одним из лучших ораторов Грузии и, действительно, говорит хорошо.

Радостные вести приходят с фронта. Наша армия начала окружение немецкой армии, наступающей на Сталинград. Лишь бы удалось хоть раз довершить хорошо начатое дело.

24.XI. Разгром немцев продолжается. С утра вместе с Петровым был на кафедре топографической анатомии и оперативной хирургии у проф. Иоселиани, где оперировал на трупе; сделал операцию Sencert-Lexera по поводу артериовенозной аневризмы подключичных сосудов. Заказал рисунки художнику. Вечером был на заседании Хирургического общества, где условно заявил доклад на 1-е декабря — «Артериовенозные аневризмы подключичных сосудов и их лечение».

Я заявил Ольге Васильевне, что ввиду падения температуры и улучшения состояния адмирала мы решили уехать.

25.XI. С утра через дверь О.В. сообщила две радостные вести. Разгром немцев продолжается, и что у адмирала T° $36,7^{\circ}$. Мы все ужасно обрадовались, убежденные, что это конец нашим мукам. Но в 13 часов T° опять поднялась до $38,0^{\circ}$. Будем надеяться, что все образуется.

В медицинской библиотеке нельзя достать самые даже распространенные журналы.

Вместе с Андреевым и Петровым обедали у Лены. Мясников ведет себя по-свински.

26.XI. У адмирала явления легкого психоза, вчера ударил жену доской; несет часто чушь. Общее состояние хорошее. T° утром $37,8^{\circ}$. Сегодня Андреев получил от Кузнецова телеграмму, в которой он разрешает выехать Андрееву в Москву, а Джанелидзе и Мясникову в зависимости от согласия адмирала.

Был с Петровым в клинике Мухадзе, отбирал больных для операции в субботу. Григорий Михайлович сказал мне, что

сделал спинномозговую анестезию 2 куб. см. 6% новокаина. Наступил коллапс, из-за которого с больным пришлось возить 3/4 часа. Осматривал клинику Цхакая.

Получил телеграммы от Нины и от Зедгенидзе. Вечером вместе с Андреевым и Петровым обедали у доктора Никурадзе. Было человек 25.

27.XI. Адмирал в прекрасном состоянии. T° в пределах $37,4-37,8^{\circ}$, П. 104. Общее состояние очень хорошее. Кажется, на сей раз окончательно мы можем думать о прочных результатах и о возможности отлета. Сижу дома, готовлюсь к докладу.

Рутковский сообщил, что наши войска 24.XI перешли в наступление на главном направлении Ржев — Великие Луки. По его словам, направление на Сталинград и вся эта операция является вспомогательной.

28.XI. Состояние адмирала совершенно хорошее. Заметно поправился. Аппетит прекрасный T° в пределах $37,2-37,3$. Есть все основания полагать, что мы можем спокойно уехать.

Вчера обедал у Мавры, среди домашних.

Сегодня с утра оперировал больного с рубцовым стенозом в клинике у проф. Мухадзе. Оперировал хорошо. Была масса врачей. После меня Петров оперировал больную с пептической язвой анастомоза. За несколько часов до операции наступила перфорация, которую обнаружили только на столе до операции. Перфоративное отверстие было ушито.

Нас накормили «донорским обедом» в столовой Института переливания

крови; с нами обедал проф. госпитальной терапевтической клиники Николай Андреевич Кипшидзе.

Грузтаг сообщил о гибели французского флота в Тулоне, который они сами потопили. Несчастливая страна!!

29.XI. Сижу дома, готовлюсь к докладу. Совинформбюро сообщило о нашем удачном наступлении в направлении на Ржев — Великие Луки.

Состояние адмирала настолько хорошее, что к нему пропустили подряд Тюленева, Мачавариани и Зотова. Утром температура 37,4° — после всех визитов 38,4°. Вывод, который необходимо сделать, — не пускать к нему посетителей.

Просили у Тюленева самолет, но он говорит, что у него всего один «Дуглас», и тот улетел в Ташкент. Андреев послал телеграмму в Москву, прося самолет.

30.XI. Сижу дома, готовлюсь к докладу.

1.XII. Сегодня Андреев получил от наркома Кузнецова следующую телеграмму: «Учитывая плохую погоду, предлагаю ехать поездом». Вот это здорово! Теперь, конечно, мы мало нужны!!

Приходил Пагава. Я ему сказал, чего он стоит как начальник. Штучки с делегацией, а адмиралу — в защиту Пагава!!

Вечером докладывал в хирургической секции об «Артериовенозных аневризмах подключичных сосудов». Масса народу, около 400 человек. Председательствовал Мухадзе. Докладывал хорошо. Ввиду отсутствия у кого бы то ни было какого-либо в этом вопросе опыта прения носили беспредметный, словесный характер.

Председатель говорил о том, что они постараются подражать мне. Я благода-

рил всех товарищей, в частности Мухадзе, Цулукидзе, Иоселиани, Дометрадзе, Назаришвили, Аладашвиди, Кукуджанова, которые действительно проявили массу внимания и оказали мне помощь. Я сказал, что двери массы клиник и лечебных заведений были передо мной открыты, для меня разыскивали литературу, делали рисунки. Трудно даже себе представить, как они были любезны. Для большинства из них я действительно являюсь учителем. Только для меньшинства из них, как, например, проф. Эристова, я являюсь конкурентом, и мое присутствие в Тбилиси, конечно, не желательно.

После доклада нам устроили чай у Мамеда Комахидзе, где собралась руководящая верхушка. Когда мы возвращались домой, то шофер сообщил нам, что пришел какой-то самолет, который летит в Ташкент. Оказалось, что прилетел «Дуглас» наркома с командиром корабля полковником Лоб. Мы с ним летали из Москвы в Сухуми. Мы, конечно, все очень обрадовались. Оказалось, однако, что Лоб летит в Ташкент ставить машину на ремонт. Нам они рассказали, что из Москвы до Тбилиси летели десять дней. Условия полета очень тяжелые. Ничего не оставалось сделать, как экстренно готовиться к отлету.

2.XII. Готовимся к отлету. Днем побывал у Председателя Верховного Совета Георгия Федоровича Стуруа по делу Мочика. Он любезно согласился помочь. Обедал у Лены, которая с изумительным рвением и щедростью готовит для меня посылки.

Вечером разболелся зуб, и пришлось идти в госпиталь к зубному врачу; доста-

точно чисто и толково поставлено дело. Вечером приходили прощаться проф. Цулукидзе, Иоселиани и Цхакия. Днем в НКЗ было заседание комиссии по делу Пагава. Присутствовали: нарком, Цагарели, я, Андреев, Цулукидзе, Иоселиани. Постановили: Пагава окончательно снять. Не уверен, что он и на сей раз не останется. Якобы он уверял, что 1-й секретарь горкома Кандид Нестерович Чарквиани ему обещал, что он будет снова начальником!! Все возможно!!

3.XII. С утра сидим, ждем погоды с аэродрома. В 12 ч. нас известили, что можно ехать. Мы приехали в 13 ч. 35 м. Нам сказал полковник Лоб, что мы опоздали на 5 мин. После 13 ч. 30 м. не разрешают подняться в воздух. Мы уложили свой «скромный багаж» на самолет, и я по крайней мере, не без удовольствия вернулся домой.

Вечером я созвал совещание: проф. Цулукидзе, Иоселиани, Цхакия и Петров. Я обсуждал с ними те вопросы, которые, по моему мнению, подлежат освещению в ближайшее время. Среди них:

- 1) Долительно не заживающие раневые поверхности и их лечение. Все виды пересадки кожи. Созвать по этому вопросу конференцию в конце февраля.
- 2) Инородные тела.
- 3) Сосудистая хирургия.

У адмирала вечером T° 36,9°. Состояние хорошее. К счастью, наше предсказание не оправдалось. Много бы собак на нас повесили, если бы он умер, хотя вины с нашей стороны и не было бы. На прощанье адмиральша сказала, что они у меня в неоплатном долгу!!

4.XII. Встали рано. Приехала Ляля меня проведать, провожал и Б.А. Петров.

В 8 ч. 30 м. мы были на аэродроме, до которого нужно ехать минут 30. Прекрасное утро. Солнце, тепло. В 9 ч. мы поднялись в воздух. Совершенно спокойный полет. Слева виден Кавказский хребет со своими чудесными вершинами. Ровно через 2 ч. мы опустились в Баку, где мы должны были забрать часть морских врачей, которые направляются на пленум в Киров.

Мы взяли только 7 человек, так как машина максимально перегружена и без них. Пришлось оставить 4 врачей, которым предложили ехать поездом. Когда они еще доедут, по-видимому, после пленума. Часа через 1¹/₂ мы снова поднялись в воздух и за 50 м. пересекли Каспийское море.

Ненадолго сели на аэродром в Красноводске и в 15 ч. 45 м. опустились на аэродроме в Ашхабаде, где мы предполагали ночевать. Наступила ночь. Батальон предоставил нам автобус, которым управляла милая девочка Лида, которая еще кое-как умела править, когда она сидела за рулем, но становилась совершенно беспомощною, когда машина останавливалась. Одно из таких несчастий и произошло перед каким-то двором, который оказался военным госпиталем. Нас очень хорошо приняли, устроили. Мы хорошо провели ночь.

5.XII. Вылетели из Ашхабада в 9 ч. Предполагалось, что мы сядем в Чарджоу, заправимся и затем следующую посадку сделаем в Самарканде, где меня на аэродроме должны были ожидать

Жоржик и Вера. Командир батальона выразил сомнение относительно возможности посадки «Дугласа» на аэродроме в Самарканде из-за незначительных размеров последнего. Пошли справляться, оказалось, что действительно «Дуглас» на Самаркандском аэродроме посадить невозможно. Полковник Лоб, командир корабля, мне сказал, что он еще сам посмотрит, и если увидит, что можно сесть, то он сядет. Но было очевидно, что он этого сделать не сможет. Он мне предложил написать письмо, которое они сбросят над аэродромом.

Я написал Жоржику письмо, где объяснил, почему мы не смогли сесть. Мы сделали круг над аэродромом в 12 ч. 30 м., аэродром в действительности пригоден У/два, но не для «Дугласа». Один из механиков сбросил письмо, к которому был приделан хвост из марли. В письмо я вложил одну из своих карточек, вложил его в конверт, написал адрес Жоржика и на отдельной записке просил нашедшего бросить его в почтовый ящик. Не знаю, исполнил ли кто-либо мою просьбу.

В 2 ч. 3 м. при прекрасном солнечном освещении сели на аэродром ВВС в Ташкенте. Мы распрощались с командой нашего «Дугласа» № 41. Можем только сожалеть, что они нас не повезут дальше. Около 2 часов ушло на то, чтобы нам прислали машины из госпиталя, и мы переехали. Нелегко сразу принять, устроить, накормить ораву из 12 человек.

Я снова очутился в том самом военном госпитале и даже в той же комнате при приемном покое, в котором жил летом. Мы здесь встретили начальника Акаде-

мии им. С.М. Кирова, дивврача Маслова; он направляется в Москву–Ленинград. Он мне сказал, что вызвал Жоржика в 9 часов 4-го и предложил ему ехать на аэродром. Здесь же я встретил проф. Александра Вячеславовича Шацкого, который от Жоржика мне принес письмо. Жоржик и Вера пишут, что они встречали меня дважды 4-го и 5-го и выражают сожаления, что не могли меня видеть. Я себе представляю, что они думали, как радовались, когда над аэродромом показалась наша машина, как они радовались, когда мы делали круг, как они надеялись, что вот-вот мы сядем, и каково должно было быть их огорчение, когда наша огромная машина, последний раз взмахнув своими крылами, улетела. Хорошо, если они получили письмо, где они узнали, что мы не могли сесть. Шацкий меня заверил, что Жоржик выглядит прекрасно. Он же мне рассказал, что Ольга Владимировна писала ему, что их квартиру в Ленинграде совершенно разворовали, пропал весь их фарфор, остались еще кое-какие книги. Полагают, что это сделала их прислуга, которая у них жила много лет. Разве можно обвинять умирающего с голоду человека, если он распродал всю твою обстановку!!

Шацкий любезно согласился отвезти Жоржику посылки, я посылаю ему ящик мандаринов, индюшку и орехи, которые послала ему Лена, и письмо. Я рад, что хоть удастся сделать это. В первый момент, когда я увидел Маслова, я попросил у него разрешения, чтобы он позволил Жоржику приехать ко мне на день. Он сразу разрешил. Но после, потолковавши, мы пришли к заключению,

что мне следует от этой мысли оказаться из-за отчаянного железнодорожного сообщения.

После долгих колебаний, совещаний, каким путем нам ехать, воздухом на Москву или, наконец, на Новосибирск, мы решили ехать на Москву, хотя обещают, что это может занять до 9–10 дней. Нелегко достать билеты для 12 человек. В конце концов нам на помощь пришел начальник Среднеазиатского санитарного округа, бригаврач Константин Никанорович Павловский. Я с ним встречался в первый свой приезд. Он брат академика Павловского. Производит впечатление умного, наблюдательного человека, не лишено юмора. Хорошо знаком он и с Бахугом. Он приехал к нам и просидел вечер, рассказал много чрезвычайно интересного про Иран.

Начальник госпиталя бригаврач Алексей Николаевич Сырнев производит впечатление очень приличного, скромного служаки, которого окончательно пришибла военная служба!! Он 28 лет служит, и административная работа его замучила. Счастлив, что наконец попал начальником госпиталя.

6.XII. Сегодня поезда нет. Нужно ждать завтрашнего поезда. Хорошо, если будут билеты. Мы стараемся жить московским временем. Но это удается с трудом. В 15 ч. 30 м. совершенно темно, так как по местному времени это 7 ч. 30 м. Утром не хочется вставать, так как по-нашему 6 часов, а у них давно кипит жизнь, так как это 9 часов утра.

Я, Мясников и Эйнис решили побродить по городу; ходили долго и по грязным, отчаянным, настоящим азиатским

улицам, и по изумительно красивой улице Карла Маркса. Я не знаю проспекта, который мог бы конкурировать с ним. Проспект Шота Руставели в Тбилиси, безусловно, красивее, но у него нет мощности проспекта К. Маркса в Ташкенте. Широкая асфальтированная улица, обсаженная огромными серебристыми тополями, — это прелесть!! Вдали снежные горы, которые окаймляют город с юга. Сейчас деревья стоят голые, они лишились листвы. Тем более странное впечатление производит яркое солнце, которое настолько печет, что вначале мы еще кое-как терпели наши шинели. В конце концов не вытерпели и, не обращая внимания на нарушение формы одежды, сняли шинели и таскали их на руках. Особенно хорош был проф. Эйнис, который тащил свою огромную шубу.

Все магазины совершенно пусты. Огромный книжный магазин пуст. В нем еще остались книжки на узбекском языке, они, по-видимому, не имеют большого спроса. Изумительно много магазинов для ремонта часов, масса сапожных мастерских.

Некрасиво, чрезвычайно бедно одеты узбеки. Не отстает в бедности и пришлое население, а его-то здесь уйма. Говорят, что в настоящее время в Ташкенте около 2 миллионов жителей. По крайней мере, столько было выдано хлебных карточек. На самом же деле эвакуационная волна давно перехлестнула все возможности какого бы то ни было учета в городе, в котором статистика едва ли когда-либо имела намерение конкурировать в точности с американской.

После обеда сообщили, что нам за бронировали 3 международных, 3 мягких и на остальных жесткие места до Москвы. Мало верю в реальность этих цифр. Вспоминаю, как они выполнили свое обещание в прошлый раз.

Вечером мы в театре, смотрим «Московские ночи». Пьеса Погодина. Некоторые сцены хороши, другие тенденциозны.

7.XII. Чудесный солнечный день. Написал Жоржику и Вере большое письмо, которое вместе с ящиком мандаринов и отдельным пакетом направляю с проф. Шацким.

Через НКЗ я разыскал Рудольфа Борисовича Жуховицкого. Он живет в Ташкенте. Я направился к нему на машине. Живет он во дворе, в одноэтажной глиняной хибарке, которая имеет около 7x7 кв. м; небольшая передняя и такая же кухня, приблизительно 3x3 метра. Он и она (Любовь Савишна) очень мне обрадовались. Он очень состарился, дряхлый старик, кожа висит на шее, на подбородке, небрит. Он мне рассказал, что эту комнату он несколько месяцев назад купил за 7 тысяч рублей, теперь она стоит 25 т. рублей. Комната чистая, живут очень скромно, он занимается частной практикой и консультирует в двух местах. Она перенесла сыпной тиф и чуть при этом не погибла.

«Штучки» с билетами начинаются, уже нам обещают не 3, а 2 международных, хорошо, если дадут мягкие. Проф. Мясников, со слов проф. Слонима, сообщил, что Мария Владиславовна Мухина осталась в Кисловодске; после вступления немцев ее муж удрал из Кисловодска. Она из-за болезни не могла идти.

Вечер мы провели в борьбе за одно международное место. Один из двух обещанных нам билетов в последний момент отдали какому-то корпусному комиссару. Гурьбой, вместе с комендантом и его помощником, мы направились к начальнику Ташкентской Ж.Д. Он был на партийном собрании, откуда мы его извлекли. После долгих уговоров нам обещали второй билет в международном вагоне. Хотя мы два дня хлопотали из-за билетов, но получили его в последний час.

Никогда не забыть давки, беспорядка и бестолочи, которая была устроена на вокзале. Большинство своих вещей мне пришлось перенести самому. Не найди я в последний момент двух носильщиков, то часть моих вещей осталась бы в Ташкенте. Я невероятно устал!! Наконец, весь мокрый, я вкатил в международный вагон. Мы разместились во второй категории, хотя деньги с меня взяли за первую категорию. Едем в среднем 500 километров в сутки. Холодно в вагоне, сидим, обложив ноги шубой.

8–9.XII. Все еще беспредельные пески. Уныло. Грустно. Редко встречающиеся верблюды и ослики, вот максимум развлечения... Пустыня и грязь!!

10.XII. Сегодня ровно два месяца, как мы вылетели из Москвы, и 3 месяца с момента, как выехали из Кирова. На полях снег, туман. Ночью проехали Аральское море. Больше стоим, чем едем.

Пришел проф. Эйнис из мягкого вагона. Говорит, что ужасно грязный вагон. Всю ночь боролись с клопами. К счастью, мы едем без насекомых.

11–14.XII. Теплые дни мало-помалу сменились холодом, пески Кара-Кума заменились снежными полями. Около Оренбурга много снега, морозы до 15–20°.

Дальше к западу снега стало меньше, морозы сменились оттепелью. В Москву приехали 14-го в 13 часов. В сумме мы из Ташкента ехали меньше 7 суток. При современном состоянии наших дорог — рекордный срок.

14-го числа со мной заговорил Fwo Fi, полностью открыл свои планы относительно будущих своих перспектив. Благо, они не сложны и не мудры. «Вы ввели Петрова в хирургическую семью в Тбилиси. Хотел бы, чтобы вы проделали то же самое со мной в Москве». Из дальнейших разговоров выяснилось, что по окончании войны он хотел бы покинуть пост начальника Медико-санитарного управления и занять кафедру в ВММА. К тому же, еще раньше он как-то мне высказал мнение, что он мечтает кончить свою жизнь главным хирургом ВМФ. На мой вопрос, какую же он хотел бы занять кафедру, он ответил, что кафедра военно-морской хирургии скучна, и он хотел бы занять кафедру общей хирургии. Он также не мечтает быть начальником Академии — это скучно. Он желает занять кафедру общей хирургии. Он совершенно не сомневается, что он совершенно готов для этого дела. С восторгом он вспоминал, как он вел кафедру в Куйбышеве. Я припоминаю, что как-то Ахутин мне сказал, что это было сплошное горе. Нет у меня никаких данных не верить Ахутину. Наоборот, все мои наблюдения совпадают с такой возможностью. На мой вопрос, как он полагает

попасть на кафедру, по назначению или по конкурсу, он мне не мог членораздельно ничего ответить. По назначению, конечно, неудобно, закон не позволит, а по конкурсу всяко бывает. Поэтому ведется политика задабривания профессуры. Но если многие профессора в настоящее время подхалимничают, то в момент, когда Two Fi перестанет быть начальником, эти же профессора повернутся к нему спиной.

Я в жизни не встречал более самолюбленного человека, который абсолютно убежден в своем превосходстве надо всеми окружающими. Случайно, легко, головокружительно быстро сделанная карьера вскружила ему голову. На этом нетернистом пути оказалась только одна неприятность — это когда на «Красном Крыме» во время Феодосийской операции он во время обстрела вышел из командирской рубки. Ему осколком снаряда оторвало правую стопу. Это ему облегчило получение «Красного Знамени», сделало его див-врачом, дало возможность носить нашивку желтого цвета, присвоенную тяжело раненым, но не прибавило ему ума. Все, конечно, возможно, но я не завидую тем врачам, которыми будет руководить такой пустой человек!!

На вокзале нас встретил Циолкович, что облегчило наш переезд. К счастью, позаботились и о номере в гостинице.

15.XII. Побывал у народного комиссара Митерева, говорил о недостатках, которые испытывают лечебные учреждения Грузии. Он во всем обвиняет мягкотелого наркома здравоохранения Грузии Мачавариани, что соответствует

истине. Побывал у Руфанова. Оказалось, что негатив моего фильма «Вывихи и их лечение» спасся, его привезли из Ленинграда в Москву и якобы даже собираются его печатать. В это я мало верю.

Встретил профессора Федора Михайловича Плоткина (Москва, 64. Ул. Чкалова, 14/16, кв. 40), который мне обещал № № Bulletins et Metoides... с инородными телами легких и артериовенозными аневризмами. Из-за кратковременности нашего пребывания в Москве я не успел много сделать.

16.XII. Выехали в 15 ч. 50 м. Еду в международном вагоне вместе с Андреевым. В вагоне, к счастью, тепло. Красивая белоснежная панорама. Любуюсь берегами и елями, покрытыми снегом.

17.XII. Поздно вечером, около часу ночи, приехали в Киров. Нас встретили начальник Академии и военком — Корнилов Василий Александрович.

Нину нашел в постели. Выглядит средне. Плохо спит. Лежит на деревянном щите. Рентгенограмма сразу внесла спокойствие. Оказалось, что дело идет о хорошо вколоченном абдукционном субкапитальном переломе.

18.XII. Сажу дома. У Нины выбросил щит, отнял костыли, на которых она передвигалась, и дал ей палку, с которой она по комнате бродит довольно хорошо.

19.XII. Председательствую на хирургической секции. См. отчеты в Трудах 2-го пленума.

20.XII. Начались пленарные заседания. См. отчеты.

22.XII. На утреннем заседании делал доклад проф. Мельников «О хроническом остеомиелите». <нрзб.>

23.XII. Терапевтический день. Слава богу, этой говорильне наступил конец.

24.XII. Бессмысленное заседание утром с начальниками санотделов. Трудно себе представить что-либо более бестолковое. Начальник выступает, выступает, выступает, никому не дает говорить; упоен собственной персоной.

Вечером опять заседание редколлегии «Военно-морские врачи». Начальник опять выступает, выступает, упоен. Своим выступлением я ему испортил настроение. Но это до него не доходит. Нет лучше и гениальнее человека, чем он, нет лучшего журнала, чем «Военно-морской врач».

25.XII. С утра опять заседание о реорганизации ВММА. Начальник МСУ выступил 12 раз, на сей раз я не вынес и точно записал. Ничего путного.

Подписан начальником МСУ приказ о моем назначении и. о. начальника кафедры госпитальной хирургической клиники с оставлением главным хирургом ВМФ.

Я дал согласие временно занять эту должность. Слишком уж долго я оторван от любимого мной занятия — преподавания. Отрыв от преподавания на длительный промежуток времени ощущаю все сильнее и сильнее. Мало-помалу начинаешь забывать некоторые факты, фамилии, имена. Пора снова взяться за дело. Я получил в госпитальной клинике фактически пустое место, ни людей, ни учебных пособий, ни клиники. Все необходимо создавать заново! Пожалуй, оно и лучше.

26.XII. В клинике Мельникова обошел своих больных. Вечером уехали

Андреев, Демидов, Циолкович. Отправили посылки Осе, письмо Зинаиде Васильевне.

27.XII. Сижу работаю дома. Был Фирсов, говорит, что Мельников не дает доклада. По-видимому, после сделанных замечаний собирается его переделать. Пришел Грушкин, как ни в чем не бывало. Говорит, что будет место главврача в Областной больнице. Принял я его достаточно холодно, поймет ли? Его голова в тонкостях ведь не разбирается.

28.XII. Сижу дома — работаю. Вместе с начальником Академии, начальником госпиталя, профессорами Мельниковым и Мясниковым производил перераспределение отделений. В конце концов клиника Мясникова спускается во второй этаж, на котором, таким образом, будет помещаться факультетская хирургическая и факультетская терапевтическая клиники.

В третьем этаже будет помещаться моя госпитальная клиника. Я никогда не жил так близко к клинике.

30.XII. Впервые после возвращения был в госпитале 4017. Многие из тех раненых, которые были предназначены для операции, не дождавшись меня, выписались.

Консультировал, выбрал раненых для операции на ближайший операционный день.

31.XII. Приступил к ремонту перевязочной для моей клиники. Впервые после возвращения оперировал. Сделал две пластические операции.

Год подходит к концу. Он был исключительно тяжелым для нашей Родины.

Все лето мы все еще продолжали отступать и отдавать врагу наряду с такими крупными центрами, как Ростов, Краснодар, Новороссийск, Армавир, немало и других. Отдали весь Северный Кавказ, нашу житницу. Позорно провалилась наша Керченская операция, и наш Феодосийский десант, так хорошо проведенный, только прибавил число жертв Керченской катастрофе. Сдача Севастополя, Новороссийска лишила нас последних хороших портов, где могла бы быть стоянка для нашего флота. Наши военные корабли должны были искать убежище в малоприспособленных портах Поти и Батуми.

Врагу, правда, после тягчайших усилий и жертв удалось дойти до Сталинграда. Почти 9/10 города после тягчайших жертв, понесенных немцами, находилось в их руках. Моментами казалось, что судьба города решена. Но наша славная армия не только устояла, но, перейдя в наступление, во второй половине ноября почти полностью окружила немецкие дивизии, дерущиеся под Сталинградом. Контрнаступление немцев, предпринятое 12-го декабря, не только не увенчалось успехом, но еще дальше отбросило их к Западу. Наше наступление на излучине Дона еще больше ухудшило их положение. Кажется, или так хочется думать, война вступила в свою конечную фазу. Кажется, что на сей раз немцам мы не дадим передышки. После высадки союзников в Северной Африке 7-го ноября — второй фронт уже не миф, а тяжелая реальность для немцев. Они ведь не могут игнорировать тот факт, что те 850 кораблей, которые

доставили десант в Северную Африку, реально существуют и могут высадить не менее грозный десант значительно ближе к Германии.

И, несмотря на эти благоприятные факты, мне не кажется, что война окончится в наступающем 1943 году, слишком велика территория, которую нам следует отвоевать обратно, слишком велики ресурсы, которые захватили немцы. Но и чрезвычайно сильна коалиция, которая им противостоит.

С полной верой, что немецкому зверю придет конец, я встречаю наступающий 1943 год.

1943

1.I. Сажу дома, читаю анаэробную инфекцию Мельникова, рецензирую.

12 ч. 40 м. ночи, радио сообщило приятную вещь: наши войска штурмом взяли Великие Луки, кроме того, Элисту.

2.I. С утра обхожу больных в клиниках. Вайль принес Лескова Т. V — рассказ «Смех и горе» со следующим замечательным местом: «Я усумнился и поставил на вид превосходное устройство немецких сил и образованность их военачальников.

— Вздор, — возразил генерал. — Пусть себе они и умны, и учены, а мы все-таки их поколотим.

— Да каким же образом?

— Да таким образом, что они там своими умами да знаниями разочтут, а мы им такую глупость удерем, что они только рты разинут. Где по их, по-ученому, нам бы надо быть, там нас никого не будет, а где нас не потребуется, там мы все и явимся и поколотим, и опять в Берлин

Дергальского губернатором посадим. Как только дипломатия отойдет в сторону, так мы сейчас и поколотим».

3.I. С утра оперировал 4 больных в э/г 4017, удалял инородные тела из грудной клетки.

Вечером радио сообщило о взятии нами Моздока.

Началась организация госпитальной хирургической клиники.

Послал письмо Эмилии Никифоровне.

4.I. Госпитальная клиника переехала, и я приступаю к ее организации. *Второй раз вчера мне сделали противосыпнотифозную прививку.*

5.I. Утром консультировал в госпитале 4017. Вечером радио оповестило о занятии нами Нальчика и Прохладной. Сегодня 2 месяца, как Нина сломала себе шейку бедра. *Она впервые сегодня спустилась во двор госпиталя, после чего чувствует себя превосходно.*

6–8.I. Продолжался сбор ведущих хирургов, на котором я председательствовал. Ничего нового и поучительного.

7–8.I. Читал для слушателей 3-го курса — ожоги.

9.I. С утра оперировал в э/г № 4017. У молодого бойца, которому я удалил инородное тело вместе с куском 8-го ребра, на операционном столе наступила вдруг правосторонняя гемиплегия и афазия. Явления параличей стали исчезать на операционном столе. Четыре часа спустя состояние больного улучшилось.

10.I. В 5 ч. утра состояние больного резко ухудшилось. Без сознания, параличи усилились. В 15 ч. я видел больного. Он в чрезвычайно тяжелом состоянии. Вечером больного видел Триумфов.

Он полагает, что это скорее кровоизлияние. Положение тяжелое, но не безнадежное.

Сделали мне 3-й раз противосыпнотифозную прививку.

11.I. Читал лекцию слушателям 3-го курса; проводили аплодисментами.

Вечером я с Георгием Аркадиевичем сидел в театре, смотрели хор им. Пятницкого. В 11 ч. 40 м. конферансье сообщила с эстрады радостное сообщение: «Наша войска взяли ст. Минеральные Воды, Пятигорск, Кисловодск, Георгиевскую, Буденовскую». Весь зал встал и стоя приветствовал нашу доблестную армию и его славного вождя тов. Сталина.

12.I. Моему больному лучше; начал говорить. Явления параличей уменьшаются.

Жестокие морозы, около 35°. Получили открытку от Оси. С утра оперировал в э/г 4017.

Пришло в голову перевести и издать *Evolution de chirurgie — Lecene'a*. Начальник Академии согласен. Уж больно ничего не знают по истории слушатели, а пособий никаких.

13.I. Вчера наши войска взяли Ессентуки. Вчера среди оперированных мной в э/г 4017 был боец с небольшим 0,5x0,5 см осколком в легочной ткани левого легкого. Был наложен пневмоторакс. Общее обезболивание. Межреберный разрез в 8-м левом межреберье сзади. Пересечение 8 и 9 ребер. Щипцами Зауэрбриха раздвинуты ребра, был получен хороший доступ. Чрезвычайно легко и скоро удалось нащупать инородное тело в легочной ткани. Так же легко оно было удалено. Я наложил 5 кетгута-

вых швов на небольшую рану легкого, тщательно зашил рану, предварительно ее обильно присыпав белым стрептоцидом. Грудная клетка наглухо зашита.

Сегодня в 10 ч. пришел д-р Анатолий Львович Гутерман и сказал, что больному плохо — явления нарастающего пневмоторакса. Я рекомендовал немедленно произвести торакотомию и ввести вентильный дренаж. Он вернулся в 16 ч. и сообщил, что больной умер. Вот несчастье, о котором не было никаких оснований думать. Трудно работать в хирургическом отделении, где нет ни одного хирурга, который мог бы наблюдать за оперированными больными. Мы уже потеряли одного больного с бронхиальным свищом, теперь потеряли второго!!

Целый день с 10 до 19 часов оперировали в клинике. Это немножко много. Но так вышло, были все пластические операции, а они занимают много времени.

15.I. Оперировал больную с обтурационной желтухой. Ограничился только холецистостомией.

16.I. Вечером, после того как прослушали вечерние известия, мы уже собирались выключить радио, как в 12 ч. 30 м. раздалось: «Говорит Москва...». Нам сообщили о начале разгрома немецких армий, окруженных под Сталинградом, после того как немецкое командование отказалось принять наш ультиматум о капитуляции. Началось наше наступление на Воронежском фронте.

17.I. Начал заниматься по-английски. Вечером сообщили о взятии Миллерова!!

18.I. Пришел Хайцис, сообщил, что в хирургическом отделении Областной больницы лопнули трубы, отопление вы-

шло из строя, и есть опасность внутрибольничных отможений. Я отправился к 1-му секретарю горкома Владимиру Васильевичу Лукьянову, прося его помощи в этом деле. Он вызвал заместителя председателя исполкома Мишина, председателя исполкома Сталинского района, секретаря того же района и предложил им немедленно бросить туда рабочих, подвезти дрова и вечером ему доложить об исполнении.

Поздно вечером в подвальном помещении я брал душ. Вдруг вбегают в 12 ч. 30 м. проф. Зедгенидзе и Гинзбург и, перебивая друг друга, сообщают мне, что только что Совинформбюро передало о прорыве нашими войсками блокады вокруг Ленинграда. Войска наши взяли Шлиссельбург, Синявино и массу поселков и соединились друг с другом. Какая радость — какое счастье! Трудно себе представить, что творится сейчас в Ленинграде!

Быков мне сообщил (19-го), что когда в театре было объявлено об этом, то публика пришла в такой экстаз, что не дали окончить спектакль.

19.I. Все возбуждены. Только и разговоров о прорыве блокады Ленинграда и о победоносном шествии наших войск.

Вернулись делегаты на конференцию в Горький. Вернулась С.М. Кузнецова. Я был в э/г 4017. Вернул ей ее монографию, которая хорошо написана.

Приходили Мясников, Быков, Вайль, был начальник Академии.

Мы настолько теперь уверены в добавочных сообщениях Совинформбюро, что не выключаем вечером радио. И дей-

ствительно — в 12 ч. 15 м. «Говорит Москва... Взятые Валуйки, немцы окружены восточнее и уничтожаются. Масса пленных, трофеи!!» Мы, по-видимому, прямо решили пойти на железнодорожную линию Орел — Курск — Харьков!!

21.I. Консультировал в госпитале 4017 после заседания совета, на котором разбирался вопрос о работе кафедры морской гигиены. Признали работу учебную не вполне удовлетворительную, а научную деятельность проф. Морева слабой; многие предлагали формулу, что ее вообще не существует. Вечером Совинформбюро сообщило о взятии нашими войсками Ставрополя!

22.I. Разбирал в клинике больных с врачами и слушателями. Сообщали с взятия Сальска и Микоян-Шахара.

23.I. Оперировал в э/г 4017. Написал представление А.В. Мельникову на звание заслуженного деятеля науки. Уехал в Ленинград д-р Сергеев, с которым отправили письма. Взяти Армавир.

24.I. Уехали начальник ВММА Иванов и Галкин в Москву.

Взяли Старобельск.

25.I. Овладели целиком Воронежем и отогнали немцев на правый берег Дона.

26.I. Взяли ст. Белая Глина, идем на Тихорецк. О ч. 40 м. — Совинформбюро: «В основном закончили ликвидацию войск, окружающих Сталинград. Окончательная ликвидация потребует еще двух-трех дней».

30.I. Взяли Тихорецк и Майкоп; кончились для немцев мечты о кавказской нефти, и открылся прямой путь на Кавказ, через Тихорецкую. Надеюсь, что в ближайшее время можно будет ехать

на Кавказ через Воронеж — Ростов или еще этой зимой через Харьков — Ростов. Весь вечер ждал сообщения Совинформбюро. Передачи не было.

1. II. Оказывается, поздно ночью, в два часа, Совинформбюро передало потрясающее сообщение: «Наши войска закончили ликвидацию группы немецко-фашистских войск, окруженных западнее центральной части Сталинграда. Взято в плен 16 генералов во главе с фельдмаршалом Паулюсом и 18 тысяч пленных, кроме того, огромные трофеи».

2. II. Читал первую лекцию для слушателей 5 курса ВММА. Читал на рабфаке, в других аудиториях не помещаются. Читал «ложные суставы» — показал 3 больных. После обеда консультировал в госпитале 4017.

3. II. Вчера, 2-го февраля, в 16.00 войска Донского фронта полностью закончили ликвидацию немецко-фашистских войск, окруженных в районе Сталинграда. Едва ли гитлеровская Германия оправится от этой катастрофы, равной которой не знает история. Всего нашими войсками в боях под Сталинградом взято в плен 24 генерала и более 2500 офицеров и 91 тысяча немецких солдат и офицеров.

Самолетов — 750, танков 1550, орудий 6700, автомашин 61 102 и т. п.

12 ч. 20 м. Только что Информбюро передало: «Наши войска заняли Куцевскую, Купяник, Красный Лиман и в 2-х местах перерезали железную дорогу Курск — Орел!!!»

4. II. Читал вторую лекцию на 5 курсе (окончил ложные суставы).

Вечером сообщили о больших трофе-

ях и большом числе пленных под Воро-
нежем.

6. II. Оперировал целый день в э/г 4017. Взяли Батайск, Ейск. Получил из Ленинграда пишущую машинку.

7. II. Взяли Фатеж, Краматорск, Азов, перерезали ж.д. Курск — Белгород. Приехал А.Л. Стуккей. Непутевый он какой-то. Захлебывается от жизни в госпитале. Боюсь, что он там много пьет.

Вчера из Москвы приехал начальник Академии. Ничего определенного. Одно ясно, что МСУ не пропускает его заместителем Зедгенидзе. Предполагаю, что одним из мотивов является боязнь усиления моего влияния на дела Академии.

8. II. Наши войска взяли Курск и Корочу. Оперировал 8 часов подряд.

9. II. Читал лекцию — Са таттае. Послал с Валлюром письма в Тбилиси.

11. II. Окончил лекцию Са таттае. Взяли Лозовую.

12. II. Вел утром занятия со слушателями. 24 часа. Каждый вечер каждый из нас с нетерпением ожидает сообщения Совинформбюро. «А что же наши войска взяли сегодня?» Что же после Лозовой? Харьков или Орел? Ростов или Новочеркасск? Взяли Краснодар, Шахты, Красноармейскую, важнейший железнодорожный узел, взятие которого почти отрезает все пути отступления из Донбасса.

13. II. Взяли Новочеркасск, фактически мы у преддверия Ростова, Лихую, Новошахтскую и Змиево. Оперировал целый день в э/г 4017.

14. II. Потрясающие вести. Совинформбюро в 11 ч. 30 м. сообщило: «Наши войска после упорного боя за-

няли Ростов, Ворошиловград и Красный Сулим».

15.II. Проф. Мельников уехал на Северный флот.

16.II. Читал на V курсе в сочетании с проф. Зедгенидзе и Вайль; вышло очень хорошо. Курс проводил нас аплодисментами.

23 ч. 35 м. — Сейчас Совинформбюро передало: «Наши войска взяли Харьков!!»

17.II. Вечером вместе с начальником Академии, профессором Вайль, главным хирургом Дедовым, начальником Управления эвакогоспиталей Жислиным и идиотом Гамбургом (начальник МЭП'а) были у первого секретаря Владимира Васильевича Лукьянова. Мы просили разрешения на созыв 2-й областной конференции и материальной помощи. Разрешил и обещал.

18.II. Читал на 5-м курсе. Говорил о допущенной мной ошибке, приняв туберкулез грудной железы за рак. Ампутировал грудь. Привел цитату из «Дневника старого врача» (Пирогова). Читал в сочетании с Очкур (Иван Павловичем). Читает скучно.

19.II. Демонстрировал на заседании э/г 2 больных:

- 1) Использование филатовского лоскута для замещения дефекта в лобной пазухе (Хмелевский).
- 2) Восстановление 3 разгибателей кисти (Чугунов).

Наступление нашей армии продолжается; взяты Мерефа, Люботинь.

Утром вел занятия с тремя группами слушателей в 60 человек. Присутствует много врачей из клиники Мельникова,

Теплица. По моей просьбе на этих занятиях присутствовал начальник Академии. Ему эти занятия так понравились, что он сказал: «Было бы правильно, чтобы на этих занятиях присутствовали все врачи и хирурги всех клиник».

Позже мне Борис Константинович передал, что якобы начальник Академии в этом духе отдал приказ. Это мне очень неприятно, так я полагаю, что такие занятия должны посещаться добровольно, а не в порядке «пригона». Я постараюсь уговорить начальника отменить этот приказ.

20.II. Целый день оперировал. Делал очень обширную резекцию ребер по поводу хронической эмпиемы; резецировал 7 ребер. Не стоит сразу брать так много — это очень опасно для этих хронически отравленных больных. Взяли Павлоград и Красноград.

21.II. Меня вызвали в э/г 4017 к тяжелому больному, которому я вчера удалил пулю, расположенную в легком, над диафрагмой. Пульс неважный, но состояние сложное. Никакого цианоза. Просил перелить ему кровь. Но, боже мой, можно ли представить себе условия, более неподходящие для раненных в грудь. Палаты переполнены свыше всякой меры. В послеоперационной палате нечем дышать. В настоящее время больных кладут даже в коридорах на полу. Ни одного врача, хотя бы что-либо понимающего в хирургии. Нет ваты, марли.

В операционной капает с потолка; инструменты и белье, хуже которых представить себе невозможно.

22.II. Сегодня из Ленинграда от Диловича мы получили следующую теле-

грамму: «Связи изменением обстоятельств Скорой Анна Ильинична переведена наш госпиталь Оскар Юльевич беспокоится вашим молчанием и т. д.». Телеграмма меня беспокоит; в эти критические дни возможно думать о самом худшем. Завтра пошлю телеграмму Эмили Никифоровне.

23 ч. 15 м. Сегодня канун 25-летия славной нашей Красной Армии. Мы все с нетерпением ожидаем чрезвычайных сообщений! Исполнятся ли наши ожидания? Неофициально передают, что якобы нами уже занят Днепропетровск. Правда ли это или это наша мечта? Осталось не так долго ждать до последнего часа. Напрасно мы ждали почти до половины второго; но напрасны были наши ожидания. Ничего не передали.

23.II. С утра слушаем разумный, спокойный, выдержанный приказ тов. Сталина. Как всегда, он изумительно анализирует моменты, которые дали нам возможность бить немцев. Вечером опять приятные вести: наши войска взяли Сумы, Ахтырку, Лебедин и Малоархангельск. Написал предисловие для книги Кузнецовой.

25.II. Читал лекцию на V курсе, вместе с Очкур. До поздней ночи мы ждали «последнего часа», но никаких сообщений не было. Мы настолько избалованы трехмесячным безостановочным движением вперед нашей армии, что не можем или не хочется понять, что когда-либо мы встретим сопротивление. Немцы прекрасно понимают ту угрозу, которая нависла над ними. Они прекрасно отдают себе отчет в том, что потеря Днепропетровска граничила бы для них с по-

терей всего Донбасса и Крыма. Поэтому они, по-видимому, напрягают все усилия, чтобы сдержать наше наступление. Об этом говорят упорнейшие бои у Краматорской и Красноармейской.

26.II. Сегодня в сводке ничего не говорится о Красноармейской. Не знаю, удалось ли нам удержать этот важнейший железнодорожный узел.

Получил телеграмму от Эмили Никифоровны: «Все здоровы. Институт работает полной нагрузкой». Исчез повод для беспокойства.

Президент Рузвельт прислал тов. Сталину прекрасную поздравительную телеграмму по поводу 25-летия Красной Армии. Ответная телеграмма тов. Сталина менее холодна, чем предыдущая.

1.III. Несколько дней не было «Последнего часа». Как-то спокойно. Кажется, что наше наступление приостановлено. Тяжело. И вдруг при этом на строении снова заговорил «Последний час». Наши войска под командованием маршала Тимошенко разгромили укрепленный район северо-восточнее оз. Ильмень, около гор. Демянск, названный немцами Демянской крепостью. Взято 3000 пленных и много трофеев. Начнется ли здесь наступление на Псков, или это только местный ход? Хотелось бы верить, что выбранное направление на Псков будет осуществляться!

Оперировал ложный сустав большеберцовой кости (Татьяна Древянникова — 22 л.), присутствовали проф. Пунин, Житнюк, главный хирург Дедов (Димитрий Кузьмич), Жилин (Николай Прокофьевич), Скундина (Мария Генриховна). Очкур (Иван Павлович) сделал

две реампутации по Пирогову. Оперирует очень хорошо.

2.III. Получил письмо от врачей и сестер Института скорой помощи. Теплые, хорошие письма. Эмилия Никифорова пишет, что 31.X. вдруг умер Иосиф Ефимович Блюм. Прекрасный был врач. Сообщила она также, что у Красносельского были явления тромбоза мозговых сосудов. Дрянной, в конце концов, человек!! «Последнего часа» не было.

3.III. Получил телеграмму от Ключсса; сообщает, что ранен Стучинский; состояние вполне удовлетворительное. Эвакуирует ко мне.

Опять великая радость. «Последний час»: Наши войска взяли Ржев, Льгов и Димитриев!!!

6.III. Наши войска взяли Гжатск!! Верховному Главнокомандующему тов. Сталину присвоено звание маршала Советского Союза.

Оперировал в э/г 4017. Присутствовал главный хирург э/г Дедов. Получил известие от Озерецкого, что Галустян его известил, что Чирковский, Космодоминский и Останков здоровы. Шаака и Толмачева немцы увели с собой.

9.III. Приехал Данович, привез письма. Среди других известий он сообщил, что отравилась племянница Зинаиды Васильевны Оля, жена Юры. Привез письмо от Елены Васильевны.

Позавчера в э/г 4017 умер больной Ромакс, которому около 2 месяцев назад я удалил осколок снаряда. Он высоко лихорадил. Нельзя было разобрать, в чем дело. На вскрытии проф. Вайль нашел *казеозный туберкулез плевры* на оперированной стороне и туберкулез легкого.

Двое моих больных с бронхиальными свищами после операции текут хорошо. Я решил написать небольшую монографию «Бронхиальные свищи». Я полагаю дать историю вопроса, литературу, патолого-гистологическую картину, рентгенологию, наливки бронхов и подробное лечение.

10.III. Немцы начали контрнаступление и отобрали у нас Павлоград, Красноармейскую, Лозовую, Славянск, Лисичанск, Краматорскую. Лишь бы нам удалось сохранить Харьков-Ворошиловград-Ростов!!

12.III. Опять великая радость. Наши войска взяли Вязьму!! Отослал Андрееву через спецчасть отчет за четвертый квартал 1942.

13.III. Отослал письма Петрову и Цхакия через профессора Бориса Петровича Угрюмова. К сожалению, письмо Петровой еще не пошло; Кузнецова пока не уезжает. Сегодня получил от Киры Михайловны Болдовой (Адрес: Ст. Сегежа Кировской ж.д., Соцгородок. Почта, до востребования, Болдовой) печальное известие. 25 февраля 1943 г. во время обстрела с самолета тяжело ранен Стучинский. Множественные ранения, особенно тяжелое в левое предплечье, с повреждением лучевой кости, лучевого и срединного нервов, всех поверхностных сгибателей. Завтра посылаю телеграмму, чтобы Стучинский обязательно приехал ко мне.

Сегодня много оперировал в э/г 4017. Сделал одну очень тяжелую операцию по поводу торакобронхиального свища.

16.III. Опять несчастье. Нам не удалось удержать Харьков, вчера мы его

оставили. Вчера из Ленинграда приехал проф. Галкин. Сегодня со мной прощалась Лобанова; уезжает с детьми к мужу в Лондон. Не знаю, что приобретет Англия с ее въездом, но наша страна едва ли ощутит ее отъезд.

18.III. Сегодня в заседании совета ВММА выбирали профессора на кафедру пропедевтической терапевтической клиники. Конкурировали: Арьев, Нечаев, Молчанов, Теплов, Смагин, Ясиновский, Щукарев. Комиссия долго не могла прийти к единогласному решению. Почти каждый кандидат имел своих сторонников. Так, например, Быков и Красногорский стояли за славное имя рода Нечаевых и не могли честно согласиться, что в то время как Нечаев хороший практический врач, он никуда не годный организатор, усыпляющий лектор и никудышный научный работник. И, несмотря на это, горячо его рекомендовали. На замечание, что Нечаев плохо читает, Быков парировал, что Менделеев неважно читал. Что и говорить — аргумент! В конце концов все же выбрали Константина Александровича Щукарева — 21 голос из 32; Нечаев — 8, Арьев — 1, Теплов — 0, и все остальные также.

19.III. 15-го марта в Вашингтоне Государственный секретарь Хелл, вернувшийся из отпуска, заявил в присутствии Идена, что он полностью согласен с последним заявлением Идена о том, что не надо делать поспешных заключений относительно продолжительности войны. Хелл предсказал, что война будет длиться больше, чем можно было бы ожидать при поверхностном рассмотрении.

Это заявление мне кажется исключи-

тельно важным. По-моему, оно в значительной степени сделано для американских купцов. Они только что начали вкладывать капиталы в развертывающуюся войну. Для Англии война была выиграна в тот час, когда она столкнула друг с другом два в равной степени ненавистных капиталистическому миру режима. И мы, и Германия истекаем кровью. Летом немцы нас бьют, зимой мы их крошим. И летом, и зимой зарабатывают и Англия, и Америка. Мы уже купили у американцев почти на два миллиарда долларов; до конца войны еще задолжаем приблизительно на три миллиарда. Допустим даже, что, в конечном счете, они потеряют все пять миллиардов. Разве не стоит им за уничтожение двух мешающих им режимов заплатить пять миллиардов долларов?

Жизненные центры Англии обезопасены. Одна-две бомбы, бросаемые на Англию в неделю, ей не страшны. Вне опасности важнейшие африканские, индийские и американские колонии. Америка пережила свой Пирл-Харбор. Сан-Франциско, Нью-Йорк, Вашингтон вне досягаемости. Истощается Япония. Почему же не помечтать Рузвельту погулять со своими войсками по Берлину, Риму и Токио? Торговля идет полным ходом. Безработных нет; процветание в полном ходу!!! В Тунисе идет какая-то чехарда. По-видимому, англичане и американцы помирили Жиро и де Голля, чтобы они, со своей стороны, начали усиленно пускать французскую кровь во славу Англии и Америки!!!

20.III. Никаких радостей с фронта. Исчезли наши радостные «Последний час».

Получается впечатление, что нам удастся сдерживать немецкий натиск, но не больше. Немцы правильно рассчитали, что ни Англия, ни Америка в данный момент реально не думают о втором фронте, и поэтому безнаказанно перебрасывают оттуда 25 дивизий на наш фронт. Вчера получил телеграмму, что Стучинский выедет в Киров 20 или 21-го.

22.III. Наше отступление продолжается. Сдали Белгород — это угроза Курску. Не исключена возможность, что немцы в это лето главным объектом своего наступления изберут опять Москву через Орел, Курск и Воронеж. При их невеселом положении им не остается ничего другого, как решаться снова на отчаянные шаги. Не вышло клещами, авось выйдет обхватом с одной стороны.

23.III. Решил уточнить технику фаленгизации первой пястной кости (п. Ulnaris и пр.), толстый Тирш, нитка и прочие детали! Разрез — с выкройкой на тыльной поверхности.

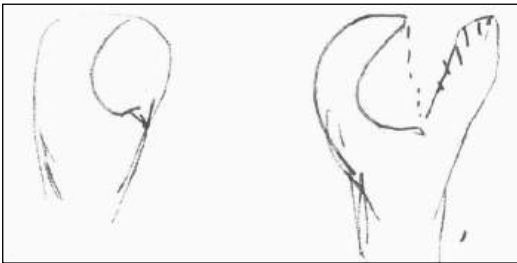

Рис. 2

Тарле, по-видимому, не без задней мысли в известиях от 21-го марта приводит слова английского оппозиционного публициста Коббета о лорде Кэстльри: «В 1812 году милорд одинаково пламенно желал двух вещей: во-первых, побе-

ды России над Наполеоном, а во-вторых, чтобы эта победа не досталась русским и слишком легко и скоро». По-видимому, такого же мнения держится Черчилль в 1943 году!!

Вернулся из поездки на Северный флот Ал. В. Мельников.

26.III. Оперировал трансплевральным путем большую диафрагмальную грыжу 16-летней давности. Вышло очень хорошо.

Получил письма от Мавры и Ляли. Вчера с д-ром Гуршманом отправил письма Усольцевой и Дундуку.

27.III. Оперировал в э/г 4017 застарелую эмпиему с помощью мышечной пластики (m. Latiss. dorsi). Вышло очень хорошо.

28.III. Написал письмо Андрееву насчет третьего пленума, которое отправлю завтра. Письмо будет отправлено 31.III.

29.III. Оперировал вторую диафрагмальную грыжу в клинике ВММА трансплевральным путем.

31.III. Сегодня письмо Андрееву было отправлено.

1.IV. Состоялось заседание совета ВММА, на котором разбирался план научно-исследовательской работы на 1943 год. Впервые профессора сидели в погонах. Кому могла прийти в голову такая идея — одним врачам дать широкие, а другим узкие погоны!!

3.IV. Приехал Данович, завтра уезжает в Ленинград. Вчера послал открытку Русинову в Вологду; благодарил за присланную работу.

5.IV. Сегодня оперировал обожженного летчика Феофанова; делал

пластику щеки. Операция продолжалась $5\frac{1}{2}$ часов. Было истрачено 2 литра $\frac{1}{4}\%$ новокаина и 200 куб. см. $\frac{1}{2}\%$. Никаких явлений отравления. Хотя больной после операции и был бледен, но состояние было настолько хорошим, что отказались от переливания крови.

6.IV. Получили письмо от Жоржика и Веры, где они сообщают, что в сентябре ожидают появление ребенка и просят указать, как назвать.

7.IV. Получил письмо от адмирала Исакова с просьбой приехать в Тбилиси. Я ответил в тот же день срочной телеграммой, что приехать не могу, увижу его в Москве.

8.IV. Прочитал на V курсе последнюю лекцию на этом семестре.

9.IV. На межгоспитальной конференции демонстрировал аппарат для упражнения коллатералей и летчика Феофанова с пересадкой кожи на щеку по поводу ожогов.

10.IV. Получил от Андреева телеграмму, где он сообщает, что снимает с программы мой доклад о переломах и доклад Мельникова. Слава богу, избавился от одной глупости. Получил от профессора Мухадзе № 1 «В помощь медработникам эвакогоспиталей», вышедший в Грузмедгиз в 1943. Ну и бумага. Там напечатан мой доклад, который я делал в Тбилиси «Артериовенозные анаевризмы подключичных сосудов и их лечение». Приехала из Москвы София Михайловна Кузнецова и привезла мне несколько книг, очень мне нужных для доклада.

Оперировал в э/г 4017.

11.IV. До доклада, который должен иметь место 18.IV, остались считанные дни. Не было возможности к нему подготовиться. Поэтому я решил залезть в <нрзб.>, никуда не ходить, никого не принимать и работать. Я решил даже не ходить в клинику. Удалось бы только!!

Не мешало бы создать фильм «Иностранное тела легкого и плевры и их оперативное лечение»!! Написать сценарий!!

Отправил телеграмму Андрееву, предлагая ему поручить доклад по кисти Усольцевой, а по бедру Цхакия.

Послал благодарственную телеграмму Мухадзе. Пришла телеграмма от Сиверса, что Куслик и Рохлин не приедут.

12.IV. Работаю, целый день дома, над докладом. Отослал письмо Рупеко и через нее Арьеву.

13.IV. Сажу дома, готовлю доклад.

16.IV. Приехал Стучинский; издерган. Перебит п. medianus s в нижней $\frac{1}{3}$ предплечья. Если что-либо и восстановится, то не раньше года.

17.IV. Закончил доклад.

18.IV. Открылась 2-я конференция эвакогоспиталей Кировской области. Организовано очень хорошо. Начали заседание с опозданием всего на 15 мин. в 18 ч. 15 м. Присутствует Лукьянов, зам. командующего Московским Военным округом, начальник Санотдела Московского Военного округа — генерал-майор мед. сл. Славин (Мейер Абрамович). Председателем избран проф. Вайль. Заседание ведет Ал. В. Мельников. Я докладывал 52 мин. Во время доклада потух свет. Нельзя же было, чтобы все обошлось хорошо. Не нашлось даже свечки и лампы. Пришлось ждать около $\frac{1}{2}$ часа.

Докладывал, в общем, хорошо. Следующие доклады Кузнецовой и Мясникова не представляли ничего особенного.

Общежитие организовано очень хорошо, даже Service потрясает образцовым порядком. Никто из крупных не приехал ни из Москвы, ни из других городов.

19.IV. Заседание началось ровно в 10 час. утра.

Прекрасные доклады сделали проф. Триумфов и Рохлина. Прения были очень интересны. По инородным телам легко выступали Кожевников из Горького и Дейнека (материалы взять у стенографисток). Приехал Жорж Хундадзе, чему я очень рад. А.В. Мельников сделал прекрасное резюме. Он мне посоветовал напечатать мой доклад в Академии. Начальник дал согласие, Зайцев согласен. Стоит довести число наблюдений до 100 и напечатать.

Мне поручили сделать второй доклад по диафрагмальным грыжам.

После обеда не пошел на заседание. Сижу, экстренно пишу доклад о диафрагмальных грыжах.

20.IV. С утра доклады по язвам желудка. Хороший обстоятельный доклад Зедгенидзе; остальные доклады Шаверина и Волинского ничего существенного собой не представляют.

На вечернем заседании я делал доклад о диафрагмальных грыжах и показал летчика Феофанова. И за доклад, и за демонстрацию удостоился аплодисментов.

21.IV. С утра оперировал в э/г 4017. Было много врачей. У всех четырех оперированных удалось удалить инородные тела.

Вечером мне было поручено резюмировать работу всей конференции.

В общем, конференция прошла как с организационной, так и с научной стороны очень хорошо.

22.IV. Получил письмо от Андреева, где он мне разрешает выехать в Ленинград, что я предполагаю выполнить между 5 и 10 мая.

Оперировал в клинике 3 больных для членов конференции; было около 30 человек. Оперировал: 1) Артериовенозную аневризму подключичных сосудов; 2) Перемещение мышц при параличе n. radialis; 3) Пересадку кожи по поводу незаживающей в продолжение 11 месяцев язвы. Все операции прошли исключительно хорошо.

23.IV. Оперировал аневризму подколенной артерии. Вернулся с поездки на Черное море Горбовицкий.

24.IV. Консультировал в э/г 4017. Разработал вопрос об удлинении ладони.

25.IV. Послали телеграмму Андрееву с просьбой разрешить поездку в Москву и Ленинград проф. Зедгенидзе и Триумфову.

26.IV. Начал операцию удлинения кисти.

27.IV. Послал телеграмму Васе. Случайно зашел в книжный магазин. До какой нищеты дошел книжный рынок. На полках совершенно пусто.

Опубликована нота нашего Правительства о разрыве отношений с Польским правительством. Начинается вторая фаза... Ссоры между союзниками. За спиной поляков, конечно, стоят англичане. Толку-то в поляках мало, но Гитлер получил вчера удовольствие!

30.IV. Оперировал в э/г 4017.

1.V. В первоммайском приказе Верховного Главнокомандующего, составленном в энергичных выражениях, приятно было

слышать, что Красная Армия вместе с войсками союзников переломают хребет врагу. По-видимому, разногласия, если и существуют, то не так далеко зашли.

Слежу за составлением отчетов для МСУ.

4.V. Сегодня в госпитале 4017 сделал сотую операцию по поводу инородных тел легкого и плевры.

6.V. Фронт ожил. Наши войска прорвали фронт противника на 25 км и на глубину 13 км. Мы взяли узловую станцию Крымская. Много вероятно, что немцам придется покинуть Новороссийск и вообще покинуть Таманский полуостров и Кавказ.

8.V. В ночь с 7 на 8-е войска союзников сразу взяли Тунис и Бизерту. Немцы и итальянцы отступают в беспорядке к мысу Бон.

9.V. Главнокомандующий союзными силами в Сев. Африке Эйзенхауер заявил, что войска держав оси, за исключением некоторых окруженных групп, прекратили сопротивление. Около 50 тыс. человек отступают к м. Бон.

Вечером пришел Горбовицкий, говорил со мной об «уплотненном методе лечения сифилиса». Капельное внутривенное введение сальварсана.

Пришел и Теплиц. Я им обоим предложил провести совместную работу «Введение различных лекарственных веществ капельным способом в грудину».

10.V. Несколько дней назад, совершенно неожиданно для него, слетел комиссар Корнилов; говорят, как не справившийся с работой; направлен на Черное море. ВММА ничего не потеряли, боюсь, что Черное море ничего хорошего не приобретет. Сегодня начальник Академии вызван в Москву. По этому поводу ходят самые разнообразные слухи, вплоть до возможности ухода начальника Академии.

Полный разгром войск оси в Северной Африке продолжается. Могли ли в 1940 г. немцы думать, что через 3 года англичане им в Северной Африке преподнесут Дюнкерк наоборот.

Медицинский институт, Петроград, 5 июня 1920 г.

*Дорогому учителю, профессору Ю.Ю. Джанелидзе от студентов III курса
1920/1921 учебного года*

Центральный госпиталь Скорой Помощи. Лето 1922 г.

*На обороте: Самому дорогому учителю от его учениц и учеников.
14 марта 1925 г. С.ув. Клиника II этаж, 6 палата*

*Снято на крыше больницы Первухина в Ленинграде. Май 1926 г.
 В первом ряду сидят слева направо: Р.Б. Жуховицкий — заведующий зубной клиникой, Е.Т. Калинина — председатель месткома, Ю.Ю. Джанелидзе, П.Я. Короходов — секретарь месткома. Во втором ряду: Утевская — зубной врач, член месткома, А.Б. Кирзнер — сестра милосердия, М. Журавлева, перев. сиделка, Шунгин — дворник, Майникайнен — сестра милосердия, Захарова — сиделка*

*На обороте: нашему любимому учителю от больших и маленьких учеников.
 Класс III курса, 11 декабря 1926 г.*

На обороте подпись: Уважаемому Юстину Юлиановичу от учеников. Лето 1928 г.

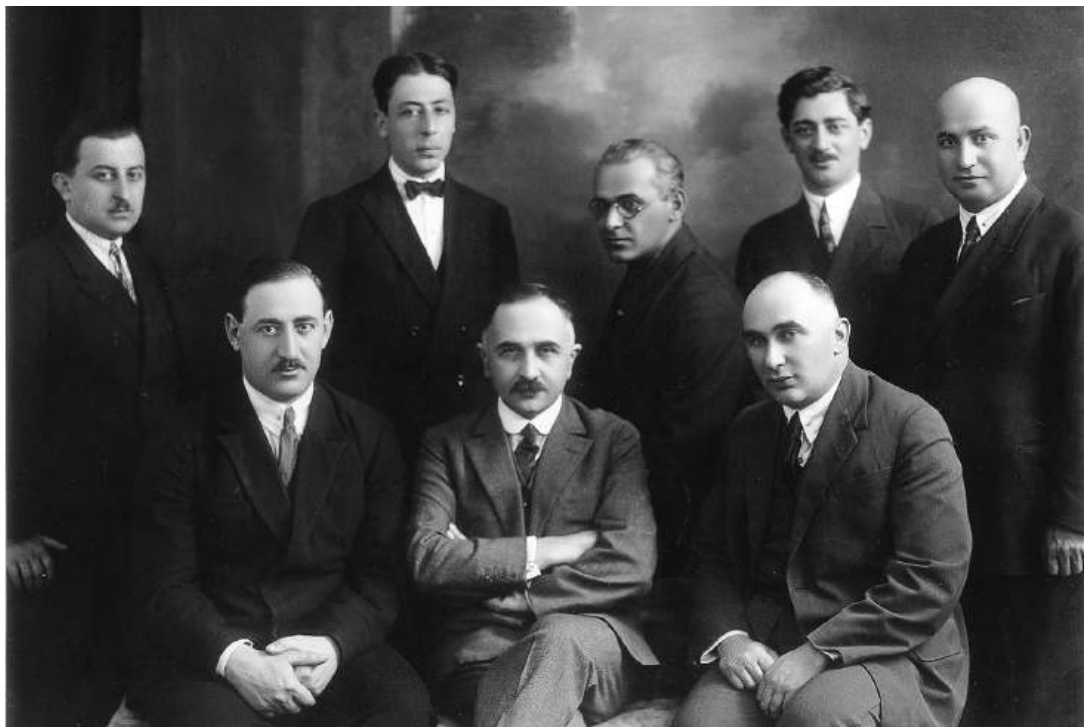
На обороте: Всегда в сердцах наших будут жить самые теплые воспоминания, дорогой Юстин Юлианович, о работе с Вами, за которую приносим Вам большую благодарность. 19апреля 1929 г.

Президиум и организационный комитет XXI Съезда Хирургов. Ленинград, 5-9 июня 1929 г.

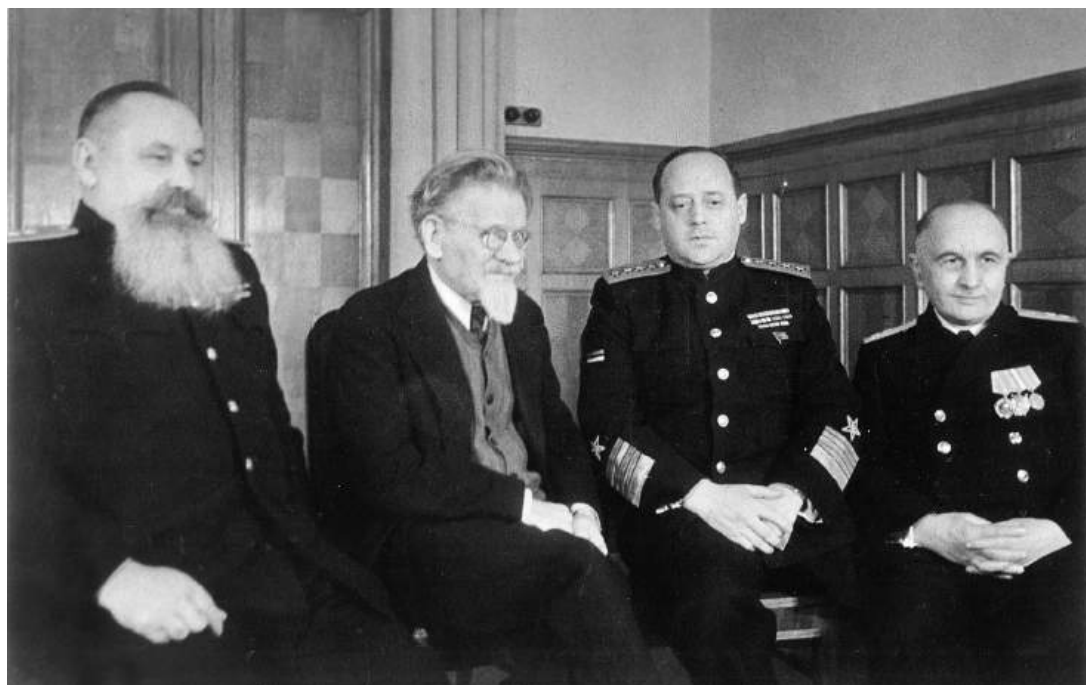
9 января 1929 г. Финская делегация хирургов. Снимок сделан после заседания Хирургического Общества Пирогова в клинике (б. Рейна) на Боткинской улице

На обратной стороне подпись на грузинском языке: На память глубокоуважаемому батону профессору Юстинэ Джанелидзе от грузинских врачей. 22/V-29 г. Ленинград. 22 мая 1929 г.

Юбилей проф. Л.А. Орбели в Военно-медицинской Академии. Май 1929г.

Встреча с М.И. Калининым (см. 351 стр. Дневника)

Ленинградский институт усовершенствования врачей. Хирургический цикл. 1931 г.

На обороте: Глубокоуважаемому профессору Ю.Ю. Джанелидзе от благодарных врачей-слушателей из Баку, Донбасса, Адыгеи, Тифлис-Сигнахи, г. Родники Ивановской обл., г. Камышлов Уральской обл., г. Каменское – Украина. Травматологический институт. 1932 г.

Декабрь 1934 г. Ленинград, 1 хирургическая клиника

Май 1934 г. Ленинград

*На обороте: Дорогому Юстину Юлиановичу
от студентов 13-ой группы III курса, которые
никогда не забудут своего профессора и его
прекрасных лекций. 29 июня 1936 г.*

Ю.Ю. Джанелидзе, 1930 г.

Ю.Ю. Джанелидзе, 1938 г.

*18 декабря 1938 г. Подпись: На добрую
память дорогому Юстиниану Юлиановичу
от М.Брянкиной*

Ю.Ю. Джанелидзе

ДНЕВНИК

№ 4

**Начат 12 мая 1943 г.
Окончен 27 января 1944 г.**

1943 год

12.V. Разгром войск оси в Тунисе и Бизерте полный. В плен попало более 200 тысяч человек; одних пленных летчиков 3000 человек. Четырехкратное превосходство в воздухе и абсолютное на море обеспечило нашим союзникам блестящую победу. Что же дальше? Опять ли бесконечная и длительная пауза или скачок прямо на Европу? Трудно, конечно, создать, но ведь где-нибудь у берега моря союзники при желании опять могут создать это многократное превосходство и высадятся. Но пожелают ли? Думаю, что да. С блестящей победой в Африке положение Рузвельта и Черчилля в их странах упрочилось, и возможно, что они теперь дерзнут сделать то, что несколько месяцев назад они не рисковали сделать.

Что же на нашем фронте? Решатся ли немцы на пассивную оборону, что не в их характере и что, наверное, не будет иметь места, или пожелают наступать, а если наступать, то где? Едва ли им улыбается новая авантюра на Кавказе или к Сталинграду. Логически остается только Москва с диверсиями в сторону Ленинграда и Ростова.

Но пока что наша авиация начала систематически громить, правда, пока что наши собственные города: Киев, Гомель, Брянск, Орел. Но все же в прошлом году мы не могли мечтать о том, чтобы послать 200 самолетов для налета на Инстербург. По-видимому, сейчас мы это можем. Бомбардировали даже Варшаву.

В 19 ч. 30 м. мы выехали из Кирова: начальник Академии А.И. Иванов, Зед-

генидзе, Мельников, Триумфов и я. Ехать пришлось в открытом жестком вагоне. Как нас не обворовали, это одному Аллаху известно, спали крепко!

13.V. В 11 ч. утра приехали в Горький. Сравнительно большой порядок при получении билетов. Однако получить места в международном вагоне не удалось, получили в мягком. Несколько часов мы — я, Иванов, Мельников и Зедгендидзе провели в городе, который раскинулся у слияния Оки и Волги. Был прекрасный жаркий солнечный день. Свежая зелень покрывала деревья. В 17 ч. 10 м. мы поехали дальше.

13.V. Едем прекрасно. После обеда на какой-то маленькой станции, именуемой «Петушки», Иванову сообщили, что ему присвоено звание генерал-майора, а мне генерал-лейтенанта. Радость Иванова была великая; он радовался как ребенок.

14.V. В 11 ч. прибыли в Москву; нас, конечно, никто не встретил, несмотря на то что начальник Академии послал «молнию» начальнику МСУ.

Поселились в гостинице «Националь». Съеденная икра мне стоила довольно больших страданий.

15.V. С утра мы были у начальника МСУ. Он любезен, поздравляет. Говорят, что все управление МСУ ликовало, когда ему не дали звания генерал-лейтенанта, а ограничились званием генерал-майора.

Я сдал отчет и все имеющиеся у меня документы. Обсудили программу 3-го пленума; все мои поправки были им приняты.

16.V. До обеда с Георгием Аркадьевичем были в Новодевичьем монастыре. Любовались замечательным памятником Аллилуевой и не менее восхитительным памятником жены Немировича-Данченко. Оба памятника работы скульптора Шадра. Из новых памятников привлекает внимание памятник Пешкова — работа Мухиной; поражает дегенеративное лицо.

Вечер с Георгием Аркадьевичем провели у Демидовых. Идут разговоры о том, что мне погон не выдают, так как еще не решено, что мне дать, широкие или узкие. В этот критический момент чем занята голова нашего начальника МСУ.

17.V. С утра в МСУ. Начальник с улыбкой мне сообщает, что я отнесен к категории брахиоцефалов, в переводе с остроумного на обычный язык это значит, что решили мне дать широкие погоны.

Я высказал свое отношение ко всему этому вопросу как начальнику, так и Кудинову. Но возможно ли в чем-либо убедить этих людей!

Знакомился с докладом Петрова. Хорошо написанные воспоминания, без фактического материала.

14-го мая, в день нашего приезда с Быковым во время обеда случился припадок. Появилась диплопия, рвота. Гениальный терапевт назвал сие заболевание гастритом. Мы с Георгием Аркадьевичем объяснили ему, что это мозговые явления. На наше замечание, что ему не придется ехать в Ленинград, знаменитый терапевт ответил, что ничего подобного, через несколько дней все пройдет. Однако через несколько дней появился паралич п. facialis мягкого нёба, затруднение глотания, признак Babynsky'го, анестезия на

правой руке. Топически очаг предполагается около продолговатого мозга. Затем явления мало-помалу стихли. Одно ясно, что как активный работник Быков вышел из строя.

Уже в Кирове было известно, что заместителем начальника Академии по учебно-научной части назначается Г.А. Зедгенидзе. Предыдущий зам. проф. Васюточкин давно себя исчерпал. Мелкий интриган, настолько маленький человек, что его следовало бы рассматривать в ультрамикроскоп, чтобы его рассмотреть. При трех директорах 3-го Мединститута Грекове, Горшкове и Маркус он фактически выполнял обязанности директора, так как ни один из поименованных лиц не имел никакой склонности заниматься административной работой или по нежеланию (Греков), или по неспособности (Горшков, Маркус).

Привыкший бесконтрольно править, Васюточкин не мог помириться с второстепенной ролью, когда во главе Академии появился Иванов. Мелкие подсиживания, двойная игра стали повседневным явлением. Бесконечно это продолжаться, конечно, не могло. В конце концов Иванов взвыл и попросил, чтобы его моллюски убрали.

Кандидатами на его место прочили многих. Мне лично казалось, что наилучшим кандидатом мог явиться Г.А. Зедгенидзе — молодой, энергичный, достаточно гибкий, достаточно академический, член партии, он, казалось, мог удовлетворить всем требованиям. Однако это, по видимому, не устраивало начальника МСУ, поскольку он полагал, что эта кандидатура в какой-то степени усиливала мое влияние в Академии, которую он лично рассматривал как вотчину семейства Андреевых.

Вопрос об этой кандидатуре был поднят мной в июле прошлого года, но не получал никакого движения. Вторым кандидатом, проф. Соломон Самуйлович Вайль, — энергичный, умный человек. Но проводник определенной национальной политики, неимоверно желчный и неприятный, является совершенно неприемлемым для большинства профессоров. Остальные кандидаты, а их называли множество, серьезно не котировались.

Когда мы приехали в Москву, нам сообщили, что в конце концов кандидатура Зедгенидзе прошла через все инстанции и приказ находится на подписи у народного комиссара.

Сам Георгий Аркадьевич ни разу от этой должности не отказывался. Я бы сказал больше; он ее сам желал. Вайль, напротив, кричал, что он ни за что на эту должность не согласится, но было совершенно ясно, что душой к этой должности стремился.

Зедгенидзе перед назначением выставлял следующие требования: 1) чтобы из подполковника он был превращен в полковника, 2) чтобы его кафедра была выделена в самостоятельную единицу и увеличен штат, без чего ему будет трудно работать.

Переговоры Начальника Академии по этим вопросам довольно скоро увенчались успехом. Зедгенидзе был представлен к званию полковника, а Андреев не возражал против выделения его кафедры.

Но как выяснилось из дальнейших разговоров, на этих достижениях не заканчивались будущие планы кандидата.

Было совершенно очевидно, что по окончании войны генерал-майор Иванов не будет оставлен Начальником Академии.

Благо бы подождали до конца войны. Принимая во внимание, что Начальником Кировской Академии назначен Орбели много вероятно, что и Начальником Морской Медицинской Академии будет предложен кто-либо из крупных профессоров. Иванов все это прекрасно понимает. Одновременно с этим он понимает, что с того момента, как ему дали звание генерал-майора не может уже быть речи о том, чтобы его куда-либо загнали в тартарары. Ему могли бы дать или место Начальника Санотдела Флота, что он считал для себя понижением... Или сделаться начальником МСУ. В настоящее время он это считает преждевременным. Поэтому он полагает, что Ф.Ф. должен оставаться временно на месте, а затем через год или два, когда подрастет проф. Зедгенидзе, то последнего сделать Начальником Академии, а самому сделаться Начальником МСУ. Самое интересное в этих планах то, что это не вызывает протеста со стороны Зедгенидзе!!

Говорят, что человек предполагает, а Бог располагает... Было бы лучше, чтобы оба помнили анекдот, который оба хорошо знают и который гласит: «что думал, что вышло».

18.V. Без толку некоторое время провел в МСУ +.

19.V. Утром, под председательством Андреева состоялось заседание, в котором приняли участие Начальник Академии, Кудинов, Мельников, Мясников, Зедгенидзе, Пиетте, Ремизов, проф. Кувшинников.

Разбирался вопрос об «Архиве историй болезней, скопившихся в Кирове». Приняты основные положения. Авось что и выйдет.

Вечером были на балете «Дон Кихот».

Впервые на меня надели генерал-лейтенантскую форму, в которой и пришлось сняться.

20.V. С утра приходил В.С. Левит; рассказывал очень много интересного, преимущественно из области, как Бурденко их ест и обливает грязью.

Сегодня должен был приехать адмирал Исаков. Вчера начальник МСУ заявил, что со стороны врачей он будет встречать один. После столь «разумного» предложения, сделанного в нашем присутствии адмиралу Галлеру, я, конечно, не высказал никакого желания встретить адмирала, которого я лечил в продолжение почти двух месяцев. Элементарный такт со стороны начальника требовал, чтобы он меня пригласил; однако о такте не всегда помнят те, кому бы надлежало о нем помнить.

Вечером я, начальник Академии и Зедгенидзе были на докладе Смирнова; интересно и поучительно...

Видел Лукашевича, который мне передал, что Ефим Иванович ему передал посылку (сапоги) для Жоржа. Видел Немнова — облез, состарился.

В Москву переходят из Ленинграда Н.Н. Петров директором Онкологического и Рейнберг — директором Рентгенологического институтов. Для Ленинграда — потеря, для Москвы — приобретение.

21.V. Вчера приехали адмирал и Петров. Петров оставляет значительно менее приятное впечатление, чем раньше. Понимание того, что за его спиной стоит адмирал и вся его семья, придали ему какой-то самоуверенный тон, которого за ним раньше я не замечал. Он стал чрезмерно криклив, и, когда сидит в зале, может кри-

чать, что привлекает всеобщее внимание. Знаний у него теоретических очень мало.

Если раньше мне казалось, что из него можно сделать профессора кафедры, то, присмотревшись ближе, вижу, что ему рано по многим разделам быть даже доцентом. Прекрасный практический хирург, мало подготовленный хирургически, он еще нуждается в существенной подготовке. Я вижу, что для таких людей получение двух орденов сразу, в один год, приносит много зла. Они начинают терять правильную ориентировку и явно переоценивают себя.

22.V. С утра в МСУ обсуждался вопрос о замещении свободных ассистентских и адъюнктских мест. Необходимо заполнить все свободные места, так как излишек приходится передавать в армию.

Взял каких-то двух молодых людей на места адъюнктов: одного Орлова и другого Петрова; последнего видел один или два раза в Полярном.

В 16 часов Андреев, я, Петров и Ремизов смотрели адмирала. Общее состояние прекрасное. Небольшое изъязвление в центральной части 2х2 см. На рентгенограмме явный остеомиелитический процесс в конце костной культы и незначительный секвестр.

Я рекомендовал открытое лечение на солнце. Вечером мы были приглашены на ужин — я и Петров. Среди присутствующих — архитектор Алабян, Герой Сов. Союза Коккинаки, чрезвычайный посол в Мексике Константин Александрович Уманский. Последний производит впечатление умного человека. Он высказал «частное мнение», что в этом году еще всю тяжесть войны придется выносить нам.

Союзники будут ограничиваться жесткими бомбардировками. Летом 1944 года начнется небывалое по техническим условиям наступление союзников. Обещал прислать хирургическую литературу!! Мало вероятно исполнение обещания.

Я подал Исакову как депутату Верховного Совета Союза ССР заявление по делу д-ра Месхи. Он обещал мне сделать все возможное.

23.V. В 14 часов я и Георгий Аркадьевич навестили Быкова. Состояние вполне удовлетворительное. Остается нарушение термической чувствительности и парез n. facialis.

Вечером смотрели фильм «Леди Гамильтон» — не понравился.

24.V. Жоржику закупил массу математических книг, которые просил отослать.

В 16 часов мы были уже на аэродроме с Георгием Аркадьевичем. Поднялись в воздух в 17 часов. Через 1¹/₂ часа мы опустились на аэродроме в Хвойном. Ждали наступления темноты. Перелетели на аэродром в Тихвин. Там взяли горючее и ждали, пока почти не стемнело совершенно. Над Ладожским озером самолет летел 7', а расстояние от озера до Ленинграда он покрыл в 10'.

В 23 ч. 25 м. мы были в Ленинграде. Добрались до госпиталя на случайной машине.

На аэродроме в Хвойном видели красивую картину — сбрасывание с самолета «Дуглас» парашютистов; сбрасывали пачками по 5–7 человек. Но эта красота не обошлась без жертв. Один парашют не раскрылся, и несчастный упал с высоты 1000 метров и погиб.

В момент, когда мы въезжали в город, была тревога. Мы помещены в приемном покое Обуховской больницы; я не мог жить дома, так как нет ни воды, ни света.

25.V. Живу с Георгием Аркадьевичем в хорошей комнате. Кормят и поят прекрасно; к нам приставлена сестра, которая ухаживает за нами (Мария Георгиевна Лопатина).

С утра и после обеда я посетил клинику. Она переведена в главное здание института, где раньше помещалась патологическая лаборатория. Более чем скромно живут мои помощники. Зинаида Васильевна, по-моему, выглядит чуть лучше, чем осенью; слегка отечна Бехтерева; хорошо выглядит Хлопонина, но у нее авитаминозный неврит, худа Усольцева.

Был в клинике Шаака; исключительно похудела Елизавета Семеновна, она потеряла 18 килограммов. Остались кожа да кости.

В «Скорой» все в удовлетворительном состоянии. Вечером был дома. Ося прибавил 3 килограмма, выглядит лучше, чем осенью; тетя прибавила 6 килограммов.

Взвесив все за и против, я решил его оставить здесь.

26.V. Вчера днем на Советском проспекте осколком авиабомбы был убит Борис Петрович Абрамсон. Способный преподаватель, очень хороший научный работник. Летчик пикировал, сбросил бомбу. Осколком снаряда снесло часть черепа и лица. Говорят, что его трудно было узнать.

Был в клинике. Приятно посидеть в своей, хотя и разоренной, клинике.

27.V. Отправил срочную Нине.

Послал через Аронова письмо. Был большею частью дня в «Скорой».

Предложили оперировать инфицированную аневризму левой бедренной артерии. Ассистировали Эмилия Никифоровна и София Брониславовна, подавали Ольга Ивановна и Надежда Алексеевна. Парад был полный. Им было приятно, что я дома, да и мне было приятно. Перевязал артерию в средней $\frac{1}{3}$. Соенеп¹ был положительный.

Красив, прекрасен Ленинград со свежей зеленью, с чистыми улицами. На улицах народу мало, хотя больше, чем осенью. На улицах, в садиках масса детишек, несмотря на постоянные бомбардировки и артобстрел. Вчера тревога была 2 раза, сегодня также 2 раза. Вторая началась в 12 ч. 15 м., как и вчера.

У населения появилась какая-то реактивность к воздушным бомбардировкам и артобстрелам. Когда начинается воздушная тревога, кажется, уже никто не бежит в нижние этажи. На улицах, в садах, несмотря на обстрел, все двигаются нормальным шагом, можно встретить немало парочек. Одним словом, к словам картины «Всюду жизнь» можно добавить и «всегда жизнь».

Видел Тушинского, который недавно женился на докторше Крогиус 24 лет. Выглядит хорошо. Черноруцкий в своем репертуаре, выглядит хорошо, но темперамента не прибавилось. Хорошо выглядит Гефтер. Шор выглядит плохо, стар, не хватает многих зубов. Говорит, что оставлен на консервации; не вскрывает, лекции не читает. Он мне рассказал,

что Анна Акимовна лежит в Октябрьской гостинице в тяжелом состоянии. Был у Месселя, в хорошем состоянии. Работает хорошо.

28.V. С утра нам сообщили, что прилетел Андреев. В Морском госпитале при Академии лежит артист Павел Зафарович Андреев с явлениями тяжелого полиневрита. Жалко на него смотреть, явления параличей всех четырех конечностей. Исхудал жутко.

В 11 ч. 40 м. в Доме отдыха КБФ собрались: Андреев, я, Мясников, Лисицын, Зедгенидзе, Триумфов.

Предполагаемый план дня:

Доклад Лисицына — 15'

Доклад Белоголового — 15'

Доклад Иоффе — 20'

Доклад Смольникова — 20'

Разговоры Андреева 11–40' — 12 ч. 40'.

Смольников сообщает, что во всем Ленинграде нет сливочного масла, появилась куриная слепота, особенно тяжелая для зенитчиков. На фронтах появились безбелковые отеки. Контр-адмирал Левченко разрешил глушить рыбу, после чего отеки исчезли.

Нет V_1 , никотиновой кислоты. Нормально можно держать 3 дня.

Лисицын жалуется, что у него и у многих руководящих работников кровоточат десны.

Вопрос о переводе Камбаровы (жены Бобы) в Кронштадт.

В 15 часов в Санотделе КБФ: Андреев, я, Мясников, Лисицын, Зедгенидзе, Смольников (полковник Алексей Васильевич). Белоголовов, Иоффе, Пивнев, Смагин, Карташевский.

Белоголовов (майор).

¹ Coenen — так в тексте.

№4. Начат 12 мая 1943 г. Окончен 27 января 1944 г.

Лечебно-эвакуационное обеспечение

хир.

Развернуто 3420 коек

1405

Занято

714 (раненых 457 человек)

тер.

659

357

Развернуто 329

129

58

130

40

110

ЛОР

44

90

туб.

60

125

гинекология

63

Кронштадт. база

Развернуто 300 коек

Занято

108

Лавенсаари

Развернуто 58

Занято

13

Ижора

Развернуто 120

Занято 76

Лебяжье

28

Занято 3

Госпиталь общего типа

1) 170

125

2) 200

153

83

200

138

Ладожская № 34 — 50 (Новая Ладога).

базы — нет.

Снабжение — медикаменты, перев. материалы. Никаких недостатков.

Кронштадская — прекрасная база (200 донорских пайков).

Снабжение кровью — Ленбаза — Институт переливания крови. Собст.

Хорошо Ижора.

Ладожская флотилия пользуется кро-

вью из Ленинграда. Эвакуация — островной сектор на Кронштадт, то же Ижора. Ижорский госпиталь принимает наиболее тяжелых раненых. Баржей — 100 раненых. Кроме того, любой буксир или на Лисий Нос, или в Кронштадт.

Эвакуация из Ленбазы — через ФЭП — отправить, в том числе только тех раненых, которые нуждаются в лечении больше трех месяцев.

В случае обеспечения большого числа раненых имеется запас санитарных катеров. Готовность полная, но личного состава нет.

Общий показатель 1942 год:

отправлено (в часть)	81%
в отпуск	2,3%
в запас	7,3%
(снять с учета)	5%
на излечение оставалось	4,4%

Последние месяцы спокойно. Твс — резко пошел на снижение. Венера апрель 28–30 сл. В мае снижение.

Конференции — хирургов.

Дать мне программы.

Выставка —

Лисицын.

Доврачебная помощь — недостатки — плохо внедрялся морфий. *Шинизация* производилась только в 60%. Оставлен только Дитерекс. *Шок* — не принимали мер. Введена противошоковая жидкость и другие меры.

Выбрасывание МСБ (во время прорыва 21 палата).

Недочеты — оперировали на черепе; после прекратили.

% первичной обработки — (в армии 25–27%) у нас 65–70%.

Врачебная помощь — не загружены ранеными.

Острый живот — задерживались на коврах.

Не уделяли внимания бытовой травме.

Лечение — газовая инфекция — за год 25 сл. — 4 †

Столбняк 1 сл. — выздоровел.

Не было анатоксина.

% оперируемости до 60%.

Специализировали — кисть (Данович) нейро-хир. (Шиханов)

Туберкулез. Грудная клетка.

81% выздоровления.

Если поступило 100 человек, из них: 48 отдали обратно

40 в глубокий тыл.

Снабжение — жалоб нет. Спирта вообще нет для выведения из шока.

Меж. госпит. конф. — 0 работе в тылу.

Просьба печатать работы здесь.

Проведены клинико-анат. конференции — 2.

Попросить дать заглавия.

Вопрос о КУМС'е.

Смагин — Колич. больных за 1942 г. — 86 160.

Смертность у дистрофиков 6%.

Было дистрофиков:

за 1942 г. — 3526 человек

в 1-м квартале 1942 г.

за 1943 — 33 человека.

Фактически в 1943 г. дистрофиков нет.

Ни одного случая от цинги не было.

Тбс. Гипертоническая болезнь.

Среди госпитальных больных 4,3%.

Среди госпитальных больных гражданского населения 25%.

Превалирует в % комсостав.

Нейропсихическая травма.

В основе должна лежать перенесенная дистрофия и гиповитаминоз.

Хронические заболевания желудочно-кишечного тракта.

Число кардиологических больных не уменьшилось.

Кардиопульмонологическая недостаточность.

При гипертонии вводят дистиллированную воду. Сделано 25 научных работ.

Терапевтическая помощь на кораблях и частях. Невысокая квалификация врачей на кораблях и частях.

Иоффе В.И.

16 ч. 10', боже мой, Ф.Ф. все болтает и любит свою персону. Болтовня продолжается вот уже четвертый час! Когда же это окончится!!

Почти до 17 часов продолжались разговоры в Санотделе КБФ.

В 21 ч. 30 м. мы выехали на Лисий Нос на машинах. Андреев, я, Мясников, Зедгенидзе, Триумфов, Смагин (Григорий Андреевич), Белоголовов (Николай Николаевич).

В 22 ч. 30 м. мы были на месте. Нас встретили начальник Санчасти Кронштадской базы подполковник Приходовский. Пирс имеет в длину около $1\frac{1}{2}$ километров. С левой стороны, т. е. со стороны, доступной для наблюдения немцами, в ровный ряд прибиты к краю пирса ряд елок. Нас ждал катер командующего. Нас уверяли, что мы будем идти по крайней мере $1\frac{1}{2}$

часа. Рулевой же меня заверил, что на это уйдет не больше 15', что вполне и подтвердилось. Мы шли на катере, который делает 30 миль в час. Через 15' мы были в Кронштадте. На пристани нас встретили комендант города и в шеренгу выстроившиеся врачи Кронштадтского госпиталя. Было Ф.Ф. Андрееву по крайней мере перед кем пофорсить. Нас устроили в одной комнате Кронштадтского госпиталя, Андреева, меня, Мясникова и Лисицына.

29.V. С утра вместе с Лисицыным осматривал 1-е хирургическое отделение Кронштадтского госпиталя (№ 35). Начальник хирургического отделения полковник Александр Петрович Никитин. В прошлом фельдшер, воспитанник Лубо и Пунина, он и по сей день в полной неприкосновенности сохранил черты фельдшера. Он ничего не читает, теоретически совершенно мало подготовлен. Неудивительно, что он ровно ничего не может дать молодым врачам и не дает. Он по сей день, например, дренирует стеклянными дренажами после грыжесечения.

Нет совершенно никакой логики в его действиях. Например, при переломе acetabuli он сначала почему-то кладет вытяжение, когда для этого нет никаких оснований, а затем, также непонятно почему, кладет на много недель гипс.

При переломе костей голени нога лежит в гипсовой лонгетке выпрямленная, отекая, когда по всему видно, что ее необходимо согнуть и положить на Брауновскую шину.

Врач Букерева на дежурстве принимает больного с перерезанными сухожилиями сгибателей в нижней трети предплечья и повреждением п. mediani. Она сухожилие

и нерв шьет кетгутом, и никто ей не объясняет, что это неправильно. Она кладет бинт резиновый так, как этого делать не следует.

Он, Никитин, сам ничего не читает и неудивительно, что никому и читать не рекомендует. При этом он неимоверно самомнителен и обидчив. Уверяют, что он не мог перенести того, что Лубо сделали генерал-лейтенантом, а ему дали только звание полковника. Он полагает, что поскольку он дважды орденосец, то, естественно, что он уже находится на вершине славы, и никакие замечания он не признает. Лисицын рассказывал мне, что после того как ему был сделан ряд совершенно обоснованных замечаний, он обиделся и долго с ним не разговаривал.

Когда я на собрании врачей госпиталя в исключительно деликатной и вежливой форме указал, что было бы желательно, чтобы он свой большой опыт шире передавал молодежи, он также обиделся. Говорили, что он не спал всю ночь, тяжело переживал. Однако на другой день заверил меня, что он примет во внимание мое указание. К большому сожалению, нет никакой возможности радикально разрешить вопрос о Никитине, так как наряду с перечисленными неустраненными недостатками у него ряд положительных достоинств. Он работает на флоте в продолжение 37 лет; очень многие, даже высокопоставленные, лица его лично знают. Он умеет интересоваться больными и их выхаживать. Поэтому не может быть речи о том, чтобы его куда-либо сдвинуть, хотя для пользы дела это и следовало бы сделать. Одним из вариантов, который до известной степени мог бы быть компромиссным — это сделать его ведущим хирургом

и назначить двух начальников отделения. Отделение Никитина развернуто на 150 коек, но может быть в любой момент развернуто до 200 коек.

После обеда мы пошли на линейный корабль «Марат». В настоящее время это «живой труп». 16 сентября 1941 немцы устроили массированный налет, но корабль устоял. Они повторили массированный налет с пикированием. 23.IX. Не то торпеда, не то бомба, по-видимому, попала в трюм со снарядами. Корабль был в полном смысле слова разорван на две части. Командный мостик с командиром и большим числом команды погибли. Корабль сел на песок. Нос в надводной части отделен, оторван; говорят, что он еще находится в связи в подводной части. Из подвижного корабль превратился в неподвижный, и три его башни могут вести огонь.

Обзор инфекционного госпиталя (начальник подполковник Добротин); ужин; свежая рыба. Вечером заседание с врачами госпиталя, на котором каждый из нас кратко изложил то, что ему пришлось наблюдать.

30.V. Утром — осмотр 2-го хирургического отделения. Начальник отделения подполковник Обухов. Отделение на 150 коек, также может быть развернуто на 200 коек.

Обухов совершенно безграмотен. Он даже, например, никогда не слышал имени Разумовского. Полагаю, что ему не место в хирургическом отделении Кронштадтского госпиталя.

После обеда поехали на форт Р (риф), расположенный на самой западной окраине о. Котлин. Форт производит грандиозное впечатление. Командир полковник

Димитрий Иванович Терещенко. Желая показать нам работу батарей, он отдал распоряжение открыть огонь из 6-дюймовых орудий по Териокам; туда были посланы 4 снаряда. До чего жестокая вещь война! Для того чтобы доставить удовольствие случайно пришедшим людям, выпустили 4 снаряда, которые могли попасть в ничем не повинных детей, которые играли на пляже.

Санитарная часть форта и обслуживающий его лазарет находятся в прекрасном состоянии. Начальник капитан м/с Раков.

Точно так же в прекрасном состоянии находится лазарет подплава; начальник полковник Кузьмин.

Ужин у Дундука п/п м/сл (Петр Александрович). Заседание с врачами Кронштадской базы. Собралось в клубе около 200 врачей. Мое появление у кафедры было встречено громом аплодисментов. Я говорил о сравнительной характеристике между хирургической работой в Первую и Вторую мировую войну.

В 24 часа мы на катере командующего переправились на южный берег. Когда мы отходили из Кронштадта, было совершенно светло. Вдруг появился дымок. Как мы узнали впоследствии, было отдано распоряжение устроить в момент переправы дымовую завесу. В Ораниенбауме нас ждало начальство госпиталя и машины. Издали этот уцелевший в наших руках участок представляется чем-то оторванным, находящимся в постоянной опасности. Тем более странным нам показался прекрасный ужин, который для нас был там устроен. Странно и неожиданно было видеть свежие огурцы, выращенные в собственных оранжереях, и изумительное молоко, полученное от собственных коров.

31.V. С утра мы приступили к обследованию госпиталя. Я в нем бывал и раньше неоднократно. Начальник госпиталя п/п м/с Лещев. Начальник хирургического отделения п/п м/с Малинин. Он производит хорошее впечатление; практически грамотен. Из ординаторов следует упомянуть об Егоровой, которая говорит с быстротой с максимальной скоростью заведенного пулемета. Хорош ординатор (фамилию не помню, что-то вроде Приходько??). Госпиталь расположен в 7 километрах от фронта. Пользуется вполне заслуженной славой не только на флоте, но и в армии; туда направляют все сложные случаи. За годы Отечественной войны они произвели более 190 лапаротомий по поводу огнестрельных ранений и зашили более 300 открытых пневмотораксов.

Хирургическое отделение чистое; хорошо кладут гипсовые повязки.

Одно из лучших наших хирургических отделений.

После обеда мы отправились в Лебяжье, где осматривали лазарет. Чистое здание, в котором производится кое-какая хирургическая работа. Неприятное впечатление произвел хирург Готлиб (Одесса, из клиники Наливкина). Толстый, ленивый.

Незабываемое впечатление оставляет форт Ф (Фрунзе), б. Красная Горка.

Смотря на эту крепость, начинаешь понимать, почему немцы не смогли овладеть этим участком на южном берегу. Санитарная служба на этом форту поставлена из рук плохо, вернее, ее нет. По возвращении в госпиталь было устроено заседание с врачами укрепленного района. Я уговорил Федор Фе-

доровича, чтобы он один говорил, что и было сделано.

После ужина мы направились в Ораниенбаум; оттуда на катере мы перебрались на Лисий Нос, что заняло $1\frac{1}{2}$ часа.

На Л. Носу нас ждали машины, и в 1 ч. 30' ночи мы были дома.

1.VI. Утро я провел в «Скорой»² и в клинике³. Побывал у Страшуна⁴. Землистый цвет лица. Одна за другой входят две медички. Редко мне приходилось видеть более нахальных и arrogantных женщин. Они кричали на директора, заявляли, что он не имеет никакого права их отправлять на торфоразработки, что они поступили учиться, что он не имеет права задерживать карточки. Бедный директор мединститута, с которым возможно так разговаривать!!

Днем в госпитале № 2. Начальник госпиталя п/п м/с Вячеслав Дмитриевич Васильев, главврач Жихарев Степан Сергеевич.

Госпиталь на 500 коек, развернуто 300, из них 200 хирургических. В этом госпитале живет флагманский хирург, г/м м/с, профессор Лисицын; он же и оперирует. Ведущий хирург Гофрен (травматолог), болен туберкулезом, в санатории. Здесь же работает Нубарян, бывший врач Таллинского госпиталя. Налицо 130 больных и раненых.

Вечером в Доме отдыха для выздоравливающих показали нам картину «Победа в пустыне»; производит большое впечатление.

2.VI. С утра осматривали госпиталь № 1 на 600 коек. Развернуто 600, хирургических 300, лежит хир. 135. Начальник госпиталя полковник м/с Гонтарев, ведущий хирург Николай Варфоломеевич Петров; там же работает Данович. Тяжелых больных почти нет. Отделение чистое. Операционный журнал ведется совершенно бессистемно и безграмотно. К моему приезду один журнал успели переписать, другой не успели.

На собрании врачей я обошел этот вопрос совершенно молчанием, принимая во внимание, что врачи Ленинграда в продолжение двух лет не выходят из бомбардировок и артобстрела, да еще и неизвестно, что их ждет в ближайшем будущем.

После обеда был у Оси. Он совершенно не понимает состояния своего здоровья. Его куда-то черт носит. Между тем мне офтальмолог сказал, что у него явления нейроретинита, чем и объясняется понижение зрения. Есть ли это результат гипертонии (давление 155) или кое-каких изменений в почках, пока сказать нельзя. Я поэтому ему рекомендовал бросить все службы, кроме одной, которая бы обеспечила ему карточку. Он фактически всегда был полуинвалидом; теперь инвалидность на носу.

Принимая во внимание, что мне с апреля месяца прекратили выплату зарплаты в 1 ЛМИ, то придется поддерживать его присылкой денег.

3.VI. Обследовали госпиталь № 81. Начальник госпиталя подполковник м/с Андрей Иванович Гербут, ведущий хирург Одес, начальник хир. отд. Корвин и Чудновская. Хорошее отделение,

² Институт скорой помощи.

³ Клинике госпитальной хирургии 1 ЛМИ им. акад. И.П. Павлова.

⁴ Директор 1 ЛМИ им. акад. И.П. Павлова.

чистое. Безупречные гипсовые повязки (гипсовый техник Беляева). Дефектный операционный журнал. Андреев налетел на несчастного, ни в чем не повинного ординатора Перельмана, часа два жевал историю болезни. Просто было невыносимо!! Заседание с врачами. Репертуар речей без изменения.

Николаев назначен начальником гарнизона на территории Обуховской больницы. Юшков докладывал о КУМС'е. Андреев беседовал с врачом Камбаровой и решил оставить ее в инфекционном отделении в Ленинграде.

4.VI. Обследовали госпиталь № 6. Начальник госпиталя п/п м/с Клепиков. Временно исполняет обязанности начальника Калиновский. Хирургический госпиталь на 200 коек; лежит 78.

Участвовал в прорыве блокады Ленинграда, выдвинув ППГ, работали 2 месяца.

Начальник 1-го отделения, он же ведущий хирург Калиновский. Нач. 2-го хир. отд. Богаченко. Операционные журналы в полном порядке. Ненормально — предоперационная и кабинет начальника отделения в одном и том же помещении. В коридоре на стене на картоне выставлены инородные тела, удаленные хирургами. Попросил убрать.

5.VI. Обследовал 3-е отделение госпиталя № 81. Начальник — Чудновская. Прекрасное отделение. Жаль только, что так называемый ведущий хирург Одес плохо или, правильнее, совершенно не занимается с врачами. Никто, например, правда, включая и ведущего хирурга, не знает, что такое функциональное положение кисти.

Нейрохирургическое отделение. Нач. отделения Хишанов. 42 койки. Хорошее отделение, требует дооборудования. Хороший хирург, к сожалению, груб. Громогласно заявляет, что не желает заниматься нейрохирургией. Единственное желание — уехать в Баку к матери и раненому брату. Я его уговаривал написать докторскую диссертацию у Бабчина, предложил ему диссертационную тему: «Инородные тела мозга». Обещал устроить ему отпуск в Баку. Не знаю, убедил ли я его или нет.

В 15 часов мы собрались в Санотделе. Лисицын сообщил, что немцы начали наступление на Синявинском направлении. В Санотделе в связи с этим известием наблюдается некоторое беспокойство. Возможно, если это сообщение верно, что нам предложат выехать из Ленинграда в срочном порядке.

Собрание врачей Ленморбазы, присутствовало 133 человека. Андреев выдал Знаки отличника младшему медперсоналу — санитарам. Я говорил значительно лучше, чем в Кронштадте.

Вечер провел дома у Эмилии Никифоровны, были Зинаида Васильевна, Будзинская, Каменчик, Лемберг и Григорий Степанович. Последний выглядит прекрасно, не жалуется на ангинозные боли.

Ночью улетает Андреев в Москву.

6.VI. В 12 ч. дня был на заседании Хирургического общества Пирогова, которое заседает в Институте усовершенствования врачей. Председателем избирается г/м м/с Куприянов. Много народу. Заседание ничего особенного не представляло. Меня просили сделать доклад.

Я дал согласие. Докладывать буду на внеочередном заседании в следующее воскресенье.

Вечер провел у Оси. На улицах масса комаров.

7.VI. Утром опять обследовал 2-й госпиталь.

Приходила Усольцева, излагала свои заседания.

8.VI. Оперировал двух больных в клинике. Одной делал пересадку кожи; у другой временно удалил *os naviculare* и вернул ее обратно. Не знаю, насколько стоило мне делать вторую операцию.

Вместе с директором института Страшуном и Е.В. Усольцевой ходили к председателю Ленсовета Петру Сергеевичу Попкову. Мы ставили вопрос об отоплении моей клиники. Он нам условно обещал помощь. На просьбу Страшуна разрешить проф. Заварзину и Купалову приезд в Ленинград Попков ответил, что от этого следует воздержаться до конца августа. То же он мне ответил относительно возможности приезда в Ленинград Александры Савишны Фридланд.

Был у завед. горздрав. отделом Машанского, перед которым поставил вопрос о необходимости снять Красносельского с поста директора Института скорой. Он мне обещал его убрать.

9.VI. Ассистировал Елизавете Семеновне Драчинской на артериовенозной аневризме бедренных сосудов; произвела перевязку сосудов.

Проф. Корнев демонстрировал свою операцию артротомии коленного сустава. Артротомия производит впечатление анатомически логической. Для тампонады употребляет

Vaselini americani	200.0	согреть на водяной бане
Olricini	100.0	
Iodoformini	30.0	

Обедал у Корнева в Лесном. Хорошая квартира. Удалось полностью сохранить институт.

10.VI. Утро провел в госпитале для повреждения кисти (Ул. Мира, 15^а). Начальник госпиталя. Впечатление жука. Ведущий хирург Петр Сергеевич Кустов; не по знаниям и возрасту нахален.

Собрали большое количество прекрасных рисунков, нарисованных художником Яковлевой. Врачи знают мало.

Чудесные теплые дни, что редко бывает в июне в Ленинграде. Тревоги редко, и те без бомбардировок. С 26 мая немцы не выпустили по городу ни одного снаряда.

11.VI. Утро провел в Оттовском институте у проф. Бабчина. Он оперировал двух больных. Одному удалил пулю с основания мозга, другому из конского хвоста. Оперрует хорошо. В операционной образцовый беспорядок, болтает без конца. Зря заставляет кричать больных под местным обезболиванием, когда свободно можно было бы добавить несколько капель эфира.

12.VI. Союзники заняли остров Пантелерию. Сегодня три раза объявлялась тревога, бомбардировки не было.

Ужинал у Елизаветы Семеновны; были проф. Страшун и его жена Вера Инбер.

13.VI. Жаркий день. В Хирургическом обществе Пирогова сделали доклады

1) Я — «Инородные тела легкого и плевры».

2) Зедгенидзе — «Локализация инородных тел».

3) Триумфов — «Повреждение межреберных нервов».

Масса народу, говорят, около 600 человек.

Заседание в ГИДУВ'е. Председательствует Виноградов, который сердечно нас приветствует. Секретарь Одес.

Выступали: Матросов, Созон-Ярошевич, Смирнов, Аникин. Поступила масса вопросов.

Доклад передал Виноградову для напечатания в «Вестнике хирургии им. Грекова».

14.VI. Побывал у Мошанского, где ставил вопрос о необходимости освобождения Красносельского от обязанностей директора института. Мне дали категорическое обещание, что это будет сделано.

Получил от Хлопониной «Воспоминания Вельяминова», которые я собираюсь отвезти Смирнову в Москву.

Были у Верховского. Санотдел Ленфронта помещается в подвальном помещении дворца Павла и вполне защищен от артобстрелов и даже воздушных бомбардировок.

15.VI. С утра интенсивный обстрел нашего района. Осколки снарядов падают на территорию Обуховки. Обстрел продолжался до 13 часов. Публика не обращает на это никакого внимания. Ходят трамваи; детей водят по улице.

В 12 ч. дня вместе с И.П. Виноградовым приехали в госпиталь для раненных в грудь. Начальник Иван Степанович Колесников. Госпиталь помещается в клинике Виллие, в бывшей клинике Оппеля. Первое, что поразило меня, — это торакоскопия, которую производил Колесников по поводу эмпиемы у больного, которого он оперировал по поводу диафрагмальной грыжи. Они диагноза не поставили,

начали оперировать со стороны живота, но операцию окончить не могли, должны были вскрыть грудь.

В госпитале имеется специальный отдел для электрокардиографии, спирометрии и дыхательного обмена. Занимаются удалением инородных тел.

Нас встретил и сопровождал проф. П.А. Куприянов, который, по словам Верховского, за все время второй Отечественной войны почти совершенно не оперирует.

Простился с клиникой. Пришла Эмилия Никифоровна, которая сообщила мне, что ей не хотят давать медаль «За оборону Ленинграда», ей, которая честно несла огромную работу за все время войны.

16.VI. Сегодня мы должны лететь. Побывал у полковника м/с Алексея Васильевича Смольникова, начальника Санотдела КБФ.

Свез Осю в госпиталь № 1. Был на заключительном заседании слушателей ВММА, которые проходили практику на КБФ. Председательствовал Г.А. Зедгенидзе, присутствовали В.М. Иванов, проф. Мясников, Триумфов.

Снова прощался с клиникой и со «Скорой». Поздно вечером выяснилось, что мы не летим, Москва сегодня не принимает.

Явления выпадения памяти у Красносельского продолжались 5–6 часов.

День прошел совершенно спокойно, ни тревог, ни бомбардировки, ни артиллерийского обстрела. Чудный солнечный день.

17.VI. Визит Ишханова. Единственное, что его интересует, это поехать к себе в Баку, маленький человечек. Я ему предложил написать докторскую диссертацию

на тему «Инородные тела мозга». Он как будто и дал согласие, но, полагаю, что из этого ничего путного не выйдет.

У Красносельского снова наблюдались явления выпадения памяти. Побывал у Мошанского, которому также сообщил о том, что Степановой и Демидовой не хотят давать медали «За оборону Ленинграда». Он также считает это возмутительным и обещает со своей стороны возбудить ходатайство. Наряду с этим я просил его снять Красносельского с поста директора «Скорой». Он обещал.

Побывал у начальника НКВД, генерал-майора Шикторова, с которым вел переговоры относительно врачей Степановой и Демидовой. Он обещал расследовать и устроить. Впоследствии обоим врачам медали «За оборону Ленинграда» дали.

Кажется, все в порядке. Вечером летим. В 21 ч. 30'. Георгий Аркадьевич поехал на пр. Володарского, 48 оформлять документы; предложили приехать в 22 ч. 30'. Прекрасный тихий вечер. Проверка документов происходит в грязной прокуренной комнате. За наш багаж взяли 162 рубля. Бродили в ожидании автобуса по проспекту Володарского. Огромное количество комаров, которые дьявольски кусаются. Медленно, ввиду отсутствия тревоги, стучит метроном.

Выезжаем в 12 ч. 40'. Полная, как шар, луна освещает нашу дорогу. Идем через Охтинский мост. Среди белой ночи мелькают очертания Ленинграда. Проходим несколько контрольных пунктов. Наконец наша машина, которую прекрасно ведет шофер Валентин Иванович Козлов, встала у последнего шлагбаума. Впереди аэродром. Так бы хотелось, чтоб вот-вот

открылся шлагбаум и мы полетели. Открывают шлагбаум, нас пропускают на аэродром, но и на поле чертовски кусают комары. Красноармеец сообщает, что третьего дня погиб один «Дуглас», неизвестно, что с ним стало. Сидим, спим на своей машине, часто просыпаемся. С востока, откуда должен прилететь наш самолет, никаких надежд.

Светает. Все чаще и чаще поднимаются в воздух наши бомбардировщики и «ястребки», они идут на свою смертоносную работу. Через час курносый красноармеец считает, сколько их вернулось. Прекрасный восход солнца. Наконец гул моторов нарастает, появляются «ястребки» в воздухе, а за ними и долгожданные «Дугласы», их два. Медленно садятся эти тупорылые животные в 6 ч. 40'. Их надежно прячут — это предвещает мало хорошего. Никто не знает, полетим мы сегодня или нет. Наконец в 7 ч. 40' выясняется, что нет прикрытия, а без него лететь нельзя.

Усталые, разбитые возвращаемся домой. Завтракаем. В 9 часов ложимся спать и спим до 14 часов.

18.VI. Солнечный день. Совершенно спокойно. За день две непродолжительные тревоги. Где-то вдали бухает тяжелая артиллерия. Бродим без дела. Был в «Скорой» и в клинике. Написал Мошанскому насчет необходимости снятия Красносельского.

В 21 ч. нам сообщают, что якобы полета не будет. Позже узнаем, что сегодня летим. В 24 часа мы едем прямо на аэродром; нас провожает Николаев. Так же очарователен, красив Ленинград в белую ночь. Когда я снова сюда вернусь? Повидимому, не раньше будущего лета или осени, а сколько крови утечет за этот год!

В воздух поднялись в 2 ч. 40'; нас сопровождают 4 «ястребка»; через 50' мы опустились в Тихвине, где выпустили несколько пассажиров. Три часа спустя мы на аэродроме в Хвойном, где мы сидим много часов из-за того, что нам не дают горючего, хотя таковое имеется. В конце концов нам дали 400 литров бензина вместо 800 литров.

19.VI. В 9 часов мы садимся на центральном аэродроме в Москве. Опять в гостинице «Националь».

Вечером у меня побывал проф. А.П. Цулукидзе, который рассказал всю возмутительную историю с Апполоном Месхи.

Ужин у Ф.Ф. Андреева — налицо народный комиссар здравоохранения Грузинской ССР Семен Николаевич Мачавариани, А.П. Цулукидзе, Татьяна Сергеевна Петрова, Георгий Аркадьевич и я.

Георгий Аркадьевич и я были у начальника Главсанупра Е.И. Смирнова, которому я передал воспоминания проф. Н.А. Вельяминова, которые я привез из Ленинграда.

Мнение Смирнова о переходе немцев к обороне. Истощение людских и материальных ресурсов у активно воюющих стран. Вопрос об англо-американской делегации. Torn, Taylor, Elliot, Yones и др.

Из некоторых слов Ф.Ф. Андреева я понял, что он бы хотел проф. Максименкова немедленно посадить на кафедру оперативной хирургии, а кафедру пропедевтической или госпитальной хирургической клиники передать проф. Лисицыну.

20.VI. С утра сию дома. Приходил А.П. Цулукидзе, которому передал письма для проф. Мухадзе и Тамары Месхи.

В 12 ч. 30' поехал в Архангельское к Е.И. Смирнову. Хорошая маленькая дачка. 2 дочки. Жена (Мария Ивановна) — врач. Семья производит приятное впечатление.

Вечером дома.

Прилетели из Ленинграда Мясников и Триумфов. Приходил Цалкович.

21.VI. С утра в МСУ. Адмирал Исаков сообщил, что только что получил уведомление от Ульриха, что постановление о деле А. Месхи Верховным Судом отменено. Я просил его поставить вопрос об освобождении Месхи на поруки.

Приходил Вульфсон, который мне объяснил, как действовать в деле Оглобиной в ВКВШ. Звонил проф. Борису Эдмундовичу Лимбергу.

Цалковича приговорили к 5 годам условно.

22.VI. Годовщина тяжелой войны. Жарко. На Петровке случайно встретились с народным комиссаром здравоохранения Георгием Андреевичем Митеревым. Спросил, когда я приехал.

«Что там Страшун истерику закатывает? — спросил он. — Страшун просит не утверждать его директором». Я ему сказал, что Страшун выглядит плохо, устал. Он предлагает назначить директором Н.И. Озерецкого, но последнего не пускает Красноярск.

«Многоуважаемый в кавычках, — сказал Митерев, — проф. Шаак, по поступившим сведениям, назначен директором хирургической клиники в Потсдаме в Берлине; что немцы очень его рекламируют. Он нашел свою родину». Просил к нему зайти.

Говорил с проф. Кочергиным по делу Зинаиды Васильевны. Он не отказывал, но и не обещал.

В ЦИУ Б.А. Петров защищал диссертацию на звание доктора медицинских наук, свою монографию «Глухая гипсовая повязка». Оппоненты профессора Руфанов, Огнев и Брайцев. В книге нет ровно ничего диссертационного, но звание присудили. Оппоненты ничего в вопросе не понимают. Петров вел себя грубо по отношению к Ф.Ф. Андрееву, еще более грубо, даже хуже вел себя Юдин. Я не сказал ни слова. Петров поблагодарил только свою жену. Юдин обиделся и вполне правильно. На Петрова нельзя обижаться, так как он настолько невоспитан, что от него трудно требовать вежливости.

Гирголав мне сказал, что известия о назначении Шаака в Потсдаме исходят от нашей контрразведки.

Вечером был у Кочергина по делу Зинаиды Васильевны; едва ли что выйдет. Приходил Демидов с женой. Он назначен в морскую пехоту в Кронштадт.

23.VI. С утра сидел дома. В 15 часов доклад у народного комиссара ВМФ Кузнецова; докладывали Алымов, Мясников и я. Присутствовал Андреев. Нарком был в хорошем настроении, доклады сошли хорошо. Приходил Н.Н. Петров. Демидов сообщил, что направляет свою жену ко мне ординатором.

24.VI. В 13 ч. доклад в МСУ.

Сдал посылку для Жоржика адъютанту Е.И. Смирнова Фатееву.

Кочергин мне сообщил, что получил отказ в ВКВШ. В 23 ч. 40' меня принял по делу Оглоблиной Кафтанов. Результаты сомнительные.

25.VI. Выехал в Киров.

26.VI. В пути.

27.VI. Вернулся в Киров. В клинике мно-

го больных, ждавших оперативного вмешательства, а на столе много книг и журналов, которые следовало прочитать.

С 27.VI по 9.VII много оперировал.

8.VII. Получил от Андреева телеграмму: «Бурденко приглашает конференцию друзей — Андреев». Смысл телеграммы остался для меня неясным и не обратил на нас большого внимания.

9.VII. Приехал Андреев и разъяснил, что Бурденко приглашает на конференцию с хирургами Англии, Америки и Канады, которые прибыли к нам.

Среди делегатов:

- 1) Адмирал Гордон-Тейлор, хирург-консультант Королевского Флота;
- 2) Генерал-майор Монро (Британская Армия на Среднем Востоке);
- 3) Полковник Эллиот Котлер (Американская Армия);
- 4) Уитсон-Джонс (ортопед);
- 5) Проф. Уалдер Пенфильд (Канада);
- 6) Рок Кармена;
- 7) Лопайль Девис (редактор Surgery, дир. <анд. Obot.??>

Мне очень не хотелось ехать, но Андреев сказал, что неудобно, чтобы флот никем не был представлен. Мне ничего не оставалось, как экстренно собраться и выехать через Горький.

11.VII. Я приехал в Москву. Часа полтора провел в Морском госпитале у Б.А. Петрова, здоровье которого явно ухудшается. Однако после защиты диссертации и перенесенных волнений наступило резкое ухудшение. Юдин продолжает на него дуться и не бывает у него.

12.VII. С утра в библиотеке НКЗ, где собирал литературу по поводу торакобронхиальных свищей, нашел много дельных

статей. От Руфанова узнал, что 13, 15 и 16 июля состоится конференция с иностранными гостями.

Случайно в НКЗ встретился с проф. Николаем Ивановичем Озерецким. От него узнал, что проф. Страшун просится в отставку, и было бы желательно на его место назначить Озерецкого. Из всех кандидатов это, пожалуй, наиболее подходящий. По этому поводу договорился с замнаркома Сергеем Алексеевичем Колесниковым и Александром Николаевичем Шабановым. Принципиально договорились.

Побывал у Бурденко, который на 16 часов созвал совещание по поводу предстоящей конференции. Налицо: Бурденко, Гирголав, Левит, Шамов, Апухтин, Еланский. Бурденко встретил меня с распростертыми объятиями и поцелуями. Говорит он лучше, кое-что понять можно. Сказал, что некоторые доклады плохие, напр. Банайтиса и Линберга. Дал каждому просмотреть чей-либо доклад. Мне достался доклад Еланского о повреждениях центральной нервной системы. Доклад составлен вполне удовлетворительно. Бурденко пригласил меня к себе обедать, не сказал только, на какое число.

Ливень. Чуть стало легче дышать.

Вечером был у Малышева по поводу Цалковича и уговорил его направить его на Черное море, на это он дал согласие.

Поздно вечером Татьяна Сергеевна мне сообщила, что конференция, для которой уже были отпечатаны программы на русском и английском языках, не состоится. Это же подтвердил Левит.

С 13.VII по 18.XII 1943 г. записей нет.

19.XII 1943. Давно не писал. Но только что, после длительного перерыва, сообщили, что войска 1-го Прибалтийского фронта прорвали фронт на протяжении 80 км и в глубину на 30 километров. Ожили снова надежды. По-видимому, началось наше зимнее наступление в направлении на Ригу. Если бы это наступление удалось, то это было бы началом освобождения родного Ленинграда.

Сегодня вернулся из Ленинграда и Москвы Георгий Аркадьевич. Рассказывал, что Ленинград жестоко обстреливается.

22.XII. Оперировал больного с артериовенозной аневризмой правых подключичных сосудов в первой части. Операция продолжалась 3 ч. 20 м.

Вчера Е.В. Смирнов начал работать в госпитале № 4017.

23.XII. Наступление на 1-м Прибалтийском фронте развивается слишком медленно. Едва ли здесь намечен наш главный удар.

25.XII. Наши войска перерезали шоссе на дорогу Витебск — Полоцк. Появилось Витебское направление.

Решил написать вместе с профессором С.С. Вайль брошюру под заглавием «Пересадка кожи для лечения вяло гранулированных ран».

26.XII. Договорились с проф. Вайль написать брошюру под заглавием «Пересадка кожи для лечения вяло гранулированных ран или поверхностей».

27.XII. Окончательно разработал технику пересадки кожи. Все детали намечены.

В 21 ч. приехала через Свердловск Вера. Я ее встретил на вокзале, она измучилась в дороге. Онегин случайно ранил

art. femoralis, которая была вполне здорова. Он наложил несколько швов (плохо), которые были равносильны перевязке сосуда непосредственно под отхождением art. profunda femoris. На глазах art. femoris затромбировалась и перестала биться, и не только поверхностная, но и глубокая.

30.XII. Сегодня исполнилось ровно два года с тех пор, как мы прибыли в Киров и поселились в двух комнатах Клинического Военно-морского госпиталя. Было бы грешно на что-либо жаловаться. Комнаты светлые, солнечные, значительно лучше, чем у нас в Ленинграде. Постоянно свет, редко перебои с водой. Почти постоянно можно пользоваться душем или ванной.

Сегодня состоялось 44-е заседание совета ВММА, на котором ученый секретарь Галкин отчитывался за $3\frac{1}{2}$ года работы совета. Докладывал, как обычно, хорошо. По окончании доклада начальник Академии предложил желающим высказываться. Несмотря на все уговоры, не нашлось ни одного человека, желающего говорить. Начальник решил перенести вопрос на следующее заседание.

Договорился с Георгием Аркадиевичем насчет Веры.

31.XII. Вчера вечером Совинформбюро сообщило, что наши войска 1-го Украинского фронта прорвали фронт на протяжении 300 километров и на глубину в 100 километров, заняли гор. Казатин; позавчера обратно взяли Кростень. Сегодня вечером я ожидаю новогодний подарок, взятие Витебска и Житомира.

Этот год я почти не бывал на флотах; только в Ленинграде, в Кронштадте и на

Южном берегу Финского залива я провел 25 дней. Работал для себя очень много, мало мешали, очень много оперировал. Почти, как правило, делал 10 операций в неделю в госпитале № 4017, около 5–6 операций в неделю делал в клинике. Сделал два доклада; первый — на конференции в Кирове и второй — на 3-м пленуме МСУ 17.IX в Москве. Предложил собственную остеопластическую ампутацию бедра, которая, как мне кажется, удержится.

К концу года число прооперированных мною больных с инородными телами грудной клетки достигло 197, число прооперированных мной диафрагмальных грыж — 7. Предложил собственный вариант декорткации легкого и пересадки кожи.

Истекший год был счастливым для нашей Родины. Сталинград был началом очищения нашей страны от немецкой банды, Орел, Харьков, Донбасс, Киев — продолжением.

27.XII. Вновь назначенный главнокомандующим союзными войсками вторжения генерал Дуайт Эйзенхауэр заявил на пресс-конференции: «Мы выиграем европейскую войну в 1944», точнее трудно выразиться. Московская и Тегеранская конференция, по видимому, в достаточной степени подготовила базу для такого безоговорочного утверждения.

1.XII. Мы потеряли в Самарканде первого внука Александра; он погиб от менингита, развившегося после двустороннего отита. Ему было всего $3\frac{1}{2}$ месяца; он похоронен в Самарканде.

Новый год встретили дома, были Борис Константинович, Мария Владиславовна Мухина, Вера, Нина и я.

1944 год

1.I.1944. Вечер провели у Георгия Аркадьевича, с нами были Вера и Борис Константинович.

2.I. Послал письмо домой Васе через Абрама Давидовича Гугулашвили, где известил о смерти внука.

3.I. Наши войска взяли Новоград-Волынский. По-видимому, наступление предусматривает движение на Румынию и Венгрию. Если бы союзника высадили в Югославии, то мог бы образоваться сплошной фронт, который бы сразу вывел из строя Румынию, Венгрию, Болгарию, Грецию и Югославию.

7.I. Кировская область отошла Уральскому Военному округу. По сему поводу из Свердловска приехало новое начальство в лице главного хирурга проф. Богданова, терапевта проф. Кушелевского и невропатолога Давида Григорьевича Шеффера. Последний сделал у нас доклад на тему «Узловые вопросы диагностики и лечения повреждения периферических нервов». Начал здорово нахально. Обвинял область, что мало оперируют. В конце концов оказалось, что совсем уж не так хорошо, когда много оперируют. Я председательствовал. Триумфов, Фаворский и Галкин совместно со мной таки здорово пощипали нахального молодца. Ушел он куда более скромно, чем пришел.

8.I. Оперировал в э/г 4017 тяжелого больного со gittfer Lunge. Я отказывался от операции Lebsche, так как была слиш-

ком велика поверхность. Я отслоил всю измененную поверхность. Последовало тяжелое кровотечение. Закрыв по своему способу. После операции больной чуть-чуть не задохся в палате от крови, затекшей в носоглотку.

Наши войска взяли Кировоград.

Пришло письмо от Жоржика; пишет, что 11 янв. прочтет вторую пробную доцентскую лекцию и 15 января грозит выехать в Киров. Возможно, мне не придется его увидеть, так как около 20-го января придется выехать на Черное море.

Больной, о котором идет речь (торако-бронхиальный свищ) погиб от воздушной эмболии, не проснувшись. Может быть, не стоило делать декортикацию, а ограничиться операцией Lebsche.

11.I. Сегодня в э/г 4017 сделал 200-ю операцию удаления инородных тел из легких и плевры. 4 из этих операций были произведены в Клиническом Военно-морском госпитале.

Впервые сделал совершенно типично декортикацию. На операции присутствовал проф. Н.Н. Самарин, который просил разрешения прийти еще раз.

12.I. Взяли Сарны.

Георгий Аркадьевич посоветовал мне свою операцию «Новая пластическая ампутация и реампутация бедра» послать в журнал «Surgery and Gynecologie». Идея разумная.

14.I. Отправил письма с проф. Иоффе, Шору, Куприянову, Эмилии Никифоровне и Зинаиде Васильевне.

Имел серьезный разговор с проф. Смирновым. Суть дела заключается в том, что с его приходом в клинику стало не лучше, а хуже. Он совершенно не смотрит больных, не делает обходов, никого ничему не учит, а все норовит прооперировать, при этом уверяет, что у него все выходит замечательно, в то время как далеко не так. Я ему намекнул, что если ему не нравится его положение, то я ему помогу уйти на кафедру урологии. Он не выразил восторга, сказал, что он все исправит и исправится. Боюсь, что из этого ничего не выйдет, невысок потолок!

15.I. Месяца полтора тому назад я послал проф. Смирнова консультировать в госпитальную терапевтическую клинику проф. Лепорского. Мы были заинтересованы не только в обслуживании клиники Лепорского, но и в получении от него оперативного материала. Однако, по-видимому, проф. Смирнов решил иначе. Он решил, что ему выгоднее без моего присмотра производить резекции желудка, и в полном смысле слова в клинику не перевел ни одного больного. Сегодня во время государственных экзаменов я спросил проф. Лепорского, сколько больных он перевел к нам; он сказал, что 9 больных. При этом он прибавил, что, насколько он знает, я занимаюсь пластикой, а проф. Смирнов желудками. По-видимому, сия гениальная мысль вскользь проводилась, пропагандировалась, отчасти через своего товарища Куракина, который работает в клинике Лепорского. Вечером я

объяснил смысл его поступка проф. Смирнову. Он глупо мне сказал, что он не знает, как больные попадали в Областную больницу. Я ему сказал, что в его возрасте не пристало давать такие объяснения. Я ему сказал, что с моей стороны он встречал только безукоризненные отношения до сих пор, но если я в дальнейшем увижу такие фокусы, то пусть он знает, что вместе работать нам не придется. Просил, чтобы я не менял к нему отношения. Боюсь, что ничего не выйдет, слишком провинциален, самовлюблен и неумен.

17.I. Мне кажется, что сегодня я окончательно отшлифовал все детали пересадки кожи.

18.I. Мое вчерашнее предположение, что мной окончательно отработана техника пересадки кожи, оказалось недолговечным.

В технике пересадки кожи трудным является момент взятия трансплантата без жирового слоя. Имеются два варианта: или трансплантат выкраивают сразу без жира, или жир срезают после того, как трансплантат вырезали. Первый вариант имеет существенное преимущество — лоскут удастся взять равномерный, без всякой жировой подкладки. Однако наряду с этими достоинствами имеется ряд недостатков — это кропотливая техника. Идеалом, конечно, явился бы дерматом. При отсутствии этого инструмента различные авторы применяют различные приспособления.

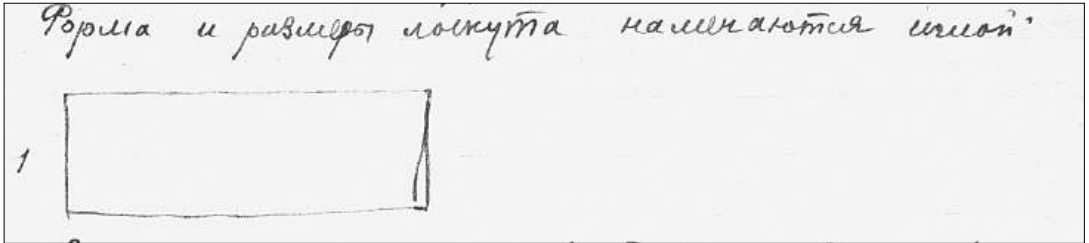
Способ Парина — ролик фотографа.

«Педжета» — скатанный бинт.

См. DaviV. Hunt.

Мне пришло в голову применить следующий способ.

1. Форма и размер лоскута намечаются иглой.

2. Скальпелем сразу очерчивается лоскут, при этом разрез ведется через кожу и подкожную клетчатку.

3. С какого-либо конца отсепаровывается кожа с подкожной клетчаткой на протяжении около 1 сантиметра. Технически это очень просто сделать.

4. На поверхность кожи накладывается тампон шириной более трансплантата. Тампон должен состоять из 4-6 слоев марли.

5. Конец отсепарированного трансплантата вместе с марлевым тампоном захватывается зажимом Кохера (при более широком трансплантате берут длинный кохер).

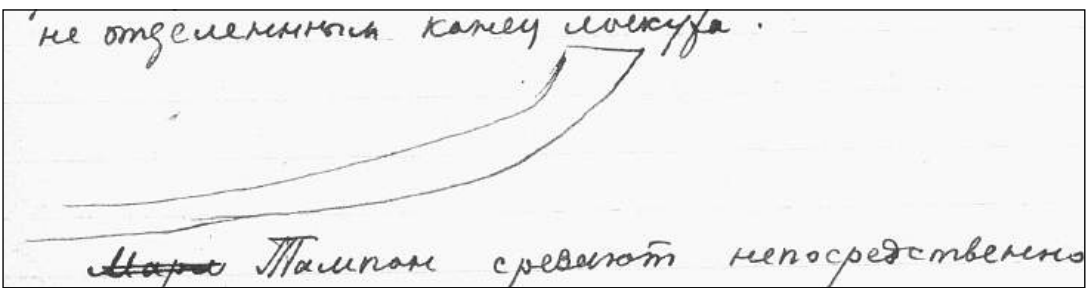

6. Начинают закручивать кохеровский жом против часовой стрелки. Одновременно скальпелем сразу углубляются до дермы (белесоватая поверхность). Продолжая закручивать кохеровский зажим, получают возможность иметь натянутую кожу на твердом валике, что дает возможность ножом делать разрезы в желаемом слое.

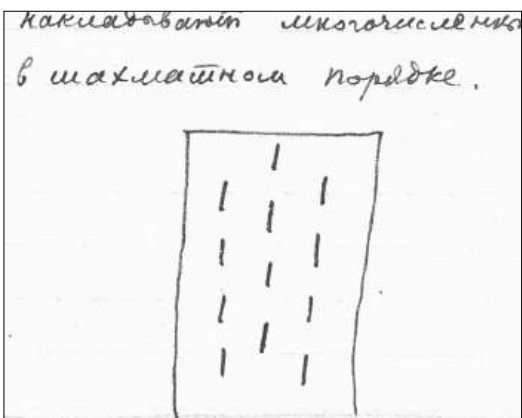
Таким образом, обнаженная поверхность кожи ложится на марлю.

7. После того как отсепарован достаточных размеров лоскут, его разворачивают, оставив неотделенным конец лоскута. Тампон срезают непосредственно под зажимом.

Натянув максимально трансплантат и удерживая его конец кохеровским зажимом, в трансплантате офтальмологическим скальпелем накладывают многочисленные сквозные разрезы в шахматном порядке.

Прерываю.

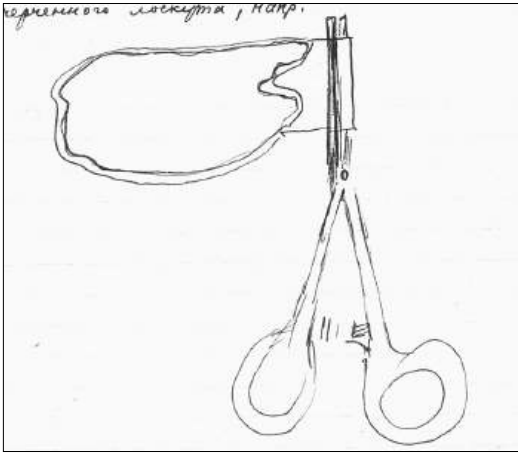
0.30'. Только что Совинформбюро сообщило: началось наше наступление в районе Ораниенбаума, где наши войска прорвали сильно укрепленный рубеж и с боями продвигаются вперед. Точно так же началось наше наступление на Волховском фронте, севернее Новгорода, с такими же результатами.

Так хочется верить, что это начало освобождения родного города!!

8. Трансплантат срезают на намеченном месте.

9. С другого конца срезают конец трансплантата, так как конец, зажатый в жом Кохера, не пригоден для пересадки.

Если приходится выкраивать лоскут неправильной формы, то следует для зажатия кохером начинать отслойку кожи вне очерченного лоскута.

19.I. Наконец долгожданный момент наступил. Наши войска взяли Красное Село, Ропшу. Трудно себе представить радость ленинградцев, нашу радость, радость всей страны!

20.I. На заседании совета ВММА сделан доклад как председателя государственной экзаменационной комиссии. Доклад продолжался 40 минут. Доклад содержательный.

Вечером сообщили о соединении Ораниенбаумской и Пулковской групп, взяли Урицк, Стрельну, Лигово, с. Володарское. Войска Волховского фронта взяли Новгород!! Часть немецких войск отрезана и уничтожается.

22.I. Пришла телеграмма, извещающая, что Жорж выехал 17.I.

23.I. Был на обеде 6-го выпуска ВММА. Говорили начальник Академии, я и Куприянов (Василий Васильевич), врач нового выпуска.

24.I. Наши взяли Пушкин и Саблино.

25.I. Сделал две декортикации в э/г 4017. Делал по обычному своему способу. Однако просмотр оперированных мной раньше больных заставляет сделать вывод:

1) Что щели, которые я проделываю, как правило, закрываются на 3–4-й день.

2) Раны часто нагнаиваются, и приходится распускать швы.

3) Нередко кожа омертвевает из-за большого натяжения и отчасти из-за нарушения кровообращения, вызванного дырками в коже.

4) Иногда наблюдается значительное кровотечение (2 случая из 21-го, оперированных в 25.I).

5) Повышение температуры вынуждает распускать швы, и кожа расползается.

Поэтому я решил ближайших больных оперировать следующим образом. При декортикации вначале стенки полости иссекать со всех сторон; там, где это технически трудно, убрать с висцеральной плевры и оставлять со стороны париетальной. Это сегодня я уже сделал у своего второго больного. Часть раны зашить кетгутом. Кожу отмывать, но дырок в ней не делать. Часть раны оставлять совершенно открытой в отлогой части и накладывать гипсовую повязку непосредственно на легочную ткань, производя в этом месте вдавление гипсовой повязки.

По сообщению Совинформбюро, наши дерутся на окраине Гатчины и, конечно, завтра ее возьмут. По-видимому, в бли-

жайшие дни будет освобождена и Октябрьская дорога.

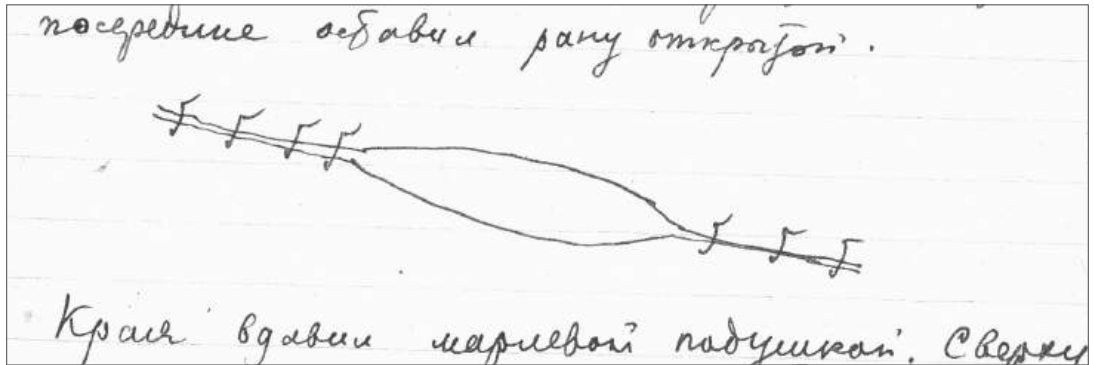
27.I. Объявлен приказ об освобождении Ленинграда. Счастливый момент!!

Приехал вечером Жорж, в полном здравии.

Оперировал двух больных; сделал декортикацию по-новому. Операция про-

должалась недолго, по часу. Кожа была отслоена, но дырки не делал. Мобилизовал минимум легкого. Края в дефекте обшил мышцами. Кожу зашил частично, посередине оставил рану открытой.

Края вдавил марлевой подушкой. Сверху залили гипсовой подушкой и наложили гипсовую подушку.

ДНЕВНИК

№ 5

**Начат 30 января 1944 г.
Окончен 23 сентября 1944 г.**

30.I. Вчера в э/г мне устроили прощальный чай. Кроме Беляева и Кузнецовой присутствовали проф. Зедгенидзе, Щукарев и врачи моего отделения.

Беляев привез массу известий. В Ленинграде он получил б. Итальянское посольство на ул. Герцена, д. № 43, где он намерен развернуть мою клинику по легочной хирургии. В Москве ВЦСПС отпустил для организации этой клиники 200 000 р. и 5 комплектов белья. Привез он также проект соглашения с ВММА. Одним словом, проектов масса!!

Вчера вечером по поводу приезда Жоржа собрались у нас Георгий Аркадьевич, Ольга Александровна и Борис Константинович.

Как бы ни готовиться к отъезду, всегда дел оказывается больше, чем времени. По планам начальства мне полагалось ехать на юг, где в Батуми должна была состояться конференция. Ехать сейчас туда, где нечего делать, конечно, мне не хотелось. Я предложил направить меня в Ленинград, где много раненых.

В последний момент горизонт как будто бы прояснился. Пришел приказ, чтобы делегатов на Черное море не посылали, так как конференция в Батуми отменена. Авось мне дадут разрешение ехать на Балтику, где я больше нужен, тем более что флагманский хирург Балтики Лисицын ровно ничего не делает.

Выехал я из Кирова в 19 ч. 30'. Провожали меня Жорж, Вера и Боба.

31.I. Мягкий вагон — достаточно чистый. Спутники малоинтересные. В Горький прибыли в 11 ч. 10'. Тепло, тает, вчера, как говорят, даже шел дождь. Носильщик за перенос одного чемода-

на и небольшой связки книг до камеры хранения багажа попросил 100 р. Я ему предложил 30 р. Он мне заявил, что не желает брать, и отказался брать деньги. Тогда я предложил ему отправиться со мной в комендатуру. Этому грабителю это не понравилось, и он взял 31 р. Но я все же пожаловался коменданту и начальнику станции. Прибежал ко мне носильщик, по-видимому, его взгрили. Видел я грабителей, но таких редко!

1.II. Из Горького я ехал в международном вагоне. В Москве меня встретил адъютант Алексея Ивановича Степанов, однако без машины, которую пришлось ждать час. В гостинице «Националь» ни одного номера из-за съезда Верховного Совета. Меня поместили в комнате Алексея Ивановича, где мне пришлось провести ночь.

Через час после моего приезда ко мне приехал в гостиницу Федор Федорович. Этот исключительный акт вежливости, по-видимому, должен заставить меня забыть его предыдущее «тактическое ко мне отношение».

Вечером я с Федор Федоровичем были у Исакова. Он выглядит прекрасно, но протеза не носит. Просил меня посмотреть лицо изуродованного своего товарища генерал-лейтенанта Иванова. Исправили, но с трудом. Исаков интересен, как всегда. Дал мне исчерпывающее объяснение, что значит создание закона о расширении прав Союзных республик в области внешних отношений и Наркомата обороны.

Показал мне бумаги Виноградова и Нифонтова с просьбой освободить Петрова, избранного к ним профессором. Я сказал, что Петров болен, и его следует отпустить. Петров в письмах скулит, что он не удов-

летворен работой. Приходила Татьяна Сергеевна Петрова по тому же вопросу.

2.II. С утра сидел дома. Затем поехал в Дом ученых, где закупил иностранных книг на 600 р., кроме того, я заплатил 400 рублей долгу, которые я должен был за журналы. Получил несколько интересных статей по декортикации в библиотеке НКЗ.

Федор Федорович мне сообщил, что учреждена должность моего заместителя как главного хирурга флота и что следует искать кандидата. Таковой, по его мнению, должен быть молодым, подвижным, талантливым, должен сидеть в канцелярии МСУ и, кроме всего того, заниматься хирургией!! Посмотрим, может быть, такие и найдутся. В библиотеке НКЗ взял книги.

Вечером за мной приехал Сергей Сергеевич. Я у него просидел около трех часов. Бедлам!! Получилось впечатление, что это именно он с Наталией Владимировной взяли Кировоград!!

3.II. С утра заехал в Медгиз, где в редакции журнала «Хирургия» секретарше сдал статью для номера, посвященного Спасокукоцкому.

Был в МСУ ... Я и Мясников просили Кудинова похлопотать о пайках наших жен.

Начальником Клинического Военно-Морского госпиталя Алексей Иванович на крайний случай выдвигает Гонтарева. Все же лучше, чем Ерофеев. Был у Ефима Ивановича Смирнова, просил, чтобы он нам уступил Максименко. Целиком не согласен. Но он хочет, чтобы Максименко числился в его штате, но разрешит ему совмещать. Пожалуй, придется согласиться на его компромиссное решение.

Осматривал ноги у народного комиссара Кузнецова. Типичная эпидермофития.

Прописал йод — 5%. По дороге, как бы случайно и невзначай, Ф.Ф. мне предложил моим заместителем Юдина. Я только мог улыбнуться. Затеваается какая-то игра, но в чем ее смысл, пока не понять!

С Зайцевым послал письмо Нине. Предполагаем поехать на юг 5-го числа. Не верю, что у нас поездка выйдет так скоро. Утром приходил проф. Давид Георгиевич Иоселиани. Я ему передал свои таблицы по «инородным телам легких», чтобы он свез их в Тбилиси.

Вечером красивые салюты. Говорят, по поводу десяти окруженных нами на Украине дивизий. Вечером после 12 часов обещал заехать Ефим Иванович.

В час ночи он пришел с проф. Гирголав; последний сравнительно скоро ушел. Остались я, Ефим Иванович и Алексей Иванович. Относительно Максименко — он не хочет его нам отдавать; он ему нужен для музея. Он говорит, что гарантирует ему кафедру. На мой вопрос, что же он намерен делать с Куприяновым, он мне ответил, что Куприянов будет тяготиться кафедрой оперативной хирургии, и он его посадит на кафедру клиническую.

Принимая во внимание предложение, сделанное мне Федором Федоровичем относительно Юдина, я спросил Еф. Ив., насколько эффективны поездки Юдина на фронт. И тут я услышал вещи, которые не рассчитывал услышать из уст Еф. Ив. Он сказал, что это нечестный человек. Он это повторил несколько раз. Что он бессовестно и зря ругает старуху (В.В. Гориневскую), которая приносит фронту больше пользы, чем он. Он кричит о том, что прекрасные результаты от операции на бедрах, но никто этих результатов не

видел. «Он полагает, что если я у него пил чай, то с этого момента я в его руках, пусть так он не думает. Он просит, чтобы я его сделал генералом, но я этого сделать не могу. Он указывает, что я сделал генералом Левита, но Левит осторожный, внимательный и ценный человек. Он хвастает, что на фронте стрелял в немцев, но разве это дело хирурга стрелять в немцев!»

Все, что говорил Ефим Иванович относительно Юдина, сущая правда, но дошел ли он до открытия всех этих черт собственным умом? Думаю, что нет. Полагаю, что открывали ему глаза Гирголав, Левит, Вишневский (в этот день он как раз был у Вишневского и последним очень восхищался). Он дал отрицательный отзыв о Н.Н. Мисостанове, Еланском. Более положительно отозвался о Шамове и Ахутине.

Долго говорили о высшей медицинской школе. Идеи его здравые. Он не согласен выделять отдельно рентген, физиотерапию. Напрасно он желает совершенно исключить иностранные языки. Ушел он в 5 часов утра.

4.II. Встал поздно. Приехал Вайль из Ленинграда. Он с Триумфовым и Сумноваром проехали на машине почти до Кингисеппа. Говорит об ужасающих разрушениях, не поддающихся никакому описанию и о действительных зверствах. Он видел школу, куда немцы заперли детей и подожгли. Малюток из детдома укладывали рядами, губы смазывали цианистым калием, дети сразу гибли; посыпали этот ряд землей, тогда проделывали этот же прием культурного истребления со вторым рядом. Вайль говорит, что жалко, что мы не сможем им отплатить, у нас не хватит жестокости.

Он прав. Истреблять мы их не сможем, но расселить бы их следовало.

Вайль подготовил себе будущее в Ленинграде. Он мне показывал бумагу. Он назначен прозектором Александровской больницы. Он просил меня посодействовать, чтобы он был оставлен прозектором Первого госпиталя или патологоанатомом Балтики. Из Академии, по его словам, решил бесповоротно уйти. Не совсем ясны ми остаются для меня мотивы, по которым он хочет уйти. Непомерное честолюбие, он не занимает первых мест в Академии, по-моему, только это.

Вместе с Андреевым, Кудиновым, Нифонтовым, Татьяной Сергеевной и Юдиным по приглашению последнего в кинохронике смотрели фильм «Поздняя вторичная обработка ран». Фильм сделан хорошо, сжато, четко, без «кошек», без «цветов». Нам обещали 5 экземпляров, один для Академии. Вечер просидел дома.

5.II. Утром пришел Вайль, с которым отправил письмо Нине, а с Тушинским в Ленинград. В час дня делал доклад зам. нар. комиссара Малышеву о результатах VI сессии государственных экзаменов ВММА. Присутствуют Андреев и Иванов. Малышев очень любезен со мной. Предлагает ввести как обязательный предмет иностранные языки, чтобы морской врач мог по окончании Академии свободно говорить на одном из иностранных языков. Я с удовольствием с ним соглашаюсь.

По окончании доклада я говорю, что у меня имеется расхождение с начальником МСУ Андреевым по поводу поощрения первой пятерки окончившим Академию отлично, без всяких натяжек. Я предлагаю их немедленно оставить в Академии

и предоставить им 1) право выбора специальности, 2) право выбора профессора. Этим совершенно логичным и разумным предложением я хотел одновременно повысить желание слушателей драться за образцовое учение, а профессоров также заставить подтянуться. Малышев признает мое предложение правильным и предлагает его сразу провести в жизнь. Андреев пробует возражать, однако Малышев не дает ему говорить. Видя сопротивление Андреева, я вношу компромиссное предложение. Немедленно оставить их адъюнктами и отправить их на флот для «оморячивания» не на 2–3 года, а только на год. С этим решением все согласны, согласен и Андреев, которому ничего не остается, как согласиться.

В 14 ч. 30' доклад мой у наркома. Андреев, как и следовало ожидать, опаздывает на доклад. Мой доклад начинаю в присутствии Малышева и Иванова. С некоторым опозданием появляется Андреев, который лопочет, что не мог уйти от Жаворонкова. На это народный комиссар довольно кисло замечает, что когда собираются на доклад к народному комиссару, то при желании всегда возможно оторваться. Андреев и это замечание принимает как похвалу и одобрение своим действиям. По окончании моего доклада народный комиссар находит, что радоваться нечему. Из 352 принятых в 1939 году на первый курс в продолжение пяти лет за неуспеваемость и по другим причинам было уволено 121 человек (34,4%). Средний балл выпускников 3,69. В общем, начальника Академии судят именно по успехам обучающихся. Комиссар полагает, что резко должно быть повышено требование к поступающим, что

оказывается, что если принять малознающих и малопригодных, то даже при условии отчисления в году 30 с лишним процента невозможно ничего сделать. После этого я ставлю вопрос об адъюнктах в вышеизложенном разрезе. Комиссар резко против. Он находит, что поощрять морского врача сокращением срока плавания на кораблях — это противоречит принципам воспитания морского врача. Он согласен эту пятерку компенсировать чем угодно, хотя бы золотыми часами, но он не согласен с моим предложением. Андреев торжествует, что он так же думает, как думает н. комиссар. Он старается высказать свое мнение, но ему не дают. Иванов молчит. Резко, многократно, горячо поддерживает Малышев мое предложение. Я так же горячо защищаю свое предложение. Был момент, когда казалось, что народный комиссар колеблется и начинает в какой-то форме уступать. Однако в конце концов он предлагает Малышеву составить приказ, но у меня не осталось впечатления, что Малышев сказал последнее слово.

С Андреевым спешим в заседание учебного совета НКЗ на совместное заседание с американскими и английскими врачами, которые делают информационные сообщения. Председательствует Василий Васильевич Парин, который хорошо говорит по-английски, он же докладывает по-русски и тут же сам переводит. Налицо человек 25–30, и среди присутствующих Руфанов, Гирголав, академик Сперанский, Давыдовский, Гриценков.

Доклады касаются пенициллина, ожогов, лечения ран. По поводу последнего вопроса докладывает проф. Руфанов, который мне предлагает высказаться

по поводу основных принципов, которых мы придерживаемся при лечении ожогов. Я излагаю эти принципы кратко.

8–9. II. Сижу дома, реферирую статьи по декортикации легких; их много. Насморк, настоящий грипп, чувствую себя отвратительно, а завтра надо ехать.

10. II. Выехали вместе с Андреевым в 14 ч. 10'. Холодно, с полей сошел снег.

11. II. Идем бесконечными полями; в вагоне прохладно, иногда даже холодно.

12. II. 9 ч. Сталинград. Бывший город. Ажурные коробки, изуродованные, разорванные. Кладбище танков, самолетов, техники. Сколько было потрачено человеческого труда, чтобы уничтожить труд целых поколений. Отсутствующие станции, временные хибарки, перевернутые железнодорожные составы. Туман, плохая видимость. Масса детей и стариков, просящих милостыню, многие искалечены, есть безрукие, безногие. В Сталинграде очень мало народу.

Чудом уцелел Котельников, хотя он несколько раз переходил из рук в руки. Дальше отсутствующие станции, взорванные водокачки, уничтоженные депо и даже отдельные будки.

13. II. Всю ночь простояли около Сальска, говорят, что где-то впереди столкнулись два товарных поезда. Снега совершенно нет на полях. Разрушения, разрушения! Взорванные и сплюснутые цистерны, паровозы. Над складом кукурузы исчезла крыша и стены; стоит оголенный склад.

15 ч. Тихорецкая, депо и окрестности сравнено с землей. Все железнодорожные станции забиты вагонами. Лес, бревна, доски, идущие на юг для восстановительных работ, а в обратном направлении

цистерны с нефтепродуктами. Двойная колея сохранилась только местами.

14. II. В 5 ч. 20' прибыли на ст. Минвод. Темно, холодно. От станции уцелела лишь восточная половина, и то только частично; большие бреши заделаны частью кирпичом, частью досками. В той части станции, которая взорвана, сохранился почти нетронутым кафельный пол, который торчит наружу.

Нас встречают главный врач санатория майор м/с Александр Абрамович Гутман и зав. хоз. частью, капитан. Они приехали за нами на американской 1^{1/2}-тонке. И ждали нас с 10 ч. вечера. Поезда из Минвод в Кисловодск ходят лишь 3 раза в день, и без машины пришлось бы здорово мучиться. Я с Андреевым устроились в кабинке с шофером; хотя сидим, как сельди в бочке, но было бы совсем хорошо, если бы не одно непредвиденное обстоятельство. Наружное стекло у машины быстро обледенело, ничего шоферу не видно. Никакие протирания не помогают. Пришлось решиться на открытие стекла. Стало видно, но ветер бьет в лицо. Заморозки, холодно. Дорога в сносном состоянии. 60 километров от Минвод до Кисловодска мы проехали за 2^{1/4} часа без всяких приключений. Вылез я из машины сине-малинового цвета, весь застывший. Андреев и я имеем по «люксу». Мои апартаменты состоят из 6 комнат, ванны и проч.!! Холодно. И то правда, что командованию девать «люксы» некуда.

Санаторий, рассчитанный на 300 коек, загружен только 140 больными. Пусть мерзнет начальство! Не жалко! Под санаторий отведено одно из лучших зданий Кисловодска, бывшая гостиница «Инту-

рист», расположенная в лучшей части города на Ребровой балке. Гостиница полностью сохранилась, ее не успели взорвать ни мы, ни удирающие немцы. Еще до немецкой оккупации здесь располагался наш санаторий, и говорят, был прекрасно обставлен. Немедленно после нашего ухода население разграбило как наш, так и другие санатории начисто.

В настоящее время санаторий производит впечатление мало и временно заселенного дома. Хотя с момента ухода немцев прошел год, но нормальная жизнь восстанавливается очень медленно. До недавнего времени не было электроэнергии. Перед уходом немцы взорвали электростанцию. Баксангэс взорвали не то мы, не то немцы, и еще не дает электроэнергии, ввиду чего железная дорога Минводы — Кисловодск вернулась к первоначальной паровой тяге.

По словам главврача, эту зиму санаторий переживал жуткий период. С 4 часов дня становилось темно, ночью жили только коптилками, больные ходили в валенках и шинелях. Нельзя сказать, чтобы отсутствие света не нравилось всем. Развилось воровство в санатории, разврат. Больным начали выдавать ключи; многие начали исчезать из санатория и возвращались только на второй день.

К концу этого периода мы и приехали. Не успела перестроиться администрация, не имеют намерения перестраиваться больные. В военном санатории живут какие-то артисты, которые разгуливают по санаторию в шубах и шляпах.

Администрация производит впечатление «временщиков». Не видно не только любовного отношения к делу, но просто

желания приложить к делу какое-либо усилие. Результаты налицо. Лучше не выглядывать на балкон из многочисленных окон. Омерзительная грязь, а на центральном балконе, где так хорошо светит и греет солнце, лузгают семечки больные и работники санатория. Для разнообразия туда же добавляются окурки.

И контраст, только что звонил комендант города, который сообщал начальнику санатория, что наши офицеры ночуют в городе и «курят на улице», в то время как он, комендант города, «запрещает курить на улице». Вот до чего дошли, даже комендант в Кисловодске запрещает курить на улице. Чудеса!! Во дворе грязь, марля, брошенные повязки, гипсовые шины... Зато чисто, опрятно в продуктовых кладовых, масса продуктов, много американских. На одной банке надпись «Свиная тушонка»!!

Вечером угостили «литовским концертом»; пианист, скрипач, тенор. Приятное трио.

15.II. Иду смотреть перевязочную, операционную. Один факт, что начмед хирургического отделения м/м/с Софрон Иванович Ломачинский, не обещает ничего хорошего... Но все же...

Под перевязочную и предперевязочную отведены две комнаты. В предперевязочной висят кителя врачей. Оконные рамы заткнуты ватой, которая лохмотьями свисает во все стороны... В ящике стола мусор, грязь и беспорядок, равного которым трудно себе представить.

В перевязочной под так называемыми «чистыми инструментами» подложена простыня с крупными пятнами гноя и крови (операционная сестра Макарова И.Н. окончила фельдшерско-акушерский

техникум в 1934 г. Работала в клинике Ма-линовского в Москве, в санатории работа-ет 3 месяца).

Мыло уложено в картонную коробку, от ручных щеток остались только дере-вяшки. Санитарка взлохмаченная ходит в халате, грязнее которого трудно себе что-либо представить.

В операционной стоят 3 стола, бестене-вая лампа. По словам Ломачинского, запи-си в инвентарной книге не соответствуют действительности.

Ничего не готово для оказания неот-ложной помощи ни при ожогах, ни при повреждении мягких тканей, ни при пере-ломах. Шины хранятся в аптеке, гипс, по словам врачей, плохой.

По словам врачей, они многократно под-нимали вопрос о несоответствии опера-ционной сестры, но на их заявления никто не обращает внимания. Насколько мог за-метить, сестра находится под «протектора-том» главного врача. Простыни и халаты не дают. Однако после поднятого мной скан-дала сразу нашлись и блюдце под мыло, и чистые простыни, и даже сода для кипя-чения инструментов. Все дело в значитель-ной степени, конечно, в верхушке.

Я чуть ли не 5-й раз встречаюсь с вра-чом Сафроном Ивановичем Ломачин-ским. Он окончил Одесский мединститут в 1927 г., т. е. имеет 16-летний общевра-чебный стаж. Почти таков же его хирурги-ческий стаж. Он работал в Донбассе 4 года в должности ординатора и 4 года в должно-сти зав. хирургическим отделением. Он не лишен и морского стажа. Несколько меся-цев плавал на «Октябрьской революции», принимал участие в Финской компании, работает все время и в настоящей войне.

Иными словами — это волне закончен-ный хирург! Он всегда что-либо изобрета-ет и всегда бестолково. Чтобы составить себе ясное представление об этом «хи-рурге», мне остается привести описание произведенной им операции. Вот она: остеомиелит б. берцовой кости, дефект кости в 4 см. И что же он делает? Он де-лает разрез, скусывает концы пораженной остеомиелитом берцовой кости: дальше он делает полую остеотомию м. берцовой кости, сближает концы б. берцовой кости. Укорачивает нижнюю конечность на 4 см., если не на большее. Делает человека на всю жизнь калекой и весьма доволен ре-зультатами своей операции. *Он не пони-мает*, что он делает. А между тем он де-лает лапаротомии, и в его руках находятся сотни и сотни раненых в госпитале, где он является ведущим хирургом!!

Второй врач, старший ординатор, май-ор м/с *Роцин Григорий Дмитриевич* рабо-тает по хирургии с 1937 г. Несколько раз бывал на прикомандировании. Производит впечатление толкового, мыслящего врача, который, по сведениям главного врача, к тому же много читает.

Третий врач, который раньше здесь ра-ботал, капитан м/с, *некий Островерхов*. Он ученик проф. Герцена, тов. Колесни-кова. Он меня интервьюировал в продол-жение часа по вопросам остеомиелита, ложных суставов, контрактур... Мини-мум знаний, максимум самомнения... Одним словом, арап первой категории. *Характеристика хирургической рабо-ты*. С 7.VI.1943 по 8.II.1944 было произ-ведено 134 операции, т. е. в месяц про-изводилось 17 операций. За то же время наложено 1500 повязок.

Характер вмешательства:

1) Удаление инородных тел (33) — 25%

Из них одно из полости коленного сустава (Ломачинский) с хорошим исходом.

2) Секвестротомии (20) — 15,1%.

3) Разрезы (10) 7,6%.

4) Вторичные швы (10) 7,6%.

5) Грыжесечения (5) 3,8%.

6) Реампутации (4) 3,0%.

На прочие операции приходится единичное число наблюдений. Невролиз (8) — 6%, иссечение и рассечение свищей, иссечение аневризматического мешка с перевязкой art. brachialis (д-р Роцин), выкраивает даже Филатовский лоскут. Один раз произведена лапаротомия. Найдено множественное поражение печени и брюшины стафилококком. Только часть пузырей были убраны, что не помешало в исходе записать «выздоровление». В результате было решено: Ломачинского перевести на Балтику. Роцина сделать начмедом хирургического отделения. Сестру Макарову отстранить. Начальнику — отнять % прибавку на 3 месяца, и главврачу объявили строгий выговор.

Вечером концерт дагестанской музыки и пляски, песни. Одевание некрасивое, много ловкости, изящества, много акробатики, есть несколько хороших голосов.

16.II. В 12 ч. пошли осматривать город. Санаторий им. Горького превращен в гнусное заведение. Все разрушено, загажено, статуэтка Гинзбурга заброшена, здание обшарпано, 2 года не топится, течет. Осмотрели санаторий Совнаркома; здание сохранилось, мебель погибла, ободрана; изумительный вид с крыши. Парк пустой, метами еще лежит снег. Спокойно бурлит и пузырится Нарзан. Исчезла большая

статуя Сталина, исчез большой, выдолбленный камень-ванна, в котором якобы еще купался Лермонтов. Здание курзала обшарпано. У Красных камней нетронутым остался барельеф Ленина.

В 16 часов филиал 1-го ЛМИ, образовавшийся самостоятельно в Кисловодске, во главе со своим директором Шаварш Давыдовичем Галустяном устроил в честь «знатных гостей» заседание совета вместе с частью слушателей.

Ядром института послужила часть эвакуированных из Ленинграда в феврале 1942, часть слушателей и профессорско-преподавательского состава. С приходом немцев (8.VIII.1942 г.) часть слушателей и профессорско-преподавательский состав двинулся пешком во главе с зам. директора Н.И. Версуким через Нальчик — Владикавказ — Тбилиси и докатились через Среднюю Азию до Красноярска. Там они образовали также филиал 1 ЛМИ.

Оставшиеся профессора Шаак, Останов, Чирковский, Токмаков, Космодоминский, Галустян, со своей стороны, решили продолжить занятия и при немцах, по программе ВКВШ, держать Советское знамя. Немцы во главе института поставили проф. Шаака, а его заместителем был назначен проф. Галустян. Голодные профессора, голодные студенты при немецкой оккупации продолжали занятия. Буфером перед немецким командованием являлся Шаак.

Но вот в начале января 1943 г. под ударами Красной Армии немцы вынуждены были откатиться. Часть профессоров ушла с ними — проф. Токмачев, часть, как говорят, была насильственно уведена, проф. Шаак и др. Часть добровольно

ушла в Советский Союз (Чирковский в Казань). Остающиеся решили, казалось, против всякой логики продолжать существование института. И. о. директора был назначен Ш.Д. Галустян, НКЗ согласился с существованием института, который начал сколачивать коллектив. В состав коллектива вошли остатки профессорско-преподавательского состава 1 ЛМИ, остатки Педиатрического института из Ленинграда, остатки Ростовского мединститута и прочие.

Естественно, что им выбирать не приходилось, все замещалось случайными людьми. Так, например, «профессором» анатомии оказался Александр Иванович Мальцев, не имеющий, кажется, даже кандидатской степени, проф. физиологии Закс. Хирургические клиники были замещены, пропедевтика — Карташевым, факультетская Евгением Юрьевичем Крамаренко, госпитальная Гнилорыбовым. Я видел профессора терапии (факультетской) Казимира Осиповича Пенкославского. Говорят, эрудированный, но бессистемный лектор. Оперативную хирургию, например, читает жена проф. Данилевича, которая едва ли когда-либо имела отношение к сей науке. Слушатели — 95% женщины, а единичные мужчины состоят только из калек. Никакого общежития, без одежды, без обуви, работающие в госпиталях в качестве сестер — эти мученицы и труженицы стараются учиться.

Совершенно естественно, что большинство ленинградцев с момента освобождения города, как преподаватели, так и слушатели, пожелали двинуться обратно в Ленинград. Меньшинство, коренные жители Кисловодска или те из профессор-

ско-преподавательского состава, которые не могут рассчитывать попасть в первый ЛМИ, желали бы видеть организацию самостоятельного мединститута в Кисловодске. Говорят, что на этой же точке зрения стоит и НКЗ.

Вот в этот именно момент мы, совершенно случайные гости, и были приглашены на заседание института. Пошел я и со мной Мясников, Уваров и Андреев.

Институт расположен в конце парка. В невзрачных, небольших зданиях. Перед «институтом» толпятся слушатели. Они, по-видимому, ожидают начала заседания. Вижу группу знакомых. Вот проф. П.А. Останков в облезлой шубке, высокий, исхудавший, впечатление дряхлости и рамоlescенции. Когда впоследствии он выступил на заседании — это впечатление находит полное подтверждение. Вот второй из ленинградцев — Александр Иванович Мальцев — обрюзг, состарился, обветшал. Среди присутствующих я вижу проф. Евгения Юрьевича Крамаренко. Храбрится, но старость уж больно выступает наружу. Не особенно сильно изменился Данилевич, в старуху превратилась его жена. Состарился, исхудал Закс; беззубый Совшинский еще больше сморщился.

Заседание открывает директор института проф. Галустян. В небольшом зале около 300 плохо одетых, обветшалых людей, молодых и старых. Слова восхваления по поводу желанных гостей встречаются бурными аплодисментами. Слово предоставляется ученому секретарю Совшинскому, который говорит о том, что у них 870 слушателей, которые прекрасно работают в тягчайших и неблагоприятных условиях. Он обращается ко мне, чтобы

я передал НКЗ об их положении, а самое главное, об их желании возвратиться поскорее в Ленинград.

Дальше говорят Космодоминский (бактериолог), плаксивую речь произносит Перихонян о перенесенных под немцами страданиях, говорит рамолицирующий Останков. От преподавателей говорит преподаватель латинского языка с явными признаками дистрофии, говорит хорошо и горячо. Нарисована жуткая картина «института». Около 50 слушателей ходят в галошах, так как обуви нет, белья нет, недоедают, книг нет совершенно, бумаги нет...

Право не знаю, кому такой институт нужен. Его или следует немедленно закрыть, или прийти ему на помощь. Особенно горячо встречают тех ораторов, которые говорят о возвращении в Ленинград; но кисловодцы (проф. Пенкославский) ратуют за легализацию института в Кисловодске; явное неодобрение аудитории.

Ответное слово берут: Андреев, а затем я. Я понимаю, что каждое мое слово должно быть взвешено, поскольку на меня смотрят как на ходатая перед наркомом. Я благодарю за радушный прием; отчетливо подчеркиваю, что никаких полномочий от НКЗ я не имею, что никаких обещаний им давать не могу. Обещаю передать их настроения НКЗ. В конце добавляю, что рано им смотреть врозь, а пока следует оставаться единой силой и думать о продолжении работы, которая себя оправдала. Моя сдержанность не вызывает восторга в аудитории, и хотя мне и хлопают, но видно, что от моих слов ожидали большего; от моей речи веет холодом, трезвостью.

Ужинали, или правильно, обедали, у проф. Галустяна. Очаровательная жена, изумительные дети — 3-летняя дочка и 8-летний сынок. Поздно вечером вернулись домой.

17.II. Утро дома. Вечер у Венгеровских. Визиты — Крамаренко, Космодоминского, Островерхова. Вопрос о карачаевцах. Приостановка железнодорожного движения. Приготовление к отъезду на машине до Армавира.

17.II. Утро провожу дома. Раньше обещал пойти в какой-то э/г с ранеными в грудь. Но после подумал, так как, насколько могу понять, радостного я увижу мало. Не сказать правду я не смог, выучить кого-либо за час нельзя, а заставлять слушать неприятности не стоит.

Приходил проф. Космодоминский; мотив прихода не совсем ясен. Из путаной речи я должен был сделать вывод, до чего высоко они держали знамя Советов при немецкой оккупации и как некоторые вели себя плохо.

Приходил проф. Крамаренко; он ведет в здешнем мединституте факультетскую хирургическую клинику; сильно составился. Жалуются на отсутствие какой-либо хирургической литературы. На вопрос, как вели себя немцы, отвечает: «Со мной были всегда корректны, напр., вернули мне аппарат Мартеля после того, как я сказал, что он собственный. Знаю, что с другими обращались хуже, евреев поголовно уничтожали».

Вечером мы с Мясниковым пошли к Венгеровским. Живут они в старой своей квартире. Из 4 они сохранили только две комнаты. После прихода немцев они должны были бежать, оставив все свое

имущество, за исключением нескольких рюкзаков, которые они захватили с вещами. Через Владикавказ, по Военно-Грузинской дороге они в конце концов попали в Тбилиси. Когда они проходили около Пятигорска, то в этот момент немцы высадили десант на горе Машук и танкетками стали спускаться в город. Вместе с населением армия отступала в исключительной панике и беспорядке.

Недобрым словом вспоминают они свое пребывание в Тбилиси. Отношение населения к ним было ужасное, им сначала пришлось жить чуть ли не в уборной. Через два дня после приезда мать Венгеровской умерла и была похоронена в Тбилиси. Дальше их направили в Боржоми, и он был назначен начальником офицерского госпиталя в Леканском дворце. По-видимому, там им жилось не так уж плохо, хотя отзываются об этом периоде ужасно.

Немедленно после ухода немцев они бросились обратно и чуть ли не одними из первых вернулись в Кисловодск. На них смотрели как на сумасшедших, уверяли, что немцы в мае вернутся обратно. Антисемитизм достиг исключительных размеров. Часть своих вещей, кровать, пианино, кресла они нашли, все остальное пропало.

Дела карачаевские. Уже в Москве всех жителей Карачая выселили за услуги, оказанные немцам. Они не только радушно встретили немцев, но послали фюреру белого арабского коня в полной вышитой упряжке; они были для немцев проводниками. Но и этого мало, они активно помогали немцам. После ухода немцев они образовали банды, которые грабили окрестности Кисловодска, и еще три месяца назад нельзя было безнаказанно выйти за

город. Вместе с карачаевскими бандами, по-видимому, оставались и немецкие банды. Население их поддерживало, а немецкие самолеты их снабжали оружием. При таком положении вещей, по-видимому, ничего не оставалось иного, как выселить всех жителей. Выселение коснулось всей административной верхушки, секретарей обкомов и горкомов, работников НКВД Карачая, всего населения и даже раненых и больных, «в каком бы они ни находились состоянии». На американских грузовиках из аулов и городов их подвозили к маршрутным поездкам и с небольшим количеством отправляли. Говорят, что их выселили в калмыцкие степи.

За два дня до нашего отъезда железнодорожное сообщение по Владикавказской ж.д. было приостановлено. Говорили, что идет выселение чеченцев и ингушей, по-видимому, за дела, аналогичные карачаевским.

Карачаевскую область, по-видимому, решено стереть с лица земли. Часть области начали заселять грузинами, город Микоян-Шахар якобы будет называться Клухори. Я только себе плохо представляю, каких грузин и за какие грехи можно сослать в Карачай!

Мы решили на машине добраться до Армавира, а оттуда в Туапсе. Нас не только кормили в санатории исключительно хорошо, но и в дорогу снабдили также более чем достаточно. Между тем населению в Кисловодске живется далеко не сладко. На обеде у директора института проф. Галустяна нам дали хлеб, до которого мне просто трудно было дотронуться, помесь чего-то с плохой кукурузной мукой. Говорят, что несколько дней при полном отсут-

ствии хлеба населению давали кукурузные початки. Очень уж тяжело приходится народу, тяжелая и длительная война. Делать больше нечего. Завтра выезжаем.

18.II. Проснулся в 4 ч. 30' утра. Выехали в 6 ч. 30'. В кабинке американской 1¹/₂-тонки сидим с шофером я и Андреев. Сидеть тесно, но терпимо. Дорога до Эссенуков совершенно сносная. Путь между Эссенуками и Баталпашинском представляет собой что-то не поддающееся никакому описанию. Ухабы, рытвины, доходящие местами до глубины 1¹/₂ метра. Постоянно переходили на объездные пути, но это ненадолго спасает, опять приходится бросаться на главную магистраль, чтобы через несколько минут снова переходить на объездные пути. С большим трудом доезжаем до Баталпашинска. Город мало пострадал. Подъезжаем к базару. Продают всякую рухлядь: пуговицы, пряжки, полподошвы. Продают довольно большого гуся за 650 рублей, курицу за 120 р. и десяток яиц за 60 р. Нам холодно, нас впускают в избу, расположенную у базара. Муж (участник Первой мировой войны) говорит, что немцы их не особенно притесняли. Чтобы не угнали сына 19 л., они вырыли во дворе яму и там его прятали. Объявили добровольный набор девушек, желающих уехать в Германию. Желающих было много.

Дорога Баталпашинск — Армавир представила еще большие мучения, так как, кроме того, что она в омерзительном состоянии, пошел дождь со снегом. Наконец в 16 часов 30' мы были в Армавире. Город почти совершенно разрушен. Комендант нам сказал, что 4 дня и 4 ночи немцы бомбардировали город. Остатки

вокзала, частично замазанные и закрытые кирпичом.

С трудом пристроились в «офицерской столовой», где ели свою провизию и пили чай. В 18 часов садимся в мягкий вагон и в 19 часов отходим в Туапсе. Свет только в коридоре, постельного белья нет.

В 20 часов ложимся, не раздеваясь, и спим до 8 часов утра.

19.II. Поезд ползет по полуразрушенной дороге, в туннели он пробирается как бы ощупью. С утра непрерывный дождь. Серое небо, свинцовые тучи. Река Туапсинка вздулась от дождей и несет грязно-желтые воды. Здания Грознефти почти полностью уцелели, зато город в полном смысле слова разрушен в результате бомбардировок. Нас встречают генерал-майор Зотов, Петров, начальник госпиталя, замполит-части, проф. Черный и др. Дождь идет не переставая. Нас отводят на 9-й километр, где нас и размещают. Я в одной комнате с Андреевым. Это не кисловодские апартаменты, но вполне сносно, кормят неплохо. Послал Нине телеграмму. Побывали в 8-й школе, где Ф.Ф. сделал обход «стадом».

Госпиталь № 44 и 47.

20.II. Госпиталь № 44 пришел сюда из Абаша, а госпиталь 47 Одесской базы собирается в Одессу. Мы прибыли в момент ералаша, одни сдали, другие приняли или принимают. 8-я школа внешне уцелела, но в ней выбита большая часть стекол. Дыры частью забиты досками, частью фанерой, частью заложены кирпичом. Щели между досками замазаны гипсом. У входа на лево навешены тюки предназначенного к уходу госпиталя № 47. Несколько комнат также занято их имуществом. Вокруг госпиталя еще торчат противотанковые

надолбы, забор снесен, грязь непролазная. Легко себе представить «уют», созданный для больных в этом госпитале. Это, скорее всего, временный бивуак, чем госпиталь. Раненых 36, остеомиелиты, контрактуры, переломы бедра, голени.

Кадры: у уходящего 47 госпиталя — Николай Григорьевич Белинский, упрямый хитрый хохол, тихий склочник, хороший хирург и организатор хирургической работы. Пожалуй, лучший хирург на ЧФ. Хирург-самоучка, у которого на все свои «взгляды», не способен кого-либо чему-либо научить.

Сучков безнадежен, переломы ставит без обезболивания, вообще, в нем мало хирургического.

Несколько палат ведет офтальмолог Григорий Яковлевич Сабуров. Прекрасный офтальмолог, но едва ли от него можно требовать хирургическое познание.

При травме в области тазобедренного сустава ставят диагноз перелома шейки бедра, кладут гипсовую повязку, которую держат 45 дней, перелома не оказывается. На косо́й перелом м. берцовой кости, в верхней трети, идеально стоящей, кладут на 29 дней гипсовую повязку, по принципу «маслом каши не испортишь».

Ведущий хирург Клямурис приходящего госпиталя, кажется, кое-что понимает, мало образован, но лучших нет. Судить о работе госпиталя в настоящем его состоянии, когда госпиталя фактически нет, не приходится. Предложили им срочно привести госпиталь в полный порядок, тем более что дело идет о базовом, постоянном госпитале Туапсинской базы.

Здесь мы узнали, что из-за неудачного проведения Керченской операции сня-

ты: контр-адмирал, член Военного совета Кулаков Николай Михайлович, начальник Штаба Елисеев и генерал Армии Петров; вместо последнего назначен Еременко; снят командующий ЧФ — Владимирский. Серое небо, как из ведра целый день льет дождь, а завтра нужно ехать в Геленджик.

21.II. Встали в 7 ч. утра. Выезжаем на открытом автобусе в 9 ч. 20'; необходимо до Геленджика проехать 170 километров. Серое небо, дождь без перерыва. Более чем прохладно. Ноги обворачиваем одеялом. Идем сносно, прохладно, не замерзаем, но стемнело. На Пшадском и Михайловском перевалах снега нет. Без всяких аварий приходим в Геленджик в 17 часов.

Начальник, подп. м/с Либерман Михаил Семенович, ведущий хирург Алфеев Николай Аристович. Нас устраивают в отдельном домике. Я с Андреевым имеем одну маленькую комнату. Тепло. Удобно, если не считать, что до столовой с $1\frac{1}{2}$ километра ходу и столько же до уборной.

Я был в этом госпитале № 43 в июне 1942 года, перед самой сдачей Севастополя. Госпиталь тогда располагался в Фальшивом Геленджике, у самого берега моря; это было фактически базой, а отделение их располагалось в Новороссийске. Я бы назвал госпиталь многострадальным, ему больше всего доставалось и от бомбардировок и от артогня, часть их работала в штольне, часть участвовала в десантной операции, при этом часть персонала погибла (сестра Галина Петрова, Герой Советского Союза).

Работа госпиталя за 2 года Отечественной войны:

Больных 6393 (53,3%), раненых 4552 (41,7%). Госпиталь на 200 коек, из них по 100 хирургических.

22.II. С утра дует жестокий норд-ост. Очень холодно. Иду с Петровым осматривать хирургическое отделение, которое производит прекрасное впечатление. Начальник хирургического отделения Николай Аристахович Алфеев с 26-летним стажем. Молодой врач Маченирин, которого Б.А. Петров прочил в адъютанты, совершенно для этой роли непригоден. Отделение чистое, теплое. Большие палаты; отдельная палата для офицеров. Контингент раненых и больных: преимущественно открытые повреждения, как мягких тканей, так и костяка; довольно много и закрытой травмы. Был один больной с травматической отслойкой кожи, но об этом повреждении никто, конечно, и не подумал. Странно, что это повреждение и по сей день остается малоизвестным. В общем, больших промахов я не заметил. Алфеев явно не умеет делать реампутации; одна реампутация, которую я видел, была плохо сделана. Он давно лишен возможности следить за современным развитием хирургии. В одно время к этому присоединилась депрессия, связанная с гибелью сына на войне. В общем, среди хирургов ЧФ он является одним из наиболее сильных, и отделение его следует считать одним из лучших. У него лежит около 75 больных на 100 коек.

Чувствую себя плохо. Мой способ лечения насморка и остатков гриппа, а именно разъездами на открытой машине, явно не выдерживает критики и едва ли можно кому-либо рекомендовать.

Спор пьяных за столом. Мой отказ идти на ужин к командующему ВВС ЧФ Ермаченко (Василий Васильевич, генерал-лейтенант).

Хирургическому отделению госпиталя № 43 не хватает и необходимо достать:

1) Бестеневую лампу. 2) Липкий пластырь. 3) Дренаж. 4) Перчатки.

23.II. Всего прошло 13 дней, как мы выехали из Москвы, а как много впечатлений, кажется, что прошел год с тех пор, как уехал из дома. С утра идет теплый дождь со снегом; мокро, грязно. В 11 часов выезжаем в Новороссийск. Идет дождь со снегом. Дорога в удовлетворительном состоянии. Геленджик пострадал относительно мало, но зато почти совершенно разрушена Кабардинка. Но исключительные по размерам разрушения мы наблюдаем в Новороссийске. За много километров до города видны ужасающих размеров разрушения. Снесены отдельные дачи, скошены артиллерийским огнем деревья, уничтожены, превращены в руины целые поселки. Но ужасающих размеров достигают разрушения, начиная с цементных заводов. Стоят продырявленные снарядами заводские трубы, уничтожены заводские цеха, в ажурную кисею превращены железные двутавровые балки, порт наполнен потопленными судами: «Ташкент», «Украина», масса других судов. В цементном волнорезе пробиты бреши, проделанные нашими торпедами в момент нашего нападения. Снесены целые кварталы. Наконец мы доезжаем до Клуба ВМФ, куда мы приглашены контр-адмиралом Холостяковым на обед, который он, командир Новороссийской базы ВМФ, дает по поводу дня Красной Армии и Флота.

Большой зал, масса офицеров, преимущественно молодежи, масса командиров с правительственными наградами. Налицо командир базы, член Военного совета

Кулаков, Ермаченко, начальник Штаба и много других. Я сижу между Зотовым и Андреевым, напротив Кулаков и Ермаченко. Во время обеда хороший концерт. В 16 часов я, Мясников, Уваров и Петров уходим. Исключительно любезен Холостяков, он провожает меня до вешалки, вообще, любезный народ моряки.

Послал телеграммы: Нине, Кузнецовой, Степановой. Идет снег, мокро. Не будет больше норд-ост. В 17 ч. 30' мы дома. Отдыхаю. Не дает покоя все продолжающийся кашель.

24.II. Фактически здесь работа закончена. Остается посмотреть госпиталь в Анапе и лазарет в Темрюке. Если осмотр госпиталя в Анапе еще находит какое-либо оправдание, то в Темрюке нечего смотреть, да и проезд туда связан с ужасающей дорогой в 175 километров, на что в одну сторону необходимо потратить 7–8 часов. Мне нездоровится, остатки гриппа, глубокий бронхит. К пути, который и так я должен проделать на открытом автобусе, я еще должен добавить 16 часов. Поэтому я предложил Андрееву, чтобы он мне разрешил в Темрюк не ездить, и прибавил, что ему также там нечего делать. Он быстро согласился, и решено ограничиться поездкой только в Анапу.

Утром было заседание с врачами Новороссийской базы; их собралось около 70 человек. Говорили Андреев, я, Мясников и Уваров. Я хвалил за проделанную работу врачей и благодарил начмеда Алфеева и флагманского хирурга Петрова. Часть комиссии уехала в Кабардинку, в Инфекционный госпиталь и в автобазу. Сажу дома, лечу бронхит. Если нормально я работаю 16 часов и на себя трачу 8 часов в сутки,

то в этой поездке «стадом» я с пользой работаю один час и бездельничаю 23 часа в сутки. Едва ли стоит так использовать труд главного хирурга.

25.II. Выехали из Геленджика в 10 ч. 20'. Небольшой снег; мороз $-5-8^{\circ}$. Лазурно-синее море в заливах Геленджикском, Кабардинском и Новороссийском. В один миг мгла покрыла Новороссийский залив; но через несколько минут снова солнце и лазурно-бирюзовое море. Подходим к Новороссийску. Перед нами опять ужасающая картина разрушения; ни одного целого дома, взорванные электростанция, холодильники, цементные заводы. Берег залива усеян разбитыми и выброшенными на берег кораблями. Мне сказали, что уже приступили к подъему лидера миноносца «Ташкент», часть корпуса которого торчит из воды.

Около $1\frac{1}{2}$ часов мы провели у начальника Санотдела Новороссийской базы, подполковника м/с Николая Васильевича Квасенко. Небольшого роста, белобрый, худенький, спокойный и скромный, он сразу располагает к себе. Он проделал огромную работу, которую он не только документовал, но значительную часть представил в зарисовках (художник матрос), схемах и картах. Так, в виде обширной панорамы представлена десантная операция на так называемую «Малую землю» и на м. Мысхако. Его работа могла бы быть представлена в виде монографии на соискание ученой степени кандидата наук, что я и предложил сделать.

В 13 ч. 20' выехали в Анапу. Я еду на легковой машине вместе с Андреевым и Зотовым, остальные в санаторной машине. Из желания сократить путь поехали

по какой-то малопроезжей дороге, что было более чем глупо, так как и по сей день люди продолжают взрываться от мин. Но мы скоро были наказаны, наша санитарка влипла в грязь, из которой ее с трудом вытащили. Кругом масса озер, лагун, болот. Дикие утки стаями носятся со всех сторон. Некому их бить. В то время как вытаскивали нашу санитарку, я с Андреевым стояли около нашей легковой машинки, на расстоянии около 200 метров; вторая наша группа стояла около санитарки. Вдруг над нашими головами посвистали две пули и раздались выстрелы. Андреев предложил спрятаться за машину, уверяя, что стреляют в нас.

Впоследствии оказалось, что то же самое произошло и с той группой, которая стояла около санитарной машины. Андреев и Зотов полагали, что стреляли в нас, так как никому не придет в голову стрелять пулями в уток. В этих районах еще далеко не спокойно. Много недовольных элементов, может быть, даже близких тех, которые ушли с немцами. В Анапе и сейчас раздаются выстрелы, не говоря о том, что далеко не безопасно выходить ночью. Наконец выбрались на сносное шоссе, по которому добрались до Анапы. Стихия разрушения здесь достигла максимальных размеров. Здесь не было боев в городе, и нет, конечно, разрушений от артиллерийского огня. Но зато немецкая методичность и жестокость здесь достигла полного расцвета. Взорваны все дома, большие и малые. Целые улицы, одна за другой, уничтожены. Развалины без крыш, без окон, без дверей, без перекрытия. Наконец с большим трудом мы подъезжаем к дому, в котором разместился Военно-

морской госпиталь. Грязь непролазная. Двухэтажное здание, когда-то бывший санаторий. Выбитые рамы и стекла заложены кирпичом, в котором местами вставлены стекла небольших размеров; места даже вставлены небольшие рамы со стеклами. Но понятно, что внутри здания темно. Центральный коридор при наличии такого освещения не прибавляет света. Работает движок, который больше бездействует или из-за недостатка бензина, или из-за неисправности мотора. Стенки благодаря копилкам закопчены. Труд санитарок бесполезен, так как сколько бы они ни чистили полы, то беспрестанно вносимая грязь сводит их труд к нулю. Хорошая, большая перевязочная, в которой можно работать на нескольких столах; электрическое, вполне достаточное освещение, когда работает движок. Хорошая операционная сестра.

Кадры: ВМГ № 49. 100 коек из них 50 хирургических.

Начальник госпиталя подполковник м/с Кириченко Максим Трофимович. Полный идиот, о котором не стоит долго распространяться. Начальник хирургического отделения — майор м/с Нефедов Андрей Федорович. Хирург-самоучка, который, судя по проведенной им работе, может самостоятельно делать резекции кишечника, трепанации черепа, закрывать открытый пневмоторакс, производить первичную обработку ран и т. п. См. мой отчет.

Ординатор хирургического отделения капитан м/с Родионова Мария Самсоновна, молодой врач, неказистого вида, скорее похожа на санитарку. Нефедов очень хорошо рисует, все большие операции у него схематически занесены в операционный

журнал и истории болезни. Последние пишутся, в общем, хорошо, имеются температурные кривые. С виду тихий и спокойный Нефедов, по словам Петрова, иногда пьет запоем или приходит в ярость. В общем, хирургическое отделение как аванпост соответствует своему назначению. На 100 коек — 50 хирургических. Налицо 21 больной со свежим люэсом!!

Выехали из Анапы в 14 ч. 20 мин, ехали через Верхне-Баксанский перевал; погода сносная. Без каких-либо приключений в 16 ч. 30 м. приехали в Новороссийск. Андреев решил остаться еще в Новороссийске для осмотра лазарета и частей, чтобы побывать в Военном совете. Мне разрешили выехать в Геленджик, куда я и приехал в 18 ч. 30'. Мне значительно лучше. Решил выкупаться.

27.II. Наслаждаюсь одиночеством и покоем, отсутствием табачного дыма. С удовольствием читал «Война и мир». С утра и целый день льет дождь.

28.II. Солнечный день, настоящая весна. Мы выехали из Геленджика на легкой машине, еду с Андреевым и Зотовым. Несколько раз останавливали машину и любовались настоящим весенним теплым днем. Травка начинает зеленеть. На Михайловском и Пшадском перевалах совершенно сухо. В совхозе Ново-Михайловском купили моченые и свежие яблоки по 10 р. штука. Переезд занял $7\frac{1}{2}$ часов.

Мы опять на старом бивуаке на 9-м километре. Сильно устал, растаяло. Вечером поздно Two Fi вел со мной разговор на различные темы. Заслуживает внимания фраза: «Если Шестов не потянет кафедру, то придется мне за нее браться». Эта кафедра действительно как бы создана

для него. Но как он дошел до этой мысли и что это за ход? Неясно. Второе насчет того, что он ли один шел с народным комиссаром, собирались или собираются меня представить в Герои Социалистического Труда! Удивительно, маловероятно. Меня хотят задобрить, но по поводу чего? Может быть, чтобы я забыл скандал с Петровым? Или с меня необходимо получить что-либо другое?

29.II. Встаем рано. В городе назначено собрание с врачами базы. Начал Two Fi заседание очень неудачно, походило на балаган. Говорили Уваров, Мясников и я по 15'. Выяснилось, что до 16 часов не будет дрезины, на которой мы должны ехать. Вернулись обратно на 9-й километр. Пообедали. В 17 часов выехали на дрезине. Чудесный вид на море. Ввиду большого числа встречных поездов мы запыздали и прибыли в Сочи только около 21 часа. Если бы очень сильно не воняло бензином, то путешествие было бы вполне приемлемым. Кажется, перепробовали все способы передвижения, остается еще прокатиться от Сочи до Сухуми на дельфинах, которые в большом числе ныряют у берега. Дождь.

На вокзале нас встретил Золотухин. Мне отвели отдельную комнату, теплую, слава богу, может быть, я разделаюсь наконец со своим насморком.

Еда. Нас хорошо кормили только в Кисловодске. В Геленджике, где $1\frac{1}{2}$ года тому назад было обилие продуктов, ныне поражает скудость. Здесь все не русское, а американское: хлеб (белая канадская мука), масло, безвкусное мясо, еще более безжизненная колбаса; к этому добавляют местную кефаль, ко-

торую я не ем. Так же плохо в Туапсе, совсем плохо в Анапе.

Наконец мы в Сочи. Картина резко меняется. Я знаю, что в госпитале очень, очень плохо с питанием больных, но иное дело для начальства: белый хлеб, а главное, свежее мясо, сладкое, яйца, фрукты.

1.III. С утра вся комната залита солнцем. Чудесный вид на море. Тепло — весна, цветут какие-то очаровательные красивые цветочки. Я еще в постели; приходит Золотухин и приносит потрясающее известие о советско-финских переговорах, о мире. Днем я сам читаю эти условия. Приятно видеть, что мы более чем умерены в своих требованиях. Границы 1940 года и оплата за вред, причиненный войной, а пока что мы жестоко бомбили финские города!!+++

Днем мне предстоит осмотреть хирургическое отделение. Петров говорит, что моего прихода ужасно боятся, дряют отделение. С утра пришел ведущий хирург Виктор Сергеевич Тихонов. Вид болезненный, лицо умное. Полагаю, что знает не много. Ампутирована стопа.

Начальник отделения Моисей Александрович Адамов, подполковник м/с. Отделение чистое, опрятное. Хирург с узким кругозором, ограниченными возможностями, тупой. Кладет много вторичных швов; но больные, которых я видел после этой операции, гноятся. Реампутация бедра сделана плохо. Филатовский лоскут сделан плохо и бессмысленно. И этот идиот считался когда-то ведущим хирургом!

Петров мне показал начальника Штаба ВВС ЧФ Петрова. Низкий перелом бедра, стоит очень плохо, по-видимому, интерпозиция, никакого сращения. Я посоветовал

операцию, следовало бы сделать кровавую репозицию, но почти никаких инструментов.

Вечером опять радость: войска Ленинградского фронта прорвали фронт у Нарвы на протяжении 30 километров, глубиной в 15 километров; обошли Нарву. Если это так будет продолжаться, то к моему возвращению в Киров взятыми могут оказаться Псков и Таллин. Если нам удастся заключить мир с Финляндией, а к этому, по-видимому, идет, то война может окончиться скорее, чем все думают. Лучших условий финны никогда не получат.

2.III. Судя по чрезвычайно скудным сведениям, которые проникают в нашу прессу (речь Черчилля, Идена), идет какая-то усиленная закулисная борьба между нами и нашими союзниками. Да это и понятно, так как по мере приближения момента, когда союзникам необходимо выполнить договор и открыть второй фронт, то со своей стороны напрягают все усилия те элементы, которые по тем или иным соображениям выступают против СССР. В то же время не видно, чтобы со стороны наших союзников ослабевала борьба. Так, например, в течение недели с 22 по 28 февраля американские потери составили 382 тяжелых бомбардировщика и 37 истребителей. В то же время, например, канцлер герцогства Ланкастерского Э. Браун в речи от 23 февраля сказал: «Мы находимся накануне атаки». Э. Бенеш в речи от 29 февраля со своей стороны утверждает, что «пройдет немного времени, и на континенте будет создан второй фронт».

Не может повиснуть в воздухе и наше сообщение о «советско-финляндских отношениях». Или Германия вынуждена

будет занять Финляндию, как это она сделала с Италией, или Финляндия заключит мир. Наше продвижение в сторону Таллина едва ли радует финнов; от Таллина до Хельсинки ближе, чем от Ленинграда.

С утра серый, но теплый день. После полудня солнце, весна, тепло. Не хочется сидеть в комнате. Быстро распускается японская айва. С утра я с Петровым поехали в основное отделение нашего Севастопольского госпиталя, расположенное в 5 километрах, на горе, пожалуй, в самой высокой точке, в санатории Ленгорздравотдела. Казарменного вида огромное здание доминирует над городом.

1-е хирургическое отделение занимает огромный сектор. Начмед Шипунов, майор м/с, оториноларинголог в прошлом, ставший общим хирургом за время войны. Тупой, совершенно ограниченный, злобный, он ничему не может научиться, не говоря о том, что он никого ничему научить не может. Скученность. Неряшливый вид палат. Балалайки. Одним словом, мало похоже на лечебное учреждение.

Обследование больных — явно недостаточное. Не существует понятия о повреждениях нервов, сухожилиях кисти. По сей день не усвоена лонгета при повреждении лучевого нерва. Когда они увидели, как часто они врут при явном повреждении нерва, то тогда они начали говорить о повреждении нерва там, где его вовсе нет.

Когда ординатор докладывает при совершенно очевидном укорочении конечностей при переломе бедра, не стоит никакого труда доказать, что укорочение достигает 4 см.

При остром аппендиците Шипунов не признает исследования per rectum, и без

этого, по его мнению, все ясно; конечно, нечего говорить о том, что они не имеют представления о необходимости смотреть лумбальную область.

Не существует понятия о мышечной атрофии при повреждениях конечностей. Вытяжение при переломах бедра устроено совершенно нерационально.

Ничего не стоит Шипунову при каллезной язве стопы предложить пересадку кожи по Тиршу.

Одним словом, введение огромного, ответственного хирургического отделения поручено лицу, явно не подготовленному для этого дела. Если так обстоит дело с головой, то нечего говорить об ординаторах; они подстасть голове.

Второе отделение ведет Виктор Сергеевич Тихонов. Культурный, образованный, знает английский язык. Хирург-самоучка. Он выдвинут в роли ведущего хирурга. Повидимому, очень мягкого характера, мало организованный, не много знающий, он едва ли сможет совладать с теми хирургами, над которыми он поставлен править. Последние явно недовольны его выдвижением, в особенности Адамов, который раньше считался ведущим.

Оба отделения хирургические НКЗ и Ленгорздравотдела отделены расстоянием в 5 километров. Так называемый главный хирург сам является начальником отделения. Естественно, что его влияние на другие отделения только случайное, а не систематическое. Я успел посмотреть только несколько больных в его отделении. Не многим лучше, чем в предыдущем.

Здесь сошли с ума от вторичных швов. Кладут его всюду, где можно и где нельзя. Повидимому, необходимость подготовки

операционного поля не существует для этих хирургов. У Шипунова также гноятся раны после вторичных швов, как у Адамова, а у Тихонова, как у двух предыдущих. В одном случае Тихонов положил вторичные швы у больного с явлениями явного авитаминоза. Разошедшиеся швы, синеватые грануляции, отекая нога не привлекает ничьего внимания.

Наконец, с сожалением должен констатировать полное отсутствие какого бы то ни было влияния самого флагманского хирурга Петрова на хирургов. Сам, по видимому, малоорганизованный, не много знающий, никогда систематически не преподававший, он не умеет заниматься этим делом. Технически сильный хирург, он мало образован, знает только некоторые ограниченные разделы хирургии. У него нет выдержки, систематичности. Стиль скорее партизанский. Например, ему хочется сделать реампутацию бедра «по Джанелидзе». Приехал, увидел больного с гноящейся раневой поверхностью, не подготовил его и в тот же день прооперировал. При этом я видел его рисунки, это, конечно, не мой способ, а плохая пародия на него. Его нисколько не интересовала дальнейшая судьба больного; рана нагноилась. Никто даже не поинтересовался снять больного; я просил это сделать.

После всего того, что я видел, мне трудно согласиться с Two Fi, что якобы за время войны наша санитарная служба выросла!! Черта с два!

Послал Нине телеграмму и письмо.

3.III. Серый, теплый весенний день. За два дня заметно распустилась плакучая ива. В 10 ч. 30' я с Петровым были уже в отделении нашего госпиталя, располо-

женном в санатории Ленгорздравотдела. Я оперирую двух больных. Петров и Тихонов мне ассистируют. В небольшой «операционной», переделанной из комнаты, масса врачей со всех хирургических отделений, прикомандированных врачей, врачей КУМС'а, проф. Уваров, д-р Петр Митрофанович Курышкин.

1-й больной. Пономарев Петр Антонович, 32 л., ранен осколком в апреле 1942 г. (ист. б. 1210); поступил в ВМГ № 40 1 марта 1944 г. Через 5 часов оперирован (после ранения) в Севастопольском ВМГ. Контрактура с ладонной стороны. Переломы 2 и 3-ей метакорпальных костей. Приведение большого пальца, что ему, как летчику, сильно мешает. Обезболивание общее. Рубец иссечен. Частично рана зашита. На оставшийся дефект размерами в 3–4 см произведена пересадка всей толщи кожи, взятой с живота.

В первый раз я воспользовался собственной техникой взятия кожи накручиванием на торсионный зажим. Теоретически способ был разработан мной до отъезда из Кирова, но практически не пришлось его применить. Великолепный способ!!

2-й больной. Тимченко Иван Абрамович, 27 лет. Ист б. № 905. Поступил в ВМГ № 40 12 февраля 1944 г. Ранен 10 января 1944 г. осколком бомбы в левое бедро и ягодицу. В момент поступления: в области наружной поверхности левой ягодицы и левого бедра рваная рана 24x20 см.

В день операции: чистые грануляции; дефекты 18x18 см. Обезболивание общее. Поверхность обшита, иссечена. Края раны мобилизованы. На оставшийся дефект произвел пересадку всей толщи кожи «дырчатым лоскутом» — 16x4 см. Взятие

лоскута моим способом. *Великолепно!!* Обе операции прошли исключительно хорошо и демонстративно.

В 18 часов заседание с офицерским составом госпиталя под председательством Андреева, который два дня перед этим пропадал в Адлере и Хосте. На заседании говорили сначала я, затем Мясников и Уваров. Я говорил очень сдержанно, говорят, исключительно хорошо, но от этого горехирургам Шипунову, его помощникам и им подобным не стало лучше.

Я должен был признать, что при настоящем своем составе Севастопольский госпиталь не отвечает поставленной перед ним задаче. Я не вижу прогресса у врачей за истекшие $1\frac{1}{2}$ года, как я не видел госпиталь, а это фактически значит регресс. Имеющие уши должны были понять, что status quo не может быть сохранен и должны быть произведены радикальные изменения. Я предложил немедленно объединить оба хирургических отделения, выделить ведущего хирурга, которому должна быть оказана реальная поддержка как со стороны администрации, так и со стороны врачей. Авторитет ведущего хирурга не может быть внедрен насильственно, кулаком. Ведущий хирург должен завоевать себе авторитет своими знаниями, примером и умением. Но и при наличии этих элементов очень легко подложить ему не только поросенка, но целую свинью, если со стороны других начальников отделений и младших врачей налицо будет оппозиция. Этими словами я хотел дать им понять, что мне известна и вся подноготная их жизни. Многие из них, например Адамов, считают, что по продолжительности их глупой и тупой жизни

он сам имеет право на звание главного хирурга. И то сказать, что Тихонов, выдвинутый на роль руководящего хирурга, не может по своим знаниям оправдать это выдвижение.

За мной говорил главный терапевт флота, проф. Мясников. «Все хорошо по терапевтической линии, и диагностика точна, и лечение логично, и флагманский терапевт (проф. Михаил Александрович Ясиновский) блестящ и трудится на благо Черноморского флота, и под его руководством пишутся научные работы. Хотелось бы мне почитать эти работы!!»

Говорил Уваров, сдержанно, без оптики. После Андреева говорил начальник госпиталя Сергей Николаевич Золотухин. Он говорил, что к приезду комиссии готовились, врачей учили, что я буду смотреть чистоту и порядки; что он присутствовал при моем обходе и убедился, что я спрашивал сущие пустяки и что на эти пустяки врачи не находили правильного ответа.

По окончании заседания смотрели кинокартину «Георгий Саакадзе». И картина дрянь, да к тому же показывали ее скверно.

Андреев пригласил к себе Зотова, меня, Золотухина и Петрова, чтобы сделать практические выводы из речей, раздававшихся на заседании, и из тех данных, которыми мы располагали. Было решено никуда не годного главного врача Каценельсона убрать и вместо него назначит Курышкина. Сабурова перевести сюда из одесской группы и сделать начальником глазного отделения. Хирурга Шипунова перевести в Керченский госпиталь, как только будет взята Керчь. Нефедова перевести сюда. Перспективно убрать и Адамова, и всех

женщин (в большинстве педиатров и прочих специалистов), из которых никаких хирургов не сделать, и заменить их молодыми врачами, из которых и формировать молодые хирургические кадры. Совершенно необходимо подобрать ведущего хирурга, которого Андреев предполагает взять из ВММА. Я только, к сожалению, не вижу такого кандидата!

Завтра после обеда уезжаем в Гагры, а оттуда в Сухуми.

4.III. Тепло, идет весенний дождь. С утра смотрел генерал-майора авиации, которого мы с Петровым отказались оперировать, так как у него на спине два больших фурункула. Да и к лучшему, а инструментов здесь никаких. После вытяжения на столе Юдина наложили гипс. Но и после этого между отломками остается большая щель, которая заставляет думать об интерпозиции. Смотрел лабораторию проф. Абрам Марковича Чарный. Бедная лаборатория, которая за неимением собственной работы (БОВ) выделяет какую-то пасту для мытья рук. Две палаты для оксигенотерапии. Если бы за всем этим не чувствовалось <оптины?>, все было хорошо и необходимо.

С Петровым ездил в санаторий Ленгорздравотдела смотреть оперированных мной больных. Они в прекрасном состоянии.

В 14 часов наконец сели обедать, чтобы после обеда выехать. Сломался (вторично) протез у Андреева. Поездка отложена до завтрашнего дня. Я доволен.+++

Что вы делаете, сумасшестввенники, ведь здесь живые люди сидят!

Дождь усилился; плохая видимость на море. Елизавета Ильинична Пугачева

передала мне часть фотографий, которые она здесь снимала.

5.III. Всю ночь лил теплый дождь. Даже маленькая речонка переполнилась и несет совершенно желтую, глинистую воду, которая далеко-далеко пачкает море. Травка совершенно зазеленела; за два дня распустилась ива. Вдали виднеются два чудесных дерева с розово-белыми цветами, не то миндаль, не то абрикосы.

Выехали в 10 ч. 25', на легковой машине я еду с Андреевым и Зотовым, остальные едут на открытом автобусе. В Гаграх мы остановились в Доме отдыха летчиков ЧФ. Дом расположен возле вокзала; когда-то был построен каким-то архитектором для себя, затем был передан Союзу архитекторов. Изумительная, добротна построенная дача, с магнолиями, огромными пальмами, с цитрусовыми, с цветущей алычой. Нам устроили прекрасный обед. Особенный фурор произвел следующий трюк. Был подан пирог, и когда отодвинули первый срезанный ломтик, то из пирога, который представлял собой только пустую оболочку, начали выходить цыплята в возрасте 3–4 дней. Они скоро разбрелись по столу и вызывали всеобщий восторг.

Из двух подающих к столу обед одна сразу привлекла всеобщее внимание своей совершенно исключительной красотой. Это была женщина лет 23–25, чуть выше среднего роста, с черными глазами, с матовым цветом лица. Нам рассказали, что она за время Отечественной войны 3 раза выходила замуж за летчиков. Все трое были убиты на фронте. Тогда она решила больше не выходить замуж. Поселилась у какой-то хозяйки, последняя умерла. Летчики считают ее роковой женщиной и прозвали

ее катафалком. Когда мы выехали их Гагр, то шофер, который нас вез, первое, о чем спросил, было именно о ней. «Видели ли вы ее?» — спросил он. Действительно изумительно хороша.

В Новом Афоне мы поднялись к Дому ЦИК'а. Когда-то я там обедал, помнил, что там растут огромных размеров пальмы и кипарисы. Осмотрели собор; там устроили танцевальный зал. Прекрасно сохранилась роспись собора. Как-то не гармонируют друг с другом собор и танцевальный зал.

Вечером подъехали к Сухуми. Получил от Жоржика телеграмму из Кирова от 29 февраля, где он мне сообщает, что получил приказ оставаться в Ленинграде. Не знаю, как при таких условиях он в конце февраля оказался в Кирове.

Нас устроили в Доме отдыха. Живу в одной комнате с Петровым. Удобно. Встретил Акимова.

6.III. Тепло. Серый, бессолнечный день. Сегодня мне фактически делать нечего. Начальство будет осматривать Дом отдыха и территорию, но все это меня мало касается. Около 12 часов дня выехали осматривать санаторий «Агудзеры», где ныне находится наш Дом отдыха для среднего состава. Этот райский уголок расположен в 12 километрах южнее Сухуми. Построенный каким-то богачом двухэтажный добротный дом был предназначен для костного туберкулеза. Дом ничего особенного не представляет. Но зато все окупается изумительным субтропическим парком. К морю ведут две аллеи длиной около 1½ километров. Одна из них обсажена 220 кипарисами огромных размеров. Желтая, сплошь цветущая мимоза,

цветущая белая алыча, розовый миндаль, даже несмотря на серый день, делают парк изумительно красивым. Две огромные пальмы, доходящие почти до крыши, караулят один из балконов. Прекрасный морской пляж.

Врач, начальник санатория, по-видимому, ловкий и юркий парень, скорее исполняет обязанности завхоза, а не врача. Право, я не знаю, почему на эти должности должна доставлять кадры Высшая медицинская школа. Второй аналогичный экземпляр, еще более ловкий, некий Сербило, процветает в Доме отдыха в Сочи. Я его спросил, приходится ли ему когда-либо пользоваться своими медицинскими познаниями. Он, не задумываясь, мне ответил: «Никогда».

Вечером смотрел какой-то бессмысленный фильм «Тимур и его команда».

7.III. Мы в отделе с 11 ч. утра. Санотдел занимает один этаж санатория, расположенного в изумительном парке Синоп около 5 километров южнее Сухуми. Здание построено из низкосортного туфа, который здорово крошится. Да и само здание лишено какого бы то ни было архитектурного оформления. Украшением здания служат лев и львица, лежащие с двух сторон у лестницы, и две пальмы, доходящие до крыши.

Председательствует Андреев. Церемония обычная. Выступают начальники отделов. Лучший из них Орлов, начальник санэпидотдела. Прекрасно говорит и очень хорошо владеет своим предметом. Хорош Буринголец, начальник лечебного отдела. Остальные муть сплошная, в особенности какой-то профессор Сперанский, который что-то бормотал по эпидемиологии.

Сидели до 6 часов вечера, умаялись. Кончили обед в 20 часов, и я с Петровым решили поспать час. Однако проснулись в $1\frac{1}{2}$ часа ночи. Two Fi не знает, что такое время, просто не понимает. Все заседание можно было провести за $1\frac{1}{2}$ –2 часа.

8.III. Было решено выехать в 10 ч. утра. Но даже в 10 ч. 30' мы не можем выехать, так как Two Fi взял на себя роль патриарха, который должен внести успокоение в семейство Зотовых. Эта роль здорово ему подходит. Мне эта мура надоела, и я уехал в Синоп на открытой машине. В Синопе мы должны сниматься с работниками Санотдела.

Только к 12 часам подкатила машина начальства. Около часа ушло на снятие. В ожидании начальства разговорился с Циолковичем. Он мне сказал, что Зотов пользуется очень большим влиянием на ЧФ, с ним очень считается командование. Зарубин исключительный бездельник и лодырь. В общем, кроме Орлова и Бурингольца никто ни черта не делает. Боже, скольких бездельников должна кормить страна. Ясно, что до шести часов мы не доедем до моста через Синоп, а в 6 часов мост закрывают. Поэтому начальство решило доехать сегодня до Кулеви, где стоит наш сантранспорт «Львов». Погода прохладная, по временам идет дождь. Дорога в удовлетворительном состоянии. Проехали Очамчиры, километров 10 не доезжая до Гали, вышла из строя наша «эмка». Около часу мы простояли около машины. Оказалось, что вышел из строя насос, которого заменить нечем. Тогда решили, что мы пересядем на открытую машину и поедem со всеми, а свою «эмку» бросили. Приехали под вечер в Зугдиди.

В самом городе на главной улице забастовал и наш автобус. Когда наш шофер приступил к ремонту, к нам подкатил молодой старший лейтенант в шикарной бурке, представился, что он комендант города Зугдиди. Он спросил, что с нами случилось и чем нам может помочь. Узнав, что у нас испортилась машина, он приказал своим мастерам помочь нам. Они скоро выяснили недостатки, исправили их и приблизительно чрез час смогли ехать дальше. Наступила ночь, устал я очень, проехать надо еще около 50 километров (за день проехали 160 километров), а все не видно этого злосчастливого Кулеви. Заблудились. Вернулись обратно. Наконец около 20 часов добрались до злосчастной реки Хоби, на которой, по данным Зотова, должен был стоять наш сантранспорт. Подошли к сантранспорту «Буковина». Вышедший врач нам сказал, что «Львов» стоит на реке Циви и до него добраться на машине невозможно. Следует найти катер, который бы нас доставил до «Львова». Поехали искать старшего на рейде. Последний любезно предоставил нам катер. Пришлось машину оставить в гараже, перегрузить вещи на катер, и около 22 часов мы были на корабле. Корабль стоит на реке Циви, которая впадает в реку Хоби. Глубина этих рек около 5–6 метров; только у устья глубина $2\frac{1}{2}$ метра. Корабли даже в 12 000 тонн могут стоять в этих реках. Берега рек болотистые; здесь царство малярии, дизентерии, кабанов и шакалов.

Сантранспорт «Львов», на который мы приехали, представляет собой пароход, построенный в Испании, в Валенсии; он имеет $2\frac{1}{2}$ тысячи тонн. Прекрасный потолок, резной, окрашенный под

слоновую кость. Добротная изящная постройка. Корабль назывался «Тарагона». Он поднимает 550 лежащих и 450 сидячих больных. Судно малоустойчиво, поэтому приходится возить с собой около 500 тонн балласта.

Капитан сантранспорта «Ушаков» капитан 3-го ранга. Сантранспорт в полном смысле слова можно назвать многострадальным. Весь его корпус изрешечен осколками снарядов от авиабомб. Он потерял 17 человек персонала. В настоящее время он полностью восстановлен, но с апреля 1943 года не может выходить в море, так как у самого выхода из реки начеку стоят немецкие подводные лодки. Сантранспорт перевез много, много тысяч больных и раненых.

Мне отвели каюту «люкс» из двух комнат. Прекрасная кровать, равной которой я не видел много лет. Взял душ. Идеально выпался.

9.III. Теоретически мы должны закончить осмотр к 12 часам. Однако Two Fi проявился в полной мере. Играем в солдатиков. Фасон, фасон, фасон, выстраивается команда, читается приказ, объявляются награды, значки, произносит речь до приказа, после приказа, снимаемся с командой, без команды, с главными специалистами, с флагманскими. Одним словом, нет конца этому издевательству!! Стыдно смотреть на это возмутительное безобразие. Ясно, что при этих обстоятельствах мы не можем выбраться к 12 часам. Обедаем. Кормят очень скверно; хлеб частично кукурузный. В отличие от американских мясных консервов, кормят русскими консервами, что значительно лучше.

Опять парад, опять фиглярство. Наконец мы на двух катерах выезжаем, и в конце концов в 14 часов попадаем на «Советскую Буковину», старую калошу, которая также выполняет обязанности базового лазарета.

В 14 ч. 30' выезжаем в Потти. Дорога ужасная. Ясно, что до 6 ч. 20', когда отходит мой поезд, я ничего не успею осмотреть в Потти, и мне придется остаться на один или два дня, в особенности оттого, что из Потти поезда отходят только через день. Сажу в кабинке шофера вместе с Two Fi. Мы говорим о том, сколько времени придется провести в Потти. Я знаю и хирургическое отделение Поттийского госпиталя, и хирурга-павияна Сарафьяна, так как фактически мне и здесь делать нечего. Вдруг Two Fi мне предлагает, что «мне нечего тратить время на Потти, что они сами без меня посмотрят». Я с радостью соглашаюсь и прошу разрешения отпустить меня к брату сегодня же, тем более что мы подспеваем к вечернему поезду.

Ужасна дорога к Потти, совершенно заболочены окрестности; болота насаждают на город. Кажется, что в этом отношении мало помог городу Рионсброс, канал, по которому главная масса воды р. Риона, не доходя до города, поворачивает прямо к морю. По-видимому, город и сейчас вполне оправдывает название Квакенбурга, как в шутку называют город. Масса военных, преимущественно моряков. Много, очень много русских попадает на улицах. Дзоты, окопы, которые здесь строят особо: сверху насыпают землю, так как из-за высоко стоящей подпочвенной воды нельзя закапываться в землю.

Еще $1\frac{1}{2}$ года назад опасность немецкого нашествия ощущалась как реальный факт. Теперь даже кажется, что это все было не нужно. Как быстро изменило военное счастье немцам, которые слишком много хотели захватить с недостаточными силами.

Мы подъезжаем к вокзалу, мне берут билет. Но до отхода поезда остается еще около двух часов, поэтому я со всеми остальными еду в госпиталь. Меня человечески накормили, дали свежее мясо, хлеб, даже соленые огурцы! На вокзал меня провожают Андреев и Зотов. Еду в мягком вагоне. Есть даже электрическое освещение, но читать невозможно. Знакомлюсь с каким-то грузином лет 33, который рассказывает мне о художествах Пачава. Его характеристика вполне совпадает со всем тем, что я знал об этом «общественном деятеле» до сего времени.

Прекрасная лунная ночь. В 21 ч. мы проезжаем Самтреди, здесь я родился и провел детство. Вот речка, у берегов которой я не раз бродил и мочил ноги. Вот место, где когда-то стояла церковь. С трудом по оставшимся большим деревьям узнаю это место, все так здесь переменялось: появились в большом числе новые поселения. Здесь на кладбище похоронена моя младшая сестра Катя. Не узнаю двор, где я провел детство. Станция Копитнари, откуда я ездил в Баши к дедушке, вызывает массу приятных воспоминаний. Наконец и станция Риони, где у меня пересадка. Меня никто не встречает: думаю, что мою телеграмму не получили. Впоследствии оказалось, что меня уже приезжали встречать Ляля и Тенгиз днем. Иду спро-

сить начальника станции, когда отходит поезд на Кутаиси. Навстречу попался старый кондуктор с фонарем в руках. На мой вопрос, когда отходит поезд в Кутаиси, он ответил: «Товарный поезд идет сейчас, у меня один классный вагон, пойдем со мной, я вас уложу». Выбирать не приходилось, так как пассажирский поезд, который не многим в этих местах отличается от товарного, отходил только через 2 или три часа. Подвернувшийся мне «классный вагон» был двухосным вагоном, совершенно темным, где сидело около двух десятков человек. Мой покровитель осветил своим фонариком скамейку и предоставил мне место. Минут через 25 мой случайный поезд подходил уже к станции Кутаиси. Меня, конечно, никто в это время не ждал и не встретил. Я взял свой небольшой рюкзак и побрел к дому, благо идти надо немного. Луна ярко освещает мне путь. У ворот дома Васи меня собаки встретили дружным лаем.

В 23 ч. 30' я дома. Мавра, оказывается, собиралась меня встречать через 2 часа, к приходу пассажирского поезда. Дома Вася, Мавра, жена Цугры. Меня кормят ужином. Говорим до поздней ночи. Вася мне сообщает о случайном убийстве Эшхи, жены Лаврентия; произошло это 27 января с/г. Рано утром в $6\frac{1}{2}$ часов, когда было еще совершенно темно, она услышала крики кур. Решили, что кур воруют, она взяла палку и бросилась вниз. Туда же бросился майор Киквадзе со своей женой. Не зная о том, что туда уже спустилась Эшха, они именно ее приняли за вора. Жена крикнула мужу, чтобы он стрелял. Последний приказание жены

выполнил. В темноте раздался выстрел, и пуля угодила Эшке в голову сзади справа и прошла через височную область. Она имела еще достаточно сил сама подняться во второй этаж; успела сказать несколько фраз и через $1\frac{1}{2}$ часа умерла.

10.III. Обед у Васи.

11.III. Обед у Месхи.

12.III. Обед дома.

13.III. Поехал с Лялей в Цхалтубо, куда вчера приехали Андреев и Зотов. Были в особняке Иосифа Виссарионовича. Прекрасный, уютный, комфортабельный особняк. Цхалтубо производит прекрасное впечатление.

Обед у Месхи вместе с Андреевым, Зотовым, Лабок. Как будто никакой войны, прекрасно и обильно сервированный стол. Нугеши на всех производит потрясающее впечатление, хороша, исключительно красива, ей $5\frac{1}{2}$ лет. Попрощался с Васей и со всеми остальными. Two Fi пьян.

На машине едем на станцию Рион, откуда в 10.50 выезжаем в международном вагоне в Тбилиси. Сцена на ст. Рион. Two Fi отдает распоряжение арестовать какого-то типа. По какому праву, осталось для нас неясным.

14.III. Утром прибыли в Тбилиси. Встречает Пагава. Живем в э/г 2454, в той самой комнате, в которой жил во время первого приезда. Все тот же прием. Масса прихлебателей за столом. Так же выставляют бутылки вина. Кормят хорошо. Несмотря на перенесенные невзгоды, все так же красив и холит свою большую бороду Илья Виссарионович Пагава. Тип, достойный внимания не только писателя, но не в меньшей степени прокуратуры и следователя. Я с ним познакомился впервые

7 июля 1942 года, когда с Демидовым попал в Тбилиси. Он был тогда в той же роли начальника э/г № 2454, в какой должности состоит и сегодня. Я уже выше писал, как он в ночь с 6-го на 7-е июля случайно выстрелил в раненого, приняв его за вора. На второй день ранили его младшего сына в живот; мне пришлось его экстренно оперировать, резецировать около $1\frac{1}{2}$ метров тонкой кишки.

Присмотревшись ближе к Пагава и прислушавшись ко многому, что говорилось около этого имени, я довольно скоро мог составить о нем ясное представление. В прошлом он был начальником курортов Грузии. Был изгнан за воровство и проделки, которые караются только Уголовным кодексом. По отзывам всех его окружающих, и в э/г 2454 он живет теми же догмами. Все командные, в особенности хозяйственные должности, заняты родственниками и своими людьми. Стоит только посмотреть на лицо завхоза Казбека и коменданта госпиталя, чтобы сразу понять, что едва ли возможно требовать от них честного ведения дела. Это с виду настоящие бандиты. Но, по-видимому, они не только воры, но одновременно ловко умеют прятать концы в воду. Многократные ревизии у них ничего криминального не обнаружили. Однако тысячами исчезало из госпиталя белье, разбазаривались продукты. Многократно ставился вопрос о снятии с поста начальника Пагава; все, казалось, было уже решено, но в последний момент какая-то неведомая сила всегда удерживала Пагава на месте.

Ранение адмирала Исакова и помещение его в э/г 2454 в октябре 1942 г. резко улучшило шансы Пагава. Послед-

ний действительно случился и делал все не только для тяжело раненного адмирала, но и для его супруги Ольги Васильевны. Когда адмирал выздоровел, то он оказался волей-неволей прекрасной защитой для Пагава. Когда адмирал Кузнецов навестил адмирала Исакова в Тбилиси, то настроенный соответствующим образом народный комиссар ВМФ считал возможным в изъятие каких бы то ни было законов присвоить Пагава звание подполковника, дать ему широкие погоня; кроме того, командующий Закавказьем наградил его Красной Звездой. Если адмирал Исаков лишился ноги, то зато чрезвычайными благами это сказалось на положении Пагава. Казалось, он торжествовал победу над всеми своими врагами. Он стоял на вершине славы.

Но зимой 1943 г. над этой сомнительной славой снова разразилась гроза. Два сына Пагава, один из них, старший, — врач НКВД, младший — студент-медик, тот самый, которого я оперировал 1^{1/2} года назад, возвращались поздно ночью, по-видимому, в пьяном виде с девицами. На Верийском мосту их остановил патруль и потребовал документы. Начались пререкания. Во время спора раздался выстрел. Один из патрулей был ранен пулей в голову и умер. Обвинение в убийстве было предъявлено к младшему сыну. Военный трибунал приговорил его к расстрелу, а старшего сына к 7-летнему заключению. Разные ходили толки в городе по этому поводу. Большинство даже высокостоящих не сомневались, что он именно убил патруль. Так или иначе, но дело было направлено в Верховный Суд, откуда последовало распоряжение: дело

дообследовать и подвергнуть вторичному рассмотрению.

Единственно светлым пятном на этом темном административном фоне является главный врач госпиталя *Михаил Мусеевич Кикадзе*. Честный, работающий, умеющий сколачивать врачебный коллектив, этот бедный мученик не знал, как ему сохранить чистоту в этом воровском притоне.

Было много хороших работников среди врачей: ведущий хирург Иван Трифионович Будурджанадзе, Юлия Николаевна Парешашвили, Нина Павловна Картвелишвили, Тина Митрофановна Лагидзе. Были и сомнительные работники вроде Елены Андреевны Макуриали, которая каким-то образом была зачислена к нам на флот, но большой славы она там не стяжала.

К большому удовольствию я нашел госпиталь в значительно лучшем состоянии, чем это имело место с залежавшимися остеомиелитами, широко производилась пересадка всей толщи кожи и с прекрасным результатом; особенно хорошие результаты получала Парешашвили.

Во всех этих достижениях Пагава, конечно, не играл никакой роли. Здесь играли роль улучшение материальной базы госпиталя, который был переведен на снабжение ВМФ, неоднократные мои посещения, демонстрационные операции мои, Петрова и Мельникова.

Первые дни ушли на ориентировку, посещение родных.

17.III. Начал позировать скульптору Н. Канделаки; на это уходило два утренних часа ежедневно в продолжение 6 дней. Однако ничего путного из этого

не вышло. Моя физия ли для этого не годится, скульпторы ли попадают на негодные (первый, который меня безобразно вылепил, был Василий Васильевич Козлов), но и на этот раз получилось что-то совершенно неприемлемое.

18.III. Оперировал в э/г 2454 артериовенозную аневризму в средней трети левого бедра. Интересно, что, несмотря на перевязку бедренных сосудов (артерии и вены) в средней трети бедра, на второй день после операции отчетливо прощупывался пульс в art. tibialis postica и dorsalis pedis. Когда об этом сообщила ординатор, мне казалось, что она ошиблась. Когда я с Петровым проверили сами, то оказалось, что art. Tib. Post и dorsalis pedis, пульс действительно прощупывался. Однако через несколько дней пульс исчез без того, чтобы я вообще мог объяснить, как это произошло.

19.III. В э/г 2454 оперировал больного с торако-бронхиальным свищом (см. ист. б.). Присутствовали проф. Цулукидзе, Антелава (Николай Варденович) и др.

Вечером был шикарный ужин у проф. А.П. Цулукидзе. Присутствовало в общем 22 человека, среди них народный комиссар здравоохранения Грузии *Александр Тадеозович Хелидзе*, его зам. Ной Константинович Баркалая, ген.-майор Андреев, контр-адмирал Игнатъев, Б.А. Петров, Муладзе и др. Жена Цулукидзе — Елена Бенедиктовна.

20.III. Утром вместе с проф. Мясниковым и Б.А. Петровым обследовали Тамару Микеладзе (муж Давид Григорьевич Мамамтавришвили). Она так же очаровательна и красива. Больна каким-то гепатолиенальным заболеванием, с большой

селезенкой, лейкопенией, упадком сил. Боюсь, что она погибнет; всего 1500 белых кровяных шариков.

Оперировал в э/г 2454. Делал пересадку кожи по своему способу. Масса присутствующих: проф. Цханкая, Кукуджанов.

Вечер провел у Немсадзе.

21.III. Открытие конференции. Масса народу, около 600 человек. Для конференции дали небольшой зал. Масса народу стоит, сидят в пальто, в шубах. Бытовое обслуживание поставлено из рук вон плохо; негде даже воду выпить. На мое замечание, что так много народу, мне ответили, что во всем виноват я; большинство пришло якобы слушать меня. Мое выступление на конференции имело (см. Труды конференции) успех. Однако оно не понравилось докладчикам, так как я не особенно их хвалил, а в Тбилиси очень любят, чтобы их хвалили. Особенно недоволен проф. Цулукидзе. После несколько раз он мне доказывал, что я был не прав.

Вечером был обед у проф. Мухадзе.

22.III. Я председательствую. Проблема: лечение инфицированных ран. Главный докладчик проф. Эристов добросовестно представил обзорный доклад. Очень хвалил гранатовый сок, без каких-либо к тому доказательств.

Бактериофаг в докладе А.П. Цулукидзе остался на старых позициях.

Не большое впечатление на сухопутных слушателей произвело изложение «Основных принципов военно-морской хирургии» проф. Андреевым. Был пуст проф. Мжаванадзе.

Мой доклад хвалили больше, чем он того заслуживал. В перерыве обед у

проф. Николая Варденовича Антелава. В этот день мне пришлось выступать 3 раза (см. Труды конференции).

23.III. Я сделал доклад об «Инородных телах легкого и плевры». Доклад ли мне надоел, я его повторяю который раз, или я вообще был не в духе, но я его доложил хуже, чем в предыдущий день.

В перерыве мы пообедали у начальника курорта Цхалтубо Вардена Елизбаровича Чиковани. Не знаю, с какой стороны этот нашел необходимым нас угощать.

24.III. День терапевтический. Хотя и было неприлично не ходить на заседание, но я настолько был занят, что мне ничего не оставалось, как выкраивать время из терапевтического дня.

Утром я оперировал брата зам. председателя совнаркома Джаши. Дермато-мио-генная контрактура левой голени. Пересадка кожи собственной техникой.

Обед вместе с Петровым и Андреевым у Шалико (Оливия и Циала — очаровательны).

25.III. Я опять председательствовал. Хорошие доклады сделал проф. Антелава и в особенности проф. Фринкенберг. Было намечено к заслушиванию 89 докладов. Ввиду того что это оказалось не в человеческих силах, то сократили доклады или с удовольствием их выбрасывали.

В перерыве пообедали у Турабелидзе, отца Курсаода. С большим напряжением, но удалось втянуть конференцию в назначенные сроки. Вечером конференция закрылась. Ужин у проф. Давида Георгиевича Иоселиани. Жена Елена Ясоновна. Очаровательная дочка Мери. Муж убит на войне, осталось двое детей.

26.III. Утром, вместе с профессорами Петровым, Ясиновским (Михаил Александрович), Кипшидзе (Николай Андреевич), народным комиссаром здравоохранения Хелидзе были у председателя народных комиссаров Бакрадзе (Валериан Минаевич, жена Нина Георгиевна). Консилиум по поводу его жены (язва 12-перстной кишки). Обследовали его самого. Пикник, повторные *colica renalis*. Дом-особняк с изумительным садом. Я получил от Бакрадзе заверение, что он отпустит бумагу и деньги для напечатания трудов конференции.

Вечером врачи э/г 2454 устроили нам обед. Молодежь бурно веселилась. Прекрасно себя ведет главный врач госпиталя Михаил Мойсеевич Кикадзе.

Я ушел рано, так как обещал академику Ивану Соломоновичу Бериташвили, что я обязательно побываю у него. Слышал раньше, что его единственная дочка Соломе вышла замуж против воли родителей. Довольно злющая мадам (Ольга Антоновна) выгнала дочку из дому и не пускает на порог зятя. Большая, прекрасно устроенная квартира. Адрес: ул. Ленина, 85, кв. 3. Подъезд № 1. Этаж 4.

Я спешил и собирался уходить, но Иван Соломонович мне заявил, что ему нужно со мной переговорить. Мы ушли к нему в кабинет. Он мне заявил, что говорит со мной по поручению президиума Академии наук. Академия собирается избрать меня в действительные члены Грузинской академии наук. Они собираются для меня открыть институт, где я должен работать в системе Академии. Он спросил меня, соглашусь ли я перейти в Тбилиси? Я ответил, что польщен столь лестным предложением,

просил благодарить президиум Академии, но заявил, что я не имею намерения переходить в Тбилиси. Тогда он поставил вопрос иначе. Они не будут настаивать на моем переходе в Тбилиси, но чтобы я руководил работой из Ленинграда и чтобы я иногда приезжал в Тбилиси. Я ответил, что из такого отдаленного руководства ничего путного не выйдет, я никого не желаю вводить в заблуждение. Мы с ним очень любезно попрощались.

Вечер провел у Шалико.

27.III. С утра дома. Около двух часов дня побывал у Председателя Верховного Совета Георгия Федоровича Стуруа. Мы с ним обменялись мнением по различным вопросам, в частности относительно только что прошедшей конференции. Отметив положительные стороны конференции, касающиеся научной стороны, содержания, я указал, что бытовая сторона, обслуживание делегатов было поставлено из рук вон плохо. Затем я указал, что при награждении профессоров совершенно незаслуженно был обойден проф. Иоселиани. Он мне ответил, что он совершенно с этим согласен, но в данном вопросе его положение щекотливое. Его сын, танкист, который погиб на фронте, был женат на дочери Иоселиани Мэри. Но в этом деле многое зависит от секретаря Чарквиани, который к вам очень хорошо относится. Я попросил его позвонить Чарквиани, чтобы он меня принял, что он и сделал. Свидание назначено на 17 часов.

Побывал в клинике Д.Г. Иоселиани, где мне показали несколько больных. Сдается мне, что консультация была выдумана, чтобы меня лишний раз угостить шампанским.

В 17 часов у Кандид Нестеровича Чарквиани, секретаря партии. Он очень любезен, согласен со мной, что Иоселиани следует представить к награде, что это упущение народного комиссара здравоохранения. Затем он меня начал расспрашивать, не намерен ли я перебраться в Тбилиси. Я ему сказал, что пока у меня такого намерения нет. Говорили о конференции. Вместе с Андреевым и Петровым осматривали жену начальника э/г Ильи Виссарионовича Пагава. Бедная женщина с правосторонней гемиплегией и резко выраженной афазией. Приговор над сыновьями, из которых младшего приговорили к расстрелу, а старшего к 7 годам заключения, ее окончательно добил.

По просьбе проф. Иоселиани смотрел проф. Андриадзе, у которого опухоль мозга; слеп, гемипарез. Ужасное зрелище.

Вечером по моему предложению у меня собрались проф. Цулукидзе, Иоселиани, Петров и Мамамтавршвили. Я предложил выработать программу для следующей 3-й конференции. Тематика должна касаться восстановительной хирургии. Свищи: слюнные, торако-бронхиальные, кишечные, мочеполовых органов.

28.III. Позвонил президент Грузинской академии наук Николай Иванович Мухелишвили и сказал, что желает меня видеть. Он пришел в 11 часов. Я его знаю давно, мало изменился, так же умен, деликатен и обаятелен, каким я его знал и раньше. Он мне повторил то же предложение, что и акад. Бериташвили. «Мы вас хотели бы избрать в Академию. Но, в отличие от Армянской

академии, которая избрала Орбели и Коштоянца, которые живут в России, мы бы не хотели, чтобы действительные члены Грузинской академии не жили на территории Грузии». Я ему ответил, что, кроме того, что я очень уважаю, я очень его люблю. Поэтому не имею намерения вводить в заблуждение ни его, как президента Академии, ни других членов Академии. В настоящее время я не имею намерения переезжать в Грузию. Тогда он повторил формулировку Бериташвили, чтобы я руководил работами Академии, оставаясь в Ленинграде. Я ответил, что это нереально. Мы еще довольно долго беседовали на разные темы. Он просил меня передать Жоржику, чтобы последний присылал статьи, он имеет большие возможности для печатания.

В 12 часов пришли народный комиссар Хелидзе и его заместитель Баркалая, проф. Иоселиани и Мамамтавришвили. Бегло обсудили вопросы, связанные с созывом следующей конференции.

Нас известили, что за нами прилетел «Дуглас», и мы немедленно должны лететь, но не на Баку, а через Сурамский перевал, Майкоп, Москва, должны в Майкопе забрать чью-то семью. Около 14 часов мы уже на аэродроме. Но погода портится, пошел небольшой дождь. На аэродроме хорошая погода, но нас не выпускают. Сурамский перевал закрыт облаками. Посидели на аэродроме около трех часов, вернулись домой. Весь свой огромный багаж мы оставили на самолете. Командир корабля клятвенно обещал, что все будет в полной сохранности.

Вместе с проф. Иоселиани, его женой Еленой Ясоновной Иоселиани, женой

предсовнаркома Бакрадзе обедали у Председателя Верховного Совета Грузии Г.Ф. Стуруа. Роскошная квартира, сервировка, стол. Жена его — Нина Николаевна производит не ахти какое впечатление, в противоположность очень приятному Георгию Федоровичу. Вечером вместе с семьей Иоселиани в театре Марджанишвили смотрели «Укрощение строптивой».

29.III. Проснулся рано, в ожидании известий с аэродрома. Сведения поступают поздно и невеселые. Сурам закрыт, самолет не выпускают. Погода все время изменчива; серое небо. Прохладно. Вместе с Петровым поехали в клинику Иоселиани, где нас снимали; с нами снимался проф. Александр Степанович Аладашвили.

Сиюю дома. Хмурое небо не обещает ничего утешительного. Вечером с женой и дочкой Иоселиани, Лялей и Метико были в театре им. Грибоедова, смотрели «Чрезвычайный закон» Бр. Тур и Шейнина. Пьеса так себе, играют сносно. Ветер, холодно. Послал Нине молнию: «Самолет прилетел, вещи нагружены, ждем погоды».

30.III. Серое небо, туманно, мало надежд на полет. Из нашего намерения полететь на Баку ничего не вышло. На этом маршруте у нас нет бензина.

Вчера уговорил Андреева назначить моим заместителем как главного хирурга флота проф. Б.А. Петрова; он согласился.

Наконец в 14 часов нас известили, что мы летим. В 15 часов поднимаемся в воздух. Солнечный день, проходим Сурам, долину Риона, родной Кутаиси и в 17 часов опускаемся в Адлере. Большой аэродром, масса «Бостонов» и «Кобр».

Мне показывают устройство «Кобры». Лезу в кабину. Восхищен простотой устройства. Бронированное стекло, одним рулем летчик управляет автоматической пушкой и семью пулеметами.

Едем в дом отдыха в Хосту. С нами летел и Пагава, и докторша Дроздова. Летит и проф. Петров. Прекрасная ночевка.

31.III. Ровно в 8 часов утра поднимаемся в воздух. Летим в Геленджик, где должны забрать подполковника Шишова. Посадка и подъем в воздух занимает не больше 10'. Командир корабля Самойленко (который заменил Малиновского) набирает высоту, перелетает через покрытый облаками Майкопский перевал. Садимся в Майкопе, где мы должны забрать семью начальника ВВС Смирнова. Солнечный день, до Москвы остается лететь всего 6 часов. Никаких сомнений, что сегодня долетим до Москвы. Но вот нам передают дважды телеграфный приказ, категорически запрещающий вылет самолета из-за плохой погоды по трассе. Ветрено, сидим в самолете. Из-за плохой погоды дальше двигаться невозможно.

Любезный командир базы отвозит нас обедать, а потом Андреева и меня устраивает в семье зубного врача Есипович. (Майкоп. Полевая ул., 186. Нина Ивановна Есипович). Жили они с мужем очень богато. Муж зарабатывал 15 тысяч в месяц, имели собственный дом с участком земли. Хорошая, богатая квартира, в которой мы и поселились. Жена русская. На 9-й день после прихода немцы отвезли мужа в гестапо и расстреляли.

Ночь прожили в этом unplanned жилище прекрасно. Вечером даже

смотрели оперетку «Ярмарка невест». Немцы в городе сожгли 63 общественных и правительственных здания. Не трогали частные жилища. Расстреляли всех евреев и много других людей.

1.IV. Хмурое, серое небо. Никаких надежд на полет. Однако в 12 часов нас выпустили. До Ростова летели прекрасно. Дальше попали в снегопад. Ровно в 18 часов опускаемся в Москве на Измайловском аэродроме. Около 30 километров до города. За несколько дней до нас около Москвы разбился наш «Дуглас», погибло 7 человек.

2.IV. Живу в гостинице «Националь», куда попадать становится все труднее и труднее. Рад был встретить Георгия Аркадьевича, который меня ждал.

3–5.IV пролетели в Москве быстро. Побывал у замнаркома здравоохранения Колесникова, доложил о бедственном положении нашего филиала в Кисловодске. Он обещал подбросить им одежду.

Он спросил меня, что я думаю относительно организации мединститута на Минводах. Я сказал, что учредить стоит, но не в Кисловодске, а в Пятигорске. Тогда только нужно будет закрыть мединституты в Ставрополе и Владикавказе. Он обещал вызвать в Москву директора института Галустьяна.

5 числа был у Ефима Ивановича Смирнова, просил за Цугру. Обещали его перевести в Кутаиси. Он мне сообщил, что Ватутину ампутировали бедро и что он в очень тяжелом положении.

5–7.IV. С Георгием Аркадьевичем едем через Горький в Киров. Проф. Петров, которого сначала сразу предполагали до-

ставить в Москву, ввиду предполагаемых боев в Крыму экстренно временно направили на ЧФ.

7.IV. На вокзале встречают Нина и Вера. Зима.

В клинике царствует, правильное сказать, находится в эйфорическом состоянии Е.В. Смирнов. Ничего выдающегося в клинике не было сделано, однако, по его мнению, все было в блестящем состоянии. Ожидали 3 неприятности.

1. Больной, доктор у ассистента проф. Щукарева, Борис Семенович Акимов, которого я оперировал около 2 месяцев тому назад по поводу перфорации 12-перстной кишки, развилась картина непроходимости. Его оперировал проф. Смирнов и нашел у него среди петель тонкого кишечника забытый тампон, вокруг которого оброс сальник, что и вызвало картину непроходимости. До меня в начале 1942 года этого же больного оперировал проф. Теплиц по поводу непроходимости. Забыл ли тампон я или Теплиц, сказать, конечно, не берусь. Однако только помню твердо, что я только ушил перфорационное отверстие, ниже поперечной не спускался. Но виноват, конечно, все же я. Я нашел больного в неустойчивом состоянии. Он давал картину непроходимости; был в животе еще инфильтрат. Лечили теплом, атропином, переливанием крови, но чем все это окончится, не берусь еще сказать.

2. Смирнов резецировал желудок, забыл тампон; больной погиб от перитонита. Была назначена комиссия, которая решила, что больной погиб не от тампона.

3. Смирнов при резекции желудка перерезал общий желчный проток. Вшил в

кишку. Больного пришлось вторично оперировать по поводу калового свища.

Не менее неприятно было еще одно обстоятельство. Перед отъездом я поручил Смирнову и Рабиновичу окончание отчета за 1943 г. Они мне обещали это сделать. Но когда я приехал, то увидел, что они отпечатали в 7 экземплярах какую-то бессвязную чушь и на этом успокоились. Рабинович вместе с 4-м курсом отбыл в Ленинград на практику, оставив все материалы по отчету в возмутительном состоянии. Не хватало массы рисунков, фото, хаос был настолько велик, что разобраться было невозможно. В ящиках стола был оставлен мусор, старые коробки, перемешанные с табаком, с письмами, негативами, фотографиями. Весь этот мусор я приказал высыпать в наволочку и отправить ему в Ленинград. Он не собрал для своей «докторской диссертации» никаких материалов, увез с собой истории болезни по артериовенозным аневризмам. Никакого толку из него не выйдет!

Видя столь блестящее исполнение моего поручения, я ударил проф. Смирнова по самому для него больному месту, я прекратил в клинике всякие операции, за исключением экстренных, запретил ему ходить в госпиталь 4017 до того момента, пока они не закончат отчет. Многие работники клиники не спали несколько ночей. Машинистку под видом больной уложили в клинику, одним словом, был аврал.

Отчет был закончен утром 3-го мая, в 8 часов утра он был сдан переплетчику и в 12 часов он принес переплетенный экземпляр. По содержанию отчет вышел хороший, по выполнению халтура. Один

экземпляр я передал начальнику Академии, которому сделал отчет о работе клиники за 1943 г. 3 мая в присутствии проф. Пунина и Мельникова. Никто, конечно, аналогичного доклада не предоставил. Теперь всем приходится идти по нашему пути. Один экземпляр оставили в клинике, один начальнику госпиталя и один начальнику МСУ. Ввиду положительных качеств нашего отчета его решено печатать. Естественно, его придется переделать, массу халтурных рисунков заменить.

Вопрос о переходе Академии в Ленинград остается нерешенным. Профессора все как белены объелись, всем хочется в Ленинград. Между тем разрешения правительства нет. Поэтому все возлагают большие надежды на мою поездку в Ленинград, будто я все могу устроить.

Продолжаю оперировать много в э/г 4017.

28.IV. На заседании э/г показал 10 больных из 25, оперированных по поводу остаточных полостей декортикацией легкого. Из них я потерял от пневмонии одного больного. Остальные еще находятся в госпитале. К сожалению, в ближайшие дни еще потерял двух больных, одного от ранения подключичной вены и другого от эмфиземы средостения. Несмотря на эти несчастья, я больше, чем когда-либо, убежден, что операцию стоит делать.

Я выехал с начальником Академии в Ленинград, через Москву, 8.V. Ехали мы до Горького в открытом, жестком вагоне. В Горьком обедали у Сулинова, начальника облплана. Дальше путешествовали в международном.

10.V. Заринский принес приятную весть — наши войска взяли Севастополь!!

Two Fi становится совершенно воспитанным. На вокзал он прислал не только машину, но и своего адъютанта Гусева.

Днем навестили начальство. Начальник Академии передал ему два альбома, отражающие жизнь Академии. Я передал ему свой отчет за прошлый год. Он был чрезвычайно доволен. По-видимому, он от нас и в частности от меня этого не ожидал. Он поддержал мысль Алексей Ивановича, что отчет необходимо отпечатать, но он сказал, что необходимо увеличить тираж, чтобы можно было его разослать на флоты.

10–14.V. В Москве ждем подписи наркома, подтверждающую необходимость перевода Академии. Наконец мы этого дождались. Если раньше Fi-Fi оказывал сопротивление переводу Академии, то сейчас он целиком за это. Он даже предлагает начальнику Академии немедленно «оторваться от Кирова, перевезти семью, тогда и Академия скоро перейдет».

14.V. Выехали «стрелой» в 17 часов. Шикарно. Проводники в погонах. Чисто. Бутылка пива 39 р.

15.V. С утра не можем оторваться от окон, в особенности после Чудово. Картина разрушения ужасна. Совершенно разобрано железнодорожное полотно. Особенно между Тосно и Колпино — пустыня.

Час ждем на вокзале, пока нас вывезли. Исключительно жестки лимиты бензина. Очень жарко. В городе народу значительно больше, чем в прошлом году, но все же мало. Жорж меня не встретил, не получил телеграммы. Не дождался Жоржика и дома.

16.V. Пошел искать Жоржика в Академии.

Работает как сумасшедший. Выглядит хорошо. С начальником Академии побывали у Машанского. СВ.....!! Рекомендовал нам побывать у Федоровой (Евгения Тихоновна) и Попкова, с которыми он обещал предварительно переговорить.

17.V. В 15 часов мы у Федоровой. Ужасно потолстела. Она на нашей стороне, говорит, что заинтересована в нашем возвращении. Она взяла от нас письмо Кузнецова к Попкову и пошла с ним говорить. Последний передал дело в комиссию Капустина (Яков Федорович). Он нас принял в 22 часа. Долго кривлялся, уверял, что он проживет без Академии, но после сказал, что согласен на возвращение Академии, после того как Академия сдаст здание правительственной комиссии, после 15.VI. «Въезжайте хоть одним эшеленом». Обещал изготовить бумагу; при нас согласовал вопрос по телефону с Попковым. Лучшего, более благоприятного решения вопроса мы ожидать не могли. Теперь все в наших руках. Не особенно верю в поворотливость наших организаций.

18.V. Награждены Зинаида Васильевна Оглоблина, Эмилия Никифоровна Степанова орденом Трудового Красного Знамени. Сергей Павлович Иванов — Знаком Почета. По институту и больнице Эрисмана награждено 15 человек, из них проф. Тушинский и Черноруцкий — орденами Ленина.

Утром сразу попал на митинг. Толпа, хвалят кого следует и не следует. Однако многих достойных, как, например, Шора и Драчинскую. Это единственная доктор-

ша, которая спасла клинику. Единственная, а между тем как будто ее не существует. Между тем награждают никчемного чинушу, главного врача больницы Романовского.

20.V. По поводу назначения начальника Клинического госпиталя начальник Академии хитрит. В душе он все еще лелеет мысль протащить хама Ерофеева. Благо в этом Андреев оказывает ему сопротивление — Ерофеев прибыл в Ленинград, якобы чтобы найти себе квартиру. Очень удивлен, что с ним никто не совещается по делам госпиталя. Он меня спрашивает по поводу назначения начальника. Отвечаю, что мне ровно ничего не известно.

24.V. Все ожидают получить на руки подписанное решение Ленинградского совета. Оно дается с трудом. Читаю по поводу пересадки кожи.

27.V. Решение Ленинградского совета в руках у начальника.

Холодно в Ленинграде, тихо. На фронтах без перемен. Идет какая-то усиленная закулисная дипломатическая игра.

Жорж работает запоем, возвращается поздно вечером, усталый. Все еще упоен своим административным порывом.

С утра был в госпитале у Ивана Степановича Колесникова. Хотел видеть, как он делает *Petit de la Villeon*. Увидел три операции удаления инородных тел из легких обычным путем. Оперирует четко, хорошо. Но нет культуры, красоты, порядка.

Решено выехать 29-го в Москву — Киров. Все ясно, никаких сомнений.

28.V. Сижу дома, работаю, готовлюсь к отъезду. Вдруг звонит начальник Академии и говорит, что звонил секретарь исполкома Маслов и требует возвращения

документа — решения Ленсовета о реэвакуации Академии. Ничего не понимаю. Решили отложить отъезд. Завтра собираемся в Ленинградский совет. Приходил Беляев.

29.V. В 12 часов дня я с Алексеем Ивановичем уже были в Ленсовете. О нашем появлении своевременно был оповещен Петр Сергеевич Попков, председатель Ленсовета. Нам пришлось ждать четыре часа, пока мы к нему попали.

Он сильно пополнил, стал более важным. Он пригласил нас сесть. Мы продолжаем стоять, стоит и он. Он нам заявил, что он не намерен изменять уже существующего постановления относительно ВММА. Последнее гласит: разрешить Академии ремонт; вопрос о реэвакуации постановить только после того как отремонтированное здание Академии будет сдано правительственной комиссии. Все наши уговоры остались безрезультатными. На прямо поставленный нами вопрос о том, чтобы он откровенно сказал, выедет ли в этом году Академия или нет, он ответил: «По-видимому, нет». Дальше он как будто смягчился и сказал, что мы ему нужны, чтобы мы отремонтировались, они кое-кого поприжмут, и нас впустят.

На мой вопрос, не разрешит ли он въезд госпиталю № 4017, он ответил, что нет, он ему не нужен. На мой вопрос, не поможет ли он мне в восстановлении клиники, он ответил, что у него нет совершенно материалов. По видимому, это верно, и рассчитывать в этом году на восстановление моей клиники мне не приходится.

Решили завтра выехать.

30.VI. попрощался с клиникой, со «Скорой».

В 17 часов с Алексеем Ивановичем выезжаем «стрелой» в Москву, в международном вагоне. Ехать прекрасно. Та же картина ужасного разрушения.

31.VI. В 13 часов мы в Москве. Сравнительно легко устраиваемся в «Национале». Мы отправились к Андрееву и доложили ему обо всем. Решено окончательно 5-й курс оставить в Ленинграде и перебросить туда профессорско-преподавательский состав. Один или два курса подбросить для восстановительных работ в Ленинград.

1.VI. В 13 часов у Андреева заседание с директором 1 ЛМИ Н.И. Озерецким, с Шабановым, с начальником ВММА, с начальником Санотдела Севморпути и др. О «Подготовке 1-м Ленинградским медицинским институтом врачей запаса». Приехал проф. Наваришвили.

2.VI. С Алексеем Ивановичем выезжаем в 14 ч. 50' с Новосибирским поездом в международном вагоне.

3.VI. В пути. Едем прекрасно.

4.VI. В 2 часа утра приезжаем в Киров. Здесь все бешено готовятся к отъезду в Ленинград. Пакуют ящики, свертывают клиники, то же делают в моей клинике.

5.VI. Заседание начальника ВММА с начальниками кафедр относительно порядка реэвакуации.

5.VI. Долгожданный день наступил. Второй фронт открыт. Сегодня ночью английские и американские войска на 4000 судах, прикрываемые с воздуха 11 000 самолетов, на широком фронте высадились во Франции. Многократно радио сообщало о деталях высадки. Два раза выступал в Палате общин Черчилль и сообщил, что операции развиваются удовлетворительно.

Ближайшие дни покажут, с какой быстротой будут развиваться события. Мы, конечно, в ближайшие дни перейдем в наступление на широком фронте, но, по-видимому, начнем с Румынии, чтобы вывести ее из строя.

9.VI. До сих пор сообщения союзников были очень бодрыми. Сегодня оно более минорно; начались жестокие контратаки немцев. Отмечено появление «тигров». На нашем фронте все «без существенных перемен».

11.VI. Союзники, высадившиеся на широком фронте от Гавра до Шербурга, ведут усиленную борьбу с немецкими контратаками. Пока дела союзников идут вполне удовлетворительно. Заняты Бай и Изаньи; борьба жестокая у Кан.

Сегодня опубликована ханжеская молитва президента Рузвельта. Как-то смешно читать. По-видимому, президент выждал несколько дней, и после того как убедился, что немцы их не скинули в море, начал громко молиться, чтобы не поставить бога в неловкое положение.

Наконец-то «На фронтах без существенных изменений» сменилось приказом Верховного Главнокомандующего. Два дня назад войска Ленинградского фронта перешли в наступление, прорвали на ширину в 40 километров и на глубину 20 километров оборону финнов; взяли Териоки и Васкелово. Без изменения хотели вывести финнов из войны.

12.VI. Второго числа в Москве с мочой заметил несколько капель крови. Кровь была в начале мочеиспускания. После одного мочеиспускания кровь совершенно исчезла из мочи; меня ничего не беспокоило, и я не обращал ни на что внимания.

10.VI вместе с мочой заметил на дне ночного горшка несколько, 5–6 зернышек, которые напоминали собой *простатические камни*. Я решил, что, по всей вероятности, в горшок набросали что-либо, и также дальше ни на что не обращал внимания.

С утра сидел дома и занимался. В 14 ч. 30' с Ниной пошли в сад Халтурина, где оставались около 1½ часов. Вечером хорошо работал. Легли спать в 2 ч. 15'. Случайно я посмотрел на мочу; она была совершенно прозрачна. Вдруг просыпаюсь в 5 часов утра. Хочется мочиться. Меня немного удивило, что захотелось мочиться, так как я мочился перед этим за 3 часа. Удивило также, что много мочи. Я случайно посмотрел на струю и был неприятно поражен, что в горшке уже около 1½ стакана совершенно кровавой мочи, и что я мочусь кровью. Кровь была темная, без сгустков, без муляжа с мочеточников. *Мочеиспускание совершенно безболезненное*. Я перебрал в голове всю этиологию гематурии. Это была кетризная, обильная, тотальная гематурия, т. е. гематурия от опухоли. Я пощупал себе почки, насколько мог, но ничего не нащупал. Дальше мне не удалось заснуть. Я мочился несколько раз. Каждая следующая порция мочи становилась чистой; она приобретала все больше характер начальной. Наконец моча в 6 ч. 30' стала совершенно прозрачной. Дальше я спал до 9 часов утра. С утра моча совершенно прозрачная. Беда заключается, кроме всего, и в том, что здесь нет приличного уролога, и не только здесь, но и в Ленинграде. Как это ни странно, но уролога придется искать в Москве. По-решил выждать... Целый день выбит из колеи. Нездоровится, трудно сказать,

психическое ли это влияние или на самом деле. Чуть болит спина. Сказать правду, более чем неприятно ожидать кровотечения, причина и время которого неизвестна.

Оперировал больного с хроническим остеомиелитом, где пришлось заполнять полости на верхнем конце tibiae мобилизованным кожным лоскутом. Кожа рубцово изменена. Ассистировал И.П. Очкур. Оперировал толково, но вяло.

13.VI. Общее самочувствие лучше. Кровотечения не было.

Наше наступление на Финляндию развивается очень медленно. По-видимому, финны оказывают яростное сопротивление.

Читаю А. Виноградова «Стендаль и его время. 1938».

«...Истинным мотивом человеческих действий является искание счастья и еще больше — боязнь страданий. Искание наслаждений движет всеми людьми. Качество наслаждений бывает разное. Возмездие за них наступает в порядке следствия из причины».

Стр. 171. Стендаль.

14.VI. Пишу «Пересадку кожи».

15.VI. Прорвали вторую укрепленную линию. На Западе немцы оказывают упорное сопротивление.

16–17.VI. Быстро начали подвигаться на Карельском фронте, берем по 100–120 населенных пунктов.

Кровотечения не было.

18.VI. В результате стремительного наступления на Выборгском направлении прорвали третью линию Маннергейма, взяли Тиорки-Койвиота и находимся в 28 километрах от Выборга. Не знаю, что на сей раз спасет финнов; едва ли немцам

теперь до них. Маловероятно, чтобы мы согласились на мир без занятия Гельсингфорса, разоружения финской армии и оккупации всей Финляндии.

Союзники отрезали полуостров Катантен, дошли до Картер и находятся в шести милях от Шербура, который обстреливается союзной эскадрой.

19.VI. Приехал Вайль, говорит, что Федор Федорович стоит на точке зрения, что госпитальные хирургические клиники следует открыть в Первом морском госпитале. Я уже по этому поводу высказал свое мнение, что в этот хлев я не пойду. В предположении, что он когда-либо займет кафедру военно-морской хирургии, а не госпитальной, нужно учить гидроцеле и варикоцеле. От этого «гениального знаатока» всех вопросов едва ли можно требовать большего. Я уже заявил начальнику Академии, что я уйду, если мне не дадут ту клинику, которую я уже распланировал. Мне все равно ведь придется уйти. Мне хотелось иметь базу, пока моя клиника не будет восстановлена в 1 ЛМИ. Но раз это не выйдет, я уйду раньше.

20.VI. 13 час. 15' только что объявили, что наши войска взяли Выборг. В 1939 г. мы на это потратили 4 месяца, а теперь 10 дней!! Союзники уже обстреливают Шербур.

22.VI. 3-я годовщина начала войны. Как это все не похоже на печальное начало. Финляндия трещит. Начали наступление у Медвежьей горы и между Ладожским и Онежским озерами.

Союзники предъявили немецкому командованию Шербура ультиматум. Срок истек в 7 часов утра. Немцы не ответили. Союзники начали наступление.

23.VI. Союзники штурмуют Шербур. По-видимому, они там устроили ад с воздуха, с моря и суши. По-видимому, они возьмут Шербур в ближайшие дни.

Сегодня началось наше наступление на новом фронте севернее и южнее Витебска. По-видимому, это начало нашего большого летнего наступления. По-видимому, пойдем прямо на Ригу, а может быть, и южнее, прямо к границам Восточной Пруссии.

Лечу Ольгу Александровну Зедгенидзе от двустороннего сальпинго-оофорита, который прорвался в прямую кишку.

Сегодня у меня отошел небольшой, с гречневую крупинку, камень, совершенно круглой формы. Камень очень крепкий. Раздавить мне его пальцем не удалось. Взял для химического исследования.

Приходил Лев Эммануилович Жимин. Сообщил о результатах своих переговоров с Андреевым. Мы должны сохранить шефство над Кировым и областью, но они должны обеспечить наших работников едой и жилищем.

24.VI. Перешла в наступление армия Белорусского фронта на Могилев.

25.VI. Перешел в наступление Рокоссовский на Бобруйск; перерезал дорогу Бобруйск — Ленинец.

Отошел еще один небольшой камешек — вида простатического камня.

26.VI. Наши войска взяли Витебск и Жлобин. Союзники все никак не могут справиться с Шербургом, учились бы у наших войск!!

27.VI. Потрясающий день. Союзники взяли Шербур. Наши войска взяли Оршу, ликвидировали пять окруженных дивизий; в плен сдалось 10 000 человек. Около

Бобруйска окружили новые пять дивизий. Завязали бои у Могилева и у Бобруйска. Появилось Минское направление. По-видимому, наши войска возьмут направление Минск — Вильно — Каунас — Мемель, в обход Литовской — Латвийской и Эстонской республик.

28.VI. Войска Рокоссовского взяли Осиповичи, окружены 5 дивизий около Бобруйска. Две другие армии взяли Могилев.

Уехал в Ленинград Георгий Аркадьевич.

29.VI. Разгромили окруженную группу у Бобруйска, который взят.

30.VI. Наконец американцы догадались порвать дипломатические отношения с финнами. Наше продвижение по всему фронту продолжается стремительно.

1.VII. Наши войска взяли Борисов, дорога на Минск открыта.

Положение наше совершенно неясно. Почти все наши вещи отправлены домой. Мы сначала должны были выехать в середине июня. Затем отложили поездку до конца месяца. К этому времени в Ленинграде оказался начальник Академии, который к первому июля прислал Векшину письмо, в котором приказывает никого в Ленинград не отпускать.

Георгий Аркадьевич уехал в Ленинград; сегодня прислал телеграмму, в которой предлагает ждать нам его возвращения.

По сути дела, наше командование захотело вползти в Ленинград фуксом, без разрешения. Если еще можно было впустить туда пятый курс, то не было никаких оснований отпускать туда профессорско-преподавательский состав четвертого, третьего, второго и даже первого курса. Поживем, увидим. Неприятно только

сидеть между двух стульев. Мне необходимо работать в библиотеке, нужно кончать пересадку кожи, а без библиотеки это сделать невозможно. Отсутствие Кузнецовой и Беляева задерживает разработку истории болезней по госпиталю 4017.

Решил, если все будет идти нормально, издать в конце 1944 отчет клиники вместе с научными трудами клиники. Труды Госпитальной хирургической клиники ВММА.

В первый том можно было бы подготовить:

Джанелидзе. Артериовенозные аневризмы подключичных сосудов.

Торако-бронхиальные свищи. Операция Делорма.

Смирнов и Петров. Диафрагмальные грыжи.

Смирнов. Неполная перевязка артерии при артериальных аневризмах.

Очкур. Новый остеопластический способ ампутации бедра по Джанелидзе.

Головинский. Лечение остеомиелитов верхнего конца плеча.

Головинский. Ангиома печени.

Рабинович.

ОТЧЕТ ЗА 1944 ГОД.

3.VII. Взяли Минск.

4.VII. Взяли Полоцк. В Нормандии союзники берут по 2 танка и отдают по три. Видите ли — дождик мешает!

5.VII. «Дарование, отнюдь не приобретает, оно развивается, растет и крепнет благодаря упражнению. Э. Фальконе». (Мастера искусства об искусстве. Т. 2, стр. 137. 1936).

8.VII. Наше стремительное наступление превосходит всякую фантазию. Армия Рокоссовского взяла Барановичи, а Армия Черняховского уже дерется на улицах Вильны и, по-видимому, завтра ее возьмем. Такими темпами недалеко от Ковно и Восточной Пруссии. Союзники все еще готовятся к наступлению.

9.VII. Объявлено об учреждении Академии медицинских наук СССР. Три отделения медико-биологических наук, гигиены, микробиологии и эпидемиологии и отделение клинической медицины. Вот начнется святопляска вокруг кандидатур!!

Оригинально, что Академия учреждается при Народном комиссариате здравоохранения. Первоначально число членов академии определено в количестве 56 человек. Я полагаю, что от хирургов попадут:

1) Бурденко, 2) Гирголав, 3) Левит, 4) Вишневский, 5) Юдин, 5) Петров Н.Н., 7) Шамов, 8) Мыш, 9) Савиных, 10) Мухадзе, 11) Руфанов.

10.VII. Вчера еще ждали взятия Вильны, вместо этого объявлено о взятии Лиды, тоже неплохо. 22 ч. 35' жду приказа, нет его. В конце концов в 23 ч. 30' диктор объявил: «Концерт окончен»...

23 ч. 32', 39'... молчание... Должен быть приказ... Но томит диктор. Наконец 23 ч. 38'... Товарищи, сегодня, 10.VII, в 10 ч. 45' вечера будет передано важное сообщение, слушайте наши передачи. Опять не то, опять не Вильна... Войска Рокоссовского взяли Слоним и Лунинец. Но позже сообщили, что наши войска окружили Вильну и дерутся на улицах.

11.VII. Бои идут на улицах Вильны.

Опять кровотечение в 12 ч. 40'; Небольшой сгусток крови, затем чистая моча. По-

видимому, кровотечение из простаты. Эти последние дни камни не отходили. Сегодня ровно месяц, как было значительное кровотечение.

12.VII. С утра выделился небольшой сгусток крови, завитком, незначительное начальное кровотечение. Сгусток крови тоненький, имеет вид тонкой спирали. Дальше днем до полудня кровотечения не было.

Сегодня вернулся из Ленинграда Волынский; привез письма от Жоржика и Бобы. Последний пишет, что в Академии бедлам. Волынский мне заявил, что приехал Андреев и собирается отнять мою клинику под военно-морскую хирургию. План его план дальнего прицела. Он хочет в конечном счете занять кафедру военно-морской хирургии, обеспечить этой кафедре лучшее здание, расширить рамки преподавания военно-морской хирургии, отнять травму и острую хирургию у госпитальной хирургии; оставить за госпитальной хирургией варикоцеле, гидроцеле и геморрой, так сказать, «заболевания матросов». Андреев желает из Академии сделать свою вотчину, посмотрим, насколько это ему удастся. Подожду возвращения Иванова или Зедгенидзе.

13.VII. Мне кажется, что я без исследования могу на основании клинических данных поставить себе диагноз. *По-видимому, дело идет о гипертрофии простаты.* Иногда приходится выжидать начала мочеиспускания, пузырь не всегда опорожняется в один прием, ночью один раз приходится вставать мочиться, многократные небольшие начальные кровотечения, отхождение

камней, похожих на простатические. Наследственность — у отца была гипертрофия простаты, по поводу которой его пришлось оперировать в 1917 году в возрасте 63 лет.

19.VII. В продолжение времени не наблюдалось отделение камней и песку. Сегодня утром снова отделялись кругловатые, с булавочную головку, камешки и песок.

Около 2 часов дня меня вызвали к телефону из Москвы. Говорил народный комиссар, который предлагал срочно приехать в Москву. Мне показалось, что говорил народный комиссар ВМФ, адмирал Кузнецов; было плохо слышно. Мне оставалось гадать, по поводу чего он меня мог звать. Принимая во внимание, что перед этим распространялся слух, что начальника Академии отправляют за границу, я и решил, что меня вызывают, чтобы назначить меня на это место. Я от всей души ненавижу административную работу. Я не имею никакой охоты бросать хирургическую и педагогическую работу. Кроме того, в настоящее время начальник Академии это не самостоятельная фигура. Подчинение Академии МСУ делает положение начальника Академии униженным, невозможным. Моей доброй воли на это назначение никогда не будет. Надеюсь, что меня спросят. Однако мои печальные размышления были прерваны. Пришла телеграмма от НКЗ Митерева, который мне предлагает немедленно выехать в Москву. Это уже легче. Тогда я предположил, что говорил со мной не Кузнецов, а Митерев. Думаю, что мотивом вызова послужила организация Академии медицинских наук.

20.VII. Оперировал в клинике двух больных; полагаю, что это последние больные, которых мне приходится оперировать в Кирове. Побывал в госпитале 4017. Смотрел оперированных больных с торако-бронхиальными свищами. Пока все трое текут хорошо. Вечером Горьковским поездом выехал в Москву.

21.VII. Горький. Сижу на вокзале. Коротая день. Поезда на Москву следует ждать $7\frac{1}{2}$ часов.

22.VII. В 10 ч. 15' прибыл в Москву. В гостинице «Националь» номеров нет, все полным-полно. Только поздно вечером я получил номер.

В 12 часов позвонил Митереву, он сразу меня принял. «Здравствуйте, академик», — приветствовал он меня. Я поздоровался. Он мне объявил, что меня намечают не просто академиком, но и не то директором, не то руководителем Научно-исследовательского института хирургического. Я должен объединять все хирургические клиники, где числятся такие зубры, как Вишневский, Юдин.

Я предложил на это место назначить Вишневского. Он ответил, что это невозможно. Кроме того, он имеет правительственное предложение привлечь меня к работе в Кремлевской больнице. «Я Вам предлагаю занять кафедру, которую занимал Бакулев». «Какая это кафедра?» — спросил я. «Кажется, факультетская». Но после того как он позвонил, то выяснилось, что это кафедра пропедевтическая. Я ему сказал, что было бы смешно мне менять госпитальную на пропедевтическую. Я ему объяснил, что все это мне не нужно. «Но вы нужны Москве». Тогда было реше-

но, что я сохраняю кафедру в Ленинграде и буду ездить в Москву.

Но после того как я ушел, для меня стало совершенно очевидным, что это предложение для меня совершенно неприемлемо. Вариться между сумасшедшим Юдиным, самовлюбленным Вишневским, недоброжелательным Бурденко радости мне будет мало. Решил снова пойти к наркому и категорически отказаться.

Я позвонил Two Fi. Сказал ему, что я приехал и когда могу его увидеть. Он меня спросил: «Откуда вы говорите?» Я ему ответил: «от Митерева». Он говорил со мной исключительно сухо. Сказал, что я могу приехать, когда хочу. Когда я к нему приехал, то встреча была исключительно сухая. Сначала я ничего не мог понять. Скоро выяснилась причина. Оказалось, что там строят какую-то Академию, его не приглашают. Отдела Военно-морского флота нет. Между тем дела на профессоров запрашивают. Ко всему этому добавилось, что я, офицер, подчинен ему, Андрееву, и права приезжать без его разрешения не имел. Все стало ясно. Я извинился, скоро все вошло в колею. Он мне начал объясняться в идеальном ко мне отношении.

После этого он спросил меня: «Не спешите ли Вы?» Я ответил, что нет. «Я хочу поговорить с вами о своих делах, — сказал он. — После окончания войны я хочу отсюда уйти. Некоторые внешние обстоятельства заставляют меня об этом думать: эти обстоятельства давят. Притом мне легче планировать, пока я сижу здесь, чем позже, когда будет распорядиться другой».

Я несколько раз говорил с Ивановым относительно моей кафедры в Академии. Он мне указал, что легче всего мне было бы занять кафедру военно-морской хирургии; но там сидит Боря Пунин. На живое место я не привык идти. «Но ведь Пунин мог бы занять другую кафедру», — сказал он. Но и в таком случае бы говорили, что выпер я, а этого я не хочу. Но есть другой вариант. В 1 ЛМИ будет читаться курс военно-морской хирургии, я мог бы это сделать. Я ответил, что этот курс будет при моей кафедре. «Там есть профессор Усольцева». Но ведь Усольцевой военно-морскую хирургию никто читать не даст. «Где же будет ваша база? — спросил я, — ведь из своей клиники я вам базу выкраивать не буду». «Озерецкий мне обещал». Выяснилось, что Two Fi уже успел на заседании совета профессоров 1 ЛМИ сделать доклад. Что Озерецкий уже обещал ему базу. В крайнем случае базу можно будет получить через Мошанского в одной из больниц. Он желает получить 150 коек. Я ему ответил, что даже госпитальная хирургия не имеет столько коек и едва ли для курса он может рассчитывать больше, чем на 60–75 коек.

Какие же выводы мне приходится из всего этого:

- 1) Что какие-то обстоятельства заставляют уйти Two Fi из МСУ.
- 2) Что шансы на беспрепятственное получение кафедры ВММА ничтожны или отсутствуют.
- 3) Что шансы получить должность начальника ВММА отпали.
- 4) Что курсы в 1 ЛМИ для моряков были задуманы Two Fi и организованы в предвидении своих личных планов.

23.VII. На душе беспокойно. История со злосчастной Академией не дает мне покоя. Это дело явно не для меня.

24.VII. Всю ночь спал плохо. Беспокоят дела с Академией. В 12 ч. собираюсь к наркому, принял твердое решение от всего отказываться и никуда из Ленинграда не уходить. В 12 ч. у наркома. Занят. Назначил прием в 5 часов. Случайно в коридоре встретил Василия Васильевича Парина. Пошел разговаривать с ним по душам. Оказалось, что автором предложения создать Институт экспериментальной хирургии, который должен возглавить я, является он сам. Он мне заявил, что когда перебирали кандидатов, то все остановились на мне. При этом он прибавил, что они хотят мне предложить кафедру госпитальной хирургической клиники 1 МГУ, руководимой Герценом. Он безнадежно болен, повторный инсульт; два года он не бывает в клинике. Они его хотят сделать почетным профессором клиники.

Мне не стоило большого труда доказать ему, что создание клиники несвоевременно. Что руководить такой клиникой, а затем всеми остальными клиниками Академии некому. Я для этой роли совершенно не подхожу. Великовозрастные опекаемые, которых хотят отдать под мой надзор: Вишневский, Юдин, Руфанов — люди уже сложившиеся, имеют свои достоинства и недостатки. И те и другие уже неисправимы. Во всяком случае, я этого сделать не берусь. Окончится это тем, что одни из них будут посыпать меня сульфамидными препаратами, другие мазью, а третьи грязью. Что касается моего перехода в Москву, то я благодарен за честь. Однако следует пересаживать молодые ткани, а не старые.

Я создавал свою клинику в продолжение многих лет. На создание новой клиники мне потребуется около пяти лет, а к этому времени мне необходимо думать покидать клинику.

Между прочим, он мне сказал, что как-то Николай Нилович Бурденко ему сказал (написал), что, по-видимому, эту клинику придется возглавить ему. Думаю, что этот Бурденко на самом деле так и думает. Если он принимал участие в выдвижении моей кандидатуры, то делал это он, будучи уверен, что я откажусь, и тогда единственным незаменимым кандидатом остается он. Я сказал Парину, что в роли главноговаривающего, а не руководителя, пожалуй, пригодился бы Руфанов. В конце концов с моими доводами согласился Парин и обещал, что он меня будет поддерживать.

В этот же день я виделся с Колесниковым и Шабановым, которым я изложил свои соображения, с которыми они согласились.

Побывал днем у Ефима Ивановича Смирнова. Встретился там с Гирголавым, Левит и Бурденко. Все они, конечно, знали о той роли, которую мне готовит НКЗ. Хохочут. Смирнов на поставленный мной вопрос, как он смотрит на мой переход в Москву, стал хохотать. Бурденко мне сообщил, что это он выдвинул мою кандидатуру. Я ему иронически написал: «Спасибо, спасибо, спасибо, спасибо».

Левиту передал работу Очкура. Смирнов записал у себя, что э/г 4017 может перейти в Л-д 1/IX. На мою просьбу дать документ сказал, что это не требуется. Распоряжение будет дано через Генштаб.

К наркому не попал, а вызвали к Маленкову.

25.VII. Говорил по телефону из Кирова Иванов. Говорит, что мы с ним выедем из Кирова 6 или 8.VII.

12 ч. 15'. В приемной наркома Митерева. Сравнительно недолгое ожидание. Сoglасен принять «только на одну минуту». К нему и от него носятся Никитский (Владимир Семенович), художники, чертежники. Нарком готовится к докладу, который он должен сделать сегодня в 6 часов вечера на поликлиническом заседании. Вхожу... На столе листы доклада с подчеркнутыми линиями.

«Прошу извинения, товарищ народный комиссар, что беспокою Вас. Но я ориентирован в обстановке и пришел к заключению, что проектируемый Вами Институт экспериментальной хирургии организовывать не нужно, и я для руководства таким институтом совершенно не пригоден».

Митерев вспыхнул: «Благодарю Вас за совет, но в Вашем совете я не нуждаюсь, не нуждаюсь в таком совете. Я сам знаю, что буду делать. Имеется постановление Совета Народных Комиссаров о создании института, и он будет создан».

«Я прошу меня никуда не переводить, я работал и желаю продолжить работать в Ленинграде». «Что же это, — говорит Митерев, — выходит, что Москва только для москвичей. Ленинград для ленинградцев... Единственный человек, который может руководить таким институтом, это Вы. Я Вас посажу в президиум и посажу директором института». — «Благодарю, но я категорически отказываюсь, я не желаю, чтобы меня мазали грязью». Народный комиссар смягчился, начал смеяться, говорит, никто Вас не будет мазать грязью.

Я повторяю: категорически нет. «Ну хорошо, — сказал он, прощаясь. — Об этом мы поговорим в другой раз». Гнев начальства прошел. Надеюсь, что начальство поймет, что так не закладывают фундамент Новой Академии.

От наркома я вышел к Парину. Поставил его в известность о происшедшем с наркомом разговоре и просил его поддержать мои пожелания. Он обещал. Встретил в НКЗ проф. Хесина. Он мне сказал, что положение с хирургией в 1 ММИ катастрофическое. Герцен с удовольствием ушел бы в отставку, но ему нечем жить. Никто не догадался даже это организовать. Он мне сообщил, что проф. Богораза, которому 70 лет, если не больше, выбрали во 2-й Медицинский институт.

Вечером пошел в НКЗ. Слушал доклад народного комиссара на совещании поликлинических врачей Союза и Федерации. Доклад представлял собой подбор цифр, столбиков по различным видам поликлинической помощи. Несмотря на разнообразный характер этой помощи, одно было общее, а именно, несмотря на войну и тяжелые условия, везде из года в год наблюдается прогрессивное улучшение. Доклад был скучный, никто докладчика не слушал. Изложение цифр прерывалось словами «предупреждаю», «напоминаю», «ставлю на вид», «под личную ответственность». Но эти слова едва ли могут действовать на врачей вообще и амбулаторных в частности. По-видимому, народный комиссар и его помощники никогда не заглядывали в амбулатории гор. Кирова. Оптимизм бы у них исчез. Гирголав мне сказал, что для

этого совсем не нужно ездить так далеко, а достаточно заглянуть в любую амбулаторию Москвы.

Из разговоров с Левитом я узнал, что его прочат в члены-корреспонденты, чем очень недоволен. Просил Смирнова, чтобы его избавили от этого позора, и если это будет так, то он собирается писать Молотову. Обиды, страсти... и все для чего?

Встретился на заседании с Борисом Дмитриевичем Петровым из ЦК. Он спросил меня, говорил ли я с Митеревым. Я сказал, что говорил, но от предложения отказался. «Как же так, — сказал он, — ведь предложение это исходит не только от Митерева, но и от других кругов». — «И, несмотря на это, я от предложения категорически отказываюсь».

Никому из предлагавших не приходит в голову, что я экспериментальной хирургией *никогда не занимался*. Все мои немногочисленные работы касаются чисто клинических вопросов. И такому человеку, который ровно ничего в клинике не понимает, хотя поручить руководство Институтом экспериментальной хирургии Академии медицинских знаний. Вот воистину от великого до смешного один шаг.

+Вечером выпил $\frac{1}{2}$ стакана вина «Мукузани». С вечера появился небольшой ступок крови при мочеиспускании и незначительно начальное кровотечение при мочеиспускании, совершенно безболезненное. Однако утром (26.VII) на простыне обнаружил несколько больших пятен крови, алой. По-видимому, ночью была уретроррагия. Хорошо на себе изучать клиническую картину болезни, но лучше было бы, чтобы я был лишен этой возможности.

26.VII. С утра немного крови.

27.VII. Чуть окрашена первая капля мочи.

В 15 часов вместе с Георгием Аркадьевичем выехали в Киров.

28.VII. В 19 ч. 30' прибыли в Киров. Очень устал, много нервов потратил на эту глупую поездку. Моча совершенно чистая.

29.VII. Моча чистая. Выделил 16 песчинок, круглых, с просяное зерно каждое.

ВММА наконец получила разрешение на возвращение в Ленинград. Жданов дал согласие. 27.VII я звонил Исакову, и он мне сказал, что приказ лежит на подпись у Берия. Я просил Исакова взять на себя шефство над ВММА, он согласился.

Взял в библиотеке НКЗ «Гипертрофию предстательной железы» Л.И. Дунаевского. Хорошо написанная книжка. Много лет тому назад изучал это заболевание для отца — теперь приходится углубляться в заболевание для себя самого.

30.VII. Следовало бы написать статью «История свободной пересадки кожи в СССР».

31.VII. Я вернулся из Москвы усталым, сильно истрепал нервы. Поэтому я решил отдохнуть хотя бы несколько дней в Боровицах, несмотря на вспышку малярии в этой местности.

Вечером выехал туда с Ниной и Верой. В нашем распоряжении опять две наши чудесные комнаты, которые мы занимали в прошлом году.

1–4.VIII. Мы провели в Боровицах 4 прекрасных дня. В последний день консультировал несколько больных. Жуткая хирургическая безграмотность. Четвертого вечером вернулись ввиду предполагаемого отъезда в Ленинград.

Из политических новостей, которые я застал, здесь наиболее важным мне кажется заявление Сараджоглу о разрыве дипломатических и экономических отношений с Германией. Это еще не официальное объявление войны, но очень большой шаг к войне. Долго торговались турки, колебались, но когда увидели, что немцы проиграли войну, то решились. По-видимому, им хорошо заплатили!! Ушел в отставку финский президент Рюти, тоже знаменательно.

2.VIII. Мне исполнился 61 год.

5.VIII. Готовимся к отъезду. Отвратительная погода, дождь, холод.

6.VIII. Попрощался с э/г 4017. Верхушка на прощание устроила мне чай. Говорили хорошие речи. Это, по-видимому, одинаково делается как в Грузии, так и в России, приятное в лицо, неприятное за спиной.

7.VIII. Масса дела, масса, без счету, кульков! Все снова и снова считаем, то 19, то 21, то и все 23. Много провожающих, масса помогающих. Кто искренне плакал, так это санитарка Лиза; она у нас проработала два года, а теперь ей с двумя детьми трудно, трудно будет кормиться.

Мы уехали вместе с начальником Академии; вместе с нами едет Николай Николаевич Самарин и его жена Ольга Кондратьевна. Сам Самарин порядочный человек, в общем, и неплохой хирург, пожалуй, лучший ученик профессора Оппель. К сожалению, назвать его умным нельзя. Жена исключительно образованна, была доцентом Ленинградского университета, читала историю французской литературы XVIII века. Прекрасно знает французский, немецкий, английский и польский языки. Она прекрасный для него помощник.

Кончился Кировский период нашей жизни. Изгнанные из своего дома войной, мы нашли приют в Кирове, где был развернут наш тыловой госпиталь. Начальник госпиталя полковник м/с Федор Александрович Ерофеев, бывший фельдшер, хам первой категории. Он без конкурса мог бы занять кафедру хамологии в институте или в Академии. Он восстановил против себя всю профессию, которая категорически отказывалась с ним работать в Академии. Этот единодушный фронт помешал Ерофееву занять пост начальника Клинического госпиталя. Это ему не удалось, несмотря на то, что начальник Академии его тащил всей своей мощью. Ко всему этому, подхалим непревзойденный, поставщик девочек для начальства; девочки преподносятся под видом массажисток.

Главный врач — полковник м/с Виталий Феофанович Груздев, известный под названиями «борода» и «святой». Сын священника — он унаследовал весь поповский облик. Длиннущую бороду, которой не хватает только рясы, чтобы начать произносить проповедь. Кристально честный, корректнейший, он меньше всего подходил для роли главного врача. Он всецело находился под пятой хама, начальника госпиталя. Тишайший комиссар, майор Макшанчиков как бы замыкал этот колоритный кружок.

Нам отвели две комнаты, в которых в момент нашего приезда стояли 8 кроватей. Светлые комнаты, теплота, с изумительным видом на город и окрестности. Гостиница, в которой был развернут госпиталь, была построена в 1937 году, стояла на горке. Это здание могло бы делать

честь любой столице. Наши комнаты были расположены в нервной клинике, правда, у самого края.

В этих комнатах мы прожили с 30-го декабря 1941-го года по 7-е августа 1944 года, т. е. 2 года 7 месяцев и 7 дней. Нашу жизнь в Кирове должен считать счастливой. Среди горя и сплошного несчастья, которые видели многие из эвакуированных, мы составляли счастливое исключение.

В том же этаже, где мы жили, располагалась и заведываемая мною госпитальная хирургическая клиника. Такое близкое расположение клиники давало мне возможность видеть больных не только по утрам, но и в продолжение всего дня и вечером. В моем положении редко встречается, чтобы профессор переходил на положение ординатора. Многое мне пришлось видеть глазами взрослого, что было более чем полезно.

Меня мало теребили, было много свободного времени. За эти два года я многое сделал. 1) Я сконструировал универсальный сосудистый компрессор. 2) Выработал новую технику свободной пересадки кожи. 3) Предложил новый остеопластический способ ампутации бедра. 4) Вариант операции для параличей *n. radialis*. Много оперировал...

В Кирове, в э/г 4017, мне пришлось вплотную подойти к легочной хирургии. Я удалил лично около 250 инородных тел из органов грудной клетки, оперировал 20 больных с торако-бронхиальными свищами, больных с диафрагмальными грыжами... и много других. В сумме это был плодотворнейший период моей жизни.

Два дня мы ехали до Ленинграда. Полоса пустыни, начиная с Волхова

и в особенности со злосчастной ст. Мга, со взятием которой немцы сомкнули кольцо блокады вокруг Ленинграда.

9.VIII. Вот Московский вокзал. Нас встречают Боба, Струков, Сурпина, Векшин, а главное, легковая машина и даже грузовик... Крепкие руки наших курсантов переносят наши многочисленные ящики, корзины, кулечки... Наконец мы дома, чистая квартира, сохранение которой в неприкосновенности целиком заслуга Иры.

Счастье! Починен водопровод, можно пользоваться ванной, уборной. Правда, в ванной течет только горячая вода и почти не течет холодная, но об этой мелочи можно говорить только с улыбкой, не хватает двух больших оконных стекол. И это все разрушения в нашей квартире, в то время как тысячи граждан лишены всего!

10.VIII. Я в «Скорой», в клинике, среди товарищей, друзей.

11.VIII. Я в клинике ВММА.

12.VIII. На этом счастливом фоне меня только беспокоят камни, которые я выделяю почти ежедневно в количестве 3–4, а иногда и больше камешек. Сегодня раздражение в уретре. Выделился наиболее крупный камень диаметром около 2–3 мм серого цвета, с неровной поверхностью; после выделения еще двух камней красного цвета боли сразу утихли.

13.VIII. День рождения Нины, ей 60 лет; она очень хорошо сохранилась, ей совершенно не дать ее возраста. Вечером гости, Эмилия Никифоровна с Григорием Степановичем, Зинаида Васильевна, София Брониславовна, Мария Григорьевна. Приятно провели вечер среди друзей.

14.VIII. Сегодня не выделялись камни + нет кровотечения.

Жоржик обвиняет Нину в том, что якобы она обижает Веру. Мои откровенные разговоры об их поступках.

11.VIII. От Fi Fi получил документ, характеризует его в полной мере. Трудно передать содержание. Хочу сохранить для потомства.

Я сдал начальнику Академии отчет Госпитальной хирургической клиники за 1943 год.

В плохом состоянии находится здоровье Оси. Выраженный склероз мозговых сосудов, <нрзб.> автоматизм, с трудом поднимает ногу, тащит по полу. Одутловатость, которая наблюдалась в прошлый мой визит, в значительной степени спала, однако явно заметна. Интерес ко всему окружающему в значительной степени понижен.

Сегодня, после возвращения в первый раз подробно разбирал в клинике нескольких больных. Прекрасно выглядит Хлопонина, которая только что вернулась из отпуска.

Осю рвет, рвота продолжалась целый день. Трудно сказать, идет ли дело об отравлении, глистном поражении или рвоте мозгового характера. В голове туман, падает в пропасть. Стоит с трудом, едва волочит ногами.

16.VIII. Состояние Оси лучше, но с трудом стоит на ногах.

17.VIII. В ограниченном кругу Грушкин¹, я, Степанова, Будзинская и Каменчик решили в институте на переходное время наладить восстановительную хирургию.

С Грушкиным ездим в горздрав защищать штаты института.

1 А. Р. Грушкин, директор Института скорой помощи с 1935 по 1950 гг.

С Грушкиным ездили к Верховскому с предложением придать Институту скорой профиль госпиталя, где будет идти работа по восстановительной хирургии. Он дал согласие.

Вечером сообщают, что войска союзников взяли Шартр и Орлеан. Высадившиеся на юге Франции войска быстро двигаются вперед.

18.VIII. Перед сном позыв к мочеиспусканию. Обнаружил свежее кровотечение из пузыря, кровь алая, смешанная с мочой, около $\frac{1}{2}$ стакана. Кровотечение скоро прекратилось.

19.VIII. По-видимому, ночью кровотечения не было, не приходилось ночью вставать мочиться. Не было и уретроррагии. Моча из пузыря темная с примесью разложившейся крови. По-видимому, нового кровотечения нет. Кровотечение в полном смысле слова самопроизвольное. Не ездил на машине, единственное отклонение от повседневного режима — это купался вечером 17-го. Более года утром мочевой пузырь не удается опорожнить сразу. После мочеиспускания утреннего минут через 10–15 приходится снова мочиться, после чего все входит в норму. Мало-помалу исчезают остатки вчерашнего кровотечения. До вечера первые капли мочи еще окрашены темной, явно разложившейся кровью. К вечеру моча совершенно прозрачна, чиста от крови.

20.VIII. С утра некоторые затруднения с мочеиспусканием. Первые порции мочи содержат немного свежей крови; последующие порции быстро очистились. Последующие мочеиспускания — крови в моче нет. Как-то даже неудобно писать в такой момент о себе, но ничего не поделаешь.

По-видимому, хотя и подсознательно, но мозг все время возвращается к вопросу о здоровье. Появление кровотечения всегда на несколько дней выбивает из колеи, затем об этом забываешь. Давно не выделялись камни. Сегодня выделилась одна круглая, гладкая, плотная песчинка.

Приходил сначала Анатолий Степанович Костенецкий. Просится в Морскую академию. Уверяет, что он стал очень ученым человеком, чему очень и очень трудно поверить, зная его прошедшее и видя его настоящее. Вечером пришел Борис Николаевич Постников, просится туда же. По-видимому, война действительно подходит к концу, все начинают думать, как бы устроить свою судьбу после войны.

21.VIII. Впервые после возвращения сделал подробный осмотр больных в госпитальной хирургической клинике 1 ЛМИ. Вопрос о возвращении Стучинского в клинику. За и против.

22.VIII. В «Скорой» рекомендовал собирать больных с аневризмами, язвами.

Началось наше наступление на Румынию.

23.VIII. *Впервые после возвращения оперировал в клинике 1 ЛМИ.* Убогая обстановка, нет марли, белья, кетгута, перчаток. Отсутствует всякая дисциплина. Одну больную оперировал по поводу смешанной опухоли околоушной железы; вторую по поводу рака слепой кишки, которая может оказаться гиперпластической формой хронического аппендицита.

Был у главного врача. Плановый болван!! Говорил с Виноградовым. Обещал марлю.

24.VIII. Из Москвы приходят нерадостные вести относительно перевода Академии в Ленинград. Мы попали в общую кашу, когда никому не разрешают приезд. Звонил Лоухин, говорит, что звонил Иванов, просит немедленно выехать в Москву; то же по телеграфу просит Кудинов.

25.VIII. «Стрелой» выезжаю в Москву. «Стрела» уходит в 5 часов вечера и приходит в Москву в 11 ч. утра.

26.VIII. Меня встречает Алексей Иванович. Остановился в номере, занимаемом А.И., который возвращается сегодня в Ленинград. Номер грязный. Пришла Мери Иоселиани. Она рассказывает много интересного и очень отрицательно отзывается о чете Петровых. Евгения Ивановна (администратор гостиницы «Националь») позвонила и сказала, что есть номер (вот до чего дошло!!). С четой Петровых и Мери перенесли мои небольшие пожитки. Петров просит посмотреть и исправить его «коленный сустав».

27.VIII. Целый день исправлял «Лечение огнестрельных поражений коленного сустава». Первая часть написана плохо, вторая хорошо. Татьяна Сергеевна, которая торопит мужа с изданием его произведения, мне рассказала о «мозговых явлениях, наблюдавшихся у Сергея Сергеевича Юдина, заехал на машине не туда, потерял ориентировку, путаная речь». Это продолжалось $\frac{1}{2}$ часа. Уговоры не оперировать и не ехать на фронт не помогли.

28.VIII. Мери рассказала, что Петров в институте держит себя надменно и что его «насквозь полковника» врачи встретили плохо. Она мне устроила свидание

с генералом Мамуловым, помощником Берия, с которым собираюсь говорить об Академии.

Два раза виделся с Two-Fl. Так же глуп и самовлюблен.

29.VIII. Утром меня принял Мамулов: любезен. Мы опоздали, но обещает меня свести с Берия. Позже выяснилось, что этого сделать нельзя. Обещает, что поможет. Выезжаю со «стрелой» обратно. Стоят чудесные дни.

30.VIII. На вокзале меня встретили Алексей Иванович и Боба. Сижу дома, пишу «Историю свободной пересадки кожи в России».

31.VIII. Был в «Скорой», видел несколько больных, один с вертикальным разрывом recti и сфинктером. Был в ремонтируемой клинике; мерзость запустения; ничего не делается, боюсь, что в эту зиму ничего не сделают. Вернул Елизавете Семеновне Драчинской часть ее диссертации.

За последнее время явления со стороны простаты лучше; уже несколько дней не отходили камни; последнее кровотечение было 18.VIII.

1.IX. Идет сильный дождь, темный, темный день.

3.IX. С утра и целый день ходят, с утра Вилькер, затем Чирковские, Финкельштейн, обедал Семен Семенович Гирголав.

Война быстро идет к развязке. Союзники взяли Шарлеруа, Мобеж, Намюр... Финны через Стокгольм официально запросили мир!!

5.IX. События разворачиваются с головокружительной быстротой. Утром прекратились военные действия с Финлян-

дией. Вечером мы объявили войну Болгарии, союзники взяли Антверпен... Но нервы так притупились, что мало на все это реагируешь, правильнее говоря, все воспринимается как должное.

Опять посыпался мелкий, красный песочек, выделилось несколько более крупных камешков.

В первый раз после возвращения оперировал в институте «Скорой»; удалял инородное тело из легкого и наложил *anus praeternaturalis* по своему способу.

6.IX. Звонил по ВЧ в Москву Мамулову по поводу Академии. Пока ничего радостного. Уехал начальник Академии в Киров.

11.IX. Был у зам. начальника Академии по поводу Жоржа.

13.IX. Началась конференция РСФСР по вопросу о лечении гипертонии.

16.IX. Обед делегатов у председателя исполкома Попкова. Говорили Попков, Бадаев, Третьяков, Семашко,

я. Рейнберг обещал честным словом, что в 1 ЛМИ он кроме Рохлина никого не пустит. Не знаю, сдержит ли слово! Попков и Бадаев обещали приехать в Академию 20.IX.

14.IX. Вечером ездил с полковником Демидовым в Марие, где лежит его жена Вера Владимировна Шарутина, которая разбила себе лоб, по-видимому, перелом черепа и основания. Холодно. Открытый «Виллис». Поездка заняла $4\frac{1}{2}$ часа. Сильно растрясло. Немного крови в моче.

15.IX. Сильное раздражение со стороны уретры. Крови нет.

14.IX. Ассистировал И.П. Виноградову на операции доктора Павла Григорьевича Шабунова. Абсцесс селезенки.

20.IX. Заседание Хирургического общества Пирогова. Ничего интересного.

21.IX. Ремонт в клинике не подвигается. Обещают дать на работу военнопленных. Пусть чинят, что погубили.

23.IX. Не удалось уехать, приходится ждать Алексея Ивановича.

Госэкзамен в ЛМИ, Ленинград, 1941 г.

С группой выпускного курса. Ленинград, 14 июня 1941 г.

Ю.Ю. Джанелидзе и Г.А. Зедгенидзе, г. Киров, 1944 г.

*На обратной стороне подпись:
Дорогим Жоржику и Вере. Папа. Ташкент
7 XII. 1942. Снят в Тбилиси 12 VII 1942 г.*

1944 г.

1944 г.

19 мая 1943 г., Москва

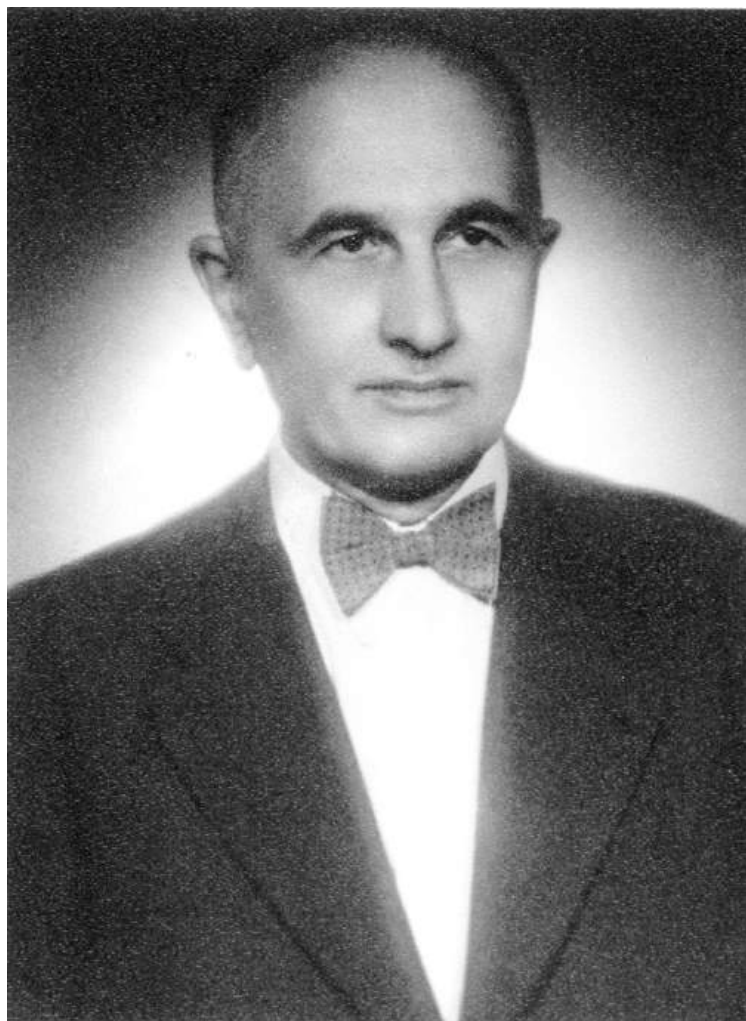
Киров, Нервная клиника, 1944 г.

1944 г.

1944 г.

8 августа 1945 г.

*Юстин Юлианович Джанелидзе
в разные годы жизни*

1948-1949 зз.

ДНЕВНИК

№ 6

**Начат 23 сентября 1944 г.
Окончен 31 марта 1945 г.**

23.IX. Кажется, в конце концов вопрос с перебазированием ВММА получил разрешение. Звонил из Москвы начальник Академии и сообщил, что 5, 4 и 3 курсы остаются в Ленинграде, а 1 и 2-й в Кирове. Это решение хотя и не идеальное, но вполне приемлемое. Одновременно с этим начальник убедительно просил, чтобы я не уезжал в Москву и дождался его приезда. Не знаю, в чем дело. Отсюда вытекает, что я, безусловно, опаздываю на открытие пленума...

24.IX. Приехал Алексей Иванович и вместе с Борисом Константиновичем пришли ко мне. Он мне рассказал, что решение относительно оставления трех курсов принято наркомом ВМФ, как видно, согласовано с ленинградскими партийными организациями. Расспросил меня относительно желания Попкова посетить Академию. Он не был бы, по-видимому, в восторге, если бы в его отсутствие Попков посетил Академию, как же так в отсутствие начальника да высокие гости. Мелко, не по-деловому все они подходят к делу. А вот почему он заставил меня ждать, это для меня осталось совершенно неясно. Думаю, что этого он и сам не знает!!

Выезжаем «стрелой». С нами в Москву возвращается главный терапевт Красной Армии Мирон Семенович Вовси.

25.IX. Ровно в 11 ч. «стрела» подходит к вокзалу. К счастью, догадались, и машина Андреева меня ждала. Через 10 минут я был в зале заседания. Еще в продолжение полутора часов я слушал речь Fi-Fi. Обычные данные, повторяемые, слава богу, вот уже третий год.

Заседания проходят в Клубе ВМФ на Пушечной. Народу мало, и даже в первый день в небольшом зале масса пустых мест. Самое главное не в этом. Нет у этого собрания тонуса, нет жизни. Даже, казалось, такой доклад, как «Характеристика боевых действий авиации за три года Отечественной войны» генерал-майора авиации Ежова располагал ко сну. Дальнейшее шло в том же духе. То, что интересуется подводников, не интересуется летчиков, и наоборот. Бессмысленно созывать такие винегретные не то съезды, не то конференции, не то черт знает что...

26.IX. Заседание проходит, как 25-го, то, что интересуется одних, не занимает других. Заседание идет само собой. Никто им не руководит, говорят кто сколько хочет, неудивительно, что к концу заседания остается четыре незаслушанных доклада.

27.IX. Ввиду того что вчера остались четыре незаслушанных доклада, то весь распорядок сегодняшнего дня летит. Пришедшие слушать меня Цулукидзе, Левит, Гориневская, уходят: они заняты в другом месте. Вместо 11 час. 20 мин я начинаю свой доклад в два часа. Зал наполовину пуст. Кого интересуется моя «Пересадка кожи»? Ее поймут Лимберг, Рауер, Михельсон, ну еще два-три, остальные сидят по приказу. Читать перед такой аудиторией скука. Доклад хороший, но меня самого тошнит. Председатель в этих вопросах совершенно ничего не смыслит, поэтому все его резюме ограничиваются словами кислой благодарности. Но зато когда он говорит о том, сколько нужно стоматологов на флоте, он обретает дар речи. Зря и бестактно разругал молодого стоматолога Волкова из Геленджика.

Нудно окончился день административным заседанием. Там я поставил вопрос о необходимости уточнения даты следующего пленума. Согласились на конец ноября 1945 года. Второй вопрос, который я выношу на обсуждение, — это вопрос о характере наших пленумов. Большинство согласно. Что как это проходит в настоящее время, — это не годится.

28.IX. Обсуждается вопрос о названии. Докладывает Орбели о современном представлении о боли, который раз, это хорошая лекция, но не доклад, а кто ему может возразить, не Быков же. Прекрасный доклад делает Акорин, хороший — Галкин, вместо заболевшего Триумфова его доклад читает какой-то Злотник — плохо!

Fi-Fi чувствует, что ему не выкрутиться с председательского резюме, подговаривает В.Н. Шевкуненко, но тот не дурак — смывается. Не знаю, как выкрутился Фи-Фи, полагаю, что так же, как и на пересадке кожи отделался благодарностью.

В 14 часов я должен был ехать за город вместе с Ремизовым смотреть брата Ивана Васильевича Рогова, который лежит в шести километрах от города в туберкулезном санатории. Перед тем как уехать в 13 ч. 40 мин пошел помочиться, увидел, что началось очередное кровотечение из пузыря, но так как кровотечение было незначительное, то я решил им пренебречь.

Поехали с Ремизовым на хорошей машине «Opel», да и дорога на большом своем протяжении асфальтирована. Посмотрел тяжелого больного с двухсторонним туберкулезным кавернозным процессом, которого, конечно, ни в ка-

кую Ялту возить не следует. На обратном пути я уже чувствовал, что штаны промокают кровью, но что было делать.

Заехал к Рогову, высказал ему свое мнение, просил за Галкина, за Академию и зашел к Ивану Степановичу, с которым всегда интересно поговорить. Пошел обедать на Пушечную, но досидеть до конца обеда не мог. Появились сильные боли и кровотечение. Пошел домой. Решил, что на пятчасовое заседание я не попаду, но пойду в 7 часов.

Однако в 6 часов кровотечение приняло такие размеры, что пришлось мочиться через каждую минуту, при этом с колоссальным трудом удавалось выдавить 5–10 куб. свежей крови. Но проходила минута, и мучения начинались снова. Я весь был покрыт холодным потом. Тогда я решил, что без экстренной посторонней помощи мне не обойтись. Позвонил в приемный покой Морского госпиталя. Сказал, что в качестве больного приедет главный хирург флота. Мне какая-то докторша ответила, что «у них все полно».

Тогда я позвонил Фронштейну, но не мог дозвониться. Написал записку на заседание Рабиновичу, Галкину или Андрееву, где я писал, что мне плохо, просил прислать машину и прийти. Послать записку оказалось делом нелегким. Три раза она возвращалась. А мое положение становилось воистину трагическим. Я уже не мог ни лежать, ни сидеть, а бегал из угла в угол, без штанов в окровавленной рубашке в ярко освещенной комнате и ждал помощи. Наконец прискакали Б.К. Рабинович и проф. Мясников, приехали на «виллисе», на этом трястись мне не хотелось. Поэтому Мясников уехал

за другой машиной. Пока он обернулся, мое положение стало еще более невыносимым. Пузырь переполнился кровью, и я его опорожнить не мог. Ежеминутные спазмы, где наряду с пузырем вовлекались промежность и прямая кишка. Я помнил, что клиника Фронштейна располагается в 3-м этаже клиники Герцена, туда мы и направились. По дороге мне было дурно, все тело и в особенности голова и лицо было покрыто холодным потом. По-видимому, чтобы доконать меня, Zubovskaya площадь оказалась заполненной грузовиками, и пришлось ждать. Все затемнено на Девичьем поле. Наконец мы у клиники Герцена. Выскакивает Мясников искать клинику Фронштейна, вылезает и я и мочусь кровью возле какого-то забора. Ночью этого не видел даже милиционер. Чувствую себя опять очень плохо. Китель расстегнут, я весь в поту. Прибегает Мясников и говорит, что клиника Фронштейна не здесь и необходимо ехать в приемный покой. Я уже не сажусь с шофером, а ложусь сзади.

Мы в приемном покое. Меня ведут под руки. Какая-то мегера говорит, что здесь военный госпиталь, а клиника Фронштейна в другом месте, но вы его не найдете, дает в провожатые санитарку. Я выхожу на улицу и снова мочусь кровью у какого-то забора. Поехали. Наконец мы у обетованного дома. Выбегает Мясников и говорит, что меня понесут на носилках. Я соглашаюсь. Много я видел в жизни носилок, но таких не видал. Понесли бабы. Помогали Мясников и Боря. Дотащили. Внесли в перевязочную. Появилась средних лет докторша, как потом выяснилось, Людмила Николаевна По-

гожева, 35 лет, имеет семилетнюю дочь, муж на фронте. Окончила 3-й медицинский институт в Москве в 1937 году, в 1941 году — аспирантуру у Фронштейна.

Меня раздели и положили на стол. Она попробовала пройти Ненатовским катетером, но пройти не удалось. Сравнительно легко она прошла катетером MERCIER № 16. Выпускает сплошную кровь. Через минут десять я рассказывал анекдоты, пока она бесконечно отмывала кровь. Но дочиста отмыть не могла.

Решили меня положить в палату с пятью другими, но Боба запротестовал и просил, чтобы меня устроили в кабинете профессора, что и было сделано. Хорошая сетчатая кровать. Приходится вставать каждые 15 минут точно по часам. С большим трудом удается выдавить несколько капель кровянистой слизи. Мочиться не могу. Дотерпел до половины второго, тогда разбудил докторшу, попросил выпустить мочу и промыть холодной водой. Опять сплошная кровь.

На кровати опять та же картина, вздремну, а затем необходимо вскочить из-за тенеэмов, удается отдавить несколько капель кровянистой слизи, опять вздремну, и затем опять та же музыка. Дотерпел до половины шестого, когда снова попросил выпустить мне мочу и оставить катетер. С этого момента я ожил. Заснул. Спал несколько часов.

Утром пришел профессор клиники Иосиф Моисеевич Эпштейн. Он посмотрел меня *per rectum*, нашел, что *prostate* большая, эластичная, с четкими границами и что гипертрофия никаких сомнений не вызывает. Промыл мне пузырь. Ввел новый катетер, заграничный. Прилади-

ли опять... Бедный Боба, который неизвестно за что страдает, поехал на машине за Фронштейном.

Приехал Fi-Fi. Любезен. Из трех вариантов: лежать здесь, в Кремлевке или в Морском госпитале — мне больше всего улыбается Морской госпиталь. Во-первых, я у себя дома, а во-вторых, если приедет Нина, то она сможет быть со мной. Fi-Fi со мной вполне согласен. Приезжал Сергей Сергеевич Юдин и выражал недовольство, почему я не поехал в институт Склифосовского и к нему, ведь простатэктомия делают и общие хирурги. Он говорит об эндовезикальном пути, об американских инструментах. Слушаю, понимаю, но до меня не доходят его речи.

Затем приезжали Александр Петрович Цулукидзе, НКЗ Хелидзе, Ремезов, Петров, Мясников. Одним из первых пришел даже... Лепукалн!!

Наконец под вечер приехал Рихард Михайлович Фронштейн. Вид барина, ему 63 года, медлительный, исключительно любезный. Расспрашивает детально, внимательно. Согласен со мной, что во многом это укладывается с картиной гипертрофии простаты, но кроме того, должно быть еще что-либо, не может исключить папилломы, а потому очень бы хотел до цистостомии сделать цистоскопию. Он мне меняет катетер, промывает пузырь, налаживает катетер и предлагает в случае надобности ночью промывать пузырь. Пузырь промывали в 10, в 2 часа ночи и в 7.30 утра. Ввиду того что сгустки закупоривали катетер, то я попросил дежурного врача отсосать, при этом пошла масса сгустков.

30.IX. Пузырь удалось отмыть вплоть до чистой воды. Пришел Александр Петрович. Выслушав меня, Фронштейн мне сказал, что он решил меня цистоскопировать, на что я с готовностью согласился.

Анестезия. Цистоскопирует артистически. Вдруг он кричит: «Ой, ой! Все поле зрения полно камней! Я даже не могу сосчитать, сколько их...» Папиллом и других опухолей нет, в одном месте, по-видимому, где было ранение пузыря, — небольшие грануляции. За ним в цистоскоп смотрели Александр Петрович, Эпштейн, Боба, Погожева, и все мне делали больно, только когда цистоскопировал сам Рихард Михайлович, я не чувствовал боли.

По окончании цистоскопии мы пошли к нему в кабинет, и он сделал следующее заключение: «Незначительные явления цистита, смазаны сосуды и чуть расширены, едва намечающийся трабекулярный пузырь и то в одном месте. Средняя доля простаты немного в виде клюва вдается в пузырь, простата увеличена преимущественно в сторону прямой кишки, камни, по-видимому, вторичные и не идут из почек, а образовались на месте...» Простата не таких размеров, чтобы из-за нее сейчас стоило что-либо предпринимать. Поэтому он предлагает провести в понедельник литотрипсию. На предложение Александра Петровича — не провести ли вазэктомию, он отвечает, что этого пока делать не стоит, с чем я вполне соглашаюсь. Меня оставляют без катетера, и мне предложено мочиться самостоятельно. Если бы это не удалось, то рекомендовано лучше повторное

выпускание мочи, чем катетер а/Deutsche, с чем я тоже не мог не согласиться с большим удовольствием, ибо лежать мокрым в кровати удовольствия мало. Вскоре я сам помочился, сначала со сгустками крови, а затем все легче и легче. Остается частое и болезненное мочеиспускание, но после всего того, что было в эти дни с моей уретрой и пузырем, жаловаться не приходится.

Приходили навещать меня Костя Рабинович и Мери Иоселиани. Завтра приказано промыть пузырь и на послезавтра готовиться к литотрипсии.

1.X. Ночью мочился каждые полчаса. Температура с утра нормальная, днем себя чувствую хорошо. Готовлюсь к литотрипсии завтра. Вечером температура 37,4, чуть болезненный лимфатический узел в правом паху. Приходило масса народу. Приехал Fi-Fi с женой, которая принесла массу винограду, Мери к этому добавила яблоки и персики.

2.X. Ночью было очень плохо. Пришлось тужиться каждые 5–10 минут. Пузырь не опорожняется. В 5 часов утра Михальченко выпустил мне 500 мл мочи и промыл пузырь. По моей просьбе в пузыре после промывания оставлено 25 мл 1% раствора новокаина. Это немного облегчает болевые ощущения. После этого я заснул как убитый и спал почти до 11.30 утра. Встаю с головной болью, чувствую себя плохо. Температура 38,2, ужасная разбитость.

С большим трудом удается раздобыть машину, чтобы привезти из Болтево проф. Фронштейна. В то время как вчера сидел почти весь день, сегодня весь день лежу. Пришел Александр Петро-

вич, который сидит со мной в продолжение нескольких часов. Фронштейн заявил, во-первых, что ввиду температуры сегодня ничего делать не будет, и вообще, при данных условиях, предпочел бы сделать цистостомию, с чем мне остается согласиться. Окончательно этот вопрос он решит завтра.

Пузырь совершенно парезирован. С трудом выпустили 5–10 куб. см. мочи. Я вздохнул свободно. В 16 часов меня Боба бреет и готовит к операции. От ванны пришлось отказаться. Она в другом этаже. Лейкоциты 10 000, азот в крови — 31 (норма 19–40). Как все эти процедуры, вроде очистительной клизмы, неприятны. Целый день ничего не ел. Абсолютно ничего не хочется есть. Трудно себе представить расхлябанность персонала. Глухие и полуслепые сестры, неряшливый врач. Один только шеф покрывает всех.

3.X. В 12 часов вечера выпустили 400 куб. см. мочи и промыли пузырь. Ночью просыпался через час. Мочусь с трудом — по 20–30 куб. см. Для этого мне приходится принимать самые различные положения, то на правом, то на левом боку. Лучшее всего удается мочиться при положении на спине.

Вчера Синенко прислал белье и пижаму. Я с удовольствием сбросил с себя разбойничье одеяние, в которое был облачен. По крайней мере, на себя не тошно смотреть.

С 30-го шли дожди и пахло настоящей осенью. Сегодня чудесный солнечный день, однако золотые листья и голые ветви не оставляют сомнения, что осень вступила в свои права.

10 ч. Пришел Эпштейн. Пощупал пульс, посмотрел мочу и сказал, что, по его мнению, больше показано *sectio alta*. Если даже мне раздробят камни, то они появятся снова, и я превращаюсь в хронического урологического больного. Поэтому, по его мнению, следует сегодня сделать *sectio*, выждать две недели, и сделать простатэктомию. Все это логично и на это я пойду с удовольствием. Лучше идти на операцию с нормальными почками и пузырем, чем когда все это превратится в труху. В этом же направлении буду вести разговор с Рихардом Михайловичем.

С того момента, как Юдин узнал, что мне нет необходимости вырезать желудок, я для него потерял всякий интерес. Едва ли он хотя бы один раз обо мне справился.

В 13.30 пришел Фронштейн, который, посмотрев меня, сказал, что при наличии высокой температуры он не решается сделать мне литотрипсию, а решил сделать *sectio alta*. Что же касается второго момента операции и простатэктомии, то он этот вопрос решит в зависимости от тех изменений, которые он найдет в пузыре. Пока об этом говорить не стоит. Операцию он намерен провести или под местным обезболиванием, или под спинномозговой анестезией. Со всеми его предложениями я соглашаюсь, за исключением спинномозговой анестезии. Обидно портить такой чудесный день болезненной операцией, но... другого выхода нет!

Перед уходом Фронштейн меня спрашивает, приду ли я сам в операционную или меня надо привезти. Я отвечаю, поскольку я буду под морфием, меня сле-

довало бы привезти. Сам думаю: удивительно, что некоторые профессора этого не знают. 2 шприца пантопона не оказали на меня ровно никакого влияния — ни хорошего, ни плохого, я не только не спал, но ни в какой мере даже не дремал.

В 14 час. 15 мин меня вкатывают в операционную. Кроме профессора и ассистентов в операционной присутствуют профессора: Цулукидзе, Андреев, Левит, Петров и Боба.

Мне хотят закрыть глаза, я прошу этого не делать. Неизвестно почему профессор становится по правую руку. Колют в четырех местах, чтобы... закрепить белье, а никто не подумает, что после операции все это будет болеть.

Добросовестно вымазали весь живот. Потом в уретру, которая за эти дни так наболела и гнойно кровоточит, катетер вводят без всякой анестезии. Мне не хочется раздражать хирурга перед началом операции, и не прошу анестезии уретры. Анестезирует он плохо, бессистемно. Результаты не замедлили сказаться во время операции. Однако разрез кожи был совершен безболезненный. Катетер, введенный в пузырь (металлический), грубо и сильно упирают в переднюю стенку пузыря. Это вызывает жесточайшие боли и спазмы в пузыре, но мне отвечают, что это так надо.

Подушки, подложенные под голову, обтянуты скользкой клеенкой и ввиду наклонного положения операционного стола несколько раз выскакивали из-под головы. Если бы кто знал, до чего все это раздражает!

За все время операции постоянно вскакивают с распущенными волосами

санитарки. Никому и в голову ведь не придет запереть дверь, а до чего выводит из себя эта толчея!

Шаг за шагом режут подкожную клетчатку, тянут прямые мышцы, и как это больно.

Момент вскрытия пузыря вызывает невыносимые боли, которые достигли своего апогея в момент обследования дна пузыря и удаления камней. Диалог «невыносимо больной»: «Голубчик, мы сейчас кончим, другого выхода нет». Думаю, что все же с «голубчиком» так не поступают!

В 14.30 большие часы на стене, по-видимому, чтобы привлечь мое внимание, отзванивают все 12. Понятие о порядке, чистоте и, по-видимому, и о времени, в этом доме отсутствуют.

Было удалено 49 камней диаметром от 2 мм до 5 мм в диаметре. Почти все камни круглой формы, как бы отполированы. Приладили катетер Ferrerd, который не был фиксирован, что впоследствии заставило меня много и ненужным способом страдать. Оставлен около катетера небольшой выпускник.

После операции Людмила Николаевна наладила отвратительную повязку, которая также немало меня измучила. Приблизительно часа через 3–4 после операции операционные боли стали утихать. Однако, по-видимому, конец катетера введен очень глубоко, и это вызывает почти постоянные спазмолитические боли в пузыре. С трудом дотянул до вечера и даже не пытался спать до 12 часов ночи.

4.X. Спал без снотворных, просыпался через каждые полтора часа. Болит

все: и место операции, уретра, вся промежность и весь пузырь. Вместо бутылки конец резиновой трубки соединили с уткой. Но самое главное, облегчение мне доставила фиксация катетера с помощью ниток по предложенному мной способу (рисунок!). Нитки закрепляли липким пластырем.

Общая невероятная слабость. Полное отсутствие аппетита. Ничего не ел за весь день. Пью довольно много.

5.X. Общее состояние лучше. Сил больше. После обеда даже сидел. Промыли пузырь риванолом. Диетсестра привезла обед из Морского госпиталя и сама меня кормит. Куриный бульон, котлеты, соленые огурцы — просто прелесть.

Через 48 часов после операции чувствую себя прекрасно. Пытаюсь ходить. Если температура и завтра будет в пределах нормы, как это было сегодня, то постараюсь отсюда уехать.

Вечером около 12 часов вдруг стала, по-видимому, не отходить моча. Опять картина острой непроходимости. Мне дурно, я опять покрыт холодным потом. Прошу вызвать дежурного врача. Приходит олух Михайличенко. Я прошу его немедленно промыть мне пузырь. Но разве такой олух понимает, что значит слово «немедленно».

В конце концов промывает пузырь, вылетает сгусток крови. По-видимому, он и засорил канал. Я настолько измучен, изнурен, что прошу мне сделать инъекцию морфия. Я засыпаю. Просыпаюсь в два часа ночи и дальше сплю с перерывами.

6.X. Просыпаюсь в 8 час. 30 мин. Никто ко мне не заглядывает. В конце концов я начинаю стучать сначала ку-

лаком, потом почкообразным тазиком по столу. Все напрасно. Я встаю. В руках у меня катетер и трубка, приоткрываю дверь и прошу, чтобы хоть кто ко мне пришел.

Глухослепая сестра приходит, ее ничто не трогает, ни мои упреки, ни мои увещания, у нее все в прошлом, ее будущее ей также совершенно ясно.

Я окончательно решаю сегодня уехать. Мне промывают пузырь. Общее состояние хорошее, спал больше, но я больше раздражен. Рихард Михайлович дает разрешение, и в 4 часа дня мы на машине, присланной А.С. Пучковым, уезжаем в Морской госпиталь. По дороге пришлось менять шину.

Поместили меня в маленькой комнате около 15 квадратных метров. Она свежеевыкрашена. Прекрасная мягкая кровать. Масса внимания. Уход. Прекрасно кормят. Единственный минус — небольшие размеры комнаты, но с этим можно мириться.

Чувствую себя настолько хорошо, что решил воспользоваться уборной. Перепуганная сестра меня спрашивает: «Зачем вам уборная?» Я иду и испытываю счастье, что мне больше не нужно громоздиться на судно. Засыпаю без морфия. Бобу приспособил для промывания пузыря. Сходил в гости к профессору Львову, который лежит в соседней комнате. Он выглядит вполне прилично.

7.X. Самочувствие прекрасное. Свищ начинает пропускать мочу. Приехал Эпштейн, сменил повязку. Большую часть дня на ногах. Аппетит прекрасный. Боба моет пузырь. Как было бы хорошо, если бы на этом кончились мои мытарства!!

Приходил Алымов. Хорош мужик. Принес инструкции по применению пенициллина, предлагает промывать пузырь... Пусть моет себе сам.

Юдин обо мне даже ни разу не справлялся, не только что не приезжал. Вчера приезжал Владимир Семенович. Не исключена возможность, что в ближайшие дни приедет Нина. Это, конечно, приятно, но сколько это должно доставить ей хлопот!!

8.X. Ночь спал сносно. Беда только, что между брюшной стенкой и катетером протекает моча, и я часто бываю мокрым. Мало-помалу превратился в мочевика. Решил сегодня на ночь не соединять катетер с трубкой, а повторно выпустить мочу. Не знаю, что из этой затеи у меня выйдет.

Самочувствие хорошее. Пузырь вмещает 125 куб. см. Резко уменьшились болезненные ощущения со стороны мочевого пузыря. Из уретры гнойное отделяемое почти совершенно прекратилось. Аппетит лучше. Если бы не мокрота, то все было бы ничего! Приходили Татьяна Сергеевна, Борис Александрович и Александр Петрович. Т.С. принесла много журналов от Рафа Карповича. Хоть это удовольствие можно иметь здесь.

Под вечер приехал Сергей Сергеевич. Все же вспомнил. Забавен. Рекламен. Пришла Мери, сообщила, что вчера звонилась Нине Юльевне, которая ей сказала, что сегодня выезжает в Москву. Это, конечно, хорошо, но это имеет много «но». Моя комнатка едва ли приспособлена для жизни двух. Да и госпиталь перегружать своей персоной неудобно. Я, Нина, Боба... Слишком много.

Машин нет. Завтра, в лучшем случае, сможем отправить на вокзал санитарку, и то в лучшем случае!!

9.X. Утром пришел Федор Иванович — начальник госпиталя. Он посмотрел мою комнату, нашел, что она слишком мала. Спросил, не запротестую ли я, если он присоединит ко мне соседнюю палату? Разумеется, я не протестовал. После того как открыли дверь, у меня две комнаты. Кровать Нины и почти все вещи, за исключением моей кровати, перенесли в соседнюю комнату. Стало просторно.

Нина приехала вовремя. Борис Константинович ее встречал на «санитарке». Бедная Нина от моей болезни извелась, исхудала. Довольна, что приехала, доволен и я. Ее зачислили в качестве больной. Кормят нас великолепно, как в лучшем санатории.

Вечером зашел ко мне адмирал Исаков, который находился в госпитале по поводу оформления его отъезда на юг. Как всегда, интересен. Говорил я с ним и по поводу Жоржика и моего желания, чтобы он перешел на одну из теоретических кафедр механики в одно из высших учебных заведений флота. Сидел довольно долго Федор Федорович.

10.X. Приехал Фронштейн. Нашел, что все идет более чем нормально, и решил удалить катетер Pezzer'a. Я счастлив, я полагал, что сия прелесть будет оставлена в моем чреве еще на несколько дней. В катетер был введен маточный зонд, натянут и вынут. Это достаточно больно, но выносимо. На месте катетера осталась дыра, через которую легко может пролезть указательный палец. Снял швы, за исключением трех, которые снимут завтра.

Приходил адмирал Левченко вместе с Андреевым, их сопровождала большая свита. Просил я его насчет клиники.

Приходил Алексей Иванович. Татьяна Сергеевна нашла и принесла мне портрет хирурга Н.Д. Кузнецова, который в России первым сделал пересадку всей толщи кожи.

Безбожно протекаю. Нормальным путем ничего не идет. Я весь мокрый. Мокрота раздражает. У меня нашли всего 60% гемоглобина при 4,5 красных кровяных шариках...

11.X. Прохожу, пожалуй, самый тяжелый момент послеоперационного периода. Насильственное «вырывание» катетера привело к расширению канала, куда свободно бы пролез палец. Разве удивительно, что вся моча выделяется через свищ. Я всю ночь почти не спал, лежал мокрый в мочевом компрессе.

К утру нервная система истощилась, меня все раздражает. Как о величайшем счастье, думаю о ванне. За 12 дней, как я купаюсь в собственной моче, кожа пропиталась мочой, появился характерный мочевого запах. От всего этого меня в значительной степени можно было бы избавить, если вместо Pezzer'a с луковицей мне наложили бы обыкновенный Witzol'евский свищ. Но люди очень шаблонны, они редко додумывают все детали до конца, а об удобстве или неудобстве больного думают меньше всего. Взял ванну. Ожил.

Приезжал Шейнин. Большие страдания вызывает кожа, которая на местах, где был закреплен липкий пластырь, слущилась. Обтирание этих мест спиртом вызывает жесточайшие боли. По-

сле обеда картина изменилась. Свищ, по-видимому, сузился, поэтому я лежу сухой. При натуживании из свища вытекает довольно чистая моча. Это уже огромный прогресс.

Вечером приводили профессора Сморова, не знаю, на кой предмет. Много видел истуканов и олухов, но такого не видал. Он меня не слушал, аскорбиновую прописал. Что-то болтал по поводу пиурии. Я сказал, а как же иначе, поскольку у меня в животе и в стенке пузыря гноящаяся рана. Больше молчал и мычал!

12.X. Вчера лег спать в 10 часов вечера. Просыпался в 12 ч., в 1.30, в 3 ч., в 4, в 6 и в 8 ч. Промокал два раза. В общем, спал вполне сносно. Сегодня с утра, к сожалению, промокаю больше, да и кожа более чувствительна.

13.X. Я бы назвал ночь переломной. Впервые с момента болезни спал по-человечески, с перерывами в 2–3 часа. Почти не промокал. С утра ощущение полного здоровья и силы. Прекрасное самочувствие. Промокаю мало. Ощущение, что с каждым часом свищ суживается. Однако нормальным путем еще не течет ни капли.

Приехал Фронштейн. Он находит, что все течет нормально, но его, по-видимому, беспокоит, что нормальным путем ничего не течет. Однако он и я находим, что катетер à clémeure пока ставить не стоит. Подождем до понедельника.

Счастливым моментом суток является время принятия ванны. Меняются ощущения, появляется бодрость. Резко улучшается состояние раны и кожи, которая почти перестала болеть. С утра через

свищ вышел небольшой камень диаметром около 2 мм. Не знаю, из прошлого ли урожая, который не собрали, или начало нового урожая.

10 ч. 40 мин. Только что сообщили о взятии Риги. Последняя столица возвращена нашей родине. Осталось, чтобы на нашей земле не оставалось ни одного мерзавца. Либава и Валдова падут в ближайшие дни.

Никогда Россия не играла такой роли в международных отношениях. В Москве находятся Черчилль и Иден, представители Польши — Миколайчик и Ко пожаловали в Москву. Сегодня-завтра Венгрия вынуждена будет выйти из войны. Одним словом, Москва держит в своих руках ключ международной политики!!

14.X. Ночь спал вполне сносно. Просыпался в 1 ч., в 3 ч. 30 мин, в 5 ч. 30 мин, и 8 ч. Свищ настолько сузился, что всю ночь лежал совершенно сухой, ни разу не пришлось менять компресс. Пузырь удерживает около 200 куб. см мочи. Появляются позывы к мочеиспусканию, но нормальным путем еще ничего не идет. При натуживании вся моча идет через свищ. В области раны и свища ощущения стягивания.

15.X. Ночь была аналогична предыдущей. Я лежал почти сухой. Приходится просыпаться через полтора-два часа. Вся моча идет через свищ. Днем часто и много промокаю. Кожа под влиянием мочи, соли сильно зудит и болит, что оказывает скверное влияние на настроение.

16.X. Ночь прошла, как и в предыдущие ночи. Просыпаюсь через 2 часа. Вся моча идет через свищ. Утром пришел Фронштейн. Он нашел, что все идет

нормально. Но его, во-первых, не удовлетворяет течение раны, которая совершенно атонична и на которой совершенно нет грануляций. Это видно и мне, к тому же края раны синюшны, как при авитаминозе. Кроме того, он недоволен, что я совершенно не мочусь нормальным путем. При исследовании *per rectum* он нашел, что простата значительно выдается *per rectum*, но она стала контурироваться отчетливее, по-видимому, отек исчез.

Было решено закладывать свищ перувианским бальзамом, который принес Лушников. К этому, по предложению Бобы, мне дали кварц. В 5 часов дня Боба заткнул свищ тампоном, пропитанным перувианским бальзамом. В продолжение двух с половиной часов я сижу сухой и счастлив.

Сегодня в первый раз после болезни мне разрешили побывать на воздухе. Чудесный теплый день. Меня одели в одежду не то американского, не то канадского медика. В этом странном, но теплом костюме я провел на воздухе целый час. Этот чудесный час был отравлен ощущением мокроты.

Приходил проф. Чарной.

17.X. Ночь спал хорошо, совершенно сухой. Свищевой ход не затыкали. Удерживал мочу 2–3 часа. Кожа в сносном состоянии, болит, но значительно меньше. Удержал почти весь почкообразный тазик мочи. Прекрасную прогулку на свежем воздухе отравляют ощущения мокроты и сильный зуд, вызываемый соприкосновением мочевых солей с поврежденной кожей. После обеда преимущественно сидел, протекаю меньше.

18.X. Просыпался в 12 ч. ночи, в 2 часа, в 5, 6 и 8 часов утра. Лежу сухой. Появились розовые грануляции, серый грязный налет начинает исчезать. Болезненность краев раны меньше. Кожа менее чувствительна. Опять чудесный день. Так хочется гулять, но опять чувство мокроты и жжения.

А пока мозги заняты этой ерундовой мокротой, наши войска берут Белград, в Венгрии началась чехарда министерская, которую разрешат наши войска, направляющиеся к Будапешту!!!

Гулял час и 20 минут! Но приятное из-за мокроты и жжения превращается в муку. Второй раз делали кварц. Но грануляционная поверхность все еще покрыта серым налетом. Возможно, что это зависит от перувианского бальзама.

Началось наше наступление на территории Чехословакии.

19.X. Ночь спал как обычно. Просыпался в 1 ч. 30 мин, в 3 ч., в 5 ч., в 6 ч. и в 8 часов. Мочи очень много, каждый раз полный почкообразный таз, хотя и пью не особенно много. По-видимому, рана в стенке пузыря вызывает гиперемия почек. Струя мочи из свища изменилась, она стала тоньше и выбрасывается как бы фонтанчиком.

Рана резко изменилась к лучшему, появились розовые грануляции, рана стягивается, синюшный цвет краев раны начинает исчезать, и рана становится значительно меньше. В нижнем углу раны еще остается болезненная точка, возможно, что здесь отойдет лигатура. Из канала по временам незначительное гнойное отделяемое. Температура все время нормальная 36,2–36,6 градусов.

По-моему, следует еще выждать и не ставить катетер.

Мое мокрое скотское существование налажено довольно хорошо. Встаю в 8–8.30 ч. утра. За довольно длительным туалетом кожи и раны завтрак. В 11.30 до 12 часов гуляю. В 12 часов ванна, самый счастливый момент суток. От часу до 2.30–3 часов сплю. В 4 обед. После обеда стараюсь читать, редактировать, то же делаю до 12 часов ночи, когда ложусь спать.

Общее состояние настолько хорошее, что хочется работать, оперировать, всему мешает дырка на животе!

20.X. Ночь спал плохо. Не спал от 1.30 до 3 без какой либо определенной причины. Вставать приходится через полтора-два часа. При малейшем натуживании вся моча идет через сильно сузившийся свищ. Грануляции живые и розовые, возможно, что в нижнем углу отойдет лигатура.

В 9 ч. 15 мин приехал Фронштейн. Как обычно, любезен, внимателен. Выслушал мое сообщение. Он сказал, что ему не нравится, что столько времени я не могу мочиться нормальным путем. Это указывает на затруднения в оттоке мочи, чему препятствует увеличенная простата. Поэтому он предлагает ежедневно промывать пузырь, после чего на час-полтора оставлять катетер *a'demeige*. Он предполагает, что, возможно, придется сделать простатэктомию. Он попытался ввести нелатоновский катетер после предварительной анестезии уретры. Но все его попытки не увенчались успехом. Сравнительно легко прошел катетером *Mercier*

№ 16. Промыл пузырь раствором ляписса 1:3000. Катетер не оставлял. После катетеризации незначительное кровотечение из уретры темной кровью, что продолжалось до вечера.

Логически правильнее произвести простатэктомию. Ведь удаленные камни были вторичными, в результате затруднения оттока мочи. Эти камни снова образуются. Я совершенно убежден, что и кровотечение 28 сентября также было из гипертрофированной простаты. Таким образом, если не произвести простатэктомию, то я не гарантирован ни от задержки мочи, ни от кровотечения, ни от повторного образования камней. Таким образом, мне остается радоваться, что свищ не зажил — это заставит и врачей, и меня произвести простатэктомию. Иначе все придется начинать сначала, опять придется тратить месяц на первый акт операции.

Катетеризация сильно раздражает, становлюсь нервным, резко реагирую на все неполадки и неудобства, а их довольно много. Гулял полтора часа, взял ванну. Дали кварц 12 минут! Разнообразные занятия, довольно бесполезные и неприятные!!

21.X. Ночь спал плохо. Проснулся в половине третьего ночи. Не спалось. Из уретры до вечера продолжались кровянистые выделения. С утра начался бессмысленный ритуал. От 10.30 до 12 часов гулял. Чудесный, теплый солнечный день. И в такую погоду сидеть в госпитале.

В 12 часов Борис Константинович промыл мне пузырь. Катетер *Mercier* № 16 прошел свободно и был оставлен

на полтора часа. Лежать с катетером довольно неприятно, но вполне терпимо.

В 13.30 ванна и душ. Счастливый момент. Все это бессмысленно. Свищ не имеет никакой склонности к закрытию. Нормальным путем ничего не идет. Необходимость операции простатэктомии совершенно очевидна. Желание умиловить катетером гипертрофированную простату бессмысленно. Между тем, за лежанием катетера канал реагирует слизисто-гнойным отделяемым, продолжающимся до вечера. По моему мнению, промывание пузыря увеличило проходимость свищевого хода. Моча выходит через свищ большей струей. Чем меня прооперируют скорее, тем меня измучат меньше. Второй момент операции совершенно неизбежен. Я просил, чтобы мне с утра проверили кровь: Группа II. Hb 69%. Свертываемость — 2 мин и 10 мин по аппарату Егорова. До вечера еще держусь. Вечером пришел к заключению, что все мучения, которые я терплю, «мокрое» существование мне надоело, просто невыносимо. Я решил в понедельник попросить профессора Фронштейна, чтобы он на будущей неделе назначил второй момент и произвел простатэктомию.

22.X. Воскресение. Спал очень плохо. Стою на той точке зрения, что необходимо вызвать Фронштейна, дальше решаюсь отставить всякое промывание пузыря и лежание с катетером. Боба звонит Фронштейну, но его не оказывается в городе. Сильно нервничаю с утра, немного успокоился лишь после того, как решил не промывать пузырь и не вводить катетер.

Вдруг в 11 часов утра... помочился нормальным путем самостоятельно, затем еще раз помочился нормальным путем. Дальше опять промокал через свищ. Но все предположения пошли по новому пути. Поскольку нормальный путь восстанавливается, то мне нечего лезть на вторую операцию. Я сразу повеселел, но остается большая нервозность.

Ко мне приезжали Председатель Верховного Совета Грузии Г.Ф. Стуруа, НКЗ Грузии А.Т. Хелидзе, проф. Иоселиани и проф. Эристов. После них приехал проф. Срашун. Вечером приезжал Ф.Ф. Андреев, который завтра уезжает в Ленинград.

23.X. Сделан еще шаг. С утра закрыл пальцем свищ и помочился нормальным путем. Для этого только необходимо закрыть конец свища непосредственно концом пальца. Эта процедура выполнялась многократно за день.

Впервые гулял полтора часа совершенно сухой, что доставило мне огромное удовольствие. Свищ резко сузился. Остается еще небольшая узкая гранулирующая полоска. Могу удерживать мочу 2–4 часа.

Приходил профессор Мандельштам.

После обеда мне опять плохо, хотя большая часть мочи идет нормальным путем, если придавить свищ, но часть мочи все же стекает через свищ. Этот «nachwasser» ужасно раздражает. Завтра должен прийти Фронштейн, может быть, он потребует катетер. Быть может, стоило бы мне несколько дней помучиться, чтобы избавиться от мокроты. Неполное опорожнение пузыря отчасти обусловлено фиксацией пузыря к апоневрозу прямых мышц и образовавшимися спайкам.

Сколько мне потребуется времени, пока все это не вернется к норме!!

Чудесно, наши войска вторглись в Восточную Пруссию!!

24.X. Ночью догадались потушить лампу. Спал лучше. Просыпался в 1.30, 4.30, 7.30. Мочился через свищ. Мочи много.

С утра решил мочиться только нормальным путем, придавливая свищ. Моча идет большой струей. В отличие от вчерашнего дня, после мочеиспускания нормальным путем из свища не течет почти ничего. Свищ еще немного сузился, его диаметр не более 2 мм. Сверху остается полоска в 2 см длиной, в 1–2 мм шириной гранулирующая поверхность.

Утром пришел Фронштейн. Он чрезвычайно доволен всем, что он увидел. Говорит, что свищ «катастрофически» быстро закрывается. Но просит ежедневно проводить катетер а'demeure № 16 на полтора часа. Нашел, что справа от раны еще небольшой инфильтрат. Обещал быть в субботу.

Гулял полтора часа. Затем Борис Константинович провел катетер № 16, который он оставил на полтора часа, после этого он промыл пузырь ляписом 1:3000. Немного протекает через свищ. Ванна. Я замазал конец свища цинковой пастой. Почти ничего не протекает через свищ. Мочусь нормальным путем. Болезненность в уретре минимальна, крови и гнойного отделяемого нет.

Приходил профессор Галстян, который едет в Кисловодск устраивать семью. Говорит, что помирился с профессором Заварзиным.

25.X. Ночь спал очень плохо. Просыпался ровно через каждый час: 1, 2, 3,

4, 5, 6, 7 и 8. Мочиться очень трудно, мочусь с резью и болью в канале. Пузырь сразу не опорожняется, и в 2, 3 темпа. С утра стало легче. Через свищ не протекает ни капли мочи. Ввиду этого, чтобы дать успокоиться явлениям цистита и раздражению уретры, решил сегодня не промывать пузырь и не ставить катетер а'demeure.

Температура совершенно нормальная. Ежедневно беру ванну. Цинковую мазь на ранку живота заменил присыпкой белым стрептоцидом. Мочусь каждые 2–3 часа, мочеиспускание свободное, чуть болезненное. Из свища ни капли не течет. Почти целый день грею рану грелкой, желая поскорее избавиться от инфильтрата и освободить пузырь от спаек.

В первый раз ходил в кино.

26.X. Вечером поставил себе свечку. Просыпался в 2 часа, в 4.30 и в 8 часов. В 4.30 через свищ протекло немного мочи, то же случилось в 8 часов утра. Из свища удалил что-то напоминающее остаток кетгута. Ввиду того что свищ начал пропускать мочу, решил поставить катетер а'demeure, хотя это и очень неприятно. Поставили катетер на полтора часа, после этого ощущения, будто били весь день. Весь день сухой. Свищ ничего не пропускает.

Приходили Мандельштам и Мария Алексеевна Гинзбург.

Я не был бы удивлен, если бы мы начали продвигаться дальше к Норвегии. Это сулило бы нам массу выгоды: 1. Лишило бы немцев баз для надводного и подводного флота. 2. Освободило бы нам путь из Англии и Америки на Мурманск. 3. Лишило бы немцев свободного пути

для перевозки железа из Швеции. 4. Дало бы нам возможность урегулировать вопрос о свободном походе через Зунов.

Мне кажется, что неразрешимым между нами и Польшей остается вопрос о Восточной Пруссии. Я думаю, что мы претендуем на всю Восточную Пруссию, чтобы границей для нас являлась Висла. Но поляки, конечно, не желают, чтобы устье Вислы принадлежало русским, так как это существенно стеснит их суверенные права. Исходя из этих своих политических предпосылок, мы и начали наступление на Восточную Пруссию, предоставляя Миколайчику освободить Варшаву собственными силами.

27.X. Ночь проспал лучше, чем ожидал, просыпался в 2 ч., в 4.30 и 7.30. Совершенно сухой, и целый день из свища ровно ничего не выделяется. Рана затягивается в глубину, болезненность почти исчезла в том месте, где я думал, что отойдет моча. Из канала серозно-гнойное отделяемое, моча с хлопьями. Без особой нужды не стоит ставить катетер *a'demeure*.

Приходили Петровы. Вопрос об иностранных телах сердца.

28.X. Ночь спал хорошо. Впервые подряд проспал четыре часа. Второй раз проспал 3 часа. Из уретры значительное гнойное отделяемое.

Утром приехал Фронштейн. Он сказал, что, по их наблюдениям, если свищ остается закрытым в продолжение пяти дней, то это вполне надежно. Поэтому мне дается еще испытательный срок на 3 дня. Ввиду гнойной мочи и лохмотьев в моче он рекомендовал промывать пузырь через день.

Мы договорились, что я могу уехать около 3 ноября, с тем чтобы я приехал к нему для цистоскопии к концу ноября. Если он найдет в пузыре конкремент, то сразу его и уберет. Насколько могу понять, эта цистоскопическая эпопея довольно долго будет меня преследовать.

Б.К. промыл мне пузырь ляписом 1:3000. Из уретры слизисто-гнойное отделяемое, но меньше, чем вчера. Боли со стороны пузыря и рубца меньше. Довольно много остаточной мочи, что неудивительно, если принять во внимание воспаление пузыря. Потребуется немало времени, пока я вернусь к состоянию, в котором я находился 28.09.

Сегодня ровно месяц, как я заболел. Много я выстрадал и физически, и морально. И сейчас еще иногда появляется ощущение мокрого, хотя на самом деле сухо, и меня бросает в пот. Хотелось бы верить, что все перенесенное мной не повторится!!

Приходил Мандельштам — просит хлопотать о переводе.

29.X. Ночь спал плохо, просыпался часто. Боли при мочеиспускании. Утром гнойное отделяемое еще в значительном количестве. Среди дня гнойное отделяемое из уретры полностью прекратилось, однако при мочеиспускании, довольно еще частом, ощущается резь. Могу удерживать мочу в продолжение 3 часов. Сила сократимости пузыря явно возросла. Следует оставить мочевые пути совершенно в покое, не промывать, не вводить катетер и ограничиться только тепловыми процедурами: ванной и грелками. Так и поступлю в ближайшие дни, если только

свищ не протечет. Он зарос настолько прочно, что не похоже, что он подведет и напомнит о своем существовании.

30.X. Ночь спал хорошо. Просыпался в 2 ч. и 5 ч. При мочеиспускании почти исчезла резь. Из канала отделяемое почти прекратилось, осталось еще незначительное серозно-слизистое отделяемое.

Вчера у меня был выходной день по всем видам лечения. Не брал ванну, не промывался, не брал свечку и никакого лекарства. Сегодня возьму ванну, и больше никаких процедур. Свищ ничего не пропускает.

Вес 78 кг 400 г (в брюках, сапогах, подкительнике). Взяли кровь. Hb — 67 (другая докторша, другой аппарат!!) Из канала совершенно серозное отделяемое. Мочеиспускание лучше.

31.X. Ночь спал очень плохо. Проснулся в 3 часа и не мог заснуть до 6 часов утра. Утром консультировал в хирургическом отделении госпиталя. Среди других видел 36-летнего больного с иноперабельной карциномой *pars pelvinum fl.sygmoideae*, видел больного, раненого в левое предплечье, имеются инородные тела. Так нужно же было, чтобы у этого несчастного на этой же руке, на нижнем конце плеча появилась саркома!

В 15 ч. 30 мин поехал к Е.И. Смирнову. Забрал у него В.Н. Шевкуненко и Максименко. Он меня расцеловал и поздравил с преодолением хворобы. По его словам, состоялось постановление Совета Народных Комиссаров о передаче ему имени Вишня Н.И. Пирогова для устройства там музея. Я ему указал, что один музей будет безжизненной затеей, а лучше устроить в этом имении дом для врачей

инвалидов войны. Имение следует сделать рентабельным и культурным. После окончания войны кредиты будут урезаны, а потому следует иметь учреждения, которые могут существовать на самоокупаемости. Туда следует послать агронома для выявления характера почвы.

Смирнов сказал, что труп Н.И. Пирогова прекрасно сохранился. У него не хватает брюк. Стащили все ордена.

На рапорте Мандельштама он сделал надпись: «Мое распоряжение о направлении врача Мандельштама на Ленфронт привести в исполнение». Приказ я передал Р. Орбели.

Встретил проф. Левита. Проф. Гирголова не видел, он проводил какое-то заседание. Письмо от проф. Ванштейна передал Смирнову для него. Бурденко на фронте.

Смирнов читал нам отрывки из своей статьи, которую он пишет для союзников. Введение интересное. 6.XII Смирнов собирается делать доклад в Ленинграде.

Никаких процедур. Моча становится лучше, но еще много хлопьев и нитей.

1.XI. Ночь спал плохо. Днем побывал у Р.К. Карахан, выписал журналы. Следует уплатить 800 руб. В библиотеке НКЗ сдал книги Софье Марковне, побывал в НКЗ. Не застал Шабанова, документы Рохлина сдал секретарше. Виделся с Колесниковым. Побывал в МСУ. Кудинов мне сказал, что с книгой Фирсова о Гусинском получается скандал. Давно пора перестать печатать всякую чушь. Заказал билеты.

В мое отсутствие приходила Любовь Александровна и Нина Даниловна.

2.XI. Спал хорошо. Состояние улучшается. Приходил Рихард Михайлович

Фронштейн. Он меня назвал бывшим больным. Рекомендовал бросить все процедуры, бросить прием салола и уротропина. Все это я давно предусмотрел и выполнил. Арбат. Серебряный переулок, д. 5, кв. 3.

Ассистировал Лушникову на остеомиелите бедра. Самочувствие прекрасное.

Смотрел фильм «Веселые ребята», каждый раз весело.

Фронштейн сообщил, что вчера он оперировал Никифорова (сейсмолога) — саркома правой почки, должен был оставить железы на месте.

3.XI. Спал хорошо, просыпался через 3,5–3 часа. Мочиться ночью вначале трудно, затем моча идет хорошо. С утра мочеиспускание полной струей. Сегодня ровно месяц, как меня оперировали. Свищ закрылся надежно. Рубец остался инфильтрированным, болезненным и спаянным с подлежащими тканями. Моча еще со значительными хлопьями и нитями. Микроскопически — 20–30 лейкоцитов в поле зрения. Мочиться приходится через каждые 3–4 часа.

За день побывал в клинике Фронштейна. Адрес: Большой Божениновский пер., д. № 11.

Переговорили с Шабановым по поводу Рохлина, он согласен на совместительство.

Приходил Б.А. Петров.

Готовимся к отъезду. Бесконечно рад избавиться от этой идеальной, но здорово надоевшей обстановки!!!

4.XI. Ночь спал плохо. Заснул в час, проснулся в 4 утра. При первом мочеиспускании всегда наблюдается одно и то же явление. Канал как бы слипается

слизью. Вначале только после длительного выжидания и исключительного натуживания выскакивает пробка слизи-стойной, затем начинает течь моча по каплям, а затем уже легко мочиться. Не спал беспричинно до 7 часов утра. С утра мочусь легко.

Получение билетов не представило никакого труда. С Татьяной Сергеевной поехали в библиотеку НКЗ, где нашел очень плохо составленный некролог хирурга Н.Д. Кузнецова. Нина Ивановна Терлин и Татьяна Сергеевна обещали мне достать недостающие данные.

Вчера директор Медгиза Маркосян обещал мне выписать на будущий год «Хирургию» и «Клиническую медицину».

Выехали мы «стрелой» с Ниной. На вокзале нас провожали Федор Федорович, Петров, Лушников и Вульфсон. Ехали мы прекрасно. Явления со стороны пузыря и уретры резко улучшились. Совершенно не приходится натуживаться, моча идет свободно. Вставать в поезде пришлось ночью только один раз.

5.XI. Туманное утро. Та же ужасающая картина по всему пути начиналась от Чудово. Появилось солнце. На вокзале нас встретили начальник Академии Иванов, Георгий Аркадьевич, Константин Николаевич Рабинович, Ирина, жена Бобы, Жоржик и Вера, проф. Смирнов, Раквиашвили, Струков.

Пустынным выглядит Ленинград. Дома радуюсь всему — чистой квартире, книгам, обстановке.

Через 2 часа еду в клинику Академии. Хорошая клиника, но многого еще не хватает.

6.XI. Самочувствие прекрасное. Резкое улучшение со стороны пузыря. Могу удерживать мочу в продолжение 8 часов. Побывал в «Скорой» и в клинике. Побывал в основной клинике. Приезжал инженер Лютостанский. Радиаторы подвели, но не хватает стояков.

Вечером делал доклад Иосиф Виссарионович, как всегда, ясно и четко говорил о прошлом и стоящих перед страной задачах.

7.XI. Самочувствие прекрасное с утра, склонность к насморку. Сажу дома. После обеда ухудшилось самочувствие. Катаральные явления со стороны уретры, резь, серозно-гнойное отделяемое, раздражение *glans penis*. Моча более мутная. Хлопья, нити. Мочеиспускание более затруднено, чем в предыдущий день.

8.XI. Сажу дома. Ночью вставал мочиться два раза. Картина со стороны уретры та же. После обеда наметилось улучшение, но оно не дошло до хорошего состояния, которое наблюдалось позавчера.

Приходил академик Заварзин.

Вечером пришел Борис Константинович и сообщил о массе непорядков в клинике. Большинство из них зависит от администрации. Нет затемнения. Плохо кормят больных. Нет лекарств.

9.XI. С утра в госпитальной клинике Академии. Картина все та же. Безграмотные врачи. Мало читают. Шаблонное писание историй болезни, поверхностное исследование больных. Выяснилась оригинальная вещь. Начальнику Академии в голову гениальная мысль — устроить в приемном покое кабинеты для начальника госпиталя, главного врача,

помполита и медицинскую канцелярию. Мне показалось сначала, что это бред сумасшедших. Однако оказалось, что это вполне соответствует распоряжениям начальства. В продолжение долгого времени мне пришлось доказывать Иванову, что это совершенно недопустимо. Он упрямо твердил, что их некуда деть. К тому же, по-видимому, ему хочется мне показать, что он начальник, а не я!! Этот мотив, видимо, существенно его занимает. В конце концов после того как я угрозил, что подам рапорт, где я изложу мотив, почему нельзя делать то, чего он предлагает сделать, и я попрошу, чтобы меня освободили от ответственности за приемный покой, то он сдался. Однако на 10-е число назначил «осмотр приемного покоя, и тогда... приму окончательное решение»!!!

Я согласился. Начальство предполагает отступить с церемониями!!

В 16.30 заседание совета. Для кворума вызваны профессора из Кирова. Меня поздравляют, многие как будто даже искренне. Единственный человек, который меня не замечает, — это профессор Вайль. В перерыве, когда он подходит к начальнику, и тут он сказал несколько слов лишь потому, что я ему сказал: «Что это вы, профессор Вайль, меня не замечаете?» «Что вы, что вы, дорогой Ю.Ю.» — выдавил он из себя.

Какой-то акушер Повжитков защищает докторскую диссертацию на тему «О влиянии беременности на секрецию желудочного сока». Хорошая работа, убийственный стиль, за что диссертанту немало досталось. Впервые на заседании присутствует генерал-майор м/с

академик Алексей Алексеевич Заварзин. История по поводу анатома Механика. Последний анатомию знает, но ее не понимает и никогда не поймет. Долго-Сабуров своего кандидата не защищал, и его провалили.

10.XI. Сегодня ночью впервые после болезни мне пришлось мочиться лишь один раз. Возвращается состояние, которое наблюдалось до болезни.

С утра в «Скорой», смотрю больных с вяло гранулирующими язвенными поверхностями. Бессистемно. Мария Григорьевна показала мне больного с аневризмой артериовенозной art. glucei. Я рекомендовал попробовать лечить моим компрессором.

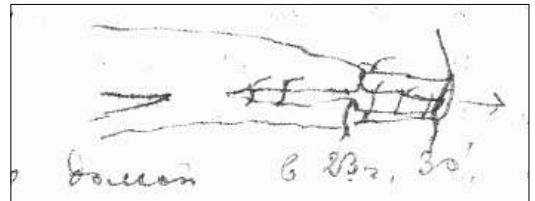
К 15 часам я прибыл в Академию, чтобы вместе с начальником приступить к осмотру приемного покоя и «окончательно решить вопрос относительно гениального решения начальства». Но начальник, несмотря на все наши звонки, не явился и по телефону разрешил отставить свое решение. Гарантированы ли мы, что снова не появится новая гениальная идея?

Около 17 часов я собрался домой и попросил, чтобы я пошел проконсультировать с ним слушателя Голубева, который 21.XI. сего года попал под авто. Гольдман заштопал ему разорванную печень, ушил травмированную сигму. Развившиеся в ближайшие дни явления непроходимости (я думаю, динамической на почве перитонита) заставили хирургов сначала наложить свищ на сесит и еще через два дня на «первую попавшуюся тонкую кишку» (Теплиц). Свищ оказался на высокой петле, большой истощился, от него осталась

кожа да кости, мало-помалу нарастали явления непроходимости, а со вчерашнего дня к хронической присоединилась картина острой высокой непроходимости.

Я поехал с Пуниным, с Борисом Константиновичем и матерью студента. Застал проф. Теплица, Дановича, Гургенидзе и массу других врачей. Посмотрел больного, тяжелый, разобрал, сказал, что сделать. Пунин и Теплиц попросили меня самого оперировать. Согласился. Ассистируют Пунин и Теплиц. Тотальные плоскватые спайки и на приводящем, и на отводящем концах. Операция продолжалась 2 ч. 20 мин.

Приводящий конец тонкой толщиной с предплечье. Наложил анастомоз между приводящим и отводящим концами и выключил место свища.

Вернулся домой в 23 ч. 30 мин. Это первая операция после выздоровления. Меня здорово ругают за столь ранний и широкий размах деятельности.

11.XI. С утра в Госпитальной клинике 1 ЛМИ. Печальное зрелище представляет эта клиника (с позволения сказать!!).

Местоположение клиники: ввиду того, что в основной нашей клинике замерзли и лопнули все радиаторы и все стояки, то мы лишились воды и тепла. Снарядом на южной стороне выбило стенку. Все, что можно было из клиники разграбить, было разграблено. Так, например, в бес-

теневых лампах выбили все зеркала, украли, пригодится для бритья. Одним словом, клиника необитаема. Начатый ремонт идет из рук вон плохо. Те же, которые ремонтируют, на ходу воруют все, что не успели стащить предыдущие; вырывают окна, стекла.

За эти ужасные годы клиника несколько раз меняла места жительства, и застал я ее в главном здании института, в помещениях, где прежде размещались кафедры фармакологии и физиологии. Комнаты вполне сносные, полы кафельные. Существовавшее когда-то амосовское отопление давно исчезло, оставшиеся местами печи не могут обеспечить тепло. Холодно в палатах, но жутко холодно в коридорах, об отоплении которых никто не думает. В уборные не пробраться из-за холода и темноты. В приемном покое нет ванны, как мы уберемся от сыпняка, один аллах ведает.

Операционная помещается в клетушке, куда с трудом можно пробраться на носилках. Нет халатов, не хватает простынь, нет марли, нет гипса, кетгута и шелка. 10–20 дней нельзя положить неподвижные повязки при переломах.

Клиника имеет 180 коек. В мирное время прием по «скорой» обеспечивается четырьмя клиниками: 1-я, 2-я хирургия 1 ЛМИ, «Скорая помощь» и травматологическим институтом. В настоящее время вся тяжесть обслуживания Петроградской стороны, Новой и Старой Деревни легла на плечи 1-й, т. е. Госпитальной хирургической клиники, так как остальные клиники заняты оперативными койками. Отсюда следует, что Госпитальная хирургическая клиника несет

дежурство ежедневно. Это приводит к невероятному переполнению клиники, изматыванию всего персонала. Из-за отсутствия мест часть наших больных мы помещаем в глазной, челюстной и терапевтических клиниках.

Однако со всем этим можно было бы еще мириться, если бы налицо имелись работоспособные кадры.

Руководство клиники. Директором клиники до моего возвращения числилась Зинаида Васильевна Оглоблина. Она имеет 32-летний хирургический стаж. Если считать по годам, то все обстоит благополучно. Она очень много читает. Я бы сказал, жадно читает, знает 3 европейских языка, и с этой точки зрения все обстоит более чем благополучно. Музыкальна, поет, играет и даже пишет стихи. Вот это обилие талантов, по моему убеждению, и является гибельным, везде понемногу и ничего основательно. Если ее послушать, то все ей дается легко, и все выглядит хорошо. Основное свойство — во всем сомневаться. Если вы поставили диагноз, она может усомниться, а что это такое — она «сомневается». Отсутствует клиническое чутье, но самое главное и, пожалуй, самое ужасное, это то, что она плохо оперирует. У нее нет ясного представления о плане операции, она не ощущает тканей, плохо в них разбирается. Неудивительно, что некоторые ее деяния беспланные, далеко не осмысленные.

Научная работа. Она жадна к научной тематике, стоит назвать любую тему, она скажет: «Я бы с охотой это написала». Но можно быть заранее убежденным, что это горение непродолжительно, она не приложит никакого усилия, чтобы это

достигнуть. Несколько раз она бралась за докторскую диссертацию, менялся «острый остеомиелит» на «острую артериальную непроходимость», но из всего этого никогда не выходило ничего законченного. Звание кандидата ей дали вначале за совокупность работ. Но если объективно проанализировать ее научную продукцию, то это или казуистика, или описание больных, оперированных шефом. В них нет ни единой живой мысли, нет ничего, что бы ей принадлежало самой, за что бы она дралась, ругалась. Если вам это не нравится, она, так и быть, вам это легко уступит.

Она принципиальна, честна, предана клинике, мало заботится о карьере. Она общительна, корректна, неудивительно, что в обществе ее любят и она пользуется весом. Она заслуженный врач, имеет несколько высоких наград. Ей ничего не стоит прочесть лекцию на любую тему. Но в этой лекции все будет опять размеренно, будут сообщаться факты, но души, огня, критики нечего в ней искать.

Она совершенно не умеет разобратся в людях. Любой прохвост ее может околпачить. Отсутствие докторской диссертации лишило ее возможности получить звание профессора кафедры. Мои хлопоты в этом отношении в Москве не увенчались успехом. В клинике создано совершенно ложное положение. Врач, которая в клинику пришла значительно позже, Елена Васильевна Усольцева успела быстрыми шагами пройти все официально требуемые этапы и, защитив докторскую диссертацию, получила звание профессора кафедры.

Елена Васильевна Усольцева. Ей... года. Она окончила епархиальное училище в Вятке, а затем Женский медицинский институт в 1915 году. Затем некоторое время работала в хирургическом отделении у Бутса. По-видимому, она немногому научилась у этого холодного англичанина. Дальнейшая ее врачебная карьера мне неизвестна, нет данных под руками. Работала в амбулаториях, поликлиниках, совершенствовалась по травматологии.

В 1935 году она работала заведующей травматологическим пунктом на Васильевском острове. Она меня пригласила консультантом, и я проработал с ней несколько лет. Любознательна, с критическими мозгами, она жадно собирала факты, материал... Статьи писала, желала писать еще больше. Была хорошим организатором. К больным относилась хорошо, с персоналом и с врачами была возмутительно груба, то же имело место и со студентами.

Я смутно знал ее прошлое, но видел перед собой человека, который страстно желает учиться. Когда же через несколько лет я предложил взять ее в клинику, то Зинаида Васильевна и Зинаида Владимировна оказали этому резкое противодействие. Да и я, зная прошлое и настоящее, колебался. В конце концов решили пустить ее в клинику. Вскоре она была назначена заведующим травматологическим пунктом. Ее познания в травматологии довольно обширные. Общая хирургия для нее — terra incognita. Оперирует медленно, некрасиво. Смысл операции понимает.

В научном отношении сильна. Самостоятельно написала кандидатскую диссертацию под заглавием «Осложнения после введения противостолбнячной сыворотки». Прекрасно ее защитила. Постановлением совета было решено ее печатать.

Я дал ей докторскую диссертационную тему «Закрытые переломы пястных костей и фаланг». Собрала огромный материал. Более 2000 наблюдений, прекрасно разработала историческую часть, дала четкие указания. Многие главы написал я. Истории болезни составляла образно. Когда сама пишет, то часто безграмотно. Полагаю, что прекрасный стиль работы принадлежит ее мужу, профессору Сельскохозяйственного института. Защитила диссертацию прекрасно.

В то время как в научном отношении она растет быстрыми шагами, клинический и в особенности технический рост резко отстает. Она продолжает оставаться грубой, постоянные скандалы с врачами, которые не хотят с ней работать, ко всему этому она лжива, и часто лжет без всякой надобности.

Во время блокады Ленинграда, когда всем начали давать звание профессора, то и она захотела стать профессором. Она уверяла, что этого не желает. Я сказал, что ей пока рано. Но Зинаида Васильевна и Сусанна Яковлевна начали уверять, что «всем дают, почему бы в нашей клинике этого сделать нельзя...». Я сказал, пожалуйста, но остался при убеждении, что этого делать не следовало.

За войну она с любовью продолжала заниматься кистью. Написала несколько брошюр по этому вопросу и приняла уча-

стие в составлении атласа, издаваемого Куприяновым и Колесниковым.

Когда я вернулся, то увидел все в этом же виде, как оставил. Она продолжает интересоваться наукой, много и добросовестно готовится к лекциям, волнуется, хорошо читает, но... плохо оперирует и, что ужаснее всего, беспричинно лжет!!

Сусанна Яковлевна Хлопонина, ей 55 лет. Она работает в нашей клинике с 1939 года, т. е. 5-й год. Прошла самостоятельную хирургическую школу. Хороший практический хирург, хорошо разбирается в вопросах неотложной хирургии. К науке никакого отношения не имеет и не будет иметь, почти ничего не читает, хорошо оперирует, прекрасно знает хирургическую поликлинику. Восторженна. Преувеличивает все — и хорошее и плохое, дипломатична, себе на уме. Кандидатской степени не имеет и не будет иметь. Это ей сильно мешает в бытовом отношении. Звания заслуженного врача заслуживает.

Далее идут *dei minores*, выжившая из ума Ольга Владимировна Бехтерева, Нина Владимировна Коваленко, которой не из чего выживать, так как когда раздали мозги, по-видимому, на ее долю даже мозжечка не досталось, не то что мозга.

Сергей Павлович Иванов, «честный» малый с параличом ноги, с полным отсутствием общего образования. Он забыл даже много из того, что знал до войны. Он секретарь парткома, и эта должность отнимает у него все время. Он ничего не читает и читать не будет. Докторская диссертация застыла, и никогда он ее не напишет.

А еще дальше идут случайные люди, какая-то докторша, которая все время ходит с перевязанной щекой.

Другие — молодняк, некоторые из них, по-видимому, неплохи, но сегодня на них рассчитывать не приходится.

Невесело на душе, когда думаешь о клинике. Война многое разрушила, в значительной степени это коснулось и любимой мной клиники.

12.XI. Воскресенье. Сiju дома. Читаю массу чужих вещей (Мессель, Зедгенидзе, Драчинская), из-за этого ничего не могу сделать для себя.

13.XI. С утра в Госпитальной академии. Обход. Врачи, даже ассистенты мало, почти ничего не знают. Слаб мой профессор кафедры, слаб теоретически, слаб в показаниях к операции, его обходы ничего не дают врачам.

В 15 ч в 1 ЛМИ на заседании совета, где 69-летняя Зинаида Ивановна Духинова после инсульта защищает диссертацию под названием «Временное прижатие lig. Hepatoduodenale как метод бескровных операций на печени. Экспериментальное исследование». Прекрасная работа — докторская, выполнена в физиологической лаборатории нашего института под руководством Л.А. Орбели. Духинова защищала эту диссертацию у нас же в 1920 году. Но когда шла перерегистрация диссертаций, она ее не оформила. Поэтому в настоящее время, когда ученая степень кормит, то ей приходится снова «защищать» диссертацию, для ускорения процедуры она вместо доктора согласна получить кандидата.

«Оппонируют» я и Куприянов. Говорили по пять сплошь хвалебных минут.

Присутствующий Останков, вернувшийся из Кисловодска, демонстрирует полное разжижение мозга, который нужен даже психиатрам.

Вечером в 23 часа меня вызывают в клинику Академии, куда переведен наш кочегар Соловьев, оперированный 2 дня назад по поводу огнестрельного сквозного ранения живота. Положение почти безнадежное, перитонит, его может спасти лишь то, что при лапаротомии были найдены многочисленные спайки от предыдущей операции (по поводу перфорации желудка).

14.XI. С утра и целый день в «Скорой». Вместе с Усольцевой смотрел Стучинского, которого собираюсь оперировать на будущей неделе. По-видимому, придется взять Стучинского обратно ассистентом, из него не будет полноценного хирурга, но он жертва войны, и его семье нечего есть. Что он св..., мне давно известно, но ничего не поделаешь.

Уехала Ванда Марцинковская в Польскую армию. Оригинальное ополячивание русской женщины, у которой, кроме фамилии, все русское.

Вечер трачу опять над чужим писанием. Поздно пошли с Ниной в кино, видели американский фильм «Песня о России». Красиво сделанная развесистая клюква.

15.XI. С утра в Госпитальной клинике института. Должен ассистировать Усольцевой на ileo-transverstostomii и двухстороннем выключении восходящей кишки. После лапаротомии удалось ограничиться зашиванием свища на восходящей кишке. Сам оперировал больную с переломом таза и внутрибрюшным разрывом мочевого пузыря.

16.XI. С утра в Госпитальной клинике Академии. Делаю обход. Еще много-много недостатков. Пришли Вера и Софья Антоновна меня поздравлять от имени Жоржа, который в «Ленинградской правде» вычитал, что я среди многих других утвержден академиком Академии медицинских наук. С этого момента мне не грозит надпись, которая красуется на могиле Скриба: «Здесь покоится Скриб, который не был даже академиком». Много хлопот, беспокойства, много чести и очень мало для себя, еще меньше я могу что-либо сделать для себя. Самое худшее, если от меня потребуют, чтобы я переехал в Москву. Поздравляют, за спиной злословят, многие огорчены, что их фамилии не названы. Вечером готовлюсь к первой лекции.

17.XI. С утра в Госпитальной клинике института. Смотрел больных. Прочитал первую лекцию «Рубцовое сужение привратника после язвы желудка».

Вчера Нина выписала Осю из больницы Эрисмана. Одутловатое лицо. С трудом передвигается. Умственные способности сохранил, даже острит. Остатки левостороннего пареза.

18.XI. Пришел номер «Медицинского работника», где написаны фамилии 60 первых действительных членов Академии медицинских наук СССР. Среди хирургов 10 человек. 1. Бурденко, 2. Гирголав, 3. Джанелидзе, 4. Корнев, 5. Куприянов, 6. Мухадзе, 7. Петров Н.Н., 8. Руфанов, 9. Савиных, 10. Юдин. Не великая честь числиться среди действительных членов Академии, если туда попадает такой хирург, как Руфанов, который, как знает вся страна, не

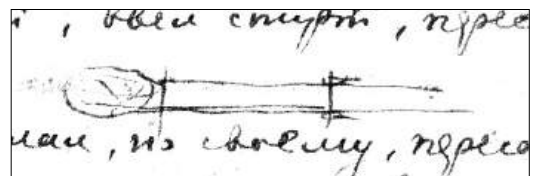
умеет держать нож в руках. Можно любить или не любить А.В. Вишневого, но не произносить его имя среди избранных как-то неудобно.

19.XI. Воскресенье. Сижу дома, занимаюсь, читаю «фистулографию» Зедгенидзе, отчет Месселя.

20.XI. С утра поехал в Морской госпиталь к Пунину. Доктор Гургенидзе снял швы на 7-й день оперированному мной больному Голубеву с жесточайшими явлениями авитаминоза после лапаротомии. Знают мало, но не находят нужным спросить. Никто не думает о том, что больного следует содержать в чистоте, никто не моет головы, ног, живота. Кривые ведут погано.

Остальную часть дня провел в клинике ВММА. Видел начальника Академии, который вернулся после доклада у Левченко, — доволен.

21.XI. Проф. Галкин оперировал Стучинского, а я ассистировал, убрал глионеврому *n. mediani*, ввел спирт, пересек выше *medianus*.

Я сделал по-своему пересадку всей толщи кожи, вышло хорошо. Ассистировали Степанова и Каменчик.

22.XI. Оперировал в Госпитальной 1 ЛМИ. Делал исключительно трудную резекцию желудка у больной, которую разбирал на первой лекции «Стеноз привратника». Оперировал вторую больную с остеомиелитом верхнего конца плеча.

Получил приветствие от Митерева и Юдина. У последнего на бланке с изображением Института Склифосовского идут танки, стреляют минометы, валяются автоматы... И как это ему не надоест!!

Вечером было заседание Хирургического общества. Колесников показывал больного, которому он якобы наложил шов на аневризму артерии... Что-то было смутное в его сообщении. Некий Петровский сообщил о 500 ранениях сосудов, из них 5 <нрзб.>, это личные его наблюдения.

Иван Петрович Виноградов поздравил академиков, меня вдвойне и за выздоровление.

Несколько раз я говорил Куприянову, что готов сделать доклад о «Свободной пересадке кожи в России и Советском Союзе». По каким-то соображениям он не был склонен, чтобы я это сделал. Вчера он мне сам сказал, что было бы желательно, чтобы я это сделал. Я согласился. Доклад предполагается 6.XII на торжественном заседании в память Пирогова. Первый докладчик Е.И. Смирнов «Пирогов и военная медицина».

Куприянов мне сказал, что якобы Ахутин взамен факультетской хирургической клиники в Академии получает клинику Герцена в Москве и место заместителя главного хирурга Армии в перспективе быть главным хирургом.

С.С. Гирголаву, по-видимому, придется вернуться в собственную клинику <нрзб>.

23.XI. Сижу дома, стараюсь работать, мало что выходит толкового. Готовлюсь к лекции.

24.XI. С утра впервые вел занятия с группой в 10 человек. «Synoviti genu». Читал лекцию, продолжение «Stenosis pylori».

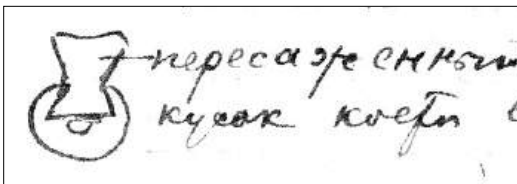
25.XI. С утра в Госпитальной академии. Спросил профессора Смирнова, какие он предлагает темы для адъюнкта Петрова. Нерадостно его слушать, бедно его воображение, бедна его голова. Первая предложенная им тема: «Приживление хряща в денервированной коже в Филатовском лоскуте». Я его спросил, отдает ли он адъюнкта патологоанатому и объявляет ли он клинику Госпитальную банкротом? Ибо ни я, ни Смирнов руководить такой темой не можем и явно должны идти на поводу у патологоанатома. Кроме того, да и сама тема бессмысленна, кто же будет пересаживать хрящ в денервированную кожу? Смирнов от темы отказался. Вторая тема не лучше: «Изменения в кости, пересаженной при ампутации бедра по способу проф. Джанелидзе». Я спросил, а сколько же времени должен ждать аспирант этот материал? При этом какие исследования он должен произвести, ограничиться ли одними рентгеновскими исследованиями или придется вырезать трансплантат? Пришлось ему отказаться и от этой темы.

В конце концов я оставил Петрову как диссертационную тему «Диафрагмальные грыжи», но внес в эту тему следующие дополнения. Наряду с клинической, рентгенологической картиной дополнить ее экспериментальной частью. 1. Искусственные диафрагмальные грыжи — на кошках и кроликах. 2. Заживление диафрагмы в мышечной и апоневротической части. Детальная анатомия диафрагмы. Лимфообращение при искус-

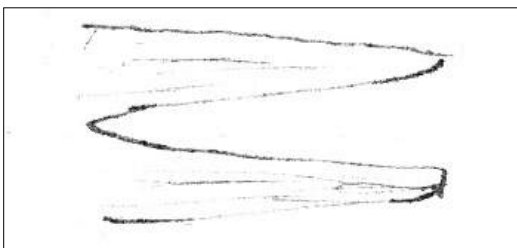
ственных грыжах. Кровообращение при искусственных грыжах.

Б.К. Рабинович дополнил задание диссертационной работы артериовенозных аневризм рядом новых заданий.

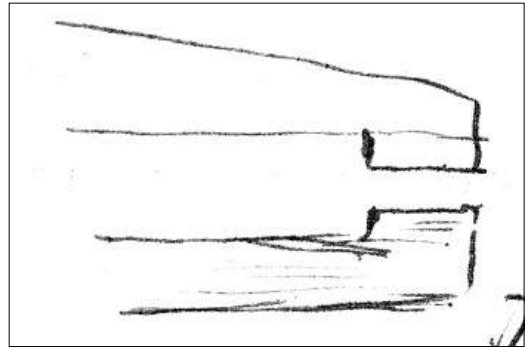
Корсунков привел ко мне капитана 1 ранга Мороз, у которого на правом предплечье сделана операция Крукенберга. Операцию делали у Приорова, и сделана она безукоризненно. Лучевая сторона покрыта собственной кожей. На локтевой стороне кожный дефект замещен итальянской пересадкой с живота. Однако пересаженная кожа некоторым избытком ложится между лучевой и локтевой культями. Кроме того, в то время как в проксимальной части сила сжатия больше, дистальными частями он не может удерживать мелкие предметы, не говоря уже о спичке. Поэтому мне пришла мысль дополнить культю пересаженными кусками кости, которые следует всадить, как в пазы.

Пересаженный кусок кости в разрезе

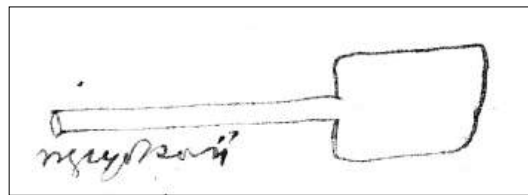

Конически заканчивающиеся культи

Концы костей после моей пересадки

Пересаживать следует площадку длиной в 5 см. Чтобы проверить, что это может прибавить в функциональном отношении, предварительно произвести следующие изменения.

Резиновая подушка, соединенная с резиновой трубкой (рисунок), соединяется с кимографом. Подушка вкладывается в проксимальную часть культы, просят максимально сжать культю. На барабане запись высоты и продолжительности записи (насколько помню, этот аппарат называется хронографом — спросить Койранского). Затем то же повторить в средней и дистальной части. Определить чувствительность кожи везде. Рентгенограмма.

Со стороны пузыря все благополучно — днем могу свободно не мочиться 5–6–7–8 часов. По ночам иногда приходится вставать раз, иногда совсем не встаю.

Говорил с Фронштейном по телефону, сказал ему, что приеду около 1.XII.

Я отпустил Смирнова до 14 декабря в Астрахань, где у сестры обнаружили рак желудка.

Работа в клинике Академии должна быть сведена к минимуму, так как выключили ток, отключат стерилизаторы и кипятильники. Максимум вмешательств, которые мы можем себе позволить, — это операции при остеомиелитах.

26.XI. Воскресенье. Сажу дома, работаю. Из моих ассистентов в живые хирургические трупы можно зачислить: 1) Бехтереву 2) Коваленко 3) Иванову (полутруп).

Хлопонина — прекрасный практический врач, но в научном отношении ноль. Ввиду отсутствия кандидатской диссертации ее могут после войны выкинуть. Это было бы жалко. Поэтому следовало бы помочь ей написать диссертацию. Боюсь, что из этого ничего не выйдет. Предложу работу: «Костный мозг грудины как метод парентерального введения лекарственных веществ». *War. Medicine Mch.* P. 277. 1942. Если из этого ничего не выйдет, дать Сурпиной.

Вчера ездил в горздрав к Машанскому — изложить ему, в каком ужасном положении находится Госпитальная хирургическая клиника 1 ЛМИ. Его не застал, рассказал все его помощнику Никифорову и Шнирману. Я им рассказал это из-за полного отсутствия марли и гипса, мы в продолжение двух недель не можем наложить и сменить гипсовую повязку 22 больным. Они мне отпустили 1000 метров марли и одну бочку гипса.

27.XI. С утра в Госпитальной 1 ЛМИ вел

занятия со студентами «Натечный абсцесс, исходящий из лумбальных позвонков».

Приходил Шнирман — ужаснулся виду, с позволения сказать, моей клиники.

28.XI. С утра оперирую в «Скорой» — артериальновенозная аневризма бедренной артерии. Перевязал сосуды, иссек мешок. Пришел И.П. Виноградов, который осматривал мою клинку — ужаснулся, сказал, что все, что изложил Шнирман, — верно. Сказал, что в клинику приедет Машанский. Мы показывали Виноградову пересадку кожи, полное приживление, компрессор, который ему понравился.

29.XI. С утра был у Зеленского, который оказался моим пациентом. Он мне выдал справку о том, что мою площадь нельзя заселять, и для Жоржа право на отдельную комнату.

Вчера в клинику приходил Машанский. Как был сволочью, таковым и остался. Он мне молол всякую чушь, выгораживал своего ставленника Романовского. В присутствии этого, с позволения сказать, главврача, я сказал Машанскому, что Романовский как главный врач не годится. Может быть, он хороший плановик, но никуда не годный главный врач. Человек, который в продолжение одного года ни разу не был в хирургической клинике, едва ли может быть назван главным врачом. Машанский мне обещал белье, дрова, марлю... Если даст, то потому, что побоится, чтобы я не рассказал все наркому.

30.XI. Оперировал в клинике 1 ЛМИ. Делал резекцию при ileus tumor. Зинаида Васильевна оперировала больную, которой она наложила анастомоз coli axendens с fl. Sygmoidea. Оказалось, что наложен анастомоз colon transversum с fl.

Sygmioidea. Оперирует она ужасно плохо, абсолютно не понимает, что она делает, приходится все показывать, как начинающему ординатору. Но она счастливый человек — всем довольна и собой тоже, даже в первую голову.

1.XII. Читал лекцию в 1 ЛМИ «Ложный сустав». Хорошо.

Самочувствие прекрасное. Со стороны пузыря и уретры минимальные явления. Сплошь и рядом сплю всю ночь, ни разу не приходилось вставать мочиться. Днем могу свободно не мочиться 6–8 часов.

Сурпина мне написала письмо, что она обижена, ни в чем не повинна. К сожалению, все убеждены в обратном.

2.XII. С утра в «Скорой». Одного больного с артериальной аневризмой art. Tibialis post. держали несколько месяцев, и никто до меня диагноз не поставил.

Был в Госпитальной Академии. Там пока делать нечего. Сурпина плачет, уверяет, что ее зря подозревают в воровстве. Операционная сестра Пондрик, которую перевели в Таллин, сначала плакала, а теперь неизвестно почему танцует от радости.

3.XII. Воскресенье. Сижу дома. Работаю над пересадкой кожи. Кажется, виден конец.

4.XII. Оперировал в 1 ЛМИ. Резекция желудка. Язва. Остеомиелит.

5.XII. Сижу дома под видом приготовления к докладу.

6.XII. Докладывал на торжественном заседании, посвященном памяти Пирогова. Первым докладывал Е.И. Смирнов: «Пирогов и военная медицина». Говорил 2 ч. 25 мин. Это ужасно. Сырой материал, сплошные приказы и бесконечные тексты из Пирогова. Бледно, нехорошо.

Я докладывал «Свободная пересадка кожи в России и Советском Союзе». Говорят, хорошо, но и сам думаю, что неплохо!

Председательствовал В.Н. Шевкуненко, жалкое впечатление, очень плохо видит, сказал в начале заседания два слова, что слово для доклада предоставляется... и так же кончил.

После докладов в Доме Санитарной культуры был ужин, налицо Смирнов, Орбели, Куприянов, Виноградов, секретариат Общества, Виллисов, Мазепов и много других.

7.XII. В клинике Академии почти никакой работы. Делаю обход с врачами.

8.XII. Становится холодно и лежит много снега. Читал лекцию в 1 ЛМИ, кончал «ложные суставы». В клинике работать тяжело, ничего не делается, печи не ставят, холодно, марли не получить, массажа и лечебной физкультуры нет. Пока не прогонят Романовского, ничего не будет.

Был на бюро райкома. Утвердили директором 1 ЛМИ. Ничего не спрашивали, спросили только, как мне работается, сказал, что хуже невозможно.

9.XII. Суббота. С утра в «Скорой», после в Академии. Был у Машанского по поводу «Скорой». Сказал, что уберет Романовского, как только дадим кандидата.

10.XII. Воскресенье. Сижу дома, готовлю лекцию для академической клиники.

11.XII. Понедельник. Оттаяло. Тепло. В клинике 1 ЛМИ оперировал трехбольных. 1) Дерматогенная контрактура большого пальца правой руки. Свободная пересадка всей толщи кожи. «Белая замша с двух сторон» или «белая замшевая поверхность с двух сторон». 2) Остеомиелит диафиза правого бедра с субпериостальным

абсцессом. Широко вскрыл, небольшая, совершенно ограниченная полость, тампонировал с мазью Вишневского. 3) Оперировал женщину с внутрибрюшным абсцессом. Лежит несколько месяцев, была оперирована по поводу абсцесса в правой подвздошной. Сейчас абсцесс глубоко, где-то позади пузыря. После того как разрешил кожу, потух свет. Ждал долго. Но затем больную перенесли в перевязочную. Свет только на потолке. Плохо видно. Случайно вскрыл подтянутый и припаянный в хрящевой консистенции инфильтрат, мочевого пузыря. Вскрыл вонючий гнойник (запах *b. coli*), вылилось около 2 стаканов гноя. Пузырь зашил.

12.XII. Вторник. Приехал Кудинов и замнаркома Левченко. Кудинов живет в моем кабинете.

Читал лекцию слушателям ВММА, вступительную... «Госпитальная хирургическая клиника. 1) Артериовенозные аневризмы подключичных сосудов». Читал неплохо.

В 16 часов заседание совета в присутствии Левченко. Доклад Г.А. Зедгенидзе о подготовке кадров. Затем болтовня в продолжение 5 часов. Выступали два адъюнкта, от токсикологии и от меня (Петров). По-моему, оба адъюнкта хорошо отчитывались. Их зря ругали.

Затем доклад Жемчужникова о «физической подготовке».

Ужин всего совета с Левченко и Кудиновым. Вернулся домой в 23 часа.

13.XII. Среда. В «Скорой». Нашел при пункции ограниченный гнойник левой плевры. Сделал торакопластику, резецировал 5 ребер. На второй и третий день (14 и 15) больной был в тяжелом состоянии.

Вечером приходила Усольцева по поводу процесса, который против нее затевает горздравотдел. Она не распознала паротит, правильнее, не распознали идиотки Бехтерева и Коваленко, а Усольцева подписала перевод, не видя больную. Во время экспертизы подло вел себя сумасшедший Гаршин. Он утверждал, что если бы больной сделали раньше разрез, то больная осталась бы жива. Усольцева мне рассказала, что ее вызывал Озерецкий, хвалил ее, расспрашивал, что Гаршин имеет против нее. Впоследствии оказалось, когда я беседовал с Озерецким, что Усольцева врала, врала. Патологический тип!! Почему она врет, мне даже непонятно. Говорил с Виноградовым и Вайлем, которые утверждают, что ничего подсудного в этом деле нет.

14.XII. Четверг. В первый раз вел занятие со студентами в Академии. «Перелом ключицы». Состоялось заседание по созыву конференции флотских врачей под председательством Мельникова. Присутствовали: Лубо, Пунин, Лисицын, Трофимов. Решили поставить вопросы: 1. Повреждения органов брюшной полости. 2. Повреждения сосудов.

Лисицын лижет а... вот уже несколько дней, ни на минуту не отстает от начальства.

15.XII. С утра в Госпитальной 1-й смотрю больных. В 13 часов читаю лекцию «Артериовенозные аневризмы». Читаю в зале заседания совета, так как наверху холодно. Смотрел ремонт в клинике, безнадёжно, опять лопнули стояки.

Решил заняться пересадкой по Fiddel-Мингольдту и Braun'у.

Был у Озерецкого. У Хлопониной нет кандидатской диссертации, и никогда ее

не напишет. Это лишает ее возможности получить литературное питание. После обсуждения Николай Иванович предложил представить ее в заслуженные врачи. Это дает права, равные кандидату, кроме того, что сие очень почетно. Приступили к составлению характеристики и собранию всяких анкетных материалов.

16.XII Суббота. Около 12 приехал в Академию. Обхожу больных. Работы мало, все никак не можем наладить работу в операционной.

17.XII. Воскресенье. Выехал в Москву «стрелой». Меня провожали Боба и Жорж. Со мной в вагоне Кудинов. В купе сижу с Воячком, в соседнем купе Осипов и Аничков. Долго обсуждали вопросы преподавания в высшей школе. Все согласны в понимании того, что это следует сделать, но это затрагивает так много вопросов, что страшно тронуть.

18.XII. Понедельник. В Москве лежит снег. 16 градусов, а в Ленинграде всего было минус 5. Заехал в Медгиз, побывал у Каралана, заплатил за журналы 700 рублей, побывал у Парина. Встретил Мухадзе, который говорит, что Натишвили очень обижен, что его не выбрали в Академию. Парин сказал, что президентом намечается Бурденко, вице-президентом Абрикосов и???! Куприянов. Последнего тащит Бурденко, Куприянов должен будет читать за него речи и составлять протоколы...??

Моя персона предназначена для вхождения в президиум — без портфеля, слава богу. Кроме того, Парин сказал мне, что Митерев будет со мной говорить относительно кафедры Герцена. Я остаюсь при старом мнении, никуда из Ленинграда я добровольно не перееду.

Вечером приходили Петровы. Мне пришла идея главным хирургом Центрального госпиталя назначить Арапова.

Побывал в Центральном госпитале у Тамары Микеладзе. Вид удовлетворительный, но кровь жуткая, лейкопения, тромбопения. Видели ее Вовси и Бурденко. Оба предлагают операцию.

19.XII. Вторник. С утра дома. В 12 часов поехал в туберкулезный санаторий смотреть Николая Васильевича Рогова. В конце сентября я его оставил в безнадежном состоянии, теперь он немного оправился, но тbc легких, тbc кишечника едва ли выпустят его из собственных лап.

В 15 ч. 30 мин вместе с проф. Лепорским смотрели Евгению Ивановну Лычеву, главного администратора гостиницы «Националь», которая лежит в Морском госпитале. Остро развившаяся желтуха, быстро наросший асцит, который пришлось пунктировать, обесцвеченный вначале стул, почти нормальная температура, увеличенная и болезненная почка, увеличенная селезенка. После пункции асцит снова нарос, а затем сам стал исчезать, начала проходить и желтуха. Старик говорит, что это гепатит типа Hepocheп'a. Исследует хорошо, но фантазирует и никого не слушает. Уверял, что самое лучшее желчегонное средство — 10% свекольный сок.

Вечер сижу дома. Приходила Мария Алексеевна Гинзбург, которой передал посылку.

20.XII. Среда. Сегодня должна открыться Академия медицинских наук — вот будет бум-бум!!

В 15 часов поехал вместе с проф. Лепорским в Центральный морской госпиталь

смотреть замнаркома по кадрам, генерал-лейтенанта Малышева. У него язва 12-перстной кишки, рентгенологически доказанная. Так что мудрить особо с диагнозом нечего. Однако старик хочет показать все тонкости терапевтического обследования. В особенности он старается при ощупывании живота. Здесь он открывает пальцами такие чудеса, до которых хирургическим пальцам никогда не дойти. Он, например, при ощупывании установил «отек слизистой 12-перстной кишки». Беда заключается в том, что он свои размышления произносит вслух: «Толстая кишка сокращена до толщины карандаша, ай, ай!..» А бедный больной слушает и думает также: «Ай, ай, что со мной будет?..» Щупает до боли.

Когда у больной, жены Ремизова Ольги Ивановны, он при наличии воспаления желчного пузыря не мог до него «дощупаться», мешала ригидность брюшной стенки, то он заявил, «что, к сожалению, сегодня он закончить обследование не может».

В области лечения — хрень со свеклой. Несистематичен, выбалтывает больному массу вещей, которые тому кроме вреда ничего не принесут.

УЧРЕДИТЕЛЬНАЯ СЕССИЯ АКАДЕМИИ НАУК СССР

Мраморный зал Моссовета на ул. Горького, вмещающий 700 человек, переполнен. Много народу стоит у стен. Масса знакомых лиц. Орбели, Абрикосов, Аничков, Павловский и мн. другие. Павловский во всех регалиях, в парадном мундире. Орденами обошлись Орбели, Бурденко и Юдин.

Заседание назначили на 5 часов дня, начинается в 5.20. Число фотографов превышает наличие академиков, во всех проходах киноаппараты. Не знаю, что они снимали, но старались много.

Заседание открывает народный комиссар здравоохранения Г.А. Митерев, говорит минут 10 о значении Академии. Затем слово для предложения президиума предоставляется кому-то... Президиум избран, затем почетный, одним словом, все как полагается...

Председательствует Абрикосов, слово для доклада предоставляется Митереву. Он говорил час с лишним о славном прошлом русской медицины... Одним словом, от Мудрова и до наших дней он не забыл никого, вплоть до талантливого Амбодика. Судя по стилю и содержанию, доклад писал Страшун. Было скучно, так как было совершенно очевидно, что доклад читает Митерев, а писал не он, поэтому это было трафаретно... Относительно мало и расплывчато говорилось о задачах Академии.

Затем пошли приветствия. От Академии СССР — Орбели, от Украинской академии — Палладин, от Сельскохозяйственной академии — Лысенков, от Академии педагогических наук — Корнилов, от Главсанупра — Смирнов, от Высшей школы — Кафтанов, от РСФСР — Третьяков. Ректор университета Галкин (жалкий вид, и мало он похож на ректора!), от врачей гор. Москвы — врач Круппаков.

Речи и приветствия были ужасно бесцветные, сплошной трафарет. Если выбрать слова, то, пожалуй, разнообразие лексики не превысит 150–200 слов. Пожалуй, лучше всех говорил Третьяков.

Затем были речи Абрикосова — о задачах морфологических дисциплин Академии... Он не речист, говорил немного, скромно и дельно. Почти на ту же тему говорил по отношению к физиологии Орбели. Ученики Павлова уж слишком часто клянутся именем этого великого физиолога. Сдается мне, что они сами мало двигаются вперед.

Наконец на кафедру был выпущен сам Серж Юдин. Он начал с замыслов Петра организовать Академию, привел цитаты, указал, что впоследствии, когда Академия была создана, то оказалось, что для медиков там места не нашлось, так как где медицина не наука. Впоследствии оказалось, что медицина наука. Затем начал доказывать, что теоретики не должны путаться в лечебное дело. Говорил о высоком мастерстве, высоком пилотаже в хирургическом искусстве... В общем, закончил на высоких моральных и патристических тонах. Когда слушаешь человека, в мораль которого мало веришь, а правильнее было бы сказать — человека, которого правильнее было бы назвать аморальным, то слышать из его уст речи о морали — неубедительно. Затем закончил о роли русского народа, о русской неразгаданной душе и прочее. Можно было бы подумать, что нашу страну ни один народ, кроме русских, не защищает. Вспомнили бы хотя, что Сталин грузин!! Говорил очень красиво и удостоился продолжительных аплодисментов.

Однако сегодня сам Сергей Сергеевич сказал, как академик Сперанский расценил его речь: «Что вы умны, я знал и раньше, никаких новых мыслей вы не выразили, а речь ваша вредная». Должен

признать, что Сперанский очень близко подошел к истине.

21.XII. Четверг. С утра заседание отделений Академии в разных помещениях НКЗ. Отделение клинической медицины заседает в конференц-зале Наркомата. Снятую шинель и калоши пришлось надеть, в зале холодно. Таким образом, вновь испеченные академики сидят в шинелях, в шубах, в шапках и калошах.

Заседание открывает народный комиссар Митерев. Сначала он храбрится, сидит без пальто, однако скоро и он облачается в шубу. Он исключительно сегодня вежлив, по-видимому, так полагается вести себя в Академии. Он нежно сообщает, что на сегодняшнем заседании нам необходимо избрать бюро, отделения и секретариат. Но нам не приходится ломать себе голову, все уже предусмотрено, предрешено. Были предложены в бюро клинического отделения: 1) Гиляровский, 2) Гращенков, 3) Зеленин, 4) Сперанский, 5) Руфанов. Мы их и выбрали тайным голосованием. Это дело тоже налажено неплохо. Некоторые из избранных, например Грищенков, Руфанов и некоторые другие, даже умудрились голосовать даже за самого себя, что было видно из того, что из 26 поданных голосов эти молодцы получили все 26. Они, по-видимому, рассчитывали, что кто-либо воздержится и их истинное лицо не будет выявлено.

Затем так же единогласно тайным голосованием избрали директоров институтов: 1) Нейрохирургического — Н.Н. Бурденко, 2) Акушерско-гинекологического — Михаила Сергеевича Малиновского,

3) Неврологии — Н.И. Грищенкова,
4) Психиатрии — Гиляровского, 5) Терапии — Зеленина.

Вопрос о директоре института злокачественных опухолей ввиду того, что вопрос не был согласован с Н.Н. Петровым, остался открытым.

ВЕЧЕРНЕЕ ЗАСЕДАНИЕ.

Утверждение общим собранием выборов бюро отделений и секретарей, произведенных утром.

Все идет по маслу. Всех утвердили. Затем приступили к самому главному, выборам президиума, председателя, вице-председателей, членов президиума и секретарей. И тут за нас уже оргкомитет все подготовил, все предвидел, осталось лишь заслушать фамилии. Вот они:

Председатель — Бурденко

Вице-председ. 1) Абрикосов, 2) Малиновский, 3) Куприянов

Секретарь — Гарин.

Члены президиума: Богомолец, Давыдовский, Джанелидзе, Орбели.

После председателя начали выступать хвалители. Первым бросился в бой акад. Сергиев — он восхвалял и мудрую работу организатора, хвалил всех великих ученых, имена которых фигурируют в списке. Одним словом, всеобщее восхваление. Осипов хвалил Гиляровского.

Третьим бросился на восхваления Семен Семенович Гирголав. Взялся хвалить меня умеренно, но Куприянова хвалил в полном смысле слова до бесчувствия. Стыдно было даже слушать. Не сомневаюсь, что из нескольких черных шаров, полученных Куприяновым, один положил Сеня.

1) *Руфанов, конечно, хвалил Бурденко, затем меня довольно много, хвалил Давыдовского. По-видимому, восхваляя меня, Руфанов рассчитывал, что хоть я возьмусь его хвалить. Но до этого позора я себя едва ли когда-либо доведу.*

2) *Абрикосов хвалил Парина.*

3) *Филатов — всех.*

4) *Маслов — Малиновского.*

5) *Гарин — Орбели и Богомольца.*

6) *Заварзин решил обратить внимание членов Академии на бедственное положение Института экспериментальной медицины. Но чудак, он не рассчитал... Люди были заняты азартом, да азартом ли или спокойствием выборов, а потому на очень важное заявление Заварзина никто не обратил внимания... А дальше восхваления продолжались.*

7) *Вот Корнев хвалит Куприянова, да так, трудно даже поверить, что я просмотрел столь великого человека... что он такой, да еще такой, что «он продолжатель идеи Пирогова».*

8) *Сперанский Н. опять взялся за восхваление Малиновского — защитника матерей, покровителя детей.*

9) *Страшуну стало обидно, что Корнев в своем рвении относительно Куприянова сказал, что он являлся связующим звеном между врачами и обществом, посему, мол, чем наш Джанелидзе хуже, и пошел, и пошел: я в Баренцевом море, и на Балтике, и в Черном море, хорошо, что еще не утопил. За мной он хвалил Давыдовского, затем Малиновского.*

10) *Выступил человек с длинной шевелюрой, высокого роста — анатом Терновский... Он хвалил Давыдовского Ипполита, и так как таковым именем назывался*

кто-то из древних, то он вздумал их обоих впрячь в одну колесницу. По-видимому, это не выдержал даже председатель, который сказал, что по поводу 9 членов президиума выступило 15 человек. Высокое собрание решило, что этого хватит.

Вчера вечером во время очень хорошего концерта выступал артист художественного слова Журавлев. Он читал басни Крылова прекрасно. Он, по-видимому, предчувствовал то, что произойдет сегодня, поэтому первой он прочитал басню Лисица и Ворона. «Уж сколько раз твердили миру, что лесть вредна». За сто лет мало что изменилось, как у ворон, так и у людей! Затем была избрана счетная комиссия под председательством академика Семашко, члены Лепорский, Сергиев. Мы чинно опускали бюллетени, затем считали, подводили итог... Выбрали, конечно, всех, некоторые опять голосовали за себя. Больше всех черняков наложили Куприянову, по-видимому, Бурденко, Гирголав, Руфанов. Я голосовал за него. Из 52 голосов я получил 50, я воздержался и еще кто-то, по-видимому, Сеня или Руфанов.

Я предложил, чтобы сделали групповой список. Нарком согласился и распорядился.

В перерыве между двумя заседаниями народный комиссар опять предлагал мне перейти на клинику Герцена, и там же мне развернут клинику Академии. Я сказал, что я слишком свыкся с Ленинградом, и мне оттуда уйти трудно. Решили вопрос отложить.

Передал документы Хлопониной Гарину и говорил с наркомом. Гарин обещал поддержку. Говорил по телефону с Ниной.

22.XII. Пятница. Вчера, когда во время

довольно продолжительных переговоров я сказал Митереву, что «отсутствие среди академиков некоторых очень крупных имен вызывает недоумение в медицинском мире, например Вишневского, Левита, Шамова и некоторых других», он мне ответил: «Это нам хорошо известно. В первый список мы представили тех, относительно которых мы знали, что никаких недоразумений и отводов не будет. Названные вами имена как пользующиеся большим именем будут выдвинуты общественностью и будут избраны. Однако не подумайте, что ради оставшихся за бортом многие успокоились и примирились. Многие пишут письма Молотову, напоминают, что их, по-видимому, случайно забыли, а потому обращают внимание на это и просят дать указание, чтобы в следующий раз это недоразумение было исправлено. Многие приходят ко мне, также просят ликвидировать происшедшее недоразумение. Есть среди этих лиц наряду с просящими и нахалы... Что можно будет исправить, исправим».

Вечером на заседании я уговорил Н.Н. Аничкова спросить Митерева, как обстоит дело с Г.Ф. Лангом. «Если он будет выдвинут, пройдет ли он, или в связи с его фамилией этого делать не следует?» Он мне ответил: что, конечно, кандидатура Ланга никаких сомнений с точки зрения его учености не вызывает. Но можно ли будет его выставить, на это он нам даст указание через некоторое время.

Во время переговоров я указал Митереву, что не мешало бы народному комиссару приехать в Ленинград, собрать врачей, которые провели все время в блокаде, и приграть их ласковым словом.

Борис Дмитриевич Петров мне сказал, что «после того как все ушли, мы обсудили ваше предложение (при разговоре кроме Митерева присутствовали Парин и Петров) и нашли, что вы вовремя сигнализировали о необходимости подобного выступления».

Вчера от Гирголава и Петрова я узнал, что кафедре Герцена предлагали также и Ахутину, но его хотят сделать и директором 1 ММИ. Не исключаю возможности, что в связи с выбором Куприянова вице-президентом Академии ему придется переехать в Москву, ему также понадобится кафедра. Возможно, он также будет претендовать на эту кафедру.

Со мной говорил вчера Бурденко. Он спросил меня, говорил ли со мной Митерев. Я сказал, что будет говорить сегодня. Он мне предложил перейти на кафедру Герцена. Я сказал, что мне этого делать не следует. «Почему бы вам не взять Куприянова?» — спросил я. «А чего он стоит?» — был ответ. Мне казалось, что Куприянова тянет этот коварный человек, а получается, что это не так. По-видимому, тянет-то Куприянова Смирнов. Да разберешь ли их, кто кого тянет и по каким соображениям!

Вместе с Мухадзе ездили в больницу Боткина, смотрели сына артиста Васадзе, гнойный плеврит после пневмонии. Затем ездили к Тамаре Минеладзе. Показатели со стороны крови ухудшились, она себя чувствует настолько слабой, что ей трудно даже вставать, а операция предстоит трудная и опасная.

В 17 ч. 30 м. началось заключительное заседание Первой сессии Академии медицинских наук. Все речи академиков были

никчемными, в особенности Филатова и Малиновского. Приятным исключением явилась речь В.В. Парина «О задачах Академии», она была и по содержанию, и по форме прекрасна.

Умна речь Бурденко. Встреченный аплодисментами, он минут 5 сам говорил речь. Его большею частью вполне можно было понять. Затем большую часть речи прочел Куприянов, опять последние 10 минут говорил Бурденко. Можно поражаться воле этого старика, который в таком печальном положении, абсолютно глухой и достаточно немой, он все же так много работает.

После заседания снимались, а затем в гостинице «Москва» был банкет человек на 150 в голубом зале гостиницы «Москва». Налицо все академики, москвичи с женами, работники Наркомата, их жены. Митерев, Бурденко с женой и много других. Никаких витиеватых речей, многие были заняты водкой, вином, едой вообще, и было не до речей. Пили за здоровье Сталина, Молотова, Бурденко, Митерева, даже за женщин.

Я сидел с Алексеем Ивановичем и Кудиновым, недалеко Лепорский, Быков, Орбели. Во время разговоров мне пришла идея расширить ВММА и придать им 1 ЛМИ. Это трудноосуществимо и встретит массу препятствий, но в принципе это было бы правильно. 1 ЛМИ разорен, не оборудован и не скоро будет оборудован.

Во время сессии я сидел с Борисом Дмитриевичем Петровым. Он из речей ораторов до произнесения вычеркивал целые абзацы, как полномостный хозяин. Он спросил меня: «Какой ответ вы дали наркому?» «Отрицательный, — ответил я. — Пока Бурденко жив, он никого

в институт Академии (хирургический) не пустит, а если найдется кто-либо и соблазнится этим местом, Бурденко все равно его выживет». «Неужели вы думаете, что мы не сможем справиться с Бурденко? За последнее время мы ему не раз давали по рукам и осаждали. Для наркома вопрос об институте — тяжелый крест. Если бы вы взялись за это, то все затруднения бы отпали». — «Но они бы закончились для наркома и начались бы для меня. Вся моя жизнь превратилась бы в сплошную каторгу».

23.XII. Суббота. Я поехал в инструментальный склад (тов. Эдельс, Кривоколенный пер., д. № 12) и отобрал там значительное количество инструментов, кетгуту, шелку.

Вечером пришла Анастасия Евгеньевна Рубашева. Живет она в кабинете рентгенолога в клинике Бурденко. Последний в клинике не был с сентября месяца. Управляет клиникой бездарный Салищев, оперирует мой бывший «знаменитый» аспирант Лепукалн, у которого вместо рук остались крюки. Единственного хорошо оперирующего хирурга профессора Корейшу, своего ученика, он выжил, сокращен с сентября. В клинике идет вакханалия резекции желудка даже по поводу пустяковых язв.

Насколько известно, старик мечтает встать во главе института Академии.

Приходил Сергей Васильевич Беляев, который мне принес постановление ВЦСПС о возвращении госпиталя 4017 из Вятки в Ленинград. Он просил меня поговорить со Смирновым. Я обещал.

Звонил Левит, говорит, что Е.И. Смирнов хочет меня видеть. С Левитом мы поехали к Смирнову. Он рвет и мечет по

поводу речи Юдина, что нельзя так врать, как врет Юдин. Я сказал, что виноваты вы сами. Вы возвышаете его безмерно, и он решил, что врать также можно безмерно.

В 15 часов меня цистоскопировал Фронштейн. Это довольно больно, но терпимо. Он нашел, что у меня около 100 куб. см остаточной мочи. Средняя доля простаты нависает. Камней нет. Целый день и весь вечер я кровоточил, хотя и умеренно.

24.XII. Воскресенье. С утра кровь лишь в начале мочеиспускания. Мочеиспускание малоболезненно.

С Татьяной Сергеевной сходил в библиотеку НКЗ, сдал книгу, взял Kleinichmidt'a.

Побывал у Тамары. Она мне сказала, что приходил Влад... также считает, что операция неизбежна. Бедная в ужасном настроении, считает, что операции не перенесет. Ей рекомендовали, чтобы ее оперировал Файерман, я посоветовал Петрова.

Вечером приходил Блаунштейн, который просил, чтобы за него я хлопотал у адмирала Левченко. Побывал Шляпоберский, который просил похлопотать, чтобы Левита избрали академиком, приходил Эпштейн, который просил, чтобы Фронштейна избрали академиком. Оказывается, переживают не только шефы, но и их помощники.

Беляеву вернул его бумаги и сообщил, что мне сказал Смирнов по поводу госпиталя 4017. Утром приходил профессор Дунаевский, который произвел впечатление середняка. Говорил с Ниной и Жоржином по телефону.

Вечером с Петровым ходил слушать Пантофель-Печерскую. Пела без души — плохо.

Днем по телефону беседовал с Сергеем Сергеевичем Юдиным, которому сказал, что очень просил бы его исправить все, что касается меня. Я никогда и нигде не говорил, что все способы пересадки кожи изобрели русские. Он опять солгал, что это сказал ему Петров, последний говорит, что ничего подобного не говорил. Я ему обещал прислать реальное резюме того, что я говорил. Он спросил меня, а не следует ли еще что-либо исправить в его речи. Я сказал, что русским не следовало бы забывать, что кроме русских в войне участвует весь советский народ, и не следовало бы ему хотя бы забывать, что хозяин грузин.

Кроме того, не следовало бы все же упустить из виду, что в нашем Союзе первым сделал резекцию Cardial Левит, а не Савиных. Говорят, горбатого могила исправит, но Юдину даже это не поможет.

Б.А. Петров мне сказал, что за последнее время его не узнать, он стал небрежен, плохо моет руки, опаздывает или совершенно не приходит, лекции не читает. Из 9 тотальных резекций умерло 5. Не знает границ для выдирания желудка.

Приехали какие-то грузины, так вот, чтобы им демонстрировать резекцию желудка, схватили больного, который еще только проходил приемный покой и не успел поступить в отделение.

К сожалению, все это у нас возможно, потому что нет совершенно общественного мнения, нет общественного контроля.

25.XII. Понедельник. Утром приходила Мария Алексеевна Иваницкая, просила передать мужу посылку. Ездил за инструментами для 1 ЛМИ, получил на 30 000 р. Побывал у Тамары, ее положение остается тяжелым. Побывал у Кудинова.

В 5 часов выехал «стрелой» в Ленинград.

26.XII. Вторник. В Ленинграде тепло.

27.XII. Среда. Оперировал в «Скорой» больного артериовенозной аневризмой art. tibialis et vena tibialis postica. Вечером заседание Хирургического общества Пирогова.

28.XII. Четверг. С утра занимаюсь со слушателями ВММА. Читал лекцию «Лечение артериовенозных аневризм». Заседание совета профессоров. Гинзбург защитил диссертацию на звание доктора медицинских наук. Избрали Эмдина профессором.

29.XII. Пятница. Смотрел массу больных в 1 ЛМИ. Читал лекцию «Разрыв мочеиспускательного канала». На заседании совета в ВММА разбирали вопросы о научно-исследовательской работе совета. Я сделал краткую информацию об учредительной сессии Академии наук.

30.XII. Суббота. В ВММА сделал первую операцию в большой операционной. Оперировал аневризму подключичных сосудов слева. Резецировал ключицу. Места не хватило, пришлось добавить разрез. Было очень трудно. Оперировал три часа.

31.XII. Воскресенье. Кровавый 1944 год подходит к концу. Самое ужасное — это все продолжающаяся война. Правда, год следует назвать исключительно счастливым для всех участников антигитлеровской коалиции и особенно счастливым для нашей родины. Наша страна почти целиком освобождена от интервентов. Остается неосвобожденным лишь небольшой уголок Латвии и Литвы. Но зато мы глубоко продвинулись в глубь Западной Европы, взяли

Бухарест, Белград, Софию, сегодня-завтра возьмем Будапешт. Вывели из войны Финляндию, Румынию. Объявили войну Болгарии и в пять дней заставили ее капитулировать. Союзниками освобождены Франция, Бельгия, часть Голландии. Американцы высадились на Филиппинских островах и регулярно бомбят Токио. Германия, лишившаяся русского хлеба и мяса, рабочей силы, румынской нефти, хлеба и прочего добра, болгарского сыра, лишится на днях венгерской пшеницы. Союзники громят ее промышленность, вот-вот подойдут к Рейну, и тем не менее Германия дерется. Впрочем, ей ничего другого и не остается делать, так как обречены на гибель не только главари нацистской банды, но и вся страна. По-видимому, решено левый берег Рейна отдать Франции, Австрия должна быть освобождена, часть Германии между Вислой и Одером отдать полякам, часть Восточной Пруссии полякам, часть нам. Фактически Германия как таковая должна быть уничтожена... При таких условиях Германии ничего не остается делать, как безнадежно зверски драться до последнего немца, что они и делают.

Не оправдалось предсказание Эйзенхауэра от 27.12.1943 года, что «мы

выиграем Европейскую войну в 1944 году».

Мы вернулись в освобожденный Ленинград, вокруг которого пустыня. Кировский период нашего существования окончился. Трудно еще живется в только что освобожденном Ленинграде. Несмотря на все преграды, народонаселение города с каждым днем растет. Щиты исчезли с магазинов, и тем ярче видна зияющая пустота в магазинах. В трамваях, число которых явно недостаточно, творится что-то невообразимое.

Неожиданно на мою голову свалилось пузырное кровотечение, камни, операция. Работаю в двух госпитальных клиниках: 1ЛМИ и ВММА и в «Скорой», верчусь как белка в колесе. Нет ни одного свободного дня, ни разу не был даже в театре. Явно не хватает времени. По-видимому, чтобы окончательно доконать меня, последовало утверждение в действительные члены Академии медицинских знаний.

Хотелось бы хотя в 1945 году увидеть конец войны и страну нашу, возвращающуюся к мирной жизни. Что-то не похоже, впереди Япония и неисчислимое количество вопросов, которые нелегко будет уладить и после войны. Идет снег!!

1945 год

1.I. Понедельник. Сижу дома, стараюсь работать, но из этого ничего не выходит. Новый год скромно встретили дома.

2.I. Вторник. В Академии оперировал больного с артериовенозной аневризмой. Трудно, работал 3 часа.

3.I. Среда. Оперировал в 1 ЛМИ.
1) Pancreato-cysto-enterostomia. 2) Sa ventriculi-9-E. 3) Разрыв parmu membranacea urethrae.

Осматривал клинику, в которой тепло, но еще много работы.

Выяснилось, что мне необходимо ехать в Севастополь к больному адмиралу Октябрьскому, которого оперировал Житнюк и к которому направлен Б.А. Петров. Говорил по телефону с Ф.Ф. Андреевым, который мне сказал, что наложена холецистостомия.

4.I. Четверг. Читал лекции в ВММА — «разрыв внутреннего мениска» и вел занятия со слушателями «тбс шейных желез».

Говорил с Зедгенидзе — как организовать осеннюю конференцию и как устроить выставку. Состоялось заседание под председательством Мельникова по созыву хирургов флотов. Готовлюсь к отъезду в Севастополь, в провожатые мне дают Бориса Константиновича.

5.I. Пятница. В «Скорой» выдвинул общей темой на 1945 год «Последствия огнестрельных ранений органов грудной клетки». Вместе с Борисом Константиновичем выехал «стрелой» в Москву. В Ленинграде тает.

6.I. Суббота. В Москве не холодно, лежит немного снега. Легко и быстро устроились в гостинице «Националь». От Ф.Ф. мало что можно узнать интересного, хотя он и побывал в Констанце и Бухаресте. Ничего нового относительно болезни Октябрьского.

Татьяна Сергеевна мне принесла очень интересную книгу о братьях Маю. Вопросы о награждении Боба и производстве его в подполковники.

7.I. Воскресенье. Побывали у Тамары. Выглядит неплохо, но говорит, что настолько слаба, что не может даже сидеть. Видели ее мужа, который не склонен к оперативному вмешательству и находит, что если таковое следует производить, то это можно сделать и в Тбилиси.

Ф.Ф. пригласил меня к себе на вечер, обещал заехать в 7 часов вечера. Я ждал его и никуда не ушел. Наконец он заявился без 10 минут 10 часов. Я послал к нему Бобу и просил передать, что в 11 часов мне необходимо уже уехать, а потому мне не стоит к нему идти. Начальство осталось недовольным, но мне кажется, что недовольным имею право быть именно я. Всему есть предел, даже начальству начальства.

Из Москвы отошли с опозданием на 45 минут.

8.I. Понедельник. Ночью паровоз никак не мог справиться с поездом и поднять его на гору. Опаздываем не то на 5, не то на большее часов. В вагоне холодно, но выспался сносно. Проводница ловко сворачивала уголь с проходящих поездов — это

не спасает. Узаконенное воровство, ибо в Москве никто не снабжает их углем. Боб все засыпал пиретрумом. Ни одного насекомого, проводница уверяет, что у нее вообще они не водятся.

9.I. Вторник. Курск — Белгород — Харьков. Опаздываем уже на 10 часов. Идем по разрушенным местам. От Белгорода (вокзала) остались одни руины, не многим лучше выглядит харьковский вокзал. Везде лежит снег, однако недостаточно глубокий, морозы, ветрено.

10.I. Среда. Необозримые поля, разрушенные станции, будки. Вечером Мелитополь, от станционных зданий остались одни руины. Не идем, а ползем. Опаздываем уже на 12 часов, никак не можем добраться до Сиваша. Наконец в час 30 мин ночи добираемся до Симферополя.

11.I. Четверг. Нас встречает начальник севавтопольского Морского госпиталя Сергей Николаевич Золотухин на шикарной машине командующего флотом — «Рено». Едем в филиал Морского госпиталя (на 300 коек), развернутый в Симферополе. Нас ждет горячий ужин, что после многодневного сухо- и холодоядения мы вкушаем без удовольствия. За ужином Золотухин рассказывает о настроениях в деревне, где побывали немцы. Ждем до утра, и в 5 ч. 30 мин выезжаем в Севастополь.

Сижу с шофером, дорога прекрасно сохранилась. Не раз дорогу пересекают белые зайчики, которых ослепляют фары. В госпитале нас предупредили, что на дорогах орудует шайка «Черная кошка», но мы никого кроме белых зайчиков не видели. Светает, когда подъезжаем к городу, которого фактически не существует. Вот остов знаменитой панорамы, вот Тот-

лебенский памятник, которому снарядом оторвало голову. Из зданий уцелели полностью лишь единицы, например почта. Все остальное сплошные руины. Северная бухта полна кораблями — и своими, и взятыми как трофеи у румын и болгар. Возвращение флота в постоянную Севастопольскую базу было обставлено чрезвычайно торжественно. В момент входа кораблей в бухту 4.XI.1944 г. в воздухе реяло сто самолетов, весь берег был иллюминирован, попы служили молебен, бабы падали ниц и плакали.

Нас встретили начсанотдела Зотов, проф. Петров, Ясиновский, доц. Житнюк. С историей болезни адмирала еще в пути меня познакомил Золотухин. Вот вкратце ее содержание. Адмирал Филипп Сергеевич Октябрьский (Иванов) заболел 29.XII. утром жестокими болями в подложечной области. Боли носили схваткообразный характер, $t^{\circ} - 37,5$, лейкоцитоз 20 000, эозинофилов — 0, сдвиг влево. До вечера Житнюк и Ясиновский ничего не могли решить, однако в конце концов остановились на диагнозе прикрытой перфорации желудка. Перевезли его в госпиталь, рентгеновское исследование ничего не дало. В конце концов, получив разрешение от члена Военного совета Азарова, Житнюк вечером его оперировал, ассистировал Розовский, наркоз давал Шипунов, в операционной Зотов, Ясиновский, Азаров. Оперировали в комнате, где положили адмирала, ввиду того что операционная ремонтируется. Срединная лапаротомия в надчревной области. Желудок и 12-перстная кишка изменений не представляют. Большой, готовый прорваться, истонченный желчный

пузырь. Небольшой выпот в брюшной полости (неубедительно. — Ю.Д.). По словам хирурга, обследовать желчные пути достаточно не удалось, так как у больного остановилось дыхание. Розовского пришлось переключить на борьбу с этим осложнением. К продольному разрезу был добавлен поперечный. Желчный пузырь шит в стенку брюшной полости, вскрыт, и введен дренаж. В первые дни больной немного лихорадил. Срединная рана нагноилась, пришлось распустить швы.

В момент моего обследования общее состояние больного хорошее. Большая часть раны зажила. Около дренажа гноится. Я назначил уротропин, лимон, попросил опустить ноги.

Живу в теплой хорошей комнате напротив комнаты адмирала. Кормят прекрасно. Вечером в комнате адмирала показывали кино «Хирургия» и «Маска» по Чехову — бесподобно.

Состояние адмирала хорошее.

12.I. Пятница. Адмирал предоставил в мое распоряжение свою машину и просил Зотова показать мне город и наиболее интересные места боев.

Мы — я, Зотов, Борис Константинович и Петров выехали в 12 ч. дня на шикарной машине «Buick». Город совершенно разрушен. Жарко, приходится расстегивать шинель. Прекрасно Черное море. Самое неизгладимое впечатление произвела взорванная нами батарея № 35. Торчат в воздухе жерла 12-дюймовых орудий, взлетевшие на воздух цементные стены. Стоим над скалами у берега моря, в этих скалах немцы устроили многочисленные добротные сходни. Внизу под скалами подходили баржи, на которых они и уди-

рали. Много, говорят, около 50 тысяч, их утопили. На поле сотни авиабомб, часть из них дымится. Говорят, что их боятся разряжать, боятся взрывать, боятся вывозить. Масса самолетов — мессершмитов, транспортных. Говорят, все поле было усеяно техникой, но массу убрали.

Поехали в Балаклаву, много подводных лодок. База подплава. Масса разрушенных зданий. На обратной дороге проезжали около Сапун-горы, у которой у немцев была последняя оборонительная линия.

Адмирал лихорадит до 38,3°. Повидимому, затек.

13.I. Прекрасный солнечный день сменился хмурым, холодным. Дует холодный норд-ост. Осматривал хирургическое отделение. Все то же. У адмирала вскрыли гнойный затек. Вечерняя температура 37,3°.

Закрыли дренаж у адмирала. Отослал письмо Нине через Броню.

14.I. Воскресенье. Состояние адмирала прекрасное. Убрали дренаж. Температура нормальная. У Бориса Константиновича приступы бронхиальной астмы, жалко на него смотреть. Были в штабе ЧФ. Обедали в салоне у них. Посуда вывезена от румынского короля.

15.I. Понедельник. Уехали Петров и Зотов, последний уехал встречать Кудинова. Мне больше делать нечего, и можно было бы и уехать. Решаю еще подождать два дня и выехать 18-го.

16.I. Вторник. Состояние адмирала прекрасное. Я ему разрешил сидеть в кресле. Скучно. На дворе холодно. Здесь делать больше нечего. От поездки в Ялту отказался. Дорога скользкая, и не советовали, мне там делать нечего. Жду не до-

ждусь, когда уедем. Сегодня Борису Константиновичу лучше.

17.I. Среда. Лежит немного снега, даже подмерзло. Уверяют, что мы завтра выехать не сможем из-за скользкой дороги. Хотелось бы верить, что нас сия чаша минует. Вчера вечером приехали Кудинов и Маляров. Состояние адмирала остается прекрасным. Он мне преподнес радиоприемник.

В городе разразилось целое несчастье. 13-го числа прибыла цистерна с метиловым спиртом, был выставлен караул с офицером во главе. Они перепились в первую голову, из троих умерли двое, третий при смерти. Дальше началась вакханалия. Начали растаскивать метиловый спирт ведрами, в дело вмешались шофера, но не только воровали для себя, но развозили яд по Крыму. Метиловый спирт появился в продаже на базарах. Начались отравления как среди моряков, так и среди гражданского населения. В сумме отравилось около 40 с лишним моряков, из них умерло в госпитале 14 человек, началась слепота. Среди гражданского населения также отравилось около 40 человек, число погибших мне неизвестно, по-видимому, также погибло около 13.

Вечером два сногшибательных приказа. Жуков в два-три дня взял Варшаву. Конев — Ченстохов, перешел в наступление Конев, шаг за шагом освобождает Толбухин Будапешт. И в это время глухо говорят о свидании трех руководителей Сталина — Рузвельта — Черчилля. Свидание, по-видимому, предполагается в Ялте. Говорят, что быстрыми темпами восстанавливается Ливадийский дворец, вылизали Ялту, экстренно подчищают весь метал-

лический лом на вокзале в Севастополе, подправляют и подчищают улицы. У нас об этом говорят под сурдинку, а европейское радио об этом свидании орет во все горло. Не сомневаюсь, что Хозяин знал о наступлении на Польшу и оттягивал свидание трех, пока все польские козыри не будут у него на руках. Полагаю, что тотчас после освобождения Польши будет создана советско-польская комиссия по проведению границы между Советским Союзом и Польшей, а после того как это будет сделано, то трудно будет Миколайчикам это переделать.

Смотрел генерал-лейтенанта Мигунова с холециститом.

18.I Четверг. Теплый, ярко-солнечный день. Прощаемся с севастопольским госпиталем и его обитателями. В 14 часов выезжаем с Борисом Константиновичем на шикарную машину адмирала — «Buick», нас сопровождает полковник Александр Алексеевич Зарубин. Через час 45 мин мы в Симферополе. Проезжаем поля недавних сражений. В Инкермане видим пропасть, куда немцы скатывали цистерны, паровозы и вагоны, которые они не могли вывезти. Оголенные сады, в которых не видно жителей. Хорошо сохранившееся шоссе. В Симферополе прямо направляемся на вокзал, увидеть, насколько опаздывает поезд. Мы готовы мириться с 5–10 часами. Но нас совершенно ошеломили, что поезд сегодня не придет, только завтра, а начальник госпиталя нам сказал, что, возможно, он не придет и завтра.

Поселяемся в Морском госпитале № 46. У нас вполне сносная комната. Нам ничего другого не остается, как молча ждать прихода и отхода поезда.

19.I. Пятница. Сегодня ровно две недели, как мы покинули Ленинград. Ярко светит солнце, снег едва прикрывает землю. Зарубин уехал обратно. Живем в хорошей комнате у очень гостеприимного начальника госпиталя Евгения Михайловича Орлова. Адрес: Караимская улица, 26, Морской госпиталь. Поезд опаздывает, по предварительным сведениям, на 7 часов, согласны мириться на 10. Вчера вечером ходили в кино, ушли с середины картины, потух свет. Вчера приходил хирург Акулов Сергей Александрович, здорово состарился (подполковник).

Приходил проф. Анатолий Николаевич Круглов. Ему 54 года, выглядит 60-летним старцем. Я его всегда знал безусым и безбородым. Сегодня он с рыжей козлиной бородкой и усами. Говорит, отпустил бороду, когда пришли немцы, и думал, что придется сбрить, чтобы скрываться. Он в продолжение 8 лет был профессором хирургической клиники Симферопольского мединститута. В момент эвакуации института он остался в Симферополе. Затем должен был эвакуироваться на теплоходе «Армения», но по какой-то счастливой случайности не попал на «Армению». Как известно, этот теплоход со всеми пассажирами был торпедирован около Ялты 7 ноября 1941 года, он был потоплен торпедой, сброшенной с самолета. На нем погибло не меньше 500 врачей, погибли почти все врачи севастопольского госпиталя, имущество и персонал нескольких госпиталей. Насколько можно судить со слов самого Круглова и других, в его руках находилась огромная частная практика, преимущественно в его клинику стекался огромный клинический материал. По его

словам, за 8 лет было прооперировано 126 больных с туберкулезом почек, 76 больных с эхинококком легких. Один из его ассистентов написал докторскую диссертацию на основании 600 случаев эхинококка в Крыму. Симферопольский институт был эвакуирован в Кызыл-Орду. Там на кафедру госпитальной хирургической клиники был избран ученик Круглова Потапов. Естественно, что когда мединститут вернулся обратно, то Потапов не уступил место Круглову, что вполне естественно, но Круглова отвели и при баллотировке на свободную факультетскую хирургическую кафедру. Формально против Круглова нет никаких обвинений, он даже остается директором Онкологического института, но в мединститут его не пускают. При таких обстоятельствах он подал на кафедру во Фрунзе и прошел. По-моему, ему лучше туда уехать.

Поезд продолжает увеличивать опоздание, в сумме он опоздал на 9 часов. Мы несколько раз ездили на вокзал, звонили без конца. Наконец выехали в 12 ч. 30 мин, но в вагон не пускают. Никто ничего не знает, не говорят даже, когда уйдет поезд. Наконец с помощью коменданта в 3 часа ночи попадаем в вагон. Международный, второй категории. Тепло, чисто, ни клопов, ни вшей.

20.I. Суббота. Отошли в 5 часов утра. Ползем сначала по малоснежным, а потом по снежным просторам. Все разрушено. Опаздываем на 6 часов.

21.I. Воскресенье. Ползем. Опаздываем уже на 8 часов. Ужасающе разрушен прекрасный вокзал в Харькове. Фактически осталась лишь часть стен. Говорят, что было вчера 3 приказа, но что именно

взяли, никто не знает. Говорят, что взяли Тильзит. В уборной нет воды. Идет снег. Холодно. Опаздываем на 7 часов.

В день отъезда из Севастополя 18.I ко мне пришел начальник Штаба ВВС Борис Лаврентьевич Петров, которого лечил Б.А. Петров по поводу перелома бедра в нижней трети. Он лежал в госпитале в Сочи. Он ругает Петрова последними словами. Во многом генерал-майор Петров не прав. Но многое, в чем он обвиняет Петрова и Адамова, безусловно, правильно.

22.I. Понедельник. По отрывочным сведениям, которые мы перехватываем в пути, продвижение на всех фронтах блестящее. Теперь немцы, по-видимому, почувствуют, что такое война, что значит, когда народ бежит перед наступающей армией. Ползем возмутительно медленно. Лежит глубокий снег. Ветер, в вагоне холодно. Уголь удаётся наворовать не в достаточном количестве, так как он охраняется. Опаздываем на 7–10–15 часов. В сумме мы опоздали на 17 часов и приехали в Москву в 6 ч. 30 мин 23.I.

23.I. Вторник. Нас встретил краснофлотец и машина. Евгения Ивановна была настолько любезна, что прислала даже № комнаты, которая оставлена для меня в «Национале», который переполнен профсоюзными делегациями. К перечисленным удачам присоединилась одна совершенно неожиданная. Оказалось возможным взять ванну, после чего мы переродились.

Побывали у Тамары Микеладзе: состояние хорошее. Решила и она, и муж, что необходимо оперироваться. Просит, чтобы оперировал я. Но так как мне неудобно оперировать и уехать, оставив тяжелую

больную, то мы предложили ей переехать в Ленинград в мою клинику.

Вечером смотрели в кино «Ивана Грозного». Поставлено шикарно, хотя Малюту Скуратова и Курбского играют плохо.

24.I. Бродим по разным делам. Был в Литгизе, спрашивал насчет книги С.М. Кузнецовой. Оказываются, не печатают из-за отсутствия бумаги.

25.I. Заказал в Главмедсовете инструменты для «Скорой» и клиники.

Вечер провели у Исакова. Был у Рогова и Малышева.

26.I. Пятница. В Москве очень холодно — 27 градусов. Выехали с Бобой «стрелой». В вагоне холодно, не топят, замерзаю.

27.I. Суббота. В Ленинграде минус 19. Нас встречают Смирнов и Струков. Целый день сижу дома. В 17 часов был в ВИЭМ'е на заседании академиков. Председательствовал Мусоелян, присутствуют академики Парин, Радзенков, Заварзин, Быков, Осипов, Тонков, Аничков и др. Обсуждались вопросы о структуре отделов и лабораторий.

28.I. Воскресенье. День провел в клинике ВММА, смотрел больных.

29.I. Понедельник. Оперировал в клинике ВММА — профессора Лонца — 1) левосторонняя паховая грыжа 2) разрыв внутреннего мениска правой ноги 3) иссечение рубца на левом предплечье.

Присутствовал на заседании совета профсоюзов 1 ЛМИ. Среди других дел проходило жульническое дело «профессора» Беккермана. В 1942 году с благословения проф. Шаак и согласия профессоров сей муж в качестве докторской диссертации защищал свои «Лекции по общей хирургии», читанные им пять лет

назад. Звание доктора было присуждено. Дальше «диссертация» была направлена в Москву и на пути таинственно исчезла. В настоящее время дирекция возбуждает ходатайство перед ВКВШ о присуждении звания доктора — ввиду того что якобы у «доктора» во время несуществующей бомбардировки исчезли все документы. Я, конечно, не верю, что у Беккермана исчезли все документы. Он прав, что не посылает в Москву свои лекции, которые бы, конечно, не были утверждены. Послушный совет вотировал почти единогласно «ЗА».

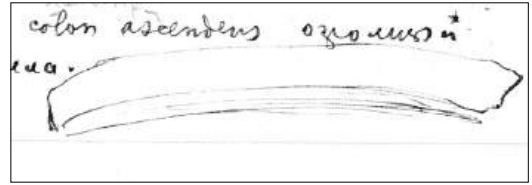
30.I. Вторник. В клинике 1 ЛМИ ассистировал Зинаиде Васильевне при повторной лапаротомии. Больного раньше оперировала она сама по поводу язвы 12-перстной кишки и наложила 9.-Е. Отверстие заросло. Все явления возобновились. Найдена язва 12-п. Отверстие 9.-Е. заросло. Резекция желудка.

Поступила женщина 35 лет, у которой вальцами ободрало нижнюю треть предплечья, всю тыльную и ладонную поверхность, разодраны мышцы тенора, вывих в пястно-фаланговом сочленении.

Всю руку я тщательно вымыл зеленым мылом, вымыл всю рану, засыпал стрептоцидом, на тыльную поверхность пересадила кожу по Красовитову, на ладонную большой дырчатый лоскут.

31.I. Среда. Оперировал в «Скорой» по поводу артериовенозной аневризмы левых ягодичных сосудов. Перевязал артерию гипогастрика. При перевязке *hypogastrica* последняя разорвалась. Началось кровотечение, с которым было

трудно справиться. Боюсь, не прихватил ли я в лигатуру какой-нибудь нерв. У больного после операции сильно болит нога.

Удалил из *colon ascendens* огромный кусок металла

1.II. Четверг. Читал в Академии лекцию «Облитерирующий эндартериит».

2.II. Пятница. Оперировал в 1 ЛМИ.

3.II. Суббота. Оперировал в Академии. Кровавая репозиция перелома бедра с аппаратом Sores I. Пересадка сухожилий при параличе *n. radialis*.

Вечером были в гостях у Георгия Аркадьевича.

4.II. Воскресенье. Второй раз смотрел «Ивана Грозного». Здорово сделано.

5.II. Понедельник. Оперировал в 1 ЛМИ разрыв уретры.

6.II. Вторник. Оперировал в Академии одного контр-адмирала. В ягодичной области ничего патологического не нашел. Кровавая репозиция мыщелка бедра. Костный салид по Киршнеру при фиброзном ложном суставе.

Состоялся консилиум у Тамары Микеладзе. Были Лепорский и Мясников. Оба думают, что у нее тромбофлебическая селезенка. Ничего хорошего ни от терапии, ни от операции они не ждут. Лепорский предложил пенициллин и переливание крови.

7.II. Среда. Оперировал в «Скорой». Ассистировал Каменчик и Степановой на

артериовенозных аневризмах бедренных артерий. Сам оперировал больного, который лихорадит в продолжение двух месяцев, пуля расположена в ретробрюшинном пространстве. Масса гною. Заседание Хирургического общества. Инородные тела сердца.

8.II. Четверг. Слушал доклад проф. Пономарева о пенициллине, который он делал у нас в клинике. Тамаре переливали кровь первой группы. После введения 60 куб. см дала жесткую реакцию. Дальнейшее введение крови прекратили. Читал лекцию в Академии, кончал «Лечение эндартериита». Читал так себе.

9.II. Пятница. Оперировал в 1 ЛМИ. Ассистировал Усольцевой. Сам делал холецистэктомию.

10.II. Суббота. В Академии ассистировал Смирнову на артериовенозной аневризме подключичных сосудов. Аневризма предполагалась в первой части Subclavia. Обезболивание местное. Начал он de quervain'овского разреза. Перевязал v. uog. externa, затем interna, после перевязки V. Subclavia началось незначительное присасывание воздуха. Обнажили art. tubelaria, пересек m'itcolenus anticus. Лопнул аневризматический мешок. Мне удалось влезть кончиком левого указательного пальца, и я попал в дыру, после чего кровотечение, которое было ужасным, прекратилось. Я предложил Смирнову иссечь часть tambrii sterni, резецировать хрящ 2 и 1-го ребер и остаток ключицы. Конеч моего пальца оставался в дыре в продолжение 35 минут, я чувствовал, как онемел палец, боли были настолько ужасны, что я решил один палец заменить другим. Но стоило мне вынуть палец раньше, чем я

успел ввести другой, который уже не оставил кровотечения ужасающего, в один миг больной стал трупом. Пульс исчез, остановилось дыхание. В это время средостение было широко открыто, и я придавил art.brachio-ceph. и vena anon.dextra к позвоночнику. Оставалось вместе перевязать art. Anonymo, v.anonyma dextra.

Не знаю, удалось ли спасти v. Anonyma sinistra. Больному из двух воронок влили 2300 куб. см крови. Мало-помалу появился пульс. Правая плевра оставалась разорванной на ширину ладони. Я оставил больного на операционном столе в продолжение двух часов. Кровяное давление 85–50. Появился хороший пульс. Дыру в плевре закрыли большим Микуличем.

Туп и эйфоричен Смирнов. Он полагал, что все хорошо. Счастливый человек.

Был на линейном корабле «Октябрьская революция», смотрел начальника штаба эскадры контр-адмирала Павла Ивановича Колчина.

Ужасно устал!!

11.II. Воскресенье. Целый день чувствую усталость. Больной жив, но в тяжелом состоянии, паралич n. facialis. Возбуждение. Явления ступора.

Вчера получил телеграмму от Зотова, что адмирал Октябрьский выздоровел — свищ закрылся, и уехал в Ялту.

12.II. Понедельник. Оперировал в «Скорой», ассистировал Будзинской, которая первый раз в жизни удаляла инородное тело из легкого.

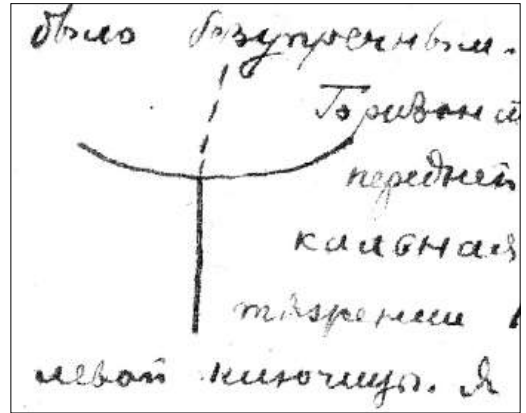
Сам оперировал больного с эмпиемой левой плевры. Случайно ранил диафрагму и попал в брюшную полость. Наряду с торакопластикой сделал декортикацию легкого.

Сегодня вечером Совинформбюро сообщило о конференции в Крыму руководителей трех великих держав: Сталина, Рузвельта и Черчилля. Приняты, как уверяют, исключительно важные и согласованные решения, уверяют, что достигнуто соглашение и относительно Польши. Конец, вполне заслуженный конец Германии. Напрасно Германия еще барахтается, ничего ей не поможет.

13.II. Вторник. Тяжелый для меня день!! Утром пришел в клинику Академии. Первая неприятность — больной, которого оперировал Е.В. Смирнов, сегодня утром умер.

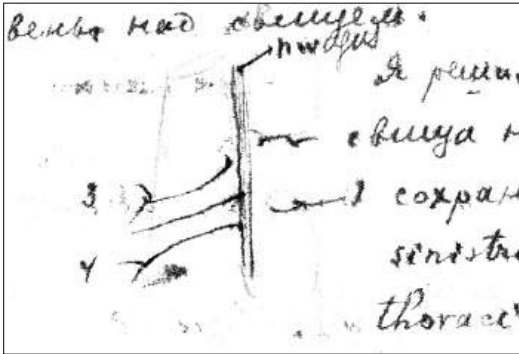
Я оперировал аналогичного больного, у которого имелась артериовенозная аневризма art. carotis communis и v. jugularis interna. Принимая во внимание, что инородное тело вошло слева и, перекрестив среднюю линию, оказалось в правом легком, то нельзя было исключить повреждения в первой ча-

сти art. Subclavia — слева. Поэтому я сразу решил идти снизу, освободив и обнажив крупные сосуды основания сердца. Обезболивание местное было безупречным.

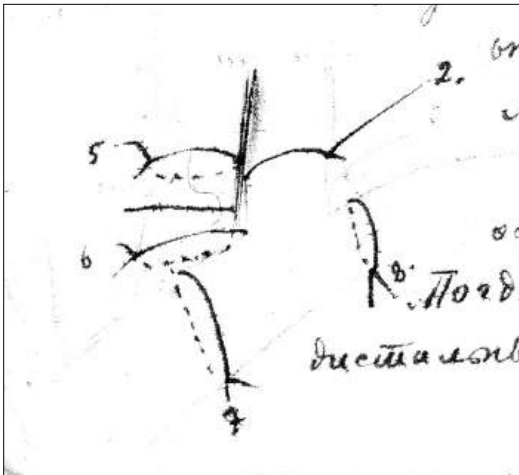

Я сделал разрез Saurbruch'a

Горизонтальная часть разреза шла по передней поверхности ключиц, а вертикальная по середине грудины на протяжении 10 см. Поднадкостничная резекция левой ключицы. Я ее перепилил против pr. coracoideus, оставив ее в связи с грудиной. Под грудину инъецировал новокаин, чтобы отслоить плевру. Анестезировал второе межреберье. Резецировал хрящ второго и первого ребер. Приподнял manubrium sterni и резецировал ее половину на протяжении 8 см. Получился прекрасный доступ. Перед глазами v.anonyma sin. Место впадения v.jugularis int. V.subclavia sin. Ввиду того что выяснилось, что место свища расположено между v.jugularis int у места впадения в v.anonyma sinistra, то пришлось добавить разрез по переднему краю m. St. Cleido слева. Я перевязал дистальный конец вены над свищом.

Я решил наложить лигатуру ниже свища на вену jugularis (2), чтобы сохранить проходимость v. Subclavia sinistra и место впадения ductus thoracicus. Это удалось. Был момент, когда я решил на этом закончить операцию. Но когда я выслушал место анастомоза, то увидел, что шум остался с прежней силой.

Тогда я решил перевязать дистальный и проксимальный концы art. Carotis communis. Это также удалось. Но когда я снова выслушал место анастомоза, то оказалось, что шум остался. Тогда стало очевидно, что ранена v subclavia. И действительно, оказалось, что боковая стен-

ка subc. также ранена и входит в анастомоз. Мне не оставалось сделать ничего другого, как перевязать art.subcl. sin. в первой части, что я и сделал. Затем я перевязал art.subc. sin в 3-й части, тотчас у наружного края m.scaleni antikI. Здесь я только наложил лигатуру, но сосуда не пересекал.

К этому моменту операция уже продолжалась около 4 часов. Поэтому я решил оставить мешок на месте, тем более что я не мог бы выделить впаянный n.vagus.

Технически операция шла безупречно. Лишь в левой плевре образовались две точечные дырки, которые удалось легко закрыть лигатурой. Я зашил большую часть раны, только в верхней части средостения оставил тампон Микулича. Операция продолжалась 4 ч. 45 мин.

К концу операции я обнаружил паралич n.facialis справа.

Лицо бледное, на вопросы отвечает, сильно кривит рот. Мало-помалу лицо синее. Больной прогрессивно теряет сознание, правосторонняя гемиплегия. Приблизительно через час после операции больной погиб.

Данные вскрытия: <не указаны>

Примечание. Если с точки зрения технической все было сделано безупречно, то с точки зрения тактической следует признать, что я взялся разрешить неразрешимую задачу. Перевязка art. subcl. после перевязки art. Carotis communis, выведя из строя art. Vertebralis, имела последствием развитие гемиплегии, сопровождающейся быстрой потерей сознания и гибелью больного.

Я опять сильно устал и морально подавлен. Вот воистину двойственность случаев. Сегодня утром мы потеряли больного с арт.венозной аневризмой справа, а вечером с таким же страданием слева.

Вечером сообщили, что после 1,5-месячных боев наши войска взяли Будапешт. Нами взяты 110 тысяч пленных, во главе с немецким главнокомандующим и его штабом.

Мое здоровье с точки зрения мочевых путей не оставляет желать лучшего. Мочеиспускание совершенно свободно, и ночью не приходится вставать ни разу для мочеиспускания.

14.II. Среда. Оперировал в госпитальной клинике 1 ЛМИ двух больных. 1) Рецидивный большой коллоидный зуб. 2) Больной с язвой желудка, который был оперирован у нас по поводу перфорации язвы желудка. Ушивание. Продолжающиеся жестокие боли.

Общее обезболивание. Все органы над поперечной ободочной кишкой припаяны к париетальной брюшине. Вся малая кривизна спаяна спереди с желудком, сзади с pancreas. С большим трудом удалось отделить. Чтобы иметь возможность выделить pylorus и duodenum, я рассек желудок пополам и выделил ретроградно. Исключительно трудно было инвагинировать культу duodeni; хрящевые края.

15.II. Четверг. Корнев читал для 5 курса Академии «Туберкулез костей и суставов». Читает скучно.

16.II. Пятница. Оперировал двух больных в 1 ЛМИ. Одна из них трудная резекция желудка.

Заседание VIII сессии Ленинградского совета.

17.II. Суббота. Оперировал в ВММА. Реампутация голени. Собственный вариант.

18.II. Воскресенье. Работаю над «свободной пересадкой кожи», хотелось бы ее кончить в ближайшие дни.

19.II. Понедельник. В клинике 1 ЛМИ оперировал больного с привычным вывихом левого плеча. Сделал Oudard'a в собственном варианте.

Ассистировал Зинаиде Васильевне на резекции желудка по поводу язвы 12-перстной кишки. Оперирует очень плохо. Не разбирается в тканях.

20.II. Вторник. Утром в клинике ВММА ассистировал Борису Константиновичу на реампутации бедра по собственному способу. Оперирует плохо.

Проф. Филатов сделал Тамаре введение 5 куб. см крови, которую следовало переливать за час. За полчаса ввели 1/2 куб. см морфия. Затем ей перелили 200 куб. см крови совершенно без всякой реакции.

Делал свободную пересадку всей толщи кожи по поводу дерматогенной контрактуры межпальцевых складок.

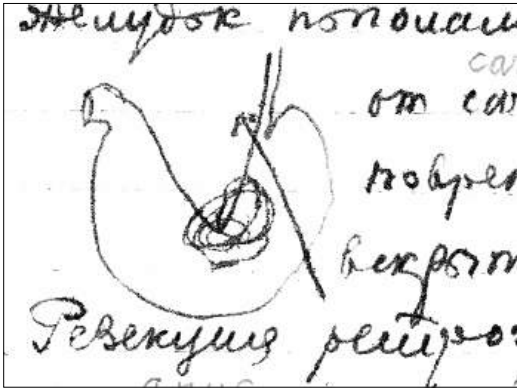
21.II. Среда. Был в «Скорой». Диктовал план реорганизации научно-практического института в научно-исследовательский институт «Скорой».

22.II. Четверг. Был в клинике Академии. Вел занятие со студентами. Корнев читал лекцию. «Туберкулез тазобедренного и коленного сустава». Не только скучно, но и поверхностно.

Вечером работал над пересадкой кожи. Кажется, окончил.

23.II. Пятница. Оперировал в 1 ЛМИ двух больных. Женщина с язвой малой кривизны, проникающей в pancreas. Это было ужасно

трудно. Малая кривизна целиком припаяна. Пройти из-под большой кривизны через малый сальник невозможно. Я рассек желудок пополам. Разрез прошел недалеко от *cardiae*. Чтобы избежать повреждения пищевода, через вскрытый желудок ввел дренаж. Резекция ретроградная.

Второй больной с апус на сигмовидной кишке. Зашил после лапаротомии.

Упал на лестнице, здорово расшибся.

24.II. Суббота. Сижу дома, работаю плохо. Вечером смотрели Уланову.

25.II. Воскресенье. «Стрелой» выехал в Москву. В купе ехал с директором Пушкинского сельскохозяйственного института, кажется, фамилия Вовсянко. В жизни не видел такого неряху, грязную. Это что-то совершенно непонятное и недопустимое не только для профессора, но и для человека!!!

26.II. Понедельник. В вагоне встретился с Куприяновым, подвез его на машине. Побывал у Fwo-Fi... Все то же... Видел вездесущего Попова. Во всем Управлении все то же. Был у Митерева, сдал заявление Гернштейна, он направил с положительной надписью к Карапетьяну — Григорию Николаевичу. Митерев спросил меня, не

возобновим ли мы разговор. Я сказал, что нет. Он согласился со мной, что Бурденко сам хочет занять место директора Хирургического института. «А я, — говорит нарком, — это дело торможу».

Евгения Ивановна поправилась, но остались боли в суставах.

Был у Ивана Степановича, он мне вручил медаль «За оборону Кавказа». Дал очень интересный очерк развертывающихся боевых действий.

Вечером сижу дома. Пришел проф. Чарный, жалуется на канцелярскую неразбериху, он неправ.

У Андреева встретил жену Арапова — Нину Васильевну. Побледнела, подурнела. Два ордена — «Звезда», «Орден Отечественной войны». Хорошо и мужу, и жене жить около начальства. Я ей сказал, что намерен устраивать его хирургом Центрального госпиталя. Она мне сказала, что у нее предполагают пузырьный занос, по-сему требуется наблюдение и пребывание в Москве. Fi-Fi это разрешил.

Позже мне Fi-Fi сказал, что Штаб Северного Флота настаивает на представлении книги Арапова «Анаэробная инфекция» на соискание Сталинской премии. Что в этом Штабе Флота понимают и с какой стороны это его касается, этого я понять не могу. Арапов свою фамилию хочет оправдать, арапом премию получить. Не думаю, чтобы это прошло. Книжка ровно собой ничего не представляет, а арап за нее деньги и честь требует.

27.II. Вторник. Солнечный день. Холодно. В гостинице топят сносно, даже каждый день ванну можно брать.

В 12 ч. дня вместе с ген.-майором Звягиным и полковником Ремизовым выехал

на шестой километр смотреть Николая Васильевича Рогова (проф. Чарный Абрам Маркович).

У него туберкулез обоих легких, кавернозный; туберкулез кишечника, туберкулезный парапроктит. Он лихорадит до 39,5 градусов, серозно-желтый вид, горящие глаза, в общем, тяжкое состояние. И какие-то олухи предлагают его отправить в Ялту.

Я написал, что об отправке куда бы то ни было не может быть и речи.

Оттуда я заехал в Морской госпиталь к Б.А. Петрову. Туда же приехал Андреев. Петров выглядит хорошо. Говорит, что в январе он много пил, вот после этого и началось кровотечение. Сам виноват, мог бы и не пить весь январь!!

Обедал у Синенко. В 5 ч. дня поехал к народному комиссару Третьякову, представил ему докладную записку относительно восстановления Научно-исследовательского института скорой помощи. Он прочел докладную записку. Читал он ее, чтобы только прочитать. По-видимому, до чертиков надоели ему эти записки. Однако, прочитав, он сказал, что он «за». Только ему требуется постановление Ленинградского исполкома. Я сказал, что таковое имеется. — «Тем лучше. Тогда необходимо, чтобы вы представили проект штатов». Я ему предложил с этой целью вызвать директора «Скорой» — Грушкина. Он написал распоряжение, чтобы он 7–8 марта приехал в Москву, и если он не попадет к нему, то чтобы он обратился к Якову Осиповичу Родову, заведующему всеми институтами. Институт он предложил назвать просто Ленинградский институт скорой помощи.

Насчет Хлопониной он мне сказал, что для присвоения звания заслуженного

врача требуется решение исполкома, со своей стороны он согласен поддержать мое ходатайство.

Холода далеко не лютые. Всего –12 градусов. Приходила жена Гинзбурга, которой я передал письмо от мужа.

Очень болит левая нога, по-видимому, острый миозит, в особенности пострадал m. Quadriceps, трудно разогнуть ногу, трудно стоять.

28.II. Среда. Ночью из-за болей в левой ноге приходилось многократно просыпаться. Сегодня как будто чуть-чуть лучше. От передвижений нога настолько разболелась, что едва на нее наступаю. Особенно тяжело подниматься по лестнице. Был в Кривоколенном переулке и заказал инструменты.

В 12 часов дня состоялось совещание, на котором выяснилось, что необходимо на Дальний Восток послать бригаду. После обсуждений из хирургов решено отправить меня, Мельникова, Теплица, Дановича. Мне необходимо читать «Первичную обработку ран, ожоги, повреждения сосудов, пересадку кожи».

В 2 часа я был на Б. Серпуховской, 27, I корпус. Налицо: Малиновский, Парин, Давидовский, Кротов, Куприянов, Павловский, Сергиев, Скрябин, Гращенков.

Сергиев делает доклад об Институте неврологии и пр. Структура принимается. Приходит Бурденко. Председательствование продолжает Малиновский. Доклад Гращенкова о структуре Института неврологии. Наворочено много. Говорит хорошо. В общем, штат в 550 единиц.

Поили чаем с бутербродами. С 2 часов ждем до 7. Нога настолько разболелась, что в физиотерапевтическом кабинете

те грели соллюксом, но вечером стало опять плохо.

Бурденко пригласил меня и Куприянова пойти с ним в Институт нейрохирургии. Прекрасное здание, которое он отвоевал у авиаинститута. Одна обширная комната заполнена таблицами, на столе масса диаграмм с документами по пенициллину, которым сейчас увлекается старик.

В маленькой комнате — монашеской келье стоит кровать, в углу крысоловки, говорит, что одолевают крысы. Обед более чем скромный. Много рассказывает старик. Говорит, что Юдина вместо Герцена не пускает НКЗ. Когда нужно было оперировать Калинина, то он отказался оперироваться у Юдина, его оперировал Д.А. Очкин, отказался Калинин и от Виноградова. Н.Н. Бурденко предлагает Вишневого перевести на место Герцена, но НКЗ не хочет. Смирнов на это место желает посадить Ахутина (какой это заместитель Герцена, по словам Бурденко). Бурденко его ненавидит и желает в пику ему выдвинуть Вишневого, называют и имя Мельникова.

По его словам, В. Шамова не пропустили в академики первой очереди из-за смерти генерала В. Он в продолжение 21 дня ни разу не исследовал бактериологическую флору. До того растерялся и написал такую историю болезни, что пришлось вызывать Ходоркова, чтобы он составил историю болезни.

На вопрос, кого он предполагает выдвинуть в академики из хирургов, он написал: Левин, Миротворцев, Поленов, Вишневский, Шамов, Левит. Он мне показывал планы будущего института Академии и все уверял, что это делает для

меня. Я ему ответил, что с такой любовью рисуют планы лишь для себя.

Академики-«одиночки» должны представить план своих работ, указать на место, где они будут работать. Не нужно думать, что они ничего не будут делать. Многократно повторял, что Гращенков жулик. Он мне показал отчет Гращенкова, отчет действительно жульнический.

Мы возвращались на машине с Куприяновым, решили, что нам жилось легче, когда мы были просто профессорами, но не академиками.

1.III. Четверг. В половине второго ночью меня разбудил по телефону Андреев. Он мне сказал, что сейчас ему звонил Левченко, который настаивает на представлении Арапова на Сталинскую премию и просил нас прийти к нему в 10.30 ч. Я пришел точно, здорово подготовив себя для переговоров. Андреев, по своему обыкновению, к сроку не пришел. Замнаркома меня быстро принял. Чуть ехидно улыбаясь, он спросил меня, знаю ли я, зачем он меня звал. Я ответил, что знаю. «Между вашим отзывом и отзывом Андреева разница. Ваш отзыв более объективен, он лучше характеризует книгу Арапова. Я перелистал книгу Арапова и нашел, что к человеку подошли необъективно». Это меня взорвало. «Если бы вы давали отзыв о крейсерах и миноносцах, то ваш отзыв для меня имел бы смысл. Но ваш отзыв о книге по анаэробной инфекции для меня значения не имеет», — ответил я. — Премия, о которой идет речь, носит имя Сталина, и к работам, которые представляются на эти премии, должно быть особое требование. Что же вы думали, что я сегодня перемену свое мнение? То, что я написал позавчера, то я думаю и сегодня

ня. Очень сожалею, что вы меня настолько не уважаете, что думаете, что я способен так оценивать работы, сегодня по-одному, а завтра по-другому». «Нет, я вас очень, очень уважаю», — ответил он. Разговор продолжался почти полчаса. Андреев не пришел. Видя бесполезность переговоров со мной, он мне сказал, что он не считает возможным меня удерживать. Я ушел! Оригинальное положение — безграмотный фельдшер в роли начсана дает блестящую оценку книге об анаэробной инфекции, Штаб Северного Флота ее направляет на Сталинскую премию, главнокомандующий Северного Флота адмирал Головкин своей мощью давит на замнаркома Левченко. Последний «перелистывает книгу об анаэробной инфекции», находит ее вполне достойной Сталинской премии... все в порядке. Мне обидно, что высшая премия в стране приобретает такое направление. Если бы Иосиф Виссарионович знал все эти «суперблатные дела», то, полагаю, что не поздоровилось бы и адмиралам, которые позволяют себе путаться в дела, в которых они ровно ничего не смыслят.

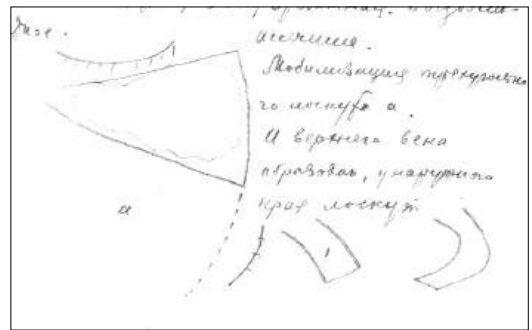
Татьяна Сергеевна, увидев мое такое резкое отношение к домогательствам Арапова, как-то сконфуженно мне заявила, что хотя Борис Ал. ничего об этом не знает, но что, кажется, институт представил «Глухую гипсовую повязку» на Сталинскую премию. Я ответил, что по поводу книги Петрова я думаю то же, что и по поводу книги Арапова — она не стоит Сталинской премии.

Одно хорошо, светит солнце, тепло, тает. В 17 часов уезжаю «стрелой»... Нога болит, но меньше... В вагоне тепло. Внизу два ящика инструментов для клиники и для «Скорой»!

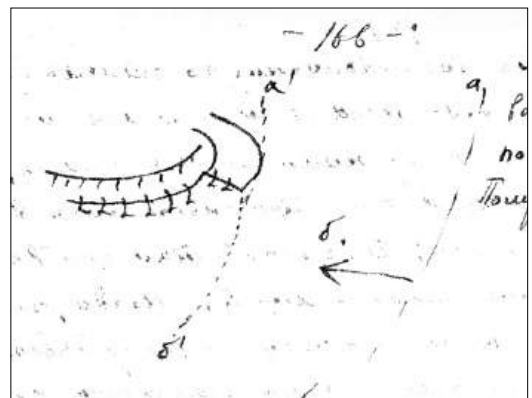
2.III. Пятница. На вокзале меня встретили Борис Константинович и Ж. Хундадзе. В Ленинграде также тепло. Выпало за ночь массу снега. Зинаида Васильевна таинственно сообщает «о деле профессора Усольцевой».

Нога болит, но меньше.

3.III. Суббота. Я оперировал в клинике Академии двух больных. У одного на нижнем веке слева была большая кавернозная ангиома, уже раз оперированная. Обезболивание местное. Исечение.

Мобилизация трехуровневого лоскута «а» и верхнего века, образован у наружного края лоскута. Лоскут «б» мобилизован и пришит по линии «а б». Получилось хорошо.

Борис Константинович привел какого-то инженера из Палаты мер и весов и просил меня, чтобы я сам его оперировал. Резкое расширение вен на обеих нижних конечностях. Я решил оперировать на обеих ногах сразу. Наркоз. Я начал оперировать слева. Сделал разрез на два пальца выше коленного сустава, перевязал *v.saphena* дистально. Проксимально ввел зонд, чтобы сделать операцию Вабсока. Сделал поперечный разрез над дугой *v. saphena*. Разрез оказался недостаточным. С трудом удалось обнажить и перевязать *v/pudendae externae, v. Subcutanea et circumflexa*. Я перевязал дистальный конец *v.saphenae*, в котором ясно прощупывался конец зонда. На центральный конец я наложил двойную лигатуру.

Сначала все шло благополучно, но стоило мне только пересечь *v.saphenae*, как началось сильное венозное кровотечение. Сначала мне казалось, что сорвалась лигатура с центрального конца вены. Но, несмотря на то что я захватил центральный конец, кровотечение продолжалось. Тогда, чтобы ориентировать, я к поперечному разрезу добавил продольный. Оказалось, что повреждена сама *v.femoralis*, которую, к сожалению, я должен был перевязать. Я не могу понять, когда я ее повредил. Полагаю, что *v.saphenae magna* оказалась перерезанной очень близко от *v.femoralis*. По-видимому, сорвалась лигатура, а при дальнейших захватывающих торсионными зажимами повредилась и *v.femoralis*.

Мной была допущена масса ошибок. Не стоило делать поперечный разрез, который оказался совершенно недо-

статочным. Я отступил от предписаний <Mornurdà нрзб.> я не обнажил передней поверхности *v.femoralis*, как это требуется... Одним словом, испытал массу огорчений. Хотелось бы верить, что больному я не принес вреда, так как многочисленные расширенные вены кажутся достаточными для оттока.

Ввиду того что больной потерял много крови, я от операции на второй ноге отказался. Да и на голени оперировать было нелегко из-за массы извитых и расширенных вен.

4.III. Воскресенье. Сiju дома, готовлю лекцию «Диафрагмальные грыжи». Приходит массу народу. Мешают работать. Приехал и пришел ко мне Очкур. Он, бедный, ходит совсем обалделый. Говорит, что в голове туман.

5.III. Понедельник. Оперировал в 1 ЛМИ.

1) Резекция желудка. 2) Гастро-энтероанастомоз.

6.III. Вторник. С утра был в НИИЭМ. Слушал скучный доклад профессора Быкова. Днем сидел дома, готовился к лекции по диафрагмальным грыжам.

7.III. Среда. Утром в «Скорой». Оперировал больного с остеомиелитом. Позвонил начальник Академии и сообщил, что я награжден званием Героя Социалистического Труда... А затем началось... Поздравления, поздравления лично, по телефону... по телеграфу... со всех сторон.

Вечером у нас был ужин, были И.С. Исаков, Ф.Ф. Андреев, А.И. Иванов, Г.А. Зедгенидзе... Позже незвано-негаданно пришли Пунин, Гонтарев. Было очень хорошо.

8.III. Четверг. Утром занятия со слушателями. Читал в Академии лекцию «Диафрагмальная грыжа» вместе с Г.А. Зедгенидзе.

Обедали вместе с Ивановым, Зедгенидзе, Мельниковым, Мясниковым, Лаухиным и Добротиним.

В 16 ч. 30 мин заседание совета профессоров Академии. Лаухин произнес речь относительно моего награждения. Все профессора стоя приветствовали меня.

Начальник Академии А.И. Иванов защищал кандидатскую диссертацию. Тема чисто физиологическая — «Интеррецепция желудка». Насколько я знаю, диссертант по физиологии мало что знает. Поэтому мы побаивались, что во время защиты возможны казусы. Однако, против всякого ожидания, Иванов защищался очень хорошо.

Из 53 голосов он получил 50 за, 2 против и 1 воздержался.

Вечером мы ужинали у Иванова, было шумно, малоинтересно.

Говорил по прямому проводу с наркомом Кузнецовым, благодарил его. Он меня поздравил, был любезен.

9.III. Пятница. С утра оперировал в 1 ЛМИ, послеоперационная грыжа. Читал лекцию «диафрагмальные грыжи» вместе с Г.А. Зедгенидзе. Читал хорошо. Клиника устроила мне чай. Был у зампреда Ленсовета — благодарил за приветствие.

10.III. Суббота. В Академии оперировал — гипернефрому слева. Разрез — Vazu. Ассистировал Рабиновичу на артериовенозной аневризме бедренных сосудов.

В Академической клинике врачи мне устроили чай.

11.III. Воскресенье. С Ниной были у Эмили Никифоровны на блинах.

12.III. Понедельник. Сидел работал дома.

13.III. Вторник. Утром занятия со студентами с 10 до 12 в 1 ЛМИ.

Оперировал больного с артериовенозной аневризмой бедренных сосудов. Больной раньше был уже оперирован Зинаидой Васильевной. Она нашла, что art. fem. цела. По ее словам, нашли мешок, который шел под art. profunda femoris. Началось сильное кровотечение. Перевязана art. femoris profunda, и на этом пришлось закончить операцию.

Сильное развитие вены в области throchanter mayor. Я сделал большой разрез. Обнажил art.fem. над пупартовой связкой и наложил Heffner. Обнажил и внизу под углом Скарповского треугольника. Наложил Heffner. Отделил очень, очень осторожно. Но в одном месте под пупартовой связкой ранил артерию. Наложил <нрзб.>. Снял верхний Heffner. Оказалось, что на том месте, где был наложен Heffner, артерия начала расслаиваться. После этого о спасении артерии мне не приходилось думать. Я перевязал art.femoralis непосредственно над пупартовой связкой. Таким образом, art.f. оказалась перевязанной над местом отхождения уже перевязанной art.prof.femoris. Я выслушал место, где раньше был шум, он остался таким же, как и раньше. Продолжать дальше операцию я не решился, так как пришлось бы перевязать еще какие-либо ветви. Итак, нога была под опасностью ишемии. Операцию прекратил. Повидимому, артериовенозная аневризма на одной из art.perforans.

14.III. Среда. С утра в «Скорой». Вечером в заседании Хирургического общества. Меня приветствовал Виноградов и члены общества. Утром отправил благодарственную телеграмму Сталину, Молотову и Кузнецову.

15.III. Четверг. С утра в Академии. Занятия со студентами. Лекция — дочитывал «Диафрагмальные грыжи» и начал читать «Хронический плеврит». Вернул Смирнову плохую работу о диафрагмальной грыже. Говорил с ним о том, что он очень плохо ведет занятия во СНО.

Ранение и перевязка v.femoralis (3 марта) прошло для ноги совершенно безнаказанно. Правда, пока больной лежит.

Тамара, по-видимому, схватила грипп. Лихорадит до 39–40 градусов. Поэтому от операции в субботу приходится отказаться.

16.III. Пятница. В 1 ЛМИ дочитывал «Диафрагмальные грыжи» и начал читать «Хронический плеврит». Читал хорошо.

17.III. В Академии оперировал больного по поводу привычного вывиха плеча. Делал операцию Олдарда. Второго больного оперировал по поводу келоида лица. Сделал иссечение и пластику с шеи. Ездил в 1-й госпиталь поздравлять Лубо с присвоением звания заслуженного врача Республики.

Был в Горздраве, видел Машанского и Никифорова. Благодарил за приветствие. Согласовал вопрос насчет Хлопониной, получил согласие о присвоении ей звания заслуженного врача. Согласовал вопрос насчет травматологического пункта.

Приезжал Арапов. Ну и арап!!!

18.III. Воскресенье. Были с Ниной у Мельниковых и Чирковских.

19.III. Понедельник. С утра в Академии — оперировал больного с артериовенозной аневризмой основных сосудов шеи, не разобрать точно, где именно аневризма. Сделал частичную перевязку левой общей сонной артерии. Косым Кохеровским разрезом — очень удобно.

Был на заседании совета профессоров 1 ЛМИ. По окончании заседания вел переговоры с директором института Озерецким насчет грязных дел проф. Усольцевой. Дело в следующем. По доносу Лурье выяснилось, что с 1943 г. Усольцева в обществе со своей сестрой-хозяйкой. Она взяла одну из санитарок домой в качестве прислуги. Вместо санитарки номерок вешала сестра. Когда все это выяснилось, то к этому начали примешиваться и другие дела — взятые керосин, мыло. Вспомнили прошлое <нрзб>. Дело приняло скандальный характер. Я сказал Озерецкому, что в данный момент мне ее нечем заменить. Поэтому предложил это дело замять. Позвали Усольцеву. Она не отрицает факта. Я ей сказал, что около ее имени скопилось много грязи. То, что она могла себе позволить как медичка, едва ли может позволить себе профессор, руководитель молодежи. Ставят под сомнение ее цифры, ее научную честность. В клинике все против нее. Зинаида Васильевна и Сусанна Яковлевна считают, что она немедленно должна уйти. Вообще, она настроила против себя всю клинику.

20.III. Вторник. С утра оперировал в 1 ЛМИ. Студентки обнаруживают изумительную безграмотность. Оперировал больную с большим коллоидным зубом. Делаю я зобы плохо.

Усиленно перепечатаваю и «Свободную пересадку кожи».

Завтра уезжаю в Москву.

21. III. Среда. С утра сижу дома. В 17 часов с Георгием Аркадьевичем выезжаю «стрелой» в Москву. В вагоне, в противоположность тому, что было при предыдущих поездках, очень тепло.

22. III. Четверг. Живем в «Национале», как у себя дома. Мне передали, что необходимо в 13.30 в Кремле получать награду. В Ленинграде мне сказали, что необходимо быть в форме. Я в тужурке с орденами, с кортиком. Ах, как все это я не люблю! И каково же было мое огорчение, когда увидел, что пришедший за орденом генерал-полковник Сергей Ильич Воробьев без орденов, без кортика, в обычном кителе, еще больше огорчился, что и Иван Степанович в таком же виде.

Вручал знаки отличия Михаил Иванович Калинин. Нас было всего трое: Воробьев, Исаков и я. Первому вручил знаки отличия мне. Бедный старик очень плохо видит. Путал меня с Исаковым. После того как он нам отдал все, что полагалось, на что у него ушло больше 10 минут, он всех нас сердечно поздравил и предложил на память сняться, что и было сделано. Он был очень прост и мил, сказал, что хорошо провел время в Сухуми, жил на даче Орджоникидзе, были прекрасные солнечные дни. Затем нас без конца снимали кинооператоры, фотографы.

Воробьев мне обещал новую машину в конце апреля или мае. Он мне сказал, что необходимо выждать, когда выйдут новые. Иван Степанович подвез меня домой.

Вечером с Георгием Аркадьевичем смотрели в Малом театре «Пигмалион». Прекрасно играла Зеркалова.

23. III. Пятница. Были в МСУ. Все тот же бедлам. По поводу поезда на конференцию на восток никто ровно ничего не знает.

У Андреева по моему предложению собрались я, Мельников, Петров, Зедгенидзе. Всю программу конференции пришлось составить заново. Я буду читать 1) Повреждения сосудов. 2) Ранения грудной клетки. 3) Лечение вяло гранулирующих поверхностей (Пересадка кожи). Наедине Андреев мне сказал, что неудобно, чтобы Усольцева читала военно-морскую хирургию. Он полагает, что 1 ЛМИ уже принадлежит Андрееву и распоряжается, как у себя дома. Порешили на том, что Смирнов прочитает все «специфически морское», остальное прочитает Усольцева. Если был бы подходящий кандидат, то сейчас ее можно было бы заменить безболезненно. Мы перебрали всех возможных кандидатов, но никого, никого!!

Позже он эту кафедру предлагал Арапову. У последнего хватило ума от этой должности отказаться!

Приходила Рубашева. У нее никаких перспектив. Решили направить ее в Ленинград к Долго-Сабурову по рентгеноанатомии. Это при условии, что ей разрешат въезд в Ленинград.

Вечером с Петровым смотрели «Крымскую конференцию» и «Будапешт». Ну и разрушили же этот прекрасный город.

Поздно вечером приходил Арапов, рассказал, что Андреев отказался его отпустить.

24. III. Суббота. Доделываем намеченные дела. Побывал у Рафа. Его не нашел.

Заплатил 800 руб. и совершенно покрыл всю задолженность. Закупил для Жоржика часть книг, подписал его на журнал на 1945 г. Говорил с Ниной по телефону. Говорил с Ольгой Владимировной Гирголав. Она догадалась меня поздравить по телефону, на телеграмму пожалела деньги. У Парина получил медаль, присужденную мне Интернациональным обществом хирургов.

Рейнберг прислал мне оттиск своей работы, напечатанный в *British Journal of Radiologie*. Через Георгия Аркадьевича он запросил меня, как бы отнестя к его кандидатуре в Академию. Если кто достоин, то он, конечно, достоин. Однако буду рад, если он провалится, так как ему следует испытать ощущение явной несправедливости. Недавно он совершил возмутительную несправедливость, когда он провалил в ГИДУВ Рохлина и вместо него провел бездарного Линденбрата... было бы хорошо, если бы Рейнберг почувствовал, что такое возмутительная несправедливость.

25.III. Воскресенье. Вместе с Георгием Аркадьевичем выехали из Москвы «стрелой».

26.III. Понедельник. Ехалось хорошо.

27.III. Вторник. Оперировал в клинике 1 ЛМИ. Оперировал большую забрюшинную рецидивирующую опухоль, родственница проф. Минькина.

Второй больной делал пластику сфинктера ani.

28.III. Среда. Оперировал в «Скорой», присутствовал И.П. Виноградов. Пересадка кожи. Перевязка art.glutea sup. Исечение язвы — шов.

Был у Верховского, получил разрешение

в «Скорой» закрыть 160 оперативных коек.

29.III. Четверг. В Академии утром. Занятия со слушателями. Лекция «Лечение хронической эмпиемы». Болею гриппом.

30.III. Пятница. Читал лекцию в 1 ЛМИ. «Лечение хронической эмпиемы». Разговор с Верховским насчет Усолицевой, которой все же придется уйти.

31.III. Суббота. Операции в ВММА. Смирнов не разбирает больных со слушателями. В операционной сестры совершенно не подготовлены. Отчет клиники не готов. Резекция желудка.

Вечером началась «Сессия по остеомиелиту».

1.IV. Воскресенье. С утра сижу на сессии. Умнее не стал. Председательствую. Мое резюме.

Следовало бы выписать из Франции:

Max Sorre. Les fondements liologiques de Geographie humainl. 440 p. (A.Colin. ed), Paris. 1943.

Fiessinger. N. Diagnostic difficiles. 436 p. 160 x, Mosson. 1943.

Трудно распознавание: 1) par pauvrete symptomatique, 2) complexite symptomatique, 3) par symptomatologie d'emprunt, 4) ...par rarete clinique, 5) ...par confins cliniques, 6) ...erreurs et impossibilites.

Achard, Ch. La confession d'un vieilhomme du siècle. 430 p. Mercure de France, Paris. 1943.

Хирург. Вероника Тушнова. Новый мир. № 3. 1944, стр. 31.

*Порой он был ворчливым оттого,
Что полшага до старости осталось...*

«В его словах не было сознательной лжи, он верил сам всему». Марк Твен.

ДНЕВНИК

№ 7

**Начат 1 апреля 1945 г.
Окончен 4 апреля 1946 г.**

1.IV. Воскресенье. С утра председательствую на сессии по остеомиелиту под председательством акад. П.Г. Корнева. Умнее не стал. После вечернего заседания я резюмировал. По-видимому, не особенно удачно, хотя мне много аплодировали. Я недостаточно хвалил, хотя всех и благодарил.

2 IV. Понедельник. В Академии сделал две пластические операции.

3.IV. Вторник. В 1 ЛМИ оперировал.

1) Удалил инородное тело между перикардом и медиастинальной поверхностью легкого. 2) Сделал резекцию трех ребер по поводу хронической эмпиемы. Таз гною. 3) Дермид копчика.

Усольцевой пришлось все же уйти. В клинике она восстановила против себя всех. У нее не нашлось ни одного защитника. В конце концов Озерецкий воспользовался отношением Андреева, который неизвестно на каком основании «не утвердил» Усольцеву, якобы кто-либо его об этом спрашивал или давал ему это право. Однако Озерецкий показал Усольцевой приказ и сказал ей, что он уволит ее под благовидным предлогом. Она просила его оставить за ней травматологический пункт, но он ей отказал и в этом. В конце концов Озерецкий издал 3-го апреля следующий приказ.

Приказ № 36.

По 1-му Ленинградскому
Медицинскому институту
им. ак. Павлова от 3.IV.1945 г.

В связи с введением вместо военно-полевой хирургии курса военно-морской хирургии проф. Усольцева, как не имеющая

опыта военно-морской службы, с 5.IV отчисляется от должности профессора кафедры госпитальной хирургии и заведующего травматологическим пунктом. Ввиду болезни проф. Усольцевой исполнение приказа провести в жизнь по ее выздоровлению. Основание: отношение начальника Медико-санит. управления ВМФ от 22 марта 1945 г.

4.IV. Среда. С утра в больнице Свердлова. Консультировал Василия Макаровича Решкина и Петра Сергеевича Пойкова.

Выгнать-то легко, выгнали Усольцеву, но в данный момент ее заменить трудно. Если бы у Машанского хватило разума, то ему следовало бы превозмочь ненависть, которую он питает к ней, и взять ее к себе на работу. Для его института она бы была незаменимым кладом, и для нее это был бы наилучший выход из создавшегося положения.

В «Скорой» удалил инородное тело из хряща ребра.

31 марта доктору Раквишвили дал тему для работы «Рациональные способы подготовки гранулирующей поверхности для пересадки кожи». Думаю, что мало что из этого выйдет.

5.IV. Четверг. С утра занимался со слушателями в ВММА. В 12 ч. лекция — «Ложные суставы и их лечение».

Заседание, присутствовали: Вайль, Мельников, Мясников, Щукарев, Смирнов, Очкур.

6.IV. Пятница. Утром вел занятия со слушателями 1 ЛМИ. В час лекция «Переломы шейки бедра». Читал хорошо.

7.IV. Суббота. С утра был в Смольном. Попкова не оказалось. Меня принял Лазуркин. Передал ему бумагу по поводу

НИМИ. Просил помочь мне восстановить клинику. Он взял довольно большой мой список, написал в Ленплан, по-видимому, инженеру Ярошевичу Антону Андреевичу. Он сделал надпись: «Выдать по возможности все». Он мне сказал, что будет почти все, за исключением белил и олифы.

Я просил насчет квартиры, он мне сказал, что отдаст распоряжение подыскать мне что-либо, и мне покажут.

Я поехал к Н.Н. Петрову. Живет он в ГИДУВ'е. Звоню раз, два, никакого ответа. Наконец, стучу. Открывает сам Николай Николаевич. Он в ватнике, в валенках. Снова меня поздравляет, я его благодарю. Исхудал, но он не производит впечатления ракового больного, а скорее туберкулезного. Рассказывает про свои работы. Выпустил «Деонтологию», закончил новое издание «Лечение военных ранений»; представил на Сталинскую премию. Сдал вместе с биологами 1-й том учения об опухолях. Читает учение об опухолях 177 американских авторов. Говорит, что самой большой ошибкой, которую он в жизни совершил, было приглашение на работу Аникина. Человек тяжелый, неуживчивый. Он ему написал письмо, что с ним работать не может. Хочет к себе вернуть профессором Чечулина. Был бы рад возвращению Перушевой. Дочь больна туберкулезом.

Был у начальника милиции по поводу Ирины Вержбинской, которую не хотят прописать.

В клинике Академии сделал обход.

Нездоровится — грипп, а все тяну целую неделю и работаю.

8.IV. Воскресенье. Сажу дома. Закончил «Свободную пересадку кожи в России и Советском Союзе».

9.IV. С утра оперирую в Академии. 1) Убрал разорванный мениск; 2) Сделал пересадку кости по поводу ложного сустава верхней трети левого плеча. Операция прошла идеально; 3) Убрал большую селезенку. Предполагали Вапји, на самом деле цирроз печени, вторично увеличенная селезенка.

Очень устал, по-видимому, сказываются последствия гриппа. Сдал Михаилу Григорьевичу Зайцеву работу «Свободная пересадка кожи в России и в Советском Союзе». Со стороны мочевых путей все в полном порядке. Ночью не приходится ни разу вставать.

Вчера позвонил из Москвы Петров и сообщил, что я на Дальний не еду, Левченко запретил посылать большую партию. Я счастлив. Петров просит отправить вместе с ним Смирнова. Я даю разрешение.

Хочу немедленно приступить к написанию двух работ:

1. Вместе с Рабиновичем — «Артериовенозные аневризмы подключичных сосудов».

2. «Торакобронхиальные свищи».

Сегодня наши славные войска взяли первоклассную крепость Кенигсберг.

10.IV. Вторник. В 1 ЛМИ сделал резекцию желудка.

11.IV. Среда. В «Скорой» произвел кровавую репозицию левого бедра из-за плохого состояния и укорочения на 5 см. Удержание аппаратом Soresi.

12.IV. Четверг. С утра занятия со слушателями в Академии. Затем лекция — окончил «Лечение ложных суставов» и начал «Инородные тела легкого и плевры».

Вечером прием г-жи Черчилль у председателя Ленинградского совета

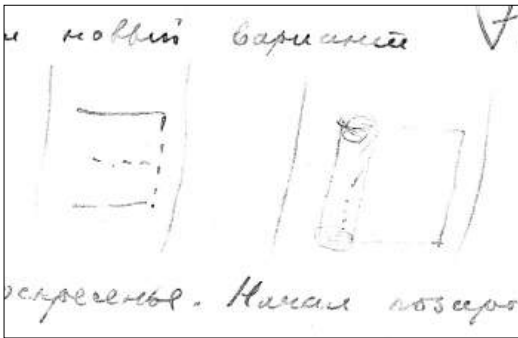
Петра Сергеевича Попкова в особняке на набережной Малой Невки, д. № 6. Из врачей оказались приглашенными: Осипов, Корнев и я. Были, кроме меня, академик Иосиф Орбели, зам. председателя Петр Георгиевич Лазутин. На лицо много артистов из Мариинского Театра. Вечер начался с концерта. Затем ужин. Снова после ужина концерт. Я говорил, среди многих других. Говорил с женой Попкова Олимпиадой Михайловной Попковой.

Председатель райсовета Зимина мне обещала квартиру.

13.IV. Пятница. Внезапно, по-видимому, от кровоизлияния в мозг, умер Рузвельт. Совершенно не вовремя.

14.IV. Суббота. Оперировал в Академии двух больных.

1 пластическая операция. Сделал новый вариант свободной пересадки кожи.

15.IV. Воскресенье. Начал позировать художнице Ирине Константиновне Колесовой (Гатчинская, 12), рекомендация К.Н. Рабиновича. Позировал почти 4 часа (ул. Герцена, 38, в мастерской Союза художников). Что-то похоже.

Союзники перешли Эльбу, окружили Лейпциг. По-видимому, началось

наше наступление между Кюстрином и Франкфуртом-на-Одере.

Полагаю, что начнется одновременное наступление наше и союзников на Берлин, и мы вместе подойдем к Берлину. Не думаю, чтобы немцы защищали Берлин, не до того будет Гитлеру и Геббельсу. В ближайшие 10 дней мы должны подойти к Берлину.

16.IV. Понедельник. Сажу дома, работаю. Меня Кудинов экстренно вызвал в Москву посмотреть Октябрьского.

17.IV. Вторник. Оперировал в 1 ЛМИ. 1) Иностранное тело легкого; 2) Смешанную опухоль parotis; 3) Аппендицит у сына доктора.

В 17 часов «стрелой» выехал в Москву. Со мной в купе академик Павловский — грязнуля. В соседнем купе едет Ланг, холодная мумия!!

18.IV. Среда. Смотрел Кузнецова, эпидермофития на ногах. Пока лечился, все было хорошо, перестал лечиться, снова стало плохо.

Приходил Житнюк. Говорит, что ему сказал Октябрьский, что он заменит Кузнецова на посту народного комиссара.

Вечером с Петровым смотрели прекрасную картину «Освобожденная Франция». От 11 ч. до 2 часов ночи сидел у Ефима Ивановича Смирнова. Говорит, что в армии очень много пьют.

19.IV. Четверг. В 15 часов в Центральном Морском госпитале консилиум у Октябрьского. Приглашены дерматолог из-за кератоза на носу, невропатолог Хорошко из-за нервов, я и Петров и Житнюк из-за лигатурного свища. В общем, по-моему, он вполне здоров.

Вечером с Петровым смотрел в Художественном «Горячее сердце».

Народный комиссар и Смирнов мне сказали, что наши войска в предместьях Берлина.

20.IV. Пятница. С утра сижу дома. Зам. наркома Малышева сняли как не справившегося с работой, возвращается в ЦК. Назначен вице-адмирал Абалкин.

На вокзале меня провожали Петров и Житнюк. Последний, к сожалению, пьет, и ничего путного из него не выйдет.

21.IV. Суббота. Приехал утром. Приступил к работе «Подключичные сосуды».

Вечер. Дожили. Радио сообщило, что войска Жукова завязали бои в предместьях Берлина. Даже не верится!!

22.IV. Воскресенье. Позировал художнице 4 часа.

23.IV. Понедельник. В Академии — делал пересадку сухожилий. Евгений Васильевич делал плохо ложный сустав.

24.IV. Вторник. Резецировал желудок в 1 ЛМИ у повторного кровоточившего больного.

25.IV. Среда. В «Скорой» оперировал трех больных. 1) Оперировал больного с перихондритом. 2) Удаление инородного тела из мышц лопаточной области. 3) Удаление камня пузыря... инкрустация вокруг оставленного тупфера.

Наши полностью окружили Берлин!!

26.IV. Четверг. Обход в клинике Академии. Выступал на заседании совета по поводу аспирантов.

Идут упорные бои в Берлине.

27.IV. Пятница. Занимался с утра в 1 ЛМИ. Читал лекцию «Гипернефрома правой почки». Меня назначили председателем Клинико-патологоанатомических конференций в больнице Эрисмана.

Схвачены Муссолини, Грациани и Фариначи. Наши и союзные войска соединились в центре Германии и рассекли немецкие войска на две части.

28.IV. Суббота. Оперировал в Академии. Резекция желудка.

29.IV. Воскресенье. Читал лекцию в 1 ЛМИ. Читал средне. Нездоров, хриплю.

Муссолини и вся фашистская верхушка расстреляна.

Вечером были у Эмилии Никифоровны.

30.IV. Понедельник. Оперировал в 1 ЛМИ. Произвел оперативное вправление — плохо стоявший перелом голени. Стучинский и Коваленко не позаботились о том, чтобы у нас был гипс, который бы высыхал. Больше часа я ждал, пока высохнет гипс, но не дождался. Пришлось снять повязку, а Стучинскому бегать во вторую хирургию, чтобы достать гипс пригодный. Достали. Больную пришлось продержать на операционном столе и под наркозом лишних два часа. Стучинский не позаботился ни о том, чтобы сделать рентгенограмму на пленке, ни фотографировать, ни зарисовать больную. Вчера на лекцию дали больную с омертвлением ноги, которой за 5 дней не удосужились исследовать мочу. Сделал резекцию желудка.

1.V. Вторник. Вчера сняли затемнение. Сегодня увеличили для населения электроэнергию с 5 до 15 гектоватчасов.

Великий радостный день. Теплый солнечный день. Над рейхстагом в Берлине развевается красный флаг. Берлин доживает последние дни. В час ночи — только что сообщили, что Гитлер умер. Незвестно, при каких обстоятельствах. Его заместителем назначен Дениц. Бернадот ведет переговоры о капитуляции Германии.

Рокоссовский молниеносно двигается вперед. Уехал на Дальний Восток, через Москву, проф. Е.В. Смирнов.

К сожалению, начинаются первые, пока еще легкие раздоры с союзниками. Молотов собирается покинуть конференцию в Сан-Франциско.

2.V. Среда. Сегодня в 3 часа дня наша Красная Армия взяла Берлин!! Трудно, даже невозможно никакими словами выразить все, что каждый гражданин нашей страны переживает при этом известии. Слава Красной Армии, Красному Флоту, слава великому полководцу Сталину. 24 залпами из 324 орудий салютовала Москва в честь этой победы.

Но, по-видимому, этого показалось мало. В 12 часов дня околосмиллионные армии немцев в Италии и Австрии безоговорочно сдались маршалу Александру.

Убит Гитлер, по-видимому, своими. Его сменил Дениц, дурак, нашел время, когда брать власть! Собирается продолжать войну против... большевиков. Он сместил Риббентропа. Вновь назначенный идиот, заменивший Риббентропа, произнес глупейшую речь, из которой видно, что немцы остались теми же тупоумными, какими они были в международной политике всегда.

Лаваль¹ и Дса прилетели в Барселону. Американский посол предъявил протест Франко, который их выпроводил, но куда эти мерзавцы полетят?

Война кончается, правильнее, кончилась!

3.V. Четверг. Занимался со слушателями в Академии 3 часа. Чертовски устал. Уехала Тамара.

4.V. Пятница. Двое больных после резекции идут плохо. У одного перитонит, по-видимому, разошлась культя duodeni (на законном основании), распустил шов, выпустил 1¹/₂ почковидных тазика кислой жидкости. У второго явления непроходимости на месте анастомоза. Читал «Endarteritis obliterans».

5.V. Суббота. С утра в Академии. Оперировал больного, где клинически и рентгенологически нами было поставлено Ca ventriculi. Я три раза сам прощупал уплотнение в надчревной области. Не совпадало лишь то, что больной прибавил 3 кило, и кислотность была 60. При лапаротомии ничего не нашел. Я сделал даже гастротомию, но и при обследовании ничего не нашел.

Доцент Очкур все желает получать из клиники, но ничего не давать. После основательного с ним разговора, по-видимому, ему придется над этим подумать.

На душе было беспокойно, и решил после Академии заехать в клинику. И как это было кстати. Больного с ранением почки, которого я вчера тщетно пытался цистоскопировать, я застал с переполненным кровью пузырем. Несчастный метался по кровати и молил выпустить ему мочу. Я вспомнил свое состояние с таким же пузырем. Бледное лицо, плохой и частый пульс не оставляли сомнения, что сильное кровотечение продолжается. Я решил его немедленно оперировать. Косой разрез. Вся околопочечная клетчатка пропитана огромными сгустками крови. Мочеточник извивается, напряжен от сгустков.

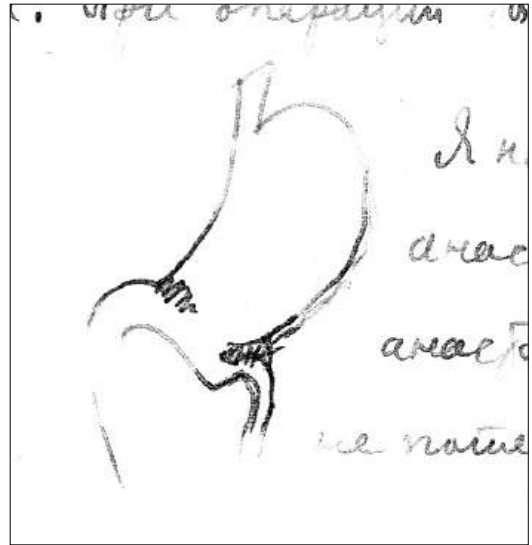
¹ Пьер Лаваль (Pierre Laval): с 1942 по 1944 год премьер-министр Франции (правительство Виши).

На удаленной почке оказалась сквозная ножевая рана. После этого я вскрыл переполненный сгустками пузырь. Я сгустками наполнил весь почковидный таз. Много червячков. Пузырь сразу зашил 2-этажными кетгутowymi швами. Часа через $1\frac{1}{2}$ больной сам мочился чистой мочой.

Я решил оперировать и второго больного с непроходимостью после резекции. Обезболивание общее — раскрыл по ране. На месте анастомоза перегнулась под mesocolon тонкая кишка. Я полагаю, что это произошло вот почему. Во время операции культя после перевязки art. gastro spir. sinistra была на расстоянии 3–4 см от края перерезки желудка.

Как всегда, в нижнем углу анастомоза я подтянул кусок сальника, захваченный в эту культю. При этом, по-видимому, подтянулась и перегнулась тонкая кишка, которая оказалась более гибкой, чем стенка желудка. При операции было найдено

Я наложил передний анастомоз с Брауновским анастомозом. Хорошо, если не потеряю больного. Больной выздоровел.

6.V. Воскресенье. Позировал художнице 4 часа. Что-то выходит...

7.V. Понедельник. В Академии оперировал 1) Перевязка art. car. Communis Sin. 2) Ложный сустав луча. 3) Иностранное тело легкого.

1-е заседание больничного совета.

Вечером подписан в Реймсе акт о безоговорочной капитуляции Германии.

8.V. Вторник. Оперировал в 1 ЛМИ. 1) Вентральная грыжа. 2) Плохо стоящий пер. бедра с аппаратом Soresi.

Вечером подписан окончательный акт о безоговорочной капитуляции немцев в Берлине. С нашей стороны подписал Жуков.

Кончилась война. Удалось дожить.

9.V. Среда. Праздник Победы. Позвали на митинг у Народного дома. Заставили говорить. Говорил без всякой охоты и энтузиазма.

10.V. Четверг. В Академии. Читал «Ожоги». Хорошо.

18.V. Пятница. Какой-то странный покой в мире. По-видимому, идут какие-то сложные закулисные переговоры.

16.V. Среда. Избран председателем Хирургического общества Пирогова. Единственно. Говорил вступительную речь.

19.V. Суббота. В Академии состоялось заседание, на котором выдвигали кандидатов в академики и в члены-корреспонденты. Выдвинуты в действительные члены: 1) Мельников, 2) Красногорский, 3) Лазарев (по ошибке, он был намечен в чл.-корресп.). В чл.-корр. 1) Мясников, 2) Триумфов, 3) Галкин (выступил и отказался — вышло глупо), 4) Пономарев, 5) Самарин, 6) Сабуров.

20.V. Воскресенье. Позировал 4 часа.

21.V. Понедельник. Оперировал в Академии.

22.V. Вторник. Объединенное заседание Хирургического общества Пирогова вместе с терапевтами.

Колесников И.С. — «Огнестрельные ранения сердца и перикарда по материалам лечебных учреждений ГБФ».

Смирнова Анна Петровна — «Изменения сердечно-сосудистой системы при ранениях сердца».

Кевеш Е.Я. — «Рентгенодиагностика слепых ранений сердца».

Ланг не пожелал председательствовать, пришлось мне провести заседание.

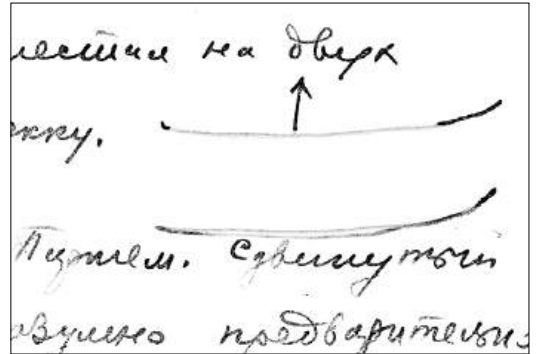
23.V. Среда. Оперировал в «Скорой» — остаточная полость.

24.V. Четверг. Вел занятия в Академии, читал лекцию — Паранефриты.

Отравился цианистым калием палач Германии Гиммлер.

25.V. Пятница. Вел занятия в 1 ЛМИ. Читал лекцию «Ожоги».

26.V. Суббота. Оперировал в Академии — Рентгеновский ожог. Иссек язву. Сместил на двух ножках отсепарованную ножку.

Дефект закрыл толстым Тиршем. Сдвинутый лоскут побледнел. Было бы разумно предварительно сделать Блейра. Вшил конец Филатовского лоскута.

27.V. Воскресенье. Позировал художнице 4 часа. Обещает окончить портрет через 2 сеанса.

28.V. Понедельник. Перенести сюда операции, по ошибке записанные за субботу.

Состоялось заседание квалификационной комиссии Института. Е.С. Драчинская подала диссертацию на доктора медицины «Клинико-анатомическое наблюдение к технике резекции базедового зоба».

Выдвижение кандидатов в действительные и почетные члены Академии Медицинских наук. Я председательствовал. Выдвинуты в почетные академики: 1) Лисовская, 2) Шор. В действительные: Ланг, Чирковский, Черноуцкий, Остановков. В члены-корреспонденты: Вендерович, Закуров, Тушинский, Гефтер.

Боятся, что о них не вспомнили 1) Заблудовский, 2) Козьма-Демянский.

29.V. Вторник. Оперировал в 1 ЛМИ.

1) Ложный сустав нижнего конца правого плеча. 2) Пробная лапаротомия. 3) Псоит-ретроцекальный аппендицит.

30.V. Среда. Совещание в «Скорой» с Грушкиным, Месселем, Степановой. Решено в «Скорую» пригласить Тушинского.

Заседание в клинике Отта по анаэробной инфекции. Доклады Левина и Алексея Чистовича. Последнего пригласил на работу в «Скорую».

31.V. Четверг. С утра занятия в Академии. Лекция 2 часа. Больной с инородным телом сердца. Кончал «паранефриты и ожоги».

Снялся в фотографии на Невском, 54.

1.VI. Пятница. Вчера В.С. Галкин сообщил мне, что ходят слухи, якобы начальником МСУ назначается Лисицын, а начальником Академии Ф.Ф. Андреев, а может быть, Лисицын начальником Академии. А.И. Иванова, по одним слухам, отправляют на ТОФ, а по другим — начсаном на Балтику. Первые два назначения в любом варианте были бы позором и несчастьем и для МСУ, и для Академии. Мне кажется, что слухи эти исходят от заинтересованных лиц, едва ли до конца войны возможны какие-либо столь существенные перемещения.

2.VI. Суббота. Оперировал в Академии.

1) Пересадка ребра для восстановления нижней орбиты. 2) Удалил сместившийся конец ключицы. 3) Экстирпировал целиком эхиноккоковую кисту нижней поверхности печени (12x7x8 см).

Видел Ал. Ив. Иванова, только что вернулся из Москвы. Говорит, что $4\frac{1}{2}$ часа

его ругали Рогов и Кулаков за неудовлетворительное политико-моральное состояние в Академии. Во многом и не без основания обвиняет Георгия Аркадьевича. Зайцев принес сигнальный номер «Отчета Госпит. хир. клиники ВММА за 1943 г.». Прекрасно!

7.VI. Четверг. В Академии читал лекцию. Са-головки Рапевоас. Утром читал лекцию для высшего комсостава под главием «Восстановительная хирургия». Лекцию провел хорошо. Мы демонстрировали большое число больных.

Приходил Виноградов. Спрашивал меня — не намерен ли я переходить в Москву — ввиду болезни Бурденко? Я ответил, что никакого намерения не имею. Он сказал, что имеет намерение передать мне редактирование «Вестника». Я ответил, что не имею намерения его брать. У меня совершенно для этого нет времени.

8.VI. Пятница. Читал лекции в 1 ЛМИ Са-головки рапсreas. По окончании лекции студенты 10 семестра преподнесли мне большую корзину цветов. Утром вел занятия со студентами. Вечером я впервые председательствовал на Клинико-патологоанатомической конференции в больнице Эрисмана. Было содержательное и интересное заседание.

В прошлый вторник оперировал больную с ретроцекальным аппендицитом. Она лежит у нас с сентября. Все время диагноз оставался неясным. Развилось явления псоита и артрита. Явно просмотренная больная.

Куприянов передавал, что звонила жена Бурденко. Сообщила о безнадежном положении Николая Ниловича. Сдал Мителеву заявление о квартире.

9.VI. Суббота. В 1 ЛМИ оперировал больную медицинскую сестру. Ее как-то привел Тушинский — сказал, что у больной эхиноккок селезенки. Действительно, имелась огромная опухоль, которая исходила из левого подреберья, заходила за среднюю линию. Ни в ком диагноз не вызывал сомнения. На операции я нашел огромную забрюшинную солидную опухоль, которая доходила до средней линии, врастала ретробрюшинно в брыжейку тонких кишок, доходила до хвоста pancreas. Выделилась хорошо. Больная явно недообследована, не сделали пиелограмму почки.

У больной, у которой несколько дней назад я вскрыл ретроцекальный аппендицит, — эвентрация. Больная погибнет.

Видел вернувшегося из Германии Георгия Аркадьевича, в восторге от поездки, захлебывается.

Говорил по телефону с Татьяной Сергеевной. Она рассказала, что во время операции I.VI у Николая Ниловича произошло точечное кровоизлияние в продолговатый мозг. Сознание спутанное. Речь совершенно потеряна. С трудом, тяжело умирает этот умный человек.

После его смерти опять пойдет возня около его многочисленных мест, а кто будет президентом Академии, а кто возглавит Нейрохирургический институт, а кто пойдет в факультетскую хирургическую клинику, а кто займет место директора Института Академии наук?

Если бы меня спросили, то я предложил бы перевести в факультетскую хирургическую клинику проф. Шамова, он бы возглавил и Нейрохирургический институт. А для остальных мест лягушки найдутся — было бы болото.

10.VI. Воскресенье. Позировал художнице. Уехал адмирал Октябрьский, который приезжал сюда по поводу кератоза на носу. Профессор Семен Абрамович Холдин сделал аппликацию радия. Он произвел на меня отвратительное впечатление частника.

10.VI. Воскресенье. Позировал художнице. Провожал адмирала Октябрьского.

11.VI. Понедельник. Оперировал в Академии — послеоперационная грыжа. 2) *Fistula ani*.

Был на заседании квалификационной комиссии. Драчинскую допустили к защите. Заблудовский написал хвалебный отзыв, Шилова нагородила массу мелочных придирок.

12.VI. Вторник. В 1 ЛМИ убрал огромную пионефротическую левую почку с камнями. Пришлось резецировать 12-е ребро.

Выехал в Москву на 220-летие Академии СССР. Еду с Быковым. Осипов и Аничков говорят, что начальником Академии Кирова, по всей вероятности, будет С.С. Гирголав.

13.VI. Среда. В гостиницу «Националь» не пустили, только для иностранцев. Большая помпа, шикарно, обслуживание налажено хорошо. Все даром, гостиница, обеды.

Побывал на заседании президиума Академии Мед. наук. Ввиду болезни Бурденко председательствует А.И. Абрикосов. Стоит вопрос о ремонте здания Академии. Печальная картина. Если так будет продолжаться дальше, то в этом году Академия своего здания иметь не будет.

Рассматривается проект структуры Института питания, возглавляемого Эммануилом Исааковичем Певзнером. Докла-

дывает проф. директор Северин. Много оптиков осталось в нашей стране. Штат института — 856 человек!!! Ну и наворочено всякой чепухи, боже мой, ни смысла, ни логики. Я и Куприянов пощипали докладчиков, штаты не утверждены сегодня, но утвердят завтра, какая разница.

14.VI. Четверг. С Быковым поехали навестить Бурденко, правильнее говоря, его жену Марию Эмилиевну. Нейрохирургический институт расположен на 1-й Тверской-Ямской, упирающейся в 5-ю Тверскую-Ямскую, бывший Авиа-институт. № Т-Д (минусы) 165-26. Секретарь Кира Михайловна.

Мария Эмилиевна рассказывала, в своей трактовке, как заболел Николай Нилович и как протекало заболевание. Более правдоподобно об этом рассказывает Кира Михайловна. Н.Н. оперировал, вдруг он сказал, что ему плохо. Он начал раздеваться, его положили на носилки, перенесли в кабинет. Было совсем плохо. Хорошо предполагает, что у него кровоизлияние на дне третьего желудочка и что он не выпутается. Я передал Марии Эмилиевне отчет клиники для передачи Н. Ниловичу.

Побывал у народного комиссара Кузнецова и передал ему отчет клиники. Передал отчет Исакову. Он мне рассказал много интересного. За последнее время, сказал он — опять оказалось, что я кому-то нужен здесь. Под видом того, что меня необходимо беречь, меня обходили. Я всегда отказывался бывать на международных приемах. Несмотря на многократные приглашения Молотова, мне не хотелось бывать на приемах и ковылять на костылях. 24-го мая я получил приглашение быть в Кремле. По характеру при-

глашения я увидел, что мне оказана честь, и пошел с женой. Поднимая тосты за маршалов, Молотов поднял тост и за руководителей флота. Получилось некоторое неудобство по отношению к народному комиссару. Обычно полагается, что после того как тост поднят, названное лицо поднимается и идет к президиуму и чокается. Однако я не желал ковылять через весь зал на костылях, а потому я показал жестом, что благодарю, но идти не могу. Но тут произошло беспрецедентное событие. Иосиф Виссарионович поднял бокал, пошел из президиума в зал, что он никогда не делает, и чокнулся со мной. С этого момента число моих друзей резко возросло. Ко мне полез целоваться Вышинский, который этого раньше никогда не делал, за ним потянулся Косыгин, с которым я раньше всегда ругался. Пьяный Е. Смирнов полез и уверял, что завтра он мне пришлет новую ногу. Хотя он и раньше знал, что у меня нет ноги, но о ней не помнил. К чести его следует сказать, что на второй день он прислал несколько ортопедов. После этого события и здесь нашли, что я нужен, а потому меня назначили председателем Комиссии по постройке флота.

Побывал у Федора Федоровича. Он мне сообщил о намерении назначить Арапова заведующим хирургическим отделением в Центральном госпитале. Одновременно он мне сообщил, что пост заместителя главного хирурга уничтожается и, видимо, Петрову придется уйти.

Вечером ко мне приходил Арапов. Он полон прожектов и не пропадет.

15.VI. Пятница. По приглашению П.А. Куприянова я отправился в НКЗ к Руфанову. На заседании обсуждались

вопросы, какие доклады и кто будет делать на предстоящей сессии Академии Медицинских наук. Говорят, пора перестать декларировать, выбирать, праздновать, пора и делом заниматься. После обмена мнениями выяснилось, что в хирургической секции фактически могут докладывать преимущественно ленинградцы. Куприянов сказал, что он может доложить об огнестрельных ранениях, у него имеется совершенно обработанный материал, основанный на многих тысячах наблюдений.

Петр Андреевич хочет подготовить почву, чтобы ему создали институт легочной хирургии. Я сказал, что было бы правильно предусмотреть, что необходимо делать в этой отсталой отрасли хирургии. Поэтому я полагаю, что следовало бы сделать доклад на тему «Развитие грудной хирургии в России и Советском Союзе». Куприянов говорит, что он сам сделает историческое вступление. Я отвечаю, что тема, мной предлагаемая, значительно шире, чем то, что предлагает Петр Андреевич, который ограничится лишь хирургией военного времени. На самом же деле вопрос необходимо охватить значительно шире. Петр Андреевич сдастся легко, и понятно. Этот доклад предложено сделать мне. Понятно, что я отказываться не могу. Однако, к сожалению, это согласие меня лишает месячного отпуска. Но ничего не поделаешь, для сессии Академии этим придется пожертвовать. Семен Семенович будет докладывать «об огнестрельной ране». Но какое понятие он вложит в эти слова. Сергей Сергеевич Юдин будет докладывать о «Переломе бедра» и, наконец, Руфанов об «Инфекционных осложнениях при огнестрельных ранениях».

Второй вопрос, который был мимохо-

дом затронут, — это вопрос о «Всесоюзной ассоциации хирургов». Вопрос ставит Руфанов, который, по-видимому, мечтает быть председателем этой ассоциации. Он говорит, что я являюсь избранным заместителем председателя. Я отвечаю, что за всю войну Всесоюзная ассоциация ничего не делала, и это отсутствие никто не заметил. Я полагаю, что Всесоюзная ассоциация полностью доказала свою ненужность, и следует от этой формы отказаться. Все присутствующие с этим согласились.

Наконец, как-то сам собой встал вопрос об так называемом «Институте хирургии Академии наук». Юдин заявил, что он занят гигантским проектом создания гиганта хирургии на базе Института Склифосовского. В этом проекте и онкологическое отделение, и ортопедическое, и многое другое, одним словом, все, что может быть помещено на 1100 койках. Я сказал, что всегда рад, когда в нашей стране строится что-либо хорошее, тем более выдающееся, однако не могу не заметить, что у нашей страны имеются более насущные задачи, не залеченные раны, чтобы она могла в настоящий момент думать о гигантских хирургических дворцах. Юдин предлагает эту будущую химеру как базу для Института хирургии. Я спрашиваю, что общего между гигантским строительством и Институтом хирургии. Эти два момента ничем друг с другом не связать. К тому же я не понимаю вообще идеи этой — Института хирургии Академии, институт, который должен управлять всеми другими институтами. Это бессмыслица, и когда мне народный комиссар предложил встать во главе этого института, то я категорически отказался. Куприянов мне сказал,

что институт все-таки будет, и во главе института будет Ахутин. После этого заявления Юдин сразу сваял, он увидел, что не придется связать его химеру с институтом Академии. Все присутствующие — Куприянов, Гирголав, Юдин и Руфанов согласились, что такой институт не нужен. После того как Юдин и Руфанов увидели, что им не быть директором, то они легко согласились, что институт не нужен.

Видел на этом заседании Александра Петровича Крымова, который мне сказал, что издание «Новый Хирургический Архив» отложено на год.

Передал отчет Митереву, который неизвестно почему меня поздравил и... поцеловал. На Пушечной, в Клубе ВМФ состоялось чествование 60-летия Хирургического общества Н.Н. Пирогова. Я поздравил от Хирургического общества Пирогова.

Вместе с Быковым и Бериташвили поехали на прием к президенту Академии. Прием в красивом Нескучном дворце. Собрание «мозгового центра» страны. Почтенные старцы, средний возраст и даже молодняк, хотя и слабо представленный. Кембриджские красные тоги англичан перемешаны со старыми тогами Оксфорда. Я выпил бокал кроуона, пожал руку живому трупу, президенту Академии Владимиру Леонтьевичу Комарову. Я его когда-то лечил в продолжение месяца, сейчас он меня даже не узнал. Видел и второй живой труп — это Петр Александрович Герцен. Внешний облик вполне приличный.

В 20 ч. 30' вернулся домой. Пришли Ю.А. Менделеева и проф. Галкин. Юлия Ароновна меня расспрашивала насчет состояния конкурса по хирургическим

кафедрам. Я ей нарисовал довольно не-веселую картину. Галкин мне рассказал о бедственном материальном положении жены писателя А.Н. Толстого. Печально было слушать эту недостойную нашей страны историю.

16.VI. Суббота. В час дня в Большом Театре торжественное заседание АН ССР.

Зал переполнен. По-видимому, здесь никогда не было одновременно столько «Науки», как сегодня.

В 1 ч. 15'. Занавес раздвигается, и предстало изумительно красивое зрелище. За столом все академики во главе со своим президиумом. На фоне, сзади, прекрасный портрет Сталина в красивой раме, впереди бюст Ленина. Между фоном и академиками роща белых и красных цветов — изумительно красиво. Речь президента зачитал Орбели, которому очень идет форма. Речь прерывалась приветствиями Сталину, Молотову и Калинин. Речи Бруевича и Обручева были длинны, скучны, тяжелы для столь торжественного дня. В президиуме маршал Воронов, иностранцы, красивые тоги, которые выделяются красиво на белом фоне цветов.

Закончилось торжество прекрасно, с исключительным подъемом исполненная «Торжественная увертюра (Чайковского) 1812 г.». Тяжело сидеть в полном облачении, со всеми орденами.

Вечером, в 7 часов обед в гостинице «Москва». Случайно я оказался в компании с Ефимом Ивановичем Смирновым и хорошо провел время. Ефим Иванович мне сообщил, что еще не нашел кандидата на место начальника Академии. Хочет уговорить Н.Н. Аничкова, Куприянов не подходит, сухо сказал он, насчет С.С. Гирголава

замахал руками. Говорит, что, возможно, 30 уедет на Дальний Восток, где, по его мнению, война вспыхнет не позже 1 августа.

Вино развязывает язык — подходит чокаться Орбели, который меня уверяет, что Жоржик подполковник, и не верит, когда я говорю, что он майор. Говорит, что, по видимому, плохой начальник. Подходят пьяный Багдасаров, президент Украинской Академии Богомолец с двусторонней Дюплюитреновской контрактурой. Все меня хвалят. Подходит Ходорков с каким-то генералом, говорит, что они сделали большую ошибку, упустили меня для Красной Армии. Он прибавляет, что это признал Ефим Иванович. Обед был очень хороший. К концу обеда все перемешалось — Россия, Англия, Мексика и Румыния. Великое дело вино!!

Ефим Иванович мне сказал, что он взял к себе в помощники Завалишина. Отсюда следует, что кандидатура последнего в начальники Академии отпадает. Кроме того, он мне сообщил, что часть профессоров Академии ему самому предлагают взять Академию в свои руки. На это я заметил, что это они делают для того, чтобы никто из своих не занял этот пост. Кроме того, он сообщил, что на кафедру Герцена он предлагает Вишневецкого.

Относительно болезни Бурденко сообщил, что дело временами казалось совершенно безнадежным, чейн-стоксовское дыхание, сердечная недостаточность.

17.VI. Воскресенье. Сижу дома. Вечером не пошел на продолжение торжественного заседания.

18.VI. Понедельник. Был на заседании отделения биологических наук. Хороший доклад сделал, как всегда, Н.Н. Аничков.

Толково докладывает академик Прянишников. Во время перерыва со мной вел переговоры акад. И.С. Бериташвили. Он мне сказал, что «медики Тбилиси Эрпатов, Жгенти и другие настаивают на образовании медицинского отдела в Академии, где все они хотят восседать академиками. Но ведь никто из них недостойн быть академиком. Когда Мухадзе представляли в Академию Медицинских знаний, я был против этого, даже не присутствовал на заседании. Вот мы и решили вас просить, чтобы вы переехали к нам и возглавили этот отдел». Я сказал, что если бы даже на это я согласился, то ведь работать-то не с кем. Я никуда не перееду, мне работы хватает в Ленинграде.

Вечером в Большом Театре смотрел «Сусанина».

19.VI. Вторник. Целый день ношусь по разным делам. Побывал в Медгизе. Маркисян мне рассказал, что положение дела с печатанием тяжелое, печатать негде. Вечером был в Художественном. Смотрел «Три сестры». Пьеса идет в 224-й раз. Сколько бездельников жило в России. Для сегодняшнего дня пьеса не годна.

Был у Ф.Ф. Распределили моря: Балтика — Лисицын, Черное, ТОФ — Мельников, Северное — Самарин. Флагманскими на Балтику — Яновского, на Черное — Житнюка, на Северное — Н.В. Петрова, на ТОФ — неясно. Надоело.

20.VI. Среда. Выехал «стрелой» домой. Дождь идет целый день. В вагоне холодно.

21.VI. Четверг. Приехал в Ленинград. Мокро — как осенью. Холодно.

22.VI. Пятница. Прозкзаменовал 20 человек в 1 ЛМИ. Отвечают хорошо.

23.VI. Суббота. В клинике ВММА. Делал

обход. Работал до позднего вечера.

24.VI. Воскресенье. Позировал художнице 4 часа.

25.VI. Понедельник. Оперировал в клинике ВММА.

Доцент Е.С. Драчинская защищала диссертацию, очень хорошо. Оппоненты — Ланг, Заблудовский, Шилова.

26.VI. Вторник. Оперировал в 1 ЛМИ *Ulcus repticum jejuni*. Приехал проф. В.И. Попов и передал привет от В.А. Шаак, которого он видел в Берлине.

27.VI. Среда. Оперировал в «Скорой». Ездил в Сестрорецк по поводу дачи вместе с А.И. Ивановым.

28.VI. Четверг. В Академии вел последнее занятие. Последняя лекция. Провожали с лучшими речами, аплодисментами и корзиной цветов.

29.VI. Пятница.

30.VI. Суббота. С утра оперировал в Академии. Вечером ужин у Елизаветы Семеновны.

1.VII. Воскресенье. В последний раз позировал художнице. Заплатил ей 3000 рублей. Портрет остался у нее до моего возвращения.

2.VII. Оперировал в «Скорой». Удалил большой осколок из левого легкого. 2) Резецировал 2 ребра у грудины по поводу ограниченной эмпиемы.

Состоялось заседание больничного совета по поводу большой смертности в детской комнате. Были проф. Тур, Горницкая, представители горздравотдела. Там полный бедлам. Всем заведуют Скоробанский, Рабинович, Гласе, а на самом деле никто.

3.VII. Вторник. С утра экзаменовал на гос. экзаменах в 1 ЛМИ.

4.VII. Среда. Ожидаем прямое сообще-

ние с Ригой. По-видимому, так и не дождемся.

С Зедгенидзе и Струковым ездили в Сестрорецк, смотрели дачи. Идет дневной и ночной грабеж. Если бы мне удалось отремонтировать дачу, то в первую же ночь ее разворуют. Я там жить не могу. Чтобы не отравлять себе жизнь, от дачных фантазий временно решил воздержаться.

5.VII. Четверг. Выяснилось, что на прямое сообщение с Ригой рассчитывать не приходится. Решили ехать через Москву. Завтра собираемся выехать.

6.VII. Пятница. Выехали с Ниной «стрелой» в Москву.

7.VII. Суббота. Наша срочная телеграмма не дошла. Сразу поехали к коменданту и, о чудо, можно ехать сегодня же в международном в Ригу. Поезд отходит в 23 ч. 30', так повторно сказал комендант. В гостинице «Националь» нам отвели лучший № 115. Он угловой, выходит на площадь и на ул. Горького. Мы целый день любуемся движением разноцветной толпы, автомобилями разных марок, свезенными из Германии, куда они попали со всей Европы.

Побывал в МСУ, в библиотеке НКЗ, где сдал Kleinschmidt'a — «Грудную хирургию» и один том *Journal de Chirurgie*.

В 23 часа мы были на вокзале. Оказалось, что поезд уходит не в 23 ч. 30', как сказал комендант, а в 21 ч. 30'. Нам осталось лишь злиться на себя, что так легкомысленно поверили словам коменданта; вернулись в гостиницу. В сумме это удовольствие нам обошлось около 500 рублей.

8.VII. Воскресенье. Мы с утра в комендатуре. Плацкарты наши пропали. Доплачиваем 250 р. Звоню Петровым,

узнаю, что в Москве проф. Иоселиани и Петр Михайлович Сараджашвили. Всех приглашаем ехать с нами на Морской вокзал Химки, оттуда поехали в Архангельское, но не доехали из-за дождя, вернулись.

На сей раз вовремя приехали на поезд. Вагон международный — паршивый.

9.VII. Понедельник. Едем по разрушенным пространствам. Ни одной целой станции. На вокзалах обычная торговля — яйца, молоко, хлеб, земляника.

10.VII. Вторник. Едем по Латвии. Прекрасные фермы, аккуратно обработанные поля, везде ограда, заборы, цветы, цветы. Вот и Рига, почти не видно разрушений. Нас встретили, хотя «молния», посланная мной из Москвы, не дошла.

Едем на санитарной карете по асфальтированной, прекрасно сохранившейся дороге. Взорванный через Западную Двину мост заменен деревянным, имеющим вид железного. До Маюги 22 километра, которые мы проделываем за 50'. Через широкую реку, ширина Невы, носящей название Ай Курляндская, или Лея Луппу, переброшен понтонный мост. С двух сторон чистые, большей частью одноэтажные дачные постройки, все огороженные. Дома крыты оцинкованной жестью или марсельской черепицей.

Вот и Маюги. Дачи сразу приобретают более нарядный, богатый вид. Прекрасные, огороженные разнорисуночными заборами сады. Большинство заборов деревянные, кое-где видные цементные ограды, редко чугунные, железные. Некоторые дачи, например Совнаркома, похожи на дворцы. Нам сказали, что эта

дача была построена редактором петербургской газеты «Копейка».

Наконец мы у «своей» дачи. Она расположена на Undines Jela № 9, ее окружает прекрасный сад, в котором растут высокие сосны, ели, каштаны, орешник; цветет любимый жасмин, жимолость, запах которого пропитывает воздух. Дом двухэтажный, снаружи окрашен в темно-коричневый цвет; окна, рамы, двери окрашены под слоновую кость. Как нам сказали, его строил врач Якш, живущий в Риге. Особенностью дома следует считать его крышу — она вся спаяна из листовой меди. Из этого же материала водосточные трубы и желоба. Нам отведена комната в верхнем этаже — размерами около 20 метров. Она не блещет обстановкой — две кровати госпитального типа, несколько кресел. В ней 2 окна со ставнями, которые должны предохранять от жары и света. Всю прелесть составляет веранда — солярий, также около 20 метров. Здесь можно сидеть голым, дышать чистым воздухом и наслаждаться верхушками деревьев. Обедаем мы на веранде вместе с генерал-майором Иваном Тимофеевичем Курехиным, начальником Финансового управления ВМФ. Он здесь живет с дочкой 17 лет, которую зовут Розой. Он несколько месяцев назад болел инфарктом миокарда. Теперь чувствует себя настолько хорошо, что отваживается даже купаться в море и грести на лодке. Держит он себя просто и мило. Около них вертится 15-летняя дочка Алафузова — Светлана.

Осматриваю захваченные МСУ дачи, где разворачивается санаторий ВМФ. Начальник санатория подполковник Андрей Иванович Гербут. Я его знал еще в Ленинграде,

он был главврачом клинического госпиталя в Академии. Особыми административными талантами он там не отличался, не усилил эти его качества и Рижский залив.

МСУ захватило около 10 дач. Многие из них прекрасны, другие требуют значительного ремонта. На берегу моря расположено большое здание, где МСУ предполагает развернуть лечебный корпус. Какой-то шутник назвал это здание Рейхстагом. Это название за ним и осталось. Сожгли его наши красноармейцы, которые были в нем расквартированы. В санатории предполагено иметь летом 150, а зимой 75 мест. Большинство этих дач расположено у самого моря.

Весь прекрасный курорт с многими сотнями дач, с прекрасными дачами, асфальтированными дорогами, с маленьким чистеньким вокзалом расположен с одной стороны между берегом Рижского залива и рекой с другой. Полоса земли шириной 2–2¹/₂ километра. Большинство, почти все дачи пустые, жизни никакой, в сравнении с тем, что мы видели здесь в 1925 году. Кое-где в дачах размещены красноармейцы — еще реже пронесется подвода с красноармейцами. Бывший курзал закрыт, закрыты все магазины... В общем, никакой жизни. Нина 13.VII была в Риге. Народу мало, жизни также немного. Население одето бедно или приbedняется, магазины закрыты, в комиссионных мало что можно найти, на базаре население продает скарб, ношеное платье, обувь. Много цветов, овощей; помидоры, редиска, огурцы, салат. Кило помидоров 80 р., кило клубники — 30 р.

Из дач вывезена вся мебель... При таких условиях трудно от собственников

требовать, чтобы они с восторгом встречали пришедших, кто бы они ни были.

В Риге до войны, говорят, было 450 000 населения, сейчас не больше 200 000.

11–16.VII. Скоро приспособились к бездельной жизни. Утром на море, вечером на лодке. Кормят прекрасно, даже слишком. Но это лишь для генералов, другие жалуются на питание. Нам уделяют массу внимания. Я, кажется, за всю жизнь не съел столько клубники, как за эти дни.

Исправляю диссертацию Корякиной, написано плохо. Читаю с удовольствием Forgue'f и Castilogne.

Взял первый урок плавания. Учит Идель Иосифович Полянский — врач ЛФК. Учит кролю — не знаю, что из этого выйдет. Взвесился, 83 к. 500. Много, очень, очень много.

17.VII. Вторник. Ездили в Кеммери — 22 км. Дорога сильно разбита, на всем протяжении гудронирована. Сплошные сады, чудесные огороды, прекрасные дачи. Яблони, вишни, масса малины. Обидно, что мы не умеем так обрабатывать свои участки. Кеммери — европейский курорт. Не роскошно, но все устроено целесообразно.

18.VII. Среда. С Иваном Тимофеевичем прошли через канал, прорытый для соединения рукавов Lielupe.

Приехал проф. Мясников с женой и сыном.

19.VII. Четверг. Днем отправились купаться, как обычно, к своим «столбам», вбитым в море. Разделись, как обычно, недалеко от кустарников. Когда вышли из воды, то оказалось, что у Ивана Тимофеевича украли брюки, часы,

200 р. денег и тапочки. Мы дурни, удивительно, что до сих пор не обворовали.

20.VII. Пятница. С Ниной ездили в Ригу. Очаровательный город, европейский, благоустроенный. Широкие улицы, прекрасные сады, парки, масса зелени. Старая часть города сильно разрушена. Обширный базар. Почти не продается ничего нового. Наряду с профессионалами много продающих остатки своего добра. Продают платья, сумки, туфли, всякое барахло. Отношение к русским сдержанно недоброжелательное. На вопрос, как пройти к сберкассе, лет 35 женщина, явно прекрасно понимающая по-русски, раздраженно отвечает: «Не понимаю». На базаре на вопрос, будет ли завтра базар, отвечает: «Нет, не будет, мы завтра празднуем пятилетие присоединения к вам, черт бы вас побрал».

Неспокойно в районах, много так называемых бандитов. Латвия проделывает свой 1918 год. Буржуазия с трудом расстается со своим добром. Магазины совершенно пусты. Большинство магазинов закрыто, нечем торговать. Жалкие комиссионные магазины. Кое-где остались и доживают свои дни частники; они доживают последние дни. Вот, например, старый, по-видимому, опытный оптик. Ему никто не запрещает работать, но ему не дают электрического тока. В каждом его слове сдержанное раздражение. По их словам, немцы вывезли все, что можно было вывезти. Брали, по-видимому, все и всё. Переходное, тяжелое время переживает страна.

Пришедшие, ввиду того что все дают бесплатно, занимают обширные, прекрасно обставленные апартаменты. Мы видели военного прокурора Четверикова,

генерал-майора, который из Германии вывез две шикарные машины, захватил прекрасный двухэтажный особняк в Майори с полной обстановкой. Мадам прокурорша, тип законченного грабителя, успела побывать в Берлине, хватает, по-видимому, все, что плохо лежит. Ну что удивительного, что такие типы вызывают возмущение и ненависть.

Необычно жаркий день.

21.VII. Суббота. Ночью шел ливень. Стало немного прохладнее.

22.VII. Воскресенье. Распорядок дня остается прежним.

Встаем в 8 ч. утра, завтракаем в 9. До 12 часов дня исправляю чужие работы, диссертацию Иашкары. От 12 до 14 часов купаюсь на море и беру воздушные ванны. Чудесно. От 3 до 4 ч. сплю, от 4¹/₂ до 8 работаю. В 8¹/₂ часов ужин. В 9 ч. вечера уходим кататься на лодке до 11 часов вечера. От 11¹/₂ до 12¹/₂ читаю. Затем сон. Трудно себе представить более идеальные условия отдыха.

В 1947 году исполняется 50 лет существования 1 ЛМИ им. акад. Павлова. К этому моменту следует подготовить «Историю госпитальной хирургической клиники». 1) Возникновение. 2) Помещение.

Кадры. 1) Кадьян. Биографию. Научно-исследовательскую и учебную деятельность. Дело Бейлиса, достать в архиве оригинальные материалы.

В архивах познакомиться с делом Петрашевцев, в котором Кадьян принимал участие. «Пережитое» Таганцева. Хирургическая деятельность. Лектор. Обходы. Хирург-клиницист, техник.

Рокицкий Владислав Михайлович, то же. Доценты — Анна Ивановна Морозова.

Мария Васильевна Соколова.
Арапов (взять у дочки материалы).
Лисовская Софья Николаевна.
Гиллельс. Гросман. Крым. Гольмберг.
Биографии. Работы. Фотографии. По-
искать у Урвича (сделать срочно).

Джанелидзе.

Оглоблина.

Гориневская (попросить автобио-
графию. Фото. Материалы старого вре-
мени).

Юрганова.

Эндаурова. Поликлиника.

Малис Юлий Германович.

Введение. Создание госпитальной хи-
рургической клиники. Определение по-
нятия.

Дьяконов. Вельяминов. Тихов. Шилов-
цев, который собирал анкеты.

Изменения, которые мы пытались вве-
сти, уничтожив пропедевтические и фа-
культетские клиники.

Наше представление о госпитальной
хирургической клинике.

Госпитальная хирургическая клиника
после реконструкции 1929–30 гг.

Госпитальная хирургическая клиника
во время Отечественной войны.

Ремонт.

25.VII. Среда. Мой вес дошел до 84
кило, это уже совсем плохо. Бросил за-
втракать, не знаю, хватит ли.

28.VII. Суббота. Вчера узнал о смер-
ти академика Алексея Алексеевича За-
варзина, большая потеря для страны.
Он умер 25.VII, как говорят, от инфаркта
миокарда.

Стали известны результаты выборов
в английскую Палату общин. Консерва-
торы потерпели жестокое поражение,

получив всего 190 мест, в то время как
лейбористы получили абсолютное боль-
шинство — 390 мест. Черчилль подал в
отставку, Эттли образовал новое прави-
тельство. Может быть, эти результаты бу-
дут для нас более приемлемыми. Трудно
представить все сдвиги, которые могут
последовать во внешней и внутренней
политике Англии. Может быть, теперь
нам удастся благоприятно решить вопрос
насчет проливов, то, что России не удава-
лось ни при каких режимах.

Послал письмо Ф.Ф. Андрееву, прося
его продлить мне отпуск на неделю.

Вечером дождь льет как из ведра.

29.VII. Воскресенье. Сегодня к нам
приехал в гости проф. Пауль Янович Стра-
дыньш (Павел Иванович с женой Ниной
Федоровной Малышевой, двумя дочерьми
(20 и 18 лет) и сыном 11 лет (Ян), кро-
ме того, дома еще имеется девочка трех
лет — Ася).

Страдыньш, ныне Страдыньш окончил Во-
енно-Медицинскую Академию в Ленин-
граде в 1919 г., был ассистентом Сергея
Петровича Федорова, учился у Шамова, не
раз выступал в Хирургическом обществе
Пирогова. Затем, как латыш, он в 1924 г.
переселился в Латвию, сначала занимал
должность ассистента у проф. Алксне
(тоже питомца Академии), затем стал про-
фессором Пропедевтической хирургиче-
ской клиники. В настоящее время он
ведет чуть ли не все хирургические ка-
федры. Ему 50 лет. За эти годы он мно-
го бывал за границей, 8 месяцев провел
в клинике Мауо, несколько месяцев в
Англии, бывал во Франции, Германии.
Мне трудно было составить представле-
ние об его познаниях. Он не производит

впечатления особенно умного человека. Но чем он пленил, это беззаветной преданностью своему делу.

Вечером я, Нина, генерал-майор Курехин, начальник санатория Андрей Иванович Гербут с женой по их приглашению поехали к ним. Кроме нас приглашенными оказались заместитель народного комиссара здравоохранения, который оказался моим учеником, окончил мединститут в 1928 году — Краус Адольф Андреевич и профессор анатомии Кальберг², воспитанник ВМА. Адрес: Рига, Виндавская ул., д. 19, кв. 1.

У него собственный двухэтажный особняк, хорошо, уютно обставленный, масса книг, много художественных изданий, много исторических книг. Смотрел его клинику, расположенную в Задвинской части, в городской больнице. Хорошее здание, построенное 30 лет назад, конечно, не может удовлетворить современным требованиям. Операционная напоминает оранжерею. Во многих местах вместо стекол фанера, точно так же, как в моей клинике.

Жалуются, что на перестройку не дают денег, резко сокращают штаты, одним словом, ему действительно приходится трудно. Какой-то идиот строил аудиторию, а красил, по-видимому, сумасшедший. Прекрасный, богатейший музей, масса муляжей, если и не безукоризненно приготовленных, то, во всяком случае, поучительных.

² Василий Александрович Кальберг (18.04.1893, Санкт-Петербург – 30.07.1983, Рига) – профессор, создатель послевоенной школы латвийских анатомов, ректор Рижского медицинского института (1958–1963), выдающийся педагог.

Поражает и сразу привлекает симпатии к проф. Страдынь созданный им лично «Музей истории медицины».

Музей помещается во дворе, в бывшем сарае, в котором имеется 14 или 15 комнат, только что выкрашенных клеевой краской. Сделана попытка представить в фотографиях, рисунках, в муляжах, в картинах, в предметах быта, в инструментах историю от дней минувших до наших дней. Вот, например, комната, в которой представлены роды в древней Латвии. Рожали стоя. Показаны подручни, кровать, бадья, одним словом, музей медицины сочетается с этнографическим. Много собранное проф. Страдынь, представляет мало ценного. Например, на фанере выжжена операция ампутации ноги в Средние века. Но если принять во внимание, что выжигал фельдшер термокаутером, то нельзя не умилиться перед такой работой.

Однако я вполне поверил проф. Страдынь, когда он мне сказал, что «имеет возможность дать представление об истории медицины, приводя их в музей». Им сделана попытка представить даже историю медицины времен Грозного, Петра, России и даже советской медицины.

Мы ужинали у них. Чисто, скромно. Жена производит впечатление неумной, недальновидной, интересы которой не выходят за рамки повседневных сплетен.

Льет дождь, как из ведра. Вернулись домой около часу ночи.

31.VII. Вторник. Погода окончательно испортилась. То утром, то вечером идет дождь. Море бушует, и хотя я и купался вчера, но удовольствия от этого получаю мало. Холодно, ветрено. Уехал генерал-майор Курехин.

1.VIII. Среда. С утра, как было договорено, поехал к проф. Страдынь, чтобы присутствовать на его операциях. Я приехал в 9 ч. 40'. Хозяин меня встретил в туфлях и больничном халате. Так он и пошел через улицу в клинику. Эта небрежность предвещала мало хорошего. В клинике он мне представил трех молодых ассистентов высокого роста. Он их спросил, почему они не начали операцию, как было условлено. «Вы опозорились», — прибавил он и предложил им начать операцию. Он пожелал мне показать новое здание, построенное под гинекологию и акушерство, и спросить совета, какие именно клиники и как там разместить. Но пошли в канцелярию, чтобы там взять ключи. Там оказалось, что его как главврача ждет масса больных, сиделок, служащих. Он совершенно забыл, зачем мы пришли. Начал подписывать бумаги, говорить по телефону. Тем временем я рассматривал подробную карту Риги. Приблизительно через $1\frac{1}{2}$ часа он вдруг вспомнил и сказал: «Пойдем, они, наверное, начали оперировать». Мы поехали, и действительно оказалось, что операции начаты на двух столах.

Страдынь спросил, что они оперируют. Один ответил, что миому матки, другой *Ca curratual minors*.

На левом столе оперировал ассистент лет 35. Он имеет совершенно хирургический *habitus*. Как мне впоследствии сказал С., этот ассистент 2 года работал в гинекологической клинике. Ассистент мне рассказал, что больная раньше была оперирована по поводу *Ca mammae* на другой стороне. Теперь у нее миома матки, опухоль, не имеющая отношения к предыдущим опухолям. Он все рассказывал на

хорошем русском языке, а я молчал. Он делал разрез. Показалась опухоль. Он даже не дал себе труда обойти ее и, будучи совершенно уверен в своем диагнозе, сразу захватил переднюю поверхность опухоли щипцами. Брызнула гнойно-кровянистая жидкость из кисты, которая залила всю брюшину и больную. Стали затыкать дыру, но это не помогало. В затыкании отверстия приняли участие не только врачи, но и операционная сестра. Но вытекающая из кисты жидкость имела свой план; когда жидкости не осталось, то истечение прекратилось. Больная все время находилась в резком Тренделенбурге.

Наркоз дает сестра. Трудно сказать, подходит ли это слово для того, что она делает; она просто льет <наркоз>, и больная действительно спит глубоко.

Оказалась большая киста правого яичника; небольшая киста и левого. Он убрал обе кисты. Оперирует он неплохо. Засыпал в брюшину полость 5 г стрептоцида и в нижний угол раны вставил дренаж толщиной в палец. Дренаж торчит вертикально, не знаю, что он будет дренировать.

Значительно хуже обстояло дело на втором столе, на котором оперировал более молодой ассистент, ему ассистировала молодая докторша. Когда мы подошли, инфильтрационная анестезия брюшной стенки была закончена. На вскрытие брюшины больной резко реагировал, но это не беспокоило хирурга. Без всякой анестезии париетальной брюшины и органов брюшной полости хирург влез в живот. Он не обращал никакого внимания на стоны больного. Он вытащил желудок, нашел большую опухоль, расположенную ближе к *cardia*, проросшую даже большую

кривизну. Он мял в руках желудок, мял, мял, пока этот несчастный желудок не превратился в хорошо разбитый бифштекс. Между тем несколько раз вскакивал шеф, который все продолжал мыться. Сначала ему заявили, что дело будет идти об субтотальной. В один из следующих наездов, после того как из желудка ассистент продолжал делать уже рубленую котлету, он заявил, что *sum pancreatis...* Из этого уже даже ему стало ясно, что больной явно неоперабельный. Тем временем подошел «окончательно» вымытый шеф. Он мог легко убедиться, что больной действительно неоперабельный. Чтобы прекратить стоны больного, ассистент сделал анестезию по Braun'у, после чего стоны прекратились. Дальше началось что-то, что мне было непонятно. В раково измененном лимфатическом узле шеф иссек кусочек приблизительно в 0,5 см и пересадила его в предбрюшинное пространство, недалеко от мечевидного отростка. По окончании операции он мне объяснил, что какой-то бельгийский хирург, фамилию я не разобрал, делал следующие опыты. Он иссекал кусок опухоли у крысы и пересаживал им под хвост. От этого основная опухоль регрессировала. В продолжение многих лет Страдынь применяет этот способ на людях, но, насколько я мог понять, ничего путного из этого не вышло.

Брюшную стенку он зашивает в три слоя. Я не могу только понять, почему необходимо зашивать брюшину кетгутом у безнадежного больного. Брюшную стенку зашивает бессистемно. Ассистент безбожно «протирает» рану, мнет ткани. Он так экономит кетгут, что каждую лигатуру

накладывает с помощью кровоостанавливающего зажима.

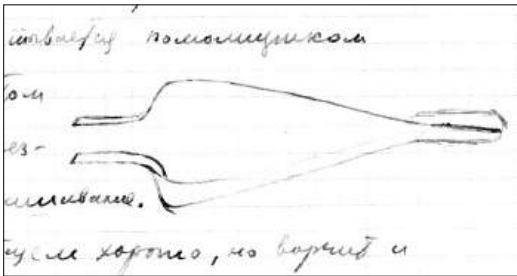
Второй тур начался так же. На двух столах язвы желудка. Я видел, как к операционному столу подошла женщина. Ее оперировал тот же ассистент, который оперировал кисту яичника. Местную анестезию он делать не умеет. На стоны больного не обращает никакого внимания. Когда все обследовано и больная достаточно наохалась, он сделал Брауновскую *spalinchnicus anesthesie*. Удачно. Дальше я лишь урывками смотрел, как он оперирует.

На шефском столе опять оказался тот же ассистент, который оперировал Са желудка. Местную анестезию он делал явно плохо и совершенно недостаточно. Он заявил, что у больного язва. Подошел шеф, который согласился, что это язва малой кривизны. Снаружи ровно ничего не было видно, и остается на совести хирурга, была ли вообще язва. Полное отсутствие спаек заставляет меня думать, что никакой язвы не было. Он приказал дать больному, который стонал, наркоз, что и было сделано другой сестрой... но боже, как они дают наркоз. Если не все больные погибают, то нужно полагать, что латвийцы крепкий народ.

Не обследовав ничего, он сразу приступил к резекции желудка, который был с виду совершенно здоров. К счастью для хирурга, 12-п. кишка оказалась исключительно длинной. Одновременно шеф и ассистент перевязывали *lig. gastro-colicum* очень близко к большой кривизне желудка, у самого края. Предварительно через связку проводился окончательный Кохеровский зонд, и одновременно шеф и ассистент проводили иглу Дешан и накладыва-

лась лигатура. Почему так тщательно следует завязывать сосуды с удаленного желудка, неизвестно. Так же тщательно был разъединен малый сальник. 12-п. кишка была пересечена и очень тщательно инвагинирована в несколько слоев, благо она была изумительной длины и легко поддавалась инвагинации.

После этого был рассечен mesocolon. Длинная петля тонкой кишки проведена через отверстие. Левый край mesocoli пришит к желудку по Finsterery. Затем на желудок и кишку был одновременно наложен тройной жом, и во всю ширину желудочного отверстия был наложен анастомоз. Шьет всегда непрерывным швом и прямой иглой. Шьет прямой иглой от себя. Конец иглы захватывается помощником специальным пинцетом каждый раз, что чрезвычайно ускоряет зашивание.

Оперирует он, в общем, хорошо, но ворчит, и никакой систематичности в работе. Но что особенно поражает, это ералаш в операционной. Операционные сестры кричат, требуют компрессы. Перебегают с одного стола к другому. В операционную все время вбегают растрепанные сестры и выбегают, разговаривают... Шеф и ассистенты все бросают на пол. Трудно понять, как профессор, побывавший во многих клиниках Америки и Европы, ничего в

смысле порядка не вынес. В общем, впечатление хлопотуна, ворчуна, середняка. У меня нет данных судить о нем как о клиницисте, но полагаю, что это должно быть что-то средняцкое.

Он позвал нас обедать. Сам очень любезен в противоположность жене.

3.VIII. Пятница. Вместе с проф. Мясниковым осматривали Рижский Морской госпиталь № 34. Он расположен в б. еврейской больнице, где главным хирургом был проф. В.М. Минц. Госпиталь развернут на 150 коек. Кожно-венерических — 30. 75 терапевтических и 75 хирургических. Больных и раненых мало. Адрес: Рига, Московская ул., 122/128.

Начальник госпиталя майор м/сл. Пономарев Михаил Ефимович. Начальник хирургического отделения майор м/сл. Ахмедов Фаррух Гаджиевич.

В хирургическом отделении 26 больных, преимущественно острые аппендициты, редко хронический, один с фосфорным ожогом.

Начальник хирургического отделения тюрков, плохо пишет по-русски, так же плохо говорит, ординаторы — грузин Гогоберидзе и белорус (отиатр). Ввиду такого исключительно благоприятного сочетания, конечно, трудно требовать, чтобы русский язык был бы в почете. Истории болезни страдают всеми болезнями, свойственными вообще историям болезни всех госпиталей: неразборчивостью, нелогичностью, генерал-губернаторскими подписями, в которых разобрать ничего невозможно.

И в такой госпиталь мы послали 14 слушателей 3 курса для летней практики. Их держат взаперти, их даже не выпускают

в город, запретил старший морской начальник генерал-майор Пешков...

7.VIII. Вторник. Сегодня ровно месяц, как мы мирно отдыхаем на взморье. Не помню даже, когда я жил так мирно. Как будто бы и в мире наступает покой. Блестяще закончилась Берлинская мирная конференция, которая фактически надолго разорвала на клочки Германию и закабалила ее экономически. Трудно даже предвидеть, когда она сможет закончить натурой оплату всех репараций. Если все справедливо, что случилось над хищной Германией, то совершенно несправедливо, что поляки, которые ничего не делали, вдруг получили западную границу по рекам Одере и Нейсе. Никогда Польша не имела столь обширные размеры. Никогда Польша не доказывала дееспособность своего государственного аппарата, мало вероятно, чтобы она смогла на таком обширном пространстве обеспечить процветание страны и смогла бы самостоятельно встать на ноги. Верить в искренность поляков Россия имеет мало оснований. С польской лживостью пока нам кланяются, но ведь то же самое они делали с Францией, пока Бек не показал истинное польское лицо. Если в 1853 г. Австрия «удивила мир своей неблагодарностью», то то же самое можно предвидеть со стороны Польши.

Вечернее радио сообщило, что в Москву прилетел китайский министр иностранных дел. В этом нет ничего удивительного, нет удивительного и в том, что мы его встречали с помпой, но знаменательно то, что его на аэродроме встречали американский посол Гарриман и английский Керр. По-видимому, в Москве

заваривается какая-то каша. Естественно предполагать, что стоит вопрос о Японии. По-видимому, стоит вопрос о том, сколько мы получим, если мы ввяжемся в войну с Японией.

Вес — 83 кг.

8.VIII. Среда. Снимались с Ниной. Когда вернулись домой, застали Магазилика. Выглядит прекрасно. Военная жизнь разогнала у него все хворобы, которыми он страдал. Хочет, конечно, домой. Пока работает в санатории Прибалтийского округа в Дзинтари на взморье, где он разворачивает «большую работу».

Неожиданно после обеда пришел Кечкер. Этот прохвост собирается в Ленинград и даже предполагает работать в клинике Ланга и подсиживать директора. Он, по-видимому, надеется снова вернуться на директорский пост. По-видимому, он забыл свое прошлое и не учитывает современного положения. Хотелось бы верить, что наши руководители не забыли проделки этого жулика.

20 ч. 10'. Снизу поднялась жена Мясникова и сказала нам, чтобы мы включили радио, которое передает, что мы объявили войну Японии. И действительно, мы несколько раз прослушали эту печальную весть. Все мы знали, что она неизбежна. Я даже был предупрежден, что она начнется в первых числах августа. И тем не менее когда видишь начало войны, это всегда ужас. Страна ровно три месяца назад, казалось, вздохнула, услышала слово «мир». Первая мировая и в особенности Вторая мировая войны показали, что «блицкриг» не бывает. Я прекрасно понимаю безнадежное положение Японии, но ведь ей ничего не остается, как

драться насмерть. Ведь Япония имеет перед глазами пример Германии. При таких условиях остается лишь драться до последнего человека. Никакого компромиссного мира. Правда, что наша армия стоит на исключительно высоком уровне, технически она изумительно оснащена, Генеральный штаб имеет огромный опыт, у нас масса талантливейших руководителей. Но бесконечное пространство отделяет нас от полей сражений. Питать многомиллионную армию всем необходимым будет нелегко. И страна, которой казалось, что она сможет переключить военную промышленность на мирные рельсы и вздохнуть свободно, опять должна будет перейти на ожидание и проливать кровь. Тяжело все это.

9.VIII. Четверг. Прекрасный день. На лодке обогнули опять наш остров, шли через канал. Опять появилось Совинформбюро. Мы заняли несколько станций, во многих местах продвинулись вперед на 15–22 километра.

10.VIII. Пятница. Мы с Ниной возвращались домой около 6 часов вечера. Группа русских громко обсуждала какой-то вопрос, на наш вопрос, что случилось, они ответили, что какая-то женщина слышала по радио о капитуляции Японии. Не верилось. По дороге спросили в комендатуре, не слышали ли они что-либо. Но стоящие с безразличными лицами красноармейцы ответили, что ничего не слышали.

17 часов. Радио сообщило о капитуляции Японии. По-видимому, в Японии нашлись какие-то разумные люди, которые предпочли сохранить хотя бы что-либо и не превращать всю страну в труху.

Великий, радостный день. Как велик удельный вес нашей страны. По-видимому, плохо себя сегодня чувствуют турки. Говорят, сегодня в Риге кто-то бросил бомбу в Управление Военно-Воздушных сил. Несчастные глупцы и преступники — это даст повод еще раз прочесать Ригу.

11.VIII. Суббота. С Ниной на машине прокурора Четверикова ездили в Ригу. Осмотрели братское кладбище. Редко я видел что-либо более красивое. Величественно, чисто, масса цветов. Это военное кладбище. На гражданском кладбище также чисто, какие-то красивые кусты с белыми цветами. Я не знаю, как они называются. Обращает на себя внимание памятник из темно-красного гранита какой-то Olga Kuse. После нам сказали, что это жена фабриканта — шоколадная фабрика. Масса скамеек, чуть ли не около каждой могилы. Никто не рвет цветов, никто не выворачивает могильные плиты. Фактически кладбище расположено в сосновом бору.

У центральной почты выставлен мой портрет, который был сделан в Совнарком, в день, когда меня награждали званием Героя. Портрет хороший. Но интересно, в какой компании я помещен. Верхний ряд слева Черчилль, посредине Сталин, справа Трумен, под Сталиным — Молотов, а под последним мой портрет. Вот воистину пятерка. В такой компании мне еще никогда не приходилось фигурировать.

Почти целый день шел дождь.

12.VIII. Воскресенье. Чувствуется приближение отъезда. Жаркий день. Приходил профессор Кальберг.

14.VIII. Мы прекрасно отдохнули за 5 недель. Трудно себе представить лучшие условия для отдыха — море, лес, широкая

река. Даже частые дожди не мешали пользоваться морем.

В 19 ч. 50' выехали с Ниной через Москву. Международного вагона не оказалось, но и в мягком неплохо.

15.VIII. К счастью, не жарко, даже выпал небольшой дождь.

16.VIII. Четверг. Утром приехали в Москву. Жарко, душно, шумно. Побывал в МСУ. Fwo-Fi в своем репертуаре.

Вечером пришли Петровы. Рассказывали много интересного. Их шеф, безусловно, сумасшедший, пока сидит в хирургической клинике, но не удивлюсь, если будет сидеть в психиатрической.

17.VIII. Пятница. Утро провели в Третьяковской галерее. В ужасном виде какой-то Котов представил Бурденко, сносно написан Шевкуненко. Вечером «стрелой» выехали в Ленинград.

18.VIII. Суббота. Дома все спокойно, если не считать некоторых все еще не решенных вопросов.

19.VIII. Воскресенье. Сижу дома. Разбираю почту.

20.VIII. Понедельник. Побывал в клинике 1 ЛМИ. К счастью, клиника верулась в свое настоящее помещение. Ремонт сделан на фу-фу, но все же счастье, что мы дома. Побывал в «Скорой».

21.VIII. Вторник. Побывал в клинике ВММА. Все еще не могут закончить скамейку для студентов.

Позвонил Попков, просит вылететь в Киров, там случилась какая-то катастрофа, я соглашаюсь. Он мне говорит, что для меня будет приготовлен самолет. Тянули до вечера. Затем сказали, что не стоит лететь вечером, лучше утром. Я согласился.

22.VIII. Среда. В 8 часов утра, как мне

было предложено, я уже был на Смольнинском аэродроме.

Меня провожал Боба, со мной летит И.П. Очкур. На аэродроме никто ничего не знает. Затем выясняют, что я действительно лечу в Киров. Вылетели на «Дугласе» в 10 ч. В 12 ч. 20' мы сели на аэродроме в Вологде. Командир корабля ушел «брать бюллетень погоды». Команда вернулась через 3¹/₂ ч. Командир пьян. Тем временем мы бродили по полю, благо была хорошая погода. Летим частично под проливным дождем. Сели на аэродром в Кирове, чуть не попали в большую канаву. Нас никто не встречает. Связываемся с Жислиным (Лев Эммануилович). Через часа полтора приезжают секретарь горкома Радаев (Виктор Яковлевич), секретарь обкома — Березин (Петр Акимович). Узнаю, что 19-го, во время праздника авиации Петр Петрович Кокурин со своей женой, с товарищем и его женой отправились в Заречный парк. Расположились за кустом и начали завтракать. Пьяный шофер на ЗИС 101 вздумал проехать через куст. На месте была убита жена Кокурина, последний прожил 2 дня и также умер. На секции перелом 11 ребер слева, 8 — ребер справа. Осталось трое детей — 15, 10 и 6 лет. Когда я прилетел, Кокурин не только успел умереть, но даже успели его вскрыть. Иначе говоря, зря летел. Но кроме меня они вызвали помощь и из института Склифосовского.

Обед в кабинете секретаря обкома Лукьянова Владимира Васильевича. Ливень. Град. Хочу лететь завтра, если позволит погода. Сплю в гостинице, где были размещены наши клиники.

23.VIII. Четверг. Серое утро. Летчики говорят, что день нелетный. Консультации

рую в больнице. Видел доктора Василевского — так же худ, как прежде, кое-как работает. Консультировал в э/г.

Аневризма (a. carotis, a. vertebralis??). Рубцы — penis. Вместе с Жислиным поехали в отделение госпиталя 4017 — в Боровицу. Солнечный день. Видел Беляева и Кузнецову.

Вечером дома у Лукьянова ужин. Председатель исполкома — Иван Тимофеевич Быков, Березин Петр Акимович. Сообщили, что прилетел полковник Петров. Я с ним увиделся в 2 часа ночи.

24.VIII. Пятница. Солнечный день. В 10 ч. утра мы на аэродроме. В продолжение двух часов моторы не желают заводиться. Наконец смилоствовали — завелись. Без инцидентов в 18 ч. 30' приземлились в Ленинграде. Дождь. Встречали Вера и Боба.

25.VIII. В 11 ч. председательствую на госэкзаменах. Экзамены идут как-то вяло. В 15 ч. заседание с экзаменаторами и секретарями.

26.VIII. Воскресенье. Сижу дома. Начиная готовиться для доклада в Академии. Дело идет очень плохо. Приходится суживать программу. Меняю на «Развитие хирургии легкого и плевры в России и СССР».

27.VIII. Понедельник. Работается очень плохо.

28.VIII. Вторник. Целый день читаю «Абсцессы легких» Kindberg и Monod. Прекрасно написанная книга. Вечером звонит Куприянов. Говорит, что, возможно, его и мои доклады не состоятся. Вот была бы радость.

31.VIII. Пятница. Экзамен в ВММА.

1.IX. Суббота. Экзамен в ВММА.

2.IX. Воскресенье. Экзамен в ВММА.

Речь Сталина о капитуляции Японии и об окончании войны.

3.IX. Понедельник. Впервые оперировал в клинике Академии больного Дергач — высоко сидящий свищ тонкой кишки. Вчера Гавриил Георгиевич Чечелашвили подарил мне малолитражную автомашину, полученную им от чехов. Машина получена им от какого-то Чехословацкого магистрата, на этот счет у него имеется документ. Я этот документ оформил в ВММА. К сожалению, машина сильно разбита. На ней Чечелашвили вывез груз в 1½ тонны. Начальник гаража уверяет, что ремонт возможен. Во всяком случае, сейчас у меня три машины, из которых ни одна никуда не годится.

4.IX. Вторник. Сижу дома. Целый день разбирал пайки. Боже мой, сколько я там нашел барахла.

5.IX. Среда. Впервые оперировал в «Скорой». М. после перфорации. Затем тяжкое желудочное кровотечение. Поправился. Язва малой кривизны. Анестезия местная +1,0 гексенала внутрь тонкой кишки. Спал хорошо, когда начал реагировать, второй раз 1,0 — туда же. Спал очень хорошо.

Операционная в «Скорой» пришла в полную расхлябанность — вместо перчаток латаные лапти — прозекторские перчатки. Нет подходящих номеров шелка, кетгута, игл. Старшая операционная сестра Ольга Ивановна стала стара и ничего не понимает, когда подает при резекции желудка. Мало-помалу придется давать ей подмогу.

При полном хозяйственном развале Грушкин требует научную тематику. Ни больных соответственных, ни

оборудования, а в то же время подавай научную тематику. Я полагаю, что институту следует придать профиль «Скорой», но вместе с этим 100 коек или около этого отвести для легочной хирургии и коек 30 для обожженных.

Вечером звонил Куприянов. Говорит, что получил из Академии телеграмму, где ему якобы сообщают, что мой доклад на счет «Развития грудной хирургии в России и Советском Союзе» отклонен, что якобы это было отклонено на заседании президиума. Он уверяет, что на этом заседании он не был. Если я припомню, что когда я сделал предложение, то Куприянов не хотел, чтобы я делал этот доклад, если я вспомню, что он тогда сказал, что многое из того, что я собираюсь сказать, это он хотел сказать, если я учту, что его доклад будет слушаться, то мне ясно, что он приложил руку, но и душу, чтобы моего доклада не было. Он полагает, что получит Институт легочной хирургии. Он желает, чтобы на этом пути у него не было конкурентов. Поэтому он старается меня спихнуть. Ну и что же. Я очень рад. Мой доклад меня не особенно привлекал, не радовал, потребовал бы массы труда, времени мало. Между тем на очереди у меня 3 срочных работы. Необходимо — написать торакобронхиальные свищи. Доклад — «Декортикация легких» и 3) Артериовенозные аневризмы подключичных сосудов. Кроме того, хочу более тщательно готовиться к лекциям и придать им новый характер, чтобы они действительно были бы госпитальными. Мне кажется, одно из основных условий, предъявляемых этим лекциям, — они должны укладываться в отводимые им 2 часа.

6.IX. Четверг. Был в клинике 1 ЛМИ. Кое-как отремонтирована. Не хватает около 250 кв. метров стекла — закрыто фанерой.

7.IX. Пятница. Оперировал в клинике ВММА 3 больных. У одного из них, Хлыстова — грыжа брюшной стенки. Пришлось резецировать 41 см тонкой кишки.

8.IX. Суббота. Сижу на госэкзаменах. Вернулся Лепорски — экзаменует геморроидально.

Вечером на юбилее по поводу 20-летия Педиатрического института. Дата странная. Замысел не прошел. Награды не вышли. Было скучно, даже, кажется, самой «бессменной директорше» Менделеевой.

Вечером звонил в 12 ч. 30' Озерецкий. Говорил он с Шабановым, тот сообщил, что нарком снял выговор с Лахмана за давностью деяний. Последний стремится к нам в институт. Вот прилипчивый прохвост. Озерецкий намерен протестовать от своего имени и от имени Ланга и моего. Если этому прохвосту и вору удастся обратно вернуться к нам, то каверзам не будет конца.

9.IX. Воскресенье. Грипп, сижу дома. Из того, что слышал от С.С. Гирголова и племянника Бурденко, ясно, что Николай Нилович совершенно вышел из строя. С.С. говорит, что Н.Н. лишь мычит и что его даже Мария Эмилиевна не понимает.

11.IX. Вторник. Мясников, его жена, Боба и я ездили в Тюрясява. Мясников и я взяли себе в аренду дачи. Они расположены в лесу, не особенно далеко от моря. Они требуют не так уж много ремонта. Контракт на пять лет. Плата в год около 2500 р. Как мы там устроимся, и когда будем там жить, и как скоро сопрут всю дачу, пока не решаюсь предсказать. Был

чудный, теплый день, и мы долго сидели у берега моря и любовались заливом.

Вечером поздно меня позвали в Свердловскую больницу к заболевшему Ивану Ефимовичу Кашкарову, явления относительной непроходимости. Ланг требовал немедленного оперативного вмешательства. По-видимому, дело шло о повторном завороте сигмовидной кишки.

12.IX. Среда. Собрание врачей в «Скорой». Намечаем организацию работ в институте.

13.IX. Четверг. В клинике 1 ЛМИ осмотрел всех больных.

14.IX. Пятница. Операции в ВММА. Реампутация бедра по собственному способу. Ассистировал Бобе на удалении инородного тела из легкого. Второй акт операции при травматической гипоспадии. Приехал проф. Б.А. Петров.

15.IX. Суббота. Вскрывал в клинике ВММА абсцесс Дугласа, не найденный в предыдущий день моими помощниками.

Вчера впервые перелил кровь Дергачу капельным способом в Sternum.

16.IX. Воскресенье. С утра на экзаменах в Академии. С Петровым ездил на острова. Жаль, что не удастся там бывать чаще. Петров обедал у нас.

17.IX. Понедельник. Сегодня впервые в своей аудитории в 1 ЛМИ 5 курсу читал лекции «Диффузная гематома при ранении четвертой части левой подключичной артерии, которая нагноилась». Читал неплохо, но недостаточно четко. К сожалению, нет времени, а то лекцию можно было бы прекрасно отшлифовать. Петров был на лекции.

Было первое заседание совета в 1 ЛМИ. Директор Озерецкий обиделся, что про-

фессора говорят, что при наших условиях вести научно-исследовательскую работу невозможно. Куприянов мне сказал, что на секции Академии сняли и его доклад. Так ему и нужно.

18.IX. Вторник. Сижу на экзаменах.

19.IX. Среда. Оперировал в «Скорой» — решетчатое легкое. Был Петров.

20.IX. Четверг. С женой Мясникова и Жоржиком ездил на дачу. Пока еще украли не всю дачу.

21.IX. Пятница. Оперировал в Академии диафрагмальную грыжу. Вышло очень хорошо. Были Зинаида Васильевна и Эмилия Никифоровна.

22.IX. Оперировал в клинике 1 ЛМИ.

1) Спленэктомия по поводу эссенциальной тромбопении. Сделал разрез Лесе́'а. Никуда не годится.

2) Резекция желудка. Ulcus.

3) Пересадка кожи.

Были Звягин Леонид Мойсеевич и Чечулин Александр Сергеевич.

23.IX. Воскресенье. Сижу дома, готовлюсь к лекции.

24.IX. Понедельник. Чирковский, Ланг и я были у Озерецкого улаживать «обиду», неизвестно кем нанесенную. Я предложил повторить заседание, на котором поставить снова вопрос о пятилетнем плане. Докладывать будет Ланг, председательствовать — я.

Читал лекцию в 1 ЛМИ. «Ulcus repticum Jeïuni и болезни оперированного желудка».

«Стрелой» выехал в Москву на заседание хирургической секции при Главсанупре. В вагоне весь вечер просидел с Бадаевым, Бубковым и Орбели Иосифом Абгаровичем, весело провели время.

25.IX. Вторник. «Моя» машина испортилась, прислали какую-то малютку, и то хорошо. Со своей стороны, Смирнов прислал машину и врача. Приходила Татьяна Сергеевна, говорит, что моя книга очень хороша.

В 17 часов в Коммунистическом госпитале — Главный военный госпиталь КА (Москва, Госпитальная площадь) открылся пленум хирургической секции ученого медицинского совета при начальнике ТСУ. Доклад Смирнова интересен по анализу материала и выводам. Громоздок из-за цифр. Доклад Гирголава интересен в начале, затем уже начал приплетать материал, не имеющий отношения к делу.

Днем был у Кудинова. На столе у него нашел собственную книгу «Пересадка кожи», которая пришла, наверное, две недели назад, а он ее даже не заметил. «Где Вы ее нашли?» — спросил он меня. «У Вас на столе», — ответил я. В МСУ ощущение полного застоя. Ф.Ф. нет. Вместе с Кудиновым ходили к начальнику автобронетанкового отдела НК ВМФ генерал-майору бер./сл. Гримзину (Ивану Васильевичу). Объяснил я ему положение насчет знаменитого «Мерседеса», который он мне прислал. Уверял долго, что у них ничего другого нет. Затем позвонил кому-то и объяснил ему все мои достоинства, и тот якобы обещал подобрать для меня машину. Вечером Е.И. Смирнов, которому я рассказал эпопею с моей машиной, обещал мне помочь. Может быть, это надежнее.

Борис Александрович Петров мне сообщил под большим секретом, что ему

сказал Крупчицкий, что Ф.Ф. убирают в МСУ. Это было бы не губительно для МСУ, но куда его денут. Если пошлют начальником Академии, то для этого учреждения его приход, безусловно, будет губительным.

26.IX. Среда. С утра черепа — доклады Бабчина, Банайтиса. Хорошо докладывал патологоанатом Смирнов.

Вечернее заседание — «Ранение грудной клетки». Блестящий по форме и исчерпывающий по содержанию доклад «Первая помощь и лечение огнестрельных ранений в войсковом, армейском и фронтовом районах» сделал Ахутин (жена его Екатерина Георгиевна).

Хорош был доклад Колесникова, но я уже его слышал раньше.

Левит сообщил об аспирационном методе лечения эмпием. Результаты хорошие. Но способ старый. Но самое ужасное было то, что он начал болтать о том, что он допрашивал Зауербруха, и бедный Зауербрух даже не знал, что отвечать Левиту, и ничего не мог сказать о грудной клетке. Бедный, бедный Зауербрух!! Но еще ужаснее был показ фильма, иллюстрирующий аспирационный дренаж. Просто дрянь!!

Утром был в институте Склифосовского. Петров собрался оперировать снизу после диафрагматомии Са пищевода. Спинномозговая анестезия. Смазал спину йодом, тщательно стер спиртом. Узким остроконечным скальпелем сделал без анестезии укол по средней линии между XI и XII грудными позвонками. Ввел 0,9–1,0% совкаина, который они сами готовят, запаривают и стерилизуют. Одновременно

под кожу вводят 1 куб. см 5% эфедрина. Петров сказал, что если вводить 0,8 или 0,9, то никогда не видел неприятных последствий. Операцию пришлось прекратить, так как из-за сращений пищевод не выделялся. Анестезия была идеальная.

Вечером вместе с Петровыми ходили в кино Наркомата ВМФ, смотрели прекрасный английский фильм.

27.IX. Четверг. С утра «Огнестрельные ранения бедра». Малоубедительный доклад сделал Левит, резецирует место переломанной кости. Хорош был доклад Цукермана, но, по-видимому, парень врет.

Блестящий доклад с потрясающими таблицами сделал Юдин. Бедра в человеческий рост... Но Смирнов после мне сказал, что много вранья, не в первый и не в последний раз!!!

Прекрасный по форме и исчерпывающий по содержанию доклад сделал Куслик. Неплохие доклады были Русанова и Португанова.

Был днем у Ефима Ивановича Смирнова. Отторговал у него и Волынкина, обещал демобилизовать 1) Рохлина, 2) Рохкинда, 3) Стефанович Екатерину Александровну, 4) Депп, 5) Стуккея. К сожалению, забыл про Жоржа Хундадзе. Я его упрекнул, что генералам даешь книги проформы ради, они ее ведь не читают. Он полез под стол, достал мне книгу о свободной пересадке кожи, он вся подчеркнута. Он мне сказал, что она очень интересна!

Я ему принес отношение от генерал-майора Гримзина, что мне полагается в собственность машина. Он был настолько любезен, что пошел со мной к начальнику Штаба к генерал-майору Карманову, кабинет которого расположен под его

кабинетом в 4-м этаже. Карманов был очень любезен, сказал мне, чтобы я ему дал недели две, после чего обещал дать мне чуть не 8-цилиндровый «Форд». Он мне сказал, что он бумагу оставляет у себя и сообщит Ефиму Ивановичу, как только машины будут. Посмотрим, какая-то надежда появилась.

28.IX. Пятница. С утра носился по городу по устройству своих дел. Вечером доклады по «суставам». Хорош доклад Вайнштейна.

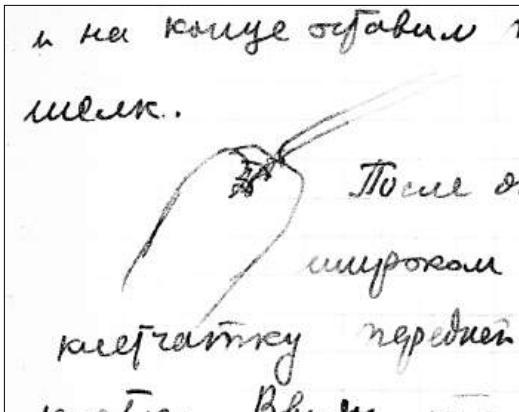
Был у народного комиссара Митерева. Он меня принял очень любезно. Я спросил его, получил ли он мою книгу. Ответил, что получил, «пока не читал, но слышал от Приорова, что она очень хороша и что Приоров предлагает ее переиздать». Я сказал, что был бы рад, но при одном условии, чтобы она была издана не хуже. «Вы мне принесли именной экземпляр на хорошей бумаге и хотите, чтобы все было так издано». Я заверил его, что весь тираж такой. «В таком случае обещаю вам издать в первом квартале 1946 года по первому разряду в Германии». Я обещал, что дополню и сдам в начале будущего года.

Позировал какому-то художнику Зильберштейну.

29.IX. Суббота. С утра поехал к Юдину, он обещал мне показать очередной пищевод.

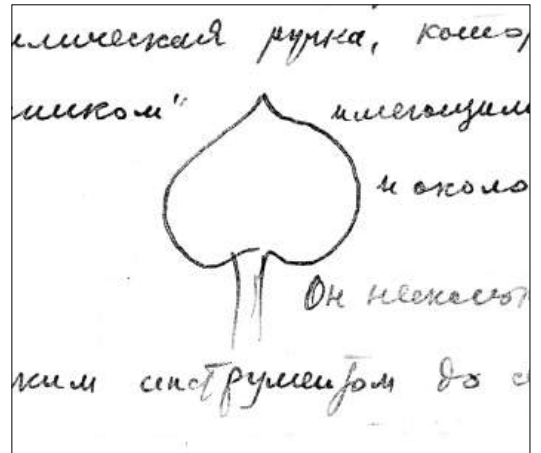
Девочка лет 14. Отравление. Гастростомическое отверстие, наложенное в Морозовской больнице по средней линии, что сильно мешает. Следовало бы, конечно, наложить в левом подреберье. Спинномозговая анестезия. 1% совкаин. Удалась прекрасно. Предварительный прокол

кожи. Отверстие в желудке прикрыто. Небольшой разрез длиной не больше 10 см. Он вытянул петли тонких кишок и, отойдя приблизительно на 20 см, стал выделять аркады. Исключительно тщательно он изолировал каждый сосуд, который ему нужно было перевязать. При этом он не пролил ни капли крови. Разъединял сосуды и перевязывал их кетгутом. Таким образом, он выделил огромной длины петлю, которой свободно хватило до подбородка девочки. Конец этой петли он тщательно инвагинировал и на конце оставил довольно толстый шелк.

После этого он анестезировал на широком основании подкожную клетчатку передней поверхности грудной клетки. Ввиду того что из-за неправильно наложенного гастростомического отверстия ему его пришлось обходить, он сделал разрез через кожу по передней аксиллярной линии. Отсюда он прошел в подкожную клетчатку сначала корнцангом, а затем специальными инструментами, предназначенными для отслойки кожи. Вид этих инструментов варварский. Они имеют деревянную ручку, затем длинная

металлическая ручка, которая оканчивается «сердечником», имеющим около 5 см в ширину и около 2–3 см в толщину.

Он несколько раз прошел этим варварским инструментом до середины шеи. После этого он прошел большим жомом Гразера, конец которого был выпячен на середине шеи. Операционная сестра продела толстый шелк (который она смачивала йодом по мере прохождения в кожу) в толстую прямую иглу. Юдин захватил иглу, вколотую в кожу, концом Гразеровского зажима и протасил через подкожный канал. Тогда он связал нитку, оставленную на конце кишечной петли, и сестра, малопомалу вытягивая нитку, одновременно втягивала кишку в слепой конец подкожного канала, расположенного немногим выше середины шеи. Раны на груди и на животе были зашиты.

Операция продолжалась 1 час пять минут.

На втором больном местная анестезия. Он соединил слепой конец кишки с плоткой. Разрез по переднему краю St.cl.m. Тщательно высвободил конец, сохранив

сторону, откуда идут сосуды. Пересек *m.omo-hyloideus*. Перевязал *art. thur.sup.* «У женщин, — сказал Юдин, — иногда приходится делать левостороннюю гемиструмектомию. Тщательно отсепаровал не только боковую, но и заднюю поверхность глотки. Первый ряд швов (шелк) он наложил, стоя слева. Второй ряд швов, стоя справа. Обильно сыплет стрептоцидом.

Я не видел дальнейшего хода операции, но легко ее себе представляю. Он мне сказал, что вводит два дренажа. Но самое интересное заключается в том, что он не соединяет кишки с желудком, и фактически в дальнейшем все питание идет минуя желудок.

В жизни беспокойный, порывистый, фанфарон, Юдин во время операции поражает выдержкой и тщательностью, методичностью во время работы. Движения его точны, он не поранит лишнего сосуда, не прольет ни капли крови. Движения его исключительно элегантно, красивы. Смотреть за тем, как он оперирует, — это истинное художественное наслаждение! Как жаль, что этот человек, наделенный таким даром, обладает таким обилием недостатков, что мало что останется от него после его смерти.

Все следящие за его техникой, будут всегда в восхищении, а знающие его близко, будут называть его аморальным. Для красивого жеста и вывода он не остановится ни перед каким искажением фактов. Но, по-видимому, таков удел таланта!!

Вечернее заключительное заседание конференции было интересным. Гирголав как председатель не сказал ничего существенного. Но зато совершенно исключи-

тельную речь по содержанию, блестящую по форме сказал Е.И. Смирнов. Он перечисляет условия, которые оказывают влияние на нашу работу в военно-полевых условиях. Климат, дождь, размывающий пути, холод, мешающий работе, отсутствие помещений, воды. Массовое поступление раненых, невозможность догнать быстро наступающую армию. Что касается большого процента возвращающихся обратно в армию, то нужно признать, что это достигается преимущественно за счет раненых в мягкие ткани.

Нам предстоит огромная задача. Обучить огромную армию врачей, которые вкусили военно-полевую хирургию, но ничего или почти ничего не знают в хирургии мирного времени. Нам предстоит вести огромную работу по организации работы армии в условиях мирного времени. Чтобы наши врачи не девалифицировались, мы будем принимать в наши госпитали не только военнослужащих, но и их семьи. Работа в поликлинике не может быть отделена от работы в госпитале. Наконец, он прибавил, что из армии будут отпускать мало. Все знающие и опытные нужны армии.

Ефим Иванович предложил Семену Семеновичу Гирголаву познакомить меня с письмом Бурденко. Написанное довольно неразборчиво, с пропущенными буквами, оно касалось приветствия, которое Н.Н. послал хирургам. Дальше, между прочим, было сказано: «Получил книгу Джанелидзе, не понимаю, для чего он это написал». Я, конечно, мог бы ответить, что трудно в его положении это понять, но ничего не сказал.

30.IX. Воскресенье. Заседание в НКЗ, посвященное созыву 25-го, юбилейного

съезда хирургов. Присутствуют: 1) Приоров, 2) Руфанов, 3) Гирголав, 4) секретарь Скундина, 5) Брайцев, 6) Терebinский, 7) Гориневская, 8) Ахутин, 9) Ростоцкий, 10) Куприянов, 11) Левит, 12) Вишневский, 13) Джанелидзе.

Съезд должен быть юбилейным. Предполагается приезд иностранцев. Поэтому решено его созвать в Москве. Время созыва съезда — вторая половина мая.

Тематика — должна быть представлена как доклады из военной, так и из мирной хирургии. Из хирургии военного времени Куприянов предлагает «Ранения грудной клетки» — принимается. Затем решено говорить о каловых свищах. Из хирургии мирного времени я предлагаю «Острую артериальную непроходимость» — принято. Затем решено наметить председателя предстоящего съезда. Руфанов называет мое имя. Его горячо поддерживает Левит, Ахутин, Приоров, даже Вишневский называет мое имя. Упорно молчат Гирголав (председатель «собраний») и Куприянов. Я говорю, что есть старше меня, называю Краснобаева. Однако большинство настаивает на моей кандидатуре. Я говорю, что я не имею права отказываться. Это большая часть, однако сколько лишних врагов, сколько недоброжелателей, завистников и сколько забот!!

«Стрелой» выехал домой. Холодно в вагоне.

1.X. Понедельник. В Ленинграде мокро, сыро, холодно. Меня с вокзала попросили в Академию, которую к моменту моего приезда осматривал вице-адмирал Абанькин. Он соизволил доклад председателя VII сессии гос. экзаменов выслушать в 23 часа.

Сижу дома. В 23 ч. 30' сделали я с Алексеем Ивановичем Ивановым доклад. Вице-адмирал похож на городничего. Сдержан, в меру любезен, но не больше. Согласился с моим предложением немедленно оставить аспирантами 10 человек. На мой вопрос: «В таком духе доложить народному комиссару?», он сказал: «Не только», но обещал или послать ему телеграмму или переговорить по телефону.

2.X. Вторник. Сижу дома, готовлюсь к отъезду. С Ивановым «стрелой» выезжаем в Москву. В полном смысле слова золотая осень, не оторвать глаз от золотых листьев осины, березы и от красных листьев клена.

3.X. Среда. Встречает нас Валентин Иванович. Едем в МСУ. В.И. выслушивает доклад, знакомится с документами. Но все приказы не успеть заготовить сегодня, а потому решено просить прием у народного комиссара на завтра. Целый день бегая по делам.

4.X. Четверг. Татьяна Сергеевна купила для меня пишущую машину. К большому сожалению, сегодня утром приехал Андреев, и он, конечно, не замедлит привязаться, чтобы пойти с нами к наркому. Прием у наркома назначен на 14 часов. Так и есть. Нарком нас принял — нас трое — начальник Академии Иванов, начальник МСУ — Андреев и я. Докладываю как председатель комиссии. По окончании доклада снова ставлю вопрос об оставлении 5 человек отличников адъюнктами с правом выбора себе специальности и профессора. Народный комиссар согласился с моими доводами и дал согласие на оставление. Как я узнал после от началь-

ника Академии, Андреев отказался подписать бумагу об оставлении адъюнктов. Вот тебе и помощь со стороны начальника.

Затем я доложил народному комиссару, что необходимо построить новую Морскую Медицинскую Академию на новом месте, что нет никакой возможности модернизировать старую Обуховку. Андреев предлагал в 1946 г. строить во дворе Обуховки шестиэтажный корпус стоимостью в 5–6 миллионов рублей.

Народный комиссар дал согласие на постройку новой Академии на новом месте. Я не увижу окончания этой стройки, хотелось бы еще жить, когда будет закладываться фундамент этого здания. Я считаю своей большой заслугой, что удалось благополучно разрешить эти два вопроса. Естественно, что Андреев стоял, как пион, и краснел, но пусть... все равно толку от него мало.

5.X. Пятница. Выехал «стрелой» домой.

6.X. Суббота. В Академии подписываю дипломы окончившим.

7.X. Воскресенье. В Доме культуры делаю доклад в роли председателя комиссии. Делает небольшой доклад начальник Академии. Зачитывается приказ народного комиссара о награждении начальника Академии Иванова и начальника училища В.М. Иванова ценным подарком — им преподносят часы. Зедгенидзе и Векшину объявляется благодарность. Председателю экзаменационной комиссии и всему профессорско-преподавательскому персоналу — шиш. Профессора считают это безобразием. Ввиду такого наплевательского отношения к председателю и к профессорско-преподавательскому составу я отказался

пойти на ужин, устроенный слушателями в «Астории».

8.X. Понедельник. Вел разбор больных со слушателями в 1 ЛМИ (вывих коленного сустава). Читал лекцию — «Вывих плеча».

Начальник Академии звал на вечер, но я не пошел.

9.X. Вторник. Обход в Академии.

10.X. Среда. Оперирую в «Скорой».

11.X. Четверг. Первая вступительная лекция в Академии «Ложный сустав».

12.X. Пятница. Оперировал в 1 ЛМИ.

13.X. Суббота. Оперировал в Академии.

14.X. Воскресенье. В 11 ч. вечера экстренно вызвали в клинику 1 ЛМИ. Оперировал мужчину 51 г. с проникающей раной правого желудочка сердца. Резецировал хрящи 4 и 5 р. Тампонада сердца. Сквозное ранение переходной складки плевры. Рану перикардия расширил до 7–8 см. Указательный палец сразу попал в рану желудочка. На рану положил 4 шелковых одиночных шва. Шелковые швы на перикард. Продолжительность час. Дыру в плевре завязал. Наглухо.

Присутствовали Зинаида Васильевна, Эмилия Никифоровна и Софья Брониславовна.

15.X. Понедельник. Лекция в 1 ЛМИ «Перелом бедра».

Заседание в Академии по поводу постройки новой Академии.

16.X. Вторник. С.С. Пенкевич тяжело болен; лежит у меня в клинике. Острый сепсис. В крови гемолитический стафилококк. Катаем всю пенициллин.

17.X. Среда. Оперировал в «Скорой» двух больных.

Написал для «Правды» предвыборную статью относительно В.Н. Шамова.

18.X. Четверг. Занятия со слушателями Академии. Окончил лекцию — «Ложный сустав».

19.X. Пятница. Оперировал в 1 ЛМИ. 1) Артерио-венозная аневризма между art. communis и v. jugularis interna. 2) Пробная лапаротомия. Са хвоста pancreas. 3) Гастростомия по Kagery. 4) Остеомиелит верхн. конца плеча.

20.X. Суббота. В Академии удалил инородное тело из задней стенки мышцы левого желудочка. Mediastinotomia anterior inferior longitudinalis. Вышло прекрасно.

21.X. Воскресенье. Работаю над декоративацией легкого. Начинаю мало-помалу разбираться.

22.X. Понедельник. Читал лекции в 1 ЛМИ «Асцит».

Заседание комиссии по выбору профессоров в 1 ЛМИ вместе с Лавровым и Валькер. На первые места наметили по госпитальной — Аникина, по факультетской — Корхова.

Бурное заседание под председательством Ланга.

23.X. Вторник. В Академии.

24.X. Среда. В «Скорой». Умерла Дагмара Антоновна Лемберг. Была найдена мертвой в постели.

Заседание в Горздраве.

Заседание Хирургического общества Пирогова.

25.X. Четверг. Утро разбора больного в ВМА. Слушали лекцию Е.В. Смирнова — вяло, неинтересно. Заседание хирургической секции. Заседание Патологоанатомической конференции в Академии.

26.X. Пятница. В 12 ч. гражданская панихида по Дагмаре Лемберг. Достаточно народу. Говорили Грушкин и я. На автомо-

биле гроб перевезли на Волковское кладбище, где и похоронили в мокрой земле.

В 17 часов «стрелой» выехал в Москву.

27.X. Суббота. В Москве, впрочем, как и в Ленинграде, сыро, мокро, тепло. Московский базар волнуется по поводу выборов в Академию. Юдин недоволен, что в статье, которую я написал в «Правде» по поводу Шамова, я не упомянул его имени. Мне было поручено писать про Шамова, а не про Юдина. Вечером пришли Татьяна Сергеевна, Б.А. Петров и А.П. Цулукидзе.

28.X. Воскресенье. В 16 часов первое торжественное заседание в Доме ученых, в большом зале. Масса народу. В президиуме около меня сидит Two-Fi. Как он туда протесался, сказать трудно, даже собирается говорить приветствие от имени ВМФ. Я уговариваю, что это не место и не время; с трудом сдается.

Вступительное, довольно бесцветное слово, говорит Абрикосов. В президиуме сидит практически глухонемой Н.Н. Бурденко. Говорят, что его жена хотела за него прочитать «Вступительное слово президента Академии Героя Социалистического Труда», но на это не пошли.

Подробный доклад на тему «Итоги первого года работы и перспективы развития Академии Медицинских наук СССР» сделал академик-секретарь В.В. Парин. Говорит хорошо, содержательно. После перерыва начались прения, затянувшиеся почти до 11 часов вечера. Из всех выступавших выделялось выступление Парнаса. Этому своеобразному иностранцу, коверкающему русские слова, многое непонятно у нас. Не понимает он, как у нас идет подбор кадров, говорит о том, что трудно вести биохимическую работу, когда нет газа, течет

крыша, и пр., и пр. Наивный малый, а он думал, что все это нужно было для работы! Особенно его беспокоит ворох бумаг, требований, которые сыплются на его голову из Академии. Вот чудак, а что бы делали чиновники, если бы этого не было... Другие даже договорились до того, что трудно работать, когда из комнаты ввиду отсутствия крыши видно небо. В общем, пустые разговоры. Понятно, что ни труба, ни небо, ни газ не имеют непосредственного отношения к годовичному докладу, но у всех так наболело, что не могут молчать.

29.X. Понедельник. Утреннее заседание в Институте Обуха, ул. Обуха. Короткое заседание президиума, на которое я случайно попал. Короткое вступительное слово академика-секретаря Парина, объясняющее порядок выборов. Затем председательствование переходит секретарю клинической секции Зеленину. Много я видел беспомощных идиотов, но такого, право, никогда. Объяснив, как мог, как он предполагает проводить выборы, он хотел назвать фамилию, которая стояла первой. Но вдруг он встретился с оппозицией, которая сразу наложила отпечаток на весь дальнейший ход выборов. «Медицинская общественность удивлена, — сказал академик Стражеско, — что среди кандидатов не фигурируют такие имена, как Аринкин и Крюков, известные всей стране гематологи и терапевты». Крыть председателю вопрос было нечем. К этим двум именам вскоре присоединилось имя хирурга Брайцева, терапевта Кипшидзе. Поступило настойчивое требование членов Академии включить эти имена, за исключением имени Кипшидзе, в список. Ничего не оставалось бедному председателю,

как пойти на голосование, исход которого был заранее предreshен. Выяснилось, что в список внесено много лиц, которые не получили благословения комиссии, и были вычеркнуты лица, которые в комиссии прошли единогласно. Когда таким образом список предполагаемых действительных членов был укомплектован, приступили к характеристикам. У каждого будущего бессмертного находился свой святой. Куприянов говорил, например, за Вишневого, Гирголав за Левита, я за Лимберга. Становилось очевидным, что всем тем, которые были включены в список велением Бориса Дмитриевича Петрова, будет плохо. Результаты голосования это подтвердили.

Вл. Сем. Левит (8 за, 17 — против и 2 воздержалось), Мандельштам (7–18–2), Лимберг Б.Э. (11–15–1), Рауер (10–16–8), Рахманов (11–15–1), Тареев (13–11–3), Трутнев (8–15–4), Топчибашев (2–25–2), Фанаржян (9–17–1), Эйнис (6–21–2).

Однако среди забаллотированных оказалось два человека, которых никак нельзя было забаллотировать — это были А.В. Вишневецкий и Р.М. Фронштейн. Можно, конечно, не любить Вишневецкого, и он это заслужил своим нахальным поведением. Но Вишневецкий все же человек, имеющий свое собственное лицо. Но у москвичей, и в особенности у Юдина, ненависть к нему настолько затуманила сознание, что он сделал, по-видимому, все возможное, чтобы тот получил достаточное число черных шаров. Второй из провалившихся Фронштейн, человек вполне достойный, не имел и столь откровенно выраженных врагов. Для того чтобы пройти, следовало иметь 2/3 голосов

из числа присутствующих, которых было 27. Следовательно, нужно было иметь 18 голосов. Оказалось, что Вишнеvский и Фронштейн получили по 17 голосов, им не хватало по 1 голосу. Многие из членов сего почтенного собрания чувствовали неловкость по отношению к этим двум невинным жертвам.

Предлагались различные способы, имеющие целью исправить то, что они сами плохо сделали. Но все предлагаемые меры оставались недействительными; все они в той или иной мере делали тайные выборы открытыми. В конце концов решили примириться с результатами тайного голосования, как бы оно для некоторых ни было горько. Последнее в особенности относится и к Топчибашеву. Этот ловкий бакинец, лейб-медик 1 секретаря Багирова, ничего особенного не сделал. Не знаю, как он оперирует, полагаю, что неплохо. Введенное им обезболивание никого, кроме автора, не соблазнило. Однако он умудрился получить Сталинскую премию, говорят, за то, что написал учебник хирургии на тюркском языке. За это ли действительно? Он был представлен в члены-корреспонденты. Велением кого-то он был переброшен в действительные члены. Забаллотировали его по первому разряду. 2 за, остальные против. В другой раз не будет.

Из моряков незаслуженно провалили Н.В. Лазарева, Г.А. Зедгенидзе. Из Медицинского института прошли Ланг, Чирковский, Черноурцкий, Тушинский, Гаршин, и все в действительные. Гаршин был представлен в члены-корреспонденты, прошел в действительные. Забаллотировали Шора, старость мешает, и Купалова.

Особенно следует сказать о С.А. Рейнберге. Талантливый человек, он за последнее время больше политиканствует, чем работает. В деле Рохлина в Ленинграде он сыграл подлую роль. Пусть почувствует на собственной шкуре, что, значит быть забаллотированным, когда того не заслуживаешь. Что касается Вовси, то он в научном отношении ровно ничего не представляет. Из того, что мне пришлось слышать, в этом случае играла роль профессиональная зависть. Он мало-помалу вытесняет вершин «знатных московских терапевтов».

Казалось, что Б.Д. Петров останется доволен результатами выборов. Как мне передавал Куприянов, Петров делает вид, что очень доволен.

Вечером ко мне пришли А.П. Цулукидзе и Петровы. Радость избранного в члены-корреспонденты у Александра Петровича выпирает наружу. Он этой радости и скрыть не может.

30.X. Вторник. Общее собрание Академии. Утверждаем открытым голосованием членов-корреспондентов и закрытым голосованием действительных членов. Голосование не принесло никаких сюрпризов.

Вечером я был приглашен на квартиру к Ефиму Ивановичу Смирнову. Были кроме меня Цулукидзе и Бакулев. Шикарная барская квартира. Бакулев производит приятное впечатление.

Днем был у зам. наркома Николая Аркадьевича Виноградова по делу Кашкина; просил его отпустить Кашкина из Казани. Он принципиально согласен, но оказывается, что Кашкин просто-напросто удрал и не сдал дел.

31.X. Среда. Приехала утроем из Таш-

кента Вера. Пришлось ей устраивать билет в Ленинград. Первый день научных докладов. Я просидел целый день. Но за исключением доклада Ипполита Васильевича Давыдовского, блестящего и по форме и по содержанию, я не услышал ничего путного. Это относится и к докладу Орбели, который шагу не делает без Павлова, и к докладу Богомольца. Пожалуй, лучше был доклад Сперанского. На вечернем заседании председательствовал я. «Бессмертные» говорили бесконечно, не учитывая нисколько, что их слушают обыкновенные смертные. Давыдовский говорил почти $1\frac{1}{2}$ часа. Не много говорили Гирголав и Руфанов.

Ровно час говорил Стражеско. Все говорили, что он умный. Этого впечатления у меня не осталось. Я недоволен тем заключением, которое я сделал. Оно расплывчато, неясно и никому ничего не говорит.

1.XI. 1945. Четверг. Целый день бегаю по различным делам. На заседании, где обсуждаются доклады о детях, не был.

2.XI. 1945. Пятница. С утра доклады Семашко, затем Сысина, Кроткова, Павловского. Председательствует Абрикосов. Я узнаю из доклада Сысина, что хорошо иметь отдельную квартиру, обсаженную зеленью. Доклад Кроткова познакомил меня с тем, что лучше есть много овощей и фруктов. В общем, можно сказать, что бесполезно я потерял дни на заседаниях Академии. Устроители не догадались устроить заседания по секциям. Первый блин вышел комом. Вечер вместе с А.П. Цулукидзе провел у Петровых.

3.XI. Суббота. Утром заседание в МСУ по поводу плана, который флот должен представить в Академию. Был

Красногорский, Яковенко, Мельников, Мясников и все начальники отделений. Порешили, что мы представим план начальнику МСУ к 30-му ноября.

Вечером выехал «стрелой» домой.

4.XI. Воскресенье. Был в Академии. Смотрел тяжелых больных.

5.XI. Понедельник. В 1 ЛМИ. С утра вел занятия со студентами. На занятиях присутствовал проф. Страдынь. Читал лекцию «Раны сердца», показал оперированного мной больного.

6.XI. Вторник. Сижу дома. Работаю над «декортикацией». Работаю плохо. Все не могу втянуться в доклад. У нас обедал проф. Страдынь.

7–8.XI. Среда-четверг. Праздники. Сижу дома, работается плохо.

9.XI. Пятница. С утра в Академии. Пропустили непроходимость после операции ущемленной грыжи. Мой адъюнкт принял это за «классическое расширение желудка». Зря потеряем больного. После обеда оперировал в клинике ЛМИ. 1) Подготовка лоскута по Blair'y. 2) Вскрывать поддиафрагмальный абсцесс слева. Думаю, что при вскрытии сзади, после резекции XII ребра, пальцем, а затем тампоном прошел через ткань селезенки.

10.XI. Суббота. Происходили в Педиатрическом институте выборы профессоров. Я был председателем комиссии. Выбрали проф. Аникина (25 голосов — за из 33) на кафедру госпитальной хирургической клиники; на кафедру факультетской хирургической клиники Корхов получил 17 голосов и Минкин — 16 голосов — за. Оба середняки. Конкурс будет продолжен.

Вечером мы ужинали у Мясниковых.

11.XI. Воскресенье. Почти целый день ушел у меня на корреспонденцию.

20.XI. Вторник. Начался сбор начальников госпиталей ВМФ, начальников лечебно-эвакуационных и статистических отделений МСО флотов.

Налицо Андреев, Комиссаров, Сульповар, Розанов, Иванов, одним словом, вся верхушка МСУ налицо. Съехались начальники со всех флотов. Налицо Толкачев, Зотов. В общем, сбор был интересен.

21.XI. Среда. Все заседаем.

22.XI. Четверг. В «Скорой» с утра оперирую. У первого больного удалил небольшой осколок на наружной поверхности перикарда. Удалось легко из разреза LeFovt'a.

2) Резецировал по 6 ребер по паравerteбральной и передней аксиллярной линиям. С каждого ребра иссекал по 3–6 см. Это первый акт для декорткации легкого. 3) Ca-ventriculi — резекция.

Четвертой шла тяжелая больная, которая лежит у нас уже около 2 месяцев. Это сестра врача Ванды Марцинковской. Она больна много лет. Боли справа в почечной области. Лихорадит. Больную ведет С.Б. Будзинская. Она два раза ее цистоскопировала. Видела в моче гной. Из правой почки — индиго появлялось через 5', из левой через 25'. На рентгенограмме вся правая почка пропитана камнями. В сумме мы поставили диагноз правостороннего калькулезного нефролитиаза.

Я шел Бергмановским разрезом. Почка легко обнажена. Никаких спаек. Почка чуть увеличена в размерах. Самое тщательное ощупывание не дало воз-

можности нащупать камни ни в лоханке, ни в почке. Я три раза поколол почку. 2 раза получил ясное представление, что игла задевает камень. Исходя из рентгенологических данных, из этого ощущения, из наблюдавшихся жесточайших болей, по поводу которых больной в сутки давали по 4–5 куб. см морфия, я убрал почку. Я ее вскрыл. Никаких камней я не нашел. Была макроскопически фибринозно измененная почка. Стало очевидно, что допущены две ошибки — диагностическая и тактическая. Едва ли стоило решиться при наблюдаемой картине убирать почку. Стало очевидно, что другая почка будет недостаточной, поскольку выделение индиго в ней запаздывало до 25', и что больная погибнет. Это ужасно, я не нахожу себе места. Больная была обречена, но зачем я согласился ее оперировать на основании лишь чужих данных.

23.XI. Пятница. Сделал доклад «Основные принципы устройства операционных блоков». Доклад интересный, но на сердце неспокойно.

В 15 часов поехал в «Скорую». Картина ужасная, с утра выпустили всего 30 куб. см мочи. Больная перестала видеть, подавлена. Ясная картина острейше протекающей уремии. Больная, безусловно, обречена! Это воистину ужасно.

28.XI. Среда. Больная вчера погибла. На секции: левая почка — пионефроз, паренхимы совершенно нет. Левый мочеточник почти непроходим. Больная несколько лет назад была оперирована по поводу фибромиомы. В этом месте мочеточник впаян и почти непроходим. В сумме ошибка диагностическая, ошиб-

ка тактическая, почку правую нельзя было удалять.

В этот день в «Скорой» зашил 3 торакобронхиальных свища у трех больных.

29.XI. Четверг. Лекция в Академии. Tbc colei.

30.XI. Пятница. Операция в 1 ЛМИ. Кровавая репозиция бедра с помощью аппарата Soresi.

1.XII. Суббота. Оперировал в Академии больную с ложным суставом бедра. Обезболивание общее. Через 3 часа, после тяжелой операции наступил тягчайший шок. Операцию прекратил. Анестезия поперечного сечения у основания бедра. Появился слабый пульс. В одно время казалось, что больная, безусловно, погибнет. Приподнят ножной конец. Больную тепло накрыли. Она оставалась на операционном столе в продолжение 4 часов и 15'. Только после того как она немного вышла из шока, наложили гипсовую повязку, и я закончил операцию. Впоследствии больная погибла через 7 дней от гемиплегии, энцефалит — последствие

длительного малокровия. Хочу предложить молодому Галкину диссертацию на тему «Операционный блок в прошлом, настоящем, в ближайшем будущем».

7.XII. Пятница. Больная погибла при явлениях гемиплегии. Вайль нашел у нее энцефалит, как реакцию на резкую анемию.

8.XII. Суббота. Заседание бюро АМН у Куприянова в ВИЭМ'е. Скучно, нудно, никому не нужно.

18.XII. Вторник. Делал в Академии доклад на юбилейной сессии о декортикации легкого. Читал сносно, но не больше.

31.XII. Понедельник. Год Победы подходит к концу. Страна достаточно разорена. Долго нам придется восстанавливать разрушенное. Слушатели 5 курса 1 ЛМИ попросили меня прочитать им последнюю лекцию. Я согласился — прочитал им «Острый живот». Читал хорошо. Слушатели пожелали иметь на память мою речь записанной, и целая бригада вела звукозапись в продолжение 2¹/₂ часов.

1946 год

7.I. Понедельник. Состоялось первое заседание Научно-исследовательского института скорой помощи. Я председательствовал. Присутствовали: проф. Рохлин, Кашкин, Гефтер, Степанова, Будзинская, Грушкин. Секретарь — Красносельский.

Сегодня в Кировской Академии Жоржика избрали докторантом. 41 голос за, один — против.

8.I. Вторник. У Куприянова заседание ленинградского бюро. Присутствуют много народу. Выдвигают кандидатов на следующую сессию.

9.I. Среда. Приступил к изучению «Оперативное лечение гипертонии» вместе с клиниками Ланга и Мясникова. В больнице Свердлова разбирали операцию Е.В. Смирнова.

11.I. Пятница. Оперировал в 1 ЛМИ. 1) Калькулезный холецистит. 2) Большую 31 г., которая 2 месяца тому назад дала жестокое профузное желудочное кровотечение. На рентгене язва 12-п. кишки. На операции ни в желудке, ни в 12-п. кишке ничего не нашел.

Решил перестроить операционные в двухэтажные в 1 ЛМИ.

Может быть, стоило бы докладывать на съезде хирургов: «Двухмоментная декорткация легкого при лечении хронических эмпием». Во всяком случае, написать отдельной статьей.

12.I. Суббота. Умер проф. Павел Павлович Львов.

14.I. Понедельник. Ночью спал плохо. Решал вопрос, откуда мне уходить.

Решил с осени уйти из госпитальной хирургической клиники. Становится невозможно вести две хирургические клиники. Начинаешь везде недодавать.

15.I. Вторник. Похоронили проф. Львова на Богословском кладбище.

16.I. Среда. Оперировал в «Скорой». Состоялось торжественное заседание, посвященное 10-летию со дня смерти С.П. Федорова.

17.I. Четверг. Вел занятия со студентами в Академии.

22.I. Вторник. В «Скорой» Эмилии Никифоровне в честь 25-летней работы в институте устроили чаепитие. Исключительный хороший работник — в полном смысле слова душа учреждения.

25.I. Пятница. Годичная сессия в НИМИ. Френкель сделал блестящий доклад и по форме, и по оформлению, и по содержанию о годичной научно-исследовательской работе НИМИ.

27.I. Воскресенье. Прилетел кинорежиссер Александр Сергеевич Лордкипанидзе, которому поручено заснять меня к празднованию 25-летия Грузинской ССР.

28.I. Понедельник. Оперировал в 1 ЛМИ.

29.I. Вторник. Целый день ушел на кино съемку в операционной, в аудитории, в кабинете у начальника.

30.I. Среда. С Ниной выехали в Москву и Солнечногорск. В международном вагоне холодно.

31.I. Четверг. Целый день ношу по городу. Был у Приорова насчет съезда.

Меня намечают председателем съезда. Как много будет необходимо для этого работать. Случайно в кабинете Приорова присутствовал на собрании старого и нового президиума Московского хирургического общества. Председателем избран Брайцев. Юдин даже не попал в число избранных в правление. Из 190 голосов он получил лишь 107. Талантливый человек, но он неумен и делает ряд глупостей, которые отвращают от него общественное мнение.

Поздно вечером к нам пришел Фи-Фи. Рассказал много интересного. Между прочим, рассказал, что он получил приглашение от главного хирурга Американского флота и собирается в Америку вместе со мной и Быковым. Нина очень волнуется и тяжело это переживает. Я же к этому очень стремлюсь, не хотелось бы только, чтобы из-за этого пришлось отказаться от участия на юбилейном съезде.

1. II. Пятница. Был у Маркасыяна. Он согласен переиздать мою книгу о пересадке кожи. У Фи-Фи встретился с А.Н. Лебедевым. Услышал много нового и интересного о возможности слияния наркоматов. Фи-Фи, конечно, боится попасть под начальство Смирнова.

2. II. Суббота. Теплый зимний день. Почти на нуле, много снега. С Ниной выехали на машине в ЦМС, расположенный приблизительно в 60 километрах от Москвы. Дорога сначала идет по Ленинградскому шоссе, а затем около деревни Хметево сворачивает направо. Санаторий расположен в двух корпусах; одно старое здание хорошей стройки; другой корпус, второй, плохая постройка. Мы живем в прекрасной комнате с централь-

ным отоплением. Впервые за эту зиму не чувствую холода в комнате.

6. II. Среда. Живем прекрасно. Ежедневно гуляем по 2–2¹/₂ часа. Чудесный, покрытый снегом лес. Погода мягкая, почти все время на нуле.

Заехал начальник Академии А.И. Иванов, который сообщил очень тревожившие его сведения о возможности слияния м./сл. Красной Армии и Флота. Его, конечно, очень беспокоит эта перспектива. Возможно, что его уйдут из начальников, и что он тогда будет делать? Что бы ему ни предложили — это будет меньше того, что он имеет в настоящее время.

В не лучшем состоянии находится Fwo-Fi. Так безоблачным представлялось ему будущее. Генерал-лейтенант, начальник МСУ, профессор *in ure* в Москве, а вдруг в перспективе возможность идти под начало Е.И. Смирнова, который его не выносит.

7–12. II. Чудесные дни. Деревья оделись в белый снежный наряд. Снег примерз к деревьям. Впечатление, что бродишь в Сусанинском лесу.

13 II. В час дня на санитарной машине прикатил Юдин с Петровым, Араповым и скульптором Михаилом Петровичем Олениным. Юдин создает галерею основоположников русской хирургии. Поэтому вздумал воспользоваться моим пребыванием здесь, договорился с Федором Федоровичем. Приказано скульптора устроить здесь и до нашего отъезда закончить мой бюст. Забавно слушать эту троицу. Все это на грани патологии.

Скульптор производит очень приятное впечатление. Работает быстро. Я сижу работаю, а он лепит. Сегодня был первый сеанс.

У Нины вот уже несколько дней как наблюдаются приступы, по-видимому, довольно жестких стягивающих болей в области грудины. Боли длятся несколько минут, грудь очень болит, боли распространяются в сторону челюсти и зубов и бесследно исчезают.

17.II. Воскресенье. У Нины боли меньше, припадки реже и интенсивность их меньше.

Мой скульптор вылепил из меня сначала римского императора Калигулу, затем начал уменьшать свирепость. Пока все еще скоблит. В профиль похож, в фас нет. Не знаю, чем он закончит. По торакобронхиальным свищам сделал довольно много, но еще остается непочатый край.

18.II. Понедельник. Скульптор все скоблит и лепит. Начинаю походить на самого себя. У Нины боли повторяются, хотя по интенсивности меньше.

19.II. Вторник. Выехали из санатория. Прекрасный солнечный день. Снежные поля, дремучий лес, покрытый снегом. В библиотеке НКЗ сдал все взятые мной книги. Устроились в гостинице «Националь». Вечером от 23 часов до 4 часов провел у начальника Главсанупра. Среди других вопросов мы говорили и о судьбе ВММА. У меня получилось впечатление, что Академия ему необходима, но окончательное решение по этому вопросу еще не принято. Волынкин обещал освободить: Чистовича, Постникова и Стуккея. Из слов Волынкина я понял, что все курсы усовершенствования и факультеты будут убраны из Академии, о чем едва ли придется сожалеть. Одно плохо, что Ефим Иванович иначе как матерщиной не выражается, это деморализует ближних, а те, в

свою очередь, на матерном языке разговаривают со своими подчиненными.

20.II. Среда. В час дня я был у Ивана Степановича Исакова. Он мне рассказал, при каких условиях произошло его назначение начальником Генерального штаба. Очень много чрезвычайно интересного.

Затем я был у Федора Федоровича, который мне показал схему, которая, по его представлению, была бы желательна в будущем. Он полагает, что он мог бы быть заместителем Смирнова, и он должен бы сохранить большую часть из своих штатов. Не знаю, насколько все это улыбается Смирнову. Через В.И. Кудинова передал какому-то майору-инженеру Корякину документ о выдаче мне автомобиля.

В Медико-санитарном управлении большое смятение. Все смотрят, кто куда, что с ними будет, вот вопрос, который занимает каждого. Очень волнуется Кудинов; полагаю, что сей воспитанный генерал всегда кому-либо понадобится. Федор Федорович полагает, что, если у него не выйдет то, что он желает, он пойдет профессором кафедры к Пунину.

Он согласился со мной, что Раквиашвили малопригоден для роли ассистента, и возьмет его Начмедом на юг. Я отказался от Нубаряна, его назначат к Самарину. Я уговорил Федора Федоровича демобилизовать Сабурова.

Вечером я был у С.С. Юдина. Видел у него прекрасную копию с картины Нестерова — Юдин. Хороший портрет Красинцева.

Вечером у нас были Петровы. Они, по-видимому, также обеспокоены своей собственной судьбой.

21.II. Четверг. Целый день носился по городу по различным делам, и вечером с

Ниной выехали домой «стрелой». К счастью, в международном вагоне тепло.

22.II. Пятница. Ленинград встречает нас холодной хмурой погодой.

23.II. Суббота. После обеда был на госэкзаменах у Глухова. Боже мой, какой это нудный и скучный идиот.

24.II. Воскресенье. Сiju над диссертацией Фрейдлина. Это довольно скучное дело.

25.II. Понедельник. С утра в «Скорой». Смотрел массу больных. Мария Григорьевна лежит, выглядит плохо, ее, бедняжку, придется оперировать. Плохо выглядит Ванда.

Был в клинике. Рад, выжил Хабазов, который умирал в продолжение 10 месяцев. Выжил мальчишка после операции по поводу огромного гидронефроза. Был на экзамене у Глухова. Та же непроходимая тупость.

Вечером в больнице Фрунзенского района состоялось первое заседание совета неотложной хирургии.

26.II. Вторник. Сегодня опубликовано несколько указов. 1 — Указ о преобразовании Народного Комиссариата Обороны Союза ССР в Народный Комиссариат Вооруженных Сил Союза ССР. Народным комиссаром ВС назначен И.В. Сталин. Одновременно опубликован Указ Президиума Верховного Совета СССР об упразднении Народного Комиссариата Военно-Морского флота Союза ССР. В указе так и сказано — Народный Комиссариат Военно-Морского флота Союза ССР упразднить. Правда, при преобразовании НКВС сказано: «объединить в этом Наркомате все Вооруженные Силы Союза ССР — Сухопутные войска,

Военно-Воздушные Силы и Военно-Морские Силы». Тем не менее я полагаю, что крепкая формулировка приказа об упразднении Народного Комиссариата Военно-Морского флота имеет более глубокий смысл. Таким образом народный комиссар Военно-Морского флота так безболезненно ликвидируется, и совсем не обязательно его вливать в новый Комиссариат. Возможно, что замом в новом Комиссариате может оказаться адмирал Октябрьский, не знаю только, как он сработается с Исаковым.

Что касается моей собственной персоны как главного хирурга флота, то при новых комбинациях я мог довольно безболезненно спланировать в свое мирное состояние.

У Нины вот уже второй день боли меньше, она живее и бодрее.

Целый день провел в клинике Академии. Опять безграмотно ведут операционный журнал.

27.II. Среда. Первый раз в «Скорой» оперировал больного с губовидным торакобронхиальным свищом частично по Pool and Garlock'y. Вышло очень хорошо.

Оперировал больную, которая лежала в «Скорой» месяц. Я поставил диагноз верхнего паранефрита. Все врачи не соглашались со мной, но я настоял на своем. Больная по поводу фурункула на груди лечилась месяц. Получил густой стафилококковый гной.

28.II. Четверг. Оперировал в Академии. У больной Ананичевой не могли поставить точный диагноз. В конце концов я остановился на диагнозе рака хвоста поджелудочной железы, хотя болей не было. При лапаротомии были найдены

кистозно перерожденные почки. 2) Пластика носа.

1.III. Пятница. Был в клинике. Вел занятия (разбор) с врачами. Они за время войны все забыли.

Вечером в «Скорой» состоялось второе заседание двух госпитальных клиник, двух рентгенологических кафедр и «Скорой». Было очень интересно.

2.III. Суббота. Оперировал в Академии. 1) Ложный сустав верхней $\frac{1}{3}$ правого плеча, и у Дергача закрывал 2 каловых свища на тонкой и сигмовидной кишках.

3.III. Воскресенье. Тяжко болен Скробанский. Тромбоз мозговых сосудов, левосторонний гемипарез. Без сознания.

Предложил Стучинскому заняться вопросом — Тканетерапии.

Предложил Рупеко вопросом — Пенициллина.

4.III. Понедельник. Сегодня в 20 часов скончался профессор Константин Климентьевич Скробанский, один из старейших профессоров нашего института. Он проработал в институте 35 лет. Прекрасно читал, хорошо выступал, прекрасно писал, неплохо оперировал. Несколько раз был директором института. Был совершенно несдержан. Говорят, что он тяжело переживал, что не стал Сталинским лауреатом и не получил орден Ленина. Ну вот и успокоился. Вместо него предполагают назначить Константина Николаевича Рабиновича.

Вечером из Москвы звонил Б.А. Петров. Говорит, что события развиваются медленно. Однако известно, что Федор Федорович Андреев будет заместителем Смирнова. Что Бурденко будет главным хирургом Вооруженных сил, и что у него будет два заместителя: Ахутин и я.

У Нины боли бывают реже, но, в общем, все же повторяются каждый день.

Завтра утром должны оперировать Марию Григорьевну по поводу миомы матки. Она боится, чтобы ей не перевязали мочеточники и не повредили мочевой пузырь!

5.III. Вторник. Н.К. Рабинович со своими ассистентами прооперировал в «Скорой» Марию Григорьевну Каменчик. Оказалась миома матки, подслизистая с множественными узлами. Размеры опухоли около крупного кулака. Никаких сращений. Операция прошла совершенно гладко и продолжалась около 30'.

Другая оперированная по поводу аппендицита, докторша Р.В. Ямпольская чувствует себя хорошо.

6.III. Среда. В «Скорой» оперировал двух больных —

1) Резекция желудка по поводу язвы, почти вся задняя стенка приросла к *pancreas*. Пришлось сделать почти субтотальную резекцию. Атипично.

2) Большая остаточная полость. Резецированы 3 ребра — частично декортикация, частично дисцизия.

Мария Григорьевна киснет, но, в общем, состояние удовлетворительное.

7.III. Четверг. Состояние Марии Григорьевны хорошее. Состояние оперированного вчера мной больного по поводу язвы (резекция) почти безнадежное. Второй больной в сносном состоянии.

В 12 ч. 30' — в актовом зале института гражданская панихида по К.К. Скробанскому. Масса народу.

Я открыл траурное собрание, говорил от имени Академии наук и Хирургического общества Пирогова. За мной говорили еще около 15 человек.

Бедный Константин Клименьевич лежит восковидный. Хорошо держится жена.

Сам я болен — у меня грипп. До кладбища не доехал.

Вечером сижу дома, работается плохо. Все болит, в особенности мышцы.

8.III. Пятница. Нездоровится. Сижу дома.

9.III. Суббота. Оперировал в Академии.

10.III. Воскресенье. Сижу дома. Нездоровится. Готовлюсь к завтрашней лекции.

11.III. Понедельник. Утром вел первое занятие с группой вновь пришедшего курса.

Читал первую лекцию вновь пришедшему 9-му семестру в 1-м Ленинградском. Читал небольшую вводную часть и начал «переломы шейки бедра». Читал хорошо.

12.III. Вторник. Обход в Академии. Обход с врачами.

13.III. Среда. Оперировал в «Скорой» 2 ложных сустава 1) плечо, 2) голень. Раиса Владимировна Ямпольская поправилась. Завтра уходит.

14.III. Четверг. Вел занятия со слушателями в Академии. Заседание с врачами в «Скорой». Красносельский сделал сообщение «о первичной обработке при ожогах». Очень плохо. Это уже не прежний Красносельский. Явный дефект мозга. Ни синтеза, ни остроумия, ни даже злости. Мне очень нездоровится.

Международное положение обостряется. Мы не уводим войска из Персии. Англичане и американцы требуют. Они прислали уже три ноты — мы не отвечаем. На днях у Фултона (в Америке) Черчилль произнес речь явно антисоветскую. Обозвал нас неонацистами. Вчера И.В. Ста-

лин отвечал — умно, четко. К сожалению, это не только не разряжает атмосферу, а напряжение еще больше возросло. С персидским премьером, который к нам приезжал, мы не договорились. Европа усиленно говорит, что мы собрались воевать с Турцией. Против нас начал наступление канадский премьер Кинг в какой-то истории с атомной бомбой. Неладные какие-то истории происходят с Китаем. Двучинную роль играет Трумен, которому, может быть, улыбается новая война и новые барыши.

Неужели опять война, или все это блеф? Трудно что-либо сказать, когда столько неизвестного. Говорил с Куприяновым, который только что вернулся из Москвы. Неискренний и далеко не симпатичный тип. Он мне плел что-то нечленораздельное по поводу издания «Советской медицины во время Второй Отечественной войны». Он бы, конечно, предпочел, чтобы меня там вовсе не было. Сказали мне, что я назначен заместителем главного хирурга по флоту.

Говорил с С.С. Гирголав, который сегодня вернулся из Москвы. Внешне более любезен и приветлив. Послезавтра вечером будем у него.

2 ч. 10' ночи. Только что слышал, что Трумен якобы заявил, что международное положение не настолько угрожающее, как это некоторые полагают. Хотелось бы верить!!

15.III. Пятница. Вел занятия со слушателями 1 ЛМИ. Боли, которые у Нины эти дни, казалось, значительно утихли — сегодня вновь усилились.

Вчера Куприянов мне сказал, что тяжело болен Абрикосов — кажется, инфаркт миокарда.

Ночь с 15 на 16-е. Весь день у Нины были боли, но терпимы. В 2 часа ночи боли стали невыносимыми, они локализируются позади грудины, отдают в шею, в челюсть и не особенно сильно в левую руку и в спину. В 2 ч.15' боли настолько усилились, что она стонет и плачет. Однако никакого ощущения страха; первое остается совершенно нормальным. Как полагается у врача — у нас дома нет ни одного лекарства, нет даже порошка морфия. Нина не знает, как ей будет лучше, лежать или сидеть; она сидит, затем решает лечь. Мало-помалу боли стихли, и около 3 часов ночи она спокойно заснула и спала прекрасно всю ночь. У меня не остается никакого сомнения в том, что это типичная картина спазма венечных сосудов. Я взялся за изучение этого страдания.

16.III. Суббота. С утра я выписал массу сердечных, нитроглицерин, амилнитрит, папаверин.

Целый день оперировал в Академии. К счастью, Нина себя чувствует хорошо, целый день не было никаких болей. Но остался страх перед возможностью повторения этих болей.

Вчера в заседании Верховного Совета название комиссаров заменено названием министров. Тов. И.В. Сталину поручено представить свои соображения о составе правительства.

Вечер провел у С.С. Гирголав. Ломанский пер., д. № 10, кв. 32. Хорошая квартира. Ольгу Владимировну я не видел 5 лет; хорошо сохранилась. Он мне рассказал об издании «Советской медицины во время Второй Отечественной войны». Я там числюсь в редакции; буду ли

я играть какую-либо другую роль, пока мне не ясно.

Он и Левит заключил договор с Медгизом об издании 5-томного учебника общей и частной хирургии. Приглашают меня в соредакторы. Я согласился. У них была тенденция побольше забрать себе, поменьше дать другим. Я же полагал, что по соображениям тактическим и деловым приглашать по возможности шире знающих хирургов. Так, я предложил включить Куприянова, Мельникова и Б.А. Петрова (спинномозговая анестезия), для теории наркоза Н.В. Лазарева. На все это он согласился.

Я отказался и дальше откажусь писать «переломы — частные». Это неинтересно и трудно. Взял себе пластику тканей и пересадку кожи.

17.III. Воскресенье. Нездоровится — сижу дома, работается плохо.

18.III. Понедельник. Утром вел занятия со студентами 1 ЛМИ. Читал лекцию — «Перелом шейки бедра (продолжение)», «Ложный сустав голени».

Заседание совета профессоров, на котором был заслушан доклад Ундрица о научно-исследовательской работе института на 1945 г. Все блестяще... Моя клиника сделала меньше, чем могла. Жаль, но это факт. Обсуждался вопрос о Сталинских лауреатах. Обсудив вопрос, пришли к заключению, что за 1945 г. никто не написал ничего достойного для представления.

Куприянов представил Е.С. Драчинскую, прося ее утвердить профессором кафедры вне конкурса. При голосовании 30 голосующих 28 — за, 1 против, 1 бюллетень недействителен.

19.III. Вторник. Состоялось заседание ленинградского бюро. Прошли моими сотрудниками Э.Н. Степанова и проф. Френкель.

20.III. Среда. Оперировал в «Скорой». Заключительное заседание комиссии по гос. экзаменам. Заседание объединенное клиник. Прошло довольно вяло.

21.III. Четверг. В Академии читал лекцию. «Саркому бедра» вместе с Вайль и Поповым. Первый позорно халтурил, Попов прочитал прекрасно.

У Нины сегодня первый раз с момента возвращения вовсе не было припадков, и чувствует себя хорошо.

22.III. Пятница. У Нины не было ни одного припадков, чувствует себя увереннее, хорошо. Б.К. Рабинович по моему поручению ходил к проф. Максименко насчет докторской диссертации. Последний считает, что тема очень хороша, и ее, безусловно, стоит делать. Я дал ему в конце концов работу «Артериовенозные аневризмы основания шеи и подключичного пространства». Боба как будто воспламенился, но боюсь, что огня у него хватит на один день, и он ровно ничего не напишет.

23.III. Суббота. У Нины в 9 ч. утра был кратковременный припадок, который сразу уступил грелке.

В Академии оперировал летчика 37 лет с ужасающей карциномой желудка. Из-за распространенности процесса не стоило оперировать.

На трупе убедился, что предлагаемая мной операция для парализованного одновременно срединного и локтевого нерва хороша.

Необходимо сшить наискось *m. extensor carpi ulnaris* с глубоким длинным

сгибателем большого пальца, а «*extensor carpi radialis brevis et longus*» с глубокими сгибателями кисти.

М.А. Сурпина мне показала грудины для ее работы. Наливка плохая. Работа могла бы быть интересной.

Жорж выехал в Москву на конференцию по артроскопии.

25.III. Понедельник. Читал лекцию в 1 ЛМИ. Заседание совета. Фрейдлин защитил докторскую диссертацию. Состоялось второе заседание совета Неотложной хирургии.

У Нины после того как она выходит, бывают несильные и непродолжительные припадки, которые уступают грелке.

26.III. Вторник. Приходил Эмдин. Облитерирующий эндоартериит.

27.III. Среда. Оперировал в «Скорой». Вчера у нас в «Скорой» умер Абрам Яковлевич Бухштаб. Он проработал у нас около 25 лет. Талантливый диагност, никудышный как лечащий врач. Л.А. Орбели мне сказал, что когда-то он считался талантливым врачом, во время работы в лаборатории Павлова. Голод и эвакуация фактически его уничтожили. Он потерял квартиру. Ему нечем было жить. Мы его взяли обратно на работу не потому, что рассчитывали на его работоспособность, но потому, что ему, бедному, некуда было деваться. Он слег и у нас же и умер. Его ожидало в дальнейшем мало радостного. В таких случаях остается радоваться, что смерть вспоминает про бездомного врача, который проработал больше 40 лет.

Вечером в Травматологическом институте вечер, посвященный Р.Р. Вредену. Хороший доклад сделал М.И. Куслик.

Осталось 179 писем, писанных Вреденом жене в виде дневника из Манчжурии во время Русско-японской войны.

28.III. Четверг. Вел занятия в Академии, читал лекцию. «Артериовенозные аневризмы». Н.В. Лазарев читал о пенициллине.

На вскрытии у Бухштаба были найдены резкие изменения в аорте и *corbovinum*, с оmozолелостью и началом аневризмы.

29.III. Пятница. В среду 27 марта в «Скорую помощь» ко мне приходил Михаил Никифорович Ахутин, он рассказал много чрезвычайно интересного.

Целый день у Нины не было болей вчера, а сегодня боли не особенно интенсивные; уступают грелке. С утра оперировал в 1 ЛМИ.

Солнечный день. Тает. Хороним Якова Абрамовича Бухштаба. Народу мало. До Серафимовского кладбища нас дошло всего несколько человек. Море воды. Серафимовское кладбище разрослось до бесконечности. На самой окраине похоронили и бедного Бухштаба.

30.III. Суббота. В Академии делал в собственном варианте операцию при комбинированном поражении срединного и локтевого нервов. Вышло очень хорошо. В «Скорой» заседание совета института. Провели старших и младших научных сотрудников.

31.III. Воскресенье. Второй раз позировал скульпторше. Пока что-то у нее не клеится.

1.IV. Понедельник. Вел занятия со слушателями 1 ЛМИ. Читал лекцию — дочитывал «язвы», «Обострение хронического остеомиелита».

2.IV. К Нине приходил Гротель. Она целый день чувствует себя хорошо. Было заседание ленинградского бюро. В Горздраводделе утвердили наш план в «Скорой».

3.IV. Среда. Заседание в «Скорой» — доклад Красносельского о шоке. Директор и врачи уговаривают меня отказаться от терапевтической части института.

Я настаиваю на сохранении и мало-помалу прихожу к мысли, что необходимо в комбинации с клиникой Ланга создать в «Скорой» отделение для «комбинированного терапевтического и хирургического лечения поражения сердечно-сосудистой системы». Вечером я говорил об этом с проф. Гротелем, который вполне одобряет мою идею. Необходимо поговорить с Лангом.

Вечером состоялся выпускной вечер для врачей 50-го выпуска. Вечер был устроен в Артиллерийской школе. Собачий холод. Чиновничьи проводы. Третьеразрядный концерт. На ужине, на котором, по-видимому, предполагалась селедка, я не остался.

4.IV. Четверг. Вел занятия в Академии и дочитывал «Артериовенозные аневризмы». За мной «Расширение вен» читал Е.В. Смирнов. Духа госпитальной хирургической клиники он уразуметь не может.

Получил предложение Е.И. Смирнова срочно выехать в Москву.

У Алексея Ивановича видел генерал-майора Кудинова.

РОЗДАНЫ ОТЧЕТЫ

1. Адмиралу Кузнецову
2. Адмиралу Исакову

3. Адмиралу Левченко
4. Ген.-полк. Рогову
5. Ген.-лейт. Ф.Ф. Андрееву
6. Ген.-майору В.И. Кудинову
7. Ген.-полк. Бурденко
8. Ген.-полк. Смирнову
9. Б.А. и Т.С. Петровым 2 экземпляра
10. Библиотеку НКЗ
11. Руфанову
12. Квасенко
13. Иванову В.П.
14. Ремизову А.А.
15. Народному комиссару
Г.А. Митереву
16. Блаунштейну
17. Сульповару
18. Фирсову
19. Куприянову
20. Драчинской
21. Благовещенской

*Конференция Скорой помощи в Доме санитарной культуры. 18 декабря 1947 г.
На этой конференции Ю.Ю. Джанелидзе делал доклад
«Современные методы лечения ожогов»*

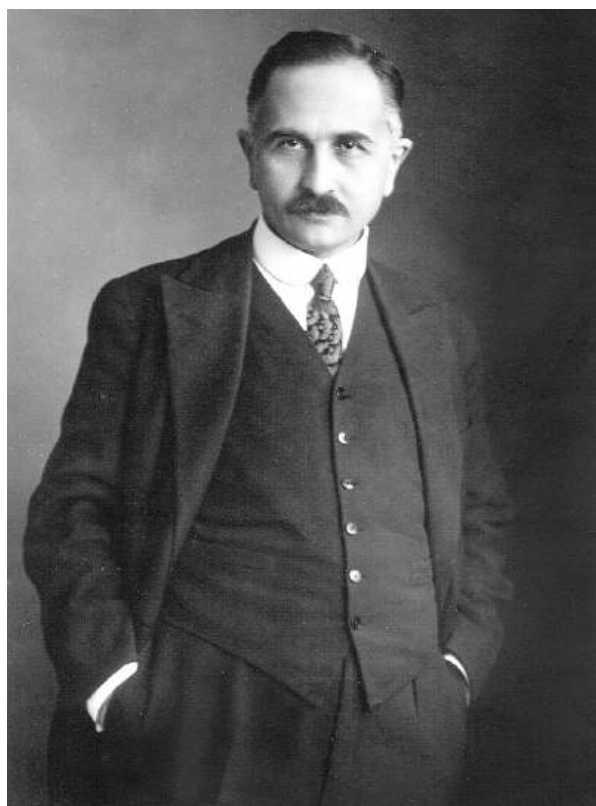

Рига, август 1948 г.

1948–1949 гг.
На съемках
фильма

*1948–1949 гг.
На съемках
фильма*

Ю.Ю. Джанелидзе

*Яков Осипович Гальперин,
известный советский хирург*

*Николай Николаевич Петров,
основоположник отечественной
онкологии*

Профессор С.С. Юдин, 1942 г.

Сергей Сергеевич Юдин, главный хирург НИИ СП им. Н. В. Склифосовского, директор НИИ хирургии им. А. В. Вишневского

Семен Семенович Гирголав, известный хирург и хороший знакомый Ю.Ю. Джанелидзе

ДНЕВНИК

№ 8

**Начат 5 апреля 1946 г.
Окончен 14 октября 1946 г.**

5.IV. Пятница. Выехал в Москву. В вагоне Гирголав, Еланский, Куприянов, Шамов. По-видимому, мы все вызваны по делам редакции Трудов Великой Отечественной войны. Со мной в купе ген.-майор Кудин, который с горечью говорит о разрушении морской медико-санитарной службы, в организации которой он принимал столь деятельное участие.

6.IV. Суббота. Солнечный теплый день. Меня встречает машина, на которой отправляют генералов в Главсанупр. Живу в «Национале». Приходят Петровы. Оно беспокоен неясностью своего положения.

В 15 часов заседание у министра здравоохранения Митерева. Присутствуют: Митерев, Смирнов, Приоров, Джанелидзе, Болдырев, Еланский, Кротков, Куприянов, Гирголав, Давыдовский, Шамов, Лобова, Виноградов, Вовси, Бурденко и сопровождающий его директор Барвихи, Орбели и Геселевич.

ПОВЕСТКА ЗАСЕДАНИЯ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ.

1. Распределение обязанностей между членами коллегии.
2. Рассмотрение структуры технического аппарата.
3. Вопросы организации и место работы технического аппарата редколлегии.
4. Рассмотрение плана требований к написанию разделов и глав.
5. О принципах привлечения авторов к написанию.

Председательствующий Митерев говорит, что он со Смирновым пришли к заключению, что у них должно быть 2 полноправных заместителя, один в Ленинграде и один в Москве.

Предлагается для Ленинграда Л.А. Орбели. Он категорически отказывается, говорит, что он до невозможности перегружен, что лучше его освободить от обязанностей начальника Академии, что он совершенно лишен возможности вести научную работу, но в конце концов его уговаривают. Для Москвы назначается Кротков. Ученым секретарем, фактически главным редактором избирается В.Н. Шамов. Работа и принципы организации технического аппарата не представляли интереса.

Митерев докладывает, что решено оплачивать редакторскую работу не пожетонно, а фиксированным жалованием. Самая верхушка будет получать полный профессорский оклад, а члены редколлегии $\frac{1}{2}$ профессорского оклада. За редактирование раздела с листа тысяча рублей, за рецензию 200 р.

По окончании заседания я спросил Гирголава, как он полагает, имею ли я право претендовать на написание главы «Повреждения сердца». Он говорит — без сомнения. После этого я обратился к редактору раздела «Грудная клетка» проф. Куприянову с вопросом, найдет ли он возможным предоставить мне главу «Сердце и крупные сосуды». Он, улыбаясь, ответил: «Конечно, конечно, без вас не обойдемся». Не знаю, насколько мое предложение его устраивает. Кроме того, я сказал, что взялся бы за написание главы «Торакальные свищи и декортикация легкого». Он на это мне сказал, что объединим опыт, но во что это должно выразиться, трудно сейчас сказать.

Во время заседания я имел возможность наблюдать за несчастным Бурденко,

против которого я сидел. Если после первых инсультов он хотя и не слышал и не говорил, но мозговые функции до известной степени возвращались. На сей раз и с этой стороны, по-видимому, дело обстоит плохо. Получается впечатление явной дефектности. И его бессмысленные улыбки, и отсутствие внимания, все говорит за то, что он неясно отдает себе отчет в происходящем. Лобова мне сказала, что он депримирован оттого, что ему не поручили ничего редактировать. Думаю, что причина значительно глубже.

7.IV. Воскресенье. Туман, дождь. Обедаю у Ф.Ф. Андреева. Он даже менее хвастлив, чем я предполагал. По-видимому, до его мозга все же доходит, что кончились его золотые денечки. Я ему говорю о том, что мне хочется отказаться от поста заместителя главного хирурга ВМФ. Он говорит, что этого не стоит делать. Он даже говорит, что меня прочтат в главные хирурги Вооруженных сил. Этого еще не хватало. Эти дни я пришел к убеждению, что мне уже пора перестать бродить по морям и более сконцентрировать свою деятельность и заняться лишь непосредственно хирургической работой. На этом месте Андреев не желал бы видеть Б.А. Петрова. Поэтому я предложил Д.А. Арапова — эта кандидатура его устраивает. Да больше этого им и не нужно. Б.А. Петров полагает, что, может быть, следовало бы предложить Мельникова. Я и против этой кандидатуры ничего не имею. Но если я уйду сейчас, то Fi-Fi будет говорить, что вот со мной Джанелидзе работал, а со Смирновым не пожелал. Ну и пусть говорит!

8.IV. Понедельник. 11 часов. У меня собрались: Гирголав, Шамов, Еланский,

Куприянов, Левит, Вовси, чтобы обсудить и корректировать то, что должно быть напечатано в «Медицинском работнике» относительно издания трудов. Я посоветовался с Левитом относительно моего ухода с поста зам. главного хирурга ВМФ. Он мне сказал, что он полагает, что Смирнов меня не отпустит, и вообще, в этот момент реорганизации этот вопрос ставить не следует. Затем отдельно я посоветовался с С.С. Гирголав. Он мне ответил, что полагает, именно сейчас как раз пора уходить. Левиту выгодно мое присутствие, так как он знает мое к себе хорошее отношение, и это укрепляет его положение в Главном медицинском управлении, откуда, как мне кажется, ему не хочется уходить. Гирголав, напротив, был бы рад, если бы я ушел, так как Смирнов с ним расстался бы без сожаления, поэтому ему хочется, чтобы около Смирнова осталось по возможности меньше работников с именами.

В 15 ч. 30' нас позвали к Смирнову. Здесь стиль, который я бы назвал вольным. Записать все выражения не представляется возможным. Докладывает Куприянов, соблюдая этикет, стоя. Обсуждение не вносит никаких изменений в предлагаемые проекты. Едем к министру Митереву. Отношение Смирнова к Митереву пренебрежительное. Смысл речей приблизительно таков. Все это издание наше, примазался Митерев в качестве одного из главных редакторов, ну и ... с ним. Все, что мы решим, он проглотит.

В 15 ч. 30' заседание у Митерева, который председательствует. Действительно, получается впечатление, что он мало понимает суть дела. Однако делает вид, что все понимает. Присутствуют: Мите-

рев, Шамов, Лобова, Куприянов, Гирголав, Кротков, Геселевич, я.

Разговоры — ничего существенного. Митерев и Смирнов находят, что из 81 единицы, которую просит редакция, могут дать около 50–60 единиц, которые они и будут отстаивать в штатной комиссии. Предположительно будут платить редакторам полную профессорскую ставку, остальным полставки. Тысячу рублей за редактирование листа и 200 р. за рецензию.

Вечером я должен быть у Е.И. Смирнова.

В 20 ч. 15' ко мне пришел Петр Андреевич Куприянов, за нами заехал Е.И. Смирнов, и мы поехали к нему домой. Хозяйки дома не оказалось. После довольно продолжительных поисков ключей Е.И. удалось открыть подходящий отдел ликеров и наливков. Одна из бутылок оказалась более чем подходящей. Я начал говорить, что поскольку он отпустил Гирголава и Шамова, то я, в свою очередь, имею право на то, чтобы он меня отпустил. Мне уже надоело бродить по морям. На это он мне ответил, что никто меня не заставляет это делать, что для этого у меня будет помощник. Когда я ему указал, что мне бы хотелось сохранить Петрова, он мне сказал, пожалуйста. Я ему заметил, что у Андреева нет для него места, да он и не склонен оставлять его на службе. На это он мне ответил, что, значит, это должен будет сделать он сам. В сумме он отказывается меня отпустить.

Со своей стороны П.А. Куприянов стал жаловаться на невозможность дальнейшего существования в таких условиях. Он лишен возможности иметь хотя бы один день для себя, для чтения. На это Смирнов

заметил, что он полагает, что Куприянов как вице-президент Академии должен переехать в Москву, что он ему к тому же даст клинику Герцена.

Из дальнейших разговоров выяснилось, что положение в Академии вообще безнадежно. Президент Бурденко фактически вышел из строя, вице-президент Абрикосов 9 месяцев в году болеет, академик-секретарь Парин преимущественно охотится... Институт терапии числится лишь на бумаге, Институт хирургии не существует. Гращенков, по определению Смирнова, прохвост, шкурник, карьерист. В общем, получилась довольно определенная картина. У меня получается впечатление, что Куприянов предвидит возможность, что в конце концов он будет президентом Академии. Ему эта перспектива, конечно, улыбалась бы, но он боится, что его съедят в клинике Герцена. При его клиническом и техническом опыте нелегко оказаться в клинике, имевшей блестящего шефа.

Пришел Л.А. Орбели. Обсуждались дела Кировской Академии. Там тоже дело не намного лучше. Считается необходимым снять В.И. Вилисова как совершенно непригодного, но и лучшего-то никого нет. Орбели просит, чтобы его убрали как не справляющегося с работой. Но его оставляют как икону, но иконы ведь в XX столетии не творят больше чудес. Мы просидели у Е.И. Смирнова до 3¹/₂ ч. ночи.

9.IV. Вторник. Брожу по многочисленным своим делам. Был у Волынкина. Он отдал при мне приказ о демобилизации Постникова и Чистовича. Может быть, на сей раз это осуществится.

10.IV. Среда. Гнусное зрелище. Утром я попал в клинику Юдина. Видел свой

бюст. По-моему, он удовлетворителен, но не больше.

11.VI. Четверг. Заканчиваю свои дела и выезжаю домой.

12.VI. Пятница. Нине лучше, но после обеда все еще бродит с грелкой на груди. В поезде ехал с французской делегацией. Снова зима.

13.VI. Суббота. Опирую в ВММА. У меня на операции был француз Rougues.

14.VI. Воскресенье. Дома.

15.VI. Понедельник. Читал в клинике лекцию — «Желтуха».

16.VI. Вторник. Обход в ВММА.

17.VI. Среда. Встреча с французской делегацией в Мариинском дворце вместе с Машанским.

18.VI. Четверг. Читал в ВММА лекцию «Pericarditv colculoba» вместе с проф. Мясниковым и Поповым; вышло хорошо.

19.VI. Пятница. Оперировал в 1 ЛМИ.

20.VI. Суббота. Оперировал в ВММА.

21.VI. Воскресенье. Сижу — работаю дома.

22.VI. Понедельник. Сегодня вместе с проф. Мясниковым и доц. Поповым для пятого курса прочитал в 1 ЛМИ лекцию «Панцирное сердце». Мясников халтурил, хорошо читал Попов, неплохо я.

Было заседание совета профессоров в 1 ЛМИ.

За последние три дня Нина совершенно ожила. Совершенно исчезли даже боли после обеда, и она чувствует себя здоровым человеком.

23.IV. Вторник. Нине определенно лучше. Сегодня ходила в продолжение часа без болей.

Состоялось скучное заседание президиума Ленинградского бюро АМН.

24.IV. Среда. Утром в «Скорой» оперировал Ивана Михайловича Устинова, фельдшера, с которым я в продолжение 4 лет служил во время Первой мировой войны на санитарном поезде № 141. Я ему был обязан жизнью. У него большая, явно иноперабельная опухоль желудка. Но психологически я не мог ему отказать и сделал под местной анестезией лапаротомию. Огромная опухоль привратниковой области. Метастазы свисают, как гроздь. Нечего думать о каком бы то ни было вмешательстве.

В 16 часов у меня в клинике 1 ЛМИ мы собрали президиум Хирургического общества для подготовки выборов кандидатов будущего президиума. Налицо: 1) Куприянов, 2) Виноградов, 3) Смирнов, 4) я, 5) Блинов, 6) Одес, 7) Шрайбер, 8) Будзинская, 9) Архангельская-Левина, 10) Левин, 11) Оглоблина, 12) Коган Ц.С.

Мы сняли весь президиум.

В 18 часов состоялось заседание Хирургического общества. Было несколько демонстраций, довольно интересных. Затем мой отчет, отчет редактора «Вестника хирургии» И.П. Виноградова, доклад секретаря С.Б. Будзинской, ревизионной комиссии. Развернулись прения очень лестные для президиума. Выступали Сазон-Ярошевич, Мельников, Самарин, даже Надеин.

По моему предложению было решено, что весь президиум уходит в отставку, чтобы дать возможность новым людям принять участие в работах президиума. Я об этом и заявил, указав, чтобы наши фамилии не назывались, ибо мы не согласимся баллотироваться.

После этого я назвал имя Шамова, что было встречено аплодисментами. Ввиду бесспорности его кандидатуры было решено, что при рекомендации Шамова ограничимся лишь моим выступлением. Значительно труднее обстояло дело с кандидатурой А.В. Мельникова. Кандидатуру Мельникова предложил Самарин, за этим выступил Куприянов, за ним Виноградов, в заключение все мы расхваливали А.В., даже перехвалили, кажись. За Блинова выступил Виноградов, за Зинаиду Васильевну Виноградов, Куприянов и я. В общем, заседание прошло очень организовано и интересно.

25.IV. Четверг. С утра работаю дома. Вечером состоялось заседание в больнице Раухфуса. Выезжал совет неотложной хирургии. Прекрасно работают три молодых врача.

26.IV. Пятница. Оперировал в 1 ЛМИ.

Вечером мне в 1 ЛМИ вручили медаль «За трудовую доблесть».

27.IV. Суббота. Сiju, работаю дома над «бронхиальными свищами».

28.IV. Воскресенье. Позировал скульптору.

29.IV. Понедельник. Читал лекцию в 1 ЛМИ «Облитерирующий эндартериит».

30.IV. Вторник. Был в Академии, делал обход. В «Скорой» доклады Гефтер и Чистович.

1–2.V. Среда, четверг. Праздники. Сiju дома, работаю.

3.V. Пятница. Оперировал в клинике балерину Наталию Михайловну Вечеслову по поводу камня в ductus cysticus, большую с большим камнем в общем желчном протоке. 7 месяцев с диагнозом паренхиматозной желтухи держали в клинике у

Тушинского.

4.V. Суббота. В Академии убирал из стенки левого желудочка инородное тело, расположенное поверхностно. Через перикард было видно, как при каждом сердечном сокращении инородное тело трется о стенку перикардия. Убралось легко и без всяких осложнений.

2-й больной, инородное тело где-то не то у корня легкого, не то в средостении. Трудно было решить, откуда идти — от передней стенки 9 см, от задней столько же. Пошел сбоку, резецировал 3-е ребро, затем второе. Доступ вполне достаточный. Почти сразу в шлусе я нащупал инородное тело. Однако разорвать капсулу концом пальца не представляется возможным. После исключительных усилий это удалось. Был момент, когда из корня хлынула кровь, и я на короткий промежуток времени прекратил операцию, пока больному делали переливание крови. После удаления крупного инородного тела я положил большой тампон Микулича. На этом закончил операцию. Состояние больного непосредственно после операции было тяжелым. Таковым же оставалось оно и в следующий день, несмотря на переливание крови. Поражала частота дыхания, которая доходила до 66'. В ночь с 5-го на 6-е больной умер. Вскрытие показало двухсторонний пневмосклероз, множественные бронхиектазии и резкую, исключительно выраженную гипертрофию правого сердца.

5.V. Воскресенье. Позировал скульптору.

6.V. Понедельник. Читал в 1 ЛМИ «Хроническая эмпиема».

7.V. Вторник. В Академии оперировал офицера Югославской армии. Pericarditis Calculosa. См. Описание в истории болезни.

Оперировал больного с инородным телом в малом тазу. Инородное тело не нашел.

8.V. Среда. Утром оперировал в «Скорой» больного с тяжелой язвой 12-п. кишки.

Перевыборы в Хирургическом обществе Пирогова. Из 102 голосующих Шамов получил 101 — за, 1 против

Мельников 80 за, 22 против

Оглоблина 85 за, 17 против

Блинов 85 за, 17 против

9.V. Четверг. Праздник Победы.

10.V. Пятница. Оперировал 32-летнюю докторшу по поводу дермоидной кисты средостения — ретро-латеро расположенную. Технически было трудно. Вышло хорошо. Слушал доклад Рабиновича в НИМИ.

11.V. Суббота. С Мясниковым и инженером Давидсоном ездили на дачу. Решил от дачи отказаться.

Оперированная вчера докторша тяжела.

Пришел приказ Смирнова, отсылающий начальника Академии на Тихий океан, а меня на обследование Южного флота.

12.V. Воскресенье. Выехали с начальником Академии в Москву.

13.V. Понедельник. Я позвонил Смирнову и спросил его, считает ли он удобным, чтобы мы с начальником Академии пришли к нему помимо своего непосредственного начальника Fi-Fi. Он ответил: «Приходите сейчас».

Скоро выяснилось, что идея отослать начальника на ТОФ исходила от гениаль-

ного Фи-Фи. Тут же поездка Иванова на Дальний Восток была отменена. Вместо него назначили В.М. Иванова. Меня Смирнов просил поехать обследовать Южно-Балтийский флот и Прибалтийский фронт для решения вопроса, какие госпиталя следует оставить и какие закрыть.

Вечером ко мне пришли Петровы и Дитя с дочкой.

14.V. Вторник. Был у Исакова, благодарил за машину.

15.V. Среда. После обеда был на заседании президиума Академии Медицинских наук. Давыдовский выступал неумно по поводу аспиранта Чачава. Я отвечал.

Вечером в филиале Художественного театра смотрели «Идеального мужа» — Уайльда. Чудесно.

16.V. Четверг. Выехали обратно. Навестили больного проф. Ахутина.

17.V. Пятница. Мой югославский офицер с pericarditiy Calcarea и докторша с дермоидной кистой средостения в прекрасном состоянии.

18.V. Суббота. Оперировал в Академии. Был на скучном производственном заседании по поводу пенициллина.

19.V. Воскресенье. Председательствовал на заседании конференции, посвященной пенициллину.

20.V. Понедельник. Утром резецировал желудок в 1 ЛМИ. Читал лекцию в 1 ЛМИ «артериовенозная аневризма плечевой артерии». Заседание совета — там же. Смотрел академика Сперанского, у которого заворот il. Sygmoideae, уступивший гипертонической клизме.

21.V. Вторник. Читал лекцию для врачей Северного флота «Ранения грудной

клетки. Прошлое и настоящее». Читал хорошо, хотя аудитория была смешанная.

22.V. Среда. С утра в «Скорой». Резецировал желудок по поводу язвы 12-п. кишки. Резекция желудка по поводу *Ulcus pepticum juveni*. Оперировал Серебрякова по поводу остеомиелита ребер и остаточной полости. Вечером заседание Хирургического общества. Впервые председательствовал Мельников — вполне хорошо.

23.V. Четверг. Оперировал в Академии. Нина целый день хлопотала, волновалась; ночью из-за болей не спала. Дал таблетку нитроглицерина впервые. Боли сразу утихли, и она сразу заснула.

24.V. Пятница. С утра Нина чувствует себя хорошо.

В 15 ч. 20' выезжаем с Варшавского вокзала в Ригу. Со мной А.И. Иванов, Б.К. Рабинович и Жорж. Едем прекрасно. Только что распутившаяся зелень.

25.V. Суббота. Едем по Латвии. Разрушенные станции уже разобраны. Радует глаз светлая зелень, прибранные, вспаханные поля, чистые фермы.

На вокзале в 1 ч. 45' нас встречает начальник санатория Кранцберг Абрам Герцович. Мы остаемся в городе — осматриваем этот чистый, уютный город. Побывали на братском кладбище — оно и сейчас, без цветов, производит неизгладимое впечатление.

В 19 часов приехали в Майори. Здесь мне все знакомо, чувствую себя старожилom. Живем, и неплохо, в санатории.

26.V. Воскресенье. Несколько часов собирали необходимые сведения. Побывали в Кемери. Масса комаров. После обеда катались на реке. Часть любимого моего канала на протяжении 200 метров

заросла. Волоком перетащили лодку и все-таки сделали полный круг по реке.

Днем в несколько минут умер главный врач санатория Коврыгин. Я застал его мертвым и просил прекратить искусственное дыхание. *Angina pectoris*.

Вечером в 22 часа выехали в Либаву.

27.V. Понедельник. Рано утром в 6 часов меня разбудил Алексей Иванович и сообщил, что ночью из купе, которое не закрывалось на затвор, у него украли сапоги и портфель со всеми документами; в частности, пропали все наши проездные билеты. Не исключена возможность, что это сделал проводник.

Мы пришли в Либаву в 8 часов утра и, конечно, нас никто не встретил. После соответствующих звонков нам прислали санитарную машину. Я в жизни видел много дряни, но равной этой едва ли. Совершенно развалившаяся машина, вся внутренность которой загажена окурками и шелухой от семечек.

Наш госпиталь отстоит от вокзала на расстоянии 10 километров. Сады полны сирени, цветет дикий каштан, а в морском городке прекрасная аллея лип, засаженных еще во времена Александра III. Я был здесь в 1940 году.

Госпиталь развернут в совершенно непригодном Доме офицерского собрания. Прекрасное двухэтажное здание с мраморной лестницей, лепными потолками, крышей из оцинкованного железа, часть которой штампована. Одна из огромных комнат, в которой на 8-метровой высоте расположен потолок, который нельзя мыть, устроена прекрасная с виду операционная. Пол из метлахских плиток. Большие несуразные палаты, в од-

ной из них на хорах, где когда-то играла музыка, стоит 14 кроватей.

Для поликлиники отведено также здание, которое администрация портит, приспособляя его и безобразя особняк.

Госпиталь развернут на 200 коек: 100 — хир., 60 — терапевт., 20 — кожно-венерич., 20 — инфекционных. Начальник госпиталя, он же начальник медицинского отделения базы — Раевский, главный врач госпиталя — Перля, который еще недавно был начальником госпиталя, развалил его и был смещен.

Я подробно ознакомился лишь с хирургическим отделением и могу лишь косвенно составить впечатление об остальных отделениях.

Мы бегло осмотрели Красноармейский госпиталь № 2068, который расположен в старом Морском госпитале. Начальник госпиталя подполковник медицинской службы — Богач.

Обследование обоих госпиталей привело нас к заключению, что в Либаве необходимо оставить один Морской госпиталь на 400–500 коек, который должен обслуживать как армию, так и флот. Госпиталь следует развернуть в старом Морском госпитале.

Вечером я, Алексей Иванович и Жорж были у Демидовых. Федор Иванович Демидов, бывший комиссар МСУ и ныне начальник политотдела базы, хорошо мне памятен по прошлой с ним службе. Жена его Вера Владимировна Шарубина, хирург военного времени, вышла за него замуж в 1942 году. Она была женой флагманского врача Черноморского флота Зеликова, который остался в Севастополе и был расстрелян немцами. И он, и

она вполне определившиеся и колоритные фигуры. Прекрасная квартира, хорошо меблированная. Днем я с Алексеем Ивановичем побывал у начальника базы контр-адмирала Кузнецова.

28.V. Вторник. С утра и до 3 часов дня я провел в хирургическом отделении. Начальник отделения Обухов (полковник). Недавно пришел сюда из Кронштадта. Имеет большой стаж, но туп, малоразвит. Он даже старается наладить кое-какой порядок в отделении, но требовать от него руководства не приходится. В историях болезни те же болезни военного времени, нигде не пишут ни о сосудах, ни о нервах. Шаблонное, элементарное, ограниченное мышление.

Недавно смененный начальник хирургического отделения Перле совсем малограмотен. Он, например, дал согласие ампутировать больному палец у основания первой фаланги по поводу костного панариция. И в то же время этот же врач оперирует больного по поводу сквозного ранения желудка, тонкой и толстой кишок. Зашивает дырки в желудке и толстой кишке, резецирует тонкую кишку и получает выздоровление. Остальные врачи молодняк, которому фактически не у кого учиться.

Вчера из Москвы прилетел командующий Южбалтфлотом адмирал Гордей Иванович Левченко. Сегодня он на своем штабном корабле уходит в Пиллау, а оттуда в Свинемюнде. Он любезно соглашается всех нас взять с собой, и мы не заставляем себя долго просить.

В 17 часов мы на корабле. Это бывший штабной корабль главнокомандующего немецким морским флотом

гросс-адмирала Редера, а последние два года Деница. Он носил название «Хелла», а в настоящее время переименован в «Ангара», а небольшой катер адмирала, повторяющий черты корабля, носит название «Ангаренок». Корабль имеет $2\frac{1}{2}$ т. тонн водоизмещения; весь окрашен в белый цвет. Исключительно удобен, но совершенно отсутствует что-либо, что хотя бы в отдалении напоминало роскошь. Он вступил в строй в 1940 г., когда уже о роскоши немцам не приходилось думать. На нем прекрасные дизеля, но корабль еще не освоен нашими моряками, а англичане, которые неохотно нам его уступили, конечно, не дали нам ни плана, ни схем, да и к тому же сняли с него ценные навигационные приборы.

С 17 до $20\frac{1}{2}$ часов корабль был выведен в порт и проверял аппараты девиации. В $20\frac{1}{2}$ часов на корабль прибыл комфлота, и мы снялись с якоря. Левченко исключительно любезен. Поднявшись на корабль, он сразу направился ко мне и весь вечер сообщал много исключительно интересного. В частности, он дал прочитать отчет об одном заседании, на котором делили корабли мы с англичанами и американцами. Не союзники, а сволочи!!

У меня прекрасная каюта. Чудесная жаркая погода, зеркально гладкое море, идем без намека на качку, как по реке. По расчету должны прийти в 8–9 часов утра.

29.V. Среда. Чудесный день. Солнце. Зеркальное море. Идем полным ходом. Однако вместо того чтобы быть уже в Пиллау, наш очаровательный корабль вдруг замедляет ход, а затем и совершенно останавливается. Везде носящийся Жорж сообщает, что обнаружен на море какой-то

буй, которого нет на карте. Из этого следует, что мы сбились с пути, а так как со всех сторон минные поля, то комфлота приказал остановиться до уточнения, где мы находимся. На это ушло два часа. Вдруг на горизонте появилось шесть быстроходных катеров, которые комфлота приказал вызвать. Они окружили нас со всех сторон и не выпускали до того момента, пока мы не вошли в порт. Жорж после мне сообщил, что штурман ошибся в расчетах. Одним словом, украденная лошадь не слушает нового хозяина.

Прекрасный порт Пиллау, благоустроенная стенка с закрытой подачей горючего и воды. Жалкие остатки городка, коробки, дома без крыш, окон, руины. Приблизительно уничтожено 80% города. Адмирала встречают с большой помпой. Подошли к стенке в 13 ч. 30'.

Нас встречают начальник госпиталя и флагманский хирург. В госпитале я знакомлюсь с частью нашей компании. Подробно знакомлюсь с планом реконструкции госпиталя, бывшего туберкулезного санатория, который расположен в 6 километрах от города, в мертвом лесу (погибший от артобстрела) и на берегу моря.

Произвел перепланировку приемного покоя, операционного корпуса, фасада. Не знаю, что они выполняют из моих пожеланий. Обедали у начальника госпиталя Николая Ивановича Козырева, малохолдного и маломощного субъекта. В 17 часов мы были уже на корабле; должны были отойти в 18 часов. Сдал дизель, как говорили, в него попала вода; пришлось чинить, отошли в 21 ч. 30'.

30.V. Четверг. Чудесная солнечная погода; на море полный штиль. Безбрежное

море. У Жоржика масса друзей, начиная от вице-адмиралов и ниже; он часами не сходит с капитанского мостика. Вчера вечером капитан 1-го ранга рассказал историю с Ольгой Константиновной Чеховой, если верно, то исключительно интересно. Входим в обширный порт Свинемюнде.

Видны прекрасные здания, лесистый берег, прекрасный пляж. В 12¹/₂ пришвартовались. Встреча адмирала началась еще в море. 4 высланных катера окружают корабль и идут с ним до порта. На пристани начальство, машины. Начальник Свинемундского Морского госпиталя подполковник Трояновский Давид Львович.

Я осматриваю весь госпиталь. Бывшая городская больница. Образец современной стройки, 3-этажное здание. Прекрасные палаты, коридоры, операционные, рентген. Госпиталь перенасыщен всем награбленным добром, обстановкой, инструментарием. Многократные раскулачивания хотя и уменьшили его богатства, но в настоящее время добром этого учреждения можно было бы легко организовать два новых. Кровати на колесах, которые дают возможность перекачивать кровать, а специальные тормоза останавливать их в любой момент. 65 аналогичных кроватей вывез Лисицын и 35 Засосов, где и можно увидеть образцы.

Довольно много времени провел в хирургическом отделении. 100 коек. Начальник отделения малограмотен. Нет ни одного сильного. Один из врачей по поводу разрыва селезенки через сутки делает пункцию живота. Получив кровь, он ставит «правильный» диагноз — разрыва селезенки, находит разрыв, ушивает малярно измененную селезенку и очень

доволен полученным выздоровлением. Истории болезни пишутся удовлетворительно, то же должен сказать относительно операционного журнала.

В 16 часов мы обедаем по приглашению адмирала в доме отдыха Южбалтфлота, который расположен в исключительно красивом курорте, на берегу залива, в местечке, которое называется Heringsdorf. Туда ведет обычная образцовая дорога, проходящая через сады, заполненные сиренью и цветами, озера. Сама «деревня» — это фешенебельный курорт, где прекрасные гостиницы тесно примыкают друг к другу. В одной из таких гостиниц или, по-видимому, пансион развернут наш Дом отдыха.

Начальником сего Дома отдыха является грузинка, скорее мингрелка, по фамилии Джорджина Георгиевна Кордзайя. Это красивая 29-летняя блондинка, все пальцы которой, предплечье и шея увешаны кольцами, браслетами, камеей, происхождение которых вполне понятно. Не следует долго размышлять и о том, как она сюда попала. Она устраивала виллу адмирала Левченко. Она красива, хорошо знает эти свои качества; 50-летний ее муж, врач, служит в Берлине. Здешние круги ее не называют недотрогой. Она мила, любезна, внешне в восторге от знакомства со мной. Очень приглашает провести лето у нее. Этого же мнения придерживается и адмирал Левченко, который даже обещает самолет, чтобы я мог сюда добраться.

Прекрасный обед, на котором присутствуют адмирал Гордей Иванович Левченко, член Военного совета вице-адмирал Александр Андреевич Николаев, генерал-полковник Михаил Иванович Самарин,

начальник Академии Алексей Иванович Иванов, я, Жорж, Боба, начсан Южбалтфлота полковник Константин Федорович Колесников, его заместитель полковник Петр Ефимович Калинин, полковник танковых войск, врач, член нашей комиссии, которого мы забрали с собой, и много других. Пьют довольно много. Напился Калинин и вел себя совершенно недопустимо грубо с генерал-полковником Самохиным. Отправились на прекрасный, прекрасный пляж. Отравляет существование обилие комаров. Адмирал уехал относительно рано. Джорджина весела, пьяного полковника начсана танковых войск пришлось оставить ночевать — он был настолько пьян, что не мог двигаться дальше. Поздно ночью мы вернулись домой.

31.V. Пятница. В 8 ч. 30' утра вылетаем на самолете из Свинемюнде в Берлин. Прекрасный американский пассажирский «Дуглас». Адмирал спешит в Берлин на совместное заседание с англичанами, с которыми он делит немецкие корабли.

Прекрасное солнечное утро. Сначала мы летим над Штеттинским заливом, затем над Северной Германией. Всюду одна и та же картина; ни одного клочка не обработанной земли. И вот наконец Берлин. Перелет продолжался всего 43'. Приближение к городу начинает чувствоваться многочисленными ямами — следы разрывов бомб и артиллерийских снарядов. Самолет плавно опускается на аэродроме, где масса других самолетов, преимущественно «Дугласов». Масса встречающих, среди них начальник Морского отдела Советской военной администрации (СВА) вице-адмирал Сидельников. Он мне напоминает, что встречался со мной раньше в Баку

(11 сентября 1942 г., когда я летел к раненому Исакову), где он был командующим Кас-пийской флотилией. Есть много других встречающих.

Левченко приглашает меня с собой в автомобиль. Морской отдел размещен в многоэтажном здании; дощечки, привинченные к дверям, указывают не только фамилии живших здесь владельцев, но и их специальность. Карты на стенах, телефоны, разных рангов адъютанты и... давно не только не натертый, но и не мытый пол. Некоторое время приходится ждать, пока адмирал отдаст необходимые ему распоряжения. Затем он отдает распоряжение, чтобы нас разместили в доме, в котором он живет сам, и просит Сидельникова прикрепить к нам машину.

Особняк, в котором нас разместили, — это трехэтажное здание, когда-то, по-видимому, чистый, хорошо обставленный. Теперь он давно раскулачен нашими товарищами. Все ценное из него вывезено. Стоит разбитый рояль, довольно помятая мягкая мебель. В большой со стеклянной верандой комнате стоят две деревянные кровати. Матрацы продавлены настолько, что можно думать, что через них прокатился не один танк. Пол, по-видимому, здесь не мылся с момента взятия Берлина. Маруся, девочка лет 19–20 носит на груди медаль «За войну с Германией», и этим, по-видимому, исчерпываются все ее достоинства. Она кое-как подметает центральные части комнаты, а все остальное ее не трогает. Питание, которое нам здесь отпускают, было бы вполне достаточным, но обслуживание сего дела можно назвать не Service, а стервис.

После завтрака мы разбиваемся. Алексей Иванович уезжает в Фюрстенберг, где необходимо организовать вывоз находящегося там нашего имущества, а мы с присоединившимся к нам Анатолием Семеновичем Крупиным направляемся прежде всего в представительство министра здравоохранения, которым ведает какой-то Кузнецов. К счастью, его не оказалось налицо, а его заместитель Соколов, которого я знаю давно. Он окончил 1 ЛМИ, величает себя моим учеником и внешне исключительно рад моему посещению. Я сообщаю ему о своих нуждах, мне нужны цистоскопы, гастроскоп. Из его слов выясняется, что в настоящее время все изделия идут в счет репарации и ничего индивидуально не продается. Однако после некоторого увещевания они сдаются и обещают сделать все возможное, чтобы мне это устроить. Я заговариваю о книгах. Налицо нет ничего. Соколов просит меня написать, что мне необходимо, и он постарается мне все достать и переслать. Я пишу 6 томов Schubert-Kirschner-Operationis, Lebre два тома Sacurbrucha-Chirurgie der Brustorgane и топографическую анатомию Pernkoffa. Не знаю, будет ли иметь моя запись какое-либо значение или нет. Соколов мне сообщает о том, что здесь работает проф. Шаак. Я прошу передать ему привет.

От него я направляюсь к проф. Sauerbruch, которому по телефону сообщили, что мне хочется его видеть.

Нам приходится проезжать через многочисленные кварталы, площади, улицы. И тут в полной мере перед нами встает картина жуткого разрушения этого когда-то огромнейшего города. Три четверти города

в центральных его частях фактически не существуют. Англо-американская авиация и наша артиллерия могут гордиться делом своих рук. Рейхстаг изрешечен в полном смысле слова. Не стало Тиргартена. После ожесточенных боев, разыгравшихся здесь, остались остовы искалеченных простреленных деревьев, наполовину срубленных огнем. Недавно почти все деревья были срублены, спилены. Местами остались уцелевшие памятники. Вот бизон, который одиноко примостился неизвестно к чему и зачем. Вот всадник на лошади, у которой не хватает крупа. Чтобы дезориентировать вражескую авиацию, немцы передвинули статую Победы, воздвигнутую в 1873 г. против Рейхстага, приблизительно на один километр дальше. Туда же были сдвинуты памятники Бисмарку и Мольтке. По иронии судьбы на вершине этого памятника Победы немцев над французами теперь развивается французский флаг.

Местами город представляет собой сплошные руины. Однако почти все улицы расчищены. Хотя во многих местах еще красуются надписи «Umlanf» — объезд. Некоторые дома и даже целые улицы остались нетронутыми. Трудно сказать, как это случилось. В одном полуразрушенном доме, у которого не хватает целой стены, не то на 4-м, не то на 5-м этаже видна кровать и расхаживающий по комнате немец, который во избежание падения со столь большой высоты у недостающей стены протянул веревку.

Во многих направлениях ходят трамваи, работает надземная и подземная железная дороги. Абсолютно не видно троллейбусного и автобусного движения. Снуют с большой скоростью автомобили

различных марок. Но в них почти не видно немцев. В автомобилях, в которых сидят немцы, а их лишь единицы, крылья покрашены в желтый цвет. Немцы на наших машинах часто исполняют обязанности шоферов.

Мы направляемся в больницу Charite, в которой расположены университетские клиники и работает Sauerbruch. Много корпусов этой большой больницы разрушено, на многих уцелевших следы артиллерийских снарядов. Усиленно идет разборка разрушенных корпусов. Многие работы механизированы. После многих обходов мы у клиники Sauerbruch'a. Эта часть корпуса только что закончена восстановлением. Кабинет профессора помещается на третьем этаже. Мы проходим через коридор, в котором сидит около полутора десятка частных больных, ожидающих приема у профессора.

Нас встречает молодая женщина лет 23–24, стройная, красивая; я не берусь определить ее национальность. Она намазана — это целое художественное произведение. Узкие брови выкрашены не то в черный, не то в синий цвет. Глаза подведены, все лицо обработано в слегка коричневый цвет, как у мулатки. Она хорошо говорит по-русски. Я спросил, говорит ли Sauerbruch по-французски. «Да», — отвечает она. После того как вышел больной, находившийся у него, в полном смысле слова выскочил Sauerbruch. В сравнении с тем, что я видел 10 лет назад, в 1936 г., он, конечно, состарился, исхудал, но держится совершенно прямо. Он почти что обнимает меня, улыбается, говорит, что рад меня видеть. Может получиться впечатление, что он давно ждал

меня с нетерпением. Я его знакомя с сопровождавшими меня Жоржем, Рабиновичем и Крупиным. Я спрашиваю его, когда он собирается оперировать. Он согласен оперировать завтра. Он спрашивает меня, что бы я хотел видеть. На мой ответ, что хотел бы видеть преимущественно операции на груди, последовал ответ: «Все будет, что хотите». Знакомит меня с сыном, облезлым меланхоличным типом лет около сорока. Говорит по-французски сносно; иногда ищет слова, но часто их находит. Я в этих случаях говорю ему — говорите по-немецки, что он и делает. Слышит плохо. Он собирается меня провожать, но я прошу его оставаться, показывая на ожидающих его больных. Он просит своего сына проводить нас, что последний и делает без особенного восторга.

Мыдвигаемся к магазину Spinger'a, который и находим среди обвалов, коробок, кирпича и извести. Во втором этаже частично разрушенного здания на полках и столах разложены книги. В сумме около десятка обслуживающего персонала. Главное действующее лицо — это молодой немчура лет 25, исключительно вежливый, любезный, в особенности после преподнесенной ему коробки папирос. Другой немец, лет 45, хорошо говорит по-русски. Впоследствии выяснилось, что он женат на русской. Большая часть книг погибла или забрана. Приходится выбирать из остатка. К счастью, мне удастся получить необходимое мне Kleinschmidt'a — грудную клетку, недостающие тома Ergebnisse, а пожива не особенно велика, но я рад и этому. За все я заплатил 1400 ок-

купационных марок, т. е. 700 рублей. Мы марку считаем как бы за золотую марку, но наш рубль считаем за золотой рубль, получая за него две марки. За 5 марок, бесконечно нас благодаря, немец снес наш тяжелый багаж к машине.

В 16 часов мы с адмиралом Левченко обедаем у пригласившего нас вице-адмирала Федора Семеновича Сидельникова. Живет он в хорошем особняке с садом и огородом. Обед скромный, но вполне достаточный. Немецкое шампанское хлопает сильнее нашего, но оно скорее приближается к шипучему вину, чем к шампанскому.

После обеда уезжаем с Крупиным (Анатолий Семенович) в Потсдам. Красивая, нетронутая автострада, красивые озера, дворцы. Здания лишь кое-где пострадали, большинство не тронуты. Мы заказываем очки в мастерской, расположенной в зоне оккупационных наших войск. В мастерской работают две русские девушки, которые, по-видимому, хорошо знают свое дело. Много цейсовских стекол, прекрасные оправы.

Встретил генерал-лейтенанта Гурвича Михаила Михайловича. Он сообщил мне, что 23 мая назначен заместителем начальника Академии им. Кирова.

По его словам, венерические болезни в оккупационной армии приняли эпидемический характер, в месяц около 3000 случаев свежего сифилиса.

Между прочим, он сказал, что никогда не видел такого олуха, как В.И. Попов, с которым ему пришлось работать на фронте. Я не мог с ним не согласиться.

На улицах Берлина видел мало жителей. Нигде нельзя встретить не толь-

ко людские заторы, но даже большие группы. В общем, жители не производят впечатления голодающих, но большинство худы, в особенности старики и старухи. Все с озабоченными лицами, авоськами. Молодежи мало; встречаются безрукие, один попался даже без двух рук. У некоторых развалин, где идет разборка, видно большое число работающих молодых женщин, работающих в принудительном порядке. Кое-где попадаются велосипедисты. Нигде не видно очередей, за исключением кварталов, где живут наши.

1.VI. Суббота. С утра я, начальник Академии, Рабинович и Крупин отправились к Зауербруху. Нас встречает большой сонм санитаров, сестер, врачей, сам шеф. Нас одевают. Маски покрывают все лицо, оставлен прорез для глаз.

В заново отстроенную операционную проходим через стерилизационную, где установки Küster'a, поражающие белизной и опрятностью. Длинная операционная, с односторонним светом, большими окнами, многие из которых составлены из двух-трех кусков. В операционной свободно помещаются три операционных стола и могли бы помещаться больше. Над операционными столами висят три больших цейсовских лампы. В разрезе операционная имеет довольно странный вид. Галерея, устроенная для студентов, по-моему, имеет скорее символический характер, так как едва ли им на таком расстоянии что-либо должно быть видно. Впрочем, студентами мало кто интересуется. Комната такой высоты, что едва ли возможно осуществить легкое ее мытье. Пол устлан толстой резиной.

ключительно изящно. Лоскутный 4-угольный разрез. Огромными Люеровскими прищипами он скусывает остистые отростки. Рана исключительно мало кровоточит, шаг за шагом он расширяет костный дефект. Осторожно вскрывает dura mater. Сильно работающий мотор постоянно отсасывает кровь и спинномозговую жидкость. На конце металлического наконечника надет дренаж, который выступает над концом металлического наконечника во избежание травматизации тканей.

Он увидел конец опухоли, которая стояла у верхнего угла. Он расширил костный дефект и ложкой удалил опухоль, которую он назвал доброкачественной.

Несмотря на местную анестезию, больной ни разу не застонал. И в данном случае он тщательно зашил лишь dura mater, а остальное оставил дошивать ассистентам.

Вкатили на операционном столе приготовленного для операции больного. Он мне показал рентгенограммы. Двухстороннее туберкулезное поражение легких, но сильнее слева, и с этой стороны он начал операцию. Больной также под местным обезболиванием. Разрезав между лопаткой и позвоночником, он обнажил и резецировал на протяжении около 8 см 3-е ребро. Долго, тщательно, терпеливо отделял плевру. Затем надел резиновые

перчатки, первый раз за весь день (все остальные операции делает без перчаток) и начал внеплевральную пломбировку. Делал он это долго, тщательно, осторожно, отдельными пластами.

Состав пасты:

Apotheke — der Charite.

Plombiermasse mit Wismut.

Paraffin. Solid. (52° F. — P) 150,0

Paraffin. Solid. (43° F. — P) 50,0

Bismut. Subcarbon. pur. D.A.6 4,0

Vioform 0,1

Первый раз он тщательно зашил все слои, даже кожу. Лишь в одном месте, у самого конца операции кожа морщинила; он начал ее подправлять, но не хватило терпения, махнул рукой и убежал дальше.

Четвертую больную, желтушную, где он предполагает неоперабельную опухоль печени, он оперировал под общим обезболиванием. Вскрыл живот косым разрезом в правом подреберье, показал неоперабельную опухоль печени и оставил зашивание брюшной стенки ассистентам, пошел дальше показывать нам больных. Они были собраны в предоперационной комнате, 4 больных на кроватях, остальные на ногах.

На кровати лежит больная с повязкой на голове. Он сообщает, что три недели назад он удалил ей опухоль мозга, и тут же на тарелке показывает опухоль величиной с кулак. То же повторилось у другого больного. Третья больная, у которой он удалил дермоидную кисту средостения. Рана еще гноится, но больная в прекрасном состоянии. Вот четвертый больной на ногах. Огромный дефект не только в грудной стенке, но полость в груди

в детскую голову. Полость частично эпителизируется. Sauerbruch удалил большую дермоидную кисту и, по его словам, эпителизация исходит из остатков стенки дермоидной кисты.

Пятый больной представлял исключительный интерес. Он был оперирован по поводу *pericarditis calcuosa*. На рентгенограмме вся сердечная область занята известковыми отложениями. Во время операции, по словам S., когда он отделял известковые отложения, правое сердце разорвалось, и больной потерял много крови. Больного, правда, удалось спасти, рана зажила, однако он находится в очень тяжелом состоянии. По-видимому, у него асцит и, видно, сильно расширена *v. thoracica longa*.

Целая группа больных с искусственной рукой по S. представляла шедевр хирургического искусства. После этого нам был показан фильм «Искусственная рука по S». Были показаны однорукие с протезами; больные без двух рук, которые себя обслуживают вполне удовлетворительно, рисуют, пишут, и к концу фильма один из них написал Ende.

Мы заглянули в аудиторию, в которой масса рисунков; скамейки стоят почти вертикально, что обеспечивает даже сидящим на задних скамейках достаточную видимость. За этим он нас проводил во двор больницы, любезно с нами попрощался, обещал мне свою книгу, которую на второй день я и получил с вычурной надписью.

При всех своих недостатках следует отдать справедливость его большому мастерству, и он вполне заслуженно пользуется мировым именем.

Во дворе больницы мы наблюдали, как наши саперы взрывали небольшие цементные укрытия, куда немцы скрывались во время бомбардировок.

Обедали мы у капитана первого ранга Титова, который также живет в отдельном особняке.

Вечером с Алексеем Ивановичем были у начальника штаба войск СВА, генерал-лейтенанта Михаила Ивановича Дратвина. Я по ВЧ говорил со Смирновым в Москве и просил его сообщить Нине, что я жив и здоров. От Дратвина мы получили машину «Horch», на которой завтра собираемся в Лейпциг и Иену.

2.VI. Воскресенье. Прекрасный солнечный день. В Германии больше всего, пожалуй, поражают дороги. Автострада поражает шириной полотна, безукоризненным содержанием. На всем протяжении от Берлина до Лейпцига поля обработаны. Не осталось ни одного кусочка необработанной земли. Едва-едва разрушен Потсдам; другие города, через которые мы проезжаем, почти не тронуты. Разрушена центральная часть прекрасного Лейпцига. Но уже расчистка и начало восстановления идут полным ходом. Мы приехали на квартиру нашего питомца Аркадия Ивановича Швырева Leipzig Springerstrasse, 9. п.п. 11460. В Ленинграде его адрес: Ленинград, 5, 11-я Красноармейская, д. 4/5, кв. 37. Он со своим товарищем, также врачом, Кирилловым, живут в особняке какого-то миллионера немца. Оба они женаты; их жены оставляют желать многого; на жен врачей они не похожи. Блестящая квартира с соответствующей обстановкой. Что эти бедные люди будут делать, когда они вернутся домой, в свои

едва ли так обставленные квартиры. Они нас приняли исключительно хорошо. Был прекрасный обед с бургундским вином. Не задерживаясь, мы покатали дальше в Иену. Все такие же чудесные дороги, обработанные поля, едва или почти нетронутые города.

Иена очаровательный город, с рекой Seele. Невысокие горы окружают город. Город университета и заводов Zeiss'a. Незначительные разрушения, коснувшиеся преимущественно корпусов завода Zeiss'a. Подкатываем к комендатуре, где дежурный на все наши вопросы отвечает «не знаю». В конце концов нам дают провожатого, и нас направляют в гостиницу Schwarze Bäre. С виду неказистое здание. Внутри чисто, чистые комнаты, чистое белье, перины. Хороший ужин, завтрак. Мы полагали, что если будут считать по особторговским ценам, то нас разденут. Но оказалось, что нам пришлось платить за все по 40 марок с человека, т. е. по 20 рублей.

В день приезда мы отправились к главному инженеру завода Zeiss по фамилии Зверев. Особняк, в котором он живет, расположен на холмике. Гостиная прямо сообщается с зимним садом, где масса пальм. Он нас принимает вежливо, но говорит, что лишен возможности что-либо нам продать, так как все идет в счет репарации. Однако после долгих уговоров он обещает нам продать по одному биноклярному микроскопу и бинокли.

3.VI. Понедельник. Чудесный день. С утра отправляемся на завод Zeiss'a. Нам выдают обещанные микроскопы, которые стоят недорого. Их заворачивают с изумительностью, которая, по-видимому, со-

хранилась еще в воспоминаниях старых служащих. Нам долго показывают различные цеха завода, сборочную микроскопов, шлифовальные цеха, где сидят старые рабочие, десятки лет работающие на заводе. Чисто одетые, тщательно работающие, они едва ли питают особо теплые чувства к нам и инженеру, одетому в военную форму. Наконец нас приводят на выставку. Здесь немало обычных приборов, но они необычны и, к сожалению, пока недоступны для нас.

Мы несемся обратно из Иены в Лейпциг по автострате и через один час 5 минут оказываемся в Лейпциге. Обедаем у Швырева и отправляемся осматривать город. Осмотрели знаменитый памятник в честь битвы народов в 1813 г. Колоссальное огромное грубое здание, в котором удивительная акустика, осмотрели русскую церковь, построенную в память той же битвы, в которой принимали участие 127 т. русских, из которых погибло 22 тысячи. Красивая церковь, которую субсидирует наше Министерство военных сил. Поп румын, староста <нрзб.> венки, возложенные нашими войсками на могилу предков.

Купили много книг в издательстве Thilm'a, а у Лоренца заказал Operationislehra. Kirschner Schubert'a за тысячу марок, которые я оставил Швыреву.

Народ неплохо питается, лица румяные, одеты хорошо.

Вечером прибыли в Берлин, готовимся к отлету в Свинемюнде, где нас ждет адмирал с кораблем.

4.VI. Вторник. Прекрасный солнечный день. В наше распоряжение прислали «Дуглас», но не адмирала, а товаропассажирский, что, однако, не помешало нам

в 45' перелететь из Берлина в Свинемюнде. Здесь нас уговорили, чтобы мы остались и на второй день осмотрели университет в Ростоке, а затем перелетели на том же самом самолете в Пиллау. Мы согласились. Поселились в госпитале, прекрасно отдохнули, но у нас не хватило сил смотреть еще что-либо дальше, и на второй день решили вылететь прямо в Пиллау.

5.VI. Среда. Мы снова на аэродроме; нас провожают, провожает и Джорджина Георгиевна, которая довольно ясно дает мне понять, что осенью она выходит замуж за адмирала Левченко. Не знаю, сколько в этом правды и сколько фантазии. Если сие случится, то скандал на флоте будет великий, так как у Левченко большая семья и взрослые дети. Все возможно!

Через 1 ч. 45' мы опустились в Пиллау. Нас перевезли через море в Пиллау, и так как негде было нас устроить удобно, то предложили жить на флагманском корабле, который стоит у стенки. Мы с удовольствием поднялись на «Ангару» и заняли свои каюты.

Мы попали на корабль в момент, когда между командующим ЮБФ адмиралом Левченко и членом Военного совета Николаевым шла тяжба. Командующий ЮБФ Левченко пожелал отметить и поблагодарить приказом часть медицинского персонала. Среди лиц, которых он пожелал отметить, была и Джорджина Георгиевна. Николаев отказался подписать приказ, и война, которая, по-видимому, имела и другие причины, началась.

Мы приняли участие в дипломатическом улаживании инцидента, при этом делали вид, что мы ровно в этом деле ничего не понимаем.

Весь день у меня ушел на обследование госпиталя в Пиллау. Ничего особенно радостного я там не нашел, за исключением грязи у Нубаряна. Но и ничего особенно печального. Начальник госпиталя Николай Иванович Козырев явно не пригоден для занимаемого им поста, сам просит его освободить, что и было уважено. Никуда не годный главврач, которого сменили.

Хорошо работают флагманские специалисты Яновский и Роненсон. За их хорошую работу мы выхлопотали им командировку в Германию.

6.VI. Четверг. Мы все на «Ангаренке», яхте адмирала, отправились в Кенигсберг. Морской канал имеет 48 километров. Он прекрасно оборудован, почти полностью сохранился. Местами это канал, окаймленный дамбами, местами переходит в море. Порт Кенигсберга в достаточной степени сохранился. Он весь завален демонтированными заводами, которые мы вывозим. В порту масса барж, которые мы также направляем к себе, груженные разным добром.

Город фактически полностью разрушен. Лишь на окраинах единичные уцелевшие здания. Осматриваем Армейский окружной госпиталь № 4866. Госпиталь развернут в б. городской больнице. Хороший операционный корпус. Здание строилось, по-видимому, тогда, когда у немцев уже наступила бедность в строительных материалах. Но стерилизационная установка Кюстера и сейчас может быть для нас мечтой.

Начальником госпиталя стоит мой ученик полковник Халдин Алексей Константинович (адрес для телеграмм: Санитарный отдел 11 Гвард. армии. Начальник Армейского госпиталя 4866).

Начальник хир. отд. Армейского госпиталя (ведущий хирург) майор Ковалев Дмитрий Артемьевич. Начальник хир. отд. В.Г. 4866 — майор Дмитриев Борис Александрович.

Начальник сан. отдела 11 гв. Армии — полковник Резанов. Главный хирург 11 гв. Армии майор Руденко Олег Михайлович.

Начальник 5 отделения Сан. отдела 11 Гв. армии подполковник Светлицкий. Мы пообедали у Халдина. Они меня снабдили 200 чашками Петри. На «Ангаренке» вернулись обратно в Пиллау.

7.VI. Пятница. Чудесный, солнечный день. Мы переехали на островок, где стоит наш «Дуглас». Летчики все ленинградцы и с воодушевлением летят в Ленинград. Вылетели в 10 часов, и ровно через 3¹/₂ часа мы сели на аэродроме в Ленинграде (аэродром Гражданка). Нас встретили Нина, Вера и другие.

После Пскова здорово болтало, но ни на меня, ни на Жоржа это не произвело никакого впечатления.

Все мои тяжелые больные и калькулезный перикардит, и докторша с дермоидной кистой в хорошем состоянии.

12.VI. Среда. Вместе с Алексеем Ивановичем выезжаем в Москву на совещание у министра по поводу издания трудов «Опыта Отечественной медицины».

13.VI. Четверг. Заседание у Митерева.

14.VI. Пятница. Я и Алексей Иванович были у Смирнова. Начальник Академии докладывал о состоянии Академии. Докладывает он явно плохо. Прием был очень любезный, и обещают массу благ земных и небесных.

15.VI. Суббота. Получил от Грымзина покрывки для машины. Мы выезжаем обратно.

16.VI. Воскресенье. Вернулись в Ленинград.

21.VI. Пятница. Впервые оперировал больную в 1 ЛМИ по поводу гипертонии.

24.VI. Отослал тезисы доклада Приорову.

26.VI. Среда. Целый день оперировал в «Скорой».

28.VI. Пятница. Оперировал экстренно в «Скорой» мальчика с серозно-кровянистым туберкулезным экссудатом. Мальчик был умирающий и действительно умер в тот же день.

В Мариинском дворце под председательством Машанского состоялось заседание «О пятилетнем плане». Докладывали Ланг, я и Тур. Скучно, болтовня...

29.VI. Суббота. Оперировал председателя райсовета Федора Прокофьевича Кокушкина по поводу рецидива кожной саркомы. Оперировал три часа.

30.VI. Воскресенье. Работаю над диссертацией Виктора Ивановича Петрова. Детский лепет.

Вернул исправленную диссертацию Машкаре. Написал письма Юдину и Петрову насчет Хундадзе.

1.VII. Понедельник. Вчера вечером Нина хлопотала весь вечер. Заснула в 4 ч. утра. Результаты не замедлили сказаться. В 9 часов утра она меня разбудила. Сидит, болит зуб, боли отдают в спину и руку. Взяла таблетку нитроглицерина. Боли как будто немного утихли, но затем снова возобновились. Сидит. Попросила грелку. В 9 ч. 45', кажется, засыпает.

10 ч. 15'. Боли, по-видимому, меньше, но все еще чувствует себя плохо; жалуется на левую руку. Позвала, говорит, что совсем хорошо.

11 ч. Встала. Сидит, говорит, что так легче.

11 ч. 15'. Говорит, что совсем хорошо, блаженное состояние.

Сегодня видел больную Ксенофонтову, первую больную, которую я оперировал по поводу гипертонии. Головные боли прошли, видит лучше. Самочувствие прекрасное.

2.VII. Вторник. Сегодня утром вместе со Степановой и Каменчик я пошел в покойницу, чтобы на трупе произвести операцию иссечения *n. Splanchnici mayor et minor* и пересечения *truncus thoracicus*. На столе я увидел труп женщины, у которой на спине имелись два продольных рубца, совершенно аналогичные тем, которые я произвел у Ксенофоновой. В действительности оказалось, что она внезапно в 3 часа ночи умерла при явлениях кровоизлияния в мозг. Вскрывает Мария Алексеевна Захарьевская. Против всякого ожидания, из правой плевры она вычерпывает около 500 куб. см гнойной жидкости. Соответственно месту операции париетальная плевра плоско приподнята гнойником. Париетальная плевра цела. Я раскрываю гнойник, жидкий гной, явно нагноившаяся гематома. Я отсепаарываю и нахожу центральный и дистальный концы перерезанного грудного симпатического ствола. Расстояние между ними около 5–6 см. Перерезаны ли концы *n. splanchnicus mayor et minor*, не берусь утверждать; их не видно. С левой стороны плевра без реакции, но соответственно

месту операции плевра также приподнята, имеется гематома размерами с мандарин. Здесь никакого следа нагноения. С этой стороны симпатический ствол также перерезан, расстояние между концами 5–6 см. Больше уверенности, что перерезан *n. spl. mayor et minor*. Резкая гипертрофия левого желудочка. Массивное, огромных размеров кровоизлияние в левом полушарии, залившее весь левый боковой желудочек, кровоизлияние проникло на дно четвертого желудочка.

Я, конечно, не могу поставить ни в какую связь кровоизлияние в мозг с операцией. Однако вскрытие дало возможность сделать некоторые практические выводы.

После операции и закрытия раны гематома совершенно неизбежна. Остается обширная полость между отслоенной париетальной плеврой и грудной стенкой. Остаются свободно кровоточащие концы иссеченного ребра, не говоря о других источниках кровотечения.

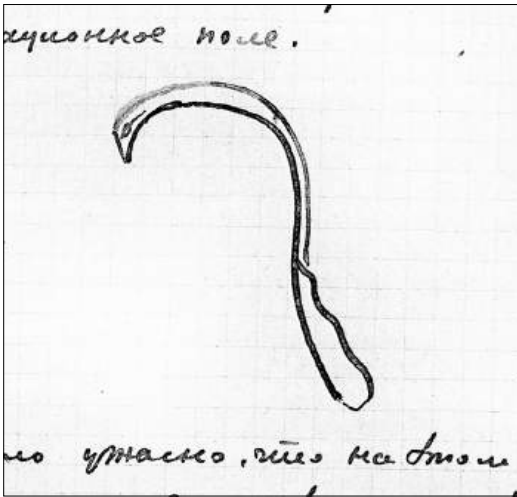
Поэтому, безусловно, необходимо на 48 часов дренировать рану, даже в случае, если бы случайно оказалась раненной плевра. Второе — во избежание гематомы замуровывать концы перерезанных ребер.

Вместо продольного разреза *Lesie'a*, мне представляется более удобным косой разрез по ходу 11 ребра, который следует начинать почти у самого позвонка. Я этот разрез попробовал один раз на больной и один раз на трупе.

После пересечения *m latissimi dorsi* следует чуть-чуть отсепаарировать рану в обе стороны, что после надреза апоневроза, покрывающего *m. erector trunci*, удастся легко сдвинуть эту мышцу в сторону позвоночника.

Ввиду резких опоясывающих болей после операции следовало бы после анестезии межреберных нервов произвести их алкоголизацию.

Для равномерного придавливания париетальной плевры и возможности освещения глубины операционного поля нужно сконструировать зеркало наподобие зеркала Отта, изогнутое соответственно изгибу грудной стенки сзади, и на конце зеркала устроить плоскую электрическую лампу, которая осветит операционное поле.

Было ужасно, что на этом вскрытии присутствовала Эмилия Никифоровна, сама тяжелая гипертоничка.

После обеда у Нины возобновились боли. К сожалению, мы должны были пойти к проф. Гирголав. Она с трудом сошла по лестнице. В машине ей было настолько нехорошо, что она взяла нитроглицерин. Стало легче. Однако по лестнице поднимались медленно, с трудом. Когда я работал с Семеном Семеновичем, а Нина сидела с Ольгой Владимировной, то Нине стало плохо.

После взятия нитроглицерина боли стихли. Однако весь вечер оставалось неустойчивое равновесие.

3.VII. Среда. Нина проснулась в 7 ч. 40' из-за болей. Облатка нитроглицерина немного успокоила боли, но через некоторое время боли опять возобновились. Первый раз я от нее услышал: «Какая я несчастная, и за что?». Ненамного улучшил дело и вторичный прием нитроглицерина. Лучше стало от грелки, и совсем утихли боли после того как она села и просидела довольно долго. В 10 часов чувствует себя хорошо.

4.VII. Четверг. Вечером пришла Татьяна Оскаровна Корякина вместе с А.Л. Стукеем. Она принесла мне оконченную диссертацию, одновременно с этим сообщила мне, что нащупала у себя в правой грудной железе опухоль; она предполагает рак. То же думал Алик. Я исследовал бедную Татьяну, и также не осталось сомнения, что у нее раковая опухоль. Она меня попросила, чтобы я ее прооперировал до отъезда. Я, конечно, согласился.

Утром вместе с Мясниковым ездили на дачу, где нам обещают дачу отремонтировать.

После обеда XI сессия Ленинградского совета.

5.VII. Пятница. Прооперировали Татьяну Оскаровну. Раньше чем убрать грудь, я разрезал опухоль. Макроскопически никакого сомнения, рак железы.

6.VII. Суббота. Эти дни Нина носилась, хлопотала, работала без конца. Ночью заснула в 5 часов утра, после ванны. Заснула сразу. В 6 ч. 30' проснулась. Боли не уступили 2-кратному приему нитроглицерина. После приема облаток ей дурно, покрыта

холодным потом. Немного стало лучше после приема третьей облатки. Опять ей стало дурно. В конце концов после грелок около 10 ч. утра стало легче. Я даже думал, что следует отложить отъезд.

В 11 ч. Нина встала, разбита, но болей нет. Нина продолжает носиться, хлопочет. В конце концов выбираемся из дому. Нас провожают много народу, Алексей Иванович, начальник госпиталя Добротин и почти все врачи госпитальной хирургической клиники.

Поезд отходит в 15 ч. 20'. Мы имеем отдельное купе. Идем медленно, почти без пыли. Нина чувствует себя сносно. Отдыхает, спит.

7.VII. Воскресение. В 13 ч. 40' в Риге. Нас встречает начальник санатория Крунуберг.

Солнечный день. Приезжаем на дачу д. № 4 по Jurmas iĶla. Это так называемая «дача главного хирурга». В ней 4 комнаты в первом этаже и 3 во втором. Мы с Ниной живем в первом этаже, молодежь во втором.

8.VII. Понедельник. Нина проспала прекрасно; час гуляла после обеда, и все обошлось без припадков.

Читаю диссертацию Корякиной; в противоположность тому, что было в прошлом году, сейчас работа написана вполне хорошо.

9.VII. Вторник. Идет дождь. Иногда выглядывает солнце. Живем в идеальных условиях. Отдельная дача, прислуга, столовая. Несколько раз с Ниной выходили. Хотели сначала пойти к морю, но затем она не решилась. Ходили лишь по ровным асфальтированным дорогам. Все время Нина себя чувствовала хо-

рошо. Ночью спала прекрасно, подряд 8 часов. Стала весела, острит, как обычно. Поужинали, вечером в часов 10 собирались есть клубнику. Все были хорошо настроены. Вдруг... в 10 ч. 40' вечера начался припадок. Болят зубы, левая рука. Один за другим она взяла 3 облатки нитроглицерина; боли, по-видимому, немного стихли, но все продолжают. Я разбил одну ампулу амилнитрита, но и от этого не стало легче.

В 23 ч. 15' легла, но не может лежать.

В 23 ч. 40 м. дал внутрь одну ампулу морфия. Не помогло, и сдавление рефлексогенной каротидной зоны как с одной, так и с другой стороны, без эффекта. По ее просьбе сдавил снова в 23 ч. 43' справа, стало легче, легче. 24 часа. Стало совсем хорошо.

10.VII. Среда. Изменчивая погода. Дождь сменяется солнцем. Впервые катались на лодке с генерал-майором Курехиным. Нина день повела без припадков.

11.VII. Четверг. Такая же изменчивая погода. В 13 ч. 15' мы шли с Ниной побродить перед домом по Juras iela. Пройдя несколько шагов, она попросила остановиться. Отдохнули, пошли дальше. В общем, разыгрался припадок, дал по дороге одну облатку нитроглицерина. С трудом дошли до дому, и здесь припадок продолжался в общем часа $1\frac{1}{2}$, не такой сильный, как 9-го числа, однако заставивший Нину просидеть долго с грелкой на груди.

Странная это болезнь. После припадков все входит в норму, Нина выглядит совершенно здоровой.

12.VII. Пятница. Нина ночь проспала спокойно. Общее состояние и самочув-

ствии прекрасное. Гуляли $1\frac{1}{2}$ часа, все обошлось без каких-либо явлений со стороны сердца.

13.VII. Суббота. День прошел совершенно спокойно. Все время еще прислушивается к своему сердцу. Начали купаться в море. Приходила Зинаида Васильевна.

14.VII. Воскресенье. Ночь спала прекрасно. Начал давать йод в виде капель J-ral jodi.

15.VII. Понедельник. Вчера весь день Нина хлопотала, варила варенье, однако чувствовала себя совершенно хорошо. Вечером попросила, чтобы мы пошли пройтись. Мы отправились к старому знакомому садовнику. Купили прекрасный букет гвоздик, левкоев и перекати-поле. По дороге несколько раз просила, чтобы мы остановилась; болей не было. Но «я устала, отвыкла ходить». В общем, проходили около 1 ч. 20', но когда вернулись домой, все было в полном порядке. Заснули в час ночи. В 5 ч. 55' я увидел, она встала. Начался припадок. «Это меня задушит», — сказала Нина. Я дал облатку нитроглицерина, это немного уняло боли, но не надолго.

В 6 ч. 10' я дал вторую облатку. Боли стихли. Я принес горячую грелку. Несколько раз Нина вставала, садилась в кресло. Когда ей казалось, что боли меньше, то она ложилась. Однако минут через 5–10 она снова вставала и садилась. Так продолжалось до 7 ч. 20', когда она заявила, что «боли опять начинаются». Тогда я дал 3 облатку нитроглицерина. Минут через пять боли утихли. В 7 ч. 30' она сказала, что на сей раз «совсем хорошо». В 7 ч. 35' сказала: «Какое наслаждение», — болей нет, лежит.

Странная, совершенно непонятная эта болезнь! Если даже допустить, что незначительные хлопоты по варке варения в первой половине дня или небольшая прогулка вечером являлись нагрузкой для сердца, то припадок должен был бы начаться непосредственно после нагрузки.

Если, как думает Lian, от принятия горизонтального положения кровь из системы vena porta сразу перегружает сердце, то припадок должен начинаться сразу. Но трудно понять припадок, который начинается во сне. Возможно, в этом играет роль переполнение кишечника газами, вздутие сигмовидной кишки и приподнимание диафрагмы. Если это предположение в какой-то степени имеет под собой почву, то следовало бы особенное внимание обратить на диету (исключить газообразующие блюда) и давать большим животным уголь.

Нина выспалась и целый день чувствует себя настолько хорошо, что трудно сказать, что ночь она так тяжело провела.

16.VII. Вторник. День провела совершенно хорошо.

17.VII. Среда. Купалась, чувствует себя хорошо.

Вес мой 83 кг 300 г, Нина — 61 кг 400 г.

После обеда хандрит, хотя болей и нет.

18.VII. Четверг. Проснулась от сильных болей в 6 ч. утра. Взяла две облатки нитроглицерина, боли, по-видимому, не особенно жестокие. Сидит, несколько раз пробовала ложиться, но боли возобновлялись. Дал третью облатку, но и после этого не может лежать. Снова сидит, начались опять боли. Тогда я повторно придавил sinus carotikus справа; боли

сразу исчезли. Заснула в 8 ч. 30'. Может быть, с этого следует начинать, чтобы оборвать приступ.

Вчера окончил исправление диссертации В.И. Петрова. Первая часть работы написана плохо, вторая удовлетворительно. Никуда не годится литературный указатель.

Приступил к докладу «Бронхиальные свищи», после чего имею намерение непосредственно перейти к написанию монографии «Бронхиальные свищи».

19.VII. Пятница. День прошел вполне благополучно. В первый раз пошли к морю, где просидели около $1\frac{1}{2}$ часов. День жаркий, душный. Вечером пошел дождь, гроза. Психическое состояние после пребывания на море резко улучшилось. Стала больше есть.

20.VII. Суббота. Почти целый день идет дождь. Около часу дня дождя нет. Пошли к морю, ветрено, ушли сразу. Затем Нина пошла по магазинам и ходила в общем около 1 ч. 40' вполне благополучно.

В 20 ч. 50', после ужина почувствовала резкую боль. Я придавил *sinus caroticus*, как будто боли оборвало сразу. Затем они возобновились, но не особенно интенсивные. Дал облатку нитроглицерина, боли совершенно утихли, и в 21 ч. 30' говорит, что стало совершенно хорошо.

21.VII. Воскресенье. В 0 ч. 50', когда не засыпала, вдруг сказала, что больно. Придавил *sinus caroticus* — боли сразу утихли и больше не возобновлялись. Хороший солнечный день, прохладно. Сидели у моря с час. Приходила Зинаида Васильевна, собирается быть в Ленинграде **25.VII.** Мы провожали ее и про-

ходили без всяких болевых ощущений больше $1\frac{1}{2}$ часов. Вечер прошел совершенно спокойно.

22.VII. Понедельник. Работаю над «бронхиальными свищами». Что-то намечается. Погода оставляет желать лучшего. После обеда несколько раз лил дождь. В 21 ч. 20' пошел ливень необычайной силы. У меня впечатление, что такой ливень мне приходилось наблюдать лишь в горах.

Сегодняшние газеты принесли известие о смерти академика А.А. Богомольца в возрасте 66 лет. Из текста не видно, отчего он умер, сказано, после тяжелой болезни. Когда я его видел в последний раз, он выглядел плохо; не исключена возможность, что он умер от рака. Если это так, то природа над ним дважды насмеялась. Он много писал о долголетию, при этом умереть в 66 лет как будто бы рано. Не помогла ему и его антицитотоксическая сыворотка. Он производил впечатление научного проходимца!

Оказалось, что он умер от туберкулеза легких. Как бы в насмешку в «Огоньке» напечатана рекламная статья о чудодейственном действии его АЦС.

23.VII. Вторник. Ездили с Ниной на «М-ке» в Ригу. Бродили часа $2\frac{1}{2}$ пешком. Целый день чувствовала себя хорошо.

24.VII. Среда. День прошел совершенно спокойно.

25.VII. Четверг. Утром сказала мне, что около 3 часов ночи сразу появилась сильная боль. Она встала, посидела, и боли без всяких мероприятий быстро ушли. Чувствует себя прекрасно, выглядит хорошо; спокойнее. Бывает с удовольствием на берегу моря. Брала сегодня ванну.

26.VII. Пятница. В продолжение 2¹/₂ часов Нина каталась с нами на лодке. Все обошлось благополучно.

27.VII. Суббота. В 2 ч. 30' появилась незначительная боль. Живот пучит. Посидела немного. Я придавил *sinus caroticus*. Боли утихли, сразу уснула.

Ходила на базар. Были на берегу моря, все время чувствует себя лучше. В общем, наметившееся улучшение продолжается.

28.VII. Воскресенье. С Ниной гуляли в продолжение 2 часов; ходила совершенно свободно, без каких-либо явлений.

29.VII. Понедельник. Гуляли вечером, без каких-либо явлений.

30.VII. Вторник. С утра шел дождь. В час дня с Ниной, Жоржем и Верой отправились в Дачный трест. Нина весела, ходит быстро, без каких-либо явлений со стороны сердца. Целый день с азартом исправляет мою работу «Бронхиальные свищи». Вечером в 22 ч. 45' слушали передачу Би-би-си. В 24 ч. прослушали последние известия. Вечером стала жаловаться, что болит живот, что появился стул со слизью. Легли в 00 ч. 30'. Сначала не спала, затем заснула. Разбудила меня в 3 ч. 45', сразу пришла и села ко мне на кровать. Посидела. Затем ее стало мутить. Дал две облатки нитроглицерина. Попросила, чтобы я ее отвел в ванную, ее мутит; хочет рвать. Сидит на стуле, чувствует себя плохо. Вдруг около 4 ч. 15' стала терять сознание, начала подергиваться левая рука, вздохнула, мертвенно побледнела, пульс исчез. Так продолжалось около 1¹/₂ минуты. Несколько секунд у меня в руках была мертвая Нина, затем глубоко вздохнула, чуть окрасилось лицо. Открыла глаза, появился пульс. От-

ходят вонючие газы. Вчера вечером взяла сульфазол и первый вечер не брала магнезии.

Разбудил Жоржа и Веру. Попыталась лечь. В 5 ч. 7' говорит, что совсем хорошо. Затем снова села, из-за того что начались боли. В 5 ч. 50' попыталась лечь, но через 5' появились боли. Дал четвертую облатку нитроглицерина. Жалуется, что сегодня ничего не помогает. Просит морфий. В 5 ч. 55' опять сидит. Жалуется на головокружение, тошноту. Зевает. Слушали вчера вечером 90-летнего Шоу — восторгались его умом, остроумием. Сколько вчера было планов!!! Был стул, крутой. Стало как буд-то легче. В 6 ч. 15' попыталась лечь. Опять не может. В 6 ч. 20' сделал в левую руку 1 куб. см морфия. В 6 ч. 25' опять садится. В 6 ч. 32' полулежит. Заснула с трудом, несколько раз меняла положение; затем, полусидя, заснула в постели; временами храпит. В 9 ч. 30' проснулась, чувствует себя сносно, но продолжает лежать. В 10 ч. 30' решила лечь горизонтально.

Этот припадок был самым продолжительным. У меня не получилось впечатления, что по болевым ощущениям он был самым интенсивным, но сочетание явлений со стороны кишечника и сердца было катастрофичным.

31.VII. Среда. Спала почти до часу. Пила чай, за обедом ела лишь рисовую кашу. Вяла. 19 часов. Сидит в кресле. Небольшие боли в сердце.

20 ч. 15'. Легла. Просит придавить *sinus*. Придавил *sinus caroticus*. Стало легче. Заснула. Лежит свободно в горизонтальном положении.

Целый день льет дождь как из ведра, холодно.

21 час. Проснулась. Чувствует себя лучше; болей нет, жалуется на отрыжку. 23 ч. 30'. Легла, но лежать горизонтально не может. Полусидит в кровати. Донимает отрыжка. Как бы хотелось, чтобы она ночь проспала спокойно!

23 ч. 45'. Попробовала лечь горизонтально, сердце не позволяет, опять лежит полусидя.

23 ч. 47'. Дал облатку нитроглицерина. Хотела лечь горизонтально, но не могла. Подложил я ей 3 подушки, и в полусидячем состоянии начала засыпать. Я сидел в другой комнате. Начал читать снова Lian'a Angine de Poitrine, желая там вычитать что-либо разумное. Она мне сказала: «Иди спать». В 12 ч. 30' я лег спать. Она полусидела, ни на что не жаловалась, и казалось, что заснула. «Спокойной ночи». Я ответил так же. Спал до половины шестого. Встал в комнате, было полутемно. Не желая ее будить, я не зажег лампы. Лег, но уснуть не мог. Казалось странным, что она ни разу не шелохнется. Я несколько раз вставал, все всматривался. Я начинал беспокоиться, но активное положение как будто меня разуверяло. Я опять лег, и мне вспомнилось, что Дагмару ведь нашли мертвую в постели. Я встал, зажег лампу, было 6 ч. 55'. Я все же не мог рассмотреть как следует. Издали казалось, что она дышит. Но взяло сомнение. Подошел ближе и нашел ее мертвую. Мертвенно-бледное лицо, чуть приоткрытый рот. Руки на груди. Холодна. Трудно сказать, когда умерла, по-видимому, во сне. Около часу ночи я слышал, как она переключивала грелку, которую мы нашли аккуратно отложенную вбок.

Счастье, что она умерла, по-видимому, без мук. Фактически смерть пронеслась над ней в ночь с 30 на 31-е, когда я в продолжение $1\frac{1}{2}$ минуты держал в руках труп. И сегодняшней ее вид так похож на то, что я видел вчера.

1.VIII. Четверг. Ведь ко всему этому я был готов, и что она тяжело больна, и что она может умереть в любой момент и даже внезапно. Но когда это случается, то всему этому не хочется верить.

Мы с ней прожили 36 лет. И за все время совместной жизни это были заботы о семье, обо мне. С каждым годом забота обо мне обострялась, я бы сказал, болезненно. Она постоянно боялась за мою жизнь, за мое здоровье. Как она страдала, когда $1\frac{1}{2}$ года тому назад меня оперировали. Тяжелые годы войны, бомбардировок, эвакуации, жизни в Кирове, все это мало-помалу калечило ее сердце. Ее впечатлительная натура на все реагировала остро. По возвращении из эвакуации семейная обстановка сложилась для нее тяжело. Заботы о многих отнимали у нее массу времени, энергии, нервов.

В феврале этого года, в санатории Военно-Морского флота болезнь пришла как-то сразу, вдруг. Она брала ванну, пришла домой с болями в груди, как она говорила. С тех пор это были два человека, вне болей — бодрой, деятельной, веселой, остроумной. Во время болей — мученица. С большим трудом мне удалось уговорить ее, чтобы ее посмотрел врач. Два раза приходил Гротель. Сделали электрокардиограмму, которая оказалась нормальной. Весь арсенал терапевтический, такой обширный и в то же время такой бедный, был в ее распоряжении. Единственное

средство, помогавшее вначале, — нитроглицерин, за последнее время как будто перестал действовать, вместо одной-двух облаток приходилось давать 3, а позавчера ночью дошли до 4. Наконец позавчера ночью пришлось ввести морфий.

По приезде в Майори фактически резко пришлось ограничить ее подвижность. Нужно было думать о том, чтобы не выходить после еды. Выйдя из дома, приходилось несколько раз отдыхать, останавливаться. Позавчера мы бродили около двух часов. Мысли о смерти как-то странно не уживались с будущими планами жизни. Решила окончательно обосноваться на даче здесь. Нравилась ей здешняя чистота, порядок, который так был близок к ее складу ума. На днях она сказала, что не мешало бы пойти на кладбище, выбрать для себя место, привести все в порядок, а то мне не хочется, чтобы было такое же безобразие, какое приходится видеть на кладбище у нас.

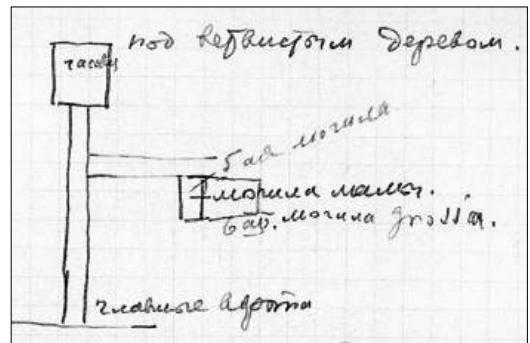
Она прекрасно сохранилась физически. Никогда ей нельзя было дать 62 лет, до которых она не дожила 13 дней. Единственным утешением остается, что последние три недели ее жизни мы все время были вместе. Отдыхали мы в идеальных условиях. Казалось с 18.VII, что она начинает чуть-чуть становиться лучше.

Из Риги Вера привезла гроб — сносный. Приехал Александр Петрович Цулукидзе, приходят и другие.

17 часов. У Нины лицо еще не изменилось, больше похожа на живую, появилась легкая саркастическая улыбка.

Приходил Курехин с женой. Пришел Яков Ильич Френкель с женой. Он вздумал Нину рисовать, но ничего из этого не

вышло. День тянется бесконечно. Около 8 часов вечера я с Жоржем и Августом Яковлевичем Плетц отправились на Стародубултовское кладбище, расположенное недалеко от станции Дубулты и широкой реки Лиелупе, по которой с Иваном Тимофеевичем мы катали Нину еще несколько дней назад. Кладбище культурное, огороженное, не похоже на наше. Масса цветов, что так всегда нравилось Нине. Выбрали прекрасное место недалеко от главного входа. Направо, впереди часовни, под ветвистым деревом.

Сейчас 12 часов; ровно 24 часа тому назад я в последний раз слышал голос Нины, она мне пожелала спокойной ночи. Я сижу в маленькой комнате, где вместо двух кроватей стоит уже одна. Дверь открыта в гостиную, где на кровати лежит мертвая Нина, которая очень мало изменилась, а между нами стоит гроб. Она в своем любимом голубом платье, лицо открыто, на груди цветы.

Завтра мой день рождения, мне исполнится 63 года. Как она готовилась к этому дню, вместо этого мы ее будем хоронить.

2.VIII. Пятница. 6 часов утра. Не спится, около меня не стоит вторая

кровать. На этой кровати в соседней комнате лежит труп Нинуси. По особому разрешению, ее хоронят на лютеранском кладбище. Там больше порядка, там чище, там цветы.

6 ч. 55'. Ровно сутки прошли, как я обнаружил, что Нинуся умерла.

9 ч. Нина почти не изменилась. Только на ушных раковинах багровые пятна. Холодна как мрамор.

Я начал свою хирургическую жизнь с изучения травматических повреждений сердца; буду кончать ее, изучая хирургические заболевания сердца. Слишком близко и слишком больно это меня ударило.

Льет ливень. Читаю Лериша — грудная жаба — мне мало от этого пользы, может быть, когда-либо другим принесу пользу.

Приходит масса народу. Пришел Александр Петрович Цулукидзе с женой. Курехин с женой, Яков Ильич. Профессора Академии и врачи. Пришел фотограф, который снял Нину в кровати. От 12 часов до 2 шел ужасающий ливень, во время которого нечего было думать хоронить. Масса цветов, венки от Курехина, от санатория, от отдыхающих, от нас. Гроб весь выложен цветами. Уйма цветов... Вдруг дождь перестал, прояснилось, вышло солнце. И в 9 ч. 20 минут мы смогли вынести гроб. Гроб установили на грузовой автомобиль, хорошо декорированный. В хороший солнечный день в продолжение одного часа мы дошли до кладбища. Удивительно, как особа культура этого народа. У ворот нас встретил строго одетый сторож, которого вчера мы видели в одеянии рабочего. Под большим тенистым кленом

вырыта очень глубокая (7 футов) могила в совершенно сухом песке. Нину опустили в могилу, засыпали. Устроили холмик, весь покрытый цветами. На могиле гроб не открывали, мы с дорогой Нинулей попрощались дома. Пришел фотограф, снял холм могильный с цветами, вид могилы. Посидели одни некоторое время и ушли, оставив маму на вечное хранение латвийской земле.

К нам было со стороны всех проявлено максимум внимания, но в памяти останется поведение садовника Ивана Ивановича, у которого мы с Ниной несколько раз покупали цветы. Когда он узнал, для какой цели нужны цветы, — он категорически отказался взять за них деньги.

3.VIII. Суббота. Нинуля первую ночь проспала без нас, на месте своего вечного упокоения.

31.VII. Я подсел к ней на кровать. Она лежала горизонтально. «Я хочу жить только для тебя, — сказала она, — без этого не стоило бы жить, очень тяжело». И действительно, всю жизнь Нина прожила для меня, для нашей семьи.

13 час. дня. Горе не приходит одно. Сейчас получил от Зинаиды Васильевны письмо, в котором он сообщает, что у Эмилии Никифоровны гемипарез, по-видимому, на почве кровоизлияния в мозг.

После обеда с Жоржем и Верой ходили на могилу Нины. Все в полном порядке, никто даже не сорвал ни одного листика, ни одного цветочка. Старик Плец предупредил нас, что ввиду того что у них не обожают красный цвет, а ленты на венках красные, то их могут озорства ради срезать, а потому реко-

мендовал нам их убрать, что мы и сделали. Старик Плец еще более подправил могилу, обещал завтра устроить там скамейку.

Побывали у пастора Эйхе Мартин Янович. Латвийская ССР, Ригас Юрмала Парка, 6, который нам разрешил хоронить Нину на этом кладбище. Я ему оставил 500 рублей, которые он может расходовать по своему усмотрению.

Начали поступать сочувственные телеграммы; по иронии судьбы среди них есть одна от Марии Григорьевны поздравительная по поводу моего рождения.

12 часов ночи. Печатаю работу, делаю массу ошибок; работаю плохо. Вот, например, мое внимание привлекает факт, что шипит наш чайник, который не переставал шипеть, чтобы иметь постоянно горячую воду... И вдруг перед глазами опять вид мертвой Нины, такой, какой я ее увидел рано утром 1 августа. Где же тут работать толково, а работать следует.

4.VIII. Воскресенье. Все время льет дождь. Холодно. Приходили проф. Френкель с женой, приходил Г.Л. Френкель. Вера принесла карточки, снятые с мертвой Нины, они очень хороши; спит, как живая.

Работаю плохо. Начал писать доклад на предстоящий съезд.

5.VIII. Понедельник. Целыми днями и ночами льет дождь. Приходили проф. Френкель с женой.

6.VIII. Вторник. Солнечный день. Получены телеграммы от Митерева, Мельниковых, Красногорских, Вайль, Добротина; очень теплая телеграмма от Исаковых.

С Жоржем и Верой ходили на кладбище. Принесли хорошие георгины, которые так любила Нина. Там все так же тихо, так же чисто. Цветы на могиле все держатся. Решили поставить мраморную доску с надписью «Антонина Джанелидзе. 13.VIII.1884–1.VIII.1946», если это окажется возможным.

Работаю очень плохо.

7.VIII. Среда. Прохладно, солнце. Приходили Александр Петрович, Фаворский; вечером Френкели.

Вчерне закончил доклад. Вечером получили фотографии мертвой Нины. Никогда не сказать, что она мертва; спит спокойно на кровати. Одна из лучших и наиболее похожих фотографий.

8.VIII. Четверг. Ровно неделя как умерла Нина. Ходили на кладбище. Вера заказала за 1500 р. мраморную доску для могилы.

Читал работу Засосова и Уварова, какая безграмотность, какая чушь. Кто это может исправить?

11.VIII. Воскресенье. Ходили на могилу. От Института «Скорой» и от НИМИ на могилу возложили 2 больших хороших венка. Старые венки высохли, мы их сняли.

Сегодня много народу пришли приводить могилы в порядок. Поливают цветы, расчищают песок.

Мы принесли на могилу замечательные георгины. Моя Нина так хотела, чтобы на могиле было чисто, порядок. Все это есть, но она всего этого не видит.

12.VIII. Понедельник. Пришли Чирковский, Василий Васильевич, Нина Борисовна, Леля. Мы с ними ходили на могилу Нины. Он сильно сдал. Обедали у нас. Мы

евной. Последняя вбила себе в голову, что у нее рак грудной железы. Только что похоронила мать, погибшую от рака грудной железы. Я ее посмотрел и ровно ничего патологического не нашел.

17.VIII. Суббота. Вместе с Бадридзе и его женой с детьми ходили на могилу Нины. Вечером у нас были Мельниковы.

18.VIII. Воскресенье. Закончили печатные истории болезни по «бронхиальным свищам». Сегодня у нас обедали проф. Цулукидзе и д-р Канделаки.

19.VIII. Понедельник. С Мельниковыми я, Вера и Жорж в последний раз ходили на могилу Нины. Принесли последний пучок цветов. Договорились с заведующим кладбищем, что и как он засадит в будущем году.

Вечером пришли Френкели и Бадридзе с женой.

Укладываемся, прощаемся с нашей дачей, где нам было так хорошо и так тяжело. Кранцберг нам принес билеты и вообще проявил максимум внимания и поворотливости.

20.VIII. Вторник. Встали рано. Попрощались со всеми. Паня, наша домработница, которая у нас работала всего $1\frac{1}{2}$ месяца, ревет.

Поезд ползет. Целый день льет дождь, иногда даже с градом. Едем в одном купе я, Жорж и Вера. Четвертый пассажир дама с шестилетним Мишей, упитанным буянком. Ночью спал каких-нибудь $1\frac{1}{2}$ –2 часа.

21.VIII. Среда. Поезд в Ленинград приходит в 6 ч. 30'. На вокзале нас встретили Георгий Аркадьевич, Назаришвили, Галкин и Головинский. Георгий Аркадьевич и Назаришвили поехали к нам. Пришла Зинаида Васильевна, с которой мы отправились к

Эмилии Никифоровне. Я ее застал в лучшем виде, чем предполагал. Левосторонняя гемиплегия на почве тромбоза (по мнению невропатологов). Говорит свободно, слегка возбуждена. Ногой двигает хорошо и демонстрирует эти движения с удовольствием; что касается руки, то говорит, что она двигает достаточно хорошо, но мне видеть не пришлось. Я не спрашивал.

У нас обедали Аполлон Месхи и его сын Тенгиз. Вечером меня вызвали в 1 Морской госпиталь. Звал С.С. Пинкевич по поводу перфорации 12-перстной кишки у начсана ЮТФ Константина Федоровича Колесникова, 47 л. 12-летний желудочный, язвенный анамнез. В 12 ч. дня наступили резчайшие боли, которые продолжают и в момент моего исследования, многократная рвота. Лицо не бледное. П. 64. Живот впалый, участвует в дыхании. Ригидности фактически нет, газ ни рентгенологически, ни клинически не определяется. Картина была далеко не ясная, и мне оставалось предположить или перфорацию небольших размеров, или прикрытую перфорацию. Сначала он не соглашался оперироваться, но после дал согласие. На операции я не только не нашел перфорации, но даже никакой язвы. Лишь после операции я подумал о tabесе, к счастью, его не оказалось.

Из патологических изменений нашел лишь тяж, который шел от сальника к операционному аппендикулярному рубцу. Я его пересек. Но мне не кажется, что этот тяж может объяснить весь болевой синдром.

22.VIII. Сегодня три недели, как не стало Нины. Слава богу, мой вчерашний пациент чувствует себя хорошо.

Был у Оси. Полный распад личности. Не знаю даже, узнал ли он меня. Сидит. Левая половина парезирована. Правой рукой все время двигает, хватается за голову, глаза блуждают. Ни словом не обмолвился насчет Нины... Ничего не понимаю, ничего не объясняют, жестокий режим. Одним словом, горе на него смотреть. Вот воистину для кого смерть была бы избавлением. Но вот, поди, она избрала Нину, с виду совершенно здорового человека.

Вечером звонил Озерецкий — сказал, что из Берлина от Шаака получил телеграмму, что он возвращается в Ленинград. Куприянов согласен ему уступить кафедру, ничего не остается Петру Андреевичу сделать, хотя ему это и горько. Но, принимая во внимание, что он в факультетской клинике ничего не делал, он не особенно должен гордиться достигнутыми им результатами. Кроме того, он сохраняет факультетскую клинику в Академии и кафедре оперативной хирургии у нас.

В Сербии опять начинается какая-то заваруха. Сербы сбили 2 американских самолета, американцы предъявили им грозную ноту. Думаю, что до войны не дойдет, но хорошего ожидать приходится мало. Не нужно забывать, что Балканы уже раз послужили очагом начала мировой войны.

23.VIII. Пятница. Приходили вечером Алексей Иванович и Георгий Аркадьевич.

24.VIII. Суббота. Сижу целый день дома — работаю. Вечером был Озерецкий.

25.VIII. Воскресенье. С Жоржем и Верой поехали в Петергоф. Совершенно случайно попали на праздник — «Открытие Петергофских фонтанов». Ужасные разрушения. Нет Самсона. Большая часть фонтанов открыта. Доехали до Ораниен-

баума и повернули обратно. Запоем читаю *Lerishe'a*. Тромбоз артерии. Для инфильтрации нервов, идущих к сердцу, в голову пришла небольшая операция.

26.VIII. Понедельник. Сижу дома. Работаю очень плохо.

27.VIII. Вторник. Дома. Работаю очень плохо. Вечером у нас были проф. Федоров с женой, С.М. Кузнецова и М.Г. Каменчик. Вечером позвонил Озерецкий и сообщил, что он говорил с Митеревым, который категорически возражает против возвращения проф. Шаака на кафедру. Он ничего не имеет против того, чтобы Шаак вел лечебную работу, но в медвуз он его не пустит. Я не уверен, что организации, которые пустили Шаака, не нажмут на Митерева.

28.VIII. Среда. Сижу дома, работаю над диссертацией Колесникова. Фокиной переданы мои выездные документы за границу.

29.VIII. Четверг. Фокина сообщила, что предполагается отъезд в США во второй половине октября. Следует подготовить доклады. Ориентировочно я думаю 1) О бронхиальных свищах; 2) Об остеопластической ампутации бедра; 3) О технике пересадки кожи.

Приходила Сусанна Яковлевна.

31.VIII. Суббота. Смотрел Колесникова. Все в порядке. Был у Эмилии Никифоровны. Двигает левой рукой вполне свободно.

2.IX. Понедельник. Прочел девятому семестру 1 ЛМИ первую вступительную лекцию и показал двух больных с хронической эмпиемой.

1-е заседание совета. Подлый донос прохвоста Райского. Николай Иванович получил телеграмму от Шаака, который приезжает и просит его встречать. Наивный малый.

3.IX. Вторник. Сижу и работаю дома. Вчера уехал в Москву Георгий Романович Хундадзе, проработавший у меня в клинике 13 лет. Он женился в Москве, жена не согласна на переезд в Ленинград. Я его устроил ассистентом в клинике Юдина. Боюсь, что ему там придется тяжело.

Сегодня на пароходе «Чита» из Германии приехал проф. Шаак, который вечером был у меня.

4.IX. Среда. День провел в «Скорой». Был у Эмилии Никифоровны; она вполне прилично двигает рукой, но боюсь, что как хирург она вышла из строя.

Был у бедного Оси, у него неясное сознание; он меня даже не узнал. В груди клокочет, не начинается ли отек легких.

5.IX. Четверг. Сегодня впервые доцент Александр Львович Стуккей читал лекцию вступительную по военно-полевой хирургии «Эволюция идеи военно-полевой хирургии». По содержанию хорошо, но довольно вяло.

6.IX. Сентябрь. Пятница. Оперировал в 1 ЛМИ. 1) Иноперабельную карциному желудка; 2) Хроническую эмпиему, больной до меня был 7 раз оперирован. Сделал мышечную пластику и дисцизии легкого по Ренсохову.

Читал X семестру — «Столбняк» с демонстрацией больной.

Выехал в Москву. Еду в купе вместе с Леоном Абгаровичем Орбели.

7.IX. Суббота. Меня встретили три машины, от Исакова, Андреева и Синенко, который сам приехал меня встретить. Был у Исакова вместе с Андреевым и Галкиным. Думаю, что лучше от больших вмешательств отказаться. Сначала, я полагаю, что следует ограничиться блокадой, для

чего следует пригласить Вишневого. Если это не поможет, то сделать невротомию с наложением швов на нерв. С этой целью я просил Н.Н. Приорова созвать на понедельник совещание.

В 14 ч. 30' пришел на заседание оргкомитета по созыву XXV юбилейного съезда, которое состоялось у Митерева. Налицо Приоров, Гирголав, Левит, Юдин, Фридлянд, Бакулев и мн. др. Обсуждались организационные вопросы. Незначительные изменения произошли в программе. По моему настоянию Юдину дали сделать доклад на тему «Новые идеи в желудочной хирургии». Позже Приоров мне сознался, что они имели намерение его провалить. Чудаки, зря хотят позволить Юдину — «мне не дают развернуться».

По окончании заседания я уговорил Гирголава остаться и поговорить с Митеревым. Сначала Митерев упрямо не соглашался на возвращение Шаака в клинику. Затем сказал, что пока рано это делать. После мы вдвоем побывали у Шабанова, который более благосклонно относится к Шааку. Я говорил с Шабановым насчет Владимира Всеволодовича Крестовского. Он согласен его устроить в Самарканд на кафедру госпитальной хирургии.

Вечером пришли Жорж Хундадзе и Татьяна Сергеевна.

Около двух часов ночи звонил по телефону из Ленинграда Жорж и сообщил, что умер Ося. Несчастный умирал фактически в продолжение двух последних лет от гипертонии и многократных инсультов. Бесцельно прожитая жизнь. Всю жизнь он жил мозгами Нины. Теперь оказалось, что когда не стало Нины, то как будто бедному Осе на этом свете нечего

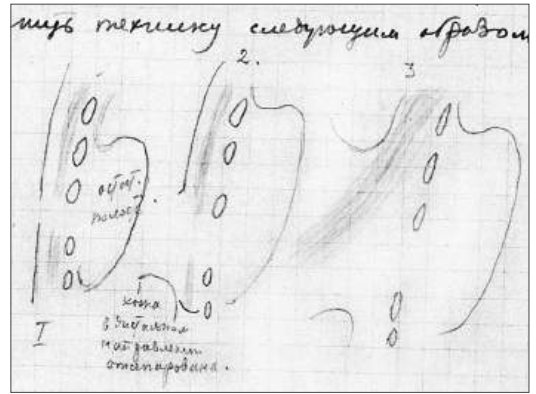
делать. Оба умерли на расстоянии пяти недель друг от друга. Его, по-видимому, похоронят до моего возвращения.

8.IX. Воскресенье. Приходил Бадридзе, позвал обедать на завтра. Живу в гостинице National — прекрасный вид на Кремль. Сегодня день танкиста, готовится парад.

Вчера мне пришла в голову мысль видоизменить мышечную пластику для операции хронической эмпиемы. До сих пор отсепарированная широкая мышца спины или любая другая закладывалась снизу, перегибалась около ниже лежащего ребра, как это изображено на рис.

Для того чтобы дотянуть верхушку этого мышечного лоскута до самой высшей точки, нужно было за конец лоскута прикрепить нитку и тянуть через вышележащее межреберье. Но и при этих условиях получался ряд недостатков. Не всегда удавалось совершенно заполнить остаточную полость у самой верхушки. Благодаря перегибу у края ребра кровообращение в загнутом лоскуте было затруднено. Благодаря венозному застою условия существования загнутого лоскута ухудшались. У места перегиба образовывался мешок, вполне готовый для застаивания экссудата, в частности гнойного. Поэтому я решил видоизменить технику следующим образом.

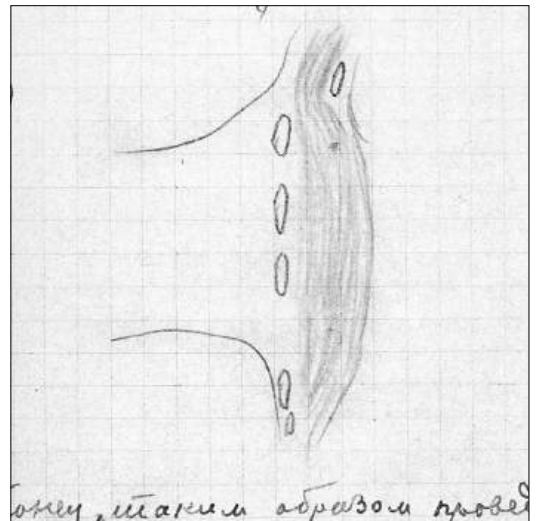

1) После кожного разреза отсепарировать кожные лоскуты в проксимальном направлении.

2) По возможности дистальнее перерезать *m. latissimus dorsi*.

3) Соответственно тому межреберью, где расположена наивысшая точка остаточной полости, резецировать одно ребро на протяжении, соответствующем ширине остаточной полости.

4) Через эту щель, образовавшуюся после резекции ребра, провести сверху вниз широкую мышцу спины или любую другую мышцу.

5) Конец таким образом проведенной мышцы зафиксировать у нижнего конца остаточной полости.

9.IX. Понедельник. В 16 часов в поликлинике Кремля состоялась консультация по поводу адмирала Исакова. Присутствовали: Приоров, Вишнеvский, Бакулев, Андреев, Петров, Галкин, я, Гельштейн (невропатолог). Решили ограничиться перерезкой п. ischiadicі с непосредственным сшиванием, если не поможет, идти более радикально.

Заплатил Карахану за журналы на будущий год около 600 р.

Обедали вместе с Волынкиным у Бадридзе; вечером был у Левита, вместе с С.С. Гирголав обсуждали редакционные вопросы по учебнику.

10.IX. Понедельник. С утра сижу дома, читаю купленные у Кархана книги. Побывал у Смирнова, который мне сказал, что в Америку поедут, наверное, я, Куприянов и Руфанов; американцы просят, чтобы отпустили Юдина. Ефим Иванович считает, что Ахутин уже конченый человек. Как мне сказал Семен Семенович, у Ахутина было субарахноидальное кровоизлияние. Смирнов сказал, что президиум Академии будет переизбираться. Президентом будет Аничков, вице-президентом Куприянов, который должен будет перейти в Москву.

Был у Фи-Фи. Боже мой, до чего он пуст.

Вечером «стрелой» выехал в Ленинград.

11.IX. Среда. В Ленинграде пахнет осенью.

12.IX. Четверг. Оперировал в «Скорой» — тяжелую резекцию желудка по поводу язвы, проникающей в pancreas и остаточную полость плевры.

13.IX. Пятница. Оперировал в 1 ЛМИ огромную остаточную полость плевры. Пломбировка мышцей по вышеописанному предлагаемому мной способу. Вышло хорошо.

2) Удалил дермоидную кисту средостения — 5-я по счету.

14.IX. Суббота. Наметил с сотрудниками написать «Ожоги и их лечение». Участники: Красносельский, Постников, Чистович, Гефтер, Френкель. Срок 2 года.

Вел разговоры об организации отделения по сердечной сосудистой системе. Приходится искать кого-либо вместо Гротеля.

Н.С. Чистовичу предложил тему: «Иннервация венечных сосудов».

15.IX. Воскресенье. Я, Жорж, Вера и Георгий Аркадьевич поехали в Тюрисово. Против всякого ожидания оказалось, что наш дачный участок обнесен забором, хотя и плохим, но все же забором. Устроена новая железная крыша, комнаты оклеены неплохими обоями, починен пол. Одним словом, можно жить. Кто-то даже разбил клумбы и проводит дороги.

Георгий Аркадьевич согласен для своей дачи снять соседний участок.

Я полагаю, что, чтобы избегнуть всех неудобств дачной жизни, можно было бы приезжать на дачу рано утром, проводить там целый день и вечером уезжать в город.

16.IX. Понедельник. В 1 ЛМИ вел с IX семестром занятия и читал лекцию «Лечение хронических эмпием». На заседании совета профессоров обсуждался вопрос о подборе и воспитании кадров.

П.А. Куприянов, с виду огорченно, сообщил мне, что его собираются забрать

в Москву. В общем, он рассказал мне все, что мне сказал Смирнов. Куприянов мне сказал, что он не пойдет, что его там съедят. Не знаю, однако, насколько это ему удастся. Он же мне сообщил, что после того как Аничков согласился занять пост президента Академии, он прислал письмо с категорическим отказом. Окончательно закончил свой доклад для съезда.

17.IX. Вторник. С утра сажу дома, изучаю доклад.

18.IX. Среда. Сажу дома. Нездоров. Вечером обедал у Ел. Семеновны.

19.IX. Четверг. Сажу дома. Нездоров.

20.IX. Пятница. Оперировал в 1 ЛМИ.

21.IX. Суббота. Был в Академии. Кое-что отремонтировали. Просил открыть клинику 25-го. Приходили Сурпина и Машкара.

22.IX. Воскресенье. Целый день увлекался Леришем. Прекрасно написан облитерирующий эндоартериит.

23.IX. Понедельник. В клинике 1 ЛМИ.

Вечером у нас ужинали генерал-майор Волынкин, Щеголевы и Зедгенидзе.

24.IX. Вторник. Ко мне приходили Фигурнов и Шполянский по поводу конкурса на кафедру акушерства и гинекологии. Конкурируют Рабинович и Яковлев. На первое место поставили Рабиновича.

Был на заседании Ленинградского бюро АМН. Аничков мне сказал, что он категорически отказывается занять пост президента Академии мед. наук.

25.IX. Среда. Заседание Хирургического общества Пирогова.

26.IX. Четверг. Заседание клиники; делал доклад о бронхиальных свищах.

28.IX. Суббота. Был у Эмилии Никифоровны. Она много болтала; бросался

в глаза левосторонний парез лицевого нерва. Вдруг в 16 ч. 57' наступила моторная афазия; она сильно перепугалась, начала пробовать произносить слова, волноваться. Я попросил ее замолчать. Минут через 5 все вошло в норму.

29.IX. Воскресенье. Выехал в Москву.

30.IX. Понедельник. В Министерстве обменяли билеты. Толчая, неразбериха. Вечером был у Ивана Степановича. Рана зажила. Жалуется на перенесенные очень сильные боли. Я рекомендовал забрать его домой.

1.X. Вторник. В 16 часов открытие съезда в Театре им. Немировича-Данченко и Станиславского.

Короткий доклад о задачах съезда делает Приоров. Затем открытым голосованием меня избирают председателем съезда, а Миротворцева и Успенского товарищами. Слово предоставляется Теребинскому для доклада на тему «25 съездов Всесоюзного общества хирургов». Приветствия от Академии СССР, Высшей школы (Кафтанов), АМН (Абрикосов). Затем показывали глупую оперетку «Нищий студент».

2.X. Среда. Съезд начал работать в здании Политехнического музея. Тесно, толкотня, бесконечные очереди: на пальто, бутерброды, книги, журналы. Одним словом, бытовая сторона организована из рук вон плохо.

После докладов Бурденко, Руфанова, Неймана, Колесова я резюмировал. Не мог не указать, что при обилии общих концепций — мало было фактических данных. Досталось от меня Ермольевой и в особенности Нейману (см. стенограмму). В общем, резюмировал неплохо.

3.X. Четверг. «Легочный» день. Аудитория так же полна, как вчера. Бледный доклад Линберга, хороший Вайля, полезный Левита. Я докладывал, в общем, хорошо, но не получил никакого удовлетворения. Из выступавших докладчиков один указал, что у него 22 наблюдения бронхиальных свищей, проф. Ратнер сказал, что у него их 102 (данные их у меня есть). А через день в «Хирургии» прочитал статью Григорьева, который говорит о 500 бронхиальных свищах. Резюмировал Миротворцев — бесцветно.

Вечером ужинали у Приорова.

4.X. Пятница. Доклады Мельникова, Фрумкина, Фронштейна. Александр Васильевич докладывал хорошо, в своем обычном стиле. В прениях его очень сильно щипали. Плохо, грубо резюмировал В.В. Успенский.

Вечером ужинали у Фронштейна. Кроме меня были Цулукидзе с женой, Фрумкин с женой, Эпштейн и еще один из старших ассистентов Фронштейна. Живет, по-моему, бедно. Квартира так себе.

5.X. Суббота. Доклад Фридланда не представлял ничего особенного. Был составлен грамотно. Хорошие доклады, с большим фактическим материалом сделали Рохлин и Зедгенидзе.

Особо мне необходимо остановиться на докладе Давыдовского. Прекрасно обставленный, документированный доклад был прочитан блестяще. Однако он полагает, что при хроническом остеомиелите нет воспалительного процесса и бактерии играют роль, лишь уничтожая мертвую ткань. Я резюмировал острее, чем следовало бы. Я не скупился на

слова и мало-помалу вместо роли председателя оказался в роли участника в прениях. Исправленная и приглаженная мной стенограмма совершенно не отражает того, что я на самом деле сказал. Я доказывал, что на препаратах, показываемых Давыдовским, везде видны и элементы экссудации, и эмиграции. Поэтому я должен признать, что при остеомиелите есть элементы воспаления. Не мог я также разделить его точку зрения, что бактерии играют лишь роль служащих похоронного бюро.

По окончании заседания Давыдовский подошел ко мне и передал следующую записку: *«Юстин Юлианович, необъективность Вашего заключения и самая попытка превратить мой научный доклад, основанный на изучении клинического, б. ч. ампутированного материала в „красивую речь“ вокруг надуманных концепций меня удивили. Я понял Ваше выступление как глубокий разрыв между теорией и практикой. Это заставляет меня сильно раскаиваться в данном мною согласии выступить у Вас. Это же заставляет меня воздержаться от помещения своей работы в трудах этого съезда. Вы сумели „красивым заключением“ повернуть мнение к старым, умирающим концепциям. Ну что ж? Я не прекращу борьбу за правое дело, ибо владею не только словом, но и делом, и понимаю это дело несколько глубже тех, аплодисменты которых Вы вызвали.*

Простите. И. Давыдовский».

Он подал мне эту записку, и я хотел ее при нем прочитать, но он мне сказал, чтобы я это сделал на досуге.

Вся эта история была мне очень неприятна. Я несколько не желал ни задавить лично Давыдовского, ни осмеивать его с какой-либо стороны. Но Давыдовский настолько привык всех критиковать и никогда не слышать критики на свои выступления, что это его задело значительно больше, чем я ему подал повод. Одним словом, я приобрел врага сильного, бесцеремонного и беспринципного, сидящего в президиуме Академии медицинских наук, который найдет достаточно повода мне пакостить.

Послеобеденные доклады Бурденко-Егорова, Смирнова и Рауера пошли хорошо.

Вечером Левит устроил ужин в ресторане «Савой» для 32 человек. Как он впоследствии сказал, это удовольствие ему стоило 8000 рублей. Обсуждался между товарищами мой инцидент с Давыдовским, но, в общем, большинство склонялись на мою сторону.

Из «Савой» в 10 часов вечера мы отправились к Е.И. Смирнову. У него было не много народу — Приоров, Цулукидзе с женой, какой-то артист Орлов с женой.

6.X. Воскресенье. Доклады Приорова и других ничего особенного не представляли. Вечером ужинали у Бурденко. Было много народу. На вечере Юдин спросил меня, кто будет председательствовать на его докладе. При этом промелькнули нотки, что, мол, председатели становятся оппонентами. Я прекрасно понял, что на меня пожаловался его приятель... Я ему ответил, что будет председатель-

ствовать Успенский. Юдин остался недоволен, просил, чтобы председательствовал Миротворцев. Я ему ответил, что очередь Успенского.

7.X. Понедельник. Прекрасный доклад сделал Чаплин. Хорош был доклад, в особенности демонстрации Добровой. Безрукие с искусственными руками самообслуживали прекрасно.

Прекрасен был доклад Юдина. Доклад не сопровождался никакими рекламными атрибутами, был прекрасно документирован. Однако резюмировавший В.В. Успенский резюмировал отвратительно. Он назвал резекцию пилорической части операцией для дурачков, доклад сиреной, которую не следует слушать. Одним словом, было омерзительно, и так как Юдин этого не заслужил, то я решил в последнем слове резюме это исправить.

Доклад Е.И. Смирнова в обычном стиле. Те же мысли, те же цифры.

Вечером был у Жоржа Хундадзе.

8.X. Вторник. С утра заслушали доклады, которые не уместились в предыдущие дни. З.В. Оглоблина доклады вала хорошо. Хороший доклад сделал Колесников и Трохиян (слепые ранения сердца).

Пришел момент резюмировать. Ответственная задача. Мне ее удалось выполнить очень хорошо. (См. стенограмму, которая подкрашена и далеко не отражает всего, что я говорил.) Я удостоился триумфа, равного которого не было в моей жизни. Даже Заблудовский признал, что мое резюме было прекрасно.

Вечером закончились выборы в члены правления Всесоюзного обще-

ства хирургов. Я был единогласно избран председателем открытым голосованием.

Вечером на заседании, посвященном 100-летию наркоза, председательствовал Руфанов. Докладывали Скворцов и Юдин. Доклад последнего был прекрасен.

Поздно, после доклада, пошел к Бадридзе. Ужасно устал.

9.X. Среда. В 12 ч. дня нас около 30 человек принял Митерев. Слово было предоставлено мне. Я вкратце повторил то, что сказал в последнем резюме. Много говорили и другие. Я думал, что Митерев будет меня ругать. Наоборот, он всех членов оргкомитета благодарил и особенно горячо меня как члена оргкомитета и председателя, который так хорошо провел съезд.

В 14 часов состоялось заседание президиума Академии медицинских наук. Председательствующий Абрикосов. Обязанности секретаря исполняет мой «приятель» Давыдовский. Бурденко подал в отставку. На его место предлагают Аничкова Н.Н. Все вполне основательно его хвалят. Ставят условием, чтобы он переехал в Москву. Первым заместителем Абрикосова, затем Давыдовского, Куприянова. Выводят из президиума за неактивность Орбели. Эта же участь ждет меня. С радостью об этом докладывает Давыдовский. Я встал и спокойно сказал: «Где бы я ни работал и где бы я ни работаю в настоящее время, меня никогда не обвиняли в неактивности. Но приезжать еженедельно в Москву на заседания президиума я лишен возможности, поэтому прошу мою кандидатуру не

выставлять». Всем я доставил большое удовольствие и не меньшее себе. Меня мучило, что я числюсь в президиуме и ничего там не делаю.

Вечером в одном купе с Куприяновым выехал в Ленинград.

По окончании приема у Митерева нам вручили в иностранном отделе паспорта заграничные.

10.X. Четверг. Сижу дома.

11.X. Пятница. Побывал в Академии, в «Скорой» и в 1 ЛМИ.

12.X. Суббота. В Академии оперировал Вениамина Михайловича Лебедева, 54 лет, которого морили в продолжение 9 месяцев в Свердловской больнице — все ставили диагноз. Последний диагноз, на котором я мог остановиться, — это или дермоидная киста средостения, что в заднем средостении бывает редко, или, может быть, липома. Начал я операцию под местным обезболиванием. Сделал кожный разрез, перевязал сосуды. Больному успели дать 4–5 г эфира. Вдруг сердечная деятельность прекратилась, и больной остался на операционном столе.

Я поехал к Эмилии Никифоровне вместе с проф. Фаворским. Печальная картина: она без усталости говорит и говорит... речь стала явно шепелявой, стала походить на проф. Сахновскую. Дело явно идет к концу, с каждым разом все хуже и хуже. Фаворский говорит, что эта игра вазомоторов. Какой же черт это вазомоторы, когда имеется гемипарез и постоянная шепелявая речь. У меня грипп, и я не подходил к ней близко. Видел ее... возможно, и в последний раз.

№8. Начат 5 апреля 1946 г. Окончен 14 октября 1946 г.

13.X. Воскресенье. В 12 ч. дня позвонил Григорий Степанович и сообщил, что Эмилии Никифоровне совсем плохо. Ночью была рвота, а с 9 часов утра потеряла сознание. По-видимому, «вазомоторы доигрывают игру». Лучше умереть при этих условиях, чем жить и высчитывать врачу, как по частям выходит из строя нервная система, тяжкая задача!

При этих тяжелых обстоятельствах готовлюсь к отъезду в Америку.

С утра идет снег.

14.X. Понедельник. Чувствую себя чуть-чуть лучше, но еще явно нездоров. Приходила Мария Григорьевна, которая дежурила у Эмилии Никифоровны. Она мне рассказала, что Э.Н. совершенно без сознания, а по ее мнению, агонирует. Нужно полагать, что наступило массивное кровоизлияние в желудочек. Счастье для нее, если, не приходя в сознание, она погибнет. Но для Григория Степановича наступают темные дни.

Хорошо, что я ее видел живой, хотя и плохо, но разговаривающей.

ДНЕВНИК

№ 9

Начат 14 октября 1946 г.

Окончен 12 июля 1947 г.

*Подготовка
к отъезду в Америку*

14.X. 1946. Печальную обстановку оставляю в своем окружении. Второй день без сознания лежит Эмилия Никифоровна, явно доживает последние дни. И хуже всего то, что сами желаем, чтобы она в этом положении погибла, ибо другого выхода для нее нет. Рассчитывать на выздоровление ей не приходится.

Вечером выехал «стрелой» в Москву. В международном вагоне тепло, начали даже выдавать полотенца; дорога явно управляется.

15.X. Вторник. Москва встречает снегом, который небольшим слоем покрыл поля.

Несколько раз были с Руфановым в Министерстве. Не все готово... ждем.

Позвонила Татьяна Сергеевна и сообщила, что ночью скоропостижно скончался Владимир Владимирович Лебеденко. Несколько дней (2) назад, во время съезда мы с ним сидели у Руфанова, и он самым подробным образом объяснял, где и к кому следует обращаться в Америке, чтобы легко нам было ориентироваться; написал нам одно письмо, собирался писать и другие. Сравнительно молодой, доброжелательный и культурный, он последние три года был нашим представителем в Америке. Он там немало видел, но с трудом переносил продолжительное там пребывание. Там с ним случился инфаркт миокарда, и сейчас он также погиб от болезни сердца. Его нельзя было числить среди выдающихся хирургов страны, но это

был эрудированный, хороший хирург. Его смерть производит тяжкое впечатление своей преждевременностью.

Вечером звонили Жорж и Вера. Сообщили, что 14 вечером, в день моего отъезда умерла Эмилия Никифоровна Степанова-Лопатина. В ее лице я теряю долголетнюю сотрудницу, с которой я проработал в течение 28 лет. Она попала ко мне молодым ординатором, когда я, вернувшись с войны, начал работать на 3-м курсе. Фактически мы росли вместе хирургически. Я самостоятельно становился на ноги, она росла под моим руководством. Когда я стал профессором пропедевтической хирургической клиники, она стала у меня ассистентом. От меня она перешла ассистентом к Заблудовскому, но не смогла с ним работать и окончательно обосновалась в Институте скорой помощи. Здесь она полностью развернулась. Из нее скоро вырос клинически вполне грамотный врач, чуткий, внимательный. Технически она не могла быть причислена к категории хирургов божьей милостью, но оперировала четко, тщательно. Она не претендовала на создание чего-либо нового, но известное выполняла хорошо. Ее можно было причислить к категории хороших преподавателей. Наиболее слабой ее стороной, пожалуй, была научно-исследовательская работа. Она не писала много, не любила писать, и все, что ею написано, написано из-под кнута.

Оригинально сложилась ее семейная жизнь. Она была замужем за врачом Григорием Степановичем Лопатиным. Последний в семье играл соподчиненную роль. Человек небольшого ума и никаких талантов, он целиком находился под влия-

нием своей жены. Он скорее был известен как муж Степановой, чем сам по себе. Детей у них не было. Привязанный к своей жене до потери собственного достоинства Г.С. выполнял все ее пожелания. Однако со своими товарищами она всегда оставалась изумительно ровной, корректной. Мягкий ее характер привлекал к ней симпатии всех товарищей.

Неудивительно, что она пользовалась всеобщей любовью, как своих товарищей, так и любовью всего персонала, как среднего, так и младшего. Во время первого голода она оставалась в Ленинграде. Эмилия Никифоровна оставалась в городе и во время всей блокады. В одно время она исполняла обязанности директора института. Не знаю, наблюдалась ли у нее гипертония до блокады. Но после блокады она выявилась с жестокой очевидностью. Давление часто бывало выше 220. Появилась картина *angina pectoris*, *angine d'effort*. Иногда приходилось останавливаться на улице через каждые 10–15', в особенности если она выходила на улицу после еды. Месяца три назад к этому присоединились мозговые явления. Сначала картина пареза, а затем настоящей левосторонней гемиплегии. Ее уложили на 6 недель, и казалось, что она справится с этим осложнением. Она уже начала передвигаться по комнате, но выявилась картина гемиакопсии. Ее опять уложили. В конце сентября наступила быстро переходящая дизартрия. Затем казалось, что все вошло в норму. Она стала апатичной, считала себя тяжело больной.

Когда я вернулся со съезда, я ее посетил вместе с проф. Фаворским. Последний все явления отнес к спазму сосудов.

Однако 12-го утром наступила потеря сознания, по-видимому, массивное кровоизлияние с прорывом в желудочек; два дня она оставалась без сознания, и вечером 14-го ее не стало.

Вечером заходил к Председателю Президиума Верховного Совета Грузии Георгию Федоровичу Стуруа. Ему 63 года. Явления гипертрофии простаты.

16.X. Среда. С утра в Министерстве. Все по-прежнему. Ездили с Руфановым в Спецторг. Вечером был у Председателя Совета Министров Грузии Валериана Минаевича Бакрадзе. В разговоре я затронул о возможности созыва XXVI Всесоюзного съезда хирургов в Грузии. Он мне дал заверение, что они смогут обеспечить прием 2000 делегатов.

17.X. Четверг. В 12 ч. был на похоронах безвременно умершего В.В. Лебедеико. Лежит весь синюшный в гробу. Я постоял в почетном карауле и, не дождавшись речей, ушел с Руфановым в Министерство. Наши дела все в том же положении. После обеда и вечер просидел дома. Пришел Приоров, которому я передал приглашение от College'и на съезд. Был момент, когда я не знал, уедем мы или нет.

18.X. Пятница. С утра плохая видимость. В 10 часов светит солнце. Наконец все формальности закончены, деньги получены. Был в Министерстве иностранных дел. Договорился насчет самолета, полет назначен на 20-е утром на курьерском самолете в Париж. Беляев обещал послать телеграмму в Париж, чтобы нас там не задерживали.

У Приорова состоялось заседание оргкомитета по созыву 25-го съезда — подводились итоги.

Оргбюро Всесоюзного общества хирургов имело случайное заседание — наметили план работ на ближайший квартал.

19.X. Суббота. Подготавливаю все для отъезда. С утра моросит дождь. Может быть, завтра и не удастся лететь.

Побывал у Приорова и Митерева. Последний согласен на созыв съезда в Тбилиси, если министр к нему обратится. По возвращении нужно будет этот вопрос утрясти. Говорил я с ним и насчет Fi-Fi, он почти обругал меня. Смысл его речи был таков — мне барахла и без него хватает.

Целый день идет мокрый снег. Пока это предвещает мало хорошего. В 24 часа в последний раз говорил со своими по телефону. Вечером приходили Петровы.

20.X. Воскресенье. Почти не спал ночь, просто не спалось. Встал в 5 часов. В 6 часов пришел Жорж Хундадзе, который решил меня проводить. С шофером было договорено, что он приедет к 6 часам, однако его не оказалось и в 6 ч. 15'. Я уехал на машине Руфанова. Прекрасное утро, чуть морозит. На центральном аэродроме сравнительно небольшие формальности, поверхностный осмотр вещей. Подают самолет «Дуглас» с хорошими креслами, имеются даже две большие кушетки. Снежный покров сопровождает нас почти до Витебска. Мы почти не видели Германию, все время идем над облаками. Вылетели в 8 ч. 15', и в 2 ч. 40' мы уже садились на огромном военном аэродроме в Берлине. С нами едет посол Борис Ефимович Штейн, который нас пригласил в салон. Нас прекрасно накормили. В 15 ч. 40' поднялись в воздух и в 17 ч. опустились на аэродроме Bourget в Париже. Из всех моих путешествий на са-

молете это было самое незаметное; самолет шел удивительно ровно, ни один раз не было болтанки. Когда мы вышли из самолета, то встретили посла из нашего посольства. Я увидел красивого парня лет 32, который очень пристально на меня смотрел и наконец спросил: «Профессор Джанелидзе?» На мой утвердительный ответ он назвался Борисовым (Алексей Иванович), тот самый, которому Иванов и Сулинов просили передать привет. Он отвез нас на своей машине в посольство, прикрепил нас на питание, нашел нам гостиницу. Одним словом, неожиданно у нас нашелся патрон.

Питание стоит в день 500 фр. Прекрасный номер на двоих 800 фр., но к последней цифре добавляется 120 фр. (15% обслуживания), если к этому добавить чаевые, то на двоих номер следует считать в день 1000 фр.

Курс франка официальный 118 фр. — за 1 доллар, но даже в гостинице нам считали за 240 ф., а говорят, что на черной бирже он стоит 300 фр. Говорят, что обед в ресторане 350 фр., без чаевых. Если учесть, что на юге рабочий получает в месяц 5000 фр., а в Париже 10 000 фр., а инженер 14–15 000 фр., то населению сводить концы с концами более чем трудно. Овощи и фрукты стоят дешево, например, $\frac{1}{2}$ кг прекрасного винограда 35 фр., $\frac{1}{2}$ кг моркови 5 фр. Мясо стоит дорого. Хотя и имеется карточная система, но это, по-видимому, фикция.

Живем мы в первоклассной гостинице Plaza-Athenee на 23–27, avenue Montaigne.

21.X. Понедельник. Выспались прекрасно. Отправились в посольство. Ау-

спиции отъезда неясны, не то пароход «Aquitania», который должен прийти в Гавр из Англии 26.X, не то неясно... Надежд на полет никаких. Посол Штейн (Борис Ефимович), который должен был лететь сегодня и имел билет на самолеты FWA, не полетел, так как забастовали летчики, которые потребовали в год $15\frac{1}{2}$ т. долларов; не плохо, по-видимому, быть летчиком на трансатлантическом самолете. Позавтракали и с Руфановым пошли бродить по Парижу.

Прекрасный день. По временам выглядывает солнце, которое освещает пожелтевшие листья. Прекрасная набережная Сены. Париж совершенно цел. Мы не видели не только ни одного разрушенного квартала, но и разрушенного дома. У моста Александра III у одного лишь льва повредило корпус. Не знаю, должны ли французы были казнить генерала, сдавшего Париж, или поставить ему памятник? Все равно при армии, не желавшей драться, им не отстоять этот чудесный город, а если бы вздумали отстаивать, то он бы сегодня выглядел так, как выглядит Берлин, т. е. он бы не существовал.

Улицы чистые, народу сравнительно мало, мало машин. Нет и помину о фешенебельных костюмах женщин. Большинство женщин без шляп, многие без чулок. Нет речи ни о какой изящной обуви. Молодежь имеет упитанный вид, но много стариков и старух явно истощены. Почти во всех прежних местах открыты Cafe, но в них нет уже веселой шумной толпы, сидят два-три человека и пьют паршивое на вид кофе. В книжных магазинах масса новинок; средняя стоимость книги

300–400–500 фр., но мы видели вновь изданные книги стоимостью в 10 000 фр., не знаю, кто их покупает.

Женщины, даже старухи, подкрашены, но совершенно не видно крашенных ногтей. Все женщины носят сумки на ремне, перекинутом через правое или левое плечо. Исчезли без дела флагирующие. Мы еще не были на главных бульварах, но например, на B-d st. Germain их вовсе не видели.

Жалкое зрелище представляет книжный магазин Masson'a. Бросается в глаза надпись: «Отдельным лицам книги не продаются, а отпускаются лишь библиотекам». Книги продаются у Maloin'a, их много, стоят они 300–500–600 фр. В общем, мы ходили в продолжение шести часов и здорово устали.

Вечером пришлось опять ходить в посольство, нужно было заполнить анкету на английском языке. Много там оригинальных вопросов, но ничего не поделаешь, в чужой монастырь со своим уставом не лезут.

Совершенно случайно, в полном смысле слова, у самого выхода нам сказали, что, возможно, что нас устроят на военный самолет, мы с удовольствием согласились.

22.X. Вторник. С утра в посольстве бессмысленное ожидание, пока приедет Шахов, который нас устраивает на самолет. Наконец он возвестил, что для нас есть два билета на военный самолет. Стоимость немалая — 404 доллара с человека. Самолеты все американские, конкурентов нет, а посему они назначают цены, как хотят. Успели посмотреть лишь могилу Наполеона.

Вечером нам приказано сидеть дома и ждать, пока нам позвонят с аэродрома. Неизвестен час. Это может быть до 7 часов утра. Уложились, в полном смысле слова, сидим на чемоданах, но так до утра никто и не позвонил.

23.X. Среда. Для нас Merlo Aubuyi хотел сегодня оперировать, однако мы никуда ходить не можем, все ждем, пока нам позвонят. Наконец нам это надоело, и мы сами поехали на аэродром Orly. Увидели гигантские 4-моторные самолеты, получили заверения, что нам позвонят. Выяснилось, что не улетели из-за тумана. Не видно даже Эйфелевой башни.

Вчера были у посла Богомолова. Простой симпатичный человек. Дал возможность переговорить по ВЧ с Митеревым.

Сегодня через летчика, который нас привез, послал письмо Жоржику. Самолет летит в Москву завтра, где летчик обещал опустить письмо. Позвонили около 3 часов, предупредили, чтобы мы ждали звонка после 5 часов. Сидим ждем.

Снова позвонили, сказали, чтобы завтра в 7 ч. 30' мы бы находились у гостиницы Bonaparte'a, у place Etoile.

Наши расходы по Парижу: 500 fr. — еда в день.

500 fr. — гостиница.

24.X. Четверг. Встали в 6 часов. Идет небольшой дождь, неизвестно, задержат ли он самолет или нет?

Выехали из гостиницы ровно в 7 ч. Приехали в гостиницу Bonaparte'a, где только отметили наши фамилии, и на авто посольства поехали на аэродром Orly, который отстоит от города приблизительно на 30 километров. Затем началось то, что наш спутник Саксин называет kill time, т. е.

убивать время. Большое одноэтажное, летнего типа здание, чистое, в котором образцовый порядок и чистота (с этого момента писано на самолете). Несколько раз проверили наши фамилии в списках, заранее напечатанных. Затем сказали, чтобы мы подтащили наш багаж, который хотя и ставили на весах, но, казалось, никто не взвешивал, на самом деле взвесили. Затем отобрали паспорта и заполненные нами карточки. Некоторое время бродили по коридору бесцельно. Затем нас попросили, чтоб мы прошли все в отдельную комнату. Комната около 25 кв. метров. Туда нас загнали человек 25. Кроме нас троих (меня, Руфанова и Саксина Георгия Филипповича из нашего парижского посольства) были, кажется, один или два русских, которых провожали почтенные русские женщины, довольно потрепанные, по-видимому, из наших эмигрантов. Было трое негров, совершенно прилично одетых. Затем были представители разных национальностей, несколько французов и одна француженка.

Стены комнаты были увешаны различными приспособлениями и вещами, предназначенными для спасения в момент катастрофы. Среди этих вещей особенно выделялось длинное платье, по-видимому, из непромокаемой материи. Была довольно больших размеров резиновая лодка, куда могут поместиться три-четыре человека, лодка надувается, и, как впоследствии мы убедились на киноленте, воздух может накачиваться специальным насосом. Мы сидели на специальных железных стульях, и впереди нас, у стены, стоял экран, из которого мы должны были заключить, что будет демонстрироваться ки-

нокартина. Трудно было предугадать, что будут показывать. Мне казалось, что будут показывать самолет в полете и трассу, по которой мы полетим. И действительно, это отчасти и было так. Вот на аэродроме прокатилась огромная белая машина — это Douglas, выкрашенный в белый стальной цвет. Эта машина почти в два раза длиннее нашего пассажирского Douglas'a, и ее крылья в $1\frac{1}{2}$ раза длиннее крыльев нашей машины. Вот машина сделала несколько оборотов по аэродрому. Затем на экране показались пассажиры, машины. Среди них был один, уже по виду отличавшийся от всех остальных. Видно, что это кто-то из команды (14 ч. 20' — пролетели уже 3 часа, чуть-чуть качает). Он берет в руки довольно большое сооружение, напоминающее лошадиный хомут, продевает через него голову и начинает завязывать многочисленные белого цвета ремни, часть которых закрепляется спереди в какой-то металлической пряжке. Два ремня проводятся через промежность, причем инструктор показывает, что эти ремни должны оставаться длинными, чтобы не стеснять шаг. После того как эта сложная сбруя была закреплена, он начал отворачивать фартуки, прикрывавшие (перестало качать 14 ч. 30') приспособление, и он показал, как следует открутить какую-то ручку и начать пользоваться кислородным прибором. Удивленные пассажиры внимательно сидят за всеми движениями инструктора. Картина несколько раз обрывалась и снова показывала одно и то же. По-видимому, когда инструктор убедился, что ошеломленные пассажиры достаточно поняли, что от них хотят, то начали сию сбрую надевать на них. Это

шло довольно коряво; их заставляли повторять одно и то же движение, один и тот же прием. Наконец все пассажиры были показаны улыбающимися, счастливыми. Они сидели в креслах и улыбались. Среди них, сидя в правом ряду, выделялся один джентльмен лет 55 в прекрасных очках.

Но вот началась тревога. Бесперывно звонит звонок, который показали на потолке самолета. Самолет снижается до уровня воды, и пассажиры с поясами начинают выскакивать на воду. Пояса их держат хорошо. Вот выбросили и спасательную лодку. Тот самый, который на картине изображал роль инструктора, развернул ее. Но оказалось, что она развернулась не с той стороны. Перевернуть ее оказалось делом довольно трудным. Наконец-то удалось, и инструктор довольно ловко впрыгнул в лодку. Не так-то легко, оказалось, втянуть туда толстяка в очках. Сначала за руки, затем боком. В конце концов он оказался в лодке. В сумме в этой лодке оказалось три человека. На экране показалась другая такая же лодка, в которой также сидело три человека (14 ч. 50' идем в полном молоке, ничего не видно). Обе лодки перекинули друг другу веревку и образовали караван.

Лица сидящих в лодке повеселели. Тогда инструктор вытащил насос и начал пробовать надувать лодку. Однако оказалось, что в одном месте лодка надорвана. Тогда начали края разрыва счищать, а после наложили резиновый пластырь. Другая дыра была заделана другим способом. Раздули лодку. Пассажиры счастливы. Вытащили, установили парус, а затем радиоприемник. Один из них начал усиленно крутить ручкой, по-видимому, подавая

сигнал бедствия. (Туман немного рассеялся; солнце, видимость улучшились, летим над белоснежными облаками, по-видимому, над океаном, но воды не видно. 15 часов — летим на очень большой высоте, под нами вода, но так далеко, что это скорее похоже на небо, чем на воду. При внимательном рассматривании видны белые барашки).

Затем начали развертывать свои мешки с запасом провианта, плитки шоколада, сухари, вода во флягах. При этом несколько раз предупреждали, что следует беречь провизию и силы. Было показано, как из фляги следует пить воду. Набравши глоток, нужно было несколько раз прополоскать рот и только после этого глотнуть. (15 ч. 2' спустились ниже, лучше видать лазурное море — океан). Наши невольные пассажиры несколько дней носились по морю. Наконец показаны они на утро 7-го дня. Лица исхудали, почернели, покрылись грязью. Без конца один из них крутит ручку радиоприемника... На экране показана девушка где-то в Америке, обеспечивающая службу связи. Позывные приняты. Местонахождение несчастных определено, и немедленно на помощь к ним направляются гидросамолеты. Несчастные, изможденные люди слышат приближение самолетов. Лица их становятся веселыми. По мере приближения самолета их радости не видно конца. Они кричат, срывая головные уборы. Одним словом, и здесь, как во всех американских фильмах, все заканчивается благополучно... Все пассажиры спасены. Мы не могли понять, какую цель преследует этот фильм... Тем более что на экране показали опять пассажиров. Впереди в кресле

опять сидел наш знакомый джентльмен... Он покачал головой, как бы проснулся от тяжелого кошмара, который оказался так-таки довольно неприятным сном. Смысл показа нам казался непонятным. (15 ч. 15' — спустились еще ниже; идем над синей безбрежной гладью океана!). Мы долго обменивались между собой сообщениями относительно виденного, но не могли решить, с какой целью это было нужно. Но что нас ожидало впереди, было еще более сногшибательно.

Приблизительно через полчаса начался последний акт сей комедии. Нас всех пригласили в ту же комнату, где мы видели веселый фильм. В одном углу оказались набросанными спасательные пояса, и началось действие не во сне, а наяву. Инструктор начал прилаживать эту сбрую каждому из нас. Сбруя эта тяжела, весит по крайней мере $\frac{1}{2}$ пуда, если не больше. Надеть ее самому трудно. Сначала пробовали надеть поверх пальто, оказалось, невозможно. Тогда инструктор начал ее прилаживать прямо над костюмом. Две подпруги, проходящие под промежностью, явно мне коротки. Но мой учитель меня уверяет, что это так и нужно. Когда над этим сооружением я натянул пальто, то стало совершенно ясно, что мне нечего пытаться барахтаться в воде и сразу лучше опускаться на дно.

Я решил, что как только я окажусь на самолете, то тотчас сброшу с себя это совершенно ненужное и отягощающее меня приспособление. Но инструктора добросовестно проделывают свою работу. Особенно много пришлось потрудиться с двумя представителями Ирака, которые спешат на заседание Совета Безопасности.

Эти дети жарких стран и здесь сохранили свои национальные костюмы. Голова их покрыта белой легкой материей, которая спускается на плечи. Это приспособление удерживается обручем из черного материала. На теле надета белая, широкая юбка, доходящая до голеностопных суставов. Над этой юбкой жилет коричневого цвета. Надеть спасательные пояса на этих представителей Востока оказалось задачей нелегкой. Найди у них промежуток и проведи под ней две подпруги! Если до того, как их одели, эти колоритные фигуры черного цвета (15 ч. 32 — опять попали в туман, ничего не видно) и так бросались в глаза, то в новом своем одеянии они не переставали привлекать всеобщее внимание. Но на этом не закончилось наше испытание. Нам предложили пройти через медицинский осмотр. За столом сидел молодой парень, лет 23, по-видимому, фельдшер. Он просит протянуть кисть, показать ему тыльную и ладонную сторону. Одно мгновение задерживается на межпальцевых складках, по-видимому, ищет чесотку. Затем он находит печатанный на пишущей машине лист, где чернилами вписана ваша фамилия, подписывается и весело вручает вам лист. Наконец нас гуськом выводят на аэродром. К самолету подкатывают очень удобную высокую, широкую, легкую лестницу. Перед тем как подняться на самолет, выкрикивают фамилию пассажира, и ему вручают билет.

Длинное нутро самолета уставлено с правой стороны очень удобными креслами, по двое в ряд. Впереди пассажира, позади впереди стоящего кресла прикреплен мягкий мешок 45х50 см. В одном отделе этого мешка уложен бумажный

мешок коричневого цвета длиной см. 35–20. Бумага плотная. В этот мешок рекомендуется рвать. С левой стороны во всю длину установлены чемоданы и вещи пассажиров. Посередине оставлена свободная дорожка шириной почти с метр, по которому разгуливает молодой парень лет 23–24. Он высокого роста, красив, изящен; он прекрасно одет в костюм американского летчика цвета хаки. Рубаха с отложным воротником, складки его брюк, по-видимому, только что отглажены. Я не знаю, кто он. Мне кажется, что он по крайней мере командир корабля.

(16 ч. Идем над облаками, в разрывах среди них видна синяя вода, но мы идем настолько высоко, что волн не видно, или их на самом деле нет). Перед отлетом он что-то объясняет; я не понимаю, что он говорит. Все пассажиры садятся с тяжелыми своими спасательными поясами. На моем красавце никакого пояса. Ободренный этим, я немедленно скидываю свой пояс и кладу его в ноги. Некоторое время держит фасон Иван Гурьевич, но скоро и он разоблачается. Не прошло и получаса, как все скинули свои пояса и... уложили на полки. Едва ли у кого хватает времени найти свой пояс в момент тревоги, а тем более натянуть на себя это полупудовое сооружение. И снова невольно спрашиваешь себя, к чему все это явно бесполезное времяпровождение. Чтобы пассажир мог справиться в момент несчастья с этим приспособлением, необходимо его тренировать по крайней мере в течение одного месяца. А без этого пустая трата времени. Наш Douglas идет удивительно плавно, совершенно спокойно можно писать очень четко. (16 ч. 10' — солнце,

далеко-далеко видна водная гладь, над которой разбросаны отдельные облака причудливой формы). Почти совершенно не качает, отсутствует болтанка. Солнечный день. Самолет идет уверенно. Из окна я наблюдаю за одним из правых моторов; всего их четыре. Работает он плавно, лишь бы только он не устал. Как точно должна быть работа человека, чтобы приготовить такую чудесную машину.

13 ч. 40' вдруг картина меняется. Начинают выясняться функции моего красавца, он оказывается просто лакеем. Он изящно подает нам завтрак. В четырехугольном судке четыре отделения, в одном из них хлеб, в другом картофельное пюре, в третьем горошек, в четвертом кусок мяса. Завтрак горячий. Кроме того, отдельно подают кусок хлеба четырехугольной формы, разрезанный по диагонали; между двумя слоями хлеба тонкий слой масла. Отдельно в изящном бумажном стаканчике подают нарезанный небольшими кусками ананас. Все вкусно и съедается с большим аппетитом, за исключением мяса — это подошва, которую возвращаем обратно. Завтрак заканчивается бумажным стаканом кофе.

В самолете настолько жарко, что сначала я снимаю воротник, а затем и пиджак. К сожалению, под рубашкой у меня надета теплая фуфайка. Сидя поспал с час.

16 ч. 20' — пролетели уже 5 часов, четверть пути, так же плавно, уверенно, без каких-либо признаков усталости идет наша машина; плавно вертится пропеллер справа, широко раскинулось правое крыло, чуть освещенное солнцем. Мы опять над облаками, не видно воды.

Мы поднялись в воздух в 11 ч. 20' утра по парижскому времени. Около 18 часов наш самолет замедлил ход и начал приближаться к воде. Мы, конечно, не понимали причину этого замедления. Казалось, все объяснилось, когда наш красавец вдруг достал желтого цвета пояса, которые предложил надеть на шею и закрепить его поясами. Ни на лице Ивана Гурьевича, ни, по-видимому, на моем лице нельзя было заметить следов восторга, когда мы довольно коряво надевали эти желтые подгузники. Вдруг справа показались горы, и было очевидно, что мы подходим к Исландии. В этот момент у меня было лишь одно желание, чтобы наш «плохой работающий мотор» дотянул до суши. Вот мы уже над сушей, несемся совсем близко от земли, показались единичные домики, покрытые железом, окрашенным в красный цвет. Их немного на этом неприветливом острове. Наконец наш самолет описал круг и плавно покатился по цементированной длинной дорожке. Огромный аэродром, все дорожки цементированы. Набросанные со всех сторон от этих дорожек каменные глыбы, немного напоминающие каменный хаос в Алупке, свидетельствуют, какое усилие было затрачено человеком, чтобы создать здесь прекрасную базу.

Мы подкатываем близко к канадскому домику, покрытому сверху гофрированным железом.

Все пассажиры высыпали, сошли на землю, холодновато; местами лежит снег, не ручаюсь, что это еще не прошлогодний. Для нас приготовлен горячий ужин. Ветчина с горошком и с какой-то еще приправой, возможно, молотая кукуруза; изумительной белизны и мягкости хлеб.

После этого нам дали кофе с молоком и прекрасным вареньем. За все это с нас взыскали 60 центов, да подававшей девице дали 40 центов на чай — итого ужин стоил 1 доллар. Пока заправляли машину и наполняли его баки бензином, мы имели возможность побродить полчаса по Исландской земле, по всей вероятности, в первый и последний раз.

В 19 ч. 20' мы поднялись в воздух. Зажгли в самолете свет, и настолько светло, что я могу свободно писать. Взятые мной под подозрение моторы работают прекрасно. Идем над облаками, под ними океан, которого мне не видно. Темнеет, вот-вот станет совершенно темно, но по мере того как мы будем приближаться к берегам Америки, должно светать, там ведь должно начинаться утро. Так, по крайней мере, мне казалось. Однако время шло, и не только не становилось светлее, но с каждым часом становилось все темнее и темнее. Наш самолет плавно и уверенно несется в полной темноте. Ничего не видно. Сижу без сапог, жарко и сапоги давят, ноги всовываю в калоши, и этого вполне достаточно. Наконец возвещают, что подходим к Newfoundland'у, и просят затянуть пояса, привязывающие нас к сиденью, на что мы очень легко соглашаемся.

В 4 ч. 20' в полной темноте наш пилот плавно сажает машину на прекрасном аэродроме. Кругом десятки маяков с красными огнями; их значение мне непонятно. Мы все направляемся в близлежащую гостиницу. Этот дом построен значительно более добротно, чем это было в Исландии. Светло, жарко, по-видимому, здесь угля не жалеют. Идем ужинать. На столе перед каждым прибором стоит стопка томатного

сока, который мы выпили не без удовольствия. Затем дали кусок курицы и кусок бифштекса, гарнир горошек и картошка фри. На столе не то кисло-сладкие огурцы, не то куски дыни. Все это было закончено хорошим кофе. Это удовольствие стоило 1 д. 50', да ей мы дали $\frac{1}{2}$ д. Итого 2 доллара. Никогда не видел Ньюфаундлендской женщины, даже не знаю, рождаются ли они здесь. Но та, которая подавала, не была похожа ни на одну из тех женщин, которых мне приходилось видеть до сих пор. Низкого роста, в очках, со своеобразным лицом, которое даже трудно описать.

По окончании ужина мы собирались немного побродить, чтобы размять достаточно затекшие ноги. Однако ко мне подошел один из команды и через переводчицу объяснил мне, что сегодня из-за плохой погоды по трассе дальше не пойдем, а пойдем завтра после обеда. Подошла машина и всех пассажиров развезла. Нам жилищем достался домик, в котором во время войны был развернут госпиталь. Деревянное здание. Центральный коридор шириной в $1\frac{1}{2}$ м. С каждой стороны палаты. Стены из огромных листов фанеры. Потолок обит картоном. Рамы одинарные. Палаты около 15 кв. м. Стоят две кровати. Стулья, кровати выкрашены в светлый стальной цвет. Пол линолеум, отдельными 4-угольными (50x40 см) пластами. Неимоверно жарко. Фанерные перегородки, отделяющие комнаты друг от друга, не доходят до потолка.

Кровати с хорошими сетками и матрацами.

У нас на часах 5, а у них только 12. Одним словом, ночь наложилась на ночь — двойная ночь. Хотя я спал на самолете,

но засыпаю на земле спокойнее. Сплю по их часам до $5\frac{1}{2}$ ч. Вдруг приходят, проверяют по спискам и говорят, что за нами приедут в 6 часов. Умываемся. Горячая и холодная вода. Ровно в 6 часов подают машину, и нас отвозят в гостиницу, где вчера ужинали. Светло. Видна чахлая растительность, почти исключительно ели. Кругом холмы, покрытые лесом. Огромный аэродром. Завтракаем: 2 яйца глазунья, кусок (небольшой), кажется, ветчины, тосты, засахаренное варенье и опять хороший кофе — 60 центов завтрак, 40 центов ей — всего доллар.

Прекрасный солнечный день. По моему мнению, нам помешала вчера не плохая погода, а команда устала и не захотела ночью идти дальше. Поступили они вполне разумно, да и мы изрядно замаялись от бесконечного сидения.

25.X. Пятница. Поднимаемся в самолет. Нас снова ждет издевательство, на нас снова надевают, прилаживают долго спасательные пояса, одновременно приспособленные для парашюта. Но едва ли бы кто из пассажиров без предварительной тренировки смог бы воспользоваться благами этих приспособлений. Однако заставляют сидеть в этом облачении, пока самолет не приобрел устойчивость в воздухе, а тогда все сразу сбрасывают с себя это бремя.

Поднялись в воздух в 7 ч. 30' (по их времени). Прекрасный солнечный день. Летим по суше над Ньюфаундлендом. Небольшие холмы. Жидкая чахлая растительность. Бесконечные небольшие озера, многие покрыты льдом. Но по мере того как продвигаемся к югу, ледяной и снежный покровы исчезают.

Заставили заполнить еще 2 анкеты.

Идем по побережью. Виден океан. Показался огромный город, по-видимому, Бостон, с прекрасными гаванями.

Одни за другим следуют то больших, то маленьких размеров города. Прекрасный солнечный день. И вот наконец New-York. Огромный, разбросанный. С большими предосторожностями садится самолет на огромном аэродроме La Guardia.

Нас встречают, как делегатов, представителей, приехавших на сессию United Nations. В комнате, уютно убранной, предлагают бутерброды, кофе.

С нами прощается Саксин Георгий Филиппович, который нам много помогал в пути. Нас отвозят в наше консульство, расположенное на 61 Edst Street № 7. Знакомимся с помощником консула, секретарем (Леонид Николаевич Федотов), приходит д-р Leislie. Они нас отвозят в гостиницу Governov Clington, 31 Street и поселяют в комнате 1919 на 19 этаже. Жарко, душно.

В консульство в полном смысле слова прилетел д-р Leslie. Низкого роста, в пенсне, довольно неопрятно подстриженный, он с места в карьер полез обниматься и целоваться с Руфановым, который после меня уверял, что видел его в Москве всего в течение часа. Как говорится в анекдоте, это одно мне уже не понравилось. Он куда-то позвонил и заявил нам, что мы приглашены обедать к доктору Якову Гейману (Jacob Heiman), а вечером он с нами пойдет в театр... Ехать так ехать, как говорил попугай, обедать так обедать, в театр так в театр. Хотя мы и здорово устали, но любопытство берет верх, и решаем на все соглашаться. Секретарь консульства Леонид Николаевич Федотов, очень

милый парень, вместе с доктором Leslie и его племянником отвозят нас в гостиницу — Hotel Governov Clinton на 31 Street, в которой, как уверяет проспект, 1200 комнат и 1200 ванных комнат, 5 ресторанов и кондиционированный воздух!! Поселили нас в 19 этаже в комнате 1919. Маленькая комната, в которой потолок почти над головой, думаю, что в комнате нет даже 3 метров вышины. Прекрасная ванная, с душем, в умывальнике кроме горячей и холодной воды имеется еще один кран с надписью ice water, из которого течет ледяная питьевая вода. Стоит комната 7 долларов на двоих, цена, по здешним понятиям, и недорогая. Вся комната вместе с ванной не больше 20 кв. метров. В ней стоят две деревянные кровати на колесах, окрашенные в серо-зеленый цвет, над головным концом кровати закреплена лампа. Прекрасные матрацы. Один комод такого же цвета, как кровати, раскрашенный а la попугай, над комодом зеркало в соответственной раме, небольшой письменный стол дикой формы и раскраски.

Весь пол устлан зелено-сероватым ковром, стенные шкафы и прекрасные матрацы с чистым бельем.

Вымылись с дороги, и сразу стало приятно-приятно. Вечером, как было обещано, за нами приехала Helene Heiman, женщина-хирург, дочь Jacoba Heimana. И Leslie, и Heiman, члены Общества советско-американской дружбы, оба бывали в Советском Союзе. Heiman редактор журнала советско-американского, а Leslie — издатель. Я его как-то видел в Москве. Он бесконечно любезен, встречает нас как старых знакомых. Просто меблированная квартира в два этажа. В первом этаже сле-

ва его приемная, с небольшой разнообразной библиотекой, справа приемная дочки. Ей 34 года, высокого роста, по виду чистокровная американка, скорее красивая, с большими красивыми ресницами. Она достаточно хорошо говорит по-французски. Лет 10 назад была в Париже, занималась вопросом экспериментального рака. По ее словам, много работала по грудной хирургии. Делала операции при перфорации желудка, имеет даже печатные работы. Она словоохотлива и даже согласна отвезти нас в Вашингтон на собственной машине. Говорит без умолку, когда у нее не хватает французских слов, она переходит на английский язык и говорит долго, в полной уверенности, что я ее понимаю, хотя лишь приблизительно догадываюсь, о чем она лепечет. Папа доктор-делец, говорит, что читает лекции в Колумбийском университете, по какой отрасли знания он подвизается, я пока разобрать не мог. Показал одну печатную работу по экспериментальному раку. Мама — стоматолог, толстая женщина лет 55. Дочка уверяет, что мама — рьяная поклонница Fr. Roosevelt'a и вела за него большую пропаганду на собраниях, на улицах. На стене прекрасный портрет Рузвельта. Квартира меблирована средне. Стоит 8 комнат — 5000 долларов в год.

Обед вкусный, кура, бульон, закуски, белые булочки, масса фруктов, огромных размеров бананы, виноград. Исключительно внимательны и любезны.

Пришел наш морской атташе из Вашингтона Борис Данилович Васильев. Здоровый, высокого роста парень. Говорит, что работать трудно. Госпиталя показывают, но еще не бывал на кораблях,

не показывают. В День Морского флота, когда всем гражданам будут показывать флот, хочет сам также пойти, авось что-либо увидит. Он очень рекомендует отправиться на запад и обязательно посмотреть Сан-Франциско. Но туда лететь 14 часов, ехать 5 дней, стоит это, наверное, будет столько сотен долларов, что об этом нам думать не приходится.

Любезные хозяева около 9 часов вечера повели нас в театр — билет на Broadway. Эта улица потрясает своей электрорекламой. Ничего подобного себе представить невозможно. The Broadway Theatre — огромное здание с удобными креслами, куда вкатываются прямо в пальто. Балет в сравнении с нашим не выдерживает никакой критики. Даже одеты балерины средне, а, кажется, шелка в городе хватает. Но частному балету с нашим, конечно, не тягаться. Если частник вздумает одевать своих балерин так же, как мы своих, то он через неделю вылетит в трубу. Все представление продолжалось часа полтора; в театр хлынула новая толпа и, по-видимому, балет начался снова. Среди балерин есть с русскими именами Юшкевич, Романов, Масолова. Хозяева нас подвезли к гостинице. Мы прошлись немного, но устали и пошли спать.

26.X. Суббота. Спал крепко до шести часов. Встал, душно, сижу у широко раскрытого окна. Написал письмо Вере и Жоржу. Лишь в 9 ч. пошел ливень, и стало легко дышать.

Первое, что поражает в этом городе, то это газеты. На аэродроме попалась газета — Херстовского треста, где на первой и второй страницах были показаны огромных размеров повешенные

немецкие преступники Кейтель, Иодль, Кальтенбруннер и Ко с веревкам на шее, а на 3-й странице Молотов беседует с Труменом. Газета New-York Times, например, имеет 24 стр. В ней сведения, заслуживающие внимания, настолько перемешаны с объявлениями, что найти нужное бывает трудно. О содержании говорить не приходится, по-видимому, все зависит от того, кто, за что и сколько платит.

С утра самостийно пошли знакомиться с городом. Едва ли стоит мне останавливаться подробно о неизгладимом впечатлении, производимом и постройками этого города, упирающимися в небо, и изумительным его богатством. Я припоминаю Париж 1936 г., красивый, богатый, сытый, но выдержать сравнение с Нью-Йорком даже этот довоенный Париж, конечно, не может. Американцы нисколько не преувеличили, когда на проспекте написали New-York the wonder city.

Но нью-йоркские строения поражают не только размерами и высотой, они очень часто поражают своей архитектурой, красотой, богатством отделки стен, дверей, окон. Не оторвать, например, глаз от здания Публичной библиотеки, Центральной почты и многих других. На здании Центральной почты на фронте надпись: Neither-Snow-nov Rain nov Gloom of Night Stays these couriers from swift completion of their appointed Rounds. Размеры зал, красота узоров его лепных потолков. Но что бросается везде в глаза — это организация работы — механизация работы, интенсификация труда. Через Центральную почту ежедневно проходит $18\frac{1}{2}$ миллионов отправок и 120 000 заказных писем и посылок. Может показаться, что

для того чтобы справиться с этим морем, требуется суета, толкотня... Ничуть не бывало. Получается впечатление, что никого нет. Но знаю, как рационализирован труд. Вот стоит автомат — вам нужно узнать, сколько следует наклеить марок на письмо, и вы прочтете, сколько марок нужно. Вы находитесь, например, в Нью-Йорке, вам хочется узнать, например, сколько времени летит самолет до Сан-Франциско. Вам стоит поставить рукоятку автомата против города Сан-Франциско, и вы увидите, что самолет туда летит 14 часов, а на доставку письма туда же воздушной почтой уйдет 33 часа!

Поражает сильно развитая система самообслуживания. Вот, например, овощно-фруктовая и консервная лавка. При входе вы обращаете внимание на несколько десятков своеобразных сетчатых тележек на колесиках. Вот подошла женщина лет 60, взяла одну такую тележку и начала «объезд» такого магазина. Вот положила она в него 2 кочана цветной капусты, с другой полки забрала спаржу, наложила десятка 2 яблок, взяла огромных размеров грейпфруты, забрала несколько разнообразных банок консервов, не забыла целую гроздь огромных размеров бананов, подкатила к кассе. У стойки стоят двое. Один снимает с тележки все отобранное, сортирует, взвешивает, на счетной машинке выбивает стоимость, а в это время другой с быстротой молнии заворачивает все в мешки, а затем в один большой мешок. Все это заклеивается двумя длинными широкими лентами. И никто не подглядывает, не всунула ли гражданка 1–2 банки в карман или яблоко под подол.

Особого рассмотрения заслуживает система питания. На каждой улице вы увидите несколько магазинов, над которыми ярко горит постоянно или мигая яркий электрический свет из неоновых ламп. Наилучшие из них стараются обосноваться на углу у перекрестка двух улиц. Другие расположены таким образом, что сразу открываются на две улицы. На вывеске надпись Cafeteria. Огромное количество отдельно друг от друга стоящих столов на двух, на 4 человек. Прекрасная вентиляция. Столы покрыты какой-то легко очищаемой пластмассой, никаких скатертей. На специально устроенной стойке лежат несколько сот подносов довольно больших размеров из пластмассы. Каждый посетитель берет поднос и начинает «обход». Разнообразие блюд исключительно велико, мясные, рыбные блюда, сосиски, картошка, зелень, морковь, шпинат, капуста, супы... одним словом, полный ассортимент завтрака, обеда, ужина. Блюда, которые могли бы портиться, стоят на стойках-ледниках. Вы отбираете себе все вплоть до булок, до кофе, пирожные — подходите к кассе, около которой стоит стойка. Вы устанавливаете на стойку ваш поднос — в один миг кассир смотрит на все, что вы отобрали, выбивает чек, вы платите, садитесь с вашим блюдом к любому свободному столу и кушайте себе на здоровье. Хочется вам повторить, повторяйте в свое удовольствие, сколько раз хочется. Кроме того, лежат чистые ножи, вилки, ложки, которые вы укладываете себе на поднос. Роль обслуживающего персонала — мужчин и женщин, одетых в безукоризненно чистые халаты, — это пополнять на стойку запасы блюд, которые исчезают

с удивительной быстротой. Лакеи забирают со столов грязную посуду, чистят столы. Вам до них нет никакого дела, и никому не надо давать на чай. Очень интересно посидеть в такой cafeteria и понаблюдать за составом публики. Естественно, что сюда ходят люди среднего достатка. Ходят одинокие, целыми семьями, отец, жена, дети, ходят рабочие в рабочих блузах; вот вошел красиво одетый, высокого роста милиционер, за ним вошло двое таких же; они проделали все то же, что делают другие граждане; набрали свой ассортимент, заплатили, сели за стол, позавтракали и тихо вышли. Ни на минуту не прекращается людской поток через эти кафетерии. Стоимость блюд — позавтракать можно за 60–70 центов и пообедать за 1 доллар, причем еще взять два сладких, из них даже довольно большой кусок дыни.

Наряду с этим имеются автоматы, их также много. Во всех этих кафетериях не дают водки и пива, для этого существуют многочисленные бары. Американцы сидят на высоких стульях и пьют, сидя вокруг стойки.

Многочисленные рестораны от средних до высоких рангов. Пища в этих кафетериях вполне доброкачественная, однако очень скоро приедается.

Уличное движение. Никакими словами не охарактеризовать движение на улицах, его нужно видеть. Автомобили идут на главных улицах не одиночками, а непрерывной лентой, то же следует сказать и про людской поток. При таком движении, казалось, нужны были бы десятки милицейских с палками разных цветов. Как правило, милиционеры отсутствуют на всех перекрестках; их можно лишь

видеть в часы пик на наиболее опасных местах скрещения людского потока. Не следует, однако, полагаться особенно на их отсутствие, они появляются как бы из-под земли, когда в них появляется надобность. Как правило, исполинского вида, благообразные, одетые в темно-синие костюмы, без всяких палок в руках, они производят более солидное впечатление, чем лондонские полисмены, не говоря уже о парижских веселых agent'ах. Как нам сказали, их берут лишь со средним образованием, они получают прогрессивные годовые премиальные, обеспечены на случаи ранения и старости.

Но вот по временам по улице несется полицейский мотоцикл. Он снабжен собственным радиоприемником и, как нам говорили, имеет возможность закрыть пути, выходящие из этого огромного города, не сходя с мотоцикла. Вот почему почти никогда не воруют автомобили в этом городе.

Все перекрестки улиц снабжены автоматической сигнализацией, и перед красным цветом в один миг останавливается толпа, равно как бросается вперед, как только появляется зеленый огонь.

Получается впечатление, что весь народ устроен автоматически, то бежит, то стоит.

В городе стоит постоянный гул, под ногами слышны поезда подземки, где-то ревут сигналы пожарных машин. От пребывания в этом аду голова становится тяжелой и кажется, что начинаешь слышать плохо, и уши постоянно заложены ватой.

Первые три дня ушли на то, чтобы хотя бы немного познакомиться с городом и суметь в нем ориентироваться, что ввиду своеобразной планировки удается легко.

Лишь 28.X впервые пошли по клиникам (см. в тетрадке — впечатления от американских клиник).

Душно в городе, ходим постоянно влажными, рубаха липнет к телу. Терпеть не могу нашего номера в гостинице, там всегда душно.

Наша докторша прекрасно правит машиной и как сумасшедшая носится в разных направлениях. Она устраивает нам встречи, организует приемы, встречи, без ее помощи мы бы потеряли много времени.

3.XI. Серый день, туман. С утра отвозим наши чемоданы к доктору Heiman. Выезжаем в 13 ч. 30' в Вашингтон. Проходим тоннелем под реку Гудзон. Поля, поля, заводы большие и малые. Видимость плохая. Одноэтажные и двухэтажные дома. Ильф и Петров имели полное основание написать свою одноэтажную Америку. Станции невзрачные, дороги прекрасные. Наш вагон вмещает 80 человек, с двух сторон кресла на двоих, центральный проход, прекрасное электрическое освещение. Проносимся через Филадельфию и Балтимор, которые не производят большого впечатления. Рано темнеет. В 17 ч. 30' мы подходим к Вашингтонскому вокзалу, который как по своим размерам, так и по красоте производит огромное и неизгладимое впечатление. Мы решаем пропустить публику, которая стремглав устремляется к выходу. Нас никто не встретил, хотя и было условлено, что встретят. Неуверенно продвигаемся к выходу. Издали виден освещенный снопом света купол Капитолия. Вереница автомобилей тянется непрерывной лентой... им не видно конца. Когда наконец стало пусто, мы неуверенно подали знак

подошедшему такси и передали к его сведению адрес, которым мы располагали. Он долго вертел его в руках, наконец сказал «о'кей», и поехали. Ехали долго-долго по прекрасным широким улицам, пока он не остановился у большого, красивого дома. Мы полагали, что он взыщет по крайней мере несколько долларов, но оказалось, что мы должны всего 60 центов, да на чай добавили ему 10 центов.

Мы попали в office нашего военного атташе. Прекрасно обставленный изумительными диванами зал. Встретивший заявил нам, что известно, что мы должны приехать, что звонил доктор Васильев. Действительно, он снова позвонил и через несколько минут подкатил на собственной большой красивой машине «Pontiac». Он нас отвез в гостиницу «Рузвельт». Она могла бы быть отнесена ко второй или даже третьеразрядной гостинице; она была и довольно плохо отстроена, и не ахти как меблирована. На беду нам отвели несколько комнат, и даже имелась кухня. Все было бы ничего, но наши ресурсы не позволяли нам платить в день 15 долларов.

4.XI. Спали-то очень хорошо, однако платить 15 долларов в день, да при том зря, портит нам все настроение. Утром приехал Васильев и возит нас по городу, показывает здание Конгресса, Библиотеку, памятник Вашингтону. Мы любимся изумительным простором, парками, аллеями, особняками, которых так много. И вот наконец мы у Белого дома. На тротуаре, у ограды дворца президента двигается с десяток человек, у которых на груди написанные карандашом плакаты, под подписью носилки,

на которых рисунок. Над рисунком надпись на английском языке: «Здесь похоронена свобода, родившаяся в 1776 году и скончавшаяся здесь в 1946 г.».

Безразлично на эту своеобразную процессию смотрит здоровый милицкий. Смысл происходящего понятен — завтра, 5-го, выборы в Конгресс — пропаганда дозволенная, и никому не возбраняется гулять с плакатами под самым носом президента.

Я знаю много европейских столиц: Ленинград, Берлин, Вена, Брюссель, Лондон и, наконец, Париж, но ни один из них не может конкурировать по красоте с Вашингтоном. Все современные большие города испорчены обилием фабрик и заводов, торчащие трубы которых не могут не безобразить и не пачкать город.

Исключением является красивый город-сад Вашингтон, который строился как столица, в которой не разрешено строить ни фабрики, ни заводы. Обилие парков, обширных зеленых насаждений, отдельных невысоких особняков и... изумительных по красоте зданий Конгресса, Библиотеки и массы правительственных учреждений.

Наконец Васильев доставил нас в здание закупочной комиссии, где мы должны встретиться с доктором Ереминой, относительно которой нам известно, что она жена председателя закупочной комиссии, что она любезная женщина и окажет нам всяческое содействие, больше нам ничего не известно. Когда мы очутились в коридоре, в котором помещается ее отдел, то я увидел, что мне направляется блондинка лет 42–43, приятного вида, которая издали называ-

ет меня по имени и отчеству и кричит, что очень, очень рада меня видеть.

Это и оказывается Елизавета Александровна Еремина, врач, жена председателя закупочной комиссии и бывшая моя ученица. Она окончила наш институт в 1935 г., чрезвычайно лестно отзывается обо мне; она готова нам помочь чем только может. В частности, она заботится о нашем жилье, куда-то исчезает и, вернувшись, заявляет, что для нас имеется квартира. И действительно, оказывается, что для нас приготовлены две большие комнаты и кухня, ванная. Она прислала нам белье, посуду, и мы зажили, как еще нигде не жили.

Вечером отправились в кино. Кое-как самостоятельно начинаем ориентироваться в этом чудесном городе. Этот чудесный город парков и садов отличается от всех других городов мира. Он строился и продолжает строиться лишь как столица. В нем запрещено строить заводы и фабрики и здания выше десяти этажей. Правительственные здания поражают богатством, размером, архитектурой. Много зданий из белого неполированного мрамора. Обширные улицы, аллеи, сплошь усаженные деревьями. Прекрасные памятники, носящие названия «memorial» наиболее выдающимся президентам: Вашингтону, Джефферсону и Линкольну. Лучшие из них двум последним. Масса особняков, преимущественно двухэтажных, построенных на небольшом возвышении.

Наряду с этими имеются и современные многоэтажные здания, но ни одного небоскреба, если не считать Морского госпиталя, находящегося вне черты города. Прекрасные мосты, в особенности Memorial

bridge, ведущий к правому берегу реки Потомак. Сейчас большинство лиственных деревьев оголено, но говорят, что летом весь город утопает в зелени. Казалось бы, рай земной. Однако летом, по отзывам всех, это ад, а не рай. Очень жарко и невероятно влажно, нечем дышать. Нам повезло. Не жарко и не холодно, стоят теплые солнечные дни.

Как и для всех почти городов Америки, вопрос места, где можно поставить автомобиль, стоит остро. Почти на всех улицах, преимущественно боковых, с двух сторон во всю длину улицы, насколько достает глаз, в затылок друг другу стоят автомобили. На главных улицах, часто и на боковых вы увидите надпись «no parking», что в переводе значит «нельзя стоять». На некоторых местах имеются указания, когда стоять не разрешается, например, от 7 до 9 ч. утра. Другой раз дается как будто и объяснение, почему нельзя стоять — *entenie* — вход. Наши соотечественники по-своему перевели это слово «no parking». Образовали глагол — припарковаться, отпарковаться. Имеется небольшое число платных стоянок, в час 25–50 центов, за 4 часа 75 центов и за 12 часов 1 доллар. Вообще, вопрос о том, что предпринять с таким обилием автомобилей, по-моему, остается совершенно открытым. Кажется, американцы примирились с необходимостью отвести одну треть улицы для двух рядов автомобилей, которые стоят рядом. Но это несчастье, а не решение вопроса.

5.XI. Были у проф. Михаила Борисовича Шимкина, в Отделе здравоохранения. Профессор хорошо говорит по-русски. Исключительно любезен, организует для

нас встречи, приемы. Получил кафедру по патанатомии опухолей в Сан-Франциско.

Вечером с доктором Васильевым и его женой ужинали у адмирала Семена Спиридоновича Рамишвили. Живет почти за городом, в прекрасном особняке. Работает в дальневосточной комиссии. Безумно скучает.

6.XI. Среда. С утра у Mc Intay'a, а затем смотрели Морской госпиталь.

Вечером в помещении здания закупочной комиссии состоялся вечер. Иван Андреевич Еремин сделал доклад (40') на соответствующую моменту тему; затем был вечер самодеятельности, и затем ужин.

7.XI. Четверг. Утром у «знаменитого» ортопеда Curtis Lee Hall.

Вечером прием в нашем посольстве. Из Нью-Йорка прибыли В.М. Молотов, наш посол в Америке — Новиков, приехали наши врачи — Парин, Серебров, Побединский и Кавецкий; прилетели на самолете доктор Neiman с дочкой.

За нами в 16 ч. 30' приехал Васильев, и мы поехали в наше посольство.

Мы уже были там в первые же дни нашего приезда. Прекрасное здание, которое, по-видимому, не раз достраивалось.

В момент нашего прихода еще мало было народу. К пяти часам многочисленные гости начали наполнять залы, в которых были расставлены столы, которые ломались от яств. Икра, рыба всех сортов и цветов, ветчина целыми окорками, мясо всех видов, индейки. Одним словом, русское хлебосольство в полном разгаре. Разнообразной еде и питью соответствовало и разнообразное общество как мужской, так и женской половины человеческого рода.

6-го числа был прием в Нью-Йорке. В.М. Молотов там устроил прием; были Бевин и Бернс. «Они не приехали?», но зато были послы и их многочисленные помощники всех рангов и цветов. Разукрашенные, как попугаи, — некоторые из них, казалось, не понимали, до чего они смешны в своем оперении. Не менее разнообразна была женская половина, в чопорных платьях, смешных шляпах, цветах. Одним словом, страшно сказать, их было 2500 человек. Были молодые, среднего возраста и старые. Церемония, казалось, была проста. Стояла жена нашего посла Новикова, изящная, красивая женщина, прекрасно одетая, справа от нее стоял посол, одетый в форму. Входящий здоровался с женой посла, говорил несколько слов. Эта бедная женщина должна была пожать руку не только всей этой орде, но еще $2\frac{1}{2}$ т. раз улыбнуться.

Комнатой дальше стоял В.М. Молотов, который также здоровался с каждым проходящим. Я назвал свою фамилию. Посмотрел он на меня и сказал: «Составились мы с вами, профессор». Я говорю, что неувидительно; мы с ним не виделись 10 лет. Я попросил его, что хотел бы с ним поговорить минут пять. Он сказал: «Пожалуйста, как только разойдутся».

За этим актом вежливости предстоял второй акт, один из наиболее непонятных и омерзительных. Вся эта орава набросилась на еду, не ела, а жрала стоя, подходили и накладывали на тарелки по 2, по 3 раза. Одна старуха после того как она перепробовала все, что можно было съесть, и закончила мороженым, снова начала с селедки. По этикету, оказывается, что вся эта процедура должна про-

должаться два часа от 5 до 7 час. Но вот пробило 7 и даже 8 часов, а эти «изголодавшиеся» люди все жрали и жрали. Тогда, по-видимому, наши решили выкурить дорогих гостей. Потушили свет в одной комнате. Гости перешли в другую комнату и опять продолжали начатую работу. В этой комнате стояли мы. Я сказал, что потушу свет, и сделал. Наконец нам это надоело, и мы ушли.

Не знаю, нужно ли, чтобы мы кормили всю эту ораву; возможно, что и нужно, но зрелище гнусное и сугубо противное.

8.XI. Пятница. Утром были у *mayor-gen. Kirk'a*, главного хирурга Армии; после обеда в Центральном госпитале Армии. Вечером обедали у Ереминых и ходили с ними в кино.

9.XI. С Руфановым бродили по городу и осматривали его достопримечательности. Смотрели изумительное здание Массонской ложи. Мало у меня представления, кто они и что делают. А между тем агентами сего учреждения состояли сам президент Вашингтон, Г. Рузвельт, Ф. Рузвельт, Трумен и десятки других высокопоставленных лиц. Забрали в консульстве паспорта и осмотрели Национальную картинную галерею.

Здание стоило 15 миллионов долларов. Масса ценных картин — Рембрант, Тициан, Ван-Дейк. Однако у меня получилось впечатление, что стены слишком широки для той коллекции, которая собрана там.

Ориентировочный план дальнейшего нашего пути.

10.XI. Воскресенье. Отъезд в Балтимору.

Пон. 11, Вт. 12 — Балтимора. *Ср. 13* — вечером отъезд в Филадельфию. *Четв. 14* — Филадельфия. *Пят. 15, Суб. 16, Воск. 17* — Обратно. *Пон. 18, Вт. 19* — вечером

выехать в Рочестер. *Ср. 20, Четв. 21* – Рочестер. *Пят. 22, Суб. 23, Воск. 24, Пон. 25* – Чикаго. *Вт. 26, Ср. 27, Четв. 28, Пят. 29, Суб. 30* – Нью-Йорк. *Воск. 1.XII.* – Выехать в Бостон. *Пон. 2.XII.* – Бостон. *Вт. 3, Ср. 4, Четв. 5, Пят. 6, Суб. 7, Воск. 8, Пон. 9, Вт. 10, Ср. 11* – Нью-Йорк. *Четв. 12* – Отлет из Нью-Йорка

10.XI. Воскресенье. В 12 ч. 20' выехали с Васильевым и Ольгой Михайловной Кочетковой (переводчица) в Балтимору. Чудесный прохладный солнечный день. Лентой вьется бесконечная дорога. Легковые автомобили, тяжелые грузовики, которые идут с бешеной скоростью, идут вереницами. Кажется, нет ни одного свободного метра без рекламы. Они настолько назойливо напоминают о себе, что начинаешь их запоминать. Масса заправочных колонн; они встречаются чуть ли не через каждые $1/2$ и 1 километр. Минимальная оплата, максимум удобства и быстроты, и катись себе дальше по прекрасной карте, на которой отмечен весь маршрут. Независимо от того, катим ли мы через поля или леса, попадаются масса индивидуальных построек, одно- и двухэтажных; несколько небольших городов. Дорога не оставляет желать лучшего. Издали видны дымящие фабричные трубы — это Балтимора. Долго, около $1\frac{1}{2}$ часов мы блуждали по городу, пока наконец добрались до желательной цели к проф. Horsley Gantt.

Он живет за городом, в довольно хорошем домике. Он провел в Ленинграде с 1922 по 1929 г. у И.П. Павлова; профессор физиологии Jones Hopkins University. Он нас пригласил позавтракать с ним

в профессорском клубе университета. Прекрасный обед стоил по 1 д. 25 ц. на человека, которые он и уплатил.

Достать в гостинице номер очень трудно. В конце концов мы попали в третьеразрядную гостиницу Mount Royal Hotel, где нам отвели комнату на троих, вместе с доктором Васильевым. Комната ужасно грязна, масса копоти, но ничего не поделаешь, лучшей не достать.

Вечером побывали в кино, поужинали, а затем около часу бродили по городу. Город старый, на многих улицах газовые фонари, что мне не приходилось видеть уже давно. Фонари старые, надписи закопченные; дома неприглядной архитектуры, одним словом, это не Вашингтон. По рекламе Балтимор приближается к Нью-Йорку. Завтра должен оперировать Blalock.

11.XI. Понедельник. Провели плодотворный день в Johns Hopkins у Blalock'a (см. в тетради).

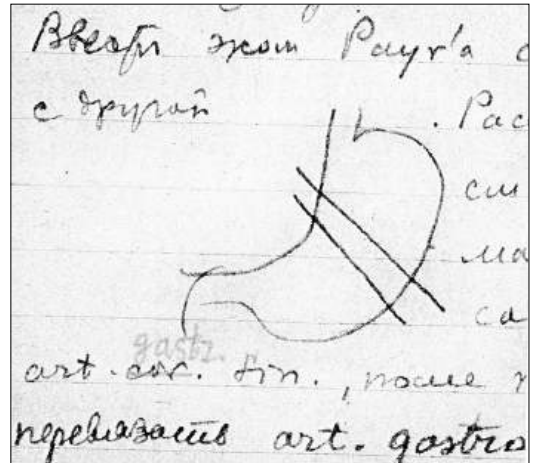
Неизгладимое впечатление оставляет Blalock и как хирург и как человек. Приятно видеть столовую госпиталя, в которой за одним столом сидят и профессора, и ассистенты, и молодые ординаторы и где прекрасный завтрак стоит всего 50 центов. В общем, госпиталь производит впечатление скорее грязного учреждения. Например, все портреты, даже знаменитых людей, покрылись копотью, висят они где-то высоко и не всегда видно, кто изображен. Прекрасна аудитория, занимающая высоту двух этажей. Первый раз вижу на скамьях для слушателей мягкие сидения. Автоматическое затемнение.

12.XI. Вторник. В клинике Halsteda у Blalock'a.

Первый раз в жизни видел операцию перевязки незарощенного Боталова протока.

Blalock сказал, что в его клинике операция сделана 60 раз и 50 больных ожидают очереди. Они сделали операцию при сужении арт. *pulmomialis* 200 раз, и ожидают операцию 250 человек. Если бы мы одновременно не видели в клинике 12 «blue baby», из которых 6 были оперированы в одну неделю, то могло бы показаться, что они врут. По их подсчетам, у них в стране имеется 22 000 человек с незарощением Боталова протока. Можно удивляться, откуда у них берется столько сердечной патологии. Мы за два года не можем подобрать ни одного больного с незарощенным Боталовым протоком, а у него в клинике уже оперировано 60, и 50 ждут очереди.

Видели часть резекции желудка у Rienhoff'a. Обезболивание общее. Делал очень плохо. Однако в собственной операции резекции желудка хотел бы сделать следующие изменения. После обследования желудка, после того как решено произвести резекцию, в особенности при раках и язвах пилорической части и язвах, следует поступить следующим образом. На месте предполагаемой резекции желудка разделить *lig. gastrocol* и малый сальник. Ввести жом Paug'a с одной стороны, жом Rauchet с другой. Рассечь желудок. Отойдя на один см. от Paug'овского жома на малой кривизне, ввести под малый сальник новокаин и перевязать арт. *gastro-colica sin.* После этого отворачивается желудок вправо, шаг за шагом разделить *lig. g. Col* и малый сальник, выделить 12-п. кишку и обработать ее.

Технику резекции следовало бы проработать заново.

13.XI. Среда. Выехали из Балтимора со значительным запозданием в 2 ч. 15', так как перед самым отъездом выяснилось, что аккумулятор нашей машины за ночь сдал. Выехать из Балтимора оказалось сравнительно не так трудно, кое-как проложили правильный маршрут. Едем все такой же прекрасной дорогой. Местами Чесапикский залив подходит к самой дороге. По мере того как передвигаемся к северу, становится прохладнее. Листья опали с большинства лиственных. Хвойные деревья попадают редко. Засохшие листья кое-где еще удержались на дубах. Если выезд из Балтимора оказался легким, то совершенно иным оказался въезд в Филадельфию, куда мы въезжали несколько раз. Не раз провозглашалась Филадельфия, однако она оказывалась то в 3, то в 5, а то и в 8 километрах от нас. По дороге тянется цепь городов, то малых, то таких, которые легко могут быть приняты за Филадельфию. Даже въехав в настоящую Филадельфию, мы плутали еще часа 1½, пока добрались до своей гостиницы,

которая носит оригинальное название Drak. Это не первоклассная гостиница, но вполне приличная и чистая. Нам оставлены два номера, один для переводчицы и другой большой для нас троих. Имеется лишь одно осложнение, они нас могут оставить до пятницы, так как в этот день здесь в городе начинаются футбольные состязания, и вся гостиница снята какой-то компанией. Нам ничего не остается, как согласиться, в надежде, что в пятницу где-либо устроимся. Мы помещены вполне удовлетворительно, у нас три комнаты; в средней комнате Васильеву поставили добавочную кровать!

14.XI. Четверг. С утра не знаем, как сложится наш день. Хотя насчет нас и были сделаны распоряжения и я имею письмо в университетский госпиталь к проф. Ravdin'у, но не знаем, как до него добраться. Огромный грязный город. Значительное число небоскребов роднит его с Нью-Йорком. Улицы, подворотни, ямы заполнены обрывками бумаги; ветер поднимает в воздух весь этот мусор, который кружится в воздухе. Такое же богатство магазинов, как в Нью-Йорке. Реклама бьет в глаза, слепит. Разноцветные огни проникающие, вертящиеся не тухнут даже днем. В этой стране и в этом городе не знают, по-видимому, что такое недостаток электроэнергии. Магазины завалены нарядами, фруктами. Горы грейпфрутов, апельсин, яблок, винограда, бананов. На выставках на ледниках лежат заготовленные куски мяса, птицы, рыбы. Как это ни кажется парадоксальным, но в часы пик и здесь наблюдаются очереди перед ресторанами, которые, однако, рассасываются в несколько минут. Вчера вечером мы все

вчетвером ужинали в итальянской столовой, где нас прекрасно накормили, и стоило это удовольствие 3 доллара с человека.

После некоторых переговоров картина выясняется. Мы направляемся в университетский госпиталь к проф. Ravdin'у.

В момент, когда мы вошли в операционную, он заканчивал закрытие *anus praeternaturalis* в *fl. sigmoidea*. (см. отчет — впечатления от американских клиник). Сразу видно, что это хирург технически средних возможностей. Суетлив, болтлив, не обращает никакого внимания на неправильные поступки своих помощников. Сразу бросается в глаза оригинальная особенность, нигде мной раньше не виденная. Красивая, стройная операционная сестра с прекрасными черными глазами и длинными ресницами совершенно своеобразно подает инструменты хирурга. Она, например, берет торсионный зажим и не просто кладет его в руки хирурга, а ударяет его по ладони. Когда это она сделала в первый раз и повторила, то нам это показалось случайностью. Но когда она повторяет это систематически, то мы задали вопрос словоохотливому профессору, что это значит? Он ответил, что это его стиль, смысл которого так и остался для нас непонятным.

Медицинская школа Пенсильванского университета поражает богатством зданий, обстановки, небольшим числом студентов. Всего на всех курсах 500 человек, причем проф. Равдин считает, что это много. Студенты живут в общежитии, устроенном тут же во дворе медицинской школы, имеют отдельные, прекрасно обставленные комнаты. Комнаты стоят 350 долларов, без питания. Стены большинства

комнат увешаны голыми дамами в разных позах, однако прислуживают лишь старухи. Студенты одеты прекрасно, в чистом белье, в чистых халатах. В патологоанатомической лаборатории они сидели перед хорошими бинокулярными микроскопами, и у каждого из них около микроскопа справочник, напечатанный на пишущей машине.

Профессор хирургии один, у него имеются помощники, но как они распределяют между собой роли, я не знаю. Стены коридора увешаны большими портретами профессоров, писанные масляными красками. На одной стене огромное полотно, на котором изображен Agnew, разбирающий больного перед операцией. Картина прекрасна, исключительно колоритна. Нам преподнесли копию этой картины.

До сих пор наилучшей студенческой библиотекой мне представлялась парижская, но перед библиотекой Пенсильванского университета бледнеют все до сих пор виденные библиотеки. Огромный круглый зал с верхним светом, даже днем залитый электрическим светом настолько ярким, что не требуется настольных ламп. В витринах для ознакомления студентов с классиками выставляются такие книги, как анатомия Везалия, монография Бургава, Holler'a и др. По поводу столетия наркоза выставлена масса книг, посвященных этому вопросу.

Прекрасны, удобно устроены аудитории. Масса лабораторий химических, патологоанатомических, бактериологических, отдельно для научно-исследовательской и отдельно клинических.

Как хирург Radvin оставляет среднее впечатление человека, старающегося что-

то выжать из себя. Едва ли он особенно строг в показаниях к операциям. На наших глазах он убрал совершенно здоровый желчный пузырь. Но тут даже, по видимому, ему стало неловко, и он не счел возможным его вскрыть.

15.XI. Пятница. Radvin пригласил нас к себе на обед. Шикарная квартира в 3-этажном собственном доме. С виду большая, но малосодержательная библиотека. Совершенно бледна медицинская библиотека. Человек 25 его помощников-врачей; среди них лишь одна женщина-врач. Понятие обед у американцев своеобразно. Все подходит с тарелкой и салфеткой к столу, и хозяйка им накладывает кусок мяса и еще какой-либо чепухи, и все стоя, слоняясь из угла в угол, едят. Затем дают сладкое и кофе, а затем домой.

Хозяин был исключительно любезен. Два его помощника довольно сносно говорят по-французски, и мне было нетрудно с ними объясняться. После того как он всех отпустил, он спросил нас, хотим ли мы посмотреть одну из ценнейших библиотек, расположенных недалеко. Мы с удовольствием согласились. Дом, в который нас повели, был расположен напротив. Дом принадлежит какому-то одинокому старому еврею. В библиотеке масса интересных и ценных старых книг, которые, по словам Radvin'a завещаны ему. Radvin его оперировал, а у этого богача никого нет.

16.XI. Суббота. Утро провели у довольно бесталанного врача Fergusson'a, который делал симпатектомию по поводу гипертонии. Мы рано ушли и приготовились к отъезду. В 2 часа дня выехали к Зворыкину. Живет он в 15 милях от Филадельфии. Прекрасная дача, купил в собствен-

ность озеро длиной в милю и шириной в $\frac{1}{2}$ мили. Обедали у Пилевичкой Екатерины Андреевны, которая окончила ЖМИ, а здесь преподает бактериологию.

Около 8 часов вечера в Вашингтон. Изумительна дорога и ночью. Все освещено, ни на одну минуту не прекращается движение по этому длинному 400-километровому пути. Ехали на Camodeo, у New Castle переправлялись на пароме через Делаварский залив и в $12\frac{1}{2}$ ч. приехали в Вашингтон. Наши комнаты оказались занятыми каким-то нахалом Добычиным из закупочной комиссии. Нам отвели другие комнаты.

17.XI. Воскресенье. Сидим преимущественно дома.

18.XI. Побывали у атташе Николая Алексеевича Скрягина. Были и попрощались у Елизаветы Александровны Ереминой и у Ивана Андреевича Еремина. Вечером ужинали у Скрягиных. Николай Алексеевич Скрягин. Анфиса Николаевна Скрягина.

19.XI. Вторник. Готовимся к отъезду. Необходимо прочитать повторно и применить:

Sweet, R. Subtotal esophagectomy with high intrathoracic esophagogastric anastomosis in the treatment of extensive cicatricial obliteration of the esophagus. Surg. Gyn. Obst. 83. 4. 417–427.

Dragstedt, L. Section of the vagus nerves to the stomach in the treatment of peptic ulcer. Там же. Editorials. P. 547.

Поезд отходит в 17 ч. 20'. Вагон устроен совершенно по-иному, чем у нас. Наши спальные вагоны значительно удобнее. Дорога сильно разбита. Неимоверно качает, бросает из стороны в сторону. Порой

кажется, что вагон безусловно слетит с пути, правда, мы едем по временам с бешеной скоростью, пожалуй, километров 120 в час. Ночью негр вычистил сапоги.

20.XI. Среда. Поезд летит через поля, на которой виден остаток кукурузы — чала. Все это мне напоминает родную Грузию, но там мы научились из кукурузы делать лишь чади, а здесь готовят разнообразные и прекрасные вещи. Туман настолько густой, что почти ничего не видно. Вокзал в Чикаго огромных размеров, порядок образцовый; все закопчено. В гостинице для нас номера не нашлось; бродим, ищем. Нашли один номер на троих. Целый день бродили по этому богатейшему городу. Много небоскребов, оригинально убран город перед Рождеством.

Вечером дозвонились к доктору Max Thorek, генеральному секретарю International College on Surgeons. Говорит по-французски, мне уже легче. Любезен, сразу просит с ним пообедать в 6 ч. 30' в соседнем отеле, в специальном зале, резервированном для членов колледжа. Среднего роста, 66 лет, подвижный, как он говорит, влюблен в свою жену. Говорит сплошные любезности. Прекрасно поужинали, и он выработал план на дни нашего пребывания здесь.

Побывали в кино, скучно, налетели на какую-то нравоучительную картину.

Ночью город чудесно освещен, здесь не жалеют электроэнергии, по-видимому, ее некуда девать. Масса небоскребов, меньшие по размерам и числу, но придающие городу специфический вид.

21.XI. Четверг. Сплошной туман. Даже с берега не видно озера. Профессор Торек к нам приставил своего ассистента д-р Mark

M. Schariro; по фамилии русской, однако ни слова не говорит по-русски. Мы отправляемся в хирургическую клинику of the University of Chicago к проф. Lester R. Dragstedt'у. Клиника расположена за городом. На своей машине доктор Шапиро нас везет по прекрасному Lake Drive. Это вновь созданная изумительная дорожка-парк, устроенная на месте отесненного озера Michigan. Университетская клиника довольно старое, но вполне благоустроенное здание. До прихода Dragstedt'a смотрим случайно торакопластику у какого-то д-ра Adams'a. Второй момент. Резецируют нижние ребра. Делают хорошо. Особенности — газ для наркоза подается из центральной установки.

Приходит Dragstedt. Высокого роста; ему 53 года, лицо красное, неумное. Архилюбезен, долго во всех деталях излагает нам предложенную им операцию ваготомии при язвах желудка. На раздутом высушенном желудке, на котором сохранены п. vagi, он излагает их ход; говорит, что Павлов ошибался об анатомическом расположении п. vagi. У меня имеются оттиски его работ. Кое-какое обоснование теоретическое изложено в этих работах. После перерезки п. vagi резко сокращается отделение желудочного сока и уменьшается моторная его функция. Но если довольно шатки теоретические обоснования, зато довольно велико число оперированных им больных (145 человек). Как будто и продолжительность наблюдения (4 года), и получаемые прекрасные результаты, выражающиеся в немедленном после операции исчезновении болей, а затем в исчезновении язвы, заставляют отнестись к предложению с большим вниманием и испробовать ее.

Особенно поражает 14 случаев выздоровления при пептических язвах на месте анастомоза. Много диапозитивов, уложенных в деревянном ящике, в совершенно подобном тому, как это употребляют для гистологических препаратов. Обязательно изготовить для себя.

Необходимо поискать и прочесть большую работу Einar Perman. Surgical treatment of Gastric and duodenal Ulcer. Acta chirurgica Scandinavica. Stockholm. 1935.

На видном месте среди многочисленных портретов Dragstedt'a висит и портрет Павлова. Он говорит много, поясняет, повторяет, но у меня не получается впечатления, что это блестящий хирург.

За нами неотступно следует приставленный к нам д-р Шапиро. Ему поручено нас накормить завтраком. По дороге он захватывает 63-летнюю свою мать, которая будет завтракать с нами в гостинице. По дороге он останавливает свою машину и забегает к больному ребенку, это его частная практика, которой необходимо дорожить, так как это самая существенная часть жизни, это заработок, это доллар, о котором особенно следует думать молодому, начинающему врачу. Чай у Thorek'a.

После обеда бродим по изумительно разукрашенной к Рождеству State street. Смотрим какой-то очередной, технически безукоризненный, но бессмысленный по содержанию фильм. Ольга Михайловна Кочеткова, сопровождающая нас переводчица, говорит, что мы ее испортили; она выучила вещи, о которых раньше не имела никакого представления.

22.XI. Пятница. Встаем рано. В 8 ч. 15' необходимо быть в операционной у Dragstedt'a. Спешим. Его операционная аудитория занимает высоту двух этажей. Одна стена вся застеклена. Но в отличие от других операционных, это стекла небольших размеров и сделаны из своеобразного стекла, через которое проходит свет, но ничего на улице не видно. Это остаток старого представления об освещении операционного поля. Наряду с этим достаточно хорошие, хотя и не первоклассные бестеневые лампы. Довольно большая аудитория амфитеатр, прекрасно отшлифованный, но откуда мало что видно.

Входит Dragstedt. Я ему передаю свою книгу о пересадке кожи, показываю ему его фамилию. Он очень доволен.

Оперирует по поводу язвы больного лет 55, уже раз оперированного. Анестезия спинальная с добавлением общего обезболивания, немного; больной все время говорил.

Изоляция операционного поля — только кожа. Подкожная клетчатка не изолирована. Срединный разрез. Очень жирный субъект. Оперирует плохо. Много, очень много говорит, все объясняет. Каждому предлагает заглядывать в живот. Он не считается с тем, сколько на это требуется времени.

Язвы не находит, хотя долго и тщетно ее ищет. Чтобы, по-видимому, доставить удовольствие нам, он делает типично перерезку п. vagi, с двух сторон под диафрагмой. Мышцы и апоневроз зашивает непрерывным швом. Тщательно зашивает подкожную клетчатку. Прямой иглой шьет кожу. Говорит, что больной завтра вста-

нет. Я ему обещал послать работы Разумовского и Назарова об алкоголизации п. желудка.

С трудом удалось от него оторваться, так как в 2 часа дня мы должны были поехать в American Medical association.

Прекрасное 8-этажное здание ассоциации наполнено большим содержанием. В продолжение нескольких часов начальник отделения, очень некрасивая, но на редкость толковая женщина Fox, показывала нам это учреждение. Трудно в кратких словах изложить функции этого своеобразного учреждения. Прежде всего это медицинское издательство, издающее 35 журналов и среди них J.A.M.A., Archives of Surgery и много других. Нам было показано все, от поступления статьи, ее научного оформления, собирания объявлений, печатания, напечатания адреса подписчика и рассылки журнала. Механизация здесь доведена до высшей степени. Не менее важным является отдел медицинского образования. У них имеются не только планы, программы всех медицинских школ, но имеется карточка *на каждого студента, начиная с первого курса*, прохождения им курса и изложение всей его бытовой, научной и врачебной деятельности вплоть до самой смерти и причины последней. Нам показали особую карточку, на которой занесены все случаи смерти врачей. Первое место среди этих причин занимает заболевание сердца, ангина пекторис и тромбоз сердечных сосудов.

Отдел госпиталей. Ассоциация имеет комитет, который обследует госпиталю, дает им характеристику, относит их к той или иной категории. Ассоциация созывает

ежегодные госпитальные конференции.

Отдел популярной пропаганды исключительно интересен. В отделе имеются не только научные фильмы на различные темы, но готовые лекции для пропагандистов. Ассоциация выделяет членов для квалификации врачей.

Одним словом, я не знаю ни в одной другой стране аналогичной организации, и не мешало бы нашему Министерству здравоохранения отправить сюда несколько человек для всестороннего изучения постановки дела в этом учреждении.

Мы вернулись домой очень усталыми, и я лег спать. Приходит около 7 часов Руфанов и говорит, что звонил вице-консул из Нью-Йорка и просил вылететь в Нью-Йорк с первым отлетающим самолетом. Причину сообщить по телефону отказывается. Спросил только, читаем ли мы газеты? Из дальнейших разговоров доктора Васильева с вице-консулом удалось лишь выяснить, что нам удастся вернуться обратно завтра же. Достать билет на самолет за столь короткий промежуток времени оказалось далеко не легкой задачей. Однако Ольга Михайловна и Борис Данилович понесли куда-то и за соответствующую мзду, правда, всего за один доллар, достали нам билет.

Этот вызов расстраивал мое свидание с Sammner'ом Koch'ом, с которым я должен был встретиться 23.XI в 11 ч. утра, которому я хотел передать мою книгу, но ничего не поделаешь. Прибрали свои вещи, сделали соответствующие распоряжения остающейся группе и поехали на аэродром.

В 10 часов вечера наш самолет четырехмоторный поднялся в воздух. Прихо-

дится лишь завидовать, как организованы полеты самолетов в Америке и в частности у American airlines. На аэродром американцы являются, как на вокзал. У них отбирают багаж, который взвешивают, и больше у пассажира, которому выдали квитанцию, нет никакого дела до того, кто и как распорядится багажом, пока не выдадут его на месте назначения. В самолете все места заняты — 40 пассажиров. Самолет обслуживают две стюартши. Высокого роста, худенькие, как будто одинаковые и по внешнему виду, они поражают своим вниманием и радушием. В проспекте-рекламе, которыми снабжено каждое место про них сказано: «*The minute you enter the flagship door, you'll see what we mean. First, the welcoming greeting of tiwo stewardess, ready to take your coait, to guide you to your seat. Before very long, you are going to feel that you are the most important passenger the ever served*». И все это не преувеличение, а сущая истина.

Нужно видеть, сколько они внимания уделяют каждому пассажиру, как они проверяют, закреплен ли пояс при взлете и посадке самолета, как они окутывают ноги пассажирок пледями, как они подкладывают подушки. При этом они сохраняют гордый вид. Как сумели воспитать людей и в то же время не сделать их прислужниками!!

Полет ночью над большим городом, богато освещенным разноцветными огнями, — это сказка. И эту сказку мы пережили не только во время взлета над Чикаго, но при посадке в Нью-Йорке.

Большую часть пути летим в тумане-молоке. Ничего не видно, лишь вспыхивают огоньки под крылом самолета.

Ровно через три часа, в два часа ночи по нью-йоркскому времени мы опустились плавно на аэродроме в Нью-Йорке.

У выхода нас ждут два парня. Мы их узнали по ободранному, неряшливому их виду. Один из них уже 5 лет живет в Нью-Йорке и, казалось, имел достаточно времени, чтобы присмотреться, как одеты американцы.

На расхлябанной машине нас везут довольно долго. Проходим через длинный и красивый двухпутный туннель под Гудзоном. Наконец мы приехали в гостиницу Plaza, где «приготовлен» нам ночлег. Вошли; ушел один из наших спутников. Ждем, ждем. Наконец, он возвращается и говорит, что проведет нас во временный номер.

Это было более чем грязное помещение с разбросанными вещами, неубранными приборами для бритья. Через несколько минут выяснилось, что для нас приготовлен другой номер. Было уже три часа ночи. Но никому в голову не пришло приготовить для срочно вызванных профессоров хотя бы стакан чаю, который мы сами с трудом получили.

Уже от встречавших нас мы узнали, что случилось. В местной газете «Русский голос» это событие излагалось следующим образом. На первой странице крупными буквами было напечатано: «Член украинской делегации ранен во время налета на магазин на Вест 58-й улице». Затем сообщалось, что член украинской делегации в Генеральной Ассамблее О.Н. Григорий Стадник, 42 лет, был ранен пулей в бедро несколько минут спустя после полуночи в среду одним из двух вооруженных бандитов, оставивших магазин деликатес в

доме 36 Вест 58-я улица, как раз в то время, когда входил украинский делегат. По данным полиции, бандиты явились в магазин в 12:15 ночи и забрали у клерка из кассы 150 долларов. Когда бандиты собирались покинуть магазин, Стадник и Война, проживающие поблизости в отеле «Плаза», открыли дверь, чтобы войти. Один из бандитов немедленно открыл стрельбу, и пуля попала в Стадника. Пожилая женщина, находившаяся в то время в магазине, также была ограблена. Большой был помещен в Госпиталь Рузвельта. Что в этом правды и что выдумка, не берусь сказать. Удивительно лишь, что советник посольства не находит ничего более умного, как каждый день около 12 часов ночи ходить в одну и ту же лавку за фруктами.

На второй день я встал довольно поздно, около 11 часов, к нам пришел врач украинской делегации Федор Яковлевич Примак (профессор), который нам заявил, что он случайно узнал о нашем приезде. Он вызвал из консульства машину, мы поехали к пострадавшему в Госпиталь Рузвельта. Довольно чистое учреждение, без следов роскоши. Лечат больного некий хирург Кей и его помощник Stewart. Они нам рассказали все, что было сделано, показали рентгенограммы, и мы пошли смотреть больного. Грузный дядя. Лежит на лейкопластырном вытяжении, которое начинается лишь с коленного сустава. Тяжелый многооскольчатый перелом правого бедра. Множественные куски разорвавшейся пули. Значительный отек бедра. Общее состояние вполне удовлетворительное. Пульс 76, t 37,8–37,5°. Мы нашли, что все было сделано правильно. Нам ничего

не оставалось, как просить продолжать дальнейшее введение пенициллина и лишь воздержаться от наложения вторичных швов. В этом духе мы и составили наше резюме у нашего консула.

Мы прошли с консулом (Яков Миронович Ломакин) в его комнату и наткнулись на Вышинского. Я с ним не знаком. Представился. Он мне сказал, что хорошо знает, кто я такой. Руфанов, который с ним знаком по работе в Московском университете, напомнил о совместной работе. Уселись. Разговорились. Вышинский сказал, что вчера вспомнил, что мы здесь, и просил нас вызвать. Через несколько минут вошел В.М. Молотов. Он нас расспросил относительно больного. Мы ему рассказали все, что нашли. Затем разговорились. Мы ему сказали, что были бы рады, если бы он нашел возможным выслушать наши впечатления. Договорились, что он нас примет в Москве вместе с Митеревым, и просил, чтобы мы подготовили предложения. Он должен был нас покинуть, так как внизу был сервирован стол, ожидался обед с польским посланником и еще с какими-то другими.

Нам больше нечего делать в Нью-Йорке, и мы решили лететь обратно в Чикаго. Попросили вице-консула Федосеева позаботиться, чтобы для нас были забронированы билеты на самолет. Он согласился это сделать, и прибавил, что на аэродром мы возьмем автобус. Я объяснил этому птенцу, что если они нас встречали на машине, когда мы ему были нужны, то не мешало бы им то же сделать, когда надобность в нас миновала. Наговорил я ему и много приятных вещей, которые он вполне заслужил.

От консула Ломакина, по-видимому, ему так влетело, что он в дальнейшем нас обеспечил и машиной, и билетами. Нас отвезли на аэродром, и мы вылетели в 4 ч. 50'. По нашим расчетам, мы должны были через 3 часа прибыть в Чикаго. И действительно, через 3 часа мы приземлились на аэродроме большого города. Вылезли из самолета. Идем получать наш багаж. Тычем наши квитанции то одному, то другому негру. Они что-то говорят, показывают на самолет, а багажа все нет и нет. Наконец как-то случилось, что не то нас вразумили, не то мы сами догадались, что мы не в Чикаго. И ровно за минуту до отлета мы влезли обратно в наш самолет. Оказалось, что аэродром, на котором мы вылезли, был вовсе не Чикаго, а... всего-навсего Детройт. Через полтора часа мы были снова в действительном Чикаго. Я получил отдельную комнату, Руфанов поселился в своей старой комнате.

24.XI. Воскресенье. Я с Васильевым пошли пешком по берегу озера Мичиган до аквариума. Оказалось, что это очень далеко. Был сильный ветер, глаза заносит шлаком, тем не менее прогулка получилась на славу. Посмотрели чудесные аквариум и естественный музей.

Вечером в 9 ч. выехали в Рочестер-Миннесота, в знаменитую клинику Мейо. Устроились неплохо. Поезд идет значительно медленнее, чем из Вашингтона в Чикаго. Качает мало.

25.XI. Понедельник. Вылезаем на маленькой станции Рочестер, куда мы прибыли в 9 ч. утра, опоздав почти на час. Едем по малолюдным улицам этого маленького, чистого города. Направляемся в гостиницу Kahler. Хорошая гостиница непосред-

ственно прилежит к Mayo Clinic. Номеров нет, обещают к вечеру. Оставляем вещи, идем приводить себя в порядок. Спускаемся в парикмахерскую. Это огромное помещение, где работают чуть ли не десять человек. Кресла парикмахера напоминают зубоврачебные кресла. Для того чтобы брить, субъекта укладывают горизонтально. В это время негр чистит сапоги, а как мне пришлось видеть впоследствии, одновременно маникюрша обрабатывает ногти. Бритье также ведется оригинально. Сначала мне покрыли лицо горячим компрессом. После того как компресс пролежал некоторое время, парикмахер втирает мыло в лицо рукой. Затем он бреет первый раз, после чего снова кладет горячий компресс, затем снова немного мылит и бреет. Третьим окончательным компрессом закончил бритье; не пудрит. Несмотря на столь большие старания, бреют плохо.

Направляемся к Balfour'у, который исполняет обязанности директора Mayo Feundochtion. Office его расположен в 15 этаже в Mayo Clinic.

Архитектура здания и материалы, из которых здание построено, поражает красотой. Бронза, мрамор, нержавеющая сталь. Как впоследствии нам объяснил Duijardin, мрамор взяли по соображениям экономии, его не нужно ремонтировать и легко поддерживать чистоту. Некоторое время мы ожидали в поликлинике, где ожидало приема около 40 человек. Прекрасно налаженная регистрация, пневматическая передача истории болезней. Впоследствии мы могли убедиться, что почти в каждом этаже та же картина, залы, полные больными, ожидающими приема.

Balfour почти не заставил нас ждать и сразу принял. Нас ввели в небольшой кабинет, где стоит небольшой письменный стол; этажерка с книгами, несколько портретов.

Высокого роста, чуть с красным лицом, совершенно седой, но исключительно бодрый и подвижный, сразу привлекает своей простотой. Многократно повторяет наши фамилии, которые он усваивает с трудом. Узнав о цели нашего посещения, он нас просит в другую, значительно более обширную комнату. В этой комнате две женщины, по-видимому, секретари, на обширной карте, с одной стороны Америка, а с другой обозначают булавками (большие цветные головки) места, откуда к ним прибыли больные.

Узнав, что я говорю по-французски, он вызвал Dujardin'a, канадца по происхождению, который блестяще говорит по-французски. Кроме того, он прикомандировал к нам молодого врача Olsen'a, которому поручил сделать с нами общий обход, а после этого позавтракать с ним.

Обход начинаем с 14-го этажа, где имеется большая аудитория, которой пользуются для заседаний. На стенах плохой портрет, писанный маслом, обоих братьев. Несколько других портретов врачей местного значения. На наружной стене аудитории огромная мемориальная мраморная доска, на которой занесены имена умерших работников клиники и в первую голову имена обоих братьев.

Обычного характера лаборатории, обслуживающие поликлинику. Особо показывают кабинеты братьев Mayo, все стены которых увешаны портретами хирургов и врачей, с которыми им пришлось

встречаться. Ни одного русского имени. В отдельной комнате все стены увешаны дипломами, орденами, которые были выданы братьям Mayo различными университетами и странами. В двух шкафах, на наличниках, висят многочисленные тоги.

В час дня завтрак за отдельным столом, за которым кроме Balfour'a и нас сидит вся верхушка клиники: Clarggett, Gray, Masson, Walters, Dujardin и несколько человек других фамилий, которые мы знаем.

После завтрака Olsen нам показал город, что сделать очень просто, если приять во внимание, что, кроме учреждений братьев Mayo, и смотреть-то нечего.

Затем нам показали It. Mary Hospital, перестроенный в... году. Огромное 7-этажное здание с прекрасной кухней, аптекой, кофейней для сестер и врачей, с хорошими палатами и прекрасными операционными, устроенными в 6-м этаже. Эти операционные выше других операционных, которые мы до сих пор видели в Америке. Они небольших размеров, не больше 30 кв. метров, большие окна, высота двух этажей, везде места для слушателей, откуда спускаться к операционному столу невозможно. Везде хорошие бестеневые лампы старого образца. Прекрасно оборудованная лаборатория для обследования сердечно-сосудистой системы.

В коридоре исключительно поучительная выставка:

1) *Carcinoma желудка: Диагностика: гастроскопия, рентгенография, оперативная техника, патологоанатомическая картина различных видов рака. Макеты и рисунки по поводу местной анестезии и спинномозговой*

анестезии. Госпиталь католический, им заправляют преимущественно сестры монахини, хотя много и не монахинь. На стенах образцы распятого Христа, богородица, а в одной зале даже статуя во весь рост монахини, недавно причисленной к лику святых, прекрасно выполненная.

Затем нам демонстрировали институт экспериментальной хирургии, трехэтажное здание, расположенное в 5 километрах за городом. Собаки содержатся довольно плохо, вонь. Ничего особенного.

В гостинице Koller для нас места не нашлось, и мы перебрались в небольшую гостиницу Virginia. Для нас троих имеется только две кровати, которые мы сдвинули вместе и на которых проспали довольно неплохо.

26.XI. Вторник. С 8 часов утра мы в Colonial Hospital, где оперирует Claggett.

Я получил отдельную комнату. Вечером были у Dujardin'a.

27.XI. Среда. Мы с утра в St. Mary Hospital, где оперируют: Wulter, Dixon, Pemberton. Большую часть времени мы провели в операционной у Wulter's'a.

После обеда за нами заехал Gray и повез к себе. Прекрасный его дом, построенный в 1940 г., стоит на горе. У него две машины; жена и 16-летняя дочь. Пили чай. После этого к 6 часам он нас повез к дому, когда-то принадлежавшему W. Mayo, — 3-этажное здание, с большим вкусом построенное и меблированное. Во втором этаже библиотека, столовая, кухня и несколько других комнат. В 3 этаже прекрасный зал, который когда-то, при жизни Mayo, часто служил для вечеров. В настоящее время в нем устраиваются

заседания, имеется экран. Стоит рояль. На стенах несколько картин. Орган. Прекрасная акустика. Освещение неоновыми лампами. В 1938 г. W. Mayo передал этот дом в собственность Mayo Foundation. Относительно этого момента на стене висит акт, подписанный всеми работавшими в это время в клинике.

В столовой, куда нас пригласили, обедать собралась верхушка работников клиники Mayo: Balfour, Walters, Mosson, Henderson, Dujardin, Pemberton, Dixon, Harrington. Не было Claggett'a, который в этот день уехал в Minneapolis — читать лекцию, не было Grays'a.

На столе американский и советский флаги. Нас встретили музыкой из «Евгения Онегина», а затем «Садко» Римского-Корсакова.

Ужин скромный, ни капли вина. Мы обменялись небольшими речами и в 8 часов вечера уехали в Mayo Clinic. Сам Balfour нас отвез туда, где Harrington обещал показать нам свои материалы по грудной хирургии.

Harrington — выше среднего роста, грузный, с чуть-чуть отечным лицом, на вид старше 60 лет. Он исключительно прост, любезен. В продолжение около 2 часов он нам демонстрировал цветные диапозитивы и диаграммы (разноцветные — красный, черный, зеленый) своего огромного клинического материала 400 сл. диафрагмальных грыж, больше 6000 раков грудной железы, дермоидные кисты средостения. Сказал, что легкое по поводу рака удалил 150 раз; результатами доволен. Много занимается адгезивным перикардитом; имеет случаи pericarditis calcuosa.

28.XI. Четверг. День пропал из-за праздника Благодарения богу, который даровал индюшек, которых ели первые поселенцы. Утром приехал Claggett и снова пригласил нас к себе обедать. За ним заехал Gray, который отвез нас в St. Mary госпиталь показывать своих оперированных больных. Преимущественно резекция желудка, холецистэктомия. 2 дуоденальных свища. Обход, правильнее, облет поверхностный; врачи без халата, ничего нам не дал.

В час за нами заехал Claggett, у которого очень милая жена и 5 детей, 4 девочки и один мальчик. Хороший обед; прекрасно провели время. Он сам нас отвез домой и настоял, что приедет за нами и отвезет нас на вокзал.

Казалось, что на этом закончилась любезность рочестерских хирургов. Однако в 6 ч. 30' за нами заехал сам Balfour и сначала повез показывать нам город, в частности аэродром, а затем отвез нас к себе домой. Прекрасная огромная квартира. Большая библиотека. 7 детей. Внуки. По его словам, сегодня у него сидело 28 человек. Жена стара, некрасива. Прекрасный орган, на котором сам хорошо и с увлечением играет. Выпили чаю, после чего он нас сам отвез домой.

Claggett отвез нас на вокзал, и в 8 ч. 30' выехали в Чикаго. Неудобный спальный вагон.

29.XI. Пятница. В 10 ч. утра, с опозданием в 40', приехали в Чикаго. Выяснилось, что билеты взяли глупо. Пришлось ждать поезд до 10 ч. вечера, чтобы убить время, 2 раза ходили в кино. В 10 ч. вечера выехали в довольно неудобном вагоне.

30.XI. Суббота. На станции Heringsdorf мы распрощались с Борисом Даниловичем Васильевым и с Ольгой Михайловной Кочетковой, нашими переводчиками, которые направились прямо в Вашингтон. В продолжение 24 дней они оказывали нам массу услуг, и без их помощи нам пришлось бы довольно туго. С незначительным опозданием мы прибыли в 5 ч. дня в Нью-Йорк. Нас встретил Александр Ефимович Порожняков (из посольства), и нас устроили в прекрасных номерах в гостинице «Plaza». Мы были у консула, который предложил нам показать город.

1.XII. Воскресенье. С утра нам показывают город. Каток на улице. Поднялись на вершину Empire Building. 102-этажное здание. С вершины открывается изумительный вид, не менее величественна отделка самого здания мрамором. Приходится подниматься тремя лифтами; стоимость 1 доллар. Кафе-ресторан. Продают сувениры.

Визит в кино радицентра. Огромный зал. 6200 мест. Прекрасная акустика. Изумительная техника и ничтожное содержание кинокартины. Вечером в Ice-Schow каток-балет. Ничего равного по технике и по красоте мне до сих пор не приходилось видеть. В особенности следует отметить изумительное искусство Sonja Henie и ее партнера Arthur'a Wirtz'a. Не отставали и русские казаки. Это зрелище нам настолько понравилось, что решили еще раз посетить этот театр.

2.XII. Понедельник. С утра посмотрели раненого Статника. Побывали в консульстве и в Амторге. Нанесли визит Елене Гейман. Вечером митинг, созванный Обществом советско-американской дружбы в Maidison club. Небывалое сборище. Зал

вмещает 20 000 человек. Все места заняты. Много ораторов. Зал в полутемноте. Выступавшие освещаются прожекторами. Исполнены были гимны американский и советский людьми, одетыми в какие-то балахоны. Выступал русский певец Васильев; пел русские песни. Все говорили кратко. А.Я. Вышинский говорил последним. Его встретили очень тепло, речь его продолжалась $1\frac{1}{2}$ часа. Трибуна была окружена флагами всех наций.

3.XII. Вторник. Отъезд в Бостон. Нас сопровождают Андрей Иванович Галаган (из консульства). Олух шофер, который вколоти нас в one way, откуда мы не могли выпутаться. Вылезли, побежали пешком на вокзал; подспели лишь потому, что поезд запоздал отходом на 10'. Переезд Нью-Йорк — Бостон продолжается 5 часов (туда-обратно стоимость $11\frac{1}{2}$ доллар). Резко изрезанный берег. Масса рек, озер, затонов. Почти сплошное заселение всего пространства одно-двухэтажными зданиями. Масса фабрик и заводов. В 16 ч. прибыли в Бостон. Повезло, в Hotel Manger (an Norlt Sation) для нас оказались резервированные номера. Второразрядная гостиница, довольно чистая. Вечером походили по кривым и узким улицам города. Удалось связаться с Allen'ом, La Rey, Carchill, Grss'ом. Завтра в $7\frac{1}{2}$ ч. утра оперирует лишь Lahey.

4.XII. Среда. Встали очень рано в Deaconess Hospital, где в $7\frac{1}{2}$ ч. утра оперирует Frank H. Lahey. К моменту нашего прихода он уже оперировал. Он делал второй и окончательный акт левостороннего дивертикула пищевода. Разрез по переднему краю m. st. cl. mastoidei. Он перевязал у основания шейки дивер-

тикула, пересек его, перевязал один раз, ничем не прижег и опустил в глубину. Подвел дренаж-фитиль.

Lahey 66 л. Сухопарый, живой и исключительно подвижный, оперирует хорошо. Многократно он повторяет наши фамилии, но запомнить их не может. По окончании операции он остается в резиновых перчатках. Отвел нас в другую операционную, где под общим обезболиванием делали струмектомию. Через несколько минут он прибежал за нами и предложил нам поехать в другую клинику, где он должен оперировать. Он выскочил, не переодевшись, не надев воротника, в резиновых перчатках, вскочил в свою машину, где его ждала собачка, завернутая в плед. Приехали в Баптист госпиталь. Как мы могли скоро убедиться, на всех черных досках, вывешенных в операционных, красовались наши фамилии. Он исключительно любезен, старается показать нам все, что он делает. Он оперирует больную с адгезивным перитонитом, где был поставлен клинически и рентгенологически Ca. fl S. Сначала он долго разъединял спайки, но наконец нашел опухоль, удалил ее и наложил анастомоз конец в конец. Оперирует быстро, четко, тщательно. Много болтает во время операции, часто без всякой нужды.

Оттуда мы поехали в Massachussets Hospital, основанный в 1630 г. Госпиталь многократно перестраивался и достраивался. В нем имеется одна совершенно новая часть. В нем 1000 коек, из которых 800 хирургических; половина этих коек отведена для студентов, остальные платные или полуплатные. В этом госпитале в 1846 г. 16.X впервые во всем мире был дан наркоз.

Попали к Allen'y. Жирный, малоподвижный, слишком во время операции болтливый старик лет 65, оперировал Ca. fl. Sygmoideue. Обезболивание общее.

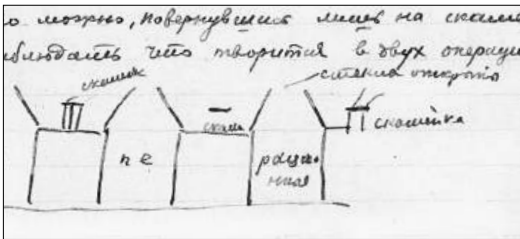
Больной врач, который потребовал во что бы то ни стало сохранить ему сфинктер. Оперирует плохо, копается, без удержу болтает. Но зато впервые над нашими брюками пришлось натягивать белые брюки, и послали нас стоять на окно, где уже стояли два врача.

Не дождавись конца операции, мы ушли к Черчиллю. Высокого роста, типичный англичанин 53 лет, с красноватым некрасивым лицом. Он приветствует нас, но вначале сдержан. Но после обмена мнений, касавшихся развития легочной хирургии в Америке, он становится все более и более разговорчивым и в продолжение 2 часов водит нас по госпиталю. Показывал нам залы, архивы, фотографии, показал материалы по истории войны, которые они предполагают закончить в 3 года. Затем он нас пригласил на ленч и высказал сожаление, что из-за своего отъезда оперировать в ближайшие дни не будет. Он производит впечатление умного, начитанного, физиологически образованного человека. Нам сказали, что таким любезным, как с нами, его не видели. В аудитории, где впервые был дан наркоз, к моменту нашего прихода шла лекция. Черчилль вошел в аудиторию и попросил, чтобы нам разрешили войти. Стоит хороший бюст Мортонa и хороший портрет Warren'a.

Он собственноручно составил для нас расписание, что и когда мы должны видеть. Вечером некий доктор Майкель Самуил Иосифович, выходец из Екатеринослава, который пристал к нам в клинике

Lahey, нас возил по городу, который он очень хорошо знает. Смотрели библиотеку Harvard'ского университета.

5.XII. Четверг. В детской клинике *Robert E. Gross*. Старая больница, но чиста и опрятна. Gross — 39 л., на вид значительно моложе. Брюнет. Подвижен. При первом знакомстве кажется даже мало любезен. Коренастый, волосатый, крепко сложенный; он сегодня, между прочим, должен перевязать и *ductus arteriosus*. Извиняется, говорит, что из-за малых размеров операционной пригласить нас вниз не может. И действительно, операционные небольших размеров, не больше 15 кв. метров, — операционных четыре. Наверху стекла, наклоненные под углом в 45° , устроены таким образом, что можно, повернувшись лишь на скамейке, сразу наблюдать, что творится в двух операционных.

Операционные очень низкие, поэтому сверху достаточно хорошо видно, а в бинокль совершенно хорошо.

1 операция — обыкновенная врожденная грыжа.

Белье, халаты голубо-серого цвета. Шелк черного цвета (что употребляется преимущественно во всех хирургических клиниках). Обработка операционного поля йодом. На вид 3–5%. После того как Gross обложил операционное поле

полотенцами, сестра положила сверху огромных размеров простыню, сложенную очень искусно. В середине простыни дыра, вполне достаточная для оператора. Когда простыню развернули в одну и другую сторону, то она целиком покрыла весь операционный стол. Технику Grossa в полном смысле слова можно назвать безукоризненной. Он не спешит, не рвет ткани, кровотечение останавливает исключительно тщательно. В технике операции можно отметить следующую особенность. Он самым тщательным образом зашивает подкожную клетчатку и накладывает подкожные швы, которые достаточно сближают кожу. На кожу швов совершенно не клал. Рана была заклеена.

2 операция — на незарощенном Боталловом протоке представляла для меня особый интерес. Это именно он, Gross, первый выполнил ее несколько лет назад. Я лишь один раз видел, как ее сделал Blalock, никогда сам ее не производил, и никто у нас ее в Союзе не делал. Кроме того, по моему предложению, анатомические изыскания по этому вопросу производит Кенигсберг.

Девочка 4 лет. Обезболивание общее, циклопропан. Интратрахеальная анестезия. Левую руку девочки завернули бинтом, приподняли и фиксировали к дуге Кохера несколькими турами липкого пластыря. Под левую половину груди Gross подложил, по-видимому, твердую подушку, чтобы левая половина груди была приподнята и ему была бы доступна *linea axillariy posterior*.

Обработка операционного поля слабым раствором йода. Большой полулунный разрез, который начинается на высоте 2-го ребра слева, огибает грудную железу и захо-

дит за *linea axillariy posterior*. Отсепаровав кожу на незначительном расстоянии, он обнажил *m. pectoralis mayer*, подвел под нее пальцы, отслоил, и раньше чем перерезать ее прикрепление со стороны грудины, наложил на всю толщу слабо развитой мышцы два слегка согнутых жома. Между ними он перерезал мышцу, не потеряв ни капли крови. Он также отделил дистальное прикрепление *m. pectoralis minor* и отодвинул ее вверх. Затем он надрезал поперечно *m. latissimus dorsi*. Осторожно вскрыл плевру в 4-м межреберье, но до того как вскрыть, прошил межреберную артерию с одного и с другого конца. 4 и 3 левые реберные хрящи были перерезаны недалеко от грудинного конца, *art et v. mammaria interna* перевязаны. Межреберные мышцы были разрезаны за *ll. axill. post*. Зеркалом типа Заурбруха широко была расширена рана. Тщательная изоляция операционного поля. Левое легкое сдвинуто кзади влажной салфеткой. Продольно надрезана медиастинальная плевра. Наложены несколько ниток держалоц, за которые раздвигают края разрезанной медиастинальной плевры. Хорошо видны и отодвинуты *n. phrenicus* и *vagus*. Gross приступил к одному из самых трудных этапов операции — к нахождению и изоляции незарощенного протока. Он это делал исключительно осторожно и нежно. Отчетливо виден и отсепарован *n. recurrens*. Наконец все стало ясно. Имеется проток толщиной с мизинец, но достаточно короткий. После того как он многократно убедился, что проток изолирован со всех сторон, он наложил на проток с каждой стороны по два жома и... смело разрезал поперечно захваченный таким образом проток. Затем он наложил непрерывный

однорядный шов на культю протока со стороны *art. pulmonalis*. Осторожно снял жом и убедился, что из *art. pulmonalis* не течет ни капли крови. Затем он наложил такой же однорядный непрерывный шелковый шов и на культю со стороны дуги аорты и так же без страха снял жом. На месте шва он приложил тампон и придавливал его в продолжение 5'. Убедившись, что и с этой стороны шов не пропускает ни капли крови, он опустил обе культы и наложил тщательно швы на разрез медиастинальной плевры.

Тщательная остановка кровотечения. Несколькими шелковыми швами сшиты перерезанные реберные хрящи. В плевру введен толстый катетер. Легкое раздуто. Тщательное зашивание межреберных мышц, подкожной клетчатки. После отсасывания воздуха и окончательного закрытия плевры он зашил подкожную клетчатку. На коже непрерывный шов.

Продолжительность операции ровно 2 часа. После окончания операции он пришел к нам наверх; принес термос, налил нам и себе молоко, дал по бисквитнику, и на этом как будто и закончился ленч. Я ему задал вопрос, сколько раз он до сих пор произвел закрытие незарощенного Боталлова протока. Он мне сказал, что 185 раз. Из этого сказочного числа он потерял лишь 5 человек. Не придает большого значения подготовке больного. Давление после перевязки *ductus* повысилось.

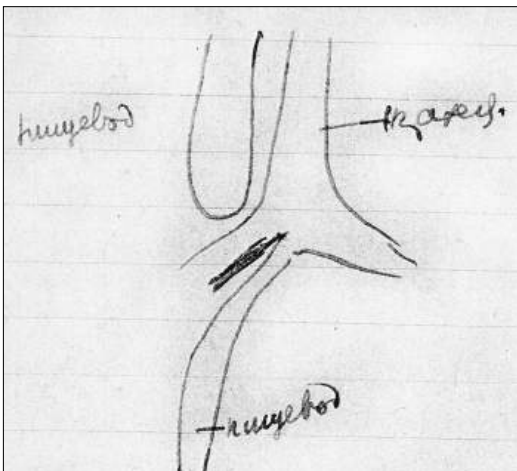
Сначала он проток просто перевязывал. Затем начал пересекать. На первых 12 больных этой группы он на культю пересеченного протока накладывал 2 ряда швов. Теперь он всегда довольствуется одним рядом.

3 операция — ребенок, возраст один месяц. Врожденная хроническая непроходимость 12-п. кишки. Лапаротомия. Разъединение пленок. Предварительно развернул кишки на 360°.

Затем он решил показать нам больных. Из них наибольшее внимание привлекли мальчик около 10 лет с *coarctatio aortae*, врожденное сужение, которое обычно располагается в 1½ см ниже отхожд. art. Subclavia sinistra.

Сначала он изучал технику операции и в особенности сосудистого шва на собаках вместе с доктором Hufnagel'ем. Насколько я знаю, эту же операцию до Gross'a выполнил шведский хирург Crawford (справиться).

К настоящему моменту эта операция сделана им у 16 больных, из которых выздоровело 14 и погибло 2. Признаки заболевания: Полное отсутствие пульса в бедренных и дистальнее расположенных сосудах. Измерить кровяное давление на нижних конечностях не удастся. На верхних конечностях оно повышено. (У нас по этому вопросу имеются отдельные оттиски.)

Следующий малыш 3 дней от рождения оперирован 3 дня назад по поводу врожденного дефекта пищевода в области бифуркации трахеи и свища, существовавшего между дистальным концом пищевода и трахеей.

Операция продолжалась 3 часа. Наркоз общий. Оперировал внеплеврально. Резецировал концы пищевода и соединил их конец в конец.

Ребенок лежит в отдельной палатке, в которой стоят три кастрюли, дающие пар. Воздух весь пропитан выходящими парами. Гросс говорит, что в таком воздухе после таких операций легче дышать.

Таких операций им произведено около ста. Живы 46 детей. Хотя на рентгенограмме у этого малыша ясно виден слепой проксимальный конец пищевода и не виден свищ, однако Гросс говорит, что на основании воздуха, который виден в желудке, нетрудно догадаться, что между трахеей и пищеводом где-то имеется сообщение.

Он нам сказал, что произвел 1000 раз операции по поводу врожденного сужения pylori.

Операцию Blalock'a он не делает. По видимому, не ожидает.

По окончании обхода он нас пригласил в кафетерию госпиталя на ленч.

Gross оставляет впечатление блестящего хирурга, у которого не грешно было бы подготовить наших детских хирургов, не выходящих за пределы врожденных грыж, гидроцеле и аппендицита.

Вечер провели у профессора ассистента Oliver Cope, ассистента проф. Edward D. Churchill.

Кроме нас были приглашены профессора — терапии, стоматологии, физиологии (Hastings'). Был хороший ужин. Станный обычай — жена на ужине не присутствует, хотя коктейлем угощала жена, пряниками — дочка, но как только сели ужинать, обе исчезли. Хозяин сказал, что ужин только для мужчин.

6.XII. Пятница. С утра поехали к Elliot Cutler'у — главному хирургу Армии Peter Bent Brigham Hospital. Свидание было назначено на $8\frac{1}{2}$ ч. утра. Нас предупредил Черчилль, что Cutler тяжело болен, у него рак *prostatae* с метастазами, иначе говоря, он обречен. Мы попали в старый госпиталь со странными палатами, который отведен для обучения студентов. Любезный ассистент профессора по фамилии Ross показал нам частично госпиталь и даже провел в операционную, где проводили удаление кистозного позадигрудинного зоба. Делали операцию средне. Не дождавшись Cutler'а мы поспешили в клинику Lahey в New England Baptist Hospital.

Позавчера мы ушли от этого очаровательного старика и блестящего хирурга во время операции, так как спешили к Черчиллю. Поэтому считали совершенно необходимым снова вернуться к нему в клинику, тем более что знали, что он будет делать субтотальную тиреоиндэктомию, в которой он считается мастером.

Когда мы вошли в операционную, то в первый момент он нас сразу не узнал, мы были в масках. Но через несколько секунд он улыбнулся, стал опять припоминать наши фамилии Руфанов, Джан. Я ему помог. Он нам сказал, что будет делать сейчас тиреоиндэктомию. Он просил нас стоять позади него, и он нам все покажет.

В это время его ассистенты производили первый этап операции. Уже был сделан большой подковообразный разрез, небольшая выпуклая часть которого проходит непосредственно над *jñjulum sterni*. Кожа, подкожная клетчатка *m. Jugul sterni muoides* отсепарированы кверху. Разрез настолько обширный, что обнажены не только передние края, но и передняя поверхность *m.jt.c. mastoidei* и даже наружные их края. Ассистент разъединил *m. st. hyoidei et st. thyreoidei* и, наложив жомы, пересек их на обычном месте. Во избежание соскальзывания жомов они захватываются специальными зубчатыми зажимами. Когда эти мышцы были разъединены, то старик начал действовать. Редко приходится видеть более изящную, ажурную и тщательную работу, которую нам пришлось наблюдать в ближайшие минуты.

Быстрыми, точными движениями, концом длинных и узких ножниц он обнажал *art. thyr. Infer'or*, на которую наложил одну лигатуру; дистального конца он не перевязал. Такими же быстрыми движениями он обнажил *n. recurrens* и его нам показал. По пути он перевязал несколько мелких сосудов. После этого он попросил, чтобы к его очкам добавили двойную лупу (очки с лупой), и он приступил к отпусканью верхней паращитовидной железы. После этого он перевязал *thyreoidea sup.* Показал нам верхнюю паращитовидную железу. Наложил несколько жомов через ткань железы, которая почти не кровоточит. Он удалил почти $\frac{4}{5}$ правой доли. Затем нашел, что осталось от железы, и срезал еще кусок. Наложил несколько кетгутовых лигатур

на кровоточащие сосуды и тщательно пришил остаток железа к фасции трахеи.

То же он повторил с левой стороны. Остальное он поручил доделать ассистентам. Он нам сказал, что шьет всегда кетгуттом. Обезболивание всегда общее. Никогда не употребляет циклопропан, но всегда этилен. Зашивает всегда наглухо после тщательной остановки кровотечения.

На наш вопрос, сколько у него оперированных зобов, он быстро написал на доске следующие цифры. Всего оперировано зобов 26 000. Из них токсических — 17 000, обыкновенных 900. Раньше смертность была 0,75%, но на последних 660 токсических зобах он потерял только одного больного.

Раковые перерождения наблюдаются приблизительно в 6%. Он их делит на 3 группы.

1. группа adenoma papillaris — они живут 5 лет в 80% случаев.

2 ст. Adenoma в 37% и 3 ст. Carcinoma 23%, и, наконец, Sarcome в 17% сл.

Изумительный, добрый, сухопарый, приветливый, привязанный к своему делу старик. От общения с ним мы получили огромное удовольствие. Улучшение результатов он объясняет кроме улучшения техники еще подготовкой больных не только йодом, но в сочетании с Thiouracil'em. Ему 68 лет. Он обещал приехать к нам, когда ему будет 70 лет. Пока он занят, должен строить новую больницу.

Мы осмотрели библиотеку медицинской школы Harvard'ского университета и музей. Американцы умеют ценить книги, вещи, людей, их портреты, бюсты, их книги и все ценное, что от них остается.

Наконец мы закончили день у E.Cutler'a. Его office культурное учреждение, состоит из 5 комнат, масса книг, фотографии и даже есть портрет Пирогова, подаренный покойным В.В. Лебедеenko. Портрет Юдина.

Cutler был чрезвычайно обрадован нашим приходом. Мы у него позавтракали. Бедный, он почти ничего не ел. Держался прекрасно, тем нам было неприятнее сознавать, что он уже обречен. Он нам подарил свой атлас. Снялись с ним. Написал нам письма в Париж в Американский госпиталь.

7.XII. Суббота. С утра мы были у проф. фармакологии Blecher'a. Он же преподает наркоз. Он нам сообщил, что за последнее время в клиниках Америки все меньше и меньше употребляют циклопропан. Было несколько случаев взрывов и немалое число смертей. В большинстве случаев пользуются закисью азота, этиленом, а еще чаще эфиром. Эфиром пользуются в клинике Черчилля при всех операциях на легких. Преимущество отдается интратрахеальной анестезии. В тот же день мы видели лобэктомия, которую произвел в клинике Черчилля хирург Sweet. Дело касалось больного 56 лет с неясным диагнозом. Имелось поражение правой верхней доли. Диагноз колебался между новообразованием и воспалительным процессом.

Sweet'у 46 л. Он считается одним из лучших хирургов клиники Черчилля. Молодой, веселый, любезный, предупредительный. Он просил нас обратить внимание, как укладывают и фиксируют больного. Все это очень тщательно проделали в наркозной комнате сестра и наркотизатор. Больной был уложен

на бок, со слегка опущенной вниз головой, фиксирован подушками и липким пластырем.

Наркотизатор нам подробно изложил способ ведения интратрахеальной анестезии.

Разрез косой. Резекция 1 ребра. Оказался, по-видимому, воспалительный процесс. Хирург не мог решить даже на операции, с чем он имеет дело. Решил ограничиться лобэктомией. Оперирует хорошо. Пользуется небольшой лампой, которой просвечивает спайки, подлежащие надрезке. К сожалению, во время операции бесконечно болтает и шутит. Конца операции мы не дождались, так как спешили к поезду.

Выехали в Нью-Йорк в 16 часов и приехали в Нью-Йорк в 21 час. Для нас оказался бронированный прекрасный номер в гостинице «Плаза».

8.XII Воскресение. Поехали с Андреем Ивановичем Галаган и его женой Ниной Васильевной по подземной железной дороге осматривать стацию Свободы. Наша экспедиция закончилась неудачей, так как Свобода оказалась запертой до середины месяца. Бродим в нижней части города.

Пошли вечером смотреть Ice time. То же чарующее впечатление, что и в первый раз.

9.XII. Понедельник. Хлопочем, с трудом получаем необходимые нам документы. Амторг, покупки.

10.XII. Вторник. Утром в New-York Hospitale. Смотрели операцию удаление дермоидной кисты (пат.-анат. тимомы) у доктора Wilhalm Ardrub. Оперирует плохо в очень хорошей операционной. Резекция 4-го ребра. Опухоль средостения

слева. Удалялась легко. Немедленное пат. анат. исследование.

Ленч у декана Carnel'евского медицинского факультета. 420 студентов на всех курсах.

11.XII. Среда. В консульстве. В Амторге получили по 50 долларов. Адрес Амторга — Madison avenue, 210 (Eremin).

Завтрак с Биробиджанским еврейским комитетом. В консульстве упаковали книжки.

Закончили упаковку вещей в 2 часа ночи.

12.XII. Четверг. Просыпаемся в 6 часов и выезжаем в 7 ч. утра. За нами приехал Леонид Николаевич Федотов, секретарь консульства. Тот же аэродром. Формальностей меньше. Никаких поучительных кино. За излишний багаж уплатил 51 доллар. Четырехмоторный самолет. Удобный. Stewardessa — дрянь, совершенно не знает своего дела.

Дождь. Вылетает в 1 ч. 20' утра, идем прекрасно. Летим на высоте 5600 метров, скорость 475 километров и температура воздуха — 19°.

Летим над Ньюфаундлендом. Все озера и реки покрыты льдом. В самолете тепло. Прекрасно кормят.

В 21 ч. 30' опустились в Ньюфаундленде на аэродроме в Gander. Лежит глубокий снег. Хорошо устроенная станция аэродрома. Приблизительно через час поднялись в воздух. Идем через Атлантический океан. Прохладнее. Летим на высоте 5–6000 метров. Самолет идет изумительно плавно. Ни разу не качнуло, никакой болтанки. Наступила звездная ночь. Частично спим на откинутых креслах. Перевели часы (на 5 часов вперед). В 6 часов утра

13-го мы очутились над южной оконечностью Ирландии у аэродрома Shannon, но из-за плохой видимости не могли приземлиться. Полетели дальше, в Шотландию, и через час опустились на аэродроме в Prestwick. Таможня дрянь. После заполнения очередной анкеты нас пропустили. В анкете ряд интересных вопросов вроде: где вы спали прошлую ночь, где вы спали 2 ночи назад, и так до 14-го дня. Кроме того, вопрос — привита ли холера, мальтийская лихорадка, желтая лихорадка и оспа. Против первых 14 вопросов я не совсем добросовестно написал Нью-Йорк, а насчет того, что у меня привито, я на все согласился и написал yes.

Повели завтракать. Хорошие ножи и вилки, но никуда не годный завтрак, хотя и было сказано на карточках, специально с этой целью нам выданных, что мы в гостях. На паршивом автобусе нас повезли спать. Наша мерзавка Stewardessa ни о ком и ни о чем не заботилась. Поэтому беспорядок царил ужасный. В гостинице маленькие комнаты; длина и ширина комнаты в длину кровати — в обрез.

13.XII. Пятница. Нас разбудили в 11^{1/2} ч. утра. Спал я как убитый. Солнечное утро. Нас обратно отвезли в аэропорт. Накормили паршивым завтраком, и в 2 часа дня поднялись в воздух. Пролетели Глазго, летим над Англией. Хорошо обработанные поля. Местами летим над облаками. За 10' перелетели Ламанш, который на английских картах назван английским каналом. На нашем самолете летят почти исключительно французы (40 человек всего). Две тестоватого вида девицы и одна дама стервозного вида с несчастным забитым

мужем. Как только очутились над Францией, французы не отходят от окон.

В 16 часов опустились на аэродроме Orly. Таможенный осмотр, если то, что делается, можно назвать осмотром. Нас никто не встретил. На автобусе нас отвезли на станцию Hotel Ses invalides. Очень благоустроенная станция. Я позвонил, и за нами из посольства прислали машину.

Устроили нас в гостинице Montalembert. Сначала нам дали паршивый номер, но после легкого нажима переменили на сносный.

14.XII. Суббота. Вчера в посольстве встретил академика Павловского (глухарь). Он приезжал в Париж вместе со Збарским и Энгельгартом на торжества по поводу 50-летия смерти Пастера. Я ему дал телеграмму, которую он из Москвы обещался послать Жоржику.

С утра дождь, туман. К сожалению, академик Павловский сегодня улететь не мог.

Были в Лувре. Нанесли визит Венере Милосской. Во время оккупации умные французики на ее месте оставили копию, а ее закопали. Теперь она красуется на прежнем месте. Из-за пасмурного дня картины плохо освещены. Полы Лувра не натерты, и вообще, все имеет в музее довольно унылый вид. Вечером бродили, купили несколько книжек.

Жалко смотреть на обедневший Париж. Витрины в магазинах почти пусты. Выставляют корсеты, пуговицы и всякую дребедень. Почти не достать такси, а если и достанешь после долгого ожидания, то старое дрянное «Renault». Хлеб выдают по карточкам, за двойную цену можно купить и без карточек. Недорого. На обувь карточки.

15.XII. Воскресенье. Сыро, холодно. Обедали у второго секретаря посольства Алексея Ивановича Борисова. Организовали посещение клиник. К сожалению, из-за воскресенья никого в городе не оказывается.

16.XII. Понедельник. Побывали в хирургическом отделении Hospitale St. Antoine у Burgeret. Отделение довольно чистое, по-видимому, недавно реконструированное.

Burgeret около 65 л., считается одним из лучших хирургов здесь. В момент, когда мы пришли, он оперировал са recti. Делал сносно.

2) Камни желчного протока. Оперировал хорошо. Особенности техники. Хирург стоит слева. Разрез срединный, обошел пупок слева. Впоследствии сказал, что лишь в случае, когда он предполагает большие спайки, он делает косой разрез.

Вскрыл сильно расширенный ductus choledochus, убрал много камней. Но он даже не счел возможным бужировать проток ни в проксимальном ни в дистальном направлениях. Положил дренаж Kehr'a. Убрал пузырь. Дренировал. Продолжительность операции $1\frac{1}{2}$ часа.

Сам оперирует совершенно молча. Но кругом творится что-то невообразимое. Входят без шапок, без масок, сестры болтают, наркотизатор без маски. В общем, черт знает что. По окончании операции он нам показывал оперированных больных. Много опухолей желудка, толстых кишок, желчного пузыря.

Во время обхода одной палаты мы увидели печальную картину. В палате, где лежат оперированные больные, приходя-

щему больному брали желудочный сок. Это уже черт знает что такое.

Руфанову захотелось выпить кофе. Вошли в Cafée. Ему дали стакан цикория с сахарином. Вспомнился наш 1917 год! Да, пожалуй, Франция сегодняшнего дня на это очень похожа.

Все это так печально, что особенного желания видеть еще что-либо другое не особенно хочется, и когда нам предложили лететь раньше домой с самолетом, который уходит послезавтра, мы с удовольствием согласились.

17.XII. Вторник. Целый день бродим за покупками. С трудом получил оперативную хирургию Gue'ни, которую Malin не хотел продать. Магазины полны товару, цены аховые, приноровился к стоимости доллара, но не официального курса, а черного рынка.

Рассчитались с гостиницей, с трудом подсчитали, сколько следует сохранить франков на последние расходы.

18.XII. Среда. В 10 ч. приехал за нами Борисов (Алексей Иванович), второй секретарь посольства, проводить нас на аэродром. В Париже необычно холодно. В 11 часов вылетаем из Парижа в Берлин на нашем «Дугласе», в котором все сносно, за исключением того, что нет уборной. Через 4 часа мы были уже в Берлине. Пришлось перевести часы на два часа вперед. Устроили нас в гостинице, довольно сносной, расположенной на территории аэродрома.

19.XII. Четверг. Вылетели в 9 часов утра. В самолете довольно тепло, холодно лишь ногам. В 15 часов мы опустились на Центральном аэродроме. Некому даже отнести наши вещи. Таможенный досмотр.

Довольно легко договорились, чтобы пропустили наши медицинские книги. Меня машина не встретила, и с большим трудом мы втиснулись в машину Ивана Петровича. Легко и хорошо меня устроили в «Национале». С трудом мог добиться телефонного разговора с Жоржиком.

Пришли Петровы, которые просидели у меня весь вечер.

20.XII. Пятница. Митерев назначил нам свидание на 22 часа. В три часа под председательством Митерева состоялось заседание редакции по изданию трудов.

Был у Исаковых; у бедного Ивана Степановича сильные боли. В 22 часа нас с Руфановым принял Митерев. На приеме присутствовал Приоров. После доклада Митерев мне сказал, что он просит, чтобы я пришел к нему для переговоров. Я ему сказал, что я догадываюсь, о чем он со мной намерен говорить. В таком случае поговорим сейчас. Он мне предложил занять кафедру Бурденко (факультетскую хирургическую клинику 1 ММИ) и место главного хирурга в армии. Я категорически отказался. Я предложил пригласить в Москву Шамова, который одновременно может занять пост директора Нейрохирургического института и директора факультетской хирургической клиники. Я попросил разрешения уехать в Ленинград, и получил его согласие.

В 24 часа я отправился к Ефиму Ивановичу Смирнову. Он мне сказал, что ждал меня и никого не назначал на должность главного хирурга. Я категорически отказался. Я указал ему, что для этой должности должен быть молодой человек, который мог бы разъезжать по всей стране, а это мне не под силу. В таком случае

остаются два кандидата, сказал он мне, Куприянов и Еланский. Еланский груб, сказал он мне; да и я сам умею нагрубить, и что тогда выйдет хорошего. Еланский всю войну провел на фронте; он везде бывал сам, он знал все, что происходит в каждом МСБ. Куприянов лишь сидел в одном месте. Он не предъявлял никаких обвинений, но чувствовалось, что в душе он его желает меньше, чем Еланского. Лучше обоих был бы Банайтис. Но он лежит больной в Красноармейском госпитале. Да и назначить его нельзя — он литовец. Вот из двух кандидатов выбирай одного, говорит мне Е.И. Я, конечно, ни одного из них выбрать не мог.

Я просил разрешения уехать в Ленинград, и он мне разрешил.

21.XII. Суббота. Хлопчу насчет билета и других дел. Пришел Ж. Хундадзе. Шабанов мне сказал, что С.С. Юдин на кафедру Бурденко выдвигает Бориса Александровича Петрова. Ясно, что Юдин желает от него отделаться. Но какой же дурак Юдин, кто же у него будет работать? Я кандидатуру Петрова вполне поддерживаю.

Вечером «стрелой» выезжаю в Ленинград.

В соседнем купе новый президент Академии Медицинских наук Николай Николаевич Аничков с женой. Я искренне люблю и уважаю этого способного, талантливого ученого с мировым именем. Одновременно известно, что он мягок, стеснителен и никуда не годный администратор. Что его заставило бросить спокойную, налаженную работу в Ленинграде и ринуться в Москву на совершенно неподходящее для него дело? Трудно сказать. Неужели

почетное звание президента Академии? Я вслушиваюсь в разговоры и не уверен, что его не толкнула на этот шаг его жена.

Я спрашивал Николая Николаевича, что из себя представляет Давыдовский. Он мне отвечает, что это несерьезный человек, что многое из того, что он говорит, построено не на фактических данных. Насчет нового президиума Академии он более чем скептичен; работать не с кем. Большую надежду он питает, что ему удастся перетянуть в Москву Петра Андреевича Куприянова, которому он года через три передаст пост президента. Едва ли на это согласится Вера Алексеевна, его жена.

22.XII. Воскресенье. Типично ленинградский серый день. Несмотря на конец декабря, достаточно тепло; не холодно даже в осеннем пальто. Меня встречают Жорж, Вера, Боба, Смирнов, Стучинский, Струков. Дома все в порядке.

23.XII. Понедельник. С утра побывал в «Скорой». Не хватает там Эмили Никифоровны, не стало души института. Побывал в клинике института.

Вечером с Верой зашли к Зинаиде Васильевне, которая проделывает очередной грипп.

24.XII. Вторник. Поехал в Академию. Смотрю несколько больных. Во время обследования одной девочки, когда я наклонился и приложил ухо к грудной клетке, мне вдруг стало нехорошо. Все вдруг пошло кругом, показалось, что стол сдвинулся, я зашатался и едва успел схватиться за стол. Я бросил дальнейшее обследование. Дошел до кабинета и уехал домой. Начал размышлять, что это могло бы быть. Скоро выяснилось, что не

все благополучно обстоит с моим лабиринтом. Мои высотные полеты, мы летели над океаном на высоте 5000 метров, и продолжительный рев моторов мне навредил. Несколько раз я замечал, что при некоторых наклонах головы я ощущаю неуверенность и явную неустойчивость. В ушах булькает; при наборе цифр в телефоне меня раздражает даже невинный шум телефона.

25.XII. Среда. На второй день после приезда на губах у меня появился герпес; явная инфекция, грипп, но перемогаюсь. Даже становится понятной история с ушами. Пока я был здоров, уши и расстройства со стороны лабиринта не давали о себе знать. Но как только к этому добавилось набухание со стороны лабиринта Евстахиевых труб, то раньше не осязаемое расстройство выявилось в полной мере. Сегодня решил посидеть дома, не пошел даже на заседание Хирургического общества Пирогова.

26.XII. Четверг. Утром вел занятия с зауряд-врачами в Академии. Вызвал какого-то стопроцентного идиота, фамилия которого Овчеренко. Я редко видел что-либо подобное.

Читал лекцию «Ложный сустав плеча».

Вечером был на заседании Ленинградского бюро Академии Медицинских наук, созданного Куприяновым в ВИЭМ'е. Было много народу, присутствовали новые члены и члены-корреспонденты. Куприянов сделал доклад о деятельности бюро за прошлый год. Выбрали новый президиум бюро. Куприянов — председатель, Быков его зам. Кроме того, Петров Н.Н., Лепорский, Орбели и я.

27.XII. Пятница. С утра в «Скорой». С Красносельским на работе случился гемипарез левосторонний.

Со стороны ушей и устойчивости намного лучше, но все еще шум в ушах и по временам явления неустойчивости, неуверенности.

28.XII. Суббота. В Академии больному с *ulcus repticum jeuni* сделал впервые *vagotomiю*. Найти *vagus* не так просто, как это могло бы казаться.

Еще остается шум в ушах, но меньше.

29.XII. Воскресенье. Решил посидеть дома, чтобы окончательно избавиться и от гриппа, и от шума в ушах. Кроме того, хочется поработать и написать две статьи для «Медработника».

30.XII. Понедельник. Сажу дома. С ушами и с устойчивостью значительно лучше. Читаю «обезболивание».

Кукушкин передал, что Басов, помощник Попкова, отдал распоряжение отдать квартиру в 3-м этаже. Было бы хорошо, если бы не нашлось еще нового министра, который пожелает иметь эту квартиру.

31.XII. Вторник. Заканчивается печальный для меня год. 1 августа я потерял Нину, 14 октября не стало Эмилии Никифоровны, не стало Оси. Эти потери неисправимы. В более молодые годы, может быть, и можно было бы начинать новую жизнь, для меня это поздно. Не радуется и вся окружающая обстановка. Светлым на этом темном и печальном фоне остается мое путешествие в Америку, которое мне дало очень много. Хотелось бы верить, что кое-что из того, что удалось видеть, возможно будет привить и нашей стране.

Уши еще немного заложены, хотя устойчивость улучшилась.

2.I.1947. Умер Петр Александрович Герцен, один из блестящих русских хирургов.

6.I. Понедельник. Уши еще закладывает временами, устойчивость значительно лучше.

7.I. Вторник. Весь день просидел дома, работал.

8.I. Среда. С утра в «Скорой» оперировал больного с артериовенозной аневризмой правого бедра. Удалось разъединить оба сосуда. Перевязать. Ушить. Удалось сохранить проходимость вены и артерии.

Вечером заседание Хирургического общества Пирогова. Выступал Е.В. Смирнов — «Повреждение желчных путей». Я говорил об «Атрезии пищевода, осложненном трахеопищеводным свищом».

9.I. Четверг. Утром вел занятия с врачами в ВММА. Читал лекцию — «Язва голени». Студенты несколько раз прерывали лекцию аплодисментами и провожали меня также аплодисментами.

Были с Верой у архитектора Надежды Георгиевны Агеевой (жена главного архитектора Баранова). Виктор Матвеевич (архитектор). Они составили прекрасный план квартиры, которую нам хотят отвести на проспекте Кирова, д. 24. Были у Молочниковой Евдокии Васильевны. Она сказала, что все в порядке, и она оформит постановлением Ленсовета нашу квартиру.

Уши мои значительно лучше. Иногда еще гудят уши, в особенности по утрам; их как будто закладывает.

10–20.I. Был занят подготовкой доклада, который сделал на Раковой кон-

ференции 20.I. в Ленинграде. Тема доклада «По хирургическим клиникам США». На докладе собралась уйма народу; я его делал в доме Промкооперации на Петроградской стороне. Доклад был очень хорошо обставлен. Мне было его трудно делать, но, кажется, вышел с честью из затруднений. Доклад имел очень большой успех.

23.I. Четверг. Уши почти совсем прошли, хотя несколько дней назад было обострение в левом ухе.

25.I. Суббота. В 17 часов я собирался отправиться на заседание VIII сессии Нейрохирургического совета. Вдруг меня вызвал Андреев из Москвы, который сообщил, что мне необходимо немедленно выехать в Москву, так как собираются закрыть Военно-Морскую Медицинскую Академию и Научно-исследовательский институт ВМФ.

Я обещал выехать на следующий день. Вечером я председательствовал на заседании Нейрохирургического совета, где чествовали 75-летие А.Л. Поленова, совершенно развалившегося старца. Отвратительный доклад сделал В.Н. Шевкуненко со своими «шевкунятами».

26.I. Воскресенье. Слушал обстоятельный доклад Ланга под заглавием «Показания к хирургическому лечению гипертонической болезни». Хороший доклад сделал Петр Кузьмич Анохин. Вечером «стрелой» выехал в Москву. В международном вагоне встретился с академиком Йоффе, который сообщил, что запрет на выписку иностранных журналов постановлением Совета Министров отменен. В этом же вагоне ехали Озерецкий и Фрейдлин. За ст. Болгое масса снегу.

27.I. Понедельник. Встретила машина Андреева, к которому я отправился тотчас после того как устроился в гостинице «Националь». Ф.Ф. нарисовал малоутешительную картину. Под председательством маршала Говорова образована комиссия, которой дано указание беспощадно сокращать. Мы отправились к И.С. Исакову. Его состояние намного улучшилось. Страдает бессонницей, но морально его состояние прекрасное. Насколько можно судить, хотя он об этом и не говорит определенно, прошедшая смена главнокомандующего его вполне устраивает. Предполагают, что он будет первым заместителем. Обсудив создавшееся с Академией положение, он посоветовал пойти к Юмашеву, которому и обещался позвонить.

Был у Николая Ивановича Завалишина, который заменяет отсутствующего Е.И. Смирнова, уехавшего к своим избирателям. Завалишин крутит. Был у Волынкина, который спросил, каково мое мнение, если они предложат Ген. штабу оставить нам 4 и 5-й курсы, а первые три закрыть. Я ответил, что из этого ничего хорошего не выйдет.

Вечером отправились к начальнику Морского Генштаба Арсению Григорьевичу Головки, который принял нас любезно и стоит на точке зрения, что Академию закрывать не следует.

За этим нас принял новый главнокомандующий Иван Степанович Юмашев. Он производит значительно лучшее впечатление, чем его предшественник. Он прост, внимателен, любезен. Просидели у него с Андреевым около часу. Он также полагает, что Академию закрывать нельзя.

Обещал переговорить с Говоровым, а если удастся, то и с Берия.

28.I. Вторник. С Озерецким побывали у Митерева, Шабанова и Виноградова: С Фрейдлиным был в Центральном Комитете. Виноградов мне рассказал, что отношения между Юдиным и Петровым настолько обострились, что Юдин ставит вопрос о невозможности работать с Петровым. Трудно разобрать, кто из них прав.

В 6 часов вечера меня с Андреевым принял маршал Говоров, председатель комиссии. Он внимательно, хотя и довольно холодно выслушал наши доводы и сказал, что они настолько сильны, что при окончательном решении вопроса обещал меня обязательно вызвать. Он меня спросил, какова роль Смирнова в этом вопросе, поскольку этот вопрос поднят тылом, т. е. именно ими. Я ответил, что в продолжение всего года Смирнов уверял меня, что о закрытии Морской Академии не может быть речи, а на самом деле сам выдвигает проект об ее уничтожении, то ясно, что он ведет двойную игру.

29.I. Среда. Побывал у председателя Верховного Суда Ивана Терентьевича Голякова по поводу дела Мосико; сделал надпись: «Рассмотреть срочно».

Собираемся сегодня выехать в Ленинград с Андреевым. Билеты в кармане. Когда приехали к Андрееву, чтобы перед отъездом пообедать, то его жена сказала, что звонили из Генштаба. Я позвонил туда, и Головки попросил меня, чтобы я не уезжал, так как перед окончательным решением вопроса в Генштабе, где вопрос почти предрешен против

нас, решили вызвать Орбели. По совету Кудинова, Андреев также решил не уезжать, но в самый последний момент решил, что поедет. Едва успели его посадить в поезд.

30.I. Четверг. Орбели не приехал. Сижу целый день дома.

31.I. Пятница. Приехали Андреев, Орбели, Иванов. Я позвонил к Завалишину. Угостил его несколькими фразами насчет того, как они подготовили похороны нашей Академии. Он просил приехать к нему в 15 часов, а 17 часов необходимо быть в Генштабе у генерал-полковника Смородинова (Иван Васильевич). В назначенный час я с Ивановым был уже на месте.

Налицо: Завалишин, Орбели, Волынкин и Редкин. Началось обсуждение интересующего нас вопроса. Я боялся, что Орбели начнет крутить. Однако, увидев нашу незыблемую позицию, он не пожелал принять участие в похоронах Академии и заявил, что это никому не нужно и что от слияния, кроме вреда, ничего не выйдет. Увидев поведение Орбели, Завалишин, со своей стороны, начал все отчетливее и отчетливее поворачивать в нашу сторону. В один момент Орбели упомянул о возможности объединения верхушки, но это было настолько туманно, что едва ли сам отдавал себе отчет в том, в чем это должно именно выразиться. Он быстро сообразил, что это нереально, и эта мысль у него скоро потухла. Завалишин одним глазом поглядывал и в сторону Редкина, который вполне разделял нашу точку зрения.

В сумме все сошлось на том, что ВММА закрывать нельзя. Отправились в Генеральный штаб.

Прекрасное здание, много мрамора. На вешалке очень много шинелей, по которым можно судить, что если где и следует сокращать единицы, то не мешало бы начать именно отсюда.

Некоторое время спустя мы узрели и генерал-полковника И.В. Смородинова. Выше среднего роста, приблизительно лет 57–58, со слегка выпуклыми глазами, мало думающим лицом, с брюшком, соответствующим генералу Генштаба. Он приветствовал нас достаточно любезно, сказал, что отдаст некоторые распоряжения и примет нас.

Минут через 30 мы были у него. Первым говорил Орбели. Он сказал, что слияние Академии никому не нужно; пользы от этого не будет, что ВММА свои функции выполняет хорошо. Сведения, сообщенные генерал-полковнику о том, что якобы Морская Академия пользуется базами Кировской Академии, неверны.

Затем, основываясь на точных цифровых данных о числе морских врачей, об имеющемся некомплекте, о числе женщин, подлежащих увольнению, об ежегодной убыли. У меня получилось отчетливое убеждение, что генерал-полковник ничего не понимает. Может быть, ему хотелось очень спать. Он только добивался, чтобы мы ему доказали, что «имеется что-либо специфическое в подготовке военно-морского врача».

Слово взял Андреев и довольно многогоречно стал доказывать, в чем эта специфика заключается. Завалишин четко высказался за нежелательность и ненужность этого слияния.

Он отчетливо видел, что поскольку Орбели и я вели совершенно опре-

деленную линию, то он, становясь на нашу точку зрения, в душе, конечно, не мог не понимать, что он подкладывает свинью Ефиму Ивановичу, который уже один раз закрыл ему Куйбышевскую Академию. На случай ухода Ефима Ивановича почему бы не помечтать об его месте. Я не знаю, так ли четко эти мысли были сформулированы в его мозгу, но в подсознании они у него не могли не зародиться.

В конце концов генерал-полковник изрек, что «мы его убедили, что специфика в подготовке военно-морского врача действительно существует, что все останется по-старому».

По ходу прений выяснилось, как это заявил Смородинов, что Смирнов заявил, что слияние Академии он считает мероприятием правильным и что не следует расплывать наши силы.

Если сложится то, что нам сказал Говоров и что сказал Смородинов, двойственная игра выявилась в полной мере.

На прощанье я спросил генерал-полковника, не следует ли побывать у маршала Говорова. Он мне ответил: «Нет». Тогда я спросил: «Значит, решение окончательное?» «Да», — последовал ответ. Мы его поблагодарили. Поблагодарили мы также Орбели и Завалишина. Пока мы сидели в передней у генерал-полковника, Орбели сказал мне, чтобы я пошел к нему в Кировскую Академию. Я сказал, что никуда не пойду.

Мы были приглашены на обед к Андрееву, где кроме меня были Иванов и Кудинов.

Я ужасающе устал от этой бессмысленной недели. Кому нужно было волновать

профессоров двух Академий? Одни волновались оттого, что их учреждение закрывают, а другие оттого, что пришедшие сядут к ним на голову.

Я пришел в гостиницу и свалился как сноп.

1.II. Суббота. У меня билеты в кармане. Казалось, что вопрос об Академии окончательно решен.

Мы собирались побывать у главнокомандующего и Исакова, чтобы их поблагодарить. Однако когда Иванов пришел к Юмашеву и рассказал о достигнутых результатах, то последний сказал, что радоваться пока рано, что пока Василевский не подписал приказа, то Смородинов всегда может пере решить. Он попросил, чтобы приехали к нему Орбели, я и Андреев и изложили слова, как все это происходило. Пришлось найти Орбели. Поехали все к Юмашеву. Он так же любезен, обо всем расспрашивает. Во всем с нами согласен, но доля сомнений еще у него остается.

Прощаемся, я ему говорю, что, если что-либо опять изменится, чтобы он вызвал Орбели и меня и свел к Верховному Главнокомандующему.

Идем все к Головки. Он позвонил к начальнику Генштаба Василевскому, который ответил, что им приказ подписан. Военно-Морская Медицинская Академия опять уцелела, но надолго ли?

Поехали поблагодарить Исакова. Там мы подняли вопрос — нельзя ли вернуть Академию обратно в лоно ВМФ. Исаков обещал этот вопрос изучить. Вечером с Ивановым «победителями» выехали домой.

3.II. Понедельник. Читал вступительную лекцию новому 5-му курсу в 1 ЛМИ и «Переломы шейки бедра».

9.II. Воскресенье. Выезжаем в Москву вместе с начальником ВММА, чтобы защитить штаты Академии.

10.II. Понедельник. Уже в 12 часов дня я был у Смирнова. Он сразу согласился на мое предложение назначить вместо меня и. о. хирурга ВМФ проф. Федора Федоровича Андреева, который в настоящее время является заместителем начальника Главного медицинского управления. Это перемещение явно устраивает Смирнова, так как назначение Андреева на мое место заставляет Андреева покинуть занимаемый им в настоящее время пост, где он ровно ничего не делает. Но этого мало. На посту начальника Медико-санитарного управления с 1940 по сей день Андреев ровно ничего не делал, хотя уверял всех, что без него и Военно-Морского флота бы не существовало.

Самовлюбленность, полное непонимание обстановки, абсолютное безделье, пьянство до неприличных размеров, полное отсутствие уважения к окружающим сделало сего начальника неприемлемым для всех окружающих.

Когда в прошлом году произошло слияние Армии с Флотом, то Андреев очень легко сдал свой отдел Главному медицинскому управлению, так как ему начальник Главного медицинского управления Смирнов посулил пост своего заместителя.

Назначенный на это место Андреев вскоре мог убедиться, что его обставили. Он ничего не делал, но и ему ничего не давали делать. В продолжение 1946

года медицинская служба на флоте замерла, разрушилась. Пришедшие с армии ничего в ней не понимали, старались прижать моряков, а отпор давать было некому, ибо Андреев решил, что это его не касается.

По отношению к ВММА он вел себя также не раз двусмысленно. Он мечтал, конечно, сделаться начальником Академии. Поэтому он не раз старался дискредитировать Иванова, объявлял ему выговоры по самым разнообразным поводам. Мечтал он также не раз попасть в Академию на одну из хирургических кафедр, преимущественно на кафедру Военно-Морской хирургии. Но было бы несчастьем для кафедры, если бы этот лодырь попал на кафедру.

Когда я сообщил Ф.Ф. о том, что Смирнов согласен на его перемещение, то он очень обрадовался. Однако явно опечалился, когда я добавил, что на его место назначается Кудинов. Последний еще осенью 1940 г. был назначен на пост начальника Медико-санитарного управления ВМФ, но интриги генерал-майора Игнатьева вытянули из тины Ф.Ф. Андреева на этот высокий пост.

Я предложил Ефиму Ивановичу оставить меня консультантом, на что он согласился.

Я просил его отпустить из Академии им Кирова М.А. Сресели, избранного на кафедру оперативной хирургии 1 ЛМИ. Но он не согласился, заявив, что там никого не остается. Кроме того, он мне сказал, в случае ухода Шевкуненко Сресели будет начальником кафедры в Академии.

Насколько это реально, трудно сказать. Если Смирнов будет на месте, то

это возможно, но если он уйдет, то я не знаю, осуществит ли его помощник или зам. данное обещание.

Вечером у меня Петров и Жорж Хундадзе.

11.II. Вторник. Я с начальником ВММА побывали у Смирнова и провели штаты Академии. Вместо 40 адъюнктов он нам дал 50. В моем присутствии велись переговоры между Смирновым и Кудиновым, который согласился на перемещение.

Было решено, что Смирнов, Кудинов и я побываем у Юмашева, чтобы с ним согласовать вопрос.

12.II. Среда. Мы были у Юмашева — Смирнов, Кудинов, я и Андреев. Каким образом последний попал в нашу компанию, мне неизвестно, полагаю, что это сделал Смирнов. Это было правильно, чтобы Андреев не мог за спиной говорить, что его перемещение состоялось помимо его воли.

Иван Степанович Юмашев был с нами исключительно внимателен. Налицо и начальник генштаба адмирал Головка. Со всеми нашими предложениями Юмашев согласился.

Е.И. Смирнов пригласил меня на обед. Из разговоров стало ясно, что в ближайшие дни снимут министра здравоохранения Георгия Андреевича Митерева, т. н. Митюха *vulgary*. Мало хорошего можно сказать относительно сего просвещенного деятеля. Все зависит от того, какие требования предъявлять к понятию министр. Как бы они ни были минимальны, Митерев им, безусловно, не удовлетворял.

Стало также ясно из слов Е.И., что на место Митерева будет назначен он. На мой вопрос, а кто же будет вместо него,

он мне ответил, что Н.И. Завалишин. Смирнов дал малолестную характеристику Ходоркову. Из его слов явствует, что сей муж подхалим первой категории, и это свойство его существенно поддерживает. Вечером в Малом театре смотрел «Горе от ума». Идеально.

13.II. Четверг. Вечером в аудитории биологической химии им. акад. Гулевича (у проф. Б.И. Збарского) повторил свой доклад о путешествии в Америке. Доклад предназначался для работников Главного медицинского управления. Однако собрались около 300 человек, и среди них, конечно, большинство были не работники управления. Читал я с меньшим энтузиазмом, чем в первый раз.

14.II. Пятница. Вместе с Ивановым и Рабиновичем выехали домой.

15.II. Суббота. Как мы себя называли, «ликвидационная комиссия», вернулась домой. Мы, к счастью для службы, ликвидировали Ф.Ф. Андреева. Больше всех на этом заработал начальник Академии Иванов, у которого постоянным претендентом на его место начальника маячил Андреев. Последний его дискредитировал, как только мог.

17–23.II. Неделя была полна волнующих событий для Москвы, но не в меньшей степени для всей страны. Ушли министра здравоохранения Митерева, его место занял Смирнов. Посадили секретаря АМН В.В. Парина за незаконный вывоз в Америку рукописи Ключевой.

8.III. Суббота. Сегодня вернулся из Москвы начальник ВММА. За время отсутствия здесь циркулировали слухи, что, с одной стороны, на его место назначен Андреев, с тем что он одновре-

менно займет кафедру общей хирургии; другим его заместителем называли Смольникова. Оба эти назначения, если бы они действительно состоялись, означали бы конец ВММА. К счастью, как это бывало и в предыдущие разы, и на сей раз это оказалось уткой.

Алексей Иванович особых новостей из Москвы не привез. Сообщил только, что приказ о перемещении Андреева и Кудинова пока не состоялся, но никаких изменений там не предполагается.

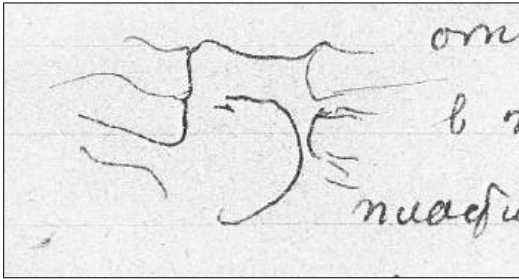
9.III. Воскресенье. Утром и вечером просидел на хирургической секции, где я председательствую, по проверке реальной ценности «научных» работ, представленных как законченные. Большинство работ гинекологических и урологических. Это чистый хлам. Единичные работы, по офтальмологии Барбель, по Лор — Кристостурян могут быть названы таковыми.

Вечером говорил с Куприяновым, который сегодня приехал из Москвы. Вместо Парина еще никто не назначен, говорят о Сергиеве и Анохине; больше шансов имеет Сергиев. В Министерстве здравоохранения Смирнов взялся за реализацию своего министерства; там есть что реорганизовать!!

На место Ефима Ивановича назначается Завалишин. Не решен еще вопрос насчет главного хирурга, будет ли Еланский или Куприянов?

15.III. Суббота. Все больше и больше думаю относительно новокаиновой инфильтрации plexus predorticus. Способ Arnulfa, который, по описанию M. Luzny, дает прекрасные результаты, — трудноосуществим по техническим и анатомическим условиям. Поэтому я давно уже

спроектировал следующее оперативное вмешательство. В области *manubrii sterni*, на высоте 1 межреберья, непосредственно над *angulus Luduwiс* (местоположение дуги аорты можно установить на рентгене) делают лоскутный разрез кожи, который отворачивают вправо. Фрезой *Doуen'a* в грудине делают дыру через обе пластинки грудины. Кожу отворачивают и пришивают на свое место. После того как рана зажила, возможно кратчайшим путем через прокол в коже произвести новокаиновую инфильтрацию *plexus pre'aortique*.

10 марта в понедельник в «Астории» был дан ужин по поводу выпуска ВМ врачей. На выпускное торжество Алексей Иванович пригласил уходящего начальника Ф.Ф. Андреева и предполагаемого нового начальника В.И. Кудинова. Оба согласились приехать. На их месте я бы не приехал. Оба были поселены в гостиницу «Астория». В день приезда Андреев «изволил» обходить клиники и, в частности, посетил клинику Мельникова. В присутствии последнего он разносил ординаторов, причем сам врал, как только мог.

Вечером состоялся ужин, на котором Андреев напился и в 4 часа ночи взобрался на стол и раздавил тарелку. Приказал к 12 часам на второй день собрать

выпускников. Однако к этому времени он не явился. Ему начали звонить, но из номера никто не отвечал. Тогда послали к нему адъютанта начальника Академии. После того как на стук в дверь никто не отозвался, дежурная сказала адъютанту, что он просил его не беспокоить.

Можно всякое себе позволить свинство, но потерять всякое к себе уважение со стороны всех окружающих — это нужно уметь. *Fi-Fi* в этом, безусловно, преуспел.

14–18.III. проболел гриппом.

24.III. Понедельник. Договорился с Будзинской и Каменчик, чтобы они отправились к Сресели для изучения топографо-анатомического отношения для предлагаемой мной операции. Они побывали у Сресели и были очень хорошо приняты.

С утра я искал название для этой операции и решил ее озаглавить: Прямая инфильтрация *plexus aorticus* новокаином при *angina pectoris*.

Я вел переговоры с Наталией Сергеевной Ланг, чтобы она дала мне больного с *angina pectoris*; она обещала переговорить с Лангом.

Вместе с директором Института Н.И. Озерецким и Лангом были у П.С. Попкова. Вели переговоры относительно празднования 50-летия института; он обещал дать нам 25 тонн железа, рекомендовал нам железо оцинковать, что даст возможность не перекрывать крышу в ближайшие дни.

Прекрасно защищала диссертацию Варвара Сергеевна Майкова-Строганова.

25.III. Вторник. В ВММА в первый раз в жизни сделал попытку удалить рак правого легкого у мужчины 45 лет. Все шло

гладко, я бы сказал совершенно хорошо. Большую часть сосудов удалось изолировать и перевязать, прошить. Изолировать art. pulmonalis оказалось трудно. Я всячески старался ее изолировать. При одной из таких попыток стенка ее надорвалась и началось довольно сильное кровотечение, с которым удалось легко справиться наложением зажимов. Вскоре давление упало до 95 мм. Я прекратил операцию. Все время продолжали переливание крови; через 15' оно поднялось до 115 мм. Я продолжал изоляцию сосудов дальше. Я изолировал нижнюю v. pulmonalis толщиной с указательный палец. В этот момент остановилось дыхание и прекратилась деятельность сердца. Массаж сердца, введение в стенку правого желудочка адреналина остались без эффекта. Больной погиб через 1 ч. 40'. Шел я разрезом в 4-м межреберье с пересечением двух хрящей. Доступ был хороший.

Морально ужасно устал. Все в операционной было организовано хорошо.

5.IV. Суббота. В ВММА впервые сделал удаление рака cardiae. Сначала поперечным разрезом вскрыл брюшную полость. Убедившись в операбельности опухоли, я прошел в 8-е межреберье. Удалил опухоль, захватившую cardiu и нижний конец пищевода. Резецировал $\frac{1}{2}$ желудка и анастомозировал остаток желудка с пищеводом. Операция была хорошо организована, тем не менее она продолжалась пять часов. Два раза пришлось прерывать операцию на 5 и 7', так как кровяное давление падало ниже 90 мм. Перелили 2550 к. с. крови.

Даже вечером обе art. temporalis у меня выдавались, как шнуры толщиной с гусиное перо, как никогда раньше.

Если бы померили кровяное давление, то у меня оказалось бы очень повышенным.

Вечером по поводу дня рождения Веры и пятилетия со дня свадьбы Жоржика и Веры у нас были гости.

6.IV. Воскресенье. Ночью у Зинаиды Васильевны был ангинозный припадок.

7.IV. Понедельник. Вечером был у Зинаиды Васильевны. Застал ее в типичном припадке, я бы сказал, средней тяжести. Рекомендовал положить руки в горячую воду, это помогло, но ненадолго. Затем припадок прошел. Я решил перевести ее в клинику.

8.IV. Вторник. Утром был в клинике ВММА. Мой оперированный с ca. cardiae находится в вполне удовлетворительном состоянии.

Читал лекцию — endoarteriitis obliterans — очень хорошо.

9.IV. Среда. В Хирургическом обществе Пирогова демонстрировал больных по поводу двухсторонней перерезки блуждающих нервов по поводу язвенной болезни. Рентгенограммы показывал М.М. Попов. Сообщение вышло интересным. Выступали Неменов, Филатов, А.Н., у которого уже произведено 30 операций (в одном, 29-м по счету, он вообще не мог найти ни левой, ни правой n. vagus). Он изложил широко развернутую программу экспериментально клиническую по поводу перерезки n. vagi.

Самарин сообщил о 4 наблюдениях.

Т.Я. Арьев показал двух больных по поводу хронического остеомиелита верхнего конца б. берцовой кости. Он вырезает мышечный лоскут из медиального конца m. triceps surae. Но ввиду того что во-

круг свища кожа была рубцово изменена, в обоих случаях кожа омертвела, и пришлось делать пересадку.

Я высказал предложение, что в таких случаях следует делать не изолированную мышечную пластику, а кожно-мышечную пластику, что я и попытаюсь осуществить в ближайшее время.

10.IV. Четверг. У Зинаиды Васильевны припадки повторяются.

13.IV. Воскресенье. Был у начальника ВМА им. Кирова Л.А. Орбели, просил его ходатайствовать об увольнении Жоржа из Академии. Он очень долго печалился, сказал, что если бы просил не я, то он, конечно бы, отказал всем, но мне отказать не может. Подписал, что ходатайство поддерживает.

14.IV. Понедельник. Читал в 1 ЛМИ лекции об «остром животе».

15.IV. Вторник. Объединенное заседание Терапевтического и Хирургического обществ. О лечении нагноительных процессов легких докладывала М.И. Хвелевицкая — очень хорошо. Результаты хирургического лечения докладывал Куприянов — Бекерман.

16.IV. Среда. В «Скорой» оперировал больного по поводу остаточной полости мышечной пластикой. Если выйдет хорошо, то дать статью под заглавием: «Новый способ использования мышечной пластики для лечения остаточных плевральных полостей». План: Исторический обзор — о мышечной пластике, все его варианты. Киршнер. Колесников. Сравнение моего способа с другими.

Вечером вместе с Алексеем Ивановичем выехал в Москву.

17.IV. Четверг. В 13 ч. заседание у Смирнова по «Опыту Отечественной войны». На заседании присутствовал Митерев.

18.IV. Пятница. Сделал доклад у Третьякова о хирургическом инструментарии.

19.IV. Суббота. Состоялось заседание Всесоюзного общества хирургов в кабинете у Н.Н. Приорова. Присутствовали: Приоров, Левит, Шлапоберский, Брайцев, Очнин, Гориневская, Вишневский, Жоров, Огнев, Руфанов.

Вчера вел переговоры с Маркосяном. Он обещал за редактирование платить по 400 р. за лист.

20.IV. Воскресенье. Был у меня Л.Н. Федоров, советовался по поводу академических институтов, был Левит. Был у адмирала Исакова. Жалуется на боли. Ольга Васильевна говорит, что она боится, чтобы он не покончил с собой. Был там и Вишневский. Обедал у Жоржа Хундадзе.

21.IV. Понедельник. Пробил брешь в штатной комиссии по поводу штата 1 ЛМИ.

15.V. Четверг. Радиевый институт вздумал строить на участке Гренадерских казарм, который был отведен 1 ЛМИ постановлением Совета Народных Комиссаров 1935 г.

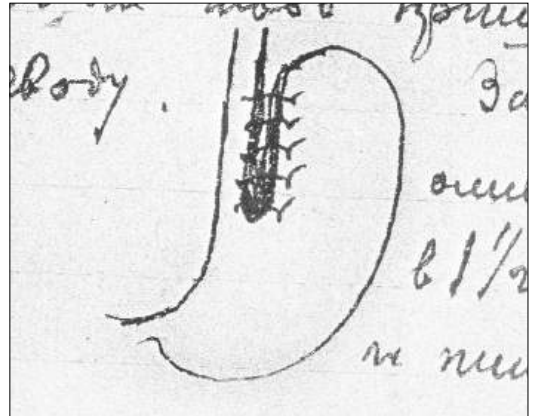
Я с Г.Ф. Лангом отправились к П.С. Попкову, секретарю обкома и горкома. Мы ему предъявили все документы. Он приказал главному архитектору города Баранову прекратить работу на этом участке. Однако во избежание дальнейших поползновений на этом участке он рекомендовал к 50-летию 1 ЛМИ подготовить проект приказа Правительства о реконструкции института.

20.V. Вторник. Сегодня в клинике ВММА оперировал докторшу 29 лет, приехавшую ко мне из Москвы. Ранена в 1942 г. Осколок в 3 см длиной ~ в 3x3 mm в стенке левого желудочка. Если докторша выживет, написать небольшую статью «Удаление инородных тел с задней поверхности сердца». Привести данные Колесникова и Harken'a. (s.g.o. 83.1: 117–128. 1946). Колесников М.С. «Показания к удалению инородных тел из сердца и околосердечной сорочки» (Советский Врачебный сборник. Выпуск 2. 1946, стр. 7).

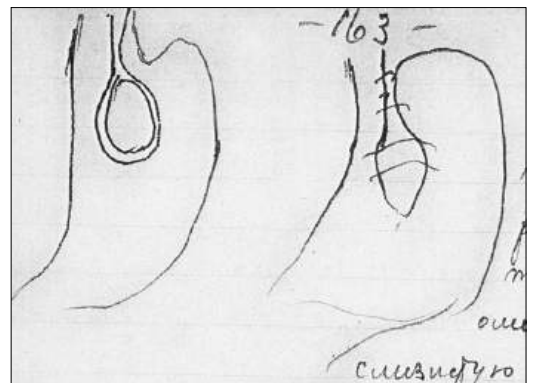
22.V. Четверг. В клинике 1 ЛМИ оперировал девочку 19 лет по поводу кардиоспазма. Несколько недель тому назад я ее оперировал по Hellery. Во время операции я не получил удовлетворения. Из боязни вскрыть слизистую желудка, по видимому, я не вполне дорезал мышечную. Результаты получились плохие. Все явления остались.

Сегодня я сделал трансплевральную oesophagogastrostomia. Ассистировали — Стучинский, Пляцкий, Тамара Кравченко. Разрез в 8 межреберье слева. Выделить сверху пищевод трудно. Анестезирован n. phrenicus — рассечение диафрагмы. Идя со стороны желудка, выделил пищевод. Операция Tvey'a. Ergebnis. Т. 29.

Анастомоз. Я внес в него собственный вариант. Чтобы легко найти место, где со стороны желудка необходимо резать, я рядом швов пришил дно желудка к пищеводу. Затем я вложил металлическую оливку длиной в 2 см и диаметром в $1\frac{1}{2}$ см между желудком и пищеводом.

Когда был вскрыт желудок, то не составило ровно никакого труда нащупать оливку и надрезать слизистую в соответствующем месте. Не составило труда сделать продольный разрез в пищеводе и одиночными кетгутовыми швами тщательно сшить пищевод с желудком Side-to Side. Рана в желудке зашита. Швы на диафрагму. Грудная клетка наглухо. Дренаж вставлен — отсосан воздух. Операция продолжалась 3 ч. 10'. Переливание крови. Операцию перенесла хорошо.

В ВММА состоялось заседание с директором Медгиза Маркосяном. От него получил записку, где он мне предлагает издать мои лекции. Медгиз согласен посадить около меня стенографистку.

Моей докторше, которой я удалил инородное тело, совсем хорошо.

25.V. Воскресенье. Был на похоронах Виктора Петровича Осипова, который умер от повторного инфаркта миокарда. Вынос тела был из Института мозга. Масса народу. Начальник академии Орбели, генералитет, слушатели Академии. Одно только бросилось в глаза. Кажется, не было человека, на лице которого было бы искренне сожаление об умершем. Правду сказать, он едва ли в ком вызвал сожаление. Неглупый, притворяющийся простачком, на самом деле достаточно хитрый, он в первую голову думал о себе. Я не могу судить об его научных достоинствах, но истинное его лицо как человека мне было хорошо знакомо. В голодные годы мы с ним ездили консультировать в санаторию в Левашово. Там нас снабжали пайками! Там я его видел в истинном виде. Все, что было сделано позже, — это было по расчету, по соображениям карьерным.

1.VI. Воскресенье. Первый раз, в продолжение $2\frac{1}{2}$ часов позировал скульптору Игорю Всеволодовичу Крестовскому.

18.VI. Среда. Проф. Ундриц из левой миндаины конхотомом удалил кусочек, содержащий гнойную пробку. Чертовски больно.

В этот же день мы устроили ужин, на котором были: Шабанов с женой, Озерецкий, Зедгенидзе, Назаришвили, Николай Андреевич Кипшидзе.

Вечер прошел хорошо, непринужденно, хочу закончить «бронхиальные свищи», почти нигде не бываю.

25.VI. Среда. Демонстрировал в Хирургическом обществе Пирогова больных

Гусева и Золотую — удаление инородных тел из сердца.

4.VII. Пятница. Закончил «Бронхиальные свищи», получилась солидная монография 225 стр. и 61 рисунок.

5.VII. Суббота. Отнес и сдал монографию «Бронхиальные свищи» главному редактору С.С. Гирголав — на премию.

Был в музее у Максименкова — грандиозное предприятие.

Вернулась Ира, которая ездила в Ригу и Майори, на могилу Нины. Говорит, что могила устроена не совсем хорошо.

8.VII. Вторник. Позвали в Свердловскую больницу, куда вчера доставили Георгия Федоровича Ланга. У него гипертрофия простаты и со вчерашнего дня полная задержка мочи. Я застал его в палате lux'e; при нем его жена Наталия Сергеевна. Как странно его видеть в больничном халате, который он плохо носит. Рассказывает, как это внезапно началось. Я ему рекомендовал сделать двухстороннюю вазектомию, на что он сразу согласился. Шапиро в Москве, ввиду его отсутствия его заменяет некий доктор Нечаев Дмитрий Иванович. Он согласился со мной, что необходимо делать вазектомию. Я предложил сделать это срочно. Я решил ассистировать, он оперировал. Хуже было бы трудно.

10.VII. Четверг. Был у Ланга. Минут через 20 после вазектомии он начал самостоятельно мочиться. Гематома, мошонка черного цвета. Ланг решил, что наступает гангрена.

12.VII. Суббота. Был у Ланга, самочувствие хорошее, мочится самостоятельно. Встретился там с Шапиро, с этой св., как с гуся вода, как будто я его никогда не ругал. Делает вид, что очень меня уважает.

Был у народного комиссара Военно-Морского флота Кузнецова. Смотрел его ногу, чтобы исключить эндоартериит. Исхудал на 14 килограммов. Выглядит прекрасно. Прост, любезен.

Готовимся к отъезду на отдых.

Вечером говорил с С.С. Гирголав. Говорит, что моя работа написана великолепно. Рекомендует добавить клинику.

1946.

ПРИГЛАШЕНИЯ

25.X. Обед у Heiman.

26, 27.X. сами.

28.X у Lerislie — в ресторане (завтрак)
Обед у Heiman'a.

29.X. Завтрак в Presbyterian Hospital.

30.X. сами.

31.X. Ужин у Haigers'a за городом.

1.XI. Обед у Maltz в ресторане.

2.XI. Обед у Heiman'a.

3.XI. Ужин у Васильева. Вашингтон.

5.XI. Я ужинал у Рамишвили.

6.XI. Ужин в закупочной компании.

7.XI. Прием в посольстве.

Кормление зверей.

8.XI. Мы ужинали у Ереминых

и ходили с ними в кино.

10.XI. Обед в университетском клубе Johnd Hoskins Hospital, по приглашению Gant.

11.XI. Обед в Johns Hopkrs Hospital по приглашению Blalock'a.

12.XI. Обед в Johnd Hoskins Hospital по приглашению Ganft.

15.XI. Вроде обеда у Rardin'a.

16.XI. Обед у Пылевецких.

18.XI. Ужин у Скрягина.

20.XI. Обед в ресторане у Thorek'a.

21.XI. Чай у Thorek'a.

25.XI. Завтрак у Balfour'a.

27.XI. Чай у Gray'a. Обед в Mayo Foundation у Balfour'a.

28.XI. Обед у Clagett'a. Чай у Balfour'a.

4.XII. Ленч у Черчилля.

5.XII. Ленч у Гросса.

5.XII. Обед у Core'a дома.

6.XII. Ленч у Cutler'a — в госпитале.

7.XII. Ленч у Maichel'я.

8.XII. Обед у Галаган.

8.XII. Ужин у Галаган.

11.XII Ленч у декана университета Cornell'я.

11.XII. Обед у Биробиджанского комитета.

ДНЕВНИК

№ 10

**Начат 14 июля 1947 г.
Окончен 26 июня 1948 г.**

14.VII. Понедельник. Ни один наш отъезд не обходился без аврала, не обошлось без этого и на этот раз. У меня масса недоделанного, Жорж кричит, что он вообще не может ехать с нами, и предлагает, чтобы мы уехали, а он поедет позже. В клинике лежит бедная Зинаида Васильевна. Тяжелые припадки *angina pectoris*, которые ежедневно повторялись по несколько раз и требовали применения нитроглицерина, но за последние пять дней отсутствуют. Но все это не является гарантией, что они не начнутся с еще большей силой завтра. Во всяком случае, как активный хирург она вышла из строя.

Из Америки пришло 27 ящиков на мое имя, по-видимому, от Ереминой. Я просил их поставить у себя, не открывать до моего возвращения. Еще два дня назад я сам побывал у коменданта вокзала; нам обещали, что для всех троих будут мягкие места. Сегодня утром ездил Боба; обещание подтвердили. Но когда мы приехали, то оказалось, что мягких мест ни для кого из нас нет, есть только жесткие места. После долгих скандалов мне устроили одно мягкое место. И это было хорошо.

15.VII. Вторник. Поезд пришел в Ригу в 1 час. На вокзале нас встретил И.Н. Томилин и отвез в санаторию. Мы устроены в домике, который мы облюбовали в прошлом году. У нас две маленькие комнаты и чудесная веранда.

16.VII. Среда. С утра побывали на могиле Нины. Посаженные туи в большинстве прижились. Зеленые насаждения над гробом в хорошем состоянии. Большого для первого года требовать невозможно.

17.VII. Четверг. Побывали у Федора Федоровича Андреева. Из его слов я узнал, что Ахутин давно демобилизован. Поэтому задержка с его назначением не связана с демобилизацией Ахутина; чем она вызвана, пока не ясно. Почти целый день идет дождь.

18.VII. Пятница. Всю ночь лил дождь. Утром солнечный день. Утром бродили по берегу моря.

Взвесились — у меня катастрофический вес — 87 к. 300.

С сегодняшнего дня сел на довольно жесткую диету. Прекратил есть супы; утром только чашку кофе, не ужинаю, резко сократил хлеб, только один или максимум 2 куска. Не больше 2–3 стаканов жидкости в сутки. Первый раз катались на лодке. Свободно прошли через наш любимый канал.

24.VII. Четверг. Вес 85 к. 400. Стоят прекрасные солнечные дни. Каждый день купаемся и гребем на лодке.

Несколько раз за это время пришлось встретиться с Андреевым. Все тот же самовлюбленный, чванливый дурак. Сегодня он пришел ко мне в 12½ ч. ночи прогуляться. С ним жена. Он пьян.

25.VII. Пятница. Бродили по берегу моря вместе с проф. Б.А. Петровым и А.В. Мельниковым. Из разговоров стало для меня совершенно очевидно, что Мельников мечтает получить место зам. хирурга по морю. «Со мной на эту тему никто не говорил» — был ответ. Может быть, он этим путем желает получить генерала. Может быть, ему генерала и дадут, но даст ли он что либо флоту? Не думаю.

28.VII. Понедельник. Предложил Елизавете Семеновне, пользуясь име-

ющимися у нее материалами, написать «Техника струмэктомии при базедовском зобе».

Образцы: Walzel. Тактика при эндокринных заболеваниях.

*Содержание: История. Анатомия. Подготовка больных. Микроскопическая картина базедовского зоба до и после подготовки йодом. Plummer — дать портрет. Струмэктомия. Осложнения со стороны *n.laryngei inferioris*, паращит желез. Мухоедета и т. д.*

31.VII. Четверг. Прошлой ночью исполнился год, как Нина умирала на руках у меня. Год назад она еще сидела с нами, более вялая, чем обычно, но мы не догадывались, что ей осталось так немного жить!!

2.VIII. Суббота. Были на могиле Нины. Принесли цветы. Вокруг ее могилы посажены туи, которые почти все принялись.

3–9.VIII. Живем тихо, спокойно, в уютном особняке. Купаемся в море, катаемся на лодке. Исправляю чужие работы, большинство которых стоят немногого.

10.VIII. Суббота. Ездили в Сугулду вместе с: Лепорскими, Петровыми, Меньшиковыми, Соколовыми. Прекрасное место, холмы, река, разрушенный замок, постройки XII столетия.

13.VIII. Вторник. День рождения Нины, ей сегодня бы исполнилось 63 года.

Мне пришло в голову написать статью «Н.И. Пирогов как хирург-техник». Никто не может недооценивать его заслуг как анатома, организатора военно-санитарного дела, как писателя, воспитателя. Но я не знаю ни одной работы, которая оценивала его как хирурга-техника.

Какие он сам проводил операции?

Что он предложил кроме костно-пластической ампутации стопы?

Каковы были его результаты?

16.VIII. Пятница. Позавчера заехал к нам начальник Академии Иванов. Он что-то крутит с Самариним. В данный момент, после того как Ф.Ф. Андреев утвержден заместителем главного хирурга на мое место, Иванову Андреев уже не грозит как претендент на кафедру и перспективно как кандидат в начальники Академии. Поэтому, находясь под давлением парторга, безграмотного Смирнова, Иванов будет не прочь провести на кафедру моего Е.В. Смирнова. Человек без идеи, без подготовки, самовлюбленный, он погубит кафедру общей хирургии. К сожалению, и особенно сильных других конкурентов не видно.

Дней 15 назад, сходя с лодки, поскользнулся и растянул левый коленный сустав. Все время держатся боли. Не похоже на разрыв наружного мениска, хотя в этой области держатся боли. К этому, по-видимому, добавились явления левостороннего ишиаса. В общем, дня два тому назад прекратил купанье в море, днем часто сижу с грелкой, а сегодня ночью даже клал себе согревающий компресс.

Адъюнкту дать кандидатскую работу «Адгезивный перикардит». Клиника (Мясникова), пат. анат. (Вайль) диагностика (Зедгенидзе — рентген), лечение (моя госпит. клиника).

21.VIII. Среда. Приехал проф. Эмдин. Среди других вещей он мне рассказал, что Георгий Андреевич ему говорил, что в Академии нет хозяина, что начальником Академии должен быть я или Быков.

Удивляюсь, что у Зедгенидзе не хватает разума держать язык за зубами. Смысл его затаенной мечты вполне понятен. Он прекрасно знает, что я ни на какое место начальника не соглашусь. Посему он ищет себе икону, которая бы числилась начальником, а Зедгенидзе бы правил Академией сильной рукой. Он давным-давно считает Быкова никуда не годным администратором, но почему бы Годунову не завести своего царя Федора Иоанновича.

24.VIII. Воскресенье. Мы прожили прекрасно в Майори; у нас была очень хорошая, удобная дача. Почти каждый день я греб на лодке, купался. Единственным неприятным осложнением явился левосторонний ишиас, который мне в достаточной степени отравил почти весь август. *По временам боли бывали довольно жестокими; они локализируются преимущественно в области задней наружной поверхности левого коленного сустава и отдают в левую голень. По временам боли стихают, затем схватывают снова; по ночам болит так, что это не мешает спать, но все же постоянно чувствую ногу; от тепла боли стихают. Применяли раза два хлорэтил, от этого не стало лучше. Два раза делали парафин и кварц; обожгли кожу на задней поверхности, но не только не стало лучше, но боли обострились.*

В дороге в трясучем вагоне боли особенно прилились, так что я почти не спал всю ночь. Только после ванны боли утихли, и я спал первую ночь, не чувствуя больной ноги.

25.VIII. Понедельник. Если не считать болей, то ехали прекрасно. На вокзале нас встретили Георгий Аркадьевич, Добротин, Головинский и Галкин. Георгий Аркадьевич

на мой вопрос, как дела в Академии, сразу начал говорить, что Академия без хозяина, что с начальником никто не считается и что его следует сменить. На мой вопрос, кто, по его мнению, может сесть на его место, Г.А. ответил, что есть два кандидата, я и Быков. Я ему сказал, что моя кандидатура отпадает, а я удивляюсь, что он, зная, что из себя представляет Быков, выдвигает его кандидатуру. Все остальное понятно — царь Федор и Годунов. Я ему ответил, что, по-моему, это не дело. На этом пока разговор закончился, думаю, что он возобновится. Ко всему остальному, Г.А. не учитывает, что он не пользуется любовью в Академии, кроме того, чтобы выставить начальника Академии, нужны какие-то веские мотивы. Ко всему этому следует добавить, что вместо Андреева сидит Кудинов, который будет всецело подерживать А.И. Иванова.

26.VIII. Вторник. Приходил М.Г. Зайцев. Он мне изложил положение с печатанием моих «бронхиальных свищей». Единственное место, где это могло быть напечатано, это в типографии Ивана Печатника. Кроме того, что они запросили около 70 тысяч рублей, я должен отказаться от своего гонорара около 30 тысяч рублей. Книга каждая будет стоит 240 рублей. Ко всему этому следует добавить, что они не ручаются ни за печать, ни за краски. При таком положении вещей я решил отказаться от печатания книги у нас и попытаться сделать все возможное, чтобы напечатать ее в Лейпциге. Набор сделать у нас.

Из слов Зайцева я понял, что Зедгенидзе довольно широко пропагандирует свои идеи относительно начальника Академии.

27.VIII. Среда. Нога болит меньше, но все еще болит. Ясно болит по ходу седалищного нерва. *Отчетливо наметилась атрофия m.quadriceps.*

Работаю над «панцирным сердцем». Приходил Фрейдлин. Принес сигнальный номер биографического словаря профессоров 1 ЛМИ. Рассказал всю перипетию с печатанием. Технически вышло плохо, но, по-видимому, лучше не могут. Я решил больше не переделывать и подписал сигнальный экземпляр.

Сегодня мы фактически стали переезжать. Отправили на новую квартиру разобранную книжную полку.

28.VIII. Четверг. Побывал в клинике. Мало радостного, не только что никто не покрыл крышу, но оказалось, что прогнили балки, закрыли несколько палат, перевязочную, грозятся закрыть весь 3-й этаж. А 1-го приходят 100 студентов.

В институте полный развал. По-моему, уже пора директору уходить!

Зинаиде Васильевне лучше, явные трофические явления на левой руке. Думаю, что это поражение *gangl.stellatum*, которое одновременно дало явления и со стороны сердца, и со стороны руки. Она собирается уехать в Сестрорецк.

Настолько болит нога, что вызвал проф. Магазаника. Он посоветовал парафин и массаж.

29, 30, 31.VIII. — Вот уже три дня мне на два часа закутывают ногу в парафин, а затем массируют. Наметилось явное улучшение. Заболела рука в области правого плечевого сустава.

1.IX. Понедельник. К утру боли в ноге настолько утихи, что я считал себя совершенно счастливым человеком. Сегод-

ня у меня должны были начаться занятия в институте. *В то время как я писал на доске, я вдруг повернулся, левая стопа оставалась фиксированной на полу. Я почувствовал резчайшую боль в левом коленном суставе. У меня не остается никакого сомнения в том, что дело идет о повреждении наружного мениска.* Боли были настолько сильны, что я вызвал массажистку, которая массировала мне ногу. *С трудом я довел лекцию до конца.* Стоять на ногах было очень трудно, с трудом дополз до дому. Мне сделали парафин, после чего значительно полегчало.

Виделся с Г.Ф. Лангом. Он себя чувствует достаточно хорошо; приходится вставать ночью 1–2 раза — мочиться. Он мне предложил быть зам. редактора в журнале «Клиническая мед.». Я дал согласие.

Я обсудил с ним вопрос насчет термина хронического перикардита; пришли к заключению, что будет правильно называть «хронический рубцовый сдавливающий перикардит».

2.IX. Вторник. Вчера из-за болей в коленном суставе едва дополз до дому и с нетерпением ожидал, пока на меня положили парафин почти на всю ногу. Пролежал 2½ часа; ногу массировали. Ночь провел сносно.

Сегодня с утра боли меньше, но нога еще болит в суставе; болит и при нагрузке. Однако боли значительно меньше, чем вчера.

6.IX. Суббота. Со второго числа сижу дома. Ежедневно на 2 часа мне заворачивают ногу в парафин, затем ее массируют. *Сегодня первый раз я мог, опираясь на левую ногу, сойти и подняться по лестнице.*

Ездили на дачу. Прекрасный солнечный день. Договорился с управхозом насчет того, чтобы он мне перенес сруб, который раньше служил баней. Я хочу в нем устроить гараж для машины; затем — чтобы он выкроил одну комнату на чердаке, с лестницей, которая будет приставлена с улицы, и построил уборную. За все это я ему должен заплатить 1000 рублей.

На обратном пути заехали к Зинаиде Васильевне, которая находится в Сестрорецкой санатории вместе с Натальей Васильевной. Часто бывают припадки сердечные, которые уступают нитроглицерину. Кисть левой руки отечна. Думает, не перебраться ли ей обратно в город. Я категорически отсоветовал. В общем, это инвалид, и никакой надежды, чтобы можно было думать о том, что она вернется к работе.

Наша новая квартира подходит, какжется к концу. Собираемся 10.IX перебраться.

7.IX. Воскресенье. *Нога грызет в одной точке, соответственно наружному мениску, около боковой связки. Ни разу не было блокирования сустава и выпота. Наступаю легче.*

9.IX. Вторник. Наступаю легче, но нога болит достаточно. *Показал ее Куслику; он считает, что это ишиас, а не повреждение мениска.*

Рекомендовал I. Nuosciami с хлороформом. Попробовал, сильно обжигает кожу.

Завтра собираемся на новую квартиру. В этой квартире мы прожили 34 года, по-видимому, в новой придется ее кончать.

Купили автомашину «Москвич» за 10 000 рублей и продали свою «Ганзу» за 15 000 р.

10.IX. Среда. Аврально переехали на новую квартиру. Даже удивительно, как Вера сумела развернуться за один день.

Новая квартира по просп. Кирова, д. № 24а, кв. 73, прекрасна; с одной стороны окна выходят в сад лица, а с другой три комнаты залиты солнцем. Войти в квартиру страшно, беспорядок потрясающий.

11.IX. Четверг. Устраиваемся, мало-помалу намечается кое-какой порядок.

12.IX. Пятница. Сегодня впервые оперировал для студентов V курса.

За 38 000 рублей купили прекрасную столовую красного дерева.

В квартире все еще бедлам, но разобратся легче, чем в предыдущие дни.

13.IX. Суббота. Оперировал в «Скорой». Нога болит меньше, но все еще грызет; большая мышечная слабость.

14.IX. Воскресенье. Ездили с Жоржем и с проф. Сресели на дачу. Из всего обещанного — начтреста заолифил 1/5 крыши.

На обратной дороге заехал к Зинаиде Васильевне, ей чуть легче.

20.IX. Суббота. В ВММА нагрязнула комиссия ЦК во главе с вице-адмиралом Николаем Ивановичем Николаевым. В комиссию входят: В.И. Кудинов, ген.-майор Березкин Федор Федорович, ген.-майор Болдырев, начальник кадров Петр Иванович Пантелеев и др. Кудинов мне сообщил, что Юмашев просил меня принять участие в работах комиссии. Маловероятно, чтобы Николаев пригласил меня для активной работы. Насколько я мог понять, имеются доносы и какое-то решение ЦК. А в это время начальника Академии нет в городе; он уехал со своей мадам в Иваново к Лукьянову. Это тем более обидно, что идут государственные экзамены, а в это

время начальник Академии, который знал о возможности ревизии, утекает. М.Г. Зайцев, который хорошо нюхает воздух, полагает, что нашей верхушке будет, как он говорит, — полетят головы, а не кому, как ему хорошо знать о всех делишках академии. Г.А. Зедгенидзе потерял ориентировку, направо и налево он болтает о неспособности начальника Академии. Полагаю, что и его болтовня повинна до некоторой степени в том, что верхушка напросилась на ревизию. Полагаю, что теперь и он сам не рад...

Моя нога значительно лучше. Иногда все же грызет по ходу *p.ischiadic*, в особенности *p. peronei*, *но я могу спускаться по лестнице, свободно наступать на ногу.*

Оперировал в Академии д-ра Будревича, которому я поставил диагноз рака желудка, растающего в хвост *pancreatis*. Так и оказалось. Почти год назад он лежал у нас по поводу тяжелых желудочных кровотечений; мы ему перелили 12 литров крови, а еще месяца 1½ назад он весело разгуливал по Майори. Опухоль огромных размеров, ничего не пришлось делать.

22.IX. Понедельник. Ревизия в Академии идет полным ходом. Ведут себя пришельцы, в особенности те, которых вызвали на подмогу из Кировской Академии, как завоеватели.

С утра вел занятия в 1 ЛМИ. Затем два часа читал лекцию. *В общем, стоял 4 часа; без всякой видимой причины нога разболелась в коленном суставе.* Нога стала настолько чувствительна, и наступать мне так больно, что *я едва дошел до дому.* Лежал с парафином час, затем взял ванну. Стало немного легче.

Поздно вечером пришли сначала Зедгенидзе, а затем А.И. Иванов. Из их слов следует, что в ЦК поступила масса доносов. Главным организатором всего дела является Смирнов — одноглазый, «приятель» начальника Академии. Все сии деяния этот безграмотный интриган совершает из-за того, что его не пропускают в доценты.

Не исключена возможность, что начальник Академии полетит, а может быть, с ним и другие.

23.IX. Вторник. Нога болит чуть меньше, *но наступать все еще больно.*

В продолжение 2 часов беседовал с ревизором Академии вице-адмиралом Николаевым. Внешне беседа протекала в дружеских тонах. Думаю, что Зайцева мне удалось отстоять. Кудинов мне сказал, что «народ» говорит, что Георгий Аркадьевич ведет с Алексеем Ивановичем нечестную политику. К сожалению — это правда.

24.IX. Среда. Ночь проспал с компрессом на коленном суставе. Сегодня боли ноге меньше, наступаю легче.

25.IX. Четверг. Сажу дома, чему очень рад, так как нога очень сильно болит в коленном суставе.

Позвонил Озерецкий и сказал, что он не может дозвониться до первого секретаря исполкома Алексея Александровича Бубнова. Позвонил я. Очередная стерва, именуемая секретарем, сказала мне, что он занят. Я ей сказал, чтобы она немедленно доложила Бубнову, в чем дело, что дело не терпит, наговорил ей все, что в таких случаях можно сказать. Я предложил Озерецкому, что если Бубнов сегодня не примет, то необходимо послать ему «молнию», в которой написать, что «ввиду того,

что директор не имел возможности обратиться к секретарю, то приглашаем его на торжество таким путем». Но к этому не пришлось прибегнуть, так как позвонила секретарша и сказала, что можно поговорить с Бубновым. Мы были приняты вне очереди. Бубнов был настолько любезен, что ему пришлось простить все его прегрешения. Он говорил с Москвой, добрался до Горкина, просил массу инстанций, чтобы ускорили Указ Президиума Верховного Совета, чтобы он подоспел к завтрашнему дню. Выхлопотал автотранспорт, кино-съемку, одним словом, пришлось простить ему все прегрешения.

Нога болит настолько в коленном суставе, что я едва на нее наступаю.

Вера позвала Б.А. Фаворского. Он пришел к заключению, что это, по-видимому, вторичный неврит. Он не может исключить, что первопричина в коленном суставе. Эти беспричинные вспышки жесточайших болей в суставе все больше и больше убеждают меня в том, что это какая-то степень повреждения наружного мениска.

Мне до зарезу необходимо завтра быть на торжественном заседании, а послезавтра делать доклад, а там думаю неделю сидеть дома, авось утихнет нога!

26.IX. Пятница. Утром оперировал для врачей ГИДУВ'а, при *cardyospasme* делал чрездиафрагмальную *oesophagogastrostomia*. Торжественное заседание в Михайловском театре. На сцене вся профессура, представители различных организаций. Орбели в повседневной форме поздравляет от имени Академии СССР. Заседание открыла Ольга Николаевна Подвысоцкая; дальше председательствовал я. Это было самое легкое

председательствование в моей жизни, мне приходилось только называть учреждение, от которого говорят, и фамилию приветствующего.

Директор института Н.И. Озерецкий произнес хорошую речь, материалом целиком послужила статья Д.И. Страшуна. Затем начались приветствия. Их было много, но они большей частью были краткими, и в 9 часов 20' удалось ликвидировать поздравительный поток. Неприятный осадок остался от того, что не вписали в список должностных говорить вице-президента АМН П.А. Куприянова. Принимая во внимание, что он был разодет в мундире и при всех регалиях, то он обиделся и передал Н.И. Озерецкому записку, что «ему поручено просто передать адрес, что он и делает». Я вполне понимаю, что вышло нехорошо, что не дали слово представителю АМН. Но возгордившийся не в меру вице-президент АМН Куприянов забыл, что кроме своего высокого положения он еще является профессором 1 ЛМИ, и если он видел, что мы что-то забыли, и то не по злому умыслу, то ему не мешало бы на это указать. На самом деле лучше стоять в итоге в роли обиженного. Вторая неприятность: заместителя министра здравоохранения Н.А. Виноградова, который прибыл за 5' до начала заседания, никто «должно» не встретил, и их величество обиделись и даже собиралось «отбить», не удостоив нас чести лицезреть его особу. В конце концов и это улеглось.

Я просидел первое действие довольно глупого балета и уехал домой.

Нога болит сильно, едва могу на нее наступать.

27.IX. Суббота. Утром в 11 ч. в Зале Ленина научная конференция. Начал председательствовать Н.А. Виноградов, а затем, ввиду того что он ушел, заседание вел я.

Прекрасный доклад сделала Гейтер «О белковом обмене в организме». Остальные доклады Купалова, Хлопина и Гаршина представляли значительно меньший интерес. Народу было не особенно много.

Устроенная выставка бедна по размерам, но оформлена хорошо.

В 16 часов у директора состоялся обед в кабинете Хутерева. Присутствовали Н.А. Виноградов, Иван Георгиевич Кочергин, Лобова, Фрейдлин, из профессоров был лишь один я.

В 18 ч. 20' в зале Ленина вечернее заседание. Вначале Виноградов раздавал Значки отличника здравоохранения 47 награжденным. Это потребовало минимум времени.

Ланг был на заседании, но доклада не делал из-за ларингита. Черноруцкого не было, говорят, он в Польше. Вместо него доклад делал Ундриц. Первый доклад делала Подвысоцкая о дерматозах военного и послевоенного времени. Долго, довольно скучно для неспециалистов докладывал Чирковский. За ним докладывал Куприянов о лечении нагноительных процессов в легких. По форме докладывал прекрасно. Все, говорил, мы делали лобектомию, мы делали пневмектомию. Мы-то знаем, что в расшифровке это значит Колесников.

За ним докладывал я. Мой доклад был озаглавлен «Калькулезный перикардит». После замечания Ланга я решил,

что термин неправилен, а потому решил его не употреблять.

По содержанию доклад интересен, но говорят, что я говорил тихо, хотя мне казалось, что я говорил громко. Кроме того, я явно спешил. Кончил доклад через 30' (15 страниц текста), хотя официально имел 40'.

В общем, полного удовлетворения я не получил.

Я договорился с С.С. Гирголав, не найдет ли он возможным, чтобы я сделал доклад на объединенном заседании с терапевтами. С терапевтами я уже договорился. Доклад предполагаю сделать в конце ноября.

Вечером был банкет в «Астории». Было около 150 человек. С профессоров брали по 350 рублей. Банкет как банкет.

Вчера Иван Георгиевич Кочергин сообщил мне, что комиссия по присуждению премии Спасокукоцкого единогласно присудила первую премию З.В. Оглоблиной за диссертацию «Острая артериальная непроходимость». Конкурировали проф. Сапожков, Юдин, Жмур и еще несколько других. Сапожкову не за что было давать. Юдин представил этапы по язвенной болезни. Работа Жмура ниже работы Оглоблиной. Я рад за Зинаиду Васильевну, рад за нашу клинику. Для З.В. при ее экономическом положении будет совсем неплохо получить 20 000 рублей.

Большая нагрузка, которую испытывала моя больная нога, привела к резкому усилению болей. Мне настолько больно, что я с трудом наступаю на ногу. Я едва дополз до дому из «Астории», т. е. фактически до и от автомобиля. Вечером впервые установил небольшой выпот в коленном суставе.

28.IX. Воскресенье. Нога очень болит, наступаю с трудом.

29.IX. Понедельник. В рентгеновском кабинете у Георгия Аркадьевича мне сделали снимки обоих коленных суставов, прихватили и за компанию левый тазобедренный сустав. Как и следовало ожидать, ничего подозрительного не было найдено, если не считать довольно резкого выраженного остеопороза, это и неудивительно, если принять во внимание явления резко выраженного левого синдрома.

Вечером пришли проф. С.С. Гирголав и В.Г. Вайнштейн. Они долго слушали, много щупали и пришли к заключению, что это отрыв наружного мениска у места прикрепления к сумке. Они полагают, что мне необходимо на две недели наложить гипсовую повязку, и все на этом успокоится. В особенности в этом убежден Вайнштейн. Я сказал, что мне повязку положит мой гипсовый техник. Вайнштейн вызвался сам класть повязку.

30.IX. Вторник. В час дня приехал Семен Семенович, он был со мной исключительно ласков. Он ушел, засим прибыла материальная база. Б.К. Рабинович, гипсовый техник Александра Ивановна; принесли гипс, бинты, вату, простыни и клеенку. Вайнштейн решил на мне показать все свое профессорское искусство. Меня положили на живот. Под стопу положили мягкую подушку, чтобы обеспечить легкое сгибание в коленном суставе; но подушка смялась, колено расправилось, что впоследствии причинило мне ненужные боли. Положили мне несметное количество гипсовых пластов, благо я не мешал. Они положили пласт

даже на *regio qlutei*, пока я не взмолился и не упросил, чтобы срезали гипс на высоте ягодичной складки. До накладывания гипса Вайнштейн мне смазал заднюю поверхность ноги вазелином. Это не спасло меня от прилипания волос. Он отказался положить под гипсовой лонгеткой ватник. В сумме повязка вышла громоздкой, местами давит, стопа отвернута в варусе. Я попросил своих задержаться, и когда Вайнштейн ушел, снял повязку и начал ее корректировать, насколько это было возможно, но всего ведь не исправишь.

Одно только было хорошо, как только положили повязку, то боли, которые были довольно сильными, сразу утихли. Целый день я блаженствовал. К обеду встал, передвигаюсь с костылями.

1.X. Среда. Ночь спал удовлетворительно, но под утро стало сказываться выпрямленное колено, и боли стали достаточно сильными. Вера развязала повязку, подложила вату под колено, помассировала ногу; часа полтора поспал, и снова завязали повязку.

Встал, сижу у стола, работаю. Сидеть довольно неудобно. Колено почти не болит, выпот меньше.

В № 8 «Хирургии» появилась рецензия, подписанная проф. Салищевым на книгу Зедгенидзе и Полонского «Пять лет научной деятельности Военно-Морской Медицинской Академии». Думаю, что Салищев тут ни при чем; он одолжил лишь фамилию. Рецензия была напечатана в подготовку той ревизии, которая только что закончилась в Академии. Досталось в рецензии всем, но в особенности начальнику кафедры рентгенологии Г.А. Зедгенид-

зе. Получил он вполне по заслугам. Пора ему перестать заниматься саморекламой!! Боюсь, что это не поможет.

Поздно вечером, после выпускного вечера, ко мне пришел А.И. Иванов, который сегодня прилетел из Москвы. В общем, он очень печален. Он мне рассказал, что его до трех часов ночи избивали у начальника Политуправления Шикина в присутствии Николаева и Завалишина. В общем, говорили только о плохом.

Били и за многих родственников, за семейственность, за совместителей, за книгу «Пять лет научной деятельности Военно-Морской медицинской Академии», били за Векшина, за грубого Солитана и Лапинского. Трудно пока сделать окончательный вывод, чем это все кончится. В случае смещения начальника хотел бы остаться начальником факультета и заняться писанием докторской диссертации. Трудно сказать, кого могут назначить начальником Академии.

Целый день проработал, сидя за столом.

2.X. Четверг. Боли меньше. Повязка тяжела, решили завтра ее переложить.

3.X. Пятница. Приходил Н.И. Озерецкий; пришел прощаться перед отъездом в отпуск. Он мне сообщил слухи из горкомовских кругов. Снимают в Академии: А.И. Иванова, начальника Академии, Г.А. Зедгенидзе, его заместителя, профессоров Ленца, Красногорского, Михельсона, В.М. Иванова. Жаль только двух: А.И. Иванова и М.Г. Зайцева. Н.И. Озерецкий просил меня передать А.И. Иванову, что в пределах своих возможностей готов ему предоставить любую должность, напр., главного врача. Я предложил взять его на место Морева.

Мы договорились с Озерецким не брать в главные врачи пьяницу Никифорова, который на последнем банкете напился, как скотина.

Ходят слухи, что начальником ВММА предполагается Куприянов.

Вечером я позвал А.И. Иванова, который очень доволен предложением (относительно места Морева), которое я ему сделал.

В 15 часов Б.К. Рабинович и А.И., гипсовый техник моей клиники, положили мне хорошую циркулярную гипсовую повязку на хорошем ватнике.

4.X. Суббота. Ночью не находил себе места, повязка очень тяжела. Утром не вынес, разбудил Веру, освободили стопу. Утром вырезали повязку с передней поверхности.

Приходил Бадридзе.

Затем около 17 часов появились жестокие боли в ноге. Не нахожу себе места, не знаю, как положить ногу. Лежу в гипсовой лонгетке, немного уснул. Встал, нога болит меньше. Затем, без всякой видимой причины, боли исчезли не только в суставе, но и в области *tr. meurog.*

Я полагаю, что кроме ущемленного кука оторванного мениска ничего не может объяснить эту изменчивость клинической картины, это жестокое обострение болей и такое мгновенное их исчезновение.

Беру душ и ванну. Одно удовольствие, много двигаюсь. Около 23 часов начинаются жесточайшие боли, грызет в коленном суставе, отдает по всей ноге. Весь развинулся. Вызвал Вайнштейна, уговариваю его, что меня необходимо оперировать. Он с этим не согласен. Он говорит, что я обязан, безусловно, лежать. Я обещаю это сделать, как это ни будет тяжело.

5.X. Воскресенье. Ночь проспал просто хорошо. Лежу целый день. Боль, безусловно, меньше. Лежать трудно, болит и сильно болит в области бursy у большого вертела. Приходили — Крестовский, который забрал 11 разных моих карточек; хочет продвинуть мой бюст. Приходил Г.Л. Френкель, говорит, что он решил уйти из НИМИ; в переводе на русский язык это значит — его уходят. Он говорит, что уйдут Быков, Сланим и Подкопаев.

Приходила Зинаида Васильевна. Выглядит хорошо, говорит, что днем все хорошо, по ночам приходится брать нитроглицерин и пантопон.

Был Алик Стукей. Читал мне работу Хир. общества Пирогова — хорошо.

2 раза делали аппликации парафина. Выпот в сустав меньше. Лежать трудно. Счастье, что сегодня нет сильных болей.

6.X. Понедельник. Ночь спал плохо; болей нет, но очень неудобно лежать, вата слежалась, и повязка в нескольких местах давит. Утром *сам* развязал повязку и несколько часов спал без повязки, нога лежит на подушке.

Весь сентябрь и начало октября стояли изумительные, теплые, летние дни.

7.X. Вторник. Ночь лежал без гипса. Спать удобнее. Боли меньше.

8.X. Среда. Почти целый день просидел. Ногу держал в гипсе, диктовал Вере «Бронхиальные свищи». Боли меньше.

В 17 часов пришли Е.В. Смирнов и И.П. Очкур. Последний меня внимательно посмотрел, сказал, что убежден в том, что сам мениск цел, но что он отделился у края и стал подвижным. Рекомендовал мне туго забинтовать область коленного сустава, что он тут же и сделал очень хоро-

шо двумя мягкими бинтами. Он сказал, что в этой повязке я могу свободно двигаться по комнате, но что 2–3 недели мне нельзя будет выходить.

До вечера проходил в повязке; она давит, сгибать в ней ногу трудно.

9.X. Четверг. Ночь спал без всякой повязки, нога довольно сильно ноет, болит, то в области сустава, то по ходу седалищного нерва.

Утром наложили ватник на всю ногу и целиком ее забинтовали, вдвойне около коленного сустава. Надел костюм, блаженствую. Нога лишь немного ноет. Сажу свободно.

Вечером приходил Георгий Аркадьевич; храбрится, но полагаю, что он чувствует, что его снимут. Завтра проходит врачебную комиссию и через несколько дней собирается в Сочи, без путевки. Насколько могу понять, ему не хочется присутствовать, если придется сдавать должность. Князю не позволяет гордость.

10.X. Пятница. Нога ноет, но брожу по комнате. Нога забинтована мягкими бинтами.

11.X. Суббота. Брожу по комнате; нога ноет, но могу на нее наступать; еще имеется отчетливый выпот. Повязка та же; из-за мышечной атрофии неуверенность во всей ноге и боязнь нагружать колено.

Приходили Хлопонина и Будзинская.

12.X. Воскресенье. Болит больше ночью, по ходу *n.ischiadici*; наступаю на ногу, хожу без палки; разогнуть ногу максимально в коленном суставе больно.

13.X. Понедельник. Идет дождь. Нога ноет больше ночью, чем днем. Болит по ходу *n.ichiadici* и *n.peronei*.

14.X. Вторник. Вчера вечером довольно много двигал ногой. Ночью спал плохо, нога болит, жжет кожу в области головки малоберцовой кости, боли скорее исходят от нерва, чем от сустава. Разогнуть ногу в коленном суставе максимально больно, в особенности сзади снаружи, на этот раз в суставе.

Идет дождь. Погода соответствует сезону. Работаю плохо.

Окончил редактирование книги «Mauser — Meuer».

15.X. Среда. Всю ночь нога не болела, проспал спокойно. Под утро заболел седалищный нерв на бедре, в верхней части. Положил на это место грелку, боли утихли.

Для меня не остается никакого сомнения в том, что мы имеем дело с первоначальным повреждением в суставе и со вторичным невритом n.ischiadici.

16.X. Четверг. Первую ночь спал без грелки. При положении на спине болей совершенно нет. Но при поворачивании где-то в глубине сустава довольно сильные боли, в особенности при ротации в коленном суставе.

Собираюсь выйти в понедельник 22-го и 24-го демонстрировать в Хир. обществе больного с трансдиафрагментарной зазофагогастротомией. Но вот пришел Вайнштейн, который развеял мои мечты, он настаивает, чтобы я еще сидел дома по крайней мере дней 10, а Очкур, который также смотрел меня сегодня, говорит о необходимости 1½-месячного сидения дома, не знаю, с какого момента он начинает счет.

Вайнштейн, который не соглашался вначале признать выступ, который я ему показал, с первого разу за торчащий в межсуставной линии кусок вырванно-

го мениска — сейчас согласен разделить мою точку зрения.

Начал читать Н. Schaefer'a — Der Meniskusschaden. Там нашел рисунок 39 и 40 (стр. 97 и 98), на которых виден вариант, который, по-видимому, имеет место и в моем коленном суставе. При этом варианте большая часть мениска остается на месте. Этим и объясняется, что у меня ни разу не наблюдалось явления блокады, так как в сустав ничего не сместилось. Зато вырванный кусок, оставшийся в связи с мениском, торчит в межсуставной линии.

От этого всего мне не намного легче.

В клинической картине по этому поводу Schaer говорит «Wenn ein abgerissener teil eines Meniskus nach austen luxiert ist, so kann sich diese Situation sehr leicht durch die Palpation klaren lassen».

Мне легче всего и приятнее всего держать ногу в чуть согнутом положении. Попытка выпрямить ногу, а еще больше чуть ее перегнуть в коленном суставе сопровождается сильными болями. Этот признак federnde streckemung также налицо. Поэтому, что я имею дело с разрывом мениска, это уж никакого сомнения не вызывает.

Вейнштейн мне рекомендовал продолжать аппликации парафина. Но Очкур высказал мнение, что лучше прекратить согревание сустава, что приводит к гиперемии и экссудату. Я действительно заметил, что после ванны снова появляется выпот. Поэтому все лечение сводится к тугому бинтованию днем всей ноги — на ватнике и 2 раза в день массаж. Слабые попытки сокращать сильно атрофированные *m.quadriceps*, так как сильные сокращения вызывают боли в суставе.

Не знаю, насколько мне удастся «отшлифовать» разорванный мениск и приспособить его для безболезненной функции.

17.X. Пятница. Вечером приходили Алексей Иванович и Житнюк. У начальника настроение лучше. По-видимому, он убедился, что его оставят начальником. Он уверяет, что через 6 месяцев он сам уйдет, чему я не верю. Он склонен оставить проф. Самарина и даже сам хлопотать, чтобы ему разрешили совместительство, но еще не знает, как избавиться от его помощника. Договорились: Самарин остается, Житнюк переходит к нему доцентом. Карташевский переходит к Пунину доцентом и читает курс переливание крови.

18.X. Суббота. Нога больше болит ночью, чем днем. Хожу в мягкой повязке с ватником на всю ногу. Почти полное сгибание не болезненно; сильное сокращение *m.quadriceps* и переразгибание вызывает болезненность.

Сегодня говорил по телефону с начальником Академии. Он мне сообщил, что кое-что проясняется. По-видимому, он остается на месте, хотя и здорово влепят

приказом. Но вот что было здорово. Вечера он говорил, что уйдет все равно через шесть месяцев, а сегодня он мне сказал, что уйдет через... год. Полагаю, что он забудет через год уходить.

Я ему предложил, в случае нужды, главным врачом госпиталя д-ра Синенько. А.И. сия кандидатура очень понравилась.

19.X. Воскресенье. Все сижу дома. Нога намного лучше. Первую ночь спал совершенно без всяких болей. Могу переразгибать ногу — минимальная болезненность. Первый день хожу без повязки.

20.X. Понедельник. Час ночи. Только что из Москвы звонил Житнюк. Он мне сообщил, что вопрос о начальнике Академии и его помощнике решен окончательно. Приказ об их увольнении будет подписан в четверг. По их мнению, единственный человек, который мог бы спасти начальника Академии, это я. Но я из-за ноги не могу ехать, да если бы и мог ехать, то едва ли из моих попыток что-либо и вышло. Говорят также, что если я не соглашусь быть начальником Академии, то ее закроют. На это я ответил, что если судьба Академии зависит только от меня и она никому не нужна, то пусть ее закроют. Во всяком случае, Кудинов желает со мной раньше проконсультировать, раньше, чем будут выдвигать начальника Академии. Единственный человек, которого можно было бы выдвинуть в начальники, это проф. Засосов и в помощники к нему Долго-Сабурова.

Посмотрим, что выйдет из всей этой кутерьмы! Полагаю, что у кого-то разума хватит, и Академию никто не закроет.

21.X. Вторник. Ночь проспал спокойно, без всяких болей. *Начал заниматься*

активной гимнастикой, чтобы привести в порядок не в меру атрофированный *m. quadriceps*.

Приходил М.В. Струков, докладывал о делах клиники, я ему сообщил, что в будний вторник собираюсь вести занятия со слушателями и читать лекцию.

С утра шел дождь. В 15 часов... пошел первый снег, с виду он мокрый, но снег есть снег. Необходимо готовить квартиру к зимнему режиму.

22.X. Среда. По-видимому, вчера перестарался. Ночью болела нога, не особенно сильно, но все же несколько раз просыпался.

Сегодня из Москвы вернулся Зиновий Мойсеевич Волинский. Он рассказал, в сущности, все, что мне было известно и раньше. К этому он добавил, что бывший морской командующий Николай Герасимович Кузнецов ездил к Хрулеву. Трудно сказать, до чего они там договорились. Кузнецов сказал, что Хрулев затребовал дело к себе. Однако мало вероятно, что если Политотдел ген. Шикин тоже распорядился отдать приказ в том духе, чтобы сняли всю руководящую верхушку, то Хрулев, который вообще стоит за закрытие Академии, со своей стороны сделал бы что-либо.

Очередная и крупная печальная неприятность. В январе 1947 года в госпит. хир. клинике мной был оперирован Самобаев Матвей Михайлович 45 лет. Язва желудка. Кровотечение. После того как больной вышел из тяжелого состояния, я ему сделал двухстороннюю ваготомию.

20.IX. 1947 года больной попал в Кронштадский госпиталь. В тот день он от операции отказывался, а 21.IX.

в 10 часов утра был оперирован А.П. Никитиным под диагнозом кишечной непроходимости.

Спаечная непроходимость тонкого кишечника. Кроме того, «в левом подреберье обнаружена плотной консистенции с гладкой поверхностью окутанная сальником опухоль величиной с куриное яйцо. После резекции сальника опухоль удалена. Она оказалась тампоном размером 14x35 см, окутанная сальником. Живот наглухо.

22/X. в 9 ч. 10' больной умер. Анатомический диагноз: гипертоническая болезнь. Атеросклероз аорты и венечных артерий сердца. Тромбоз левой венечной артерии сердца. Правосторонняя бронхопневмония. Хроническая язва малой кривизны.

Приходил совещаться М.М. Попов по поводу темы для докторской диссертации. Я ему рекомендовал «Изменения желудочно-кишечного тракта при наличии свищей».

23.X. Четверг. Спал беспокойно. Нога ноет, болит не только в суставе, но ночью отдавало по нерву, хотя вчера не делал никаких активных движений.

Снег не удержался. Серый осенний день.

Я просил зайти ко мне Алексея Ивановича. От Волинского ему стало известно все, что происходило в Москве. Он, конечно, не в восторге от предполагаемой отставки. Однако если его устроят на место Морева, то он вполне доволен. На мое замечание, что если ему придется уйти и меня спросят насчет кандидатуры, то я назову кандидатуру проф. Р.А. Засосова, то он сначала удивился. Но очень скоро вполне со мной согласился, что

это, пожалуй, наилучшая кандидатура. «Ему не обидно сдавать должность». Со своей стороны, в роли заместителя начальника Алексей Иванович предложил Сергея Ильича Яковлева, а помощником последнего Заринского. Если бы действительно удалось провести эту тройцу, то это было бы наилучшим выходом из создавшегося положения.

24.X. Октябрь. Нога ночью почти не беспокоила.

25.X. Суббота. Вместе с Волынским был у б. народного комиссара Николая Герасимовича Кузнецова. Официальный мотив визита исследование его 8-летнего сына на предмет наличия у него аппендицита. Неофициальная — желание разузнать у него что-либо новое насчет нашей Академии. Он был исключительно любезен, как и подобает всякому находящемуся в опале. Он рассказал, что был у Хрулева, обещал еще раз ему позвонить. Сказал, что даже в случае нужды позвонит Жданову. В общем, по-видимому, с момента его вмешательства дело с приказом приостановилось.

26.X. Воскресенье. Выезжал и даже немного побродил у Стрелки. Хожу сносно, но не больше. Устает правая нога, *n.m.triceps* на левой ноге.

27.X. Понедельник. В первый раз после болезни возобновил занятия в 1 ЛМИ. В 10 утра вел занятия со слушателями и в 1 ч. дня читал лекцию «Перелом шейки бедра».

В клинике большой день. З.В. Оглоблина защищает докторскую диссертацию под заглавием «Острая артериальная непроходимость». Заседание совета в нашей аудитории. Кроме профессуры,

преподавателей и слушателей налицо председатель Хирургического общества С.С. Гирголав, главный хирург города Иван Петрович Виноградов и А.В. Мельников. Председательствует Г.Ф. Ланг. Официальные оппоненты: П.А. Куприянов, В.Н. Шамов и М.В. Черноурцкий. Все налицо. Прекрасный, я бы сказал исключительно благоприятный отзыв. Он говорил прекрасно, таков же исключительно хороший отзыв и В.Н. Шамова. Более бесцветно было выступление М.В. Черноурцкого, хотя отзыв был также исключительно благоприятный. Я говорил мало, но хорошо, благодарил ее за беспредельную преданность клинике.

В зале после окончания клиники устроила чай, было приглашено около 80 человек. Масса цветов, огромная корзина от больницы, большая корзина от нас, масса цветов и от других. Я, кроме того, подарил ей «Хирургию грудной клетки» Клейншмидта. Одновременно с защитой совпало 35-летие. Были прочитаны приказы от института и Горздравотдела.

Зинаида Васильевна говорила более вяло, чем всегда. Особым огнем она никогда не отличалась, но большая вялость оправдывается ее болезнью. Вообще, постановка была исключительно хороша, лучше было труднее сделать. Благо З.В. не закатила нам ни одного припадка во время всей этой церемонии.

28.X. Вторник. Первый раз вел занятия в ВММА и читал лекцию «Остаточная полость туберкулезного происхождения».

29.X. Среда. Проходил, вернее, прохромал два дня. Щажу левую ногу. Это приводит к неравномерной нагрузке, поэтому начинает болеть вся правая нога,

а на больной ноге присоединились боль в икроножных мышцах.

Ночью болел *p.ischiadius* до коленного сустава. Отправил телеграмму Мухадзе на счет хирургического съезда.

30.X. Четверг. С утра оперировал в 1 ЛМИ. Стоит на один день оставить клинику, как начинается беспорядок. Стукей наивный младенец, Зинаида Васильевна больна, Стучинский болен, а Афанасьева, Рупеко... черт их знает, им следует все подавать готовое, а сами ни о чем не думают.

В 15 часов в Академии начался доклад начальника о работе русских ученых перед иностранными учеными. Боже мой, чего только тут не было. Сидели 5 часов, били ни за что проф. Лазарева за очень интересную написанную им книгу.

Хожу лучше. Нога все еще дает о себе знать.

1.XI. Суббота. Оперировал в Академии.

2.XI. Воскресенье. Вернулся директор 1 ЛМИ. Со мной говорил начальник Академии по телефону. Сказал, что затребовали в Москву характеристику Долго-Сабурова. По-видимому, его предполагают назначить начальником Академии. Не хватает, чтобы в помощники к нему назначили Лисицына. «Процветание» Академии обеспечено.

Уйдет в Москву Мясников, уйдет Самарин, уйду я... начнется развал.

3.XI. Понедельник. Читал в 1 ЛМИ лекцию — «Разрыв уретры».

Сегодня ко мне пришел И.Д. Житнюк, приехавший из Москвы. Он не сообщил мне ничего нового. Кандидатура Засосова в начальники Академии сначала его удивила, а затем он ее вполне одобрил.

4.XI. Вторник. Выпавший вчера с утра снег полностью растаял. Моросит мелкий дождь. Нога беспокоит редко, но прихрамываю из-за слабости мышц. Упражняю *m.quadriceps*, но пока далеко до нормы.

Был на заседании Ленинградского бюро АМН, ничего путного. Говорили о том, как плохо работает Академстрой и об организации следующей сессии АМН в Ленинграде.

5.XI. Среда. Сижу дома. Работаю, пишу для Военной энциклопедии. Серое, свинцовое, хмурое небо, иногда моросит дождь.

6.XI. Четверг. Город готовится к празднованию великой даты, 30-летию Великой Октябрьской революции. Город украшается, усиленными темпами доканчиваются недоделанные работы. Народ ждет больших декретов, в частности амнистии. Кого она коснется, как широка она будет?

День серый, свинцовое небо, моросит мелкий дождь. Моя нога, в общем, ведет себя лучше с каждым днем. Но болит вся сумка, дает о себе знать атрофия *quadriceps*, из-за чего хожу неправильно, и болят обе нижние конечности.

Вчера расплатились со столярами из Интуриста — это настоящие грабители.

8–9.XI. Сидел дома. Работается плохо.

10.XI. Понедельник. Читал лекцию в 1 ЛМИ.

11.XI. Вторник. По приглашению Завалишина и Кудинова выехал в Москву по делам начальника Академии и его заместителя. Перед отъездом ко мне зашел Г.А. Зедгенидзе. Очарователен, любезен. Единственное его желание, чтобы ему дали уйти самому. Я обещал ему в этом отношении полную поддержку.

За ним пришел начальник Академии. Он весело настроен и вполне уверен, что его никто не тронет.

Обсуждаем вопрос об его заместителе. Он склонен взять в помощники Долго-Сабурова. На мое предложение взять Триумфова он соглашается, но, насколько могу понять, с меньшей охотой.

В Ленинграде повалил снег, но тепло.

12.XI. Среда. Поезд приходит в 11 ч. 30'. С вокзала прямо заезжаю к Маркосяну в Медгиз. Сама любезность. Он смотрит мои рисунки, восхищается ими. Говорит, что в ближайшие два дня будет вести переговоры с Госзнаком, если они согласятся, то смогут сделать, о Германии может встать вопрос только после этого. Обещает сделать это в ближайшие дни. Заплатили мне 2790 р. за редактирование и оплатили счета за рисунки. Часть денег заплатят, когда выйдет книга. Там оказалось 13 листов, значит, с них мне причитается, что-то около 5200 р.

Позвонил Завалишину; он сегодня должен быть на докладе у Юмашева, а потому рад будет со мной встретиться до поездки к Юмашеву. Он присылает за мной свою машину, и я у него без двадцати три. Любезен. Вызывает Кудинова. Из разговоров мало-помалу выясняется, что *уже решено бесповоротно снять начальника и его помощника*. Оставшись с глазу на глаз, он мне просто сознается, что он исполнитель. Ему такие даны директивы и точка. Любезный Кудинов молчит, як зарезанный. У них уже намечен начальник Академии — Алексей Михайлович Зотов... Его хвалит Кудинов (и, по-видимому, это его кандидатура), его хвалит Завалишин. Обсуждаем вопрос о заместителе. Называют Долго-Сабурова.

Я говорю, что он ученый, но не будет пользоваться ни авторитетом, ни любовью со стороны профессорско-преподавательского состава и со стороны курсантов.

Называют фамилию Васюточкина, которую я отвожу. Выдвигаю в начальника проф. Засосова. Звалишин требует его дело. Но там оказывается, что Георгий Аркадьевич написал столько пакости, что Завалишин говорит, что ЦК не пропустит. Называю в заместители Яковлева — Завалишин очень заинтересовался этой кандидатурой. Но его дела не оказалось налицо. Я забыл про Триумфова, придется разговаривать завтра.

Спрашиваю Завалишина — не будет ли он иметь что-либо против, если по всем этим вопросам пойду к Главному Юмашеву. Он говорит, что нет, но «нет» он сказал после некоторого раздумья.

Я с ним договариваюсь чистосердечно, и он прибавляет, что хотел бы, чтобы мы были одновременно. После обсуждения выясняется, что ему бы хотелось, чтобы я пошел к Юмашеву до него. Звоню к Юмашеву. Он исключительно любезно отвечает, что поскольку он назначил Завалишину в 21 ч., то просит меня приехать в 20 часов.

Обворожителен, любезен. Выслушивает все мои соображения. Но в ответ он говорит, что он совершенно бессилен. Он уже раз ставил вопрос перед министром, но из этого ничего не вышло. Его обвинили в сепаратизме. Единственный человек, который может помочь, это Говоров. Он обещал с ним переговорить.

13.XI. Четверг. Заехал в Главное медико-санитарное управление. Говорил с Завалишиным, Кудиновым, Вольчикиным

насчет Триумфова. Завалишин затребовал его личное дело. Вечером Вольчкин сообщил мне, что остановились на варианте: начальник — Зотов, помощник — Триумфов.

Насчет Алексея Ивановича дело обстоит так. Завалишин написал в своем приказе: «Освободить от должности». Хрулев переправил на: «Отстранить от должности». С этим не согласны — Завалишин, Кудинов и Юмашев. Первый и последний обещались переговорить с Василевским, у которого приказ в руках. Неизвестно, чья возьмет. Полагаю, что их отстранят.

В дальнейшем обещано, что Алексея Ивановича устроят у нас в 1 ЛМИ начальником кафедры.

В НИМИ — начальником будет Веденякин, а вместо Френкеля — Морев.

Главы для Энциклопедического словаря передам секретарю Завалишина.

Был на заседании ученого совета Министрства... Ну и нудно, и бессмысленно.

Был у Смирнова — получил согласие на созыв съезда в Тбилиси на конец сентября. 1948 года. Завтра заседание президиума, на котором будем обсуждать тематику съезда.

Вечером приходили Тайровы и Хундадзе.

14.XI. Пятница. Приходил ко мне Кудинов. Он знает меньше, чем я. Вообще, это ничто, слякоть. Его поведение в комиссии, по-видимому, определилось боязнью. Он слышал, как он мне сказал, что вот, мол, «приехал Кудинов, который вместе с Андреевым развалили Академию. Он сора из избы не вынесет».

По-видимому, боясь осуждений, он и кивал, как глиняная кукла, головой и на все соглашался.

Был у Маркосяна. Он мне сказал, что на 95% имеется у него уверенность, что Госзнак возьмется печатать мою работу. Подписал договор; платят 2500 за лист.

Договорился насчет перевода Лежара, который будет поручен Лорие.

Ездил смотреть Любовь Александровну, лежит в Институте Склифосовского — гемипарез, инфаркт миокарда, холецистит и тромбоз лефит.

Вечером в больнице Филатова состоялось заседание президиума правления Всесоюзного общества хирургов.

Обсуждали тематику. Остановились на следующих вопросах:

- 1) Антибиотики
- 2) Ожоги термические химические
- 3) Амебные абсцессы
- 4) Лечение переломов бедра
- 5) Кровоточащие язвы желудка. Опухоли пищевода
- 6) Острые холециститы
- 7) Бронхектатическая болезнь и ее хир. лечение
- 8) Комбинированные методы лечения рака грудной железы.

Был на заседании Хир. общества. Делали доклады Левит — «Советская хирургия за 30 лет». Савицкий А.И. «Онкология за 30 лет».

Вечером мне звонил Малахов. Полон возмущения поведением Кудинова.

Днем ко мне приходил Андреев. Все тот же шут, который полагает, что никто ничего не видит. Все давно увидели, что он глуп, пьян, развратен и фанфарон. Он еще, по-видимому, не понял, что его карта бита.

15.XI. Суббота. Звонил ко мне Кудинов. Я ему объяснил, что если во главе Академии будет поставлен просто генерал

Зотов, то его замом должен быть профессор, по моему предложению Триумфов. Он со мной согласился.

Приходил ко мне Лев Романович Шейнин. Страдает канцерофобией. Показал три папилломы на penis'e.

Немало вреда принесла книга Н.Н. Петрова о предраковых заболеваниях. Он мне сказал, что он беседовал с *Голиковым*, и последний ему ответил, что дело Мосико прекращено. Чтобы удостовериться в этом, я с ним поехал в Верховный Суд. Сначала он долго справлялся по телефону, но не получил никакого ответа. Некоторое время спустя в кабинет вошел некто *Кудрявцев* с делом Мосико в руках. Лицо вошедшего выражало явно смущение. Выяснилось следующее. Что это дело единолично рассматривала какой-то член Суда женщина и нашла, что все правильно. Сейчас, когда Кудрявцев заглянул в дело, то оказалось, что за то, что он одолжил машину, чтобы тот поехал «налево», нельзя было давать четыре года. В настоящее время дело необходимо снова пересмотреть. При этом Мосико будет освобожден с зачетом 1½ лет наказания. Но для этого необходимо снова затребовать дело из Тбилиси. *Только через 1½–2 месяца они рассчитывают дело закончить.*

Шейнин и Александров обещали, что они будут смотреть за движением дела. Я послал телеграмму в Кутаиси, где сообщал, что надеюсь на освобождение через 2–3 месяца.

Звонил Завалишину. Исключительно любезен. Говорит, что будет в Ленинграде через неделю. Я ему также объяснил, что если во главе Академии поставить не профессора, то необходимо, чтобы по-

мощником был профессор. Я предложил Триумфова. Он мне сказал, что Триумфова вызвал.

Он мне сообщил, что положение с приказом пока остается неясным, что он беседовал с Василевским, но результатов не знает.

Еду «стрелой». Нога разболелась; она не терпит тряски.

16.XI. Воскресенье. На вокзале меня встретили Жорж, Вера и Алексей Иванович. Приходил ко мне Триумфов; он, по видимому, очень доволен предложенным ими постом зам. начальника Академии.

17.XI. Понедельник. Читал лекцию в 1 ЛМИ «Рак головки pancreatis». Озерецкий предложил А.И. Иванову перейти на службу в 1 ЛМИ.

18.XI. Вторник. Повторил ту же лекцию в ВММА.

19.XI. Среда. Из-за отсутствия света в «Скорой» должен был отменить операции.

Вчера начал активные движения левой нижней конечности на специальном аппарате. Странно, но сразу стало лучше.

Мессель мне напомнил, что 19.XII мне необходимо делать доклад о «лечении ожогов».

20.XI. Четверг. Оперировал для врачей ГИДУВ'а в 1 ЛМИ. Иванов срочно выехал в Москву; ему не сидится, бедному, хочется что-либо выяснить. Побывал у Н.Г. Кузнецова, сообщил ему о том, что я узнал в Москве относительно начсостава Академии.

21.XI. Пятница. Оперировал в 1 ЛМИ.

22.XI. Суббота. Оперировал в Академии. Потух свет — резецировал желудок электромонтеру Соколову из Майори в полутьме.

23.XI. Воскресенье. Через час упражняю ногу по пять минут. Впервые могу становиться на левую ногу без болей и хожу не прихрамывая.

Мне передавали вчера, что наш Политотдел заявил протест против кандидатуры Триумфова; у них своя кандидатура, по видимому, Васюточкин.

Интересно, что Орбели, говоря с Горыным-Шалтан, сказал ему, что едва ли стоит последнему идти на кафедру в ВММА, учреждение, которое в ближайшее время закроют.

24.XI. Понедельник. С утра занимаюсь в 1 ЛМИ. Затем там же читал лекцию. Затем заседал в Военном музее.

25.XI. Вторник. Вел занятия в ВММА и читал лекцию «Переломы шейки бедра». Конференция в «Скорой». Достижения за 30 лет.

26.XI. Среда. Оперировал в «Скорой». Чудесная погода. Лежит снег. Т° 3–4. Выехал в Москву на доклад редколлегии. Попал в купе с Верой Игнатьевной Мухиной, узнал ее по сходству по портрету Нестерова.

27.XI. Четверг. Заседание у Смирнова. Я сделал доклад об иллюстрационных делах в опыте Отечественной войны. С его согласия хирургический съезд переносится на 1949 г. в Тбилиси.

Побывал у Маркосяна. Он мне сказал, что вызывал художников, которые сказали, что рисунки прекрасны, но они сделаны литографским способом, и их трудно воспроизвести в печати. Поэтому он решил мою книгу направить в Германию. Затем он добавил, что уже провел это решение через ЦК. Не знаю, что правда и что ложь из сообщаемых им фактов. Делает вид, что очень

из-за меня будет стараться. Говорит, что я должен буду окончательно завизировать книгу, так как они не пришлют корректуру, и я увижу книгу в том виде, в каком я ее им сдам. Я обещал быть снова в Москве 17.XII и просил его к этому сроку заготовить все необходимое. Он обещал.

Я с ним договорился относительно перевода второго тома Лежара, который должен делать И.Ф. Лорие.

Вечером ко мне приходили: Петровы, Хундадзе и Лорие. Последнему я передал мой личный второй том Лежара и первый том переведенного Лежара.

Приходил А.А. Вишневский, чтобы пригласить на завтра к себе в клинику.

28.XI. Пятница. С утра приехал ко мне А.А. Вишневский. Клиника А.А. Вишневского расположена в каком-то старом благородном купеческом учреждении. Здание давно не ремонтировалось. На потолке протечи. Центральное освещение. Большие палаты. И отец и сын исключительно любезны. Стараются выложить мне всю собственную премудрость. У отца и у сына отдельные кабинеты.

Сначала сын мне показал тематику, изображенную на доске. Идея центральная — трофика и возможность влияния не нее с помощью блокады.

Влияние на мягкие ткани, на кости, на железы.

Влияние на «вульгарную» инфекцию, на специфическую инфекцию. Затем были показаны стенды с операциями при Са татмае и пр. Были показаны лечение язв, самопроизвольной гангрены, туберкулеза.

Затем папа Вишневский делал под местной анестезией Са татмае по Госсю.

Местная анестезия безукоризненная. Но премудрость оной анестезии заключается в безбожном наливании анестезирующего вещества. Смотря на количество вливаемого вещества, действительно начинаешь верить, что новокаин не имеет никакого токсического действия. Все мышцы после анестезии лежат окруженные как бы в желе. Из двух ассистентов один добросовестно «протирал», и с виду с него и нечего спрашивать.

Оперирует А.В. Вишневский хорошо, не болтает. У курносой сестры маска закрывает только нос. Да и вообще, у всех присутствующих прикрыты только носы. На полу огромных размеров таз, прикрытый простыней. Лигатуры все кетгутовые завязывают все ассистенты. Последние ножницы держат неправильно. Старик отслоил кожу отчасти с задней поверхности *m. latissimi dorsi*. Еще до того момента, как была удалена опухоль, хирург многократно прикидывал — хватит ли кожи. Несмотря на это, кожи едва хватило. В подмышечной области он ввел тампон через разрез длиной в 5 см. Этой тампонаде он придает особенное значение в блестящих исходах, которые он получает.

Я ему сказал, что оперирует он хорошо, что анестезия безукоризненна, но что я обещаюсь никогда не делать ампутации грудной железы, пораженной раком, под местным обезболиванием.

Затем меня пригласили в операционную сына, расположенную в следующем этаже. Операционная такая же простая комната, только в ней имеется лестница для зрителей.

Больной оперируется по поводу *са cardiaе*.

В момент, когда я вошел, Вишневский-сын вводил новокаин по линии межбедренного разреза в количествах фантастических — это что-то беспредельное, до «обалдения». Он красиво оперирует, щадит ткани, тщательно останавливает кровотечение. В первую половину операции сдержан, относительно мало говорит. Во вторую половину мало сдержан, ругается, суетится. Медленно вскрыл грудную клетку. Предупредил больного, что немного будет трудно дышать. Затем он сделал большой межбедренный разрез, рассек хрящи, анестезировал *p. phrenicus*, в нескольких местах ненужным образом захватил края легкого люэрами, которые пролежали до конца операции. Разрезал диафрагму, убедился, что опухоль желудка врастает в *rapsgas* и даже имеются метастазы в поперечную ободочную кишку. Он высвободил пищевод со всех сторон и в диафрагме оставил значительную щель. Долго и тщательно зашивал рану.

Над мышцами положил длинный тампон, пропитанный мазью, для предупреждения подкожной эмфиземы, как он мне объяснил потом.

После операции я ему сказал, что мы бы начали операцию со стороны живота. Легко бы убедились, что опухоль иноперабельна. Анестезия вначале была вполне достаточной. К концу операции больной начал жаловаться, и хирург долго убеждал, что он сейчас кончает операцию.

Старик мне показал нескольких больных с туберкулезом коленного сустава. Он делает Тексторовский разрез, затем тщательно выскабливает туберкулезный очаг. Полость заливают мазью. Кладет редкие швы, через которые протекает

мазь. В ближайшее после операции время он через эти щели вливает мазь. Все раны зажили per primam. У некоторых больных даже сохранилась ограниченная подвижность.

А.А. Вишневский мне показал с десятков больных с самопроизвольными гангренами. Они делают двухстороннюю блокаду окологречной клетчатки по 75 куб. см. Ноги заворачивают в мазевую повязку. Затем оборачивают в довольно большой слой серой ваты, а поверх кладут легкую гипсовую повязку.

Напоследок Вишневский-сын показал мне, как из правого предсердия магнитом достают пулю. Последняя вводится через v.jugularis на ниточке, чтобы пуля не проскочила в правый желудочек и дальше. Под наркозом песику вскрыли правое предсердие. Хирург уверял, что он касается концом магнита пули, но так как она на короткой нитке, то достать ее не может.

После всего этого они меня угостили прекрасным обедом.

Впечатление от всего виденного странное. Оперировать оба хорошо. Их так называемая трофическая концепция туманна и для них самих не понятна. В двадцатом веке при наличии шикарных автомобилей — наркоза они расхваливают прекрасный выезд с шикарными лошадьми и кучером. Но убедить критически относящегося к делу зрителя, что стоит сотни раз колоть раком пораженную грудь, — едва ли возможно.

Торговичевой в ВАК'е сдал диссертацию З.В. Оглоблиной. Вместе с Озерецким и Куприяновым побывали у Шабанова насчет поликлиники.

Был на заседании бюро Всесоюзного общества хирургов. Присутствовали: Приоров, Краснобаев, Гирголав, Левит, Бакулев и др. Решили съезд созвать в Тбилиси в 1949 году.

Программные темы: «Гнойники амёбно-го происхождения, острые холециститы, Тяжелые желудочные кровотечения».

Но кроме съезда в 1949 году было решено осенью 1947 г. созвать в Ленинграде конференцию хирургов РСФСР. Программной темой пока остаются ожоги. Для этой конференции можно было бы наметить следующих докладчиков по ожогам:

Гейфтер Ю.М. «Гуморальные сдвиги при тяжелых ожогах».

Джанелидзе Ю.Ю. «Современное лечение ожогов».

Петров Б.А. «Пересадка кожи после ожогов».

Решено созвать пленум Всесоюзного общества хирургов, приурочив его к сессии АМН в январе 1948 г. в Ленинграде.

29.XI. Суббота. Нет билета на «стрелу», решаю ехать скорым. Был у адмирала Исакова. После первых сеансов массажа, предписанного Богоразом, из-за болей он не спит по ночам. Я ему даже сам рекомендовал обратиться к гомеопату, лишь бы утихли боли.

Пообедал у них и поехал к Бадридзе.

Скорый поезд отошел из Москвы в 22 ч. 30 и пришел в Ленинград в 13 ч. 30. В Ленинграде снег, пурга.

Меня встретили Вера, Жорж и Алексей Иванович, которому я не мог сообщить ничего утешительного, поскольку ген. Хрулев грозит сослать его на Черное море.

30.XI. Воскресенье. Сижу дома, ничего не делаю. При каждой моей поездке

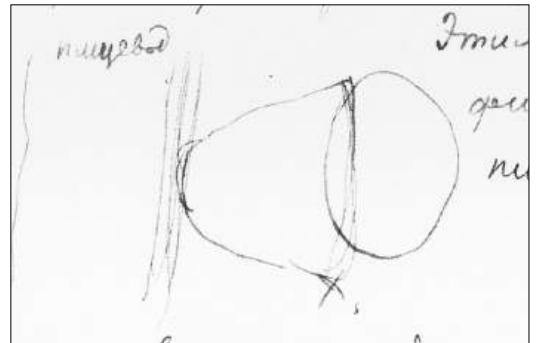
состояние моей ноги ухудшается; она не выносит тряски. Боли с наружной стороны совершенно исчезли, однако по временам довольно сильные боли в капсуле, в области прикрепления *vastus medialis*. Еще довольно сильно прихрамываю, отчасти из-за болей, отчасти из-за страха, а главным образом из-за атрофии *m. quadriceps*. Активно работаю на аппарате для развития этой мышцы; она стала значительно сильнее, но еще далеко от идеала.

1.XII. Понедельник. Вместо лекции и разбора со студентами я оперировал студента 5 курса с кардиоспазмом. Он дошел до полной невозможности глотать даже воду.

Я решил повторить свою технику эзофаго-гастростомии трансдиафрагмальную. После вскрытия грудной клетки и надрезывания плевры средостения оказалось, что пищевод так впаян рубцами в ткань сретения, что выделить его не представляется никакой возможности. Это, по-видимому, зависело от того, что несколько месяцев назад в нашей же клинике ему была произведена резекция желудка по поводу язвы желудка. Когда я разрезал диафрагму, то оказалось, что под ней имеется ограниченный серозный перитонит. Мне удалось с исключительным трудом наложить первый ряд швов между желудком и пищеводом. При наложении последних двух швов игла прошла не то через пищевод, не то через желудок, и потекло содержимое. Мы его отсосали, но клетчатка средостения немного испачкалась.

Я начал класть второй ряд швов, которым хотел окаймить площадку для обра-

зования места анастомоза. Наложение этого ряда швов оказалось еще более затруднительным. Предварительно вокруг «площадки» положил четыре шва, которыми я предполагал воспользоваться для подтягивания стенки пищевода. Эти нитки впоследствии мне скорее мешали, чем помогали. Когда мне показалось, что наложено достаточное количество швов, я вернул между пищеводом и желудком металлическую оливу. Но когда я вздумал ее нащупать, то ее не мог нащупать. Тогда мне пришло в голову, что олива выскочила. Так это и оказалось. Благо она ушла недалеко. Поэтому в дальнейшем я считаю правильным отказаться от наложения окаймляющих площадку ниток, но зато прошить стенку пищевода ниткой, которая проходит через оливу.

Этим швом одновременно фиксируется и стенка пищевода, и олива

Наконец я вскрыл желудок и вздумал найти место, которое бы соответствовало «обшитой площадке». Но это место я найти не мог. Не имея возможности таким путем закончить операцию, я решил ограничиться операцией Микулича. Раз десять я искал отверстие пищевода,

но не мог его нащупать. Измучившись вконец, я решил не пытаться дальше оканчивать операцию. Я зашил дыру в желудке, обшил вокруг него диафрагму, оставив довольно пространства вокруг. В плевру ввел косо дренаж и наглухо зашил грудь.

Я пришел домой физически и морально разбитым. Редко когда я уставал так сильно, я едва стоял на ногах.

Может быть, следовало этому несчастному студенту сначала наложить гастростомию и вывести его из состояния голодания, или позвать ларингологов, чтобы они попытались его бужировать и кормить.

Может быть, следовало не закрывать наглухо грудь после того как игла прошла через септический пищевод.

2.XII. Вторник. Вел занятия в ВММА и читал лекцию «Облитерирующий тромбоангиит».

Поздно вечером мне позвонили из клиники, что больной в удовлетворительном состоянии.

3.XII. Среда. Весь разбит. Сижу дома, работаю плохо.

4.XII. Четверг. Мой студент живет. Я ему разрешил глотать воду и молоко. Он глотает. В очень тяжелом состоянии.

С утра оперировал в 1 ЛМИ. Резекция по поводу пептической язвы анастомоза и резекция нескольких ребер по поводу остаточной полости.

Читал для V курса в 1 ЛМИ лекцию «Острый живот».

Вечером у нас были гости: Исаак Андреевич Хатридзе, Алексей Иванович Иванов с женой, Георгий Аркадьевич Зедгенидзе с дочкой, Георгий Петрович Назаров и Михаил Григорьевич Зайцев.

5.XII. Пятница. У моего студента тяжелая эмпиема; распустили швы.

Сижу дома — День Конституции. Читаю «Материалы по клинике и патологии огнестрельных слепых ранений сердца и перикарда» — нужно дать отзыв в комитет по премиям имени Бурденко.

6.XII. Суббота. С утра в Академии делал большую пластическую операцию обожженному Запорожцу — заменил всю правую щеку итальянской пластикой.

В 13 часов перерыв. Пошли на вынос тела капитана 1 ранга Виктора Александровича Векшина, бывшего зам. начальника Академии по строевой части.

После перерыва оперировал офицера с большой остаточной плевральной полостью слева. Сделал 1-й момент операции Carter'a. Вышло очень хорошо.

Смирнов позвал в Свердловскую больницу — смотрел двух больных. После всего этого поехал в клинику — застал своего студента умирающим. *Ночью он и умер.* На вскрытии: пищевод у *cardiae* едва пропустил зонд. Сильно устал.

7.XII. Воскресенье. Закончил рецензию на книгу Шипова. Это безграмотный и безответственный нахал, которому едва ли в чем-либо можно верить.

Мои ноги причиняют мне довольно много беспокойства. Левое колено после ванны довольно сильно болело. В правой нижней конечности снова возобновились странные явления. Во всей ноге появляется ощущение такое, как будто я ногу отсидел, а иногда в ней происходят массивные судорожные сокращения мышц бедра ягодичных, реже мышц голени.

Погиб больной, которого я оперировал по поводу пептической язвы анастомоза.

Это был тяжелый больной старик. Этого тоже, конечно, жалко, но не так, как предыдущего.

8.XII. Понедельник. Вел занятия в 1 ЛМИ и читал лекцию «Язвы и их лечение». Затем был на заседании у Куприянова — редакционное заседание.

9.XII. Вчера приехала комиссия, которая обследовала Академию. Во главе комиссии вице-адмирал Николаев, с ним Кудинов и Зотов. Два дня шел актив, на который пускали только избранных. На активе много ругали Алексея Ивановича, Совелова. Насколько могу понять со слов «обвиняемых», меньше Г.А. Зедгенидзе.

С утра в Академии, затем читал лекцию, после которой уехал на заседание к Куприянову.

10.XII. Среда. С утра в «Скорой». Вечером торжественное заседание, посвященное памяти Н.И. Пирогова. Из Москвы был приглашен Б.Э. Лимберг. Он сделал доклад «Хирургия груди от Пирогова до наших дней». Великий исторический обзор. Второй доклад сделал Шамов «Патология правого подреберья». Доклад исключительно поучительный и интересный.

На заседании председательствовал я по приглашению президиума Хир. общества. После докладов был показан фильм «Усадьба Пирогова». Лимберг упомянул о «блестящей моей работе, художественно оформленной, — бронхиальные свищи», из этого упоминания я понял, что Маркосян ему передал мою работу для рецензии.

После заседания мы были приглашены на ужин к С.С. Гирголав. По дороге Б.Э. Лимберг мне сказал, что получил большое удовольствие, прочитав мою

работу. Он о ней дал очень хороший отзыв. Наряду с этим ему дали на отзыв работу А.Н. Бакулева «Лабэктомия и пневмонектомия» — это хлам. Он сказал будто бы Маркосяну, чтобы тот показал Бакулеву мою работу как образец. Я, конечно, очень доволен, что моя работа встречается такой отзыв.

11.XII. Четверг. С утра я в Академии. Оперировал больного с констриктивным перикардитом — Терентьева. Присутствуют С.С. Гирголав, Б.Э. Лимберг, П.Г. Корнев, В.А. Шаак, А.И. Иванов, В.М. Зотов и много врачей.

Вторым оперировал больного Данилова с инородным телом — пулей в корне левого легкого. Пуля расположена продольно к средостению. Сначала больного долго не удавалось усыпить. Разрез в 3 левом межреберье с пересечением ребер, но доступ оказался недостаточным, я резецировал одно ребро. Найти пулю, замурованную в корне легкого, оказалось нелегко. Только снявши перчатку и ориентируясь на перикард, я нащупал пулю. Значительно больше затруднений представляло ее удаление. Пуля была замурована в капсуле, надорвать которую тупым путем оказалось невозможным. В конце концов я фиксировал ее на указательном пальце; острым краем ножниц соскоблил капсулу и пулю удалил. Показались пузырьки воздуха. Я ввел в полость конец тампона, пропитанного мазью Вишневского. В 9-е межреберье ввел дренаж, и грудь закрыл наглухо, за исключением места, где был выведен тампон. Через дренаж отсасали воздух.

Я ушел на заседание совета. Приблизительно через час пришел Струков и ска-

зал, что у больного появилась подкожная эмфизема, которая нарастает. Я обещал зайти в клинику. На заседании совета в ВММА присутствовали: В.И. Кудинов, А.М. Зотов (новый начальник Академии), Б.А. Долго-Сабуров, будущий зам. начальника. Председательствует А.И. Иванов, налицо его зам. Г.А. Зедгенидзе.

Делает бесцветный доклад Б.В. Пунин о результатах обследования его кафедры. Все у него хорошо, а если что и плохо, то в этом виновато командование Академии. Содокладчик, председатель комиссии А.В. Мельников был более чем либерален к деятельности клиники. Среди недочетов было указано, что доценты Житнюк и Новожилов живут не в ладу между собой. Начальник клиники Б.В. Пунин научную тематику принимает большинством голосов сотрудников клиники. В общем, было довольно гнусно слушать деятельность начальника клиники, но что поделаешь. Бог не нашел у себя в запасе мозги, чтобы достались и на долю Б.В. Пунина.

После перерыва В.И. Кудинов исчез. Слово взял начальник Академии А.И. Иванов и сказал: «Приказом министра Вооруженных сил я и мой заместитель освобождены от занимаемых нами должностей. В продолжение 8½ лет я работал с вами в качестве начальника Академии. Я работал с вами и в мирное время, и тогда, когда над нашей Академией падали зажигательные и другие бомбы. Вместе с вами в эвакуации, в Кирове на пустом месте мы организовывали условия для работы Академии. По возвращении я опять работал с вами и всегда находил с вашей стороны поддержку, и вы всегда оказывали мне доверие, искренне всех вас благодарю». На этом

разрешите закрыть заседание. Все встали... и, не говоря ни слова, разошлись!!!!

Я пошел в клинику. Застал Данилова в тяжелом состоянии. Эмфизема заняла грудь, шею, обе верхние конечности и распространилась на лицо. Я надавил постоянное отсасывание через дренаж электрическим насосом. Ввел несколько толстых иголок в подкожную клетчатку на груди.

12.XII. Пятница. С утра в 1 ЛМИ. Оперировал больного с диагнозом язва желудка, но таковой не нашел.

Читал для 5 курса лекцию «Омертвление на почве эмболии бедренной артерии».

Вечером Константин Яковлевич Кенигсберг защищал в Педиатрическом институте диссертацию под заглавием «Незаращение Боталлова протока». Тему диссертации дал я, работал он на кафедре Ф.И. Валкера. Председательствовала Ю.А. Менделеева, защищал прекрасно. В пятницу 12, в Педиатрическом институте встретил Мандельштама, который мне сказал, что одного из его больных с констриктивным перикардитом оперировал А.А. Немилев и с успехом произвел ему перикардиектомию. Он мне обещал справки по этому поводу.

В городе большой ажиотаж в ожидании денежной реформы. Из всех магазинов раскупили все, что только можно раскупить.

13.XII. Суббота. С утра оперировал в ВММА: 1) Ложный сустав левого плеча. 2) Пластика по поводу келоидов лица. 3) По поводу обожженного уха.

14.XII. Воскресенье. Вечером в 18 часов по радио объявили закон о денежной реформе и об отмене продуктовых

и промышленных карточек. Сильно страдают все хранившие большие суммы в кубышках.

15.XII. Понедельник. С утра в райкоме, где нам разъясняли смысл постановления Совета Министров; вечером выступал перед избирателями 662 округа. Моими защитниками выступили С.П. Иванов, А.Л. Стуккей, студент Хаютин, еще какая-то студентка 5 курса, Софья Израилевна Жермунская и секретарь фабрики музыкальных инструментов. Среди избирателей — два первых ряда были заняты детишками в возрасте 6–8 лет. Остальные молодежь из техникума.

16.XII. Вторник. Сiju дома, готовлюсь к докладу «Современное лечение ожогов». Узнаю много нового, касающегося главным образом пересадки кожи при глубоких ожогах.

17.XII. Среда. Вместе с Грушкиным были в Горздраве у Левина по поводу необходимости закрытия 30 коек в институте и получили разрешение.

Был в Академии. Виделся с начальником Главного медико-санитарного управления ген.-лейт. Николаем Ивановичем Завалишиным по его приглашению. Вели ни к чему не обязывающие разговоры. Он вполне правильно обвиняет командование Академии и в частности А.И. Иванова в деле Самарина. По его словам, Самарин вместо себя предлагает некоего Добычина. По словам Завалишина, этот человек пороха не откроет. Я показал в своей клинике ему нескольких больных, в частности большого с перикардиэктомией, и нескольких больных с пластикой, которые ему не могли не понравиться.

В 16 ч. 30' началось заседание совета ВММА. Я посоветовал А.И. Иванову условно быть на заседании. Однако, как выяснилось впоследствии, Завалишин сначала посоветовал ему не ходить на заседание, а затем запретил быть.

Утром официально и. о. начальника был назначен А.М. Зотов. Заседание открыл Н.И. Завалишин, который и сообщил о приказе министра, о смене руководства, о назначении А.И. Зотова, который в дальнейшем и вел заседание.

Слово предоставляется ген.-м. В.И. Кудинову, который докладывает о выводах комиссии. Он довольно долго и нудно читает, что ему было приказано и напечатано. Там перечислено масса грехов, но ни одного существенного, из-за которого можно было бы сменить начальника. Много говорится о достижениях Академии, но они в расчет не принимаются. Затем спрашивают — нет ли вопросов. Я задаю вопрос. Что сделало Главное медицинское управление, чем оно помогло Академии? Сначала Кудинов, а за ним и Завалишин должны были громогласно признать, что они ничего равно не сделали. Выступали Горбовицкий, Пунин — по пустякам. Затем выступил Быков на тему, что такое ученый и как учитывать научную работу, и вообще... по-Быковски. Затем говорил Н.И. Лепорский — хорошо. В конце выступил Завалишин. Он говорил сдержанно, поддерживал все обвинения, выдвигаемые комиссией. Заседание окончилось в 9 часов вечера.

У меня ангина, но я должен продолжать готовить доклад, который у меня совершенно не готов.

18.XII. Четверг. Нездоровится. Допиываю доклад, который лист за листом

перепечатывает Вера, которая из-за этого не пошла на работу.

В 17 часов с Жоржиком приезжаем в Дом санитарной культуры, где должна состояться конференция, посвященная XXX-летию «Скорой помощи». Зал прекрасно декорирован. Заседание должно было начаться в 17 часов, а началось в 18 часов 15'. Мессель сделал хороший доклад «XXX лет работы Ленинградской скорой помощи». Второй мудреный доклад сделал В.М. Карасик, после перерыва сделал доклад М.Д. Тушинский о «Токсиинфекциях». Содержание доклада было чепушное, но еще обиднее было смотреть на докладчика. Речь его скандирована, он говорит с чрезвычайным напряжением. Иногда кажется, что вот-вот он заговорит, но дальше не пойдет.

За ним докладывал я. «Современное лечение ожогов». Материал хороший, да и по содержанию он неплох. Но я-то знаю, что он не доработан.

Вечером у нас ужинали Н.И. Завалишин и Н.И. Озерецкий. Последний меня уверял, что он в приятельских отношениях с Завалишиным. У меня этого впечатления не осталось. Дома Завалишин держится просто. Однако не остается впечатление о человеке большого ума. Он твердо обещал, что устроит А.И. Иванова в 1 ЛМИ.

19.XII. Пятница. Нездоров. Сижу дома. Работаю плохо. Окончил отзыв о монографии А.К. Шипова.

20.XII. Суббота. Продолжаю сидеть дома. Удивительно мягкая и приятная зима. Температура — 4–10°; лежит снег. В нашей квартире изумительно тепло, особенно хорошо в кабинете.

Моя нога заметно улучшается. Боли, которые еще недавно ощущались с внутренней поверхности в сумке, исчезли. Нога не болит даже при сильном массаже. *Guadriceps* значительно увеличился в размерах и тонус его повысился. Однако в сравнении со здоровой мышцей он еще отстаёт. Звонил С.С. Гирголав. Он мне сказал, что моя работа стояла на первом месте для премирования, но Е.И. Смирнов снял с премии всех, которые должны были принимать участие в написании главы в «Опыте Отечественной войны». Может быть, это и правильно, но тогда не нужно было нам разрешать участвовать в конкурсе.

Была Софья Михайловна Кузнецова; уезжает в Ялту работать в санатории на два месяца.

21.XII. Воскресенье. Приезжал корреспондент ТАСС'а, ездил со мной на баллотировочный пункт и снимал меня, когда я голосовал.

22.XII. Понедельник. С утра вел занятия в 1 ЛМИ. Затем читал лекцию «Острая эмпиема». Смотрел фильм «Пирогов». Некоторые кадры прекрасны, прекрасен кучер Пирогова, но сам он показан лишь эпизодически, местами плохо.

Мне вручили грамоту Ленгорсовета.

23.XII. Вторник. Зима остается снежной, мягкой. С утра в Академии, вел занятия. Окончил лекцию о ложных суставах и начал читать «Артериовенозные аневризмы».

Вечером делал доклад в Горздравотделе о научно-исследовательской работе Института скорой помощи. Председательствовал Г.Ф. Ланг, присутствовали Маслов, С.С. Гирголав, секретарь И.С. Бабчин. Вышло хорошо.

24.XII. Среда. Оперировал в «Скорой» больного, уже раз оперированного, по поводу якобы двух язв желудка; не нашел ни одной, сплошные рубцы и спайки. Произвел дегастро-энтероанастомоз. Утром председатель избирательной комиссии вручил мне мандат об избрании меня депутатом Ленгорсовета.

Оперировал больного Е.К. Реймерс по поводу калового свища на сигме. Оказалась исключительно трудная операция.

И.С. Бабчин сделал в Хир. обществе доклад «Лейкотомия — психохирurgia у шизофреников».

Все болею, теперь насморк — этим заканчивается каждый мой грипп.

25.XII. Четверг. С утра сижу дома, не здоровится.

Читал одному потоку 5 курса последнюю лекцию — «Острый живот».

Поехал в Институт переливания крови. Там конференция по язвенной болезни. Исчерпав научную тематику по переливанию, Институт ищет новые темы. Слабая аргументация, что желудок принимает участие в кроветворении, — по сему они занимаются этим вопросом. Доклады чепуховые. Сиповский на 30 резецированных *p.vagi* только в 7 сл. нашел изменения. Доклад настоящая халтура. В зале собачий холод. Окончательно простудился.

26.XII. Пятница. Сегодня у меня в 1 ЛМИ оперировал В.Г. Вайнштейн, сделал операцию по поводу первичного вывиха плеча по собственному способу. Анестезия местная. Оперирует средне, много болтает и добросовестно «протирает» рану (см. Вестник хир. 66, 2:57–61. 1946).

Сам оперировал по поводу привычного вывиха надколенной чашки. Соединил воедино операции Smillie и A.Krogius'a. Вышло хорошо.

Совершенно пропал голос. Чувствую себя неважно. Позавчера чуть-чуть оступись, опять стал прихрамывать, и коленный сустав стал чувствительным.

27.XII. Суббота. Утром убрал инородное тело из спаек перикарда (в ВММА). Затем оперировал Бахвалову с констриктивным перикардитом. Я ей произвел небольшую лапаротомию, выпустили 21 литр асцитической жидкости. Я хотел проверить, не имеется ли туберкулезного перитонита; последняя оказалась совершенно здоровой. Оперировал больного по поводу ложного сустава.

В 1 ЛМИ праздновался 40-летний юбилей К.Н. Рабиновича. Все было как по расписанию, речи от представителей обществ, старых товарищей, друзей, врачей, сестер, санитарок, выступила даже пациентка. Как бедный Константин Николаевич попался на эту удочку.

Приехал Б.К. Рабинович из Москвы и привез мои «бронхиальные свищи». Исправлений очень мало. Перечитываем действительно в «последний раз». Рукопись должна пойти в Лейпциг. В рукописи оказались пропущенные даже фразы.

28.XII. Воскресенье. Сижу дома. Не здоровится.

29.XII. Понедельник. Сижу дома.

30.XII. Вторник. Утром вел занятия в Академии. С проф. Зедгенидзе читал лекцию об идиопатическом расширении пищевода.

31.XII. Быстро летит время; еще один год позади. Повреждение ноги испорти-

ло мне почти полгода. О новой квартире не могу сказать ничего кроме хорошего. Счастлив, что в ней тепло и можно человечески работать. Встречаем Новый год с Верой и Жоржем, кроме того, позвали Григория Степановича Лопатина и жену Кукушкина, Лидию Степановну.

1.I. 1948. Четверг. Сижу дома. Начал писать небольшую работу «Техника перикардэктомии при хроническом сдавливающем (констриктивном) перикардите. Начал писать «бронхиальные свищи», глава в «Опыт Отечественной войны».

2.I. Пятница. Оперировал в 1 ЛМИ — лапаротомия по поводу иноперабельного рака желудка.

Егорова — по поводу огромной остаточной плевральной полости 15x10x10 см сверху сзади. Снаружи все давно закрылось. Отхаркивает много гнойной мокроты. Трудная резекция костяка. Шок на операционном столе.

3.I. Суббота. В Академии председательствовал на клинко-анатомической конференции. Послал письмо насчет констриктивного перикардита.

4.I. Воскресенье. Работаю над «бронхиальными свищами». Слегла Вера с гриппом. Т— 38°. Ставили банки.

5.I. Понедельник. С утра сижу дома, вечером на заседании 1-й сессии Ленинградского совета второго созыва.

Послал письмо Бакулеву насчет «констриктивного перикардита».

6.I. Вторник. С утра в ВММА вел занятия и читал лекцию — «Артериовенозные аневризмы».

Был на заседании в Музее у Максименко. Вечером заседание Ленинградского совета.

7.I. Среда. В «Скорой». Оперировал сам двух больных, на одном ассистировал. Одному мальчику, которому несколько лет назад наложил илеосигмоэндостомию по поводу болезни Гиршпрунга с двусторонним выключением, убрал весь толстый кишечник.

Вечером заседание Хирургического общества. Делал доклад Е.В. Смирнов — «Неполная перевязка артерии при артериальных аневризмах». Докладывал хорошо.

Хороший доклад сделал Маргоран «Илья Буяльский».

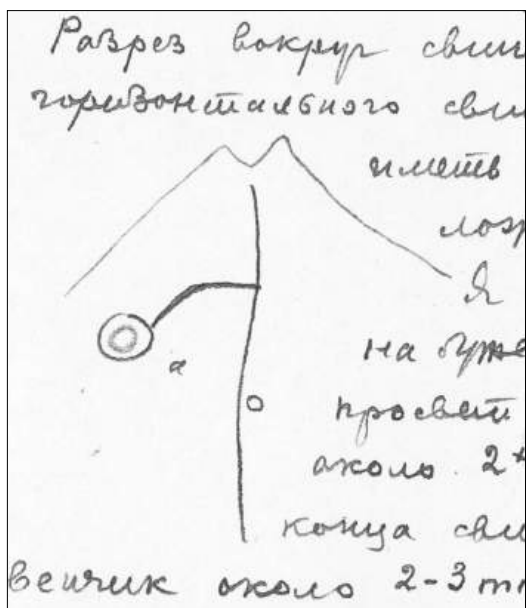
8.I. Четверг. *Через Владимира Матвеевича Рожкова отослал Маркосбяну рукопись «Бронхиальные свищи».* Случайно решил сделать фильм «Хирургическое лечение констриктивного перикардита. Будет делать Ной Ильич Галкин.

Вчера в «Скорой» предложил Ивану Демьяновичу Житнюку тему для докторской диссертации «Роль плазморреи в судьбе обожженного». Боюсь, что кишка тонка у докторанта. **6.I.** предложил Б.К. Рабиновичу из своей диссертации «Лечение по Мейленграхту больных с кровоточащими язвами» написать статью.

9.I. Пятница. В 1 ЛМИ. Оперировал инженера Муравьева по поводу незаживающего желчного свища. Месяцев 8 тому назад он лежал в продолжение 2 месяцев в терапевтической клинике по поводу тяжелого холангита. Т все время 39–40°. Я оперировал его, нашел небольшой пузырь, из которого после вскрытия d.Choledochus начала выделяться белая желчь. Ductus choledochus оказался на всем протяжении проходимым. Печень в ужасном виде, темно-оливкового цвета. Введен дренаж

в ductus choledochus. После того как дренаж был удален, свищ не зажил. Холангиография показала, что dcholedochus непроходим. Больной не хотел оперироваться, тянул не только неделями, но и месяцами, да и я, зная тяжесть операции, не спешил. Наконец оба согласились.

Я решил не искать дистального конца d.choledohus как задачу невыполнимую. Да если бы я и нашел его, то он едва ли для чего-либо оказался пригодным. Решил анастомозировать конец трубчатого свища с тонкой кишкой. Обезболивание общее. Разрез вокруг свища. Я не сделал просто горизонтального свища для того, чтобы иметь здоровую кожу над ложем выведенной кишки.

Я отсепаровал свищ на буже, введенном в его просвет, на протяжении около 2 см вокруг наружного венчика оставался кожный венчик около 2–3 мм. Просвет свища был затампонирован.

Лоскут кожи с подкожной клетчаткой был отсепарован и отвернут.

Парамедиальным разрезом справа была вскрыта брюшная полость. Кишки найдены чуть окрашенными в желтый цвет.

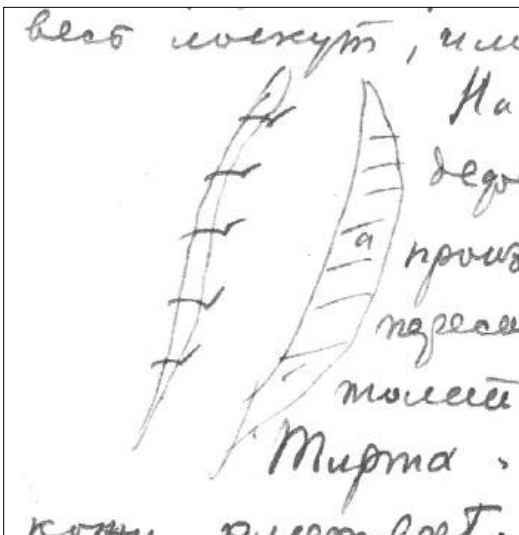
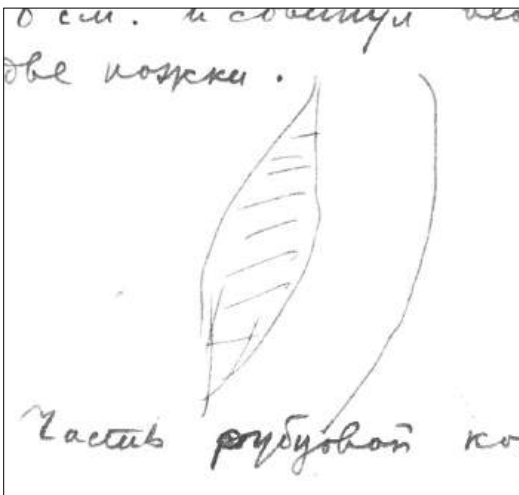
Сделан параректальный разрез справа, чуть ниже отверстия свища. Через отверстие проходят три пальца. Я вытянул брюшину и обшил ее по всей окружности дыры.

После этого я нашел liq. Treizi, самую верхнюю петлю тонкой кишки, затем отошел на достаточном расстоянии, около 70 см. Достал петлю, которая свободно доставала до свища. Протасил петлю через подготовленную для нее щель несколькими одиночными швами (кетгутowymi). Затем вскрыл просвет кишки и пришил всю толщу стенки кишки к кожному венчику вокруг свищевого отверстия. Зашивание было произведено исключительно тщательно.

Затем кишка была вшита отдельными шелковыми швами в отверстие в брюшной стенке. Затем был наложен анастомоз между приводящей и отводящей петлями тонкой кишки.

Кожный лоскут был отвернут и прикрыл место анастомоза между концом свища и петлей кишки. Брюшная полость была закрыта наглухо.

2) Мальчик, который лежит в отделении по поводу изъязвившихся рубцов в подколенной ямке. Я иссек весь рубец. Произвел два параллельных разреза, отстоящие друг от друга на расстоянии 8 см и сдвинул весь лоскут, имеющий две ножки.

На оставшийся дефект была произведена пересадка толстого Тирша. Часть рубцовой кожи омертвевает.

В этот же день в 16 часов пошел в «Скорую» и в *первый раз произвел иссечение кожи и подкожной клетчатки на передней поверхности правого бедра. Ожог третьей степени.*

Поверхность с краев начала гноиться (17 день), и *найден* был гемолитический стрептококк. Я им пренебрег. Обшил всю обожженную поверхность. Иссек всю толщу кожи и подкожной клетчатки. Затем я мобилизовал кожу в разных направлениях. Затем я швами сшил все, что можно было сшить. Осталась обнаженная поверхность 10x15 см. С передней внутренней поверхности левого бедра Б.К. Рабинович дерматомом Педжета взял прекрасный лоскут (толстый Тирш), которым я и покрыл всю поверхность. Фиксировал по Гальтие.

10.I. Суббота. В ВММА. Оперировал Зорина, которому несколько месяцев назад я сделал двухстороннюю ваготомию по поводу язвы 12-перстной кишки. Вначале было хорошо, а затем все возобновилось. Мы оперировали его в предположении, что будем делать резекцию желудка. При лапаротомии — бесчисленные плоскостные спайки, перегнутый желудок. Разъединил спайки, восстановил форму желудка, отделил желчный пузырь и зашил живот.

2) Больная Сергеева — хронический мастит. Иссечение куска железы вместе с плотным узлом. Макроскопически на Са не похоже.

3) Больная Родионова. Ранена в 1943 г. Инеродное тело в легком. Остаточная

полость от 2 до 5 ребра и плевро-бронхиальный свищ. Наружного свища нет. Интратрахеальный наркоз. С колоссальным трудом удалось резецировать пять ребер деформированных, склерозированных. Полость 10x8x8 см. Стенки: париетальная плевро утолщена до 2 см, висцеральная сплошная шварты. У верхнего края 5 ребра плевро-бронхиальный свищ — диаметр около 4 мм. Несколько раз кровяное давление резко падало — до 90 мм, а раз упало до 0 — зрачки расширились. Я прекращал операцию. Но стоило мне дожидаться повышения давления и дотронуться до больной, как давление снова падало.

Соблазн был велик — заткнуть свищ концом мышцы, а затем произвести насечки по Рансохову. Но я предпочел закончить операцию и затампонировал полость по Микуличу.

Вечером состояние больной — П. 80', уд. наполнения.

4) Расправление Филатовского лоскута, подготовленного для ложного сустава.

Моя больная нога явно идет к выздоровлению. Сустав почти не чувствителен к давлению. Нога еще очень реагирует на случайные переразгибания. M. quadriceps намного улучшился, но еще явно заметна атрофия.

11.1. Воскресенье. Работаю над техникой перикардэктомии.

12.1 Понедельник. С утра в 1 ЛМИ смотрел больных. Показал директору института, который приходил с секретарем парторганизации и инженером Ивановым, как на нашей лестнице через обвалившийся потолок и через дефект в крыше видно небо.

На кафедре топографической анатомии и оперативной хирургии на трупе произвели кино съемку перикардэктомии.

13.1. Вторник. Сижу дома, работаю над техникой перикардэктомии. Много в ней меняю.

14.1. Среда. Утром в «Скорой» оперировал старуху 73 лет по поводу язвы малой кривизны. Желудок в полном смысле слова расплзался под пальцами. Боюсь, что старуха погибнет.

Вечером заседание в Хирургическом обществе.

15.1. Четверг. С утра в ВММА оперировал Маргариту Бахвалову со сдавливающим перикардитом. Среди многочисленных врачей присутствовали: В.А. Шаак, М.И. Хвиливицкая, А.Л. Мясников, Иосет, асс. Заблудовского, А.И. Иванов, Г.А. Зедгенидзе. Во время операции Ной Ильич Галкин произвел кино съемку. Операция продолжалась около трех часов и прошла хорошо.

2) Делал большую пластическую операцию на лице.

16.1. Пятница. Сижу дома, работаю над главой «Бронхиальные свищи».

17.1. Суббота. Сижу дома. Работаю над тем же.

18.1. Воскресенье. Вечером приходил Федор Федорович Андреев, который рассказывал разные новости. Он сообщил между прочим, что собирается заняться хирургией сердца.

Между прочим, он сообщил, что ввиду того что предполагается сокращение аппарата на 30%, не исключена возможность, что сократят и его должность. Ему предложили занять должность в Центральном госпитале, который сам на ладан

дышит. «Я, — говорит Андреев, — сказал, что на это не согласен. В крайнем случае согласен занять кафедру общей хирургии в Академии ввиду ухода Самарина». Это был пробный шар, посмотреть, как я буду реагировать на сей ход. Я сделал вид, что не понял сей жертвы, которая преподносится Академии. Через некоторое время заход был повторен, но я опять ничего не понял... Так Андреев и не узнал моего отношения к этому вопросу. А отношение мое самое отрицательное. Пьяница, давно переставший работать, испорченный административным бездельем, не знающий ни одного языка, самовлюбленный болтун, он ничего никому не может дать, а по-сему для Академии он плох.

Однако, как мог я выяснить впоследствии, Кудинов одобряет эти поползновения Андреева. По-видимому, он хочет его выжить из Москвы.

19.I. С утра в 1 ЛМИ смотрел больных.

Заседание совета, на котором Ланг делал доклад о научно-исследовательской работе института за 1947 г. и признал ее вполне удовлетворительной.

20.I. Вторник. Был в клинике ВММА. Моя больная с перикардиэктомией хороша.

Было заседание Ленинградского бюро АМН. Виделся с Кудиновым. Насчет Иванова, кажется, что-то намечается, но все еще решить не могут.

21.I. Среда. Обходил ожоговое отделение. Там нет ни одного хирургически мыслящего человека.

22.I. Четверг. Сiju дома. Работаю над «ожогами». Мне пришло в голову для закрытия решетчатого легкого с множественными свищами у больного Егорова

создать «Трубчатый кожно-мышечный лоскут» в области *regio glutei dextri* и перенести его в область дефекта.

23.I. Пятница. Сiju, работаю дома.

24–28.I. Вечером в Таврическом дворце началась IV сессия Академии Медицинских наук. Сессия открылась короткой речью Аничкова, после которой начались доклады. Начал Г.Ф. Ланг с доклада «О роли нервной системы в этиологии гипертонии».

Доклад основательный, исходя из которого можно сделать вывод, что нам, хирургам, при этой болезни делать нечего. Отвратительный по форме, детский по содержанию доклад сделал Зеленин. Митерева следует судить не за то, за что его судили, а за то, что он в компании с Б.Д. Петровым и Париным этого идиота назначили директором Института терапии. Хорош, как и всегда, был доклад П.К. Анохина, безупречен был доклад Н.Н. Аничкова, основанный на обширном материале. Доклада своего приятеля Давыдовского я не слушал.

25.I. Воскресенье. Доклад академика-секретаря Семена Александровича Саркисова о деятельности президиума Академии Медицинских наук продолжался три часа. Там было всего понемногу — упоминание о положительных и отрицательных сторонах. Вечером шутовски говорил С.В. Аничков.

26.I. Понедельник — хороший доклад сделал Шамов «Принципы и перспективы хирургического лечения гипертонической болезни». Всего 33 случая. Три смерти. Доклад Н.Н. Петрова «О профилактике» я слушаю третий раз. Интересен был доклад Глазунова.

Вечером у нас был ужин. Были: Е.И. Смирнов с женой; Цулукидзе с женой Еленой Венедиктовной; Шамов с женой Валентиной Александровной, Н.Н. Приоров, И.Г. Руфанов, А.В. Вишневский и, о ужас, М.Э. Бурденко, Н.Н. Аничков с женой, С.С. Гирголав с женой, Александр Николаевич Бакулев с женой и нас трое, всего двадцать человек. Вечер прошел очень весело.

27.I. Вторник. Отчеты академика-секретаря о работе отделений. Докладывал И.Г. Руфанов. Выбрали в действ. члены: А.Л. Мясникова, Крюкова и Саркисова.

На вечернем заседании я не был.

28.I. Среда. Утреннее заседание. Выборы действ. членов. Та же процедура — избраны те же. Кроме того, Саркисов был выбран академиком-секретарем. Это не находка, но лучшего нет.

Вечером были доклады химиков. Мало что я понял. Интерес представляли: заключительное слово А.Д. Сперанского. Он так выстирал И.В. Давыдовского, что этому последнему едва ли когда-либо представлялось слышать что-либо подобное.

Блестящее резюме сделал Н.Н. Аничков. На этом фоне совершенно бледным выглядело выступление министра здравоохранения Е.И. Смирнова.

Н.Н. Аничков признал IV сессию очень удачной. Тематический разбор вопроса в освещении разных специалистов, безусловно, имеет свои преимущества.

Однако знание настолько дифференцировалось, что если еще можно понимать хирургов, то уж совершенно недоступны для хирургов, думаю, что и терапевтов, доклады биохимиков.

В дальнейшем предполагается созывать по две сессии клинического отделения и одну сессию АМН. Последняя в следующем году предполагается в Киеве.

29.I. Четверг. В 1 ЛМИ оперировал для членов сессии. На операции присутствовали: А.В. Вишневский, Н.Н. Приоров, И.Г. Руфанов, А.Т. Лидский, Рабинович, Мамамтодшвили, Т.Д. Иоселиани и другие.

Оперировал я большую 49 лет с эхинококовой кистой 2 ребра справа. Операция под интратрахеальным наркозом. Прошла очень хорошо. Ребро удалось резецировать вместе с кистой.

Часов около 4 ко мне в клинику вместе с Ф.И. Машанским пришел Е.И. Смирнов. Мы ему показали, в каком печальном состоянии находятся клиника и поликлиника. Он пришел в ужас. Обещал помочь, но во что выльется эта помощь, сказать трудно. Он сейчас увлечен одной идеей, объединения больниц с поликлиникой. Он полагает, что все зло всех наших беспорядков кроется в том, что это не сделано.

Он обедал у меня с женой, кроме того, были Мамамтавишвили и молодой Иоселиани. У меня создается впечатление, что до нашего министра мало что доходит. Он занят лишь одной идеей — объединения больницы и поликлиники — все остальное на данном этапе для него не существует, а протекающие крыши в больницах и клиниках и гниющие балки — это идет мимо его ушей.

30.I. Пятница. Вызвали в «Скорую» к тяжело больной медичке, где нужно было решать вопрос — идет ли дело о панкреатите или внематочной беременности. Оказался тяжкий геморрагический панкреатит.

Затем оперировал в 1 ЛМИ больного по поводу небольшой остаточной плевральной полости. Сделал мышечную пластику. Под мышцу подвел дренаж, куда будут вливать пенициллин.

Был на заседании районного совета.

31.I. Суббота. Оперировал в Академии: 1) Пластика носа. 2) Пересадка сухожилий при непоправимом повреждении лучевого нерва. 3) Пластика на шее (б-ной Запорожец), где произвел колоссальное перемещение кожи. На операциях присутствовал проф. Рабинович из Омска.

Ной Ильич Галкин демонстрировал нам кинокартину перикардиэктомии, которую он снимал у нас на больной Бахваловой. Фильм сделан прекрасно. Его следует лишь дополнить некоторыми данными.

1.II. Воскресенье. Сижу дома. Пишу технику кардиолизиса.

2.II. Понедельник. Смотрел больных в 1 ЛМИ. Совершенно протек весь третий этаж. Протекла аудитория. На заседании совета, на котором разбирался вопрос о работе «Метод бюро», где председателем состоит Фрейдлин, я сделал два внеочередных заявления: о недопустимости отсутствия у нас клинко-анатомических конференций и о катастрофическом состоянии здания госпитальной хирургической клиники и здания поликлиники.

Вечером говорил по телефону с Н.И. Озерецким. Он что-то крутит и говорит, что его хотят перетянуть в Москву. Для нас потеря была бы невелика. Было бы, конечно, <хорошо>, если на его место удалось бы директором института назначить проф. М.А. Сресели.

3.II. Вторник. Странная в этом году зима. Огромное количество снегу, незна-

чительное число дней с низкой температурой, в конце января наступила даже оттепель. Сегодня опять мягкая погода и идет снег.

Утром оперировал в «Скорой» девушку, у которой *дермоидная киста* правого яичника прорвалась в мочевой пузырь, откуда выделялись волосы. Я убрал кисту правого яичника, нашел в пузыре дыру в задней стенке мочевого пузыря, которая пропускала указательный палец; дыру зашил и прикрыл маткой. С другой стороны киста прилежала к fl.Sigmoidea, откуда, по-видимому, и исходила инфекция. Киста была наполнена гноем. В ложе ввели пенициллин, бр. полость была закрыта наглухо.

Вечером объединенное заседание в клинике. Одна демонстрация, три хороших доклада.

Моя левая нога совершенно поправилась. Хожу без палки. Иногда, и то очень редко, ощущаю боли, в особенности при максимальном сгибании. M. quadriceps в значительной степени восстановился, но он еще отстаёт от здоровой мышцы. Беспокоят нерезко выраженные явления ишиаса с правой стороны. Хожу все еще головным, но не спинным мозгом.

5.II. Четверг. Идет снег. Подморозило. Было заседание совета в ВММА. Нас продержали 4½ часа. Довольно развязно, с ощущением своего могущества держит себя Долго-Сабуров, который грозит, что больше у нас таких безобразий не будет. На самом деле научная работа выполнена на 83%. В резолюции косноязычного Васюточкина даже говорилось, что работа выполнена неудовлетворительно. Но в совете предложили

эту формулу изменить на недостаточно удовлетворительную.

Начальник Академии А.М. Зотов прочитал длинную, по-видимому, заранее согласованную речь. Она была очень, очень грозна... Я предложил, чтобы речь была отпечатана, роздана и зачитана на кафедральных совещаниях. Не получилось у меня впечатления, что начальник был в восторге от моего предложения. Савелов даже пригрозил, что за невыполненную научную работу не мешало бы отдавать суду чести.

Проф. Максименко докладывал о работе Музея. Цифры и расходы астрономические, дай бог, чтобы это в какой бы то ни было степени окупилось.

От таких заседаний приходишь домой совершенно разбитый. Не знаю, насколько это улучшает нашу работоспособность.

Предложил Н.И. Галкину составить фильм «Восстановительная хирургия». Я бы хотел дать «Все виды кожной пластики» (с отметкой русских работ), ложные суставы, пересадка сухожилий и т. д. А.Н. Максименко с этим предложением согласился.

6.II. Пятница. С утра в «Скорой». Мария Григорьевна приняла больного, у которого в предыдущий день ударило в живот лафетом. Клиническая картина была неясная. Утром вырисовался перитонит. При лапаротомии нашли полный разрыв кишки, как будто ножом разрезало.

Оперировал в 1 ЛМИ больного с абсцессом легкого.

7.II. С утра в Академии. Оперировал

1) Больного с разрывом внутреннего мениска.

2) Больного с кардиоспазмом. Предполагал сделать операцию Heller'a, но

ввиду того что надрезалась в одном месте слизистая, перешел на операцию Neugowski'го. Не знаю, как это закончится, вышло хорошо.

3) Оперировал Илью Васильевича Козырь — пересадка кожи по поводу гемангиомы лица.

Председательствовал на клинико-анатомической конференции.

Вечером в 10 часов ко мне пришли А.М. Зотов и И.Д. Житнюк. Обсудили дела Академии. В общем, остается старое положение.

Договорились, что во что бы то ни стало сохранить Н.Н. Самарина; убирают М.И. Смирнова и некоторых других ассистентов, от которых нечего больше ждать. Избрать Горowego-Шалтан и его же назначить начальником научно-исследовательского отдела.

Провести в жизнь — ординатура — 3 года, ассистентура 5 лет, с правом переизбрания еще один раз при достаточных к тому основаниях.

8.II. Воскресенье.

9.II. Понедельник. Утром вел занятия в 1 ЛМИ. Читал лекцию «Хроническая эмпиема, остаточная полость». Заседание совета.

10.II. Вторник. Заседание у Куприянова.

11.II. Среда. С утра оперировал в «Скорой».

Вечером заседание Хирургического общества.

12–13.II. Четверг-пятница. Сижу дома, готовлюсь к докладу.

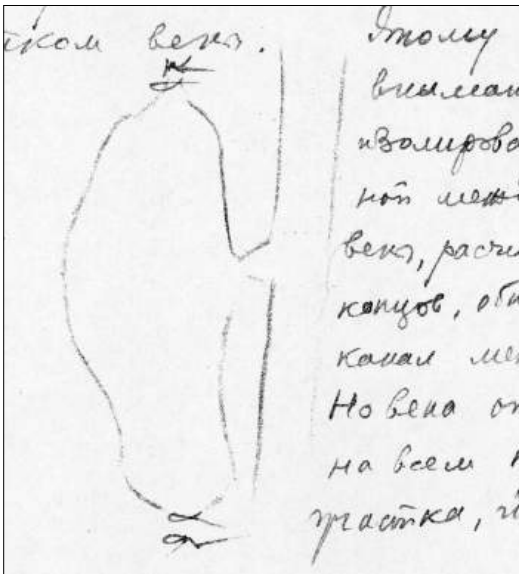
14.II. Суббота. Оперировал в Академии.

1) Больного с диагнозом артериовенозная аневризма между общей сонной и внутренней яремной веной. Ока-

залась аневризмы между внутренней яремной веной и какой-то — артерией, по-видимому, небольшого диаметра. Перевязал *v. jugularis* и иссек ее на протяжении мешка.

2) Резецировал тонкую кишку по поводу калового свища четырехлетней давности.

Проанализировав дома операцию артериовенозной аневризмы, которая технически казалась мне безупречно выполненной, я пришел к обратному заключению. Я оперировал больного, исходя из диагноза артериовенозной аневризмы между общей сонной и внутренней яремной веной. Когда я вскрыл сосудистое ложе, то в средней части шеи, *v. jug. interna* и *art. carot. communis* были тесно спаяны друг с другом. Когда я изолировал дистальный конец его и перевязал, то жужжание сразу прекратилось. Тогда можно было предположить, что кровь из *art. carotis* перетекает в *v. jugularis*, и потому и без того расширенную вену дальше не раздувает.

Но и после того как я перевязал проксимальный конец внутренней яремной вены, то и тогда изолированный участок вены нисколько не увеличился в размерах, что, однако, безусловно должно было бы иметь место, если бы действительно имелось сообщение между *art. carot. communis* и изолированным участком вены.

Этому я не уделил большого внимания. Я продолжал изолировать участок перевязанной между двумя лигатурами вены, рассчитывая в конце концов обнаружить где-либо канал между веной и артерией. Но вена отошла от артерии на всем протяжении, и участка, где бы вена сообщалась с артерией, мы не нашли, хотя впоследствии мне сказали, что Борис Константинович где-то обнаружил дверку в стенке вены. Б.К. выслушал шею, но шума больше не обнаружил.

В сумме я резецировал кусок здоровой *v. jugularis*. Инеродное тело располагалось очень высоко в области позвоночника. По-видимому, сообщение между артерией и веной лежит где-то выше. Отсутствие шума вызвано перевязанной веной. Но я не исключаю возможности возобновления всех явлений, как только достаточно расширятся коллатерали.

15.II. Воскресенье.

16.II. Понедельник. В 1 ЛМИ. Повторил лекцию — «Хроническая эмпиема».

17.II. Вторник. Заседание бюро АМН.

18.II. Среда. Работаю над докладом.

19.II. Четверг. То же.

20.II. Пятница. В 1 ЛМИ. Оперировал.

1) Остаточную полость. Сделал Типичного — Абражанова — Картера — Шенстоуна.

2) Оперировал Егорова по поводу решетчатого легкого — резецировал $\frac{3}{4}$ лопатки. Воспользовался мышцами *Supra* и *infrospinata*, *subscapulonis teres minor* и *maior* и заложил часть полости по Абражанову — Ниссену.

3) Сделал иссечение по поводу ожога 3-й степени на голени — свежий ожог, пересадка по Тиршу.

4) Оперировал свищ *recti* по Robles — Sudd'y.

21.II. Суббота. Оперировал в Академии.

1) Убрал огромную селезенку. 2) Сделал операцию Абражанова — Ниссена по поводу решетчатого легкого.

Зотов и Совелов удостоили нас честью и посетили операционную.

Смотрели фильм перикардиэктомии. Часть фильма, сделанного дома.

22.II. Воскресенье. 12 ч. дня. Только что позвонил проф. Смирнов из клиники и сообщил, что больной, оперированный по поводу решетчатого легкого, скончался не то от эмболии мозга, не то от отека легких, не то от шока. Скорее всего, от эмболии мозга — для шока мало было оснований.

23–23.II. Сижу дома. Готовлюсь к докладу. Совершенно некстати заболел гриппом.

25.II. Среда. 6 аудитория 1 ЛМИ битком набита. Студентов не пускают. Неудивительно, делают доклад три генерал-лейтенанта: Н.И. Завалишин, Ю.Ю. Джанелидзе, С.С. Гирголав. Вступительное слово С.С. Гирголав было составлено хорошо и сказано хорошо. Первый доклад сделал Н.И. Завалишин «Санитарная служба за XXX лет». Доклад составлен был хорошо и произнесен культурно. Он говорил час 10'.

Второй доклад на тему «Проблема ожогов в мирное и военное время». Доклад хороший. Я говорил 50'. С.С. Гирголав халтурил минут 15 на тему «Ленинградские хирурги за время Великой Отечественной войны». Мне даже трудно сказать, о чем он говорил. Обидно... тема была интересной, но выполнена она была из рук вон плохо... правильнее говорить никак...

26.II. Четверг. Здорово нездоровится... Сижу дома. Но делать ничего не могу. Не хочется работать.

27.II. Пятница. Сижу дома. Болею.

28.II. Суббота. Оперировал в Академии.

1) Большой Егоров, с ложным суставом левого плеча. 2) Большая Богданова — 2-й момент операции Картера.

29 февраля. Воскресенье. Дома.

1 марта. Понедельник. Утром занятия со слушателями в №1 Л.М.И. Там же лекция — Са головки *pancreatis*.

Заседание совета института.

2.III. Вторник. Позвонил Долго-Сабуров и попросил, что он хотел бы ко мне заехать вместе с начальником Академии.

В 18 часов 30' они оба приехали. Зотов сказал, что им срочно необходимо оздоровить атмосферу на кафедре общей хирургии. Для этой цели они должны оттуда изъять М.И. Смирнова и Карташевского. Они спросили меня, не возьму ли я к себе ассистентом М.И. Смирнова? На это я ответил, что с такой безграмотной сволочью я работать не буду, а если вздумают мне его навязать, то я немедленно уйду из Академии. Я не собираюсь быть вышибалой из Академии. Я прекрасно понимаю, что им в данный момент не позволяют расстаться с бандитом, который величает себя ассистентом клиники и претендует даже на

звание доцента. Насколько я мог понять из слов Зотова — Н.И. Завалишин рекомендовал ему не настаивать на изгнании из Академии М.И. Смирнова. Это бы рассматривалось — как зажим самокритики. В сумме предполагается переставить от Пунина И.Д. Житнюка к Н.Н. Самарину в роли заместителя начальника кафедры.

Тогда я предложил отдать М.И. Смирнова профессору М.С. Лисицыну. Они друг на друга будут писать доносы. Мне тогда было предложено взять к себе Коровина. Я сказал, что Коровин хороший хирург, но пьяница, а этих у себя держать на кафедре не буду. Тогда решили Коровина отдать Пунину. Но все оставалась нерешенной судьба Карташевского. Меня спросили, соглашусь ли отдать А.И. Головинского и взять к себе Карташевского. Я согласился. По-видимому, Карташевский неплох, но его там затравили. В последний момент пришедшие пришли к заключению, что Карташевскому выходит повышение, а не понижение, так как он попадает в лучшую клинику. Но, принимая во внимание, что он там был начальником клиники, а здесь предполагается, что он будет лишь ассистентом, то решили считать, что это будет понижением. Еще мне не совсем ясно, удастся ли пришедшим провести в жизнь даже это решение.

В последний момент я вскользь коснулся вопроса о том, как из залы заседания выкинули портреты мой и проф. Быкова. У обоих визитеров был довольно смущенный вид, и они промямлили, что это недоразумение вскорости будет исправлено.

3.III. Среда. Целый день проработал в «Скорой». Состоялось заседание ученого совета.

4.III. Четверг. С утра в ВММА. Оперировал больного, подготовил Филатовский лоскут для пластики ушей.

Делал обход с врачами всей клиники. Совещался с проф. Е.В. Смирновым, М.В. Струковым, И.П. Очкур, А.И. Головинским и Б.К. Рабиновичем относительно издания «Отчета клиники и трудов клиники» за 1944–1948 гг.

Поручить написать.

1) Устройство клиники и операционных блоков. В.В. Галкин.

2) Обезболивание Б.К. Рабинович.

3) Служба крови. Н.Г. Карташевский.

4) Констриктивный перикардит. Ю.Ю. Джанелидзе.

5) Варианты мышечной пластики для облитерации остаточных плевральных полостей. Ю.Ю. Джанелидзе.

6) Артериовенозные аневризмы сосудов шеи. Е.В. Смирнов.

7) Артериовенозные аневризмы подключичных сосудов Б.К. Рабинович.

8) Ложные суставы Ю.Ю. Джанелидзе и И.П. Очкур.

9) Vagotomia при язвенной болезни. Бригада Е.В. Смирнова.

10) К истории ваготомии.

Договорился с проф. Цигельником (уж очень ненадежен!!) относительно работы с ним по бронхиэктазиям, хотел бы привлечь для этой работы Сресели и Ундрица.

5 марта. Пятница. Оперировал в 1 ЛМИ.

1) Пластика щеки.

2) Врача по поводу предполагаемого рака хвоста pancreatis. Такого не оказалось — лишь спайка на передней поверхности 12-перстной кишки и желчным пузырем. Кроме всего, по-видимому, морфинист.

3) Неоперабельный рак желудка — отец слушательницы. ге передний — с Брауновским анастомозом.

4) Хронический остеомиелит б.б. кости. Выдолбил — выложил Тиршем.

6.III. Суббота. Оперировал больного по поводу тотальных бронхиектазии правого легкого — решили ограничиться перевязкой ветвей правой легочной артерии. Тотальная спайка легкого, как к париетальной, так и к медиастинальной плевре. Полное заращение hilus'a легкого. Удалось выделить и перевязать верхнюю ветвь. Удалось обнажить нижнюю ветвь. Но изолировать от нижней легочной вены не удалось. При повторных попытках разорвал вену, из которой началось сильное кровотечение. Остановил тампонадой. Следовало перевязать. Больная и раньше давала остановку дыхания. Несмотря на длительное искусственное дыхание, производимое под давлением и накачиванием кислородом — восстановить дыхание не удалось, и больная умерла на операционном столе.

1) Большая пластическая операция по поводу келоидов лица.

7.III. Воскресенье. Разобравшись во вчерашней неудачной операции, пришел к заключению, что, во-первых, если я порвал легочную вену, то ее можно было и следовало перевязать. Эта операция сама по себе предложена для лечения туберкулеза легких. У нас на эту тему докладывал Л.К. Богуш (Горький) на 24 Всесоюзном съезде хирургов в 1938 году (см. Труды съезда, стр. 496). Во-вторых, при тотальных спайках следовало пойти через перикард. В книгах по поводу этого пути сказано очень мало. У Зауэрбруха несколько невразумительных фраз, поэтому решил

дать эту тему кому-либо из своих как кандидатскую диссертацию.

8.III. Понедельник. Спросил проф. М.А. Сресели, как следует через перикард перевязывать art.pulmonalis? На этот счет он не мог мне сказать ничего определенного, поэтому я решил дать работу Пляцкому «Перевязка сосудов корня легкого через сердечную сорочку». Работу он будет проводить у Сресели, а клиническую часть у меня.

С утра вел занятия в 1 ЛМИ, а затем читал лекцию «Инородные тела органов грудной полости».

9.III. Вторник. Утром вел разбор больных со слушателями Академии, на котором присутствовали представители Политотдела. Читал лекцию «Констриктивный перикардит». Рентгенодиагностику прочел М.М. Попов. Затем я показал ряд диапозитивов, на которых схематически изображен ход операции. Наконец, мы показали одну неоперабельную и двух оперированных больных (Терентьева и Бахвалову). В заключение фильм — «Кардиолизис при лечении констриктивного перикардита».

Все прошло очень хорошо. На этой лекции также присутствовали представители Политотдела — пусть учатся!!

10.III. Среда. Сегодня впервые в «Скорой помощи» на больном Шварц-мане выполнил предложенную мной операцию для анестезии аортального сплетения у больных с грудной жабой. Шварцману 4 <...> лет; он не может сделать и нескольких шагов, появляются боли позади грудины, он немедленно берет нитроглицерин. В сумме за день он выдувает <...> нитроглицерина. Фактически это полный инвалид. На предложенную

операцию он согласился далеко не сразу, думал он, прибежала ко мне его жена, спрашивала, не умрет ли он на операционном столе. Я не мог сказать ничего определенного, так как сам ничего определенного не знал. Наконец они решились. Решились и мы.

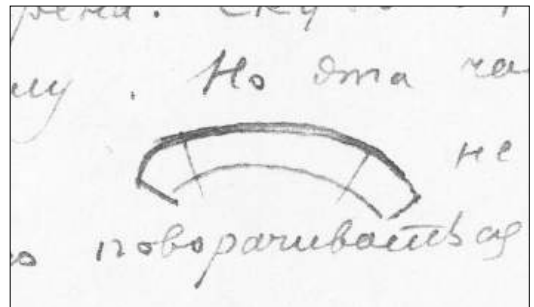
В операционную мы не пустили даже врачей. Опирую я, ассистируют Каменчик и Будзинская. Присутствуют терапевты Рафаил Григорьевич Межибовский и его помощница.

Обезболивание местное. Я сделал лоскутный кожный разрез основанием вправо. С передней поверхности грудины пришлось снять надкостницу долотом, только после этого оказалось возможным сверлить кость. Сверло берет легко, задняя пластинка сверлится с трудом; больной здесь испытывает боли от давления. Наконец удалось просверлить и эту пластинку. Для расширения отверстия у нас не оказалось подходящего инструмента. Наши Люеровские щипцы имеют не тот изгиб. В конце концов удалось расширить отверстие до 2 см в диаметре. Введенный палец нащупывает аорту: она каменной плотности, с трудом удается чуть вдавить ее стенку. Видны переходные складки плевры, в особенности правая. Они тесно сходятся по средней линии, и разъединить их нелегко. Да я особенно и не пытался. Я придавил пальцем правую переходную складку. Кончик пальца ощущает биения аорты. Я вколол иглу через правую переходную складку, и когда игла «затанцевала» благодаря сокращениям аорты, я ввел в пространство около аорты 15,0–1% теплого новокаина. Больной на то никак не реагировал. Для того чтобы предупредить образование

гематомы («кровотечение из губчатого вещества грудины») и чтобы облитерировать переходные складки плевры, я ввел давящий тампон, который я вывел через особый разрез слева. Кожа была зашита. Как это ни кажется странным, но эта пустяковая операция отняла довольно много времени.

Некоторое время спустя у больного появились довольно жестокие боли в спине, из-за которых его пришлось посадить. Боли продолжались довольно долго. Мне трудно дать объяснение для этих болей, возможно, что они зависят от раздражения nn.intercostales или еще от чего-либо другого. В тот же вечер больной дал 39,0°. Начал лихорадить в ближайшие дни. Впоследствии оказалось, что у него двухстороннее воспаление легких. Трудно, конечно, связать мое вмешательство с воспалением легких, принимая во внимание, что мы инфильтруем совершенно безнаказанно hilus легкого.

Примечание. Стало совершенно очевидным, что для скусывания грудины следует построить новый инструмент, который бы работал по типу щипцов Дальгрена. Скусывающая часть должна иметь форму. Но та часть должна иметь размеры не больше

1/2 см, чтобы было легко поворачиваться в щели. Возможно, что придется построить щипцы двух размеров.

В этот же день ассистировал Марии Григорьевне на двух операциях:

- 1) Камни желчного протока.
- 2) Свищ тонкой кишки.

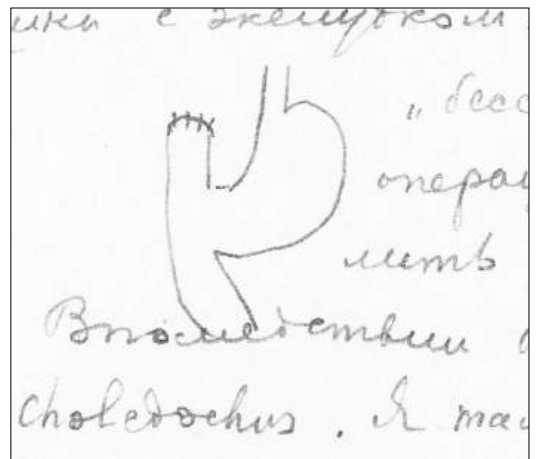
Вечером я был приглашен на ужин к директору института Н.И. Озерецкому. На ужине были 1) Александр Николаевич Шабанов, зам. министра здравоохранения СССР, проф. Куприянов, А.И. Иванов, секретарь парткома Дмитриева и я. Из разговоров выяснилось, что Шабанов имеет поручение от вышестоящих организации уговорить Куприянова переехать в Москву и занять кафедру М.Н. Ахутина, госпитальная хир. клиника и... занять пост президента АМН. По-видимому, Н.Н. Аничков заканчивает на сем посту свою карьеру. Не нужно было быть мудрецом, чтобы предсказать, что из Аничкова, крупного ученого, никакого администратора не сделаешь, но этого, по-видимому, не понимали ни те, которые выдвигали его на этот пост, ни он сам. Куприянов от сих предложений отбояривается, мне даже кажется, что искренне. Он не глуп и не может не видеть, что на месте президента АМН он ничего сделать не сможет, да и в госпитальной хирургии ему также будет не особенно весело.

11.III. Четверг. В клинике 1 ЛМИ решил оперировать больную с Са головки pancreatis шестимесячной давности. Печень ниже пупка, большой пузырь. Случайно присутствует Жмур, от Бакулева.

Я избрал специальный день, чтобы не было студентов. Но Стучинский сказал мне, что он разрешил студентам быть в операционной. Я сдуру согласился, что уже было ошибкой. Они разговаривают,

приходится раздражаться. В конце концов я должен был просить всех уйти, что тоже нехорошо.

Разрез Rio-Branco. Огромная печень, огромный пузырь. Легко удалось нащупать опухоль у верхнего края pancreatis, на самом ductus choledochus. Я решил оперировать по одномоментному варианту Pearson'a. Я бессмысленно работал 4 часа. Ранил Pearson'a v.senterica sure rior. Пересек желудок, в полном смысле слова пришлось «выдрать» 12-перстную кишку, которую я пересек около lig. Treitz'a. Эта часть операции неимоверно травматична. Я повредил d.choledochus непосредственно над местом впадения d.cysticu, после этого пришлось отказаться от анастомоза с желчным пузырем. Я ввел дренаж в d.choledochus. Давление у больной упало настолько, что шум артерии был уже не слышен. Покровы желудка и кишок потеряли блеск, и я был склонен прекратить операцию. Но давление поднялось, и я успел анастомозировать конец тонкой кишки с желудком. Но это уже были «бессмысленные акты операции».

Я не мог отделить d.choledochs от v.portae. Впоследствии оказалось, что опухоль проросла d.choledochus. Я там понировал обширную рану... Больная, конечно, в ближайший час погибла.

По-моему, раньше чем решаться на эти операции, не мешало бы вспомнить изречение Н.Н. Петрова. «Я не знаю, — сказал он как то, — надолго ли я смогу продлить жизнь этих больных, но наверное знаю, что это укоротит мою жизнь, поэтому я их и не делаю, но другим не мешаю их делать».

Но если их делать, то, по-моему, следовало бы отказаться от перерезки 12-п. кишки у lig. Treitz'a. Следует сохранить почти всего его нижнее — горизонтальную часть. Во вторых, операцию следовало бы начинать с мобилизации 12-п. кишки и головки pancreas. Лишь после того как удастся отделить ductus chol. от vena portae, стоит дальше пересекать pancreas, зашить наглухо желудок, положить g-е и анастомозировать пузырь с желудком.

Впрочем... много раз следует думать, раньше чем решаться на эту исключительно трудную операцию!!

Я вернулся домой физически и морально разбитым.

Вечером пришлось председательствовать на заседании по военно-полевой хирургии на конференции, устроенной 1 ЛМИ. Заседание происходило в 6-й аудитории, в которой сидело около 30 слушателей. В президиуме я, Заблудовский, Стукей. Публике надоели конференции и доклады, и они реагируют абсентеизмом... А доклады были интересные.

12.III. Пятница. В 1 ЛМИ сделал две резекции желудка, одну по поводу рака, другую по поводу высоко сидящей язвы.

Вечером у нас был ужин, на который я пригласил А.Н. Шабанова, Н.И. Озерцкого, С.С. Гирголава, П.А. Куприянова, А.И. Иванова. Вечер прошел хорошо, но никаких деловых разговоров не вели.

13.III. Суббота. В Академии оперировал:

- 1) Больного с большой воспалительной опухолью передней стенки живота.
- 2) Пластическую операцию на лице по поводу келоидов после ожогов.

14.III. Воскресенье. Дома.

15.III. Понедельник. Утром вел занятия с группами в 1 ЛМИ и читал лекцию «Острые маститы кормящих».

Вечером смотрел «Великие дни». Артист блестяще играет И.В. Сталина.

16.III. Вторник. Сижу дома.

17.III. Среда. В «Скорой» заседание совета института.

Вечером заседание Хирургического общества Пирогова.

18.III. Четверг. Утром в Академии — *перевязал* незаращенный Боталлов проток у мальчика 3 л. и 9 месяцев Юрия Яновского. Операция продолжалась 1 ч. 40'. На операции присутствовали В.С. Левит, Валкер Ф.И., Сресели М.А., Шаак В.А., Зотов.

Чувствую себя премерзко, начинается полным ходом грипп.

19.III. Пятница. В 1 ЛМИ удалил пулю из правого легкого. 2) Пластика — фалангизация. 3) Абсцессы легкого. Чувствую себя плохо.

У нас обедали Левит и Гирголав.

20.III. Суббота. Ездил в киностудию по поводу фильма «Перикардэктомия».

Смотрел Ланга. Мало симпатии вызывает как он, так и она. Ланг лежит дома около месяца. Сначала он решил, что у него рак желудка. Он вызвал к себе рентгенолога Марка Михайловича Попова и просил его произвести исследование. Говорят, что Наталия Сергеевна совершенно замучила рентгенолога, уверяя его, что он не скажет правды. Она побежала за ним даже в проявительную. Никакого рака он не нашел, но нашел явления катара желудка. После этого исследования, по словам Ланга, барий вызвал у него явления непроходимости, и вызванная Хлопина рекомендовала мадам Ланг выковыривать барий из прямой кишки.

Наконец, 19 марта Наталия Сергеевна пожаловала ко мне, прося меня посмотреть Ланга. При этом она мне рассказала и про свое правое плечо, которое я тут же посмотрел.

В этот же день заболел Кадзоев Камбулат Султанович. Говорят, что у него инфаркт миокарда, и он выразил желание, чтобы его положили в клинику Ланга. Начались переговоры с этой королевской клиникой. Сначала оттуда спросили, кто видел больного, кто ставил диагноз. Я ответил, что никто, но прошу старого ассистента клиники. В это время пришла Наталия Сергеевна, и я лично просил ее устроить Кадзоева в клинику. Приблизительно через полчаса оттуда прислали сказать, что они соизволят принять, но у них нет кровати и чтобы мы им ее прислали. Я сказал, что этих сволочей больше просить не нужно и чтобы Кадзоева положили к Черноруцкому.

Но на этом мерзость мадам Ланг не закончилась. Как я обещал, я пришел к ним около четырех часов дня. Наталия Серге-

евна мне сообщила, что у Георгия Федоровича ночью был сердечный припадок.

Я застал Ланга на диване. Он прекрасно выглядит. По болевым ощущениям это язва желудка. В одно время он вообразил, у него рак хвоста поджелудочной железы. Я просидел у них часа полтора, рекомендовал лечение бромом внутривенно.

Но эта паршивая баба меня даже не спросила, устроили ли нашего ассистента или нет.

21.III. Воскресенье. Сижу, правильнее, скорее лежу дома. Болею гриппом, вот уже третий день, слабость ужасающая. Трудно что-либо делать. Стараюсь написать доклад по поводу «перевязки незарощенного Боталлова протока». А мальчишка мой лихорадит, у него пневмония.

22.III. Понедельник. Сижу дома. Хво-раю, грипп.

23.III. Вторник. Остается тахикардия, иногда через 10–12 ударов выпадает пульсовая волна. Чувствую себя неважно. Читаю диссертацию В.В. Галкина; работа написана хорошо.

24.III. Среда. Чувствую себя лучше. Аритмия начинает исчезать. Решил ближайшие четыре дня еще не ходить в клинику.

У мальчишки была пневмония. Сегодня утром температура нормальная, вечером 37,8°.

Мой больной Шварцман идет сносно, но под кожей все еще остается гематома.

25–27.III. Сижу дома. Работаю.

28.III. Воскресенье. Решил выйти, немного побродить. Дошли до дворца Кшесинской, где теперь музей Кирова. Помотрели его. Ни одной хорошей кар-

тины, все халтура. Очень устал. Вечером чувствую себя явно плохо, температура 37,1.

Вчера получил телеграмму от Иоселиани. Эти чудаки, чтобы не сказать больше, предлагают в августе 1948 года устроить Всесоюзный съезд в Тбилиси. Более чем странное предложение. Я послал телеграмму, что лично категорически отказываюсь.

29.III. Понедельник. Серое небо. Зима затянулась. Солнце греет слабо, лежит масса грязного снега.

30.III. Вторник. Заготовил выступление на завтрашнем торжественном, тысячном заседании.

31.III. Среда. Тбилисцы продолжают развлекаться. Прислали новую телеграмму, что они предполагали не 1948, а август 1949, тоже не плохо. В августе съезд в Тбилиси тоже не плохо.

Теплый день. Сегодня в 6-й аудитории состоялось торжественное заседание, посвященное 1000 заседанию Хирургического общества. Уже в 16 ч. 30' публика начала занимать места. Ожидалось, что будет много народу, но никто не предполагал того, что случилось. Аудитория переполнена свыше всякой меры. Духота и жара. Сижу весь покрытый потом.

Заседание открыл С.С. Гирголав и предложил председательствование почетному председателю Н.Н. Петрову, который произнес краткое и толковое слово из истории Хир. общества Пирогова. Затем он показал исключительную по результатам пересадку кости, которую они распилили и на месте перепила получили подвижный локтевой сустав.

Два случая резекции высоко сидящих раков пищевода показал П.А. Куприянов, образование свода при переломах шейки показал С.С. Гирголав, удаление легкого по поводу бронхиэктазии показал В.Н. Шамов. При двухсторонней бронхиэктазии можно было бы одно легкое и не удалять.

А.В. Мельников прочитал «Резекция в $\frac{3}{4}$ кишки», а затем показал фильм.

Уже несколько раз к председателюствовавшему начали поступать записки, что несколько человек упали в обморок. Н.Н. Петров заявил, что он сделать ничего не может и предложил «всем тем, которые знают за собой склонность к обморокам, покинуть зал». С точки зрения остроты это шло, но это говорило о головотяпстве устроителей, которые не предусмотрели, что на таком заседании будет столпотворение. Моя демонстрация и фильм «Перикардэктомия при констриктивных перикардитах» были хороши.

Доклад Федор Григорьевича Углова «Опыт в грудных операциях» не подходил для доклада.

Хорошо докладывал Чечулин.

Не упомянул о главном докладчике С.С. Гирголав «1000 заседаний Хир. общества Пирогова». Доклад был составлен А.Л. Стуккеем. Странно вел себя председатель. Он никого не благодарил, ничего не говорил, и вся роль его свелась к тому, что он предоставлял слово следующему оратору.

В общем, заседание было интересно, но оно в значительной степени потеряло из-за безобразной организации. После заседания ужинали у С.С. Гирголава: Н.Н. Петров, Куприянов, Шамов, Мельников и я.

1.IV. Четверг. Теплый, совершенно весенний день. На Неве образовались огромные полыньи. С утра в Академии — обходил клинику.

У мальчишки, которому я перевязал проток, остался шум, он другого характера, но отчетливо существует. По-видимому, существует еще какая-то аномалия сердца.

Состоялось бесконечное заседание совета Академии.

2.IV. Пятница. Оперировал в клинике 1 ЛМИ.

1) Пластика — пересадка кожи на щеку — Итальянская ножка.

2) Несколько часов подверг вторичной обработке врача Александра Григорьевича Дембо и стеклодува, которые несколько дней назад во время взрыва бензина получили тяжелые ожоги рук, лица и тела.

Впервые я применил снятие обожженной кожи бритвой; я срезал обожженный участок так, как берут кожу для толстого Тирша. Дембо не пришлось производить пересадку кожи, а второму пересадил довольно обширные участки на тыле кисти, на ладонной стороне и на пальцах.

Весте с Грушкиным были у Машанского по делам института.

3.IV. Суббота. Оперировал в Академии тяжелый случай ложного сустава нижнего конца бедра.

Там же председательствовал на патологоанатомической конференции.

4.IV. Воскресенье. 2 апреля умер *Овсен Казарович Карапетян*, бывший когда-то директором 1 ЛМИ. Это был честный, но недалекий человек. Много перенес в жизни. За последние годы был старшим на-

учным сотрудником у Орбели. Сегодня его похоронили.

5.IV. Понедельник. Вел занятия и читал последнюю лекцию «Острый живот» оканчивающему курсу. Сплошная грусть, мало очень знают.

Приходила жена Ланга. Теперь она решила, что у него рак кишечника. Я обещал его навестить.

Мне опять здорово нездоровится. Опять herpes. Т — вечером 37,2°. Чувствовал себя в воскресенье отвратительно.

Вечером у меня ужинал Б.А. Петров, который ревизует Неменова.

6.IV. Вторник. Сижу дома.

7.IV. Среда. С утра ассистировал в «Скорой» и сам оперировал одного больного. Навестил Ланга. Лежит розовый. Картина неясная, но больше всего это все же похоже на язву желудка. Вот уже 1½ месяца терапевты морят его голодом. Чернолучский полагал сначала, что у него инфаркт миокарда. Сейчас думает, что у него непроходимость кишечника — рак. Не знаю, откуда он все это берет.

9.IV. Пятница. Ходил в горком к Якову Федоровичу Капустину по поводу Алексея Ивановича Иванова. Он обещал обсудить вопрос о возможности назначения его главврачом больницы.

Оперировал для врачей усовершенствования. Сделал холецистэктомию и резекцию желудка. Вечером состоялось первое объединенное заседание в ВММА. Докладывали Вайль и Мясников.

10.IV. Суббота. В ВММА оперировал двух больных 1) Убрал большой зуб. 2) Сделал больному поперечную гастротомию по поводу полипоза. Диагноз был поставлен рентгенологами. На самом

деле оказался гипертрофический катар желудка.

Выписали мальчика Юру Яновского, которому я перевязал Боталлов проток. Мальчику, безусловно, лучше, но шум остался. По-видимому, у него еще имеется незарощение овального отверстия.

В 16 ч. 30' — консультация у Г.Ф. Ланга. Налицо: М.В. Черноруцкий, А.Л. Мясников, я, Н.С. Ланг и еще какая-то докторша. За эти недели Ланг прибавил в весе $2\frac{1}{2}$ кг. Нв — 82%. Упорно держится реакция Грегерсена. Боли в надчревной области. Клинически это больше всего похоже на язву желудка, хотя поражает упорство микрокровоотечений, не уступающие самому строгому режиму. Решили под моим большим нажимом временно прекратить ежедневные поиски реакции Грегерсена и расширить ему питательный диапазон и, в частности, разрешить мясо и рыбу.

Вечером вместе с С.С. и В.В. Гирголав смотрели слонов в цирке.

11.IV. Воскресенье. Вечером у нас ужинали Ю.М. Волинкин и А.М. Зотов.

В сумме относительно Н.Т. Карташевского выяснилось, что решение об его откомандировании на флот принято Завалишиным под давлением Политуправления. Нашелся стрелочник!

12.IV. Понедельник. Утром вел занятия с уходящим V курсом и читал последнюю лекцию. Никогда так холодно не прощался с курсом. Сплошное мазаное барахло.

Е.А. Пчелина защитила в 1 ЛМИ диссертацию. Сверх всяких ожиданий она это сделала исключительно хорошо. Она удостоилась сплошных похвал. Из 29 голосующих она получила 29 — за. Боже мой,

когда знаешь, как эта работа делалась, спрашиваешь себя, а сколько из этих хвалебных отзывов следовало бы оставить ей!!

13.IV. Вторник. Утром вел занятия со слушателями Академии. Заседание у Куприянова. Сессия Ленинградского совета.

14.IV. Среда. Наконец-то отдел кадров горкома дал разрешение Н.И. Озерецкому зачислить его заместителем по клиникам.

Закончил чтение диссертации Галкина.

15.IV. Четверг. Сижу дома.

16.IV. Пятница. Оперировал в 1 ЛМИ.

Заседание совета в ВММА.

17.IV. Суббота. Оперировал в ВММА.

19.IV. Вел занятия в 1 ЛМИ. Оперировал.

20.IV. Вторник. Вел занятия в ВММА.

21.IV. В «Скорой» сделал «чрезгрудинную анестезию дуги аорты» с тяжелыми припадками грудной жабы и гипертонией. Новая техника — поперечным разрезом кожи, очень просто и хорошо.

Три дня идут под председательством Еланского заседания УМС.

Вечером заседание Хирургического общества Пирогова.

22.IV. Я с Жоржем выехал в Москву.

23.IV. Пятница. Москва нас встретила холодом и дождем. В 14 часов заседание у министра Смирнова.

Я демонстрировал иллюстрационную часть Музея. На меня насел Смирнов, чтобы я взялся редактировать отдел «Сосуды». Я категорически отказался. Назначили Петровского.

Я пошел в УМС. В комнате председателя я застал Николая Николаевича Приорова, который чуть ли не со слезами на глазах мне сообщил, что он влопался в грязную историю. Ему дали подписать бумагу, он

подписал (дал Жмур), и бумага пошла во Францию. Туда она, конечно, не попала, но Приорову попало. Вечером Смирнов мне рассказал, что уже решено Приорова сменить, и на его место назначается из Ленинграда Лев Николаевич Федоров. Ничего не скажешь, кандидатура ловкая, которая не раз шла далеко и имеет шансы снова проделать тот же путь. Полагаю, что в УМС он ничего не сделает, и не только он, но и никто другой.

Говорил со Смирновым, спросил его, поддержит ли он кандидатуру Вайля на заслуженного, он сказал, что да. Передал ему бумаги насчет Рохлина. Обещал, что рассмотрит. Обещал дать единовременное пособие Е.И. Гальперн в размере 1 или 2000 р. Вечером я у него ужинал.

Побывал в Иностранном отделе. Видел Б.Д. Васильева. Я им дал требуемые сведения. Васильев сказал мне, что 18 мая предполагается международный съезд в Риме. Предполагается туда отправить меня в качестве председателя, кроме того, Петровского, Савиных, Углова и еще кого-то одного. Зайцева и Топчибашева.

Вечером Смирнов мне сказал, что на место Ахутина предполагают назначить Шахбазяна. Это лечение домашними средствами, без привлечения со стороны до добра не доведет. В сумме 1 ЛМИ будет иметь хирургами: Еланского, Руфанова и Шахбазяна, не особенно много.

24.IV. Суббота. В 14 часов у Приорова состоялось заседание президиума Всесоюзного хирургического научного общества. Среди других вопросов обсуждался вопрос о созыве конференции в Ленинграде. Решено созвать конференцию во второй половине декабря.

Тематика. 1 день. Ожоги и их лечение — ответственный я.

2. Антибиотики. Ответств. Левит.

3. Закрытые переломы бедра, включая шейку — ответственный — Н.Н. Приоров.

4. Облитерирующий эндартериит. Ответств. С.С. Гирголав.

Съезд 26-й созвать в конце октября 1949 года в Тбилиси: Тематика

1) Кровоточащие язвы желудка.

2) Острые воспалительные процессы выводящих желчных путей.

3) Краевая патология.

Вечером ужинали у Бадридзе.

25.IV. Воскресенье. Холодный день. Временами идет снег. Катались вместе с Петровыми, получили очень мало удовольствия. Вечером в МХАТ видели «Мертвые души». Что безукоризненно, то безукоризненно.

26.IV. Понедельник. В Музее им. Пушкина нам показывали «Дрезденскую галерею». Мало сказать, что там есть шедевры, — этого мало, там неповторимые виды.

Вечером выехали в Ленинград.

27.IV. Вторник. В Ленинграде так же холодно, как в Москве, но все же теплее, чем в Москве.

28.IV. Среда. Утром в «Скорой» оперировал 3-го больного по поводу *angina pectoris*. Сделал чрезгрудинную новокаиновую блокаду. При первом проколе получил «темную» кровь, по видимому, из *art.pulmonalis*. При повторном проколе на глубине 4 ½ см игла ощутила плотное образование, по-видимому, аорту. Сделал блокаду предаортального сплетения. Больной операцию перенес прекрасно. Я ввел

90 куб. см 1% новокаина.

Второму больному, который был оперирован неделю назад, через отверстие в грудине произвел блокаду. Отверстие нашел легко. Игла прошла на глубину $6\frac{1}{2}$ см. Чувствует себя прекрасно.

У А.И. Коган из правой плевры откачал около $\frac{1}{2}$ литра гноя.

Г.С. Лопатину сделал перивенозную блокаду по поводу тромбоза левого бедра.

Состоялся консилиум по поводу Ланга: 1) Мельников А.В., 2) Мясников А.Л. 3) Нешель Е. 4) я, 5) Н.С. Ланг, 6) Неймарк Б.М. 7) рентгенолог.

Рентгенологи склоняются к мысли, что это Са дна желудка, около *cardial*. Это предположение лучше бы всего объяснило клиническую картину. Боли в плече и нечеткие контуры диафрагмы говорили бы за прорастание опухоли в эту сторону и, в частности, в сторону *p. phrenicus*.

29.IV. Четверг. С утра идет снег большими хлопьями, омерзительная погода. В операционной ВММА смотрел, как оперирует Е.В. Смирнов. Никогда он не научится порядку.

30.IV. Пятница. У Ланга состоялся консилиум. К предыдущим добавился Давиденков С.Н. По-моему, он ровно ничего не понял в том, что у больного происходит. После того как я разъяснил, что все это идет через *p. phrenicus*, — он согласился.

Я анестезировал левый *p. phrenicus*, ввел 15 куб. см 1% новокаина. Боли сразу исчезли. Болей не было 1 и 2 мая.

1.V. Суббота. Хороший солнечный день. Работаю над «бронхиальными свищами».

2.V. Воскресенье. Опять дождь и холод.

3.V. Понедельник. Заседание совета 1 ЛМИ. Делал доклад Д.Я. Шапиро. Директор его благодарил, было сказано, что ему одному приходилось нести бремя главного врача, а за сей золотой пилюлей было объявлено, что главным врачом назначен А.И. Иванов.

4.V. Вторник. Вел занятия и читал лекцию в Академии.

5.V. Среда. Попытался анестезировать одного из больных, которому я делал трепанацию, но не мог найти отверстие.

Доктору А.Г. Дембо и его сотоварищу стеклодуву сделал пересадки кожи на руках.

6.V. Четверг. Готовлю доклад на завтрашний день «Хирургическое лечение констриктивного перикардита».

7.V. Пятница. Доклад еще не окончен. Печатаю.

В 11 часов звонит Мария Григорьевна и сообщает, что сегодня утром скоропостижно скончался *Михаил Владимирович Красносельский*, по-видимому, от сердечного припадка или инсульта.

Мне с ним пришлось работать с 1932 года, с момента организации Института «Скорой». Как хирурга его можно было отнести лишь к середнякам. Как клиницист он стоял выше. Но природа снабдила его прекрасными мозгами. Это был, безусловно, умный человек, который умел вмиг вникать в суть дела, прекрасно все анализировать. Одновременно с этим он прекрасно писал.

Благодаря этим его качествам мы ему многое прощали. А прощать было что. Он был трусом, и из-за этого своего качества он мог подводить даже наиболее близких своих товарищей. Вообще,

о товарищеских отношениях с ним едва ли кто мог говорить серьезно. Его отношение к Эмилье Никифоровне совершенно заставило меня от него отдалиться. Два раза он исполнял обязанности директора института, и два раза я должен был ставить вопрос о необходимости его снятия с этого поста. Его отношение к врачам во время блокады Ленинграда было возмутительным; он не разрешил поместить в институт погибающую от дистрофии прекрасную нашу библиотекаршу Шнитникову; она погибла. Он был прекрасным секретарем журнала «Вестник Хирургии». Фактически как хирург он давно вышел из строя. Два раза у него был инсульт, от которых он оправился, хотя с большими остаточными явлениями; он очень плохо видел.

Мы ему поручили ожоговое отделение; он его вел по старинке, ничего нового не доходило до него. Так, например, оказалось невозможным ввести обожженным пересадку кожи.

В общем, мы потеряли секретаря института, но не хирурга, но и с этой точки зрения это тяжелая потеря. Тяжело то, что старая гвардия уходит, а равной замены не видно.

8.V. Суббота. С утра оперировал в Академии — демонстрационные операции для врачей лечебного факультета Медицинской Академии им. Кирова. Сильно устал.

Вчера вечером Мясников, Попов и я делали доклады по поводу «Констриктивного перикардита». Вышло хорошо.

9.V. Воскресенье. Сегодня похоронили М.В. Красносельского. Наш конференц-зал все чаще и чаще видит гробы наших сотрудников. Было довольно много народу. В речах чувствовалось холодное отношение. Мессель совсем не пришел. Похо-

ронили на Серафимовском кладбище. Побывал на могиле Эмилии Никифоровны.

Сегодня через Михаила Трофимовича Комиссарова послал письмо генералу Армии Андрею Васильевичу Хрулеву, копию Завалишину.

10.V. Понедельник. С утра в клинике Академии. Затем на заседании совета 1 ЛМИ. Софья Израилевна Жирмунская делала доклад об «Идеологии в диссертациях». Говорила умно, сдержанно, тактично.

11.V. Вторник. Я, Вера и Жорж поехали к себе на дачу. Теплый летний день. Бурно распускаются деревья. Много зелени. Усиленно идет асфальтирование трассы, ведущей в Сестрорецк. Полагаю, что в ближайшие две-три недели большая часть дороги будет закончена. На даче настолько хорошо, что мы обсуждаем вопрос о том, не остаться ли жить летом на даче и никуда не уезжать.

Вчера в 6 часов я был у Ланга вместе с Хлопониной. Лежит он розовый, болей в надплечье совершенно нет. Беспокоят боли в левом подреберье. Я сделал ему левостороннюю блокаду по Вишневскому. Ночь он проспал спокойно, но сегодня с утра опять сильные боли.

Около бедного Ланга начинается ажиотаж. Хвиливицкая поднимает вопрос об оперативном вмешательстве. Жена Ланга не желает приглашать Юдина. Остановились на Савиных, поэтому Кедров, муж Хвиливицкой, летит в Томск к Савиных с рентгенограммами.

Был бы рад услышать, что это ему помогло. Боюсь, что из этого ничего не выйдет. По болям — это опухоль, прорастающая в plexus Solaris.

12.V. Среда. В «Скорой» оперировал больного по поводу разрыва уретры. Экзаменовал одну группу студентов 5 курса.

13.V. Четверг. Целый день читал «Ожог» для «Опыта Отечественной войны». Нам было сначала дано 5 листов, затем увеличили до 10, а получилось 15 листов. Можно отжать без вреда для дела 2–3 листа, но все же остается 12 листов. Придется говорить с С.С. Гирголав.

14.V. Пятница. Идет дождь. Стало прохладнее, но все же достаточно тепло, деревья продолжают бурно распускаться.

Приступаю к написанию «Диафрагмальных грыж».

Сегодня в кабинете Г.Ф. Ланга состоялся расширенный консилиум. Председательствует М.В. Черноуцкий, присутствуют Н.Н. Петров, В.А. Шаак, А.Л. Мясников, Неймарк, рентгенологи — Гольштейн, Д.Г. Рохлин и Нешель. Прежде всего вопрос о диагностике. Рохлин и Нешель *не сомневаются*, что дело идет о раке дна желудка. При этом Рохлин указывает, что эти раки могут протекать длительно ½–1–1½ года. Постоянные кровотечения из желудочно-кишечного канала, постоянный положительный «Грегерсен» заставляет допустить какой-то язвенный процесс, а рентгеновская картина делает предположение ракового процесса наиболее вероятным. Как будто резкая гиперестезия в области мечевидного отростка и резкая болезненность этому противоречит. В левой плевре имеется выпот. Колоть его не хочется, так как если мы получим геморрагическую жидкость, то скрыть истинный смысл заболевания перед больным будет невозможно.

Фактически консилиум состоялся для того, чтобы решить вопрос о том — нельзя ли подвергнуть больного глубокой рентгенотерапии. Гольштейн, специально для этого приглашенный, от этой возможности отказался. Того же мнения держится Рохлин.

Принимая во внимание, что из-за местоположения опухоли о резекции думать не приходится, было решено держаться старой тактики, дело идет о язвенном гастрите, и этим диагнозом больного кормить. Не знаю, как долго удастся его этим удовлетворить. Кровь снова улучшилась: вместо 68% Hb 72% и вместо 3 800 000 4 мил 200 т!

15.V. Суббота. 9½ ч. утра. Меня экстренно вызывает Хлопонина. Вчера у Ланга начались боли в животе. Поставили клизму, после которой был обильный стул. С утра боли продолжают в животе, совершенно перестали отходить газы. Живот горой, однако хотя и чувствительный при давлении, но всюду мягкий. П. 80. Общий вид хороший, и никаких внешних признаков перитонита. Где-то что-то случилось около брюшины, но большего сказать нельзя. Температура 38° с лишним, лейкоцитоз 18 000, 85% нейтрофилез. Попросим поставить компресс. Вечером — картина та же. Высокая температура держится. Выпот в плевре увеличился.

В Академии — беседовал с Е.В. Смирновым — он сожалеет, что не пришел на экзамен — сделал глупость. Со мной говорил Струков относительно Смирнова, что «он чужой в клинике». Его ничего не интересует. Но кроме того, он непроходимо глуп. Я ему предложил сообразить насчет темы для ассистента В.И. Петрова.

На мой вопрос, придумал ли он что-нибудь, он мне ответил: «Дадим что-либо на лице из пластической хирургии». Дальше, по моему, идти некуда.

Я убрал из левого легкого пулю, вышло хорошо. Вечером с С.С. Гирголав смотрел «Ожоги». Придется сократить на 1/3; он ужинал у нас с Ольгой Владимировной.

16.V. Воскресенье. У Ланга температура выше 39°. Выпот в левой плевре возрос до угла лопатки. Был М.В. Черноруцкий. Вечером та же картина. Решил завтра колоть. На всякий случай, если получу кровянистую жидкость, то у нас будет заготовлена серозная жидкость, чтобы ее ему показать. А что, если получу гной? По температуре и по лейкоцитозу, по формуле — это гной, но откуда он здесь? О чем он говорит?

Были на даче. Заехали к Рохлину. Видели академический поселок. Не понравился он мне. У Рохлина видел Шуру Шор. Развелась с мужем, собирается замуж за брата Рохлина.

17.V. Понедельник. В 17 часов произвел прокол у Ланга. Попал сразу и получил из 8 левого межреберного промежутка 15 куб. см опалесцирующей жидкости. Но при повторном проколе из этого же места больше получить ничего не мог. Ввел 100 000 единиц пенициллина. Я был чрезвычайно рад, что не получил крови. Насколько могу понять, остался доволен и Георгий Федорович. Но о чем говорит эта жидкость — это реакция на гнойник в поддиафрагмальном пространстве на распадающуюся опухоль, на язву. Все это пока остается нерешенным.

18.V. Вторник. В Академии вел занятия со слушателями и читал лекцию вместе с

проф. Зедгенидзе «Диафрагмальные грыжи» с демонстрацией больной.

У Ланга температура 36,6–37,3°. Лейкоцитоз остается высоким. РОЭ — 47 мм. По моему, общее состояние лучше.

Говорил с Озерецким о кафедре факультетской хирургической клиники. Он предлагает еще раз попытаться восстановить на кафедре В.А. Шаака и с этой целью сходить к Капустину, а может быть, и П.С. Попкову. В случае положительного ответа он желает поставить Шааку два условия: 1) чтобы он расстался с Л.С. Беккерманом, которого он предлагает перебросить к Заблудовскому вторым профессором, 2) чтобы Шаак читал поменьше лекции.

19.V. Среда. Утром ассистировал Марье Григорьевне на холелитиазе. Пузырь был маленький, с камнем, резко деформированный. В какой-то момент она поперек перерезала *duktus choledochus*. Я не мог найти центрального конца. Дистальный конец непроходим, головка *pancreatis* уплотнена; убрали одну увеличенную лимфатическую железу. В головке поджелудочной железы уплотнение — это или рак, или хронический панкреатит. Я оставил центральный конец и тампонировал в надежде, что образуется трубчатый свищ, который впоследствии соединить с кишкой.

Оперировал больного с раком желудка — нечего делать. Я оперировал больного Марьи Григорьевны, резецировал два ребра по поводу эмпиемы.

Был у Ланга — у него кровотечение — черный стул. Температура нормальная.

Завтра ожидается Савиных. Завтра вечером у Ланга расширенный консилиум.

Вечером заседание Хирургического общества — выборы нового правления.

Получили:

Джанелидзе за 153 против 3

Виноградов 130 — 26

Тальман 111 — 45

Смирнов 111 — 45

Филатов 113 — 43

Ответственный секретарь:

И.С. Колесников — 156.

Секретари:

Углов 155 — 1

Иоссет 149 — 7

Лившиц 151 — 5

Стучинский 152 — 4

Референт редактор

Нагнибеда 137 — 19

Хранитель архива А.Л. Стуккей 155 — 1

Казначей

Архангельская-Левина 155 — 1.

Ревизионная Комиссия: Федоров, Шацкий, Берзин.

Сегодня в 16 часов умерла тетя Нины, Анна Ильинишна Коган.

20.V. Четверг. В Академии оперировал ж. 26 л., раненную в 7 левое межреберье 13 лет назад. Диафрагмальная грыжа.

Закрытое заседание в ВММА.

В 19 часов консилиум у Г.Ф. Ланга. Сегодня из Москвы прибыли С.С. Юдин и Андрей Григорьевич Савиных, последний с ассистентами и инструментами. Днем они смотрели Ланга без нас. Юдин сразу предложил ему операцию, что не привело Ланга в восторг. Вечером собрались: директор института Н.И. Озерецкий, С.С. Юдин, Савиных, В.А. Шаак, я, рентгенолог Борис Михайлович Штерн, М.В. Черноруцкий, Борис Вячес-

лавович Ильинский, Самарин, Н.С. Ланг-Белоногова и А.В. Мельников.

Председательствует М.В. Черноруцкий. С.С. Юдин просит, чтобы мы рассказали ему историю болезни и наши впечатления. Рассказали. Штерн безапелляционно утверждает, что это рак. Юдин полагает, что никаких противопоказаний для операции нет, и он ее предлагает. Мельников говорит, что он считает невозможным оперировать, того же мнения придерживается В.А. Шаак. Я давно стою на этой точке зрения. Последним говорит Савиных. Он сказал, что видел раки *fundus'a*. Однако у пяти больных, у которых он видел эти раки, никогда не видел наличия соляной кислоты. Затем они убедились, что если имеется чувствительность в левом подреберье, то все случаи оказывались иноперабельными. Кроме того, он никогда не видел, чтобы после кровотечения у ракового больного восстановилась кровь. У Савиных нет полной уверенности, что это рак. Во всяком случае, взвесив все, он пришел к заключению, что Ланга оперировать не стоит. Когда Юдин увидел, что все высказывают против, то он заявил, что уверен, что это рак, а так как он не видит противопоказаний, то полагает, что вопрос об операции должна решить Наталия Сергеевна. Последняя заплакала. Мы объяснили С.С., что, во всяком случае, этот вопрос должны решать мы, а не она. В конце концов согласились, что оперировать его нельзя. В этом духе, указав, что мы пришли к единогласному мнению, что эта язва желудка с воспалительными явлениями. Савиных изложил мнение консилиума. К этому присоединился С.С. Юдин.

Сегодня тетю хоронили на Серафимовском кладбище.

21.V. Пятница. Сижу дома, готовлю лекцию «Успехи восстановительной хирургии во время Великой Отечественной войны». Должен прочитать в лектории горкома и обкома.

22.V. Суббота. В Академии оперировал девочку 17 лет с огромной невриномой в грудной клетке. Разрез спереди. Резецировал 2, 3 и 4 ребра и кусок грудины. Доступ хороший. Огромная опухоль, вколоченная у позвоночника и купола плевры слева. Пришлось кусковать у купола плевры, во избежание ранения art. sube. пришлось оставить кусок опухоли 3x3x3 см. Пало кровяное давление до 90 Hq. Я прервал операцию на 35 минут. После введения 1000 куб. см крови и 300 куб. см. противошоковой жидкости давление поднялось до 110 Hq, и мы закончили операцию.

Был у Ланга. Вид лучше. Вчера Филатов перелил ему 200 куб/ см крови — перенес без всякой реакции. Живот совершенно мягкий, гиперестезия и боли под левым подреберьем исчезли. Показатели со стороны крови улучшились.

Сегодня объявили по радио, что Суссане Яковлевне Хлопониной присудили звание заслуженного врача. Ей это дает много, говорят, что это заменяет у нее отсутствующее у нее звание кандидата наук.

24.V. Понедельник. У Ланга понос, для которого нет повода, если не считать ежедневного применения английского пенициллина. Просил с сегодняшнего дня прекратить его применение.

25.V. Вторник. В Академии вел разговор со слушателями и читал лекцию. С Верой ездили на дачу. Готовим огород, неизвестно для кого.

Был у Ланга. Вид хороший. Грегерсен. Кр. кровь 4 000 000 красных. Нб. 67. Небольшие боли в левом подреберье. Вдувает живот и в особенности желудок, как при стенозе привратника.

26.V. Среда. Сегодня в лектории горкома я должен был читать публичную лекцию на тему «Восстановительная хирургия в Великую Отечественную войну и ее будущее». Последнего я не называл, это они вписали от себя. Меня эта лекция не радовала, в особенности после того как Фрейдин мне сказал, что на лекцию на 90% собираются врачи, но ведь возможны и 10% неврачей. Да о каких врачах могла бы идти речь. Подготовка к лекции оказалась труднее, чем я предполагал. Лекция заняла у меня 15 страниц машинописи, и было заготовлено 54 диапозитива.

Зал как зал, прекрасный эпидиаскоп, замечательный экран, пришло много всяких врачей и неврачей. У меня никакого настроения. Начинаю читать, приходится все время докладывать в темноте. Говорят, что я очень спешил, так что материала у меня хватило на 45', окончил и ушел. Мало я получил удовольствия, а скорее много неудовольствия!! Лекцию эту следует дополнить, переделать, и она может быть не столь плохой, как это мне кажется сегодня.

27.V. Четверг. С утра хорошо оперировал в «Скорой». Оперативное вправление вывиха правой таранной кости. Пересек m. li peroneus longus et revis.

Сделал большой чрезгрудинную анестезию plexus aorticus.

Состоялось объединенное заседание со старым президиумом Хирургического общества. Председательствовал С.С. Гир-

голов. Избранным председателем оказался я (10 голосов из 11). Заом И.П. Виноградов (10 из 11).

У Ланга сильные боли в области мочевого отростка. Задержка мочи.

29.V. Суббота. Оперировал в Академии

1) Киста сердечной сорочки. Bartoletti.

2) Спайки пищевода. Сделал oesophago-gastrostomia.

30.V. Воскресенье. С Верой и Жоржем ездили на дачу.

31.V. Понедельник. Утром ревизовал Гирголава.

2.VI. Среда. Утром оперировал в «Скорой». Холецистит, которого не оказалось и Ulcus pepticus jejuni, чрезгрудинную анестезию.

Первый раз, в качестве вновь избранного председателя, я председательствовал в Хирургическом обществе Пирогова. Заседание оказалось интересным.

3.VI. Четверг. Ревизовал Шамова и Станислава Иосифовича Банайтиса.

В ВММА Академии состоялась дискуссия — рецензия книги общей хирургии Гессе — Гирголав — Шаак, вышедшей в 1938 г. Оказывается, что поводом явилось заявление Михаила Ивановича Смирнова, что эта книга контрреволюционная.

4.VI. Пятница. Заседание в 1 ЛМИ патологоанатомической и клинической конференции. Был у Ланга. Намеки на затруднение глотания пищи.

5.VI. Суббота. ВММА. Оперировал больного *Клименко* 23 лет с инородным телом. Больной ранен в 1945 г. (?). Клинически у больного боли и время от времени эпилептические припадки. Это патологическое

состояние могло быть объяснено попаданием в мозг эмболов, которые возникали бы из тромба в области инородного тела, конец которого торчит в просвете левого желудочка. Однако ввиду того что у больного имелось и ранение черепа, то исключить возможность причины эпилепсии с этой стороны не представлялось возможным. Рентгенологическое исследование, многократно производившееся, указывало, что инородное тело находится в спайках перикарда и, может быть, проникает в сердечную мышцу.

Интратрахеальный наркоз. Ассистирует Е.В. Смирнов, М.В. Струков и Гуревич.

Я резецировал VI ребро и пересек хрящ V ребра. Доступ был вполне достаточный. Легкое плоскостными спайками сращено с париетальной плеврой. Я тщательно ощупал все спайки перикарда, диафрагмы, но нигде не обнаружил инородного тела. Тогда я вскрыл перикард и на верхушке сердца обнаружил рубец красноватого цвета, настолько отчетливый, что не оставалось никакого сомнения в том, что инородное тело находится в сердечной мышце. Сначала мне не удавалось отчетливо нащупать инородное тело, так как сократившееся сердце все представлялось плотным. В конце концов мне удалось совершенно отчетливо локализовать инородное тело. Я нащупал его отчетливо иглой. Надрезал сердечную мышцу на небольшую глубину, удалось захватить инородное тело кровоостанавливающим зажимом и сравнительно легко его удалить. Трудно мне сказать, вырвалась ли при этом стенка левого желудочка, но началось в полном смысле этого слова ужасающее кровотечение. В жизни я лично десять раз зашивал раны

сердца, видел значительное кровотечение, но ничего подобного тому, что мне пришлось увидеть в этом случае, никогда не видел. Кровь выделялась постоянно, в особенности в момент систолы, с таким ужасающим напором, что больной в продолжение какой-нибудь минуты потерял около 1½–2 литров крови. С трудом удавалось накладывать швы на бурно работающем сердце. Только после наложения 12 швов удалось совершенно прекратить кровотечение. Игла вкалывалась довольно далеко от края раны. Кровяное давление со 120 упало до 90 мм Hg. Было влито 2 литра крови через две v.Saphena magna и локтевую вену. Кровяное давление снова поднялось до 110 Hg. Швы держат хорошо. Поверхность сердца поливаем 1% раствором новокаина. Перикард был ушит одиночными швами, лишь в двух местах была оставлена щель в 1–2 см. Левая плевра дренирована.

Состояние больного после операции вполне удовлетворительное и оставалось таковым и 6-го числа, приблизительно до полудня. В это время кровяное давление упало до 90 мм Hg. Начали переливать кровь, но больной потерял сознание и умер.

На вскрытии — швы держат вполне хорошо, но у верхушки, там, где была переязана одна из ветвей нисходящей ветви, сердечная мышца имеет ненормальный вид. Моя ошибка заключалась в том, что я предварительно не прошил сердечную мышцу под инородным телом.

6.VI. Воскресенье. Я, Жорж и Ира выехали в Ригу. Я поехал на заседание 1-й сессии клинической секции АМН.

Там мы провели 7, 8 и выехали обратно 9-го числа.

У нас происходили переговоры с директором Озерецким. Последний остался недоволен Савиных, нашел, что он торгаш, и под благовидным предлогом, что на кафедре подал Шаак, он ему отказал.

По предложению С.С. Гирголав кафедру предложили Н.Н. Самарину, но последний категорически отказался. Он сказал, что ценит хорошее отношение, которое он встречает в ГИДУВ'е, что он имеет 180 коек в больнице Ленина, любит неотложную хирургию, что, кроме всего, он занимает кафедру своего учителя В.А. Оппель, и лучшего ему не нужно.

Предложили кафедру А.В. Мельникову, он с удовольствием согласился, полагаю только, что его из Академии никто не отпустит.

10.VI. Четверг. Мы сегодня вернулись. На могиле Нины мы попросили засадить цветы, что в нашем присутствии и было сделано.

11.VI. Пятница. Побывал у Ланга. Возобновились боли над левым плечом. Явления дисфагии изо дня в день становятся все отчетливее.

12.VI. Суббота. В Академии оперировал — делал спленектомию. Ругался с начальником и Долго-Сабуровым по поводу диссертации Галкина.

Был у Ланга. Сидит в креслах. Он со мной заговорил насчет затруднения глотания. «Бывает ли так, — спросил он, — чтобы после перигастрита и плеврита, вызванного переломом ребра, развивалась картина непроходимости пищевода?» Я начал пространно доказывать, что такая возможность не исключена.

Тогда он начал со мной обсуждать вопросы о различных оперативных вмешательствах. Я ему сказал, что при этом речь могла бы идти о соединении пищевода со дном желудка. «Но эта операция тяжелая, — прибавил он, — она для меня не годится». Я перевел разговор на другие темы. Я ему блокировал левый рhrenicus. Мы с ним беседовали около часу. Перебрали терапевтов всей страны и не нашли ни одного, которого можно было бы рекомендовать на кафедру.

Во всяком случае, картина совершенно ясна. Рак дна, который начал расти в сторону пищевода, и смерть будет ужасной, мучительной, длительной.

Решили во вторник созвать консилиум. Пришло письмо от Дити, что 5 июня скончалась Любовь Александровна Эндоурова. Кристально чистый человек, прекрасный врач. Смерть для нее избавление — умирала целый год от повторных кровоизлияний в мозг.

Позвонил П.А. Куприянов и сообщил мне, что ему передали, что когда секретарь райкома Орехов, который советовал Шааку подавать, обратился в вышестоящие организации, то ему сказали, что этого делать никоим образом нельзя и что следует дать отбой.

13.VI. Воскресенье. Сегодня у нас обедал Маруся Джандиерг (муж Георгий Лежава). Умная, многословная. Безобразная по внешности женщина. Через нее мы отослали В.С. Левиту технику кардиолизиса, который должен попасть к Левиту 15 числа. Обедал у нас и Михаил Иванович Цхакая, который привез докторскую диссертацию в 1000 страниц, что он пишет в продолжение 18 лет!!!

14.VI. Понедельник. Начал писать диафрагмальные грыжи.

15.VI. Вторник. Читал в Академии лекцию «Острый живот». Был у Ланга. Сидит в кресле, как будто бы лучше, но явления дисфагии, именуемые спазмами, повторяются.

Вечером у нас был ужин: Мессель с женой, Зинаида Васильевна, Сусанна Яковлевна, Мельников с женой, Наталья Георгиевна Баранова, Виктор Матвеевич, Софья Брониславовна, Мария Григорьевна, Лурье с женой, Трушкин.

16.VI. Среда. Боюсь, чтобы не сорвался ремонт клиники, нет материалов.

Вечером заседание Хир. общества в ГИДУВ'е, посвященное 35-летию Н.Н. Петрова.

Административное заседание. Я предложил для торжественного заседания: А.И. Савицкого и И.П. Виноградова, последнему изучить анналы Пирогова и на этом фоне сделать доклад об ошибках в хирургии по Ленинграду.

17.VI. Четверг. Ходил в Рентгеновский институт, консультировал проф. Вендеровича — рак прямой кишки.

18.VI. Пятница. Утром оперировал 3 больных с грудной жабой.

Совет института «Скорой».

Былу Ланга. Со вчерашнего дня не может глотать ничего, кроме молока, но и это сопровождается жестокими болями, которые, по словам Г.Ф., напоминают приступы грудной жабы. По словам Натальи Сергеевны, при этом он бледнеет, черты лица заостряются. Бедный Ланг, какая жестокая форма смерти. Я анестезировал п.рhrenicus.

Смотрел жену академика Порай-Кошиц. Эмболия мозговых сосудов, левой

подвздошной, правой плечевой. Омертвление левой голени.

19.VI. Суббота. Работаю дома.

20.VI. Воскресенье. У нас обедал Н.Н. Приоров. Рассказал много московских новостей. Условились созвать конференцию в конце февраля 1949 г.

21.VI. Понедельник. Заседание ученого совета 1 ЛМИ.

Я созвал консультацию в кабинете Ланга, чтобы решить вопрос — не попытаться ли применить рентген, хотя бы для того, чтобы снять боли. Присутствуют: Черноруцкий, Мельников, Шаак, Гольштейн, Рохлин, Наталья Сергеевна, Ильинский, Неймарк.

Все согласились перевести его в клинику, произвести исследование и в зависимости от этого поступить.

22.VI. Вторник. Был в Музее Вооруженных сил, просматривал рисунки. Много плохих.

Читал последнюю лекцию V курсу — «Острый живот и ожоги». Провожали аплодисментами.

В 15 часов председательствовал на историческом заседании в Академии, где В.М. Иванов бесконечно хвалил З.П. Соловьева, а Лисицин — Н.Н. Бурденко.

Вечером звонила Наталья Сергеевна, сказала, что боли неимоверно жестоки. Уступили лишь морфию.

23.VI. Среда. Оперировал в «Скорой» — пластика после тяжелого ожога кисти.

Все трое больных, оперированных по поводу грудной, чувствуют себя прекрасно.

Заседание в Академии под председательством Барабанова. Угроза закрытия ВММА.

Ланга перевезли в клинику.

24.VI. Четверг. Просвечивали Ланга. Са *cardiae* и *fundus'a*. Резко выраженные явления дистрофии. Жестокие боли, по-видимому, зависящие от прорастания опухоли в *plexus solaris*.

Ездили на дачу, условился вырыть колодец.

25.VI. Пятница. Заседание в Кировской Академии с Елинским. Заседание клинико-анатомической конференции в больнице Эрисмана.

Консультация по поводу Ланга. После рентгенологического исследования нашли, что опухоль сильно разрослась. Деформирует пищевод, возможно, и прорастает стенку.

Вечером С.С. Гирголаву сдал рукопись ожогов.

26.VI. Суббота. Заседание с Еланским. Ланг за сутки не мог проглотить больше 1½ стакана жидкости. Сильные боли.

ДНЕВНИК

№ 11

**Начат 27.06.1948 г.
Окончен 08.12.1949 г.**

28.VI. Понедельник. Заседание совета 1 ЛМИ. П.С. Кустов защитил диссертацию. Докладывал плохо. Я дал о работе прекрасный отзыв, она того стоит.

Был у Ланга. Лежит в клинике в своем кабинете. Сегодня глотает немного больше. В общем, плохо, следует ждать черных дней.

29.VI. Вторник. Сегодня ко мне приходил Н.Н. Самарин. Принес заключение по конкурсу кандидатов на кафедру общей хирургии. Конкурируют два кандидата Дыхно из Хабаровска и Е.В. Смирнов. На первое место поставлен Е.В. Смирнов.

30.VI. Среда. В «Скорой» оперировал двух больных, сделал чрезгрудинную анестезию plexus preaorticus. Оперировал одного больного с неоперабельным раком желудка.

1.VII. Четверг. С утра в клинике ВММА. На заседании совета профессор Е.В. Смирнов был избран начальником кафедры общей хирургии. Из 36 голосов он получил 34. Данная кандидатура для начальника кафедры — это пустое место. Человек без всяких идей, совершенно не пригодный ни для какой-либо организаторской и тем более научной работы. Оперирует сносно, очень любит этим делом заниматься. За 4 года работы в клинике им не была высказана ни одна дельная мысль.

Моя клиника ровно ничего не теряет.

2.VII. Пятница. Сижу дома, работаю плохо. Приходил Аркадий Алексеевич Бочаров, мало подготовлен. Не знаю, что из него выйдет. Галкин сдал диссертацию «Операционная в прошлом и настоящем» — 730 ст. Написал хорошо.

3.VII. Суббота. Ездили на дачу. Вырыли хороший колодец.

Был у Ланга. Лежит у себя в клинике в своем кабинете. Эти дни были тяжелые, оттого ли, что его рентгенировали, или от основной болезни, но его тошнило и были попытки к рвоте, боли со стороны живота. Внутривенные введения спирта не переносит, больно и, кроме того, это вызывает тромбирование вен. Ест плохо, глотает жидкую пищу. Явно слабеет с каждым днем. Я рекомендовал снова произвести ему переливание крови.

Днем он вызвал к себе директора института Н.И. Озерецкого и в продолжение двух часов обсуждал планы научных работ. Ланг сказал, что он боится, что к сентябрю не поправится, но полагает, что к октябрю выйдет на работу. По его словам, у него язва, в особенности он в этом уверился после того как ему показали рентгеновские снимки, а снимки-то чужие!!! Какое счастье так легко обманываться.

Вчера сняли с должности Леонида Ивановича Кутарева, заместителя директора по административной и хозяйственной части. Это вор большого масштаба. Жаль, если он не будет предан суду. Таких мошенников нельзя выпускать на улицу. Ушел от нас, начнет воровать в другом месте.

5.VII. Понедельник. Был у Ланга, жалуются на тошноту, позывы на рвоту, глотает только жидкую пищу.

6.VII. Вторник. Сегодня утром Георгий Владимирович Шор был найден в кровати с явлениями кровоизлияния в мозг.

7.VII. Среда. Работаю над диафрагмальными грыжами.

8.VII. Четверг. В Музее Вооруженных сил состоялось под председательством

Смирнова заседание, на котором согласовывался ряд принципиальных вопросов.

Куприянов, как председатель комиссии, обратился к Е.И. Смирнову насчет В.А. Шаака. Смирнов ответил, что он Шаака на кафедру не утвердит. Высказался также отрицательно насчет кандидатуры Савиных.

Был у Ланга. Лежит дома. Явления частичной кишечной непроходимости.

9.VII. Пятница. Вчера вечером от кровоизлияния в мозг умер Георгий Владимирович Шор, который в продолжение многих лет возглавлял кафедру патологической анатомии в институте. Блестящий прозектор, макроскопист, добрый, честный, принципиальный человек. В продолжение нескольких лет он был директором института, но на этом поприще не проявил особых талантов. В научно-исследовательском отношении он также был не особенно силен. Но был прекрасным преподавателем и в полном смысле слова являлся совестью института. После него остаются сын Владимир — доцент Кировской Академии — терапевт и довольно никчемная дочка Шура — преподавательница английского языка.

Фактически Г.В. умер уже давно. После блокады, которую он перенес очень тяжело, он уже не принимал участия в жизни института. Очень грузный, он с трудом ходил, наступая на тяжелую палку. Его, конечно, не могло не обидеть, что он не избран в АМН. Он давно порывался уйти из института и каждый раз при встречах спрашивал, не слышал ли я что-либо насчет пенсии. Я в соответствии с действительностью отвечал, что не слышал.

Ему как бы нелегально платили профессорскую зарплату, все это, конечно, не могло не обижать человека, заслуги которого перед институтом были велики. Кое-когда его назначали рецензентом, членом комиссии по государственным экзаменам, но этим все исчерпывалось.

В последние месяцы было слышно, что у него язвы на ногах, нелады с мочевым пузырем... В общем, смерть приближалась довольно быстро. Она оказалась для него милостивой, «пришла ночью». Когда наступило кровоизлияние, точно неизвестно, но что хорошо, это то, что, не приходя в сознание, он умер.

23 ч. 30 мин. — Только что приходил ко мне А.В. Мельников. Он был сегодня вызван Озерецким, который предложил ему кафедру факультетской хирургической клиники.

Я ему сказал, что все это я знаю, но думаю, что его не демобилизуют. На это он мне сказал, что он уйдет по болезни.

Мотивы, по которым он уходит из Академии:

1) Во-первых, он полковник, а не генерал. По-моему, этот мотив один из главных.

2) Академия Морская шатается.

3) Ему до пенсии гражданской осталось служить 7 лет, а до военной — 14 лет.

Н.И. Озерецкий обещал ему, что он убедит Л.С. Бекермана профессором на кафедре общей хирургии.

Сегодня у нас обедали В.С. Левит и С.С. Гирголав. Говорили насчет учебника по хирургии. Я предложил сдавать его по выпускам.

Я согласился, чтобы мы созвали конференцию в конце декабря.

Был у меня проф. Дыхно, спрашивал меня, какие у него шансы попасть на кафедру факультетской хирургической клиники. Я ему сказал, что никаких. Я ему объяснил достаточно ясно, что такому молодчику пока рано в Ленинград. Он согласен уйти из Хабаровска даже в Уфу или Симферополь. Вот это скорее подойдет.

Сегодня в 16 часов у Ланга снова появились жесточайшие боли в области пищевода, его глушат наркотиками, вечером перестала идти моча.

Непроходимость пищевода, непроходимость кишечника, непроходимость уретры — это много даже для Ланга!!! Вот воистину ужасная смерть.

10.VII. Суббота. Жаркий июльский день. В зале Ленина стоит гроб с телом Георгия Владимировича. Масса народу. Из профессоров только Озерецкий, Заблудовский, Рабинович, Космодомианский — лето, все в отпуске. Речей, слава богу, было мало. Ни одна из них, конечно, не отражала и сотой доли настоящего Шора. В 18 часов тело его предали земле на Серафимовском кладбище. Как мы разнообразны в жизни и как однообразно нас хоронят.

Вечером у нас были Е.И. Смирнов с женой, С.С. Гирголав, Н.И. Озерецкий и А.И. Иванов. Среди других вопросов мы поставили министру вопрос, как бы он отнесся, если бы на кафедру факультетской хирургии избрали А.В. Мельникова. Он это вполне одобрил и обещал, что поможет его демобилизации, разрешил, чтобы с начала года Мельников приступил к чтению лекций в 1 ЛМИ.

Насчет В.А. Шаак он сказал, что он ему написал и посоветовал остаться заведую-

щим хирургическим отделением в Рентгеновском институте. Насчет возвращения на кафедру высказался отрицательно.

Тарееву он дал такую характеристику, что после этого его нам брать не стоит.

Насчет А.В. Мясникова он преувеличенно хорошего мнения. Он считает, что дней через пять он будет командовать всей Москвой, что там ему противоречить некому.

11–12.VII. Сижу дома. Заканчиваю главу «Диаграфмальные грыжи».

13.VII. Вторник. В Академии глупое заседание, посвященное шестилетнему плану.

Написал письмо министру Вооруженных сил Николаю Александровичу Булганину.

Вместе с Е.В. Смирновым поехал к Лангу. Тяжелый визит, по-видимому, последний. По словам Наталии Сергеевны, за последние два дня произошли резкие сдвиги. Он пришел к заключению, что у него рак. Но даже и сейчас сохраняет какую-то крупинку надежды, что это язва.

Заметно осунулся. На его круглом лощеном лице явно обрисовалась худоба. Стали отчетливо вырисовываться скуловые кости. На вопрос, как он себя чувствует, ответил: «Отвратительно». Надоедает постоянная тошнота, позывы к пустой рвоте.

После введения 500 куб. см 5% раствора глюкозы несколько раз в левом подреберье появлялись исключительные по интенсивности боли, доводящие его до шока.

Газы отходят после сифонной клизмы, которую ставят два раза в день. Самостоятельного стула не было вот уже десять дней. Живот вздут, видны петли раздутых

тонких кишок. Тяжелый конец. Вместо себя я оставил Смирнова. Из коридора я еще раз крикнул «До свидания, Г.Ф.». Он мне крикнул: «До свидания». Едва ли это свидание состоится. Он ничего не ест плотного. За сутки едва выпивает 1–2 стакана молока. Этим долго не проживешь, даже при систематическом переливании крови.

14.VII. Среда. Закончил «Диафрагмальные грыжи». Завтра отсылаю Куприянову.

12.VII Максименкова избрали на кафедре Шевкуненко. Это можно было предвидеть год назад. Предупредительность Сресели пошла ему на пользу. Теперь он может свободно демобилизоваться, у него прекрасная кафедра в 1 ЛМИ.

15.VII. Четверг. Написал массу писем, между прочим Баншикову насчет Мейер — Мей.

Аврал был, но средний. Выехали с Жоржем и Верой в Ригу в 18 ч. Ехали прекрасно. В дороге дождь.

16.VII. Пятница. На вокзале нас встретили начальник санатория Сергей Михайлович Морозов и Томилин. Хороший день. Приехали в свою прошлогоднюю дачу. Вечером побывали на могиле Нины. Тут начали прекрасно расти цветы, растут флоксы, по краям окантовали цементными плитками, стоит новая хорошая скамейка.

Бродим по берегу зеркально спокойного моря.

17, 18.VII. Суббота-воскресенье. Много ходим. Катались на лодке. Ходили через канал. Погоды хорошие.

19.VII. Понедельник. Стоит прекрасная погода. Впервые купались. Вода еще достаточно холодна, но купаться приятно.

Вечером около 9 часов Жорж упал. Повредил себе ладонную поверхность правой кисти и сильно левый коленный сустав. В ближайшие часы стал нарастать гемартроз. К часу ночи раздуло весь верхний заворот, жалуется на очень сильные боли. Положил давящую повязку, которую из-за болей скоро снял. Под коленом — подушка.

20.VII. Вторник. Жорж спал за ночь не более 1,5 часов. 7 ч. утра. Коленный сустав еще больше разнесло. Recessus sup. напряжен в максимальной степени. Лежит, корчится, мечется от болей.

Наложил согревающий компресс. В 10 часов дал ампулу морфина, затем пирамидол. Боли начали утихать. Позавтракал. Стало как будто легче. В 12.30 начал спать.

21.VII. Среда. Опухоль значительно спала. Дает массировать спокойнее. Пытается систематически сокращать m. quadriceps, но очень лениво. Приходила дура массажистка, которая довольно бестолково терла ногу. Иван Николаевич Томилин прислал машину, чтобы мы посмотрели Праздник латвийской песни и пляски.

Я с Верой поехали. Более дезорганизованной организации я никогда не видел. Мы видели только спины и ноги впереди сначала сидевших, а потом на скамейках стоящих.

Жорж с костылями дополз до обеденного стола.

22.VII. Четверг. Ночь спал без наркотических. Жалуется на боли в суставе, но они явно меньше. Сам встал — бриться. Опухоль меньше.

23–25.VII. Стоят теплые дни. Сидим дома. Сегодня Жорж впервые ходил

с палкой. Спустился во двор, добрел до калитки. Опухоль значительно меньше, но в суставе много еще жидкости.

Сегодня я получил телеграмму от Озерецкого, что 24.VII Георгий Федорович Ланг скончался, похороны 26.VII. Исчезла большая фигура, которую нечем заменить.

Закончил редактирование сборника, посвященного А.В. Мельникову.

Послал срочную телеграмму Озерецкому для передачи Н.С. Ланг.

26–27.VII. Перевожу Лежара по 20 страниц в день. Жоржу лучше, бродит с палочкой в руке.

28.VII. Среда. Прекрасные дни, сегодня самый жаркий день. Жорж с палочкой дополз до морского берега. Жидкости в суставе меньше, ногу сгибает до прямого угла.

29.VII. Четверг. Жорж купался в море, а мы катались на лодке. Ходит еще плохо, сильно прихрамывая.

30.VII. Пятница. Сижу над каторжным трудом, перевожу перевод Лежара, выполненный мерзавцем Лорье.

При напряженной 5–6 часовой работе удастся выправить не более 20 страниц в день. Для себя не остается времени.

31.VII. Стоят прекрасные дни.

1.VIII. Воскресенье. Сегодня ровно два года как не стало Нины. Мы поехали на машине на могилу Нины, у Жоржа еще сильно болит нога, и ему трудно было бы дойти. Прекрасный вечер. Могила Нины в прекрасном состоянии: тут все цветы принялись, дают бурные новые ростки. В 4 углах цветут белые и красные флоксы. Иван Иванович посадил кусты герани, которые также немало украшают вид. На кладбище чисто, тихо, очень мало народу.

Пока я жив, могила Нины будет в хорошем состоянии. После меня ее ждет участь всех могил, природа сровняет все с землей.

2.VIII. Понедельник. Мне сегодня исполнилось 65 лет. Самочувствие прекрасное, я не могу пожаловаться ни на какие хворобы.

Жорж ходит без палки.

3.VIII. Вторник. Работаю систематически над Лежаром. Послал Лорие заказное письмо, от которого он едва ли придет в восторг.

4.VIII. Среда. Получил письмо от Зинаиды Васильевны. Она пишет о последних днях Ланга. Он несколько дней был без сознания. Данные вскрытия. Рак дна желудка, разрушивший кардию, проросший в селезенку, в рапсегас, проросший диафрагму, геморрагический выпот в плевру.

Наша тактика была совершенно правильной. Что бы сделал Юдин, если бы ему дали вскрывать живот?

5–8.VIII. Работаю над «Лежаром», дошел до 500 страницы. Вечером льет дождь. Заметно похолодало. Жорж ходит хорошо, жидкость еще держится.

Плохо работает для восстановления т. quadriceps.

9.VIII. Понедельник. Всю ночь как из ведра лил дождь. Холодно.

13.VIII. Сегодня день рождения Нины. Мы украсили ее могилу цветами. Ей сегодня бы исполнилось 64 года.

14.VIII. Суббота. Меня пригласил к себе профессор госпитальной хирургии Александр Федорович Лепукалн, который когда-то был у меня аспирантом. Я его выгнал, так как увидел, что из него никакого хирурга не выйдет. От меня его перевели к Шааку, который также не нашел возмож-

ности оставить его у себя ассистентом. В конце концов он попал к Бурденко, где после долгого подхалимства защитил докторскую диссертацию.

Наконец, когда латышам понадобилось пополнить свои кадры по национальной линии, то П.И. Страдынь выкопал Лепукална, будучи вполне уверенным, что он ему конкурентом не будет. Все эти успехи не сделали его хирургом, как он не умел оперировать, так он не умеет это делать и в настоящее время. Это не мешает ему не только быть профессором госпитальной хирургии, но и... главным хирургом Латвийской Республики.

Несмотря на печальные воспоминания, связанные со мной, он пожелал пригласить меня на обед. Кроме меня там были: В.А. Шаак, Бекерман, Илья Львович Фаерман из Москвы, главный врач проф. Бортнек, как оказалось, бывший мой ученик, заместитель министра здравоохранения Федор Федорович Григораш, уверяющий, что он украинец, исключительно остроумный и, по-видимому, неглупый человек и несколько ассистентов клиники. Обед был прекрасный.

Показали нам больницу, построенную в 1806 г. Сохранился полностью архив. Система барачная. Соединяющие коридоры выложены белым кафелем. Операционные старомодные, нет аудитории. Для хорошего профессора и этого было бы вполне достаточно, чтобы хорошо работать. Боюсь, что при данном руководителе не в коня корм.

16.VIII. Понедельник. Резко похолодало. Температура воздуха с 22 градусов съехала до 15, часто идут дожди. О купании не может быть и речи. Закончил

статью «Удаление инородных тел, расположенных со стороны задней поверхности сердца» для юбилейного сборника А.В. Мельникова.

19.VIII. Четверг. Ровно месяц, как Жорж повредил себе ногу. В настоящее время ходит свободно, полностью сгибает и разгибает ногу в коленном суставе, в достаточной степени восстановился тонус *m.quadriceps*. В суставе еще довольно много жидкости.

Вот два дня как погода исправилась, светит солнце, тепло, но не жарко.

Приходили проф. Кошахидзе с женой.

20.VIII. Пятница. Купались в море в последний раз.

23.VIII. Понедельник. Как будто стало теплее. Последний раз побывали на могиле Нины. Прекрасно расцвел георгин, который посадила Ира. Иван Ивановичу поручили посадить на могиле садовую гортензию.

Выкупались в море, на сей раз действительно в последний раз, вода очень холодная.

24.VIII. Вторник. Целый день работал над статьей «Удаление инородных тел с задней поверхности сердца» и над «констриктивным перикардитом».

Как-то незаметно быстро прошло лето. Работы было очень много. Погода, в общем, стояла плохая. Было лишь несколько действительно жарких дней в июле.

Пора домой.

25.VIII. Среда. С Жоржем и Верой выехали домой.

26.VIII. Четверг. Приехали прекрасно. Дом в полном порядке. К обеду я позвал В.С. Левит, с которым обсуждали вопрос о возможности созыва конференции

хирургов в конце ноября. Решили объединиться с травматологической конференцией.

27.VIII. Пятница. Был в клинике. Ремонт, конечно, не закончен. Быть может, 1-го откроемся частично. Вечером был Б.Н. Постников. Обсуждал с ним вопрос, какие доклады мы могли бы дать на конференции.

28.VIII. Суббота. Закончил статью «Удаление инородных тел, расположенных на задней поверхности сердца».

30.VIII. Понедельник. В 1 ЛМИ первое заседание. Директор института предложил мне председательствовать, ввиду того что он является докладчиком. Главная тема доклада идейно-политическое воспитание. Тут и вопросы морганизма-менделизма, тут и учение Мичурина, тут и прегрешения Орбели-Давыденкова, тут и необходимость пересмотра программ по биологии, анатомии, физиологии, патофизиологии. В виде обязательной «командирской учебы» удлиняются заседания совета, которые будут начинаться в 14 часов вместо 15 часов.

Вопрос о выборах профессора гистологии (предполагалось избрать Ш.Д. Галустяна) был снят с повестки дня. Директор был несдержан. Петр Степанович Купалов закатил истерику.

31.VIII. Вторник. В «Скорой помощи» созвал президиум Хирургического общества и нескольких других хирургов по вопросу о возможности созыва конференции хирургов вместе с конференцией травматологов. Мы согласны, но неофициально через присутствующего на заседании В.С. Левита стало известно, что конференция хирургов не разрешена.

1.IX. Среда. Наша клиника еще не закончена. Читал вступительную лекцию всему пятому курсу. Лекцию читал в гинекологической клинике, прочел хорошо. До начала лекции состоялся митинг, посвященный памяти Андрея Александровича Жданова, который умер вчера от приступа грудной жабы. Ему было всего 52 года, но сверхчеловеческая нагрузка свела его так рано в могилу.

Я сказал несколько слов памяти Шора и Ланга.

3.IX. Пятница. Читал для одного потока в аудитории глазной клиники «Рубцовое сужение привратника».

4.IX. Суббота. Стоят хорошие дни. С Верой съездили на дачу.

Решил написать небольшую монографию. «Сдавливающий (констриктивный) перикардит».

6.IX. Понедельник. Первый раз в конференц-зале Института скорой помощи был разбор больного с V курсом.

Первый раз во вновь отремонтированной аудитории клиники 1 ЛМИ читал второму потоку «Рубцовое сужение привратника».

Было заседание совета в институте «Скорой», где Межитовский Рафаил Григорьевич делал доклад о «Современном состоянии angina pectoris».

7.IX. Вторник. Возобновил позирование скульптору Игорю Всеволодовичу Крестовскому.

9.IX. Четверг. Работаю довольно вяло.

11.IX. Суббота. В 15 ч. 15 мин. началось объединенное заседание шести медвузов Ленинграда, посвященное мичуринскому учению. Заседание проходило у нас в 6-й аудитории, пред-

седательствовал начальник ГУМУЗ'а проф. Павленко. В президиуме директора всех медвузов.

Первым докладывает проф. Турбин.

Вторым говорил директор 2-го Медицинского института проф. Дмитрий Аркадьевич Жданов. Первым он разобрал книги проф. Кацнельсона, который оказался ярким морганистом. Шаг за шагом он разбирал и другие дисциплины, в которых учение Менделя-Вейсмана и Моргана свило себе гнездо. Особенно за биотипы досталось психиатру из ГИДУВ'а Случевскому. Затем выступили директора вузов и их заместители.

13.IX. Понедельник. Вел занятия со слушателями V курса 1 ЛМИ «Перелом пястных костей». Читал лекцию «Перфорация желудка» на больном, который только что был доставлен.

15.IX. Среда. Возобновились заседания Хир. общества Пирогова.

22.IX. Среда. Состоялось заседание редакции журнала «Вестник хирургии».

23–24.IX. Четверг-пятница. В Академии заседание профессорско-преподавательского состава, посвященное биологическому фронту.

Читал лекцию в 1 ЛМИ «Туберкулезный перитонит».

27.IX. Понедельник. Вел занятия и читал лекции в 1 ЛМИ. «Закупорка общего желчного протока».

28.IX. Вторник. Позировал Крестовскому. Заседание Ленинградского совета насчет озеленения города. Был на заседании терапевтического общества им. Боткина, посвященного памяти Георгия Федоровича Ланг. Вступительное слово сказал Н.И. Лепорский, Мих. Дмитр. Ту-

шинский — «Ланг организатор здравоохранения», М.И. Хвилевичкая — «Ланг ученый и учитель». Все речи были очень хороши.

29.IX. Среда. С утра оперировал в «Скорой». Затем состоялся доклад П.Н. Кашкина — «На биологическом фронте». За этим состоялись доклады М.Г. Каменчик Литературный обзор — «Хирургическое вмешательство на симпатической нервной системе при *angina pectoris*». Р.Г. Межебовский — «Результаты чрезгрудинной анестезии предаортального сплетения» на основании 9 оперативных вмешательств, произведенных мной. Первая операция была выполнена 10 марта 1948 г. Результаты — 4 случая хорошие при ангиоспазме и 5 случаев плохие при органическом поражении венечных сосудов и инфарктах миокарда.

Вечером состоялось очередное заседание Хир. общ. Пирогова. После заседания состоялось административное заседание президиума общества, которое я созвал по следующему поводу: секретарь Хир. общества Иван Степанович Колесников вычеркнул из протокола заседания Хирургического общества два моих выступления 1) по поводу эндартериита, где я ссылаясь на Лериша, Бюргера и Самуэльса. Второе: выступление на торжественном заседании, посвященном юбилею Н.Н. Петрова. Трудно мне сказать, какие у него были основания как в первом, так и во втором случае. Во всяком случае, я счел этот его поступок политически вредным, а по отношению к председателю Хирургического общества бестактным. Колесников не мог даже сказать, почему он это сделал. Он в полном смысле лепетал и извинялся.

Порешили, по моему предложению, следующее прохождение протоколов. Составляет их по стенограмме Нагнибеда, затем они переходят к Колесникову, после этого их правит председательствовавший на данном заседании и, наконец, протокол поступает к председателю общества или его заместителю и за подписью председателя протокол идет в печать.

30.IX. Четверг. С утра пошел осматривать клинику ВММА, ремонт, который оканчивается. По-видимому, крыша не будет протекать, и операционный корпус выходит совершенно хорошим. Сама клиника скорее подмазана, чем выкрашена.

У начальника Академии встретился с Н.И. Завалишиным. Присутствуют А.М. Зотов, Д.И. Савелов, Станислав Иосифович Банайтис. Я просил Завалишина вернуть мне Карташевского, как он обещал. Сначала он сделал вид, что не помнит о своем обещании. Затем беспомощно обратился в сторону Савелова и сказал, что лучше подождать. На мой вопрос, сколько же времени следует ждать, он мне не мог дать вразумительного ответа. Думаю, что из этого ничего не выйдет.

Я просил насчет Бочарова, чтобы его отдали мне в качестве заместителя профессора. Он нашел мои доводы уважительными, принципиально согласился, но кто его знает, какие трюки он еще выкинет.

По-видимому, после того как Максименков принят в Академию, М.А. Сресели демобилизуют.

1.X. Пятница. Вел занятия в 1 ЛМИ. Исправлял плохо стоящий перелом бедра.

3.X. Суббота. С утра в первый раз вел занятия с V курсом ВММА. Читал всту-

пительную лекцию. С Верой в дождь ездили на дачу. Дорога вся асфальтирована, одна прелесть.

Сегодня вечером А.В. Мельников сообщил мне по телефону, что к нему пришел племянник Савиных, передал ему привет и просил сказать, что он назначен на кафедру факультетской хир. клиники в 1 ЛМИ. Или Саша снова брешет, или у нас все возможно.

4.X. Понедельник. Вел занятия со слушателями 4 курса в 1 ЛМИ.

5.X. Вторник. Сiju дома, готовлю публичную лекцию в Политехническом институте на тему «Современное состояние хирургии сердца».

6.X. Среда. С утра оперировал в «Скорой». Первый раз сделал пересадку кожи дерматомом с марлей, фиксированной на барабане. Очень удобно.

2) Сделал операцию Dujardir — Baumer у мальчика.

3) По поводу Са желудка наложил передний g-E.

Вечером в клубе Дома ученых в Политехническом институте очень хорошо прочел лекцию «Современная хирургия сердца». Это продолжалось 1 ч. 10 мин. Затем был продемонстрирован кинофильм «Перикардэктомия при сдавливающем перикардите».

8.X. Пятница. С утра оперировал в 1 ЛМИ. Читал лекцию «Перелом бедра Subtrochanterica».

В «Скорой» сделал резекцию желудка по поводу кровоточащей язвы 12-перстной кишки.

9.X. Суббота. Вел занятия со слушателями ВММА. Читал лекцию «Рубцовый стеноз привратника».

11.X. Понедельник. Лежу из-за гриппа и насморка.

12.X. Вторник. Экзамены по приему адъюнктов.

13.X. Среда. В Хирургическом обществе мы устроили заседание, посвященное Мичуринской биологии. Сделаны доклады Е.Н. Павловский и Н.Н. Петров. Заседание прошло очень торжественно.

14.X. Четверг. Работаю дома.

15.X. В 1 ЛМИ оперировал двух больных. 1-я оперирована под диагнозом «Закупорка камнем общего желчного протока». На операции никакого камня. Язва 12-п. кишки, спайки между ж. пузырем и язвой 12-п. кишки. Можно допустить лишь перегиб d.choledochus или какие-либо увеличенные лимфатические узлы. Я разъединил спайки и не счел возможным что-либо делать, так как от язвы ее никто никогда не лечил.

2-й больной резекция желудка по поводу каллезной язвы.

16.X. Суббота. С утра присутствовал на экзаменах адъюнктов в Академии.

В 17 часов — в Институте Отта слушал доклад академика-секретаря Семена Александровича Саркисова о Мичуринской биологии. Председательствовал П.А. Куприянов. Хорошее выступление Л.А. Орбели.

17.X. Воскресенье. С утра меня позвали в Красноармейский госпиталь — начальник генерал-майор Борис Николаевич Ибрагимов. Консультировал Ивана Александровича Кинсса. По-моему, у него, несомненно, рак хвоста поджелудочной железы с метастазом в лимфатические узлы шеи с правой стороны.

Затем был на заседании в Оттовском институте. На обвинение проф. Купалова присутствующие ответили гробовым молчанием, в то время как на речь Орбели отреагировали бурными аплодисментами.

Сегодня Игорь Всеволодович Крестовский закончил мой бюст, который он делал в продолжение 1,5 лет.

18.X. Понедельник. Утром вел разбор со слушателями в 1 ЛМИ. Читал лекцию «Двухсторонний нефролитиаз, правосторонний пиелонефроз. Шестинедельная беременность. Камни в обоих мочеточниках».

Присутствовали студенты из Риги.

19.X. Вторник. Оперировал в Академии — 1) убрал внутренний мениск и 2) по поводу фиброзного ложного сустава — устроил Кишнеровский санат.

20.X. Среда. Оперировал в «Скорой». 1) Больной с неясным диагнозом — предположительно — холецистит. Уплотнение 5х6 см в головке pancreas. Скорее похоже на панкреатит, чем на опухоль. Наложил холецистогастростомию.

2) Резекция желудка по поводу язвы. Больной был уже раз оперирован по поводу язвы 12-перстной кишки — наложен передний g-e. Резекция кишки + резекция желудка.

Заседание редакционной коллегии у И.П. Виноградова.

21.X. Четверг. С утра заседание в ВММА по приему адъюнктов. Приняли 12 человек, из них ни одного хирурга.

Заседание совета в Академии. Доклад Б.А. Долго-Сабурова об итогах работы Академии за истекший год и перспективах будущего года. В.В. Галкин утвержден кандидатом наук. Александр Александрович Нечаев избран начальником

кафедры факультетской терапии (33 за, 6 против), последние голоса получил И.Т. Теплов. Оба кандидата горе-начальники, но лучшего на терапевтическом фронте не нашлось.

29.X. Пятница Оперировал геолога по поводу кровоточащей язвы 12-перстной кишки. В жизни не видел такого количества жира.

Читал лекцию в 1 ЛМИ, повторил то, что читал 18.X.

23.X. Суббота. Разбирал в Академии больных с новой группой слушателей.

Читал лекцию — «Облитерирующий эндоартериит».

24.X. Воскресенье. Вечером звонил А.А. Бочаров и сообщил, что в железах, взятых при биопсии у Ключа, найден мелкоклеточный рак. Вчера началось возбуждение, наступила дезориентация и в 7 часов вечера И.А. Ключ погиб. За последние два дня жажда достигла исключительной интенсивности. Не исключена возможность метастаза в мозг и даже в гипофиз.

25.X. Понедельник. Вел разбор с новой группой слушателей в 1 ЛМИ. Бочаров сообщил результаты вскрытия у Ключа. Рак тела и, может быть, хвоста поджелудочной железы. Метастазы в узлы, окружающие аорту, небольшие метастазы в надпочечники, небольшой метастаз в щитовидную железу. Метастаза в мозг и гипофиз не обнаружено — макроскопически.

Вечером начальник Академии попросил экстренно выехать в Москву. Вызывали к маршалу Федору Ивановичу Толбухину. Я поехал с С.С. Гирголав, которого звали туда же. В международном вагоне «стрелы» пусто, у каждого из нас по купе. Трудно стало платить по 380 руб. за билет.

26.X. Вторник. Нас встретили и отвезли в Кремлевскую больницу. На консилиуме, кроме представителей Кремля, присутствовали: проф. Бакулев, Линберг, С.С. Юдин, Коган, Гирголав, я и рентгенологи. На основании клинических, рентгенологических, бронхоскопических и биопсических данных доказан — рак левого легкого, исходящий из бронха второго порядка. Кроме того, у больного гипергликемия, бронхоэктазии, барабанные пальцы. На основании как местных данных, так и общего состояния больного, больной был единогласно признан совершенно иноперабельным и решено подвергнуть его рентгенотерапии.

Побывал в Медгизе — это не только безобразное, но и комическое и безграмотное учреждение. Мейер Мей в печати и скоро должен выйти. Лежар разрешен, и придется его готовить. Пересадке кожи придется изменить. Вместо «Свободная пересадка кожи в России и Советском Союзе» книга будет называться — «Свободная пересадка кожи». По-моему, это лучше. Вместо 6 листов будет 10 авторских листов. Насчет «бронхиальных свищей» Медгиз жмет Лейпциг, чтобы они окончили к ноябрю, а те просят срок до декабря. Посмотрел «Грудную клетку» Куприянова, которую делали там же. Книга совершенно испорчена, боюсь, что то же самое будет и с моей книгой.

Решил написать небольшую монографию «Хронический сдавливающий (констриктивный) перикардит». Отдельной главой дать «Рентгенодиагностику» М.М. Попов. «Экспериментальный перикардит» — В.Г. Джанелидзе.

Был у Карахан и уплатил 700 р. за журналы будущего года.

27.X. Среда. Побывал у председателя ученого совета Министерства здравоохранения Л.Н. Федорова. Его не оказалось, письмо насчет З.В. Оглоблиной оставил у секретаря Ольги Дмитриевны.

28.X. Четверг. Ленинград нас встретил дождем.

29.X. Пятница. Оперировал больного с диагнозом закупорка камнем общего желчного протока. На самом деле никакого камня не оказалось, а спайки после перенесенной двухсторонней ваготомии.

Читал лекцию.

30.X. Суббота. Вел утром разбор со слушателями Академии. Докончил лекцию «Лечение облитерирующего энтеритерита» и начал читать «Ложный сустав плеча».

Председательствовал на клинко-анатомической конференции.

Меня вызвали в госпитальную хирургическую клинику к больному геологу Камышан, которого я оперировал 22.X. по поводу хронической язвы 12-п. кишки. Больной в продолжение последних 25 л. многократно кровоточил, но ни разу не хотел оперироваться. В палате, где он лежал, был больной, которому я резецировал желудок. Больной прекрасно поправился. Видя это, Камышан также попросил, чтобы я его оперировал. В жизни я не видел такого количества жира, как в этом случае. В mesocolon толщина жира достигала 2 см. С трудом я проделал щель через него. На передней стенке 12-п. кишки были рубцы. На задней стенке я ничего нащупать не мог.

Произвел обычную резекцию. Очень добросовестно ушил 12-п. кишку. Наложил анастомоз через жирный

mesocolon. Операция технически была трудна, но никаких осложнений во время операции не было.

В ближайшие дни выявилась картина непроходимости на месте анастомоза, по крайней мере, я так трактовал эту картину. Живот оставался совершенно мягким, но рвота продолжалась ежедневно, несмотря на двукратные ежедневные промывания. 29.X. Состояние больного улучшилось, но живот оставался мягким. Я все еще рассчитывал, что отек в области жирной брыжейки спадет и все образуется.

Однако в субботу вдруг состояние больного резко ухудшилось, живот стал болезненным. Когда я пришел в клинику около 7 часов, то застал больного в тяжелом состоянии. Картина общего перитонита. Происхождение перитонита я объяснил следующим образом: в результате продолжительной непроходимости сдали где-то швы. Наиболее вероятным представлялось, что сдала культия 12-п. кишки.

Мне ничего не оставалось, несмотря на всю безнадежность положения, больного снова оперировать. Я раскрыл рану. Нашел тяжкий перитонит, преимущественно в верхней половине над mesocolon. С трудом вытащил тонкую кишку и наложил передний анастомоз. В сторону культи 12-п. кишки завел тампон. Пенициллин. К счастью, больного сняли живого со стола.

31.X. Воскресенье. В восемь часов утра больной умер. Его вскрывали 1.XШ. Анастомоз оказался совершенно проходимым. Культия 12-п. кишки совершенно расплавилась. На задней стенке, где лежали швы, оказались две язвы. Я все же полагаю, что сначала все же была картина непроходимости, а затем сдали швы.

1.XI. Понедельник. С утра вел занятия со слушателями 1 ЛМИ. Затем читал лекцию «Скирр правой грудной железы — 5-летней давности, метастаз в *spina scapulae* слева»,

«Ложный сустав».

Был на заседании совета 1 ЛМИ.

2.XI. Вторник. В Академии оперировал трех больных. 1) Клиновидная резекция бедра по поводу *genu valgum*. 2) Повторная операция по поводу ложного сустава б. берцовой кости. Частично в трансплантат, частично в б. берцовую кость всадил кусок ребра. 3) Из правого легкого под местной анестезией убрал крупный осколок.

В 16 ч. 15 мин. началось заседание совета Академии, на котором председательствовал Зотов, присутствовал Завалишин, делал доклад генерал-майор Попов. «О проверке выполнения приказа министра Вооруженных сил № 092».

Доклад корректный, некоторое улучшение дел по всем разделам, но еще масса недостатков. К тому же подвернулась благодарная почва: учение Мичурина-Лысенко.

Среди многочисленных выступавших оказался и М.И. Смирнов, пострадавший, по его словам, за критику и самокритику. Он позволил себе массу инсинуаций по отношению ко мне и к моей клинике. Врал безбожно в цифрах и в фактах.

Н.И. Завалишин просил меня не выступать, но я сказал, что выступать буду. Разобрав приводимые им факты, я бросил: «Вас выставили не за то, что вы занимались критикой, а за то, что вы бесчестный человек».

После перерыва, во время которого «верхушка» совещалась, слово взял Зотов. Закончил он следующим образом: «Не вдаваясь в обсуждение того, что сказал Смирнов, реакция профессора Джанелидзе на это выступление была недопустима в офицерской среде».

Н.И. Завалишин, со своей стороны, смягчил пилюлю, но заявил, что ему не нравится «форма выступления Смирнова, но он Юстина Юлиановича не оскорблял, а Ю.Ю. оскорбил Смирнова». После заседания Завалишин подозвал меня и сказал, что если бы я не выступил, то он-де «отстегал бы Смирнова». Я ему сказал, что я лично предпочитаю мерзавцев называть мерзавцами, а не поручать это дело другим, тем более что не особенно на них могу рассчитывать. Что-то в этом же смысле мямлил Зотов. Все было заранее подстроено Д.Н. Савеловым, который на заседание не явился.

3.XI. Среда. В «Скорой» сделал тяжелую резекцию, после наложения *g-e*, затем дегастро-энтероанастомоз по поводу пептической язвы и *Fistula-gastrocolica*.

Вечером ужинали у Галкина. «Бунт в клинике 1 ЛМИ и роль «истерички С. Хлопониной».

4.XI. Четверг. Утром квалификационная комиссия в «Скорой», затем заседание Хирургической цикловой комиссии.

5.XI. Пятница. Оперировал в клинике 1 ЛМИ.

1) Старый перелом *patellae*.

2) Скирр грудной железы.

6.XI. Суббота. Утром вел занятия в Академии. Читал с проф. Зедгенидзе лекцию «Диафрагмальная грыжа».

Д-р Павлешивили взял диссертацию М.И. Цхакая.

8.XI. Понедельник. Дома. Начал готовить доклад «Ожоги».

9.XI. Вторник. Оперировал в Академии диафрагмальную грыжу после закрытой травмы. В грудной полости почти весь желудок, fl.colica sinistra, большой сальник, петли тонких кишок. Сделали кино съемку. Снимали и Маргариту Бахвалову после перикардоэктомии.

Когда вечером усталый пришел домой, то мне позвонили из госпит. хир. кл. 1 ЛМИ, что туда поступил больной с ущемленной диафрагмальной грыжей. Ужасно не хотелось идти. К счастью, около двух часов ночи она расщемилась.

10.XI. Среда. В учебной комнате госпит. хир. клин. ВММА состоялось «производственное совещание» под предводительством проф. Н.Н. Еланского.

Присутствуют начальник Академии Зотов, его замполит Д.Н. Савелов, помощник последнего Зоринский, Смагин, Яковлев, весь состав клиники.

На самом деле это комиссия, которая прислана Завалишиным и которая должна выяснить подготовку кадров на клинике проф. Джанелидзе. На самом деле имел ли я достаточно оснований обозвать на заседании совета М.И. Смирнова бесчестным. Все, что комиссия выяснила, лишней раз подтвердило, что я действительно имел основание этого мерзавца обозвать бесчестным. Не нашлось ни одного человека, который бы нашел, что у нас дело поставлено плохо. Даже Телмесов, которого вызвали, сказал, что «считал бы для себя счастьем работать в такой клинике».

Вечером заседание Хир. общества Пирогова. Мне пришлось поздравить Заблудовского по поводу его «хирургической деятельности» и предлагать его в почетные члены. Надо же!!!!

Докладывал приехавший из Баку Муштафа Агеевич Топчибашев. Способ локализации инородных тел, который он предлагает, едва ли соблазнит кого-либо, кроме него. После заседания он ужинал у нас вместе с С.С. Гирголав.

12.XI. Пятница. Оперировал в клинике 1) Диафрагмальную грыжу. 2) Резекцию желудка по поводу язвы 12-п. кишки.

13.XI. Обход в клинике ВММА. Читал вместе с проф. Зедгенидзе лекцию «Ложные суставы». Вечером в «Скорой» — доклады Ю.М. Гефтер и П.Н. Кашкина.

14.XI. Воскресенье. Пишу доклад, пишется плохо. Вчера на 75 году скоропостижно скончался А.В. Вишневский.

15.XI. Понедельник. Вел занятия со слушателями 1 ЛМИ, оперировал 1) Пластика сухожилий на предплечье. 2) Провел дренаж по Вишневскому при разрыве уретры.

16.XI. Вторник. В Академии оперировал Лебедева Валентина Павловича, 43 л. по поводу сдавливающего перикардита, который оказался туберкулезным.

17.XI. Среда. Сажу дома, вроде как готовлю доклад, который делается из рук вон плохо.

Вечером заседание редакционной коллегии «Вестника хир. им. Грекова».

18.XI. Четверг. Сажу дома. Вечером смотрели «Мертвые души» в МХАТ'е. Чичиков — никауда.

19.XI. Пятница. Утром оперировал в 1 ЛМИ. Убирал огромный паевус. Читал «Ожоги».

20.XI. Суббота. Обход в Академии. Читал «Сдавливающий перикардит». Показал 4 больных. (3 неоперированных, одну оперированную).

21.XI. Воскресенье. Закончили доклад «Лечение обожженных».

22.XI. Понедельник. Оперировал в 1 ЛМИ больную со слоновостью. Сделал операцию Кондолеона.

Вечером начались заседания второй Всероссийской конференции, на одном из которых доклад сделал С.С. Гирголав.

23.XI. Вторник. Прекрасный доклад сделал Вигдорчик.

24.XI. Среда. Я председательствовал на «дне переломов». Пощипал проф. Богданова Федора Родионовича.

25.XI. Четверг. Заседания происходили в Куйбышевском райкоме на Невском. Из «Скорой» сделали доклады: Френкель и Постников, Гефтер, Кашкин, Демидова и я. День для нас был исключительно удачный.

Вечером у нас ужинали: Гирголав, Левит, Приоров, Шабанов и Кованов.

26.XI. Пятница. Утром оперировал для врачей Са соесI. Метастазы в лимф. узлы. Сделал entero-anastomosis.

27.XI. Суббота. Обход в Академии. Лекция — «Тератома средостения».

29.XI. Понедельник. В 1 ЛМИ оперировал докторшу с диагнозом холецистит и удлинение 12-п. кишки.

На операции общая брыжейка, подвижная слепая и восходящая, тонкие кишки повернуты вверх, 12-п. к. резко удлинена и расширена. Произвел геми-

колентомии и анастомозировал конец тонкой с поперечно-ободочной кишкой.

30.XI. Вторник. Сижу дома, исправляю чужие работы.

1.XII. Среда. В «Скорой» оперировал больного по поводу пароксизмальной тахикардии. Ассистировал Каменчик.

Заседание совета.

Вечером заседание в клинике. Врачи «Скорой» ушли, что нельзя не назвать безобразием.

2.XII. Четверг. В ВММА оперировал больную 27 лет по поводу тератомы средостения, масса зубов и костной ткани. Из всех оперированных до сих пор мной дерматоидных кист средостения (их было 5) — эта операция была наиболее тяжелой.

3.XII. Пятница. В 1 ЛМИ.

4.XII. Суббота. Делал обход в ВММА и читал лекции — «Язвы» вообще.

Мне дали для прочтения том «Опыт во время Великой Отечественной войны». Том под редакцией П.А. Куприянова: «Ранения грудной клетки». На весь том в 1000 страниц дают 5 дней. В общем, написано хорошо. Том страдает многословием и слишком большим восхвалением шефа П.А. Куприянова даже в отделах, где он ровно ничего не сделал.

Состоялось заседание у Л.А. Орбели — относительно «Труда». Распределили премии — 1-я премия А.Н. Максименкову и С.С. Гирголаву, вторая Шамову и Куприянову.

5.XII. Воскресенье. Читаю «Ранения груди».

6.XII. Понедельник. Сижу специально дома, читаю «Ранения груди».

7.XII. Вторник. В ВММА. Оперировал Васильева, оперированного ранее Фейерманом. Сделал Блейера.

Оперировал М. Бахвалову, после перикардиэктомии убрал лигатурные свищи.

Состоялось заседание у Долго-Сабурова относительно замещения кафедры опер. хир. и пат. анатомии. Подали 3 кандидата: 1) Созон-Ярошевич, 2) Парин и 3) Григорьев. Кандидатура первого бесспорна, но он сволочь. Кандидатура второго несерьезна. По-видимому, проведут Григорьева.

Состоялось заседание РИО.

Сдал Сергею Леонидовичу Либову том «Ранения груди» с моими замечаниями.

Мне принесли том «Ранения живота» — Банайтиса в 1000 страниц.

Приехал Е.Л. Березов делать доклад на торжественном заседании, посвященном памяти Н.И. Пирогова.

8.XII. Среда. Сижу с утра дома. Читаю том «Ранения живота».

Вечером торжественное заседание, посвященное памяти Н.И. Пирогова. Председательствует проф. В.В. Лавров, хуже председательствовать трудно. Доклад Березова «Лечение раков пищевода и cardiae». Говорит хорошо, материал большой. Стиль доклада провинциальный. И по содержанию многое сумбурно. Желание собрать большие цифры.

Второй доклад И.П. Виноградов. Ошибки в работе хирургов по Ленинграду. Доклад выдержанный, разумный, в котором действительно были осуществлены заветы Пирогова.

После заседания у нас ужинали С.С. Гирголав, И.П. Виноградов, Березов с женой, которую зовут Нина Владимировна.

Бывшая артистка, пуста по содержанию и не особенно привлекательна по всему остальному.

9.XII. Четверг. Заседание совета в ВММА. В результате длительных дискуссий по поводу представления слушателя Константинова в сталинские стипендиаты при голосовании президиум, состоящий из Долго-Сабурова, Савелова и Васюточника, остались в меньшинстве — 3 голоса против, 25 профессоров голосовало за и 4 воздержались. Другой бы президиум после такого голосования ушел бы в отставку, а этот лишь оближется.

10.XII. Пятница. Утром вел занятия со слушателями 1 ЛМИ. Присутствовал Е.Л. Березов и Бровер (из Одессы). Оперировал больную, у которой ставилось распознавание полипов желудка. Сделали резекцию желудка. Явных полипов не оказалось. Гипертрофированная слизистая, рубцы от язв.

Вечером председательствовал в ВММА на ежемесячном клиническом заседании. Было сделано несколько исключительно интересных демонстраций. Демонстрировал В.И. Петров диафрагмальную грыжу, оперированную мной. Рентгенологическое исследование докладывала Вера.

11.XII. Суббота. С утра вел занятия со слушателями ВММА. Затем читал лекцию «Базедовский зоб». Председательствовал на клинко-патологической конференции.

12.XII. Воскресенье. Уехала Ляля. Читаю «Опыт Отечественной войны. — Живот».

13.XII. Понедельник. В 1 ЛМИ. Стучинский оперировал, (я ассистировал) больного 32 лет, ассистента Литовского университета. Оказалась злокачествен-

ная опухоль переднего средостения, по-видимому, исходящая из лимфатических узлов, идущих вокруг *vasa tamarica interna* справа. Опухоль приросла к *vena cava superior*, и мы смогли срезать лишь ее часть.

Там же я вел занятия со слушателями.

14.XII. Вторник. перевязал верхние *art.thyr.sup.* у тяжелой больной базедовой болезнью. У другой я резецировал зуб больших размеров.

15.XII. Среда. В «Скорой».

16.XII. Четверг. Окончил «Ранения живота».

21.XII. Вторник. Вместе с Верой и Жоржиком выехали в Москву.

22.XII. Среда. В Москве стоят такие же пасмурные дни, как и в Ленинграде. Почти нет снега. Температура колеблется около -10 — $+1$. Отсутствие снега может явиться катастрофой для озимых.

В 14 часов состоялось заседание у Смирнова — редакция «Опыта советской медицины во время Великой Отечественной войны».

Вечером в Большом театре смотрели фешенебельную постановку «Бориса Годунова» под дирижерством Головина. Голоса средние, даже Пирогов, который пел Бориса, мало для этой роли пригоден. Играет хорошо, поет средне. Встретили массу знакомых, приехавших на сессию, или москвичей.

23.XII. Четверг. Побывал в Медгизе, все обещают появление моей книги, которую пока что не видать. Заключил договор на конец 1950 г. Ожоги — около 35 листов. Рисунки сейчас мне должен оплачивать Медгиз.

В 18 часов начались заседания V сессии речью президента Н.Н. Аничкова.

Затем следовали доклады по иммунитету. Среди лауреатов С.С. Юдин, В.В. Чирковский и др.

24.XII. Пятница. С утра доклад академика-секретаря С.А. Саркисова, который продолжался 2,5 часа.

Вечером иммунитет.

25.XII. Суббота. Обсуждение доклада секретаря. Вечером — иммунитет.

В гостях у Н.Н. Приорова. Прекрасная квартира в 5-м этаже. В 23 часа все втроем отправились к Е.И. Смирнову. Кроме нас были Л.А. Орбели и А.Л. Цулукидзе с женой.

26.XII. Воскресенье. Утром у Левита обсуждали учебник. Обедал у Саркисова. Был Орбели, Сираджишвили и Зурабшвили.

Вечером — обедали у В.С. Левит. Кроме нас были С.С. Гирголав и О. Владимировна. Бедная жена Левит тяжело больна.

27.XII. Понедельник. Боевой день. Радостный для небольшого числа, печальный для многих. Как в действительные члены, так и в члены-корреспонденты имелся рекомендованный список.

В число действительных членов были рекомендованы: Бакулев, Мельников, Тареев, Вовси и Озерецкий. Наиболее сомнительной представляется кандидатура Вовси, и не потому что он был менее достойным кандидатом, а потому что москвичи уже умудрились его дважды провалить. С помощью большого нажима он прошел. Что же касается Н.И. Озерецкого, то по своим научным заслугам едва ли имел какие-либо шансы быть действительным членом АМН. Однако за ним установилась репутация хорошего

хозяйственника, с этой стороны в нем ощущает нужду президиум и его тянет. При подсчете голосов у него не хватило двух голосов. Сначала объявили, что он не прошел. Затем вызвали какую-то экспертную комиссию, которая нашла пригодными признанные сначала непригодными бюллетени, и Озерецкий «прошел» в действительные члены АМН.

В члены-корреспонденты провели многих. Среди хирургов — Кочергина, Казанского, А.А. Вишневого. Часть не была даже допущена к голосованию. Среди них Е.Л. Березов, Б.А. Петров.

Вечером состоялось закрытие сессии, на котором президент Академии Н.Н. Аничков произнес прекрасную речь.

На всех заседаниях тяжело было смотреть на Р.М. Фронштейна, у которого метастаз в 1 и 2 шейные позвонки — гипернефрома. У него гипсовый корсет, наложенный на шею. Он все время сидит с опущенной головой, которую постоянно поддерживает. Тяжелая смерть.

Вечером были у А.Н. Бакулева. На лицо П.А. Куприянов, А.В. Мельников, Е.И. Смирнов с женой. Поздно ночью пришли ген.-майор Александр Николаевич Поскребышев с женой и ген.-лейт. Васин (кажется, так его фамилия).

Сидели долго.

28.XII. Вторник. Выехали домой.

29, 30, 31.XII. Сижу дома, работаю, хотя и плохо.

Новый год встречали дома втроем.

1, 2.I. 1949 — Сижу и работаю дома.

3.I. Понедельник. Смотрю больных в 1 ЛМИ.

4.I. Вторник. Оперировал в ВММА больную с базедовским зобом и делал

небольшую пластическую операцию на правом ухе.

5.I. Среда. В «Скорой» двум больным сделал чрезгрудинную анестезию.

Вечером интересное заседание в Хир. общ. Пирогова. Доклады А.Н. Филатова и Е.В. Смирнова о ваготомии. Похоронили способ по первому разряду.

6.I. Четверг. Избрание Озерецкого в действительные члены АМН, включение его в президиум АМН ставит на очередь вопрос об его переезде в Москву и, таким образом, освобождается пост директора нашего института. До вчерашнего вечера на этот пост назывались имена двух кандидатов: Ивана Ефимовича Кашкарова, наиболее желательная кандидатура бывшего министра здравоохранения Георгия Андреевича Митерева. Наконец вчера вечером мне позвонил Озерецкий и сообщил о новой кандидатуре, якобы выдвигаемой горкомом — это Иван Степанович Колесников. Член партии с 1928 года, в то время как Кашкаров с 1943 г., доктор наук, в то время как Кашкаров еще не имеет докторской степени, Колесников профессор, в то время как Кашкаров нет. А самое главное, Колесникову сразу будет предложена кафедра факультетской хирургии. Не могу отрешиться от мысли, что в выдвижении этой кандидатуры чувствуется рука П.А. Куприянова. Колесников ему больше не нужен, технически он заслоняет шефа, а между тем у него на кафедре имеется Колесов, доктор наук, и ожидается другой — Григорьев. При таком положении «выставление» кандидатуры Колесникова в интересах Петра Андреевича Колесникова поддержит Е.И. Смирнов. Вопрос, согласится ли Военное ведомство его отпустить или нет?

Вечером читал публичную лекцию на тему «Современное состояние хирургии сердца и сердечной сорочки». Чтение происходило в Доме кино, Невский пр., 72. Было около 100 человек. Какой-то Матусевич кормится около этого дела. Никому это не нужно, меньше всего мне. На хорошем экране показали перикардиэктомию.

7.I. Пятница. В 1 ЛМИ оперировал

1) элефантиазм — сделал операцию Кондолеона — Ланца. 2) резекцию желудка по поводу Са. 3) Предполагался остеомиелит крыла подвздошной кости, не нашли. Не то натечник, не то что другое, источник не ясен.

8.I. Суббота. Читал вместе с Г.А. Зедгенидзе «Саркома верхнего конца большеберцовой кости».

Клинико-анатомическое заседание.

10.I. Понедельник. В 1 ЛМИ сделал две резекции желудка.

Закончил том В.Н. Шамова «Огнестрельные ранения черепа и головного мозга».

11.I. Вторник. Оперировал в ВММА 1) холецистэктомия по поводу холецистита. Пузырь с камнями прощупывался. Он был расположен на длинной Риделевской доле, прирос к париетальной брюшной стенке и к fl. colica dextra. С большим трудом острым путем удалось отделить пузырь. Холецистэктомия и дренирование общего желчного протока.

2.XII.1948 г. Городничевой Вере я удалил тератому средостения слева. Операция была трудной. После операции осталась огромная полость. Рассчитывать на расправление легкого, которое было сжато в продолжение 27 л, с рождения, не приходилось. Закончилось и смещение средостения. Больная продолжила отде-

лять довольно много гноя, который опорожнялся не в достаточной степени из-за того, что свищ располагался на передней поверхности груди.

При торакокопии я нашел бронхиальный свищ 3x3 мм. В начале января правосторонняя бронхопневмония нижней доли. Удивительного в этом ничего не было. Больная аспирировала гной через бронхиальный свищ.

Сначала я решил резецировать 7–8 ребра сзади, дренировать полость. Хорошо, что этого не сделал, налетел бы на легочную ткань, которая приросла к задне-боковой части грудной клетки. В последний момент решил выполнить операцию Carter'a. Обезболивание общее. Под кожей и под мышцей введено большое количество ¼% новокаина. Описание операции см. историю болезни.

14.I. Пятница. Оперировал в 1 ЛМИ.

1) Резекция сигмы. 2) Предполагалась язва 12-п. к., оказались спайки, перенес лапаротомию, была удалена селезенка.

15.I. Суббота. Обход в Академии. Читал лекцию «Рак нижней губы».

16.I. Воскресенье. Сижу дома, читаю. «Раны» С.С. Гирголав.

17.I. Понедельник. Ассистировал З.В. Оглоблиной — делала удаление поясничных симпатических узлов. 2) Оперировал больного, которому 10 л. назад З.В. Оглоблина наложила задний Г-Э по поводу язвы 12-п. кишки. Рак привратника неоперабельный.

Закончил монографию Б.В. Пунина.

18.I. Вторник. Работал дома.

19.I. Среда. Утром оперировал в «Скорой» с помощью аппарата Soresi — ставил

низкий перелом левого бедра, пришлось вскрыть сустав.

Вернул диссертацию А.С. Вольпе.

20.I. Четверг. В ВММА оперировал Васильева со сдавливающим перикардитом, который развился после ранения. Больной несколько раз был до этого оперирован профессором Фейерманом в Москве. После операции в предсердечной области остался рубец, через который видно и ощущается биение сердца. То, что после отсепаровки рубца нечем было бы прикрыть сердце, заставило меня решиться на первый этап операции, которая состояла в следующем. Я образовал большой кожно-мышечный лоскут, куда входила левая большая грудная мышца. Отсепаровал часть кожи и справа. После отсепаровки в грудной стенке остался дефект, на дне которого виден рубец, припаянный тесно с сердцем, которое бьется под пальцами. Удалось сшить лоскут сравнительно легко. В левой подмышечной области остался дефект 10x12 см, который частично покрыт толстыми лоскутами Тирша.

21–22–23.I. — Сидел и работал дома.

24.I. Понедельник. В. Городничева, которую я вторично оперировал 11 января, вначале текла сравнительно сносно. Затем она начала отхаркивать значительное количество разложившейся мокроты, рана сзади нагноилась, стала пропускать воздух. За последние дни состояние резко ухудшилось. Больная начала лихорадить, появились отеки лица и на ногах. Картина тяжелой токсемии. Я решил, что лоскут в глубине омертвел и что необходимо рану широко раскрыть и все омертвевшее убрать.

Я отменил в 1 ЛМИ операцию, которую я должен был делать и понесся в ВММА.

Больную застал в тяжком состоянии. Под хлорэтиловым раушем развернул всю рану, и оказалось, что под кожей со стороны спины имеется затек. После того как из глубины я приподнял лоскут, показали три лоскута, образованные межреберными мышцами и утолщенной париетальной плеврой. Эти лоскуты омертвели на протяжении $\frac{3}{4}$ своих дистальных концов, превратились в желеподобную массу. Я их срезал. К счастью, весь лоскут, образованный из широкой мышцы спины, полностью сохранил свою жизнеспособность, прирос к костно-мышечному лоскуту слева, я его смог сохранить в полной неприкосновенности. Я очистил всю обширную остаточную плевральную полость, на дне которой имеются многочисленные плевро-бронхиальные свищи, и выложил полость обширным тампоном по Микуличу.

Может быть, еще удастся спасти больную.

В 16 часов читал лекции для слушателей разных факультетов «Современное состояние сердца и сердечной сорочки». Показывали фильм «Перикардиэктомия». Читал с удовольствием.

25.I. Вторник. В ВММА оперировал больного Б.А. Архангельского 28 л., у которого имеется комбинированный порок двухстворчатого клапана (недостаточность и стеноз) и сдавливающий перикардит.

Операция прошла исключительно хорошо.

Вечером (в 17 часов) заседание в ИЭМ под председательством П.А. Куприянова.

Заседание было посвящено вопросу о соединении работы «безлошадных» действительных членов АМН с лабораториями. Бессмысленная болтовня.

В 20 часов сессия в Институте «Скорой», где я председательствовал до 23.30 часов.

26.I. Среда. Утром читал «Отморожения». Вечером председательствовал на сессии в «Скорой».

Архангельский в тяжелом состоянии.

27.I. Четверг. Утром ординатор сообщил, что Б.А. Архангельский очень плох. Ночью бредил. Я его перевязывал в 12 часов. Рана чиста. У нижнего края поверхностный кровоподтек. Убрал дренажи, чисто. Больной в эйфории. Акимов выстукал притупление в правой плевре.

Я предложил откачать жидкость. Откачали 1,5 литра. Больному стало легче. Я зашел позже. Он очень плох, его вырвало. Я считаю его потерянным. Даже отдали распоряжение М.В. Ступкову, какие части тела взять для исследования.

Утром вел разбор со слушателями.

В 16 часов заседание совета в ВММА. Отчет Васюточкина о научно-исследовательской работе.

28.I. Пятница. Утром оперировал для врачей ГИДУВ'а. Закрывал большой грудной мышцей решетчатое легкое.

Городничева очень плоха. Появился нос. Архангельский держится.

29.I. Суббота. Смотрел больных в Академии. Архангельскому явно лучше. Городничева явно и безнадежно плоха.

30.I. Воскресенье. Выехал в Москву.

31.I. Понедельник. В 18 часов в Институте Н.Н. Приорова состоялось заседание пленума членов правления Всесоюзного хирургического научного

общества. Много народу. Делает доклад главный хирург Украины проф. Арютунов. Печальный доклад. Довольно оживленные прения. Я председательствовал и резюмировал, принимая во внимание все то, что пережила Украина, учитывая, что Арютунов первый из хирургов делал доклад, и он не имел представления о том, что от него спрашивают. Я был более чем милостив к его докладу.

1.II. Вторник. Заседание началось в 11 часов утра. Хороший доклад о состоянии общего обезболивания сделал проф. Исаак Соломонович Жоров. Невеселая картина, все ходил вокруг да около. Аппаратов современных нет, закиси азота и циклопропана нет, а все разговариваем.

Из Грузии приехал К.Д. Эристов. Состарился, вид ободранного кинто, по поводу съезда в Тбилиси скорее лепечет, чем докладывает.

Довольно длинные прения по поводу повестки дня съезда. Все предложенные нами темы приняты. Мое резюме по поводу обезболивания было встречено хорошо.

Обедал в ресторане «Националь» вместе с проф. К.Д. Эристовым, Мамедом Комахидзе и В.С. Левит. Позже смотрели в кино «Суд чести». Поставлено прекрасно.

2.II. Среда. Побывал в Медгизе. Банщиков мне показал телеграмму, что моя книга «Бронхиальные свищи» напечатана. Был в Главном медико-санитарном управлении.

Вечером вместе с Петровым был на ужине у Жоржа Хундадзе, он пока-

звал своего хорошего черноглазого мальчика Диму.

3.II. Четверг. С 14 часов до 19 часов продолжалось редакционное заседание у Е.И. Смирнова.

Выехал «стрелой» домой.

4.II. Пятница. Городничева умерла 2 февраля. Амилоидоз всех органов, который, по мнению С.С. Вайля, развился задолго до войны.

5.II. Суббота. Вызвали экстренно в «Скорую». Элькин два дня назад оперировал больного 37 лет с диагнозом «острый аппендицит». День было хорошо. Через день больной впал в бессознательное состояние. Припухлость в области раны. Раскрыли рану. Выделяются пузырьки воздуха. Больной остается без сознания.

Заседание лечебно-контрольной комиссии в ВММА.

7.II. Понедельник. Вел занятия со слушателями в 1 ЛМИ. З.В. Оглоблину избрали профессором клиники (28 из 28 — за).

8.II. Вторник. Оперировал Кашутина — резекция желудка после 4 предыдущих операций.

9.II. Среда. В «Скорой».

10.II. Четверг. Пластика носа. Холецистэктомия и холедохотомия в ВММА.

Заседание цикловой комиссии.

Заседание совета в ВММА.

11.II. Пятница. В 1 ЛМИ. 1) Резекция куска лопатки и бурсит. 2) Резекция желудка.

У нас обедали Гирголавы.

12.II. Суббота. Сажу и работаю дома.

13.II. Воскресенье. Вечером в Доме кино смотрели фильм «Иван Павлов». Сделано великолепно.

14.II. Понедельник. В 1 ЛМИ вел занятия со слушателями. Читал лекцию. Председательствовал в совете профсоюзов. Единогласно выбрали профессора Савиных на кафедру факультетской хирургии. Доклады Т.А. Никифоровской и Ю.М. Гефтер по поводу пятидесятилетия библиотеки 1 ЛМИ.

Чествование В.Н. Шамова в Белом зале Дома ученых. Мы явились ровно в 18 часов, как значилось приглашение. Увидели всех ассистентов клиники в мундирах. На мой вопрос, что это значит, мне ответили, что так приказано.

Мадам Валентина Александровна и юбиляр пожаловали без четверти семь.

Странно, что этот юбилей одного из ведущих хирургов Академии не праздновался Академией, странно, что заседание не проводилось в Хирургическом обществе. На заседании не присутствуют ни начальник Академии Орбели, ни его зам — Вилицов.

Заседание ведет проф. Лебединский (мне впоследствии объяснили, что он временно исполняет обязанности ученого секретаря). На лицо С.С. Гирголав, П.А. Куприянов, Л.И. Мазепов, Михаил Иванович Редкин, Попов и мн. др.

Один из ассистентов, облаченный в мундир, читает «40 лет деятельности В.Н. Шамова», написанный проф. Минкиным. Пространно, всесторонне освещена деятельность юбиляра. Засим следуют поздравления от АМН — проф. Куприянов, от Главного медицинского управления ген.-м. Попов, от хирургов ВМА им. Кирова — С.С. Гирголав, от Хир. общества Пирогова — я.

Следует доклад И.С. Бабченко — «Переломы черепа». Какое <отношение> все это имеет к юбиляру, по-видимому, лишь то, что говорит представитель Нейрохирургического института. Этот доклад я уже раз слышал. За неимением другого делается этот.

Перерыв. Черт меня драл, что я не ушел, как это сделал умный С.С. Гирголав. После доклада хороший доклад сделал проф. А.Н. Филатов «О новых путях при переливании крови». Затем следовал доклад В.М. Ситенко «О тромбе аорты». Доклад хороший. Казалось бы, на этом можно было бы и окончить. Но так думали лишь наивные вроде меня.

Командование Академии прислало выписку из приказа на жеваной бумаге, которую читал ген. Варшавский, а затем пошли клиники хирургические, офтальмологические, стоматологические, представители IV курса, первичная парторганизация... все это я выносил. Но вот на кафедру поднялась довольно разнuzданная особа, которой было поручено прочитать полученные телеграммы. И она начала... и продолжала... и продолжала.

Я начал подавать в президиум сигналы, а нельзя ли мол, без этого... Казалось, что помогло, но ненадолго. Перед этим еще минут 20 говорил представитель украинского студенчества, нашелся и такой. Нужно принять во внимание, что В.Н. Шамов уехал с Украины ровно 10 лет назад, оратор не только уверял, что каждый студент Украины обожает и уважает В.Н. Шамова, но он, по-видимому, нашел, что и это мало. В заключение он прочитал собственные стихи, посвященные Шамову. Когда чтение телеграмм было в полном

разгаре, я встал и демонстративно вышел. На лестнице меня нагнал какой-то подполковник, который просил меня остаться, по-видимому, на чашку чая или на что-то в этом роде. Я ему сказал, что я очень устал, целый день не был дома, что я совершенно удовлетворен телеграммами и уйду домой. Он меня долго просил, уговаривал, сказал, что его посадят на гауптвахту, если он меня выпустит. Я сказал, что если его посадят, то будет совсем неплохо. На помощь ему пришел Ситенко, но я ... ушел. С меня вполне хватило юбилея.

15.II. Вторник. Заседание Ленинградского бюро АМИ. Затем отчет в Горздраве о работе Института скорой помощи за 1948 год и о плане на 1949 г.

16.II. Среда. Утром оперировал в «Скорой». Разрыв внутреннего мениска.

В 14 часов в ВММА заседание, посвященное выбору профессора на кафедру оперативной хирургии. Вечером заседание Хирургического общества Пирогова, посвященное Красной Армии.

17.II. Четверг. В Академии первый раз сделал чрезгрудинную анестезию переднего аортального сплетения. 2) Ileo-transversostomia по поводу неоперабельной карциномы соссі.

19.II. Пятница. В 1 ЛМИ. Убрал камень из левого мочеточника и повторно оперировал Смирнова с разрывом уретры.

20.II. Суббота. Работаю дома.

21.II. Воскресенье. Вчера приехал Тенгиз Месхи.

22.II. Понедельник. Утром занимался со студентами в 1 ЛМИ. Там же сделал резекцию сигмовидной кишки.

В Академии — удалил пулю с наружной поверхности перикарда — справа.

Лапоратомия по поводу рака желудка. Абсолютно иноперабельная опухоль у больной (Лордкипанидзе) 31 г.

Заседание комиссии по поводу подведения итогов хирургических работ, законченных в 1948 году.

23.II. Среда. Оперировал Г.Л. Френкеля.

Заседание редколлегии журнала «Вестник хирургии им. И.И. Грекова».

Вечером председательствовал на заседании онкологической конференции.

Говорил с проф. А.Г. Савиных. Совершенно очевидно, что он не приедет. Он начал говорить, что Сибирь волнуется, что он избранник народа — депутат Верховного Совета.

24.II. Четверг. Оперировал в 1 ЛМИ для врачей, прибывших на онкологическую конференцию.

Напечатано о снятии П.С. Попкова с поста первого секретаря. Полагаю, что в ближайшие шесть месяцев эта судьба может постигнуть и его ставленника, заведующего Горздравотделом Ф.И. Машанского.

25.II. Пятница. Оперировал в 1 ЛМИ.

1) Резекция желудка — после уже бывшей операции наложения переднего анастомоза.

2) Продолжение операции Carter'a.

Клиника праздновала 40-летний юбилей доктора О.В. Бехтеревой, Л.А. Могилевской и санитарки Васи.

26.II. Суббота. Заседание клинико-анатомической конференции в ВММА.

28.II. Понедельник. Занимался со слушателями 1 ЛМИ. Оперировал.

1.III. Вторник. Оперировал в ВММА.

1) Полковника — саркома мышц левого бедра.

2) Резекция резко гипертрофированного и воспаленного по поводу длительно существующего стеноза привратника.

Вчера из Москвы прислали сигнальный экземпляр моей книги «Бронхиальные свищи огнестрельного происхождения», напечатанные в Лейпциге. Лучше издать было бы трудно, просто прекрасно. Цветные рисунки хороши. Ни одной печатки. Выехал на заседание редколлегии в Москву.

2.III. Среда. Сдал в Медгиз «Бронхиальные свищи», книга на всех производит прекрасное впечатление. Банщиков пришел на заседание, имея книгу под мышкой. Куприянову только она доставила явное неудовольствие.

Во время всего заседания Е.И. Смирнов матерился.

Вечером выехал обратно.

3.III. В Ленинграде холоднее, чем в Москве.

1 марта я позвал на консультацию проф. Льва Абрамовича Эмдина не без задней мысли, чтобы воспользоваться имеющимся в его распоряжении стрептомицином. Я ему предложил вести со мной лечение «сдавливающего перикардита туберкулезного происхождения». Эту группу можно подразделить на две группы:

1 группа — где при помощи туберкулезных бугорков (макро- и микроскопических) никаких сомнений в этиологии заболевания не остается.

Вторая группа — бугорков нет. Для этой группы в каждом отдельном случае необходимо было бы делать не только срезы, но посевы на специальных срезах и прививки животным.

4.III. Пятница. Оперировал в 1 ЛМИ.

1) Убрал жир с отвислого живота. 2) делал очень трудную резекцию желудка больному, которому в институте Склифосовского уже делали операцию Бильрот 1 по поводу язвы 12-п. кишки.

Заседание совета в Академии. Перед мной извинялся Лисицын, эта сволочь теперь кается за то, что он на заседании совета выступал в защиту М.И. Смирнова, одна сволочь стоит другой сволочи.

Следует собрать материал и написать отдельной статьей работу «Сдавливающий перикардит травматического происхождения». Привести истории болезни: В.А. Вишневого, Бурденко, моего больного Терентьева, Васильева, Гаген-Торпа. Но в этом случае не было сдавливающего перикардита.

5.III. Суббота. Работаю дома.

7.III. Понедельник. Утром занятия со студентами 1 ЛМИ.

1) Ревизия лучевого нерва.

2) Свищ прямой кишки.

Визит к Ф.И. Машанскому, как он любим, когда некрепко сидит на стуле.

8.III. Вторник. Оперировал в Академии. 1) Зоб. 2) Хроническое воспаление в мышце *triceps surae*, которое мы клинически трактовали как фибросаркому.

Консультация у профессора Бермана Виктора Михайловича.

В киностудии по озвучиванию фильма перикардиэктомия.

9.III. Среда. В «Скорой». Заседание ученого совета. Доклад Межесбовского. Я дал разрешение напечатать работу о чрезгрудинной анестезии переднего аортального сплетения.

Заседание редколлегии «Вестника». Цензура не разрешает печатать ни одной статьи, в которой имеется что-либо новое.

10.III. Четверг. Заседание малого совета в Академии. Мой ассистент Андрей Иванович Головинский защищал диссертацию, которую он писал у анатома Долго-Сабурова.

11.III. Пятница. В 1 ЛМИ оперировал женщину 32 лет, которой был поставлен диагноз «Эхинококк правого легкого». Оказался иноперабельный рак легкого.

2) Туберкулез *pubis*.

3) 4 марта я оперировал больного по поводу язвы 12-п. кишки. Уже однажды больной оперирован в институте Склифосовского, был произведен Бильрот первый.

Тотальная спайка желудка с одной стороны с печенью, а с другой с *mesocolon*. С колоссальным трудом удалось выделить желудок из спаек. Чтобы добраться до 12-п. кишки, мне пришлось предварительно рассечь желудок пополам. Наконец я добрался до 12-п. кишки. Зашил ее одиночными швами, затем прикрыл *pancreas*. Больше было прикрывать нечем. Казалось, что это относительно надежно. На 4 день явления перитонита, никакого сомнения, что сдала культя. В ночь с 9 на 10 казалось, что он умрет, но к утру 11 выровнялся пульс, и один момент казалось, что он выскочит.

Под местным обезболиванием я сделал разрез над правой прямой мышцей, против конца X ребра. Вылилось 2 почкообразных таза гноевидной жидкости. Видны изолированные петли кишок, покрытые фиброзным налетом. Я сделал

другой разрез в правой подвздошной области и тампонирует.

Вечером объединенное заседание клиник в «Скорой», безобразно организованное.

Ночью Золотареву, оперированному сегодня после резекции желудка, стало очень плохо, по-видимому, погибнет.

12.III. Суббота. Вторый раз читал диссертацию М.С. Григорьева — «Бронхиальные свищи». Хорошая кандидатская и никакая докторская диссертация.

Вот уже около недели у меня в клинике лежит Владимир Георгиевич Гаршин с мозговыми явлениями. Плохо видит, только говорит, но сознание относительно сохранено. Ему идет 63 год, перенес очень тяжело Ленинградскую блокаду. Лучше, конечно, умереть, чем валяться инвалидом.

Мессель сообщил, что сегодня ночью в возрасте 70 лет от инфаркта сердца умер Захарий Борисович Пирятнинский, большой арап, но фактический организатор Стomatологического института.

Н.И. Озерецкий продолжает разъезжать между Ленинградом и Москвой.

Сегодня Н.Н. Петров предложил быть оппонентом Ф.Г. Углова, не мог ему отказать.

По сообщениям из клиники, днем Золотарев явно умирал. В 12 ч. ночи стало чуть-чуть лучше, появился пульс, которого не было.

13.III. Воскресенье. Нездоровится. Настоящий грипп. Завтра должен в 1 ЛМИ читать лекцию «Диафрагмальная грыжа». В 14 часов позвонил С.П. Иванов и сообщил, что в клинику привезут больного с ущемленной диафрагмальной грыжей.

Инженер <...> лет, 5 лет назад ударился

грудью о руль автомобиля, лежал две недели. В.В. Лебедеенко тогда поставил диагноз диафрагмальной грыжи, но не советовал оперироваться у американцев. Пять лет, как он вернулся домой. Раз уже было ущемление, но все не было времени прийти к хирургу. Ущемление началось в 10 ч. утра. Больной корчится от болей. Рвоты нет, стула нет. Синюшен.

Я начал оперировать в 7.30 ч. вечером, ассистируют С.П. Иванов и Самарин. В грудной полости я нашел почти весь переполненный и раздутый желудок, отрезок fl.colica lienalis, петли тонких кишок длиной около 0,5 метра, сальник и селезенку. Никаких спаек с органами грудной клетки.

Легко удалось анестезировать p.phrenicus. Часть селезенки и желудка приросли к краям разрыва. Я отсосал из желудка около 2 литров жидкости с какими-то лохмотьями. Тщательно ушил рану в желудке, на месте, откуда отсасывалось желудочное содержимое. Ввиду того что оказалось невозможным отделить селезенку и желудок из-за недостаточного доступа, я резецировал 8 ребро. Острым путем отделил селезенку и желудок, с некоторым трудом вправил органы в брюшную полость и зашил разрыв в диафрагме, достигавший приблизительно 14 см. Дренаж грудной полости. Рана наглухо.

14.III. Понедельник. Утром вел занятия со слушателями 1 ЛМИ. Читал лекцию двум объединенным потокам «Диафрагмальные грыжи».

15.III. Вторник. Утром дома, затем с Верой смотрели в Русском музее выставку Шишкина.

Умер Золотарев.

16.III. Среда. Утром ассистировал в «Скорой» Марии Григорьевне на *Ca fl sugmoideae*.

Вечером заседание в Хирургическом обществе. Выступление Эпштейна и Н.Н. Петрова по поводу профилактики рака.

17.III. Четверг. Утром оперировал в Академии. Базедовский зуб.

Заседание совета Академии. Сара Кирилловна Гомбашидзе неплохо защищала кем-то ей написанную докторскую диссертацию. Она получила 39 за и 3 голоса против.

18.III. Пятница. Сижу дома, читаю «Опыт», многословно, маловразумительно.

19.III. Суббота. Утром вел занятия в ВММА. Читал лекцию «Артериовенозная аневризма подколенных сосудов». В «Скорой» наложил вытяжение Полине Николаевне Демидовой, которая устроила себе *Fractura pertubercularis* левого плеча.

20.III. Воскресенье. Читаю «Опыт», «Анаэробную инфекцию» — Левин, Мельников, Рохлин, Чистович. Многословно, мало что выносишь из бесконечной путаницы цифр.

21.III. Понедельник. Утром вел занятия со слушателями 1 ЛМИ. Затем сделал резекцию желудка по поводу язвы 12-п. кишки.

Заседание совета института. Отчет Закусова о научно-исследовательской работе института за 1948 г.

Представление ординаторов из слушателей, оканчивающих в этом году.

Во второй половине февраля я поел орехи в меду «гузинаки», которые нам прислали из Кутаиси. Появились боли в желудке. Несколько дней спустя боли как будто утихли. Затем я реагировал на сащи-

ви, а в последний раз на свиную жирную котлету. В сумме повторяется картина, которая была у меня в 1916 году, когда мы стояли в Полести.

Ощущение полноты в желудке, отрыжки, чувство постоянной тошноты. Дня три назад я целый день не мог избавиться от ощущения тошноты. Дня два сижу на диете. Утром только каши, затем белый хлеб, по возможности белое и рубленое мясо.

Дня два стало легче. Нет ощущения постоянного тела во рту от резко обложенного языка, меньше отрыжка, исчезло ощущение тошноты.

От Игоря Всеволодовича Крестовского принесли мой бюст, в гипсе. Он сделан хорошо, большое сходство с оригиналом.

Он совершенно не похож на ту карикатуру, которую «скульптор» Литовченко старается вручить Музею Вооруженных сил. Я потребовал удаления этой пакости из музея. Надеюсь, это удастся.

22.III. Вторник. Приехал М.И. Цхакая, привез свою докторскую диссертацию «Закрытые переломы пяточной кости», которую я ему дал 18 лет назад. В диссертации больше 900 страниц.

Со стороны желудка мне, безусловно, лучше. Очень редко бывают отрыжки, нет ощущения тошноты, единственное, что еще остается, то это обложенный язык.

Сегодня я заказал И.В. Крестовскому свой бюст в мраморе за 7 тысяч рублей!

23.III. Среда. С утра в «Скорой». Приехал Машанский. Любезен св., стелется, все обещает, не знает, кому обещание выполнять придется.

Заседание у С.С. Гирголав по созыву 26 съезда. Присутствовали: С.С. Гирголав,

Н.Н. Самарин, Н.Н. Петров, П.А. Куприянов, В.Н. Шамов, Н.Г. Корнев, А.М. Заблудовский и В.В. Галкин.

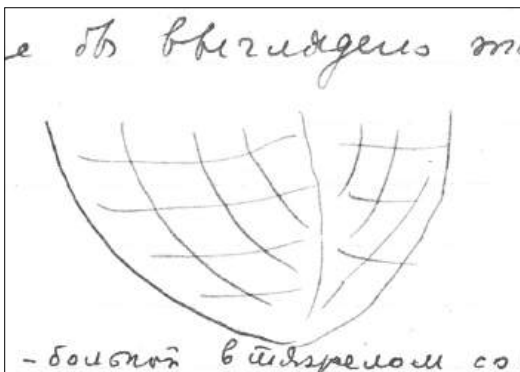
Со стороны желудка у меня остаются сильно обложенный язык, с примесью горечи во рту, по временам отрыжка, нормальный стул.

24.III. Четверг. В Академии оперировал Якова Егорова 19 лет со сдавливающим перикардитом. Присутствовало масса врачей и среди них проф. Эмдин, Цигельник, Волынский, Бочаров, и мн. других. Операция прошла исключительно хорошо.

С утра меньше тошнит, почти исчезла отрыжка, исчезло ощущение обложенного языка, который начинает очищаться. Со стороны желудка, кажется, патологические явления начинают утихать. Я начинаю оживать.

Мне пришло в голову, что там, где не представляется возможным удалять утолщенный перикард, то вполне достаточно может оказаться нанесение многочисленных разрезов через утолщенный эпикард, как это мы делаем там, где на легком невозможно произвести декортикацию так, как это предложил Ransohof.

Сердце бы выглядело так:

Вечером — больной в тяжелом состоянии, из дренажей начинается кровоте-

чение венозной кровью. Боюсь, чтобы не было кровотечения из аневризматического расширения правого желудка. Давление упало до 90 мм рт. ст.

25.III. Пятница. С утра меня вызвали в Академию. Егоров в тяжелом состоянии. Давление максимальное 70, минимум не определяется. Из одного дренажа выделяется пена. Затем вылилось, и отсосали около 150 куб. см прозрачной серозной жидкости. Картина сдавления сердца. Возможно, что это серозное отделяемое — это реакция на стрептомицин, который мы вылили на сердце. В следующие разы от этого следует воздержаться.

В ЛМИ оперировал первый раз паразитофагальную диафрагмальную грыжу.

2) Резецировал одиночный полип желудка.

Вечером в 18 часов Егоров умер.

26.III. Суббота. Утром вел занятия со слушателями. Читал вместе с Г.А. Зедгендзе «Рак пищевода».

Вскрытие Егорова — Вайлем. Вскрытие очень плохо. См. протокол.

Заседание в Военном музее по поводу бюстов Крестовского и Литовченко. Был Всеволод Всеволодович Лишев. Ну и посмотрелся же я сволочей Будиловых и Боголюбовых!

Совещание у больного С.С. Гирголова по поводу «рецензии» И.В. Давыдовского на том Гирголова. Были кроме меня П.А. Куприянов и В.Н. Шамов.

27.III. Воскресенье. Сiju и плохо работаю дома. Со стороны желудка лучше. Почти нет отрыжки, исчезла тошнота, еще остается обложенный язык, хотя и значительно меньше.

28.III. Понедельник. С утра дома. Л.М. Звягин очень хорошо защитил диссертацию. Оппонентами выступали А.М. Заблудовский и В.Г. Вайнштейн. Вечером у З.В. Оглоблиной устроили чай, ввиду того что это по непонятной мне причине не разрешается в клинике.

29.III. Вторник. С утра дома. Был в киностудии, исправлял текст кардиолизиса. Заезжали проведать С.С. Гирголова. За обедом съел кусок телячьей печенки.

30.III. Среда. Ухудшение со стороны желудка, появились боли после приема пищи, тяжесть в желудке, обложенный язык, редко отрыжка.

Уехал М.И. Цхакая.

Председательствовал на заседании Хирургического общества Пирогова.

31.III. Четверг. Оперировал в Академии.

- 1) Чрезгрудинная анестезия.
- 2) Резекция желудка по поводу язвы.

Заседание у начальника Академии по поводу пересмотра штатов. Склонность у начальника и Долго-Сабурова списать Б.К. Рабиновича на флот. Уговорил дать срок до I.IV.1951 года, если не напишет докторскую, то спишут. Полагаю, что не напишет.

Визит адмирала Октябрьского в Академию.

С желудком немного лучше. Болей почти нет. Отрыжки нет. Остается обложенный язык. Перешел на творог и сметану. Боржом.

1.IV. Пятница. Оперировал в 1 ЛМИ в присутствии студентов, приехавших на конференцию СНО из Краснодара, Ярославля, Горького. Оперировал. 1) Мениск. 2) Хронический каменный холецистит.

Смотрел тещу В.И. Смирнова — неоперабельный рак желудка.

Чувствую себя неважно. Болей в желудке нет. Во рту целый день ощущение горечи и обложенный язык.

2.IV. Суббота. Прочитал в Академии лекцию «Вывихи плеча». Решил дней десять посидеть дома. Беспокоит чувство давления и полноты в области желудка, обложенный язык с некоторым привкусом горечи.

Б.К. Рабинович после того как я ему сообщил, что его ожидает, попросил меня, чтобы я разрешил ему писать докторскую диссертацию у Долго-Сабурова. Я, конечно, разрешил, не знаю, согласится ли Долго-Сабуров.

Вечером я говорил с Д.-С. Он не склонен брать Рабиновича, говорит, что случай запущенный. Во всяком случае, договорились, что он к нему пойдет.

Вчера ел с утра гренки. За обедом — суп рисовый с томатом и кусок вареного мяса, кисель.

Тяжесть в области желудка. Резко обложенный язык.

3.IV. Воскресенье. С утра обложенный язык. Горечь во рту. Сел на жесткую диету Певзнера — стол № 1. Сливки, молоко, масло, яйца, отсутствие хлеба. Одно омерзение. После обеда язык сплошно обложен. Около 14–16 часов чувствовал себя очень плохо. Поспал несколько часов, после этого почувствовал себя лучше, немного очистился язык.

4.IV. Понедельник. Сижу на строгой диете — Певзнер-1. Самочувствие лучше. Почти нет отрыжек, болей. Исчезла горечь во рту, и если бы не было обложенного языка, то, кажется, я был бы здоров.

5.IV. Вторник. Состояние и диета те же. В 22 часа меня вызвала Зинаида Васильевна к Василию Васильевичу Чирковскому, у которого ущемилась послеоперационная грыжа. 11 лет назад он был оперирован Бушем у нас в клинике. В послеоперационном течении — тяжелая анаэробная инфекция, по поводу которой пришлось раскрыть всю рану. Резкое варикозное расширение вен. Дал тяжелый инфаркт легкого. Только что перенес паратиф, всего несколько дней, как начал выходить, на правом бедре свежий тромбоз.

Явления ущемления начались в 10 часов. З.В. вызвала в 12 часов. Она придавила область грыжи, что-то вправилось. Некоторое время спустя рвота возобновилась.

Захламленная квартира, в которой живут Чирковский с женой (Ниной Борисовной). (Ул. Попова, 26-А, кв. 14), две дочери и их мужья. Могли бы квартиру отремонтировать, ведь недавно Чирковский получил 100 000, Сталинскую премию!!

Лежит в своем кабинете на кровати. Большая послеоперационная грыжа, невправимая, слегка болезненная. Рвоты продолжают. Ничего не остается делать, как оперировать, несмотря на его 75 лет.

Перевезли в госпитальную 1 ЛМИ. Ассистируют Зинаида Васильевна и Сергей Павлович. Почти все удалось сделать под местной анестезией, пришлось добавить лишь несколько капель эфира. Отверстие пропускает 3 пальца, ригидные края. Через отверстие прошло около ¼ метра тонких кишок, которые в некоторых местах перекрутились, а местами приросли к краям грыжевых ворот. В одном месте после отделения на кишку пришлось наложить

4 шва, чтобы перитонизировать ободранную поверхность кишки. Отделен участок приросшей толстой. Кишки синюшные, но нигде не видно странгуляционной борозды. В брюшную полость под мышцами введен пенициллин, отверстие хорошо удалось ушить. Оставлено два дренажа. Из-за наличия тромбоза в верхней трети бедра перевязана и пересечена v.saphena magna.

6.IV. Среда. Состояние Чирковского удовлетворительное.

У меня дома состоялось заседание редколлегии: И.П. Виноградов, Н.Н. Самарин, А.М. Заблудовский, Г.Я. Эпштейн, Н.И. Блинов.

Мое состояние как будто лучше. Болей нет. Начал есть сухари — это намного улучшило дело.

7.IV. Четверг. У Чирковского сухой язык. Явления пареза кишечника, дренажи убрали, рана в хорошем состоянии. Я его навестил в 18 часов. Пульс слабого наполнения, хнычет, все пропало, обреченный, одним словом, висит на волоске. Общий вид хороший, живот мягкий. Ввели зонд, выпустили мало. Наладили подкожное капельное вливание.

Вечером самостоятельно начали отходить газы, и после гипертонической клизмы был обильный стул.

С утра мое состояние было хорошим. За обедом меня накормили бульоном и удивительно невкусным молотым куриным мясом. После обеда опять ощущение переполненного желудка, ощущение тошноты. Вот воистину картина, которую я изучаю на себе, может быть, вызвана желудочным «дискомфортом». Ощущение горечи на обложенном языке.

8.IV. Пятница. Горечь во рту, обложенный язык. Полное отсутствие аппетита. Со вчерашнего вечера наступило ухудшение как местных явлений, так и общего состояния. Я выжидал достаточно, полагая, что можно обойтись одной строгой диетой. По-видимому, из этого ничего не выходит, а потому решил завтра пойти на рентгенологическое обследование.

Мылся под душем, брал 2 таблетки белладонны. После этого наступило значительное облегчение, съел уху, рыбу, одну картошку, мусс. Значительно очистился язык. Около часу ночи даже хочется есть.

Чирковскому лучше, был стул, температура нормальная.

9.IV. Суббота. Утром в Академии М.М. Попов произвел рентгенологическое обследование. Исследование не из приятных. Никакого намека на дефект. Небольшая язвочка в препилорической части. Быстрое и бурное опорожнение желудка. Никаких изменений со стороны fundus'a. Явления гастрита. В лаборатории взяли кровь для исследования.

Ел: гренки, чашку сливок, жевал морковь.

Вечером были у С.С. Гирголава. Съел кусок вареной курицы.

10.IV. Воскресенье. С утра чувствую себя неважно. Аппетит плохой. После обеда заметно значительное улучшение, меньше обложен язык, горечи меньше.

Ел ветчину с яичницей, сошло вполне благополучно.

11.IV. Понедельник. Улучшение держится с утра. Среди дня беспокоит лишь обложенный язык и горечь во рту. Почти никаких явлений со стороны желудка, очень редко отрыжка. Ел с утра овсяную

кашу, за обедом бульон и вареную курицу. Добавили стакан белого вина после еды. Чувствую себя сильнее. Почти целый день сижу или лежу с грелкой.

Умер проф. П.А. Останков в возрасте 87 лет.

12.IV. Вторник. Ночь спал хорошо. С утра обложенный язык и большая слабость. Никакого аппетита. Приблизительно к 12 часам состояние начинает улучшаться. В первый раз за много дней поел по-человечески. К бульону прибавили немного томатного соуса, эту же приправу прибавили к рису, который дали вместе с вареной курицей. После обеда поспал 2 часа и встал в значительно лучшем состоянии. По-видимому, следует спать больше.

13.IV. Среда. Со вчерашнего вечера наметилось значительное улучшение. Горечь во рту меньше, язык обложен меньше, сил больше.

Утром в 1 ЛМИ оперировал Веру Михайловну Инбер.

Ем больше, вареное мясо, белый хлеб.

14.IV. Четверг. Наметившееся улучшение продолжается. Еще остается чуть ощутимая горечь во рту и обложенный язык, очень редко отрыжка. Пообедал с большим аппетитом — белый хлеб, суп рисовый с томатным соусом, рыба вареная с картошкой, молочный кисель. Все это сошло вполне благополучно.

Отправился на заседание ученого совета Академии. Выбирали профессора на кафедру топографической анатомии и оперативной хирургии. Два конкурента — А.Ю. Созон-Ярошевич и Константин Александрович Григорович. У первого 102 научных работы, а у второго 22.

Но первый всем известный мерзавец, относительно второго в этом отношении нет данных.

Голосовало 43 человека, из них все черные получил Созон-Ярошевич и все белые Григорович. Какой нужно быть сво... чтобы к 62 годам жизни завоевать такую всеобщую симпатию, чтобы из 43 голосующих ни один не голосовал за него.

Не менее приятное известие сообщил мне М.С. Лисицын. На мой вопрос, как его дела, он мне сообщил, что его исключили из партии. Не этому следует удивляться, а лишь тому, что такого принимают в партию!!

15.IV. Пятница. Держится горечь во рту и обложенный язык. Ел хорошо: щи, вареное мясо, свежие огурцы. Продали своего «Москвича».

Как сообщают «Известия», 14 апреля скончался Рихард Михайлович Фронштейн, прекрасный хирург-уролог, очаровательный человек. Он меня оперировал в 1943 г., и о нем я навсегда сохранил наилучшие воспоминания как о враче и человеке. У этого несчастного уролога приблизительно года два назад нашли опухоль ребра. При гистологическом исследовании опухоль оказалась метастазом гипернефромы. Сама гипернефрома ничем не давала о себе знать. Затем последовал метастаз во второй шейный позвонок. Из-за разрушения позвонка пришлось наложить корсет на шею. Я его видел последний раз 27.XII.1948 года. Он сидел на заседании АМН с корсетом на шее, с опущенной головой, жалко было на него смотреть. Хорошо, что этот несчастный человек перестал мучиться.

Вчера на ночь выпил 2 чашки боржома.

16.IV. Суббота. Сегодня, кажется, первый день, что нет горечи во рту. Придется брать больше боржома. Ездил в г. Пушкин, где я не был после войны. Разрушения ужасающие. Восстанавливают Александровский дворец под музеем Пушкина.

17.IV. Воскресенье. Со стороны желудка ни на что жаловаться не могу. Беспокоит лишь обложенный язык с незначительной примесью горечи.

Позвонил Мирон Семенович Вовси, спросил о здоровье и сказал, что желает меня навестить. Он пришел в 16 часов. После непродолжительного разговора он сказал, что желает меня посмотреть. Правду сказать, я сам этому обрадовался, так как, по сути дела, до сих пор ни один терапевт меня не смотрел. Он долго расспрашивал, затем щупал живот, выстукивал и выслушивал. Он согласился с тем, что у меня язва парапилорической части желудка, что язва не задела брюшину, что это обострение старой язвы (хотя с 1916 года я никогда не болел желудком). У него оказалась и готовая формула, что со мной делать, а именно направить под Москвой в Барвиху, что мне необходимо по крайней мере лежать три недели. Я сказал, что согласен лежать три недели, но дома, а не в Барвихе.

Тогда он мне снова предписал довольно строгий режим, исключил все мясные супы, мясо три раза в неделю и то в рубленом виде, на пару. Один раз в день жарится с льняным семенем или с овсом. Прописал Смирновскую воду, белладонну, *arg.nutricum*. Одним словом, как он сказал, лечимся по старинке.

Полагаю, что он не сам пришел, а, по-видимому, его прислал Е.И. Смирнов.

Я ему рассказал относительно моей операции по поводу *angina pectoris*. Он мне обещал напечатать в 8 № «Клинической медицины», вне очереди.

Сначала я взбунтовался от необходимости трехнедельного лежания. Затем рассудил, что если бы инфаркт миокарда, то в лучшем случае пришлось бы лежать от 2 до 4 месяцев. Если бы это был рак желудка, то пришлось бы оперироваться, после чего или сразу бы пришлось улечься в могилу, или после операции пришлось бы ежедневно ждать рецидива.

Эти рассуждения примирили меня с тремя неделями.

Был А.А. Бочаров, который собирается приходить в клинику на будущей неделе.

Приходил проф.М.А. Сресели, которому я дал идею обработать нервы аорты.

Вовси мне рассказал, что Р.М. Фронштейн умер внезапно, так и должно было бы случиться. За последнее время метастаз на шее у него пророс и очень его беспокоил.

Чувствую себя хорошо. Никаких болей в желудке. Язык меньше обложен, горечи почти нет.

18.IV. Понедельник. Лежу честно. Лечусь, как приказано. Работается плохо. Состояние тоже.

19.IV. Вторник. Продолжаю лежать и лечиться. Исчезла горечь во рту.

20.IV. Среда. Трудно с диетой, надоедает однообразная еда. Горечи во рту нет, остается лишь немного обложенный язык, других диспептических явлений нет.

Были у меня А.И. Серебров и П.А. Куприянов. Вечером смотрели балет «Медный всадник» Поставлено очень хорошо.

В госпитальную хирургическую клинику пришел Аркадий Алексеевич Бочаров.

21.IV. Четверг. Продолжаю лежать. Очень много сплю. Горечи во рту нет. Остается лишь обложенный язык.

22.IV. Пятница. Продолжаю лежать, хотя и начинаю бунтовать. Мне, безусловно, лучше, остается лишь обложенный язык. Работаю очень плохо. Хотелось бы написать «Артериовенозные аневризмы подключичных сосудов», читаю по этому поводу много, а пишется очень плохо. Нужно было бы печатать, но лежа это делать трудно.

23.IV. Сегодня Бочаров первый раз читал лекцию в Академии. Читал «первичную обработку ран», говорят, что читал очень хорошо.

Мое состояние такое же.

24.IV. Воскресенье. Чувствую себя лучше. Больше сижу. Язык начинает очищаться, хотя все еще обложен. Приходили Оглоблина и Бочаров.

25.IV. Понедельник. Состояние то же.

26.IV. Вторник. Все остановилось на одной точке, изредка отрывка, язык обложен. Кормлюсь плохо, все надоело. Работаю очень плохо.

27.IV. Среда. Заходили Гирголав, начальник Академии А.М. Зотов и Житнюк. Начал брать *magnesium pergidrol*.

28.IV. Четверг. Заходили Шаак и Филатов. Последний рассказывал про мошенничества Богдасарова. Я ему дал идею начать замораживания крови и костей. Он обещал этим заняться.

29.IV. Пятница. Намечается еще незначительное улучшение. Очень редко от-

рыжка. Еще остается обложенный язык. Лежу целый день.

Сегодня из клиники в хорошем состоянии с первично зажившей раной выписался Василий Васильевич Чирковский, выписалась также в хорошем состоянии Вера Михайловна Инбер.

30.IV. Суббота. Вчера вечером чувствовал себя неладно. По-моему, я лежу слишком много. С утра решил посидеть, чувствую себя лучше. Меня удостоил своим посещением Г.А. Зедгенидзе. Мне было бы, кажется, хорошо, но совершенно отсутствует аппетит. Не знаю, не является ли это результатом *magnesii*, перестану дальше брать. Польза от лекарства, безусловно, была, почти совершенно исчезли отрыжки.

Когда вспоминаю, каковы дела В.Г. Гаршина, который у меня лежит в клинике с мозговыми, по-видимому, необратимыми явлениями, то мне грех ворчать.

При микроскопическом исследовании во всех кусочках у Инбер нашли плоскоклеточный рак.

Вечером чувствовал себя плохо. Слабость.

1.V. Воскресенье. Со вчерашнего дня заметное ухудшение. Полное отсутствие аппетита. Снова после еды ощущение переполнения желудка. После еды незначительные боли, которые появляются минут через 15–20. Боли эти скоро уступают теплой грелке. Резко обложен язык, плохой вкус во рту. Отвратительное настроение.

2.V. Понедельник. Проснулся в 12.30 часов. Настроение плохое. С огромным усилием съел кашу и выпил чашку чая. В 14 часов пришел И.П. Виноградов. Рассказал много интересного про Москву. Мы

с ним толковали по поводу состава нового президиума Хирургического общества.

Конечно, вполне достойным председателем был бы П.А. Куприянов. Ему И.П. предложил по телефону, тот, конечно, был польщен предложением, но сказал, что при перегруженности боится взяться за это дело. Остановились на Александре Васильевиче Смирнове. Это далеко не первый сорт, но лучшего нет. Зам — Н.Н. Самарин, члены президиума Банатис и Напалков.

Приходили А.А. Бочаров и М.А. Сресели. Ввиду того что мне очень плохо, мы решили позвать А.А. Нечаева. Он пришел — был целиком в своем репертуаре. Он полагает, что это токсико-инфекционный гастрит. И без него назавтра было назначено взятие желудочного сока. Он это подтвердил.

К моему основному страданию присоединился понос. Стул был полужидкий, полагаю, в результате съеденного вчера персикового компота. Вечером стало легче.

3.V. Вторник. С раннего утра пришла Мария Григорьевна с лаборанткой. Сначала взяли кровь, а затем после предварительной анестезии носоглотки она ввела через левую ноздрю тонкий зонд. В продолжение двух часов через каждые 15 минут она откачивала желудочный сок, вводя предварительно 300 куб. см 5% алкоголя. Лежал я как агнец. Под конец она промыла желудок 2% раствором соды.

Анализы крови и желудочного сока вполне благоприятны, равно как и мочи.

За этот месяц я здорово истрепал свою нервную систему. Колебания в диагнозе от язвы желудка до рака или гастрита, необходимость разнообразных

и неприятных исследований, недомогание, однообразная пища, вынужденное лежание, все это не способствовало улучшению моего состояния.

В 19 часов пришел А.А. Нечаев. Просмотрев анализы, он повторил свой диагноз, что это токсико-инфекционный гастрит с возможным изъязвлением. Он значительно расширил мою диету. Сказал, что из-за большого количества слизи, возможно, что придется промывать желудок содовым раствором через тонкий зонд.

4.V. Среда. Как будто намечается какое-то улучшение. Я боюсь сказать больше. Язык меньше обложен. Нечаев щупает плохо, неимоверно грубо, после его упражнений всюду болит живот.

Ел достаточно, бульон с фрикадельками, желе. После обеда неприятное ощущение, но отрыжек нет. Поздно вечером тошнило, по-видимому, от сульфотиазола. С завтрашнего дня прекращу прием.

5.V. Четверг. Сил больше. Ел гречневую кашу, пью кофе. Отрыжка совершенно исчезла, остается обложенный язык.

Около 16 часов поел немного сметаны, один свежий огурец и клюквенное желе. Около 18 часов мне стало нехорошо. Усилилась отрыжка, впечатления, что желудок переполнен. Одним словом, «не по себе». Только после того как проспал около двух часов, стало легче. Однако все еще остается отвращение к еде. Язык снова сильно обложен. Не знаю, какой пищей я не угодил желудку. 22 часа — стало лучше, почти все неприятные явления исчезли.

6.V. Пятница. Самочувствие лучше. С утра съел рисовую кашу и кофе, в 14 часов — стакан простокваши, кусок хлеба с маслом. За обедом — ем с удовольствием.

Суп с вермишелью, вареная курица, рис с томатным соусом. Все перенес хорошо.

Вообще счастливый день: появилось ощущение выздоровления, язык менее обложен, исчезло неприятное ощущение во рту, а самое главное, появился аппетит. Начинает исчезать страх перед едой.

В сумме спящий А.А. Нечаев оказывается прав — это, по-видимому, токсико-инфекционный гастрит с возможным изъязвлением. Помог ли сульфотиазол — не знаю, но факт остается фактом, что после этой терапии, кажется, наступает выздоровление.

7.V. Суббота. Мое состояние продолжает улучшаться.

8–9–10.V. Мое состояние, безусловно, лучше, но не могу сказать, что я совершенно здоров. Даже при сравнительно строгой диете у меня остается ощущение переполненного желудка после обеда, некоторая чувствительность, а главное, обложенный язык.

Сегодня меня навестили А.Н. Шабанов и Н.Н. Приоров.

12.V. В Кировской Академии Максим Семенович Григорьев защитил диссертацию «Бронхиальные свищи». Я выступал оппонентом.

13.V. Пятница. С Жоржем и Верой ездили на дачу. Там очень хорошо.

Лучше всего «перенес» вареную курицу.

14.V. Суббота. Я смогу опять отметить некоторое улучшение, язва начинает очищаться. Почти совершенно исчезла отрыжка и чувствительность со стороны живота после еды.

15.V. Воскресенье. Опять пропал аппетит. Язык продолжает очищаться.

16.V. Понедельник. С утра собирался в клинику, но почувствовал слабость и остался дома. Реакция Грегерсена отрицательная.

Приехал Михаил Иванович Цханаа.

Приходил А.А. Нечаев.

17.V. Вторник. Сижу дома, чувствую себя лучше. Вечером у нас ужинали В.И. Кудинов, А.М. Зотов и В.Д. Васильев.

18.V. Среда. Я сегодня должен был читать на сборе лекцию об ожогах. Вместо меня читал Б.Н. Постников.

Меня навестил проф. Вовси. Он полагает, что он меня вылечил, со своей стороны то же полагает А.А. Нечаев. В сумме мне рекомендовано ехать в Барвиху, что я собираюсь сделать 26 мая. Чувствую себя намного лучше и крепче.

19.V. Четверг. Приходил П.А. Куприянов.

В ВММА оперировал больного с артериовенозной аневризмой подколенных сосудов. Произвел операцию Антиллуса.

Куприянову я передал главу с «Бронхиальными свищами». Заболел ангиной. Умер А.Н. Семашко.

20.V. Пятница. Ночью начался отек носоглотки, спасся лишь ингаляцией паров. Из-за скверного состояния не мог идти в клинику.

21.V. Суббота. В «Скорой» оперировал больного с арт.вен.аневризмой art.et venae peronei.

22.V. Воскресенье. Сижу дома. Работаю плохо.

23.V. Понедельник. С утра в клинике 1 ЛМИ Михаил Иванович Цхакая защищал докторскую диссертацию, «Закрытые переломы пяточной кости». Тему этой диссертации я ему дал в 1930 году, и, таким

образом, он ее писал 18 лет. Написал-то он ее хорошо, докладывал плохо. Оппонентами были С.С. Гирголав, который диссертации не читал. А.В. Мельников, который и не читал, и ничего в этой области не понимает, и Г.Я. Эпштейн. В сумме все очень его хвалили. В конечном счете, из 31 голоса он получил все белые шары, чему М.И. был чрезвычайно рад.

После защиты у нас обедали диссертант с женой и все оппоненты: был и В.С. Левит.

Состояние мое намного лучше. Почти все явления со стороны желудка исчезли. Остается еще немного обложенный язык, и это, пожалуй, все.

24.V. Вторник. В клинике ВММА оперировали Васильева с травматическим сдавливающим перикардитом. Операция прошла очень хорошо.

25.V. Среда. И.П. Виноградов сегодня отчитывался в Хирургическом обществе Пирогова за меня как за председателя, так как я все еще продолжаю сидеть дома. По словам слушавших, он сделал бледный доклад.

25.V. Ездил в Академию, перевязывал Васильева, удалил дренаж. Состояние его очень хорошее, пока еще продолжает лихорадить.

В 15 часов в Травматологическом институте по моему наущению состоялось заседание оргбюро по созыву 26 Всесоюзного съезда. Присутствовали: С.С. Гирголав, П.А. Куприянов, А.В. Мельников, Н.Н. Самарин, А.М. Заблудовский, я, В.В. Галкин, Гомзяков.

К сожалению, С.С. Гирголав, предполагаемый председатель съезда, полагает, что

организация съезда это не его дело, хотя по смыслу — это именно его дело. После заседания Н.Н. Самарин (секретарь — тоже шляпа) пожаловался мне, что С.С. ровно ничего не делает.

Разговор Куприянова — Гирголав, как избавиться от совершенно ненужной работы, написанной Л. Бекерманом для «Опыта Отечественной войны».

26.V. Пятница. Вернул З.В. Оглоблиной биографию А.А. Троянова, которая никуда не годна.

Уезжаю в Барвиху.

27.V. Суббота. Приехал в Москву, меня встретил Владимир Семенович на машине Ивана Степановича Исакова, который чувствует себя прекрасно.

Вечером я приехал в Барвиху. Изумительная санатория, расположенная в 27 километрах от Москвы. Прекрасный бор. Здание в 60 000 куб. метров. 17 поваров. На одного отдыхающего приходится 6 человек обслуживающего персонала. Отдыхал Ковалев Владимир Васильевич.

Совершенно поправился, все явления со стороны желудка исчезли.

13.VI. Понедельник. Переехал в Москву. У Приорова состоялось заседание оргбюро по созыву 26 Всесоюзного съезда хирургов, который должен состояться в Тбилиси. На заседании присутствовали К.Д. Эристави и Комахидзе. Выработали программу.

14.VI. Вторник. Заседание редколлегии у Смирнова, который нам зачитал приказ об издании труда тиражом в 500 000 экземпляров. Вечером состоялось заседание у А.Н. Шабанова. Кажется, договорились до всего относительно созыва съезда, за исключением того, что нет еще разрешения Совета Министров.

15.VI. Среда. В Главсанупре Кремля, под председательством П.И. Егорова, состоялось заседание, на котором разбирались три случая смерти от эмболии легочной артерии, два после аппендектомии. Присутствовали А.И. Абрикосов и И.В. Давыдовский.

Вечером выехал в Ленинград.

16.VI. Четверг. В Ленинграде дождь и холод.

17.VI. Пятница. В клинике 1 ЛМИ.

18.VI. Суббота. Вел разбор больного со слушателями в ВММА. Слушал в продолжение 2 часов, как А.Я. Бочаров читал лекцию о «Панариции». Плохо.

19.VI. Воскресенье. Работаю над чрезгрудинной блокадой. С Шамовым просматривали рисунки.

20.VI. Понедельник. Оперировал в 1 ЛМИ. Пневмотомия по поводу множественных хронических абсцессов легкого.

Наталья Сигизмундовна Коссинская прекрасно защитила докторскую диссертацию.

21.VI. Вторник. В Академии двум больным делал чрезгрудинную блокаду при грудной жабе. Присутствовал С.С. Гирголав, которому операция очень понравилась, обещался в ближайшее время сделать. Перевязал правую надчревную артерию по поводу артериальной аневризмы ягодичной артерии.

22.VI. Среда. В «Скорой» чуть не потерял больного на операционном столе от кровотечения.

Последнее заседание Хирургического общества. Председательствовал Н.Н. Петров.

23.VI. Четверг. Оперировал в ВММА инженера 58 лет по поводу Са головки pancreas.

На кафедре топографической анатомии ВММА проверил предлагаемые мной способы обнажения подключичных сосудов. Очень хорошо.

Состоялось экстренное заседание Ленинградского совета. Сняли Лазуркина и Машанского.

Т.Я. Арьев защищал диссертацию — получил 24 за и 9 голосов против.

24.VI. Пятница. Утром в 1 ЛМИ в присутствии врачей из ГИДУВ'а оперировал двух больных.

1) Удалил кисту из левого легкого.

2) Произвел pancreato-cysto entero-anastomosis больному, который где-то был уже дважды оперирован способом марупиализации, и оба раза наступал рецидив.

Пришлось анастомоз класть спереди, ввиду того что брызжейка толстой кишки оказалась в рубцах. Добавлен Брауновский анастомоз.

Оппонировал на диссертации Федора Григорьевича Углова «Резекция легких». Кроме меня оппонентами были В.Н. Шамов и проф. Шулушко. Из 24 голосов он получил 21 за и 2 против.

25.VI. Суббота. Вел последний разбор больной со слушателями 5 курса ВММА.

Оперировал Алексея Ивановича Иванова по поводу коллоидного зоба левой доли.

Был на заседании в Горздравотделе. Разбирался 25-летний план развития здравоохранения в Ленинграде.

Ужин для врачей клиники ВММА.

26.VI. Воскресенье. Работаю над докладом, пока клеится плохо.

27.VI. Понедельник. В 1 ЛМИ оперировал артистку Юдину, огромная парамедианная грыжа.

Оперировал больную, которая у нас лежит долго, то под диагнозом тромбоза вен селезенки, то, наконец, под диагнозом переднего паранефрита. На операции я действительно получил густой гной из паранефрия. Однако при ощупывании левой почки она мне показалась ненормальной. Я сделал пункцию почки и получил целый шприц туберкулезного на вид гноя. Я убрал почку огромных размеров, которая на вид кажется полностью наполненной гноем.

28.VI. Вторник. В Академии оперировал: 1) больную с инородным телом в корне правого легкого. Показания к операции — повторные тяжелые кровотечения. Верхняя и частично нижняя доля оказались сращенными с париетальной плеврой. После отделения легкого я долго и тщетно искал инородное тело в корне легкого. Оно оказалось свободно лежащим в грудной клетке. По-видимому, оно выпало при разделении спаек. К концу операции больная долго находилась в тяжелом шоке, из которого ее удалось вывести лишь переливанием крови.

2) Са ventricule — иноперабельная. Наложил задний g-e.

3) Сделал перикардиотомию девочке Даниловой. Девочка в продолжение долгого времени очень высоко лихорадит — 39–40 градусов. Имеется лишь выпот в перикарде, по поводу которого Бочаров один раз произвел прокол и получил 200 куб. см серозной жидкости.

Состояние больной продолжало прогрессивно ухудшаться, не помогали ни

стрептомицин, ни пенициллин. В конце концов, 28 VI мы снова сошлись у постели больной вместе с проф. А.А. Нечаевым. Не осталось сомнения, что девочка гибнет. При этих обстоятельствах я предложил попытаться сделать перикардиотомию как последнее средство. Я не рассчитывал получить ничего хорошего, но может быть... что-либо и вышло бы, если бы в перикарде оказалось много гнойного экссудата. Бедные родные пошли на мое предложение, с радостью на это пошел и А.А. Нечаев.

Срочно мной была произведена перикардиотомия. При этом случайно вскрылась правая плевра и показался язычок легкого. Наружная поверхность перикарда покрыта фибринозно-гнойным налетом (наружный перикардит). Долго я не мог попасть в полость перикарда. В одно время даже казалось, что я в полости перикарда, в то время как я еще находился вне полости. В конце концов удалось вскрыть перикард. В нем оказалось 100 куб. см серозно-кровянистой жидкости. Я отсосал экссудат. Обшил края перикарда с кожей, одновременно ушил отверстие в плевре.

29.VI. Среда. Сижу дома, работает плохо.

30.VI. Четверг. Состояние девочки остается тяжелым.

1.VII. Пятница. В 1 ЛМИ оперировал Смирнова, зашил свищ мочевого пузыря.

2.VII. Суббота. Читал лекцию «Острый живот».

3.VII. Воскресенье. С С.С. Гирголавым ездили к нам на дачу, где прекрасно провели день.

4.VII. Понедельник. Сижу дома, работает плохо. Девочке немного лучше.

5.VII. Вторник. Работается плохо. Открылся съезд анатомов. Я был на первом заседании.

6.VII. Среда. Приехал Левит. Заседание хирургической секции ученого совета ГМСУ. Председательствует Н.Н. Еланский. В жизни не видал такого бестолкового председателя и организатора.

7.VII. Четверг. Читал последнюю лекцию слушателям ВММА. Читал хорошо «Острый живот». Слушатели преподнесли огромный букет, провожали речами и хлопками.

Заседание у Еланского.

8.VII. Пятница. Делал у Н.Н. Еланского доклад «Проблема ожогов и перспектива работ на будущий год». Сделал доклад хорошо.

9.VII. Суббота. Сижу дома, работаю сносно над докладом. Вера уехала в Ригу.

История со снятием Шланобергского с секретарей журнала «Хирургия».

Утром, когда я еще лежал в кровати, вдруг, без всякой видимой причины, началось жесточайшее сокращение m. triceps surae в левой ноге. Мышца стала в полном смысле слова каменной, очень болезненной. Это состояние продолжалось 1–2 минуты. Невозможно было ни согнуть, ни разогнуть ногу. Мало-помалу это состояние исчезло, оставив довольно большую болезненность.

10.VII. Воскресенье. Болезненность остается.

11.VII. Понедельник. По всему левому седалищному нерву остается болезненность.

12.VII. Вторник. Вера вернулась. На могиле Нины все в полном порядке.

Вечером обнаружил отек тыльной поверхности левой стопы, небольшой отек на голени слева, отек на голени справа.

13.VII. Среда. К утру явления отека исчезли. Опять утром в постели началось сокращение *m.triceps surae* в правой ноге, но значительно менее выраженное и более кратковременное, чем слева.

Явления отека почти полностью исчезли. У нас обедали Мамед Комахидзе и его жена Нина Александровна Джавахишвили-Комахидзе.

14.VII. Четверг. С утра в Академии. Затем заседание цикловой комиссии. Последнее заседание совета Академии. Отчет о научной работе. Доклад Васюточкина.

15.VII. Пятница. Работаю дома.

16.VII. Суббота. Консультация у жены Ромма. Получили 10 экземпляров «Бронхиальных свищей».

17.VII. Воскресенье. Вместе с С.С. Гирголав и его женой прекрасно провели день на даче у нас.

18.VII. Понедельник. С утра в Академии смотрел больных. В «Скорой» Каменчик и Будзинская убрали с нижних век ксантелазму под местной анестезией.

19.VII. Вторник. Сiju дома, работаю. Приходил Лев Мойсеевич Ратнер, который производит прекрасное впечатление. Кровоподтеки занимают почти все нижнее веко.

20.VII. Среда. Сняли швы. Кровоподтеки держатся.

22.VII. Пятница. В Академии оперировал зам. начальника Академии Иванова — Са головки *pancreatitis* — *Cholecisto-*

gastrostomia.

Ездили в Петродворец, все фонтаны пущены — очаровательно.

23.VII. Суббота. Работаю. Читаю «Туберкулез».

24.VII. Воскресенье. Прочитал диссертацию Саркисова, «исправленную» Г.Л. Френкелем. Халтура первого сорта. Все следует исправить сначала.

Годовщина смерти Г.Ф. Ланга. Никто о нем не вспоминает хорошим словом.

25.VII. Понедельник. Был в клинике ВММА. Иванов идет хорошо. Был в 1 Госпитале на консультации у Ермакова. Были Виноградов, Н.Н. Самарин. Картина затека, но не исключена возможность пилефлебита. Виноградов раскрыл, удовлетворения не получили.

26.VII. Вторник. Ермаков в тяжелом шоке.

27.VII. Среда. Ермаков умер. Приходил Б.В. Пунин, который тяжело переживает эту смерть. Это второй врач, который погибает у него от аппендицита за короткий промежуток времени. Он рассказывал мне, что нашли пневмонию, никакого пилефлебита, никаких гнояников и кусок червеобразного отростка длиной в несколько сантиметров, лежащий в ретроперитонеальной клетчатке.

Вызвали в клинику, куда доставили Лисовскую, вид ужасный, как покойница. По-видимому, дело идет об остром холецистите, но, кроме того, прощупываются многочисленные бугры в брюшной полости, возможно, опухоли.

Либову послал последние рисунки для опыта.

28.VII. Четверг. Последнюю неделю Жоржик аврально работал над своей

докторской диссертацией и сегодня ее вчерне закончил.

29.VII. Пятница. Я, Вера и Жорж выехали в Кисловодск.

1.VIII. Понедельник. Приехали в генеральский санаторий.

15.VIII. Поехали в Железноводск, Пятигорск и Ессентуки.

24.VIII. Ездили в Нальчик. Отдохнули прекрасно. Пришлось лечить от «острого аппендицита» генерал-полковника Федора Федоровича Кузнецова «консервативно». Все обошлось благополучно.

26.VIII. Выехали из Кисловодска и приехали в Ленинград 29.VIII.

30.VIII. Вторник. Был в клинике 1 ЛМИ. Смотрел больных.

31.VII. Среда. Вчера мне сообщили, что ожидается резкое сокращение ассистентов.

В 17 часов совещание у директора И.Е. Кашкарова.

Налицо: Чирковский, Черноруцкий, Космодомианский, Иоффе. Директор вместе с заведующим кадрами сразу сдаются — берут карандаш, подсчитывают число сокращений. По их подсчетам, у меня должны сократить — 3 из 8 ассистентов. Но так как в будущем году должен быть шестой год, и на нем должно быть 1200 человек, то число ассистентов должно быть удвоено. Чтобы сохранить ассистентов, предлагается зарплату остающихся пяти ассистентов делить на 8 человек, иными словами, зарплата остающихся снижается вдвое.

Я предлагаю не сдаваться и директору немедленно ехать в Москву. В полном смысле слова навязываюсь, чтобы он взял меня с собой. Сначала он не хочет и

говорит, что если ему откажут, то он пришлет SOS. Я ему объясняю, что если ему откажут, то в дальнейшем будет трудно или невозможно добиваться положительного ответа. Тогда он соглашается, обсуждается созвониться с Шабановым. Через некоторое время он мне сообщает, что на первое число заказал два билета, и мы едем первого.

2.IX. Пятница. Побывали у Шабанова, Павленко и Виноградова. Шабанов и Виноградов за сохранение штатов прошлого года. Стоило ехать.

Побывал у Михаила Герасимовича Ананьева. Стало очевидным, что кандидатуру Е.В. Смирнова на пост директора травматологического института выдвинул Н.Н. Петров.

Говорил с ним насчет М.А. Месселя. Обещал его не трогать.

Был М.С. Вовси. Как будто совсем договорились относительно его перехода на кафедру Ланга. Выехали обратно.

4.IX. Воскресенье. Сижу дома — ничего не делаю.

5.IX. Понедельник. С новым курсом в 1 ЛМИ. Заседание совета. Заседание райсовета.

6.IX. Вторник. Дома.

7.IX. Среда. В «Скорой».

8.IX. Четверг. Дома.

10.IX. Пятница. С утра вел занятия. Читал в 1 ЛМИ «Острый гнойный остеомиелит поперечных отростков шеи». «Облитерирующий эндартериит».

В Академии смотрел озвученный фильм — «Кардиолизис». Хорошо.

11.IX. Воскресенье. С С.С. Гирголав ездил на озеро «Красавица» около Зеленогорска.

12.IX. Понедельник. С утра вел занятия, затем читал второму потоку «Облитерирующий эндартериит». Заседание совета института.

13.IX. Вторник. Работал дома.

14.IX. Среда. В «Скорой» слушал доклад о «Внеспецифической сыворотке».

Заседание Хирургического общества Пирогова.

15.IX. Четверг. Заседание в Академии с Кудиновым насчет отчета.

Встреча с избирателями.

16.IX. Пятница. Утром занятия со слушателями в 1 ЛМИ, там же читал лекцию «Эндоартериит». Заседание хирургического бюро у Гирголова.

17.IX. Суббота. Сдал для перепечатывания в Медгиз Кричевской вторую половину 2-го тома Лежара.

18.IX. Воскресенье. Ездили с С.С. Гирголом на дачу. Прекрасные дни стоят в сентябре.

19.IX. Понедельник. Вел занятия со слушателями 1 ЛМИ. Читал лекцию там же. Закончил «Облитерирующий эндартериит» и «Элефантиазис».

Заседание совета, посвященное памяти И.П. Павлова. Комиссия насчет отбирания участка от 1 ЛМИ.

20.IX. Вторник. Состоялась сессия Академии СССР, АМН, Академии им. Кирова, посвященная памяти И.П. Павлова. Л.А. Орбели был встречен длительными несмолкаемыми аплодисментами.

Доклады никчемные.

21.IX. Среда. В «Скорой». Вечером видел Степана Макаровича Павленко, который сообщил, что снимают М.И. Неменова, на его место предполагают назначить Ялцева из Курска. Мечты Г.А. Зедгенидзе

быть руководителем Центрального рентгенологического института, таким образом, летят. Беспокоится С.С. Вайль, по-видимому, лопнули и его далеко идущие планы. Павленко предлагает С.С. Бекерману взять кафедру в провинции, но последний заявил, что у него эндартериит и он ехать не может; по-видимому, Бекерман согласен на кафедру только в Ленинграде или, в крайнем случае, в Москве.

22.IX. Четверг. В Академии С.М. Павленко смотрел мой фильм «Кардиолизис».

Вечером в Таврическом дворце состоялось заседание, посвященное И.П. Павлову. Хорошие доклады сделали А.Л. Мясников и А.А. Вишневский. В зале я встретил Л.Н. Федорова, председателя ученого совета Министерства здравоохранения. Я его спросил насчет своей книги и задал вопрос, поддержит ли он, если моя книга будет представлена на Сталинскую премию. Он ответил, что да, и просил это сделать немедленно.

Н.И. Озерецкий, со своей стороны, сказал, что поддержит и президиум АМН. Алексею Ивановичу Иванову, который заменяет директора 1 ЛМИ, было поручено экстренно провести представление через совет 1 ЛМИ, что последний и согласился сделать.

23.IX. Пятница. В первый раз после отпуска оперировал в 1 ЛМИ. 1) Резекция желудка — Са. 2) Повторная обработка культи левого бедра. 3) Остеомиелит поперечного отростка позвоночника.

24.IX. Суббота. Работаю дома.

26.IX. Понедельник. Вел занятия со слушателями 1 ЛМИ, сделал две операции там же.

1) Операцию Конделеона. 2) Контрактура Дюпюитрена.

27.IX. Вторник. С утра дома. Вечером в Театре оперы и балета им. Кирова заседание, посвященное памяти Павлова. Хороший доклад сделал П.С. Купалов.

28.IX. Среда. Оперировал в «Скорой» двух больных с *angina pectoris*. Вечером демонстрировал в Хирургическом обществе Пирогова больного Петрова, которому я закрыл торако-бронхиальный свищ с помощью свободно пересаженного жира.

29.IX. Четверг. Утром в клинике выработывали план научных работ на будущий год.

Заседание у Иванова.

Дмитрий Аркадьевич Жданов, председатель Центральной штатной комиссии спросил меня, не намерен ли я расстаться с одной из кафедр.

30.IX. Пятница. В институте сделал нефроэктомию по поводу камней, почка полностью разгружена.

1.X. Суббота. С утра дома. Вечером в цирке.

2.X. Воскресенье. Уехали Гирголавы.

3.X. Понедельник. Утром вел разбор, а затем читал лекцию — «Ложный сустав» в 1 ЛМИ.

4.X. Вторник. Дома.

5.X. Среда. С утра в «Скорой», оперировал в присутствии М.В. Черноруцкого, М.И. Хвиливицкой и З.В. Оглоблиной двух больных с *angina pectoris*.

Сделал пересадку кожи у обожженной.

Вечером первое заседание объединенных клиник.

6.X. Четверг. Впервые сделал обход в клинике ВММА. Подал заявление

А.М. Зотову о зачислении моей машины в штат Академии.

8.X. Суббота. Читал вступительную лекцию в ВММА.

10.X. Понедельник. Оперировал в 1 ЛМИ.

11.X. Вторник. В ВММА на собрании по поводу адьюнктов.

12.X. Среда. На экзамене по хирургии у адьюнктов ВММА.

А.Я. Шит сделала хороший доклад в институте о питании обожженных.

13.X. Четверг. Утром заседание приемной комиссии, отбравшей адьюнктов. Неприятности Бетаки. Говорил с Б.К. Рабиновичем, который продолжает свою деятельность и на кафедре нормальной анатомии. Безнадежный субъект.

Предложил В.В. Галкину, не хочет ли он вместо хирургии, к которой у него не лежит душа, заняться анестезиологией, наукой, которая пока отсутствует в нашей стране, но которой обеспечено будущее. Он с удовольствием согласился.

14.X. Пятница. Вечером заседание в доме Санитарной культуры — отчет зав. хир. отд. Александра Исидоровича Соколова. Скандальный отчет. Безобразное выступление Владимира Всеволодовича Крестовского.

15.X. Суббота. Утром разбор больных в Академии. Читал там же лекцию — «Облитерирующий эндартериит».

Разбирали дело Мехелсона об оставлении тампона 15x15 см.

У проф. К.А. Щукарева, который не пьет, не курит, отдыхал два месяца подряд, инфаркт миокарда!!

17.X. Понедельник. Читал лекцию в 1 ЛМИ «Переломы лодыжек».

Заседание методсовета по поводу организации работы на 6-м курсе. Болею гриппом, чувствую себя плохо.

18.X. Вторник. С утра сидел дома. Вечером делал доклад в Терапевтическом обществе им. С.П. Боткина — «Хирургическое лечение сдавливающего перикардита». Кроме меня докладывали З.М. Волчинский и М.М. Попов с Верой Григорьевной. Мы показывали фильм «Кардиолилизис». День был большой.

Явно болен. Чувствую себя плохо.

19.X. Среда. Мне все еще нездоровится, сижу дома. В 16 часов у меня состоялось заседание редакционной комиссии. Присутствовали И.П. Виноградов, А.М. Заблудовский, Н.Н. Самарин, Г.Я. Эпштейн и Н.И. Блинов.

20.X. Четверг. Я оперировал в Академии 39 л. М.И. Сухаренко, у которого имелась врожденная правосторонняя диафрагмальная грыжа. Я резецировал куски 6 и 7 ребер и хрящи 7 и 8 ребер, чтобы иметь возможность сделать тораколапоротомию. Операция прошла хорошо, но была технически трудна. Вторая болящая — пупочная грыжа.

21.X. Пятница. Сижу дома, чувствую себя плохо. Явления сердечной слабости. Никак не могу оправиться от последствий гриппа. Надоедает к тому же экзема, которая резко обострилась после применения мази с пенициллином. Оперированный мной больной Сухаренко идет плохо. Картина тяжелой пневмонии.

В 11 часов вечера он умер. Он так бедный, не хотел оперироваться.

23.X. Воскресенье. Чувствую себя хорошо. Явная недостаточность сердца. В области сердца нет ни болей, ни ощу-

щения биений. Я бы назвал это состояние ощущением беспокойства. Отеков нет. Мочи достаточно. Лежу с удовольствием. Пульс около 120. Такое же состояние наблюдалось в феврале 1942 г. после отравления рыбой.

В пахах с обеих сторон вспыхнула экзема. Было решено положить пенициллиновую мазь. Резкое ухудшение, краснота, вся поверхность мокнет. После, лучше бы это сделать раньше, у С.Т. Павлова, в «Опыте Отечественной войны» прочитал дословно следующее: при экземе «при применении пенициллиновой мази на вазелине было отмечено значительное количество эритемато-везикулезных дерматитов, отличавшихся длительным течением». Я оказался лишним доказательством!!

24.X. Понедельник. Состояние такое же. Решил сидеть дома, чтобы сидение не оказалось продолжительным!

Сегодня придет проф. М.С. Вовси, он, конечно, меня посмотрит, не жду ничего утешительного! По всей вероятности, уложит вмертвую, не знаю только на сколько времени. Скажет, пока пульс не придет к норме.

Было вскрытие Сухаренко — двухсторонняя сливная пневмония.

Возможно, что Вовси пропишет дигиталис.

Был очаровательный М.С. Вовси. Предложил лечь на 5 дней, прописал *chinini bromati* 0,05, *Camphorae monobromati* 0,15x2 в день. Кроме того, прописал Строфант с *Conval. mayalis*.

25.X. Вторник. Лежу, чувствую себя нехорошо, пульс все время 120, без перебоев. Ощущаю биения сердца, и это мне

мешает спать. Погода скверная, ветер, дождь. Боли в левой плевре. По временам беспокойство возрастает, и тогда с трудом нахожу себе место.

26.X. Среда. Заснул в 3 ч. ночи, проснулся в 6.30, ощущаю беспокойство. Разбудил Веру и Жоржика. Попросил, чтобы позвали мне А.А. Нечаева. Вера осталась дома.

Пришел А.А. Нечаев. Долго слушал, говорит, что, по-видимому, я перенес пневмонию слева, он там слышит хрипы. Прописал банки на левую половину. Прописал дигиталис в порошках, оставил хину. Кроме того, прописал 4 г сульфатаиазола в сутки.

В 14 ч. И.И. Исаков с помощницей сняли электрокардиографию. Измерили кровяное давление 147/98 мм.

Днем не мог заснуть из-за беспокойства. Вечером спал час с четвертью, в 22 часа стало лучше.

27.X. Четверг. Приходил Александр Александрович.

Он сказал, что электрокардиограмма показала, что у меня «синусовая тахикардия», что это лучше, чем пароксизмальная. В книгах по поводу этой «хорошей» нозологической прелести ничего путного вычитать не мог. По-видимому, ничего путного неизвестно. Уговорил А.А. отменить сульфатаиазол, он согласился. Он сказал, что не слышит в легких то, что он слышал вчера.

Мне лучше. Сплю не только ночью, но и днем. Частота пульса — 110, но почти не ощущаю сердечных ударов. Остается очень большая слабость.

28.X. Пятница. Тахикардия в прежних пределах. Сердцебиения почти не ощущаю. Мне явно лучше. Слабость остается.

Спал хорошо ночью и несколько раз днем.

Приехал Пунин.

29.X. Суббота. Ночью было очень плохо. Было ощущение, что сердце переполнилось кровью и с силой колотится о грудную клетку. Это мне не давало возможности спать. Я к утру весь измотался. Полагаю, что в этом состоянии повинен дигиталис.

Утром приходил Александр Александрович. Он нашел, что в легких совершенно чисто. Он согласился уменьшить дозу дигиталиса наполовину до 0,05х3.

Целый день чувствовал себя как избитый, слаб. Предложили целый день лежать. Сняли снова электрокардиограмму, говорят, что данные лучше. Пульс около 100.

30.X. Воскресенье. В общем, целый день чувствовал себя хорошо. Много спал. Часа четыре с Бочаровым и Струковым исправлял программу. Вечером мылся.

31.X. Понедельник. Ночь спал хорошо. Приходил Нечаев. Пульс — 108. Днем спал. В общем, чувствую себя сносно, но хуже, чем вчера. Вечером колотится сердце. Сегодня три раза опять брал дигиталис, не он ли вызывает эти ощущения переполненного бьющегося сердца?

1.XI. Вторник. Заснул поздно, засыпал с трудом, спал хорошо до 12 часов дня. Сегодня не буду принимать дигиталис, ограничусь бромистым хинином. Самочувствие сносное. У нас обедал Н.Н. Приоров.

2.XI. Среда. Вчера вечером спал с 9 до 11 часов. После не мог заснуть до 4 часов ночи. Между 5 и 6 часами стало очень плохо, сильно колотится сердце, не могу заснуть, не нахожу себе места, весь покрыт холодным потом. Позвал Веру. Только по-

сле того как положил мешок с холодной водой на область сердца, стало легче. В 6.20 заснул, спал до часу дня. Во рту горело. Не исключаю, что это действие дигиталиса. Пульс — 104–108, напряженный, совершенно правильный.

В 17 часов пришел А.А. Нечаев. Он согласился отменить дигиталис, по совету Веры назначил бромистый натр. Пульс — 114. Почти целый день на предсердечной области держу мешок с холодной водой. Приятно. Вечером не сплю. Может, удастся заснуть ночью.

3.XI. Четверг. Вечером не засыпал довольно долго, но затем проспал хорошо всю ночь. Проснулся в час дня. Днем еще засыпал два раза. Чувствую себя явно лучше. Приходил Нечаев. Ив. Ив. мерил давление 138/70. Пью адонилен, бром, бромистый хинин. Пульс — 114. Аппетит хороший. Сняли электрокардиограмму, которую они же сами испортили.

4.XI. Пятница. Ночь спал очень хорошо, хорошо спал и днем. Чувствую себя хорошо. Пульс 116.

5.XI. Суббота. Чувствую себя хорошо. Пульс такой же частоты. Приходил Мессель.

6.XI. Воскресенье. Самочувствие чуть хуже, без какой-либо определенной причины. Приходил Нечаев. — Пульс — 108–110. Скучно.

7.XI. Понедельник. Заснул быстро, спал хорошо. От многочисленных лекарств, которые ежедневно беру, — во рту пакость.

Вечером пульс дошел до 100 ударов в 1 мин.

8.XI. Вторник. Чувствую себя прекрасно. Сил значительно больше. Обедал за столом. Пульс 100–104. У нас обедал Г.П. Назариш-

вили, он счастлив, закончил докторскую диссертацию. Звонил М.С. Вовси из Москвы. Он уверяет, что у меня токсический миокардит. Не сомневаюсь, что это так. Обычно при этом должны помочь пилюли, которые он обещал прислать, но вот уже две недели как не шлет. Начинаю верить, что избавлюсь и от этой пакости.

9.XI. Среда. Самочувствие хорошее. Пульс — 104. Сняли электрокардиограмму.

10.XI. Четверг. Вчера отослал работу «Перикардиты» И.П. Виноградову. Приходил Нечаев. Долго слушал и еще, лежа на груди, прокряхтел: «Теперь хорошо». На мой вопрос «Что хорошо?» — последовал ответ: «Раньше у вас был маятникообразный ритм, а теперь нормальный». На мой вопрос, как он трактует всю мою болезнь, он ответил, что это картина очагового поражения миокарда. Картины инфаркта не было, поэтому очаговые изменения следует рассматривать как токсические. Состояние явно улучшается. Иван Иванович сообщил Вере, что электрокардиограмма резко улучшилась. Пульс — 104–106.

Нечаев сообщил ряд новостей по Академии. Демобилизуют: Эмдина, Койранского и, по-видимому, Засосова, Лисицына, под вопросом Красногорский.

Сегодня Жоржику исполнилось 33 года. Гемограмма нормальная, за исключением РОЭ — 40 мм в час и 54 за 2 часа. Токсические зерна исчезли.

11.XI. Пятница. Спал хорошо. Ровно ничего не болит. Настроение хуже, чем вчера. Скучно лежать. Частота пульса остается такой же — 108.

12.XI. Суббота. Самочувствие хорошее. Брал душ. Пульс — 104–106.

13.XI. Воскресенье. Целый день масса народу. С.С. Гирголав, В.А. Шаак, З.В. Оглоблина, А.А. Бочаров, М.А. Сресели.

Самочувствие хорошее. Пульс — 104–106.

14.XI. Понедельник. Лежу ровно три недели. Вечером пришел М.С. Вовси. Долго расспрашивал. Наконец сделал следующее резюме. Дигиталис мне давать не следовало. Никаких застойных явлений ни в легких, ни в печени, ни на периферии, ни на ногах. Хорошо, что это свежие инфекционные очаги миокарда, но плохо то, что с ними придется дольше возиться. Усилил постельный режим. Прописал эуфиллин и валерьяновый корень в настое. Пульс — 100–104.

Вечером приходил К.Н. Рабинович.

15.XI. Вторник. Ночью спал с большими перерывами. Затем не спал до 4.30, проснулся в 9.30, заснул в 11 часов и спал до 13.30 часов. Приходили начальник Академии А.М. Зотов, Б.А. Долго-Сабуров, В.Д. Васильев. Долго ничего не говорили о демобилизации Эмдина и Койранского. Ничего не сказали, как это произошло, ничего не сказали относительно Лисицына и Засосова. Наивные люди!!!

Пульс подскочил до 112–120.

16.XI. Среда. Целый день чувствовал себя хорошо. Пульс 104. Приходила М.Г. Каменчик. Заседание клиник.

17.XI. Четверг. Заснул в час ночи. Проснулся в 4 утра. Не мог заснуть до 6 часов. Чуть болит левая рука — фурункул на предплечье. Кажется, чуть сильнее бьется сердце. С 6 до 10 спал, а затем с 11 до 12.30. Самочувствие хорошее. Пульс с утра — 112.

Пульс вечером 112. Причину учащения найти не могу. На левом предплечье болезненный фурункул. Атмосферное давление вчера и сегодня сходит с ума, 790–792 мм.

Возможно, повышенное РОЭ при последних исследованиях зависело от многочисленных моих гнойников, в которых у меня не было в это время недостатка. Может быть, оттого, что прекратил прием бромистой хины по указанию Вовси.

18.XI. Пятница. Если все это окончится, решил вчера демобилизоваться из Академии. Если Жорж защитит диссертацию и получит кафедру, то экономически это восстановит или почти восстановит бюджет. Необходимо форсировать диссертацию Веры.

Больше так, как работал до сих пор, работать нельзя.

Ночь спал сносно, хотя и сильно болит рука, на которой не то большой фурункул, не то даже карбункул. Пульс — 108–110.

Вечером чувствовал себя хорошо. Сильно беспокоит рука — это карбункул, расположенный на территории локтевого нерва, который от этого соседства не в восторге.

19.XI. Суббота. Ночь спал вполне сносно. Сильно болит рука. Пульс — 110.

20.XI. Воскресенье. Случайно приехавший М.С. Вовси посетил меня. Слушал, слушал, слушал. Нашел улучшение в тонах сердца, в проводимости. Пульс — 104–108. У меня получилось впечатление, что давление на край печени стало совершенно безболезненным. На три дня отменил все лекарства, за исключением валерианового корня.

Ко мне вернулся прекрасный аппетит. В час ночи очень сытно и со вкусом поужинал. Самочувствие намного улучшилось к лучшему. Все продолжает болеть карбункул.

21.XI. Понедельник. Ровно месяц, как лежу. Вовси обещал мне разрешить сидеть около 5.XII. Но ведь это зависит не от него, а от моего сердца. Между тем, последнее сегодня колотится больше, чем вчера. Пульс — 104–108–110. Кисну больше вчерашнего. К вечеру стало лучше.

22.XI. Вторник. Спал очень хорошо и долго. Сердцебиения не мешали заснуть. Утром отошла часть омертвевшей клетчатки. Самочувствие хорошее.

Купался. Пульс — после горячего душа 116. Вечером — 108. Вечером отошел омертвевший корень волосяного мешка. Это все же большой фурункул, а не карбункул. Руке стало легче.

23.XI. Среда. Вчера спал почти целый день, спал до душа и после душа. Проснулся в 23 ч. 30. Неудивительно, что не мог заснуть почти до шести часов утра. Затем спал с перерывами до 13.25 часа. Такая перевернутая жизнь никуда не годится.

На месте фурункула отошла почти вся мертвая ткань, значительно опал отек.

Сердце билось ночью сильнее, чем раньше.

Пульс — с утра 110. Сегодня нет ощущения того здоровья, которое я ощущал в предыдущие дни. Три дня без всякого лекарства. Вечером пульс — 100.

Прочитал и одобрил диссертацию Саркисова.

Удалось не поспать вечером.

Начали заниматься диссертацией Веры.

Весь день пульс устойчиво держался в пределах 100–102. Вечером чувствовал себя прекрасно.

24.XI. Четверг. Вечером заснул сразу и идеально проспал всю ночь. Рано утром пульс — 100. Весь день чувствовал себя вполне сносно. Пульс — 100–104.

25.XI. Пятница. Вчера вечером в 12 ч. поел основательно. Заснул в 3 ч. ночи. Засыпал с трудом. Утром в 7 часов беспокоит сердце, чувствую сердцебиение. Заснул в 9 и проснулся в 12.30. У меня впечатление, что у меня какое-то «помятое сердце». Чрезвычайно чувствительное, мало устойчивое. Пульс — 104–106.

Целый день себя чувствую плохо, под вечер стало как будто лучше, а затем снова колотится сердце, беспокоит.

Приходил А.А. Нечаев, приносили электрокардиограф, долго мудрили, снимали.

Нечаев как врач болван... другого термина для него придумать не могу.

Ввиду того что частота пульса выросла, он снова прописал бромистый хинин.

Наконец прибыл от Вовси долгожданный эуфиллин. Но Нечаев приказал от приема воздержаться!!

26.XI. Суббота. Вчера вечером стало совсем нехорошо. Часов до 12 со мной сидел Л.И. Щеголев. Пока отвлекался разговорами, все было ничего. Приблизительно с часу ночи сильнее стало колотиться сердце и появилось то своеобразное чувство беспокойства и недомогания, когда себе не находишь места. Часто весь покрывался холодным потом, немощно повторял, что мне нехорошо, но больше помочь себе ничем не мог. Попытка уснуть кончилась ничем. Пульс — 100.

Вчера мне начали читать, но и это не помогло. Вдруг около 3 часов ночи сердце как будто съехало с «патологических рельс», и я почувствовал себя хорошо. Затем я свободно улегся на бок и почти сразу заснул. Проснулся в 7 часов утра, снова заснул, проснулся в 11 часов утра, некоторое время не спал, затем снова заснул и проснулся в 13.30 ч. Самочувствие хорошее.

Не знаю, что день грядущий мне готовит.

Вернулся из Москвы С.С. Гирголав. Он уверяет, что я получаю Сталинскую премию. Поживем, увидим! Купался.

27.XI. Воскресенье. Целый день чувствую себя хорошо. Ночью, хотя и заснул поздно, но спал хорошо. Пульс с утра 104. Начал принимать эуфиллин и один раз в день принимаю бромистый хинин. Пульс — вечером — 112.

В общем, день провел более кисло, чем предыдущий день.

28.XI. Понедельник. Около двух часов ночи попытался заснуть. Но без какой бы то ни было причины началось сердцебиение, которое не давало мне спать. Пульс 102 — полный, правильный. Промучился почти до утра. Болей в сердце никаких, но ощущение беспокойства. Мочегонное действие эуфиллина проявилось в полной мере.

Проснулся в 8.30 утра. Пульс — 100. Сердце не беспокоит, но ощущение разбитости. В конце концов, встал в 15 часов.

Приходил Н.Н. Петров, вернул книгу. Говорил все время о своих делах, сидел около часу, но ни словом не спросил, что со мной, хотя я принимал его лежа в постели.

Ощущение невероятной слабости, впечатление отравления. Я с нетер-

пением ожидал присылку эуфиллина. По-видимому, переносу его плохо. После завтрака и сидения пульс подскочил до 120.

Лег спать и проспал несколько часов. Сил стало больше. Несколько раз начиналось сердцебиение, но оно прекращается после глубоких вздохов.

С утра я принял одну облатку эуфиллина и, по-видимому, на этом придется кончить. Тошнит, отсутствие аппетита так, как бывает после приема сульфаниламидных препаратов.

Решил некоторое время не брать никаких лекарств.

29.XI. Вторник. Заснул сравнительно быстро, ночь спал хорошо. Проснулся в 11.30 часов утра. Сидел в продолжение двух с половиной часов. Никаких явлений со стороны сердца почти не ощущаю. Ощущение слабости. Пульс — 108. Проспал еще 2 часа. Пульс — 102.

Вернулся Жорж, привез хороший отзыв от Власова. Пульс — 100.

Пообедал вполне сносно. Посидел еще один час.

30.XI. Среда. Заснул около 4 часов ночи, спал хорошо. Утром немного колотится сердце. Пульс — 104. Встал в 13 часов. Посидел 2 часа. Но сегодня я это делаю с меньшей охотой, чем вчера, сил меньше. По поводу инфильтрата, остававшегося после фурункула, еще приходится делать горячие ванны. Вчера настроение было мажорное, казалось по всему, что все идет к выздоровлению. Сегодня настроение мрачное, ничего не болит, но тяжело на сердце. Пульс — 102. Скучно и никакой энергии.

1.XII. Четверг. Право, не знаю, радоваться мне или печалиться? Столько раз мои надежды оказывались обманутыми. Вчера вечером как будто стало легче. Лег около 3 часов. Пульс — вечером колебался между 98 и 102. В первый раз за долгий период стоило мне только лечь, как сразу заснул мертвецким сном и проспал до 8 часов утра. Ничего с утра не беспокоит. Пульс — 90, после некоторого напряжения — 100.

Встал в 13 часов.

2.XII. Пятница. Заснул сравнительно быстро, но ввиду того что заснул поздно, проспал до 15 часов дня. Пульс колеблется от 98 до 110. Никаких неприятных ощущений в сердце. В сумме за день сидел не меньше пяти часов. Сидение переносил вполне удовлетворительно. Читал сидя.

Приходила С.Я. Хлопонина.

3.XII. Суббота. Спал хорошо. Сердце почти не беспокоит. Пульс — 90–100. Купался. После купания пульс — 114.

Получена телеграмма о смерти Исидора Джанелидзе.

Сидел около 4 часов, читал труд В.Н. Шамова. Чувствую себя вполне удовлетворительно.

4.XII. Воскресенье. Чувствую себя хорошо. Пульс — 104–110. Приходил А.В. Мельников, в своем репертуаре. Был А.А. Нечаев. Долго стучал и слушал. Нашел состояние моего сердца вполне удовлетворительным, хотя все еще остается тахикардия. Пульс — 110. Разрешили с совершенно горизонтального положения перейти в горизонтально-сидячее. В общем пролежал один месяц и десять дней.

Вечером до трех часов у нас были Д.Г. и Е.Н. Бадридзе.

5.XII. Понедельник. Заснул поздно, сразу. Спал хорошо. Встал в 13 часов. Пульс — 108–110–112. Нас посетили С.С. Гирголав с женой.

Кисну. Скучно.

6.XII. Вторник. Заснул довольно скоро и спал достаточно хорошо. С вечера беспокоили сердцебиения. Сегодня с утра еще в постели П.–108. Нет ощущения здоровья. Пишу тезисы для доклада, который предполагаю делать 26 декабря. Не знаю, как на это посмотрит мое сердце.

Вечером П.–106. Как будто стало немного лучше.

7.XII. Среда. Ночь проспал хорошо. Сердцебиения ощущал, но они мало меня беспокоили. Пульс в постели с утра 100. Чрезвычайная раздражительность со стороны желудка. Четвертого <декабря> ел утку, после чего стало плохо. Язык обложен, аппетит отсутствует, легко тошнит. Жорж лежит, дьявольски кашляет. М.М. Попов просвечивал, нашел бронхо-пневмонический фокус внизу слева.

8.XII. Четверг. Жоржику лучше, начинает спускать температуру, мало кашляет. Сам вчера сидел в сумме около восьми часов. Вечером пульс подскочил до 116, а затем, когда я лег, опять опустился до 108. Ночь спал хорошо. Утром пульс — 94. Ночью почти не беспокоили сердцебиения.

Со стороны желудка намечается улучшение, хотя язык все еще обложен. Придется отказываться от сациви и утки. Пульс — 94–104–94–106. Вечером ощущение резкого улучшения здоровья.

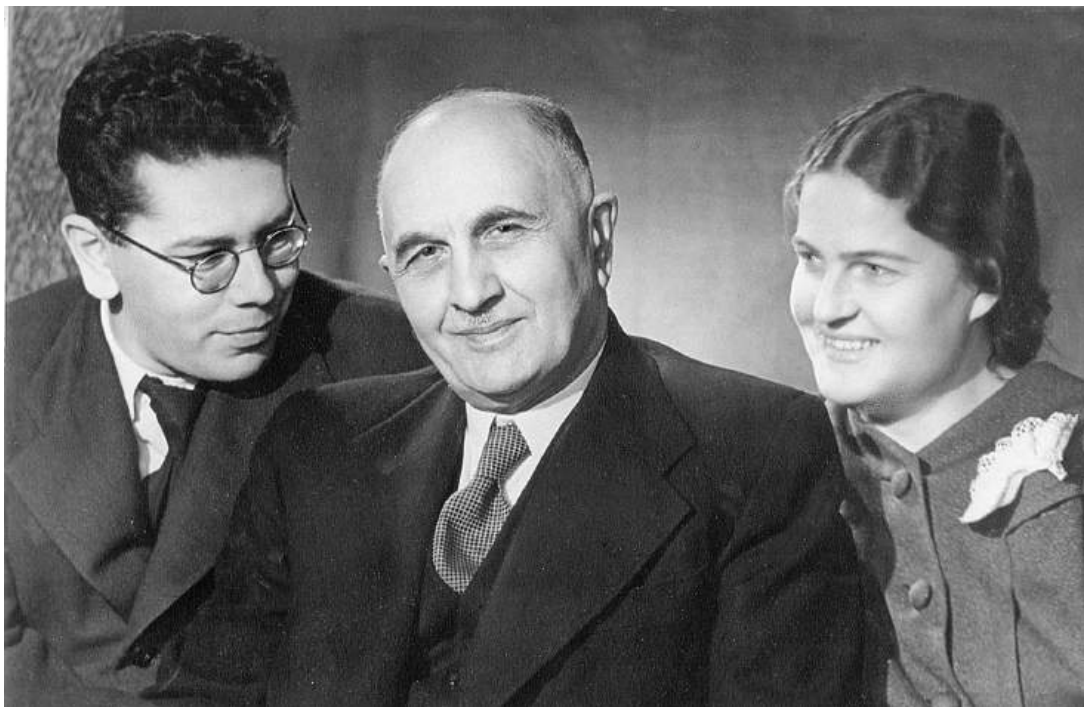
Слева направо: О.В. Гирголав, Г. Ю. Джанелидзе, С.Г. Семенова (сестра В.Г. Джанелидзе), С.С. Гирголав, Ю.Ю. Джанелидзе

8 февраля 1948 г. С сыном

В рабочем кабинете

С сыном и невесткой

Сын Ю.Ю. Джанелидзе Георгий Юстинович

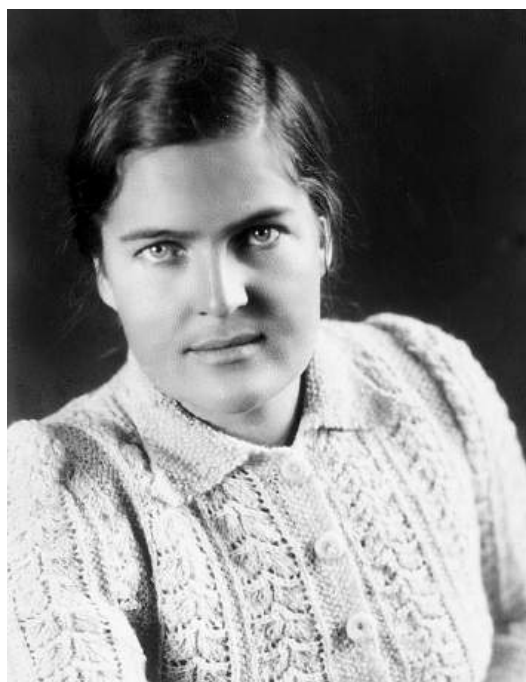

*Вера Григорьевна Джанелидзе,
жена Г.Ю. Джанелидзе*

Юстин Юлианович Джанелидзе с женой Ниной Юльевной

Вера Григорьевна Джанелидзе

С семьей

ДНЕВНИК

№ 12

**С 9.XII. 1949 г. по 5.I.1950 г.
дневник вел И.И. Джанелидзе
с 6.I. по 14.I. 1950 г. дневник вела
В.Г. Джанелидзе под его диктовку.**

**14 января 1950 г. в 22 ч. 55 м.
И.И. Джанелидзе скончался.**

**С 14.I. по 15.VII. 1950 г. дневник
вела В.Г. Джанелидзе.**

09.XII. Пятница. Заснул очень поздно. Спал хорошо. Явления со стороны желудка продолжают улучшаться. Пульс 92–108–114–116. Начал писать на пишущей машинке. Меня посетили Н.И. Озерецкий, А.И. Иванов и И.Е. Кашкаров.

Много интересного, что рассказал мне Н.И. Озерецкий относительно предполагаемого переизбрания всего президиума АМН, мне было и раньше известно. Но все же интересно 12-часовое выступление А.Д. Сперанского и его учеников в продолжение трех вечеров. Трудно, конечно, предсказать, во что выльется борьба, но любой исход не предвещает АМН ничего радостного.

У меня ничего не болит, но аппетита все еще нет. Ем насильно, язык продолжает оставаться обложенным. Все это резко отражается на моем настроении, в котором нет ничего радостного.

10.XII. Суббота. На дворе слякоть, еще не пахнет зимой, идет дождь. В городе эпидемия гриппа, больше 10 000 заболеваний в день. Лег в 2 часа ночи, заснул сразу. Спал беспокойно, с кошмарными снами. Гиперестезия правой половины лица, правой половины носа, Евстахиевой трубы. Так у меня начинается обыкновенно грипп, которого мне ужасно «не хватает». Немного болит голова. Начинается, кажется, по облегченному типу. Эта паршивая болезнь, может быть, дает какой-либо иммунитет?

В 8 час. утра Вера мне насчитала пульс 72–76 ударов. Это в первый раз за все время. Право не знаю — радоваться мне или печалиться. Чистая ли это случайность, или мое сердце начинает при-

ходить в разум? Язык продолжает быть обложенным, небольшая горечь во рту. Начал систематически пить Эссендуки № 17. Заметно исхудал, в этом нет ничего удивительного, ем очень мало. Никакого аппетита, общая слабость. В 15 час. пульс 104, затем 100 и 92.

Явления гиперестезии начинают стихать. Вот уже сутки, как не чувствую сердцебиения. Вечером намечилось улучшение настроения. Сердцебиений не чувствую.

У нас обедал и провел вечер В.С. Левит. Он рассказал, что первую Сталинскую премию дают Богоразу (вполне заслуженно!), вторую якобы мне и Стойко, третью — Казанскому. Но это пока не прошло все инстанции.

11.XII. Воскресенье. Спал вполне хорошо и долго. Звонил С.С. Вайль. Он меня поздравил и сказал следующее, что он жил дома у А.И. Абрикосова, и тот ему сказал, что позавчера окончательно подписан документ о присуждении мне премии. На мой вопрос, как с Богоразом, которому, по моим сведениям, присуждена первая премия, он мне сказал, что «сначала предполагался именно этот вариант, а там выше не согласились и присудили мне первую, а ему вторую». Подождем и этот вариант. Но, по-видимому, какую-то все же мне собираются дать.

Сегодня у нас обедал В.С. Левит. У меня создается впечатление, что он приехал специально, чтобы обсуждать со мной свои дела относительно АМН, остальные вопросы — это придирака.

Самочувствие у меня сносное, сердцебиений нет, пульс 84–92–104–110–92, он очень лабилен. Полное отсут-

ствие аппетита, язык менее обложен, сижу на кашках. Приходила З.В. Оглоблина. Немощная помощница!!

Вчера из Вашингтона О.М. Кочеткова, переводчица, которая нас сопровождала в США, прислала мне прекрасную ручку «Паркер» и карандаши. Трогает, что она вспомнила обо мне, постороннем для нее человеке, через три года!!

12.XII. Понедельник. Заснул очень поздно, спал до 12 час. дня. Язык продолжает оставаться обложенным. Слабость — в этом нет ничего удивительного, т. к. ем мало. Начал принимать сульфатазол. Пульс 102–92. Около пяти час. дня — невероятная слабость. Поспал 2 часа, после чего стало легче. Ел свежие щи, шпинат с яйцом. Стало легче.

13.XII. Вторник. Хорошо выспался. Пульс — 92–94. Вчера и сегодня взял по одной таблетке сульфатазола и аскорбиновую кислоту. С утра ел взбитую яичницу и маринованные зеленые томаты. Проснулся поздно, днем чувствовал себя сносно.

Вечером приходили Б.В. Петровский и И.Д. Житнюк. Петровский в Будапеште ведет на русском языке хирургическую клинику. Пришлось обедать около 1,5 час. ночи.

Заснул сразу в три часа ночи. Проснулся в 5 ч. 45 м. Ощущение переполнения в области сердца и сердцебиение. Своеобразное беспокойство, для которого и не подыщешь термина. Разбудил Веру, положил холодный мешок на область сердца. Явления мало-помалу стихли, но утром еще оставалось ощущение сердцебиений. Пульс ночью — 92. По-видимому, я так реагировал на поздний обед.

14.XII. Среда. Со стороны желудка с каждым днем лучше, все меньше и меньше обложен язык, но аппетит еще не вернулся. Ел чихиртму и кусок кури, кажется, сходит благополучно. После душа пульс — 104. Все явления экземы в пахах исчезли. После обеда чувствую себя лучше.

Звонили из хроники ТАСС, просят карточку. Это, по-видимому, в связи с премией. Завтра придут снимать дома.

Сегодня вечером впервые появилось желание поесть: съел два куска белого хлеба с медом.

15.XII. Четверг. Заснул поздно, проснулся в час. Самочувствие удовлетворительное, пульс — 104. Обедал хорошо: зернистая икра, суп рисовый с томатом, кура с бобами и зеленые маринованные томаты. Еду перенес хорошо. Я настолько исхудал, что питание необходимо уделить особенное внимание.

16.XII. Пятница. Лег около 2 час. ночи. Взял отвар из корня валерианы, заснул почти сразу и спал очень хорошо всю ночь, встал около 12 час. дня. Небольшая болезненность в области желудка после гречневой каши.

Спал с 13 до 14.30. Ощущение слабости, по-видимому, не столько из-за сердца, сколько из-за питания. Пульс — 100. Обед — борщ, зернистая икра, съел лишь маленький кусок бифштекса. В области желудка никаких болей. После обеда проспал еще 2 ч. 20 мин. Лишь после этого самочувствие улучшилось. Совсем очистился язык, очень редко появляется отрыжка, сердцебиения не беспокоят.

17.XII. Суббота. Заснул сразу, спал до 12 ч. 30 м. дня. Самочувствие лучше. В постели с утра пульс — 94, вечером — 96.

Язык совершенно очистился. Ем чуть лучше, но аппетита нет.

18.XII. Воскресенье. Лег около 3 ч. ночи, беспокоит сердце, все время сердцебиения. Около 6 ч. утра разбудил Веру, никак не мог заснуть, с трудом уснул в 6 ч. 30 м. утра, спал до 11 ч. 30 м. Утром все еще продолжались сердцебиения, ночью пульс колебался между 84 и 86, утром в постели дошел до 80. Язык чистый.

Погода отвратительная — дождь, снег, слякоть — это помешало моей первой попытке выйти на воздух. Под вечер подморозило, и мы поехали в сторону Сестрорецка, проехали до 19-го километра, немного постоял на воздухе, поездку перенес хорошо. Пульс вместо 80 дошел до 108. Проспал 2 ч. 30 м., чувствую себя вполне сносно, пульс — 92.

19.XII. Понедельник. Заснул относительно скоро, спал до 13 час. хорошо, пульс в постели 80, утром почти не чувствую сердцебиений, даже при лежании на боку. Болят икроножные мышцы от вчерашних «больших прогулок». Целый день кисну, ничего не болит, но беспокойно в области сердца.

Пришел неожиданно М.С. Вовси, которому я очень обрадовался. Из разговоров с ним стало ясно, что пока выходить мне не стоит, но больше следует лежать с открытой форточкой. Я решил не делать доклада в Академии и не ездить в Москву в начале января.

Остается почти полное отсутствие аппетита, что меня очень тяготит. Очень сильно болят икроножные мышцы.

20.XII. Вторник. Вчера целый день было не по себе: никаких болей, даже сердцебиения не много беспокоили, но никак-

го ощущения здоровья. Заснул около 2 ч. 30 м. ночи и спал достаточно хорошо до 12 ч. дня. Пульс в 7 ч. утра 80, затем 86 и вечером — 88 (первый день, когда пульс не вылезал за 90). Сегодня чувствую себя лучше, но до ощущения здоровья еще далеко. Все еще отсутствует аппетит. После обеда приходится лежать. Ел кислую капусту. Сегодня впервые вечером появилось желание поесть.

21.XII. Среда. Вчера заснул сравнительно скоро, около 2 ч. 30 м. ночи, проспал до 13 час. Позавтракал хорошо — съел 2 сосиски, кислую капусту, две картошки. Все реже и реже появляется отрыжка. Язык немного обложен. После завтрака спал 1,5 часа. Самочувствие нехорошее, нет ощущения здоровья, ничего не хочется делать. Сердцебиения не беспокоят. Одним словом — не по себе.

Пульс — 80–84, после душа 88. Опять целый день не вылезает за 90. Получается впечатление, что сердце должно привыкнуть к новому ритму и новому кровообращению. Только поздно вечером, около 12 ч. ночи «отпустило», иначе мне трудно назвать состояние, и я получил возможность и желание писать.

22.XII. Четверг. На дворе слякоть, идет мокрый снег, ночью заснул с трудом, поздно. Около 5 час. проснулся, слегка покрылся холодным потом, опять заснул с трудом, спал до 12 ч. 30 м. дня.

Пришел терапевтический генерал — А.А. Нечаев. Сказал, что тоны сердца звучнее. То, что я наблюдаю — это недостаточность сердечного кровообращения. Это я и без него ощущаю. Еще около месяца придется сидеть дома. Никаких лекарств.

После завтрака я не лежал. У меня ощущение, что сегодня мне все же лучше, не знаю, как долго это продержится. Пульс — 88–80–84. Обедал относительно сносно, но аппетита все нет. Вечером съел гоголь-моголь из одного яйца. Около 2 час. ночи хочется есть. После обеда не было необходимости лечь. Вечером стало совсем хорошо, ощущение, что сердце никогда не болело.

23.XII. Пятница. Спал удовлетворительно, чувствую себя вполне сносно, но, пожалуй, чуть хуже, чем вчера после обеда. Пульс — 86–84. Первые сутки, как я не пользовался грелкой с холодной водой, не лежал ни после завтрака, ни после обеда.

24.XII. Суббота. Спал вполне удовлетворительно. С утра пульс — 86, затем 88. Чувствую себя с утра плохо. В полном смысле слова не нахожу себе места, тяжесть в области сердца, из-за этого не мог уснуть до обеда. Вечером как будто стало легче, но все время чувствую сердце. Ем лучше, но все еще остается раздражимость желудка.

Приходил А.А. Бочаров, который знакомился с моим докладом, который он вместо меня должен завтра прочитать на торжественном заседании в ВММА. Приходил С.С. Гирголав. Говорят, что сняли первого заместителя министра здравоохранения Ананьева.

Пульс — 88. Лениво падают пушинки снега, которые как будто имеют тенденцию покрыть землю. Через час от них ничего не осталось.

25.XII. Воскресенье. Утром на торжественном заседании мой доклад, по отзыву всех, очень хорошо прочитал А.А. Бочаров. Доклад был принят хорошо, были прения.

Заснул скоро и спал хорошо, сердце не беспокоило. Чувствую себя весь день лучше, чем вчера, особенно вечером. Пульс — 84–86. Сердце целый день не беспокоит, хотя лежал много.

И.П. Очкур окончил и прислал диссертацию, которая очень хорошо оформлена. Пульс — 82.

26.XII. Понедельник. Пульс — 82. Целый день чувствую себя плохо. Позавтракал хорошо, но затем наступило полное отвращение к пище. Вечером съел только гоголь-моголь из одного яйца. Атмосферное давление падает, метет снег. За все это, по-видимому, расплачивается мое сердце.

Георгий Петрович Наваришвили в 1 ЛМИ защищал докторскую диссертацию, защищал плохо, но из 30 голосов он получил «за» все 30. Большого ему и не нужно.

Вечером приходил В.С. Галкин с женой и внучкой.

27.XII. Вторник. Прожил два очень тяжелых дня. Началось это вчера, без какой бы то ни было видимой причины. «Скованность» в области сердца, от которой я не мог избавиться весь день. К этому присоединилась некоторая нехватка воздуха. Ночь проспал, в общем, сносно, но около 11 час. утра эта «скованность» настолько надоела, что я решил предпринять какие-либо чрезвычайные меры: взял одну таблетку нитроглицерина 0,005. Но это не изменило моего состояния. Через Веру я вызвал А.А. Нечаева. Он нашел, что тоны сердца у меня звучнее, чем было раньше, ритм правильный, но частый. В левом легком сзади он выслушал влажные хрипы и решил, что это пневмонический фокус. Т оказалась 35,8°. Он потребовал, чтобы

мне провели рентгенологическое исследование. Приехал Георгий Аркадьевич и после тщательной рентгеноскопии заявил, что, кроме застойных явлений в нижних долях легкого, ничего патологического он не обнаружил. То же подтвердила и рентгенография. Исследование крови: Эр. 4 215 000, Нв 80%, ув. показатель 0,9, лейкоцитов 8 300, Э. 0,5, нейтр. 68%, РОЭ — 1 ч. 43. Вечером t 37°.

Около 2–3 часов явления «скованности» со стороны сердца так же беспричинно исчезли, как и появились. Между 17 и 19 час. крепко спал. После сна состояние остается таковым же. Вечером пульс — 88. Нечаев предложил возобновить прием бромистого хинина. Плохо и со стороны аппетита. Ровно ничего не хочется есть.

28.XII. Среда. День прошел совершенно спокойно. Никаких явлений со стороны сердца. Ел лучше и больше.

Приходили Д.Г. и Е.Н. Бадридзе, был Струков. Тема для докторской диссертации «Температурный режим конечностей после перевязки или закупорки магистральных артерий».

29.XII. Четверг. Никак не смог с вечера заснуть, все время колотило сердце. Не знаю, спал ли я вообще за ночь часа 2 или нет. Проснулся в 6 ч. 30 м. В 7 ч. 20 м. разбудил Веру и Жоржика, которые в 8 ч. утра должны смотреть гараж. Я заснул в 8 ч. и спал до 11 ч. 30 м. Чувствую себя с утра очень плохо, измотался, сердце колотится.

В 15 ч. прибыли гениальный Александр Александрович Нечаев и Иван Иванович Исаков с помощницей. Я сказал А.А., что чувствую себя плохо и пора ли отойти от бромистого хинина и начать брать папаверин. Сначала последовал

ответ, что он не возражает, а затем заявил, что будет хорошо. Иван Иванович впоследствии добавил, «что это прямо в цель»!!! Ну и доктора.

Послушав сзади, сказал, что чисто, а послушав спереди — ничего не сказал. Затем началось священнодействие — начали снимать электрокардиографию. Захотели измерить кровяное давление, но ввиду того, что забыли аппарат, пришлось экстренно доставить из «Скорой». Намерили 120/64. Иван Иванович говорит, что это хорошо. В конце концов, А.А. отменил хинин с камфорой и предложил два раза в день подкожно вводить по 3 мл 20% камфоры. На этом его роль закончилась на сегодняшний день. Пульс за день 108–116–134–100–104–94–92 уд. в 1 мин.

Исповедь Ивана Ивановича. На мой вопрос, как он объясняет, что же у меня, И.И. начал повествование издалека. На основании первой ЭКГ они пришли к заключению, что у меня очень небольшой инфаркт передней стенки левого желудочка. Как мне впоследствии создалась Вера, Вовси согласился, что «это микроинфаркт, но мне решили не говорить». Динамика шла хорошо, прибавил он, и мы на этом диагнозе остановились. «При полном отсутствии болей, при отсутствии температуры, лейкоцитоза, шума трения перикарда, при отсутствии падения кровяного давления»... Если мне суждено встать, буду поучать... Правда, имеются бессимптомные инфаркты! Доктора ушли, а я остался со своим больным сердцем. Я себя чувствовал плохо до 19 час. Затем опять что-то случилось: сердце перестало колотиться. Вдруг опять сегодняшняя ЭКГ покажет новый микроинфаркт? Тахикар-

дию Ив. Ив. считает компенсаторной при слабости сердечной мышцы.

Мария Александровна Миртова за два раза ввела мне 6 куб. см 20% камфоры. Я взял две облатки папаверина. Обедал — ел немного, но лучше, чем ожидал.

30.XII. Пятница. Вчера вечером сердце не беспокоило. Около 10–12 ч. вечера очень хотелось спать, но были приняты героические меры, чтобы я не спал. Вздумал уснуть в 2 ч. ночи, но это оказалось невозможным, не спится, хотя сердце и не беспокоит. Впервые взял люминал, но и после этого не спал до 3 ч. 30 м. ночи. Замучил Веру, которая сидела у меня. Спал до 9 час. утра, затем снова уснул до 12 ч. дня.

Если не считать общей слабости, то никаких явлений со стороны сердца. Авгуры, которые сделали вчера ЭКГ, уверяют, что никаких новых явлений, если не считать низкого Т, что, по их мнению, указывает на слабость сердечной мышцы.

Мне ввели сегодня 6 мл камфоры, 2 таблетки папаверина. Купался. После горячего душа пульс — 128, позже — 104. Слабость большая: во время обеда между первым и вторым пришлось сделать паузу, я весь покрывался холодным потом. Ем лучше, но далеко от идеала. Около 9 ч. вечера стал ощущать сердцебиение, которое приблизительно час спустя прошло. Вечером пульс — 90. Состояние сносное.

31.XII. Суббота. Печально заканчивается тяжелый для меня 1949 год. В апреле и в мае тяжело прихворал токсико-инфекционным гастритом, который прошел, как будто не оставил следа. Лето провел хорошо. Усиленно работал весь сентябрь и половину октября. Заболел тяжелым грип-

пом, который переносил на ногах, читал лекции, оперировал и даже 18.X. делал доклад в Терапевтическом обществе по поводу «хронического сдавливающего перикардита», хотя во время доклада стоял у кафедры весь мокрый, чувствовал себя плохо. Около этого же времени появились явления острой сердечной недостаточности. 25.X. меня уложил Вовси, который отнес эти явления к постгриппозному инфекционному миокардиту.

Затем пришел А.А. Нечаев. Как мне впоследствии сказали, на ЭКГ нашли микроинфаркт. Пролежал я весь ноябрь и декабрь. Становилось то лучше, то хуже. Начиная с 25.XII состояние заметно ухудшилось, появились сердцебиения и тяжесть в области сердца.

30.XII. Выкупался. В 2 ч. ночи только что отмеченные явления со стороны сердца narосли в максимальной степени, не мог заснуть почти до 5 ч. утра. Замучил Веру, которая сидит около меня. С утра тяжесть в области сердца остается. Тогда я решил, что с одним Нечаевым я сойду в могилу, и решил вместе с ним позвать Н.И. Лепорского, старика желчного, жесткого, но в противоположность Нечаеву — умного. Лепорский не согласился с диагнозом инфаркта и сказал, что не видит сосудистых поражений, что налицо явления постгриппозного миокардита, в настоящее время — явления сердечной недостаточности.

В результате меня уложили вмертвую, в полном смысле слова. Никаких лекарственных веществ, воздействующих на коронарные сосуды. Абсолютный покой, сон, люминал, бром, значительные дозы аскорбиновой кислоты и витамина В₁.

Для ликвидации застойных явлений в легких — банки. В противоположность «дураку» Нечаеву умный Лепорский оставляет исключительно благоприятное впечатление. По его мнению, если я буду лежать, то острые явления со стороны сердца в ближайшие дни ликвидируются.

После них меня навел доктор Ухов, гомеопат, которого привел М.Г. Зайцев. Это мужчина лет 65, с отечным лицом, болезненный. Долго и внимательно брал анамнез, а затем так же долго выслушивал. Наконец изрек, что причина для него не ясна. Прописал мне какие-то

капли, но предупредил, чтобы я не ожидал эффекта раньше двух недель. С необходимостью лежания и он согласился.

Под вечер меня навестили А.М. Зотов, В.Д. Васильев, И.Д. Житнюк и А.А. Бочаров. Выспался очень хорошо. Был С.С. Гирголав. Новый год встречали: я — лежа, Вера, Жорж и Ира. Встреча была невеселой. Одно было хорошо и радостно. С уходом врачей как будто ушли и все неприятные явления со стороны сердца. Вечером взял люминал и проспал всю ночь прекрасно. Проводил 1949 с пульсом 100–120.

1950 год

01.I. Воскресенье. Ночь спал хорошо, целый день чувствовал себя вполне удовлетворительно, ни разу не появилось ощущение стеснения в области сердца, если только иногда, и то редко, появлялось ощущение сердцебиения, но оно было кратковременным и не сильным. Ни разу не покрывался холодным потом. Фактически первый день ел с аппетитом и, пожалуй, вполне достаточно. Пульс — 100–90. Целый день лежу пластом. Вечером слушал, ровно ничего не понимая, речь Жоржа, которую он намеревается завтра произнести на защите своей докторской диссертации.

02.I. Понедельник. Похолодало, идет снег. Сегодня в Политехническом институте Жорж блестяще защитил доктор-

скую диссертацию: из 14 голосов он получил 14 «за».

Ночь проспал тяжелым сном, по-моему, нужно уменьшить дозу люминала. День прошел хорошо, никаких явлений со стороны сердца. Пульс — 76–76–100. Суточное количество мочи 750 к. см.

Приходили С.П. Будзинская, М.Г. Каменчик, Мессель. У нас ужинали Горовые, Щеголевы и Мессель.

03.I. Вторник. Вчера уснул без люминала, проснулся в 4 час. ночи, не мог заснуть. Взял половинную дозу люминала, заснул, проспал до 9 ч. утра. Пульс — 68–78–80. Целый день чувствую себя хорошо, никаких явлений со стороны сердца. Продолжают ежедневно вводить 6 куб. см камфоры и 2 куб. см кофеина.

Ощущаю, что сил стало больше. Около 11 час. вечера появилось некоторое затруднение дыхания, и я начал покрываться холодным потом. Поставили банки, и опять явления сердечной слабости, по-видимому, реакция на банки. Мое равновесие кровообращения держится на честном слове, малейшее усилие выводит меня из строя. Мочи 750 куб. см, вечером 800 куб. см. Умер проф. Николин.

04.I. Среда. Около двух часов ночи вчера все явления слабости сердца прошли. Взял минимальную дозу люминала, заснул сразу и спал «отравленным сном» до 9 утра. Выпил лекарства и 2 чашки чаю. Установился своеобразный режим: ночью сплю «отравленным сном», а с 10 до 12 и с 5 до 7 — сладким собственным сном. Пульс — 88–90–94–74.

Около 18 час. опять явления сердечной слабости, я снова покрыт холодным потом. Вера сообщила об этом Лепорскому, который предложил перестать принимать люминал. Ел лучше: утром гречневая каша, затем белые грибы с луком, уха. Вечером самочувствие сносное, проспал блаженным сном с 21 до 23 часов.

05.I. Четверг. Спал удовлетворительно, хотя и заснул поздно. Общее состояние целый день оставалось удовлетворительным. Пульс — 72–78–88. Около 7 час. стало трудно дышать, опять покрыт холодным потом. Все эти явления мы свалили на слишком тепло натопленную комнату, по-видимому, это простая придирка, хотя, когда в комнате стало прохладнее, мне стало легче.

Я решил просить моих эскулапов посещать меня систематически, а не партизански.

**Дневник
начала вести В.Г. Джанелидзе
под диктовку И.И. Джанелидзе.**

06.I. Пятница. Ночью заснул сравнительно легко, без четверти восемь. Выпил две чашки чая и снова спал до 11.30. Проснувшись, обнаружил исключительную слабость, с трудом могу шевельнуть рукой или ногой. Веры и Иры нет дома. Предполагая припадок гипогликемии, попросил Жоржа дать кусок сахара. Пришла Мария Александровна, вскипятила чашку молока, которую выпил с медом. Это состояние продолжалось почти до двух часов. Приехал Николай Иванович Лепорский, долго слушал, стучал и сделал следующее заключение: со стороны сердца и пульса, безусловно, отмечается улучшение, размеры сердца уменьшились, уменьшилось увеличение печени. Но это улучшение меньше, чем он того хотел бы. Ничего не изменил в медикаментозном лечении, за исключением отказа от люминала. Остается строгий прежний постельный режим. Спал от 4 до 5.30 хорошо. Явления сердечной слабости около 8 ч. кратковременные, нетяжелые. Ел лучше, чем вчера.

07.I. Суббота. Не мог заснуть до 3 ч. ночи. Взял 0,05 люминала. Заснул. Утром голова в тумане. Решил, что вот прошла неделя с определенной терапией, назначенной Лепорским и Нечаевым, но я мало сдвинулся с места. Больше всего беспокоят приступы слабости, сопровождающиеся холодным потом, и затруднения дыхания. Лепорский как-то упомянул вскользь о возможности у меня пневмонии и о применении пенициллина. Вот уже 2,5 месяца терапевты меня кормят идеей, что

в миокарде имеется токсин-инфекционный процесс. Но фактически ничего против того процесса не делается, ибо введение под кожу 6,0 камфоры едва ли какую-либо инфекцию пугает. Поэтому я ухватился за идею применения пенициллина и попросил Веру поставить этот вопрос остро перед Лепорским. В 14.30. приехали Лепорский и Нечаев. Долго они меня выстукивали и еще дольше выслушивали. После чего почти час совещались в кабинете и преподнесли следующее решение: имеются явления остаточной гриппозной пневмонии не то в обоих легких, не то преимущественно в левом, и решили ввести мне 5 млн ед. пенициллина.

Начался новый период в моей жизни — в полном смысле «уколочный». Кофеин отменили, но увеличили дозу камфоры: 5,0 на каждую инъекцию (2 раза в день). Ежедневно банки вдоль позвоночника с двух сторон. Ежедневно нужно вводить 1 млн ед. пенициллина, что прекрасно делает Б.К. Рабинович. Эти уколы причиняют кратковременную, но довольно чувствительную боль. От внутривенного введения глюкозы, на чем настаивает Нечаев, пока воздерживаюсь. Сравнительное изучение гемограмм больше убеждает Лепорского, что с самого начала была гриппозная пневмония. Не могу не подчеркнуть, что еще до введения пенициллина сегодня я чувствую себя лучше, чем в предыдущий день: ни разу не было недостаточности сердца, ни разу не покрывался холодным потом. Лишь около 11 час. вечера появилось затруднение дыхания, которое продолжалось около часа и прошло самостоятельно. Пульс 80–100–104.

Приходил Гирголав, рассказал много московских новостей. Жоржик и Вера дают ужин для профессоров Политехнического института. У моей кровати побывали: М.А. Шателен, Н.Н. Давиденков, Д.Н. Насмедов, А.И. Лурье, Л.Г. Лойцянский и Я.Г. Пановко. Гости весело провели время, а юбилейный поросенок даже напился. Еще за вечер Боба мне ввел 400 000 ед. отечественного пенициллина. В час ночи принял 0,1 люминала. Заснул сравнительно быстро, но спал тяжелым кошмарным сном, многократно просыпался.

08.I. Воскресенье. Начался веселый день моего «уколочного» состояния. Пульс — 98, кашляю, пожалуй, чуть больше, чем предыдущие дни, отходит густая клейкая мокрота в небольшом количестве. Вчера питался очень плохо. Следует подчеркнуть, что еще до введения пенициллина РОЭ с 43 опустилось до 36 в час. Ночью взял 0,1 люминала и приблизительно до 16 час. находился как в дурмане. Да и сон, полученный от люминала, нельзя назвать блестящим — я просыпался через каждые 1,5–2 часа. В организме, по-видимому, под влиянием вводимых огромных доз пенициллина происходит какая-то реакция, и это убийственным образом отражается на моем самочувствии. Полная адинамия, с трудом двигаю рукой или ногой, отсутствие аппетита.

Одно время мне даже казалось, что должен наступить кризис, и я отдал распоряжение, чтобы дома все было приготовлено (камфора, кофеин, подушки с кислородом). Два раза за день я отхаркнул мокроту с примесью крови ржавого цвета, что не оставляет никакого сомнения, что мы имеем дело с пневмонией.

Начались переговоры с лейб-медиками относительно тяжелого состояния, и наконец в 8.30 А.А. Нечаев соизволил приехать. Единственная польза, которую я извлек из его визита, заключалась в новой физической нагрузке для меня — он потребовал, чтобы на следующий день было произведено просвечивание и рентгенография грудной клетки. Он не нашел ничего угрожающего в моем состоянии. Если его приход не принес мне ничего хорошего, то с его уходом от неизвестной причины наступило резкое улучшение. Я себя чувствую прекрасно. И самое интересное заключается в том, что если за последние три недели у меня не было никакого аппетита, то вдруг захотелось есть. И во втором часу ночи ужинали: ел хлеб, куру с горошком, молочный кисель. Заснул сравнительно быстро, без всяких снотворных. Хотя ночью я несколько раз и просыпался, выспался достаточно.

09.I. Понедельник. С утра чувствую себя неважно, но, во всяком случае, лучше, чем вчера утром. Начались очередные «удовольствия»: в 8 утра первый пенициллин, затем следовали последующие, в час — камфара. Между этими удовольствиями вклинилось рентгенологическое исследование, которое проводил Г.А. Зедгенидзе. Насколько я мог понять рентгеновское исследование — оно ничего нового не показало: застойные явления в нижних отделах обоих легких, усиление тени корней, подвижность куполов хорошая. После полудня состояние чуть-чуть улучшилось.

В 3 ч. дня приехали мои лейб-медики. Они долго стучали, еще дольше совещались и пришли к следующему заключе-

нию: общее мое состояние, как объективное, так и субъективное, следует считать улучшением. По этой причине мне, право, тяжело. Инъекции пенициллина, хотя и производятся Б.К. очень хорошо, — неизменно болезненны, не менее болезненны инъекции камфоры. Если к этому добавить банки, то нет ничего удивительного в том, что к вечеру я напоминаю собой тяжело избитое животное, у которого уже нет ни на что нервов.

Тем не менее эту жестокую терапию приходится продолжать, т. к. от нее имеются следующие положительные результаты: во-первых, чувство сдавления, сердцебиения, которые меня мучили в течение 2,5 мес., я больше не чувствую. Лепорский полагает, что пенициллин снял какую-то часть токсемии, оказывающей влияние на сердце. Во-вторых, дыхание стало более свободным, мокрота разжижилась, отходит легче, кашель резко уменьшился.

Не сказала терапия на следующем: 1) пульс остается все еще частым 100–130, 2) отсутствует аппетит, 3) резко выраженная адинамия. Отрицательные влияния терапии: болят все места уколов, вспыхнула экзема на всех местах, где она когда-либо была раньше.

10.I. Вторник. Тяжкий для меня день. Инъекции пенициллина подходят к концу, однако каждый раз, когда мне приходится думать о новой инъекции, вся нервная система дергается настолько, что к вечеру я оказываюсь совершенно издерганным, самочувствие остается все время плохим, временами появляется затруднение дыхания. Только к вечеру становится чуть легче. Завтра для меня — обетованный день — должны прекратить инъекции

пенициллина. Не знаю только, насколько мои эскулапы сдержат свое слово, и потому их приходится подготавливать к этой идее уже сегодня. Лепорский был настолько добр, что разрешил сегодня вечером прекратить инъекции пенициллина, но зато отвел душу на камфоре, дозу которой не только увеличил вдвое, но еще добавил и кофеина.

На мне не остается, кажется, ни сантиметра не израненного, не исколотого. Я не могу лежать ни на правом, ни на левом бедре, ни на правой, ни на левой ягодице — везде хватает болевых точек. Полагаю, что во всем организме от этого жесточайшего способа лечения не остается ни одного нормально функционирующего нерва. Пульс весь день выше 100. Однако сердце совершенно перестало ощущаться, то, что меня мучило более двух месяцев. Полное отсутствие аппетита, что неудивительно, принимая во внимание, что рот заполнен вязкой лекарственной дрянью, выделяющейся слизистой рта.

11.I. Среда. Счастливый день. Эскулапы, посоветавшись, пришли к заключению, что пенициллин сделал свое дело, и его можно отменить. При этом они констатируют как объективное, так и субъективное улучшение. В нижней части левого легкого на ограниченном участке выявляется притупление и слышны хрипы, где они предполагают наличие пневматического фокуса. Все назначения, за исключением пенициллина, остаются прежними. Вечером опять было тяжелое состояние, по поводу которого я принял амитал натрия и заснул.

12.I. Четверг. Целый день сплю. Чувствовал себя совсем хорошо. Сил, пожалуй, больше, чем вчера. Одно время даже каза-

лось, что в организме произошли сдвиги в сторону выздоровления. Однако вечером в своей эйфории пришлось жестоко раскаяться: несколько раз приступы затруднения дыхания, я весь покрыт холодным потом, при этом пульс все время остается нормальным (не считая тахикардии), давление 120/70, пульс 110–114, ем мало.

13.I. Пятница. Самочувствие чуть лучше, сил больше. Но от малейших движений еще сильнее устаю. Со стороны легкого Лепорский нашел улучшение; говорит, что инфильтрат рассасывается, и он даже не слышит влажных хрипов. Проанализировав наблюдающиеся у меня припадки слабости, сопровождающиеся неприятными ощущениями и покрытием потом, старик сделал оригинальный вывод, что все это является проявлением аллергии, с одной стороны, на некоторые пищевые вещества (кофе, молоко, яйца), а с другой стороны, на многие лекарственные вещества, как то: камфара, бром, валериана, пенициллин, витамины. Поэтому он сделал решительный поворот и запретил применение всех этих веществ, включая и лекарственные.

Остальная часть дня прошла сравнительно спокойно; правда, несколько раз наблюдались такие же явления, как и прежде, только они были слабо выражены, и их удавалось скоро купировать. Заснул в 2 часа ночи, к нормальному сну добавил амитал натрия, выспался хорошо. Хорошо ел и даже с некоторым аппетитом.

14.I. Суббота. С утра бодрее, чем вчера. Однако устаю очень легко. Лишние движения это еще проблема. Кашель почти прекратился; за сутки с трудом удается откашлять 2–3 плевка прозрачной, слизистой мокроты.

14.I. В 22 часа 55 минут во время игры в карты скончался. Смерть наступила мгновенно: немного откинулся на подушках. Борис Константинович Рабинович ввел кардиозол, камфору — но дорогой папочка был мертв. Попробовали и искусственное дыхание...

Жоржик позвонил Месселю М.А., сказав, что с папой плохо. Сейчас же прибежал Меер Абрамович...

Вскоре квартира наполнилась людьми: Гирголав, Щеголев, Горовые, Зотов (начальник ВММА), Кашкаров (директор 1 ЛМИ), Куприянов, Похвалин (зав. Горздравотделом), Рабинович Константин Николаевич.

Папочка лежал на кровати в спальне до 2 часов ночи. Затем Ира и Евгения Ивановна (Горовая) обмыли его. В кабинет перенесли обеденный стол, на который положили дорогого Юстина Юлиановича, одев в парадный мундир.

Начальник Академии и директор 1 ЛМИ долго не могли решить, какое учреждение имеет больше прав на похороны, Кашкаров считал, что если Юстин Юлианович проработал в институте 40 лет, то и хоронить его надо из института. Решение представили Жоржику и мне. Мы настояли, чтобы хоронили его как генерала.

В воскресенье утром лицо Юстина Юлиановича стало немного меняться, и было решено, что необходимо бальзамировать. Позвонили проф. С.С. Вайль. Сперва он заявил, что это можно сделать только в прозекторской. Мы сразу же это предложение отклонили. Через некоторое время он позвонил, что его не так поняли, и обещал скоро приехать. Были Вайль, Хазанов,

Любавин, служитель и еще кто-то. После наливки лицо стало очень розовым, таким, каким оно бывало, когда Юстин Юлианович выходил из операционной после большой и тяжелой операции.

Весь день ходили люди. Во второй половине дня появились А.Н. Шабанов (зам. министра здравоохранения), Н.Н. Приоров, приехавшие из Москвы.

Заходил скульптор И.В. Крестовский, который лепил Юстина Юлиановича и делает теперь бюст его из мрамора (заказывал весной сам Юстин Юлианович).

Узнав, что мы дали согласие на снятие маски какому-то художнику (от Ш.Д. Галустьяна), высказал мысль, что это не следует давать делать никому, кроме Комарова Михаила Павловича. Сам И.В. с Бобой съездили за ним и, действительно, сделано очень хорошо.

В понедельник 16.I. 1950 г. около 2–3 часов дня Юстина Юлиановича вынесли из дому. По настоянию дирекции мединститута, машина с гробом подъехала к клинике и к институту «Скорой». Этого делать не следовало! Как были умны мы с Жоржем, когда не согласились, чтобы были две гражданских панихиды (в 1 ЛМИ и Академии)!

Командование академии сделало все, что было в его силах: хорошо убран зал; всюду расставлены люди, везде полный порядок.

А.И. Иванов приложил все усилия к тому, чтобы разрешили похоронить Юстина Юлиановича в Лавре в Некрополе (этого очень хотел Жоржик). Был момент, когда такое разрешение дали, но потом отказали. Мотивом отказа было то, что это некрополь XIX в. Предложили хоронить на Волковом

кладбище, где началась организация некрополя XX века. Отвели место вблизи И.П. Павлова. Эти хлопоты о месте похорон были весьма кстати для отвлечения Жоржа. Все его мысли ушли в это дело, и благодаря этому он держался просто молодцом. В Актовый зал посетителей допускали до 22 ч. Караул стоял всю ночь. Мы ушли около 23 ч. и вернулись во вторник около 8 часов утра.

17.1. Вторник. В 13 ч. началась гражданская панихида. Говорили: Н.Н. Еланский, генерал-майор Лебедев (из Политуправления), А.Н. Шабанов, Похвалин (завгорздравом), П.А. Куприянов, В.И. Кудинов, С.С. Гирголав, студенка 1 ЛМИ, В.С. Галкин, З.В. Оглоблина, слушатель ВММА, В.С. Левит, Напалков, Шамов, от завода «Красногвардеец» и Грушкин. И.Д. Житнюк зачитал телеграммы.

Речь В.С. Галкина была блестяща, зато Оглоблиной и Грушкина — наоборот!

Наступила ужасная минута — закрыли крышку гроба! Больше уже никогда не увидели дорого и любимого папочку.

День был ужасно холодный. Шинели матросов, несших караул, и слушателей (которых было очень много), были покрыты инеем. Народу, провожавшего Юстина Юлиановича (как мне потом говорили), было очень много. По словам одного старого служащего кладбища, — «Так хоронили только акад. Павлова».

На кладбище говорили Кашкаров и Зотов. Гроб опустили в могилу и засыпали комьями совершенно промерзшей (как камни) земли. Получилась целая горка из венков. Так как на следующий день должны были приехать из киностудии Музея Вооруженных сил, для того чтобы снять

могилу, то Зотов приказал оставить караульный пост. Около часу дня 18.1. могилу засняли; ленты мы увезли домой.

Все последующие дни ушли на оформление высоких бумаг и дел. Так, например, чтобы Жорж унаследовал «Форд», надо было заплатить 2000 руб., снять со всевозможных документов копии и т. д. и т. п.

Разыгралась целая история с некрологом Юстина Юлиановича. Некролог для «Вестника хирургии» написала З.В. Оглоблина — хуже вряд ли даже можно написать нарочно. С огромным трудом, истратив на это целый день и очень много нервов, удалось добиться того, что некролог будет от редколлегии.

2 февраля в клинике госпитальной хирургии 1 ЛМИ состоялось несколько раз откладывавшееся заседание двух кафедр госпитальной хирургии, двух кафедр рентгенологии и Института скорой помощи, посвященное Юстину Юлиановичу. Первый доклад был З.В. Оглоблиной, второй — Каменчик и Будзинской (читала М.Г.), третий — Рабиновича Б.К. и Струкова (читал Боб), затем Е.В. Смирнова и, наконец, демонстрация больного Михайлова (17 см трансплантат бедра) Борисовым. Председательствовала сама З.В. Оглоблина.

После заседания осталось несколько человек для того, чтобы решить относительно заседания Пироговского общества, которое, вероятно, будет 15 марта. Намечены доклады П.А. Куприянова и А.М. Заблудовского о жизни и деятельности Юстина Юлиановича. Доклад «Чрезгрудинная блокада сердечно-аортальных сплетений при лечении грудной жабы» Юстина Юлиановича.

новича явился очередным яблоком раздора. Хотят читать Каменчик и Будзинская, с одной стороны, Бочаров (читавший в ВММА) — с другой. Жоржик говорил с С.Б. Будзинской по телефону о том, что он не даст читать доклад М.Г. Каменчик. В результате все «надулись».

Срочно ищет шефа Аркадий Алексеевич Бочаров. Уже на похоронах он договорился с Кудиновым о назначении Арапова. Но последний отказался. Тогда бросился к Мельникову А.В., просил его поддержать кандидатуру Николаева (из оккупационных войск в Германии). Мельников категорически против. Кажется, теперь пишет Савиных. Боюсь, что это не только не увеличит уважение к Ар. Ал. Бочарову в кругах академических преподавателей, а наоборот...

В «Скорой» произошел раскол. С.Б. и М.Г. хотят Филатова, а Френкелю и Постникову необходимо действительного члена АМН или, на худой конец, члена-корреспондента.

В 1 ЛМИ, кажется, главным образом С.П. Иванов прочит Углова. Против чего решительно выступил Сресели М.А.

Заходила к нам библиограф (Богачева Антонина Николаевна), которая по собственной инициативе составляет полный список работ, докладов и выступлений Юстина Юлиановича. Долго пробыла у нас — сверяла с Жоржиком свои карточки с нашим списком, отделили от работ демонстрации и выступления. В результате работ оказалось около 100, а в моем списке 70.

Ее искала Зинаида Васильевна, которой, видимо, необходимо использовать

знаменитый некролог — желает выпустить брошюру наподобие того, что печатает АН СССР.

Встретили с Жоржиком Житнюка И.Д., который напоил даже Похвалина (Горздрав), для того чтобы протащить в научные руководители Института скорой Мельникова или Самарина. Но Грушкин своей медлительностью пока помешал.

23.II. Четверг. Прошло 40 дней с момента смерти Юстина Юлиановича. На кладбище масса снега; убрано вокруг только несколько могил, очевидно, тех, за которые платят. На могиле Юстина Юлиановича стоит красная колонка, которую почти не видно из-за венков. Венки всегда чистые от снега; видимо, 50 руб. вполне устраивают Василия Михайловича (кладбищенское небольшое начальство). Вечером у нас были Щеголевы, Горовые и Мессели. Ира устроила хороший ужин. Говорили только о дорогом Юстине Юлиановиче. Тяжело ужасно.

В Москве был С.С. Гирголав. Ему сообщил Смирнов, что Сталинская премия будет выдана и что вскоре после выборов будет и постановление об увековечивании памяти Юстина Юлиановича. С.С. несколько раз в телефонном разговоре и со мной и с Жоржиком подчеркнул весьма теплое и внимательное отношение Е.И. к памяти папы.

24.II. Пятница. Вечером была Нина Владимировна Бекаури; заканчивает докторскую диссертацию. Приходила доктор Чичинадзе, которая пишет кандидатскую у Вальпера, с просьбой одолжить ей книгу, когда-то показанную Юстином Юлиановичем, но она не знает ни автора, ни заглавия. Была женщина, посланная к нам

с письмом от Аполлона. Аполлон прислал чай и варенье от Тамары и просил вернуть ей бочонок из-под вина. Бочонок был, видимо, мной отдан шоферу.

25.II. Суббота. После работы заходила в РИО. Бедный Зайцев — опять лежит в клинике, куда был доставлен каретой «скорой помощи».

26.II. Воскресенье. Утром с Жоржиком и Меером Абрамовичем и Ольгой Яковлевной ездила на кладбище. Могила Юстина Юлиановича — гора венков. Снег вокруг убран. Было довольно холодно. Меер спросил, почему я против того, чтобы доклад Юстина Юлиановича читала Мария Григорьевна. Я высказала свое мнение не только относительно роста и высокой кафедры, но и относительно всех ее, мягко говоря, мало тактичных разговоров и поступков во время болезни Юстина Юлиановича. Вспомнила Мееру, как он был «обставлен» 2-го января, когда я уходила на защиту диссертации Жоржика и просила его побыть с Юстином Юлиановичем, и как его «выпроводили». Видимо, наше откровенное собеседование нанесет должный удар по стремлению «дам из „Скорой“» поспорить с нами Меера.

Вечером были у Константина Николаевича Рабиновича; смотрели телевизор. Дочурка Ирины забавная, но очень некрасивая.

Заходил Постников Б.Н., занес доклад, который собирается делать 15 марта, и совместную с Юстином Юлиановичем работу. В Институте скорой помощи отношения становятся все хуже и хуже. Жоржик с Иррой ушли в кино.

27.II. Понедельник. На кафедральной конференции не была — переносила правки с одного экземпляра верстки на

другой. С Георгием Аркадьевичем была в РИО. Видела Коровина, который, видимо, переживал, что не зашла за справкой, относительно которой просили его с Жоржиком вскоре поле похорон. Из РИО пошла к Зайцеву. Он, видимо, сам считает свое заболевание серьезным и боится, чтобы не прогрессировали явления со стороны мозга. Явно обеспокоен. Много говорила о Юстине Юлиановиче. Домой приехала в 6-м часу. Раскисла настолько, что плакала. Вообще, нервная система в совершенно невозможном состоянии.

28.II. Вторник. Хотела пораньше уйти с кафедры, но не удалось.

1.III. Среда. Впервые со мной разговаривал А.А. Бочаров о заместителе Юстина Юлиановича. Высказал надежду о согласии Савиных. Корхова называет «этот дурак». Был неприятно поражен моим предупреждением, что это брат жены А.В. Мельникова. Не может понять, почему И.Д. Житнюк прочит сюда Филатова! Заходил на кафедру Р.А. Засосов. Хотел видеть шефа в связи с «переходом» последнего в Кировскую Академию. Днем у Жоржика был Я. Пановко; сообщил, что свободна кафедра П.Ф. Папковича. Жоржика это явно взволновало. Просил даже Р.А. Засосова уточнить этот вопрос.

Весь вечер правили доклад Постникова к 15.III «Ю.Ю. Джанелидзе как новатор в изучении и лечении ожогов». Первая страница написана Жоржиком совсем заново. Видимо, никогда не наступит такое время, чтобы не было весьма большого количества неотложных дел!

2.III. Четверг. Б.К. Рабинович выехал экстренно в Москву — в связи с тем, что подтвердились слухи об его отсылке

в Пилау. Вечером заходили Ирина и Леня, пытались уговорить Жоржа позвонить Кудинову. Боба будет стараться устроиться в Ленинграде или Кронштадте.

Приходил А.Л. Стуккей, занес список выступлений Юстина Юлиановича в Хирургическом обществе Пирогова. Передали ему для Ланга 2 книги Danielopol. З.В. Оглоблина, видимо, желает, чтобы «народ просил ее княжить».

3.III. Пятница. Ездил в Тюрисево, вернее Ушково. Несколько дней тому назад получила письмо на имя Юстина Юлиановича от мастера Титова, проводившего свет на даче (1948 г.). Пишет, что якобы Юстин Юлианович не заплатил ему 325 р. Если же ему не заплатят, то, по совету П.Е. Вихрова, он подаст в суд. (Вихров — управляющий дачным хозяйством). К сожалению, застала только кассира. Она мне сказала, что Титов был арестован; по ее мнению, с мастером все расчеты вело дачное хозяйство. Обещала, что пришлют мне письмо. Я оставила записочку на имя управляющего.

На обратном пути я, желая обогнать грузовую машину, въехала на «Форде» в снег. К счастью, это произошло вблизи дома отдыха, и с помощью группы отдыхающих молодых людей и лопаты шоферу Березину удалось после часовой работы выбраться на шоссе. Шофер Березин Григорий Федорович от М.А. Месселя производит положительное впечатление.

Вечером были с Жоржиком у Гирголавов, С.С. уезжает в Москву. Передали ему письмо к Левиту и зав. сберкассой при Медгизе, для того чтобы выяснить, сколько на книжке Ю.Ю. там денег. Подарили Гирголаву нашу фотографию, где мы втро-

ем. Пришел 1 номер «Хирургии»; к сожалению, испортили название статьи — вместо «чрезгрудинная» — чрезгрудная.

Устала настолько, что около 12 легла; улегся и Жоржик. Позвонил Ян Иосифович Шпильберг и сообщил, что объявлено по радио о присуждении Юстину Юлиановичу 2-й Сталинской премии; то же сообщила и Ирина Рабинович; сразу же поздравил Александров Владимир Дмитриевич.

4.III. Суббота. Утром сами слушали радио. Дорогому папочке присуждена 1-я премия в 200 000 руб. Впервые об утверждении премии сказал 10.XII.1949 В.С. Левит. Вечером 11 декабря звонил Вайль, который поздравил с присуждением 1-й премии, о чем ему сообщил Абрикосов.

О премии объявили через 1½ месяца после смерти... Вначале к разговорам о премии Ю.Ю. относился совершенно безразлично. Затем наступил момент, когда стал ждать сообщение по радио, но так сам и не услышал...

На кафедру ко мне заходил А.А. Бочаров специально, чтобы поздравить. Вернулся из Москвы Боба в полном восторге. Кудинов ему сказал, что ничего об отправке Бобы не знает; в кабинете был и Бабкин, который ответил на вопрос Вал. Ив., что ему тоже ничего не известно. Удивляюсь, что Боб не заручился согласием В.И. Кудинова на назначение в 1 Госпиталь в случае, если это понадобится!

5.III. Воскресенье. В 10.45 уехала из дома в магазины, чтобы купить Мар. Ал. Миртовой отрез крепдешина, как когда-то это мы проектировали с Юстином Юлиановичем. В магазинах дикая толчея. Купила,

вернувшись на Петроградскую. Вечером приходил М.А. Сресели. Причина визита непонятна.

Звонила М.Н. Валькер, старательно приглашала зайти. Приходила Е.В. Благовещенская — взяла несколько своих работ, т. к. будет выставка. Приходил Тенгиз Месхи. Получена поздравительная телеграмма от Банщикова (Медгиз); до этого были еще от Приорова и Левит. Подарила Мар. Ал. Миртовой отрез крепдешина.

Жоржик вернулся в 12.30, был на банкете в «Европейской».

7.III. Вторник. Были с Ирой на кладбище. Случайно с нами ездил Сева Галкин — встретила при выходе. У нас на кафедре сокращают должности вольнонаемного доцента и одного младшего преподавателя, но добавляют — профессора, заместителя начальника кафедры. Шеф пока решил расстаться с Соболевым, Попова сделать и.о. проф., Коппова — доцентом, а Меркулова — остаться на месте. В госпитальной хирургии сокращают двух ассистентов и добавляют одного доцента. О том, как все это может кончиться, пока судить невозможно.

8.III. Среда. На кафедре была конференция — доклад Нины Васильевны (гребчихи) о рентгенокимографическом исследовании сердца у гребцов. Женщина бойкая, малограмотная и необразованная. «Обгрызли» ее Ю.С. Вайль и Л.Я. Кириллова. Шеф был усталый, моментам дремал.

Навещала М.Г. Зайцева — очень плох. В течение 14 часов длился приступ болей. Когда я его видела (около 12.30), был синопшен, держалась одышка, в полном со-

знании. Поздравил с премией; сказал, что разговаривал обо мне с Георгием Аркадьевичем; дважды поцеловал мне руку... я убежала. Бедный, совсем одинок!

Вечером звонила З.М. Волынскому. Считает, что у Зайцева инфаркт, боится, как бы не погиб. Предложил писать монографию о перикардите (сдавливающая) совместно. Следует согласиться. Ведь одна написать не смогу, а Юстин Юлианович собрал так много материала и посвятил так много времени и сил этому вопросу.

Жоржик вернулся в 0.30 с ужина от Лурье. Считает, что следует писать вместе с З.М. Волинским. У Иры страшно разболелось лицо.

9.III. Четверг. Все утро провела в операционной — А.А. Бочаров удалял осколок из правого легкого. После удаления сделала снимок — осталось инородное тело, значительно менее плотное, но почти такой же формы, а вокруг масса мелочи. Видимо, инородное тело, удаленное с большим трудом из-за плотных рубцов в легочной ткани, раскололось. Затем довольно долго беседовали с шефом. Его занимает в основном Кировская Академия. Был мил и любезен. Обещал помогать в работе для диссертации, для чего будет приезжать ко мне домой.

Из клиники факультетской терапии сказал по телефону, что М.Г. Зайцев чувствует себя немножко лучше. Очень хотелось бы, чтобы поправился.

Была в Публичной библиотеке. Видела А.Н. Богачеву — обещает скоро закончить библиографию. Случайно встретила Ел. Ал. Бесневскую. Заезжала к Крестовскому, сделавшему чертеж подставки для мраморного бюста. Показывал фото-

графии могилы своего отца. На мой вопрос — согласится ли принять участие в организации памятника Юстина Юлиановича, ответил, что с большой охотой.

Вечером позвонил П.А. Куприянов. В разговоре с Жоржиком сказал, что Е.И. Смирнов не ответил ему на дважды заданный вопрос относительно постановления об увековечивании памяти Юстина Юлиановича. Жоржик сразу всполошился и огорчился. Звонил С.С. Гирголаву, который обещал написать Левиту. Затем выяснилось, что П.А. Куприянов позвонил Френкелю и сообщил, что группу к июлю расформируют, что-то плохое сказал и С.С. Надеюсь, что он просто в плохом «минорном» настроении и поэтому на все смотрит пессимистически.

Вечером писала под диктовку доклад Жоржика о Политехническом институте для школьников. Затем «резала» мою работу с Юстином Юлиановичем для прочтения ее 15-го на заседании Пироговского общества.

10.III. Пятница. Вечером с Жоржиком были у Ольги Евгеньевны Короли (ассистент кафедры А.И. Лурье). Муж ее — лысеющий армянин, член-корреспондент Академии педагогических наук, лет 45–48. Дочка Наташа 4 лет. Жорж ходил из-за своего сообщения для школьников. Живут они в новом домике вблизи Серафимовского кладбища. Квартирка из трех (но т. к. одна комната разделена аркой), то почти из четырех маленьких комнаток. Я бы сказала, что квартирка очень симпатичная.

11.III. Суббота. Б.К. Рабиновича назначили старшим научным сотрудником, М.А. Струкова собираются делать доцентом. Смотрела больного Красикова по-

сле резекции толстой кишки по поводу megacolon, которого, по моему мнению, а также М.В. Струкова, оперировать не следовало. Если раньше кишечник был подвижен и совершенно безболезнен при пальпации, то теперь нижний отдел расположен по средней линии, имеются 2–3 перегиба, при прохождении контрастного вещества выявилось затруднение, видимо, сужение на месте резекции. В случае непроходимости кто-нибудь из хирургов будет «счастлив», попав в такой живот. И.П. Шаров (адъютант Зотова) предупредил Струкова, что следует быть осторожным с Бочаровым, т. к. полное единение душ с Житнюком, Васильевым и Григоровичем.

Заезжал за мной Жоржик, ездили по магазинам, главным образом с намерением купить телевизор. Продается за 1275 р., внешний вид его малопривлекателен. В магазине на Невском продавщица сказала, что будут к июлю выпущены радиоприемники с телевизором. Пока Жоржик согласился подождать. Выкупили из магазина подписных изданий книги на сумму 351 руб. Приходил Матвеев А.С. с мастером, который будет шить мне замшевые туфли. Уснула рано — после ванны.

12.III. Воскресенье. Около 12 ч. ходили голосовать за кандидатов в депутаты в Верховный Совет Петрова и Материкову. К 4 ч. поехали к Давыденковым; вернулись домой около 11 ч. Очень милая семья. Вечером приходил А.Л. Стуккей. Прочитал очень хорошо написанный доклад «Ю.Ю. Джанелидзе — учитель молодых врачей». Появилось 3 «наследника» — Углов, Гнилорыбов и Жмур. Думаю, что если это верно, то будет избран Жмур. Оказывается, Жоржик Хундадзе ушел

из клиники только благодаря З.В. Оглоблиной, о чем он скрыл от Юстина Юлиановича. Вообще, это не помощники, а одно недоразумение.

13.III. Понедельник. На кафедральной конференции врач Татьяна Алексеевна О. сделала литературный обзор о кардиоспазме. Написала неплохо, но совершенно отсутствует методика исследования. Сразу по окончании уехала домой.

Вечером у нас ужинали Семен Семенович и Ольга Владимировна Гирголавы, которые после смерти Юстина Юлиановича были у нас впервые. Большая часть разговоров была об Юстине Юлиановиче.

14.III. Вторник. Вчера получена повестка заседания Хирургического общества Пирогова, посвященного Юстину Юлиановичу. Повестка сделана крайне плохо: без траурной рамки, напечатано синей краской, переставлены доклады (Стучинского раньше, чем Юстина Юлиановича совместно со мной). Как выяснилось — это по совету Зинаиды Васильевны. Вечером у нас был Левит Вл. Сем., случайно приехавший вместо Еланского. Советует написать Кудинову относительно увековечивания памяти Юстина Юлиановича. Получено письмо от Комитета по Сталинским премиям. В ответе посылаем копию завещания на имя Жоржика и сведения о его сберкнижке.

Днем в Музее смотрела фильм о Юстине Юлиановиче. Очень хорошо, хотя и будут нужны мелкие доделки и переделки. Видеть «живого» папочку очень, очень приятно, но в то же время и ужасно тяжело! Все еще до сих пор невозможно приучить себя к мысли, что его нет и что больше никогда не только не

увидишь его живого, веселого, часто поддразнивающего, но даже и уже холодного, молчащего, с сжатыми навсегда губами...

15.III. Среда. Сижу дома — разрешили на работе не быть. Около 5 ч. пошла к Михаилу Андреевичу Сресели. Посидела немного у него в кабинете. Затем пошла с ним в 7 аудиторию, где в 6 ч. началось заседание Пироговского общества, посвященное памяти Юстина Юлиановича. Повестка напечатана плохо. Председательствует Николай Николаевич Петров. С ним договорились о перестановке докладов — я раньше Стучинского. Места для меня и Жоржика по распоряжению Михаила Андреевича заняли те, на которых всегда сидят М.Г. Каменчик и А.Р. Грушкин. Сидели в 1 ряду: Будзинская, Стучинский, я, Жоржик, Сресели... Еще одна обида записана в мой «кондуит»! Софья Брониславовна не утерпела и язвительно сообщила: «Вот Ваше место; его Вам занял проф. Сресели». Увидела Георгия Аркадьевича сидящим справа от президиума, пошла поздороваться. Для «удовольствия» злобствующих дам со мной здоровались и целовали руку Куприянов (он в очень мрачном настроении), Гирголав и многие другие. Сказал пятиминутную речь Н.Н. Петров. Очень удачно. Особенно хорошо место, в котором сказал, что Юстин Юлианович имел черты трех наций: грузин — по рождению, француз — по воспитанию и русский по работе и всей деятельности. После него доклад А.М. Заблудовского, который разобрал всю деятельность Юстина Юлиановича по его работам в хронологическом порядке. Затем очень теплый доклад А.Л. Стуккея «Ю.Ю. Джа-

нелидзе — учитель врачей». Вполне прилично прочла доклад С.Б. Будзинская. После ее доклада, когда почти поднимался Б.Г. Стучинский, Н.Н. Петров объявил о перестановке докладов. З.В. Оглоблина начала что-то со злым лицом сообщать Ю.М. Гефтер. Как я читала, не знаю, но все говорят, что хорошо. При всей своей нелюбви к публичным выступлениям, на этом заседании сочла своим долгом читать доклад — ведь дорогой Юстин Юлианович очень любил, когда я выступала, и всегда говорил, что я это хорошо делаю.

Доклад Б.Г. Стучинского очень проигрывал из-за плохой иллюстрации. Дважды сказал фразу — «Как это было сообщено предыдущим докладчиком». Мои «прегрешения» все увеличиваются! Постников читал очень вятно с весьма трагичной наружностью. Фильм после просмотра А.Н. Максименкова значительно укоротился.

Из выступавших на гражданской панихиде остались Зотов, Еланский и курсант Академии. Ни начальника Политуправления, ни Шабанова, ни Куприянова, ни Левита нет. Неужели отсутствие правительственного постановления так подействовало на Алексея Николаевича?!

После заседания к нам подошел Левит. С ним разговаривала З.В. Оглоблина относительно номера, посвященного Юстину Юлиановичу; затем подошла С.Б. Будзинская, не печатает ли Левит их аналитическую работу и есть ли у него работа Юстина Юлиановича. Ответы последовали умные и хитрые. В душе Левит вынашивал идею дать хороший номер к годовщине со дня смерти со статьями Лимберга Б.Э., Очкина, Бакулева, соб-

ственной и т. п. Очень хочет быть редактором трудов Юстина Юлиановича. Обеспокоен предстоящими выборами в АМН, хотя всячески подчеркивает безразличное отношение к этому делу.

16.III. Четверг. Утром встретила В.Д. Васильева. Говорит, что у Зайцева был новый приступ. Побывала в библиотеке 1 ЛМИ, взяла книгу для шефа о больничном строительстве (Дунаевский). После обеда хорошо выпалась. Видимо, вчерашний вечер отнял и массу сил. Весь день чувствовала себя усталой.

17.III. Пятница. Весь день работала в кабинете. Не оставляет ощущение усталости. После обеда дремала на диване. Приходил Фридлянд. Вечером Жоржик написал Кудинову, прося его сообщить относительно постановления об увековечивании памяти Юстина Юлиановича. Письмо написано очень хорошо; завтра Ира отравит его по домашнему адресу. В коридоре клиники госпитальной хирургии встретила З.М. Волынского, на ходу сказавшего пару фраз о том, что следует писать монографию о сдавливающем перикардите. Рассказала М.М. Попову. Он считает, что следует, безусловно, писать мне одной и ни в коем случае не связываться с Зиновьевым. Надо об этом весьма и весьма подумать. Опять вечер пропал.

18.III. Суббота. Много работы на кафедре. Снимали больного Никонорова в палате (после удаления 5–6–7–8 ребер слева по поводу Са). Вместе с А. Бочаровым в кабинете смотрела Кузнецову с Са 3-го ребра слева. Опять парность случаев. Третий — Любочка Косырева, которой по поводу Са 1-го ребра в Кирове делал операцию Ю.Ю.

19.III. Воскресенье. Я, Жоржик и Ира ездили на кладбище. Кругом очень много воды. Вокруг могилы дорогого Юстина Юлиановича снег убран, слева от нее большая лужа. Побывали на «немецкой» части — там, где похоронен Кукушкин, барельеф которого кто-то испортил, видимо ударив камнем. Нашли, где живет Василий Михайлович (ухаживающий за могилой Ю.Ю.), отдали ему 100 р. — по 17 апреля включительно.

20.III. Понедельник. Домой вернулась около 6 часов. Случайно узнала, что Кириллов делал венографию Бороздину с Петровым и Рабиновичем в 6 кабинете. Б.К. Рабинович ничего внятного на мой вопрос, почему венография делалась в 6-м кабинете, не ответил. Надо об этом завтра выяснить!

21.III. Вторник. Утром попросила М.М. Попова спросить шефа, не брали ли у него проселектан. Но спрашивать ничего не пришлось. Пришел сияющий А.А. Бочаров в сопровождении своего «верного» помощника В.И. Петрова. Шеф собирался писать заключение К.М. Быкову и спросил Ар. Ал., торопится ли он; если да, то он готов его выслушать. Ар. Ал. сообщил, что он за консультацией и протянул рентгенограмму, снятую в 6 кабинете в момент введения контрастного вещества. На вопрос Г.Ар. «какого?» — ответить ни А.А., ни Петров не могли. Но Петров побежал за Л.Я. Кирилловым, и тот сообщил, что вводил он Per-Abrodil. Вдруг шеф пришел в ярость. Краткое резюме из его высказываний: «Когда делаешь что-то тебе неизвестное, надо спрашивать у старших. И вообще, надо иметь голову». А.А. что-то стал плести относительно введения контрастного ве-

щества в аорту, тогда весьма компетентный хирург Петров предложил сделать отверстие в грудине по методу, предложенному Юлианом Юлиановичем, «затем аорта прирастет к грудине» (дословно), и тогда толстой иглой вводить в аорту контрастное вещество. Шеф вообще отнесся более чем прохладно к визитерам. Через некоторое время в коридоре встретила Петрова, который сказал, что как подвели мальчиков. Я же ответила, что не знаю, кого он больше подвел, мальчиков или себя.

Вечером приходил Михаил Васильевич Струков. Трудно ему с Аркадием. Вообще, начинаю думать, что мнение папочки о нем было ошибочное, и прав был Марк, который сразу же, впервые увидев Аркадия, высказал, что это св... Струков ждет утверждения в доцентуре и хочет уходить из начальников клиники.

22.III. Среда. Беседовала с шефом относительно предложения З.М. Волынско-го. Он считает, что надо сказать о наличии большого количества черного материала и что я попытаюсь оформить его в виде монографии, задуманной самим Юстином Юлиановичем, и автором будет он сам.

Заходила к Зайцеву, который сам сказал, что плохо себя чувствует, да и выглядит по сравнению со вчерашним хуже. Дежурила на кафедре до 24 ч. Любовь Федоровна пришла в 23.30, но я завозилась с печатанием фотографий. Весь вечер провела в фотолаборатории. Печатала в основном дорогого папочку. Как хорошо, что он мне купил фотоаппарат. Сколько хороших, милых, смешных фотографий можно будет отпечатать. Надо будет еще одолжить пленки Семена Семеновича; он ведь очень много снимал Юстина Юлиановича.

23.III. Четверг. В кабинете Юстина Юлиановича были встречены Зотов и Васильев. Пришел Ар. Ал. Бюст Юстина Юлиановича (Крестовского) выкрашен плохо, но Ар. Ал., видимо, очень нравится, т. к. он очень огорчился, когда я и Зотов стали говорить, что лучше бы было выкрасить под бронзу. У шефа взяла «Per-Abrodil» для Бороздина. Попробуем венографию. Будем делать на просвечивающем аппарате (Ultrasauhl-geret'e). Приходили в кабинет Струков с Агаповым.

24.III. Пятница. Задержалась на кафедре до 17.30. Надо было написать все заключения, т. к. хочу завтра «покататься» по магазинам.

25.III. Суббота. Защита диссертаций Меркулова и Линденбрата. Официальные оппоненты Вайль и Рохлина. Результаты голосования: 28 «за», 1 недействителен — у обоих. Вечером у Меркулова ужин. Были: оба Зедгенидзе, Поповы, мы; Рохлин, Майкова-Строганова, Глафира, Александров, Тупицын, Беллинг, Масевитян, Сигненко, Пиатковская да еще двое Пинкевич, один Линденбрата. Ужин, по моим понятиям, довольно средний: всего очень много, но подавалось неумело. Подбор вин неудачный.

26.III. Воскресенье. Утром ездила в комиссионный на Невском за рамкой для большой фотографии (папочки со мной и Жоржиком). Купила две, и выяснилось, что такие можно заказывать, но продавец не захотел дать адрес мастера, а сказал, чтобы дать ему размеры и он сделает. Это очень хорошо, т. к. боюсь, что на Интуристе ничего не сделано. Позвоню Ал. Ивановичу и узнаю. Была у Мельниковых. Встретили меня крайне приветливо. Ока-

залось, З.В. Оглоблина просила Мельникова помочь напечатать отдельной книжечкой биографию Юстина Юлиановича. Пришлось рассказать о некрологе; правда рассказывала кратко, не называя лиц и журнала. Думаю, что надо Жоржику повидать по этому поводу Мельникова.

27.III. Понедельник. Приходил в кабинет А.А. Бочаров. Разговаривали о трудах клиники. Не уверена, что надо посвящать их Юстину Юлиановичу. Ведь он же сам начал над ними работать. Аркадий расстроен Бобой — «губит тему о венографии». Впервые заговорил о том, сможем ли мы ему одолжить деньги на покупку «Победы». Была на мебельной фабрике «Интурист» у А.И. Иванова, отдала чертеж подставки под бюст Юстина Юлиановича. Обещает на следующей неделе закончить рамку. Относительно лестницы что-то крутит.

Обедали у нас М.М. и Р.Н. Поповы.

28.III. Вторник. Навестила Зайцева М.Г. Там встретила Р.Н. Волынскую. Зайцев все время говорил о вчерашних похоронах Добротина Б.М. Очень переживает, что не был на них шеф, ищет различных объяснений.

Струков оперировал больного Никитина. Я поставила диагноз язвы 12-п. к. На операции — на передней стенке в препилорическом отделе ближе к малой кривизне плоская большая «ниша» с заэпителизированной поверхностью. К месту «ниши» припаян сальник. Что то покажет гистология? Не рак ли это?

29.III. Среда. На кафедру за мной заезжает Жоржик. Шеф с ним был, как всегда, весьма любезен. Доехала с Жоржиком до Политехнического; забежала

за Иришей, с которой поехали на кладбище. Но на воротах кладбища фанерное объявление: «Лит. мостки закрыты на просушку».

Вечером звонил Я.И. Шпильберг. Его смотрели врачи и нашли необходимым произвести рентгенологическое исследование желудочно-кишечного тракта. Завтра приедет. В 10 ч. вдруг собрались в гости к Щеголевым.

30.III. Четверг. Просвечивала Яна Иосифовича. Явления гастрита и энтерита. Взяли в лаборатории госпитальной хирургии кровь. Завтра досмотрю толстый кишечник.

Разговаривала с А.А. Бочаровым. Торопит с работой Юстина Юлиановича об артериовенозных аневризмах подключичных сосудов и со списком работ. Мое мнение, что не следует посвящать сборник работ кафедры памяти Ю.Ю. Ведь часть статей он сам отредактировал, а кроме того, разве он не заслужил, чтобы ему были посвящены труды Академии, а не только его кафедры? Посоветовалась с М.Г. Зайцевым, после чего была у А.С. Коровина. Моя идея об общеакадемическом сборнике, посвященном Ю.Ю., ему очень понравилась, завтра будет разговаривать с Зотовым. Коровин был весьма любезен.

31.III. Пятница. Разговаривала с А.А. Бочаровым. Ему явно не понравилось, что относительно более поздней сдаче работы Ю.Ю. о подключичных сосудах я сама говорила с Коровиным. Высказал сомнение, что следует ли работу заканчивать, не лучше ли печатать в том виде, какой она осталась. Мой ответ, что ему как редактору виднее, но что я, а так-

же Георгий Юстинович в этом виде ему работу не дадим, и что она после литературной обработки будет напечатана в той же «Хирургии», *сразу разрешил его сомнения*. Не понимаю его!!! Весь вечер занималась работой Ю.Ю., дописываю эти строчки в 3.30.

1.IV. Суббота. Была на лекции А.А. Бочарова о сдавливающем перикардите. Он даже не догадался меня пригласить! Пошла, конечно, из-за кинофильма, чтобы лишний раз посмотреть дорогого Юстина Юлиановича. Как хорошо, что сделали этот фильм, что он звуковой. Но видеть и слышать папочку очень тяжело... Когда ординатор С.Е. Гурвич читал (довольно плохо) историю болезни и дошел до рентгенологического исследования, то вдруг раздался голос А.А. Бочарова: «Вера Григорьевна! Может быть, это Вы расскажете?» Я отказалась. Что это все значит? Отсутствие ли культуры? Или просто недомыслие? У Жоржика обедали два инженера с завода, на котором он консультирует. Оба, видимо, неглупые, но малокультурные.

Вечером звонил Жоржик И.С. Исакову и И.М. Карманову. Исаков переживает тяжело свою отставку. Обещал, что позвонит Кудинову. Иван Михайлович просил позвонить ему в понедельник. Как понял Жоржик, ходатайство дальше Булганина не пошло. Жоржик страшно огорчен. Мне же просто кажется это невозможным!

Приходил Я.Г. Пановко. Его в перерыве между лекциями вызвали в Управление и сказали, что «товарищ из Москвы желает с Вами разговаривать». «Товарищ» сообщил, что Я.Г. предлагают поехать в Харьковское летное училище.

Когда же Яша сказал, что он предпочитает демобилизацию, то «товарищ» явно обрадовался. Происходит это «выпирание» молодого и, безусловно, способного профессора потому, что он имеет четырех братьев за границей.

Жоржик звонил С.С. Галушкевичу, который обещал произвести разведку, где есть свободные подходящие кафедры. Приехавший из Москвы С.С. Гирголав сказал, что ходят слухи о переводе Военно-Медицинской Академии в Одессу. Ему говорил В.С. Левит. Е.И. Смирнов не захотел с С.С. Гирголавом говорить на тему об увековечивании памяти Ю.Ю.

2.IV. Воскресенье. Жоржик проснулся страшно мрачный. В 11 ч. поехали в город. Я купила себе черные туфли на микропористой резине. В Академии Жоржик начал узнавать, в Ленинграде ли С.И. Вавилов; оказалось, что сегодня он будет в магазине. Сперва была мысль его подождать, но затем решили съездить к Тудоровским и через них попытаться повидать С.И. Но когда мы выходили из магазина, я в букинистическом отделе увидела Вавилова. Жоржик к нему обратился; говорит, что он внимательно выслушал и сказал: «Напишите мне памятку, завтра утром передайте секретарю, вечером уеду в Москву. Что смогу, сделаю». Жоржик сразу после встречи воспрял духом. Заехал за дочерью профессора Новожилова Валентина Валентиновича Женей, ровесницей Ланочки, славной девочкой, и поехали к нему в Пушкин. Отвезли спутницу нашу домой, а сами направились к Тудоровским.

Очень странная квартира в верхнем этаже. Начинается она длинным чердачным коридором, затем ступеньки вниз

приводят в нормальную прихожую, из которой несколько дверей ведут в комнаты. Через столовую и кухню попали в комнатку Толи и Юли. Толя — сын Тудоровского, товарищ Жоржика, постарше его, вероятно, лет на 5–6. Юля — его жена, славная, живая, очень просто себя держащая женщина. Встретила нас очень приветливо. Народу в квартире столько, что я понять, кто это, не смогла.

Пришел отец — гроза Оптического института и, кажется, деспот семьи. Это старик лет 70 с умным лицом; весь его стиль разговора — это фонтан желчи. Говоря о Вавилове, сказал весьма характерную фразу: «Я его хорошо знал, когда он был моим учеником, а не академиком; теперь с ним невозможно говорить; он не признает чужих мнений; но если он обещал что-то сделать, то, вероятно, выполнит». Жоржик советовался, какого содержания написать Вавилову письмо. С черновиком были вечером у Гирголава. Хотелось бы, чтобы как-нибудь удалось помочь продвижению ходатайств. Ведь дорогой Юстин Юлианович жил только для работы, для других; для себя он никогда не жил.

3.IV. Понедельник. Вечером звонил Жоржик Исакову. Иван Степанович сказал, что Кудинов и Ходарков вдвоем не сумели найти следов ходатайства. После разговора с И.М. Кармановым, сказавшим только, что «дело рассматривалось, решение не принято и повторно рассматриваться не будет», Жоржик вторично звонил Исакову. На вопрос Жоржика, следует ли ему обращаться к начальнику Академии или Кудинову, Исаков ответил, что нет. Жоржик понял, что Исаков сам постарается продвинуть новое ходатайство.

Неужели и ходатайство Ефима Ивановича находится у него самого?!

Утром Жоржик, одевшись в серое пальто (реглан) и серую шляпу, ходил к секретарю Вавилова для передачи письма. Видел он Степанову Эмилию Карловну, а Пантели Людмилу Антоновну не видел.

Завтра мне исполняется 30 лет. Получила от Ниночки красивую вышитую подушку с маками, от Иришки фруктовый торт, от Жоржика коробочку шоколадных конфет (книжку с памятником Суворова); от Марка и Раечки принесли корзину цветов.

Ко дню рождения, кроме горя, тоски и огорчения, ничего в душе нет!!!

4.IV. Вторник. Навестила М.Г. Зайцева; советует к председателю райжилотдела пойти с А.М. Зотовым. Зотов согласился поехать. Прислали очень хороший торт из «Норда» «Шпицберген». Пришла поздравительная телеграмма от мамы. Жоржик разговаривал по телефону с Л.И. Щеголевым, у которого складывается впечатление, что Колесников сговаривается с С.С. Гирголавым для «ликвидации» П.А. Куприянова.

Итак, мне пошел четвертый десяток. Родилась я в семье врача Семенова Григория Михайловича. Мать Зинаида Владимировна Семенова (Мазурина) бросила 5 курс Московских Высших Женских Курсов. Из рассказов родственников, а также на основании просмотра большого количества фотографий, была очень красивая. Детство мое протекало в Ташкенте. Я была довольно самостоятельна, т. к. обычно была предоставлена сама себе. Отец был очень занят, у мамы очень много времени отнимало домашнее хозяйство, которым в доме матери ей не приходилось зани-

маться. В школу меня отдали семи лет. Училась я всегда хорошо. В 1930 г. отец был избран на кафедру гистологии в Самаркандский медицинский институт. Мы переезжали в конце ноября в Самарканд. Сначала мы жили на улице Розы Люксембург, а затем переехали в Ново-Ивановский переулок (ныне Проезд № 1 по ул. Розы Люксембург), где и сейчас живет мама с Ланочкой. В Самарканде отец стал увлекаться народной медициной и краеведением. Его постоянным спутником во всех загородных прогулках была я. Отец был спокойным, уравновешенным, очень отзывчивым человеком. Он пользовался большой любовью в кругах студенчества и имел вес во всевозможных самаркандских организациях. Заболел он осенью 1936 г. очень злостной ангиной; весной 1937 г. раза два-три пытался через силу читать лекции, но затем слег. Был поставлен диагноз плеврита, но т. к. в это время пришла путевка в Кисловодск, то решили все-таки ехать. В июле поехали в Кисловодск. Мама решила взять с собой четырехлетнюю Лану. В Кисловодске М.И. Слоним поставил диагноз рака легкого или плевры. Из Кисловодска отец приехал в клинику Слонима. Я его навещала осенью. Затем я жила около месяца в Ташкенте у тетки, куда перевезли на время отца, а мама поехала к Лане в Самарканд. Отец в это время был в очень тяжелом состоянии, видимо, метастазы развивались в это время в мозгу — чередовались периоды очень здравого рассуждения с бессознательным состоянием, с жестокими головными болями. Уход был очень труден — весь день в доме была я одна. Помогала мне живущая ря-

дом женщина — Фоминишна. Особенно тяжело было менять часто постельное белье. За мной тогда старательно ухаживал Сваричевский Володя — студент курса 3–4 мединститута, приятель кузена. Впоследствии, когда Юра рассорился с ним и всячески его поносил, я всегда с большой благодарностью вспоминала его помощь мне в деле ухода за отцом. Уехала я из Ташкента 21 января, а 4 февраля папа скончался. Умирал он тихо, будучи в бессознательном состоянии последние два дня. Его труп доставили санитарным самолетом в Самарканд, где 7 февраля похоронили. Умер он 47 лет.

Несмотря на очень большое количество пропущенных уроков, я окончила десятилетку с отличием. Я хотела поступать в текстильный институт. Мама соглашалась переехать в Ташкент. Надо было менять квартиру. Подходящего ничего не попадалось. Кончилось тем, что потупила в Самаркандский мед. институт, который окончила в 1942 г. в августе. За все годы учения в институте имела две четверки. Одну по органической химии — за обмен «любезностями» с доцентом (кажется, Шамшуриным), а вторую за дело — по глазным болезням.

В конце 1941 г. познакомилась с Жоржиком. Он был одинок, и его, видимо, сразу привлек к себе дом, в котором было очень много книг. Маме моей он понравился сразу. Окончательно сблизила нас болезнь моей матери (сыпной тиф). Жорж был тогда ко мне изумительно внимателен. Нам было хорошо вместе и вдвоем дома, и где угодно. В феврале наш институт перевели в Ташкент. Я решила сдавать несколько предметов в один день, для того

чтобы на время сессии остаться дома. Так и было сделано. Когда мама вернулась из больницы домой, я уехала в Ташкент.

Жоржик предлагал перед отъездом оформить брак, но т. к. ответа на свое письмо от родителей он еще не получил, то я отказалась. Было договорено, что в случае, если Жоржик заболит, мама пришлет телеграмму вроде «Сестра больна, приезд необходим». Я прожила в Ташкенте около двух недель, и вдруг получаю телеграмму о болезни Светланы. Только на следующий день удалось позвонить по телефону, и выяснилось, что у Ланы сыпной тиф. Вернулась домой. Но вскоре вернулся и весь институт.

4 апреля мы с Жоржиком пошли в ЗАГС, получив перед этим телеграмму родителей его из Кирова. ЗАГС был закрыт, и мы зарегистрировались 7-го.

В последних числах июля 1942 в Самарканд заехал Юстин Юлианович. На вокзале я впервые увидела и Георгия Аркадиевича. Он пробыл в Самарканде (Юстин Юлианович) всего 36 часов. Переписка с родителями Жоржика была возложена на меня. Переписывались мы аккуратно. 15 августа 1942 г. я окончила институт.

Осталась я в Самарканде совершенно случайно. Весь мой курс был эшелонам отправлен в Ташкент на двухмесячные курсы и затем на фронт. Я хворала ангиной, лежала дома и очень удивлялась, что никто из школьных еще товарищей не заходит. 1-го числа пошла в институт и только тогда узнала, что в городе остались только с малышами или беременные. Директор направил в горвоенкомат, откуда к военкому области. Военком, узнав

мою девичью фамилию, спросил, не мой ли отец был профессором мед. института и недавно умер. Затем, немного подумав, дал записку на имя директора о том, что могу приступить к работе. Проработала на кафедре патанатомии я недолго. Отправили лечащим врачом с группой в 66 студентов на сбор хлопка в Комсомольский район, пробыла я там около месяца. Вскоре по возвращении вызвали в военкомат и предложили выехать в Ташкент. Взяла письмо у Н.Н. Аничкова на имя К.Н. Павловского. В поезде был первый приступ малярии. Павловский исполнил просьбу Н.Н. и откомандировал меня для спец. подготовки по патанатомии. На кафедре со мной занимался вскрытиями Д.Д. Лохов, а теорией сам Н.Н.

14 августа 1943 г. у меня родился сын Александр. Родился он недоношенным, очевидно, из-за малярии; его удалось выходить. Жил он всего 3,5 месяца — погиб от менингита. Похоронили его в могилу папы, гробик поставили на ножной конец гроба папы.

27 декабря 1943 г. я приехала в Киров к родителям Жоржика. Отнеслись ко мне идеально. С 21 января 1944 г. стала работать на кафедре рентгенологии. Нина Юльевна обожала своего единственного сына. Ко мне она относилась очень хорошо; но иногда, особенно когда невнимание Жоржика переходило за границы приличия, между нами бывали настороженные (это, пожалуй, самое подходящее определение) отношения. В 1945 г. во время таких настороженных отношений я уехала летом в Самарканд, Жоржик в этом году не имел отпуска.

Лето 1946 г. мы решили провести все вместе в Майори. Особенно укрепилось это решение во время поездки Юстина Юлиановича и Жоржика в Германию.

Жили мы в Майори очень хорошо; хотя были первые дни омрачены довольно частыми приступами грудной жабы у Нины Юльевны... Когда ночью мы втроем сидели у гроба Нины Юльевны, Юстин Юлианович подарил мне ее браслет и попросил, чтобы я вела себя дома так же, как это делала Н.Ю., чтобы все в доме оставалось в том же порядке. Я обещала Юстину Юлиановичу выполнить все его желания. И теперь я ни в чем не могу упрекнуть себя. Эти 3,5 года я жила только для дома, только для Юстина Юлиановича. Своих личных интересов у меня не было, да, по правде говоря, их пока тоже нет.

По возвращении из Майори Юстин Юлианович, как всегда, был страшно загружен работой. Ему предложили поехать в Америку. В это время начался XXV съезд хирургов. Я просила Юстина Юлиановича взять меня с собой на съезд; он не захотел. Затем он позвонил, что ему нужно прислать срочно новую форму. Этим я воспользовалась и поехала сама. Приехала я в день его доклада, а на следующий день уехала. Но он после съезда вернулся домой, а затем уже уехал. Поездка эта была весьма кстати, она отвлекла его от мрачных мыслей. Вернулся он, как и обещал, к встрече Нового года. В это время уже начинался ремонт квартиры по Кировскому, 24^а, где мы сейчас живем.

Во всех работах Юстина Юлиановича я принимала участие. Это мне не только доставляло удовольствие, что я ему помогаю, но параллельно росла сама. Всем,

что во мне есть врачебного, я обязана Юстину Юлиановичу. Когда в голове проходят разные картины из моей жизни, то два облика затмевают все — это мой отец и отец Жоржика. Но эти два божества были мной обожаемы различно. Видимо, с возрастом переживаешь все сильнее. Внимание и ласки отца воспринимались тогда как должное. Общество отца я очень любила, но были и близкие товарищи, с которыми с удовольствием встречалась на вечерах в школе и на вечеринках у себя или у кого-нибудь из них. Последние 3,5 года у меня не было ни близких товарищей, никогда и никуда не хотелось идти. Внимание, ласковое обращение со стороны Юстина Юлиановича — это все, к чему я стремилась и чего мне хотелось! Вот и теперь все мысли, все интересы сводятся к тому, чтобы как-то постараться увековечить его память; закончить должным образом начатые им работы и даже дерзнуть кое-что продолжить. Когда он хворал, то часто повторял фразу: «Если я умру, то тебе будет очень тяжело». Очень тяжело!!

5.IV. Среда. Вечером приходил Д.Г. Бадридзе. Он, как всегда, в своем репертуаре. Случайно одновременно была Л.Н. Давиденкова. Дадиго был на высоте положения, рассыпался мелким бесом. Звонил С.С. Гирголав. Приехал П.А. Куприянов, которому Е.И. Смирнов ответил относительно увековечивания памяти Юстина Юлиановича вопросом «А тебе какое дело?».

6.IV. Четверг. Ездил с Д.Г. Бадридзе на кладбище. На воротах все еще имеется надпись о просушке. Но, подойдя к калитке, я обнаружила, что замок висит на од-

ном ушке задвижки. Задвижка свободно открывалась, и мы прошли. Могила дорого папочки оказывается как бы угловой — между его и соседней публициста Гея имеется дорожка. Вокруг могилы Юстина Юлиановича и вблизи нее довольно сухо, но впереди могил Ульяновых стоит вода — настоящее болото. Д.Г. спросил, как мы будем оформлять могилу. Я сказала о нашей идее с бюстом и с оградой наподобие такой, как у могилы Кировой. Мы с ним даже прошли, посмотрели. Ему эта идея очень понравилась. Венки на могиле дорогого Юстина Юлиановича выглядят довольно страшенькими — они облиняли, выцвели и обвисли.

Я передала Давиду Георгиевичу письмо Жоржика к Бакулеву с просьбой помочь в деле увековечивания памяти Юстина Юлиановича. И теперь уже написано об этом Жоржиком три письма: Кудинову, Вавилову и Бакулеву. Может быть, два последних и окажут содействие?!

7.IV. Пятница. Восемь лет со дня регистрации нашего брака. Как оживленно и весело прошел бы этот день, если бы был жив дорогой Юстин Юлианович! И как он грустен теперь. Заходила в РЖО, чтобы выяснить, как оформить квартиру на имя Жоржика. Оказывается, это можно сделать только через Овчинникова — зам. председателя горисполкома по жилищным вопросам. Разговаривала по телефону с А.И. Ивановым; Жоржик завтра вместе с ним пойдет к Кошкарову, чтобы взять у него ходатайство к Овчинникову. Позвонила к И.П. Виноградову, прося его содействия; «хитрый семинарист» (как его всегда за глаза называл папочка) обещал «понюхать» воздух и позвонить.

Думаю, что надо еще заручиться бумажкой от президиума АМН СССР; звонила П.А. Куприянову, но не застала дома.

Видела А.А. Бочарова. Огорчен ужасно тем, что Коровин сообщает ему об издании трудов всех хирургических клиник вместе, посвященных памяти Юстина Юлиановича. Надо будет посоветоваться с Зайцевым, через кого продвинуть идею о том, что следует посвящать труды Академии в целом, т. е. сборник работ всех начальников кафедр или даже не только наших профессоров, но и из других учреждений и даже городов.

8.IV. Суббота. Жоржик был у Кашкарова — чрезвычайно любезен. Написали от имени дирекции ЛМИ ходатайство. У директора Жоржик встретился с Н.И. Озерецким. Договорился, чтобы он взял с собой черновик ходатайства от президиума АМН СССР для подписи Аничкова и переслал бы нам. Как всегда во все трудные минуты жизни, позвонил Мееру Абрамовичу. Обещал помочь через начальника горжилотдела, жена которого работает в «Скорой».

9.IV. Воскресенье. Иришка изготовила очень вкусные куличи и пасху. Весь день ушел на писание различных ходатайств (проектов их). Была Нина Владимировна Бекаури. К Жоржику приходил консультироваться Постников. Вечером Жоржик убежал за марками. Марки и книги — страсть этого человека! «Это лучше, чем если бы он пил», — так всегда говорил дорогой Юстин Юлианович, пусть так и будет считаться.

10.IV. Понедельник. Утром поехал со мной в Академию и Жоржик, нужно было, чтобы Зотов дал ходатайство относительно

но закрепления квартиры. Столь большая срочность вызвана тем, что в 10.30 надо быть на приеме у нового зав. горжилотделом Карпец Ивана Никифоровича. Свидание это было организовано незаменимым Меером Абрамовичем! В горжилотдел пошли вместе. Разговаривал он с нами в присутствии помощницы — Федоровой и юриста. Оказывается, существует закон, что доктор наук может занимать квартиру любой площади. Дискутировали вопрос о том, что можно ли Жоржика уже считать доктором наук. Сам Карпец производит впечатление умного и веселого человека. На предложение Жоржика, что он может через несколько дней представить ходатайство от президента АМН СССР, он ответил, что «это, конечно, не то, что от Вавилова, но годится и оно». Карпец взял все бумаги и обещал в ближайшее время все выяснить. Даже у пессимистически настроенного Жоржика появилась надежда на спасение квартиры и вещей.

Закончила чтение книги Арутюнова «Огнестрельные повреждения крупных сосудов и их хирургическое лечение». Киев, 1949. Книга написана хорошо по форме, но автор «хирургического лечения», несмотря на большой личный опыт, не осветил в полном объеме, этот раздел дан весьма поверхностно и в общих словах. Занималась весь вечер составлением литературного указателя. Ложусь спать 3.45.

11.IV. Вторник. Была на заседании общества рентгенологов. Впервые видела и слышала Плутенко, плохо говорящего нахала, который благодаря подчеркиваемой им самим связи с МГБ сумел не только «покорить» сердце директора, но

и держит в страхе всех работников Рентгеновского института. Он демонстрировал рентгенограммы больного с предполагаемым диагнозом артериовенозной аневризмы подключичных сосудов после произведенной им ангиокардиографии. Задала вопрос Майкова-Строганова относительно того, почему докладчик («товарищ Плутенко») не указал на осложнения, бывшие у больного в виде отека конечности и изменения кожи. Выступали Яхнич, Гринберг, Кевиш. Первые два довольно агрессивно, третий значительно мягче. Докладчик отвечал более чем нагло всем выступавшим. Вообще, все это производит ужасное впечатление!!

После демонстрации поехала к Гирголавам. Семен Семенович облопался психи, устроил печеночный приступ впервые с явлениями со стороны сердца. Вначале была аритмия, затем тахикардия. Подъехал вскоре и Жоржик. Были недолго и, взяв 4 катушки его пленок, уехали домой.

12.IV. Среда. Ездил с А.А. Бочаровым к Протопоповой Людмиле Михайловне, у которой продаются 3 наброска-этюда Юстина Юлиановича, сделанные в 1943 г. в Кирове Н. Быльевым. Два из них довольно удачные: «Ю.Ю. перед операцией» и «Ю.Ю. во время операции», третий — просто никуда не годится. Эта женщина хочет за них «рублей по 250–300 за каждый». А.А. сказал, что он возьмет два «рублей за 300–400». Она просит дать ей 400 р. Ар. Ал. обещал позвонить сам или передать ответ через меня. В киностудии Музея показывали мне фильмы, посвященные Юстину Юлиановичу, для того чтобы я указала, какие мне хочется заказать фотографии. Кончилось тем, что

надо почти всё, что снимали дома, и несколько из снимков в клинике. Дежурила на кафедре до 24 ч. Опять занималась фотографией — печатала с пленок Семена Семеновича и одной из своих (Майори).

13.IV. Четверг. Шеф сообщил мне о том, что у Медеи ушел муж, оставив ее с трехмесячной беременностью. Как-то не хочется этому верить! Днем заходил Б.Г. Стучинский, принес билет и программу X студенческой научной конференции, посвященной памяти Юстина Юлиановича Джанелидзе. С его стороны это крайне любезно! Но до чего мелки все остальные, что ни одна не позвонила даже по телефону! Вечером Жоржик долго болтал с Меером Абрамовичем по телефону, оказывается, он тоже не знал об этой конференции. Хитрюшка Жорж спрашивал у М.А. совета относительно того, что не следует ли ему сходить в горжилотдел. Меер Абрамович обещал сам позвонить тов. Карпия.

14.IV. Пятница. Приезжал ко мне Жоржик, для того чтобы навестить Михаила Григорьевича Зайцева. Узнав, что мы к нему пойдем, шеф длинно и долго объяснял, что навещать такого тяжелого больного ходит такая масса народу, что в клинике подумывают это запретить. В госпитальной был на консультации Ив. Пет. Виноградов. Жоржик с ним поговорил и сказал, что относительно квартиры предприняты кое-какие шаги. Ив. П. высказался о том, что он имеет сведения, что все будет в порядке. Вероятно, от Меера Абрамовича.

Были в 1 ЛМИ на студенческой конференции. Организация ее может быть названа образцом дезорганизации; в билете было написано в 5.30 начало,

Мих. Ан. Сресели считает, что опущено слово «приготовления». Бегали за эпидиаскопом и устанавливали его. Принесли портрет Юстина Юлиановича, который вначале пытались поставить на стул, но по предложению руководителя студенческих кружков проф. Тушинского взгромоздили на 3 стула; затем в конце уже второго доклада принесли подставку, обшитую красивым сатином, и портрет был переставлен. Во время первого доклада бегали за указкой. И масса подобных мелочей.

Вступительное слово М.Д. Тушинского ничего особенного не представляло, хотя необходимо подчеркнуть, что в нем совершенно не чувствовалось обычного шутовского стиля. Доклад «Юстин Юлианович Джанелидзе — ученый и учитель» читала студентка Н.Н. Соболева. Доклад вполне приличный, много лучше, чем знаменитый некролог; читала она его хорошо, но наружность портит всё.

Второй доклад «Ю.Ю. Джанелидзе и его вклад в учение об ожогах» делала Е. Матросова. Доклад очень хороший, девушка имеет приятную наружность.

Третий доклад «Тканевая терапия при облитерирующем эндартериите» вызвал бурные прения со стороны присутствующих профессоров и врачей.

Последний доклад «Лечение люмбаго внутрикожным новокаиновым блоком» — ничего особенного. Закончилось заседание демонстрацией кинофильма «Кардиолизис».

Из высказываний М.А. Сресели чувствуется, что в его душе борются два чувства: долг перед памятью Юстина Юлиановича — избрать более достойного по конкурсу на кафедру — и

давление, оказываемое, прямо говоря, С.П. Ивановым, по поводу избрания Углова. Уснула с грелкой из-за болей в правой подвздошной области.

15.IV. Суббота. Заходила в горжилотдел, чтобы передать ходатайство Академии мед. наук относительно закрепления квартиры за Жоржиком. Ивана Никиф. Карпец не было и не должно было быть. Тогда я попросила секретаря передать это Федоровой и слышала голос ее: «Это дополнение к тем бумагам. Очень хорошо». Приходила ко мне Медея. Плачет. Жоржик оказался прав; когда я ему сказала, что Медею бросил муж, он, немного подумав, объявил, что причина — смерть папы, т. к., вероятно, молодой человек женился для устройства своей карьеры. Оказалось, что он сам так говорил своей неофициальной жене, к которой он и ушел. Хорошая жизнь! Жоржик весь день строчил доклад о работах Е.Л. Николаи — во вторник будет докладывать. Писала под его диктовку. Легли в 3.30. Способный он!

16.IV. Воскресенье. Заехали за Тудоровскими и направились в Гатчину, не доезжая которой сломался «Форд». На наше счастье, попутный грузовик взял нас на буксир и довез за 25 р. до города (немного не доезжая Фрунзенского универмага), а затем второй грузовик за 30 р. до гаража.

Позавтракали и поехали относительно покупки «Победы», но их нет. Весело поболтал Жоржик с Меером Абрамовичем на тему о поездке. Утром говорила с Марком по телефону относительно нового плана Зиновия Моисеевича Волинского о написании монографии «Перикардиты». Он

сам — клинику, Аркадий Бочаров — «хирургическое лечение», а с Марком Мих. и Верой Гр. он уже договорился о «рентгенодиагностике». Так ни я, ни Марк в этой «милой» компании писать не будем!!

17.IV. Понедельник. Разговаривала с Георгием Аркадьевичем относительно Медеи. В первый момент — «Я ничем не могу помочь». Но затем обещал поговорить с Виктором Григорьевичем Бутомо.

Ночью звонил Д.Г. Бадридзе. А.Н. Бакулев рьяно принялся за дело — но ответ, к великому огорчению, таков: «Решения нет, не будет, и вновь возбуждать не следует!». У Жоржика возникла сразу масса предположений, но вернее всего, просто сейчас не до этого. Жаль, что дорогой папочка за свою столь честную и огромную работу не удостоился посмертно того же, что Н.Н. Бурденко и А.В. Вишневский!

18.IV. Вторник. Получено приглашение Г.А. Зедгенидзе на заседание относительно сборника трудов, посвященного памяти Юстина Юлиановича. Просила Георгия пойти и поговорить, что надлежит такой сборник делать не от хирургических клиник, а от Академии и поместить туда работы людей, имеющих имя. Обещал сделать. Вечером я звонила об этом Триумфову, а Жоржик Мельникову. Пока больше говорить не с кем.

19.IV. Среда. Около 12 ч. меня пригласил к себе в кабинет А.А. Бочаров. Сообщил, что собирается идти на заседание относительно сборника трудов, посвященного памяти Юстина Юлиановича, к Мельникову. Спросил, что я советую ему просить. Я повторила, что он должен настаивать на издании отдельного тома госпитальной хирургии, т. к. это было задумано

Ю.Ю., часть сборника им отредактирована, поставить фамилии двух редакторов. Рассказал мне, что З.М. Волынский предложил ему писать монографию о перикардитах совместно со мной и посвятить ее памяти Юстина Юлиановича. Я ответила лишь, что мне это Зиновий Моисеевич предлагал месяца полтора-два тому назад, но я до сих пор ему не ответила. Беспокоится, когда я сдам работу Юстина Юлиановича с «Бабкой?» об артериовенозных аневризмах подключичных сосудов. Мой ответ был совершенно в восточном стиле: «Через 10–15 дней после сдачи Вами сборника в РИО». Вообще, я, вероятно, скоро сумею говорить с Аркадием Алексеевичем наподобие Насреддина!!

После кафедральной конференции шеф рассказал о заседании у Мельникова. Он немного опоздал и пришел, когда говорил Коровин, что имеется два предложения — издать сборник трудов хирургических клиник, посвященный памяти Юстиана Юлиановича, или монографию «Перикардиты». Попросил слово Георгий Аркад. и сказал, что Ю.Ю. был крупнейшим хирургом, что он достоин того, чтобы сборник, ему посвященный, состоял из работ известных хирургов, хирургов всей нашей страны, что такой сборник можно будет напечатать только в 1951 г. Аркадий Алексеевич спросил: «А кто же будет редактором?» Шеф ответил, что редактировать должен самый старший из хирургов Академии — А.В. Мельников. Коровин сообщил, что доложит начальнику Академии.

Вечером позвонила Мееру. Его еще не было дома. Но Ольга Яковлевна сказала, что Карпец считает, что все будет

в полном порядке. Звонил и сам Меер, подтвердивший это радостное известие. Какое будет счастье, если это так!

Поздно вернулся Жоржик. Доволен и докладом, и лекцией! Хорошо, что его успехи доставляют ему самому так много удовольствия. Счастливый он человек — огорчения бурные, но кратко-срочные.

20.IV. Четверг. Смотрела больного Никитина после резекции. Это тот больной, где я прозевала рак. Заходила в библиотеку 1 ЛМИ. Подарила директорисе фотографию дорогого Юстина Юлиановича. Взяла брошюрку Крымова. Пора кончать работу об артериовенозных аневризмах (Жоржик опять на конференции в институте, вернулся в 10.45). Перепечатаваю в последний раз «Патогномоничные признаки дермоидных кист и тератом средостения». Вспоминаются дни совместной работы, и до сих пор не верится, что их уже больше никогда не будет, что все это уже позади — в прошлом...

Вечером звонила Н.И. Мельникова, передавшая от имени Александра Васильевича, что пожелания Жоржика выполнены, что сборник будет состоять из работ крупных хирургов, что редактором избран Александр Васильевич. Хорошо, что мы в последнюю минуту успели поговорить относительно сборника!!

21.IV. Пятница. Шеф по просьбе Жоржика смотрел Н.И. Шабад (жену Л.Г. Лойцянского). Подтвердил мое предположение о наличии язвы duodenI. Навестила М.Г. Зайцева. Выглядит очень прилично; хотя в понедельник было очень плохо. Аркадий весьма отрицательно настроен

относительно сборника, посвященного памяти Юстина Юлиановича. Встретила Зиновия Моисеевича, которому не дает покоя идея о написании монографии «Сдавливающий перикардит», был со мной крайне любезен.

22.IV. Суббота. На «Москвиче» А.И. Кашнова с ним, М.В. Струковым и Ирой ездили на дачу. Меер Абрамович дал грузовик, вместе с которым приехал и Гр. Фед. Березин. Когда приехал грузовик, все вещи уже были вытащены из дачи. Домой привезли столик черного дерева, маленькую кушетку и кресло; все щиты с окон и дверей сложили в сарае. Две никелированные кровати продала — каждая по 400 р., конечно, это очень дешево, но я больше не хочу возиться — все это отнимает не только время, но слишком много нервов. Каждая мелочь на даче — все, все создавалось и делалось по идеям дорогого Юстина Юлиановича! Все остальные вещи (кровать, маленький письменный столик, белый столик и два белых стула, 3 матраца, складное кресло и пр.) отдала Михаилу Васильевичу; оставлено на его даче в Александровке. Из Александровки Ира с вещами поехала домой; мы в Сестрорецке отправили письма маме и Мавре. Затем поехали осмотреть шалаш Ленина. Сделано очень культурно! Много фотографировала. Два моих спутника, одевшись в резиновые сапоги, побродили по болоту. Кроме лягушек никакой дичи не было видно. Домой вернулись около 7 часов вечера. Еще одна глава «Наша дача» закончилась...

23.IV. Воскресенье. Самочувствие поганое. С Ирой поехали на кладбище. Могила выглядит совершенно ужасно —

венки сняты («необходимо просушить»), колонка довольно обליнялая! Нашла Василия Михайловича. Думаю, что временно следует сделать мраморную дощечку с фамилией и обложить все дерном. Видела мастеров, делающих памятник дочери Леона Абгаровича Орбели. Делают они его из белого мрамора — вроде того, что у М.К. Петровой. Надо будет повидаться с их архитектором Смирновым Николаем Ивановичем (т. 1–10–54) и начать делать памятник. Гранит можно будет получить через Музей «Некрополь» бесплатно.

Весь вечер занималась последним оформлением «Патогномоничных признаков дермоидных кист и тератом средостения». Ложусь в 3.15.

24.IV. Понедельник. Передала А.А. Бочарову работу «Патогномоничные признаки дермоидных кист и тератом средостения». Осталось впечатление, что это ему доставило явное удовольствие. Вечером приходил М.А. Сресели, который, кажется, нашел компромиссное решение — продлить конкурс. Его мнение о Бочарове и Григоровиче можно резюмировать кратко в виде «Оба лучше», вероятно, он прав. Стала печатать в двух экземплярах «Артериовенозная аневризма подключичных сосудов» — хочется сохранить на память черновик последней работы дорогого папочки. Говорила по телефону с Крестовским относительно памятника. Он знаком с архитектором Н.И. Смирновым; думаю, что правильнее всего будет составить проект памятника им совместно. Отправила письма Васе и Мавре, Ольге Федоровне и Ивану Ивановичу — в Майори.

25.IV. Вторник. Ездила в Лавру к гл. архитектору Н.И. Смирнову. Довольно

долго пришлось ждать — не было на месте. Это невзрачный, малосимпатичный человек. В начале разговаривал очень неохотно, но когда понял, что я буду платить за составление проекта памятника, то оживился, стал много любезнее. Мне хочется, чтобы памятник проектировал он и Крестовский. Вечером было заседание рентгенологов — перевыборы правления. После заседания ко мне зашли Марк Михайлович, А.И. Котов и Люд. Фед. Синенко — пили пиво.

26.IV. Среда. Были с Жоржиком у нотариуса — нужно ввести его в права наследования Сталинской премии и сберкнижки в Москве. Отправили деньги маме и Васе. Приходил Боба, который пишет научную деятельность кафедры и, конечно, пропустил ряд работ Юстина Юлиановича.

27.IV. Четверг. Ездила с Наталией Ивановной Мельниковой на кладбище. В это время Василий Михайлович подправлял могильный холмик, рядом стояла Янина Люциановна, которая сразу же заговорила со мной о памятнике, предупреждая, чтобы я ни в коем случае не согласилась бы, чтобы работу взял какой-то подрядчик. Видимо, следует, прежде чем отдавать работу, переговорить наедине с ней, с Н.И. Смирновым, чтобы не сделать какого-либо промаха.

28.IV. Пятница. На кафедре было чаепитие с докладом М.М. Попова и самостоятельностью. Девушки постарались, чтобы все было хорошо. С кафедры поехала к Гирголавам, где уже был Жоржик; просидели до 24 ч., из-за дождя вызвали такси. Приехал в Ленинград Леня Улицкий — женился. Огорчился, что мы не сможем завтра вечером быть у него.

29.IV. Суббота. Навестила Зайцева. Как всегда, весьма остроумен. Сердце его, видимо, не справляется ни с какой нагрузкой. Сделанные несколько шажков под руку с лечебным физкультурником привели к тому, что трое суток нельзя будет даже садиться. Дал мне фамилию женщины, работающей управляющей в Архитектурном управлении, к которой можно будет обратиться в случае каких-либо недоразумений при оформлении могилы Юстина Юлиановича — Нина Александровна *Смолянова*.

В коридоре клиники встретила В.С. Галкина. Настроение у него очень плохое — состояние Анны Ефимовны крайне тяжелое. Сказал, что ему не хочется даже пойти домой — дом опустел. Вечером были у М.А. Месселя. Засиделись бессовестно — домой пришли около 4 ночи. Ольга Яковлевна всему начинала учиться, но до конца ничему не научилась. Видимо, имеет какие-то задатки художественного направления: немножко лепит, вышивает, шьет, поет. Но все «немножко»!

30.IV. Воскресенье. Ездили с Ирой и Жоржиком на кладбище. Холмик почти закончен. Видели и мраморную дощечку с надписью, но еще не покрашенную. Видимо, вырезал буквы сам Василий Михайлович. Заплатила ему 300 рублей. Купили две веточки хвои и положили на холмик. В следующий раз надо будет привести несколько горшочков цветов — гортензий.

Вчера навестили Сашу, отвезли ей продуктов. Впервые сама заговорила о деньгах. Одолжили 650 р. Эти две бедные женщины, очевидно, голодают; жаль их очень. Жоржик был у своего шефа —

А.И. Лурье с Голушкевичем. Составляли план книги, которую будут писать вчетвером (еще В.В. Новожилов). Вернулся около 1.30 ночи.

1.V. Понедельник. С самого раннего утра занимаюсь «Артериовенозными аневризмами подключичных сосудов». Напечатала еще раз все полностью — будет удобно править и переделывать. Жоржик был на демонстрации, затем работал над задачкой. Звонил Л.И. Щеголев. Он был на кладбище, говорит, что могила хорошо сделана. Заходил Тенгиз Месхи, я его не видела — отдыхала.

2.V. Вторник. Днем с Ирой купили цветы и поехали на кладбище. Только в России лучшим местом для пребывания детей на воздухе являются кладбища! Сегодня утром, как сообщила нам одна из сторожих, мальчишки оборвали на могиле цинерарию. Оставили в сторожке 2 горшка гортензий и 2 горшка цинерарий, для того чтобы завтра их посадили. Была у Е.В. Благовещенской — завтра зайдет ко мне.

3.V. Среда. Подписалась на заем. В ночь с 1 на 2-е мая умер М.Т. Трофимов; собрали для «венка» 528 р. Остался сынишка 4 лет. Шеф явно огорчился известием о смерти Мих. Троф., хотя его никто из нас более 1,5 лет не навещал! Вечером заходил Леня Улицкий со своей женой — Беллой, преподавательницей английского языка.

4.V. Четверг. Опять много работы по кафедре. В 2 часа дня поехали с Бобой в магазин на Восстания, заплатила 9 тысяч, вместе с подъехавшим Гр. Фед. Березиным («Гришей», как зовет его Меер) поехали на склад за «Москвичом». Выбрали серенького. Итак, я владелица автомобиля! Нам

на складе показали очень красивого цвета «Победа» — кабриолет — коричневатый; думают, что такие же придут и цельнометаллические; тогда Жоржик станет владельцем «Победы».

5.V. Пятница. Утром была относительно регистрации «Москвича» у начальника Петроградского ГАИ. Дал номер «Л.Е.03.11», а завтра выдаст документы. Около Кировского универмага встретила А.И. Иванова. Договорились вместе поехать на Монументскую скульптуру и узнать, как и где делать памятник для дорогого Юстина Юлиановича.

6.V. Суббота. Оформила «Москвича». Была с Поповым на кладбище — день смерти матери Марка Михайловича. На кафедре ничего не делала. Поехала домой за Жоржиком. Съездили к Новожилову — он в городе. Поездили по магазинам. Жоржик ездил к какому-то человеку на Васильевский и купил альбом «Нового времени» (с немецкими марками).

7.V. Понедельник. Собрались вместе с Меером Абрамовичем и Ольгой Яковлевной поехать за город, но вместо этого занимались (я и Боба Рабинович) покупкой «Победы». Купили фисташковую машину. Так что у каждого своя машина. Бедный владелец «Победы» совершенно изнемогает под тяжестью задачника. Вечером уже я занималась изготовлением рисунков. Раненько утром побежала на городскую станцию за билетом для Жоржика. На 9-е были билеты только на «стрелу». Взяла ему билет в мягкий вагон. Побывала на кафедре. Убежала домой; сходили к нотариусу и в автоинспекцию. Ст. нотариус Толкачева Е.П. согласилась дать отдельную запись на Премию. Инспектора так и

не застала. Вернулась на кафедру. Шефа «взволновало» известие о наличии двух машин. Около 5 приехала к Поповым — день рождения Марка Михайловича. Пробывала у них почти до 9 ч.

9.V. Вторник. Второй день, когда я совершенно не работаю на кафедре, — все срочные дела: автоинспекция, банк, поездка за Жоржиком в Лесное, нотариус. Первый день самостоятельной езды на «Москвиче»! Вначале было немного не по себе, а затем ничего. Хотели у нотариуса оформить дарственную на «Форд 8» для городской Скорой помощи. Но это, оказывается, не менее сложно, чем купить машину! Около 6 ч. вечера получили номера для «Победы» (03–13). Проводила Жоржика; вернувшись, сразу же легла спать. Видимо, за последние дни очень устала — сразу заснула и проспала до 8 ч. утра. Я даже очень рада поездке Жоржика — он хоть немного отдохнет. Последние дни были сумасшедшими!

10.V. Среда. Ездили с Ирой на кладбище. Все четыре горшочка с цветами целы; дощечки до сих пор нет. Ира купила чудесные аютины глазки, которые и посадила. Проехалась по универмагам в поисках дорожек (ковровых) для «Победы»; ничего подходящего не видела. Вечером занималась «Подключичными». Ложусь спать в 3.30; а заснула только в 5-м часу.

11.V. Четверг. Ездила в Кировский универмаг, к Матвееву А.С. и в ДЛТ — в поисках ковровой дорожки; безрезультатно. Купила 4,5 м гобелена для чехлов, боюсь, не мало ли. Все мучаюсь над «Подключичными».

12.V. Пятница. Звонила в таможенную относительно «Форда 8». Нужна справка

из ГАИ о происхождении машины. Справку получила. Но приемные дни в таможене — четверг и понедельник. Без Жоржика дом совершенно опустевший и невероятно тихий!!

13.V. Суббота. Получена бумажка из Ленгорсовета с очень лаконичным текстом «Проект с обсуждения снять» (О закреплении жилплощади за Жоржиком). Конечно, сразу же позвонила Мееру Абрамовичу. Его не оказалось дома. Он мне звонил в 11.15; считает, что это не отказ; обещает завтра поговорить с Карпецом И.Н.

Разговаривала с Давидом Георгиевичем Бадридзе. Сказал, что Премию перевели, со сберкассой все в порядке и на вчерашнем заседании ВАК'а утверждена диссертация Жоржика. Жоржик целые дни был занят; повидал очень много лиц в связи с увековечиванием памяти Юстина Юлиановича. Насколько я смогла понять из слов Давида Григорьевича, отказа не было, а просто никто и не докладывал, и что возбуждают новое ходатайство через Юмашева.

14.V. Воскресенье. Никогда не знаешь, как пройдет день. Собиралась сперва поехать за город с Месселями, но из-за застрашного доклада Меер Абрамович не смог. Затем звонили Гирголавы, которые хотели куда-нибудь поехать, если будет хорошая погода, — шел дождь. Зашел к Жоржику В.В. Новожилов. Немного посидел у меня и предложил пойти с ним к Петровой-Водкиной.

Увидела уйму рисунков, много различного жанра и размеров полотен. Первые годы — годы реальной живописи, затем эпоха футуризма. Семья художни-

ка: жена, старая женщина, говорящая с ужаснейшим акцентом (французенка); дочь — миловидная молодая женщина, имеющая двоих детей. В квартире полнейшая нищета, нет никакой мебели.

Вечером звонил Меер Абрамович, он говорил с Карпецом. «Проект снят с обсуждения» из-за того, что Жорж имеет право занимать эту квартиру ввиду наличия докторского звания в общем порядке, и незачем издавать постановление как о «сыне покойного», когда он сам имеет свое лицо.

Завтра скорым поездом приезжает Жоржик. Представляю, сколько ему захочется рассказать всяких новостей! Ира была на кладбище; осталась довольна.

15.V. Понедельник. Встретила Жоржика. Заехали домой и сразу же отвезла его в Лесной. На кафедру вернулась в 12.45. Жоржик успел повидать в Москве очень многих: Исакова И.С., Бакулева А.Н., Карманова И.М., Левита В.С., Каракана Р.К., Соколовского В.В., Шапиро и ряд др. из людей его специальности. Иван Степанович советует Жоржику написать Л.П. Берия относительно вопроса увековечивания памяти Юстина Юлиановича. Москва, как всегда, кипит от интриг и дрызг!

Побывал Жоржик в Комитете по Сталинским премиям. Там очень милые и приветливые люди. При нем оформили все бумаги и обещали, что дня через 3–4 деньги будут в Ленинграде. Зато в ВАК'е встречают всех приходящих, как в хорошем собачнике. В ВАК'е толком выяснить ничего не удалось, но со слов Работнова, который был рецензентом, 12 мая было заседание, на нем диссертацию утвердили и в итоге выдадут деньги. В сберкассе тоже вполне успешно разрешили все дела.

Жоржик очень доволен своей поездкой. Конференция была, видимо, интересная, его там встретили весьма почтительно, называли профессором и т. д. и т. п.

Мне он привез 3 номера «J. Rentg. a. Radiol.», на него меня Раф Карпович подписал, обещал, что и в будущем году тоже оформит подписку. Уснула в 10 вечера!!

16.V. Вторник. Вечером были у М.А. Месселя. Жоржик прочел черновик письма к Л.П. Берия с просьбой о содействии в увековечивании памяти Юстиана Юлиановича. Как всегда, у М.А. засиделись, и домой вернулись во 2-м часу ночи. Жоржик был в Техиздате, где он, Лурье, Голушкевич подписали договор на книгу.

17.V. Среда. Жоржик долго болтал по телефону с С.С. Гирголавым. Оказывается, А.В. Мельникову пришла в голову новая идея относительно конкурсов 1 ЛМИ — зав. кафедрой сделать З.В. Оглоблину, а Жмура — профессором. Как все кончится с конкурсом, сейчас и не скажешь. Бакулеву очень хочется устроить сюда Жмура, а Н.Н. Петрову хотелось посадить Углова. Но сейчас Петрову будет не до этого, С.С. сказал, что у жены Николая Ник. — тяжелейший инсульт.

18.V. Четверг. Сегодня Жоржик впервые ездил на «Победе». Остался в восторге от нее. Ездил он с Меером Абрамовичем в таможду относительно «Форда». Необходимо, чтобы его оценили из ГАИ и райфо. После чего «Скорая помощь г. Ленинграда» должна будет платить пошлину, кажется, 50% стоимости! Занималась с ВКУОСМС — терапевтами нормальными легкими. Жоржик кончил читать лекции и получил в подарок хрустальный кувшин для воды с подносом и

двумя стаканами. Очень доволен. В субботу пойдет в Кораблестроительный институт по делам совета и в разведку относительно кафедры. Ему уже предлагали кафедру математики в училище, где читает Голушкевич (кажется, им. Каляева) и в Холодильном институте — кафедра сопроматов. Но больше всего ему хотелось бы остаться в ЛПИ.

19.V. Пятница. Вчера отправили письма: Берия, Кудинову и Исакову; в последнее письмо (весьма краткое) вложили портрет кота. Много работы; но, видимо, я от всего сильно устала — работается плохо! Отвезла Жоржика на завод и вернулась за ним после его лекции. Заехали к Гирголавам. Ольга Владимировна у кого-то взяла для меня кусок искусственного шелка (черного с белым — в полоску); я его купила. У Жоржика был Лехницкий.

20.V. Суббота. Утром Жоржик приезжал на кафедру к нам. Повидался с Аркадием Алексеевичем. Относительно печатания трудов кафедры госпитальной хирургии пока ничего не решено. Жоржик хотел повидать Долго-Сабурова, но он был занят и просил быть у него 23-го к 1 часу дня. С Ольгой Яковлевной ездили в Колпино. Хорошая дорога. «Победа» идет прекрасно. Часть обратного пути вела ее я. В управлении очень проста, амортизация безукоризненная. Вечером проспала 3 часа. Каждый раз, как побываю на воздухе, так сплю очень много.

21.V. Воскресенье. Весь день читаем и редактируем «Подключичные». Вышли из дома в 6 ч., прошлись по Большому и вернулись домой. Ириша была на кладбище.

22.V. Понедельник. Аркадий Алексеевич Бочаров купил вчера «Москвича».

Все мысли направлены в сторону «автомото-дела». Перепечатала 12 стр. «Подключичных».

23.V. Вторник. Жоржик был очень любезно принят Донго-Сабуровым, который считает, что «Труды госпитальной хирургии» малы по объему. Ему пришла в голову мысль выпустить том в виде двух выпусков; один — госпитальной хирургии, второй — какой-либо другой кафедры. Купили диван красного дерева за 3090 руб. + 150 р. за доставку и сборку. Очень красивая и весьма подходящая к столовой вещь! Были в киностудии Музея.

24.V. Среда. У Жоржика было вечером заседание с докладами Наследова Д.Н. и Каце А.М. Вернувшись домой, с восторгом рассказывал, как умен Дмитрий Николаевич, который сумел весьма тактично изругать Я.И. Френкеля.

25.V. Четверг. Ездил со Смирновым Н.И. и Крестовским И.В. на кладбище. Убеждаюсь, что без соавторства Смирнова Н.И. ничего хорошего сделать не удалось бы, т. к. у кладбищенского начальства тенденция давать как можно меньшие участки. Подходили к могиле Кировой, где мне нравится ограда. Вначале Н.И. что-то пытался говорить, что этого делать не следует, но затем согласился; у одного из них появилась идея о включении в ограду каких-либо медицинских эмблем. Я предложила показать «якорь с чашей», который напечатан на всех академических изданиях. Смирнов показал памятник Успенскому (первому директору Некрополя), вблизи этого памятника лежал кусок камня (похожего на черный гранит с сине-голубыми, играющими на солнце включениями). По мне-

нию обоих авторов проекта, следует весь памятник делать из такого материала. Это будет очень красиво! Встретили и Янину Аюциановну, и Василия Михайловича. Так что было все кладбищенское начальство в сборе! Еще осенью прошлого года я не знала никого из этого мира, а сейчас становлюсь прямо-таки специалистом по столь грустным и тяжким делам!!

Могила Юстина Юлиановича выглядит бархатным ковриком. Доску Василий Михайлович сделал хорошо. Прошли мимо могил Панковича П.Ф. и Крылова А.Н. Видимо, никто не ходит из родных — ничего не посажено, голо и пусто. Вечером я позвонила Алекс. Александровне Панкович и предложила поехать вместе на кладбище, чтобы посадить цветы. Она была немного смущена разговором, но не обиделась, кажется.

Жоржик вернулся поздно — были прения по вчерашним докладам. Очевидно, не очень умно выступал какой-то Львов, специально приехавший из Москвы. Кто-то из следующих ораторов назвал его даже неучем. Каялся Яков Ильич Френкель, что Жоржику напомнило выступление давно минувших лет Н.Н. Аничкова об Ашофе. Была у Н.И. Мельниковой. А. Вас. Мельников, П.А. Куприянов и Серебров в Москве обследуют Ключеву и Раскина, кажется, в последний раз.

26.V. Пятница. На кафедре не было работы — нет электрического тока. Позвонила Ире, которая собиралась ехать на кладбище, чтобы заехала за мной. Ездили я, Ира и Боба Рабинович, который должен был приехать со мной на станцию обслуживания к Ершову (председателю завода малолитражных автомобилей)

относительно «Москвича» — не горит лампочка зажигания и воеет сцепление. Ириша привезла ландыши и баночку для них. Вернулась домой около 5 часов. К 8 поехала вместе с Гришей за Жоржиком, чтобы сразу проехать к художнице Евг. Вл. Благовещенской, которая болела. Клятвенно обещает быть завтра у нас. Жоржик, видимо, очень переутомился; рассказал, что был приступ, сопровождающийся потерей речи, во время заседания на кафедре. Уснули довольно рано.

27.V. Суббота. Ездили с Жоржиком в ГАИ относительно «Форда». Сказали, чтобы Жоржик подал мотивированное заявление, и его рассмотрят; если в Ленинграде не смогут решить, то перешлют в Москву. Были в Академкниге. Здесь нас всегда принимают как родных. Приходила Е.В. Благовещенская.

28.V. Воскресенье. Побывали на кладбище — Иришка посадила флоксы. Несмотря на раннее время, было уже много народу. Видели Василия Михайловича. Ездили с Тудоровскими на «Победе» в Гатчину. Гатчинский парк совершенно изумителен! Но комаров такая масса, что пришлось довольно скоро уехать. В садоводстве парка купила маргаритки, для того чтобы посадить на кладбище. Раза, как это ни странно, Иришке очень понравилась.

29.V. Понедельник. На кафедре масса работы. Не была даже на конференции. С 2.30 занималась с ВРУОСМО терапевтами. Смотрели желудочных больных. Утром шеф просвечивал сестру Ф.Ф. Андреева — Галкину А.Ф. По задней стенке кардиального отдела желудка огромных размеров нишевидное выпячивание. Георгий

Аркадьевич считает, что это перфоративная язва желудка, перфорировавшая в печенку. Ездил за Жоржиком в Лесной.

30.V. Вторник. В разговоре со мной и Кошиновым шеф заявил, что со второй половины июня начинает заниматься со мной диссертацией, с тем чтобы ко времени его отъезда осталось только оформление, и тогда в декабре можно будет защищать диссертацию. Вот это было бы великим счастьем! Была на заседании общества (доклады А.М. Югенбург и М.Д. Гальпериной).

31.V. Среда. Весь день не выходила из кабинета. Было заседание, на котором обсуждался пятилетний план научно-исследовательской работы. В понедельник (5.VI.) будет продолжение этого обсуждения. Встретили на Кировском Медеу Зедгенидзе — выглядит очень хорошо.

1.VI. Четверг. Жоржик по телефону разговаривал с В.М. Банщиковым, который вначале был архинелюбезен, но затем немного поприличнее. Предложил встретиться с ним в Медгизе, но когда там он будет, сам не знает! Заезжали к Гирголавам. Ложусь в 4 часа — допечатала «Артериовенозные аневризмы подключичных сосудов». Но, как всегда, опять исчезла Евгения Владимировна! О смерти Ф.Ф. Андреева, последовавшей 30.V., нет ничего в газетах. Как он ни был плох, но все-таки во время войны занимал большой пост!

2.VI. Пятница. В «Медицинском работнике» имеется извещение о смерти Ф.Ф., данное 1 ММИ. Странно то, что кончается оно фразой «Доступ к телу с 10 до 14; вынос в 14 часов 2.VI.50». Делала томограммы контр-адмиралу Изачину. Это человек весьма похожий по внешности

на Е.И. Смирнова. Жоржик видел в Медгизе Банщикова. Он был вполне любезен. Согласился издать «Свободную пересадку кожи», но в печатании Лежара отказал совершенно. Думаю, что через 2–3 года это удастся сделать! Звонил Меер Абрамович. Надо передать технический паспорт «Форда» — завтра будут его оценивать. Боюсь, что этим канитель не закончится. Жоржику звонил директор Холодильного института, спрашивал его ответ относительно конкурса. Жоржик весьма вежливо и тактично отказался. Ложусь в 3 часа.

3.VI. Суббота. Ездили на «Победе» кататься в сторону Токсово. Проехали много дальше. По правой стороне на огромном протяжении тянется «Запретная зона» артполигона ЛВО. Видимо, это какие-то засекреченные воинские части. Природа очень богатая: леса, холмы и озера — все время сменяют друг друга. Несмотря на довольно дрянную дорогу, ехать было приятно — амортизация у «Победы» великолепная. На обратном пути выбрались на Выборгское шоссе — несколько раз сюда мы с Юстином Юлиановичем приезжали после тяжелых и трудных операций, когда ему хотелось «подышать воздухом». Вечером мне, как стало последнее время после пребывания долго на свежем воздухе, очень хотелось спать, и в 10 ч. вечера легла совсем.

4.VI. Воскресенье. Позвонили из сберкасс и сообщили, что пришел перевод на 200 тыс. рублей. Дорогому Юстину Юлиановичу хотелось оставить нам с Жоржиком, как он всегда говорил, «Сталинскую премию»; его огорчила денежная реформа тем, что на книжке стало меньше. Иногда он спрашивал, сколько денег на всех

книжках, и всегда, смеясь, говорил, что скоро будет «Премия». Но он перевыполнил свое обещание — у нас на книжках оказалось более 170 тысяч рублей, и теперь еще 200 000. Но деньги текут как вода! Пришлось 20 000 взять для того, чтобы Жоржа ввели в права наследования на «Сталинскую премию»; 20 000 для покупки «Победы»; 2000 — для наследования «Форда»; 3000 — диван. Того, что мы ежемесячно получаем вдвоем, хватает только на квартиру, гараж, шофера, домработницу и отправку денег Васе и маме. На еду, одежду и все прочее надо брать с книжки. Такое положение будет продолжаться до тех пор, пока Жоржик не получит заведывания кафедрой.

Ходили на собачью выставку. Почему Жоржику захотелось идти, не знаю, — ведь он довольно равнодушно относится к животным. Там встретили Михаила Давыдовича Каменского с женой — Екатериной Васильевной. Симпатичные оба. Вечером приходил В.В. Новожилов с женой — Татьяной Михайловной, впечатление от первой встречи с этой женщиной малоприятное. Небольшого роста, худенькая, курит, с претензией на моду. Мать ли она Жени, не знаю, — внешность Жени совсем иная.

Поздно вечером звонил Г.Л. Френкель. В институте работает комиссия, возглавляемая Надеиным. Комиссия должна определить деятельности института как научно-исследовательского учреждения, внедрение науки в повседневную практику и т. п. А не просто ли Надеин ищет для себя места?

5.VI. Понедельник. Пришла посылка от мамы с изюмом и орехами. За-

хворал шеф; вероятно, левосторонний плеврит с резкими жестокими болями. По указанию Марка Михайловича поставили ему банки. На конференции, которую проводил Марк Михайлович, не была — сидела около шефа. Вначале читала ему «Утерянные иллюзии», а затем «Сб. работ клиники нервных болезней». Дремал он под чтение того и другого одинаково хорошо. Приехал за мной Жоржик на «Победе», и шеф был отбуксирован домой. Вечером Жоржик позвонил к шефу домой, подошла Ольга Александровна, сообщившая, что Г.А. болен. У Жоржика осталось впечатление, что они, видимо, не разговаривают. Написала письмо маме. Работала над составлением библиографии к «Подключичным». Привезли художницу, закончившую все рисунки!!

6.V. Вторник. Заезжала за Жоржиком на его кафедру. Внизу меня встретила Анна Карловна, сообщившая о частых приступах очень плохого самочувствия у Георгия Юстиановича. Думаю, что до момента, пока он не отдохнет, не стоит показываться ни А.В. Триумфову, ни кому-либо другому. Весь этот год Жоржику достался такой трудный! Кроме всех потрясений домашних у него масса работы и переживаний и по кафедре. Какие-то интриги по адресу его шефа со стороны дирекции института ведь тоже не могли не наложиться на утомленную донельзя его нервную систему.

В 11.30 приехал Меер Абрамович. Он был, несмотря на усталость, как всегда, весел и мил. Жоржик просил его зайти, чтобы посоветоваться относительно составления текста для фильма о дорогом

Юстине Юлиановиче. Время прошло незаметно. Когда поужинали, было уже около 3 часов. Договорились, чтобы в четверг в 13 часов поехать всем вместе в студию.

7.VI. Среда. Самочувствие, бывшее несколько последних дней весьма средненьким, вдруг резко ухудшилось — замучил кашель, появилась небольшая одышка. Около 13 часов появился шеф; выглядит вполне хорошо, говорит, что боль, незначительная по сравнению с тем, что было в понедельник, еще держится. На «Победе» ездили в Комарово (Келломяки) к Вл. Ив. Смирнову. Жоржику рассказал Кельзон, что к Смирнову обращался директор Политехнического института с просьбой рекомендовать заведующего кафедрой математики. В.И. был очень приветлив, обещал позвонить Шморгунову и спросить, как относительно замещения кафедры. И если окажется, что никакой подходящей кандидатуры не имеется, то он предложит Жоржика. Думаю, что это правильный ход. Ведь Жоржику надо либо продвигнуться у себя в институте, либо переходить куда-либо в другое место. После же разговора Владимира Ивановича с директором, по крайней мере, станет все сразу ясно. Либо пан, либо пропал! Но и во втором случае «есть выход!» Семен Семенович в разговоре с Жоржиком по телефону сказал, что на Пироговском сегодня делал доклад Б.А. Петров (из Москвы) об оперативном лечении острых холециститов. Держался нахально. Но ведь от столь воспитанного «профессора» ничего иного и не приходится ждать. Утром Б.А. Петров был у Бочарова и Житнюка — «Рыбак рыбака видит издалека!». Ириша была на кладбище.

8.VI. Четверг. С Жоржиком и Меером Абрамовичем была в киностудии, где Зильберберг читал текст, написанный вчера ночью Жоржиком под картину о Юстине Юлиановиче. Киностудия — это все же гнездо бездельников. Договорились еще немножко доснять: труды конференций по неотложной хирургии (иначе Институт скорой выглядит очень бедно), портреты папочки с орденами, труды XXV съезда, грамоту Героя Социалистического Труда. Мне надо дописать текст к операции по поводу ангиомы и незаращения Боталлова протока. Возилась весь вечер с подписями под рисунки к «Подключичным». Работа богато иллюстрирована — 27 рисунков. Сегодня самочувствие чуть-чуть лучше; кашель и реже, и легче, почти исчезла одышка. А ось опять все наладится!

9.VI. Пятница. Ездили на «Победе» к Поповым в Озерки. Большой прогресс — Жоржик впервые погладил Джая! От них поехали к Ольге Евгеньевне Кароли. Приехали в 10 часов вечера; перед самым нашим приходом от них ушли московские гости. Остался только бывший редактор нашей газеты в Германии. Это человек, которого иначе как «первейшей категории трепач» назвать нельзя. Хорошо сказал муж О.Е., Борис Герасимович Ананьев: «Впервые вижу Г.Ю. молча слушающим». Ведь нашего Жоржика переговорить нелегко! Девочка О.Е. Наташа очень забавная. Ольга Евгеньевна изливала мне свою душу. Еще только лишний раз могу сказать, если женщина хочет иметь детей и уютный дом, то она никогда не сможет быть хорошим научным работником!

10.VI. Суббота. Жоржик был у Веры Львовны (зубного врача). Запломбирован один зуб внизу и положен мышьяк в другой — наверху. Навестили Михаила Григорьевича Зайцева. Он хорошо выглядит, надеется через несколько дней выписаться. Для него стало вопросом первостепенной важности, кто как умирает. Сообщил, что «Ф.Ф. Андреев умер хорошо на руках В.И. Кудинова». Встретили на территории Академии начальника РИО Колосса Евгения Ивановича. Он сказал, что сборник трудов кафедры госпитальной хирургии задерживается из-за отсутствия «Подключичных» и биографии Юстина Юлиановича, которую пишет А.А. Бочаров. Жоржик ему внушал мысль, что не надо помещать как биографию, так и портрет. Колосс с этим согласился. Вечером были у А.В. Мельникова; ему на рецензию дан сборник кафедры госпитальной хирургии.

Принимал он нас очень радушно. Ушли с ним вместе. Он должен был встретиться с Наталией Ивановной в кино Дома Промкооперации; которая была на даче. Проводили их в кино. Пришли домой, и вскоре Жоржик, Нина и Ира ушли в «Молнию» тоже смотреть «Графа Монте-Кристо». Остались все довольны. Звонили в Москву, семейству Бадридзе — присвоена Сталинская премия за картину «Щит Джургая». Додика не было дома, говорили с Евгенией Николаевной — та в полном восторге.

11.VI. Воскресенье. Были на кладбище. Надо пересаживать; анютины глазки вянут и отцветают. Около 3 часов заехали за Яном Иосифовичем и Евгенией Львовной Шпильбергами. Впервые видела эту женщину. Думаю, что она во всех отношениях хуже своего мужа. Ездили в Шлиссельбург.

Дорога туда для «Победы» вполне хороша. Но там было до того холодно, что я сидела в машине, пока Ян и Жоржик гуляли по берегу озера, рассматривая крепость. Вернулись в город около 9 часов вечера. По совету Яна поехали к Наследовым. Для того чтобы Жоржик мог разговаривать с Дм. Ник. наедине, должна была я беседовать с Миррой Абрамовной (Каплянской-Наследовой). Уезжали от них в 11.30. Принимали нас крайне любезно. Боюсь, что Куслик совершенно зря надел на эту женщину корсет Гесинга. На серии снимков позвоночника 45, 48 и 49 годов, по-моему, нет таких изменений, которые требовали бы такого жесткого лечения. Я предложила Мирре Абрамовне сделать у нас снимки и проконсультировать их с шефом.

12.VI. Понедельник. Жоржик отнес в РИО рукопись. Вера Львовна запломбировала ему зуб. Видела Аркадия, который был крайне сух!

13.VI. Вторник. Вернулись из Зеленогорска шеф и А.И. Котов. Шеф и помощник — оба выглядят так себе. Монографию в черновом виде окончили. Была на заседании Общества рентгенологов. Ничего особенного не услышала. Передали Мельниковой Н.И. рукопись «Подключичные». Вечером с А.В. Мельниковым Жоржик разговаривал по телефону. Кажется, удастся биографию, которую пишет Аркадий, «положить под сукно». Все помощники дорогого Юстина Юлиановича пытаются создавать себе славу на поминках шефа! Видимо, Жоржику еще придется не раз и не два умерять «пыл» помощников. По совету М.В. Струкова не дала истории болезни Волынскому З., сказав, что нигде не могу найти.

14.VI. Среда. Ездил с Ирой и садовником из Академии на кладбище. Заменяли анютины глазки и маргаритки астрами, львиным зевом и бархатками. Сделали бордюры из пиретрума. Через неделю могилка будет опять вся в цвету. Каждый раз при посещении кладбища взбудораживаются картины недавнего прошлого, такого дорогого, близкого и безвозвратно ушедшего!.. Уже когда хотела уходить с кафедры, вдруг появился Трибуц. Я ему предложила сделать снимки; он очень охотно согласился. Жоржик вернулся домой около 23 часов. Работает над задачкой.

15.VI. Четверг. Приезжал из Озерков Марк. Настроение у него неважное — получил тройку на экзамене в Университете марксизма-ленинизма. По его словам, отметка эта несправедливо поставленная.

Заехали с Марком и Людмилой в «Пасаж» и ДЛТ.

16.VI. Пятница. По настоянию А.И. Меркулова ездил к шефу вместе с Аллой. Причина поездки — звонил по телефону Соболев В.И. и передал, что надо отправить шефу срочно иглы для шприца «Рекорд» и новокаина. При выходе из «Москвича» встретились с Ольгой Александровной. Шеф был уже в кителе и собирался на кафедру. Вышли от них вместе. Я съездила за билетом для Жоржика — взяла билет в мягкий вагон «стрелы» на 18.VI.50 г. Поедет на дискуссию по теории упругости и пластичности Ильюшина и Одинга. Ириша съездила на кладбище. Там все в полном порядке, но она желает еще посадить 4–5 кустиков львиного зева или астр. Надо будет в воскресенье с ней съездить мне самой.

Кончаю читать гранки доклада Юстина Юлиановича «Чрезгрудинная блокада сердечно-аортальных сплетений при грудной жабе» на сессии, посвященной 70-летию И.В. Сталина.

17.VI. Суббота. Уехала с кафедры вместе с А.И. Меркуловым. Поехали в Академ-книгу за книгой Арсеньева «Сквозь тайгу». Передала Варваре Петровне (РИО) гранки «Чрезгрудинной блокады». Все меньше и меньше остается долгов дороговому Юстину Юлиановичу. Приходила санитарка из 1 ЛМИ, принесла книгу от Стучинского Б.Г. «Дермоидные кисты». Долго разговаривала с Ирой. Сообщила, что на меня в институте в претензии, во-первых, за то, что я не разрешила поставить Юстина Юлиановича на сутки в институте; во-вторых — не устроила поминок и, в-третьих, никогда даже не приду к врачам в клинику. Конечно, это перепевает слова старших! Но я за собой никакой вины не чувствую. Ведь похороны для многих были цирком, а для меня — горем, да еще каким...

18.VI. Воскресенье. Днем съездила с Жоржиком к Гирголавам, С.С. написал письмо Бакулеву относительно конкурса в 1 ЛМИ. Там отвели кандидатуру Жмура, не имея на это никакого права. Заехали в Дом Книги, купили мне Рубинштейна. Весь остальной день занимались задачкой.

В 10.40 на автобусе № 19 поехали на Невский, а оттуда пешком до вокзала. Жоржик поехал в одном вагоне с пятью профессорами ВММА (Е.В. Смирнов, Лазарев...), которые направляются на Дальний Восток. С Жоржиком в купе поехал какой-то человек, совершенно пьяный, но абсолютно миролюбиво настроенный. Вернулась домой и сразу же легла спать. Устала очень...

19.VI. Понедельник. Работы было мало, но пробыла на кафедре до половины пятого — был шеф, а Александр Иосифович ушел на партсобрание. Увезла на «Москвиче» шефа домой. Взяла у Академического садовника немножко рассады — Ира хочет посадить на кладбище. Он преподнес большой букет сирени; очень простецкого вида, но с весьма сильным запахом. Ириша уверяет, что это персидская сирень.

Получила письмо от мамы. Конечно, она приедет вместе с Ланушкой. Я рада, что мама хоть один раз в жизни совершенно отдохнет. Ведь у нас ей не придется абсолютно ничего делать! Ночью позвонил М.А. Сресели, чтобы сообщить Жоржиком о результатах голосования на ученом совете 1 ЛМИ — за Углова 27, против него — 3. В дирекцию института пришла телеграмма от Жмура, который просит снять его кандидатуру; телеграмма, как сказал Михаил Андреевич, «обиженная».

20.VI. Вторник. Звонил в 22 часа Жоржик от В.В. Соколовского. Голос у него очень оживленный, видимо, он остался всем доволен. Я ездила на «Москвиче» с Ирой на кладбище. Там все в полном порядке. Вчера на партсобрании Академии приняли в кандидаты В.А. Горового-Шалтана. Значит, теперь отпадает последнее препятствие к занятию должности зам. нач. Академии по научной и учебной части! Ему, оказывается, 52 года; он сын «полицейского чиновника» (околоточного, ставшего затем работником паспортного стола), жившего на иждивении сына и умершего в 1946 году. Мы с Жоржиком никогда не встречали в их доме отца и даже как-то ничего о нем не слышали. Мать же его последние годы видели — она живет

с ними. А отец, видимо, жил отдельно, и мать переехала к сыну после смерти мужа.

21.VI. Среда. Второй вечер старательно занимаюсь анатомией голеностопного сустава. Разговаривала по телефону с Сусанной Яковлевной Хлопониной, которая находится в трансе по поводу избрания Углова и, как она сказала, «хочет спасти Зинаиду Васильевну». Способ «спасения» — 6-й год обучения. Завтра Сусанна хочет об этом поговорить с Сергеем Павловичем Ивановым, который является персоной-грата в институте. Хорошо состояние института, если Сергей Павлович выступает в роли неофициального руководителя и вершителя дел!! Первый Ленинградский медицинский институт, который был действительно *первым*, скоро докатится довольно до плачевного состояния. К сожалению, так обстоит дело во многих медицинских учреждениях: уходит из жизни старое поколение, а среднее — ничего собой не представляет!!

22.VI. Четверг. Встретила на вокзале Жоржика. Заехали с ним в Академию — посмотреть портрет Юстина Юлиановича, который рисовал глухонемой художник Махаев. Портрет этот я заказывала для Военно-медицинского музея. Всем, кто видел его, он нравится. Жоржик заказал ему еще один портрет для дома — более улыбающийся. За работу художник попросил 600 руб., подрамник 15 руб., и Жоржик добавил ранее данный мной задаток — 50. Всего 665 рублей. Свезла Жоржика в Лесной. Дома, как только стали завтракать, позвонили из Академкниги. Поехали в магазин и закупили на 180 руб. книг. Заехали во Фрунзенский универмаг за ковровой дорожкой для «Победы», сто-

ившей около 600 руб. Из универмага поехали снова в Лесной к Д.Н. Наследову. Пока профессорского места для Жоржика нет, но Наследов и Гринберг советуют ему остаться в институте.

23.VI. Пятница. Ира была на кладбище. Василий Михайлович показал ей розовый гранит вокруг какой-то могилы, предназначенной к сносу, с тем чтобы мы его «закрепили за собой». Звонила Крестовскому И.В., он еще не работает (болезнь Меньера); советует, «если качество гранита хорошее», брать. Уверяет, что на днях закончит мраморный бюст Юстина Юлиановича. Жоржик вернулся вечером, после заседания совета, страшно взволнованный. Приехал из Министерства высшего образования — Шагеев, который вызывает Жоржика к себе на понедельник. Видимо, опять будет предлагать ехать заведующим кафедрой на периферию.

24.VI. Суббота. Шеф обещал принять в 11 часов, чтобы просматривать гистологические препараты к моей диссертации. Пришел он в 12.30, а в 13.45 ушел на заседание цикловой комиссии в клинику А.В. Мельникова. Сказал, что после заседания поедет в Петроградский райком к Антошкиной, которая просила его зайти, видимо, в связи с делами Рентгеновского института. Я предложила за ним заехать. Охотно согласился и даже немного покетничал. Отвезла его в райком. Жоржик пришел около 6 часов. Всего вызвано 25 человек. С членами партии разговор ведется в стиле: «Вы должны ехать туда-то. В отношении Вас вопрос согласован в горкоме». Одному из беспартийных доцентов грозил исключением из системы

Мин. высшего образования и т. п. Жоржику советуют вести разговор вроде: «Если имеете право за 11 лет беспорочной службы отдать под суд — отдавайте. Исключить — исключайте. И т. д.». Заходили к Мееру Абрамовичу, который напомнил, что Жоржик имеет право настаивать на пребывании в домашних условиях, в привычной обстановке в связи со стенокардией. Вечером у нас был Яша П., которого демобилизовали из Академии с изумительно хорошими и служебной, и партийной характеристикой. Настроение у него мерзкое, но держится он молодцом! Я впервые с ним заговорила о разрыве с женой. Видимо, бывают разные жены! Визит Яши для Жоржика был хорош в одном отношении — «Положение Яши много хуже моего» (Жорж). Не знаю, чем все это кончится; неужели со смертью Юстина Юлиановича все должно идти вверх дном?!

25.VI. Воскресенье. Шеф занимался со мной с 12 до 5.15 на кафедре. Написано два протокола по гистологическим препаратам. Жоржик разговаривал с Д.Н. Наследовым, который по его поводу ходил беседовать с «московским гостем». Д.Н. считает, что все будет в порядке. Когда вечером я спала, к Жоржику заходил Ян Иосифович Шпильберг. По наличию сведений о всех работающих в институте он мне напоминает М.Г. Зайцева! После сна все время рисовала схемки к задачку. Жоржик заснул в 2.15. За эти два дня он совершенно замучился. «Наш трагик» — постоянно называл его Юстиан Юлианович. Как это наименование к нему подходит! Би-би-си сообщило о продвижении коммунистических войск в Корею. Что это

такое? Думаю, что это все же не начало 3-й мировой войны. Уж слишком мало прошло времени с момента окончания второй.

26.VI. Понедельник. Жоржик был на приеме у представителя Министерства З.А. Шагеева, который предложил ему поехать в Томский политехнический институт заведующим кафедрой. Жоржик изложил ему причины, не позволяющие ему уехать из Ленинграда. Разговор окончился фразой Шагеева: «Все Ваши доводы я не считаю уважительными и буду докладывать министру, что Вас следует откомандировать. Изложите мне письменно, чтобы я был объективен в своем докладе, все, что Вы мне сказали». Я захватила за Жоржиком в институт. Там я застала совершенно расстроенного Анатолия Исааковича, взвинченного Жоржика и со страшно глупым и странно покрытым красными пятнами лицом Каца А.М. Последний тоже побывал у Шагеева и дал согласие — письменное, на свое новое назначение. При этом вписал такие умные пункты, как: «Прошу Министерство оформить мою диссертацию, дать командировку в Ленинград для ее защиты». Думаю, что Каца какими-то весьма лестными предложениями — купили. Тем более что в разговоре с Жоржиком с нескрываемым волнением он передал часть беседы с Шагеевым, когда тот сказал ему, что Джанелидзе не менее крупный специалист, чем Кац. У Жоржика на кафедре пробыли недолго. Анатолий Исаакович пошел к Лойцянскому, Жорж вышел куда-то. Я осталась наедине с Кацем, который сказал мне, что «все было бы ничего, но что будет дома». Заехав в главное здание за Яном Иосифовичем, поехали домой.

С помощью Яна было написано заявление на имя Прокошкина Д.А. Отвезли Яна в Лениномаш. Вечером побывали у Гирголазов, Лурье и ночью у М.А. Месселя.

27.VI. Вторник. Шеф делал для меня микрофотографии. Был крайне любезен. Помогал даже разбирать клише от нашего тома «Трудов» (XIX). Около 4 часов ушел с кафедры. Вечером была на заседании Общества рентгенологов. Выступала с демонстрацией М.Д. Гальперина (Гольдштейн). Держалась очень спокойно, даже нахально. После прений по демонстрации делал доклад Соболев В.И., по поводу его доклада выступали многие в прениях. Кацман говорил в стиле «когда 23 года тому назад я Вам говорил или указывал, и т. п. и т. д.». После заседания поехали на «Победе» покататься, решили прихватить с собой Ольгу Евгеньевну с мужем. Она сидела при свече (отключили дом из-за наличия временной проводки). Она в полном смысле слова в невменяемом состоянии — очень боится, что ее мужа погубит К.М. Быков на заседании Академии.

28.VI. Среда. Шеф занимался со мной до 3.30, затем поехал в Институт костного туберкулеза. Я поехала за Жоржиком. Решили поймать Наследова, чтобы посоветоваться в отношении разговора со Шмаргуновым (директором ЛПИ), который вызвал к себе Жоржика через Шагеева. Замучился Жоржик со всей этой эпопеей отчаянно!

29.VI. Четверг. Опять немножко позанимался шеф. Поехала с Гришей за Жоржиком. Вечером заходил Ян Иосифович, одолживший у нас 2100 р. У него выкра-

ли 3000 рублей, полученных в Лениномаше. Он это решил скрыть от жены. Позже был Сресели, который одолжил 3000 р. Он уезжает в Кисловодск.

30.VI. Пятница. Художник Махаев (глухонемой) закончил портрет Юстиана Юлиановича для нас. Заплатила ему 600 р. в присутствии М.В. Струкова.

Шеф занимался со мной около часа разбором гистологических препаратов. Жоржик был у директора (К.Н. Шмаргунова). Принят был весьма любезно; директор взял у Жоржика копию заявления — Прокошкину. Был Жоржик у зам. начальника училища (на Каляева). Там ему предлагают объединить кафедру механики и математики; сделать его профессором и начальником кафедры. Жоржик честно рассказал все перипетии последних дней, сказал, что сейчас поднимать вопрос о переходе он не может. Тогда ему полковник Яропилин (зам. нач. училища) предложил дать письменное приглашение на случай, если Жоржика вызовут к министру высшего образования, чтобы сразу же получить назначение. Прием в училище был весьма радужный. В 5 часов началось заседание ученого совета Военно-воздушной Академии с защитой диссертации, руководимой Яшей Пановко; на защите оппонировали А.А. Уманский (из Москвы) и Жоржик. После защиты Жоржик, Уманский и Яша заехали в «Север», а оттуда Уманский и Жоржик приехали к нам. Прошлись по Кировскому до памятника Суворова, встретили Ю.В. Долголенко и вернулись к нам ужинать. По внешнему виду Уманский похож на М.Г. Зайцева. Отвезли его на «Москвиче» на вокзал к «стреле».

Вечером позвонили Ягн Ю.И. и Лурье А.И., чтобы поздравить Жоржика с присуждением ему советом института премии (3-й) за диссертацию.

1.VII. Суббота. На кафедре было общее собрание, посвященное подписанию воззвания Постоянного Комитета Мира в Стокгольме. Шеф сделал доклад, выступили Линденбратен и Быков; председательствовал А.И. Меркулов. Все подписались (всего 22 подписи). Отвезла Жоржика в институт, затем покаталась по магазинам и вернулась за Жоржиком. Вечером ездили к Лурье — надо было передать задачник. Настроение у меня плохое, на душе опять очень тяжело...

2.VII. Воскресенье. Утром съездили с Ирой на кладбище. Бархатки цветут, львиный зев стал очень высоким, другая рассада вся зеленая и густая. Ира показала гранит, который кладбищенское начальство предлагает для могилы Юстина Юлиановича. Днем ездили с Жоржиком в Академкнигу. В.И. Зорина уходит с работы, видимо, после каких-то конфликтов.

3.VII. Понедельник. Заходил Тенгиз Месхи. Он завтра в 16 ч. уезжает в Грузию (в Кутаиси). Очень жалко, что он не забежал раньше, — мне было бы проще заранее купить что-либо для Мавры. Ну да как-нибудь справлюсь! Жоржик и Ира ушли в кино на «Заговор обреченных». Ире в «Скорой» выпустили 200 куб. см крови — последние дня 4 замучили жестокие головные боли. Жоржик сдал в издательство рукопись задачника. Настроение у него резко улучшилось! Приходила с кафедры Сресели его помощница — Татьяна Александровна за рисунками к операции

ампутации (4 штуки) и к подключичным артериовенозным аневризмам (2 шт.). Видимо, когда Михаил Андреевич был у нас, то, попросив в долг 3000, он забыл о рисунках.

4.VII. Вторник. Купила Мавре 4 м креп-жоржета (черного) и пару шелковых чулок. С Гришей послала Тенгизу. Гриша его не застал и отдал какой-то докторше, которая ждала Тенгиза. Надеюсь, что все будет в порядке. Вечером были в театре! Смотрели «Учитель танцев» в постановке Киевского театра. Играли очень хорошо. Сама пьеса необычайно живая! Отвезли из театра шефа с Олей домой. Дорогой шефа атаковала Оля с желанием иметь машину.

5.VII. Среда. Второй день пересматриваю гистологические препараты кишечника для диссертации Марка Михайловича. Большая часть препаратов сделана плохо. Но думаю, что все-таки кое-что выбрать удастся. Поздно вечером ездили на «Москвиче» к Ольге Евгеньевне Кароли. Она завтра уезжает в Таллин на дачу. Приглашают нас приехать к ним. Борис Герасимович был на сессии Академии наук СССР и Академии Мед. наук СССР, посвященной вопросам физиологии и изучению Павловского наследства. Все дни председательствовал С.И. Вавилов. Выступление Леона Абгаровича было, видимо, ужасным. Смысл его речи был вроде: «Надо заниматься делом, а не переливанием из пустого в порожнее. Все выступления направлены против меня из зависти, и все это просто травля меня — старика». Реакция присутствующих на его выступление была резко отрицательной. Тепло встреченный вначале, закончил он под очень реденькие аплодисменты. При-

шла телеграмма от мамы из Москвы. Приедут 7 июля.

6.VII. Четверг. Приходил на кафедру Марк Михайлович Попов. Бегло просмотрели с ним препараты к его диссертации. Перепечатали описание гистологических препаратов из диссертации Гиргаладзе (от А.В. Мельникова). Марк Михайлович оставил записи, что, собственно говоря, необходимо найти в препаратах. Вечером, заехав за Лурье, поехали к Галушкевичам. Перед нашим уходом Ира попросила записать телефон Галушкевичей — «Вдруг придут Зинаида Владимировна и Ланочка». Мы, конечно, посмеялись, но телефон записали. В 8.45 вечера позвонила Ира, сообщившая, что приехали мама и Лана. Я убежала из гостей и вернулась в 11.10 на «Москвиче», т. к. Гриша уже уехал из гаража на «Победе». Отвезли Лурье и были дома около 2 часов. Мама очень изменилась — постарела. Видимо, ее замучила Светлана, которую очень старательно предлагает мне. Я на себя такую нагрузку брать не могу. Здесь она даже не кончит 10-го класса. И тогда со временем забудется, что не я ее «угovorила переехать», и всю жизнь будут упрекать в срыве ее образования. Пусть хоть 10 классов она закончит в Самарканде. А там будет видно.

7.VII. Пятница. Шеф экзаменовал ВКУОСМС. Затем около $\frac{3}{4}$ часа смотрел отпечатки микрофотографий и диктовал мне их описания. Обещал прийти завтра в 10.15, для того чтобы делать микрофотографии и дописать протокол № 4. Купила чудесный коврик из губки в ванную. Как он бы обрадовал дорогого Юстина Юлиановича.

8.VII. Суббота. Занимались с шефом; сделали микрофотографии для протокола № 4 (41–50 лет). Всего будет 16 микрофотографий. Шеф пробыл на кафедре до 13 часов — уехал на совет в институт к Корневу. Я ушла с кафедры пораньше. Ездил с мамой по магазинам. Купила ей шляпу и туфли. Она от магазинной суртолки скоро устала. К Лане приходила Нина, а позже — Галя.

9.VII. Воскресенье. Ездил с Жоржиком, мамой и Ланой на «Победе» в Мерево (деревню за Лугой). Впервые на «Победе» без шофера и сделала около 400 км. Погода была очень плохая; несколько раз попадали в ливень. Ездил к В.В. Новожилову, который оказался в городе!! Видела младшую дочь — Ирину и Сергеевну. Вернулись около 9 часов вечера.

Купались и довольно рано легли спать. Ланушка плохо переносит автомобильные прогулки — на обратном пути больше часа спала, используя колени матери как подушку.

10.VII. Понедельник. Занимался со мной шеф — писали протокол № 4. Жоржик отнес в Музей портрет Юстина Юлиановича и передал его А.Н. Максименко. Ездил Жоржик к начальнику ГАИ относительно «Форда». Ответ будет 12-го числа. Очень бы хотелось, чтобы на этом походе дело закончилось! Приходила Н.В. Бекаури. Защита ее диссертации перенесена на осень. Причина переноса — не знают два «домашних» оппонента, что и как говорить в свете решений совместной сессии АН СССР и АМН СССР. Жоржик ездил к Новожилову. Яша принес свой долг.

11.VII. Вторник. Шеф просматривал мои препараты. Писала его рапорт на имя Долго-Сабурова относительно того, что представитель Института № 17 ВМФ полковник мед. сл. Н.П. Лаговский сам ничего не смыслит в рентгеновской аппаратуре и все решения и ответственность за них перекладывает на шефа и на возглавляемую им кафедру. Вечером заходил попрощаться Юрий Владимирович Долголенко; оставил свой адрес, для того чтобы мы заехали к ним. Была Соня Ф., как всегда, всеми обиженная и совсем без денег. Я ей подарила 350 руб., сказав, что это делается по распоряжению Юстина Юлиановича, который хотел подарить им 1000 рублей. 650 рублей я им когда-то одалживала, и, следовательно, долг списывается. Она даже мало «ломалась».

12.VII. Среда. На кафедре занималась своей работой. Мне, конечно, придется допилить еще и таранную кость старших возрастов — очень мало продольных распилов. Заезжал за мной Жоржик на «Победе» после того, как проводил своего шефа с семейством на поезд. Взяли с кафедры портрет Юстина Юлиановича. На Невском встретили похоронную процессию; хоронили В.Г. Хлопина. Жоржик побоялся, что похороны будут на Волковском кладбище и что могут испортить могилу Юстина Юлиановича, и мы поехали на кладбище. Там все в полном порядке. Хлопина хоронят где-то в другом месте. На могиле Галеркина по поводу годовщины смерти положены две ветки. Вечером ездили к Галапиным. Мы у них с Жоржиком были только один раз либо в 1944 г., либо в 1945 г. Внешне и Евгения Цезаревна, и Нина Васильев-

на изменились мало. Евгения Цезаревна побывала недавно в Псково-Печерском монастыре. Рассказала много интересного. Жоржик решил по пути в Ригу туда заехать. Лана не захотела поехать. Завтра у Жоржика будут обедать Шапиро Г.С. и Н.А. Талицкий.

13.VII. Четверг. Около трех часов на кафедру позвонил шеф и сообщил, что он придет в 4–4.15. Меня это уведомление освобождало от ожидания его, и я, заехав в «Север» за тортом, отправилась домой. В 4.30 пришли сначала Шапиро, затем Талицкий. Последний производит впечатление очень умного человека; немного похож на М.Г. Зайцева по манере держаться галантным джентльменом. Так же, как и Зайцев, пьет только водку и во вполне солидном количестве. Был предложен тост за будущее процветание хозяина дома, который, по мнению Н.А. Талицкого, должен быть академиком. Пришла телеграмма от Уманского о том, что диссертация прошла через экспертную комиссию, а утверждена будет осенью. Надеюсь, что до осени никто нас не будет беспокоить с квартирой. Пытаюсь сама более упорно заниматься своей диссертацией, но как-то без всякого увлечения. Видимо, то, что эта тема всегда встречала со стороны дорогого Юстина Юлиановича полнейшее отрицание, является причиной бессознательного и невольного неуважения. Сегодня Александров передал мне еще микрофотографии к диссертации.

14.VII. Пятница. Шеф не был на кафедре. За мной заехал Жоржик около 4 часов. Поехали в Академкнигу, ДЛТ и коммиссионный магазин на Невском (около

Адмир.) — ничего хорошего не видели. Вечером были в Пушкинском театре на спектакле Московского театра им. Ермоловой. Об этом спектакле было много разговоров, все очень хвалили. Жоржику он не понравился совсем. Мне, видевшей в МХАТ'е «Последние дни Пушкина» в декабре 1948 г. вместе с дорогим Юстином Юлиановичем, спектакль этот показался значительно хуже, более дешево поставленным. Хотя артист, игравший Пушкина, видимо, хороший. В театре встретили Швед с женой (мы с ними в 1947 г. отдыхали вместе в Майори). Он выглядит плохо — перенес пневмонию, давшую осложнения на ноги. У ее дочери родился ребенок. В театре была Сусанна Яковлевна Хлопонина. Они (из 1 ЛМИ) ездили на кладбище и отвезли цветов.

15.VII. Суббота. Жоржику утром мерили коронки. Приходил Марк Михайлович, которому я ничего не могла сделать, т. к. до сих пор не достала гистологических препаратов нормальных тонкой и толстой кишок. Ожидать шефа на кафедре осталась я и В.Д. Александров. Прибыл Георгий Аркадьевич в пятом часу, настроение прекрасное; посмотрел негативы костных распилов таранной кости, для того чтобы в понедельник Александров мог бы работать, — все закончил, и нечего делать! С кафедры уехала с шефом и Александровым, с которым покупали фотобумагу. Заезжала за Жоржиком в Лесное. Приходила Шура Прахье — она в своем репертуаре: нескладная, почти квадратная! Началась стахановская работа — Жоржик с помощью Аркадия Львовича Кельзона разбирает конюшню.

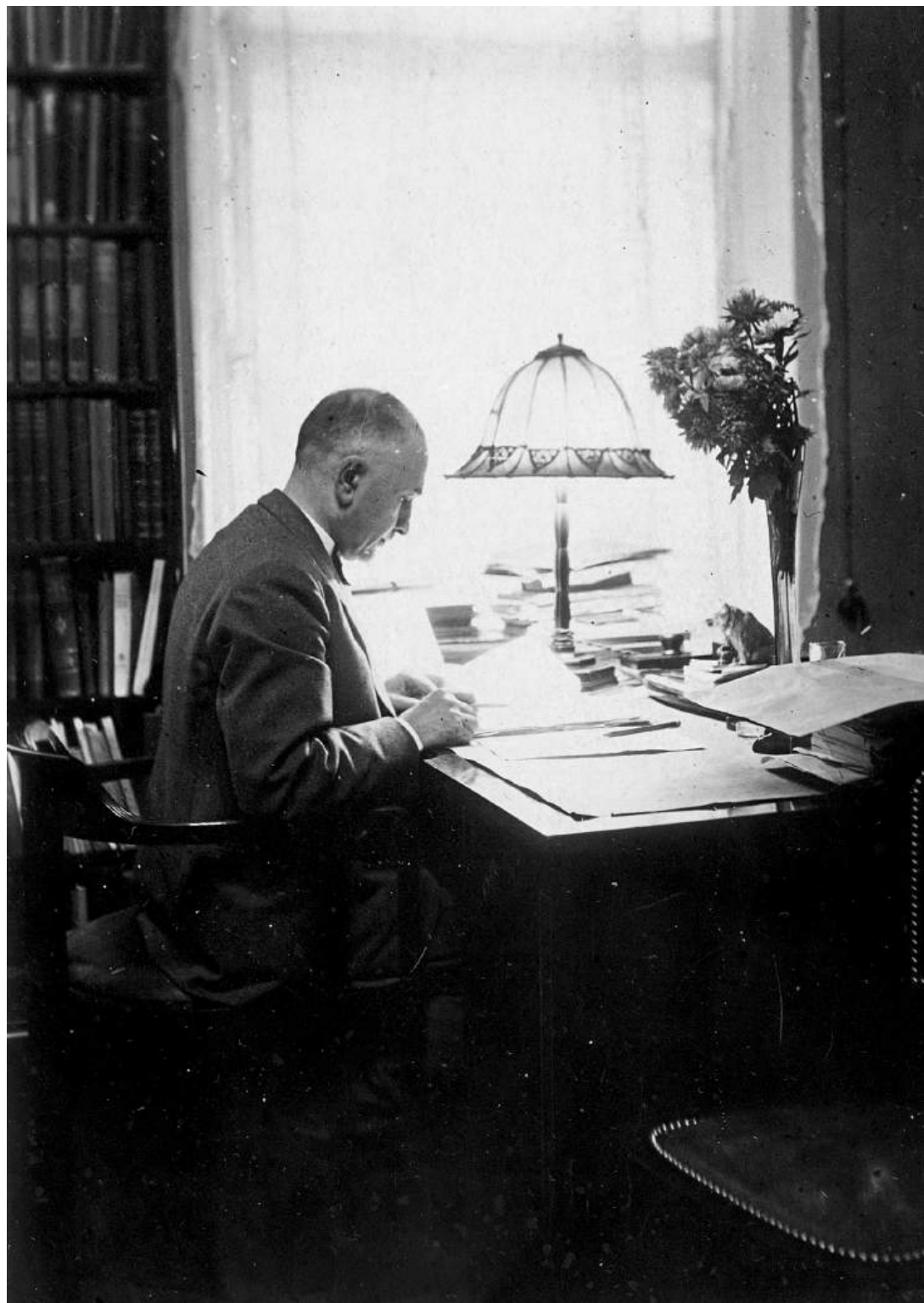
16.VII. Воскресенье. Ездили большой компанией в сторону Кексгольма, ныне Приозерска на «Победе» Гирголавова и нашем «Москвиче»: С.С. и О.В. Гирголавы, брат Ольги Владимировны с женой, я, Жорж и моя мама. Места очень живописные, но дорога довольно дрянная. Впервые после смерти дорогого Юстина Юлиановича мы были за городом с Гирголавами. Я довольно сильно раскисла. Видимо, душевное состояние сказалось и на физическом — не вела сама машины и даже не хотелось разговаривать. Выехали из дому около 12 часов; вернулись около 20 часов. Погода была хорошая; кажется, это первое воскресенье, прошедшее без дождя. Договорились, что в среду (20.VII) будем у нас все обедать. Семен Семенович все в своем репертуаре. Когда стала приглашать к нам на обед, сообщил, что он еще ни разу в жизни от подобных вещей не отказывался и, конечно, с удовольствием прибудет к обеду. Тем более что в нашем доме его еще ни разу плохо не кормили. Утром до отъезда разговаривали с Меером Абрамовичем по телефону. Ему вчера звонила Зинаида Васильевна Оглоблина, которая изливала свою душу по поводу появления в клинике Углова и заодно, видимо, поплакалась, что мы с ней не поддерживаем отношений. И Жоржик, и я сказали Мееру Абрамовичу, что ничего абсолютно не имеем против Зинаиды Васильевны, но все ее поведение убедило нас в том, что она, очевидно, не стремится после смерти Юстина Юлиановича оставаться с нами в хороших отношениях (сама не звонит

№12. 9 декабря 1949 г. – 15 июля 1950 г.

по телефону, книги и журналы приносила санитарка «от Сусанны Яковлевны», «подкительник — от Сусанны Яковлевны» и т.п. и т. д.). Видимо, она до сих пор не поняла, что Жоржик уже не тот малыш, который облился кипящей манной кашей, а совершенно взрослый человек, и ей бы следовало при написании некролога с ним посоветоваться. У меня от разговора с Меером Абрамовичем осталось впечатление, что, видимо, Зинаида Васильевна намекнула ему на то, что

желала бы восстановить бывшие прежде хорошие взаимоотношения, т. к. беседа наша закончилась высказыванием Меера Абрамовича, что он с ней на днях будет разговаривать и передаст нашу беседу.

Ириша ездила на кладбище. Ворчит, правда, умеренно, что дирекция помяла ее цветы, привезенные в пятницу (14.VII). С Ирой беседовал Василий Михайлович, сообщивший, что могилу Юстина Юлиановича стало навещать много народу.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

А

АНДРЕЕВ Федор Федорович
(1900–1950)

Организатор советской военной медицины, хирург, профессор, генерал-лейтенант медицинской службы. В 1923 г. окончил ВМА, работал в Кронштадтском ВМГ и на кораблях Балтфлота. В 1940–1947 гг. руководил медицинской службой флота, в 1947–1950 гг. — главный хирург ВМФ. Научные труды посвящены вопросам организации медицинского обеспечения Военно-морского флота.

АНИЧКОВ Николай Николаевич
(1885–1964)

Советский патолог, академик АН СССР, лауреат Государственной премии (1943), президент АМН СССР. В ВМА им. С. М. Кирова руководил кафедрами пат. физиологии (с 1920 г.) и пат. анатомии (1939–1946).

АРАПОВ Дмитрий Алексеевич
(1897–1984)

Советский хирург, член-корр. АМН СССР, заслуженный деятель науки РСФСР (1959 г.), генерал-лейтенант медицинской службы. С 1929 г. работал в НИИ скорой помощи им. Н. В. Склифосовского. С начала Великой Отечественной войны — главный хирург Северного флота, с мая 1953 по 1970 г. — зам. главного хирурга управления МО СССР и главный хирург Военно-морского флота.

АРЬЕВ Тувий Яковлевич
(1907–1981)

Советский хирург, лауреат Сталинской премии, профессор, генерал-майор медицин-

ской службы. Инициатор создания первой в стране кафедры термических поражений (1960 г.) при Военно-Медицинской академии и ее первый руководитель.

АХУТИН Михаил Никифорович
(1898–1948)

Советский хирург, чл.-корр. АМН СССР, профессор, заслуженный деятель науки, генерал-лейтенант. Участник боевых действий у оз. Хасан и на р. Халхин-Гол. Во время Советско-финляндской войны (1930–1940) — армейский хирург-консультант. В годы Великой Отечественной войны (1941–1945) главный хирург ряда фронтов, с 1945 г. — зам. главного хирурга Советской Армии.

Б

БАНАЙТИС Станислав Иосифович
(1899–1954)

Советский хирург, чл.-корр. АМН СССР, академик АН Литовской ССР, ученик В. А. Опделя, с 1937 г. — преподаватель кафедры ВПХ академии. Во время Великой Отечественной войны — главный хирург Западного и 3-го Белорусского фронта. С 1947 г. — начальник кафедры военно-полевой хирургии ВМА им. С. М. Кирова.

БЛОХИН Николай Николаевич
(1912–1993)

Советский онколог, академик АМН, Герой Социалистического Труда, организатор и директор (1948–1951) Горьковского института травматологии и ортопедии. С 1952 г. — организатор и директор Института экспериментальной и клинической онкологии, видный

общественный деятель, участник подготовки ряда медицинских энциклопедических изданий.

БОБРОВ Александр Алексеевич
(1850–1904)

Хирург, с 1885 г. — профессор кафедры оперативной хирургии и хирургической анатомии Московского университета, консультант в хирургическом отделении Басманской больницы. Учебники А. А. Боброва: «Вывихи и переломы», «Курс оперативной хирургии и хирургической анатомии». Важнейшая заслуга А. А. Боброва перед русской хирургией — продолжение и развитие идей Н. И. Пирогова в области хирургической патологии.

БОГОРАЗ Николай Алексеевич
(1874–1952)

Хирург, заслуженный деятель науки, окончил ВМА в 1897 г., работал в Томске в клинике, руководимой П. И. Тиховым, в 1941–1943 гг. — ведущий хирург эвакогоспиталя в Ташкенте, зав. кафедрой 2-го ММИ и Главного военного госпиталя им Н. Н. Бурденко.

БРАЙЦЕВ Василий Романович
(1878–1964)

Акад. АМН, заслуженный деятель науки РСФСР. Работал у П. И. Дьяконова и А. В. Мартынова в хирургической клинике Московского университета. С 1946/1947 г. — главный хирург МЗ СССР, онколог по проблемам рака прямой кишки, им предложена операция образования пищевода из кожного лоскута, а также операция при выпадении прямой кишки.

БУРДЕНКО Николай Нилович
(1876–1946)

Русский советский хирург, организатор здравоохранения, основоположник советской нейрохирургии, главный хирург Красной Армии в период 1937–1946 гг., профессор, академик АМН СССР, первый президент

АМН СССР, генерал-полковник медицинской службы, Герой Социалистического Труда, почетный член Лондонского королевского общества хирургов.

Н. Н. Бурденко создал учение о ране, предложил эффективные методы хирургического лечения боевых травм, разработал подробную инструкцию по профилактике и лечению шока, проводил активные клинические испытания антибиотика пенициллина. Разработал методику вторичного шва как элемента восстановительной хирургии, а также методы оперативного лечения ранений сосудов, разрабатывал методы хирургического лечения мозговых опухолей.

Ряд хирургических операций официально названы именем Н. Н. Бурденко.

БУРНАЗЕН Аветик Игнатьевич
(1906–1981)

Организатор советского военного и гражданского здравоохранения, генерал-лейтенант медицинской службы. Окончил ВМА (1930), Военную академию им. Фрунзе. Во время Великой Отечественной войны возглавлял медицинскую службу ряда фронтов.

БУРАКОВСКИЙ Владимир Иванович
(1922–1994)

Кардиохирург, чл.-корр. АМН СССР, лауреат Государственной и Ленинской премий, окончил адъюнктуру у П. А. Куприянова, научный сотрудник Института хирургии им. А. В. Вишневского.

В

ВАЙЛЬ Соломон Самуилович
(1898–1979)

Патологоанатом. В 1940–1956 гг. — зав. кафедрой патологической анатомии Военно-Морской Медицинской академии, с 1956 г. на кафедре пат. анатомии ВМА им. С. М. Кирова. Им обобщен большой личный опыт военной пато-

логии периода Великой Отечественной войны. Принимал участие в составлении первых документов о роли патологоанатомической службы в системе здравоохранения.

ВЕЙСБРОД Борис Соломонович
(1874–1942)

Советский хирург, окончил в 1899 г. медицинский факультет Харьковского университета. Длительно жил за границей. По его инициативе был создан Институт неотложной помощи (Московский НИИ скорой помощи им. Н. В. Склифосовского), оказывал медицинскую помощь в течение длительного времени В. И. Ленину.

ВЕЛЬЯМИНОВ Николай Александрович
(1855–1920)

Выпускник медицинского факультета университета. С 1885 г. — врач в больнице при Крестовоздвиженской общине в Петербурге. С 1894 г. — профессор хирургической клиники ВМА, в 1910–1912 гг. — начальник ВМА, в 1913 г. оставил пост начальника академии. Он сыграл большую роль в русской хирургии и создал крупную хирургическую школу, а также организовал в Петербурге первый Комитет скорой помощи, основал журнал «Хирургический вестник», читал лекции в клинике госпитальной хирургии, руководимой проф. А. А. Кадыяном.

ВИЛЛИЕ Яков Васильевич
(1768–1854)

Родился в Шотландии, прибыл в Россию в 1790 г. Около полувека занимал должность инспектора и директора медицинского департамента Военного Министерства. В 1808–1838 гг. — президент Медико-хирургической академии, организовал военно-фельдшерские школы.

Участвовал в качестве главного хирурга в Бородинской битве, им было создано много важных документов: об оказании помощи раненым и больным, о лазаретах и госпиталях, положение

о наборе рекрутов, он ввел обязанность вести истории болезни, организовал «Военно-медицинский журнал».

Памятник Я. В. Виллие находится в парке ВМА им. С. М. Кирова.

ВИШНЕВСКИЙ Александр Александрович
(1906–1975 гг.)

Советский хирург, доктор медицинских наук, профессор, Главный хирург МО СССР, Академик АМН СССР, Заслуженный деятель науки РСФСР, генерал-полковник медицинской службы.

Впервые в мире провел операцию на сердце по поводу стеноза митрального клапана, а также первую в СССР операцию на «открытом сердце» с помощью отечественного аппарата искусственного кровообращения.

Занимался вопросами местного обезболивания, разрабатывал и внедрял в медицинскую практику электроимпульсную терапию аритмий сердца. Имя А. А. Вишневого носит Центральный военный клинический госпиталь в г. Красногорске (Московская область).

ВИШНЕВСКИЙ Александр Васильевич
(1874–1948 гг.)

Русский и советский хирург, доктор медицинских наук, профессор, Академик АМН СССР, Заслуженный деятель науки РСФСР, лауреат Сталинской премии, лауреат Государственной премии СССР. Директор Института хирургии АМН СССР.

Успешно развивал вопросы хирургии желчных путей, лечения воспалительных процессов и гнойных ран, трофики и невризма. Создатель крупной отечественной хирургической школы. Ввел методику лечения воспалительных и гнойных заболеваний новокаиновой блокадой и масляно-бальзамической (мазь Вишневого) повязкой. Разработал методы местной анестезии способом ползучего новокаинового инфильтрата (новокаиновая блокада по Вишневному).

Имя А.В. Вишневого присвоено институту хирургии АМН СССР.

ВЕРЕСАЕВ (псевдоним Викентия Викентьевича Сидовича)
(1867–1945)

Советский писатель и врач. В 1888 г. окончил филологический факультет Петербургского университета, в 1894 г. — медицинский факультет Дерптского университета. Заведовал холерным баракком на руднике в Донецком бассейне. С 1894 г. работал врачом Боткинской больницы в Петербурге. С 1885 г. занимался литературной деятельностью. Им написана книга «Записки врача», затрагивающая разнообразные вопросы врачебной этики и деятельности.

ВОВСИ Мирон (Меер) Семенович
(1897–1960)

Терапевт, академик АМН СССР, генерал-майор медицинской службы. С 1936 г. возглавлял одну из кафедр внутренних болезней ЦМУ и руководил терапевтическим отделением клинической больницы им. С. П. Боткина. В 1941–1950 гг. — главный терапевт Советской Армии.

ВОЛКОВИЧ Николай Маркиянович
(1858–1928)

Отечественный хирург, окончил Киевский университет, работал на различных врачебных должностях. 80 научных работ: по хирургии, травматологии, ортопедии, ЛОР-болезням, гинекологии, урологии, нейрохирургии. Разработал оригинальные операции на коленном суставе при туберкулезе костей, закрытия влагалищно-пузырных свищей, разрез при аппендэктомии, шину Волковича для иммобилизации переломов плеча.

ВРЕДЕН Роман Романович
(1867–1934)

Советский хирург, доктор медицины, один из основоположников ортопедии и травматологии в нашей стране. Окончил ВМА в 1890 г., работал в клинике В. А. Ратимова. В 1906 г. возглавил первый в России ортопедический институт, разработал 30 оперативных методов

лечения хирургических заболеваний и повреждений.

Г

ГАРШИН Владимир Георгиевич
(1887–1956)

Ученый-патологоанатом, академик АМН СССР. Профессор 1-го Ленинградского медицинского института. Одновременно заведовал отделом патологической анатомии в Институте экспериментальной медицины.

ГЕОРГИЕВСКИЙ Анатолий Сергеевич
(1908–1998)

Доктор медицинских наук, профессор, генерал-лейтенант медицинской службы. Специалист в области организации и тактики медицинской службы, военного здравоохранения и истории медицины.

ГИРГОЛАВ Семен Семенович
(1881–1957)

Советский хирург, профессор, академик АМН СССР, генерал-лейтенант медицинской службы, лауреат Сталинской премии. Научный руководитель Ленинградского НИИТО, в 1942–1945 гг. — заместитель главного хирурга РККА.

ГНИЛОРЫБОВ Тимофей Еремеевич
(1901–1970)

Советский хирург, ученый, в период 1964–1968 гг. — главный хирург Министерства здравоохранения Белорусской ССР.

Научная деятельность Т. Е. Гнилорыбова была посвящена вопросам пластики трофических язв, пересадки эндокринных желез, пересадки костного мозга.

ГОРИНЕВСКАЯ Валентина Валентиновна
(1882–1953)

Травматолог, доктор медицинских наук, профессор, полковник медицинской службы, заслуженный деятель науки РСФСР, участник Первой

мировой и Великой Отечественной войн. Внесла большой вклад в создание комплексной системы лечения и реабилитации легкораненых. Руководила кафедрой военно-полевой хирургии военно-медицинского факультета при Центральном институте усовершенствования врачей.

ГРЕКОВ Иван Иванович
(1867–1934)

Советский хирург, доктор медицинских наук, профессор, почетный председатель Хирургического общества Н. И. Пирогова, главный редактор научного журнала «Вестник хирургии и пограничных областей», главный врач Обуховской больницы, заслуженный деятель науки РСФСР.

ГРУШКИН Абрам Рафаилович

Директор ленинградского Научно-практического института скорой помощи в период с 1935 по 1950 гг. В период с 1941 по 1944 гг. — начальник госпиталя челюстно-лицевого профиля в г. Кирове.

Д

ДАВЫДОВСКИЙ Ипполит Васильевич
(1887–1968)

Советский патологоанатом, один из организаторов патологоанатомической службы в стране, профессор, академик АМН СССР, Герой Социалистического Труда.

Предложил ныне повсеместно применяемый принцип обязательного сличения клинического и анатомического диагнозов, по его инициативе введены клиничко-анатомические конференции и регистрация врачебных ошибок. Разрабатывал проблемы патогенеза сепсиса, боевой травмы и раневых осложнений, а также геронтологии.

ДИТЕРИХС Михаил Михайлович
(1871–1941)

Выдающийся врач, хирург, русский офицер, заслуженный деятель науки РСФСР, один из

основателей Кубанского медицинского института. Исследовал проблемы заболевания суставов, был пионером солнцелечения костного туберкулеза в России, предложил транспортную шину при переломах бедра (шина Дитерихса). Известны его работы в области легочной хирургии и истории медицины.

ДИФФЕНБАХ Иоган Фридрих
(1794–1847)

Выдающийся врач и теолог, профессор, директор Королевской хирургической клиники в Берлине, основатель пластической хирургии. По праву считался «центральной фигурой хирургии лица XIX века».

ДОБРОМЫСЛОВ Василий Дмитриевич
(1869–1917)

Хирург, соратник академика И. П. Павлова, впервые в мире разработал метод экстирпации пищевода, который по сей день носит его имя. Профессор хирургии Киевского университета. Умер во время эпидемии тифа в Киеве, спасая больных.

ДОБРОТВОРСКИЙ Николай Митрофанович
(1893–1947)

Первый советский врач-лётчик, психофизиолог, один из основоположников авиационной медицины в СССР.

ДОС САНТОС Рейнальдо

Португальский врач. Первым использовал ангиографию для исследования аорты, ее ветвей и артерий нижних конечностей. Его сын Джоао первым произвел успешную тромбэндартерэктомия, а в 1947 году впервые использовал прямые антикоагулянты.

ДЫХНО Александр Михайлович
(1909–1968)

Выдающийся хирург, доктор медицинских наук, профессор, заведующий кафедрой госпитальной хирургии Красноярского государствен-

ного медицинского института. Основатель красноярской школы хирургов.

ДЪЯКОНОВ Петр Иванович
(1865–1908)

Русский хирург, профессор госпитальной хирургической клиники Московского университета. Совместно с Рейном, Лысенковым и Напалковым издал курс оперативной хирургии и топографической анатомии, занимался вопросами онкологии, ранних движений и раннего вставания оперированных больных. Один из пионеров асептики и пластической хирургии в России.

ДЮПЮИТРЕН Гийом
(1777–1835)

Выдающийся французский врач, военный хирург, анатом, ученый, педагог. Лейб-хирург французского короля Людовика XVIII, барон, меценат. Член Парижской Академии наук.

Заведовал кафедрой оперативной хирургии медицинского факультета Парижского университета. Более двадцати лет руководил знаменитой клиникой Отель-Дье.

Е

ЕЛАНСКИЙ Николай Николаевич
(1894–1964)

Советский хирург, доктор медицинских наук, профессор, заслуженный деятель науки РСФСР, лауреат Сталинской премии, генерал-лейтенант медицинской службы, Герой Социалистического Труда. Автор учебников «Военно-полевая хирургия» и «Хирургические болезни». Главный хирург Министерства обороны СССР в период 1947–1955 гг.

Ж

ЖИТНЮК Иван Демьянович
(1903–1976)

Советский хирург, доктор медицинских наук, профессор, генерал-майор медицинской служ-

бы. В период Великой Отечественной войны занимал должность главного хирурга Каспийской флотилии, а затем Черноморского флота.

Начальник кафедры госпитальной хирургии Военно-Морской Медицинской академии.

З

ЗАВАЛИШИН Николай Иванович
(1894–1968)

Доктор медицинских наук, профессор, генерал-лейтенант медицинской службы. Участник Первой мировой, Гражданской и Великой Отечественной войн. Начальник Главного воен.-сануправления, начальник Военно-Медицинской академии, зав. главной редакцией Большой медицинской энциклопедии АМН СССР. Обосновал ведущее значение медицинской сортировки, эвакуации по назначению и специализированной медицинской помощи в системе этапного лечения раненых.

ЗАКУСОВ Василий Васильевич
(1903–1968)

Советский фармаколог, основатель научной школы. Доктор медицинских наук, профессор, академик АМН СССР. Заведующий кафедрой фармакологии 1-го Ленинградского медицинского института.

ЗЕДГЕНИДЗЕ Георгий Артемьевич
(1902–1994)

Советский рентгенолог и радиолог, профессор, академик АМН СССР. Основатель и первый директор Института медицинской радиологии АМН СССР. В 1941–1945 гг. — флагманский рентгенолог ВМС. Основатель отечественной научной школы рентгенологов и радиологов.

И

ИНОЗЕМЦЕВ Федор Иванович
(1802–1869)

Стоял на позициях естественно-научного

подхода, учитывал факторы окружающей среды, пропагандировал «щадящую хирургию», считал, что будущее принадлежит восстановительной хирургии, провел первую операцию под эфирным наркозом, усовершенствовал преподавание хирургии. Его учениками были И. М. Сеченов, С. П. Боткин, А. И. Бабухин. Издавал «Московскую медицинскую газету», в 1961 г. основал «Общество русских врачей в Москве».

К

КЛЮСС Иван Александрович

Военно-полевой хирург, доктор медицинских наук, профессор, доцент кафедры военно-полевой хирургии ВМА, в 1937–1938 гг. — главный советник медицинской службы республиканской армии Испании, начальник кафедры военно-полевой хирургии Куйбышевской ВМА.

КОЛЕСНИКОВ Иван Степанович
(1901–1985 гг.)

Советский хирург, доктор медицинских наук, профессор, Академик АМН СССР, генерал-майор медицинской службы, Заслуженный деятель науки РСФСР, Герой Социалистического труда.

Много лет возглавлял кафедру госпитальной хирургии Военно-медицинской академии в Ленинграде. В соавторстве с П. А. Куприяновым — создатель уникального «Атласа огнестрельных ранений». Научная деятельность И. С. Колесникова посвящена вопросам переливания крови, туберкулеза и опухолей легких, хронического перикардита, гнойно-деструктивных заболеваний легких и плевры.

Автор 170 научных работ и 25 монографий.

КОМАРОВ Борис Дмитриевич
(род. в 1928 г.)

Хирург, доктор медицинских наук, профессор, директор НИИ скорой помощи им. Н. В. Склифосовского, с 1976 г. по совместительству — генеральный директор Московского научно-прак-

тического объединения «Скорая медицинская помощь».

КОРОТКОВ Николай Сергеевич
(1874–1920)

Отечественный хирург, доктор медицины (1910), с 1902 г. ассистент хирургической клиники ВМА. Он пришел к мысли о возможности использования для измерения АД крови звуковых явлений. Им предложена проба для определения функциональной полноценности коллатерального артериального русла (тренировка коллатералей).

КУПРИЯНОВ Петр Андреевич
(1893–1963 гг.)

Советский хирург, доктор медицинских наук, профессор, Академик АМН СССР, вице-президент АМН СССР, генерал-лейтенант медицинской службы, лауреат Ленинской премии, Герой Социалистического труда. Имя П. А. Куприянова неразрывно связано с Военно-медицинской Академией. Он — создатель первой в СССР кафедры анестезиологии и автор более 360 научных работ в области оперативной хирургии, военно-полевой хирургии, анестезиологии, реаниматологии, клинической физиологии. Создал уникальный «Атлас огнестрельных ранений» в соавторстве с И. С. Колесниковым. Впервые в СССР П. А. Куприянов стал делать операции со вскрытием полостей сердца.

Л

ЛИСИЦЫН Константин Михайлович
(род. в 1921 г.)

Участник Великой Отечественной войны, в 1945 г. окончил Военно-Морскую академию, с 1951 г. — преподаватель на кафедре ВМА, с 1964 г. — доктор наук, в 1965–1970 гг. руководил кафедрой военно-полевой хирургии Горьковского медицинского института, с 1970 г. главный хирург 3-го центрального военного

клинического госпиталя и зам. главного хирурга МО СССР, с 1976 г. — главный хирург МО СССР.

М

МЕЛЬНИКОВ Александр Васильевич
(1889–1958)

Академик АМН, заслуженный деятель науки, окончил ВМА в 1914 г., направлен на фронт, с 1918 г. — ассистент кафедры оперативной хирургии и топографической анатомии ВМА, руководитель В. Н. Шевкуненко, с 1920 г. — в клинике С. П. Федорова. Защитил диссертацию в 1920 г. «О хирургической анатомии реберно-диафрагмального синуса». В 1928 г. организовал на Украине первый онкологический диспансер. С 1940 г. — начальник кафедры госпитальной хирургии, с 1942 г. — факультетской хирургии. Опубликовал 120 научных трудов и 11 монографий.

МЕССЕЛЬ Мейер Абрамович
(1893 – 1978)

Заслуженный врач РСФСР. Один из основателей службы скорой и неотложной помощи в СССР. В период с 1932 по 1934 гг. — директор ленинградского Научно-практического института скорой помощи и одновременно, главный врач скорой помощи города. В период блокады Ленинграда М. А. Мессель был начальником медико-санитарной части «Дорога жизни». Автор более 50 научных работ и 3 монографий по организации скорой помощи.

МЕШАЛКИН Евгений Николаевич
(1916–1997)

Герой Социалистического Труда, участник Великой Отечественной войны. Основатель Новосибирского научно-исследовательского института патологии кровообращения, академик РАМН. В конце 1940-х гг. Е.Н. Мешалкин первым в стране освоил и

ввел в хирургическую практику интубационный наркоз.

МИТЕРЕВ Георгий Андреевич
(1900–1977)

Организатор здравоохранения РСФСР, министр здравоохранения СССР. Занимался организацией лечения раненых и больных воинов, предотвращение эпидемий в стране, восстановление и развитие здравоохранения в стране. Окончил ВММА в 1941 г.

МОЛЧАНОВ Николай Семенович
(1899–1972)

Терапевт, академик АМН, заслуженный деятель науки, Герой Социалистического Труда, руководитель кафедры терапии для усовершенствования врачей, с 1956 г. — главный терапевт МО СССР.

Н

НАСИЛОВ Иван Иванович
(1842–1907)

Хирург, профессор, в 1864 г. окончил Медико-хирургическую академию и был оставлен для подготовки к профессорскому званию. В 1873–1879 гг. работал в Николаевском клиническом военном госпитале, с 1881 г. проф. ВМА по кафедре оперативной хирургии с топографической анатомией, зав. кафедрой хирургической клиники. В 1890–1893 гг. — ученый секретарь ВМА. Много занимался хирургией пищевода. И. И. Насилов вместе с Н. В. Склифосовским предложил методику соединения костей — «русский замок», обосновал принцип операции лечения ложных суставов.

О

ОППЕЛЬ ВЛАДИМИР АНДРЕЕВИЧ
(1872–1932)

Российский хирург, доктор медицинских наук, профессор, действительный статский советник, основатель хирургической научной

школы, один из основоположников сосудистой, эндокринной, военно-полевой хирургии в СССР, основоположник учения об этапном лечении раненых на войне, необходимости приближения активной хирургической помощи раненым к полю боя, специализации военно-полевых госпиталей.

ОСТРОВЕРХОВ Георгий Ефимович
(1904–1990)

Крупный советский ученый в области клинической анатомии и экспериментальной хирургии, доктор медицинских наук, профессор, член-корреспондент АМН СССР.

С 1950 по 1954 г. — ректор Курского государственного медицинского института, одновременно заведующий кафедрой оперативной хирургии и топографической анатомии. Впоследствии начальник Главного управления учебными заведениями МЗ СССР, член коллегии МЗ СССР.

П

ПАВЛОВ Иван Петрович
(1849–1936)

Выдающийся русский ученый-физиолог, первый русский нобелевский лауреат, создатель науки о высшей нервной деятельности и представлений о процессах регуляции пищеварения. Основатель крупнейшей российской физиологической школы. В 1935 г. на XV Международном конгрессе физиологов И. П. Павлов был увенчан почетным званием «старейшины физиологов мира».

ПЕАН ЖЮЛЬ ЭМИЛЬ
(1830–1898)

Выдающийся французский хирург, один из основоположников современной абдоминальной хирургии и гинекологии, член Национальной академии медицины. В 1862 г. изобрел кровоостанавливающий зажим, используемый до сих пор хирургами во всем

мире (зажим Пеана). Один из первых успешно осуществил удаление яичников в 1864 г., первым в мире выполнил резекцию желудка при раке антрального отдела, первым в мире осуществил трансвагинальную гистерэктомию по поводу рака матки, а также выполнил первую операцию эндопротезирования плечевого сустава, имплантировав протез собственного изготовления.

ПЕВЗNER Мануил Исаакович
(1872–1952)

Терапевт, профессор, заслуженный деятель науки РСФСР, один из организаторов Института питания в Москве и основоположников диетологии и клинической гастроэнтерологии в СССР.

ПЕЛЕХИН Павел Петрович
(1839–1917)

Профессор хирургии. В Военно-Медицинской академии занимал все хирургические кафедры, кроме госпитальной клиники. Во время последней Русско-турецкой войны Пелехин работал под Плевной и в Рущуковском отряде.

ПЕЛИКАН Евгений Венцеславович
(1824–1884)

Профессор Санкт-Петербургской Медико-хирургической академии. Известен как основоположник научно-экспериментального направления в токсикологии, вошел в историю как «отец русской токсикологии». Почетный член Московского университета с 1875 года.

ПЕРСИ Пьер Франсуа
(1754–1825)

Французский хирург, один из основоположников военно-полевой хирургии, барон. Участник многих военных кампаний. Главный хирург армии Наполеона I Бонапарта, одновременно профессор Парижского университета.

Разработал систему оказания первой помощи раненым на поле боя и сформировал подвижные хирургические отряды. Ввел в хирургию кровоостанавливающие зажимы, индивидуальные перевязочные средства, металлическую проволоку в качестве шовного материала.

ПЕРТЕС Георг
(1869–1927)

Выдающийся германский хирург, основоположник глубокой рентгенотерапии при хирургических заболеваниях. В 1909 г. описал названную его именем болезнь Пертеса — заболевание бедренной кости и тазобедренного сустава, связанное с нарушением кровоснабжения с последующим развитием асептического некроза.

ПЕТЕРСОН Борис Евгеньевич
(1923–1981)

Хирург-онколог, доктор медицинских наук, профессор, член-корреспондент РАМН СССР, директор ВНИИ онкологии им. П. А. Герцена. Один из инициаторов организации кафедр и курсов онкологии в медицинских вузах.

ПЕТРОВ Борис Александрович
(1898–1973)

Хирург, профессор, академик АМН СССР. Во время Великой Отечественной войны — главный хирург Черноморского флота. С 1949 г. — главный хирург НИИ скорой помощи им. Н. В. Склифосовского. Одним из первых внедрил в практику эндотрахеальный наркоз, в 1962 г. создал современное анестезиологическое отделение.

ПЕТРОВ Владимир Иванович
(род. в 1925 г.)

Хирург, профессор, член-корреспондент АМН СССР, лауреат Государственной премии СССР. С 1974 г. — ректор 1-го Московского государственного медицинского института.

ПЕТРОВ Иоаким Романович
(1893–1970)

Патофизиолог, профессор, академик АМН СССР, генерал-майор медицинской службы. Работал в Военно-Медицинской академии, с 1938 г. — заведующий кафедрой 1-го ЛМИ. Основные труды — по проблемам кислородного голодания, переливания крови, шока и др. Председатель Всесоюзного общества патофизиологов.

ПЕТРОВ Николай Николаевич
(1876–1964)

Профессор, член-корреспондент АН СССР, основоположник отечественной онкологии, автор первой в России монографии «Общее учение об опухолях». Впервые ввел понятие о медицинской деонтологии в отечественную медицинскую литературу. Автор книги «Вопросы хирургической деонтологии».

ПЕТРОВ Федор Николаевич
(1876–1973)

Врач, историк, советский партийный деятель, дважды Герой Социалистического Труда.

С ноября 1920 г. — министр здравоохранения Дальневосточной республики, с апреля 1921 г. — заместитель председателя Совета Министров ДВР. В 1923–1927 гг. — начальник Главного управления научных и учебных заведений Наркомата просвещения РСФСР.

ПИРОГОВ Николай Иванович
(1810–1881)

Выдающийся русский хирург и анатом, естествоиспытатель и педагог, основоположник отечественной военно-полевой хирургии, основатель русской школы анестезии, член-корреспондент Петербургской академии наук, участник Севастопольской обороны (1854–1855), франко-прусской (1870–1871) и Русско-турецкой (1877–1878) войн.

Впервые произвел операцию под наркозом на поле боя, ввел неподвижную гипсовую повязку, предложил ряд хирургических операций. Боролся за всеобщее начальное образование. Мировую известность получил атлас Пирогова «Топографическая анатомия» (Т. 1–4. 1851–1854).

ПОЛЕНОВ Андрей Львович
(1871–1947)

Хирург, травматолог и нейрохирург, профессор, академик АМН СССР, заслуженный деятель науки РСФСР, лауреат Сталинской премии, родственник знаменитого художника В. Д. Поленова.

В 1917 г., работая в Петербургском государственном институте медицинских знаний, открыл Петроградский физико-хирургический институт для лечения инвалидов Первой мировой войны.

ПОПОВ Виталий Ильич
(1896–1975)

Доктор медицинских наук, профессор, специалист в области военно-полевой хирургии и организации здравоохранения. Блестящий педагог, отдавший многие годы работе в стенах Военно-Медицинской академии им. С. М. Кирова.

Член правления Хирургического общества Н. И. Пирогова и Всесоюзного хирургического общества.

С

СЕЛЬЦОВСКИЙ Петр Лазаревич
(1898–1961)

Хирург, профессор, работал в клиниках 2-го ЛМИ под руководством С. И. Спасокукоцкого и А. Н. Бакулева. Во время Великой Отечественной войны главный хирург ряда фронтов, в 1945–1955 гг. главный хирург ВВС. Занимался проблемами ОКН, перитонита, заболевания периферических сосудов, создал противошоковый раствор (жидкость Сельцовского), который применялся в годы Великой Отечественной войны.

СЕМАШКО Николай Александрович
(1814–1949)

Организатор советского здравоохранения, служил врачом в Орловской и Самарской губерниях, заведовал сельским врачебным участком в Орловской губернии. Лично знал В. И. Ленина, они встретились в Швейцарии. Работал долго за границей, был врачом в Сербии и Болгарии.

СЕРЕБРОВ Александр Иванович
(1885–1980)

Онколог, в 1924 г. окончил Гос. институт медицинских знаний, работал в гинекологической клинике, руководимой Л. Л. Окингицом, зав. гинекологическим отделением в НИИ им. Н. Н. Петрова.

СИТКОВСКИЙ Петр Перфирьевич
(1882–1933)

Советский хирург, работал в клинике госпитальной хирургии под руководством А. А. Мартынова. На основании экспериментальных и клинических данных изложил новые взгляды на механизм свертывания крови. Разработал метод стерилизации кетгута парами йода, разработал аппарат для определения свертываемости крови.

СМАГИН Всеволод Григорьевич
(род. в 1921)

В 1944 г. окончил ВММА, служил на флоте, в 1945–1948 гг. работал под руководством Н. И. Лепорского. В Ленинграде до 1968 г., с 1968 г. — 4-е главное управление МЗ СССР.

СМИРНОВ Ефим Иванович
(1904–1989)

Организатор и теоретик советского здравоохранения. В 1932 г. окончил ВМА, в 1938 г. — вечернее отделение Военной академии им. М. В. Фрунзе, нач. медслужбы ЛенВО, в 1939–1946 гг. начальник Главного управления Красной Армии, в 1947–1952 гг. министр здравоохранения СССР.

СТОЛЫПИН Павел Григорьевич
(1899–1970)

Деятель советской военной медицины. Участник Гражданской и Великой Отечественной войн. С 1950 г. — начальник ВМА им. С. М. Кирова, начальник ГВМУ МО СССР, в 1956 г. возглавил кафедру военной подготовки 1 ММИ.

СТРУЧКОВ Виктор Иванович
(1907–1988)

Ученик С. И. Спасокукоцкого. Во время Великой Отечественной войны — армейский хирург. Основная проблема — хирургия легких. Академик. Ленинская премия за разработку хирургии легких совместно с Н. А. Амосовым, Н. В. Антеловой, Л. К. Богушем, И. С. Колесниковым, Б. Э. Линбергом и Ф. Г. Угловым.

СУББОТИН Максим Семенович
(1848–1913)

Профессор. Окончил академию в 1873 г. Участник Русско-турецкой войны 1877–1878 гг., в течение 16 лет руководил кафедрой хирургической патологии и терапии в ВМА, внедрял принципы асептики в хирургии. Среди его учеников Н. Н. Петров и С. С. Гирголав.

Т

ТЕРБИНСКИЙ Николай Наумович
(1880–1959)

С 1904 г. работал под руководством П. И. Дьяконова в хирургической клинике Московского университета. С 1909 г. совместно с Н. И. Напалковым редактировал журнал «Хирургия». В 1924 г. возглавил госпитальную хирургическую клинику 2-го МГУ, главный хирург 4-го Главного управления МЗ СССР.

ТОНКОВ Владимир Николаевич
(1872–1954)

Окончил ВМА в 1895 г., работал на кафедре А. И. Таренецкого. С 1915 г. зав. кафедрой ана-

томии ВМА, а с 1917 по 1925 г. начальник ВМА. Лично был знаком с В. И. Лениным. Он создал школу советских анатомов, в числе его учеников Б. А. Долго-Сабуров, Г. Ф. Иванов, А. Н. Быстров, В. П. Курковский, Ф. В. Судиловский и др.

ТРОЯНОВ Алексей Алексеевич
(1849–1916)

Хирург, в 1872 г. окончил Петербургскую Медико-хирургическую академию, в 1880–1882 гг. работал в лаборатории проф. В. В. Пашутина, в 1883–1886 гг. — ассистент С. П. Коломина в хирургической клинике ВМА, возглавлял хирургическое отделение Обуховской больницы. С 1905 г. возглавлял Мариинскую и Александровскую женскую больницы. Изучал ожоги и их влияние на живой организм, предложил метод лечения варикозной болезни (метод Троянова — Тренделенбурга), первым в России произвел холецистэктомия при перфорации желчного пузыря. Ученики: И. И. Греков, А. А. Кадьян, Б. Н. Хольцов.

ТУРНЕП Георгий Иванович
(1858–1941)

Основатель отечественной ортопедии. Окончил Медико-хирургическую академию в 1881 г., с 1895 г. профессор кафедры десмургии и механургии ВМА, по его инициативе была создана первая кафедра десмургии и механургии и клиника ортопедии. По его инициативе был создан в 1931 г. Ленинградский научно-исследовательский институт детской ортопедии, им изучены пороки развития позвоночника.

Ш

ШОР Георгий Владимирович
(1872–1948)

Патологоанатом, д.м.н., профессор. Окончил ВМА в 1895 г., с 1904 г. работал прозектором Обуховской больницы. С 1917 года заведовал кафедрой патологической анатомии

1-го Ленинградского медицинского института, в 1920–1921 гг. — директор института. Был совместно с Н. Н. Петровым и Л. В. Соболевым создателем научного общества патологов.

Ю

ЮДИН Сергей Сергеевич
(1891–1954)

Выдающийся советский хирург и ученый, профессор, действительный член АМН СССР, заслуженный деятель науки РСФСР, дважды лауреат Сталинской премии, лауреат Ленинской премии, Почетный член Английского королевского колледжа хирургов, Почетный

член Американской ассоциации хирургов, Почетный член хирургического общества Парижского университета, Почетный доктор Сорбонны. С. С. Юдин работал в должности главного хирурга НИИ скорой помощи им. Н. В. Склифосовского и директора НИИ хирургии им. А. В. Вишневского.

В период с 1948 г. по 1953 г. был репрессирован по ложному доносу. Посмертно награжден орденом Ленина. Основные труды С. С. Юдина касаются проблем брюшной и неотложной хирургии, военно-полевой хирургии, анестезиологии, проблемам нейро-гуморальной регуляции желудочной секреции и др.

СОДЕРЖАНИЕ

Вступление

*директора ГБУ «Санкт-Петербургский научно-исследовательский институт скорой помощи имени И.И. Джанелидзе»,
Лауреата государственной премии, Заслуженного врача РФ,
д.м.н., профессора В.Е. Парфенова* **3**

Биография Иустина (Юстина) Ивлиановича (Юлиановича) Джанелидзе **5**

Предисловие Михаила Георгиевича Джанелидзе **11**

Дневник № 1. Начат 22 июня 1941 г. Окончен 3 мая 1942 г. **13**

Дневник № 2. Начат 25 мая 1942 г. Окончен 6 ноября 1942 г. **93**

Дневник № 3. Начат 25 мая 1942 г. Окончен 6 ноября 1942 г. **167**

Дневник № 4. Начат 12 мая 1943 г. Окончен 27 января 1944 г. **211**

Дневник № 5. Начат 30 января 1944 г. Окончен 23 сентября 1944 г. **239**

Дневник № 6. Начат 23 сентября 1944 г. Окончен 31 марта 1945 г. **303**

Дневник № 7. Начат 1 апреля 1945 г. Окончен 4 апреля 1946 г. **363**

Дневник № 8. Начат 5 апреля 1946 г. Окончен 14 октября 1946 г. **419**

Дневник № 9. Начат 14 октября 1946 г. Окончен 12 июля 1947 г. **461**

Дневник № 10. Начат 14 июля 1947 г. Окончен 26 июня 1948 г. **519**

Дневник № 11. Начат 27 июня 1948 г. Окончен 8 декабря 1949 г. **579**

Дневник № 12. Начат 9 декабря 1949 г. Окончен 15 июля 1950 г. **635**

Указатель имен **690**

**Ю.Ю. Джанелидзе.
ДНЕВНИКИ (22.06.1941–14. 01. 1950)**

Редактор Т. Г. Самойлова
Корректор Л. М. Лебедева
Дизайн, верстка И. И. Серова

© М.Г. Джанелидзе, 2015
© ГБУ «Санкт-Петербургский научно-исследовательский институт
скорой помощи имени И.И. Джанелидзе», 2015

Все права защищены. Иллюстрации, фрагменты изображений и страниц, оформление книги не подлежат ни воспроизведению, ни передаче в любой форме и любыми средствами, включая электронные, механические, фотокопирование и т. д., без соответствующего письменного разрешения правообладателя.

Подписано в печать 06.03.2015. Формат 170x240. Бумага офсетная.
Печать офсетная. Тираж 500 экз.

Издательство ООО «Типография «Премиум Пресс»
190103, г. Санкт-Петербург, ул. 10-я Красноармейская, д. 13

Отпечатано в типографии «Премиум Пресс»
190103, Санкт-Петербург, ул. 10-я Красноармейская, д. 13

ХП. МЫ выехали со ст. Актобе
форосе; Дорога и здесь ^{про} ~~продолжается~~
в конце концов мы подошли
к себе в машину и не будв
или бы мы еще долго.

Ст. Шелепово
Наша машина
мы заехали
жизни, которую продела
До главной магистрали следов
Учтенометров. Но именно этот
случай чрезвычайно интересный.

Тем самым, наша команда
точка зрения
машины измерение. Старс
перейти машина ищется